ПК
15
Ф-53

УЧЕБНИКЪ
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

(Пособіе къ лекціямъ)

А. Н. Филиппова,
заслуж. орд. проф. ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Часть I.

Изданіе 5, измѣненное и дополненное.

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1914 г.

ПК
15
Ф53

УЧЕБНИКЪ
ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

(Пособіе къ лекціямъ)

А. Н. Филиппова,
заслуж. орд. проф. ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

ЧИТАЛЬНА ЗАЛА

Часть I.

Изданіе 5, измѣненное и дополненное.

Тв (32)
ф

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Маттисена.
1914 г.

03 Ф.3.
8956.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
124896/8

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 124896/8

Исторія русскаго права.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о наукѣ исторіи русскаго права.

Три основныхъ признака опредѣляютъ понятіе науки исторіи русскаго права и всѣ эти признаки вполнѣ точно и опредѣленно обозначаются уже въ самомъ наименованіи этой науки. Исторія русскаго права изучаетъ не всѣ явленія общественной жизни русскаго народа, но только явленія юридическія, касаясь другихъ, — какъ, напр., явленій религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и т. д., — лишь постольку, поскольку они стоятъ въ связи съ многовѣковымъ движеніемъ нашего права. — Она, далѣе, изучаетъ указанныя явленія не въ ихъ статикѣ, но въ ихъ динамикѣ, т.-е., она изучаетъ не ихъ состояніе въ данное время, но изслѣдуетъ ихъ происхожденіе, или образованіе, и слѣдитъ за ихъ постепеннымъ ростомъ отъ первичныхъ эмбріональныхъ стадій развитія до позднѣйшихъ. Она, наконецъ, изучаетъ образованіе и развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій не у всѣхъ культурныхъ народовъ, но лишь у одного народа, чѣмъ и объясняется ея эпитетъ: „исторія права русскаго“.

Задача исторіи права вообще и исторіи русскаго права въ частности.

Исторія русскаго права, подобно исторіи права другихъ культурныхъ народовъ, имѣетъ своею задачею прослѣдить и научно объяснить, на достовѣрныхъ фактахъ нашего прошлаго, зарожденіе и постепенное развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій, установить преемственную связь между ними, раскрыть причины, вызывавшія, въ тѣ или иныя эпохи, необходимость ихъ эволюціи и указать, наконецъ, на соотношеніе правовыхъ институтовъ минувшаго къ таковымъ же институтамъ позднѣйшаго времени. Юридическія понятія, — раскрывающіяся при послѣдовательномъ изученіи отдѣльныхъ поступательныхъ стадій народнаго сознанія о правѣ и отражающіяся такъ или иначе въ организаціи учрежденій и формулировкѣ юридическихъ нормъ даннаго момента

праворазвитія, — не являются величинами постоянными, извѣчно-данными, но, наоборотъ, величинами непрерывно-измѣняющимися, въ прямомъ соотвѣтствіи съ ростомъ всего сложнаго строя гражданскаго оборота данной страны. Какое бы юридическое понятіе мы ни взяли въ исторіи, — будь то понятіе народа и верховной власти, понятіе преступленія или наказанія, семьи или собственности, наконецъ понятіе учрежденія, вѣдающаго, вмѣстѣ съ другими, или раздѣльно, какія-либо функціи въ государствѣ, и т. д., и т. д. — каждое изъ нихъ пережило, въ теченіе вѣковъ, длинный рядъ измѣненій, прежде чѣмъ предстало предъ нами въ томъ развитомъ и расчлененномъ образѣ, въ какомъ оно является въ современныхъ юридическихъ теоріяхъ или законодательствахъ различныхъ странъ. Не всѣ звенья этой сложной и часто загадочной цѣпи роста юридическихъ понятій и учрежденій еще распутаны наукою, далеко невсегда ясно могутъ быть вообще обозначены наукою условія и факторы, повліявшія на измѣненія отдѣльныхъ юридическихъ нормъ и учрежденій. Но, несомнѣннымъ, однако, представляется одинъ общій выводъ, сдѣланный еще создателями т. наз. „исторической школы юристовъ“, а именно выводъ о закономѣрности и непрерывности вообще процесса правообразованія и праворазвитія. „Историческая школа“, по ученію Савиньи, „принимаетъ, что содержаніе права дано всѣмъ прошлымъ націи, а не призволомъ, такъ, чтобъ оно могло случайно сдѣлаться тѣмъ или другимъ, но что оно вышло изъ внутренней сущности націи и изъ ея исторіи“. Поэтому, надъ видимымъ хаосомъ безпорядочной смѣны однихъ юридическихъ нормъ и учрежденій другими, царитъ, въ дѣйствительности, строгая послѣдовательность правовыхъ явленій, причинная зависимость однихъ отъ другихъ, преемственность ихъ развитія. Эта преемственность развитія правовыхъ явленій, за скудостію свѣдѣній о древнихъ эпохахъ, невсегда можетъ быть, вполнѣ наглядно представлена при изученіи исторіи права, но ее во всякомъ случаѣ надо предположить, какъ нѣчто вполнѣ неизбѣжное. Авторъ извѣстнаго изслѣдованія о „Духѣ римскаго права“ Іерингъ вполнѣ справедливо отмѣтилъ, что „теперь уже признаютъ безспорнымъ, что право есть не внѣшнее собраніе произвольныхъ опредѣленій, которое обязано своимъ происхожденіемъ размышленію законодателя, но также какъ и языкъ народа, есть внутри образовавшійся и законченный продуктъ исторіи . . . Исторія образованія права протекаетъ въ постоянной зависимости отъ характера, степени развитія, матеріальныхъ отношеній, судебъ народа и, рядомъ съ тѣми могущественными историческими силами, которыми направляются исторіи права, содѣйствіе человѣческаго ума прев-

ращается въ ничто, если онъ, вмѣсто орудія, хочетъ быть творцомъ". Эти слова, хотя кратко, но вѣрно, въ общемъ, передаютъ безспорный выводъ, вытекающій изъ всего предшествовавшаго изученія исторіи права многими поколѣніями ученыхъ, а именно выводъ — о закономѣрности праворазвитія и о зависимости юридическаго строя даннаго времени и у даннаго народа отъ сложной совокупности цѣлаго ряда факторовъ. При этомъ надо, впрочемъ, отмѣтить, что сравнительная важность этихъ факторовъ праворазвитія оцѣнивалась, да и доселѣ еще оцѣнивается, весьма различно въ теоріяхъ, какъ отдѣльныхъ изслѣдователей, такъ и цѣлыхъ школъ: въ то время какъ, напр., одни выдвигаютъ на первое мѣсто экономическія или хозяйственныя условія времени, какъ важнѣйшихъ агентовъ правового строя, другіе, наоборотъ, думаютъ, что политическій складъ страны самъ по себѣ можетъ считаться достаточно-сильнымъ факторомъ праворазвитія, вліяющимъ на всѣ жизненныя отношенія даннаго союза, не исключая и экономическихъ; если, далѣе, одни ученые разсматриваютъ право, какъ явленіе психическое, то другіе склонны разсматривать право, какъ понятіе соціологическое и т. д. Историкъ права, конечно, долженъ принимать во вниманіе всѣ эти ученія о природѣ права и относительной важности отдѣльныхъ факторовъ его образованія, поскольку ихъ значеніе установлено въ наукѣ. Но, чтобъ не впасть въ односторонность и субъективность, онъ долженъ, на нашъ взглядъ, при изученіи отдѣльныхъ эпохъ праворазвитія, считаться со всѣмъ сложнымъ комплексомъ означенныхъ факторовъ, поскольку ихъ наличность можетъ быть выяснена изъ данныхъ самой изучаемой эпохи. Такъ, напр., слѣдя за эволюціею какого-либо юридическаго понятія — государства, семьи, собственности и т. д., — онъ долженъ отмѣчать вліяніе на его развитіе религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и иныхъ идей и условій даннаго времени, являющихся факторами, сопутствующими тому или иному фазису развитія даннаго понятія. Если историкъ права, изслѣдуя вліяніе этихъ факторовъ на праворазвитіе извѣстнаго момента, и можетъ останавливаться на указаніяхъ преимущественнаго значенія и дѣйствія однихъ изъ нихъ, сравнительно съ другими, то лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда сама изучаемая стадія историко-юридическаго процесса выдвигаетъ ихъ впередъ, какъ наиболѣе сильные и творчески первенствующіе, сравнительно съ другими. Несомнѣнно, что въ исторіи соотношеніе между факторами праворазвитія не остается величиною всегда постоянною, а это въ свою очередь обязываетъ историка права оцѣнивать взаимодѣйствіе такихъ факторовъ по степени важности ихъ въ дан-

ное время и у даннаго народа, принимая во вниманіе общую культуру изучаемой эпохи.

Слѣдя за относительною ролью и значеніемъ данныхъ факторовъ на образованіе и развитіе права, ставя правовыя учрежденія и нормы въ связь со всѣми условіями времени, подмѣчая, по возможности, не простую только смѣну юридическихъ явленій и ихъ отраженій въ жизни, но изучая ихъ генезисъ, внутренній органическій ростъ, моменты процвѣтанія и исчезновенія, пытаясь, наконецъ — при помощи главнѣйшимъ образомъ, эволюціоннаго метода изслѣдованія, оказавшаго столь блестящіе успѣхи въ области человѣческаго знанія вообще — раскрыть общіе законы правообразованія и праворазвитія, исторія права имѣетъ предъ собою, хотя чрезвычайно трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма высокую задачу. По справедливому замѣчанію извѣстнаго германиста Бруннера, какъ всякая исторія, такъ и исторія права работаетъ надъ возвышенною проблемою самопознанія человѣчества (an dem erhabenen Problem der Selbsterkenntnis der Menschheit). Проблема эта, — будучи общею для исторіи русскаго, нѣмецкаго, французскаго и всякаго иного права культурныхъ націй, — можетъ быть, несомнѣнно, выполнена, болѣе или менѣе плодотворно и широко лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе прошлыхъ судебъ своего національнаго права будетъ поставлено въ непосредственную связь, какъ съ изученіемъ таковыхъ же судебъ права у болѣе близкихъ, по происхожденію, или по культурѣ, народовъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ первоначальнымъ стадіямъ ихъ праворазвитія), такъ и съ изученіемъ исторіи права, подобно другимъ общественнымъ наукамъ, въ связи съ наукою объ обществѣ или соціологіею.

Если исторія права вообще, какъ указано выше, пытается раскрыть законы правообразованія и праворазвитія народовъ, если ея высокою проблемою является уясненіе основъ самопознанія человѣчества въ области права, въ его прошлой многовѣковой жизни, то исторія національнаго права, какъ наша наука, должна преслѣдовать ту же важную задачу по отношенію къ одной лишь части человѣчества, а именно — въ данномъ случаѣ — къ русскому народу. Исторія русскаго права есть исторія самопознанія русскаго народа, — какъ культурнаго цѣлаго — въ области права и справедливости, право русской націи въ ея тысячелѣтнемъ прошломъ. Но что такое нація и каково ея отношеніе къ цѣлому или человѣчеству? По утвержденію Іеллинека, съ которымъ должно согласиться, „націи суть не естественныя“ (подобно, напр., племени), „а историко-соціальныя образованія: группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ куль-

турныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ, а потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю". Нѣтъ сомнѣнія, что русская народность является однимъ изъ такихъ великихъ „историко-соціальныхъ образованій", такъ какъ въ своемъ прошломъ, въ своей религіи, языкѣ, литературѣ, искусствѣ, правѣ и т.-д., она хранитъ богатѣйшій запасъ своеобразныхъ „культурныхъ элементовъ", выдѣляющихъ ее въ особую типическую группу среди другихъ націй. Весь нашъ курсъ, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, будетъ посвященъ изученію этихъ культурныхъ элементовъ, объединившихъ на востокѣ Европы славянскія племена — вмѣстѣ со многими инородцами — въ единое цѣлое или націю, и мы не разъ будемъ отмѣчать послѣдовательный и прогрессивный ростъ нашего національнаго сознанія въ области права и не разъ будетъ убѣждаться въ наличности въ русской исторіи оригинальныхъ учрежденій и своеобразныхъ юридическихъ понятій, а равно и развитой народной юридической терминологіи, однимъ словомъ всего того, что въ области права — какъ и въ другихъ областяхъ культуры, — создавало въ теченіи вѣковъ для славянскихъ племенъ, осѣвшихся на великой равнинѣ восточной Европы, „общее историческое прошлое". Но это „общее историческое прошлое", будучи однимъ изъ необходимыхъ и при томъ важнѣйшихъ элементовъ націи, — элементовъ, выдѣляющихъ ее изъ другихъ культурныхъ группъ человѣчества, — не должно быть, однако, изучаемо, какъ уже сказано, безъ всякой связи съ историческимъ прошлымъ другихъ подобныхъ человѣческихъ группъ. По замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ права, проф. Владимірскаго-Буданова, подъ націею, — въ ея отношеніяхъ къ человѣчеству — надо разумѣть „часть человѣческаго рода, повторяющую въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальныхъ)". Видоизмѣняя и дополняя это опредѣленіе, мы бы сказали, что „нація" или „народность" есть культурный типъ человѣчества, повторяющій въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія, какъ въ формахъ особенныхъ (оригинальныхъ), такъ и въ общихъ, наблюдаемыхъ у другихъ культурныхъ типовъ человѣчества. Если это такъ, то изученіе культурныхъ элементовъ прошлой жизни данной націи или народности, — а однимъ изъ такихъ важныхъ элементовъ является право въ его поступательномъ многовѣковомъ движеніи — должно, какъ намъ кажется, вестись такимъ образомъ. Историкъ права данной народности долженъ, по 1-хъ, бережно и любовно отыскивать, а затѣмъ и подвергать тщательному изученію и анализу, всѣ тѣ особыя черты юридической физіономіи націи, которыя сложились подъ дѣйствіемъ особыхъ условій прошлаго своего народа и которыя

сохранились въ тѣхъ или иныхъ остаткахъ старины стародавней, донесенныхъ, такъ или иначе, потокомъ исторіи до нашихъ дней: во 2-хъ, памятуя, что, какъ особыя, такъ и общія черты этой юридической физіономіи націи повторяютъ въ себѣ, въ тѣхъ или иныхъ, иногда весьма своеобразныхъ сочетаніяхъ, общіе законы развитія, онъ долженъ, при случаѣ, сопоставлять ихъ съ соотвѣтственными формами и чертами, имѣвшими мѣсто въ исторіи права другихъ культурныхъ группъ человѣчества и, въ 3-хъ, наконецъ, исходя изъ того положенія, что національное право въ его историческомъ пропроцессѣ, — подобно языку, литературѣ, искусству и т. д., — не развивается, по крайней мѣрѣ у историческихъ народовъ, совершенно одиноко, безъ воздѣйствія иноземнаго, безъ многообразнаго и сложнаго взаимнаго общенія отдѣльныхъ народовъ, онъ долженъ принимать во вниманіе какъ случаи простого внѣшняго заимствованія, такъ и внутренняго усвоенія, или рецепціи, правовыхъ идей и учрежденій, поскольку то и другое обозначилось ясно въ исторіи даннаго національнаго права, оцѣнивая внимательно роль и значеніе этихъ идей и учрежденій въ новой средѣ, отмѣчая степень ихъ акклиматизаціи и т. д. Иначе говоря, если историкъ права данной народности, — слѣдя за многообразіемъ движенія юридическихъ институтовъ, подъ какими-бы, внутренними или внѣшними, вліяніями оно ни совершалось въ прошломъ, — долженъ возсоздать всѣ типичныя черты, выдѣляющія данную народность въ особую культурную группу человѣчества, то онъ въ то же время не долженъ забывать о связи своего національнаго права съ правомъ другихъ народовъ. Если задача перваго рода дастъ содержаніе всему нашему послѣдующему курсу чтеній и если поэтому на дальнѣйшемъ ея разъясненіи можно не останавливаться въ общемъ введеніи къ курсу, то, наоборотъ, на отношеніи исторіи русскаго права къ другимъ наукамъ, кратко указаннымъ уже выше, слѣдуетъ, хотя бѣгло, остановиться, чтобы имѣть нѣкоторый опредѣленный взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ.

Отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народовъ и къ соціологіи.

Въ немногихъ словахъ, отношеніе исторіи русскаго права въ исторіи права другихъ народностей, а затѣмъ и къ общей наукѣ объ обществѣ, или соціологіи, можетъ быть выражено въ такой примѣрной схемѣ. Исторія русскаго права, въ ея начальныхъ по крайней мѣрѣ, стадіяхъ, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь прежде всего съ исторіею права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ случаѣ не должна быть, какъ намъ кажется, игнорирована та постановка изученія исторіи права, какая въ настоящее время утвердилась въ Западной Европѣ, въ такъ на-

зываемой германистической школѣ. Германисты, изучая, напр., исторію права собственно-нѣмецкаго, въ числѣ необходимыхъ вспомогательныхъ для нея наукъ („als Hilfswissenschaften der deutschen Rechtsgeschichte“) вводятъ изученіе исторіи права другихъ германскихъ племенъ, а именно они (какъ, напр., Брунеръ), подъ наименованіемъ „Geschichte der Tochterrechte und der Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ различаютъ двѣ группы правовыхъ системъ, обозначавшихся въ исторіи германскихъ племенъ: одна, — такъ называемыя „Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ — вышла изъ общихъ германскихъ первоначальныхъ основъ: таково, напр., право норвежское, исландское, шведское и датское; другая группа, — такъ называемыя „Töchterrechte des deutschen Rechtes“, — создалась путемъ перенесенія германскими колонистами ихъ родного права на чужую почву: таково, напр., право англо-саксонское и англійское, французское и нидерландское. Въ правѣ чешскомъ, польскомъ, или, наприм., хорватскомъ, исторія русскаго права, подобно исторіи права нѣмецкаго, имѣетъ, по нашему мнѣнію, первую группу правовыхъ системъ, вышедшихъ изъ первоначальныхъ общеславянскихъ основъ, создававшихся еще въ тѣ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, когда, по сказанію русскаго лѣтописца, „бѣ единъ языкъ словѣнескъ“, т. е. одно славянское племя. Въ правѣ же литовско-русскомъ, изученіе коего сильно подвинулось впередъ въ послѣднее время, имѣется у насъ примѣръ второй изъ указанныхъ двухъ правовыхъ системъ. Подобно тому, какъ историки нѣмецкаго права, изучая право родственныхъ германскихъ племенъ, получаютъ черезъ это возможность болѣе глубоко касаться такихъ эпохъ его развитія, о которыхъ наличные, собственно-нѣмецкіе, источники права говорятъ очень мало, или даже не говорятъ ничего, подобно тому, какъ означенные историки уже прониклись твердымъ убѣжденіемъ, что памятники права родственныхъ германскихъ племенъ являются частію единственными, частію болѣе достовѣрными, средствами уясненія наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ древнѣйшаго нѣмецкаго права, историкъ русскаго, такъ и историкъ какого-либо славянскаго права, въ свою очередь, — если ему встрѣтится въ аналогичныхъ случаяхъ необходимость прибѣгнуть къ чужому праву — долженъ прежде всего пользоваться данными и выводами исторіи права славянскаго. Уже и теперь, при всей относительной молодости науки славянскаго правовѣдѣнія, имѣется какъ въ русской историко-юридической литературѣ, такъ и въ литературѣ другихъ славянъ рядъ цѣнныхъ изданій памятниковъ славянскаго права и ихъ толкованій, которыми необходимо пользоваться въ указанныхъ цѣляхъ, при изученіи, по крайней

мѣрѣ, первоначальныхъ эпохъ праворазвитія, когда простота и общность условій жизни оказывали еще свое объединяющее вліяніе на славянъ, либо еще жившихъ нераздѣльно, либо сравнительно недавно разошедшихся въ разныя стороны, а потому и сохранившихъ еще въ своемъ быту общіе правовые устои жизни [1]).

Если исторія права русскаго, какъ часть права общеславянскаго, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь съ исторіею права другихъ славянскихъ народностей, то въ свою очередь, исторія права славянскаго, наряду съ исторіею права германскаго, римскаго и другихъ народовъ, должна мыслиться, какъ составная часть всеобщей, или общей, исторіи права, или такъ наз. „сравнительнаго правовѣдѣнія", „сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія", или, какъ еще иногда называютъ эту науку, какъ часть „исторіи развитія права" (Entwickelungsgeschichte des Rechtes). Сравнительное-же правовѣдѣніе изучаетъ послѣдовательное развитіе права, на одинаковыхъ стадіяхъ общественности, у цѣлой группы народностей, — по крайней мѣрѣ у арійцевъ, — и затѣмъ пытается вывести общіе законы юридической эволюціи правовыхъ нормъ и учрежденій; оно является (вмѣстѣ съ сравнительною этнографіею, политическими, экономическими и другими общественными науками) частью одной общей науки, носящей наименованіе соціологіи. По мнѣнію соціологовъ, соціологія только и можетъ создать достаточно прочныя „научныя общности" (généralités scientifiques), на которыя должны опираться затѣмъ уже всѣ отдѣльныя общественныя науки. Такъ, по утвержденію одного изъ нашихъ ученыхъ, М. М. Ковалевскаго, „какъ наука конкретная, сравнительное правовѣдѣніе не можетъ обойтись безъ содѣйствія той абстрактной науки, какою по отношенію къ нему — какъ и къ исторіи вѣрованій, знаній, морали, экономики, политики искусства — является соціологія. Задача послѣдней изучить законы, управляющіе развитіемъ человѣческой солидарности и ея проявленій въ формахъ общежитія, независимо отъ всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ, то ускорящихъ, то тормозящихъ наступленіе высшихъ порядковъ общественности„. Поскольку эта чрезвычайно трудная и сложная задача можетъ

1) Общій обзоръ литературы по исторіи славянскаго права см. въ книжкѣ K. Kadlec'a „Nêkolik kapitol z oboru slovanského práva" (V. Praze. 1894 г.); по исторіи чешскаго права, сочиненіе Jan'a Kapras'a „Pravni dêjeni zemi koruny cesky", ч. I. (V. Praze, 1913 г.), гдѣ имѣются указанія на важнѣйшія сочиненія по исторіи права другихъ славянскихъ народовъ. Ср. также И. М. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ" (Х., 1892 г.) и проф. Ѳ. Ѳ. Зигеля „Лекціи по исторіи славянскихъ законодательствъ" (В., 1911 г.).

считаться уже выполненною столь молодою наукою, какъ соціологія, на это литература вопроса даетъ самыя разнорѣчивыя показанія. Если и надо, несомнѣнно, признать слишкомъ крайнимъ и поэтому едва ли справедливымъ мнѣніе одного изъ нашихъ выдающихся юристовъ, Б. Н. Чичерина, что „то, что носитъ названіе соціологіи, въ сущности ничто иное, какъ хаотическая смѣсь всякихъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ взглядовъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на наименованіе науки“, то, съ другой стороны, надо сознаться, что раскрытіе законовъ, управляющихъ „развитіемъ человѣческой солидарности“, есть дѣло очень еще отдаленнаго будущаго. Однако, и при современномъ своемъ состояніи, какъ общая исторія права, такъ и соціологія обладаетъ уже цѣлымъ рядомъ, достаточно обоснованныхъ и болѣе или менѣе признанныхъ, — по крайней мѣрѣ, въ данное время, — обобщеній [1]).

Эти-то обобщенія и должны приниматься во вниманіе при изученіи какъ общей, такъ и національной исторіи права. Право въ своемъ постепенномъ развитіи не живетъ особно и одиноко отъ всѣхъ другихъ факторовъ культуры даннаго времени, но, наоборотъ, по закону солидарности общественныхъ явленій, движется въ извѣстномъ гармоническомъ соотношеніи съ ними. Поэтому и изслѣдованія по исторіи права должны опираться „на широкое соціальное изученіе“. По остроумному сравненію французскаго ученаго Тарда, высказанному имъ въ докладѣ, прочитанномъ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 г., „сравнительная ретроспективная выставка оружія разныхъ націй сама по себѣ не имѣетъ значенія, но только въ связи съ тѣми битвами, которыя она объясняетъ, или которыя ее объясняютъ. Точно также, говоритъ Тардъ, сравненія различныхъ системъ права приводитъ къ научнымъ обобщеніямъ лишь тогда, когда оно связано со всѣмъ комплексовъ соціальныхъ явленій, которыя объясняютъ право и сами въ свою очередь объясняются правомъ“ [2]). Можно оспаривать — на нашъ взглядъ — тѣ или иныя соціологическія обобщенія, можно придавать имъ вообще временное, преходящее значеніе, допускать, что при дальнѣйшемъ движеніи науки они, можетъ быть, смѣнятся другими, но ихъ нельзя, однако, игнорировать вовсе при изученіи какъ

1) Примѣры обобщеній по общей исторіи права указаны у J. Kohler'a въ его статьѣ „Rechtsphilosophie und Universalrechtsgeschichte“, помѣщенной въ „Encyklopädie der Rechtswissenschaft“, изд. Holtzendorff'омъ (B., 1913 г., 7 изд.).

2) Ѳ. В. Тарановскій „Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в.“ Варшава, 1902 г., стр. 19.

всеобщей, такъ и національной исторіи права и нельзя потому, что такое игнорированіе означало бы ничто иное, какъ изолированіе изученія самаго права, какъ одного изъ факторовъ культуры, отъ всѣхъ другихъ подобныхъ факторовъ и могло бы привести къ невѣрному и одностороннему пониманію значенія и развитія самихъ юридическихъ институтовъ. Приведу для примѣра одно или два такихъ соціологическихъ обобщеній, имѣющихъ значеніе для исторіи права. Соціологи, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ опредѣляютъ эволюцію, какъ „измѣненіе безсвязной однородности въ связную однородность, являющееся слѣдствіемъ разсѣянія движенія и интеграціи вещества“. Примѣняя эту формулу къ изученію, напр., той или иной организаціи общества въ отдѣльныя историческія эпохи, говорятъ, что „расчлененіе общества на профессіи, состоянія, сословія, даетъ прекрасное приложеніе общаго начала дифференціаціи функцій и дифференціаціи движенія, совмѣстная-же дѣятельность классовъ, ихъ взаимныя услуги и общая работа иллюстрируетъ процессъ объединенія, интеграціи“. Или напр., изучая исторію государственныхъ учрежденій, отмѣчаютъ постепенное развитіе въ ихъ организаціи принципа дифференціаціи функцій, принципа, находящаго свое примѣненіе не въ одной только области права, но и въ другихъ явленіяхъ общественности. Что-же касается права, то исторія нашихъ центральныхъ учрежденій даетъ прекрасныя иллюстраціи постепеннаго отдѣленія законосовѣщательной (позднѣе-законодательной) функціи отъ административной и судебной. Таково, въ немногихъ словахъ, отношеніе какъ общей, такъ и національной, исторіи права къ соціологіи.

Коснемся теперь кратко отношенія сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія къ исторіи права національнаго. Всего 30—40 лѣтъ тому назадъ подъ сравнительнымъ изученіемъ права понимали лишь особый своеобразный методъ параллельнаго изслѣдованія какъ образованія, такъ и развитія правовыхъ институтовъ у нѣсколькихъ народностей, причемъ этотъ методъ примѣнялся главнѣйшимъ образомъ къ изученію первоначальныхъ, такъ сказать, эмбріональныхъ стадій развитія означенныхъ институтовъ. Теперь, однако, сравнительная исторія права, или сравнительное правовѣдѣніе, является уже особою и вполнѣ самостоятельною наукою, обладающею своимъ громаднымъ матеріаломъ для изслѣдованій, преслѣдующею при этихъ изслѣдованіяхъ свои особыя цѣли, примѣняющею при своихъ изысканіяхъ своеобразные пріемы. И если слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ тотъ же цитированный уже нами знаменитый германистъ Бруннеръ, причисляя сравнительную исторію права — въ особенности постольку, поскольку она касалась

арійскихъ народностей — къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи нѣмецкаго права, могъ, по справедливости, сказать, что, несмотря на то, что сравнительная исторія права, какъ наука, находится еще въ зачаткѣ, она уже вышла, однако, изъ стадіи дилетантизма, то въ два слѣдующихъ десятка лѣтъ развитіе этой науки подвинулось весьма далеко впередъ и не только въ западно-европейской, но и въ русской историко-юридической литературѣ наука эта имѣетъ теперь видныхъ представителей, которыми изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Въ какомъ же, однако, отношеніи должно стоять сравнительное правовѣдѣніе, какъ наука, къ исторіи права данной націи, или народности? Въ нашей историко-юридической литературѣ нерѣдко слышались голоса, а иногда они слышатся и теперь, о необходимости, на каѳедрѣ исторіи русскаго права, вести сравнительное изученіе права, ввиду того, между прочимъ, соображенія, что всеобщая исторія права теперь совсѣмъ не преподается у насъ, а каѳедра исторіи славянскихъ законодательствъ существуетъ въ одномъ только университетѣ (Варшавскомъ). Задача эта является, однако, совершенно невыполнимою нынѣ, прежде всего потому, что сравнительная, или всеобщая, исторія права выросла, какъ сказано, въ послѣднія въ 2 десятилѣтія въ особую и сложную науку, играющую весьма важную роль во всѣхъ соціологическихъ изысканіяхъ новѣйшаго времени, но науку притомъ, нисколько не упразднившую значенія исторіи права національнаго. Сравнительная, или всеобщая, исторія права не можетъ уже нынѣ, подъ видомъ сравнительнаго метода изученія права, уложиться или войти въ область исторіи права даннаго народа, а исторія ея обособленія въ отдѣльную науку повторяетъ собою тоже явленіе, какое имѣло мѣсто въ исторіи другихъ наукъ, напр., естественныхъ (гдѣ изъ зоологіи выдѣлилась сравнительная зоологія и т. д.). Такъ какъ сравнительное правовѣдѣніе, подобно исторіи права національнаго, имѣетъ свой особый громадный матеріалъ для изслѣдованія, свои особыя спеціальныя задачи, ставимыя учеными по соображенію ихъ общей связи съ развитіемъ каждой изъ этихъ наукъ, то думать, что исторія національнаго права, при современномъ состояніи науки, можетъ изучаться съ каѳедры сравнительно, значитъ, на нашъ взглядъ, налагать на эту науку совершенно непосильную и несвойственную ей задачу, значитъ превращать каѳедру исторіи національнаго (напр. — русскаго) права въ каѳедру общей исторіи права. Результаты, добытые нынѣ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, должно быть, конечно, извѣстны при изученіи исторіи права данной націи и ихъ надо, по возможности, имѣть въ виду при изученіи институ-

товъ своего родного права, но монографическія изысканія въ области сравнительной исторіи права не могутъ производиться при общихъ обзорахъ историческаго движенія своего права: сходства и различія въ этомъ движеніи и вообще связь національной исторіи права съ всеобщею исторію права должны, при изученіи права данной страны, нестолько доказываться, сколько указываться. Входить одной наукѣ въ лабораторію другой и въ ней производить свойственныя каждой наукѣ изслѣдованія, значитъ, при современномъ состояніи каждой изъ этихъ наукъ, лишь мѣшать другъ другу. Сравнительное изученіе національнаго права, конечно, настоятельно необходимо, но оно должно дѣлаться особо, главнымъ образомъ монографически, а не съ каѳедры исторіи даннаго права, такъ какъ иначе легко могутъ быть упущены изъ виду многіе вопросы исторіи національнаго права, да и выводы самой всеобщей исторіи права не будутъ изложены въ достаточной полнотѣ и опредѣленности. Такъ какъ къ тому же выводы всеобщей исторіи права касаются пока главнымъ образомъ древнѣйшихъ періодовъ исторіи, то они и должны относиться къ таковымъ же періодамъ исторіи своего родного права. При современномъ состояніи сравнительнаго правовѣдѣнія, занимающагося главнымъ образомъ изысканіями въ области первобытнаго или только древнѣйшаго права, нѣтъ возможности дѣлать сколько-нибудь важныхъ научныхъ обобщеній при изученіи позднѣйшихъ эпохъ праворазвитія, когда историческія судьбы отдѣльныхъ народностей такъ далеко расходятся другъ отъ друга, когда сочетаніе факторовъ, дѣйствующихъ на тотъ или иной характеръ развитія ихъ права, такъ прихотливо измѣняется и осложняется. Въ позднѣйшія эпохи праворазвитія нерѣдко, напр., такое явленіе, что учрежденія, носящія одно и то же наименованіе (напр. сената, государственнаго совѣта и т. п.), имѣютъ совершенно различное значеніе по своимъ функціямъ и положенію въ томъ или другомъ государствѣ, почему и сравнительное ихъ изученіе представляетъ чрезвычайныя трудности и нерѣдко можетъ быть мало плодотворно для какихъ-либо обобщеній. Вообще говоря, для болѣе позднихъ эпохъ исторіи развитія права возможность строго-научныхъ сравнительныхъ изслѣдованій только еще предвидится въ будущемъ, а тѣ попытки сравнительнаго изученія законодательствъ (но не права), — которыя дѣлаются въ послѣднее время какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ — далеко не соотвѣтствуютъ чисто теоретическимъ задачамъ сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ особой науки, и имѣютъ лишь практическое значеніе ознакомленія съ дѣйствующими законами, въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, изученіе

исторіи русскаго права болѣе позднихъ эпохъ ставитъ передъ историками этого права и свои особыя задачи; на одну изъ этихъ задачъ можно указать кратко теперь же. Исторія русскаго права, по отношенію къ послѣднимъ тремъ истекшимъ вѣкамъ, владѣетъ громаднѣйшимъ запасомъ неизданныхъ и совершенно неизслѣдованныхъ еще матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ нашихъ. Если по отношенію къ древнѣйшему русскому праву необходимымъ является, какъ уже сказано, приведеніе изученія исторіи права нашего въ связь съ исторіею права другихъ культурныхъ народовъ, прежде всего вслѣдствіи недостаточности нашихъ свѣдѣній о старо-давней культурѣ, то исторіи русскаго права послѣднихъ 3-хъ вѣковъ, необходимо прежде всего овладѣть тѣми законодательными и иными юридическими матеріалами, которые въ значительной части своей еще находятся въ архивахъ и ждуть изслѣдователей. Безъ этихъ матеріаловъ важнѣйшіе отдѣлы исторіи права, — какъ, напр., исторія учрежденій, сословій, исторія гражданскаго права и процесса и мног. др., — никогда не будутъ разработаны сколько-нибудь обстоятельно и въ соотвѣтствіи съ истиннымъ ихъ значеніемъ въ общемъ движеніи нашего права въ прошломъ, да и сами научные выводы, основанные на неполномъ знаніи указанныхъ матеріаловъ, явятся невполнѣ убѣдительными.

Указавъ на задачу исторіи права вообще и исторіи русскаго права въ частности, а равно и отмѣтивъ отношеніе исторіи русскаго права къ исторіи права другихъ народовъ и къ соціологіи, коснемся вопроса о системахъ, въ которыхъ она можетъ быть излагаема.

Системы изложенія исторіи русскаго права.

Такъ какъ развитіе юридическихъ нормъ и учрежденій шло въ нашей (какъ и всякой другой) исторіи права не по отношенію къ одному какому-либо отдѣлу права, а по отношенію ко всѣмъ частямъ его, т.-е., иначе говоря, въ исторіи измѣнялись какъ нормы права государственнаго, такъ и нормы права гражданскаго, уголовнаго, процесса и т. д., то при изученіи исторіи права не слѣдуетъ ограничиваться изученіемъ одного какого-либо отдѣла права, а должно послѣдовательно касаться всѣхъ тѣхъ частей его, которыхъ измѣненіе можетъ быть отмѣчено въ ту или иную эпоху праворазвитія. Согласно съ современнымъ научнымъ дѣленіемъ въ области права, обыкновенно, изучаютъ исторію права государственнаго, исторію права уголовнаго, исторію права гражданскаго и исторію процесса, или исторію судоустройства и судопроизводства, и сообразно съ этимъ изученіемъ, дѣлятъ исторію русскаго права на 4 большихъ раздѣла, или 4 части, подраздѣляя затѣмъ каждую изъ этихъ частей на особые подъотдѣлы. Возможно, однако, кромѣ

означеннаго дѣленія, держаться и другихъ, сообразно тѣмъ или инымъ взглядамъ даннаго ученаго на предметъ науки, на взаимное соотношеніе ея частей и пр.

Вопросъ о томъ, въ какой системѣ должно итти изученіе исторіи права даннаго народа, разрѣшался и разрѣшается различно въ общихъ научныхъ курсахъ. Не касаясь всѣхъ предлагавшихся учеными системъ изученія исторіи русскаго права, остановимся на краткомъ обзорѣ наиболѣе распространенныхъ. Прежде всего здѣсь надо отмѣтить бывшее до послѣдняго времени обычнымъ дѣленіе исторіи права на исторію права внѣшнюю и исторію права внутреннюю. Подъ внѣшней исторіею права разумѣютъ какъ исторію источниковъ права, или производящихъ право силъ, такъ и результатъ дѣятельности этихъ силъ — юридическіе обычаи, законы, судебныя рѣшенія и т. д., сохранившіеся въ тѣхъ или иныхъ памятникахъ права. Подъ внутреннею же исторіею права — исторію образованія и развитія самихъ юридическихъ нормъ и институтовъ. Изучая внѣшнюю исторію права, останавливаются на происхожденіи памятниковъ какъ обычнаго права, такъ и законодательства той или иной эпохи, будь то отдѣльные юридическіе акты, или-же сборники права, указываютъ на обстоятельства, вызвавшія ихъ къ жизни, пытаются раскрыть цѣли, руководившія ихъ составителями, опредѣляютъ тѣ первоисточники, на которыхъ основаны были эти памятники, разбираютъ систему ихъ содержанія, отмѣчаютъ ихъ связь съ памятниками права, имъ предшествовавшими и за ними слѣдовавшими и т. д. Изучая же внутреннюю исторію права, изслѣдуютъ зарожденіе или образованіе самихъ юридическихъ нормъ и институтовъ, слѣдятъ за ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и взаимнымъ соотношеніемъ, не касаясь уже исторіи составленія тѣхъ памятниковъ права, въ которыхъ находятся свѣдѣнія объ этихъ нормахъ и институтахъ. При этомъ изучаютъ данныя нормы и учрежденія въ той связи, въ какой это представляется болѣе удобнымъ, съ научной точки зрѣнія, для пониманія существенныхъ чертъ ихъ эволюціи и не считаются уже съ тою системою, въ которой эти нормы и учрежденія представлены въ тѣхъ или другихъ юридическихъ сборникахъ или въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ. Раздѣленіе исторіи права на исторію права внѣшнюю и исторію права внутреннюю исходитъ изъ того соображенія, что нельзя изучать исторію составленія памятниковъ и одновременно слѣдить за основными началами права и ихъ эволюціею (что составляетъ содержаніе внутренней исторіи права), такъ какъ нерѣдко составленіе памятниковъ права само по себѣ

является очень сложнымъ процессомъ, который необходимо обслѣдовать особо. Замѣтимъ кстати, что въ послѣднее время дѣленіе исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю оставляется уже учеными. Хотя дѣленіе это и опиралось доселѣ на ученіе Лейбница, но, въ дѣйствительности, совпадало съ дѣленіемъ Лейбница только въ терминологіи, такъ какъ Лейбницъ понималъ подъ внѣшнею и внутреннею исторіею права совсѣмъ не то, что понималось въ позднѣйшей литературѣ [1]). Однако, и не придерживаясь дѣленія исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю, приходится, по вышеуказаннымъ соображеніямъ, изучать исторію составленія памятниковъ права, ихъ первоисточники и систему, отдѣльно отъ изученія исторіи юридическихъ нормъ и учрежденій, что мы и будемъ дѣлать въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Другое весьма распространенное дѣленіе исторіи права — дѣленіе по періодамъ. Въ исторіи русскаго права, обыкновенно, различаютъ 3 періода, а именно періодъ земскій, или удѣльно-вѣчевой, обнимающій движеніе нашего права отъ IX до XIII вѣка включительно, періодъ московскій отъ XIV до XVII вѣка включительно, и періодъ имперіи, или петербургскій, обнимающіи собою XVIII и XIX вѣка. Излагая исторію права по періодамъ, изучаютъ всю совокупность явленій юридической жизни страны, т. е. касаются не одного какого-либо раздѣла права (напр., исторіи права государственнаго, или уголовнаго, или гражданскаго и т. д.), а всѣхъ ихъ вмѣстѣ, при чемъ, въ предѣлахъ каждаго періода, изучаютъ источники права особо. Основаніемъ дѣленія исторіи права на періоды служитъ то соображеніе, что каждому періоду исторіи соотвѣтствуютъ извѣстныя особыя, ему лишь свойственныя, черты правообразованія и праворазвитія и что при совокупномъ изученіи всего движенія права въ предѣлахъ даннаго періода яснѣе могутъ быть представлены всѣ его особенности, отличающія его отъ другихъ періодовъ. Наконецъ третьею весьма распространенною системою изученія исторіи права является изученіе ея по отдѣламъ права, или по институтамъ. Такъ, напр., можно изслѣдовать сперва всѣ учрежденія и нормы

---

1) Ѳ. В. Тарановскій „Лейбницъ и такъ называемая внѣшняя исторія права“ (С.-П., 1906 г.). По выводу названнаго автора, подъ внутреннею исторіею права Лейбницъ понималъ „исторію права, разсматриваемаго обособленно отъ прочихъ сторонъ общественной жизни“, и подъ внѣшнею — историческое изученіе той ближайшей внѣшней соціальной среды, въ которой развивалась и безъ знакомства съ которой не можетъ быть надлежащимъ образомъ понятна та или другая система или отрасль положительнаго права“ (стр. 35). Отсюда ясно, что мысль Лейбница была совсѣмъ иная.

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА

исторіи права государственнаго, затѣмъ перейти къ изученію исторіи институтовъ права гражданскаго, наконецъ, права уголовнаго и процесса, производя изученіе каждаго отдѣла отъ начала государственной жизни страны до позднѣйшаго времени, оставливаясь, такъ сказать, на порогѣ современности. При этомъ, въ свою очередь можно подраздѣлять каждый изъ этихъ отдѣловъ права на тѣ или другіе періоды. Эта система имѣетъ также свои достоинства; благодаря ей, является возможность болѣе отчетливо представить движеніе всѣхъ институтовъ даннаго отдѣла права отъ древнѣйшаго до новѣйшаго времени, не перебивая ихъ изученія изложеніемъ историческихъ судебъ институтовъ другого отдѣла права (напр. изученія институтовъ государственнаго права — институтами права гражданскаго и т. п.). Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ держаться указанной выше 3-ьей системы изученія исторіи нашего права, а именно изложимъ прежде всего, въ указанныхъ трехъ періодахъ [1]), исторію права государственнаго отъ IX по XIX вѣкъ, а затѣмъ перейдемъ къ исторіи права уголовнаго, исторіи права гражданскаго и, наконецъ, процесса предпосылая очерку государственнаго права каждаго періода краткій обзоръ его источниковъ.

---

1) Мы не находимъ удобнымъ, въ интересахъ цѣльности, дробить наше изложеніе институтовъ права на большее число періодовъ, какъ это предлагается нашими историками, но мы будемъ, однако отмѣчать, при изученіи эволюціи нормъ и учрежденій, всѣ характерныя черты, отличающія Русь Кіевскую, или феодальной, отъ Руси удѣльной, первые вѣка московскаго періода отъ московскаго царства, XVIII столѣтіе отъ XIX-го, поскольку, конечно, эти черты проявились въ измѣненіи нормъ нашего права.

Часть I.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Періодъ I.

ОТДѢЛЪ I.

Источники права[1]).

Глава I.

Обычное право.

Обычное право и его характерныя особенности въ древнее время.

Древнѣйшимъ и главнѣйшимъ источникомъ первобытнаго права является такъ называемое обычное право, подъ которымъ надо разумѣть совокупность юридическихъ нормъ, создающихся независимо отъ предписаній законодательной власти и выражающихся въ народныхъ обычаяхъ и обрядахъ. Въ незапамятныя, доисторическія еще времена стали слагаться эти обычаи и обряды въ тѣхъ союзахъ людей, которые предшествовали образованію государства. Въ этихъ союзахъ, — будь то родовая огранизація, племя, или народъ,

---

1) Указанія на литературу по исторіи русскаго права вообще и на литературу объ источникахъ нашего древняго права въ частности можно найти: во 1-хъ, въ книгѣ проф. Н. П. Загоскина — „Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература“. (Казань 1891 г.) и въ его-же сочиненіи — „Исторія права русскаго народа“ — (Томъ I, Каз., 1899 г.), гдѣ даются дополнительныя свѣдѣнія по литературѣ исторіи права за послѣдніе годы; во 2-хъ въ „Исторіи русскаго права“ Ѳ. И. Леонтовича (Выпускъ I, Варшава, 1902 г., „Литература исторіи русскаго права“). Для ознакомленія съ первоисточниками права перваго періода необходимо имѣть въ виду обзоры первоисточниковъ, сдѣланные какъ въ общихъ курсахъ по исторіи русскаго права, — каковы курсы проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова („Обзоръ исторіи русскаго права“, изданіе IV, Кіевъ, 1905 г.), В. И. Сергѣевича („Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“, III. изданіа, С.-П., 1903 г.), П. Н. Мро-

какъ совокупность нѣсколькихъ племенъ, — были уже извѣстныя свои представленія о правѣ и справедливости, первоначально тѣсно связанныя съ религіею данныхъ союзовъ и стойко защищаемыя ими въ жизни, въ интересахъ развитія самихъ союзовъ и поддержанія въ нихъ необходимаго мира и спокойствія. Эти представленія о правѣ, выражавшіяся въ юридическихъ обычаяхъ и обрядахъ, не могли, конечно, быть вездѣ одинаковы, а, наоборотъ, сильно отличались своимъ содержаніемъ другъ отъ друга, смотря во 1-хъ потому, интересы какого союза они защищали (рода, племени, народа), и во 2-хъ потому, на какой ступени развитія стоялъ данный союзъ. Человѣчество, даже въ любой изъ наиболѣе даровитыхъ своихъ народностей, никогда не представляетъ собою какой-либо однородной массы, одинаково быстро, во всѣхъ частяхъ своихъ, совершающей переходъ отъ одной стадіи праворазвитія къ другой и одинаково легко сбрасывающей съ себя формы устарѣлыхъ понятій и отношеній: милліоны отстаютъ въ этомъ движеніи и отстаютъ при томъ весьма неравномѣрно, почему у однихъ дѣйствуютъ нравы и обычаи одного порядка, у другихъ — другого. Народная масса поэтому представляетъ собою всегда и вездѣ разнообразные пласты многихъ историческихъ наслоеній. Уже въ древнѣйшее время, даже близкія, по крови, племена сильно отличались другъ отъ друга своими нравами и обычаями, а это наглядно показываетъ, что они одновременно переживали разныя стадіи своего культурнаго развитія. Это отличіе племенъ по ихъ нравамъ и обычаямъ отмѣчено и нашею лѣтописью. По лѣтописному разсказу племена, населявшія восточную равнину Европы, „имяху обычаи свои и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ“, причемъ нерѣдко эти нравы племенъ были совершенно непохожи другъ на друга; такъ, поляне, напр., „отецъ своихъ обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье (имѣютъ) къ снохамъ своимъ, и къ сестрамъ, къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ и къ деверямъ велико стыдѣнье имѣху; брачные обычаѣ имѣху“, и пр.; наоборотъ, древляне „живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядаху вся нечисто, и брака у нихъ не бываша, но умыкиваху у воды дѣвицы . . .“ Германскія лѣтописи также говорятъ объ особыхъ обычаяхъ отдѣльныхъ германскихъ пле

чекъ-Дроздовскаго („Исторія русскаго права“, М., 1892 г.) М. А. Дьяконова („Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“, т. I, С.-П., изд. 1912 г.) и др.. — такъ и въ спеціальномъ курсѣ проф. М. Н. Ясинскаго „Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права“. (Выпускъ I. Введеніе. Исторія источниковъ права перваго земскаго періода. Кіевъ. 1898 г.).

менъ и нерѣдко отмѣчаютъ партикуляризмъ ихъ представленій о правѣ. Это не значитъ, конечно, что древніе славяне и германцы, какъ и другіе арійцы, не имѣли вовсе общихъ пра-основъ своей культуры. Несомнѣнно, что, принадлежа всѣ къ одной индоевропейской семьѣ, они „вынесли“, — говоря словами Фюстель де Куланжа, — „изъ своей общей колыбели (въ центральной Азіи) общую основу вѣрованій, языка, мыслей, соціальныхъ учрежденій; только одни народы, вышедшіе изъ ихъ числа, получивъ отдѣльное существованіе, прогрессировали быстро, другіе медленно. Сначала эллины, потомъ италійцы, и, наконецъ, галлы, увеличили культурною работою свои интеллектуальныя силы; германцы, наоборотъ, не могли совершить тѣхъ же успѣховъ, благодаря суровому климату и неблагопріятной почвѣ своей страны, покрытой лѣсами и болотами“ [1]). Едва ли не тяжелѣе германскихъ были историческія судьбы славянскихъ племенъ вообще и, въ частности, славянорусскаго племени, которому, наравнѣ съ борьбою съ суровою природою, пришлось еще вести многовѣковую борьбу съ дикими ордами печенѣговъ, половцевъ, татаръ и т. д., а равно и стоять неизмѣримо дальше, чѣмъ стояли германцы, отъ высокой культуры эллино-италійскаго міра. „Общія основы культуры, вынесенныя изъ общей колыбели“ получили, естественно, при этомъ различное развитіе въ исторіи отдѣльныхъ славянскихъ племенъ и наша лѣтопись отмѣчаетъ это уже для самыхъ древнихъ временъ ихъ жизни.

Если этотъ партикуляризмъ древняго обычнаго права является одною изъ характерныхъ его особенностей, то неменѣе важно отмѣтить и другую его особенность, а именно индивидуализмъ обычнаго права, присущій его положеніямъ, впрочемъ, и донынѣ. Нормы обычнаго права вездѣ, какъ извѣстно, отличаются большею индивидуальностью и подвижностью. Пословицы — „что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай“, „co kraj, to obyczay“, „koliko je sela, toliko je navicaja“ и т. д., — извѣстныя и у славянъ, отлично выражаютъ этотъ индивидуализмъ юридическихъ обычаевъ, измѣняющихся и „глядя по человѣку“, къ которому они примѣняются, и смотря по условіямъ мѣста и времени, наконецъ, по принадлежности человѣка къ той или иной разновидности, даже иногда одной мелкой части, какой-либо этнографической группы. Этотъ индивидуализмъ нормъ обычнаго права въ древности, какъ и нынѣ, не исключалъ возможности существованія въ народѣ преобла-

1) Фюстель-де Куланжъ „Исторія общественнаго строя древней Франціи“ (С.-П. 1904 г.), т. II, стр. 347 сл. русскаго перевода подъ редакціей проф. Гревса.

дающихъ правовыхъ представленій, коими регулировались, по большей части, тѣ или иныя жизненныя отношенія. Признать, что такихъ представленій не существовало, значитъ допустить, что жизнь народная находилась (или нынѣ находится) въ состояніи полнаго разложенія и не имѣетъ въ себѣ ничего цѣльнаго и опредѣленнаго. Если, однако, эта видимая измѣнчивость юридическихъ обычаевъ такъ бросается въ глаза, то это объясняется отчасти слѣдующимъ обстоятельствомъ. Несомнѣнно, что основное отличіе нормъ закона отъ нормъ обычнаго права то, что въ первыхъ необходимо предполагается элементъ формальной обязательности выполненія, во вторыхъ же — такого элемента почти нѣтъ. Если законъ выполняется не только по внутреннему убѣжденію въ его полной справедливости, но и потому, что онъ законъ, то нормы обычнаго права имѣютъ юридическое значеніе только тогда, когда общее согласное мнѣніе извѣстной округи признаетъ необходимость ихъ примѣненія въ данномъ случаѣ, и при данныхъ, наличныхъ условіяхъ. Пока внутреннее убѣжденіе каждаго примиряется съ ихъ примѣненіемъ къ себѣ лично, нормы эти дѣйствуютъ. Достаточно, однако, ряду сильныхъ личностей возстать противъ нихъ, противупоставить имъ иныя новыя нормы и, при случаѣ, настаивать энергично на примѣненіи послѣднихъ, чтобъ первыя пришли въ нѣкоторое колебаніе, иногда въ ожесточенную борьбу со вторыми, и болѣе или менѣе постоянное и послѣдовательное примѣненіе однѣхъ стало бы встрѣчать препятствіе со стороны другихъ. Неудивительно, что, какъ въ старину, такъ и нынѣ, наблюдая волнующуюся поверхность народной жизни, мы находимъ въ ней иногда такое разнообразіе обычаевъ, такую смѣну однихъ другими, что этотъ видимый калейдоскопъ можетъ заставить думать, что здѣсь не было, да и нынѣ нѣтъ, устойчивыхъ принциповъ, руководящихъ дѣйствіями людей, нѣтъ болѣе или менѣе господствующихъ нормъ отношеній. Но это, однако, невсегда такъ. Что въ народѣ, какъ и вездѣ, происходила издревле и происходитъ нынѣ борьба однихъ началъ жизни съ другими, что начала новыя, то вытѣсняютъ старыя, то уживаются нерѣдко съ ними рядомъ, значительно, впрочемъ, уменьшая ихъ значеніе, это не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію. Но нигдѣ, однако, процессъ переработки юридическихъ понятій и формъ быта не происходитъ столь медленно, какъ въ народѣ. Здѣсь уживаются рядомъ обломки, нетолько многихъ, создавшихся раньше, историческихъ наслоеній, но и позднѣйшихъ разнодѣйствующихъ вліяній, причемъ переживанія часто мѣшаютъ развитію началъ новыхъ, соотвѣтствующихъ условіямъ данной дѣйствительности, а нетолько примѣняющихся по традиціи. Отдѣливъ эти новыя

начала, мы замѣчаемъ, что міръ понятій народныхъ въ области права не такъ богатъ перемѣнами, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда и что онъ, кромѣ того, всегда почти бережно и упорно хранитъ въ себѣ прадѣдовскіе взгляды, нравы и обычаи. Поэтому консерватизмъ обычнаго права является его третьею характерною особенностью, отмѣчаемой уже въ отдаленнѣйшіе древнѣйшіе періоды нашей исторіи и отвѣчающей извѣстной косности народнаго быта въ теченіи многихъ вѣковъ, косности, неутратившей своего значенія и донынѣ. Этотъ консерватизмъ обычнаго права, несомнѣнно, находится въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ индивидуализмомъ его правовыхъ нормъ, но это противорѣчіе уживается, какъ и многія другія противорѣчія, въ жизни народной, приводя, между прочимъ, къ тому послѣдствію, что нормы обычнаго права очень трудно поддаются какъ констатированію, такъ и общей формулировкѣ. Они живутъ, большею частью, въ народѣ въ видѣ обычаевъ и обрядовъ, символовъ и пословицъ, передаются изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ достойныя уваженія преданья дѣдовъ и прадѣдовъ. Словесная передача, при своей живости и силѣ народной памяти, невсегда, однако, является достаточной гарантіею того, что обычай или обрядъ сохраняется передающимъ его лицемъ въ полной своей неприкосновенности и не поддается вліянію времени, субъективизму повѣствующаго о немъ и т. п., хотя народная поговорка и гласитъ, что „по старой памяти, какъ по грамотѣ“. Въ особенности эта словесная передача юридическаго преданія могла оказаться недостаточною тогда, когда сами нормы обычнаго права данной этнографической группы стали приходить въ колебаніе, когда старые завѣты встрѣчаются съ новыми взглядами, когда, наконецъ, является болѣе или менѣе спорнымъ, какіе же собственно обычаи, старые или новые, надо считать преобладающими, лучшими и т. п. Неудивительно, что уже въ древнѣйшее время, какъ только начинаетъ нѣсколько распространяться грамотность, является потребность въ записи народныхъ обычаевъ и такими записями, въ значительной мѣрѣ, являются первоначальныя народныя „правды“, leges barbarorum и т. п., въ которыхъ и формулируются такъ или иначе юридическія нормы обычнаго права даннаго племени, или народа.

Современное народное обычное право, какъ историко-юридическій матеріалъ.

Древнѣйшимъ и главнымъ источникомъ права является, какъ сказано, обычное право. Спрашивается, какими средствами владѣетъ наука исторіи права для ознакомленія съ этимъ источникомъ? Съ того времени, какъ юридическіе обычаи и обряды нашихъ предковъ стали записываться, эти записи обычаевъ явились, конечно, надежнымъ

способомъ для изученія древнѣйшихъ правовоззрѣній народныхъ. Но, однако, юридическіе обычаи и обряды создались задолго до появленія письменности и, вѣроятно, въ теченіи многихъ вѣковъ передавались изустно. Затѣмъ и тогда, когда они стали записываться въ тѣхъ или иныхъ памятникахъ литературы или права, воззрѣнія нашихъ предковъ на право изображались въ этихъ памятникахъ далеко не въ той полнотѣ, какая была-бы желательна для всесторонняго изученія древняго ихъ быта.

Изученіе исторіи права, имѣющее конечною своею цѣлью раскрытіе законовъ развитія нашего правосознанія въ его прошедшемъ, постоянно наталкивается, подобно изученію исторіи вообще, на большія трудности. Эти трудности прежде всего заключаются въ состояніи источниковъ нашего знанія этого прошедшаго, въ тѣхъ памятникахъ права и быта, которые дошли до насъ. То эти памятники умалчиваютъ вовсе объ извѣстныхъ явленіяхъ, безъ знанія которыхъ невозможно данное научное построеніе, то говорятъ объ учрежденіяхъ и нормахъ права неясно, языкомъ, требующимъ многихъ усилій для своего пониманія, то, наконецъ, просто противорѣчатъ одинъ другому въ своихъ извѣстіяхъ о томъ или иномъ интересующемъ науку вопросѣ. Кромѣ того, въ памятникахъ древнѣйшаго права народные обычаи нерѣдко являются не въ своемъ первоначальномъ чистомъ образѣ, но видоизмѣняются подъ вліяніемъ ростущаго значенія государственной власти, церкви и другихъ факторовъ жизни, какъ, напр., новыхъ экономическихъ условій. Недостаточность нашихъ знаній о прошедшемъ усиливается съ большимъ и большимъ удаленіемъ изслѣдователя въ глубь вѣковъ и частью объясняетъ собою ту массу разнорѣчивыхъ теорій и гипотезъ, которыя болѣе всего создавались и создаются для уясненія именно древнѣйшихъ стадій развитія человѣчества. Послѣднее очень понятно, если принять во вниманіе, что пытливый умъ человѣка никогда не можетъ отказаться отъ законнаго стремленія найти тотъ или другой отвѣтъ на волнующіе его вопросы, рѣдко успокаиваясь на томъ, что для вѣрнаго заключенія о нихъ недостаточно еще имѣется фактовъ. Мало ихъ, или нѣтъ ихъ вовсе, строится гипотеза, часто оправдывающаяся потомъ, при большемъ наборѣ фактовъ (особенно, если строитель былъ геній, по одному, двумъ обломкамъ умѣющій возсоздать цѣлую картину зданія), но еще чаще не оправдывающаяся въ дѣйствительности: создается замокъ, которому никогда не бывало и мѣста въ земной юдоли.

Указанное состояніе памятниковъ древняго права и быта заставляетъ ученыхъ не ограничиваться только тѣми свѣдѣніями, какія въ нихъ содержатся, но и искать остатковъ ста-

рины вездѣ, гдѣ это только возможно. Такъ, неограничиваясь изученіемъ остатковъ юридическихъ древностей даннаго народа, привлекаютъ къ изученію т. н. бытовыя, добытыя при раскопкахъ, древности, что, однако, въ общемъ, даетъ малоудовлетворительные результаты. Затѣмъ, юридическія древности даннаго народа изучаютъ сравнительно съ таковыми-же древностями другихъ народовъ. Наконецъ, въ частности, по отношенію къ древнему обычному праву — его изучаютъ сравнительно съ современнымъ народнымъ правомъ и сопоставляютъ юридическіе символы и обряды, юридическія пословицы и терминологію древняго права съ тѣми, какіе сохранились еще понынѣ въ народныхъ обычаяхъ и правѣ [1]). Какъ уже указывалось кратко выше, въ народѣ доселѣ живутъ и дѣйствуютъ, то въ качествѣ такъ называемыхъ переживаній и анахронизмовъ, то въ видѣ еще доселѣ правомѣрно-дѣйствующихъ нормъ, такіе обряды, нравы и обычаи, которые могутъ пролить яркій свѣтъ на самыя отдаленныя и угаснувшія формы людскихъ отношеній, о которыхъ стародавніе памятники быта и письменности либо говорятъ лишь мелькомъ, иногда мало-понятными намеками, либо не говорятъ ничего вовсе. У однихъ народовъ этихъ историческихъ наслоеній и остатковъ старины, сохранившихся донынѣ, наблюдается больше, у другихъ — меньше, но они вездѣ есть. Западно-европейская наука, касаясь культурной исторіи человѣчества, усердно пользуется ими для уясненія тѣхъ или иныхъ вопросовъ первоначальной жизни народовъ, хотя эти стародавнія наслоенія, — по крайней мѣрѣ, для пониманія наиболѣе древнихъ періодовъ исторіи, — именно на Западѣ Европы все болѣе и болѣе исчезаютъ въ народной массѣ, которая тамъ быстрѣе, чѣмъ у насъ, воспринимаетъ, по разнымъ причинамъ, внѣшнія черты прогресса. Остается, однако, среди великихъ историческихъ народовъ, одинъ міръ народовъ, еще едва, можно сказать, открываемый въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, но міръ, тѣмъ не менѣе, весьма богатый остатками стародавней культуры, а именно — міръ славянскій вообще и русскій — въ частности. Многія причины сохранили въ немъ въ патріархальной чистотѣ тѣ устои древнихъ формъ общежитія, которые даютъ историку культуры вообще и историку права — въ частности обильнѣйшій матеріалъ для изслѣдованія. Неудивительно,

---

1) Громадная литература русскаго обычнаго права указана въ обширномъ трудѣ Е. И. Якушкина „Обычное право. Матеріалы для библіографіи обычнаго права“ (Ярославль, 1875 г., в. I, 1896 г., в. II. М. 1908 г., вып. III, М. 1909 г., вып. IV); общій очеркъ древнѣйшаго обычнаго права славянъ вообще и русскихъ въ особенности см. въ кн. Н. П. Загоскина „Исторія права русскаго народа“, т. I, стр. 439 и сл.

что, въ цѣломъ, современное обычное народное право является для исторіи права отличнымъ матеріаломъ, такъ какъ консерватизмъ народной массы сохранилъ въ народѣ рядъ такихъ обычаевъ и обрядовъ, которые идутъ изъ сѣдой старины и наглядно объясняютъ многія стороны ея жизни, возсоздать которыя на основаніи однихъ только древнихъ памятниковъ представляется весьма затруднительнымъ.

„Переживанія“ и ихъ значеніе для объясненія древнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ и обрядовъ.

Въ доказательство сказаннаго, обратимся къ матеріалу нашего дѣйствующаго обычнаго права и на немъ постараемся, хотя бѣгло, доказать вышеозначенное положеніе о значеніи для исторіи права этого живого источника народной мысли.

Прежде всего, остановимся на фактахъ такъ называемыхъ переживаній. Подъ переживаніями разумѣются такіе обряды и обычаи, отъ которыхъ сохранилась въ современномъ быту лишь форма, само же содержаніе ихъ совершенно не соотвѣтствуетъ уже условіями этого быта. Консерватизмъ массъ народныхъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ, особенно „при отдаленности населенія отъ центровъ общегражданскаго оборота, при удержаніи примитивныхъ формъ производства“ и т. д., сказывается въ особой любви ко всему стародавнему, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что „позднѣйшія по времени формы общежитія не вытѣсняютъ собою сразу всѣхъ слѣдовъ предшествующаго имъ по времени порядка“ [1]). Эти формы переживаютъ свое содержаніе, и переживаютъ его на цѣлыя столѣтія. Весь строй жизни противорѣчитъ имъ, онѣ давно замѣнены другими въ обыденной жизни, но онѣ свято чтятся и соблюдаются. Замѣчательно при этомъ, что само мѣсто, гдѣ онѣ являются, уже открываетъ ихъ значеніе: по большей части изслѣдователь находитъ ихъ въ тѣхъ торжественныхъ, выходящихъ изъ ряда обыденныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, актахъ, когда человѣкъ особенно чувствуетъ себя связаннымъ торжественной обрядностью, которую онъ выполняетъ какъ-то безсознательно, оправдываясь тѣмъ соображеніемъ, что это де все „не нами повелось, не нами и кончится“, что „сказка — складка“, что „изъ пѣсни слова не выкинешь“ и т. д. Очень часто при этомъ, примѣняя тѣ или иные обычаи и обряды, люди не могутъ дать объясненій о смыслѣ этихъ обычаевъ, и обрядовъ, что лучше всего свидѣтельствуетъ объ утратѣ ими представленія о томъ бытѣ, которому они соотвѣтствовали когда-то, въ далекой старинѣ. Богатѣйшему у насъ

1) М. М. Ковалевскій: „Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи“. М., 1880 г., стр. 27 и слѣд.

доселѣ въ народѣ свадебному ритуалу [1]) наука обязана яснымъ представленіемъ о древнѣйшихъ формахъ заключенія индивидуальнаго брака, о смѣнѣ ихъ одна другою, представленіемъ, нашедшимъ здѣсь значительныя дополненія къ нашимъ историческимъ свѣдѣніямъ о томъ же. Гипотезы ученыхъ о такъ называемыхъ материнствѣ, гетеризмѣ, эндогаміи и экзогаміи, объ установленіи первоначальнаго родства и моногамической семьи, равно какъ и многія другія, относящіяся въ вопросу о древнѣйшемъ бытѣ человѣчества, не могли бы обойтись безъ тѣхъ обширныхъ данныхъ, которыя, какъ переживанія, сохранились въ народныхъ пѣсняхъ, легендахъ, различныхъ символическихъ обрядахъ и т. д. [2]).

Черты зачаточнаго состоянія обычнаго народнаго права.

Отдѣливъ пластъ переживаній, изслѣдователь находитъ далѣе въ современномъ обычномъ правѣ еще нѣсколько рядовъ наслоеній. Присутствіе ихъ въ народной средѣ необъяснимо однимъ только консерватизмомъ мысли, безсознательно ихъ поддерживающимъ. Помимо его, одни изъ явленій обычнаго права суть результатъ общей отсталости въ развитіи правосознанія, замѣчаемой въ народныхъ массахъ въ той или иной мѣрѣ; другія — естественное слѣдствіе дѣйствія сходныхъ причинъ, приводящихъ къ сходнымъ явленіемъ. Остановимся сначала на тѣхъ явленіяхъ обычнаго права, которыя знаменуютъ собою отчасти его зачаточное состояніе, отчасти же, хотя и высшее сравнительно, но далеко еще не вполнѣ развитое. Наблюдая эти категоріи явленій, историкъ точно читаетъ варіанты или новыя разъясненія къ различнымъ историческимъ эпохамъ, страннымъ образомъ, уживающіяся рядомъ другъ съ другомъ. Такъ, извѣстно, напр., что историки древнѣйшаго германскаго и славянскаго права, желая охарактеризовать его зачаточное состояніе, отмѣчаютъ богатѣйшій символизмъ, одѣвающій каждую юридическую сдѣлку и необходимо требумый для ея дѣйствительности. Изслѣдователи нашего обычнаго права говорятъ о томъ же явленіи, какъ объ особенности, характеризующей состояніе народнаго правосознанія. Договоръ, напр., по обычному праву считается заключеннымъ только тогда, когда онъ облеченъ въ извѣстное символическое „дѣйство“, безъ котораго онъ даже и не мыслится, не понимается народомъ.

---

1) О немъ данныя см. у А. Г. Смирнова: „Очерки семейныхъ отношеній по русскому праву“. М., 1877 г., и у Сумцева: „Свадебныя пѣсни“. Харьковъ 1880 г.

2) Ковалевскій „Современный обычай и древній законъ“, М. 1886 г.; его-же „Первобытное право“ (М., 1886 г.), выпускъ I „Родъ“; выпускъ II „Семья“.

Какъ первоначальный языкъ бѣденъ отвлеченными понятіями и ихъ выраженіями въ словѣ, такъ бѣдно ими и право въ начальныя эпохи своего развитія. Замѣняя этотъ первобытный языкъ, символическія дѣйствія правового характера представляются очень важными для уясненія исторіи зарожденія и первоначальной природы почти любого изъ юридическихъ институтовъ. Разсмотримъ, какъ примѣръ, нѣкоторые обряды, сопровождающіе у насъ куплю-продажу. Эти обряды можно раздѣлить на двѣ группы. Одни показываютъ, что наложеніемъ руки на предметъ, прикосновеніемъ къ нему, человѣкъ пріобрѣлъ право на вещь, освоилъ ее себѣ. Безъ этого прикосновенія немыслимо было когда-то пріобрѣтеніе права собственности на вещь и тамъ, гдѣ вещь почему-либо не могла быть передана въ моментъ договора, передавался какой-нибудь ея условный эквивалентъ, напримѣръ, колосъ — festuca древне-германскаго права, дернъ — при отчужденіи земли [1]) и т. д. Интересно, что, когда собственникъ терялъ какимъ-либо образомъ свою вещь и потомъ находилъ ее въ рукахъ другого, онъ, прежде чѣмъ виндицировать ее, т. е. возвратить ее себѣ, обрядовымъ образомъ налагалъ на нее свою руку. Таково χεῖρας ἐφιέναι древнегреческаго процесса, manus injectio — римскаго, Anefang — германскаго и схватываніе вещи, съ произнесеніемъ формулы: „се — мое“ у насъ (Русская Правда) [2]). Эта одна группа символовъ, сопровождающихъ освоеніе вещи. Есть другая, не менѣе любопытная для историка. Наложеніе руки, какъ это само собою понятно, невсегда могло быть достаточнымъ для фактическаго обладанія вещью; иногда, если предметомъ желаемаго освоенія былъ рабъ или животное, надо было поймать его, накинуть арканъ, или связать, и тогда только разсчитывать на спокойное владѣніе имъ. Отсюда объясняется рядъ народныхъ символовъ, непонятныхъ съ перваго раза. Такъ, у насъ во многихъ мѣстностяхъ купля скота считается недѣй-

1) Grimm „D. Rechtsalterthümer“ (Göttingen, 1828 г.), стр. 121 и сл.; стр. 112; Калмыковъ „О символизмѣ древняго права“. — Спб., 1839 г., стр. 75 и сл. Кромѣ этой работы, значительно уже устарѣвшей, по вопросу о символизмѣ весьма много данныхъ собрано въ книгѣ Кулишера „Очерки сравнительной этнографіи и культуры“ (Спб. 1887 г.), гл. VШ—X и въ ст. Н. П. Павлова-Сильванскаго „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ“, перепечатанной въ книгѣ „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (С.-П. 1910 г.).

2) Объ этомъ процессѣ подробно см. въ моемъ статьѣ — Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum (Vestigii minatio и Anefang)“ — въ „Сборникѣ статей по исторіи права“, посвященномъ М. Ф. Вл.-Буданову (Кіевъ, 1904 г.), стр. 15 и сл.

ствительной, если вмѣстѣ съ животнымъ не передана та узда или веревка, на которой оно было приведено на базаръ; кто коня купитъ, — говорятъ малороссы, — бере и уздечку. Въ любопытной сказкѣ, извѣстной у славянъ и германцевъ, добрый молодецъ, наученный превращаться въ разные виды животныхъ, приказываетъ отцу своему вести себя, какъ коня, на продажу и при этомъ говоритъ ему: „коня-то продавай, а уздечки ни за какія деньги не уступай“. Отецъ не послушался словъ сына, отдалъ узду и потерялъ коня. Здѣсь, какъ мы видимъ, въ народномъ представленіи сохраняется, въ видѣ символа узды, воспоминаніе о первоначальномъ, немирномъ видѣ освоенія вещи: кто накинулъ на животное узду, или связалъ человѣка (отчего побѣжденный, т. е. рабъ, въ древности назывался иногда вязень, узень, узникъ), тотъ освоилъ наглядным образомъ ихъ себѣ, и, если онъ хотѣлъ передать свое право собственности другому, онъ доженъ былъ передать ему и аттрибутъ собственности — узду. Символъ узды ассоціировался съ понятіемъ освоенія, почему его присутствіе считается, по народному убѣжденію, необходимымъ при куплѣ-продажѣ. Зная символическое значеніе узды, мы будемъ теперь въ состояніи иначе, чѣмъ это дѣлалъ рядъ ученыхъ (Устряловъ, Калачовъ и др.), объяснить одну статью Псковской Судной Грамоты. Статья эта гласитъ, что, если приставъ или дворянинъ, взялъ у того, на кого предъявленъ искъ, коня или другую вещь въ обезпеченіе иска, то долженъ отдать ее на сохраненіе постороннему лицу: „а который приставъ или дворянинъ, а возьметъ своему оузду конь, или иное что у него возьметъ, ино дать ему на руку стороннему человѣку“. Рядъ изслѣдователей прямо выкидывалъ слово оузду, какъ непонятное, и замѣнялъ словомъ истцу; только наиболѣе поздній изъ нихъ, проф. Владимирскій-Будановъ не рѣшился на это и высказалъ догадку, что въ статьѣ употреблено „техническое выраженіе того времени“, и „взять на свою узду“ коня значитъ взять его на свое сохраненіе. Приведенный символъ узды, сохранившійся въ народѣ, нетолько подтверждаетъ эту догадку, но и вполнѣ объясняетъ указанный текстъ.

Богатѣйшій символизмъ народнаго права не есть единственная особенность, сближающая его съ древнѣйшими правообразованіями. Та близкая и по формѣ, и по содержанію связь древняго права съ поэзіею, на которую успѣшно указывалъ еще Яковъ Гриммъ (въ его Poesie im Recht) по отношенію къ древнегерманскому праву, а у насъ отчасти Ѳ. И. Буслаевъ по отношенію къ древнему нашему праву, сказывается и въ нашемъ обычномъ правѣ. Какъ древніе акты, юридическія поговорки и пословицы, такъ и многія современныя изреченія народа о правѣ

полны ритмическихъ и иныхъ созвучій (какъ, напримѣръ, аллитерація, параллелизмъ и т. п.), поэтическихъ оборотовъ и пр.[1]).

Зачаточное состояніе обычнаго права, важное для историка права, сказывается и на отдѣльныхъ его институтахъ, и на цѣломъ циклѣ понятій. Вотъ только немногіе примѣры изъ весьма обильнаго матеріала.

Древніе взгляды на преступленіе и наказаніе.

Какъ смотрятъ, напримѣръ, древнѣйшіе кодексы на преступленіе? Они не видятъ въ немъ, какъ извѣстно, нарушенія закона, но, въ силу господства въ древнемъ правѣ такъ называемаго субъективнаго принципа, опредѣляютъ его какъ оскорбленіе личности, *delictum privatum*. Власть государства еще слаба и потерпѣвшему приходится самому реагировать на преступленіе. Русская Правда характерно называетъ преступленіе обидою. Надъ кѣмъ совершено преступленіе, тотъ обиженъ и за обиду ему платитъ, и укравшій у него вещь, и не заплатившій ему денегъ (ст. 29, 44 Карамз. сп.) При такомъ взглядѣ на преступленіе, при слабомъ еще различеніи уголовнаго и гражданскаго правонарушенія, какъ его слѣдствіи, естественно, что обиженный считаетъ себя въ правѣ прощать, преступника-обидчика, входить съ нимъ въ соглашеніе. И исторія права какъ нашего, такъ и германскаго, полна свѣдѣніями объ этихъ соглашеніяхъ и о борьбѣ съ ними государства, берущаго на себя самого карающую власть. „Се язъ Далматъ, да язъ Василій . . . Корзины, — говорится въ одной изъ многихъ мировыхъ записей, до насъ дошедшихъ отъ XVII в. — искалъ на Троецкомъ стряпчемъ Ипатцкаго монастыря . . . и на Троетцкихъ крестьянѣхъ . . . грабежу на сто на двацать на шесть рублевъ . . . и язъ Далматъ . . . у крестнаго цѣлованія, поговоря съ Троетцкимъ стряпчимъ . . . полю-

1) См. „Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ“ І. И. Иллюстрова (Кіевъ, 1904 г.), гдѣ указаны, между прочимъ, пословицы древняго времени, воспроизводящія живо и, нерѣдко, чрезвычайно мѣтко многія особенности юридическихъ отношеній своего времени и съ этой стороны заслуживающія большаго вниманія историковъ права; таковы, напр. пословицы, относящіяся къ сословіямъ, къ суду, преступленіямъ и наказаніямъ и пр. Пословицы эти, въ соединеніи съ тѣми юридическими формулами, которыя извѣстны намъ изъ древнихъ памятниковъ нашего права (какъ, напр., „по робѣ холопъ, по холопѣ роба“, „како ся будетъ рядилъ“, т. е. уговорился, „на томъ же стоять“. „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“ и т. д., и т. д.) интересны еще и потому, что въ нихъ нерѣдко нетолько законодатель, но и самъ народъ пытался формулировать тѣ или иныя свои юридическія понятія. О поэзіи въ правѣ см. замѣчанія въ моей статьѣ „Народное обычное право, какъ историческій матеріалъ“ (Русская Мысль, 1886 г., стр. 62 и сл.).

бовно помирился въ томъ, что намъ Далмату . . . о тѣхъ своихъ дѣлѣхъ Государю, Царю . . . и ихъ Государевымъ боярамъ и приказнымъ людемъ не бити челомъ и на слугахъ того Троетцкаго Ипатцкаго монастыря и на крестьянѣхъ того дѣла не искали". Уставныя грамоты наказуютъ этотъ „самосудъ", какъ онъ тогда назывался, но народное правосознаніе еще долго не можетъ отказаться отъ стародавняго взгляда на преступленіе: „а самосуда наши намѣстники и ихъ тіуни, — говоритъ, напримѣръ, Уставная Бѣлозерская Грамота 1488 г., — емлютъ 2 рубля: а самосудъ то, кто поимаетъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ его прочь, а намѣстникомъ и ихъ тіуномъ не явя, а его въ томъ уличатъ". Борьба съ такимъ самосудомъ ведется и по *leges barbarorum;* еще при меровингахъ мы встрѣчаемъ запрещеніе сдѣлокъ частныхъ лицъ съ ворами: „qui furtum vult celare et sine judice compositionem acceperit, latroni similis est" (Childeberti II et Chlotarii II Pactum, a. 593. n. 3 — Perts-Monumenta Germaniae historica, Leges. I, 83). У насъ, впрочемъ, само государство очень долго смотрѣло (до XVII в.) снисходительно на мировыя сдѣлки потерпѣвшихъ съ преступниками, запрещая мириться только лишь съ ворами, захваченными съ поличнымъ, да съ разбойниками, въ чемъ также нельзя не видѣть отраженія стародавнихъ взглядовъ на преступленіе.

Обращаясь къ современному обычному праву, мы видимъ, что тотъ же взглядъ на преступленіе, съ которымъ государство такъ долго боролось въ старину, живетъ въ народѣ и доселѣ. Нетолько въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло рѣшается судомъ сосѣдей, стариковъ, но даже на судѣ волостномъ допускаются примиренія по дѣламъ о кражѣ, мошенничествѣ, не говоря уже о личныхъ обидахъ, тяжкихъ побояхъ. Профессоръ Пахманъ объясняетъ причину этого прямо тѣмъ, что крестьяне видятъ въ преступленіи не нарушеніе интересовъ общества, а лишь дѣяніе, исключительно направленное противъ обиженнаго: „прощенное дѣло чего судить", „не дѣло судить, когда стороны идутъ на мировую", — говорятъ сами крестьяне объ этихъ сдѣлкахъ, причемъ примиреніе допускается въ дѣлахъ уголовныхъ даже послѣ постановленія судебнаго рѣшенія, а неявка истца къ суду погашаетъ и самое обвиненіе[1]). Правда, во многихъ мѣстностяхъ все это уже изчезаетъ подъ вліяніемъ иныхъ новыхъ взглядовъ, но все еще, однако, остается немало такихъ заброшенныхъ и удаленныхъ отъ вся-

1) „Обычное гражданское право въ Россіи" (С.-П., 1877 г.). Т. I, стр. 404 и сл.

кихъ связей съ культурнымъ міромъ угловъ, гдѣ этотъ взглядъ на преступленіе живетъ и донынѣ въ умахъ людей.

Нельзя не упомянуть еще о такъ называемыхъ „осрамительныхъ“ наказаніяхъ, практикуемыхъ народнымъ правомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ поражаютъ архаизмомъ своихъ формъ, повторяясь цѣлыя столѣтія у разныхъ народовъ. Такъ, у насъ, по обычному праву, вору, пойманному съ поличнымъ, связываютъ руки и надѣваютъ на шею или на спину украденную вещь; потомъ водятъ по селенію въ сопровожденіи толпы; женщинъ при этомъ обнажаютъ и обвертываютъ краденою вещью, напримѣръ полотномъ; на дѣвушекъ, нарушающихъ обычныя правила нравственности, надѣваютъ хомутъ, или покрываютъ имъ головы платкомъ, какъ замужнимъ, откуда и названіе ихъ „покрытками“; женъ, виновныхъ въ прелюбодѣяніи, привязываютъ къ позорному столбу, запрягаютъ въ телѣгу и подвергаютъ истязаніямъ. Форма этихъ наказаній такъ архаична, что, напримѣръ, совершенно напоминаетъ описаніе Тацита, который разсказываетъ, что у германцевъ мужъ, въ подобномъ вышеуказанному случаѣ, обрѣзавъ женѣ волосы и выгнавъ ее изъ дому, въ присутствіи родственниковъ, обнаженную гонитъ ударами черезъ все селеніе (*Germania*, с. XIX). Въ древнегерманскомъ обычномъ правѣ [1]) эти осрамительныя наказанія встрѣчаются въ удивительно прихотливыхъ и юмористическихъ формахъ, вродѣ обсыпанія перьями и вымазыванія дегтемъ, или мнимаго позорящаго погребенія приговоренныхъ къ смерти и проч. Чѣмъ объясняется существованіе подобныхъ наказаній въ исторіи и въ современной жизни? Конечно, тою удивительною, мало понятною намъ, несамостоятельностью личности, неэманципировавшейся еще изъ-подъ вліянія того союза, среди котораго она живетъ. Разъ этотъ союзъ считаетъ свои права нарушенными извѣстными дѣйствіями отдѣльнаго сочлена, онъ *in corpore* проявляетъ свое негодованіе въ извѣстныхъ символическихъ обрядахъ, которые наглядно должны показать оскорбителю, что какою мѣрою онъ самъ мѣрилъ, такою и ему отмѣривается. Преступниковъ „срамятъ“; и этотъ срамъ, по наблюденіямъ изслѣдователей нашего обычнаго права, болѣе всего и устрашаетъ людей. Интересно также наблюденіе, что тамъ, гдѣ личность почему-либо успѣваетъ эманципироваться отъ гнета, поглощенія ея общиннымъ духомъ и начинаетъ протестовать,

1) Wilda: „Das Strafrecht der Germanen“ (Halle, 1842), стр. 523 и сл. Gierke: „Der Humor im deutschen Recht“ (Berlin, 1871), стр. 18 и сл., 51 и сл. Въ германскихъ правдахъ встрѣчаются такія, напримѣръ, наказанія: „si quis canem veltraum . . . praesumerit involare, ut convictus coram omni populo posteriora canis osculetur aut quinque solidos . . . cogatur exsolvere“ (L. Burg. add. I, tit. 10).

грозить жалобами на этотъ народный самосудъ, тамъ эти обрядовыя посрамленія понемногу выходятъ изъ употребленія.

Приведенный только-что примѣръ осрамительныхъ народныхъ наказаній заслуживаетъ вниманія еще вотъ съ какой стороны. Историки уголовнаго права, наблюдая организацію законодательной власти въ первоначальныя эпохи, замѣчаютъ, что эта власть, въ своихъ отдѣльныхъ функціяхъ, слагается по типу тѣхъ жизненныхъ отношеній, которыхъ нормированіе она переноситъ на себя. Такъ, напр., взявъ на себя карающую власть отъ древнихъ общественныхъ союзовъ, государство долго въ своихъ законодательныхъ опредѣленіяхъ руководится тѣмъ-же чувствомъ мести по отношенію къ виновному, которымъ была проникнута когда-то вся народная юстиція. Частный примѣръ подтверждаетъ эту общую мысль: осрамительныя наказанія практикуетъ долго и само государство. Такъ, у насъ въ московскій періодъ существовало наказаніе, извѣстное подъ именемъ торговой казни, которая состояла въ томъ, что преступника возили по улицамъ и площадямъ и били кнутомъ въ присутствіи „всенароднаго множества“. Такъ, извѣстенъ, далѣе, унизительный обрядъ „выдачи головою“, примѣнявшійся въ мѣстническихъ спорахъ. Такъ, есть указаніе на слѣдующій обычай: дьякъ, уличенный во взяткахъ, возился по улицамъ съ привязаннымъ къ нему на шею „посуломъ“. Петръ Великій своимъ „Воинскимъ Уставомъ“ увеличиваетъ число туземныхъ позорящихъ наказаній, вводя къ намъ, подъ вліяніемъ Запада, массу утонченныхъ, но также равно мало-гуманныхъ, видовъ ихъ; напр., по Воинскому Уставу, за нанесеніе кому-либо пощечины, палачъ возвращаетъ ее виновному въ присутствіи роты солдатъ; для оскорбленій словомъ вводится публичное испрошеніе прощенія, причемъ оскорбитель долженъ стоять на колѣняхъ. Еще интереснѣе обрядъ шельмованія, за которымъ слѣдовало лишеніе правъ: осужденный приводился на мѣсто казни и становился подъ висѣлицей, надъ его головой ломалась шпага и онъ объявлялся „шельмомъ“; иногда, сверхъ того, имя его прибивалось къ висѣлицѣ [1]).

Нечего говорить, что карательная система государства претерпѣла много измѣненій послѣ Петра; шельмованіе исчезло, наконецъ, изъ законодательства, какъ старина стародавняя, но оно продолжаетъ, однако, жить въ народѣ, въ своихъ древнихъ формахъ, потому, что живетъ еще въ немъ приниженность личности тѣмъ тѣснымъ союзомъ, какой еще крѣпокъ въ народѣ. Приведенныхъ примѣровъ, полагаемъ, достаточно, чтобъ согласиться съ тою мыслью, что современное обычное народное право, какъ право,

1) Объ этомъ болѣе подробно см. въ моей книгѣ „О наказаніи по законодательству Петра В.“ и пр., стр. 411 и сл.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

во многихъ отношеніяхъ невышедшее изъ зачаточнаго состоянія, представляетъ немалый интересъ для объясненія явленій, свойственныхъ первичнымъ общественнымъ эпохамъ.

Юридическія понятія древняго права, сохранившіяся неприкосновенно донынѣ въ народномъ быту.

Есть, наконецъ, въ обычномъ современномъ правѣ еще рядъ юридическихъ понятій, которыхъ существованіе не объяснишь ни консерватизмомъ народной мысли, ни зачаточнымъ состояніемъ народнаго праворазвитія. Этотъ рядъ характеризуется, прежде всего, своею цѣльностью, своимъ полнымъ согласіемъ съ данными условіями жизни. Какой-нибудь видъ переживанія, какой-нибудь стародавній взглядъ на преступленіе и наказаніе, хотя изрѣдка еще и сознательно поддерживаемый, постоянно, однако, межуется съ новыми взглядами и уступаетъ дорогу идеямъ высшаго, сравнительно, порядка: вліяніе соприкосновенія съ разнообразными видами новой культуры неудержимо проявляется здѣсь въ ослабленіи всего стародавняго. Но есть еще доселѣ рядъ юридическихъ понятій, самыхъ упорныхъ для видоизмѣненія, — понятій, обыкновенно тѣсно связанныхъ съ экономическими условіями, среди которыхъ живетъ еще народъ. Разъ эти условія не измѣняются, сами понятія, соотвѣтствующія извѣстнымъ явленіямъ общественности, остаются болѣе или менѣе сходными въ теченіе вѣковъ, и не какъ обломки исторіи только, а какъ нѣчто живое, дѣйствительное. Лучшій примѣръ подобнаго рода явленій — наша народная земельная община. Ея прошедшее и ея настоящее, разъ только они сопоставлялись учеными, представляли большой интересъ для объясненія и дополненія аналогичныхъ явленій, сопровождавшихъ общинную жизнь вѣка назадъ и сопровождающихъ ее и донынѣ. Одинаковость началъ, являющаяся результатомъ одинаковыхъ экономическихъ условій, приводитъ къ тому, что „живая старина“ наблюдается при изученіи порядковъ современной общины, какъ и, наоборотъ, современные порядки этой общины нерѣдко отзываются старино̀ю. Приведемъ также примѣръ изъ народнаго наслѣдственнаго права. По Русской Правдѣ, напр., постановлено, что „дворъ отенъ безъ дѣлу всякой меншемоу сынови“ (т. е. дворъ отцовскій идетъ безъ раздѣлу младшему сыну, 112 ст. Карамзинскаго сп.), а современный крестьянинъ говоритъ, что „младшій сынъ на корню сидитъ“, „младшій сынъ съ отцовщины никогда не сходитъ“, т. е. тамъ и здѣсь дѣйствуетъ одинъ и тотъ-же принципъ минората. Или, если по Русской Правдѣ, „аже будетъ сестра въ домоу, то тои задници (т. е. наслѣдства) не имати, но отдадять ю братія за мужь“ . . . (ст. 107), то и донынѣ крестьяне говорятъ, что „сестра при братьяхъ не наслѣдница“. Не наслѣд-

ница послѣ мужа и жена теперь, какъ не была она ею по Русской Правдѣ, если только самъ мужъ не распорядился что-либо дать ей изъ своего имущества, („аже жена сядеть по моужи . . . а что на ню мужь возложилъ, тому есть госпожа, а задница ея мужьня не надобѣ . . .“ статья 106). Или, напр., Псковская Судная Грамота говоритъ о томъ, что „вятшій братъ съ меньшимъ, ихъ дядя, да братань (племянникъ) живучи въ одномъ хлѣбѣ„ (т. е. вмѣстѣ), владѣютъ „опчимъ животомъ“; иначе говоря, она представляетъ намъ типъ такъ наз. „большой великорусской“ семьи, которая, почти со всѣми своими характерными особенностями, дожила до нашихъ дней, и только въ недавнее время стала исчезать. Всѣ эти примѣры наглядно показываютъ, что экономическія условія, въ которыхъ жило населеніе во времена Русской Правды и Псковской Судной Грамоты, оставались нерѣдко въ полной почти неприкосновенности, — для нѣкоторой части нашего крестьянства,— до послѣдняго еще времени, такъ какъ господство минората, или того положенія, что „жена по мужѣ, а дочь при братьяхъ не наслѣдница“, какъ и сохраненіе типа большой семьи, изстари и до нашихъ дней, подобно сохраненію общиннаго землевладѣнія, объясняется, прежде всего, — поскольку, конечно, все это развивалось самостоятельно, — одинаковостью условій земледѣльческой патріархальной жизни у насъ на пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что обычное право, какъ право живое, и легче можетъ быть изслѣдовано, въ интересахъ пониманія старины, почему яснѣе устанавливаются и самыя причины существованія того или другого института, той или иной нормы права, какъ прежде, такъ и нынѣ.

Вся эта жизнь народная съ ея обычаями и нравами, будучи хранительницею историческихъ преданій и началъ, ревниво бережетъ и въ своемъ языкѣ массу бытовыхъ и юридическихъ терминовъ, которые, попадаясь въ историческихъ памятникахъ, затрудняютъ наше пониманіе ихъ, потому что они давно уже утратили для насъ свое значеніе *живой* терминологіи. Начиная съ 1 статьи *Русской Правды* о мести и ея знаменитаго, по спорности, выраженія *братучадо*, находящаго свое объясненіе въ славянскомъ обычномъ правѣ [1]), и кончая любымъ почти изъ древнихъ памятниковъ быта и права, непонятное здѣсь можетъ быть часто объяснено по словарямъ *живыхъ* областныхъ нарѣчій нашихъ, какъ это не разъ будетъ отмѣчаться нами [2]).

---

1) Kraus „Sitte und Brauch der Südslaven“ (Wien, 1885 г., стр. 9 и сл.).

2) Подробное объясненіе текстовъ древнихъ памятниковъ

Заканчивая обзоръ современнаго обычнаго права, какъ историко-юридическаго матеріала, замѣтимъ въ заключеніе, что обычное право, какъ показатель народнаго сознанія о правѣ и справедливости, заслуживаетъ, конечно, изслѣдованія уже само по себѣ. Но и съ этой точки зрѣнія совмѣстное изученіе его съ исторіей права очень важно, такъ какъ только исторія права даетъ намъ возможность вполнѣ ясно разобраться въ томъ, что въ обычномъ правѣ мертво, стародавне, и что живо, и знаменуетъ движеніе народной мысли впередъ. Здѣсь живая и вѣчная связь между наукой и явленіями нашей современной дѣйствительности проявляется глубоко и наглядно. Наука исторіи права помогаетъ разобраться легче въ многообразныхъ явленіяхъ этой дѣйствительности, указать на ихъ отношеніе къ прошлому, классифицировать ихъ въ извѣстную систему, а, слѣдовательно, и сознательно отнестись къ нимъ. Многому, что кажется въ современной народной жизни страннымъ и непонятнымъ, найдется разумное объясненіе изъ данныхъ, имѣвшихъ когда-то мѣсто въ исторіи нашего праворазвитія, и уцѣлѣвшихъ донынѣ въ народѣ, какъ обломокъ старины [1]).

Обычное право и законодательство перваго періода русской исторіи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Мы отмѣтили выше, какое важное значеніе имѣло обычное право, какъ источникъ права, въ изучаемый періодъ исторіи нашей. Но наше юридическое прошлое, какъ и прошлое другихъ культурныхъ народовъ, въ теченіи многихъ вѣковъ характеризуется извѣстнаго рода двоеначаліемъ, которое выражается въ томъ, что, рядомъ съ обычнымъ народнымъ правомъ, какъ творческою силою, дѣйствуетъ законодательная власть, нормирующая правовыя отношенія. Это двоеначаліе права — явленіе изстаринное, рѣзко обозначившееся уже на первыхъ ступеняхъ нашей государственности. Такъ, уже отъ X вѣка идутъ извѣстія объ уставной дѣятельности князей, являются договоры международные и междукняжескіе, происходитъ рецепція иноземнаго права и т. д.; иначе говоря, рядомъ съ обычнымъ правомъ, начинается, подъ тѣми или иными

права, а равно отдѣльныхъ выраженій и словъ, встрѣчающихся въ нихъ, дается нами, при случаѣ, на лекціяхъ или на практическихъ занятіяхъ, почему нѣкоторые изъ нихъ, въ интересахъ сбереженія мѣста, оставляются иногда въ издаваемомъ учебникѣ безъ перевода на современный языкъ и безъ объясненій.

1) Болѣе подробно объ этомъ см. въ моихъ „Очеркахъ по русскому обычному праву“ (Ученыя Записки И. Юрьевскаго Университета, 1901 г., № 2).

формами, законодательная дѣятельность князей. Эта дѣятельность, съ укрѣпленіемъ и развитіемъ власти князей и ихъ органовъ, все болѣе и болѣе растетъ и расширяется въ своемъ значеніи и размѣрахъ, но она во всякомъ случаѣ весьма долго идетъ рука объ руку съ народными представленіями о правѣ. Законодательная власть первоначально сама почти не творитъ права, но лишь точнѣе формулируетъ, подробнѣе развиваетъ и, наконецъ, закрѣпляетъ въ своихъ нормахъ тѣже юридическіе обычаи народа, какіе раньше жили въ устномъ преданіи, изображались въ символахъ, сказывались въ пословицахъ и т. д. Вслѣдствіе этого, первоначально самъ законъ, по своему содержанію, является по большей части ни чѣмъ инымъ, какъ санкціонированнымъ верховною властью обычаемъ, что, конечно, и понятно, ввиду прежде всего того обстоятельства, что носители верховной власти долго живутъ *тѣми-же* представленіями о правѣ, какія самимъ народомъ считаются въ данное время наилучшими. Формально, законъ и въ это время, конечно, легко можетъ быть различаемъ отъ обычая, такъ какъ, обыкновенно, творцемъ его являются опредѣленные носители верховной власти, между тѣмъ какъ юридическіе народные обычаи безличны и почти никогда нельзя указать, кто создалъ ихъ, какъ неизвѣстны намъ создатели народныхъ былинъ, пѣсенъ, сказокъ и пр.; но, по содержанію своему, законъ и обычное право первоначально чрезвычайно схожи другъ съ другомъ. Затѣмъ, однако, постоянное столкновеніе началъ своего права съ началами права иноземного, съ одной стороны, судебная дѣятельность князей и ихъ „мужей“, съ другой, рано открываютъ путь для воздѣйствія на обычное народное право самой законодательной власти. Въ нормахъ чужого права являются образцы, которыми верховная власть можетъ такъ или иначе пользоваться въ своихъ цѣляхъ; творя судъ, она можетъ также проводить, въ той или иной мѣрѣ, въ народъ *свои* воззрѣнія на тѣ или иныя жизненныя отношенія и т. д. Всѣ тѣ особенности, которыми отличаются нормы обычнаго права и о которыхъ мы уже говорили, въ свою очередь, весьма способствуютъ замѣнѣ ихъ законодательными опредѣленіями. Неустойчивость этихъ нормъ, ихъ индивидуализмъ представляетъ на практикѣ немалыя неудобства. Верховной власти, въ лицѣ князей, приходится прежде всего, при производствѣ суда, констатировать наличность тѣхъ или иныхъ обычаевъ и опредѣлять степень ихъ достовѣрности, распространенности и т. д. Затѣмъ, сдѣлавъ это, приходится формулировать содержаніе юридическихъ нормъ, дѣйствующихъ въ народѣ, и излагать ихъ въ своихъ приговорахъ. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ князей мы

имѣемъ поэтому первые зачатки формулировки народныхъ обычаевъ. Позднѣе эти судебныя рѣшенія обобщаются, а иногда видоизмѣняются, давая затѣмъ содержаніе княжескимъ „уставамъ“ и „урокамъ“, этимъ первымъ проявленіямъ ихъ законодательной дѣятельности, а равно и разнообразнымъ ихъ договорамъ. Неменѣе неудобнымъ былъ на практикѣ и партикуляризмъ нормъ обычнаго права. Чѣмъ живѣе и тѣснѣе дѣлался культурный гражданскій оборотъ между отдѣльными племенами, тѣмъ болѣе, конечно, должны были сглаживаться ихъ особые нравы и обычаи, первоначально весьма непохожіе другъ на друга, а, слѣдовательно, должна была и сильнѣе чувствоваться потребность въ такихъ нормахъ, которыя бы обобщали начала этого все болѣе и болѣе развивающагося культурнаго сближенія, создавали бы учрежденія и правила, могущія примѣняться для мирнаго сожительства всѣхъ племенъ. Такія учрежденія и правила могли быть созданы только законодательною властью, въ лицѣ вѣча и князей. Князья съ тѣмъ бо̀льшимъ основаніемъ могли играть важную роль въ созданіи этихъ общихъ юридическихъ нормъ для различныхъ племенъ, входившихъ въ составъ тѣхъ или иныхъ княжествъ, что именно они сами своею дѣятельностью нерѣдко всего болѣе способствовали внѣшнему объединенію этихъ племенъ, то насильственно, то мирно превращая ихъ въ своихъ подданныхъ и заставляя ихъ подчиняться одной общей власти. Какъ отправляли князья свою уставную законодательную функцію, объ этомъ мы скажемъ особо. Теперь же лишь отмѣтимъ, что въ первый періодъ исторіи нашей, отношеніе между обычнымъ правомъ и законодательствомъ было, въ общемъ, во всякомъ случаѣ таково, что обычное народное право продолжало оставаться самостоятельнымъ источникомъ права, дѣйствующимъ рядомъ съ законодательствомъ [1]). Само законодательство часто наполнялось юридическими нормами, взятыми изъ обычнаго права, хотя въ то же время въ немъ могли проводиться начала, чуждыя народнымъ правовоззрѣніямъ, а сами народные юридическіе обычаи видоизмѣнялись имъ, подъ разнообразными вліяніями, иноземными и своими. Такъ, законодатель закрѣплялъ дѣйствіе однихъ обычаевъ, отмѣнялъ другіе, вводилъ новыя нормы и т. д.

1) Подробное изслѣдованіе древняго русскаго обычнаго права, богатое фактическими данными, сдѣлано Ѳ. И. Леонтовичемъ въ его статьѣ „Старый земскій обычай“ (Труды Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, т. IV. Одесса, 1889 г.).

Глава II.

Договоры.

I.

Договоры русскихъ съ греками [1]).

Мы коснулись въ предыдущемъ очеркѣ обычнаго права, дѣйствовавшаго въ первый періодъ; теперь перейдемъ къ обзору законодательной дѣятельности князей и вѣча и коснемся тѣхъ формъ, въ которыхъ она тогда проявлялась. Древнѣйшею общею формою являлись договоры, почему мы на нихъ прежде всего и остановимся. Договоры въ древности вообще имѣютъ громадное значеніе, въ виду неустойчивости нормъ обычнаго права, съ одной стороны, въ виду необходимости обезпечить взаимнымъ отношеніямъ, внутри и внѣ государствъ, нѣкоторую опредѣленность, съ другой. Въ заключеніи договоровъ одинаково поэтому нуждаются какъ отдѣльныя государства, такъ и различные органы власти и союзы внутри даннаго государства. Отсюда и возникаетъ два вида договоровъ — договоры международные, а именно русскихъ съ иноземцами и договоры внутренніе. Такъ, что касается послѣднихъ, то намъ

---

1) Тексты договоровъ съ комментаріями напечатаны проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его Хрестоматіи по исторіи русскаго права (Кіевъ, 1899 г., выпускъ I, изд. 5-е), гдѣ указываются изданія и литература памятниковъ; ср. также изданіе Н. А. Маркса „Договоры русскихъ съ греками и предшествовавшіе заключенію ихъ походы русскихъ на Византію“, ч. I и II, (М., 1912 г.), гдѣ, кромѣ текста, воспроизведеннаго изъ лѣтописи фототипически, а равно и исторіи походовъ въ Византію, находимъ словарь техническихъ выраженій, встрѣчающихся въ договорахъ. Кромѣ того см. Н. А. Лавровскаго „О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“ (С.-П., 1853 г.). В. В. Сокольскаго „О договорахъ русскихъ съ греками“ (Кіев. унив. извѣстія, 1870 г., № 4); Ѳ. И. Успенскаго „Русь и Византія въ X вѣкѣ“ (Рѣчь. Одесса, 1888 г.); В. И. Сергѣевича „Греческое и русское право въ договорахъ съ греками X вѣка“ (приложеніе къ „Лекціямъ и изслѣдованіямъ по древней исторіи права“, С.-П. 1903 г.); А. В. Лонгинова „Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ“ (Одесса, 1904 г.). Общіе обзоры указанныхъ памятниковъ см. также въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права“ В. И. Сергѣевича (С.-П., 1883 г.), въ „Лекціяхъ по внѣшней исторіи русскаго права“ М. Н. Ясинскаго (Кіевъ, 1899 г.), въ „Очеркахъ общественнаго и государственнаго строя древней Руси“ М. А. Дьяконова (С.-П., 1912 г.), въ „Курсѣ исторіи русскаго права“ Д. Я. Самоквасова (М. 1908 г.).

извѣстны „ряды“ князей какъ съ вѣчемъ, такъ между собою и своею дружиною; о нихъ мы скажемъ особо, когда коснемся соотвѣтственныхъ отдѣловъ. Такъ, затѣмъ извѣстны договоры русскихъ съ греками и съ нѣмцами, къ изученію которыхъ мы прежде всего и обратимся.

Замѣчаніе о договорахъ вообще и договорахъ русскихъ съ греками въ частности.

Древнѣйшими памятниками русскаго права надо считать договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X-мъ вѣкѣ. Лѣтописи сохранили извѣстія о четырехъ такихъ договорахъ, а именно о двухъ договорахъ Олега отъ 907 и 911 гг., о договорѣ Игоря отъ 945 г. и, наконецъ, о договорѣ Святослава отъ 971 г. Изъ этихъ договоровъ имѣютъ значеніе въ исторіи нашего права, ввиду богатства ихъ юридическаго содержанія, лишь договоры 911 и 945 гг.; что-же касается договора 907 г., то онъ не дошелъ до насъ цѣликомъ и лѣтопись передаетъ только нѣкоторыя его постановленія, сводящіяся, съ одной стороны, къ обязательству грековъ платить дань русскимъ на старшіе ихъ города (Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и др.), давать „хлѣбное“ (кормъ) русскимъ, приходящимъ въ Византію и гостямъ (купцамъ) мѣсячное содержаніе, а, съ другой, обязывающія русскихъ жить въ Константинополѣ въ одномъ лишь предмѣстьѣ св. Мамы, входить въ городъ черезъ одни ворота, въ количествѣ не болѣе 50 человѣкъ и притомъ безъ оружія, въ сопровожденіи особаго лица, назначеннаго греческимъ правительствомъ, а равно не производить разбоевъ въ Византіи. Договоръ Святослава отъ 971 г., въ свою очередь, не содержитъ, по лѣтописи, ничего иного, кромѣ обязательства, взятаго на себя русскимъ великимъ княземъ, н е воевать съ греками и помогать имъ противъ ихъ враговъ. Наоборотъ, договоры 911 и 945 гг. весьма богаты свѣдѣніями о юридическихъ обычаяхъ своего вѣка, почему и заслуживаютъ большаго къ себѣ вниманія. Одинъ изъ послѣднихъ, по времени, изслѣдователей договоровъ — А. В. Лонгиновъ, утверждаетъ даже, „что внесенныя въ лѣтопись г р а м о т ы X в ѣ к а п о д о г о в о р а м ъ м е ж д у р у с с к и м и и г р е к а м и, направленнымъ преимущественно къ обезпеченію непрерывности и безопасности временныхъ торговыхъ сношеній, п р е в о с х о д я т ъ с в о е ю в а ж н о с т ь ю в с ѣ о с т а л ь н ы е у ц ѣ л ѣ в ш і е о т е ч е с т в е н н ы е п а м я т н и к и п и с ь м е н н о с т и д о м о н г о л ь с к а г о п е р і о д а“ (стр. 1). Если съ этимъ мнѣніемъ и нельзя согласиться, такъ какъ Русская Правда, безспорно, имѣетъ большее значеніе въ исторіи русскаго права, чѣмъ договоры съ греками, то нельзя, однако, отрицать того, что, благодаря т о л ь к о договорамъ, у насъ есть возможность судить о нѣкоторыхъ институтахъ нашего древнѣйшаго права. Къ сожалѣнію, въ исторіи этихъ памятниковъ многое остается не-

выясненнымъ; по справедливому замѣченію проф. Сергѣевича, „число договоровъ, ихъ содержаніе, отношеніе этого содержанія къ русскому и греческому праву — все здѣсь сомнительно и спорно“, при чемъ „при современномъ состояніи нашихъ источниковъ, сомнѣнія, возбуждаемыя договорами, едва-ли могутъ быть разрѣшены окончательно“. (Лекціи и изсл. по др. исторіи рус. права, стр. 614 и сл.). Эта спорность многихъ вопросовъ, касающихся договоровъ съ греками, должна быть отмѣчена, какъ особенность данныхъ памятниковъ права, вліяющая существенно на установленіе правильнаго взгляда на мѣсто, ими занимаемое среди другихъ нашихъ памятниковъ, на пониманіе характера ихъ нормъ и пр. Послѣ этого общаго замѣчанія, обратимся теперь къ исторіи составленія договоровъ русскихъ съ греками и остановимся на выясненіи обстоятельствъ, вызывавшихъ необходимость заключенія договоровъ русскихъ съ греками.

Исторія составленія договоровъ русскихъ съ греками.

Какъ извѣстно, еще задолго до такъ называемаго призванія князей, по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“ велась славянорусскими племенами обширная торговля съ Византіею, на рынки которой привозились съ Сѣвера рабы, мѣха, воскъ, соль и другія произведенія, обмѣнивавшіяся тамъ на оружіе, золото, паволоки, (шелковыя ткани), вино и пр. Торговля эта невсегда велась мирнымъ путемъ, но сопровождалась нерѣдко военными походами на Византію. Лѣтопись отмѣчаетъ со второй только половины IX вѣка до второй половины XI столѣтія (до смерти Ярослава I) не менѣе 6-ти такихъ походовъ. Самымъ раннимъ изъ походовъ князей былъ походъ Аскольда и Дира на Константинополь, относимый, къ 860 г., но, можно предположить, что походы бывали и раньше, а именно еще тогда, когда отдѣльныя славянскія племена управлялись своими племенными князьками[1]). Набѣги руссовъ вызывали ужасъ среди населенія Византіи, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ, напр., Фотій. Нерѣдко они оканчивались „рядами“, или договорами, въ которыхъ обѣ стороны старались обезпечить себѣ извѣстныя преимущества и сдѣлать возможнымъ, на болѣе или менѣе продолжительное время, мирный торговый оборотъ, въ которомъ нуждались какъ греки, такъ и русскіе, въ интересахъ наибольшаго сбыта своихъ товаровъ. Торговля вообще была важнымъ этапомъ въ развитіи культурныхъ связей между сосѣдними народами, въ частности-же — первыя выступленія сла-

1) О появленіи руссовъ въ Византіи и ихъ походахъ см. у В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“, т. II, кн. I, стр. 117 и сл.; о торговлѣ съ Греціею русскихъ, ibid., стр. 146 и сл.

вянорусскихъ племенъ на историческомъ поприщѣ были торговаго характера. Греки, какъ болѣе образованная тогда нація, должны были и болѣе другихъ цѣнить преимущества мирныхъ сношеній передъ враждебными, почему и стремились закрѣплять первыя особыми договорами. Извѣстно, что договоры заключались греками не только съ славяно-руссами, но и съ болгарами, франками, персами и другими народами. Обращаясь къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ заключеніе мира съ греками въ 907 году, надо вообще замѣтить, что, по лѣтописному, — весьма, впрочемъ, легендарному — разсказу, Олегъ со множествомъ варяговъ, славянскихъ и финскихъ племенъ, подошелъ къ Константинополю на 2000 корабляхъ, разорилъ его окрестъ („повоева около города, и много убійствъ сотвори грекамъ, и палаты многія разбиша, а церкви пожьгоша“ и т. д.) и думалъ уже осадить самый городъ, какъ греки, видя его приготовленія, „убояшаяся“ и послали къ нему пословъ просить мира со словами: „не погубляй града, имемься по дань (соглашаемся на дань), якоже хощеши“. Олегъ потребовалъ тогда выкупа по 12-ти гривенъ на каждаго человѣка, находящагося на его корабляхъ, а на каждомъ изъ нихъ было, по словамъ лѣтописи, по 40 мужей; греки согласились дать этотъ громадный выкупъ, но въ свою очередь, потребовали, „дабы (Олегъ) не воевалъ грецкой земли“ и заключилъ миръ съ ними. Мирный договоръ и былъ затѣмъ заключенъ пятью послами Олега съ греческими царями Леономъ и Константиномъ. Греки едва-ли были довольны условіями мира, заключеннаго съ побѣдителями и, несомнѣнно, могли желать пересмотра договора 907 г.; повидимому и русскіе желали болѣе точно опредѣлить свои отношенія къ грекамъ, что и вызвало пересмотръ договора всего черезъ 4 года послѣ его заключенія, именно 2 сентября 911 г.[1]) Интересно, что лѣтописный разсказъ приписываетъ инициативу въ начатіи переговоровъ объ этомъ новомъ договорѣ уже самому Олегу, говоря, что „посла Олегъ мужи своя построити мира и положити ряды (рядъ = договоръ) межи Греки и Русью“. Возможно, однако, предположить, что обѣ стороны одновременно шли здѣсь навстрѣчу другъ другу, желая, „построить миръ“ на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Этотъ миръ и былъ довольно продолжителенъ, такъ какъ лишь черезъ 30 лѣтъ, а именно въ 941 г., Игорь снова пошелъ походомъ „на Греки“ и началъ опустошать ихъ земли. Походъ его, впрочемъ, былъ неудаченъ, греки уничтожили его флотъ и онъ долженъ былъ вернуться обратно въ

1) По первоначальной нашей лѣтописи, годъ заключенія договора относится, впрочемъ, къ 6420 году, т. е. къ 912 г., но на основаніи изысканій академика Круга, обычно, принимается, однако, дата 911 г.

Кіевъ. Въ 945 г., Игорь, собравъ „вои многи“, вновь „поиде на Греки въ ладьяхъ и на конѣхъ, хотя мстите себе“ т. е. желая отмстить грекамъ за неудачу своего перваго похода. Грекамъ дали знать о походѣ жители Корсуня, „глаголяще: се идуть Русь, покрыли суть море корабли (ихъ)“, и болгары, пославшіе извѣстіе, что „идуть Русь и печенѣги наяли суть къ собѣ“. Когда объ этомъ услыхалъ греческій императоръ Романъ, онъ послалъ къ Игорю „лучшихъ бояръ“ своихъ со словами: „не ходи, но возьми дань, южеималъ Олегъ, и придалъ еще къ той дани“... Игорь посовѣтовавшись съ дружиною, взялъ „у грекъ злато и паволоки на вся вои“ и возвратился въ Кіевъ, не вступая въ войну съ греками. Въ слѣдующемъ году греческіе императоры Романъ, Константинъ и Стефанъ послала къ Игорю пословъ „построити мира перваго“, т. е. установить прежній миръ. Игорь согласился и, въ свою очередь, послалъ своихъ пословъ въ Византію, результатомъ переговоровъ съ которою и явился договоръ съ греками въ 945 г., наиболѣе обширный и наиболѣе содержательный, сравнительно со всѣми другими, упоминаемыми лѣтописью, договорами. И этотъ договоръ, подобно договору 911 г., достигъ своей цѣли, такъ какъ миръ между русскими и греками не нарушался до 967 г., когда великій князь Святославъ, по приглашенію греческаго императора Никифора Фоки, отправился воевать съ болгарами, одолѣлъ ихъ, взялъ, по лѣтописи, 80 ихъ городовъ по Дунаю и намѣревался даже переселиться совсѣмъ въ Болгарію. Никифоръ Фока не ожидалъ такого результата похода Святослава, такъ какъ, приглашая Святослава воевать съ болгарами, думалъ собственно лишь о томъ, чтобы отвлечь ихъ силы отъ нападеній на Византію; боясь, что успѣхъ Святославова похода отдастъ ему въ руки навсегда Болгарію, онъ подкупилъ печенѣговъ напасть на Кіевъ. Святославъ вернулся тогда на Русь для защиты Кіева и, лишь по смерти матери, пошелъ въ 971 г. вновь на Болгарію, но въ это время обстоятельства совершенно измѣнились. На византійскомъ тронѣ былъ тогда уже другой государь, а именно Іоаннъ Цимисхій, который, по замѣчанію извѣстнаго нашего византолога Ѳ. И. Успенскаго, „совсѣмъ не раздѣлялъ взглядовъ своего предшественника на болгарскія дѣла и успѣлъ нетолько примириться съ болгарскимъ царемъ, но и убѣдить его, что Святославъ — опасный врагъ для самостоятельности Болгаріи, между тѣмъ какъ Византія не посягаетъ на эту самостоятельность. Такимъ образомъ, если въ первый походъ Святославъ имѣлъ на своей сторонѣ даже болгаръ, во второй — онъ нашелъ въ нихъ союзниковъ греческаго императора и долженъ былъ каждый шагъ брать съ бою“. Несмотря на рядъ побѣдъ надъ греками, въ концѣ-концовъ Святославъ долженъ

былъ уступить имъ, заключить съ ними въ 971 г. мирный договоръ, обѣщавъ впредь не нападать на Византію и пр.

Подлинность договоровъ русскихъ съ греками. Вопросъ о томъ, какое право содержится въ договорахъ. Значеніе договоровъ, какъ источниковъ нашего права.

Таковъ краткій очеркъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ заключеніе вышеозначенныхъ четырехъ договоровъ русскихъ съ греками. Какъ уже было отмѣчено выше, многое по отношенію къ этимъ договорамъ является спорнымъ въ литературѣ вопроса. Такъ, прежде всего нѣкоторые ученые, какъ напр., А. Шлецеръ, Каченовскій заподозрѣвали самую подлинность договоровъ; другіе, какъ Кругъ, Погодинъ, Н. А. Лавровскій и еще многіе изслѣдователи, стояли, наоборотъ, за подлинность договоровъ, относя недостатки ихъ редакціи къ неудачному переводу съ греческаго, что съ большею обстоятельностью раскрыто въ особенности Н. А. Лавровскимъ. Возбуждалъ много споровъ и вопросъ о томъ, какое право содержится въ договорахъ русскихъ съ греками? По однимъ, здѣсь надо видѣть право греческое, по другимъ — варяжское, иначе говоря скандинавское или германское, по третьимъ — чисто-славянское. Въ настоящее время подлинность договоровъ не подвергается болѣе сомнѣнію. По вопросу же о томъ, какое право содержится въ договорахъ этихъ, надо сказать, что оно не можетъ, кажется, быть названо ни чисто-греческимъ, ни чисто-славянскимъ, а должно разсматриваться, какъ обычное право русское, подвергшееся, однако, весьма сильному византійскому вліянію. Такое положеніе вопроса вытекало изъ самой сущности договорныхъ отношеній, въ которыя вступили обѣ стороны. Греки и русскіе славяне X-го вѣка были націями, стоявшими на различныхъ ступеняхъ праворазвитія. Вступая въ мирныя договорныя отношенія съ русскими, греки, конечно стремились вліять на нихъ въ собственныхъ интересахъ, для чего и пытались въ заключаемомъ трактатѣ проводить тѣ правовыя начала, какія дѣйствовали среди нихъ и какія они, конечно, считали наилучшими. Но эта политика невсегда имъ удавалась, какъ потому, что русскіе отличались упорствомъ въ отстаиваніи своихъ обычаевъ и нравовъ, такъ и потому, что греческое право, — какъ право націи, стоявшей на болѣе высокой культурѣ развитія, по сравненію съ русскими X-го вѣка, — весьма нерѣдко было вовсе непригодно для послѣднихъ; греки поэтому поневолѣ должны были итти на уступки и соглашаться на введеніе въ договоры нормъ, чуждыхъ ихъ праву, лишь бы добиться соглашенія съ русскими и обезпечить государству миръ и спокойствіе отъ воинственныхъ сосѣдей, ставившихъ неразъ Византію на край гибели. Въ результатѣ

и получилось то, что право договоровъ 911 и 945 гг. не было правомъ чисто-греческимъ, или чисто-славянскимъ, а правомъ, въ которомъ можно отыскать слѣды какъ греческихъ, такъ и славянскихъ юридическихъ понятій; спорнымъ является лишь вопросъ о томъ, какихъ слѣдовъ больше, т. е. воспроизводятся ли договорами болѣе юридическія понятія русскихъ, чѣмъ грековъ, или наоборотъ? Отвѣтъ на это можно дать лишь послѣ тщательнаго изученія содержанія договоровъ и сравненія его съ другими современными памятниками права. Что же касается права варяжскаго, или германскаго, то о немъ не можетъ быть рѣчи уже потому, что самъ варяжскій элементъ не игралъ у насъ большой роли въ X вѣкѣ и скоро ославянился; если же въ договорахъ и встрѣчаются юридическія понятія, схожія съ древнегерманскими, то ихъ надо скорѣе отнести на счетъ общихъ условій жизни древнѣйшихъ арійцевъ, чѣмъ на счетъ прямыхъ заимствованій. Такія схожія съ leges barbarorum юридическія понятія можно найти и въ Русской Правдѣ, но это сходство есть результатъ прохожденія отдѣльными народами однѣхъ и тѣхъ же ступеней праворазвитія, а не слѣдствіе вліянія, или даже прямого заимствованія, изъ leges barbarorum, какъ это думали когда-то у насъ представители такъ-наз. норманской, или нѣмецкой школы, историковъ права.

Договоры съ греками представляются весьма важными памятниками какъ воообще въ русской исторіи, такъ и въ исторіи русскаго права въ частности. По утвержденію проф. Успенскаго, съ которымъ нельзя не согласиться, „договорами свидѣтельствуется прежде всего, что уже въ началѣ X вѣка Русь находилась на довольно значительной степени развитія гражданственности, если съ ней могло вступать византійское государство въ правильныя международныя сношенія“. Дѣйствительно, уже самый фактъ заключенія договоровъ знаменателенъ: онъ нетолько показываетъ, что Византія X вѣка должна была, такъ или иначе, считаться съ русскими и находила для себя выгоднымъ поддерживать съ ними мирныя сношенія, но и служитъ свидѣтельствомъ существованія на Руси въ это время достаточно сильной и организованной государственной власти, которая могла настоять на исполненіи принятыхъ на себя условій, безъ чего и сами договоры не имѣли бы значенія. Для исторіи нашего права, договоры 911 и 945 гг., какъ древнѣйшіе и обильные содержаніемъ памятники права, представляютъ также немалый интересъ: по нимъ мы можемъ судить во-1-хъ о многихъ сторонахъ юридическаго быта древняго славяно-русскаго племени; они указываютъ, во-2-хъ, наглядно, поскольку Русь этого начальнаго періода исторіи нашей была доступна вліянію культурныхъ византійскихъ правово-

зрѣній. Къ сожалѣнію, языкъ договоровъ представляется довольно темнымъ и заключаетъ въ себѣ немало выраженій, вызывавшихъ раньше, да и донынѣ еще вызывающихъ, рядъ противорѣчивыхъ толкованій, согласить которыя между собою не всегда представляется возможнымъ. Договоры, несомнѣнно, переводились съ греческаго въ моментъ ихъ заключенія, причемъ многіе термины и выраженія переданы по-русски весьма неудачно, что и затрудняетъ пониманіе ихъ истиннаго значенія. Объясненіе всѣхъ неясностей текста возможно только при изученіи этого текста въ подлинникѣ, почему мы и не можемъ здѣсь касаться всѣхъ ихъ.

Содержаніе договоровъ 911 и 945 гг.

Договоры 911 и 945 гг. состоятъ изъ 3-хъ частей. Изъ нихъ первая, которую можно назвать вступительною, содержитъ указаніе на пословъ Олега и Игоря, заключавшихъ договоры и обѣщаніе соблюдать ихъ; вторая, главная, заключаетъ въ себѣ обязательства, принятыя на себя тою и другою стороною и, наконецъ, третья, заключительная, говоритъ о порядкѣ обмѣна договорами („харотьями, или харатьями“, т. е. хартіями) и о принесеніи присяги договаривающимися сторонами, при чемъ въ договорѣ 945 г. описывается самый способъ принесенія этой присяги со стороны руссовъ-язычниковъ.[1]) Обращаясь къ главной части, надо замѣтить, что всѣ юридическія нормы, въ ней заключающіяся, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: въ одну войдутъ нормы, касающіяся междугосударственныхъ отношеній грековъ и руссовъ, въ другую — частныхъ отношеній между ними. Держась современной терминологіи, нормы первой группы надо отнести къ такъ называемому публичному международному праву, нормы второй — къ частному международному праву. Нормы публичнаго международнаго права договоровъ трактуютъ о соблюденіи мира между Русью и Византіею, о взаимной военной помощи, о выкупѣ плѣнныхъ, о торговлѣ между тою и другою страною, о вступленіи подданныхъ одного государства на службу въ другое и пр. Нормы, относящіяся къ частному международному праву, касаются отдѣльныхъ вопросовъ права уго-

1) Заключительная часть договора, отмѣтивъ, что христіане клянутся „предлежащимъ честнымъ крестомъ“ хранить все, что написано въ „харатьѣ сей“, говоритъ затѣмъ, что „Русь (т. е. руссы-язычники) полагаютъ щиты своя и мечи своѣ наги, обручѣ своѣ и прочая оружая, да клянутся о всемъ, яже суть написаны на харатьи сей, хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людей отъ страны Русскія, въ прочая лѣта и воину. Аще-ли же кто отъ князь или отъ людей русскихъ, ли хрестеянъ, или ие хрестеянъ, преступитъ се, еже есть написано на харатьи сей, будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умрети, и да будетъ клятъ отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву“...

ловнаго и гражданскаго, а равно и процесса. Конечно, въ договорахъ, какъ и во многихъ другихъ памятникахъ древняго права, нельзя искать систематическихъ и подробныхъ отвѣтовъ на всѣ, или даже — главнѣйшіе, вопросы того отдѣла права, до котораго они относятся; обычно, въ нихъ говорится лишь о томъ, что, по взглядамъ времени, требовало того или иного опредѣленія; во всякомъ случаѣ, съ указанною оговоркою, нельзя не отмѣтить, что постановленія договоровъ довольно разнообразны по своему содержанію и касаются нормъ, входящихъ, по нашимъ современнымъ представленіямъ, въ право уголовное, гражданское, международное и т. д. Мы разсмотримъ это содержаніе по двумъ вышеуказаннымъ главнымъ группамъ.

Публичное международное право договоровъ русскихъ съ греками

Торговыя отношенія между Византіею и Русью отличались съиздавна большою оживленностью. Заключеніе договоровъ имѣло цѣлью придать имъ постоянный мирный характеръ, облечь ихъ въ извѣстныя опредѣленныя формы, во избѣжаніе недоразумѣній, легко возникавшихъ уже въ силу весьма значительныхъ культурныхъ различій между договаривающимися сторонами. Греки мало довѣряли воинственнымъ русскимъ, почему и пытались всячески гарантировать спокойствіе своей страны. Русскіе послы и купцы (гости), прибывая въ Константинополь, получали отъ византійскаго правительства особое содержаніе, а именно такъ называемое „слебное“ для пословъ на время ихъ пребыванія въ городѣ, и такъ наз. „мѣсячину“, или „мѣсячное“, для купцовъ въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ; но „мѣсячина“ не должна была даваться лицамъ, прибывающимъ въ городъ безъ торговыхъ цѣлей („аще придутъ Русь бесъ купли, да не взимаютъ мѣсячина“, говоритъ 2 статья договора 945 г.). Уже это ограниченіе само по себѣ очень характерно, такъ какъ указываетъ, что, по договору, купцы пользуются преимуществами, по сравненію съ не-купцами, приходящими въ страну. Но, и приходъ съ торговыми цѣлями къ Константинополю греки обставляли рядомъ условій, такъ какъ боялись, чтобъ подъ видомъ торговцевъ не пришли воины-враги. Такъ, русскіе должны были имѣть отъ великаго своего князя особыя печати, а позднѣе — грамоты, которыя имъ служили пропускомъ. Если они не предъявляли такихъ печатей, или грамотъ, то подвергались арестованію до извѣщенія объ этомъ русскаго князя; если же они не давались въ руки и сопротивлялись, то могли быть убиты и смерть ихъ не взыскивалась на грекахъ („аще ли руку не дадятъ и противятся, да убьени будутъ, да не взыщется смерть ихъ отъ князя вашего“, т. е. русскаго). Мало этого. Когда русскіе предъявляли свои печати (грамоты), то и тогда они подвергались ограниченіямъ,

имѣвшимъ въ виду предотвратить возможность для грековъ какихъ либо „безчиній“ со стороны руссовъ. Князья же, посылая пословъ и отпуская въ Византію своихъ подданныхъ, должны были имъ запрещать, по договору 945 г., „творить безчинья въ селѣхъ, ни въ странѣ нашей“; но такъ какъ одно это запрещеніе казалось грекамъ недостаточнымъ, то приходящіе должны были, прибывъ въ Константинополь, обитать („витать“) первоначально въ его предмѣстьѣ у монастыря св. Мамонта (Мамы) и ждать тамъ прихода царскаго чиновника, который ихъ переписывалъ, послѣ чего „съли“ (послы) получали свое „слебное“, „гостье — мѣсячное“. Затѣмъ они могли входить въ городъ „одинѣми (одними) воротами со царевымъ мужемъ, безъ оружія, мужъ 50, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, паки да исходять“. Такъ гласитъ вышеозначенная 2 статья договора 945 г., повторяя сказанное еще въ договорѣ 907 г., съ тѣмъ, однако, важнымъ различіемъ, что, послѣ словъ, „да творять куплю, яже имъ надобѣ“, въ этомъ договорѣ были слова, „не платяче мыта (пошлины) ни въ чемъ же“; въ договорѣ же 945 г. слова эти оказываются выпущенными. Думаютъ, что это сдѣлано съ намѣреніемъ; по договору 907 г., заключенному Олегомъ послѣ побѣдоноснаго вторженія въ Византію, греки допустили безпошлинную торговлю руссовъ, хотя вообще брали съ другихъ народовъ торговыя пошлины; по договору же Игоря 945 г. „греки-побѣдители не видѣли никакой надобности дѣлать исключенія изъ общей системы пошлинъ въ пользу побѣжденныхъ руссовъ“ (Сокольскій, ibid., стр. 10). Нѣкоторые товары могли покупаться руссами только въ извѣстномъ количествѣ; такъ „паволоки“, или драгоцѣнныя ткани (парчи), могли покупаться лишь на сумму не болѣе 50-ти золотниковъ. Уходя изъ города, русскіе имѣли право получить, „еже надобѣ, брашно (пищу) на путь, и еже надобѣ лодьямъ (т. е. что надо для ихъ лодокъ), якоже установлено есть преже“ (т. е. прежде, а именно, — по договору 907 г., гдѣ перечисляются предметы, какіе могутъ получить уходящіе), но зато русскіе „не имѣютъ власти зимовати у святаго Мамы“, т. е., русскіе не должны были заживаться въ Константинополѣ, а, покончивъ свои торговыя дѣла, должны были уѣзжать обратно въ свою страну, — ограниченіе, въ свою очередь, свидѣтельствующее о недовѣріи къ мирнымъ цѣлямъ ихъ пребыванія въ Византіи. Кромѣ того, по тому-же договору 945 г.. русскіе, во время своего пребыванія въ Константинополѣ подчиняются юрисдикціи приставленнаго къ нимъ царскаго чиновника („мужа царства нашего“), въ случаѣ ихъ столкновенія съ греками. Какъ это постановленіе, такъ и постановленіе, ограничивавшее время ихъ пребыванія въ Византіи, а равно и количество паволоки, кото-

рое они могли пріобрѣтать, являются, впрочемъ, лишь въ договорѣ 945 г. и ихъ не было въ договорахъ Олега; это указываетъ ясно, что постановленія этихъ договоровъ были болѣе благопріятны для русскихъ, чѣмъ постановленія Игорева договора, какъ это можно констатировать и въ другихъ случаяхъ.

Оба договора, а именно договоры 911 и 945 гг., содержатъ постановленія, касающіяся выкупа плѣнныхъ. Какъ греки, такъ и русскіе обязаны были, за извѣстный выкупъ, выдавать плѣнныхъ, какъ захваченныхъ ими самими, такъ и другими народами, и затѣмъ привезенныхъ для продажи на русскіе или византійскіе рынки. По договору Олега въ первомъ случаѣ выкупъ производится по рыночной цѣнѣ рабовъ, стоявшей въ данное время на странѣ; во-второмъ, — по 20-ти золотниковъ, платимыхъ за каждаго плѣннаго. По договору Игоря, выкупъ, плативщійся греками за плѣнныхъ, зависѣлъ отъ возраста и отъ пола послѣднихъ. Такъ, греки платятъ за своихъ плѣнныхъ, привезенныхъ русскими въ Грецію, за юношу и дѣвушку 10 золотниковъ (солидовъ; солидъ — золотая монета), за человѣка среднихъ лѣтъ („средовича“) — 8, за стараго и за ребенка по 5-ти золотниковъ. Что касается русскихъ плѣнниковъ, то они выкупаются всѣ безразлично по 10 золотниковъ, т. е., по договору 945 г., условія выкупа менѣе выгодны для русскихъ, чѣмъ для грековъ; по этому договору греки платятъ меньше, чѣмъ русскіе, между тѣмъ, какъ по договору 911 г. они платили одинаково по рыночной цѣнѣ, или по 20 солидовъ. Договоръ 945 г. содержитъ, кромѣ того, одно постановленіе, неизвѣстное договору 911 г., а именно о томъ, что, въ случаѣ, если плѣнный былъ купленъ грекомъ, то онъ выкупается за ту сумму, за какую его пріобрѣлъ хозяинъ (ст. 7).

Тотъ и другой договоръ устанавливаютъ также правила о взаимной военной помощи, но и здѣсь замѣчается большая разница между договорами и при томъ опять таки не въ пользу русскихъ. По договору Олега 911 г. помощь эта необязательна, а именно русскіе могутъ „почесть“ греческаго царя и поступить въ его войска, или остаться у него на службѣ, но они не должны этого дѣлать непремѣнно. По договору же 945 г. руссы, наоборотъ, обязаны притти, въ случаѣ нужды, на помощь грекамъ: „аще-ли хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вой (войска) на противящаяся намъ“, говоритъ 15 статья этого договора, „да пишемъ къ великому князью вашему и послетъ къ намъ, елико-жъ хочемъ: и оттолѣ увѣдятъ (увѣдаютъ) ины страны, каку любовь имѣютъ Грьцы (греки) съ Русью“. Затѣмъ, руссы обязаны были оберегать греческія границы отъ

нападенія болгаръ (11 ст.). Что касается русскихъ, то они также имѣли право на помощь со стороны грековъ, но вопросъ о томъ, когда эта помощь могла быть ими требуема, является довольно спорнымъ въ литературѣ нашей, ввиду главнымъ образомъ неясности относящихся сюда постановленій договора 945 г. (8-ой и 11-ой статей), почему одни ученые толкуютъ эти статьи въ томъ смыслѣ, что русскіе вообще имѣли право требовать у грековъ вспомогательныя войска, другіе же полагаютъ, что это требованіе могло ими предъявляться лишь тогда, когда они откажутся отъ всякихъ притязаній на „Корсуньскую страну", т. е. на область Херсонеса Таврическаго. Весьма важнымъ, съ международной точки зрѣнія, надо признать постановленіе о выдачѣ преступниковъ, находящееся въ договорѣ 911 г.: „Аще злодѣй възвратится въ Русь, да жалують Русь христіанскому царству и ятъ будетъ таковый и възвращенъ будетъ, не хотяй въ Русь", говоритъ 14 статья этого договора. Статья эта, подобно другимъ, вызывала очень много разнорѣчивыхъ толкованій. Смыслъ ея — тотъ, что, въ случаѣ заявленія со стороны русскаго правительства греческому о выдачѣ преступника („злодѣя"), убѣжавшаго изъ Руси въ Грецію, послѣдній схватывается и возвращается силою („не хотяй"). Такъ понимаемая, статья эта можетъ разсматриваться, по замѣчанію проф. Вл.-Буданова, „какъ частное примѣненіе" общаго правила о выдачѣ бѣжавшихъ рабовъ, признаваемаго какъ договоромъ Олега (ст. 12), такъ и Игоря.

Заслуживаютъ, наконецъ, вниманія постановленія договоровъ относительно такъ наз. берегового права. Договоръ Олега требуетъ отъ русскихъ помощи греческимъ кораблямъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Такъ, если греческій корабль будетъ выброшенъ на землю бурею („вѣтромъ великимъ"), и при этомъ случатся русскіе („обрящются тамо иже отъ насъ Руси"), то они должны довести корабль до безопаснаго мѣста, или оказать помощь корабельщикамъ въ доставленіи его на греческій или русскій берегъ, смотря потому, который ближе, при чемъ, въ случаѣ высадки на русскомъ берегу, товаръ можетъ быть проданъ русскими, а деньги, вырученныя отъ продажи, должны быть отосланы въ Грецію, при отправленіи русскихъ карановъ („егда ходимъ въ Греки"). За убійство, нанесеніе побоевъ, или ограбленіе лицъ, находящихся на греческомъ кораблѣ, виновные подвергаются отвѣтственности, согласно постановленію договора („аще ли ключится кому отъ тое лодья въ ней убіену быти, или біену быти отъ насъ Руси, или взяти что-либо, да повиньи будутъ то створшіе преждерѣченную епитемьею" (наказаніемъ), ст. 8). Договоръ Игоря говоритъ о такой-же отвѣтственности за насиліе надъ греческими кора-

блями[1]), но не упоминаетъ уже объ обязанности русскихъ помогать греческимъ кораблямъ во время ихъ странствованія по Черному морю. Обязаны-ли были, въ свою очередь, греки помогать русскимъ судоходцамъ на морѣ и отвѣчали-ли они за насиліе надъ ними, объ этомъ прямо не говорится въ договорахъ, но это надо предполагать, какъ на основаніи статей, говорящихъ о преступленіи лицъ, принадлежащихъ къ той и другой націи, такъ и потому, что греки, какъ болѣе культурная нація, должны были и безъ всякихъ договоровъ оказывать помощь потерпѣвшимъ отъ кораблекрушенія, или отъ кого-либо, руссамъ. Разсмотрѣнныя постановленія потому говорятъ о русскихъ, что послѣдніе считали своимъ правомъ пользоваться добычею, посылавшеюся имъ моремъ при кораблекрушеніяхъ; договоры же заставляютъ ихъ отказаться отъ этого права и нетолько не позволяютъ какого-либо насилія надъ потерпѣвшими отъ бури, или „бороненія земнаго“, какъ выражается договоръ 911 г., но требуютъ еще помощи отъ нихъ въ проводѣ кораблей по опаснымъ мѣстамъ. Постановленіе о помощи любопытно и потому еще, что показываетъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ изслѣдователей договоровъ (Сокольскаго), что „русскіе распоряжались во времена Олега хозяевами на прибрежьѣ Чернаго моря, ибо иначе всѣ эти обѣщанія охраны и помощи были-бы пустою фразою“. То же обстоятельство, что объ этой помощи ничего уже не говорится въ договорѣ Игоря, въ связи съ другими данными, заставляетъ думать, что „господство русскихъ на Черномъ морѣ было непродолжительно“ и пало съ появленіемъ на югѣ Россіи дикихъ и воинственныхъ печенѣговъ.

Частное международное право договоровъ.

Перейдемъ теперь къ постановленіямъ договоровъ по частному международному праву и прежде всего остановимся на правѣ уголовномъ, которому посвящено въ договорахъ нѣсколько статей. Преступленіе носитъ здѣсь наименованіе „проказы“ и „согрѣшенія“; наказаніе — „казни“ и „епитемьи“. Убійца, по договору 911 г., подлежитъ смерти на мѣстѣ преступленія („идѣже аще створитъ убійство“); въ случаѣ его бѣгства, если онъ обладаетъ имуществомъ („аще есть имовитъ“), часть, принадлежащая ему, поступала родственникамъ убитаго („ближнимъ убіеннаго“), часть, принадлежавшая женѣ, оставалась ей; ежели-же онъ былъ „неимовитъ“, дѣло почиталось неоконченнымъ до отысканія убійцы; по нахожденіи-же убійца преда-

1) „И о томъ аще обрящутъ Русь кубару (корабль) гречьскую вверженну (выброшенную) на коемъ-либо мѣстѣ, да не преобидять ея; аще-ли отъ нея возьметь кто что, ли человѣка поработить (обратитъ въ рабство), или убьеть, да будетъ повиненъ закону Русску и Гречьску“ (ст. 9).

вался смерти (ст. 4). По договору 945 г. „аще убьетъ хрестьянинъ русина или русинъ хрестьянина, да держимъ будетъ створивый убійство отъ ближнихъ убіеннаго, да убьють и“ (ст. 13), т.-е. „если убьетъ христіанинъ (грекъ) русскаго, или русскій христіанина, то убійцу должны держать родственники убитаго, дабы потомъ убить его“. Различіе этого постановленія отъ постановленія договора 911 г. состоитъ въ томъ, что въ первомъ допускалась месть в н ѣ - с у д е б н а я, тотчасъ по задержаніи убійцы, во-второмъ — лишь по рѣшенію суда, до объявленія котораго убійца долженъ былъ быть содержимъ отъ „ближнихъ убіеннаго“. Кажется, объясненіе этого различія лежитъ въ томъ, что въ договорѣ Игоря греки, какъ побѣдители русскихъ, могли проявить свое вліяніе въ большей степени, чѣмъ въ договорѣ 911 г. Это вліяніе замѣтно во многомъ и тамъ; въ частности, по отношенію къ данному вопросу, надо сказать, что, по тому и другому договору, за убійство отвѣчаетъ лишь с а м ъ преступникъ и не допускается кровавой мести, за убійство, его родичамъ, какъ это дозволялось по древнѣйшему русскому, а равно и германскому, праву. Но договоръ 911 г. еще дозволяетъ тотчасъ расправиться съ убійцею; договоръ 945 г. требуетъ уже судебнаго разбирательства и не допускаетъ самосуда. Греческое вліяніе съ большею еще ясностью можно вывести изъ той статьи второго договора, въ которой говорится о преступленіи, совершенномъ греками. Именно статья 12 гласитъ, что „аще ли ключится (приключится) проказа нѣкая отъ грекъ, сущихъ подъ властію царства нашего (т.-е. греческихъ подданныхъ), да не имате (русскіе) власти казнити я (ихъ), но повелѣніемъ царства нашего да пріиметъ, якоже будетъ створилъ (т.-е. согласно постановленію греческаго суда да будетъ наказанъ, смотря по преступленію). Греки не могли, конечно, допустить примѣненія началъ русскаго права къ своимъ подданнымъ, что и было оговорено въ указанной статьѣ.

Кромѣ убійства, договоры говорятъ еще о кражѣ и объ оскорбленіи дѣйствіемъ. По 6-ой статьѣ договора Олега, въ случаѣ кражи русскимъ чего-либо у грека (или обратно — грекомъ у русскаго), воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія, можетъ быть убитъ, если окажетъ сопротивленіе, при чемъ, — по договору, — „да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ, ни отъ Руси, но паче убо да возьметъ свое, иже будетъ погубилъ“, т.-е. за смерть вора не отвѣчаетъ ни грекъ, ни русскій, но тотъ или другой берутъ ту вещь, которой они лишились. Если же воръ н е сопротивляется („аще вдасть руцѣ украдый“), то хозяинъ вещи беретъ его и связываетъ, а воръ, кромѣ возвращенія покражи, долженъ былъ возвратить тройную ея стоимость. По договору же Игоря, воръ долженъ былъ,

кромѣ возвращенія краденнаго, уплатить лишь простую стоимость вещи; двойную ея стоимость онъ уплачиваетъ лишь въ томъ случаѣ, когда вещь была имъ продана кому-либо. Объясненіе, почему по договору Игоря воръ отвѣчалъ въ меньшей степени, чѣмъ по договору Олега (по которому онъ долженъ былъ уплатить тройную стоимость вещи), лежитъ въ томъ, что, по Игореву договору, онъ подлежалъ еще, кромѣ уплаты за вещь, наказанію „по закону гречьскому, и по уставу, и по закону русскому“, т.-е. смотря по тому, къ какой національности принадлежалъ онъ. „Денежныя пени за кражу“, по замѣчанію проф. Сергѣевича, „одинаково извѣстны какъ русскому, такъ и греческому праву, но опредѣленіе ихъ въ размѣрѣ двойной (или тройной) цѣны украденнаго — не русское, а чисто-греческое право“. Что касается оскорбленія дѣйствіемъ кого-либо, то по договору Олега, если кто ударитъ другого мечемъ или другимъ какимъ-либо оружіемъ („кацѣмъ-либо ссудомъ“), то платитъ пеню въ 5 литръ серебра „по закону русскому“. Уплата денежной пени за указанное дѣйствіе, дѣйствительно, можетъ назваться „закономъ русскимъ“, т.-е. постановленіемъ, согласнымъ съ обычнымъ нашимъ правомъ, такъ какъ, напр., по Русской Правдѣ за удары и раны полагалась пеня, хотя, впрочемъ, по Русской Правдѣ въ извѣстныхъ случаяхъ допускалась здѣсь и месть, чего договоръ уже не дозволяетъ. Если виновный былъ „неимовитъ“, то, — говоритъ договоръ, — „да вдасть, елико можетъ и да соиметь съ себе и ты самыя порты (одежды), въ нихъ-же ходять“, при чемъ долженъ былъ еще принести присягу („роту“) въ томъ, что у него нѣтъ никого, кто-бъ помогъ бы ему удовлетворить требованіе истца; принесеніе такой присяги прекращаетъ тяжбу („да пребываетъ тяжа оттолѣ невзыскаема о семъ“, ст. 5). Договоръ Игоря повторяетъ тоже постановленіе, нѣсколько лишь видоизмѣняя смыслъ приносимой отвѣтчикомъ присяги, а именно по этому договору отвѣтчикъ присягаетъ въ томъ, что не имѣетъ ничего, кромѣ снятыхъ съ него „портъ“, послѣ чего и отпускается. Это отпущеніе на свободу неимущаго („неимовитаго“) отвѣтчика можетъ считаться видоизмѣненіемъ русскихъ обычаевъ, „по которымъ надо предполагать въ данномъ случаѣ“, какъ отмѣчено проф. Сергѣевичемъ, „продажу въ рабство, или выдачу головою въ услуженіе, до покрытія долга“.

Остановимся, наконецъ, на постановленіяхъ договоровъ относительно гражданскаго права. Въ договорѣ Олега находимъ постановленіе относительно наслѣдованія лицъ, состоявшихъ на службѣ у византійскаго императора („о работающихъ въ Грецѣхъ Руси у хрестьянскаго царя“); по этому постановленію, если кто-либо изъ русскихъ умретъ въ Греціи, „не уря-

дивъ своего имѣнія“ (т.-е. не распорядившись своимъ имуществомъ) и не имѣетъ „своихъ“ наслѣдниковъ, а именно нисходящихъ родственниковъ, имущество его возвращается къ боковымъ его родственникамъ („да възратить имѣніе къ малымъ ближикамъ въ Русь“[1]). Если-же, наоборотъ, означенный русскій умретъ, оставивъ завѣщаніе („аще ли створить обряженье“), то завѣщанное имущество идетъ тому, кому онъ „написалъ“ его, при чемъ наслѣдникъ можетъ его получить отъ русскихъ, ведущихъ торговлю въ Греціи и другихъ, „ходящихъ въ Греки и удолжающихъ“, т.-е. берущихъ въ долгъ. Затѣмъ, какъ въ договорѣ 911, такъ и 945 гг. находятся постановленія, касающіяся рабовладѣнія, а именно, по статьѣ 12-ой договора 911 г., хозяину пропавшаго раба разрѣшается отыскивать его вездѣ, гдѣ онъ только могъ его найти, при чемъ онъ могъ его взять тотчасъ. Если домохозяинъ отказалъ въ разрѣшеніи произвести обыскъ его дома, то ищущій могъ употребить силу; по статьѣ 3-ей договора 945 г., найденный русскимъ рабъ возвращается его хозяину; въ случаѣ же его ненахожденія, приносится руссами-христіанами присяга „по вѣрѣ ихъ“, а не-христіанами „по закону своему“, что онъ, дѣйствительно, убѣжалъ и затѣмъ хозяинъ раба получаетъ по 2 паволоки за раба; по статьѣ 4-ой, русскіе также были обязаны возвращать рабовъ-грековъ ихъ господамъ, при чемъ возвращается съ ними и то, что они унесли съ собою, съ награжденіемъ двумя золотниками лица, приведшаго раба. Игоревъ договоръ не упоминаетъ объ обыскѣ дома и обыскъ замѣненъ присягою.

Таково, въ главнѣйшихъ чертахъ, содержаніе договоровъ 911 и 945 гг. Одни изъ постановленій договоровъ воспроизводятъ стародавнее русское право, другія — обычаи культурнаго народа, видоизмѣняя, впрочемъ, нерѣдко какъ то, такъ и другое.

---

1) „Своему“ наслѣднику договоръ противополагаетъ „малаго“, или, — какъ предлагаютъ читать нѣкоторые ученые, — „милаго ближика“. Думаютъ, что статья договора Олега о наслѣдствѣ есть буквальный переводъ текста одного изъ постановленій XII римскихъ таблицъ: „si in testato moritur, cui suus (своего) heres nec escit, agnatus proximus familiam habeto“, при чемъ выраженіе „agnatus proximus“ передано словами „малый“, или „милый ближикъ“.

II.

Договоры русскихъ съ нѣмцами [1]).

Происхожденіе договоровъ русскихъ съ нѣмцами и ихъ значеніе.

Мы отмѣтили выше, что договоры русскихъ съ греками имѣли, между прочимъ, своею цѣлію обезпеченіе мирныхъ торговыхъ сношеній съ Византіею славяно-русскихъ племенъ, обитавшихъ по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки". Той-же цѣли должны были служить и договоры русскихъ съ нѣмцами, жившими по побережью древняго моря Варяжскаго, или Балтійскаго. На этомъ морѣ съ незапамятныхъ временъ велась оживленная международная торговля, при чемъ товары Восточной Европы и Азіи обмѣнивались на товары Западной Европы. Жители городовъ Новгорода, Смоленска, Полоцка и Витебска принимали дѣятельное участіе въ этой торговлѣ, но первенствующая роль принадлежала, здѣсь, однако, Новгороду. Новгородъ уже въ IX—XI вѣкахъ имѣлъ сношенія съ островомъ Готландомъ, жители котораго носили въ древнихъ русскихъ памятникахъ названіе готовъ; онъ-же велъ торговлю съ Ливоніею, въ которой, по долинѣ рѣки Аа, лежало нѣсколько торговыхъ пунктовъ, какъ Кремонъ, Ашераденъ и др. Такъ какъ, кромѣ того, Новгородъ завязалъ уже съ VIII вѣка прямыя сношенія съ волжскими булгарами, торговавшими съ арабами, то онъ являлся такимъ образомъ вообще центральнымъ пунктомъ торговли между Западомъ и Востокомъ. Неудивительно поэтому, что все, что составляло естественное богатство Восточной Европы и Азіи, шло въ Западную Европу уже съ VIII по XV вв. черезъ посредство Новгорода и частію другихъ сѣверо-русскихъ городовъ. Главными предметами вывоза были янтарь, мѣха, ленъ, хмѣль, кожа, нерѣдко при томъ въ обработанномъ видѣ (какъ юфть); предметами ввоза были

1) Важнѣйшая литература о торговлѣ русскихъ съ нѣмцами по договорамъ съ ними: И. Е. Андреевскій „О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. (С.-П., 1855 г.); М. Бережковъ „О торговлѣ Руси съ Ганзою до конца XV вѣка" (С.-П., 1879 г.); A. Winckler „Die Deutsche Hansa in Russland" (Berlin, 1886 г.); А. И. Никитскій „Исторія экономическаго быта Великаго Норгорода" (Чтенія въ И. Общ. И. и древ. россійскихъ при И. Москов. У-тѣ т. 164, 165, М. 1893 г.); W. Buck „Der deutsche Handel in Nowgorod" и пр. (С.-П., 1895 г., въ „Jahresbericht d. St. Annen-Schule"); B. Hausmann „Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod" (Baltische Monatschrift, 1904). Въ русской литературѣ новѣйшій сводъ свѣдѣній о торговлѣ съ нѣмцами сдѣланъ въ „Опытѣ русской исторіографіи" В. С. Иконникова (Кіевъ, 1908 г.), т. II, кн. 1, стр. 623 и сл. Указанія на изданія договоровъ и литературу см. также въ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права" М. Ф. Влад.-Буданова, вып. I.

сукна, вино, всякаго рода издѣлія. Древнимъ путемъ, по которому прибывали нѣмецкіе гости въ Новгородъ, былъ Финскій заливъ и Нева, откуда они входили въ Ладожское озеро и плыли по Волхову. Подобно тому, какъ развитіе торговли русскихъ на югѣ требовало заключенія мирныхъ договоровъ съ греками, такъ оно-же вызывало необходимость ихъ на сѣверѣ съ нѣмцами. Древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ договоровъ былъ договоръ Новгорода съ нѣмцами отъ 1195 г. (1188); затѣмъ договоры 1263 и 1270 гг. (древнѣйшіе договоры Смоленска съ нѣмцами относятся къ 1229 и 1240; Полоцка и Витебска — къ 1264 г.) Договоръ 1195 г., относимый нѣкоторыми учеными къ 1188 г., былъ заключенъ Новгородскимъ кн. Ярославомъ Владимировичемъ съ жителями острова Готланда на Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ. На островѣ этомъ стоялъ городъ Висби, который еще задолго до ганзейскаго союза былъ главнымъ торговымъ пунктомъ на означенномъ морѣ. Съ XIII вѣка ганзейскій союзъ распространяетъ свое вліяніе, во главѣ съ г. Любекомъ, на всю Прибалтику и получаетъ вообще отъ различныхъ государствъ Западной Европы рядъ важныхъ привилегій по торговлѣ, образуя изъ себя крѣпкую корпорацію. Само слово „Ганза“, обозначавшее первоначально толпу („Schaar“), стало употребляться затѣмъ въ смыслѣ ассоціаціи, или гильдіи, купцовъ, вступившихъ между собою въ соглашеніе, въ цѣляхъ развитія торговли на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. Этотъ союзъ, распадавшійся до 2-ой половины XIV вѣка на нѣсколько группъ, имѣлъ громадное значеніе для развитія мирныхъ международныхъ сношеній, способствовалъ уничтоженію пиратства и выработкѣ правилъ о международной морской торговлѣ. Его значеніе особенно возросло послѣ такъ наз. „Кельнской конфедераціи“ 1364 г., когда Любекъ, Гамбургъ, Бременъ и другіе города объединились въ единое цѣлое для защиты своихъ правъ и привилегій. Но, какъ сказано выше, торговля Новгорода съ Готландомъ началась еще ранѣе образованія ганзейскаго союза. Хотя древнѣйшій договоръ, дошедшій до насъ, относится лишь къ концу XII вѣка (1188 или 1195 гг.), но въ немъ-же самомъ говорится (а именно во вступленіи къ договору), что „се азъ, князь Ярославъ Владиміровичъ, сгадавъ (подумавъ) съ посадникомъ съ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и съ всѣми новгородцы, подтвердихомъ мира стараго съ посломъ Арбудомъ и съ всѣми нѣмецкими сыны и съ Готы (т.-е. съ жителями острова Готланда) и съ всѣмъ латинскимъ языкомъ“ (т.-е. католиками), чѣмъ удостовѣряется, что этотъ договоръ лишь подтверждаетъ „старый миръ“, или прежній договоръ, раньше уже заключенный съ нѣмцами. Слѣдующій договоръ былъ заключенъ Новгородомъ

въ 1263 г. при Александрѣ Невскомъ и третій — въ 1270 г. при кн. Ярославѣ Ярославичѣ. Кромѣ договоровъ Новгорода съ нѣмцами, такіе-же договоры заключали и другіе города. Такъ, Смоленскъ заключилъ при кн. Мстиславѣ Давыдовичѣ въ 1229 г. договоръ съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами, Полоцкъ и Витебскъ — въ 1264 г.; затѣмъ въ XIV вѣкѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ договоровъ русскихъ городовъ съ нѣмцами и со шведами. Въ общемъ очеркѣ нѣтъ необходимости подробно останавливаться на всѣхъ этихъ договорахъ, но древнѣйшіе изъ нихъ заслуживаютъ большого вниманія, какъ непререкаемые и весьма богатые содержаніемъ юридическіе акты, дающіе возможность ознакомиться съ правовыми воззрѣніями своего времени и нерѣдко сообщающіе интересныя свѣдѣнія по вопросамъ, незатронутымъ Русскою Правдою и другими памятниками нашего права означенныхъ вѣковъ. Такъ какъ, кромѣ того, договоры явились позднѣе древнѣйшей редакціи Русской Правды, составленіе которой пріурочивается къ XI вѣку, то, поскольку договоры отражаютъ въ себѣ юридическія начала, нашедшія себѣ выраженія въ тѣхъ или иныхъ постановленіяхъ этого важнѣйшаго памятника древняго нашего обычнаго права, постольку они даютъ возможность изслѣдователямъ судить о жизненности этихъ началъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Значеніе договоровъ русскихъ съ нѣмцами представляется такимъ образомъ, въ цѣломъ, весьма важнымъ. Договоры эти, между прочимъ, являются и болѣе понятными по своему языку, сравнительно съ договорами русскихъ съ греками, почему возбуждаютъ, при своемъ изученіи, гораздо меньше сомнѣній, чѣмъ послѣдніе. Собраніе постановленій, или статутовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ нѣмцевъ, обозначалось словомъ skra (скра). Первая древнѣйшая Новгородская скра относится къ 1260 г. Эти собранія статутовъ отлично характеризуютъ отношеніе между новгородцами и нѣмцами въ эпоху ганзейскаго союза.

Форма договоровъ русскихъ съ нѣмцами; право, въ нихъ содержащееся.

Договоры русскихъ съ нѣмцами, какъ и другіе древнѣйшіе договоры, обычно, начинаются со вступленія, въ которомъ указывается, кто заключаетъ договоръ, а затѣмъ дается обѣщаніе хранить миръ и т. п.[1]). За вступленіемъ идетъ

1) Выше уже было указано вступленіе къ договору 1195 г. Во вступленіи къ договору Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. также указывается, что, по смерти Альберта, епископа рижскаго, надумалъ князь Смоленскій Мстиславъ Давыдовичъ и „прислалъ въ Ригу своего лучьшего попа Ерьмея (посломъ) и съ нимь оумьна мужа Пантелья исъ своего города Смоленска; та два была посълмъ (послами) оу Ризѣ (Риги), изъ Ригы ехали на Гочкый берьго (на Готландъ), тамо твердити (утвердити) миръ“ и т. д.

главная часть, въ которой содержатся юридическія нормы, относительно примѣненія которыхъ другъ къ другу стороны пришли къ соглашенію. Договоры затѣмъ имѣютъ нерѣдко заключительныя статьи различнаго содержанія. Какъ и въ другихъ памятникахъ древности, нечего искать и въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами какой-либо одной строго выдержанной системы изложенія этихъ нормъ, такъ какъ нормы, относящіяся къ уголовному праву, перемѣшиваются съ нормами права гражданскаго, или процесса, при чемъ на долю однѣхъ нормъ приходится иногда бо̀льшее, даже подавляющее, число статей, на долю же другихъ — лишь немногія статьи; иногда-же въ договорахъ вовсе отсутствуютъ цѣлые отдѣлы права. Составители древнѣйшихъ юридическихъ актовъ вообще преслѣдовали цѣли чисто-практическія — установленіе мирныхъ взаимныхъ отношеній; они вовсе поэтому не брали на себя заботы о полнотѣ постановленій и ихъ систематизаціи, но пытались лишь опредѣлить важнѣйшее, съ ихъ точки зрѣнія. Содержаніе договоровъ заслуживаетъ вниманія нетолько потому, что говорится въ нихъ о тѣхъ или иныхъ вопросахъ, но и потому, какіе вопросы здѣсь разсматриваются, такъ какъ послѣднее служитъ вѣрнымъ указаніемъ на то, что считали наши предки необходимымъ прежде всего установить во взаимныхъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, какъ и, наоборотъ, указываютъ, чего добивались послѣдніе. Что же касается права, содержащагося въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами, то оно, несомнѣнно, должно считаться гораздо болѣе русскимъ, чѣмъ право договоровъ нашихъ съ греками. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., проф. Ясинскій, думаютъ даже, что „право договоровъ съ нѣмцами, — т. е. юридическія нормы, содержащіяся въ нихъ, — почти тождественно съ русскимъ обычнымъ правомъ того времени“. Названный ученый исходитъ при этомъ какъ изъ того положенія, что — „у народовъ, стоящихъ на одной или близкой ступени развитія, правовыя нормы не представляютъ существенныхъ отличій; русскіе-же и нѣмцы XII и XIII вѣковъ стояли въ культурномъ правовомъ отношеніи почти на одномъ уровнѣ, — такъ и изъ соображенія о томъ, что „русскіе стойко оберегали нормы своего обычнаго права и нелегко уступали требованіямъ нѣмцевъ и ихъ права“ (Лекціи, стр. 73). Съ послѣднимъ соображеніемъ нельзя не согласиться; что же касается положенія, что „русскіе и нѣмцы XII и XIII вѣковъ стояли въ культурномъ и правовомъ отношеніи почти на одномъ уровнѣ“, то оно требуетъ еще доказательствъ, тѣмъ болѣе, что въ нѣмецкой ученой литературѣ есть взглядъ, противоположный указанному и склонный, наоборотъ, преувеличивать вліяніе

ганзейскаго союза на культуру Новгорода и другихъ городовъ, съ коими онъ велъ сношенія. По этому взгляду союзъ, ожививъ русскую торговлю, создавъ богатства указанныхъ городовъ, открывъ имъ всѣ блага европейской цивилизаціи, повліялъ благодѣтельно на многія стороны ихъ быта (см., напр., Hermann — „Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches“, Leipzig, 1843). Не входя въ подробности по указанному вопросу, можно согласиться съ выводомъ проф. Сергѣевича, что, въ виду того, что „содержаніе договоровъ съ нѣмцами представляетъ результатъ соглашенія двухъ сторонъ“, оно „потому можетъ отражать въ себѣ нѣкоторое вліяніе нѣмецкихъ воззрѣній“. (Лекціи и изслѣдованія, С.-П., 1883 г., стр. 144).

Договоръ Новгорода съ нѣмцами 1195 года и его содержаніе.

Перейдемъ теперь къ обзору нѣкоторыхъ отдѣльныхъ договоровъ русскихъ съ нѣмцами и разсмотримъ обстоятельства, при которыхъ они составлялись, кратко отмѣтивъ тажке ихъ содержаніе.

Еще въ первой половинѣ XII вѣка новгородцы предпринимали путешествія на островъ Готландъ, а также и въ Любекъ, при чемъ подвергались нерѣдко то кораблекрушеніямъ, то нападенію со стороны датчанъ и шведовъ. На Готландѣ они имѣли свою церковь и свой торговый дворъ. Мирныя сношенія новгородцевъ съ Готландомъ были прерваны, однако, въ 1188 г.; лѣтопись кратко упоминаетъ, что „въ то же лѣто (1188 г.) рубоша Новгородцѣ Варязи, на Гътѣхъ (на Готландѣ) Нѣмьцѣ, а на весну не пустиша изъ Новгорода своихъ не единаго мужь за море, ни съла (посла) въдаша Варягомъ, нъ (но) пустиша я (ихъ) безъ мира“, т. е., что, вслѣдствіе кроваваго столкновенія новгородцевъ съ нѣмцами на Готландѣ, новгородцы не пустили, для торга, за море весною ни одного своего мужа и не дали посла варягамъ (какъ назывались готскіе или готландскіе купцы), а отпустили ихъ „безъ мира“. Отъ этого разрыва мирныхъ торговыхъ сношеній страдали всего болѣе („am schwersten“), — какъ утверждаютъ нѣмецкіе ученые, — новгородцы, почему ихъ князь Ярославъ Владиміровичъ и поспѣшилъ послать въ г. Висби посла для заключенія мира съ готами и нѣмцами, которые тогда, и съ своей стороны, пожелали забыть старое (Winckler, стр. 11); иначе, впрочемъ, представляютъ дѣло русскіе ученые, полагающіе, что „сами готы спѣшили поскорѣй уладить дѣло, которое разстроилось по ихъ винѣ“. (Бережковъ, стр. 78). Какъ-бы то ни было, миръ былъ заключенъ, договоръ былъ подписанъ, хотя дата его и не можетъ считаться точно установленной; наиболѣе вѣроятною является, впрочемъ, 1195 г. Эта мирная грамота съ

нѣмцами [1]) устанавливаетъ безпрепятственное плаваніе новгородцевъ въ нѣмецкую землю и на Готландъ, а нѣмцевъ (варяговъ) — въ Новгородскую землю, при чемъ мирный договоръ можетъ быть подтвержденъ преемниками тѣхъ князей (русскаго и нѣмецкаго), которые его заключили. Затѣмъ договоръ назначаетъ виру за убійство новгородскаго посла или торговца („коупчины“) за моремъ, какъ и обратно нѣмецкихъ (посла или торговца) въ Новгородѣ, пени — за арестъ безъ вины („оже моужа свяжуть безъ вины“), „за соромъ“ (срамъ), за побои и раны, за оскорбленіе замужней или дѣвушки (а именно, за сорваніе повязки съ головы чужой жены или дѣвушки, вслѣдствіе чего она „явится простоволоса“), опредѣляетъ порядокъ рѣшенія тяжебъ нѣмцевъ съ новгородцами и обратно, устанавливаетъ обязанность новгородцевъ давать „кормика“ (лоцмана) для каждой нѣмецкой ладьи, приходящей въ Новгородъ, запрещаетъ сажать, — какъ нѣмца-должника въ Новгородѣ, такъ и новгородца „въ Нѣмчехъ“, — „въ погребъ“ (въ тюрьму), но предписываетъ „емати свое (т. е. долги) у виновата“ на его имуществѣ, наказываетъ, наконецъ, за насиліе, совершенное надъ рабою, между тѣмъ какъ по Русской Правдѣ „рабы не считались объектомъ преступленій“, какъ это уже отмѣчено проф. Вл.-Будановымъ. Въ виду древности этого договора, его постановленія по уголовному праву и процессу представляются весьма важными, какъ это будетъ указано въ своемъ мѣстѣ болѣе подробно.

Договоръ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ 1270 года; причины, вызвавшія его заключеніе и обзоръ содержанія договора.

Минуя договоры Новгорода съ нѣмцами, заключенные послѣ 1195 г. по 1270 г., о которыхъ сохранились весьма неполныя свѣдѣнія, остановимся на договорѣ 1270, какъ на самомъ полномъ изъ дошедшихъ до насъ новгородскихъ договоровъ. Германскіе купцы съиздавна пользовались правомъ торговли въ Новгородѣ и имѣли тамъ свой особый торговый дворъ (св. Петра), которымъ управляли на основаніи правилъ, постановленныхъ въ Любекѣ и изложенныхъ въ такъ называемыхъ „скрахъ“, являвшихся для нихъ обязательными уставами („scra“, по терминологіи первоисточниковъ, есть „tabula“; она называется также „liber juris“) [2]). По справедливому замѣчанію ученаго издателя

1) Ея текстъ съ комментаріями изданъ, между прочимъ, въ I выпускѣ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Влад.-Буданова.

2) Новгородскія „скры“, съ переводомъ на русскій языкъ, напечатаны въ указанномъ сочиненіи проф. Андреевскаго о договорѣ 1270 г. и въ книжкѣ П. Таля „Третья Новгородская скра, около 1325 г.“ (М., 1905 г.). На нѣмецкомъ языкѣ онѣ превосходно изданы

этихъ „scra“ Шлютера, купцы изъ Германіи „устроились, какъ у себя дома (въ Новгородѣ), за крѣпкими стѣнами своего двора и ради сохраненія порядка среди постоянно мѣнявшагося населенія двора и обезпеченія всѣмъ безопасности, нѣмцы выработали свои законы (скры), по которымъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ ихъ судили ими-же избранные старшины“. Съ XIII вѣка, когда ганзейскій союзъ сталъ конкурировать въ торговлѣ съ Ливоніею, для его членовъ явилось крайне необходимымъ упрочить свое положеніе въ Новгородѣ и добиться отъ него привиллегій, подобныхъ тѣмъ, какія уже имѣлъ этотъ союзъ въ разныхъ западно-европейскихъ государствахъ. Причины, почему эта необходимость особенно сказалась въ концѣ XIII вѣка, изслѣдователь договора 1270 г. проф. Андреевскій сводитъ, между прочимъ, къ тому, что число нѣмцевъ, пріѣзжавшихъ въ Новгородъ, съ XIII вѣка сдѣлалось значительнѣе прежняго, что нѣмцамъ надо было добиться обезпеченія въ безпрепятственномъ и безопасномъ пути въ Новгородъ изъ-за моря, такъ какъ, съ одной стороны, нападенія шведовъ на морѣ и разбои, бывшіе весьма частыми въ самой Новгородской землѣ, съ другой, очень затрудняли ихъ сношенія съ Новгородомъ, что, наконецъ, сильное развитіе торговли требовало пересмотра прежнихъ правилъ о ней и усовершенствованія судоустройства и судопроизводства, причемъ нѣмцы желали получить здѣсь для себя нѣкоторыя привиллегіи. Повидимому, и сами новгородцы шли на встрѣчу ихъ желаніямъ, такъ какъ Новгороду, по выводу того же автора, даже необходимо было предоставить германскимъ купцамъ преимущества, ибо онъ могъ опасаться соперничества городовъ Ливонскихъ, которые старались изъ собственныхъ пристаней сдѣлать складочные рынки русскихъ и арабскихъ продуктовъ и непосредственно и исключительно производить торговлю съ купцами германскими, въ чемъ, можетъ быть, и успѣли-бъ, если-бъ Новгородъ не представилъ германскимъ торговцамъ особыхъ привиллегій“ (ibid., стр. 4—6); о соперничествѣ германскихъ купцовъ съ лифляндцами говорятъ и нѣмецкіе ученые, касавшіеся ганзейской торговли въ древней Руси[1]). Нельзя не отмѣтить этой мудрой политики Новгорода, съумѣвшаго весьма удачно, для своего времени, обходиться безъ посредниковъ и пытавшаго завязать прямыя сношенія съ Ганзою. Германскіе купцы добивались отъ Новгорода, во 1-хъ, подтвержденія права руководиться,

---

докторомъ Шлютеромъ, въ книгѣ „Новгородская скра въ семи редакціяхъ отъ XIII до XVII вѣка“ (Die Nowgoroder Scra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII Jahrhundert“), Юрьевъ, 1911 г.

1) См. 5 главу того же сочиненія Winckler'a — „Uebergewicht der Livländer auf dem russischen Markte“ стр. 35 сл.

при взаимныхъ сношеніяхъ, своими собственными законами, какъ это вообще дѣлали ганзейцы въ чужихъ странахъ, во-2-хъ — признанія ихъ Новгородомъ особою корпораціею, которой подчиняются всѣ нѣмцы, пребывающіе въ Новгородѣ и, наконецъ, въ-3-хъ, опредѣленія, по договору, взаимныхъ отношеній русскихъ и нѣмцевъ по торговымъ и другимъ дѣламъ. Новгородцы согласились и результатомъ этого соглашенія явился обширный Новгородскій договоръ 1270 г., предоставлявшій рядъ преимуществъ всѣмъ пріѣзжающимъ нѣмцамъ и опредѣлявшій торговыя и иныя отношенія нѣмецкихъ купцовъ къ новгородцамъ. Этотъ договоръ состоитъ изъ „введенія“, въ которомъ указываются лица, заключившія миръ и подписавшія „Правду“[1]), и 26-ти статей, по преимуществу, касающихся торговли, такъ что договоръ этотъ можетъ быть названъ торговымъ международнымъ трактатомъ, въ которомъ, однако, имѣются и постановленія по праву уголовному, гражданскому и процессу. Что касается торговли, то договоръ устанавливаетъ прежде всего правила „о пути по Невѣ между Кетлингеномъ (островомъ Котлинымъ, гдѣ нынѣ стоитъ Кронштадтъ) отъ Готланда и опять отъ Новгорода до Кетлингена“, говоритъ о правѣ нѣмцевъ требовать себѣ лоцмановъ при проходѣ у порога по Волхову, съ уплатою ему пошлинъ „по старинѣ“, о послѣдствіяхъ кораблекрушеній, о пошлинахъ съ приходящихъ барокъ, о льготахъ по торговлѣ пріѣзжихъ купцовъ, о вѣсахъ и гиряхъ, о взысканіяхъ за порчу и растрату товаровъ и т. д. Надо при этомъ замѣтить, что многія требованія нѣмцевъ, казавшіяся Новгороду чрезмѣрными, или неудобными къ исполненію, не были внесены въ договоръ, какъ это видно изъ сравненія текста проекта договора съ самимъ договоромъ. Находящимся нѣмецкимъ гостямъ въ Новгородѣ было обезпечено право свободнаго проѣзда „водою и сухимъ путемъ“ въ военное время „такъ

1) Введеніе гласитъ слѣдующее (въ русскомъ переводѣ); „я, князь Ярославъ, князя Ярослава сынъ, съ посадникомъ Павломъ (Павшею), съ тысяцкимъ господиномъ Ратиборомъ, со старѣйшинами и со всѣми новгородцами, и съ нѣмецкимъ посломъ Генрихомъ Вулленпудъ изъ Любека, съ Лудольфомъ Добрике и Яковомъ Курринге — готландцами, разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу Правду, согласно съ вашими письмами, для васъ, нѣмецкихъ сыновъ и готландцевъ и всѣхъ латинскихъ языковъ“. Выраженіе „латинскіе языки“, по толкованію проф. Андреевскаго, означаетъ „исповѣдующихъ католическую религію“. Договоръ былъ заключенъ при в. князѣ Ярославѣ Ярославовичѣ Тверскомъ, княжившемъ въ Новгородѣ съ 1265 г. и изгнанномъ новгородцами въ 1270 г., послѣ заключенія договора, между прочимъ, за недружелюбное отношеніе къ германскимъ купцамъ, съ которыми новгородцы хотѣли жить въ согласіи. (Текстъ договора съ комментаріями см. въ томъ же сочиненіи проф. Андреевскаго о договорѣ 1270 г.)

далеко, какъ простирается господство новгородцевъ". Въ случаѣ убійства новгородскаго посла „за моремъ", какъ и нѣмецкаго въ Новгородѣ и его области, установлена одинаковая вира въ 20 марокъ серебра; та же вира полагается за убійство ольдермана (старшины) и священника; за купца-же полагается уплата 10 марокъ; за пораненіе острымъ оружіемъ или копьемъ — $1^1/_2$ марки и т. д. Если возникала вообще ссора между нѣмцами и новгородцами, то она должна была разрѣшаться на дворѣ церкви Св. Іоанна Предтечи, стоявшей близъ нѣмецкаго двора, и разрѣшаться при новгородскомъ посадникѣ, тысяцкомъ и купцахъ. Изъ постановленій по гражданскому праву можно отмѣтить статью, въ которой нетолько запрещается сажать новгородцевъ за долгъ нѣмцамъ, или обратно, „въ погребъ", но устанавливается, что „нельзя посылать къ нимъ бирича, ни брать ихъ за одежду, но съ каждой стороны должно требовать пристава тысяцкаго", т. е. здѣсь устанавливаются гарантіи противъ произвольнаго ареста за долги.

Договоръ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами, заключенный въ 1229 г. Значеніе договора. Обстоятельства, при которыхъ договоръ былъ заключенъ.

Изъ договоровъ другихъ русскихъ городовъ съ нѣмцами остановимся еще на одномъ, а именно на договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г.[1]). Договоръ этотъ нетолько является древнѣйшимъ, изъ числа дошедшихъ до насъ договоровъ Смоленска съ нѣмцами, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ считаться вообще однимъ изъ **важнѣйшихъ** договоровъ русскихъ съ нѣмцами, по своей полнотѣ и содержательности. Онъ открывается словами, что то, что „дѣется во времени, то и отходитъ со временемъ („что ся дѣетѣ по вѣремьнемъ, то отиде то по вѣремьнемъ"), а, что „приказано" людямъ добрымъ (къ исполненію) или утверждено **грамотою**, то будетъ вѣдомо имъ всѣмъ, а равно и тѣмъ, кто „посль (насъ) живый останѣться"; затѣмъ идетъ указаніе на то, **кто** его заключалъ (оно приведено частію нами уже выше, какъ образецъ „вступленія" къ договорамъ) и, наконецъ, отмѣчается, что договаривавшіяся стороны рѣшили написать этотъ договоръ („Правду"), „ажбы миръ твьрдъ (твердъ) былъ", чтобъ было „любо" (хорошо) князю, всѣмъ рижанамъ, всему „латинскому языку" и всѣмъ тѣмъ, кто посѣщаетъ Прибалтику и что эту „Правду" должны „держать" (т.-е. соблю-

1) Указанный договоръ, съ обстоятельными къ нему комментаріями, напечатанъ въ I выпускѣ „Хрестоматіи по исторіи русскаго права" проф. Вл.-Буданова.

дать, какъ русскіе съ латинянами, такъ и латиняне съ русскими. Какъ это интересное вступленіе къ договору, такъ и еще болѣе — главная часть его, въ которой содержится много такихъ постановленій, какихъ нѣтъ въ другихъ договорахъ русскихъ съ нѣмцами, показываютъ, что стороны, его заключавшія, отнеслись очень внимательно къ трудному дѣлу установленія мирныхъ взаимныхъ отношеній и пытались создать прочную основу для этихъ отношеній, что имъ и удалось, такъ какъ эта „Мстиславова Правда“, — какъ иногда называется договоръ 1229 г. — подтверждалась, въ общемъ, не разъ смоленскими князьями въ послѣдующее время и подтверждалась въ теченіи, по крайней мѣрѣ, цѣлаго вѣка.

Все вышесказанное достаточно ясно указываетъ на значеніе этого знаменитаго договора. Отмѣтимъ теперь кратко тѣ обстоятельства, при которыхъ онъ былъ составленъ. Заключенію договора предшествовало „розлюбье“ между нѣмцами и русскими. Торговля ливонскихъ нѣмцевъ съ Смоленскомъ, какъ равно и съ Витебскомъ и Полоцкомъ, началась еще въ XII вѣкѣ, при чемъ уже въ концѣ XII вѣка Смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ заключилъ договоръ съ нѣмцами, до насъ, впрочемъ, недошедшій, но о которомъ имѣются указанія въ источникахъ. Мирныя отношенія, однако, часто нарушались, особенно послѣ основанія г. Риги въ 1201 г. и учрежденія ливонскаго ордена меченосцевъ (въ 1202 г.), въ которомъ рижскій епископъ Альбертъ нашелъ дѣятельнаго помощника въ ревностной работѣ своей по обращенію въ католичество туземныхъ жителей прибалтійскаго побережья; нѣмецкіе купцы также усердно помогали епископату и ордену въ его дѣлѣ, при чемъ нерѣдко обращали въ католичество и подданныхъ русскихъ князей, что вызывало ихъ неудовольствіе и приводило къ разрыву мирныхъ сношеній. Такой разрывъ былъ между Ригою и Смоленскомъ и во 2-ой четверти XIII вѣка, когда (въ январѣ 1229 г.) умеръ основатель г. Риги епископъ Альбертъ, а Смоленскій князь Мстиславъ Давыдовичъ послалъ вскорѣ же, именно лѣтомъ того же года, въ Ригу „своего лучшаго попа Еремѣя“ и „умна мужа Пантелея“, смоленскаго сотника, для заключенія мира. Этимъ посламъ помогали добрые люди — „Ролфо ис Кашеля“ (Рольфъ изъ Касселя), „Божи дворянинъ“ (т.-е. рыцарь ордена) „Тоумаше (Томасъ) Смолнянинъ“. Изъ Риги послы поѣхали на Готландъ (какъ видно изъ того же вступленія къ договору), гдѣ составили проектъ договора, который былъ затѣмъ скрѣпленъ печатями городовъ Висби, Риги, Любека, Бремена и другихъ, представители отъ которыхъ упоминаются въ заключительной статьѣ къ договору, заканчивающейся словами: „который роусинъ (русскій) или латынескыи (латинянинъ, т.-е. католикъ)

противоу сее Правды молвить (что-нибудь скажетъ), того почьсти (надо считать) за лихии моужь. Ся грамота есть выдана на Гочкомь берьзѣ (на берегу готскомъ, т.-е. на островѣ Готландѣ) пьрьдъ (передъ) Роускимь посломь и пьрьдъ всеми латинескими коупци". Эту „Правду" признали затѣмъ князья Витебской и Полоцкой земли, какъ это видно изъ ея текста и она такимъ образомъ получила весьма широкое распространеніе; но, когда и при какихъ обстоятельствахъ это совершилось, точныхъ свѣдѣній въ русскихъ источникахъ не имѣется; нѣмецкіе же ученые, основываясь на данныхъ ганзейской исторіи, утверждаютъ, что князь Мстиславъ Давыдовичъ Смоленскій послалъ въ Ригу и Висби въ 1229 г. пословъ какъ отъ себя, такъ и отъ имени князей Полоцка и Витебска, чтобъ уничтожить недовольство, бывшее съ обѣихъ сторонъ, и устранить недоразумѣнія между смолянами и нѣмцами (Winckler, ibid., стр. 13); а недоразумѣнія эти, несомнѣнно, весьма обострились съ учрежденіемъ ливонскаго ордена и развитіемъ дѣятельности епископа Альберта.

Обзоръ содержанія договора 1229 г.

Какъ уже указывалось выше, договоръ 1229 г. весьма богатъ содержаніемъ, при чемъ въ немъ находятся нѣкоторыя постановленія, невстрѣчающіяся въ другихъ нашихъ юридическихъ памятникахъ древняго времени. Таковы прежде всего постановленія о „полѣ" или о поединкѣ. О судебныхъ поединкахъ идутъ извѣстія издревле, а именно еще отъ арабскихъ писателе йХ—XI вѣковъ, но Русская Правда не упоминаетъ о нихъ вовсе. Въ договорѣ 1229 г., наоборотъ, 2 статьи говорятъ о нихъ: въ первой запрещаются поединки на чужой (для вызываемаго) землѣ, откуда надо заключить, что русскій могъ вызвать нѣмца въ его землѣ, какъ и нѣмецъ — русскаго въ тѣхъ княжествахъ, гдѣ имѣла примѣненіе „Мстиславова Правда"[1]); во второй статьѣ указывается, что поединки нѣмцевъ между собою въ русской землѣ, какъ и поединки русскихъ въ Ригѣ и на Готландѣ (на готскомъ берегу), не подлежать вмѣшательству ихъ властей, т.-е. въ русскихъ княжествахъ — княжеской власти, въ нѣмецкихъ земляхъ — власти данныхъ земель. Статьи эти, устанавливающія привиллегію для иностранцевъ, одинаково примѣняемую къ нѣмцамъ и русскимъ, весьма любопытны, какъ древнѣйшее оффиціальное упоминаніе о „полѣ"[2]) или поединкѣ,

1) „Роусину не звати латина на полѣ биться оу Роусской земли, а латининоу не звати роусина на полѣ биться оу Ризѣ (въ Ригѣ) и на Готьскомъ березѣ" (на Готландѣ).

2) „Аже латинескии гость биеться мьжю собою оу Русской земли, любо (либо) мьчемъ, а любо деревъмъ, князю то ненадобѣ, мьжу собою соуди (т.-е. князь не вмѣшивается, а судятся они

игравшемъ когда-то вообще у насъ важную роль въ качествѣ судебнаго доказательства (объ этомъ будетъ вестись рѣчь особо въ отдѣлѣ о процессѣ въ древнее время). Не касаясь другихъ постановленій подобнаго характера, отмѣтимъ вообще, что договоръ содержитъ рядъ правилъ, относящихся до торговли, а затѣмъ нормы права международнаго, уголовнаго, гражданскаго и процесса, при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ этихъ нормъ встрѣчаются весьма любопытныя постановленія, то дополняющія, то разъясняющія опредѣленія другихъ древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ, не исключая и Русской Правды. Въ своемъ мѣстѣ эти постановленія будутъ разсмотрѣны нами болѣе подробно. Теперь же лишь отмѣтимъ бѣгло важнѣйшія изъ нихъ, чтобъ имѣть общее представленіе о содержаніи даннаго договора. Что касается правилъ о торговлѣ, то они опредѣляютъ порядокъ перевозки нѣмецкихъ товаровъ въ Смоленскъ, устанавливаютъ право свободной торговли со стороны нѣмцевъ въ Смоленскѣ (и, вѣроятно, въ Витебскѣ и Полоцкѣ, на которые распространялось дѣйствіе договора)[1]), а русскихъ въ Ригѣ, Висби и Любекѣ, затѣмъ дозволяютъ нѣмцамъ, безъ уплаты проѣзжихъ пошлинъ (мыта) по дорогѣ, вести торговлю на пути отъ Готланда до Смоленска, какъ и обратно, русскимъ отъ Смоленска до Готланда[2]) и опредѣляютъ размѣры торговыхъ пошлинъ. Ввиду важности правильнаго взвѣшиванія товаровъ (главнымъ образомъ воска, который вывозился тогда изъ Смоленска) устанавливается, что торговые вѣсы должны повѣряться по образцовымъ вѣсамъ, которые берегутся одни — въ православной церкви св. Богородицы, другіе — „оу латиннескои церкви“ и т. д. Изъ статей по международному публичному праву обращаетъ на себя вниманіе статья, запрещающая принуждать какъ нѣмцевъ, обитающихъ въ княжествахъ, въ которыхъ примѣнялся договоръ, такъ и русскихъ въ Ригѣ и Готландѣ, къ участію въ военныхъ походахъ данной земли[3]).

своимъ судомъ). Тако, аже роускии гость биеться оу Ризѣ или на Гочкомъ березѣ, латине (властямъ нѣмцевъ) то ненадобѣ, а те промьжю собою оурядится“ (ст. 15 и 16, по изданію проф. Вл.-Буданова).

1) „Латинескому (купцу) есть вълно оу Смоленске, который товаръ хъчьть коупити, безъ пакости. Тако дѣлаити Роуси оу Ризѣ и на Гочкомъ березѣ“ (ст. 30).

2) „Всякому латинескому члвкоу (человѣку) свободенъ путе (путь) изъ Гочкого берега до Смоленска безъ мыта (мытъ — пошлина съ проѣзжающихъ съ товарами людей, отъ нѣмецкаго Mauth — таможня). Тая (та же) правда есть Роуси изъ Смоленска до готского берега“ (ст. 34).

3) „Латинескому не ехати на въиноу (на войну) съ княземъ, ни съ Роусью: аже самъ хъчьть (хочетъ), тотъ едеть. Тако роусиноу не ѣхати съ латинескымъ на въиноу ни оу Ризѣ, ни на гочкомъ березѣ, аже хочеть самъ, тьть (тотъ) едѣть“ (ст. 31).

Повидимому, обычай такого рода существовалъ, иначе договору 1229 г. не было бы нужды его запрещать, и несомнѣнно, онъ заслуживаетъ упоминанія, такъ какъ бросаетъ свѣтъ на взгляды этой отдаленной эпохи на гостей-чужестранцевъ.

Весьма богатъ договоръ постановленіями по праву уголовному, содержа постановленія объ убійствѣ, о кражѣ, о нанесеніи ранъ, увѣчій, побоевъ и оскорбленій дѣйствіемъ, о лишеніи кого-либо свободы, о прелюбодѣяніи и изнасилованіи. Русская Правда, какъ извѣстно, не касается преступленій противъ нравственности, почему, между прочимъ, постановленія объ этихъ преступленіяхъ „Мстиславовой Правды“ заслуживаютъ вниманія, какъ древнѣйшія нормы с в ѣ т с к а г о законодательства по данному вопросу. Къ гражданскому праву относятся статьи, касающіяся договора займа и купли-продажи и нѣкоторыхъ обязательствъ. Впрочемъ, отдѣлъ нормъ гражданскаго права договора гораздо бѣднѣе отдѣла нормъ права уголовнаго, который вообще выступаетъ на первое мѣсто въ древнѣйшихъ Правдахъ, но зато весьма многочисленны и важны, по своему значенію, постановленія по процессу уголовному и гражданскому. Здѣсь мы находимъ правила о порядкѣ взысканія долговъ, о судебныхъ доказательствахъ, объ арестѣ по уголовнымъ дѣламъ, о подсудности тѣхъ и иныхъ дѣлъ, о судебныхъ рѣшеніяхъ и т. п.

Договоръ 1229 г. имѣетъ 2 редакціи и дошелъ до насъ въ 7 спискахъ на русскомъ языкѣ.

Глава III.

Церковные уставы.

Объ уставной дѣятельности древне-русскихъ князей вообще.

Наряду съ д о г о в о р а м и, весьма важнымъ источникомъ права въ нашей древности надо считать у с т а в ы к н я з е й. Князья, производя лично, или черезъ особыхъ довѣренныхъ людей, судъ, водворяя съ помощью дружины порядокъ въ своей землѣ, облагая данями и повинностями ея населеніе, естественно, должны были такъ или иначе изъявлять свою волю и дѣлать и з в ѣ с т н ы м и свои рѣшенія. Этимъ изъявленіямъ воли князей издревле было усвоено наименованіе у с т а в о в ъ и у р о к о в ъ. Еще объ Ольгѣ лѣтопись говоритъ (подъ 946 г.), что „иде Вольга по Дерьвьстей (Деревской, т.-е. Древлянской) землѣ съ сыномъ своимъ и дружиною, у с т а в л я ю щ е у с т а в ы и у р о к и“, а отправившись (въ 947 г.) въ Новгородъ, она-же „у с т а в и по Мьстѣ повосты (погосты) и дани, а по Лузѣ о б р о к и и дани“. Есть извѣстія объ уставахъ и „уро-

кахъ“ св. Владиміра, Ярослава I, его сыновей и внуковъ. Первоначально эти „уставы„ и „уроки“ были весьма кратки и излагались словесно, почему, между прочимъ, многіе изъ нихъ и не дошли до насъ; другіе-же, будучи позднѣе записаны, сохранились для потомства, войдя частію въ составъ Русской Правды и другихъ памятниковъ древности. Этимъ, какъ словеснымъ, такъ и письменно-выраженнымъ, велѣніямъ князей лишь весьма рѣдко усвоялось наименованіе законовъ. Хотя слово законъ и было извѣстно у насъ уже изстари, но ему долго не придавалось того спеціальнаго значенія, какое оно получило позднѣе, главнымъ образомъ — въ новой исторіи нашей, когда законъ сталъ противополагаться обычному праву. Наоборотъ, въ древности, лѣтописцы говорятъ безразлично объ „обычаяхъ отцевъ“ и о „законахъ отцевъ“, подразумѣвая подъ тѣмъ и другимъ выраженіемъ одинаково тѣ представленія о правѣ и справедливости, какія дошли отъ предковъ нашихъ изъ старины стародавней. Поэтому именно княжескіе уставы и уроки (отъ глагола урекать, что значитъ опредѣлять, назначать) являлись (— на ряду съ договорами и вѣчевыми грамотами) древнѣйшею формою законодательной дѣятельности носителей верховной власти перваго періода исторіи нашей. Уставы эти были весьма разнообразны по своему содержанію: въ нихъ князья, во-1-хъ, то утверждали своимъ именемъ тѣ или иныя юридическія нормы, дѣйствовавшія прежде въ видѣ обычаевъ, то видоизмѣняли ихъ; во-2-хъ, дѣлали тѣ или иныя распоряженія по отдѣльнымъ отраслямъ своей административной дѣятельности; наконецъ, въ-3-хъ, они, производя судъ, постановляли тѣ или другія свои рѣшенія, получавшія затѣмъ значеніе прецедентовъ для всѣхъ другихъ аналогичныхъ случаевъ. Такимъ образомъ, обычно, уставы князей касались отдѣльныхъ частныхъ случаевъ жизни. Объ этихъ уставахъ, почти всегда очень несложныхъ и немногословныхъ, намъ придется еще не разъ говорить по разнымъ случаямъ, почему мы и не будемъ теперь ихъ разсматривать. Но, кромѣ этихъ „уставовъ“, представлявшихъ собою простыя рѣшенія князей по отдѣльнымъ вопросамъ судебно-административной ихъ практики, до насъ дошли уставы другого рода, а именно такіе, въ которыхъ была сдѣлана попытка собрать въ одно цѣлое постановленія, относящіяся къ извѣстному кругу дѣлъ, а именно—къ кругу дѣлъ церковныхъ. Памятникамъ права, опредѣляющимъ положеніе церкви и духовенства въ государствѣ, устанавливающимъ кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ церковному суду и предоставляющимъ церкви различнаго рода льготы, усвояется въ наукѣ исторіи русскаго права наименова-

ніе церковныхъ уставовъ. На этихъ уставахъ необходимо остановиться особо, какъ въ виду того обстоятельства, что они являются единственными памятниками кодификаціонной дѣятельности, связанной съ именами древнихъ князей нашихъ по дѣламъ внутреннимъ, такъ и потому, что они содержатъ указанія на многіе народные обычаи, бросающіе яркій свѣтъ на правовоззрѣнія первоначальной эпохи русской исторіи.

Церковные уставы и вопросъ о ихъ подлинности. Значеніе уставовъ въ исторіи нашего права.

Съ принятіемъ христіанства на Руси и образованіемъ русской церкви возникла у насъ необходимость урегулированія ея положенія въ государствѣ и обезпеченія правъ духовенства. Эта необходимость въ особыхъ законахъ для церкви, — какъ новаго общества, вошедшаго въ языческую своеобразную среду славяно-русскихъ племенъ конца X вѣка, — могла удовлетворяться двоякимъ путемъ, а именно перенесеніемъ къ намъ, во-1-хъ, византійскихъ каноническихъ сборниковъ и во 2-хъ созданіемъ княжескихъ уставовъ, въ которыхъ бы, — примѣнительно къ условіямъ тогдашней русской дѣйствительности, — давались юридическія опредѣленія по вопросамъ, возникавшимъ тогда въ практической жизни. О перенесеніи въ древнюю Русь византійскихъ сборниковъ права мы будемъ ниже говорить особо. Что-же касается княжескихъ уставовъ, относящихся до положенія въ государствѣ христіанской церкви, — или „церковныхъ уставовъ“, какъ они называются, — то ихъ дошло до насъ шесть и изъ нихъ два, приписываемые Владиміру св. и Ярославу I, могутъ быть названы общими, — имѣвшими, какъ думаютъ, распространеніе по всей Руси, — и четыре мѣстными, дѣйствовавшими лишь въ отдѣльныхъ княжествахъ; таковыми считаются 2 устава Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила (Мстиславовича) отъ 1125—1136 гг. и отъ 1135 г., одинъ — Новгородскаго-же князя Святослава Ольговича отъ 1137 г. и одинъ Смоленскаго князя Ростислава Мстиславовича отъ 1150 г.[1]). Кромѣ этихъ

1) Кромѣ общихъ курсовъ, о церковныхъ уставахъ см. у К. А. Неволина „О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Вел.“. (Пол. С. Сочиненій, С.-П., 1895 г.) т. VI; у митрополита Макарія „Исторіи русской церкви“ (С.-П., 1868 г.), т. I—II; Е. Голубинскаго „Исторія русской церкви“ (М., 1901 г.), т. I, первая половина; у Н. С. Суворова „Учебн. церков. права“ (М. 1902 г. Прекрасный сводъ толкованій и указаній на литературу церковныхъ нашихъ уставовъ (съ переводомъ на нѣмецкій языкъ уставъ Св. Владиміра и нѣкоторыхъ другихъ каноническихъ памятниковъ), находимъ въ сочиненіи L.-K. Goetz'a „Kirchenrechtliche und Kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands, nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts“ (въ т. наз. „Kirchenrechtliche Abhandlungen“, издаваемыхъ проф. U. Srutz'омъ, 18 и 19 Heft, Stuttgart, 1905.)

уставовъ, имѣется еще нѣсколько льготныхъ и жалованныхъ грамотъ, дававшихся нашими князями отдѣльнымъ церквамъ и монастырямъ.

Церковные уставы, выше нами упомянутые, дошли до насъ въ спискахъ позднѣйшаго времени, изъ которыхъ самый ранній относится къ концу XIII вѣка. Какъ это обстоятельство, такъ и цѣлый рядъ недоразумѣній, возникающихъ при изученіи содержанія этихъ уставовъ, давно возбуждали въ ученыхъ сомнѣніе въ ихъ подлинности, при чемъ съ особенной силою это сомнѣніе высказывается по отношенію къ двумъ древнѣйшимъ уставамъ, т. е. къ уставамъ св. Владиміра и Ярослава I. Остановимся прежде всего кратко на разсмотрѣніи вопроса о подлинности уставовъ и затѣмъ отмѣтимъ, какое значеніе имѣютъ эти уставы въ исторіи русскаго права, независимо отъ того, должно ли считать дошедшіе до насъ списки уставовъ подлинными уставами (или грамотами) своего времени, или, наоборотъ, надо признать, что они суть „позднѣйшія поддѣльныя произведенія“, какими ихъ считалъ еще Карамзинъ. Надо при этомъ вообще отмѣтить, что мнѣнія ученыхъ по данному вопросу весьма расходятся. Такъ, одни изъ нихъ отрицаютъ совершенно подлинность уставовъ, другіе ее защищаютъ, наконецъ, третьи, — признавая, что дошедшіе до насъ списки уставовъ являются лишь весьма неисправными копіями, но не подлинными актами своего времени, — не находятъ, однако, достаточныхъ основаній считать ихъ какою-то незаслуживающею вниманія поддѣлкою. Изъ мнѣній перваго рода обращаетъ на себя вниманіе мнѣніе проф. Голубинскаго, который совершенно категорически утверждаетъ, что „вопреки нынѣшнимъ, горячимъ и негорячимъ, защитникамъ подлинности уставовъ, съ совершенною рѣшительностью должно возвратиться къ мнѣнію Карамзина, что они суть не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія“. По мнѣнію названнаго ученаго, уставъ св. Владиміра содержитъ рядъ „несообразностей“. Такъ, напр., уставъ говоритъ, что „десятина“ (десятая часть доходовъ) дана была церкви Богородицы въ Кіевѣ (т. н. „Десятинной церкви“) „во всей землѣ русской“, но „Владиміръ далъ, и могъ дать, десятину Кіевской церкви Богородицы только въ области великаго княженія (Кіевскаго), десятина же съ прочихъ областей или удѣловъ долженствовала, и дана была, ихъ собственнымъ епископіямъ“. Или, напр., уставъ предоставляетъ суду епископовъ тяжбы о наслѣдствѣ, тогда какъ извѣстно, что дѣла эти, по Русской Правдѣ, подлежали княжескому суду. Или, напр., въ томъ же уставѣ говорится, что Владиміръ, послѣ крещенія, взялъ у патріарха Фотія перваго митро-

полита для Кіева[1]), между тѣмъ какъ Фотій умеръ за сто лѣтъ до Владиміра. Названный ученый отмѣчаетъ затѣмъ, и то обстоятельство, что уставъ ничего не говоритъ о судѣ епископовъ надъ двоеженствомъ, хотя, „со всею необходимостью должно предположить, что это преступленіе предоставлено суду епископовъ съ самаго начала и самимъ св. Владиміромъ. Отсутствіе его въ уставѣ даетъ знать, что послѣдній явился въ то время, когда языческій обычай двоеженства совсѣмъ вывелся, или, по крайней мѣрѣ, сталъ такъ рѣдокъ и незамѣтенъ, что не напоминалъ о себѣ его авторамъ", т. е., иначе говоря, уставъ Владиміра былъ составленъ позднѣе. Наконецъ, „объ этомъ уставѣ, еслибъ онъ былъ данъ Владиміромъ, знала бы не только сѣверная Русь, но и южная и „ожидать его сохраненія въ южной Руси было гораздо больше основанія, чѣмъ въ сѣверной. Между тѣмъ позднѣйшая южная Русь вовсе не знала никакого устава Владимірова". Еще болѣе отрицательно относится проф. Голубинскій къ подлинности церковнаго устава Ярослава, утверждая, что самая „попытка дѣлать это (т. е. доказывать его подлинность) была-бы оригинальнымъ упорствомъ и болѣе ничего". Вкратцѣ передавая важнѣйшіе выводы того же автора объ этомъ уставѣ, надо отмѣтить, что прежде всего возбуждаетъ, съ его стороны, возраженіе уже то обстоятельство, что Ярославъ говоритъ о „сложеніи" устава (т. е. о его составленіи) по „данной" или „по записи" своего отца, но, если Владиміръ имѣлъ намѣреніе написать уставъ, то, по мнѣнію автора, трудно предположить, чтобъ „онъ этого не сдѣлалъ бы самъ", а поручилъ Ярославу, „котораго онъ вовсе не прочилъ въ свои преемники". Затѣмъ, Ярославъ въ уставѣ предоставляетъ суду митрополита и епископовъ дѣла о кражахъ и поджигательствѣ, совершенныхъ мірянами, тогда какъ этого не было въ дѣйствительности, ни при Ярославѣ, ни послѣ него. Уставъ, наконецъ, облагаетъ денежнымъ штрафомъ и казнью" (наказаніемъ) наибольшую часть преступленій, при чемъ первый идетъ въ пользу епископа, вторая производиться княземъ, т. е. преступникъ несетъ „двойное наказаніе, что, конечно, должно считаться несообразностью. По автору, „составитель устава Ярослава, одушевленный желаніемъ создать епископамъ изъ суда церковнаго возможно-солидную статью доходовъ, не хочетъ знать никакой мѣры и благоразумія, дѣлая почти весь судъ гражданскій общимъ достояніемъ князя и епископа (предоставляя первому казнить, а

1) „Се язъ, князь Владиміръ . . . принялъ есьми св. крещеніе отъ греческаго царя Константина и отъ Фотія, патріарха Царигородскаго и пріялъ отъ него перваго митрополита Михаила Кіеву . . ."

второму усвояя взиманіе денежныхъ штрафовъ)". Вообще изъ церковныхъ уставовъ, дошедшихъ до насъ, тотъ же ученый считаетъ „достовѣрнымъ актомъ" лишь грамоту Смоленскаго князя Ростислава Мстиславовича, данную имъ Смоленской епископіи, вскорѣ послѣ основанія ея въ 1150 г. (стр. 400 и сл.).

Мы привели самое крайнее мнѣніе о двухъ первыхъ церковныхъ уставахъ нашихъ князей. Нельзя не сознаться, что, какъ указанные выше, такъ и другіе анахронизмы и „несообразности", — встрѣчающіеся въ ихъ текстахъ и отмѣченные еще со временъ Карамзина нашими учеными — въ значительной степени подорвали вѣру въ подлинность этихъ уставовъ, въ особенности же — второго изъ нихъ. Многое, однако, остается невыясненнымъ, при чемъ возраженія, направленныя главнымъ образомъ противъ погрѣшностей, встрѣчающихся въ дошедшихъ до насъ спискахъ этихъ уставовъ, вовсе не служатъ доказательствомъ, что подобныхъ уставовъ не могло быть дано тѣми князьями, съ именемъ которыхъ они остались для потомства. Неудивительно поэтому, что въ литературѣ вопроса являются мнѣнія, несогласныя съ мнѣніемъ, подобнымъ только-что приведенному (каковы, напр. мнѣнія митрополита Макарія, профессоровъ: Неволина, Вл.-Буданова, Ключевскаго, Сергѣевича, Ясинскаго и др.). Такъ напр., проф. В.-Будановъ, соглашаясь, что уставы „дошли до насъ въ такихъ редакціяхъ, которыя не могутъ быть отнесены къ упомянутымъ князьямъ", говоритъ, что „тѣмъ не менѣе необходимо предположить, что епископы и первые христіанскіе князья установили законом ъ положеніе церкви въ новомъ обществѣ, хотя теперь невозможно возстановить дѣйствительный видъ уставовъ, данныхъ Владиміромъ и Ярославомъ. Первоначальный законъ допускалъ въ себѣ неопредѣленность формы; возможны были дальнѣйшія добросовѣстныя измѣненія его, безъ нарушенія основныхъ началъ и безъ предположенія о подлогѣ" („Обзоръ", стр. 95). Касаясь устава Св. Владиміра, проф. Ключевскій замѣчаетъ, что „время сильно попортило этотъ памятникъ, покрывъ первоначальный его текстъ густымъ слоемъ позднѣйшихъ наростовъ. Въ спискахъ этого устава много поправокъ, передѣлокъ, вставокъ, подновленій; словомъ, варіантовъ — знакъ продолжительнаго практическаго дѣйствія устава. Однако, легко возстановить, если не первоначальный текстъ устава, то его юридическую основу, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобъ понять основную мысль, проведенную въ ней законодателемъ" (Курсъ русской исторіи, I, стр. 305). Проф. Ясинскій также говоритъ, что „трудно допустить, чтобы Владиміръ, крестясь самъ, крестивъ своихъ поданныхъ и учредивъ первыя епископіи, ничего не установилъ относительно положенія церкви въ

новомъ обществѣ и относительно церковнаго управленія, а также, чтобъ онъ вовсе не опредѣлилъ предѣловъ церковнаго суда, который долженъ былъ возникнуть вслѣдъ за введеніемъ христіанства для рѣшенія всѣхъ такихъ дѣлъ, въ какихъ епископы и вообще духовенство, безспорно, являлись единственными или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе компетентными судьями". Мы привели изъ многихъ мнѣній, высказанныхъ нашими учеными о церковныхъ уставахъ, лишь немногіе, но и изъ нихъ видно, какъ много еще спорнаго представляетъ вопросъ объ этихъ уставахъ. Общее заключеніе, къ которому надо, однако, притти, будетъ то, что, если подлинность дошедшихъ до насъ списковъ уставовъ не можетъ быть нынѣ защищаема, то это еще не доказываетъ, чтобы такихъ уставовъ не могло быть — въ той или иной формѣ (устной или письменной) — вовсе дано, а, наоборотъ, надо признать что была нужда въ княжескомъ законѣ, какъ для церкви, такъ и для государства; въ частности — въ уставѣ Св. Владиміра многія постановленія памятника могли быть даны этимъ княземъ. Но если это такъ, то уставы, въ смыслѣ простыхъ, несложныхъ и первоначально устныхъ, распоряженій князей, дѣйствительно исходили отъ нихъ. Затѣмъ, позднѣе при записяхъ они измѣнялись и подновлялись, откуда, между прочимъ, и произошли разные недостатки ихъ текста.

Коснемся теперь вопроса о значеніи церковныхъ уставовъ въ исторіи нашего права. Несомнѣнно, что значеніе это весьма велико, независимо отъ того, являлись ли церковные уставы подлинными актами тѣхъ князей, которымъ они предписываются, или они были позднѣйшими, и невсегда достаточно точными, какъ сказано, записями княжескихъ постановленій и практики церковныхъ судовъ. Церковные уставы трактуютъ, во-1-хъ, о чрезвычайно-важномъ вопросѣ, а именно о положеніи христіанской церкви въ славяно-русскомъ обществѣ того времени: во-2-хъ, изъ церковныхъ уставовъ мы узнаемъ о многихъ древнѣйшихъ языческихъ обычаяхъ народа и о воздѣйствіи церкви на ихъ искорененіе, въ тѣхъ случаяхъ, когда они шли слишкомъ въ разрѣзъ съ высокими началами христіанской морали; въ 3-хъ, церковные уставы, — въ сопоставленіи съ Русскою Правдою и другими памятниками древняго права, — даютъ возможность болѣе всесторонне освѣтить и изучить тѣ вопросы юридическаго быта нашихъ предковъ, о которыхъ въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ говорится очень мало или не говорится ничего вовсе; въ 4-хъ, церковные уставы, будучи примѣняемы на практикѣ въ судѣ духовенства, не только показываютъ, каковы были предѣлы компетенціи этого суда, но и какъ разрѣшались сложные вопросы по столкновенію юридическихъ началъ права ви-

зантійскаго съ началами русскаго обычнаго права. Дѣло строгой научной критики — умѣть устранить изъ церковныхъ уставовъ все, то, что не оправдывается достовѣрными данными, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ права тѣхъ вѣковъ, къ которымъ относятся уставы; но сами уставы, — съ ихъ чрезвычайно богатымъ содержаніемъ, которое не могло быть, въ цѣломъ, кѣмъ-либо выдумано, а такъ или иначе отражало требованія жизни, — остаются памятниками права, заслуживающими вниманія юристовъ-историковъ. Къ краткому обзору ихъ содержанія мы теперь и обратимся.

Содержаніе церковныхъ уставовъ.

Обращаемся къ краткому обзору содержанія церковныхъ уставовъ. Что касается перваго устава, т.-е. устава Св. Владиміра, то мы находимъ въ немъ упоминаніе о пожалованіи десятины въ пользу церкви и опредѣленіе круга предметовъ и лицъ, находящихся въ вѣдомствѣ церкви. Различаются двѣ редакціи этого устава, по спискамъ, а именно — краткая и пространная; послѣдняя — древнѣе первой. Въ краткой редакціи, нѣтъ, напр., упоминанія о мѣрахъ и вѣсахъ, порученныхъ завѣдыванію епископовъ, нѣтъ заключительной части, которая запрещаетъ „обижать“ судъ церковный и грозитъ проклятіемъ за неисполненіе этого („а пообидятъ судъ церковный . . . , прокляты въ сій вѣкъ и въ будущій семію зборовъ“, т.-е. Соборовъ, „святыхъ отецъ вселенскихъ“).[1]) Что касается предметовъ, подлежащихъ, по уставу, церковному суду, то, говоря кратко, сюда относятся: 1) дѣла о разводѣ и заключеніи брака, дѣла о наслѣдствѣ; 2) дѣла о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви, 3) дѣла о прелюбодѣяніи и 4) объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, о которыхъ говоритъ уставъ[2]). Какъ

1) Текстъ краткой редакціи устава, съ комментаріями, см. въ 1-мъ выпускѣ „Христоматіи по и. р. права“ проф. В.-Буданова; текстъ пространной, — также съ комментаріями, — въ „Исторіи русской церкви“ проф. Голубинскаго, т. I, в. I, стр. 621 и сл.

2) „А се церковніи суди: роспустъ (роспускъ), смильное, заставанье, умычка, пошибанье промежи мужемъ и женою о животѣ, въ племени или сватьствѣ поимуться, вѣдьство, зеліинничьство, потвори, чародѣянія, волхованія, уреканіе . . . зеліи, еретичьство, зубоѣжа, или сынъ отца бьетъ, или матерь, или дчи (дочь), или сънха (сноха) свекровь, или дѣти тяжуться о заднюю, церковная татба, мертвецы волочать, крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжутъ, скотъ или псы или потки безъ великы нужы введеть въ церковь, или ино что неподобно церкви подѣеть, или два друга имѣтася бити (и) единаго жена иметь за лоно другого и роздавить, или кого застануть съ четвероножиною, или кто молится подъ овиномъ, или въ рощеньи или у воды, или дѣвка дѣтя повръжетъ“. Таковы дѣла, подлежащія церковнымъ судамъ по пространной редакціи устава. Въ объясненіе нѣкоторыхъ, малопонятныхъ словъ указаннаго текста, надо сказать, что „роспустъ“ значитъ — разводъ, смилное — приданое, заставанье — по однимъ

видно изъ текста устава, церковному суду приходилось имѣть дѣло съ истаринными народными обычаями, противъ существованія коихъ онъ долженъ былъ бороться (каковъ, напр., обычай умыканія невѣсть, разнаго рода колдованія, моленія подъ овиномъ, въ рощахъ, у воды и т. п.). Въ уставѣ затѣмъ перечисляются какъ тѣ лица, которыя вѣдаются церковью по всѣмъ дѣламъ (это такъ называемые „церковные люди“ [1]), такъ и указываются учрежденія, состоящія при монастыряхъ и церквахъ (больницы, гостинницы, страннопріимные дома). Такъ какъ подобныхъ учрежденій, говоря вообще, не было не только при Владимірѣ, но и позднѣе, то это обстоятельство также указываетъ, по мнѣнію критиковъ устава, на то, что уставъ этотъ не былъ подлиннымъ актомъ своего времени. Однако, уставъ могъ говорить и о томъ, что предполагалось къ устроенію церковью и о чемъ представители ея должны были заботиться впредь. Пространная редакція устава говоритъ еще о завѣдываніи епископами „городскими вѣсами и мѣрами“, замѣчая, что „отъ Бога такъ искони установлено“ [2]). Мы уже отмѣчали, — говоря о договорахъ русскихъ съ нѣмцами, — что одни образцовые „вѣсы“ хранились въ русской церкви (въ Новгородѣ), а другія — нѣмецкой; такъ бывало и въ другихъ городахъ. Тѣ обманы при торговлѣ, какіе бывали въ то время весьма нерѣдки, привели къ мысли отдать вѣсы и мѣры въ завѣдываніе церкви, чтобъ ея представители увѣщевали торговцевъ вести продажу товаровъ безъ обмѣра и безъ обвѣса; въ этомъ смыслѣ, кажется, и надо понимать требованіе устава о завѣдываніи вѣсами и мѣрами со стороны духовенства.

толкованіямъ — прелюбодѣяніе, по другимъ — залогъ (застава или зарядъ, т. е. неустойка) — умычка — умыканіе или увозъ силою невѣсты, пошибанье — драка, ссора; пониманье въ племени или сватьствѣ — бракъ при родствѣ или свойствѣ лицъ, въ него вступающихъ; вѣдьство — колдовство, зелійничьство — отравленіе, потворъ — обморачиваніе, уреканіе — оскорбленіе словомъ, зелія — отрава, зубоѣжа по толкованію однихъ ученыхъ — укушеніе, по толкованію другихъ — „звѣроядина“, т. е. употребленіе въ пищу сырого мяса; мертвеци сволочать — раскопавъ могилу, снимаютъ съ мертвецовъ одежды, потка — птица.

1) „А се церковные люди: игуменъ, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернецъ, черница, проскурница (просвирня), паломникъ, лѣчець (врачъ), прощенникъ (исцѣпленный чудомъ), задшьный (задушный) человѣкъ (холопъ, отпущенный по духовной грамотѣ), сторонникъ (странникъ), слѣпецъ, хромецъ“ . . .

2) „Се же искони установлено есть и поручено святымъ пискупьямъ городьскые и торговые всякая мѣрила (мѣры длины) и спуды (мѣры емкости), и звѣсы (вѣсы), ставила (гири), отъ Бога тако искони установлено, пископу (епископу) блюсти безъ пакости, ни умалити, ни умножити, за все дати ему слово (т. е. отвѣтствовать) въ день суда великаго, якоже и о душахъ человѣческихъ“.

Второй древнѣйшій церковный уставъ, а именно уставъ великаго князя Ярослава Владиміровича о судахъ, сохранился въ спискахъ 3-хъ редакцій [1]). Уставъ этотъ обширнѣе предыдущаго устава и, хотя, въ общемъ, онъ касается тѣхъ-же вопросовъ, какъ и уставъ Владиміра, но о многихъ изъ нихъ здѣсь говорится болѣе подробно и обстоятельно. Такъ, напр., уставъ этотъ, перечисляя дѣла, подсудныя церковному суду, указываетъ также и на тѣ наказанія, какія должны были постичь преступника, при чемъ церковная власть получаетъ денежные штрафы за преступленія и проступки, а князь „караетъ"; уставъ же Владиміра ничего не говорилъ о наказаніяхъ. Затѣмъ, уставъ Ярослава знаетъ гораздо большее число видовъ преступленій, сравнительно съ предшествующимъ уставомъ. Такъ, напр., имъ указываются отдѣльные виды прелюбодѣянія, о которыхъ ничего не говоритъ Владиміровъ уставъ, запрещается родителямъ принуждать своихъ дѣтей къ браку [2]), говорится о цѣломъ рядѣ общихъ преступленій, какъ убійство, кража, поджогъ и пр., о поединкахъ женъ между собою, о чемъ, впрочемъ, извѣстно и изъ другихъ актовъ [3]). Что касается подсудности церковному суду тѣхъ или иныхъ людей, то они здѣсь не перечисляются (какъ это было въ уставѣ Владиміра), а лишь говорится, что „домовные люди и церковные", вмѣстѣ съ живущими въ монастыряхъ, подлежатъ суду епископскихъ волостелей и вымороčное имущество послѣ нихъ („безатщина") идетъ епископу [4]).

Изъ уставовъ мѣстныхъ надо назвать прежде всего уставъ Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила (отъ 1125—1136 г.). По утвержденію одного изъ нашихъ канонистовъ, проф. Н. С. Суворова — „это есть ни что иное, какъ уставъ Владиміра, къ которому весьма неискусно, безъ соблюденія грамматическаго смысла, неизвѣстнымъ книжникомъ прибавлены: имя князя Всеволода, наряду съ именемъ Владиміра, упоминаніе о св. Софьѣ новгородской, наряду съ Софьею кіевскою и объ архіепископахъ новгородскихъ, наряду съ митрополитами кіевскими". Не отвергая указанныхъ недостатковъ устава, а также признавая его „документомъ неподлиннымъ", мы, однако, должны за-

---

1) Текстъ этого устава съ комментаріями см. у проф. Вл.-Буданова и Голубинскаго, ibidem.

2) „Аже дѣвка не всхощетъ замужъ, а отецъ и мати силою дадуть, а что створить надъ собою, отецъ и мать епископу въ винѣ"... (т. е. отвѣчаютъ передъ нимъ) и пр.

3) „Аще двѣ жени бьются, митрополиту 60 рѣзанъ или 6 гривенъ на виноватой". По такъ наз. Новгородской записи о церковномъ судѣ (около 1477 г.) можно „жонкѣ съ жонкою присужате поле" . . .

4) „А что дѣется въ домовныхъ людехъ и церковныхъ и въ монастырехъ, и не вступаются княжи мужи въ то, а то вѣдаютъ епископли волостели, и безатщина ихъ епископу идетъ".

мѣтить, что въ этомъ уставѣ есть нѣкоторыя добавки, сравнительно съ уставомъ св. Владиміра, нѣсколько иного характера, чѣмъ вышеотмѣченныя. Нѣкоторыя изъ нихъ достойны упоминанія въ исторіи нашего права, какъ, напр., извѣстіе объ „изгояхъ“, помѣщенное въ уставѣ (о нихъ мы скажемъ особо ниже), свѣдѣнія о порядкѣ наслѣдованія и др.

Не останавливаясь на другихъ церковныхъ уставахъ новгородскихъ князей, а именно того же Всеволода-Гавріила отъ 1135 г и Святослава Ольговича отъ 1137 г., подлинность которыхъ тоже заподозрѣна, коснемся болѣе подробно церковнаго устава Смоленскаго князя Ростислава Мстиславовича отъ 1150 г. Уставъ этотъ признается почти всѣми изслѣдователями за дѣйствительно-данный тѣмъ княземъ, съ именемъ коего онъ дошелъ до насъ, хотя опять-таки онъ дошелъ до нашего времени не въ подлинникѣ, а въ спискѣ XVI вѣка. По утвержденію проф. Голубинскаго, этотъ уставъ, или „грамота Ростислава Мстиславовича, представляетъ собою оффиціальный и достовѣрный документъ относительно области суда церковнаго въ половинѣ XII вѣка“ (ibid., 640 стр.). Конечно, это обстоятельство весьма важно, такъ какъ даетъ историкамъ права возможность во-1-хъ судить, какого рода дѣла относились къ компетенціи этого суда и провѣрить, во-2-хъ, тѣ свѣдѣнія по этому предмету, какія сообщаются въ другихъ церковныхъ уставахъ. Подъ именемъ „тяжъ епископлихъ“, — т. е. дѣлъ, подлежащихъ суду епископа (или церковному суду) — уставъ разумѣетъ: 1) разводъ („роспустъ“), 2 двоеженство („ажъ водить кто двѣ жонѣ“), 3) браки въ степеняхъ, недозволенныхъ закономъ („аще кто поимется черезъ законъ“), 4) „умычку“ дѣвушки (тяжа у в о л о ч с к а я, ажъ уволочеть“, — т. е. похитить, — „кто дѣвку“), при чемъ эту „тяжу“ судитъ князь или посадникъ, уплачивая епископу половину („наполы“) штрафа, 5) насиліе, повидимому, надъ женщиною[1]). 6) зелье и душегубство и 7) „аже бьется двѣ жены“, т. е. поединокъ между двумя женщинами. Затѣмъ уставъ Ростислава подробно перечисляетъ, въ чемъ состоитъ „десятина“, даваемая кн. Ростиславомъ церкви, и какія села, земли и угодья были имъ пожалованы епископіи Смоленской. Въ сопоставленіи съ другими свѣдѣніями о „десятинѣ“, постановленія даннаго устава получаютъ большое значеніе.

1) Говоримъ „повидимому“ потому, что вполнѣ точнаго отвѣта, что надо разумѣть, по уставу, подъ пятой „тяжей“, дать нельзя, такъ какъ въ текстѣ его имѣется какой-то пропускъ, а именно лишь сказано: „ажъ ту жонку . . . то епископу“. (См. текстъ названнаго устава, съ комментаріями къ нему, въ Хрестоматіи В. Буданова, в. I).

Глава VI.

Византійское право[1]).

Причины перенесенія византійскихъ сборниковъ права въ древнюю Русь и общій характеръ ихъ рецепціи.

Касаясь церковныхъ уставовъ, мы отмѣтили, что, наряду съ этими законодательными актами князей, устроявшими положеніе христіанской церкви на Руси, у насъ дѣйствовали также сборники византійскаго права. Такими сборниками были прежде всего такъ называемые Номоканоны, памятника права, содержавшіе какъ церковные каноническія правила, такъ и законы свѣтской императорской власти. Затѣмъ, кромѣ нихъ, дѣйствовали по дѣламъ церкви и другіе кодексы. Перенесеніе указанныхъ сборниковъ къ намъ изъ Византіи объясняется нѣсколькими причинами. Во-1-хъ, — византійскіе сборники каноническаго права перешли къ намъ потому, что съ пріятіемъ христіанства, русская церковь первоначально должна была руководствоваться нормами византійскаго права. Во-2-хъ, съ водвореніемъ на Руси христіанской церкви, у насъ появилось многочисленное духовенство, которое, прибывъ изъ Византіи и привыкнувъ жить и дѣйствовать по нормамъ своего греческаго права, естественно, желало видѣть его воспринятымъ и въ новой странѣ, начавшей медлено пріобщаться къ ученію Христа. Наконецъ, въ-3-хъ, — и это, на нашъ взглядъ, главная причина — обычное русское право, дѣйствовавшее на Руси X—XII вѣковъ, во многихъ отношеніяхъ было настолько непохоже, — по основнымъ своимъ принципамъ, — на начала христіанской морали, что церковь, въ лицѣ своихъ представителей, должна была неминуемо вступить въ долгую и упорную борьбу съ нимъ, противополагая его юридическимъ воззрѣніямъ свои воззрѣнія, имѣвшіяся уже въ готовомъ видѣ въ византійскихъ памятникахъ права. Каковы

1) Кромѣ литературы, указанной въ предыдущей главѣ о церковныхъ уставахъ, и трактующей, между прочимъ, о византійскомъ правѣ, см. Н. В. Калачова „О значеніи Кормчей въ системѣ древняго русскаго права“ (М., 1850 г.); Н. Л. Дювернуа „Источники права и судъ въ древней Руси“ (М., 1869 г.), гл. IV; А. С. Павлова „Первоначальный славяно-русскій Номоканонъ“ (Казань, 1869 г.); его-же „Книги законныя“ и пр. (С.-П., 1885 г.); его-же „50 глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права“ (М. 1887 г.); Н. Н. Загоскина „Исторія права Московскаго государства“ (Каз. 1877 г.), т. I, гл. V; Бенешевича „Древнеславянская Кормчая XIV титуловъ безъ толкованій“ (СП., 1906—1907 г.) т. I, в. I—III. Срав. также Н. С. Суворова „Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право“ (Ярославль, 1893 г.).

же были наши народные обычаи, это видно, между прочимъ, изъ церковныхъ уставовъ. Древняя Русь вообще (какъ это уже отмѣчалось на договорахъ князей съ греками и нѣмцами) не была закрыта отъ вліяній иноземнаго права, но это вліяніе выражалось, однако, не въ механическомъ заимствованіи чужого, а въ постепенной и органической переработкѣ чужого въ свое. Поэтому, какъ ни велико было значеніе церкви въ древней Руси, ей удавалось проводить въ русскую жизнь, начала византійскаго права только путемъ медленной работы и признанія важности самихъ народныхъ правовоззрѣній. Византійскія юридическія нормы не прилагались въ церковныхъ судахъ буквально, а измѣнялись, толковались и соображались съ мѣстными нравами и обычями; иначе говоря, путемъ многовѣковой практики онѣ приспособлялись къ условіямъ нашей дѣйствительности. Въ результатѣ этой рецепціи иноземнаго права явилась особая византійско-русская юридическая догма, представляющая любопытную страницу въ исторіи нашего права и наглядно свидѣтельствующая о силѣ сопротивленія нашего обычнаго народнаго права началамъ иноземнаго права. Историки каноническаго русскаго права, признавая эту силу сопротивленія, находятъ, однако, въ этомъ и нѣкоторыя отрицательныя стороны, а именно они указываютъ на то, что византійскія начала права потеряли у насъ свою первоначальную чистоту, что они не только примѣнялись безъ пониманія ихъ истиннаго смысла, но даже искажались. По словамъ проф. Павлова „темнота буквальнаго смысла древнихъ каноновъ, трудность надлежащаго соглашенія ихъ съ требованіями современной церковной практики, естественное преобладаніе въ новонасажденной русской церкви національныхъ юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, — все это не могло, конечно, не отразиться невыгоднымъ образомъ и на внѣшней судьбѣ первоначальнаго славяно-русскаго Номоканона. Полные списки его мало-по-малу стали выходить изъ дѣйствительнаго употребленія и замѣняться „худыми Номоканунцами“, т. е., испорченными текстами древнихъ греческихъ кодексовъ, начавшими ходить тогда у насъ на Руси“. Надо, однако, отмѣтить, что эти толкованія и измѣненія на практикѣ каноническихъ постановленій, принесенныхъ изъ Греціи, были вызваны именно желаніемъ приспособить ихъ къ дѣйствію на своеобразной русской почвѣ и примирить ихъ съ началами нашего обычнаго права. Поскольку эти измѣненія вызывались крѣпостью національныхъ нормъ обычнаго права, постольку они заслуживаютъ уваженія и свидѣтельствуютъ объ устойчивости послѣдняго. Древняя Русь до-монгольскаго періода, воспринимая

чужое право, умѣла въ то-же время бережно хранить „добрые обычаи отцовъ“ и отступала отъ нихъ несразу. Рецепція византійскаго права у насъ представляетъ интересный примѣръ, подверждающій сказанное.

Номоканоны и другіе сборники византійскаго права, извѣстные въ древней Руси. Кормчія книги.

Какіе же сборники византійскаго права были перенесены въ древнюю Русь и примѣнялись такъ или иначе въ церковныхъ судахъ нашихъ? Прежде всего къ намъ были перенесены, въ славянскомъ переводѣ, сборники, носившіе наименованіе „Номоканоновъ“. Номоканонами назывались сборники гражданско-церковнаго законодательства, въ которыхъ, наряду съ гражданскими, или свѣтскими законами, излагались церковныя правила и каноны. Наименованіе этихъ сборниковъ произошло отъ слова νόμος — законъ гражданскій (или свѣтскій) и κανών — правило церковное. Въ Византіи церковь христіанская пользовалась, правомъ издавать законы по дѣламъ, ей подсуднымъ, что не лишало, конечно, и свѣтскую власть права издавать свои законы по тѣмъ дѣламъ, которыя были подвѣдомственны церкви, тѣмъ болѣе, что вполнѣ опредѣленнаго и всегда строго соблюдаемаго разграниченія компетенціи двухъ этихъ властей не было. Вслѣдствіе этого, по одному и тому же юридическому вопросу, — напр., о бракѣ, о наслѣдованіи и т. д., — могли быть опредѣленія какъ свѣтской, такъ и духовной власти. Послѣ составленія въ VI вѣкѣ по Р. Хр. знаменитаго „Corpus juris civilis“ Юстиніана, явилась въ Греціи потребность изложить постановленія этого кодекса и новеллъ Юстиніана параллельно съ постановленіями церкви. Такъ произошли греческіе Номоканоны. На Руси примѣнялись два такихъ Номоканона: одинъ, состоявшій изъ 50-ти титуловъ (или раздѣловъ) и составленный въ VI вѣкѣ, приписывается константинопольскому патріарху Іоанну Схоластику; другой, состоявшій изъ 14 титуловъ и составленный неизвѣстнымъ авторомъ въ VII вѣкѣ, былъ дополненъ патріархомъ Фотіемъ въ IX вѣкѣ. Первый изъ названныхъ Номоканоновъ обычно называется Номоканономъ въ 50 титуловъ (или Номоканономъ Іоанна Схоластика), второй — Номоканономъ въ 14 титуловъ, или Фотіевымъ, смотря по тому, о какой редакціи его идетъ рѣчь (т.-е. о редакціи VII или IX вѣковъ). Номоканонъ въ 50 титуловъ сталъ обращаться на Руси еще задолго до ея крещенія и проникъ къ намъ изъ Болгаріи, жители которой за сто слишкомъ лѣтъ до крещенія Руси приняли христіанство. Этотъ Номоканонъ былъ переведенъ на славянскій языкъ для болгаръ и моравовъ во 2-ой половинѣ IX-го вѣка. Еще въ такъ наз. „Паннонскомъ житіи“ св. Меѳодія, умершаго въ 885 г., имѣется

извѣстіе, что онъ перевелъ, вмѣстѣ съ другими церковными книгами, и „Номоканонъ, рекше закону правило“. Номоканонъ въ 14 титуловъ, до-Фотіевской редакціи, сталъ обращаться у насъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не ранѣе Ярослава I; Фотіевская же редакція стала извѣстна у насъ съ конца XIII вѣка (съ 1274 г.), когда митрополитъ Кириллъ II получилъ ее изъ Болгаріи. Кромѣ Номоканоновъ, перешли изъ Греціи къ намъ и другіе памятники права, какъ оффиціальнаго, такъ и частнаго характера. Изъ первыхъ надо назвать такъ наз. Эклогу и Прохиронъ. Эклога (Ἐκλογὴ τῶν νόμων — выборка изъ законовъ) была издана въ 741 г. извѣстнымъ иконоборцемъ — императоромъ Львомъ Исавряниномъ и его сыномъ Константиномъ Компронимомъ. Цѣлью изданія было соединить въ одномъ сборникѣ законы прежнихъ греческихъ императоровъ, поскольку они оставались въ дѣйствіи, съ новыми, а равно замѣнить мало-вразумительные древніе комментаріи къ нимъ новыми и болѣе ясно-изложенными толкованіями. Эклога во многихъ отношеніяхъ явилась сборникомъ новаторскаго характера, что и отразилось на отдѣльныхъ ея постановленіяхъ. Такъ, напр., ею отмѣняется конкубинатъ, дозволяются браки между лицами разныхъ вѣроисповѣданій, требуется согласіе матери (а не одного только отца) на вступленіе въ бракъ дѣтей; даются важныя постановленія по наслѣдованію: по смерти мужа, всѣ права его переходятъ къ женѣ, дѣти должны быть въ повиновеніи къ ней и лично, и по имуществу. Въ области уголовнаго права Эклога проводитъ систему тѣлесныхъ наказаній. Что касается Прохирона или „ручной книги законовъ“ („Ὁ πρόχειρος νόμος, или Πρόχειρον“, т.-е. руководство законовъ[1]), то онъ былъ изданъ въ 870 г. Василіемъ Македонянинomъ. „Прохиронъ“ во всѣхъ частяхъ своихъ, за исключеніемъ уголовнаго права, являлся отмѣной „Еклоги“ и знаменовалъ возвращеніе къ прежнему Юстиніанову законодательству. Въ „Прохиронѣ“ были статья („титулы“), трактовавшія о бракѣ и о приданомъ, объ обязательствахъ, о наслѣдованіи, о наказаніяхъ за преступленія и пр. Прохиронъ примѣнялся въ Византіи вмѣстѣ съ Эклогою, несмотря на то, что многія постановленія того и другого кодекса другъ съ другомъ не совпадали.

Кромѣ указанныхъ оффиціальныхъ сборниковъ права, принятыхъ къ руководству въ Византіи и перенесенныхъ съ тою же цѣлію къ намъ, у насъ дѣйствовало еще два сборника компилятивнаго содержанія, составленныхъ, какъ думаютъ, част-

1) „Прохиронъ“ въ печатной Кормчей носилъ наименованіе „Закона градскаго“. Впрочемъ, подъ „градскими законами“ разумѣлись вообще законы греческихъ царей, а не одни только постановленія, вошедшія въ составъ Прохирона.

ными лицами. Это былъ, во-1-хъ, такъ наз. „Законъ Судный Людемъ“ (или „Судебникъ царя Константина“), а во-2-хъ „Книги законныя“. Первый сборникъ составленъ былъ въ концѣ IX вѣка, какъ предполагаютъ, какимъ-то славяниномъ для болгаръ и содержалъ вышеуказанную „Эклогу“, а равно и „Законы Моисея“; онъ не имѣетъ, однако, никакого отношенія къ Константину Великому, именемъ котораго называется. Второй — также является славянскимъ памятникомъ византійскаго права и состоитъ, во-1-хъ, изъ „земледѣльческаго устава“, принадлежащаго императорамъ-иконоборцамъ, во-2-хъ — „закона о казняхъ“, въ-3-хъ, „закона о раздѣленіи бракомъ“, и въ-4-хъ — „главы о послусѣхъ“; послѣднія три части были выписками изъ „Прохирона“ и „Эклоги“, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Думаютъ, что эта компиляція сдѣлана авторомъ русскаго происхожденія въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка. „Земледѣльческій уставъ“ содержитъ постановленія о преступленіяхъ, имѣющихъ особую важность въ земледѣльческомъ быту, каковы, напр., порубки, кражи скота, орудій земледѣлія, потравы и т. п. „Законъ о казняхъ“, — какъ ясно изъ его наименованія, — говоритъ о наказаніяхъ, а именно о наказаніяхъ за преступленія противъ вѣры и государства, противъ нравственности, имущества и пр. „Законъ о раздѣленіи бракомъ“ говоритъ о причинахъ разводовъ и о незаконныхъ бракахъ. Послѣдняя часть „о послусѣхъ“ указываетъ, какія качества долженъ имѣть послухъ, кто не можетъ быть послухомъ и т. д. Языкъ перевода заслуживаетъ вниманія. Авторъ его былъ русскимъ и говорилъ, какъ замѣчено проф. Павловымъ, „языкомъ Русской Правды, начальной лѣтописи и другихъ памятниковъ нашей письменности XII вѣка“, а это даетъ возможность, сравнивая переводъ съ греческимъ текстомъ, судить о первоначальномъ значеніи многихъ юридическихъ и иныхъ выраженій данной эпохи, встрѣчающихся въ „Книгахъ Законныхъ“ и др.

Греческій Номоканонъ въ славянскомъ переводѣ сталъ на Руси называться съ конца XIII вѣка „Кормчею книгою“ [1]). Такое наименованіе, по мнѣнію однихъ ученыхъ, вошло въ употребленіе потому, что „древніе святые отцы весьма часто уподобляютъ церковь кораблю“, по другимъ — названіе это дано Номоканону потому, что ему „суждено было служить какъ-бы кормчимъ, путеводителемъ на жизненномъ пути молодой русской церкви“ (Н. П. Загоскинъ, Исторія права, I, стр. 35).

1) Полное заглавіе „Кормчихъ книгъ“, въ древнѣйшихъ спискахъ ихъ, относящихся къ концу XIII вѣка, таково: „Книги глаголемыя Кормчия, рекъше правило закону, грецькымъ языкомъ Номоканонъ“, „Книги, глаголемыя гречьскымъ языкомъ Номоканунъ, сказаемыя нашимъ языкомъ закону — правило“ и т. п.

Опровергая первое мнѣніе, проф. Голубинскій говоритъ, что „церковь уподобляютъ кораблю греческіе святые отцы, а между тѣмъ у самихъ грековъ вовсе не было какого-либо названія Номоканона, которое-бы соотвѣтствовало нашему названію „Кормчія книги“, почему авторъ предлагаетъ другое объясненіе. По его мнѣнію, „буквальный славянскій переводъ греческаго слова νομοκανών есть законоправило, или, какъ это переведено въ житіи св. Меѳодія, закону — правило; слово правило было понято у насъ въ смыслѣ слова правило, что значитъ руль, по-славянски корма, или принято за это послѣднее, и отсюда явилось названіе „Кормчія книги“ (ibid., стр. 656 и сл.).

„Кормчія книги“ ходили во многихъ спискахъ; списки эти содержали не одни только Номоканоны, но и другіе памятники права, какъ византійскаго, такъ и славянорусскаго происхожденія. Съ точки зрѣнія полноты содержанія, различаютъ двѣ „редакціи“ (или двѣ „фамиліи“) рукописныхъ „Кормчихъ“: такъ наз. „рязанскую“ и „софійскую“ редакціи. Эти названія произошли отъ мѣста первоначальнаго храненія ихъ древнѣйшихъ списковъ (перваго — въ соборѣ г. Рязани, второго — въ ц. св. Софіи въ Новгородѣ). Рязанская редакція менѣе пространна, сравнительно съ софійской, такъ какъ она во-1-хъ, содержитъ самые каноны церкви въ сокращенномъ видѣ, а во-2-хъ не имѣетъ въ себѣ тѣхъ добавленій русскаго происхожденія (какъ церковные уставы, Русская Правда), какія находятся въ спискахъ софійской редакціи. Что касается Номоканоновъ, то въ рязанской редакціи находится Фотіевъ Номоканонъ, въ софійской — Номоканонъ въ 14 титуловъ, до-Фотіевской редакціи. Съ одного изъ списковъ рязанской редакціи была впервые напечатана въ 1650 г. „Кормчая книга“ (при патріархѣ Іосифѣ). Нѣсколько позднѣе, а именно въ 1653 г., она была перепечатана патріархомъ Никономъ, но съ нѣкоторыми дополненіями и измѣненіями. Въ нѣкоторыхъ спискахъ „Кормчей книги“ мы находимъ извѣстные намъ сборники права, какъ „Эклога“, „Прохиронъ“, „Законъ Судный людемъ“ (или „Судебникъ царя Константина“). Что касается „Книгъ законныхъ“, то онѣ не входили ни въ рукописные списки „Кормчей книги“, ни въ ея печатныя изданія, упомянутыя выше.

Вліяніе византійскаго права на исторію развитія русскаго права.

Многочисленныя указанія, идущія отъ древнихъ временъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Номоканонъ и другіе сборники византійскаго права имѣли примѣненія въ церковныхъ судахъ нашихъ. Указанія эти находятся не только въ церковныхъ уставахъ[1]), но и въ другихъ памят-

1) Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, напр., сказано: „развернзше (раскрывъ) грецѣскыи Номоканонъ и обрѣтохомъ

никахъ древности, какъ, напр., въ лѣтописяхъ. Подъ 993 г. Никоновская лѣтопись указываетъ, что св. Владиміръ, между другими своими дѣяніями, „всѣ суды церковные (сотвори) и вся оправданія церковныя даде по прежнимъ греческимъ Номоканонамъ св. церкви Пр. Богородицы и отцемъ своимъ митрополитомъ". Такія указанія идутъ и отъ позднѣйшаго времени. Изъ нихъ мы видимъ, что не только духовные суды судили „по Манаканону" (Номоканону), но нерѣдко свѣтская власть старалась дѣйствовать „по правиламъ моноканунынымъ", примѣняя ихъ при своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ, то по совѣту іерарховъ, то по собственному почину. Юрисдикція церкви христіанской въ древней Руси была весьма обширна, по сравненію съ ея юрисдикціей въ новое время. Такъ, суду церкви подлежали дѣла брачныя, семейныя и наслѣдственныя, а равно и преступленія противъ брачнаго и семейнаго права, противъ вѣры, церкви, нравственности и т. п. Затѣмъ церковь вѣдала, какъ мы уже знаемъ, цѣлый рядъ такъ наз. „церковныхъ людей", дѣла о холопахъ и т. д. Производя судъ по этимъ дѣламъ, церковь примѣняла греческіе законы. Практика церковныхъ судовъ принималась, несомнѣнно, во вниманіе также и гражданскими (свѣтскими) судами въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось касаться тѣхъ-же вопросовъ, какихъ касались и церковные суды, а это происходило тогда, когда обычное русское право сталкивалось съ требованіями церкви и было трудно, фактически, разграничить компетенцію указанныхъ двухъ видовъ судовъ (церковныхъ и гражданскихъ). Какъ въ эпохи широкой юрисдикціи церковныхъ судовъ, гражданскіе суды постановляли иногда свои рѣшенія подъ вліяніемъ церковнаго права (по дѣламъ, восходившимъ на разсмотрѣніе тѣхъ и другихъ судовъ), такъ и позднѣе — главнымъ образомъ съ Петра В., когда компетенція церковныхъ судовъ стала съуживаться и когда многія дѣла, вѣдавшіяся ранѣе церковью, перешли въ суды гражданскіе, — послѣдніе, нашли во многовѣковой практикѣ церковныхъ судовъ богатѣйшій юридическій матеріалъ для рѣшенія дѣлъ, подсудныхъ прежде церкви. Поэтому византійскія правовыя понятія всего болѣе и отразились у насъ на постановленіяхъ права семейнаго, брачнаго и наслѣдственнаго, а затѣмъ на нормахъ права уголовнаго (на ученіи о нака-

---

въ немъ, оже не подобаетъ сихъ судовъ и тяжъ князю судити, ни бояромъ его, ни судьямъ и язъ, сгадавъ съ своею княгинею съ Анною и съ своими дѣтьми, далъ есмь ты (тѣ) суды церквамъ" и т. д. Въ церковномъ уставѣ великаго князя Новгородскаго Всеволода отъ 1125—1136 гг. сказано, въ заключеніи къ уставу, что „то все приказахъ епископу управливати, а смотря въ Манаканунъ (Номоканонъ); а мы сіе съ своей души сводимъ".

заніяхъ, по преимуществу). Вліяніе церкви на устроеніе русскаго гражданскаго общества на началахъ христіанской морали вообще было чрезвычайно велико [1]); и оно весьма благодѣтельно отразилось на положеніи женщины, какъ жены и матери, на положеніи всѣхъ обидимыхъ и беззащитныхъ (холоповъ, вольноотпущенныхъ, вдовъ, дѣтей и пр.), на ограниченіе чрезмѣрнаго „роста“ (процентовъ), на упорядоченіи нравовъ и т. д.

Но, помимо этого, хотя и чрезвычайно-важнаго, но во всякомъ случаѣ косвеннаго вліянія византійскаго права на развитіе нашего права, можно отмѣтить и болѣе прямое, а именно — черезъ принятіе византійскихъ памятниковъ въ число первоисточниковъ нашихъ законовъ, что, главнымъ образомъ, совершается уже въ слѣдующій, Московскій, періодъ исторіи нашей. Въ Москвѣ византійское право съ особенною силою отразилось на Соборномъ Уложеніи, предисловіе, къ которому оффиціально признаетъ Номоканонъ, или Кормчую книгу (подъ наименованіемъ „правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ церкви и градскихъ законовъ“ . . .), однимъ изъ своихъ источниковъ. Но еще раньше, на такъ наз. „Стоглавомъ Соборѣ“ 1551 г. мы видимъ, что постановленія Собора во многихъ случаяхъ содержатъ ссылки на ту же Кормчую и на церковные уставы нашихъ князей. Что же касается изучаемаго періода, то прежде всего, конечно, необходимо имѣть въ виду, что Номоканоны въ извѣстной степени были первоисточниками церковныхъ уставовъ и, поскольку эти уставы можно считать памятниками, отражавшими дѣйствительное положеніе церкви и духовенства въ данное время, постольку необходимо признать и значеніе византійскихъ сборниковъ, какъ ихъ первоисточниковъ. Есть, затѣмъ, нѣкоторыя отдѣльныя указанія на то, что „Прохиронъ“, или „градскій законъ“, примѣнялся, какъ и другія постановленія греческаго свѣтскаго законодательства, въ гражданскихъ судахъ нашихъ, „по наказу“ великихъ князей и такимъ образомъ былъ прямымъ источникомъ нашего права; наконецъ, есть указанія и на нѣкоторое вліяніе византійскаго права на Русскую Правду, какъ это будетъ отмѣчено при изученіи этого памятника. Таково, въ немногихъ словахъ, вліяніе византійскаго права на исторію развитія нашего права.

---

1) Прекрасное изображеніе этого вліянія можно найти въ рѣчи В. О. Ключевскаго „Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго правопорядка“ („Твореніе св. отцевъ“, 1888 г., книга 4).

Глава V.

Русская Правда [1]).

Слово „правда“ въ древнихъ русскихъ памятникахъ письменности. Общее понятіе о „Русской Правдѣ“.

Важнѣйшимъ памятникомъ древнерусскаго обычнаго права является Русская Правда. Слово „правда“ весьма часто встрѣчается въ юридическихъ актахъ древности, а равно и въ лѣтописяхъ, употребляясь здѣсь, подобно большинству старинныхъ терминовъ, въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ [1]). Подъ „правдою“ разумѣется прежде всего право, какъ видно изъ выраженія „stara prawda“ (старое право, „пошлина“), употребляемаго у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, „налѣзти правду“ (найти свое право), „судити въ правду“ (по праву) и т. д. Такъ какъ представленія о правѣ и справедливости жили въ народныхъ обычаяхъ, то подъ „правдою“ разумѣлись и тѣ обычаи, которые дѣйствовали въ странѣ. Псковская Судная

1) Подробныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Русской Правды и о многочисленныхъ изслѣдованіяхъ этого памятника можно найти въ указателяхъ и общихъ курсахъ, названныхъ выше (стр. 31 и сл., примѣчаніе). Изъ изданій Русской Правды отмѣтимъ особо лишь нѣкоторыя, а именно: 1) изданіе ея, по двумъ спискамъ, съ многочисленными примѣчаніями и разъясненіями, сдѣланное въ I выпускѣ „Христоматіи и исторіи русскаго права“ М. Ф. Влад.-Буданова; 2) изданіе Русской Правды по нѣсколькимъ спискамъ, съ подробнымъ объяснительнымъ словаремъ, во II выпускѣ „Изслѣдованій о Русской Правдѣ П. Н. Мр.-Дроздовскаго; 3) „Текстъ Русской Правды на основаніи 4-хъ списковъ разныхъ редакцій“ Н. В. Калачова (М. 1846 г., 1-е изд., С.-П., 1889 г., 4-е изд.) и 4) „Русскую Правду въ четырехъ редакціяхъ“ В. И. Сергѣевича (С.-П., 1904 г.); 4) „Русскую Правду“ по синодальному списку“ Н. А. Маркса (М., 1910 г.) Это изданіе воспроизводитъ означенный списокъ фотолитографическимъ способомъ въ величину подлинника, благодаря чему отлично передается внѣшній видъ памятника (всѣ 3 послѣднія изданія безъ комментарій). Изъ сочиненій, касающихся Русской Правды особо укажемъ: Н. В. Калачева „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды“ (М., 1846 г.); Н. Л. Дювернуа „Источники права и судъ въ древней Руси“ (М., 1869 г.), гл. II и III; П. И. Бѣляева „Источники древне-русскихъ законодательныхъ памятниковъ“ (Журн. М. Ю., 1900 г., окт.); В. О. Ключевскаго „Курсъ русской исторіи“ (М., 1906.), ч. I., стр. 249 и сл.; L. K. Goetz'a „Das russische Recht (Русская Правда)“, I—III томы (Stuttgart 1910—1912 г.). Обширное сочиненіе Гётца вызвало рядъ его разборовъ со стороны М. Ф. Владимірскаго-Буданова „Das russische Recht. Русская Правда“ (Кіевъ, 1911 г.) М. А. Дьяконова въ „Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ (С.-П., 1911 г.), т. XVI, кн. 1 А. Е. Прѣснякова, Жур. М. Н. Просв., 1912 г., ноябрь; А. В. Флоровскаго „Новый взглядъ на происхожденіе Р. Правды“ (Одесса, 1912 г.) и мой.

Грамота предписываетъ, напр., князю и посаднику судить „взирая въ правду“, т. е. примѣняя на судѣ обычаи, бывшіе въ Псковской землѣ. Затѣмъ, подъ „правдою“ разумѣлся также договоръ, который кѣмъ-либо заключался. Такъ, въ извѣстныхъ уже намъ договорахъ русскихъ съ нѣмцами, условія, заключенныя сторонами, или договоръ между ними, носятъ названіе „Правды“. Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами, за вступительными словами, уже намъ извѣстными, идутъ такія слова: здѣ починаеться (начинается) Правда: 1) аже боудетъ свабодѣныи чловкъ (свободный человѣкъ оубитъ, 10 гривенъ серебра за голову“ и т. д. (далѣе излагается содержаніе самаго договора съ нѣмцами). Употребляется слово правда, и въ смыслѣ испытаніе, — какъ это напр., видно изъ словъ Русской Правды „дати имъ правду желѣзо“ (дать испытаніе желѣзомъ), — и въ смыслѣ присяга, крестоцѣлованіе, — какъ это видно изъ словъ Псковской судной Грамоты „ино ему (истцу) правда дати (принести присягу) на своей части, а цѣлованью быти одному“ и т. д. Наконецъ, подъ „правдою“ разумѣется, какъ судъ, такъ и тотъ судебникъ, или судебный уставъ, по которому этотъ судъ производится. Поэтому „княжа правда“ значитъ княжескій судъ, а подъ „Русской Правдою“, если держаться языка подлинниковъ, надо бы разумѣть судебный уставъ, судебникъ. Такъ, въ Новгородской лѣтописи разсказывается, что въ 1016 г. Ярославъ (послѣ битвы съ Кіевскимъ княземъ Святополкомъ), наградивъ деньгами новгородцевъ, „отпусти ихъ домовъ и давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголахъ тако: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, такоже дерьжите“. Затѣмъ идетъ текстъ Русской Правды. Псковская лѣтопись, говоря о смерти Ярослава, замѣчаетъ, „что представися князь Ярославъ, иже Правду устави, судебникъ“. Наконецъ, въ древнѣйшихъ спискахъ Русской Правды она называется „уставомъ“ или „судомъ“ (т. е. судебнымъ уставомъ) Ярослава Владиміровича. Терминологія подлинниковъ могла бы быть удержана и теперь, еслибъ только современное положеніе въ наукѣ вопроса о происхожденіи Русской Правды позволяло намъ признать Русскую Правду оффиціальнымъ сборникомъ нашего права, составленнымъ Ярославомъ I и дополненнымъ его преемниками. Такъ какъ, въ дѣйствительности, Русская Правда не была оффиціальнымъ сборникомъ, то назвать ее уставомъ для суда (или судебникомъ) не представляется возможнымъ. Всего правильнѣе подъ наименованіемъ Русской Правды разумѣть сборники древняго нашего права, составлявшіеся, въ XI—XIII вѣкахъ, частными лицами и

содержавшіе въ себѣ записи народнаго обычнаго права, княжескіе уставы, судебныя рѣшенія и нѣкоторыя нормы, рецепированныя изъ византійскихъ памятниковъ права, обращавшихся тогда на Руси.

Мнѣніе ученыхъ о происхожденіи Русской Правды.

Вопросъ о томъ, какъ произошли эти сборники древняго права, извѣстные подъ наименованіемъ Русской Правды, есть одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ литературѣ исторіи нашего права. Не имѣя возможности воспроизвести, къ краткомъ общемъ очеркѣ, всѣ мнѣнія, высказывавшіяся по поводу этого вопроса, отмѣтимъ лишь важнѣйшія. Можно раздѣлить на четыре группы всѣ эти мнѣнія, подраздѣляя ихъ затѣмъ на подгруппы, сообразно нѣкоторымъ ихъ отличіямъ.

Первую группу представляютъ мнѣнія, начало коихъ восходитъ еще ко 2-ой половинѣ XVIII вѣка; ими Русская Правда изображается, какъ кодексъ, заимствованный изъ скандинавскаго, или, вообще, изъ германскаго права; вторую мнѣнія, считающія Р. Правду оффиціальнымъ памятникомъ нашего древнѣйшаго права, третью группу — неоффиціальнымъ частнымъ сборникомъ и четвертое мнѣніе, принадлежащее В. О. Ключевскому, видитъ въ Р. Правдѣ, хотя и неоффиціальный сборникъ, но сложившейся не въ сферѣ „княжескаго суда, а церковнаго“. Что касается прежде всего мнѣній о заимствованіи Р. Правды изъ иноземныхъ, указанныхъ выше, источниковъ, то мнѣніе это сложилось въ средѣ нѣмецкихъ ученныхъ, когда-то наполнявшихъ нашу Академію Наукъ [1]). Оно покоилось на двухъ основаніяхъ. Принявшись за изученіе древняго русскаго права и поразившись многими аналогіями между юридическими нормами Русской Правды и нормами такъ называемыхъ „варварскихъ правдъ“ (leges barbarorum), цѣлый рядъ ученыхъ, какъ Струбе-де Піермонтъ, Шлецеръ, Эверсъ, Рейцъ, Карамзинъ и др., во-1-хъ объяснили себѣ всѣ эти аналогіи, какъ прямыя заимствованія изъ чужеземнаго германскаго (норманскаго) права, а, во-2-хъ, утверждались въ мысли о такихъ заимствованіяхъ, исходя изъ представленія о сильнѣйшемъ вліяніи норманновъ на первоначальное устройство русскаго государства и общества. Если норманы, или варяги — доказывали эти ученые, — были вообще, въ началѣ русской исторіи, насадителями нашей гражданственности и повліяли на организацію княжеской власти, дружины, на устройство управленія и суда, то, естественно, было (съ точки зрѣнія этой нор-

1) Ѳ. В. Тарановскій „Норманская теорія въ исторіи русскаго права“. Варшава, 1909 г.

манской теоріи), предположить, что норманы ввели къ намъ и свои законы. Это было имъ тѣмъ легче сдѣлать, что, хотя у русскихъ славянъ, и имѣлись свои юридическіе обычаи создавшіеся еще задолго до образованія государства, но эти обычаи очень легко будто-бы уступали свое мѣсто новымъ правовоззрѣніямъ, принесеннымъ изъ-за моря. Таковы, въ немногихъ словахъ, основанія указаннаго мнѣнія. Въ настоящее время, однако, эти основанія совершенно поколеблены. Такъ, что касается прежде всего заимствованія Русской Правды, то говорить о немъ было-бы возможно лишь тогда, когда оказались-бы явственныя доказательства этого. Вліяніе въ правѣ (какъ и въ другихъ областяхъ культуры) — явленіе обычное въ исторіи народовъ, оно могло быть и въ данномъ случаѣ, хотя первоисточники не оставили ясныхъ слѣдовъ его, что уже само по себѣ говоритъ за его незначительность. Объясненіе этой незначительности вліянія лежитъ, какъ въ томъ, что норманов-варяговъ было вообще на Руси немного и къ XI-му же вѣку они совершенно растворились въ славянскомъ морѣ, такъ и въ томъ, что правовоззрѣнія нашихъ древнихъ предковъ вовсе не отличались тою податливостью и измѣнчивостью какія, находили у нихъ ученые норманисты. Вліяніе христіанской церкви было у насъ неизмѣримо сильнѣе и глубже, чѣмъ вліяніе норманов но и церкви пришлось цѣлые вѣка бороться съ языческими обычаями и взглядами русскихъ славянъ прежде чѣмъ ей удалось привить имъ свои; о податливости славянъ не могло быть и рѣчи. Затѣмъ вообще отъ вліянія права одного народа на право другого надо отличать заимствованія изъ чужихъ законовъ. Въ данномъ случаѣ, даже допуская нѣкоторое вліяніе скандинавской культуры на устроеніе первоначальнаго русскаго государства и общества, нельзя еще говорить о заимствованіи такого обширнаго и сложнаго сборника, какъ Русская Правда, изъ чужеземныхъ источниковъ. Какъ-бы ни велико было сходство постановленій Русской Правды съ германскими и всякими иными иноземными нормами, она само по себѣ не говоритъ еще о заимствованіи. Заимствованіе въ правѣ есть переносъ чужихъ юридическихъ нормъ въ законы даннаго народа. Такой переносъ имѣлъ мѣсто неразъ въ исторіи права какъ у насъ, такъ и въ другихъ государствахъ; но о немъ можно утвердительно говорить лишь тогда, когда исторія составленія даннаго памятника неоспоримо свидѣтельствуетъ, что составители его имѣли передъ собою чужой кодексъ, или отдѣльныя юридическія нормы иноземнаго права, при чемъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, они нашли возможнымъ взять ихъ цѣликомъ, или частію, и признать законами своего государства. Никакихъ, однако, слѣдовъ такого

перенесенія тѣхъ или иныхъ нормъ leges barbarorum въ наши законы и помѣщенія ихъ въ Русскую Правду у насъ не имѣется, сами норманы за долго до составленія Русской Правды совершенно исчезли съ русскаго горизонта, да и княжеская власть была первоначально не настолько сильна, чтобы производить такіе перевороты, какъ навязываніе населенію чуждыхъ его міросозерцанію правовыхъ нормъ.

Но, какъ указано выше, въ Русской Правдѣ старыми учеными норманистами было отмѣчено много аналогій съ нормами скандинавскаго или германскаго права. Эти аналогіи признаются и современною наукою и можно даже утверждать, что чѣмъ чаще будетъ изучаться Русская Правда сравнительно съ другими древнѣйшими кодексами, тѣмъ больше будетъ открываться и этихъ аналогій. Однако, ихъ наличность объясняется не простымъ заимствованіемъ, — какъ думали ученые конца XVIII и начала XIX вѣка, — а тѣмъ, что всѣ народы, на извѣстныхъ, одинаковыхъ ступеняхъ ихъ культуры, имѣютъ сходственныя юридическія нормы и учрежденія, соотвѣтствующія общимъ условіямъ ихъ религіозной, экономической и политической жизни. Эти-то общія условія когда-то простой и несложной народной жизни и приводятъ къ тому, что въ памятникахъ права народовъ, жившихъ въ различныя историческія эпохи, — или, даже если и одновременно, но никогда неимѣвшихъ между собою никакихъ сношеній, — встрѣчаются юридическія нормы, поразительно схожія. Юридическія нормы обычно отвѣчаютъ (поскольку они являются дѣйствующими въ данной странѣ) тѣмъ или другимъ интересамъ и нуждамъ извѣстнаго народа; но эти интересы и нужды въ извѣстную историческую эпоху могутъ быть свойственны и другому народу. Неудивительно поэтому, что и въ правѣ послѣдняго явятся нормы, одинаковыя съ нормами, дѣйствующими у перваго. При сравненіи памятниковъ права разныхъ народовъ, — если только эти памятники относятся къ одному и тому же культурному возрасту народа, — всегда будутъ находиться схожія нормы и учрежденія. Въ недавнее, сравнительно, время открыты были, напр., законы царя Хаммураби, правившаго Вавилономъ приблизительно за 2250 лѣтъ до Рождества Христова и прозваннаго за свою дѣятельность „солнцемъ Вавилона“; есть попытки найти сходства между постановленіями этихъ „законовъ“ и Русскою Правдою, или Псковскою судною грамотою [1]). Старые ученые-норманисты — отмѣчая сходства постановленій Русской Правды съ законами шведовъ, датчанъ, вестготовъ, франковъ, — объясняли ихъ прямымъ заимствованіемъ. Такъ, напр.,

1) А. Г. Гусаковъ „Законы царя Хаммураби“, С.-П., 1904 г.

Струбе-де-Піермонтъ, указавъ на статью Р. Правды о ѣздѣ на чужомъ конѣ [1]), считалъ ее дословнымъ переводомъ соотвѣтственной статьи ютландскаго закона (Judtsche Lowbok). Она, дѣйствительно, по содержанію своему и даже по редакціи, очень похожа на постановленіе ютландской Правды. Но, однако, уже Эверсъ долженъ былъ признать, что о прямомъ заимствованіи здѣсь не могло быть и рѣчи по той простой причинѣ, что ютландскій законъ былъ составленъ на 223 года позднѣе Русской Правды, а разительное сходство этого постановленія въ томъ и другомъ памятникѣ, по Эверсу, можетъ быть объяснено тѣмъ, что оба эти памятника черпали свое содержаніе изъ единаго германскаго источника [2]). Однако, чтобы утверждать это, надо доказать, что такой источникъ былъ налицо передъ составителями обоихъ памятниковъ; этого, конечно, Эверсомъ не дѣлается, да едва ли это и было бы возможно при наличности тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія имѣлись въ рукахъ изслѣдователя по исторіи составленія того и другого памятника. Но, если такихъ свѣдѣній нѣтъ, то не естественнѣе-ли предположить, что сходство постановленій указанныхъ двухъ памятниковъ о ѣздѣ на чужомъ конѣ безъ разрѣшенія его собственника, объясняется, какъ простотою самаго случая, возможнаго всегда и вездѣ, такъ и общимъ характеромъ данныхъ памятниковъ, содержащихъ въ себѣ вообще рядъ карательныхъ нормъ противъ нарушенія права собственности, при чемъ эти нормы являются тамъ и здѣсь казуальными.

Теорію заимствованія Русской Правды можно было считать сданною въ архивъ, если-бы въ недавнее время, хотя и съ большими оговорками, теорія эта не была вновь выставлена въ вышеуказанномъ сочиненіи извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Goetz'a „Das russische Recht (Русская Правда)". Проф. Гетцъ находитъ, что постановленія древнѣйшей Р. Правды о т. наз. сводѣ и объ оскорбленіи дѣйствіемъ („аще-ли ринеть мужъ мужа либо отъ себе, либо къ себѣ" . . .) заимствованы изъ Салической Правды. Принявъ во вниманіе, что Русская Правда упоминаетъ о варягахъ и что варяги-германцы часто появлялись на Руси для торговли, авторъ думаетъ, что черезъ нихъ русскіе вообще познакомились съ нормами германскаго права и, въ частности, съ вышеуказанными постановленіями о сводѣ и пр., подобно тому какъ они познакомились съ византійскимъ правомъ черезъ посредство прибывшаго на Русь изъ Византіи духовенства (т. I., стр. 125). Мы будемъ имѣть еще случай говорить о сводѣ

1) „Аще кто поѣдетъ на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити 3 гривнѣ". (Акад. сп., 11 ст.)

2) Подробности по данному вопросу см. у В. Ѳ. Тарановскаго „Норманская теорія въ исторіи русскаго права", стр. 3—6.

Р. Правды, какъ институтъ чисто-славянскаго происхожденія; чтоже касается оскорбленія дѣйствіемъ, то достаточно, на нашъ взглядъ, простаго сопоставленія соотвѣтствующихъ статей Р. Правды и Lex Salica, чтобъ отрицать заимствованіе перваго постановленія изъ Салической Правды[3]). Приведенное утвержденіе Гётца вызвало уже возраженіе въ ученой литературѣ нашей и проф. М. А. Дьяконовъ отмѣтилъ, въ указанной выше своей рецензіи, что „византійскія вліянія оставили огромное количество документальныхъ слѣдовъ“ и что, наоборотъ, намъ совершенно неизвѣстны слѣды германскихъ вліяній, почему „вся попытка проф. Гётца оживить старое ученіе Эверса не можетъ быть признана удачною (стр. 233). Надо, впрочемъ, замѣтить, что проф. Гётцъ вообще очень осторожно касается даннаго вопроса, пытаясь установить лишь отдѣльные случаи такихъ заимствованій и вліяній, но вовсе не говоритъ о несамостоятельности нашего памятника въ цѣломъ.

Обращаясь къ взглядамъ, признающимъ Русскую Правду памятникомъ національнымъ и ниоткуда незаимствованнымъ, надо, въ свою очередь, различать здѣсь нѣсколько мнѣній о происхожденіи Русской Правды.

Такъ, по одному мнѣнію, Русская Правда есть оффиціальный памятникъ нашего права, обязанный своимъ происхож-

---

1) Указанный авторъ посвящаетъ два §§ третьей части I тома своего сочиненія выясненію вопроса объ отношеніи древнѣйшей редакціи Р. Правды къ германскимъ правдамъ вообще и къ древне-скандинавскому праву въ частности (стр. 245—269); онъ находитъ заимствованія изъ германскихъ правдъ въ дополненіяхъ къ древнѣйшей редакціи Р. Правды (стр. 118 и сл.); заимствованій изъ древне-скандинавскаго права онъ не находитъ (стр. 269).

2) Приведемъ обѣ статьи, сравниваемыя проф. Гётцомъ, параллельно:

„Аще ринеть (толкнетъ) мужь мужа либо отъ себе, либо къ собѣ, 3 гривнѣ. А видока 2 выведеть“. (13 ст. древнѣйшей редакціи Р. Пр., по изданію Сергѣевича.)

§ 1 Si quis baronem ingenuum de via sua ostaverit aut inpinxerit, DC dinarios, qui faciunt solidos XV, culpabilis judicetur (Lex. Salica, tit. XXXI „de via lacina), т. е. если кто благороднаго (свободнаго) человѣка (baro = человѣкъ, мужъ) собьетъ или столкнетъ съ дороги, присуждается къ заплатѣ (пени) въ 600 денаріевъ, составляющихъ 15 солидовъ.

Въ той и другой статьѣ общаго только одно, что обѣ онѣ говорятъ объ оскорбленіи дѣйствіемъ свободнаго мужа, сама-же редакція статьи совершенно различна, что едва-ли было-бы при прямомъ заимствованіи. Затѣмъ, чтобъ оскорбленіе дѣйствіемъ свободнаго человѣка не оставалось безнаказаннымъ, вовсе ненужно прибѣгать къ заимствованію изъ чужого кодекса, такое оскорбленіе вездѣ и всегда вызываетъ ту или иную реакцію; русскіе славяне могли до этого додуматься и безъ содѣйствія Салической Правды, если даже допустить маловѣроятное предположеніе, что она была имъ извѣстна.

деніемъ законодательной дѣятельности великаго князя Ярослава[1]) и его преемниковъ; по другому, — это сборникъ юридическихъ обычаевъ и судебной практики составленной частными лицами; по третьему, которое особенно подробно и обстоятельно развивается проф. Ключевскимъ, „текстъ Русской Правды сложился не въ сферѣ княжескаго суда, а церковнаго суда, въ средѣ церковной юрисдикціи, нуждами и цѣлями которой и руководился составитель Правды въ своей работѣ“. (Курсъ, ч. I, стр. 255.) Что касается перваго мнѣнія, то его главнымъ образомъ придерживались старые наши изслѣдователи Русской Правды, какъ Татищевъ, Шлецеръ, Болтинъ, Карамзинъ и др., думавшіе, что вся Правда отъ начала до конца принадлежала Ярославу I. Новѣйшіе ученые, держащіеся мнѣнія объ оффиціальномъ происхожденіи Русской Правды, — какъ, напр., Погодинъ, Бѣляевъ, Ланге, и др. — признаютъ уже, что Ярославу принадлежитъ лишь часть Правды (47 статей т. н. „Троицкаго списка“), а остальныя части составлялись при его сыновьяхъ и даже при его внукѣ Владимірѣ Мономахѣ, которымъ данъ былъ законъ объ ограниченіи „рѣза“ (процентовъ). Ученые, держащіеся того мнѣнія, что вся Русская Правда принадлежитъ Ярославу I, между прочимъ, основывались, какъ на томъ, что сама Русская Правда въ нѣкоторыхъ спискахъ носитъ наименованіе „Устава вел. князя Ярослава“, такъ и на томъ, что въ лѣтописи есть такой, приводившійся уже нами раньше, разсказъ объ Ярославѣ: послѣ битвы съ кіевскимъ княземъ Святополкомъ, Ярославъ одарилъ деньгами помогавшихъ ему новгородцевъ и затѣмъ „отпусти ихъ домовъ и давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамоте ходите, якоже писахъ вамъ, такоже дерьжите“; а за этимъ разсказомъ идетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но, разбирая этотъ разсказъ лѣтописи, ученые, — отрицающіе, что Русская Правда есть „княжескій уставъ“, — указываютъ въ немъ нѣкоторыя несообразности, непозволяющія признать его соотвѣтствіе обстоятельствамъ дѣла. Такъ напр., В. И. Сергѣевичъ говоритъ: „что Ярославъ наградилъ новгородцевъ деньгами, это понятно; но что въ награду онъ далъ имъ Русскую Правду, это непонятно, такъ какъ Правда не содержитъ въ себѣ никакихъ элементовъ награды, пожалованія. Есть и другая еще болѣе крупная несообразность.

1) Мнѣніе проф. Гётца, утверждающаго, что древнѣйшая редакція Русской Правды была составлена еще до Владимира Св., не можетъ быть принято, какъ на это основательно указывается проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ въ его рецензіи на сочиненіе проф. Гетца. Наоборотъ, мнѣніе его, что означенная редакція содержитъ „старорусск оеобычное право“ (I, 269 стр.), должно быть признано, какъ намъ кажется, вполнѣ основательнымъ.

Относя написаніе Правды къ 1016 г., лѣтописецъ не замѣтилъ, что въ этой Правдѣ рѣчь идетъ о законодательствѣ сыновей Ярослава: Изяслава, Святослава и Всеволода, которыхъ тогда еще и на свѣтѣ не было“ [1]). Вообще В. И. Сергѣевичъ приходитъ къ тому выводу, что лѣтописецъ приписалъ Правду Ярославу „не потому, что этого требовалъ текстъ Правды, а потому, что, можетъ быть, въ его время такъ думали“. (Лекціи и изсл. стр. 88.) Что же касается того, былъ ли конецъ Русской Правды, — слѣдующій за приведеннымъ въ примѣчаніи оглавленіемъ („Правда оуставлена Руськои земли“ и пр.[2]) — произведеніемъ сыновей Ярослава, то многіе ученые, начиная съ Калачова (т. е. съ 1846 г., когда имъ написано изслѣдованіе о Русской Правдѣ) и до послѣдняго времени, также не находили возможнымъ приписывать сыновьямъ Ярослава всѣ статьи, идущія за этимъ оглавленіемъ, такъ какъ, напр. статья 42 „о поклонахъ вирныхъ“ („поклонахъ“ — пошлинахъ судебныхъ) называется въ самой же Правдѣ „урокомъ Ярославлевымъ“, а статья 21 принадлежитъ Изяславу, а не не всѣмъ братьямъ его и т. д.[3]) Иначе говоря, если первыя 17 статей древнѣйшей редакціи Русской Правды нельзя считать, — основываясь на лѣтописномъ разсказѣ, — уставомъ Ярослава, то нельзя въ свою очередь, всѣ послѣдующія статьи признать законодательствомъ сыновей Ярослава, какъ это ясно изъ приведенныхъ примѣровъ.

Ученые, отрицающіе оффиціальное происхожденіе Русской Правды и несчитающіе возможнымъ признать, что она была „уставомъ“ Ярослава и его сыновей, приводятъ затѣмъ еще рядъ соображеній въ пользу частнаго происхожденія сборниковъ права носящихъ наименованіе Русской Правды. Такъ, напр., ими указывается, что авторы Правды вездѣ говорятъ отъ третьяго лица, тогда какъ, еслибъ Правда была княжескимъ уставомъ, всего естественнѣе было-бы данному князю-законодателю говорить о себѣ въ первомъ лицѣ, какъ это, обыкновенно, и бывало въ древнихъ уставахъ (напр., въ церковныхъ уставахъ) и грамотахъ; между тѣмъ, въ Р. Правдѣ мы видимъ совершенно обратное[4]). Такъ, напр., въ Р. Правдѣ

1) А именно, послѣ 17-ой статьи и передъ слѣдующею статьею, находится такое оглавленіе: Правда оуставлена Роуськои земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ“ (сыновья Ярослава)... Ак. спис. Р. Правды.

2) За указаннымъ оглавленіемъ идетъ, по тому-же списку, еще 26 статей Р. Правды (ibidem).

3) „А въ княжемъ тивоунѣ 80 гривенъ; а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже убили Дорогобудьци“ (ibid., ст. 21).

4) Напр., въ такъ наз. Троицкомъ спискѣ Р. Правды читаемъ:

мы читаемъ, что за убійство княжескаго тіуна полагается вира въ 80 гривенъ, а за стараго конюха у стада — 80 же гривенъ, какъ установилъ Изяславъ за своего конюха, котораго убили дорогобужцы.

Затѣмъ, въ Р. Правдѣ встрѣчаются княжескія судебныя рѣшенія, при чемъ, однако, во-1-хъ, о нихъ также говорится въ третьемъ лицѣ, а во-2-хъ, невидно попытки обобщить ихъ въ норму, имѣющую примѣненіе во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ, какъ это можно было ожидать отъ княжескаго „устава“. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ, напр., самъ Изяславъ, назначивъ указанную выше виру въ 80 гривень „за конюха стараго“, сдѣлалъ объ этомъ постановленіе, то онъ и сказалъ-бы: „се язъ, Изяславъ, оуставилъ“ и т. д. между тѣмъ, какъ въ Правдѣ, — въ приведенной выше 21-ой статьѣ — говорится, что эта пеня взимается въ томъ размѣрѣ, „какъ установилъ Изяславъ за своего конюха“, т. е. только передается о томъ, что сдѣлалъ Изяславъ въ данномъ случаѣ, а не сообщается прямо его „устава“. Затѣмъ въ указанной статьѣ мы явно имѣемъ дѣло съ судебнымъ рѣшеніемъ князя, состоявшимся по опредѣленному поводу (по поводу убійства его „стараго конюха“, бывшаго „у стада“, дорогобужцами), безъ малѣйшей попытки превратить это рѣшеніе затѣмъ въ общую норму закона (устава), какъ можно было-бы ожидать въ оффиціальномъ сборникѣ. Противъ оффиціальнаго происхожденія, далѣе, говоритъ также и разнообразіе содержанія Русской Правды по отдѣльнымъ спискамъ, чего-бы не могло быть въ такой степени, какъ это встрѣчалось на практикѣ, еслибъ была общая первоначальная редакція Правды, какъ княжескаго устава [1]). Наоборотъ, если признать Правду произведеніемъ частныхъ лицъ, записывавшихъ судебныя рѣшенія, обычаи, княжескіе уставы и пр., то станетъ понятнымъ и разнообразіе ея содержанія по отдѣльнымъ спискамъ: одному собирателю казался важнымъ одинъ обычай, другому — другой, одинъ зналъ объ одномъ княжескомъ уставѣ, а иному онъ былъ неизвѣстенъ, почему онъ его и не

„по Ярославѣ же (послѣ Ярослава) паки совкупишеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша оубіеніе за голову“ . . . (2 статья); или „Володимѣръ Всеволодичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ (въ сельцѣ Берестовѣ, гдѣ былъ загородный дворецъ князя): Ратибора, Киевскаго тысячьскаго, Прокопью, Бѣлогородскаго тысячьскаго, Станислава . . . и оустави до третьяго рѣза“ (48 статья).

1) Иначе, впрочемъ, представляется дѣло однимъ изъ молодыхъ дченыхъ нашихъ, а именно П. И. Бѣляевымъ, утверждающимъ, что источникомъ Русской Правды была „Уставная грамота, которую уалъ новгородцамъ Ярославъ въ первой четверти XI вѣка“. (ibid., стр. 100 и сл.).

помѣстилъ въ своей редакціи, что и отразилось на содержаніи памятника по разнымъ спискамъ въ разное время. Наконецъ, въ Русской Правдѣ находятся постановленія, незаключающія въ себѣ никакихъ законодательныхъ нормъ, каковы статьи о приплодѣ скота (49—65 ст. Карамз. списка), что тоже едва-ли было-бы у мѣста въ оффиціальномъ сборникѣ, хотя, впрочемъ, это бывало иногда и позднѣе.

Таковы доводы за и противъ оффиціальнаго происхожденія Русской Правды. Замѣтимъ еще для полноты, что нѣкоторые ученые, какъ напр., проф. Пахманъ высказываютъ мнѣніе, какъ бы пытающее примирить указанныя два мнѣнія. По автору, „хотя Русская Правда, по внѣшнему составу и имѣетъ характеръ частнаго сборника, тѣмъ неменѣе, по содержанію, она имѣетъ оффиціальное значеніе, потому что въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, а именно до XVI ст., она служила руководствомъ въ судебныхъ дѣлахъ и оффиціально была признаваема источникомъ права“. (Исторія кодификаціи, I, стр. 209.) Что содержаніе Русской Правды воспроизводило, въ большой или меньшей степени, то право, какое примѣнялось на Руси до XVI вѣка, съ этимъ можно согласиться и уже одно это обстоятельство придаетъ громадную важность данному памятнику права. Но оно, однако, не служитъ основаніемъ къ признанію за Русской Правдою оффиціальнаго значенія, ввиду, какъ того соображенія, что она не была составлена по приказу князей и не была ихъ „уставомъ“, такъ и того, что они никогда не предписывали судамъ примѣнять ее при рѣшеніи дѣлъ. Она примѣнялась въ силу своихъ внутреннихъ достоинствъ, а не въ силу своего оффиціальнаго значенія.

Какъ уже было сказано выше, В. О. Ключевскимъ подробно развивается мнѣніе, что „текстъ Русской Правды сложился не въ сферѣ княжескаго суда, а церковнаго суда“. По автору, — также полагающему, что Русская Правда не есть „оффиціальный документъ“, — названный памятникъ права обязанъ своимъ происхожденіемъ церковнымъ судамъ. „Церковный судъ“, говоритъ проф. Ключевскій, „по духовнымъ дѣламъ надъ всѣми христіанами производился на основаніи Номоканона, принесеннаго изъ Византіи и церковныхъ уставовъ, изданныхъ первыми христіанскими князьями Руси. Церковный судъ по нецерковнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, простиравшійся только на церковныхъ людей, долженъ былъ производиться по мѣстному праву и вызывалъ потребность въ письменномъ сводѣ мѣстныхъ законовъ, какимъ и явилась Русская Правда. Необходимость такого свода обусловливалась двумя причинами: 1) первые церковные судьи на Руси, греки или южные славяне, незнакомы были съ

русскими юридическими обычаями; 2) этимъ судьямъ нуженъ былъ такой письменный сводъ туземныхъ законовъ, въ которомъ были-бы устранены или, по крайней мѣрѣ, смягчены нѣкоторые туземные обычаи, особенно претившіе нравственному юридическому чувству христіанскихъ судей, воспитанныхъ на византійскомъ церковномъ и гражданскомъ правѣ" (Курсъ р. ист., I, 257).

Авторъ многообразно доказываетъ эту свою мысль, отмѣчая, напр., что въ Русской Правдѣ нѣтъ упоминанія о „полѣ", или судебномъ поединкѣ, какъ о судебномъ доказательствѣ (ввиду того, что духовенство не признавало поля), указывая затѣмъ, что Русская Правда помѣщалась въ Кормчей, среди дополнительныхъ статей къ Номоканону (а таковыми были извлеченія изъ законовъ Моисеевыхъ, Эклога, Законъ судный людямъ, Прохиронъ, церковные уставы), что есть нѣкоторая „внутренняя связь" между этими дополнительными статьями и Русскою Правдою по содержанію и т. д. Такимъ образомъ, по автору, Русская Правда необходима была церковнымъ судамъ, а, „съ другой стороны, до половины XI столѣтія княжескому судьѣ едва ли былъ и нуженъ писанный сводъ законовъ. Княжескій судья могъ обходиться безъ такого свода по многимъ причинамъ: 1) были еще крѣпки древніе юридическіе обычаи, которыми руководствовались въ судебной практикѣ князья и его судьи; 2) тогда господствовалъ состязательный процессъ, пря, и еслибъ судья забылъ или не захотѣлъ вспомнить юридическій обычай, то ему настойчиво напомнили бы объ немъ сами тяжущія стороны, которыя собственно и вели дѣло и при которыхъ судья присутствовалъ болѣе безучастнымъ зрителемъ или пассивнымъ предсѣдателемъ, чѣмъ руководителемъ дѣла; наконецъ, 3) князь всегда могъ, въ случаѣ нужды, своей законодательною властью восполнить юридическую память или разрѣшить казуальное недоумѣніе судьи. Но, если княжескіе судьи до половины, или до конца XI вѣка, могли обходиться безъ писаннаго свода законовъ, то такой сводъ былъ совершенно необходимъ церковнымъ судамъ". Поскольку Русская Правда была необходима церковнымъ судамъ — это вопросъ, подлежащій разрѣшенію въ исторіи каноническаго нашего права, почему мы здѣсь только отмѣчаемъ этотъ весьма важный выводъ автора. Что же касается утвержденія автора, что княжескіе судьи могли „обходиться до половины, или до конца XI вѣка, безъ писаннаго свода законовъ", т. е. безъ Русской Правды, то этого утвержденія нельзя пройти молчаніемъ въ общемъ обзорѣ вопроса о происхожденіи Русской Правды. При этомъ прежде всего надо замѣтить, что самъ авторъ ограничиваетъ эту возможность для княжескихъ судей обходиться безъ Русской Правды лишь XI-мъ вѣкомъ, полагая,

что „съ теченіемъ времени Русская Правда, имѣвшая обязательное дѣйствіе только въ сферѣ церковной юрисдикціи, стала служить руководствомъ и для княжескихъ судей“ и пр. (стр. 256 и сл.). Такимъ образомъ утвержденіе автора относится лишь къ начальному моменту дѣйствія Русской Правды, а именно къ одному одиннадцатому вѣку. Возможно ли, однако, принять это утвержденіе по отношенію къ данному вѣку? Мы уже указывали выше, какія потребности вызываютъ вообще запись народныхъ обычаевъ, судебныхъ рѣшеній, княжескихъ уставовъ, рецепированныхъ иноземныхъ законовъ, т. е. всего того что дало содержаніе самой Русской Правдѣ. Эти потребности были весьма широки и уже поэтому одному предполагать, что древнѣйшія записи права имѣли примѣненіе только въ церковныхъ судахъ едва-ли представляется возможнымъ. Несомнѣнно, что въ первоначальной жизни культурныхъ народовъ наступаютъ такія обстоятельства, когда „неписанное“ (т. е. обычное) право, по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, оказывается неудобнымъ на практикѣ, когда нужно замѣнить его точными записями и выяснить отношеніе его къ законодательнымъ нормамъ. Такія обстоятельства наступили у насъ особенно со времени принятія христіанства и столкновенія началъ своего права съ правомъ иноземнымъ. Записи обычнаго права, судебныхъ рѣшеній, княжескихъ уставовъ и рецепированныхъ законовъ были потому нужны не для однихъ судовъ церковныхъ, но и для гражданскихъ. Такія записи явились не у насъ однихъ, но и на Западѣ Европы, ввидѣ такъ наз. „leges barbarorum“, весьма схожихъ, по составу своихъ нормъ, съ нашею Правдою. Какъ объясняютъ происхожденіе этихъ leges германисты? По ихъ ученіямъ рѣшительнымъ поводомъ къ письменному закрѣпленію обычнаго права было внѣдреніе въ жизнь племенъ христіанско-римской культуры, почему прежде всего записи обычнаго права явились у тѣхъ германскихъ племенъ, которыя вышли съ этою культурою въ постоянное соприкосновеніе [1]). Тотъ же поводъ имѣлъ мѣсто и у насъ, съ тою только разницею, что мы приняли христіанство изъ Византіи и пришли въ соприкосновеніе съ ея культурою. Затѣмъ, судебные процессы приходилось вести не однимъ только лицамъ, подчиненнымъ церковному суду, но и суду княжескому, почему фиксированіе обычаевъ и записи княжескихъ уставовъ и рѣшеній могли быть полезны и для лицъ, обращавшихся къ суду князя. Что въ этихъ записяхъ принимало участіе и духовенство, это,

1) См. H. Brunner „Grundzüge der deutschen Rechtsgeschichte“ Leipzig, 1903 г. (стр. 34). О происхожденіи Lex Salica см. „Введеніе“ Н. П. Граціанскаго къ русск. перев. „Салической Правды“ (Казань, 1913 г.).

конечно, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ духовенство наше вообще сыграло громадную роль въ развитіи древней письменности, но цѣль этихъ записей шла дальше служенія церковнымъ судамъ, почему она вовсе не была новою для слѣдующихъ вѣковъ, когда, по автору, Русская Правда „стала служить руководствомъ и для княжескихъ судей“. Ограничиваясь этимъ небольшимъ замѣчаніемъ, скажемъ въ заключеніе, что при современномъ состояніи вопроса о происхожденіи Русской Правды, признаніе ея сборникомъ права частнаго характера является наиболѣе допустимымъ, при чемъ этотъ сборникъ могъ одинаково служить пособіемъ, при разрѣшеніи тяжебъ, на судахъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ (княжескихъ[1]). Этимъ объяснется, конечно, какъ распространенность списковъ Русской Правды, такъ и постоянное измѣненіе, въ теченіи XI—XIII вѣковъ, ея содержанія. Замѣтимъ кстати, что примѣненіе на судахъ сборниковъ права, составленныхъ частными лицами, есть явленіе, имѣвшее нерѣдко мѣсто какъ въ исторіи права германскаго, такъ и славянскаго[2]). Вездѣ основаніемъ къ этому служила внутренняя цѣнность содержанія такихъ сборниковъ, благодаря чему они были пригодны для практической цѣли веденія судебныхъ процессовъ. Законодательной кодификаціи права нерѣдко предшествуетъ частная.

Открытіе Русской Правды. Списки Русской Правды и ихъ раздѣленіе по фамиліямъ или по редакціямъ.

Русская Правда, играющая столь важную роль въ исторіи нашего права, была открыта лишь въ 1738 году знаменитымъ дѣятелемъ и историкомъ первой половины XVIII вѣка В. Н. Татищевымъ въ одной Новгородской лѣтописи XV вѣка. „Съ крайней прилежностью“ сдѣлавъ списокъ съ рукописи и давъ переводъ Правды, Татищевъ тогда-же представилъ свой трудъ въ

1) Въ литературѣ высказывалось, однако, мнѣніе, совершенно противоположное этому. Такъ, напр., проф. Пахманъ говоритъ: „думаютъ, что Русская Правда была предназначена исключительно для церковныхъ судовъ на томъ основаніи, что много списковъ Русской Правды открыто въ Кормчей книгѣ. Это мнѣніе едва ли справедливо, такъ какъ въ Р. Правдѣ вовсе не упоминается о церковномъ судѣ; напротивъ, содержаніе Правды указываетъ скорѣе, что она предназначена была только для свѣтскихъ судовъ, тѣмъ болѣе, что для церковныхъ были особые уставы“ и пр. (ibid., 209 стр.). Такъ какъ Русская Правда примѣнялась на судахъ не въ силу своего оффиціальнаго значенія (котораго она не имѣла), а въ силу важности своего содержанія, то поскольку послѣднее отражало народныя правовоззрѣнія, оно могло приниматься во вниманіе какъ тѣми, такъ и другими судами, особенно въ дѣлахъ, входящихъ въ компетенцію каждаго изъ нихъ (дѣла о наслѣдованіи, объ опекѣ и др.).

2) Такъ, напр., саксонское и швабское зерцала („Sachsenspiegel“ „Schwabenspiegel“) были составлены частными лицами (послѣднее при

Академію Наукъ, гдѣ она, однако, пролежала около 30 лѣтъ, пока на нее не обратилъ вниманія Августъ Шлецеръ, издавшій ее (въ 1767 г.) и снабдившій предисловіемъ, изъ котораго видно, что этимъ знаменитымъ ученымъ, въ свою очередь, была понята важность памятника [1]). „Величественная краткость въ выраженіяхъ, обстоятельная подробность въ матеріяхъ, удивительное сходство съ другими сѣверными законами и очевидные слѣды глубочайшей древности — вотъ достоинства, которыми", по его мнѣнію, „отличается Русская Правда." Съ тѣхъ поръ постепенно увеличивалось число списковъ Русской Правды, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ, росла и множилась литература, посвященная изученію этого великаго памятника нашего юридическаго прошлаго, признано было его важное значеніе для исторіи права не только русскаго, но и вообще славянскаго. Но, несомнѣнно, однако, что отзывъ Шлецера не грѣшилъ преувеличеніемъ и, въ немногихъ словахъ, давалъ вѣрную общую характеристику памятника. Затѣмъ списки Правды продолжали время отъ времени открываться въ разныхъ мѣстахъ и издаваться въ печати; есть основаніе предполагать, что въ печати извѣстно лишь небольшое число списковъ Правды, сравнительно съ обращавшимися въ старину. Въ настоящее время извѣстно болѣе 50-ти списковъ Правды различныхъ редакцій. Большинство ихъ издано Н. В. Калачовымъ, ввидѣ особаго своднаго списка, въ его изслѣдованіи „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды"; затѣмъ тотъ же авторъ издалъ 4 списка Русской Правды (Академическій, Троицкій, Карамзинскій и списокъ кн. Оболенскаго [2]) взявъ списки, „отличающіеся между собою не только по времени, когда они были составлены и написаны, но также количествомъ помѣщенныхъ въ нихъ статей, содержаніемъ ихъ и изложеніемъ, и наконецъ, самымъ порядкомъ, въ какомъ онѣ другъ за другомъ слѣдуютъ". Кромѣ изданій Калачова, есть и рядъ другихъ; послѣднимъ изъ нихъ, представляющимъ весьма важныя особенности, является „Русская

томъ — духовнымъ лицомъ), какъ это считается доказаннымъ въ исторіи германскаго права (Brunner, ibidem, стр. 99, 102). Срав. также указанія въ краткой исторіи происхожденія важнѣйшихъ памятниковъ древнаго славянскаго права, помѣщенной въ книгѣ Г. Ирѣчка „Svod zakunûv slovanskych" (Сводъ законовъ славянскихъ). V. Praze, 1880 г.

1) Это первое изданіе Р. Правды имѣло такое оглавленіе: „Правда Русская, данная въ одиннадцатомъ вѣкѣ отъ великихъ князей Ярослава Влямдимировича и сына его Изяслава Ярославовича". Изданіе Августа Шлецера.

2) Краткое описаніе указанныхъ списковъ см. въ предисловіи Н. В. Калачова къ его изданію „Текстъ Русской Правды на основаніи 4-хъ списковъ" и пр.

Правда въ 4-хъ редакціяхъ" В. И. Сергѣевича. Обиліе извѣстныхъ въ печати списковъ Русской Правды, естественно, создавало для издателей Правды и ея изслѣдователей серьезную заботу о ихъ классификаціи, тѣмъ болѣе, что списки имѣли важныя отличія другъ отъ друга, смотря по мѣсту, гдѣ они были найдены, по времени, когда они были написаны, по количеству и по порядку размѣщенія отдѣльныхъ статей въ тѣхъ или иныхъ спискахъ. Было предложено нѣсколько системъ различенія списковъ Правды. Первою попыткою, вполнѣ научнаго характера, надо считать попытку профессора дерптскаго университета Эвальда Тобина, раздѣлившаго извѣстные ему списки на двѣ фамиліи (или редакціи), принявъ за основаніе дѣленія объемъ, или количество статей, входившихъ въ каждый списокъ [1]). Первую редакцію, по Тобину, образуютъ списки краткіе, вмѣщающіе въ себѣ древнѣйшую Правду (примѣромъ ея можетъ служить такъ наз. Академическій списокъ, въ изданіи Калачова „Текстъ Р. Правды"); вторую — пространные (примѣръ — Троицкій списокъ). Первая редакція или фамилія, распадается, въ свою очередь, на двѣ части изъ коихъ одну (17 начальныхъ статей Академическаго списка) составляетъ Правда Ярослава, а другую (остальныя 26 статей) — Правда сыновей Ярослава. „Пространная" же Правда, по Тобину, распадается на Правду сыновей Ярослава (отъ 1 до 47 статьи Троицкаго списка) и на Правду Владимира Мономаха (съ 48 статьи до конца.) Другая, весьма извѣстная и принимаемая доселѣ нѣкоторыми учеными, классификація списковъ принадлежитъ Н. В. Калачову, раздѣлившему 50 списковъ, имъ изслѣдованныхъ, на 4 фамиліи (или 4 разряда). Названный ученый положилъ въ основаніе своего дѣленія разныхъ списковъ на 4 фамиліи (редакціи) мѣсто нахожденія этихъ списковъ. Дѣло въ томъ, что списки Русской Правды были находимы въ различныхъ памятникахъ древней нашей письменности. Принимая во вниманіе это обстоятельство, авторъ къ первой фамиліи отнесъ тѣ списки Р. Правды, которые находятся въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ (Новгородской и Ростовской); во второй — тѣ, которые найдены въ Кормчихъ конца XIII вѣка и въ особыхъ сборникахъ юридическаго характера, носившихъ наименованіе „Мѣрила Праведнаго" [2]); къ третьей — тѣ, которые

1) „Mit Rücksicht auf ihren Umfang, lassen sich hauptsächlich zwei Familien von Abschriften der Prawda unterscheiden" говоритъ онъ въ своемъ изслѣдованіи „Die Prawda Russkaja, das älteste Rechtsbuch Russlands" и пр. (S.-Petersburg, 1844), стр. 2 и сл.

2) Подъ „Мѣрилами Праведными" разумѣются юридическіе сборники, составленные для руководства на судахъ, и содержавшіе въ

найдены въ позднѣйшихъ Новгородскихъ лѣтописяхъ (въ такъ наз. „Софійскихъ Временникахъ“); а къ четвертой — „списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей весьма различнаго содержанія“ (сборники эти принадлежали XVI—XVII вѣкамъ). Въ литературѣ вопроса, оба указанныя раздѣленія списковъ вызывали возраженіе. Такъ, находя, что дѣленіе Тобина должно быть вообще принято, считаютъ, однако, необходимымъ внести въ него нѣкоторыя поправки, а именно, наряду съ краткою Правдою, сложившеюся въ XI вѣкѣ и пространною, сложившеюся въ XII вѣкѣ, признаютъ еще третью (среднюю) редакцію или фамилію, которая является извлеченіемъ, или сокращеніемъ, пространной и можетъ считаться составленной въ XIII вѣкѣ[1]). Что же касается дѣленія Калачова, то оно вызываетъ возраженіе потому, что не даетъ возможности различать отдѣльные списки по ихъ внутреннимъ особенностямъ, которые несомнѣнно, существуютъ, хотя и не зависятъ отъ тѣхъ памятниковъ письменности, въ которыхъ эти списки найдены; доказательствомъ этого служитъ то, что однородные по своей редакціи списки находятся въ памятникахъ различныхъ по своему характеру, какъ, напр., въ лѣтописяхъ или въ „Мѣрилахъ Праведныхъ“. Въ новѣйшемъ изданіи Русской Правды В. И. Сергѣевича мы снова находимъ дѣленіе списковъ на 4 редакціи, но уже по другимъ основаніямъ[2]). Изданіе проф. Сергѣевича

себѣ, какъ выписки изъ византійскихъ памятниковъ, извѣстныхъ на Руси и церковныхъ уставовъ, такъ равно и списки Русской Правды и пр. О ихъ составѣ подробно см. въ замѣткѣ Н. В. Калачова „Мѣрило Праведное“ (Архивъ ист.-юридич. свѣдѣній о Россіи, книга 1).

1) Типичнымъ образцомъ краткой Правды можетъ считаться списокъ Академическій; пространной редакціи — Троицкій, средней, или сокращенной изъ пространной Правды, редакціи — списокъ кн. Оболенскаго (всѣ ихъ можно найти, какъ уже указывалось, въ изданіи Н. В. Калачова „Текстъ Русской Правды“ и пр).

2) Первая, древнѣйшая, редакція печатается авторомъ изданія по списку Новгородской лѣтописи XV вѣка; вторая — по тому же списку съ варіантами и добавленіями изъ другихъ списковъ; третья — по Троицкому списку Мѣрила праведнаго конца XV вѣка; четвертая — по списку князя Оболенскаго второй половины XVII вѣка. Первыя двѣ редакціи представляютъ собою краткую Правду, третья — пространную и четвертая „среднюю по величинѣ“. Дѣля краткую Правду на 2 редакціи, авторъ исходитъ изъ того соображенія, что открытый Татищевымъ списокъ даетъ „двѣ разныхъ редакціи Правды: древнѣйшую, которая не упоминаетъ ни о какомъ князѣ и вторую по ней, которая приписана сыновьямъ Ярослава“ первая написана во времена Ярослава (въ первой половинѣ XI вѣка), вторая — во второй половинѣ XI вѣка — при сыновьяхъ Ярослава, при чемъ ихъ общему законодательству принадлежатъ только первыя четыре статьи (стр, XIII).

представляетъ большой интересъ еще потому, что въ немъ дается „опытъ новаго дѣленія на статьи“, дѣленія, отличнаго отъ принятыхъ доселѣ въ литературѣ, при изданіи тѣхъ или иныхъ списковъ. Этотъ „опытъ“, впрочемъ, встрѣтилъ возраженія (см. В.-Будановъ „Das Russische Recht — Р. Правда“, стр. 2 сл.).

Заканчивая обзоръ списковъ, замѣтимъ еще, кстати, что эти списки носятъ въ литературѣ различныя наименованія, обыкновенно, смотря по принадлежности ихъ тому или иному учрежденію или лицу, по мѣсту ихъ нахожденія и т. д.[1]). Подъ этими наименованіями, по большей части, списки цитируются при ссылкахъ, при чемъ указываются и тѣ статьи, на которыя раздѣляется содержаніе даннаго списка, если только такое раздѣленіе было сдѣлано при изданіи списка.

Источники Русской Правды.

При изученіи всякаго памятника права весьма важнымъ вопросомъ является вопросъ о тѣхъ источникахъ, изъ коихъ заимствовано содержаніе памятника. Въ памятникахъ оффиціальнаго характера иногда указывается, — хотя и не вполнѣ точно, — откуда взято ихъ содержаніе. Въ памятникахъ, подобныхъ Русской Правдѣ, — гдѣ время постепеннаго составленія памятниковъ измѣряется вѣками, гдѣ авторы ихъ неизвѣстны, гдѣ, наконецъ, дошедшіе до насъ списки такъ разнообразны по составу и пр., — разрѣшеніе вопроса объ источникахъ памятника необходимо является задачею самой науки исторіи права, при чемъ именно по отношенію къ такимъ памятникамъ, какъ Р. Правда, оно имѣетъ особенное значеніе. Еслибъ можно было съ точностью установить, откуда взята та или иная статья (или, по крайней мѣрѣ — большинство ихъ) въ разныхъ редакціяхъ Р. Правды, то тѣмъ самымъ мы имѣли-бы возможность отвѣтить вполнѣ опредѣленно на вопросъ объ относительной важности для нашей Правды однихъ источниковъ права передъ другими, напр., уставовъ князей сравнительно съ обычнымъ правомъ, обычнаго права сравнительно съ византійскимъ правомъ и т. д. Къ сожалѣнію, вопросъ объ источникахъ Р. Правды нельзя признать вполнѣ разработаннымъ въ нашей литературѣ, почему многое здѣсь представляется еще спорнымъ. Въ цѣломъ, источ-

---

1) Такъ, напр., одинъ списокъ, находящійся въ Новгородской лѣтописи, носитъ наименованіе Академическаго потому, что сама рукопись этой лѣтописи принадлежитъ Академіи Наукъ; другой подобный списокъ носитъ названіе Карамзинскаго, такъ какъ принадлежалъ Н. М. Карамзину. Списокъ, находящійся въ „Мѣрилѣ Праведномъ“ носитъ названіе Троицкаго, такъ какъ само „Мѣрило“ хранится въ Троицкой Лаврѣ; Синодальный списокъ принадлежитъ Московской Синодальной Библіотекѣ и т. д.

ники Р. Правды надо признать довольно сложными. Изъ нихъ на первое мѣсто, на нашъ взглядъ, необходимо поставить обычное право: Р. Правда, несомнѣнно, воспроизводитъ цѣлый рядъ древнѣйшихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, имѣвшихъ примѣненіе нетолько у насъ, но и у другихъ народовъ, на извѣстной степени ихъ развитія. Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ доселѣ живутъ въ народѣ нашемъ, на что частью указывалось нами въ своемъ мѣстѣ, уже этимъ своимъ существованіемъ ясно доказывая, что они не изобрѣтены законодателемъ, или не заимствованы имъ изъ иноземныхъ источниковъ. Другіе, — какъ, напр., месть, о которой говорится въ Р. Правдѣ, — уже исчезли изъ нравовъ русской среды, но живутъ еще, однако, донынѣ среди нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ Россіи. Система денежныхъ выкуповъ преступленія (т. н. „композиція“) также можетъ считаться однимъ изъ первобытныхъ народныхъ обычаевъ, которымъ позднѣе воспользовалось государство, начавъ собирать виры, продажи и пр. въ свою пользу. Вообще говоря, тамъ, гдѣ мы видимъ въ Р. Правдѣ принципъ самодѣятельности тяжущихся, отсутствіе государственнаго вмѣшательства въ ихъ споры за свое право (такъ наз. „законное самоуправство“), тамъ мы можемъ предполагать народную юридическую норму. Несомнѣнно также, что народное обычное право надо видѣть, напр., какъ въ постановленіяхъ Р. Правды объ отысканіи вора по слѣду, оставленному имъ, или украденною имъ вещью (напр., уведеннымъ рабомъ, домашнимъ животнымъ), такъ и въ одномъ изъ моментовъ виндикаціи движимости, носящемъ наименованіе свода. Оба эти института интересны еще и потому, что имѣютъ себѣ аналогію и у другихъ народовъ. Какъ по Русской Правдѣ, такъ и по нѣкоторымъ изъ германскихъ Правдъ, процессъ виндикаціи движимостей начинался — когда это только представлялось возможнымъ — съ отысканія пропавшей вещи по слѣду, оставленному уведеннымъ животнымъ, рабомъ, или же самимъ похитителемъ, такъ какъ, конечно, только съ момента нахожденія пропавшей вещи въ рукахъ другого могъ, въ той или иной формѣ, возникнуть самый процессъ объ ея возвращеніи собственнику (или — прежнему владѣльцу). Этотъ вполнѣ естественный и общій, на извѣстныхъ ступеняхъ культуры, всѣмъ народамъ способъ отысканія пропажи по слѣду (способъ, не потерявшій въ простомъ народномъ быту своего значенія и доселѣ) могъ, разумѣется, примѣняться лишь тогда, когда хозяинъ вещи, или его домочадцы, во-время замѣтили пропажу, а потому и могли разсчитывать по слѣдамъ, оставленнымъ похитителемъ, или уведеннымъ животныхъ, рабомъ, и пр. — настичь вора, вмѣстѣ

съ предметомъ похищенія. Vestigium sequi или vestigium minare, по выраженію Салической и Рипуарской Правдъ („слѣдъ гнати", „слѣдъ гонить", по выраженію Русской Правды), долженъ былъ самъ обокраденный (собственникъ вещи — какъ говорятъ одни германисты, владѣлецъ пропавшей вещи — другіе), такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Sohm'a, во времена народныхъ Правдъ не было еще „полиціи", которая брала бы на себя заботу объ отысканіи вещи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о розыскѣ вора [1]). Поэтому, какъ только обокраденный узналъ о пропажѣ, онъ тотчасъ же извѣщалъ объ этомъ своихъ сосѣдей и во главѣ ихъ (или, по термоногіи leges, во главѣ такъ наз. trustis [2]), отправлялся на поиски пропавшаго, какъ и у насъ, по Р. Правдѣ, онъ долженъ, „слѣдъ гонити съ чужими людми и съ послухи" (88 ст. Карамзинскаго списка). Точно также нашъ сводъ — или, какъ мы думаемъ, — сведеніе съ себя подозрѣнія въ кражѣ вещи лицемъ, у котораго найдена украденная вещь, на другого, — находитъ себѣ, аналогію въ такъ называемой интерціаціи германскихъ Правдъ (intertiatio), или rei missio in tertiam manum. Лицо, у котораго собственникъ находилъ вещь, указывало, — чтобъ свести съ себя подозрѣніе въ кражѣ, — на того, у кого оно эту вещь пріобрѣло, т. е., иначе говоря, вводило въ процессъ третье лицо (tertia manus, по выраженію германскихъ Правдъ). Это „третье лицо", если могло, въ свою очередь ссылалось на своего предшественника по владѣнію вещью, и т. д. По Русской Правдѣ, собственникъ, найдя во владѣніи другого лица свою вещь, долженъ былъ итти съ владѣльцемъ вещи къ тому, отъ кого послѣдній ее получилъ. При наличности однихъ условій, онъ шелъ съ нимъ до третьяго свода, при наличности другихъ — до конца свода (ст. 29, 31, 33 Троицкаго списка). По нѣкоторымъ же изъ leges barbarorum, т. н. auctor'ы, или послѣдовательный рядъ владѣльцевъ вещи, вызывались собственникомъ пропавшей вещи, въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ, въ судъ, и здѣсь символически продѣлывалась процедура послѣдовательнаго перехода вещи отъ одного владѣльца къ другому, но собственникъ вещи не ходилъ вовсе, какъ по Русской Правдѣ, отъ одного владѣльца вещи къ другому. Вообще сводъ въ Русской Правдѣ изображаетъ процессъ возвращенія вещи въ болѣе первобытномъ образѣ, чѣмъ франкская Правда (Lex Salica) и уже поэтому онъ не можетъ считаться заимствованнымъ изъ нея, какъ думаетъ это проф. Goetz. Такая про-

1) „Process der Lex Salica" (Weimar 1867), стр. 64.

2) Trustis, въ данномъ случаѣ, по объясненію германистовъ, есть толпа свободныхъ людей, свита, дружина.

цедура носящая у насъ названіе свода, въ германскихъ Правдахъ, называется интерціаціею. Она извѣстна у другихъ славянъ (напр., у чеховъ, у поляковъ, у сербовъ [1]) и, несомнѣнно, что памятники разныхъ временъ и народовъ, въ томъ или иномъ видѣ ея воспроизводящіе, сообщаютъ намъ объ одномъ изъ народныхъ обычаевъ глубочайшей древности, хотя онъ примѣняется иногда и доселѣ въ простомъ быту. Конечно, громадна была разница между производствомъ свода и „гоненія по слѣду“ (vistigii minatio) по Русской и по варварскимъ Правдамъ [2]), такъ какъ самъ бытъ русскихъ времени дѣйствія ихъ Правды во многомъ непохожъ былъ на бытъ франковъ эпохи дѣйствія ихъ leges; но то обстоятельство, что сущность этихъ обычаевъ рисуется одинаково кодексами разныхъ народовъ служитъ указаніемъ, что они не изобрѣтены законодателями, а лишь занесены въ эти кодексы, записаны въ нихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они соотвѣтствовали народной культурѣ въ данное время. Примѣровъ подобныхъ записей можно указать много въ тѣхъ или иныхъ редакціяхъ Русской Правды, но и указанныхъ выше достаточно, чтобъ сказать, что обычное народное право было важнымъ источникомъ нашей „Правды“ какъ, впрочемъ, и отдѣльныхъ leges barbarorum, какъ это утверждается германистами (Brunner „Grundzüge“ и пр., стр. 34 и сл.).

Вторымъ источникомъ Русской Правды надо считать судебныя рѣшенія, частію воспроизводимыя этимъ памятникомъ въ ихъ первоначальномъ видѣ, по большей же части обобщенныя въ юридическія нормы, при чемъ, конечно, уже утрачивался ихъ казуальный характеръ. Мы приводили выше 21 статью Академическаго списка, которая говоритъ, что Изяславъ установилъ виру въ 80 гривенъ за „конюха стараго у стада“, котораго убили дорогобужцы и указывали, что здѣсь мы имѣемъ судебное рѣшеніе, состоявшееся по отдѣльному случаю. Такое постановленіе, однако, имѣется лишь въ древнѣйшей (краткой) Правдѣ, въ спискахъ-же пространной, т.-е. въ болѣе поздней, Правды этотъ случай изложенъ въ общей формѣ: такъ, въ Троицкомъ спискѣ, вообще за убійство „конюшаго“ полагается вира въ 80 гривенъ (10 ст.). Въ цѣломъ рядѣ постановленій Русской Правды, какъ и leges barbarorum,

1) Въ § 10 чешскихъ „Statuta ducis Ottonis“ (отъ начала XIII в.) читаемъ, напр., „quando ducitur, quod dicitur svod“ . . . О сводѣ говорится и въ сербскомъ „Законникѣ“ царя Стефана Душана XIV в., а равно и въ извѣстномъ памятникѣ польскаго права XIII вѣка, написанномъ по нѣмецки, при чемъ въ послѣднемъ памятникѣ сводъ уже имѣетъ характеръ судебной процедуры.

2) Въ чемъ состояла эта разница, подробно см. въ моей статьѣ „Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum“ (ibid., стр. 3 и сл.).

надо видѣть судебныя рѣшенія, изложенныя, впрочемъ, въ общей формѣ, подобной только-что указанной нами, хотя есть рѣшенія и необобщенныя, похожія на то, какое изложено въ 21 статьѣ Академическаго списка (см. напр., 29 и 40 статьи того-же списка).

Третьимъ источникомъ Правды надо назвать „княжескіе уставы", упоминаніе о которыхъ находится въ отдѣльныхъ редакціяхъ Правды. Частію уже обобщенныя судебныя рѣшенія можно назвать „уставами и уроками" князей, такъ какъ они были первымъ проявленіемъ ихъ законодательной дѣятельности. Но, кромѣ этого, въ Правдѣ отмѣчены и другіе слѣды этой дѣятельности. Такъ, напр., въ Правдѣ упоминается „оурокъ Ярославль" о „поклонахъ" (или „поконахъ") вирныхъ, т.-е. пошлинахъ въ пользу вирника (по мнѣнію однихъ — судьи, по мнѣнію другихъ — собирателя „виръ"), какъ это видно изъ 24-й статьи Академическаго списка; говорится, далѣе, объ отмѣнѣ мести сыновьями Ярослава (2 ст. Троицкаго списка), о запрещеніи убіенія раба за оскорбленія „свободнаго мужа", каковое запрещеніе установлено было сыновьями Ярослава, въ отмѣну постановленія отца ихъ (76 ст. Карамз. сп.), объ уставѣ Владиміра Мономаха о „рѣзахъ", или процентахъ (66 и 67 статьи того-же списка) и о нѣкоторыхъ другихъ. Наконецъ, четвертымъ источникомъ Русской Правды было право византійское, всего болѣе воспринятое пространною Правдою [1]). Въ древнѣйшей Правдѣ находятъ лишь одну статью, запрещающую убійство вора, въ случаѣ, если онъ былъ связанъ и продержанъ до утра, и требующую, чтобъ онъ былъ отведенъ „на княжь дворъ" для суда; статья эта взята изъ Моисеева закона. Что касается пространной Правды, то въ ней такихъ статей нѣсколько. Такъ, подъ вліяніемъ византійскаго права сложились статьи о наслѣдствѣ и объ опекѣ, объ отвѣтственности господъ за преступленія ихъ холоповъ, о незаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ (конемъ — по 27 статьѣ Троицкаго списка) и др. Во всѣхъ этихъ случаяхъ было, однако, не простое заимствованіе изъ византійскихъ сборниковъ, а переработка ихъ путемъ судебной практики, благодаря которой сами нормы приспособлялись къ условіямъ русской жизни того времени.

Таковы, въ немногихъ словахъ, источники Русской Правды, по современнымъ взглядамъ ученыхъ. Для полноты обзора

---

1) Вопросъ о вліяніи византійскаго права разсмотрѣнъ спеціально въ изслѣдованіи о Р. Правдѣ Н. В. Калачова, въ главѣ, носящей наименованіе „указанія на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ содержаніемъ Русской Правды". (Предварительныя юридическія свѣдѣнія и пр., стр. 139—158); срав. также Дювернуа „Источники права" и пр., стр. 311 и сл. и Goetz'a, „Das Russische Recht", т. I, стр. 239 и сл.

надо еще замѣтить, что эти взгляды явились въ недавнее, сравнительно, время, и что, наоборотъ, первые изслѣдователи Русской Правды, начиная со второй половины XVIII вѣка и до первой половины XIX вѣка, держались обыкновенно, какъ уже указано нами выше, того взгляда, что источниками Русской Правды было право скандинавское или германское. Но уже въ 1846 г. Калачовъ, въ одномъ изъ положеній своихъ къ изслѣдованію о Русской Правдѣ, утверждалъ вполнѣ категорично, что „мнѣніе будто Русская Правда есть переводъ или даже извлеченіе изъ иностранныхъ законодательствъ, въ своемъ основаніи такъ ложно, что не требуетъ опроверженія". Несомнѣнно, сходство отдѣльныхъ постановленій Русской Правды съ постановленіями leges barbarorum бросается въ глаза, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе и то, что въ содержаніи Русской Правды, какъ и въ leges, преобладаютъ нормы уголовнаго права и процесса надъ нормами другихъ отдѣловъ права, что способъ кодификаціи подлежащаго матеріала авторовъ нашей Правды нерѣдко тотъ же, какъ и въ варварскихъ Правдахъ. Но, всѣ эти черты сходства между указанными сборниками надо объяснить не заимствованіемъ изъ скандинавскихъ или германскихъ законовъ нашей Р. Правды, а простымъ слѣдствіемъ однихъ и тѣхъ же условій жизни русскихъ и германскихъ племенъ во времена дѣйствія ихъ „Правдъ", хотя бы эти „Правды" были составлены въ разныя эпохи (такъ напр., Lex Salica, древнѣйшая германская Правда, была составлена въ концѣ V-го вѣка, а древнѣйшая Ярославова Правда относится къ первой половинѣ XI вѣка). Впрочемъ, вопросъ объ отношеніи Русской Правды къ leges barbarorum остается, въ цѣломъ, вполнѣ открытымъ и ждетъ еще изслѣдователей. При подробномъ и внимательномъ сравнительномъ изученіи отдѣльныхъ институтовъ Русской Правды и leges barbarorum должно выясниться, въ чемъ состоитъ сходство ихъ по тѣмъ и другимъ памятникамъ и насколько оно является глубокимъ и общимъ.[1]) Современными русскими учеными, по нашему убѣжденію, уже извлечено все существенное, что только можно было извлечь, изъ особнаго, тѣмъ или инымъ образомъ дѣлавшагося, толкованія Р. Правды и другихъ, близкихъ къ ней, памятниковъ права. Наоборотъ, всего того, что можно познать изъ сравнительнаго изученія отдѣльныхъ институтовъ древнѣйшаго славянскаго и германскаго права и

1) Новѣйшій изслѣдователь „Русской Правды" проф. Goetz постоянно сопоставляетъ нормы нашего памятника съ соотвѣтственными нормами leges barbarorum, но это простое сопоставленіе не представляетъ, однако, собою еще сравнительнаго изученія самихъ институтовъ Русской Правды.

процесса, по Русской Правды и по leges, остается еще неисчерпаемый источникъ. При такомъ изученіи, разумѣется, само собою обнаружатся и тѣ ближайшія причины, благодаря которымъ въ указанныхъ памятникахъ права, дѣйствовавшихъ въ разное время и у разныхъ народовъ, были сходные юридическіе институты; пока же, говоря вообще, надо только повторить, что о прямомъ ихъ заимствованіи не можетъ быть и рѣчи, а сходства могутъ быть объяснены, какъ результатъ общихъ условій ихъ первоначальной жизни.

Краткій обзоръ содержанія Русской Правды.

Приступая къ краткому обзору содержанія Русской Правды, мы должны прежде всего замѣтить, что коснемся этого содержанія лишь постольку, поскольку оно можетъ служить къ общей характеристикѣ памятника, ввиду того, что подробное изображеніе отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ Р. Правды будетъ неразъ дѣлаться нами позднѣе, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ. Р. Правда различна по своему составу въ отдѣльныхъ своихъ редакціяхъ, или фамиліяхъ, почему и сама общая ея характеристика выиграетъ, какъ намъ кажется, въ своей ясности, если мы попытаемся прежде всего остановиться на краткомъ разборѣ содержанія памятника по его двумъ главнымъ редакціямъ — краткой и пространной. Что касается средней, или сокращенной изъ пространной, Правды, то изъ нея выкидываются нѣкоторыя статьи пространной Правды, сокращаются другія, но не прибавляется новыхъ статей, почему можно не касаться особо ея содержанія.

Приступая къ общему обзору содержанія Русской Правды, замѣтимъ прежде всего, что проф. Вл.-Будановымъ сдѣланъ весьма любопытный опытъ какъ подробнаго комментарія каждой статьи Русской Правды, такъ и систематическаго ихъ указателя по двумъ ея спискамъ (Академическому и Карамзинскому), т.-е. по тѣмъ спискамъ, которые могутъ, наряду съ другими списками, служить образцами краткой или пространной редакціи Правды (Христоматія по исторіи р. права, выпускъ I).[1]) Въ этомъ указателѣ авторъ отмѣчаетъ статьи каждаго списка, относящіяся къ судоустройству и судопроизводству,—т.-е., иначе говоря, къ процессуальнымъ нормамъ, — затѣмъ перечисляетъ статьи, относящіяся къ уголовному и гражданскому праву, при чемъ указываетъ въ скобкахъ тѣ статьи, которыя относятся лишь косвенно къ тому или иному отдѣлу права,

1) Кромѣ того, обстоятельный обзоръ содержанія каждой статьи Русской Правды по тремъ ея редакціямъ (по изданію В. И. Сергѣевича, указанному выше, стр. 102, прим. 2), съ приведеніемъ многочисленныхъ толкованій русскихъ ученыхъ, мы находимъ въ упоминавшемся выше трехтомномъ изслѣдованіи проф. Goetz'a „Das Russische Recht (Русская Правда)“, Stuttgart, 1910—1812 гг., гдѣ авторъ даетъ немало и собственныхъ цѣнныхъ замѣчаній.

что, конечно, и понятно: въ Р. Правдѣ, какъ и другихъ памятникахъ права, всегда найдутся опредѣленія, которыя толкуютъ о различныхъ вопросахъ одновременно, почему они и не могутъ считаться безусловно принадлежащими къ одному только отдѣлу права. Этотъ любопытный указатель даетъ возможность всякому составить себѣ общее, — хотя, конечно, и чисто-внѣшнее, — представленіе о содержаніи Русской Правды, въ ея двухъ редакціяхъ, такъ какъ здѣсь мы наглядно видимъ, во-1-хъ, сколько статей Правды относится къ тому или другому раздѣлу права, а во-2-хъ можемъ представить, какъ измѣнялось содержаніе ея нормъ съ теченіемъ времени, и, слѣдовательно, можемъ, въ свою очередь, судить о томъ, какъ постепенно развивалась русская жизнь и какія ея потребности вызывали необходимость въ тѣхъ или иныхъ новыхъ нормахъ права. Древнѣйшая краткая Правда (по Академическому списку) еще почти не содержитъ нормъ, касающихся гражданскаго права, т. е. того отдѣла права, который регулируетъ жизнь гражданъ въ ихъ повседневныхъ отношеніяхъ; изъ 43 статей списка лишь три касаются гражданскаго права. Что-же касается остальныхъ, то громадное большинство ихъ, а именно не менѣе 30-ти статей, относится къ праву уголовному, остальныя — къ процессу. Иначе говоря, первоначальная Р. Правда была сборникомъ уголовнаго права и частію процесса, какъ таковыми же сборниками были и варварскія Правды, содержавшія, подобно Р. Правдѣ, главнымъ образомъ постановленія о наказаніяхъ [1]).

Что касается пространной Правды, то, по Карамзинскому списку, изъ 135 статей уже 63 статьи относятся къ гражданскому праву, какъ равно увеличилось, по крайней мѣрѣ, до 28 статьей, число тѣхъ, которыя касаются права процессуальнаго. Если увеличенія числа статей по гражданскому праву служитъ указаніемъ на то, что гражданскій оборотъ, съ теченіемъ времени развившійся, сталъ больше, чѣмъ прежде, привлекать къ себѣ вниманіе суда, то увеличеніе числа статей по судоустройству и судопроизводству, съ свою очередь, служитъ указаніемъ на ростъ судебной власти и ея органовъ: такъ наз. дозволенное „внѣсудебное самоуправство“ сторонъ, коимъ вездѣ характеризуется вообще состояніе правосудія на первоначальныхъ ступеняхъ народной культуры, начинаетъ постепенно смѣняться формами судебнаго производства, а послѣднее, хотя и представляетъ на судѣ большой просторъ самодѣятельности сторонъ, но уже требуетъ, во всякомъ случаѣ, вмѣшательства княжеской власти въ разрѣшеніе споровъ между тяжущимися лицами.

1) „Der Inhalt des Leges“, говоритъ Бруннеръ, „ist zum grossen Teil strafrechtlicher und prozessrechtlicher Natur: einen Hauptbestandteil bilden die Bussbestimmungen“ (ibid.).

Обратимся теперь къ краткому обзору содержанія Правды по существу. Въ краткой Правдѣ, обыкновенно, различаютъ, какъ уже указывалось, Правду, составленную при Ярославѣ I (17 первыхъ статей его по Академическому списку) и Правду, составленную при его сыновьяхъ (26 остальныхъ статьяхъ тогоже списка). Что говорится въ первой Правдѣ? Въ ней говорится объ убійствѣ и о правѣ мести за него, чѣмъ, между прочимъ, свидѣтельствуется о древнѣйшемъ происхожденіи ея нормъ, такъ какъ это право мести не признавалось уже при сыновьяхъ Ярослава; затѣмъ здѣсь говорится о побояхъ, ранахъ и увѣчьяхъ, кому-либо нанесенныхъ, о взятіи собственникомъ раба, или вообще пропавшей вещи, безъ свода (интерціаціи), или съ производствомъ свода (смотря по наличности тѣхъ или другихъ условій); о незаконномъ пользованіи чужою собственностью („аще кто поѣдетъ на чужемъ конѣ, не прошавъ его . . .“); о взысканіи долга, объ оскорбленіи дѣйствіемъ „свободна мужа“ со стороны холопа; наконецъ, о порчѣ чужихъ вещей (1—17 статьи). Таковъ несложный составъ этой первоначальной Правды, живо воссоздающій предъ нами простоту жизненныхъ отношеній того времени, нуждавшихся въ защитѣ при внѣ-судебномъ или судебномъ процессѣ. Вторая часть — 26 послѣднихъ статей — представляетъ собою Правду Ярославичей [1]) не въ томъ, однако, смыслѣ, что она была составлена вся цѣликомъ этими князьями, а въ томъ, что она составлена во 2-ой половинѣ XI вѣка, при чемъ общему законодательству сыновей Ярослава (Изяслава, Всеволода и Святослава) принадлежатъ лишь первыя статьи. Въ этой Правдѣ мы находимъ опять-таки цѣлый рядъ статей объ убійствѣ и о кражѣ, при чемъ о послѣднемъ преступленіи говоритъ болѣе половины всѣхъ статей; затѣмъ находимъ постановленія о побояхъ, пораненіяхъ и истязаніяхъ, объ истребленіи чужихъ вещей и порчѣ межевыхъ знаковъ, наконецъ, постановленія, опредѣляющія количество судебныхъ пошлинъ и размѣръ платы „мостникамъ“ (такъ наз. „оурокъ мостниковъ“), иначе говоря, размѣръ платы за мощеніе дорогъ, улицъ, прокладываніе мостовъ и пр. Въ цѣломъ и эта вторая половина древнѣйшей „Правды“ является сборникомъ уголовно-процессуальнымъ и содержитъ всего лишь двѣ статьи, относящіяся къ гражданскому праву. Но въ этой половинѣ, однако, есть немало постановленій, отличающихся отъ Правды времени Ярослава I. Въ ней уже ничего, напр., не говорится о мести; она различаетъ уже общественные классы свобод-

1) Эта часть отдѣляется отъ первой такимъ оглавленіемъ; „Правда оуставлена Русской земли, егда ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ, Кыянинъ, Чудинъ, Микула“.

ныхъ людей (огнищанъ, смердовъ и пр.), въ то время какъ такого различія нѣтъ еще въ Ярославовой Правдѣ; она различаетъ также частное вознагражденіе лицу за кражу вещи отъ штрафа (продажи) въ пользу князя и вообще она неразъ говоритъ о княжеской собственности, о княжескихъ тіунахъ, о старостахъ, о „княжемъ дворѣ“ и т. д., что свидѣтельствуетъ о томъ, что на этой половинѣ Правды гораздо больше отразилась „уставная“ дѣятельность князей, чѣмъ на Ярославовой Правдѣ и что власть князя, значеніе его суда, дружины и т. д. выросло ко времени ея составленія, сравнительно съ первою половиною XI вѣка, когда была написана Правда Ярослава.

Что касается Правды „пространной“ — составленной въ XII вѣкѣ, какъ это можно предположить, ввиду, между прочимъ, того обстоятельства, что въ ней упоминается Владиміръ Мономахъ, княжившій въ Кіевѣ въ 1113—1125 гг., — то ея характерною особенностью является прежде всего рядъ постановленій, относящихся къ праву гражданскому. Такъ она говоритъ о договорахъ (куплѣ-продажѣ, займѣ, поклажѣ и др.), указываетъ форму ихъ совершенія и способы взысканія по договорамъ и т. д. Изъ нея мы узнаемъ объ институтѣ закупничества и объ источникахъ холопства, или рабства, хотя, впрочемъ, — какъ это будетъ подробно отмѣчено при изученіи этого института — она не указываетъ всѣхъ источниковъ холопства. Она, наконецъ, говоритъ о наслѣдствѣ по завѣщанію (по „ряду“) и безъ завѣщанія („безъ ряду“, по обычаю), объ установленіи опеки. Все это — институты, о которыхъ еще нѣтъ постановленій въ краткой Правдѣ и о которыхъ, наоборотъ, драгоцѣнныя свѣдѣнія сохранила Правда пространная. Конечно, эти институты существовали и раньше, во время составленія краткой Правды, но потому-ли, что, живя въ устномъ преданіи, они не нуждались еще въ подробной записи, потому-ли, что, имѣя примѣненіе въ тѣсныхъ, небольшихъ союзахъ, не доходили до суда и не вступали въ коллизію съ правомъ иноземнымъ (византійскимъ), они еще ничѣмъ не давали о себѣ знать въ краткой Правдѣ.

Наряду съ новыми постановленіями по праву гражданскому, мы находимъ въ пространной Правдѣ постановленія по тѣмъ-же отдѣламъ права, по которымъ были таковыя въ краткой Правдѣ, а именно постановленія по праву уголовному и процессу. Но и здѣсь надо отмѣтить много такихъ чертъ, которыя свидѣтельствуютъ о живомъ движеніи нашего права въ промежутокъ времени между составленіемъ краткой Правды и Правды пространной. Это движеніе права отразилось нетолько на количествѣ статей, относящихся къ указаннымъ отдѣламъ, но и на ихъ внутреннихъ качествахъ. Такъ, статьи этой Правды говорятъ о многихъ вопросахъ права гораздо

яснѣе, чѣмъ говорится о нихъ въ краткой Правдѣ; ими расчленяются многія понятія, бывшія слитыми въ указанной Правдѣ; онѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ краткая Правда, обобщаютъ отдѣльныя судебныя рѣшенія и, наконецъ, соединяютъ въ одномъ постановленіи нѣсколько статей этой Правды, почему и самъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ пространной Правды, представляется современному изслѣдователю болѣе совершеннымъ, со стороны формы и содержанія, чѣмъ краткая Правда. Такъ, напр., въ 10-й статьѣ Академическаго списка читаемъ, что за укрывательства раба кѣмъ-либо, полагается, кромѣ возращенія раба собственнику, три гривны за „обиду“; кому идутъ, однако, эти 3 гривны — неизвѣстно, но изъ статьи 27 Карамзинскаго и 26 Троицкаго (т. е. изъ списковъ пространной Правды), видно, что укрыватель платитъ 3 гривны „продажи“, а „продажею“ называлась пеня, шедшая князю за личныя и имущественныя преступленія, т. е., иначе говоря, постановленіе пространной Правды разъясняетъ постановленіе краткой. Не менѣе важно и то, что многія понятія, бывшія слитными въ краткой Правдѣ, въ пространной уже начинаютъ различаться. Такъ, напр., умышленное и неумышленное убійство еще вовсе не различаются въ Правдѣ времени Ярослава; въ Правдѣ Ярославичей есть лишь нѣкоторый намекъ на это различіе (а именно, говорится объ убійствѣ огнищанина „въ обиду“ и „въ разбоѣ“, при чемъ въ первомъ случаѣ можно предполагать ссору, во второмъ — намѣренное нападеніе, статьи 18—19 Акад. сп.), Правда-же пространная ясно различаетъ убійство на „свадѣ“ (въ ссорѣ), или явно на пиру, отъ убійства „на разбоѣ безъ всякой свады“, со стороны убитаго, конечно (3 и 5 стат. Карамз. сп.). Что касается обобщеній, дѣлаемыхъ пространною Правдою, то на одно изъ нихъ о старомъ конюхѣ у стада, котораго убили дорогобужцы, мы уже указывали выше; любопытнымъ примѣромъ другого обобщенія можетъ служить постановленіе о кражѣ скота нѣсколькими лицами: 40-ая статья краткой Правды (по Академ. списку) говоритъ, что, если украдутъ овцу, или козу, или свинью и если одну овцу украло д е с я т ь человѣкъ, то они платятъ каждый по 60 р ѣ з а н ъ продажи, между тѣмъ, какъ въ пространной Правдѣ (въ 39 статьѣ Карамзинскаго списка, или 38 Троицкаго сп.) говорится уже такъ: „аще ли ихъ (воровъ) будетъ м н о г о, то всѣмъ по 60 к у н ъ“,[1]) т. е., здѣсь, отдѣльный случай, давшій поводъ къ судебному рѣшенію (10 че-

1) Денежною единицею Русской Правды была г р и в н а, дѣлившаяся на 20 ногатъ, на 25 кунъ и на 50 рѣзанъ. О деньгахъ Р. Правды подробныя свѣдѣнія сообщаются при практическихъ занятіяхъ по изученію Р. Правды.

ловѣкъ воровъ, укравшихъ козу), излагается уже въ общей формѣ: „если воровъ будетъ много, то ...“

Таковъ краткій обзоръ Правды по ея краткой и пространной редакціямъ. Въ цѣломъ, уже изъ этого краткаго обзора — въ связи съ свѣдѣніями объ источникахъ Р. Правды, — видно, какъ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о древнемъ юридическомъ бытѣ нашихъ предковъ мы находимъ въ указанномъ памятникѣ, и какъ важно поэтому его внимательное изученіе, для пониманія движенія русскаго права XI—XII вѣковъ.

Глава VI.

Вѣчевыя грамоты.

I.

Псковская судная грамота [1]).

Общее замѣчаніе о законодательной дѣятельности вѣча. Двѣ судныхъ вѣчевыхъ грамоты, дошедшія до насъ и ихъ принадлежность къ первому періоду нашей исторіи.

Въ первый періодъ исторіи нашей, князья раздѣляли верховную законодательную власть съ вѣчемъ, бывшимъ повсемѣстнымъ явленіемъ древней Руси. Вѣче, рѣшая тѣ или иныя общественныя дѣла, облекало иногда свои рѣшенія въ особые договоры („ряды“) и грамоты. Первоначально эти договоры были словесными; но, уже съ конца XII вѣка они заключались иногда въ письменной формѣ, чѣмъ и объясняются такія извѣстія лѣтописи, что жители, напр., одного города, избравъ князя и посадивъ его на столъ, „въ Святѣй Богородицѣ весь порядъ (договоръ)

1) Литература о Псковской судной грамотѣ: Ѳ. Устрялова „Изслѣдованіе Псковской судной грамоты“ (Спб., 1885 г.); И. Е. Энгельмана „Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской судной грамотѣ“ (Спб., 1885 г.); И. Д. Бѣляева „Разсказы изъ Русской исторіи“ (М., 1867 г.), книга III; „Исторія города Пскова и Псковской земли“; А. И. Никитскій „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“ (Спб., 1873 г.); П. Н. Мр.-Дроздовскій „Памятники русскаго права времени мѣстныхъ законовъ“ (М., 1901 г.); ср. также „Лекціи по внѣшней исторіи р. права“ В. Н. Латкина (С.-П., 1888 г.) М. Н. Ясинскаго (К., 1889 г.) и „Очерки общ. и государст. быта древней Руси“ М. А. Дьяконова (С.-П., 1908 г.) Изданіе Псковской судной грамоты, съ обширными примѣчаніями, см. въ I-мъ выпускѣ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Фл.-Буданова.

положьше“ и т. п. Впрочемъ, дошедшія до насъ договоры относятся лишь ко 2-й половинѣ XIII в. и касаются только Новгорода. Въ вѣчевыхъ грамотахъ опредѣлялись условія призванія князей, содержались мирныя договоры и т. п. Есть также нѣкоторыя указанія на то, что вѣче принимало участіе въ законодательной дѣятельности князей, поскольку эта дѣятельность вообще могла проявляться въ эту первоначальную эпоху господства обычнаго права. Такъ, уже по договорамъ русскихъ князей съ греками, князья заключаютъ мирные трактаты не отъ своего только имени, но и отъ имени народа. Въ договорѣ 911 г. говорится, что онъ составленъ „похотѣньемъ нашихъ князь и по повелѣнію, и отъ всѣхъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси“; въ договорѣ 945 г. читаемъ, что „посланіе (посланные) отъ Игоря великаго князя Русскаго и отъ всякоя князья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“ должны были „обновить ветъхій миръ“, т. е. должны были заключить новый договоръ. Въ чемъ выразилось это участіе народа въ заключеніи договоровъ — это трудно сказать, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, но указанныя извѣстія свидѣтельствуютъ, во всякомъ случаѣ, о томъ, что князья заключали международные трактаты не отъ своего имени только, но признавали необходимымъ ссылаться также на народное согласіе. Болѣе ясное свидѣтельство объ участіи народа въ „уставной дѣятельности“ князей имѣемъ мы въ извѣстномъ уже намъ церковномъ уставѣ (или уставной грамотѣ) Смоленскаго князя Ростислава Мстиславовича, данной Смоленской епископіи въ 1150 году, гдѣ говорится, что уставъ этотъ князь даетъ „сдумавъ съ людьми своими“ и что его не должна отмѣнить („посудить“) „по моихъ днехъ (по кончинѣ князя) ни князь, ни людіе“; подъ выраженіемъ „людіе“ (люди) надо разумѣть свободное населеніе, съ которымъ князь „думалъ“ на вѣчѣ объ этомъ уставѣ и которое, вмѣстѣ съ княземъ, должно было хранить уставъ этотъ. Новгородскіе договоры съ нѣмцами также свидѣтельствуютъ объ участіи вѣча въ заключеніи договоровъ. Такъ, напр., въ мирной грамотѣ 1195 г. прямо говорится, что „се азъ, Ярославъ Володимѣричъ, сгадавъ (подумавъ) съ посадникомъ съ Мирошкою и съ тысяцкимъ Яковомъ и со всѣми Новгородцы, подтвердихомъ мира стараго“ и т. д.; въ договорѣ 1270 года, князь Ярославъ Ярославовичъ, съ посадникомъ и тысяцкимъ, со старѣйшинами и со всѣми новгородцами“, а равно съ нѣмецкими послами „разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали Правду“. Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ свѣдѣній, какъ о совмѣстной, такъ и о раздѣльной законодательной дѣятельности вѣча и князей не дошло до насъ, почему составить вполнѣ опредѣленное сужденіе о характерѣ этой дѣятельности

и о взаимныхъ отношеніяхъ указанныхъ носителей верховной власти въ древнее время чрезвычайно трудно. Можно лишь утверждать, что, какъ князю, такъ и вѣчу принадлежало право законодательства, но такъ какъ въ первый періодъ исторіи законъ вообще уступалъ мѣсто обычному праву и часто не шелъ, въ своемъ содержаніи, дальше простого закрѣпленія народныхъ воззрѣній, то и вѣче, живя этими же правовоззрѣніями, долго не имѣло нужды развивать ихъ подробно въ особыхъ письменныхъ постановленіяхъ, или вѣчевыхъ грамотахъ, а ограничивалось первоначально словесными приговорами. Поэтому, изъ дошедшихъ до насъ вѣчевыхъ грамотъ мы узнаемъ не столько о законодательствѣ вѣча, сколько о различныхъ вопросахъ тогдашняго управленія, какъ, напр., объ избраніи князей вѣчемъ, о „рядахъ“ или договорахъ съ ними, объ объявленіи войны тѣмъ или инымъ княземъ объ участіи въ ней вѣча, о заключеніи мира и т. п. Памятниками же законодательной дѣятельности вѣча надо считать лишь двѣ знаменитыхъ судныхъ грамоты — Псковскую и Новгородскую, на изученіи которыхъ мы и остановимся. Замѣтимъ при этомъ, что грамоты эти, по времени своего происхожденія, должны быть, собственно говоря, относимы къ памятникамъ второго періода, такъ какъ онѣ были составлены, въ дошедшей до насъ редакціи, не ранѣе половины XV вѣка, но, обычно, однако, ихъ изучаютъ вмѣстѣ съ памятниками вѣчеваго или земскаго періода, какъ первую попытку кодификаціи мѣстнаго права, сдѣланную законодательною властью, а именно вѣчемъ Пскова и Новгорода. Цѣлый рядъ соображеній говоритъ въ пользу этого включенія Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ въ число источниковъ права перваго періода. Такъ, прежде всего, эти грамоты — произведеніе того народнаго собранія, которое дѣйствовало, въ качествѣ одного изъ элементовъ верховной власти, въ первый періодъ нашей исторіи и которое перестало быть таковымъ элементомъ въ періодъ Московскій. Затѣмъ, право, воспроизводимое въ этихъ грамотахъ, — являясь „стариной и пошлиною“ Пскова и Новгорода, — было гораздо древнѣе того времени, когда оно было записано и наконецъ, по содержанію своему, юридическія нормы, воспроизводимыя указанными грамотами, нерѣдко гораздо ближе къ праву эпохи Русской Правды, чѣмъ къ праву Московскаго періода. Разсмотримъ, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, каждую изъ указанныхъ судныхъ, или судебныхъ, грамотъ отдѣльно.

Время и обстоятельства составленія

Псковская судебная грамота была составлена („выписана“), какъ гласитъ „надписаніе“ (предисловіе) къ ней, „всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ

Псковской судной грамоты. Источники грамоты.

лѣто 6905“ [1]), т. е. въ 1397 г. Если нѣтъ никакихъ сомнѣній относительно признанія означеннаго памятника права вѣчевою грамотою, то, наоборотъ, годъ ея составленія, — несмотря на то, что онъ указанъ въ единственномъ полномъ ея спискѣ, найденномъ проф. Мурзакевичемъ въ 1847 г. въ библіотекѣ кн. М. С. Воронцова въ Одессѣ [2]) — представляется весьма спорнымъ въ литературѣ вопроса. Дѣло въ томъ, что въ Псковѣ нѣсколько церквей соединялось въ единое цѣлое, имѣвшее своихъ особыхъ старостъ и носившее наименованіе собора. Такихъ соборовъ въ 1397 г. было во Псковѣ четыре, а пятый соборъ явился лишь въ 1462 г. Упоминаніе въ „надписаніи“ къ грамотѣ о пяти соборахъ заставляетъ думать, что и сама грамота не могла быть утверждена ранѣе этого времени. Такъ какъ затѣмъ 6-ой соборъ былъ устроенъ во Псковѣ лишь въ 1472 г. и о немъ уже не упоминается въ грамотѣ, то является вполнѣ естественнымъ предположеніе, что грамота могла быть составлена въ промежутокъ между 1462 г. и 1472 гг. Проф. Энгельманъ приводитъ, кромѣ того, соображеніе, по которому годомъ составленія грамоты надо признать 1467 годъ, а именно онъ отмѣчаетъ, что въ грамотѣ не находится „запрещенія князю имѣть намѣстниковъ въ пяти, изъ 12-ти, пригородахъ Пскова между тѣмъ, какъ достовѣрно извѣстно, что до 1467 г. такое запрещеніе существовало; въ этомъ же году оно было уничтожено“. Затѣмъ тотъ же авторъ допускаетъ, что ближайшимъ поводомъ къ сочиненію Псковской судной грамоты въ ея теперешнемъ видѣ, можетъ быть, послужило прибытіе изъ Москвы князя Ѳ. Шуйскаго, явившагося во Псковъ въ 1467 г. въ качествѣ великокняжескаго намѣстника. Тогда „псковитяне, бу-

---

1) Предисловіе или „надписаніе“ Псковской грамоты гласитъ слѣдующее: „ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, і изъ княжъ Констянтиновы грамоты, і изъ всѣхъ приписковъ псковъскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ 5 съборовъ и священноиноковъ і діаконовъ і священниковъ и всего Божіа священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи, въ лѣто 6905“.

2) „Псковская судная грамота, составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Издавна по списку, хранящемуся въ библіотекѣ кн. М. С. Воронцова“ (Одесса, 1847 г.). Если полный текстъ Псковской судной грамоты сдѣлался извѣстнымъ въ литературѣ нашей только послѣ указаннаго изданія его проф. Мурзакевичемъ, то отрывокъ ея, а именно конецъ, начиная съ 109 статьи (по дѣленію проф. В. Будановымъ, сдѣланному въ его „Христоматіи“) былъ извлеченъ еще Карамзинымъ изъ синодальной лѣтописи, хранящейся въ Москвѣ и помѣщенъ въ V томѣ его „Исторіи государства Россійскаго“, вышедшемъ въ 1816 г. Отрывокъ этотъ, однако, не давалъ возможности рѣшить, былъ ли его текстъ вѣчевымъ приговоромъ, или уставомъ князя.

дучи ограничены въ правѣ собственнаго суда, старались спасти, по крайней мѣрѣ, самыя правила суда и обезпечить ихъ на будущее время“ (ibid., стр. 10). Этотъ годъ составленія грамоты, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, принимается большинствомъ историковъ нашего права, хотя нѣкоторые находятъ возможнымъ допустить составленіе ея и въ тотъ годъ (т. е. въ 1397 г.), о которомъ говорится въ „надписаніи“ къ грамотѣ. Такъ, напр., В. И. Сергѣевичъ высказываетъ предположеніе, что переписчикъ XV вѣка, снимавшій копію съ грамоты послѣ 1462 г., когда въ Псковѣ было уже 5 соборовъ, счелъ ошибкою то, что въ грамотѣ говорится о меньшемъ числѣ соборовъ и написалъ „5 соборовъ“ (Лекціи, стр. 36). Проф. Вл.-Будановъ, находя, что „Псковскій кодексъ составлялся не въ одинъ разъ“, также допускаетъ, что „первоначальная его редакція можетъ и должна быть отнесена къ 1397 г.: въ 1395 г. отмѣнена была, до тѣхъ поръ дѣйствовавшая, грамота Діонисія (архіепископа); надо было замѣнить ее новымъ законоположеніемъ; въ 1397 г. Псковъ, по договору съ Новгородомъ, достигъ полной независимости, а это должно было отразиться и на его внутреннемъ законодательствѣ“ и пр. (Обзоръ, 104 стр.).

Немало затѣмъ возбуждалъ въ литературѣ споровъ и вопросъ о томъ, какихъ князей надо подразумѣвать подъ княземъ Александромъ и княземъ Константиномъ, изъ грамотъ которыхъ была „выписана“ Новгородская судная грамота. Подъ княземъ Александромъ одни ученые, какъ напр., Мурзакевичъ и Устряловъ и др., разумѣютъ князя Александра Михаиловича Тверского, княжившаго во Псковѣ два раза, а именно съ 1327 г. по 1330 г. и съ 1331 г. по 1337 г.; другіе, какъ, напр., Калачовъ, Энгельманъ, Сергѣевичъ предполагаютъ, что подъ этимъ княземъ Александромъ нельзя подразумѣвать никого иного, кромѣ знаменитаго великаго князя Александра Невскаго, бывшаго во Псковѣ въ 1241 г., а затѣмъ въ 1242 г. (послѣ знаменитаго Ледового побоища на Чудскомъ озерѣ), и скончавшагося въ 1263 г. Ученые, признающіе подъ княземъ Александромъ, упоминаемымъ въ началѣ Псковской грамоты, великаго князя Александра Невскаго, основываются, главнымъ образомъ, на приводимомъ Калачовымъ посланіи митрополита Кипріана къ псковитянамъ отъ 1395 г., въ которой онъ говоритъ о Псковской грамотѣ великаго князя Александра, при чемъ Калачовъ утверждаетъ, что митрополитъ Кипріанъ не назвалъ бы великимъ княземъ Александра Тверского, бывшаго изгнанникомъ и враждебнаго Москвѣ. Наоборотъ, тѣ, которые хотятъ здѣсь подразумѣвать Александра Тверского, приводятъ то соображеніе, что Псковъ въ XIII вѣкѣ былъ простымъ пригородомъ

Новгорода, что ему не могла быть дана особая „Правда“ Александромъ Невскимъ, бывшимъ лишь случайно въ Псковѣ въ 1241 и 1242 гг. и что начало этой „Правды“ надо относить именно ко времени княженія во Псковѣ Александра Тверского, т. е. къ первой половинѣ XIV вѣка. По мнѣнію проф. Никитскаго, „въ началѣ XIV столѣтія, именно около 1322 г., псковичи окончательно порвали всякую связь съ Великимъ Новгородомъ и вступили въ союзъ съ литовскими князьями, изъ рукъ которыхъ и стали принимать къ себѣ намѣстниковъ, между прочимъ оттуда взяли и Александра Тверского, а въ 1347—1348 годахъ послѣдовало и оффиціальное признаніе самобытности Пскова со стороны Великаго Новгорода. Въ виду этихъ обстоятельствъ псковичамъ было нетолько естественно, но и необходимо позаботиться о составленіи, въ періодъ времени отъ 1322 по 1347—1348 годъ, особой мѣстной Правды, которая удовлетворяла бы ихъ насущнымъ потребностямъ“. Проф. М. А. Дьяконовъ также признаетъ, что, княженіе Александра Тверскаго въ Псковѣ было „весьма благопріятнымъ моментомъ для первыхъ шаговъ къ выработкѣ мѣстной Правды“. Что касается князя Константина, упоминаемаго въ „надписаніи“, то подъ этимъ княземъ почти единогласно всѣ ученые готовы видѣть князя Константина Дмитріевича (родного брата Московскаго князя Василія Дмитріевича), который правилъ Псковомъ въ 1407 г. и умеръ въ 1433 г. Надо при этомъ замѣтить, для ясности, что кого-бы мы не подразумѣвали подъ великимъ княземъ Александромъ, упоминаемомъ въ предисловіи къ грамотѣ — Александра ли Невскаго или Александра Тверскаго — разрѣшеніе этого вопроса будетъ имѣть значеніе лишь для установленія начальнаго момента составленія Псковской судной грамоты, или, иначе говоря, того перваго, по времени источника, изъ коего она прежде всего была выписана. Но, такъ какъ то же предисловіе, или „надписаніе“ къ грамотѣ, упоминаетъ, что она была выписана также и „изъ княжь Константиновы грамоты“ и такъ какъ этотъ князь Константинъ княжилъ въ Псковѣ въ 1407 г., то, значитъ, грамота вмѣстила въ себя также и юридическій матеріалъ, входившій въ эту Константинову грамоту, т. е., она не могла быть вся цѣликомъ составлена ранѣе начала XV вѣка; всего вѣрнѣе предположить, что грамота составилась несразу. Затѣмъ и выписка матеріала изъ этой грамоты не означала еще, что она была окончательно утверждена въ первые годы XV-го вѣка, такъ какъ этотъ матеріалъ пересматривался затѣмъ на вѣчѣ и получилъ свою послѣднюю редакцію, съ добавленіями и исправленіями, неранѣе 1467 г., — если согласиться съ тѣми доводами въ пользу этой даты, какія приведены были нами выше.

Изъ этихъ доводовъ, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ особенно вниманія тотъ, что, съ присылкою въ 1467 г. Іоанномъ III въ Псковъ намѣстникомъ своимъ князя Ѳеодора Шуйскаго, у псковичей могло явиться желанье выписать изъ указанныхъ грамотъ князей и „изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ“,— т.-е. изъ стародавнихъ обычаевъ, шедшихъ изъ древности, — все то, что они желали сохранить для себя въ неприкосновенности. Москва противополагала „псковской пошлинѣ“ свою старину, свою пошлину и хотѣла сдѣлать ее закономъ для Пскова. Вольному городу, естественно, слѣдовало подумать о кодификаціи своихъ старинныхъ обычаевъ, чтобъ сохранить, во внутреннемъ своемъ строѣ, если не политическую, то, по крайней мѣрѣ, гражданскую самобытность. Поэтому едва-ли былъ болѣе подходящій моментъ къ окончательному сведенію воедино всѣхъ старинныхъ псковскихъ обычаевъ, чѣмъ 1467 годъ, когда во Псковъ явился великокняжескій намѣстникъ, снабженный большими полномочіями, сравнительно съ прежними намѣстниками. Такимъ образомъ „Псковская Правда“, или Псковская судная грамота, имѣла своими источниками „псковскія пошлины“, начиная, либо съ грамоты Александра Невскаго отъ 1241—1242 гг., либо съ грамоты Александра Тверскаго отъ 1322—1348 гг. (смотря по тому, кого мы будемъ подразумѣвать подъ великимъ княземъ Александромъ, упоминаемымъ въ грамотѣ) и кончая 1467 г., т.-е., иначе говоря, она отразила въ себѣ движеніе юридической мысли младшаго брата Великаго Новгорода за весьма долгій срокъ. Едва-ли вѣче 1467 г., установившее ту редакцію грамоты, которая дошла до насъ, могло внести много новаго въ содержаніе грамоты. Время было таково, что всего нужнѣе было закрѣпить старое, а не вводить новое: сила московскихъ порядковъ все болѣе и болѣе давала о себѣ знать и меньше, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ Псковъ уже переставалъ существовать, какъ самостоятельное цѣлое (онъ былъ, какъ извѣстно, присоединенъ въ Москвѣ въ 1510 г.). „Псковскія пошлины“, или старые юридическіе обычаи, вошедшіе въ грамоту, составились изъ постановленій вѣча, а также уставовъ, когда-то дававшихся князьями, изъ приписокъ къ нимъ и тѣхъ судебныхъ рѣшеній, которые являлись прецедентами для постановленія приговоровъ на будущее время. Таковы, въ немногихъ словахъ, источники Псковской судной грамоты. Обстоятельство чисто-политическаго характера — необходимость охранить свою юридическую самобытность — имѣло, въ данномъ случаѣ, чрезвычайно важное послѣдствіе для исторіи нашего права: благодаря ему, мы имѣемъ памятникъ права, близко соприкасающійся, по своему содержанію, съ Русскою Правдою, памятникъ, возсоздающій

много драгоцѣнныхъ чертъ народнаго стародавняго быта и позволяющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти связующія нити между правовоззрѣніями вѣчевого уклада и московскаго времени. Та особенность этого памятника, что онъ „не есть законоположеніе одновременное“, — какъ выражается проф. Энгельманъ, — а состоитъ изъ юридическихъ нормъ, слагавшихся вѣками, конечно, создаетъ для историковъ права весьма трудную задачу опредѣленія, къ какому-же именно времени относятся тѣ или иные пласты его постепенныхъ историческихъ наслоеній, но эта-же особенность дѣлаетъ его чрезвычайно привлекательнымъ для изученія, такъ какъ она позволяетъ слѣдить за развитіемъ нашего права, связывать однѣ эпохи его движенія съ другими.

Въ цѣломъ, основнымъ источникомъ Псковской судной грамоты является народное обычное право, кодифицированное, правда, въ одной лишь области, но воспроизводящее однако, — безъ замѣтной примѣси права иноземнаго, — юридическія воззрѣнія русскаго населенія, общія для многихъ нашихъ областей. По своимъ источникамъ, это — памятникъ живой народной мудрости, вмѣстѣ съ Русскою Правдою, отлично отразившій дѣйствительность своего времени. Къ нему вполнѣ идетъ та характеристика, которая сдѣлана была однимъ изъ нашихъ цивилистовъ, а именно Н. Л. Дювернуа: „юридическія отношенія, которыхъ касается памятникъ, всѣ основаны на нравственныхъ началахъ свободы и равенства и освящены не только внѣшней санкціею вѣчевой автономіи, но вѣковѣчной стариною и силой церковнаго благословенія. При этихъ условіяхъ образованія права, сила закона во Псковѣ была совершенно иная, чѣмъ въ Москвѣ. Въ законъ вѣрили, какъ нигдѣ и никогда послѣ не вѣрили въ него; въ него вѣрили всѣ, ибо волею всѣхъ онъ получилъ свою силу, за него стояли всѣ; за него стояли не только тогда, когда это было выгодно, и не тѣ только, кому это выгодно, за него поднимался весь Псковъ противъ сильнаго сосѣда, когда это было больше опасно, чѣмъ выгодно“. („Источники права“ и пр.. стр. 308). Такое значеніе Псковской судной грамоты, какъ закона, за который „стояли всѣ“, объясняется, на нашъ взглядъ, также и тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ этотъ „законъ“ лишь санкціонировалъ обычное право, какъ священное достояніе, полученное отъ предковъ. Подобная роль выпадаетъ на долю закона далеко не во всѣ времена. Здѣсь эта роль была особенно благодарна еще и потому, что санкція закономъ народныхъ правовоззрѣній означала охрану самобытности Псковской земли.

Составныя части Псков-

Будучи составлена изъ матеріала, накоплявшагося въ теченіи долгаго періода времени, Псковская судная грамота была не систематическимъ

ской судной грамоты.

сборникомъ, въ которомъ всѣ юридическія нормы были размѣщены въ извѣстномъ порядкѣ, по соотвѣтственнымъ отдѣламъ права, но сборникомъ, по преимуществу, хронологическаго характера, въ которомъ болѣе древніе юридическіе обычаи изложены въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ началѣ грамоты, менѣе древнія — въ срединѣ и т. д. Такой характеръ „Псковской Правды", признаваемый почти всѣми изслѣдователями, естественно приводитъ къ вопросу, на какія-же части, по времени созданія тѣхъ или иныхъ формъ, должна быть раздѣлена эта „Правда? Вопросъ этотъ представляетъ немало спорнаго въ спеціальной литературѣ по исторіи источниковъ нашего права. Не касаясь его во всѣхъ подробностяхъ, отмѣтимъ лишь нѣкоторые выводы, кажущіеся намъ наиболѣе доказанными. Такъ, прежде всего, можно раздѣлить Псковскую судную грамоту на три части, при чемъ каждая, — какъ это указано справедливо проф. Вл.-Будановымъ, — „начинается учредительными законами о составѣ суда"[1]). Первая часть, согласно съ „надписаніемъ" къ грамотѣ, состоитъ „изъ великаго князя Александровы грамоты", т.-е. устава Александра Невскаго или Александра Тверскаго, съ прибавкою тѣхъ „пошлинъ псковскихъ", или стародавнихъ народныхъ обычаевъ, которые были записаны и утверждены вѣчемъ послѣ этого устава; вторую часть составляетъ „князь Константинова грамата", опять таки съ прибавкою („припискою") тѣхъ „пошлинъ", какія явились послѣ указанной грамоты кн. Константина; третью — тѣ приписки къ предыдущимъ двумъ частямъ Псковской грамоты, которыя были сдѣланы въ моментъ санкціи вѣчемъ дошедшей до насъ редакціи грамоты. Всѣ части грамоты въ свое время разсматривались вѣчемъ. Вторая часть, по общему признанію, заканчивается 108 статьею (по дѣленію проф. Вл.-Буданова), которая гласитъ, что, если какого постановленія („строки") нѣтъ въ „пошлинной грамотѣ" (т. е. въ грамотѣ, извлеченной изъ прежнихъ грамотъ), то объ этомъ докладывается посадникомъ „господину Пскову на вѣчѣ", чтобъ такое постановленіе (или статья) было написано и имъ утверждено. А если которое постановленіе въ сей грамотѣ „не любо будетъ господину Пскову", то оно выбрасывается изъ грамотъ[2]). Эту

1) Первая часть идетъ отъ 1 до 76-й статьи грамоты (по дѣленію на статьи, принятому проф. В.-Будановымъ въ его изданіи памятника), вторая отъ 77 до 108 статьи, третья — отъ 109 до 120-ой статьи, которою заканчивается грамота.

2) „А которой строкѣ пошлинной грамоты нѣтъ и посадникомъ доложити господина Пскова на вѣчѣ, да тая строка написати. А которая строка въ сей грамоте не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ" (108 ст.).

весьма важную статью, устанавливающую порядокъ отмѣны закона вѣчемъ, справедливо разсматриваютъ, какъ заключительное слово къ предыдущимъ двумъ частямъ, вмѣщавшихъ „пошлинную грамоту“ т.-е. прежніе княжескіе уставы (ихъ грамоты) и „приписки“ къ нимъ. Въ свою очередь, мѣсто нахожденія ея передъ цѣлымъ рядомъ статей, — а именно передъ 12-ю статьями (109—120 ст.), — можетъ служить указаніемъ на то, что эти статьи были составлены послѣ прочтенія на вѣчѣ указанныхъ „выписокъ“ изъ прежнихъ грамотъ и приписокъ къ нимъ. Еслибъ это было иначе, и всѣ статьи были выписаны изъ этого матеріала, сама 108 статья стояла бы въ концѣ всѣхъ 120-ти статей Псковской Правды и указывала бы порядокъ отмѣны всѣхъ ихъ. Но, если признать, что конецъ Псковской Правды (отъ 109 до 120 статьи) составленъ былъ вѣчемъ въ 1397 или 1467 гг., то, понятно, что и статью 108-ю нельзя было бы помѣстить, въ указанной редакціи, въ концѣ этой Правды, такъ какъ, конечно, не зачѣмъ было говорить, что „буде господину Пскову нелюба будетъ которая строка (статья) въ сей грамоте, ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ“ (т.-е. выбросить), ввиду того, что „господинъ Псковъ“ только-что принялъ и далъ санкцію свою этимъ „строкамъ“. Между тѣмъ, подобная статья вполнѣ умѣстна, какъ заключеніе къ сводной работѣ по выпискѣ прежняго законодательнаго матеріала и какъ указаніе порядка отмѣны закона на будущее время. Эта сводная работа была кѣмъ-то сдѣлана, по порученію вѣча, затѣмъ она читалась, вѣроятно, на вѣчѣ, и то, что было вѣчу „любо“, имъ принималось, то же, что не нравилось — выбрасывалось, или измѣнялось. Таковы составныя части грамоты, посколько ихъ возможно было обозначить въ немногихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ.

Краткій обзоръ содержанія Псковской судной грамоты.

Обращаясь къ краткому обзору содержанія грамоты, надо прежде всего замѣтить, что оно весьма богато и разнообразно. На первомъ мѣстѣ, по количеству и важности, должны быть поставлены статьи, касающіяся гражданскаго процесса, т. е. судоустройства и судопроизводства; за ними статьи по гражданскому праву и, наконецъ, постановленія по праву уголовному, которому грамота удѣляетъ меньше всего вниманія. Такой составъ грамоты, на нашъ взглядъ, весьма характеренъ. Основная цѣль, съ которою была предпринята кодификація „псковскихъ пошлинъ“, состояла въ закрѣпленіи de jure тѣхъ чертъ гражданской самобытности „господина Пскова“, которыя создавались вѣками. Но это закрѣпленіе всего болѣе обезпечивалось собраніемъ воедино нормъ права процессуаль-

наго и права гражданскаго, въ которыхъ своеобразіе народной жизни вольнаго города могло отразиться, — и отразилось, въ дѣйствительности, — всего явственнѣе. „Псковскія пошлины“, вошедшія въ грамоту, вмѣстѣ съ тѣми новыми „строками“, какія прибавлялись къ нимъ вѣчемъ, дали этимъ отдѣламъ права много прекраснаго матеріала. Интересно при этомъ отмѣтить, что указанные отдѣлы Псковской грамоты, вообще, гораздо богаче содержаніемъ послѣдующихъ памятниковъ права Московскаго періода (до Соборнаго Уложенія). Это обстоятельство придаетъ особенно важное значеніе грамотѣ, такъ какъ къ изученію памятника приходится прибѣгать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда является необходимость уяснить себѣ болѣе подробно, какъ характеръ древняго судебнаго процесса, такъ и отдѣльныхъ нормъ гражданскаго права, изложенныхъ въ грамотѣ весьма обстоятельно.

Какъ уже сказано, на первомъ мѣстѣ, по богатству и важности, должны быть поставлены статьи грамоты, относящіяся къ процессу. Изъ нихъ мы узнаемъ прежде всего объ устройствѣ судовъ во Псковѣ, причемъ сравненіе богатыхъ постановленій грамоты объ этомъ устройствѣ съ постановленіями Русской Правды и другихъ юридическихъ памятниковъ даетъ возможность видѣть, въ чемъ составляли особенности „псковской пошлины“ и каковы были сходныя черты какъ этого судоустройства, такъ и вообще нормъ судопроизводства во всей древней Руси. Въ Псковѣ былъ, какъ и вездѣ, судъ княжескій; но, князь (какъ было и въ Новгородѣ) судилъ вмѣстѣ съ посадникомъ, затѣмъ былъ судъ старостъ и судъ братчинъ, оригинальныхъ общественныхъ собраній, первоначально созывавшихся для мірскихъ пиршествъ, а позднѣе образовавшихъ изъ себя союзы, подобные западно-европейскимъ гильдіямъ. По примѣру Новгорода, гдѣ уже въ XII вѣкѣ была особая корпорація торговцевъ („Иванское купечество“ [1]), такія купеческія братчины существовали, повидимому, и въ Псковѣ. Псковская грамота говоритъ, что „братьщина судить (судитъ), какъ судьи“ т. е. имѣетъ право суда надъ членами братчины, добровольно соединившимся въ одинъ союзъ. Судъ этотъ вѣдался „пировыми старостами“ и „пивцами“ (членами указаннаго союза), распространяясь, вѣроятно, лишь на дѣла, возникавшія на самихъ собраніяхъ. Кромѣ суда свѣтскаго, называемаго на языкѣ грамоты „господою“, грамота знаетъ и судъ церковный — судъ „владычня на-

1) Въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславовича, данной церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ 1135 г., читаемъ: „а кто хочетъ въ купечество вложиться (войти) въ Иванское, дастъ купцемъ пошлымъ (старымъ, входившимъ уже въ корпорацію) вкладу 50 гривенъ серебра“ . . .

мѣстника“ (т. е. намѣстника архіепископа новгородскаго). Грамота даетъ затѣмъ рядъ правилъ, какъ должны производить судьи свой судъ („взирая въ правду“, „судомъ не мстится ни на кого-жъ“, „тайныхъ посуловъ не имати ни князю, ни посаднику“ и пр.), указываетъ на лицъ, состоящихъ при судѣ (каковы дьяки, писцы, приставы и т. д.). Еще болѣе интереса представляютъ статьи, касающіяся судопроизводства, какъ потому, что онѣ воспроизводятъ изстаринныя формы процесса (закличь — объявленіе на торгу о пропажѣ вещи, сводъ и др.), такъ и потому, что мы видимъ въ грамотѣ измѣненіе многихъ юридическихъ понятій, о которыхъ знаетъ Русская Правда, т. е. можемъ прослѣдить ихъ судьбу въ болѣе позднія эпохи праворазвитія. Такъ это должно сказать, напр., о судебныхъ доказательствахъ по Русской Правдѣ и Псковской грамотѣ: за исключеніемъ такъ наз. „поля“ (о которомъ, какъ извѣстно, Русская Правда не говоритъ ничего) судебныя доказательства того и другого памятника права — одни и тѣ же, но они, однако, во многомъ не похожи другъ на друга, по своей конструкціи, въ каждомъ изъ этихъ памятниковъ, какъ это, напр., надо сказать объ институтѣ послуховъ и др. Обращаютъ на себя вниманіе и тѣ формы процесса, которыя являются новшествомъ сравнительно съ Русской Правдою и знаменуютъ собою высшую, сравнительно, стадію праворазвитія. Напр., по Русской Правдѣ надо необходимо предполагать личное присутствіе сторонъ при веденіи процесса на судѣ; Псковская же, а также Новгородская судныя грамоты знаютъ уже особый институтъ „пособниковъ“, или, говоря современнымъ юридическимъ языкомъ, допускаетъ судебное представительство, хотя, впрочемъ, по первой грамотѣ, оно допускается только для женъ, дѣтей, монаховъ, старыхъ и глухихъ[1]); по второй же — для всѣхъ. Или, по Русской Правдѣ, вѣроятно, самъ истецъ вызываетъ еще отвѣтчика въ судъ; говоримъ „вѣроятно“ потому, что сама Правда не касается прямо этого вопроса. По Псковской же судной грамотѣ вызовъ къ суду совершается уже съ помощью органовъ судебной власти (приставовъ), при чемъ устанавливаются правила производства вызова, назначаются сроки явки въ судъ и указываются послѣдствія неявки. Держась терминологіи leges barbarorum, мы бы могли сказать, что, если по Русской Правдѣ можно предполагать такъ наз. „in

1) „А на соудъ помочью (съ пособникомъ) не ходити, лѣсти въ судебницу (входить въ камеру суда) двѣма сутяжникома (т. е. истцу и отвѣтчику), а пособниковъ бы не было ни съ одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за черньца, или за черницу, или который человѣкъ старъ велми, или глухъ“. . . (58 ст.).

jus mannitio“ — приглашеніе самимъ истцомъ отвѣтчика въ судъ, — то по Псковской грамотѣ это mannitio превратилось уже „in jus bannitio“ (vocatio) — въ вызовъ отвѣтчика къ процессу черезъ судъ, съ цѣлымъ рядомъ неудобныхъ слѣдствій для него, въ случаѣ неисполненія приказа суда. Это большой шагъ впередъ сравнительно съ эпохою Русской Правды, въ смыслѣ развитія законныхъ формъ процесса.

Псковская судная грамота содержитъ затѣмъ важныя постановленія по гражданскому праву, а именно по такъ наз., праву вещному, обязательственному и наслѣдственному. Особенно обиленъ постановленіями отдѣлъ обязательственнаго права, что, конечно, и понятно: торговый богатый городъ, какимъ былъ въ XIV—XV вѣкахъ Псковъ, свободно при томъ развивавшійся (послѣ отдѣленія своего отъ Новгорода), нуждался въ обширномъ законодательствѣ по гражданскому праву вообще и обязательственному въ частности. Всякаго рода сдѣлки, — какъ купля-продажа, мѣна, поклажа (depositum, „зблюденье“, по терминологіи грамоты), заемъ, ссуда, наемъ (личный и имущественный) и др., — нашли для себя немало опредѣленій въ „псковскихъ пошлинахъ“ и были подробно изображены въ грамотѣ, въ особенности — съ процессуальной точки зрѣнія. Въ общемъ, „Псковская судная грамота“ какъ это справедливо отмѣчено проф. Дювернуа, „для гражданскаго права, представляетъ собою, и въ формальномъ, и въ матеріальномъ отношеніи, настоящее продолженіе Русской Правды“ но, въ частностяхъ, однако, можно найти въ ней много новаго и болѣе развитаго, сравнительно съ Русскою Правдою, какъ, напр., это надо отмѣтить относительно вещнаго и наслѣдственнаго права.

Уголовному праву Псковская судная грамота удѣляетъ, какъ уже сказано, меньше всего вниманія, но и здѣсь можно найти довольно много постановленій, иногда отличныхъ отъ постановленій предыдущихъ юридическихъ памятниковъ. Такъ, напр., кромѣ преступленій, извѣстныхъ Русской Правдѣ, Псковская грамота говоритъ о „перевѣтѣ“ — государственномъ преступленіи, состоявшемъ въ передачѣ вѣстей непріятелю, вообще-же — въ измѣнѣ отечеству, и караемомъ смертью; о нарушеніи порядка на судѣ (какъ, напр., о входѣ силою въ камеру суда, о нанесеніи ударовъ служителямъ суда), караемомъ дыбою (особаго рода колодкою, надѣвавшеюся на преступника), о „тайныхъ посулахъ“ князю и посаднику. Въ систему наказаній, кромѣ денежныхъ штрафовъ, введена смертная казнь, полагавшаяся не только за „перевѣтъ“, но и за поджогъ, конокрадство и нѣкоторые виды кражи („татьбы“).

II.

Новгородская судная грамота[1]).

Время составленія Новгородской судной грамоты. Обстоятельства, вызвавшія необходимость ея составленія.

Другою весьма важною вѣчевою грамотою, хотя, къ сожалѣнію, дошедшею до насъ въ неполномъ видѣ, при томъ всего лишь въ одномъ спискѣ, является Новгородская судная грамота, найденная Н. М. Карамзинымъ въ началѣ XIX вѣка. Предисловіе къ тексту грамоты, указывая, что грамота была составлена на вѣчѣ, въ то же время отмѣчаетъ, что она была представлена къ докладу великому князю Ивану Васильевичу (III) и сыну его, великому князю Ивану Ивановичу[2]), т.-е. къ утвержденію Іоанна III и его сына. Первый вопросъ, возникающій при разсмотрѣніи этого предисловія, это вопросъ о времени составленія грамоты. Упоминаніе имени Іоанна III и его сына заставляетъ думать, что это составленіе совершилось въ великое княженіе Іоанна III и при томъ послѣ покоренія имъ Новгорода, т.-е. не ранѣе 1471 г. (послѣ извѣстной битвы у рѣки Шелони). Всѣ историки нашего права находятъ, однако, что Новгородская судная грамота была, послѣ покоренія Новгорода, собственно переписана на имя Іоанна, но что составленіе ее должно быть отнесено ко времени еще княженія Василія Васильевича Темнаго, при чемъ, по мнѣнію однихъ ученыхъ, годомъ составленія ея вѣчемъ надо считать

---

1) Спеціальное сочиненіе о Новгородской судной грамотѣ принадлежитъ Ѳ. Панову и носитъ наименованіе „Изслѣдованіе о Новгородской грамотѣ 1471 г. въ отношеніи къ судопроизводству“ (Сборникъ, изданный студентами Имп. Петербургскаго университета, С.-П. 1857 г., гдѣ помѣщенъ текстъ грамоты съ объясненіями). Другое изданіе грамоты, также съ объясненіями, помѣщено въ I выпускѣ „Христоматіи по исторіи р. права“ М. Ф. Вл.-Буданова, наконецъ, новѣйшее изданіе грамоты. безъ коментарій, но съ указаніемъ на литературу, сдѣлано С. В. Бахрушинымъ въ книгѣ „Памятники исторіи Великаго Новгорода“ (М. 1909 г.). Общая оцѣнка значенія грамоты дѣлается во всѣхъ вышеуказанныхъ курсахъ по исторіи русскаго права.

2) Предисловіе это гласитъ слѣдующее: „доложа господы великихъ князей, великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его, великаго князя Ивана Ивановича всея Руси, и по благословенію нареченнаго на архіепископство великаго Новгорода и Пскова, священноинока Ѳеофила, се покончаша посадники Ноугородцкіе, и тысятцкіе Ноугородцкіе, и бояря, и житьи люди, а купци, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Велики Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ“.

1440 г., по мнѣнію другихъ — 1456 г. Что первое утвержденіе — о перепискѣ на имя Іоанна III старой грамоты, составленной ранѣе новгородцами — вполнѣ допустимо, это подтверждается текстомъ одной изъ договорныхъ грамотъ, заключенныхъ Іоанномъ III съ Новгородомъ 11 августа 1471 г. Именно здѣсь, между другими условіями мира, сказано: „а что грамота докончальная въ Новѣгородѣ (была составлена) промежъ себя о судѣ, ино у той грамоты быти имени и печати великихъ князей“, т.-е., что въ грамотѣ о судѣ (а такой грамотою и была разсматриваемая нами грамота), которую составили между собою новгородцы когда-то раньше, должно быть означено имя и печать великихъ князей Іоанна III и его сына, конечно — въ знакъ верховной санкціи ими этой грамоты. Спрашивается, въ которомъ же году была составлена эта грамота и какія обстоятельства вызвали ея составленіе? Какъ уже указывалось, предполагается, что годомъ составленія грамоты надо считать, либо 1440 г., либо 1456 г., но, ученые, держащіеся той или другой даты, не приводятъ, однако, въ пользу своего утвержденія какихъ-либо неоспоримыхъ данныхъ, а говорятъ лишь, что въ указанное время новгородцы были въ войнѣ съ московскимъ великимъ княземъ и что въ Новгородѣ боролись двѣ партіи, одна стоявшая за Москву, другая, тянувшая къ Литвѣ, при чемъ всю власть въ Новгородѣ забрали въ свои руки бояре и купцы, для стѣсненія меньшихъ, или бѣднѣйшихъ людей. По мнѣнію И. Д. Бѣляева, „въ видахъ этого стѣсненія меньшихъ людей большими и была составлена настоящая грамота“; наоборотъ, по мнѣнію П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго, „на вѣчѣ, собравшемся для обсужденія того, какія поставить преграды своеволію бояръ, между прочимъ, обсуждался и вопросъ о судномъ законѣ: точное, по возможности, опредѣленіе правъ каждаго новгородца по суду и передъ судомъ и составило содержаніе этого закона“. Изъ всѣхъ данныхъ, какія имѣются въ литературѣ вопроса, надо вывести, во-1-хъ, лишь то заключеніе, что грамота была составлена въ половинѣ XV вѣка и что, во-2-хъ, ея составленіе вызвано было нестолько желаніемъ закрѣпить своеобразныя юридическія нормы великаго Новгорода въ особомъ актѣ, сколько внутренними обстоятельствами жизни этого города въ данную эпоху. Если-бъ эта грамота представляла собою какія-либо неудобныя для Москвы постановленія, Іоаннъ III едва ли далъ бы на утвержденіе ея свое согласіе. Что же касается внутреннихъ обстоятельствъ жизни Новгорода въ половинѣ XV вѣка, то они представляли тогда немало тяжелыхъ общественныхъ неурядицъ, которыя могли быть, въ извѣстной степени, смягчены созданіемъ судебнаго устава, содержащаго

точное опредѣленіе правъ и обязанностей сторонъ въ ихъ взаимныхъ тяжбахъ. По сказанію лѣтописи, относящемуся къ концу первой половины XV вѣка, въ Новгородѣ въ это время не было ни правды, ни праваго суда; клятвопреступничество, грабежи, поборы дѣлали жизнь населенія невыносимою, „въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ“ [1]). При этомъ, такъ называемые „худые мужики вѣчники“, пользуясь междоусобицами и борьбою за вліяніе въ Новгородѣ Москвы и Литвы, продавали на вѣчѣ свои голоса тому, кто за нихъ больше платилъ. Развитіе междоусобій до нетерпимыхъ размѣровъ вызывало посланія митрополита Іоны, какъ къ Новгородскому епископу, такъ и къ самимъ новгородцамъ. Въ этихъ посланіяхъ ярко рисуется все зло, происходящее отъ внутреннихъ „междоусобныхъ спираній, и раздоровъ, и убійствъ, и кровопролитій“ и т. д. (Ак. Ист., I, № 44), Несомнѣнно, что, при этихъ междоусобіяхъ, положеніе низшихъ классовъ населенія Новгородской земли оказывалось наиболѣе печальнымъ, такъ какъ нигдѣ въ древней Руси противоположность богатаго класса, сильнаго, какъ политически, такъ и экономически, не сказывалось столь ярко по отношенію къ неимущимъ, какъ въ Новгородѣ. Составленіе судной грамоты, во всякомъ случаѣ, должно было, на нашъ взглядъ, внести нѣкоторый порядокъ во взаимныя отношенія сторонъ между собою, почему и появленіе памятника въ половинѣ XV вѣка, когда указанная противоположность классовыхъ интересовъ достигла наибольшаго развитія, было вполнѣ своевременно.

Краткій обзоръ содержанія Новгородской судной грамоты.

Новгородская грамота не дошла до насъ цѣликомъ, а то, что мы имѣемъ въ сохранившемся отрывкѣ грамоты, является сборникомъ чисто-процессуальнаго характера, содержащимъ въ себѣ правила о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Прежде всего Новгородская грамота говоритъ о видахъ суда, различая, подобно Псковской грамотѣ, судъ духовный отъ суда свѣтскаго. „Судъ святительскій“, или архіепископа, долженъ производиться „по святыхъ отецъ правилу, по Манаканну“, судъ свѣтскій распадался на судъ князя и посадника, причемъ посадникъ долженъ былъ судить „съ намѣстники

1) Подъ 1446 г. читаемъ, напр., въ Новгородской лѣтописи слѣдующее: а въ то время не бѣ въ Новгородѣ правдѣ(ы) и права суда, и возсташа ябедницы, изнарядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду, и начаша грабити по селамъ и по волостемъ и по городу, и бѣхомъ въ поруганіе сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, кричъ и вопль и клятва всѣми людьми на старѣйшины наши и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права“... (П. С. Русск. Лѣтоп., т. IV, стр. 124).

великаго князя по старинѣ; а безъ намѣстниковъ великаго князя посаднику суда не кончати". Судъ этотъ вѣдалъ дѣла о поземельныхъ тяжбахъ, о „наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ", т.-е. о самоуправномъ нарушеніи владѣнія землею. Интересно, что, если „святительскій судъ" долженъ былъ вестись по Номоканону, то судъ князя, или собственно его намѣстника и посадника, долженъ былъ производиться „по старинѣ", т.-е. на основаніи нормъ обычнаго права, изстари примѣнявшихся въ Новгородѣ. Новгородская юридическая „старина" была весьма своеобразна и богата; нельзя, конечно, не пожалѣть, что она не отразилась ничѣмъ въ разбираемой грамотѣ по отношенію къ праву гражданскому; но грамота, во всякомъ случаѣ, констатируетъ наличность этой старины, предписывая производить судъ на ея основаніи. Кромѣ указанныхъ судовъ, грамота знаетъ судъ тысяцкаго и судъ докладчиковъ. О компетенціи перваго суда грамота не говоритъ ничего, изъ другихъ-же грамотъ (напр.. грамоты Всеволода Мстиславовича отъ 1135 г., данной церкви св. Іоанна на Опокахъ, въ Новгородѣ) надо заключить, что судъ тысяцкаго былъ „судъ торговый"; что касается суда докладчиковъ, то это былъ судъ выборныхъ отъ каждаго Новгородскаго конца (Новгородъ дѣлился на пять частей, или концевъ), при чемъ въ составъ его входило по одному боярину и по одному „житьему" человѣку отъ конца. Судъ этотъ былъ высшей истанціею для другихъ судовъ, по докладу изъ которыхъ дѣло разсматривалось на „судѣ докладчиковъ" въ тѣхъ случаяхъ, когда судья того суда, изъ котораго шелъ докладъ, не могъ рѣшить дѣла своею собственною властію. Весьма важно отмѣтить еще въ составѣ судовъ Новгорода такъ называемыхъ „судныхъ людей", которыхъ мы видимъ, какъ въ духовномъ судѣ, такъ и въ судахъ свѣтскихъ, по два человѣка въ каждомъ судѣ. Они были постоянными выборными засѣдателями на судѣ, пособниками тяжущихся сторонъ, а, можетъ быть, и пособниками судей въ распознаніи той „старины„, на основаніи которой послѣдніе должны были производить судъ.

Судопроизводство Новгородской грамоты, въ цѣломъ, похоже на судопроизводство Псковской грамоты, хотя, впрочемъ, нѣкоторые ученые, какъ, напр., проф. Дювернуа доказываютъ, что первое уступало второму, бывшему болѣе развитымъ. Изъ правилъ о судопроизводствѣ заслуживаетъ упоминанія постановленіе, запрещающее „наводку" на судъ людей. Подъ „наводкой" возможно подразумѣвать какъ возбужденіе, противъ суда, тяжущихся сторонъ и населенія, такъ и прямое нападеніе на судъ людей, въ цѣляхъ воздѣйствія на его рѣшенія въ томъ или иномъ, желательномъ для наводчиковъ, смыслѣ. Такое воз-

дѣйствіе, по всѣмъ даннымъ, бывало въ Новгородѣ, и противъ него борется грамота, назначая большой штрафъ съ виноватыхъ и присуждая истцу убытки, могущіе произойти отъ перерыва процесса и проч. (6 ст.). Уваженіе къ суду, повидимому, не было всегда присуще своевольнымъ новгородцамъ, можетъ быть, потому, что сами выборы въ судьи невсегда производились правильно и въ судьи невсегда попадали лучшіе люди; но, конечно, Новгородская грамота должна была запрещать „наводки“ на судъ, подобно тому, какъ Псковская Правда не позволяла ходить въ судъ „помочью“, а лишь дозволяла входить въ его засѣданія „двѣма сутяжникома“, т. е. истцу и отвѣтчику, за исключеніями, о которыхъ говорилось выше. Статьи эти о „наводкахъ“ и „помочи“ наглядно вскрываютъ предъ нами весьма интересныя черты нравовъ двухъ нашихъ вольныхъ городовъ. Заслуживаетъ также вниманія статья, дозволяющая обращеніе къ вѣчу, какъ въ верховной власти, въ случаѣ нерѣшенія, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, дѣла о землѣ („земнаго орудья“). Вѣче по грамотѣ, не является уже судебною, — хотя-бы и самою высшею, — инстанціею, какъ это бывало, по всѣмъ вѣроятіямъ. въ древнѣйшія времена, а именно еще въ эпоху племеннаго вѣча; грамота вполнѣ разумно выдѣляетъ судебныя коллегіи, ею признаваемыя, отъ вмѣшательства въ ихъ функціи народнаго собранія, какъ бы послѣднее ни было составлено, т.-е. являлось-ли оно правильнымъ или нѣтъ. Но, по жалобѣ истца, вѣче могло давать ему своихъ приставовъ, которые шли къ судьѣ, нерѣшавшему дѣло, причемъ онъ долженъ былъ „тотъ судъ кончати передъ тыми приставы“, т.-е. въ ихъ присутствіи. Если виноватыми въ промедленіи дѣла были судьи-докладчики, то пристава давались и на нихъ; повидимому, это считалось рѣшительнымъ средствомъ противъ судебной волокиты. Нѣкоторые ученые наши, напр., И. Д. Бѣляевъ, совершенно отрицательно смотрятъ на Новгородскую судную грамоту и думаютъ, что „несообразное съ обстоятельствами времени положеніе суда, узаконенное докончательною грамотою, естественно должно было вести къ крайнимъ безпорядкамъ, которые отрицали всякую возможность самостоятельнаго и независимаго существованія Новгорода“ и что „при такомъ страшномъ безнарядьѣ бѣднымъ и несильнымъ людямъ нельзя было искать судебной защиты въ родномъ Новгородѣ“, почему они и обращались къ Москвѣ. Едва-ли, однако, въ этомъ виновата сама грамота; причины тяготѣнія къ Москвѣ были весьма сложны; несовершенство, по грамотѣ, новгородскаго судебнаго строя не было такъ велико, какъ представлялось это указанному автору, при разборѣ грамоты.

ОТДѢЛЪ II.

Государственное право.

I.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Введеніе.

Понятія государства. Первоначальныя племенныя княженія.

Исторія русскаго государственнаго права имѣетъ предметомъ своего изученія русское государство въ его поступательномъ развитіи отъ древнѣйшаго до новаго времени. Государствомъ называется, обыкновенно, совокупность населенія (или, какъ говорятъ иначе — союзъ народа), осѣвшагося на собственной опредѣленной территоріи и объединеннаго общею, или единою, верховною властію. Три элемента отличаютъ государство отъ всѣхъ другихъ общественныхъ союзовъ. Этими 3 элементами, безъ которыхъ немыслимо понятіе государства, являются объединенное населеніе, или народъ, территорія, верховная власть. Каждая историческая эпоха влагаетъ свое особое содержаніе въ каждый изъ этихъ элементовъ, но въ зачаточномъ своемъ состояніи они могутъ быть наблюдаемы у насъ еще задолго до т. наз. призванія варяжскихъ князей и начала русскаго государства. А именно еще за нѣсколько вѣковъ до этого призванія, мы уже находимъ на восточной равнинѣ Европы рядъ племенныхъ соединеній или княженій, какъ они называются лѣтописью, съ населеніемъ, осѣвшимся на нѣкоторой, болѣе или менѣе опредѣленной, территоріи и управляемомъ своими особыми племенными князьками. Существованіе послѣднихъ, задолго до т. н. призыва варяговъ, не подлежитъ сомнѣнію, они упоминаются и у арабскихъ писателей и въ русской „начальной лѣтописи“, причемъ лѣтопись сохранила даже имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей (напр. Кія, Тура, Мала и др.), а Олегъ, напр., требуя съ грековъ дани не только для дружины своей, но и для городовъ, объясняетъ это тѣмъ, что „по тѣмъ-бо городамъ сѣдяху велиціи князи, подъ Олгомъ сущи“ (въ договорѣ Олега съ греками они носятъ названіе „свѣтлыхъ бояръ“). Въ этихъ племенныхъ княженіяхъ, первоначально вмѣщавшихъ, вѣроятно, въ себѣ все данное племя, были такимъ образомъ налицо всѣ три указанные элемента, необходимые для понятія государства, такъ что исторія наша начинается не съ образованія единаго русскаго государства, какъ иногда думаютъ, а съ цѣлаго ряда небольшихъ государствъ-княженій, населенныхъ различными племенами. Эти

племена появились первоначально на Алаунской возвышенности, но за нѣсколько еще вѣковъ до призванія князей-варяговъ разошлись съ нея въ разныя стороны, главнымъ образомъ по рѣчнымъ нашимъ системамъ, а именно по Ильмено-Невской, Западно-Двинской, Днѣпровской и Верхне-Волжской системамъ. Основные элементы этихъ небольшихъ государствъ-княженій были, однако, долгое время весьма неразвиты и неустойчивы. Такъ территоріи, — вмѣщавшія, какъ сказано, первоначально, вѣроятно, все данное племя, — постоянно измѣнялись по своимъ размѣрамъ, такъ что то или другое племя входило затѣмъ иногда въ 2—3 княженія и къ главному племени, составлявшему ядро княженія, присоединялась часть другого — напр., Полоцкая земля составилась изъ вѣтви кривичей, съ частью радимичей и т. д. Затѣмъ племенные князьки, частью наслѣдственные, частью выборные, имѣли очень неустойчивую слабую власть и нерѣдко не могли вовсе водворить въ своихъ княженіяхъ порядка, почему начальная лѣтопись наша полна описаніями усобицъ между племенами. Населеніе-же каждаго изъ этихъ княженій, хотя и не утратило еще сознанія своихъ родственныхъ связей, своего племеннаго родства, но въ этомъ его составѣ рано стали появляться и чужіе, инородческіе элементы, что объясняется частію уже тѣмъ, что сами территоріи княженій къ половинѣ IX вѣка не были, какъ уже сказано, мѣстомъ пребыванія одного только племени. Интересно, что сама первоначальная лѣтопись наша, называя населеніе, осѣвшееся въ тѣхъ или иныхъ княженіяхъ, по племенамъ — поляне, полочане, древляне и т. д. — именуетъ ихъ также и по городамъ (Новгородцы, Смольняне, Кіяне и т. д.), т. е. называетъ ихъ по тѣмъ торгово-административнымъ центрамъ, гдѣ населеніе необходимо являлось смѣшаннымъ по составу. Въ этихъ центрахъ первоначальныя, — повидимому, когда-то весьма крѣпкія, — племенныя связи населенія даннаго княженія расшатывались и замѣнялись частію иными, основанными уже на экономическихъ и политическихъ интересахъ. Двойственность наименованія жителей княженій является какъ-бы отраженіемъ неустойчивости его внутреннихъ отношеній, когда однѣ связи, племенныя, еще не совсѣмъ были забыты, а другія, напр., политическія, только-что завязывались.

Теоріи, касающіяся первоначальнаго строя племенныхъ княженій.

Каковъ былъ первоначальный строй этихъ небольшихъ государствъ-княженій, на это весьма трудно отвѣтить вполнѣ положительно, ввиду отсутствія точныхъ и опредѣленныхъ данныхъ. Какъ въ исторической, такъ и въ историко-юридической литературѣ нашей по вопросу объ этомъ первоначальномъ строѣ выставлено нѣсколько те-

орій[1]) изъ которыхъ ни одна не можетъ, однако, считаться вполнѣ и безусловно принятой, прежде всего потому, что ни одна изъ нихъ не опирается на неоспоримыя, совершенно ясныя, свидѣтельства первоисточниковъ. Остановимся кратко лишь на нѣкоторыхъ изъ означенныхъ теорій, а именно на теоріи родового быта, защитниками коей являются въ нашей литературѣ Эверсъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Никитскій и др., на теоріи общинной (или теоріи общиннаго быта), во главѣ которой надо поставить Константина Аксакова, Бѣляева, Лешкова и др., и на теоріи задружной (или задружно-общинной), которую болѣе подробно развилъ у насъ проф. Леонтовичъ и которая нашла себѣ, въ общемъ, послѣдователей какъ у насъ — въ лицѣ проф. Бестужева-Рюмина, А. Ефименко, и др., — такъ и у западно-славянскихъ ученыхъ, въ лицѣ, напр., К. Кадлеца.

Что касается первой теоріи — теоріи родового быта — то ея основателемъ можетъ справедливо считаться знаменитый дерптскій профессоръ Г. Эверсъ, который въ своей книгѣ — „Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи“, — вышедшей въ 1826 г. на нѣмецкомъ языкѣ (а въ 1835 г. переведенной по-русски), первый вообще положилъ начало научной разработкѣ исторіи русскаго права. По Эверсу, страна наша была до призванія Рюрика „населяема многими отдѣльными народами, жившими независимо другъ отъ друга. Каждый народъ слагался изъ многихъ племенъ, племена изъ родовъ или семействъ, или, иначе сказать, изъ небольшихъ общественныхъ союзовъ, которые сами собою, мало-по-малу, образуются изъ многочисленныхъ, вмѣстѣ живущихъ, потомковъ одного какого-либо племени“; сами первоначальныя „государства, которыя потомъ начинаютъ развиваться (второй шагъ въ постепенномъ образованіи человѣческаго рода), суть ни что иное, какъ соединенія отдѣльныхъ, бывшихъ дотолѣ совершенно свободными, родовъ, или большихъ семействъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы“. Понятіе племени является, по Эверсу, посредствующимъ звѣномъ между понятіемъ народа и рода: какъ племя сложилось изъ отдѣльныхъ семействъ и родовъ (или „большихъ семействъ“), такъ и народъ сложился изъ совокупности до тѣхъ поръ независимыхъ

1) Подробный сводъ мнѣній о древнѣйшемъ общественномъ нашемъ строѣ сдѣланъ В. Н. Сторожевымъ въ его книгѣ „Кіевская Русь“ (М. 1910 г.); разборъ теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ славянъ въ особенности см. въ книгѣ Н. П. Загоскина „Исторія права русскаго народа“. (Казань 1899 г., стр. 363 и сл.). Древнѣйшія извѣстія о славянахъ указаны въ сочиненіи В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“, т. II, кн. 1 (Кіевъ, 1908 г.), стр. 115 и сл.

другъ отъ друга племенъ. Такимъ образомъ семья, родъ, какъ совокупность семей, происходящихъ отъ одного лица (родоначальника), племя, народъ, какъ совокупность племенъ — вотъ послѣдовательный рядъ союзовъ людей, которые, постепенно объединяясь, образуютъ государство. Этотъ выводъ Эверса о первоначальномъ племенномъ ядрѣ всякаго первобытнаго государства надо, на нашъ взглядъ, принять, такъ какъ онъ оправдывается не только данными сравнительной исторіи права, но и фактами, находящимися въ распоряженіи современной этнографіи [1]). По справедливому замѣчанію М. М. Ковалевскаго, „исторія застаетъ главнѣйшихъ представителей арійской семьи на той ступени ихъ развитія, которую можно назвать переходною отъ родового къ общинному быту“, т. е., иначе говоря, сравнительное правовѣдѣніе признаетъ родовой бытъ предшествующею ступенью быта общиннаго; съ этого быта начинается историческое поприще народовъ. Поэтому, говоря о родовомъ бытѣ племенъ, какъ основномъ для тѣхъ небольшихъ государствъ-княженій, — которыя были у насъ до призыва династіи Рюрика, а затѣмъ и нѣкоторое время послѣ этого призыва — Эверсъ, Кавелинъ, Соловьевъ и другіе ученые наши стояли на правильной точкѣ зрѣнія, отмѣчали явленіе, дѣйствительно бывшее когда-то въ жизни этихъ племенныхъ государствъ. Но въ теорію Эверса и его послѣдователей надо, однако, ввести ту поправку, что указанный способъ образованія первоначальныхъ государствъ не былъ вовсе единственнымъ. Несомнѣнно, что въ каждомъ государствѣ, которое носитъ въ себѣ задатки жизненности и прогресса, должно быть извѣстное племенное ядро и чѣмъ это ядро, — по языку своимъ физическимъ и нравственнымъ качествамъ, — крѣпче, сильнѣе, индивидуальнѣе, тѣмъ будетъ крѣпче и сильнѣе само государство, какъ въ первоначальномъ, эмбріональномъ своемъ строѣ, такъ и въ послѣдующемъ своемъ развитіи, такъ какъ въ такомъ союзѣ будетъ естественное, а не насильственно-создаваемое, народное единство, народъ-типъ. Послѣдній дастъ впослѣдствіи возможность вырости въ государствѣ и культурному единству, объединяющему народы, населяющіе данное государство, не въ силу только кровныхъ племенныхъ связей, но и въ силу условій совмѣстнаго ихъ бытія на одной государственной

1) Данныя, относящіяся къ вопросу о родовомъ бытѣ, въ историко-сравнительномъ освѣщеніи, можно найти въ книгѣ М. М. Ковалевскаго „Первобытное право. Выпускъ I: Родъ“. (М. 1886 г.); данныя же этнографическаго характера, относящіяся къ первобытному государству, собраны въ III-мъ выпускѣ „Этнографіи“ Н. Н. Харузина (П., 1903 г.); ср. также „Теорію родоваго быта“ А. Н. Максимова въ „Сборникѣ въ честь 70 л. Д. Н. Анучина“ (М., 1913 г.).

территоріи, при дѣйствіи общихъ учрежденій, законовъ, обычаевъ и пр. Но, первоначальное племенное ядро уже на зарѣ историческаго образованія государствъ растетъ, впрочемъ, не въ силу только естественныхъ причинъ постепенной нарождаемости самаго населенія, но также и искусственно — путемъ завоеванія сосѣднихъ областей, путемъ колонизаціи и ассимиляціи чужихъ племенъ и т. д., такъ что принимать племя, какъ совокупность родовъ, за единственный способъ образованія государствъ было бы невѣрно. Выписывая изъ лѣтописи рядъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчается слово „родъ", Эверсъ, далѣе, находитъ, что одно уже это упоминаніе о родахъ служитъ доказательствомъ, что до призванія князей славяне жили родами, или въ родовомъ бытѣ. Дѣйствительно, наша лѣтопись часто говоритъ о родахъ: описывая, напр., бытъ племени полянъ передъ призывомъ варяговъ, лѣтопись гласитъ: „Поляномъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими, яже и до сея братья бяху Поляне и живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ"; или, напр., князь кіевскій, „сѣдѣше на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, и бѣ съ родомъ своимъ"; или „вста родъ на родъ и быша усобицы въ нихъ и воевати сами на ся почаша"; или напр., говоря объ ушедшихъ отъ Рюрика въ Царьградъ, Аскольдѣ и Дирѣ, лѣтопись отмѣчаетъ, что они отправились туда „съ родомъ своимъ". Эти ссылки на языкъ самихъ лѣтописей съ перваго взгляда кажутся очень убѣдительнымъ доказательствомъ положенія автора о государствахъ даннаго періода исторіи нашей, какъ о „соединеніяхъ отдѣльныхъ родовъ, подъ владычествомъ одного общественнаго главы", почему теорія Эверса о родовомъ бытѣ нашла свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К. Д. Кавелина, С. М. Соловьева и др. Первый ударъ господству этой теоріи былъ нанесенъ К. С. Аксаковымъ статьею „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности", появившейся въ 1852 г. и подвергшей разбору ученіе о родовомъ бытѣ Эверса, Кавелина, Соловьева и другихъ ученыхъ. Аксаковъ, въ своей критикѣ, — нисколько не отрицая родового быта, какъ „первой общественной ступени, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы", — сомнѣвается, однако, чтобъ этотъ бытъ сохранилъ свое значеніе и силу у славянъ въ началѣ ихъ исторической жизни и думаетъ, что его надо отнести ко временамъ доисторическимъ, передъ призывомъ же варяговъ славяне жили уже въ быту общинномъ: „призваніе Рюрика было дѣйствіемъ народной воли", говоритъ авторъ; оно „заставляетъ предполагать бытъ народный, общинный; само призваніе князя, особенно-же племенами даже чужеродными (славяне, чудь), устраняетъ всякую мысль о родовомъ бытѣ. Это поступокъ

гражданскій, государственный и сознательный“ [1]) . . . Затѣмъ, разбирая употребленіе лѣтописцемъ слова родъ, Аксаковъ доказываетъ, что подъ этимъ словомъ разумѣются въ разныхъ мѣстахъ лѣтописи разныя понятія, а именно, то понятіе семьи, то понятіе происхожденія, при чѣмъ имъ „означаются и предки и потомки“. Первое значеніе слова выступаетъ, напр., ярко въ выраженіи „братъ двоюродный“. „Что значитъ двоюродный“? спрашиваетъ Аксаковъ и отвѣчаетъ, что это братъ „двою роду, т. е. двухъ родовъ; и такъ двоюродный братъ значитъ братъ двухъ родовъ, т. е. двухъ семей“. Второе значеніе слова родъ выступаетъ, напр., въ выраженіи „отъ рода варяжска“, т. е. варяжскаго происхожденія, и др. По Аксакову, далѣе, славяне жили общинами, вѣчевымъ бытомъ, управлялись, либо старшинами, либо князями „на всей волѣ народа, каковы были потомъ въ извѣстныя времена князья новгородскіе, но не родоначальниками“, какъ думалъ Соловьевъ: „никто изъ современниковъ о родоначальникахъ не говоритъ. Прокопій (греческій писатель VI вѣка) прямо утверждаетъ, что славяне не повинуются одному мужу, но живутъ въ демократіи. Маврикій (греческій императоръ того-же вѣка), сказавъ, что у славянъ много царьковъ, говоритъ въ то же время, что они „не терпятъ никакого повелителя; также, что ихъ невозможно никакимъ образомъ склонить къ рабству или повиновенію“. Наконецъ, Прокопій ясно говоритъ о народныхъ сходкахъ. Если теорія Аксакова, а равно и другихъ ученыхъ, поколебала вѣру въ исключительность господства у насъ родового быта за нѣсколько вѣковъ до такъ называемаго призванія варяговъ, то, съ другой стороны, сама она не выдержала вполнѣ испытанія времени. При свѣтѣ современныхъ историко-сравнительныхъ изысканій, можно утверждать съ достовѣрностью, что родовой бытъ не былъ совершенно смѣненъ уже въ доисторическія времена бытомъ общиннымъ, а, наоборотъ, давалъ о себѣ знать не только въ древнѣйшія эпохи, отъ которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, но и гораздо позднѣе: „родъ“, говоритъ проф. Ковалевскій, „представляющій совокрупность нѣсколькихъ нераздѣльныхъ семей, имѣющій своего старшину и свое вѣче (указаніе на послѣднее содержатъ въ себѣ какъ византійскіе писатели, такъ и повѣсть временныхъ лѣтъ, упоминающая о вѣчѣ, призвавшемъ варяжскихъ князей) — такова древнѣйшая

1) Сводъ общихъ взглядовъ славянофиловъ на первоначальный бытъ русскихъ племенъ см. въ кн. Г. А. Максимовича „Ученіе первыхъ славянофиловъ“ (Кіевъ, 1907 г.); ср. также И. М. Собѣстіанскаго „Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (Х., 1892 г.).

форма общественныхъ отношеній, съ которой начинается засвидѣтельствованная памятниками исторія славянъ и ихъ права. Очевидно, что родовой бытъ не могъ исчезнуть безслѣдно, а необходимо оставилъ по себѣ тѣ или другіе слѣды, въ сравнительно позднихъ, по времени, первыхъ памятникахъ славянскаго законодательства" (слѣды эти затѣмъ указываются подробно названнымъ авторомъ). Аксаковъ былъ, по нашему мнѣнію, правъ, указавъ, что слово „родъ" употребляется въ лѣтописи въ различномъ значеніи, какъ и былъ правъ, когда отмѣтилъ въ первоначальномъ бытѣ славянъ черты общественности, совершенно выходящей за предѣлы родовой огранизаціи, но его предположеніе, что эта родовая огранизація исчезла уже совсѣмъ во времена доисторическія и что славяне „прошли черезъ родовой бытъ, не останавливаясь", не оправдывается фактами сравнительной исторіи права и современной этнографіи о первоначальномъ племенномъ бытѣ народовъ.[1]) Наконецъ, толкованіе К. Аксаковымъ призванія Рюрика, какъ „дѣйствія воли народной", нуждается еще въ доказательствѣ, ввиду того, что разсказъ лѣтописи объ этомъ „призваніи" во многомъ представляется неяснымъ и спорнымъ.

Обратимся теперь къ краткому изложенію 3-ей изъ указанныхъ теорій, теоріи „задружно-общиннаго быта", или „задружной". Задруга и доселѣ существуетъ у юго-западныхъ славянъ, встрѣчаясь, какъ подъ этимъ наименованіемъ, такъ и подъ другими (задружная куча — zadružna kuča, — скуптшина, братство"[2]); она противополагается у сербовъ т. н. инкосной, т. е. малой семьѣ. Такъ, напр., гражданскій кодексъ Сербіи 1844 г. говоритъ, что „подъ именемъ задруги, или семьи имѣющей ея характеръ (задружна), разумѣется нѣсколько совершеннолѣтнихъ лицъ, однихъ или съ потомствомъ, живущихъ въ домашней общинѣ; они находятся между собою въ отношеніяхъ задружныхъ. Тамъ, гдѣ подобной ассоціаціи не существуетъ, семьѣ усвояется названіе инокосны". Хорватскій законъ 1870 г. говоритъ, что „нѣсколько семей, или членовъ, живя въ одномъ домѣ, подъ управленіемъ одного главы, составляя одно хозяйство т. е., обрабатывая сообща нераздѣльное имѣніе, пользуясь всѣми доходами, образуютъ тотъ патріархальный союзъ, который называется задругою". По опредѣленію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр., проф. Леонтовича, задруга — „союзъ лицъ и семей, живущихъ въ одной и общей

1) Эти факты см. также въ выдающемся изслѣдованіи проф. О. Шрадера „Индоевропейцы" (Библіотека знанія, С.-П., 1913 г.), стр. 152 и сл.

2) О задругѣ см. мои статьи „Очерки по обычному праву южнославянскому и русскому" (Юридич. Вѣст., 1886 г., № 5—6); ср. также ст. К. Кадлеца „K. Slovu o zàdruze" (V. Práze, 1900. г.).

чертѣ осѣдлости, однимъ или нѣсколькими домами, союзъ, связанный нестолько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, находящемся въ общемъ обладаніи общины". Задруга, по нашему мнѣнію, — это наша „большая великорусская семья", нынѣ уже вымирающая, въ которой подъ главенствомъ, т. н. большака (а иногда и большухи), — старшаго, или старшей, въ родѣ, — живутъ нераздѣльно взрослые дѣти, внуки и правнуки, пріемыши съ ихъ потомствами, но только семья уже съ нѣсколько измѣненнымъ составомъ, а именно въ задругѣ замѣчаются нетолько родственные элементы, объединенные единствомъ хозяйственнаго общенія (какъ въ нашей большой великорусской семьѣ), но и элементы посторонніе, примкнувшіе къ ея первоначальной родовой основѣ: таковы, напр., сосѣди, объединенные общиннымъ землевладѣніемъ или землепользованіемъ, а равно и другими общими экономическими интересами. Задруги, кучи, гмины, верви, села — вотъ нѣкоторыя изъ многихъ наименованій этой семейно-территоріальной общины, встрѣчающіяся у славянъ. Въ ихъ организаціи не забыто еще физическое родство между сочленами, но не одно уже это начало родства управляетъ ихъ внутренними отношеніями. Эти семейно-территоріальныя общины (у насъ верви, у югозападныхъ славянъ задруги и т. п.), объединенныя частію общимъ племеннымъ началомъ, частію же общимъ землепользованіемъ, складывались уже въ первобытныя времена у южныхъ славянъ — въ такъ наз. жупы, у насъ — въ волости, въ „земли", во главѣ которыхъ стояли — частію, вѣроятно, выборные, частію наслѣдственные — жупаны, воеводы, князьки, племенные царьки. Объ этихъ царькахъ говорятъ византійскіе писатели, къ нимъ, напр., относятся слова древлянскихъ пословъ, сказанныя княгинѣ Ольгѣ: „наши князи добри суть, иже роспасли суть Деревскую землю". Задружная теорія, являющаяся какъ бы среднею между родовою и общинною, можетъ, на нашъ взглядъ, считаться и наиболѣе пріемлемою для объясненія древнѣйшаго быта тѣхъ небольшихъ союзовъ, изъ которыхъ составлялись наши первоначальныя племенныя княженія-государства: она не отвергаетъ совершенно, — какъ дѣлалъ это К. Аксаковъ и др., — родовой или племенной основы въ организаціи этихъ княженій въ историческое время (въ VI—VIII вѣкахъ), но она и не сводитъ, — какъ дѣлали Эверсъ и др., — происхожденія всего строя ихъ къ однимъ родовымъ связямъ, а допускаетъ возможность совмѣстнаго существованія тѣхъ и другихъ, поскольку онѣ уживаются съ религіозными, экономическими и иными интересами данныхъ союзовъ.

Общій выводъ, который можно сдѣлать изъвсего предшествовавшаго изложенія, будетъ тотъ, что за нѣсколько вѣковъ до призыва варяжскихъ князей, у насъ были уже налицо всѣ три элемента (территорія, власть, народъ) для образованія небольшихъ государствъ, — первоначально на племенной основѣ (понимая подъ племенемъ соединеніе воедино многихъ родовъ); но эти элементы находились въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Племена постоянно боролись между собою за преобладаніе и за расширеніе своихъ территорій. Равнинный характеръ страны, гдѣ племенамъ приходилось дѣйствовать, не давалъ имъ возможности размежеваться въ своихъ территоріальныхъ распряхъ и затѣмъ осѣсться въ опредѣленныхъ и закрытыхъ отъ вражескихъ нападеній границахъ; наоборотъ, необъятный просторъ страны, — неимѣвшей внутри великой восточно-европейской равнины ни трудно переходимыхъ горъ, ни морей или большихъ озеръ, — нетолько не останавливалъ движенія племенъ впередъ по этой равнинѣ, но манилъ ихъ постоянно въ даль, приводилъ къ бродяжеству племенъ и къ ихъ смѣшенію, продолжавшемуся въ нашей исторіи и позднѣе, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. [1]) И, если, съ одной стороны, онъ помогалъ сближенію племенъ между собою, то, съ другой, онъ не полагалъ никакихъ внѣшнихъ преградъ ихъ борьбѣ и соперничеству. Такимъ образомъ, надо, въ заключеніе, сказать, что всѣ три элемента, необходимые для образованія государства, были тогда налицо, но они были еще очень неразвиты и неустойчивы: населеніе постоянно переходило съ мѣста на мѣсто; территоріи, занятыя отдѣльными племенами, постоянно перераздѣлялись и то увеличивались, то уменьшались по своему пространству; власть была весьма слаба и очень плохо объединяла населеніе въ одно цѣлое, а равно и защищала границы племенныхъ владѣній. Между племенами была рознь, постоянныя усобицы („и вста родъ на родъ и быша въ нихъ усобици и воевати сами на ся почаша“, говоритъ лѣтопись); родовые старѣйшины, сдѣлавшись (при объединеніи родовъ въ племена) князьями-царьками, не обладали достаточнымъ вліяніемъ, чтобъ водворить порядокъ внутри каждаго изъ этихъ небольшихъ княженій-государствъ и чтобъ обезопасить ихъ границы отъ нападеній извнѣ. Чтобъ водворить порядокъ, требовалось усилить, упорядочить одинъ изъ необходимыхъ элементовъ государства — верховную

1) Знаменитый нѣмецкій лингвистъ проф. О. Шрадеръ говоритъ, что „русскіе сохранили почти до нашихъ дней переселенческій инстинктъ. который Страбонъ считаетъ характерной особенностью сѣверныхъ народовъ, коренящеюся въ отсталости ихъ земледѣльческихъ хозяйствъ. Зато русскимъ и была подъ силу роль завоевателей и обрусителей всего необъятнаго Востока“ (ibidem, стр. 57).

власть: безъ этого усиленія верховной власти данное племя рисковало потерять, среди враждебныхъ сосѣдей, право на самостоятельное существованіе, чему примѣры и знаетъ исторія славянъ [1]). По вѣрному замѣчанію С. М. Соловьева, во внутреннихъ спорахъ нуженъ третій, постороннiи. Этимъ третьимъ лицомъ и явились по лѣтописи варяжскіе князья. Въ весьма наивной, анекдотической формѣ передаетъ лѣтопись о призваніи князей, но за этой найвною формою скрывается фактъ исторической важности: племена славянскія и финскія, разселившіяся на восточной равнинѣ Европы, нуждались въ нѣкоторомъ мирѣ и порядкѣ, этотъ миръ и порядокъ могъ быть купленъ только путемъ усиленія единоличной верховной власти, а усиленіе это всего легче могло быть достигнуто появленіемъ среди нихъ посторонней силы, могущей встать надъ борющимися племенами, объединивъ мирно однихъ, покоривъ силою другихъ и т. д.

Призваніе варяжскихъ князей и его значеніе.

Прежде чѣмъ оцѣнить значеніе такъ наз. призванія князей, остановимся на краткомъ изложеніи самого событія, какъ о немъ повѣствуетъ лѣтопись [2]). Еще до этого призванія князей, совершившагося ириблизительно въ 862 г., а именно еще въ 859 г. пришли варяги изъ-за моря и наложили дань на Чудь, Словенъ (Ильменскихъ), на Мерю, на Весь и на Кривичей, т. е. на нѣкоторыя славянскія и финскія племена, оби-

1) Такова, напр., была горькая судьба балтійскихъ славянъ, занимавшихъ еще въ глубокой древности балтійское поморье и земли между Лабою (Эльбою) и Вислою. По словамъ одного изъ выдающихся изслѣдователей древняго ихъ быта, проф. А. А. Котляревскаго, „несмотря на вопіющую потребность безопаснаго и прочнаго существованія, несмотря на убѣждающіе примѣры сосѣдей, они — какъ были, такъ до конца и остались въ язычествѣ, племенной розни и внутреннихъ усобицахъ . . . Задачи времени не были ими сознаны. Отвергнувъ христіанство и форму государственной жизни, окруженные отовсюду врагами, балтійскіе славяне оказались безъ кормила въ настоящемъ, безъ возможности имѣть будущее“. Въ то время, какъ балтійскіе славяне не съумѣли создать сильной туземной власти, которая бы объединила ихъ воедино, „сосѣди-враги слагаются въ могучія прочныя государства“, врываются силою въ Прибалтику, покоряютъ ее, а „безпечное племя поплатилось за свою оплошность потерею роднаго языка и прирожденной народности“ („Древности юридическаго быта балтійскихъ славянъ“. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. IV. С.-П. 1895 г., стр. 29 и сл.).

2) Лѣтописныя сказанія о призваніи варяговъ и началѣ Руси вызывали и доселѣ вызываютъ цѣлый рядъ научныхъ изысканій. Изъ новыхъ изслѣдованій укажемъ на изслѣдованія В. Томсена „Начало Русскаго государства (М., 1901 г.) А. А. Шахматова „Розысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ“ (С.-П., 1904 г. стр. 339 и сл.) и Г. М. Барацца „Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси“. (К., 1913 г.,); о лѣтописяхъ вообще и ихъ исторіи подробныя изысканія см. у В. С. Иконникова „Опытъ русской исторіографіи“, т. II, ч. I (Кіевъ, 1908 г.).

тавшія по Ильмено-Невской и Западно-Двинской рѣчнымъ системамъ, а также по верховьямъ Днѣпра и Волги. Вскорѣ, однако, обложенныя данью племена отказались ее платить, а затѣмъ и изгнали за море варяговъ. Впрочемъ, дѣла отъ этого изгнанія не пошли у нихъ лучше, племена продолжались постоянно воевать другъ съ другомъ („и вста родъ, на родъ, и быша усобицы въ нихъ, и воевати сами на ся почаша"). Наскучивъ этими „усобицами" т. е. внутренними раздорами, тѣ же племена отправили къ варягамъ-Руси пословъ, съ словами, сдѣлавшимися потомъ столь извѣстными: „земла наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да поидѣте княжить и володѣти нами". Тогда, по лѣтописи, пришло будто-бы 3 брата — Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, и поселились 1-ый — въ Ладогѣ, 2-ой — на Бѣлоозерѣ, 3-ій — въ Изборскѣ. Если принять во вниманіе цѣль призыва — водвореніе „наряда" въ землѣ, т. е. порядка; если обратить вниманіе на слова „княжить и володѣть (владѣть)", т. е. пользоваться верховною властью; если, наконецъ, вспомнить, что лѣтописецъ, — говоря о дѣятельности 3 братьевъ, непосредственно по ихъ пришествіи въ страну, — указываетъ, что они, водворившись, стали тотчасъ-же „города рубить (т. е. строить укрѣпленныя поселенія) и воевати всюду", то будетъ ясно, что съ прибытіемъ князей-варяговъ, сѣверныя славянскія и финскія племена получали возможность имѣть болѣе сильную и крѣпкую, чѣмъ прежде, власть для замиренія своихъ внутреннихъ усобицъ, съ одной стороны, для отраженія внѣшнихъ враговъ, съ другой. Цѣли эти не были, конечно, сразу и всецѣло достигнуты съ водвореніемъ варяжскихъ князей, хотя у нихъ и были готовыя дружины воиновъ; усобицы и раздоры, — коренившіеся, въ сущности, въ естественной борьбѣ отдѣльныхъ племенъ за преобладаніе, — продолжались долго и потомъ, при чемъ были случаи, что къ нимъ давали поводъ и сами варяжскія дружины (извѣстенъ лѣтописный разсказъ о возстаніи противъ Рюрика, произведенномъ, съ цѣлью его изгнанія, „храбрымъ Вадимомъ" Новгородскимъ, ввиду „многаго зла", происшедшаго для новгородцевъ „отъ Рюрика и отъ рода его"). Самъ разсказъ о призывѣ варяговъ содержитъ въ себѣ много легендарнаго и его ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что съ призывомъ варяговъ въ 862 г., сразу будто бы основалось русское государство; едва-ли при томъ водвореніе варяговъ совершалось вездѣ вполнѣ мирно и населеніе съ нимъ легко примирилось. Есть извѣстія, что варяги-норманны появились у насъ еще въ первой половинѣ IX вѣка въ городахъ, а именно задолго до такъ называемаго ихъ призыва, при чемъ какъ въ IX вѣкѣ, такъ и въ X—XI вѣкахъ они при-

ходили, обыкновенно, къ намъ съ торговыми цѣлями, пробираясь въ Византію; иногда-же (какъ это было въ 859 г.) они не довольствовались этими цѣлями и не явились только наемными дружинниками у племенныхъ князей, но налагали дани на славяно-финскія племена, что говоритъ за насильственный характеръ ихъ пришествія. Это бывало, конечно, тогда, когда дружины варяговъ были особенно многочисленны и могли не бояться туземнаго населенія. Знакомство этого населенія съ пришельцами изъ-за моря было давнее и вообще было мирнаго характера, но могли быть и исключенія. Повидимому, лѣтописецъ лишь обобщилъ въ своемъ разсказѣ, яко-бы объ единичномъ фактѣ призыва, то, что бывало неразъ, при чемъ придалъ своему разсказу исключительно-мирный, договорный характеръ. Разсказъ его надо понимать, какъ указаніе на то, что племена славянъ и финновъ нуждались въ объединенной и въ болѣе сильной, чѣмъ власть ихъ туземныхъ князей, власти и мирились, что эта власть создается при помощи варяговъ. Интересно, что, по одному лѣтописному разсказу, это желаніе имѣть сильную власть, которая бы избавила племена отъ постоянныхъ усобицъ, долго занимало ихъ и они князей искали вездѣ — и „межъ себѣ“ и между другими, — при чемъ варяги вовсе неохотно шли „владѣть“ этими племенами [1]), такъ какъ знали трудность этого, можетъ быть, по неоднократному опыту. Вообще можно согласиться со взглядомъ И. Е. Забѣлина, что Рюрикъ — „первое лицо исторіи не есть собственно живое лицо, оно и не миѳъ, а одно лишь общее представленіе о княжеской власти“ [2]).

Нелишне также будетъ указать на то, что наша лѣтопись, въ разсказѣ о трехъ братьяхъ-князьяхъ, призванныхъ установить крѣпкую единоличную власть, сообщаетъ о фактѣ, имѣвшемъ мѣсто и въ исторіи другихъ народовъ: норманскіе викинги въ

---

1) Въ Никоновской лѣтописи подъ 859 г. читаемъ: „всташа (возташа) Словене, рекше Новогородци, и Меря и Кривичи на Варяги и изгнаша ихъ за море и не даша имъ дани, начаша сами себѣ владѣти и городы ставити; и не бѣ въ нихъ правды и возста родъ на родъ, и рати, и плѣненія, и кровопролитія безпрестани. И по семъ собравшеся рѣша къ себѣ: „поищемъ межъ себѣ, да кто-бы въ насъ князь былъ, и владѣлъ нами; поищемъ и уставимъ такового, или отъ насъ, или отъ Казаръ, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ“. И бысть о семъ молва велія; овѣмъ (однимъ) сего, овѣмъ другого хотяще; таже совѣщавшася, послаша въ Варяги“. Подъ 861 г. та же лѣтопись говоритъ, что, когда Новгородцы, Меря и Кривичи позвали варяговъ, сказавъ имъ: „земля наша велика и обильна; поидите владѣти нами“, то „они же бояхуся звѣринаго ихъ обычая и нрава и едва избраша три брата“.

2) „Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ“, часть II (М., 1879 г.). стр. 91.

IX вѣкѣ вообще бродили по Западной Европѣ. Между прочимъ проф. Бестужевъ-Рюминъ въ своей извѣстной „Русской Исторіи“ отмѣчаетъ, что „по сказанію Видукинда (лѣтописца X вѣка), бритты почти съ подобными же словами (какъ и наши племена) обратились къ Генгисту и Горзѣ („Teram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam vestrae mandant ditione parere“) и что въ фактѣ призыва „нѣтъ ничего особенно страннаго и нѣтъ причины отвергать его“ (стр. 97 сл. [1]). Но, какъ бы, однако, ни объяснялся фактъ призыва князей, поселеніе князей и ихъ дружинъ среди разрозненныхъ и борющихся за преобладаніе славянскихъ и финскихъ племенъ имѣло слѣдующія неоспоримыя, хотя и несразу сказавшіяся, слѣдствія: во-1-хъ, одинъ изъ слабыхъ и весьма неустойчивыхъ, въ племенныхъ княженіяхъ, элементовъ — верховная княжеская власть, получилъ возможность нѣсколько усилиться; во 2-хъ, военно-торговыя дружины варяговъ, сравнительно-быстро ассимилировавшіяся (а именно — уже къ началу XI вѣка), съ туземнымъ военно-торговымъ классомъ, способствовали образованію великаго княжества Кіевскаго, во главѣ съ г. Кіевомъ, сдѣлавшагося важнымъ торгово-политическимъ центромъ на великомъ водномъ пути изъ Варягъ въ Греки [2]); въ 3-хъ, призывъ князей положилъ основаніе внѣшнему единству русской земли нетолько тѣмъ что одна варяжская династія стала княжить на пространствѣ всей Руси, но и тѣмъ, что варяжскіе князья и ихъ дружины, передвигаясь изъ княжества въ княжество, помогали взаимному культурному общенію между племенами. Сами выходцы изъ-за моря, варяги не были племенемъ, переселившимся къ намъ, а были лишь дружиною воиновъ, весьма разнообразною по своему составу и быстро слившеюся со славянами. Если, наконецъ, разсказъ о призывѣ 3-хъ варяжскихъ князей имѣетъ въ себѣ много легендарнаго, то дѣятельность слѣдующихъ князей, начиная съ Олега, уже не возбуждаетъ сомнѣнія въ своей исторической дѣйствительности; въ частности, договоры Олега съ греками, о коихъ говоритъ и греческая лѣтопись, являются вполнѣ достовѣрными свидѣтельствами своего времени, какъ это было нами указано въ своемъ мѣстѣ.

Таковы, въ краткомъ изложеніи, факты самой начальной исторіи нашей: они во всякомъ случаѣ показываютъ, что до образованія русскаго государства, среди разрозненныхъ племенъ, населявшихъ восточную равнину Европы, были нѣкоторые зачатки го-

1) Генгистъ и Горзій — легендарные основатели англосаксонскаго владычества въ Британіи, игравшіе въ ея исторіи роль нашихъ трехъ братьевъ-князей.

2) О варягахъ-дружинникахъ см. „Труды В. Г. Василевскаго“, С.-П., 1908 г., т. I, стр. 176 и сл.

сударственности, но элементы этой государственности — территорія, власть, населеніе — находилась еще въ очень неразвитомъ и малоустойчивомъ состояніи. Въ какомъ видѣ эти элементы являются затѣмъ въ I-мъ періодѣ исторіи нашей, т. е., отъ второй половины IX до XIII вѣка, это будетъ отмѣчено нами подробно ниже.

Глава I.

Территорія [1]).

Понятіе государственной территоріи

Какъ уже указывалось выше, три основныхъ элемента входятъ въ составъ понятія гусударства: территорія, верховная власть, населеніе. Совокупность этихъ трехъ элементовъ даетъ содержаніе тому раздѣлу государственнаго права, который носитъ въ наукѣ наименованіе „государственнаго устройства"; вторымъ раздѣломъ является „государственное управленіе". Приступая къ изученію перваго раздѣла, остановимся прежде всего на вопросѣ о территоріи. Территоріею называется пространство земли, занимаемое даннымъ государственнымъ союзомъ и подчиненное его верховной власти. Современное государственное право усваиваетъ понятію территоріи рядъ признаковъ, которыхъ, однако, не имѣется въ наличности въ теченіи многихъ вѣковъ исторіи и которые лишь съ ириближеніемъ къ новому времени начинаютъ, въ той или иной мѣрѣ, признаваться въ законодательствахъ отдѣльныхъ государствъ. Такъ, по современнымъ ученіямъ, власть государства надъ территоріею есть, во-1-хъ, власть абсолютная, недопускающая никакого по-

---

1) Подробныя свѣдѣнія о литературѣ по исторіи государственнаго права перваго періода можно найти какъ въ указателяхъ, такъ и общихъ курсахъ по исторіи русскаго права отмѣченныхъ выше, По вопросамъ о территоріи, верховной власти и населенія см. „Русскія юридическія древности" В. И. Сергѣевича (Т. I, изд. 2, С.-П., 1902 г. — Территорія и населеніе и т. II, выпускъ I „Вѣче и князь", выпускъ II „Совѣтники князя". С.-П.. 1893 и 1896 гг.). „Княжное право въ древней Руси" А. Е. Преснякова (С.-П., 1909 г.); „Исторія древней Руси" И. Филевича, т. I. Территорія и населеніе (Варшава, 1896 г.); „Кіевская Русь" М. С. Грушевскаго (С.-П., 1911 г.) т. I. Введеніе. „Территорія и населеніе въ эпоху образованія государства", а равно и „Русскую исторію въ очеркахъ и статьяхъ", составленную подъ редакціею проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго (М. 1910 г.). т. I; ср. также 1 часть сочиненія Н. П. Павлова-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси" — „Община и боярщина" (С.-П. 1910 г.). По русской исторіи вообще необходимо также пользоваться „Учебною книгою по русской исторіи". С. М. Соловьева и „Курсомъ по русской исторіи" В. О. Ключевскаго (М., 1906 г., ч. I и II).

сторонняго вмѣшательства извнѣ, или, какъ говорятъ еще, территорія даннаго государства непроницаема для другого государства, безъ соизволенія перваго; во-2-хъ, территорія есть народное достояніе и, какъ таковое, не подлежитъ отчужденію, или раздѣленію, иначе, какъ съ разрѣшенія его верховной власти и, въ 3-хъ, территорія должна быть едина, т. е. вездѣ, на всемъ ея пространствѣ, должна осуществляться единая верховная власть даннаго государства. Всѣ эти признаки, усвояемые нынѣ понятію территоріи, осуществляются въ исторіи на практикѣ очень поздно. На западѣ Европы еще въ средніе вѣка, напр., территоріи отчуждались по волѣ государей, а по смерти ихъ дѣлились между наслѣдниками, какъ частная собственность государей; сама власть вовсе не господствовала безусловно надъ отдѣльными частями территоріи, а, наоборотъ, путемъ такъ наз. „иммунитетовъ“, отдавала многія функціи свои (судебныя, финансовыя и пр.) въ руки частныхъ собственниковъ. Тоже наблюдается и у насъ, по крайней мѣрѣ до конца московскаго періода[1]). Что же касается перваго періода, — особенно-же эпохи такъ называемыхъ удѣловъ, — то въ это время государственныя территоріи постоянно отчуждаются и дѣлятся по волѣ князей (частію, впрочемъ, при участіи вѣча); сильные князья вмѣшиваются въ дѣйствія слабыхъ и мало уважаютъ ихъ территоріальное верховенство въ принадлежащей имъ области; власть князей надъ присоединяемыми къ государственной территоріи областями чрезвычайно слаба и долго выражается лишь, по преимуществу, въ одномъ интересѣ — въ сборѣ дани. Правда, въ концѣ XII вѣка со стороны Всеволода III является попытка положить начало единодержавію въ Суздальской землѣ, а со стороны Романа Галицкаго такая-же попытка дѣлается, въ началѣ XIII вѣка, въ землѣ Галицкой, но эти попытки оказываются неудачными и преждевременными, и, въ частности, Суздальской землѣ въ XIII и XIV вѣкахъ пришлось еще пережить удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія землями прежде, чѣмъ понятіе о единствѣ государственной территоріи стало постепенно осуществляться въ исторіи сначала — сѣверо-восточныхъ, а затѣмъ и другихъ русскихъ земель.

Краткій обзоръ событій перваго періода русской исторіи въ ихъ отноше-

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейдемъ къ краткому обзору событій перваго періода исторіи нашей, поскольку они имѣютъ отношеніе къ вопросу о территоріи. Въ немногихъ словахъ, первая половина періода, — отъ

1) Сравнительный очеркъ вопроса см. у Н. П. Павлова-Сильванскаго въ главѣ о феодальныхъ учрежденіяхъ — „Боярскій самосудъ (иммунитетъ)“, — помѣщенной во 2-ой части указаннаго сочиненія „Феодализмъ въ удѣльной Руси“.

нiи къ вопросу о территоріяхъ отдѣльныхъ государствъ.

призванія князей до смерти Ярослава Мудраго (862—1054 гг.), послѣ котораго устанавливается у насъ постепенно такъ наз. „удѣльная система“ владѣнія княжествами, — можетъ быть изображена такъ: по смерти въ 864 г, братьевъ своихъ, Рюрикъ переселился въ Новгородъ и началъ раздавать мужамъ своимъ города въ управленіе; изъ мужей Рюриковыхъ двое, а именно Аскольдъ и Диръ, недовольные тѣмъ, что имъ ничего не досталось въ управленіе, отправились на службу въ Царьградъ и по дорогѣ заняли Кіевъ. По вѣрному замѣчанію одного изъ историковъ нашихъ, Бестужева-Рюмина, у насъ тогда „начинается почти въ одно и то же время государство на югѣ и на сѣверѣ, т. е. въ Кіевѣ и въ Новгородѣ“. Уже Олегъ, княжившій послѣ Рюрика (отъ 879 по 912 гг.) покинулъ Новгородъ и въ 882 г. завладѣлъ Кіевомъ; съ тѣхъ поръ первые князья Рюрикова дома (Игорь, Ольга, Святославъ, Ярополкъ, Владиміръ Св., Святополкъ и Ярославъ) считали всегда своею резиденціею Кіевъ, жизнь же Новгорода пошла своимъ особымъ и своеобразнымъ путемъ; начало политической свободы, широкая колонизаціонная и торговая дѣятельность лежали въ ея основаніи, что и создало къ началу XIII вѣка знаменитую Новгородскую республику. Что касается великаго княжества Кіевскаго, то дѣятельность его первыхъ князей до знаменитаго завѣщанія Ярослава, положившаго начало т. наз. удѣльной системѣ (1054 г.), въ отношеніи территоріальномъ, сводится къ передѣлу прежнихъ племенныхъ княжествъ и покоренію обитавшихъ въ нихъ племенъ подъ власть кіевскаго князя: такъ Олегъ покорилъ древлянъ, сѣверянъ, радимичей, вятичей, Игорь — возставшихъ древлянъ, угличей, Святославъ — вятичей, камскихъ болгаръ и хозаръ; слѣдующіе князья продолжали ту же политику борьбы за преобладаніе Кіева надъ всѣми прежними княженіями: они объединяли, подъ властію кіевскаго князя, цѣлый рядъ небольшихъ племенъ, ограничиваясь, впрочемъ, при этомъ нерѣдко лишь внѣшними признаками покорности, главнѣйшимъ-же образомъ — требованіемъ уплаты дани, затѣмъ помощи въ походахъ, предпринимавшихся князьями. Не касаясь всѣхъ территоріальныхъ захватовъ и передѣловъ прежнихъ владѣній, можно отмѣтить лишь результаты общаго хода нашей исторіи за время отъ второй половины IX до XII вѣка: 1) постепенное распространеніе христіанства; 2) внѣшнее сближеніе прежнихъ разъединенныхъ племенныхъ княженій „подъ рукою“, или подъ властію, великаго князя кіевскаго, что особенно усиливается съ XI вѣка, главнымъ образомъ путемъ замѣны мѣстныхъ племенныхъ князей младшими членами Рюрикова дома; 3) привычка племенъ жить подъ управленіемъ одной общей ди-

настіи Рюриковичей; 4) усиленіе торговаго и вообще гражданскаго оборота между отдѣльными княжествами, а равно и тяготѣніе ихъ къ одному торгово-промышленному и культурному центру — Кіеву. Все это было, въ общемъ, большимъ шагомъ впередъ, сравнительно съ эпохою раздѣленія Руси на племенныя княженія, со слабою въ нихъ властію, постоянными усобицами и измѣненіями границъ ихъ территорій. Конечно, и въ до-удѣльномъ княжескомъ періодѣ были между-княжескія распри (между сыновьями Святослава и сыновьями Владиміра Св.), но онѣ, въ общемъ, мало задѣвали интересы самого населенія и, повидимому, не мѣшали достиженію первыми князьями указанныхъ результатовъ, что и сказалось благотворно на развитіи гражданственности въ Кіевской Руси [1]). Поворотъ къ худшему наступаетъ, однако, со смерти Ярослава Мудраго въ 1054 г.: какъ извѣстно, умирая, онъ раздѣляетъ русскую землю между пятью своими сыновьями (давъ Изяславу Кіевъ, Новгородъ и Туровъ, Святославу — Черниговъ, Всеволоду — Переяславль, Вячеславу — Смоленскъ, Игорю — Владиміръ-Волынскій) и тѣмъ полагаетъ начало такъ наз. удѣльной системѣ. Удѣльному періоду въ послѣднее время, — благодаря главнымъ образомъ трудамъ Павлова-Сильванскаго — начинаетъ усвояться наименованіе феодальнаго періода. Основныя черты этого періода продолжаютъ сказываться и въ первые два вѣка (XIV—XV) Московскаго государства.

Кіевская Русь превращается постепенно въ Русь удѣльную или феодальную: хотя, послѣ смерти Ярослава опять начинаются княжескія усобицы, какъ это было и послѣ смерти Святослава и Владиміра Св., но, по справедливому замѣчанію Соловьева, „теперь первая усобица не оканчивается единовластіемъ одного брата, вслѣдствіе истребленія или бездѣтной смерти другихъ: сыновья Ярослава оставляютъ многихъ дѣтей, которыя продолжаютъ усобицы отцовскія и передаютъ ихъ своимъ дѣтямъ; князья размножаются все больше и больше, и усобицы между ними продолжаются много лѣтъ“. Дѣйствительно, если, по Ярославову дѣленію 1054 г., русская земля распалась на 5 частей (по числу его, бывшихъ тогда въ живыхъ, сыновей), то въ слѣдующіе два вѣка число этихъ частей постоянно увеличивается. Въ первой половинѣ XII вѣка, — когда въ каждой „землѣ“ (какъ нерѣдко называетъ лѣтопись отдѣльныя княжества) утвердилась извѣстная линія князей Рюриковичей (за исключеніемъ, впрочемъ, Новгородской земли) — Русь

1) Очеркъ исторіи Кіевской Руси см. у Н. А. Рожкова въ его книгѣ „Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“. (Сп. 1903 г., часть I) и у М. С. Грушевскаго „Кіевская Русь“ (С.-П., 1911 г.).

распалась на 10 частей, а именно на землю Новгородскую, Смоленскую, Полоцкую, Ростовскую, Суздальскую, Муромо-Рязанскую, Чернигово-Сѣверскую, Кіевскую, Волынскую и Галицкую. Принадлежа къ одному общему княжескую роду, каждый князь считалъ себя имѣющимъ право на владѣніе тою или иною „землею“, смотря по положенію своему въ родѣ (или по своему родовому старшинству), по довѣрію къ нему народа, по своимъ личнымъ качествамъ и удачливости въ военныхъ и другихъ предпріятіяхъ. Такой взглядъ на русскую землю, какъ на вотчину цѣлаго княжескаго рода, между наличными членами коего она могла передѣляться, поддерживалъ неустойчивость территорій отдѣльныхъ княжествъ и велъ, по мѣрѣ разростанія Рюрикова дома, къ дробленію удѣловъ. Но, этотъ же взглядъ поддерживалъ мысль и о единствѣ русской земли, сближалъ одни княжества съ другими: „вслѣдствіе частаго перехода князей изъ одной области въ другую, области эти“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „находились между собою въ тѣсной связи: смерть кіевскаго князя была событіемъ одинаковой важности какъ для кіевлянина, такъ и для черниговца и для смольянина, и для отдаленнаго ростовца и новгородца, ибо она влекла за собою перемѣны въ ихъ родныхъ областяхъ; самыя усобицы княжескія за старшинство, за обладаніе Кіевомъ, укрѣпляли сознаніе о единствѣ земли, потому что, вслѣдствіе ихъ, сѣверныя дружины стремились на югъ, южныя — на сѣверъ; несмотря на огромныя разстоянія между русскими областями, жители ихъ принимали участіе въ дѣлахъ другъ друга, благодаря этой нераздѣльности княжескаго рода“. Удѣльная система владѣнія землями не есть особенность русской исторіи, ее переживали и другія государства. Если одно основаніе ея лежало у насъ во взглядѣ князей на русскую землю, какъ на достояніе всего Рюрикова дома, то другое заключалось, какъ намъ кажется, въ самихъ племенахъ, населявшихъ тѣ или иныя княжества и боровшихся другъ съ другомъ за преобладаніе[1]). И, если князья находили въ народѣ защитника своихъ родовыхъ счетовъ по владѣнію тѣми или иными землями, то это, частію, нерѣдко объяснялось совпаденіемъ инте-

1) Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ вниманія мнѣніе В. В. Пассека, который объяснялъ образованіе удѣловъ нестолько княжескими отношеніями, сколько стремленіемъ городовъ, стоявшихъ во главѣ отдѣльныхъ земель, къ самостоятельности, а эта самостоятельность обезпечивалась, въ эпоху борьбы однихъ княжествъ съ другими, между прочимъ, полученіемъ своихъ особыхъ князей, которые бы защищали интересы даннаго города и его земель. Какъ извѣстно, во многихъ земляхъ образовались свои линіи князей, и изъ нихъ нѣкоторыя были особенно любимы народомъ. „Изслѣдованія въ области Русской исторіи“ (М. 1877 г.). стр. 76 и сл.

ресовъ народа и князей, такъ какъ едва ли, на нашъ взглядъ, одни княжескіе взгляды на землю, какъ на свое достояніе, пріобрѣтенное трудами предковъ, могли бы поддерживать столь долго удѣльную, или феодальную, систему владѣнія княжествами, если-бъ они не находили поддержки въ самомъ населеніи отдѣльныхъ княжествъ, боровшихся между собою, какъ сказано, за преобладаніе.

Наименованіе территоріи.

Перейдемъ теперь къ наименованіямъ государственныхъ территорій изучаемой эпохи и ихъ дѣленіямъ. Вопросъ этотъ представляетъ много спорнаго, главнымъ образомъ потому, что терминологія лѣтописей и другихъ памятниковъ времени не отличается устойчивостью и точностью. Слова „государство“ еще нѣтъ въ первомъ періодѣ исторіи нашей и понятіе это обозначалось чаще всего словами земля, или волость, при чемъ первое слово употреблялось нерѣдко также и для обозначенія всѣхъ отдѣльныхъ русскихъ княжествъ вмѣстѣ, какъ единаго цѣлаго, въ противоположность нерусскимъ, иноземнымъ государствамъ, съ прибавленіемъ къ слову „земля“ эпитета „русская“ (первоначально, — въ X—XII вѣкахъ, собственно — Кіевская). Такъ „русская земля“, какъ цѣлое (несмотря на раздѣленіе ея на княжества) противополагается землѣ греческой, угорской, болгарской и т. д. Это словоупотребленіе характерно въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, что сознаніе единства живетъ между отдѣльными княжествами-государствами, питаясь общностью языка, письменности, религіи и т. д. Подъ 912 г. читаемъ въ лѣтописи, что посланные Олегомъ „сли (послы) придоша къ Ольгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю, како створиша миръ и урядъ положиша межю грецкою землею и русскою, и клятвы не переступати ни Грецемъ ни „Руси“; подъ 1224 г. лѣтопись сообщаетъ: „бывшю же съсовѣту (совѣту) всѣхъ князей во градѣ Кыеву, сотвориша совѣтъ сице: „лучше ны бы есть пріяти я (татаръ) на чюжой землѣ, нежели на своей“ (т. е. на русской). Такихъ примѣровъ можно указать много. Но, если слово земля употреблялось для обозначенія всѣхъ отдѣльныхъ княжествъ въ совокупности, то оно обозначало нерѣдко и отдѣльное княжество-государство: „посланы Деревска земля“ замѣчаютъ, напр., древлянскіе послы княгинѣ Ольгѣ, понимая подъ землею свое племенное княженіе; „се азъ одиною своею головою“, говоритъ въ 1187 г. кн. Ярославъ, „удержалъ всю галичкую землю“, понимая подъ этимъ наименованіемъ свое княжество; „а изъ своего города въ чужую землю свода нѣтуть“, гласитъ Русская Правда (Троицкій списокъ, 35 стр.), говоря о процедурѣ такъ называемаго свода или интерціаціи (т. е. сведенія съ себя на

другого подозрѣнія на кражѣ), которая должна была производиться въ предѣлахъ лишь одного княжества, а не заходитъ въ другое.

Въ значеніе слова „государство“ являлось затѣмъ и слово „волость“ или („власть“). Такое значеніе этого слова можно вывести изъ многихъ мѣстъ лѣтописи и прежде всего изъ знаменитаго текста, относящагося въ 1176 г. и говорящаго о вѣчѣ, какъ объ общемъ явленіи въ земли русской даннаго времени: „Новгородцы бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости), яко же на думу, на вѣчя сходятся; на чтожъ старѣйшіе сдоумаютъ, на томъ же пригороди стануть“. Волости, какъ отдѣльныя государства-княжества, состояли изъ городовъ и пригородовъ. Новгородцы, въ указанномъ текстѣ лѣтописи, суть жители Новгородской земли, какъ Смолняне, Кіяне, Полочане — жители земли Смоленской, Кіевской и Полоцкой; указавъ, на нихъ, для примѣра, какъ на важнѣйшія, лѣтописецъ справедливо приписываетъ имъ, какъ и всѣмъ другимъ русскимъ землямъ-волостямъ („и вся власти“), одинаковое отношеніе къ вопросу о вѣчѣ. Здѣсь слово волость употреблено въ смыслѣ „государство“, какъ употребляется въ этомъ же смыслѣ и слово „земля“; каждое-же такое государство-княжество (а ихъ было много въ изучаемый періодъ) состоитъ изъ городовъ и пригородовъ.[1])

По остроумному замѣчанію проф. Сергѣевича нашъ терминъ „власть — волость“ очень хорошо выражаетъ „юридическую природу государственной территоріи: все, что находится въ предѣлахъ территоріи, состоитъ подъ одною властію, а потому и составляетъ одно государственное цѣлое — волость“. Мы уже говорили, что территоріею государства надо называть область, находящуюся подъ его верховною властью. Это понятіе государственной территоріи, дѣйствительно, отлично выражается словомъ „волость“, которое тожественно съ словомъ „власть“. Спорнымъ является, однако, вопросъ о томъ, часто-ли слово „волость“ употребляется въ значеніи слова „государство“. По утвержденію проф. Сергѣевича, „слова волость означаетъ собственно всякую территорію, состоящую подъ одною властью, а потому одинаково употребляется, какъ для обозначенія цѣлаго государства, такъ и его административныхъ дѣленій, составляющихъ въ правительствен-

---

[1]) Въ смыслѣ „государство“ слово „волость“ употребляется постоянно въ лѣтописи: въ 1196 г., напр., „Всеволодъ (кн. Владимірскій), посла мужи своя къ Ярославу (кн. Черниговскому) и умолви съ нимъ про волость свою и про дѣти своя“; въ 1174 г. „Святославъ ... пойде на Олега и пожьже волость его“; въ 1149 г. кіевляне говорятъ князьямъ Волынскому и Смоленскому: „а нынѣ поѣдита въ свои волости“, т. е. въ свои княжества.

номъ отношеніи тоже одно цѣлое, а также и для обозначенія земель, состоящихъ въ чьей-либо частной собственности; они тоже состоятъ подъ одною властью". На это проф. Владимірскій-Будановъ возражаетъ, что главное значеніе слова в о л о с т ь есть именно: ч а с т ь государства — п р о в и н ц і я. Для обозначенія цѣлаго государства слово это употребляется въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Терминъ волость („власть") имѣетъ ближайшее отношеніе къ слову „княженіе" и означаетъ территорію, принадлежащую тому или другому князю... По этому „волоститься" значитъ вести споръ изъ-за княженій. — Княженіемъ же именуется всякая область (провинція или цѣлая земля), управляемая княземъ. Признать государствомъ в с я к о е княженіе (и, слѣдовательно, волость) значитъ утратить вовсе твердое представленіе о государственномъ строѣ древней Руси, ибо предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежедневно. Были князья Друцкіе, Бѣлогородскіе, Бужскіе, Трубчевскіе и пр., но никто не утверждаетъ, что были государства Друцкое, Бѣлогородское, Трубчевское и т. д. Одинъ князь могъ владѣть временно нѣсколькими землями". Поэтому, проф. Вл.-Будановъ думаетъ, что терминъ з е м л я... т о ч н ѣ е обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренній характеръ ихъ. Онъ и употребляется въ памятникахъ для означенія государства постоянно". Споръ, въ сущности, сводится такимъ образомъ къ вопросу о томъ, какой изъ этихъ двухъ терминовъ чаще употреблялся въ данномъ значеніи, т. е. обозначалось-ли государство больше словомъ „земля", какъ думаетъ проф. Вл.-Будановъ, или словомъ „волость", какъ утверждаетъ проф. Сергѣевичъ. Важно однако, не эти трудно-доказуемыя утвержденія, а то, что оба термина употреблялись, дѣйствительно, для обозначенія г о с у д а р с т в а, хотя иногда такъ обозначались и ч а с т и его. Что же касается словъ проф. В.-Буданова, что „признать государствомъ всякое княженіе (а слѣдовательно, и волость) значитъ утратить вовсе твердое представленіе о строѣ древнѣйшей Руси, ибо предѣлы и составъ княженій чуть не ежедневно мѣнялись", то на это надо замѣтить, что, конечно, нельзя считать племенныя княженія, какъ и многія удѣльныя княжества, вполнѣ устроенными, развитыми государствами; основные элементы ихъ — верховная власть, территорія и населеніе — еще не вполнѣ вообще сложились, а въ частности — территорія отличалась непостоянствомъ границъ и во времени, и въ пространствѣ; это были еще зародышевыя государства, государства эмбріоны, или такъ наз. „фрагментарныя государства", у которыхъ не всѣ части ихъ государственнаго тѣла вполнѣ образовались. Нѣкоторыя изъ нихъ, всѣ эти княжества Друцкія, Бѣлогородскія и т., такъ и оста-

лись государствами-эмбріонами, слившись затѣмъ съ другими, болѣе сильными: иныя, наоборотъ, развились больше и устояли въ борьбѣ; въ этомъ вся между ними, на нашъ взглядъ, разница.

Волости, какъ указано уже выше, понимаемыя въ смыслѣ территоріальнаго цѣлаго, или государства, позднѣе называются нерѣдко княженіями. Такъ какъ князья, — какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ верховной власти данной эпохи (другимъ составнымъ элементомъ ея было вѣче), — при всей слабости ихъ власти, признаются необходимыми вездѣ, даже въ такихъ государствахъ-республикахъ, какъ Новгородъ или Псковъ, иначе говоря, ни одна волость и ни одна земля (понимая подъ этими наименованіями территорію всего даннаго государства), не бываетъ безъ князя, то неудивительно, что сами эти территоріи называются княженіями: наименованіе одного изъ элементовъ государства даетъ имя всему государству, что бываетъ постоянно въ исторіи. Князь есть внѣшнее олицетвореніе единства земли, или волости, онъ ея — волостель, его именемъ и называется земля, или волость, какъ государство. Дѣленіе князьями государственной территоріи на части между своими сыновьями создаетъ новое названіе для даннаго княжества-государства — удѣлъ, т. е. то, что удѣлено тому или другому сыну. Если данный князь сидитъ на столѣ, или престолѣ, отца или дѣда, его княжество можетъ называться также отчиною (вотчиною) или дѣдиною, какъ это ясно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи. Вотчинный характеръ владѣнія территоріею вообще усиливается въ удѣльный періодъ.

Таковы наименованія государствъ-княжествъ въ удѣльное время. Постоянное дробленіе государственной территоріи, неустойчивость основаній владѣнія ею — основные факты удѣльнаго періода, отражающіеся внѣшне и въ пестротѣ самыхъ названій государственной территоріи. Тотъ, кто называлъ территорію своею отчиною, или удѣломъ и т. д., ссылался на различныя основанія своего права владѣть ею, отчего и само названіе территоріи мѣнялось.

Города и пригороды.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о внутреннемъ составѣ этихъ государствъ. Каждая земля, или княженіе, состоитъ обыкновенно изъ главнаго города и пригородовъ, стоящихъ отъ него въ политической и экономической зависимости и, при мирномъ порядкѣ отношеній, ему подчиняющихся, какъ это видно уже изъ приводившагося выше текста лѣтописи, что „на чтожъ старѣйшіе (города) сдумають, на томъ-же пригороды стануть“. „Городъ“, или „градъ“, — первоначально всякое огороженное и укрѣпленное мѣсто, — явленіе изстаринное на Руси; по замѣчанію проф. Ключевскаго „Повѣсть о началѣ русской земли“ не помнитъ,

когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др.“ Главнѣйшіе города выросли по торговому пути „изъ Варягъ въ Греки“, сильно проторенному еще за два слишкомъ вѣка до призыва князей.

Нерѣдко, однако, пригороды, — вслѣдствіе удобнаго географическаго положенія, развитія торговли и промысловъ, взаимной борьбы князей за волости и т. п., — возвышались, вступали въ соперничество съ главнымъ городомъ земли-государства, достигали при этомъ самостоятельности (какъ это видно на примѣрѣ Пскова, сдѣлавшагося изъ пригорода Новгорода самостоятельнымъ городомъ) и даже сами превращали старшій, или главный, городъ земли въ пригородъ (какъ это видно на примѣрѣ Ростова и Суздаля, Владиміра и Москвы). Система удѣловъ не остается безъ вліянія на измѣненіе исторической роли и значенія отдѣльныхъ городовъ и ихъ пригородовъ: волости съ ихъ городами и пригородами постоянно раздѣлялись князьями между своими дѣтьми, при чемъ, если у даннаго князя въ его волости-княженіи былъ одинъ важный, или старшій, городъ, то онъ отдавался старшему сыну, пригороды же шли младшимъ сыновьямъ, превращаясь каждый въ главный городъ ихъ удѣловъ. Честолюбивый, удачливый князь, округляя свои владѣнія тѣмъ или инымъ путемъ, тѣмъ самымъ могъ возвышать и значеніе своего города, бывшаго когда-то пригородомъ.

Глава II.

Верховная власть.

§ 1.

Понятіе о верховной власти. Общее замѣчаніе о верховной власти въ первый періодъ русской исторіи.

Какъ уже отмѣчалось нами, однимъ изъ необходимыхъ элементовъ государства является верховная власть.

Верховная власть есть высшая въ государствѣ власть; она объединяетъ населеніе государства въ одно цѣлое и представляетъ его, какъ таковое, внутри и вовнѣ. Съ понятіемъ верховной власти современное правосознаніе соединяетъ рядъ признаковъ, отличающихъ эту власть отъ всякой другой власти, необходимо присущей каждому общественному союзу, который дѣйствуетъ de jure въ государствѣ. Важнѣйшими изъ этихъ признаковъ можно считать: во-1-хъ, неограниченность верховной власти, во-2-хъ — ея первообразный, непроизводный и совершенно-независимый (отъ всякой другой власти въ государствѣ) характеръ, въ 3-хъ — ея единство,

въ 4-хъ — ея непрерывность и въ 5-хъ — ея существованіе и дѣйствіе въ интересахъ общаго блага. Всѣ эти признаки свойственны понятію верховной власти лишь на высшихъ ступеняхъ культуры, въ первоначальныя-же эпохи праворазвитія они, либо отсутствуютъ, либо отличаются крайней неустойчивостью и полною неопредѣленностью. Что касается внѣшней организаціи верховной власти, или формъ правленія, то въ различныя историческія эпохи организація эта бываетъ весьма непохожа на другую, или, какъ говорятъ, принимаетъ различныя формы. Дѣлалось и дѣлается много попытокъ къ классификаціи государственныхъ формъ, древнѣйшая-же и до сихъ поръ не потерявшая своего значенія попытка принадлежитъ еще знаменитому греческому философу Аристотелю, который въ своей „Политикѣ“ далъ схему трехъ правильныхъ и трехъ искаженныхъ формъ государственнаго устройства. Правильными формами Аристотель называетъ такія, при наличности которыхъ верховная власть преслѣдуетъ общіе интересы, интересы общаго блага, искаженными, при которыхъ ею преслѣдуются собственныя выгоды. Правильными будутъ: монархія, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному лицу, аристократія, гдѣ эта власть сосредоточивается въ рукахъ немногихъ, лучшихъ и богатыхъ людей, и политія, гдѣ власть находится въ непосредственномъ завѣдываніи большинства гражданъ: искаженными является, какъ противоположность монархіи, тиранія; какъ противоположность аристократіи — олигархія и, какъ противоположность политіи — демократія; въ олигархіи правятъ немногія въ личныхъ цѣляхъ; въ демократіи господствуетъ бѣдное большинство, преслѣдующее свои цѣли, не заботясь объ общемъ благѣ. Терминологія эта не удержалась впослѣдствіи вполнѣ; а именно еще Полибію принадлежатъ нѣкоторыя поправки къ ней, получившія право гражданства въ наукѣ. Такъ Полибій политію, какъ правильную форму, сталъ называть демократіею, вмѣсто-же наименованія демократія предложилъ слово охлократія, т.-е. господство толпы, а вмѣсто тираніи — деспотія. Затѣмъ еще Полибій развилъ ученіе о такъ наз. смѣшанныхъ формахъ правленія, при которыхъ въ организацію верховной власти входятъ, въ тѣхъ или иныхъ сочетаніяхъ, всѣ три указанные выше элемента, а именно монархическій, аристократическій и демократическій. Полибій, какъ и многіе другіе гусударствовѣды, считалъ смѣшанную форму правленія наилучшей, такъ какъ, при ея наличности, лучше всего защищаются указанными элементами сложные, и часто весьма отличные другъ отъ друга, государственные и общественные интересы.

Обращаясь, послѣ этихъ небольшихъ предварительныхъ замѣчаній, къ очерку организаціи верховной власти (или — къ вопросу о формахъ правленія) какъ въ земскій, или вѣчевой, такъ и удѣльный или феодальный, періоды исторіи нашей, надо сказать, что мнѣнія ученыхъ расходятся въ сужденіи о томъ, къ какому типу надо отнести формы правленія этихъ періодовъ. Можно указать три группы мнѣній: по одному мнѣнію, въ Кіевѣ сложилась чистая монархія, въ Новгородѣ — чистая (или правильная) демократія; по другому — верховная власть вмѣщала въ себѣ два изъ указанныхъ элементовъ, а именно, въ лицѣ вѣча — демократическій, въ лицѣ князя — монархическій; согласно третьему, въ лицѣ Княжеской или Боярской Думы, къ указаннымъ двумъ элементамъ, присоединялся третій — аристократическій, т. е., иначе говоря, по мнѣнію второй и третьей группы ученыхъ, организація верховной власти, или форма правленія, съ издавна носила у насъ смѣшанный характеръ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о государственномъ устройствѣ Новгорода, нельзя согласиться съ мнѣніемъ что въ Кіевѣ, до періода удѣловъ, сложилась чистая монархія. Скорѣе надо признать, что, какъ въ Кіевской Руси, такъ и въ Руси удѣльной, была смѣшанная форма правленія, при чемъ третій элементъ, аристократическій, не достигъ еще большаго развитія, сравнительно съ элементами демократическимъ и монархическимъ. Едва-ли поэтому Княжеская Дума изучаемаго періода можетъ считаться сословно-аристократическимъ учрежденіемъ, подобнымъ Боярской Думѣ московскихъ государей, какъ ввиду того, что само боярство (какъ земское, такъ и дружинное) являлось еще классомъ, а не сословіемъ (какъ это будетъ нами отмѣчено особо), такъ и ввиду того, что аристократическій элементъ, поскольку онъ имѣлся налицо, не выдѣлился еще вполнѣ изъ элемента демократическаго, что, между прочимъ, видно изъ того, что тоже боярство входило въ составъ вѣчевыхъ собраній (правильнѣе поэтому и Думу изучаемаго періода называть не Боярскою, а Княжескою). Но, если аристократическій элементъ, особенно въ Руси Кіевской, уступалъ въ значеніи своемъ первымъ двумъ, то онъ, во всякомъ случаѣ, былъ постояннымъ и, съ этой точки зрѣнія, его можно причислить къ элементамъ верховной власти. Наличность указанныхъ 3-хъ элементовъ въ составѣ верховной власти изучаемаго періода вызываетъ изученіе вопроса объ организаціи въ данное время верховной власти съ трехъ точекъ зрѣнія: надо изучить отдѣльно вопросъ о вѣчѣ, вопросъ о князѣ и вопросъ о Думѣ, а затѣмъ отмѣтить (насколько это представляется возможнымъ въ общемъ очеркѣ) взаимное отношеніе этихъ элементовъ; го-

воримъ „на сколько возможно“ потому, что, хотя эти элементы, обыкновенно, сопутствуютъ другъ другу, и гдѣ есть князь съ его Думою, тамъ есть и вѣче (какъ и наоборотъ), но соотношеніе между этими элементами не является, однако, вполнѣ устойчивымъ и строго-опредѣленнымъ, и прежде всего неодинаково въ Руси Кіевской и удѣльной, характеризуемой усиленіемъ княжеской власти и постепеннымъ паденіемъ вѣча. Кромѣ того, взаимныя отношенія указанныхъ элементовъ не обозначались вообще какими-либо точными и продолжительно-дѣйствовавшими юридическими постановленіями, а обычнымъ правомъ, которое само отличается, какъ мы знаемъ, большою подвижностью и измѣняется, смотря по обстоятельствамъ даннаго мѣста и времени. Наши предки вообще не любили юридической опредѣленности въ отношеніяхъ и это сказывается на многихъ явленіяхъ древней жизни, между прочимъ и на весьма важномъ вопросѣ объ организаціи верховной власти въ изучаемый періодъ и на соотношеніи основныхъ ея элементовъ. Кромѣ того, мѣстныя условія, при которыхъ жило каждое отдѣльное княжество, также вліяли на соотношеніе указанныхъ элементовъ верховной власти: въ однихъ княжествахъ успѣла болѣе развиться власть вѣча, въ другихъ — князя, въ третьихъ — боярства. Понятно, что воспроизведеніе всѣхъ этихъ мѣстныхъ чертъ навозможно въ общемъ, какъ нашъ, обзоръ, а доступно лишь при монографическомъ изученіи вопроса.

Послѣ сказаннаго, перейдемъ къ вопросу о вѣчѣ, а затѣмъ и къ вопросамъ о князѣ и его Думѣ.

§ 2.

Вѣче.

Понятіе о вѣчѣ; порядокъ, время и мѣсто созыва вѣча.

Вѣче (вѣще, вѣце) есть непосредственное народное собраніе, состоящее изъ свободныхъ и полноправныхъ гражданъ, созываемыхъ для обсужденія и рѣшенія наиболѣе важныхъ и общихъ дѣлъ данной „волости“, или „земли“. Въ своемъ качествѣ прямого народоправства, вѣче является исконнымъ и повсемѣстно-распространеннымъ учрежденіемъ не только у русскихъ, но и у другихъ славянскихъ племенъ; аналогичныя-же ему учрежденія можно найти у древнихъ германцевъ и вообще у арійцевъ[1]). Что касается въ частности русскихъ славянъ,

1) По утвержденію извѣстнаго англійскаго ученаго Фримана „развитіе политическаго строя во всѣхъ странахъ Европы отправляется отъ одного общаго основанія — племеннаго вѣча“. („Сравни-

то слова лѣтописца, — относящіяся къ 1176 г. и гласящія, что „Новгородцы бо изначала, и Смоляне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости), якоже на думу на вѣча сходятся, на что-же старѣйшіе сдоумають, на томъ-же пригороди стануть“ — не оставляютъ сомнѣнія какъ относительно изстариннаго, даже доисторическаго, происхожденія вѣча, такъ и относительно его распространенности по всѣмъ тогдашнимъ русскимъ княжествамъ. Эти слова находятъ затѣмъ себѣ многочисленныя подтвержденія во всевозможныхъ извѣстіяхъ, начиная съ VI вѣка, когда о славянскихъ вѣчахъ разсказывалъ византійскій писатель Прокопій и до начала XIV вѣка, когда вѣчевыя собранія вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова (гдѣ они просуществовали до XVI вѣка), стали въ удѣльной Руси постепенно угасать и исчезать.

Вѣче созывалось, обычно, по мѣрѣ надобности, какъ самими гражданами, такъ княземъ, или другимъ какимъ-либо органомъ власти. Прибытіе на вѣче гражданъ разсматривалось, какъ ихъ право, а не какъ обязанность, и лѣтопись знаетъ немало случаевъ, когда граждане не шли на вѣче, созванное княземъ, или кѣмъ-либо изъ согражданъ, или-же собирались особо на другое вѣче. Попытка нѣкоторыхъ ученыхъ доказать, что наши вѣчевыя собранія имѣли періодическій характеръ, не имѣетъ за себя достаточно данныхъ, хотя у германскихъ племенъ такія собранія были извѣстны (Frühlingsding, Herbstding и т. п.). Число участниковъ вѣчевыхъ собраній также не было опредѣлено и было очень измѣнчиво. Въ Новгородѣ и Псковѣ вѣче собиралось, какъ извѣстно, по звону колокола, а лѣтопись знаетъ даже техническое выраженіе — „звонити вѣче“, которое употреблялось для обозначенія созыва вѣчевого собранія; въ Кіевскомъ княжествѣ было другое еще выраженіе для тогоже созыва: „вабить“, на вѣче, т. е. звать, просить. Созывали

тельная политика.“ С.-П., 1880 г., переводъ Коркунова, стр. 144 и сл.) О вѣчѣ у славянъ см. В. Дьячана „Участіе народа въ верховной власти въ славянскихъ государствахъ до измѣненія ихъ устройства въ XIV—XV в. в.“ (Варшава, 1882 г.), Слово вѣче, происходящее отъ глагола вѣщать, встрѣчается у сербовъ, чеховъ, поляковъ; у древнихъ германцевъ народныя собранія обозначались словами medel, sprachа, что значитъ разговоръ (sermo); Цезарь и Тацитъ обозначаютъ эти народныя собранія словомъ „consilium“ (совѣщаніе); тѣ и другія наименованія — однозначущи съ нашимъ словомъ вѣче, являвшимся также совѣщаніемъ, разсужденіемъ гражданъ по общественнымъ дѣламъ. Но такъ какъ „на народныхъ собраніяхъ“, по замѣчанію проф. Сергѣевича „не только говорятъ, но кое-что дѣлаютъ — такъ (было) у насъ, такъ и у германцевъ“, — то „вслѣдствіе этого имъ усвояется наименованіе ding, thing. Гриммъ такъ поясняетъ это слово: это то, что дѣлается („ding, das gedingt, gehandelt, ausgemacht wird“). Наше слово вѣче шире по своему значенію словъ „medel“, „sprachа“ и вмѣщаетъ какъ понятіе разговора, такъ и понятіе дѣла, о которомъ совѣщаются.

на вѣче; какъ сказано, обычно, князья, или посадники, чрезъ особыхъ лицъ (биричей, подвойскихъ), вообще объявлявшихъ народу всякія распоряженія власти. Бывали, однако, случаи созыва вѣча и самими гражданами. Лѣтопись, кромѣ вышеуказанныхъ выраженій, говоря о вѣчѣ, употребляетъ слова „звати вѣче“, „сотворити вѣче“, „поставити вѣче“ и т. п.

Вѣче собиралось какъ въ городахъ, такъ и въ пригородахъ, иногда и внѣ ихъ, какъ-то бывало во время походовъ, или когда площадь города, или пригорода, не вмѣщала большого наплыва народа, и т. п. Въ такихъ городахъ, какъ Новгородъ и Кіевъ, были особыя излюбленныя мѣста для собранія вѣча, какъ напр., у св. Софіи и на Ярославовомъ дворѣ, на Торговищѣ, у Туровой божницы — въ Кіевѣ. Но, какъ по отношенію къ времени вѣчевыхъ собраній, такъ и по отношенію къ мѣсту ихъ созыва, нельзя утверждать ничего точно-опредѣленнаго: если и были, какъ указано, излюбленныя мѣста вѣчевыхъ собраній, то весьма нерѣдки были случаи созыва вѣча въ любомъ мѣстѣ, особенно, когда граждане сразу и одновременно созывались на два, на три вѣча въ одномъ и томъ-же городѣ, что бывало, когда предстоящіе къ обсужденію вопросы возбуждали страстныя разногласія, когда народныя партіи не приходили заранѣе къ соглашенію и т. д.

Отношеніе вѣча главнаго города къ вѣчу пригородовъ.

Весьма важнымъ является вопросъ объ отношеніи вѣчевыхъ собраній главныхъ городовъ и пригородовъ. Здѣсь надо различать два вопроса, а именно, во 1-хъ, вопросъ о томъ, имѣли-ли пригороды право созывать вѣчевыя собранія, независимо, отъ таковыхъ-же собраній главнаго города и, если имѣли, то въ какомъ отношеніи были ихъ рѣшенія къ рѣшеніямъ вѣча главнаго города; затѣмъ, во 2-хъ, участвовали-ли пригорожане въ вѣчевыхъ собраніяхъ главнаго города и, если участвовали, каково было ихъ отношеніе къ постановленіямъ вѣча главнаго города? Вѣчевыя собранія, несомнѣнно, могли созываться и въ пригородахъ и, если взаимныя отношенія послѣднихъ къ главнымъ городамъ были въ данное время мирнаго характера, а рѣшенія ихъ не противорѣчили общимъ интересамъ главныхъ городовъ — ихъ постановленія признавались послѣдними; наоборотъ, при враждебности и при борьбѣ за преобладаніе, которая нерѣдко велась между городами и пригородами, дѣло рѣшалось силою, открытою взаимною враждою. Въ свою очередь, при мирныхъ отношеніяхъ, пригороды подчинялись рѣшеніямъ вѣчевыхъ собраній городовъ (и къ такимъ именно отношеніямъ надо примѣнить слова лѣтописца о томъ, что „на что-же старѣйшіе сдумають, на томъ-же пригороды стануть“),

тѣмъ болѣе, что извѣстныя случаи, когда жители пригородовъ приглашались на вѣчевыя собранія городовъ и такимъ образомъ сами участвовали въ ихъ рѣшеніяхъ. Въ 1136 г., напр., „новгородцы призваша пльсковичи (т.-е. псковичей) и ладожане и сдумавше, яко изгонити князя своего Всеволода". Но, когда мирныя отношенія портились, когда въ особенности молодшіе города, т. е. пригороды, чувствовали свой ростъ и силу относительно главнаго города волости и стремились вступить съ ними въ борьбу за самостоятельность, тогда естественно, пригороды постановляли свои рѣшенія, города — свои и дѣло могло разрѣшиться только усобицею, если стороны не приходили раньше къ какому-либо соглашенію; лѣтописи знаютъ случаи и того и другого исхода дѣла. Усобицы становятся особенно замѣтны въ удѣльной, или феодальной Руси.

Вопросъ о законныхъ и о незаконныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ.

Мы уже отмѣтили выше кратко, гдѣ, когда, кѣмъ и какъ созывались вѣчевыя собранія, указавъ, что въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ на практикѣ нельзя констатировать полнаго однообразія и опредѣленности. Послѣднее обстоятельство дало поводъ къ возбужденію въ историко-юридической литературѣ нашей вопроса о томъ, всѣ-ли вѣчевыя собранія, о которыхъ извѣстно изъ лѣтописей, могутъ быть названы правильными, законными, или бывали вѣча незаконныя и самовольныя? Одни ученые, какъ, напр., Неволинъ, признавали законнымъ вѣчемъ только такое, которое созвано княземъ и посадникомъ и непремѣнно на дворѣ Ярослава; по мнѣнію И. Д. Бѣляева, къ вѣчамъ неправильнымъ, или чрезвычайнымъ, относятся тѣ, которые созывались во время борьбы партій; они не имѣли опредѣленнаго мѣста и созывались колокольнымъ звономъ; правильные-же созывались биричами и подвойскими. Проф. Сергѣевичъ, разбирая мнѣнія о различныхъ вѣчевыхъ собраніяхъ [1]), наоборотъ, думаетъ, что „дѣленіе вѣчевыхъ собраній на законныя и незаконныя есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней эпохи и несогласно съ существомъ дѣла". Затѣмъ проф. Сергѣевичъ указываетъ, что князь и посадникъ могли быть внѣ города, что вѣче могло собраться противъ нихъ, что не мѣсто рѣшало вопросъ о законности

1) См. его сочиненія „Вѣче и князь" (Русск. юрид. древности, т. II, выпускъ I), стр. 97 и сл. Въ сочиненіи этомъ, по отношенію къ указаннымъ двумъ вопросамъ, собраны почти всѣ главныя мѣста изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ изучаемаго времени, почему оно и является, между прочимъ, важнѣйшимъ пособіемъ при ихъ изученіи; срав. также его-же очеркъ „Первичныя народныя собранія у германцевъ и грековъ" (Ж. Мин. Юст., 1907 г., дек.).

собранія, что созваніе вѣча колоколомъ не составляетъ отличительнаго признака неправильныхъ собраній, что колоколомъ созывали вѣче и сами князья и т. д. Спрашивается, которое изъ указанныхъ мнѣній болѣе правильно? На нашъ взглядъ, проф. Сергѣевичъ правъ постольку, поскольку онъ указываетъ на невозможность, по внѣшнимъ признакамъ, судить о томъ, надо-ли считать то или другое вѣчевое собраніе правильнымъ или нѣтъ, такъ какъ, несомнѣнно, что сами эти признаки не отличались опредѣленностью и устойчивостью. Нельзя, затѣмъ, конечно, говоритъ также о законности и незаконности вѣчевыхъ собраній въ томъ смыслѣ, въ какомъ-бы мы могли говорить объ этой законности и незаконности по отношенію къ любому изъ современныхъ общественныхъ собраній, разрѣшенныхъ по закону, и которымъ самъ законъ поставилъ извѣстныя условія созыва и устройства, нарушеніе коихъ могло имѣть послѣдствіемъ признаніе даннаго собранія незаконнымъ по времени открытія, по составу, порядку рѣшенія дѣлъ и т. д. Но въ возбужденіи вопроса о законныхъ и незаконныхъ, или чрезвычайныхъ, вѣчахъ есть, однако, по нашему мнѣнію, нѣкоторое основаніе. Весьма вѣроятно, что при мирномъ спокойномъ теченіи дѣлъ въ данной волости-государствѣ были налицо и примѣнялись на практикѣ обычныя, всѣми признаваемыя и соблюдаемыя, формы созыва вѣчевыхъ собраній въ опредѣленномъ мѣстѣ, извѣстнымъ способомъ, открыто и т. д. Но эти формы, однако, легко нарушались при партійной борьбѣ и при всякихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а это и даетъ право различать, во всякомъ случаѣ, два вида вѣчевыхъ собраній, мирные, обычные, и чрезвычайные, при которыхъ, въ пылу партійной борьбы, многія привычныя формы не соблюдались сторонами. По справедливому замѣчанію проф. Вл.-Буданова „соблюденіе формъ, установленныхъ обычаемъ, есть признакъ спокойнаго, нормальнаго отправленія вѣча, и наоборотъ“.

Правильнѣе поэтому говорить не о законныхъ и незаконныхъ вѣчахъ, а о вѣчахъ обыкновенныхъ, собиравшихся въ мирное время, и о чрезвычайныхъ, при которыхъ обычныя формы (по созыву вѣча, порядку обсужденія на немъ дѣлъ и пр.) нарушались и замѣнялись иными, диктовавшимися случайными условіями даннаго момента.

Порядокъ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на вѣчѣ.

Такъ или иначе, но вѣче было собрано. Спрашивается, каковъ былъ на немъ порядокъ обсужденія и рѣшенія дѣлъ? Порядокъ этотъ опять-таки не предписывался какими-либо строго-установленными юридическими правилами, а создавался обычаемъ и соблюдался лишь по-

стольку, поскольку участники вѣчевыхъ собраній склонны были сами признавать его необходимость и непреложность. Когда вѣчевое собраніе было мирно, соблюдался, несомнѣнно, нѣкоторый порядокъ относительно преній: собраніе открывалъ князь, или посадникъ (въ Новгородѣ), или вообще то лицо, которое созвало вѣче и открывало указаніемъ на цѣль собранія, затѣмъ выступали отдѣльныя лица съ своимъ словомъ, обыкновенно — бояре или старцы градскіе, лучшіе люди; особыхъ предсѣдателей не было какъ у насъ, такъ и у древнихъ германцевъ. Пренія часто велись очень шумно, но тѣмъ не менѣе весьма нерѣдко, — какъ это многократно отмѣчается лѣтописью, — приводили къ единодушному рѣшенію: рѣшенія нерѣдко постановлялись „едиными устами“, „однодушно“, „въ одиночество“, т. е., — буквально понимая это слово — единогласно, „съ одного“, какъ говоритъ лѣтопись и т. п. Единодушное или, собственно говоря, единогласное рѣшеніе, требовалось обычаемъ, во-1-хъ, потому, что голосованія (или рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ) не было вовсе въ обычаѣ въ древней Руси, а, во-2-хъ, потому, что трудно было-бы привести въ исполненіе такое рѣшеніе вѣчевого собранія, за которое, хотя и высказалось большинство, но большинство сравнительно слабое, такъ какъ сильное количественно меньшинство всегда могло этому воспротивиться. Поэтому вѣчевыя собранія обычно продолжались до тѣхъ поръ, пока не достигалось „одиначества“, или, во всякомъ случаѣ, пока большинство, стоявшее за данное рѣшеніе, не являлось подавляющимъ, такъ что незначительное, количественно и качественно, меньшинство ему уступало, замолкало, удалялось, а не шло (по крайней мѣрѣ въ данное время) силою противъ рѣшенія даннаго собранія. Но таковъ былъ лишь возможный случай исхода вѣчевыхъ собраній, случай мирный и, въ общемъ, вовсе нерѣдкій, особенно въ критическія времена, переживавшіяся данною волостію-государствомъ, когда сознаніе въ необходимости единодушія возрастало въ народѣ пропорціонально опасностямъ. Возможно было, однако, что, при совѣщаніяхъ на вѣчевыхъ собраніяхъ, мнѣнія участниковъ совершенно расходились и не могли быть приведены вовсе къ какому-либо мирному соглашенію: тогда происходили распри, усобицы, созывалось одновременно 2—3 вѣча; въ Новгородѣ, напр., одинъ конецъ города шелъ на другой, происходили цѣлыя битвы, длившіяся иногда продолжительное время: въ 1388 г., напр., три конца Софійской стороны въ Новгородѣ возстали на новгородскаго посадника Есипа Захарьевича, созвонили вѣче у св. Софіи и затѣмъ напали и разграбили домъ посадника; послѣдній бѣжалъ на Торговую сторону,

которая и заступилась за него; произошло затѣмъ междоусобіе: „и такъ быша“ говоритъ лѣтопись, „безъ мира по двѣ недѣли, и потомъ снидошася въ любовь, и даша посадничество Василію Ивановичу“. Въ 1242 г. нѣкій „Онцифоръ съ Матвѣемъ созвонили вѣче у Св. Софіи, а Федоръ и Ондрѣшко другое созвониша на Ярославѣ дворѣ“, результатомъ-же этихъ двухъ одновременныхъ вѣчевыхъ собраній была усобица: стала „сія страна (сторона) собѣ, а сія собѣ“, т. е. городъ раздѣлился на двѣ враждующія части. Описывая эти усобицы, лѣтописецъ нерѣдко говоритъ затѣмъ о мирномъ, въ концѣ концевъ, исходѣ ихъ: стороны, наконецъ -таки приходили (послѣ долгихъ и иногда кровавыхъ распрей) къ соглашенію: „и возвеличенъ былъ крестъ, а діаволъ посрамленъ былъ“; „и по усобной той рати, поидоша вся пять концовъ въ одиночество“, или „и съидошася братья вкупѣ однодушно“ — говоритъ лѣтописецъ. Т. е., иначе говоря, первоначальное вѣче, собравшееся для рѣшенія того или иного дѣла и непришедшее ни къ какому общему рѣшенію, находило его затѣмъ послѣ многихъ сходокъ, послѣ взаимной или сильной борьбы сторонъ, такъ какъ жизнь требовала конечно, созданія когда-либо мирнаго modus'a vivendi и компромисса въ рѣшеніи дѣлъ и этотъ компромиссъ долженъ былъ быть когда-либо найденъ. Не слѣдуетъ однако, думать, что здѣсь всегда достигалось дѣйствительное „одиначество“ или „одиночество“ т. е. полное единогласіе сторонъ; въ дѣйствительности, нерѣдко миръ означалъ лишь то, что побѣжденные, будучи въ меньшинствѣ, сдавались передъ побѣдителями, какъ болѣе сильною стороною, и отказывались, нерѣдко лишь на время, отъ защиты тѣхъ или иныхъ своихъ притязаній. Если такой отказъ былъ вынужденнымъ, борьба при первой возможности возобновлялась снова, опять собирались враждебныы другъ другу вѣчевыя собранія, опять одна сторона шла на другую и т. д. Это обстоятельство въ корень подрывало значеніе самой вѣчевой организаціи, такъ какъ не давало устойчивости въ разрѣшеніи дѣлъ и не обѣщало мира странѣ.

Въ томъ случаѣ, когда вѣчевое собраніе приходило къ единодушному рѣшенію, никѣмъ неоспариваемому, его постановленіе, въ наиболѣе важныхъ и сложныхъ случаяхъ, записывалось и облекалось въ особую вѣчевую грамоту, или письменный вѣчевой актъ. Таковы, напр., записи о призывѣ князей (древнѣйшая такая запись, упоминаемая въ памятникахъ, относится къ 1175 г.), „ряды“ или договоры съ князьями. Больше всего вѣчевыхъ грамотъ дошло до насъ отъ Новгорода, что и понятно, ввиду того значенія, какое имѣло новгородское вѣче, какъ политическая сила; древнѣйшая грамота, о которой имѣются извѣстія, относится къ началу XIII вѣка (1209 г.). Исполненіе

вѣчевыхъ рѣшеній въ мирное время возлагалось на князя; во время внутреннихъ усобицъ нерѣдко само вѣче приводило въ исполненіе свои постановленія, не останавливаясь при этомъ и передъ насиліемъ.

Предметы вѣдомства вѣча.

Какова-же была компетенція вѣча или, что тоже, предметы его вѣдомства? Предметы вѣдомства вѣча не ограничивались одною какою-либо функціею управленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. они не были исключительно законодательными, административными, или судебными, но могли касаться всѣхъ сторонъ и вопросовъ государственной жизни, разъ тѣ и другіе казались населенію, принимавшему часто живое участіе въ вѣчевой жизни, заслуживавшими вниманія и рѣшенія. Больше всего и чаще всего занимало, въ историческое время, вниманіе вѣча установленіе отношеній къ другому элементу верховной власти даннаго времени, а именно — къ князьямъ: призваніе однихъ князей и изгнаніе другихъ, требованіе отъ нихъ смѣны княжескихъ посадниковъ и тіуновъ, участіе или неучастіе въ военныхъ походахъ князей, дача имъ денегъ, или отказъ въ нихъ — вотъ важнѣйшіе вопросы, разрѣшавшіеся вѣчемъ. Затѣмъ, несомнѣнно, вѣчевыя собранія принимали участіе (въ важнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ случаяхъ) въ законодательной дѣятельности, являлись, кромѣ того, иногда судебною инстанціею, наконецъ, не оставляли безъ вниманія важнѣйшихъ дѣлъ исполнительныхъ, или административныхъ, несмотря на то, что судебно-административная функція управленія, по преимуществу, лежала на сферѣ непосредственной и личной дѣятельности самихъ князей. Въ порядкѣ исторической преемственности эти функціи вѣча шли такъ: прежде всего развилась судебная функція вѣча, затѣмъ административная и, наконецъ законодательная. Разберемъ особо нѣкоторыя изъ указанныхъ сторонъ дѣятельности вѣча, и прежде всего отношеніе вѣча къ князьямъ.

Порядокъ наслѣдованія въ княжествахъ, со времени призванія князей, опредѣлялся не однимъ какимъ-либо точнымъ и всѣми соблюдаемымъ принципомъ, а нѣсколькими. Однимъ изъ этихъ принциповъ было начало избранія князей вѣчемъ; отъ второй половины X вѣка, когда въ 970 г. Новгородцы избрали себѣ Владиміра Святославича, до второй половины XII вѣка, идутъ время отъ времени извѣстія лѣтописи о признаніи и смѣщеніи князей вѣчемъ. Многія изъ этихъ извѣстій изложены подробно, иногда даже драматично, и оставляютъ, въ общемъ, то впечатлѣніе, что монархическій элементъ признавался всегда необходимымъ въ составѣ верховной власти и князя надо было волостямъ добыть во что бы то ни стало;

даже Новгородъ, въ эпоху наибольшаго расцвѣта его развитія, не обходился безъ князя [1]).

Вѣче выбирало однихъ князей и смѣщало, или „казало путь“, другимъ. Однако, избраніе князей не было единственнымъ способомъ занятія стола тѣмъ или инымъ княземъ, и изъ 50-ти князей, занимавшихъ, напр., Кіевскій столъ, только 14 было призвано вѣчемъ; но, во всякомъ случаѣ оно имѣло важное значеніе (особенно — въ Новгородѣ) и весьма характерно для пониманія сущности отношеній, бывшихъ въ Кіевской Руси между княземъ и вѣчемъ. Сами князья, обыкновенно, признавали это избраніе необходимымъ и только въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ это избраніе вело къ военнымъ дѣйствіямъ со стороны другихъ князей, противъ народныхъ избранниковъ. Сажая на престолъ того или другого князя, вѣче данной волости или княженія, обыкновенно заключало „рядъ“ съ нимъ, или договоръ въ которомъ обѣ стороны цѣловали крестъ, т.-е. взаимно обѣщали другъ другу исполненіе тѣхъ или другихъ условій: князь долженъ былъ держать свою волость по старинѣ, и „по пошлинѣ“ т. е. соблюдая старые обычаи, онъ не долженъ былъ никого обижать, всѣхъ любить и т. п. Договоры эти съ конца XII вѣка были уже нерѣдко письменные, но ни одинъ изъ договоровъ XII вѣка не дошелъ до нашего времени; отъ XIII вѣка дошло за то много договоровъ князей съ Новгородомъ, а именно до 20-ти; думаютъ (проф. Сергѣевичъ и др.), однако, что, если изъ новгородскихъ договоровъ исключить тѣ пункты, которые содержали въ себѣ условія, касавшіяся спеціально ограниченія власти князей въ пользу Новгорода, то изъ остальныхъ условій можно вывести общее заключеніе о содержаніи договоровъ вообще въ русскихъ

1) Въ 1112 г., напр., скончался кіевскій князь Михаилъ-Святополкъ и вотъ уже, „на девятый день“, какъ гласитъ лѣтопись, „совѣтъ створиша кіяне, послаша къ Володимеру, глаголюще: „пойде княже, на столъ отецъ и дѣденъ. Се слышавъ, Володимеръ плакася вельми и не пойде . . . И послаша паки кіяне къ Володимеру, глаголюще: „пойде, княже, Кіеву; аще ли не пойдеше, то вѣси, яко много зла уздвигнеться“ . . . Въ 1151 г., напр., былъ въ Полоцкѣ кн. Рогвольдъ Борисовичъ: онъ былъ затѣмъ свергнутъ полочанами, но они же тотчасъ „послаша къ Святославу Ольговочу съ любовію, яко имѣти отцомъ его, ходити въ послушаніи его, и на томъ цѣловаша крестъ“. Въ 1176 г. ростовцы, по смерти кн. Михалка, призываютъ къ себѣ Мстислава Ростиславича говоря: „поиде княже, къ намъ, Михалка Богъ поялъ . . . а мы хощемъ тебя, а иного не хощемъ“. Подъ 1146 годамъ лѣтописецъ отмѣчаетъ, что „неугоденъ былъ кіянамъ Игорь и послаша къ Переяславлю къ Изяславу, рекучи: „пойде княже, къ намъ, хощемъ тебѣ; ты нашъ князь, поѣди. Ольговичъ (т.-е. у Ольговичей) не хощемъ быть, аки въ задничи; гдѣ узримъ стягъ свой, ту и мы съ тобою готови есмь“ т.-е. кіевляне не хотятъ переходить отъ брата къ брату, какъ бы по наслѣдству.

княжествахъ XII—XIII вѣка. По новгородскимъ договорнымъ грамотамъ, князь не долженъ былъ править и судить безъ посадника („а безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати, а безъ посадника, ти княже не судити"), посадникъ же въ XII вѣка былъ выборнымъ лицомъ въ Новгородѣ и выбирало его вѣче; въ отсутствіи князя посадникъ з а м ѣ н я л ъ его и предѣлы его власти почти совпадали съ предѣлали княжеской власти. Князь, далѣе, не могъ смѣщать б е з ъ с у д а правительственныхъ лицъ („а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати"); эти правительственныя лица должны были, далѣе, назначаться изъ мужей новгородскихъ („волостей всѣхъ новгородскихъ . . . не держати своими (княжими) мужами, но держати мужи новгородскими"); князь, его княгиня и служилые люди не пріобрѣтаютъ недвижимостей въ новгородскихъ волостяхъ. Кромѣ этихъ о с о б ы х ъ ограниченій власти, умѣстныхъ de jure въ Новгородѣ и Псковѣ (хотя de facto встрѣчавшихся частію и въ другихъ княжествахъ), существовали ограниченія, которыя были, вѣроятно, о б щ и м и и для другихъ княжествъ: таковы, напр., статьи, опредѣляющія размѣры доходовъ князей и ихъ мужей, судъ по старинѣ и др.

На древне-германскихъ вѣчевыхъ собраніяхъ (consilia) очень важную роль играли выборы: тамъ выбирались не только reges (князья) и duces (предводители войска, наши — тысяцкіе), какъ и у насъ, но и судьи (princepes), что́ стояло въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что древне-германскія вѣча долго были судебными учрежденіями, передавшими затѣмъ свои функціи особымъ выборнымъ, у насъ-же судъ, наоборотъ, вездѣ (кромѣ частію Новгорода и Пскова)[1]) рано сдѣлался л и ч н о й функціей князей, а вѣче являлось мѣстомъ чрезвычайнаго судилища, нерѣдко кроваваго („влечахуть (его), акы злодѣя къ народу и казниша его ранами близъ смерти и, с в е д ш и й с ъ в ѣ ц а, сринуша й съ мосту,") говорится, напр., объ одномъ такомъ случаѣ.

Какъ уже указывалось, вѣче принимало участіе въ законодательствѣ, но это участіе — явленіе поздняго, сравнительно, времени, во 1-хъ потому, что господство въ древности обычнаго права исключало развитіе законодательства, а во 2-хъ потому, что законодательство долго не выдѣлялось отъ административнаго управленія и суда, рѣшенія коихъ являлись прецедентами. До насъ дошли двѣ знаменитыя судныя грамоты, а именно Псковская и Новгородская, являющіяся весьма важными памятниками

Въ Псковѣ князь сидитъ не одинъ, а съ посадникомъ, при чемъ судъ долженъ былъ производиться, по Псковской судной грамотѣ, не на вѣчѣ („а князь и посадникъ на вѣчи суду не судить; судити имъ оу князя на сѣняхъ"), въ Новгородѣ, по Нов. судной грамотѣ, посадникъ „судитъ судъ" съ княжескимъ намѣстникомъ.

права XIV и XV вѣковъ и обѣ грамоты, несомнѣнно были дѣломъ вѣча, были вѣчевыми постановленіями. Въ текстѣ I-ой сказано, что она составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ“, въ текстѣ второй, что „се покончаша посадники Ноугородцкіе, и тысяцкіе Ноугородцкіе и бояря, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь Государь Велики Новгородъ на вѣчѣ на Ярославѣ Дворѣ“. Кромѣ того, въ I-й грамотѣ, какъ указывалось уже выше прямо говорится о законодательной функціи вѣча. Затѣмъ, къ законодательной дѣятельности вѣча надо отнести договоры Новгорода съ князьями (древнѣйшій — отъ 1195 г.), съ нѣмцами и др. Вѣче вообще играло важную роль во внѣшнихъ сношеніяхъ русскихъ княжествъ съ иноземными государствами. Такъ, оно принимало участіе въ заключеніи договоровъ: договоръ Игоря, напр., съ греками въ 945 г. былъ заключенъ отъ имени „вел. князя русскаго, и отъ всякая княжья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“; оно рѣшало нерѣдко вопросъ о войнѣ или мирѣ, то отказывая князьямъ въ помощи, то давая эту помощь людьми или деньгами; оно иногда объявляло войну и заключало миръ. Вѣче бывало иногда также участникомъ правительственной и судебной дѣятельности князей; оно требовало смѣны или назначенія посадниковъ и тіуновъ; оно судило князей и другихъ правительственныхъ лицъ. Впрочемъ, все это было лишь въ старину и въ исключительныхъ случаяхъ, вообще же судебная власть (по извѣстнымъ намъ двумъ суднымъ грамотамъ) была отдѣлена отъ законодательной и вѣче вообще не вмѣшивалось въ дѣло суда. Въ цѣломъ, участіе вѣча въ дѣлахъ правленія какъ Кіевской, такъ и Руси было значительно, но не отличалось, однако, достаточной опредѣленностью и постоянствомъ, оно не было при томъ точно организованнымъ, чтобъ быть необходимымъ и неизбѣжнымъ во всѣхъ аналогичныхъ случаяхъ; наоборотъ, нерѣдко можно было найти его участіе тамъ, гдѣ трудно было этого ожидать, и, въ свою очередь, не видѣть слѣдовъ его тамъ, гдѣ оно должно было бы быть.

Причины паденія вѣчевого строя.

Кромѣ Новгорода и Пскова, гдѣ отношеніе вѣча къ княжеской власти и къ другимъ сторонамъ государственной жизни приняло характеръ юридической опредѣленности и вылилось въ рядъ договоровъ, въ другихъ княжествахъ вѣче не доразвилось до болѣе или менѣе постояннаго состава, не выработало ясно-опредѣленной и всѣми непреложно-признаваемой компетенціи, а равно не было твердой и устойчивой силою, съ которой князья должны были бы всегда считаться, а являлось лишь утвержденіемъ, которое дѣйствовало настойчиво и энергично (хотя и не всегда мирно) главнымъ образомъ

въ исключительныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ съ половины XIII вѣка стали надвигаться событія, которыя должны были остановить развитіе вѣчевой жизни вездѣ (кромѣ Новгорода и Пскова, которыхъ они не коснулись) и тѣмъ подготовить паденіе вѣча, какъ необходимаго элемента верховной власти и какъ собранія, принимавшаго участіе въ дѣлахъ государственнаго управленія, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ такимъ событіямъ прежде всего надо отнести нашествіе татаръ и послѣдовавшее затѣмъ монгольское иго. Хотя юго-западная Русь, во главѣ съ Кіевомъ, начинаетъ экономически падать задолго до этого нашествія, послѣднее приводитъ ее окончательно къ разоренію. Нашествіе татарскихъ ордъ, сопровождающееся грабежами и захватомъ въ плѣнъ свободнаго населенія, не могло не подорвать матеріальнаго положенія народныхъ массъ въ южно-русскихъ земляхъ и косвенно повело къ паденію вѣча: бѣдствующему населенію часто не было вовсе возможности заниматься общественными дѣлами, требующими и досуга, и экономическаго достатка; ему нерѣдко въ пору было лишь заботиться о внѣшней своей безопасности и о кускѣ насущнаго хлѣба. Кромѣ того, „нашествіе татаръ (по справедливому замѣчанію автора указаннаго уже выше изслѣдованія „Вѣче и князь“, В. И. Сергѣевича) „впервые познакомило русскія княженія съ властью, съ которою нельзя входить въ соглашеніе, которой надо подчиняться безусловно. Почва для развитія вѣчевой дѣятельности была сразу уничтожена, ханы татарскіе не имѣютъ надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они достаточно сильны, чтобъ приказывать ему“. Затѣмъ татарское иго произвело измѣненіе и въ самомъ положеніи князей, а это отразилось на ихъ отношеніи къ вѣчамъ, какъ къ политической силѣ, съ которою они прежде считались. Теперь такою силою явились ханы и къ нимъ на поклоненіе должны были ѣздить русскіе князья, отъ хановъ должны были они ждать возвышенія или паденія, а не считаться какъ прежде съ народомъ, обложеннымъ теперь ордынскою данью и зависимымъ.

Таковы были внѣшнія обстоятельства, воспрепятствовавшія дальнѣйшему развитію вѣча на юго-западѣ и на востокѣ. Наоборотъ, на сѣверо-западѣ, незахваченномъ татарскимъ погромомъ, вѣче продолжало развиваться. Но, было-бы слишкомъ односторонне приписывать одному татарскому нашествію и послѣдовавшему за нимъ игу постепенное замираніе вѣчевого начала. Были и причины внутреннія, способствовавшія его паденію: вѣче есть непосредственное народное собраніе, на которое сходятся (или могутъ сходиться) всѣ взрослые граждане даннаго княжества-государства; поэтому оно могло разви-

ваться и хорошо функціонировать въ небольшихъ государствахъ-волостяхъ, въ которыхъ политическая жизнь сосредоточивалась въ главномъ городѣ волости и гдѣ пригороды были зависимы отъ города и ему подчинялись. Если, наряду съ главнымъ городомъ, и росли другіе города въ данномъ государствѣ волости, то они, либо пребывали, до времени, въ мирномъ подчиненіи къ главному городу, либо съ ростомъ своего могущества отдѣлялись отъ него и сами становились во главѣ другого государства-волости. Въ сущности, первоначаль новся политическая жизнь этихъ небольшихъ государствъ сосредоточивалась въ одномъ главномъ городѣ, вѣче котораго имѣло первенствующее значеніе, почему и само государство этого періода можетъ характеризоваться какъ „государство — городъ". Но чѣмъ больше росла территорія даннаго государства, чѣмъ больше въ немъ появлялось важныхъ торгово-промышленныхъ центровъ, тѣмъ, конечно, все меньше и меньше могло, съ одной стороны, сохраняться правильное, мирное соотношеніе городовъ и пригородовъ, и тѣмъ все труднѣе и труднѣе было, съ ростомъ территоріи, призывать гражданъ къ фактическому участію въ управленіи, такъ какъ центры данныхъ княжествъ все болѣе и болѣе удалялись отъ его окраинъ. Ростъ территоріи ослаблялъ вѣчевое народовластіе уже въ Кіевскій періодъ; еще больше ослабилъ онъ его въ удѣльный періодъ и особенно — въ Москвѣ: чѣмъ обширнѣе становилось Московское государство, тѣмъ меньше фактически было возможности созывать непосредственныя вѣчевыя собранія; вмѣсто непосредственнаго участія народа въ правленіи можно лишь было создать участіе его чрезъ представителей, что и явилось въ лицѣ Земскихъ Соборовъ.

Наконецъ, вѣчевое устройство, какъ уже указывалось, нигдѣ (кромѣ Новгорода и Пскова) не облеклось въ твердыя опредѣленныя формы, т. е. нигдѣ не получило вполнѣ устойчиваго устройства, какъ по отношенію ко времени и порядку своего созыва, такъ и компетенціи. И въ этомъ была причина его внутренней слабости, которой рано стали пользоваться сильные князья. Вѣчевое народовластіе не могло примирить, кромѣ того, тѣхъ классовыхъ и иныхъ несогласій, неурядицъ и раздоровъ, какое сказались уже рано въ нашей исторіи. Въ Кіевской Руси давно сложилось крупное землевладѣніе и рабовладѣніе, съ одной стороны, и необезпеченное экономически сельское населеніе, съ другой, что приводило, между прочимъ, къ отливу населенія на сѣверо-востокъ, а на мѣстѣ создавало рознь между общественными классами. Затѣмъ въ этой же Руси ясно обозначилась невозможность, — при раздробленіи государства на мелкія княжества, — отражать напа-

деніе такихъ сильныхъ и многочисленныхъ враговъ, какъ печенѣги, половцы, татары, благодаря чему пала знаменитая въ древности торговля и промыслы по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“ (паденіе это начало сказываться еще въ первой половинѣ XII вѣка, послѣ-же нашествія татаръ достигло своего апогея). Если къ этому мы прибавимъ слабость вообще верховной власти въ данное время, постоянные взаимные раздоры князей изъ-за своихъ династическихъ счетовъ и неустойчивость началъ, по которымъ распредѣлялись волости между князьями, то сложность причинъ, обусловившихъ вообще паденіе Кіевской Руси, а въ частности и ея вѣчевыхъ порядковъ, будетъ вполнѣ понятна; въ удѣльное время вѣче клонится явно къ упадку.

§ 3.

Князь.

Вторымъ элементомъ верховной власти изучаемаго періода былъ князь (*ἄρχων*; princeps).

Характеръ власти князей и отношенія ихъ къ народу.

Уже одно то обстоятельство, что, какъ племенные князья-старѣйшины, такъ и князья Рюрикова дома, особенно въ Кіевскій періодъ, должны были считаться съ вѣчемъ, дѣлало ихъ власть ограниченною; не могли повліять на ея укрѣпленіе и развитіе и другія обстоятельства изучаемаго времени, а именно, прежде всего, неустойчивость началъ, на основаніи коихъ распредѣлялись столы между князьями и, какъ слѣдствіе этого, постоянное перемѣщеніе князей изъ одного княженія въ другой. Князья должны были постоянно поддерживать, пребывая на томъ или иномъ столѣ, „одиначество“ (или согласіе) съ народомъ, отъ котораго находились часто въ зависимости, какъ по отношенію къ матеріальнымъ средствамъ, такъ и по отношенію къ нравственному авторитету своей власти: было „одиначество“, были и деньги, и люди для военныхъ походовъ, а данный князь правилъ землею съ большею, чѣмъ другіе, свободою; не было такого согласія и довѣрія, заключался „рядъ“ съ княземъ, ставились ему тѣ и другія условія пользованія властію, напр., назначеніе судей (тіуновъ) и другихъ должностныхъ лицъ (въ Новгородѣ) съ согласія народа, опредѣлялся, наконецъ, размѣръ княжескихъ доходовъ и т. п. Это „одиначество“ съ народомъ считалось вполнѣ необходимымъ и князья должны были

его добиваться.[1]) Говоря вообще, князья должны были, вступая на княженіе, сговариваться съ народомъ и эти сговоры, или ряды, были уже общимъ явленіемъ въ XII вѣкѣ; къ сожаленію, тексты этихъ „рядовъ“ не дошли до насъ ни отъ одного изъ княжествъ, кромѣ Новгорода. О договорахъ-же съ Новгородомъ мы уже говорили; въ нихъ ограниченіе княжеской власти достигло высшаго своего развитія, хотя эти ограниченія развились уже позднѣе, а именно къ началу XIII вѣка. Въ остальныхъ-же княжествахъ они, несомнѣнно, не имѣли такого значенія и объема, какъ въ Новгородѣ; но что они частію существовали и здѣсь, на это есть много указаній; а это, въ свою очередь, наглядно свидѣтельствуетъ о необходимости для князей считаться съ волею вѣча.

Власть князей являлась такимъ образомъ ограниченною необходимостью входить въ соглашеніе съ народомъ. На чемъ-же покоилось общее основаніе этой власти и какова была ея компетенція? Что касается перваго вопроса, то, кратко отвѣчая на него, надо сказать, что общее основаніе княжеской власти покоилось на необходимости имѣть постоянный и личный органъ для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ и для устроенія порядка внутри ея. Вѣче не было постоянно-дѣйствующимъ учрежденіемъ, а собиралось въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ надобности, и рѣшила лишь наиболѣе важныя и общія дѣла, да и рѣшало-то ихъ нерѣдко послѣ продолжительной и упорной борьбы партій; правильное функціонированіе вѣча, какъ органа верховной власти, нерѣдко встрѣчало затрудненія: то вѣча нельзя было почему-либо собрать, то оно расходилось, не постановивъ рѣшенія и т. д. Между тѣмъ нужна была въ государствѣ власть постоянная, личная, подвижная и всегда доступная населенію, нужно было лицо, которое бы судило, поддерживало миръ и тишину, оберегало бы страну отъ внѣшнихъ враговъ и т. п. Вѣче могло бы, конечно, само изъ себя выдѣлить такой органъ, выбирая изъ среды самой земщины тѣхъ или иныхъ лицъ для

1) Въ 1154 г. умеръ, напр., въ Кіевѣ кн. Вячеславъ; ему долженъ былъ наслѣдовать племянникъ его Ростиславъ, бывшій соправителемъ еще при его жизни, по выбору самихъ кіевлянъ. Ростиславъ былъ въ это время въ походѣ противъ суздальскаго князя Юрія; узнавъ о смерти дяди своего Вячеслава, онъ вернулся въ Кіевъ, похоронилъ его, а затѣмъ, желая продолжать походъ противъ союзниковъ Юрія, обратился къ мужамъ своимъ за совѣтомъ, а тѣ сказали ему: „се Богъ поялъ стрыя (дядю) твоего Вячеслава, а ты ся еси съ людьми Кіева не утвердилъ, а поѣди лепле (лучше) въ Кіевъ, тоже съ людми утвердися“. Въ 1176 г. „Михалко (сынъ Юрія Долгорукаго) ѣха... Ростову и створи людемъ весь порядъ, утвердився крестнымъ цѣлованіемъ съ ними“.

отправленія текущихъ дѣлъ суда и управленія, а затѣмъ и для защиты волостей отъ враговъ. Такіе органы и выбирались какъ въ племенныхъ княженіяхъ, такъ позднѣе въ Новгородѣ, гдѣ, напр., съ XII вѣка явились выборные вѣчемъ посадники, кругъ власти коихъ почти совпадалъ съ кругомъ власти князя, а также тысяцкіе. Но племенные князья оказывались безсильными водворить порядокъ, выборъ-же позднѣйшимъ вѣчемъ своихъ собственныхъ органовъ власти является возможнымъ только тамъ, гдѣ само вѣче, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, достигло болѣе опредѣленной и твердой организаціи, чего не было въ другихъ княжествахъ. Впрочемъ, и въ самомъ Новгородѣ наличность выборныхъ вѣчемъ и постоянныхъ представителей власти вѣча не сдѣлало излишней совершенно княжескую власть, а лишь повело къ ея ограниченію. Это значитъ, что въ народной средѣ жило сознаніе необходимости организаціи независимой, личной и постоянной власти, а такою властью могла быть лишь власть посторонняя и монархическая. Демократическій принципъ управленія государствомъ требовалъ себѣ дополненія въ принципѣ монархическомъ, какъ это можно отмѣтить и въ исторіи другихъ народовъ, на извѣстной ступени ихъ развитія.

Разсматривая подробно отношенія князя къ вѣчу, проф. Сергѣевичъ приходитъ къ тому общему выводу, что „война никогда не ведется противъ князя вообще, какъ формы государственнаго быта, она ведется противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ . . . Народъ сознаетъ свою неспособность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть“ (Лекціи и изсл. по древ. ист. права, стр. 143). Но именно потому, что князь былъ властью народною, т.-е. властью, — какъ понимаемъ это мы, — которая должна была найти себѣ признаніе со стороны народа, онъ и долженъ былъ считаться съ народными нуждами и интересами; наглядно это и выражалось въ томъ „рядѣ“, или договорѣ, который заключалъ князь съ вѣчемъ, какъ народнымъ собраніемъ.

Предметы вѣдомства княжеской власти внутри государства.

Обратимся къ опредѣленію предметовъ вѣдомства князя. Князь былъ, какъ уже сказано, постоянно дѣйствующимъ органомъ верховной власти, въ противоположность вѣчу, собиравшемуся лишь время отъ времени, при томъ лишь для обсужденія и рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, интересовавшихъ въ данный моментъ населе-

ніе. Общее опредѣленіе компетенціи князя — это завѣдываніе текущими дѣлами управленія и суда внутри государства, наблюденіе за безопасностью его границъ и отраженіе враговъ — внѣ его. Первоначально, при небольшихъ размѣрахъ княженій, князья должны были, да и могли, исполнять означенныя функціи власти сами лично. Если-же они и назначали, для исполненія отдѣльныхъ своихъ порученій, кого-либо изъ своихъ мужей, то они не должны были, однако, упускать ихъ дѣйствій изъ своего непосредственнаго и постояннаго наблюденія. Идеаломъ древняго князя можетъ считаться, какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ. Несмотря на то, что онъ княжилъ уже въ началѣ XII вѣка, — т.-е., во второй половинѣ изучаемаго періода, когда княженія территоріально весьма разрослись и когда прежнія простыя условія жизни князей и населенія стали измѣняться и осложняться, — въ его „Поученіи дѣтямъ“ указываются, однако, черты этой личной и непосредственной дѣятельности, представлявшейся, вѣроятно, въ первую половину періода, въ Кіевской Руси, совершенно обычной, а именно: самъ князь первоначально ходилъ на полюдье и собиралъ дани, самъ судилъ населеніе, самъ отражалъ нападеніе враговъ, или шелъ на нихъ походомъ и т. д.[1]). Первоначально, въ IX—X вѣкахъ князья все дѣлали непосредственно сами, имѣя лишь очень немного возлѣ себя личныхъ органовъ своей власти. Этихъ личныхъ органовъ имѣетъ около себя и князь XII вѣка и, конечно, имѣетъ ихъ въ большемъ, чѣмъ прежде, количествѣ и въ разныхъ видахъ, но, однако, Владиміръ Мономахъ (какъ видно изъ его „Поученія дѣтямъ“) совѣтуетъ князьямъ все дѣлать самимъ, „на посадники не зря, ни на биричи“. Усложненіе, съ теченіемъ времени, задачъ управленія и суда, ростъ территоріи необходимо требовалъ, какъ мы увидимъ далѣе, созданія, а затѣмъ и увеличенія числа подчиненныхъ органовъ власти, и они уже есть частью налицо (какъ

1) Въ поученіи Владиміра Мономаха говорится, между прочимъ, о томъ, что князья, „ходяще путемъ по своимъ землямъ“ (т.-е. ѣздя, какъ надо объяснить эти слова, для сбора дани), не должны „давать пакости дѣяти отрокомъ (т.-е. младшимъ дружинникамъ), ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти (ихъ, князей) начнутъ (люди)“. Описывая ежедневное времяпровожденіе князя, Владиміръ Мономахъ рекомендуетъ сыновьямъ „садиться думать съ дружиною, или людей оправливати“, т.-е. совѣщаться съ своею Княжескою Думою и самому творить судъ. Говоря о самомъ себѣ, Владиміръ Мономахъ сообщаетъ, что, „еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ, что было надобѣ . . . Тоже и худого смерда и убогая вдовицы не далъ есмь сильнымъ обидѣти“. . .

сказано) въ это время, но идеалъ настоящаго князя все еще требуетъ, однако, чтобъ онъ, либо лично исполнялъ функціи своей власти, либо-же, по крайней мѣрѣ, самъ непосредственно слѣдилъ за выполненіемъ ихъ въ томъ случаѣ, когда онъ сажалъ, вмѣсто себя, мужей своихъ, или поручалъ биричамъ объявлять свою волю и т. д.

Въ чемъ-же стояли функція князя? Примѣняясь къ современной терминологіи, надо бы было сказать, что его непосредственному исполненію принадлежали функціи высшей власти законодательной, административной и судебной, поскольку всѣ они были различимы въ это время и поскольку каждая изъ нихъ не входила въ компетенцію вѣча. Разсмотримъ кратко каждую изъ этихъ функцій. Мы уже ранѣе отмѣтили обстоятельства, при которыхъ, рядомъ съ обычнымъ правомъ, начинаетъ дѣйствовать законодательная власть князей. Неустойчивость нормъ обычнаго права, ихъ индивидуальность, необходимо требуетъ отъ верховной власти, какъ ихъ констатированія и формулировки въ судебныхъ приговорахъ и уставахъ, такъ нерѣдко и ихъ измѣненія, или запрещенія (напр., запрещеніе кровавой мести). Затѣмъ при торговыхъ и иныхъ сношеніяхъ съ иностранными народами также приходится дѣлать записи своихъ обычаевъ, но уже въ цѣляхъ согласованія своего обычнаго права съ иноземнымъ; таково частью происхожденіе первыхъ нашихъ договоровъ съ греками X вѣка и договоровъ западно-русскихъ княжествъ (Новгорода, Смоленска, Полоцкой и Галицкой земли) съ нѣмцами отъ XII и XIII вв. Наконецъ, принятіе христіанства приноситъ къ намъ византійское право, которое тоже начинаетъ медленно усвояться, измѣняясь согласно мѣстнымъ условіямъ. На этой почвѣ встрѣчи стараго и новаго обычнаго права, своихъ и чужихъ представленій о правѣ, и зарождается, между прочимъ, необходимость законодательной дѣятельности князей: князья даютъ, при разборѣ тяжбъ, свое утвержденіе, или свою санкцію, какъ обычаямъ мѣстнымъ, такъ и рецепированному чужому праву, облекаютъ его въ свои „уставы“, какъ называются у насъ первыя законодательныя опредѣленія князей. Такъ, еще Владиміръ Святой далъ такой уставъ, а именно „уставъ о церковныхъ судахъ“ и про него-же говоритъ лѣтопись, что онъ „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся (т. е. совѣтуясь) часто совѣщашеся, какъ въ человѣцахъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити“ и что онъ-же думалъ съ дружиною объ „уставѣ земленѣмъ“, т. е. земскомъ; такіе-же уставы церковные давались и другими князьями. Затѣмъ есть точныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ договоровъ и отдѣльныхъ по-

становленій князей по разнымъ вопросамъ; нѣкоторыя изъ этихъ постановленій, какъ это уже нами отмѣчалось, вошли и въ „Русскую Правду“. Вообще надо сказать, для пониманія сущности законодательной дѣятельности князей изучаемаго періода, слѣдующее: разъ было необходимо нормамъ обычнаго права, а равно и всякимъ другимъ (напр., рецепированнымъ изъ иноземныхъ источниковъ нормамъ) придать обязательную силу, т. е. требовать ихъ примѣненія на практикѣ принудительно, наказывая такъ или иначе, за ихъ неисполненіе, то для этого нужно было, чтобъ ихъ „уставили“ (какъ тогда говорили) князья, какъ представители общественной власти, т.-е. чтобъ они санкціонировали, или утвердили ихъ своимъ именемъ. Мы говоримъ: разъ было необходимо . . . и пр., а такая необходимость являлась, обыкновенно при спорахъ, внѣ суда и на судѣ, сторонъ о пониманіи тѣхъ или иныхъ положеній обычнаго права, при осложненіи интересовъ и ихъ столкновеніи, когда заинтересованныя стороны разно толкуютъ эти положенія. На это утвержденіе затѣмъ ссылались; такъ напр., въ Русской Правдѣ отмѣчается: „а се уставилъ в. кн. Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ“ (говорится относительно законовъ о процентахъ); или „яко уставилъ Изяславъ“ (говорится о пени за убійство „конюха стараго у стада“) и т. д. Прежде чѣмъ утвердить то или иное постановленіе, или, иначе говоря, прежде чѣмъ превратить его въ обязательную норму закона, князья нерѣдко совѣщались съ своею Думою, о чемъ скажемъ особо. Не исключено было при этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ уже извѣстно, прохожденіе первоначальныхъ проектовъ этихъ постановленій чрезъ обсужденіе, а затѣмъ и утвержденіе вѣча (особенно, конечно, въ Новгородѣ и Псковѣ), но, въ общемъ, уже въ изучаемый періодъ къ непосредственной дѣятельности князей надо отнести обсужденіе тѣхъ или иныхъ юридическихъ вопросовъ, а затѣмъ санкціонированіе тѣхъ или иныхъ нормъ, ввидѣ уставовъ и пр.

Обращаясь къ административной и судебной дѣятельности князей, надо прежде всего отмѣтить, что первоначально она не была особенно широка: князья „рубили города“ т. е. строили крѣпости, сажали, вмѣсто себя, по этимъ городамъ, для суда и управленія, мужей своихъ, или посадниковъ, чинили сами судъ, сами собирали дани и уроки. Древнѣйшіе уставы князей касались главнымъ образомъ опредѣленія даней, пошлинъ и повинностей въ пользу князей и ихъ мужей. Объ этомъ можно заключить какъ изъ лѣтописи и изъ Русской Правды, такъ и изъ другихъ памятниковъ. По лѣтописи, напр., еще княгиня Ольга, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Святославомъ, ѣздила по землѣ

Древлянской „устанавливающи уставы и уроки“; затѣмъ, поѣхавъ въ Новгородъ, она установила „по Мстѣ погосты и дани, по Лузѣ оброки и дани“. Первоначально дани собирались черезъ полюдье, т. е. черезъ хожденіе по людямъ, при чемъ при этомъ опредѣлялись нерѣдко и тѣ натуральныя повинности, которыя должно было нести населеніе (напр., повозъ, мостовщина и др.), а равно назначались пошлины, торговыя и судебныя, которыя должны были собираться, первыя — съ товаровъ, вторыя-же — съ рѣшенія дѣлъ въ судахъ. Опредѣленій этого рода дошло до насъ много: таковъ, напр., „урокъ Ярославль о поклонахъ вирныхъ“, т. е. о пошлинахъ въ пользу вирника, или лица, собиравшаго виры, пени за убійства, шедшія въ пользу князя (по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вирникъ — судья), „урокъ мостниковъ“, т. е. пошлина въ пользу лицъ, завѣдывавшихъ устройствомъ мостовъ и гатей и др., о которыхъ говорится въ Русской Правдѣ.

Что касается судебной функціи князя, то она разсматривается въ изучаемый періодъ, какъ необходимая и главная; она исполняется княземъ, либо лично, либо черезъ особыхъ имъ поставленныхъ мужей, посадниковъ и тіуновъ, дѣйствующихъ всегда отъ его имени и по его порученію: „княжій судъ“, „княжья правда“, т. е., правосудіе или судъ князя, „княжій дворъ“ — вотъ обычныя выраженія источниковъ, указывающія, между прочимъ, на то, что судъ исходилъ отъ князя, производился на его дворѣ. Интересно отмѣтить, что такъ было и во франкской монархіи. Наша-же лѣтопись многократно указываетъ на то, что судебная функція въ волости-государствѣ должна непосредственно выполняться княземъ и, чѣмъ чаще и энергичнѣе онъ ее исполнилъ самъ, тѣмъ больше было ему чести и тѣмъ лучше отъ этого было населенію.[1]) Но, однако, не только въ XII вѣка, но уже и въ IX—XI вѣкахъ самимъ князьямъ судить всегда лично населеніе было весьма трудно, даже въ городахъ, гдѣ они постоянно жили; въ волостяхъ-же своихъ они бывали лишь наѣздомъ и

1) Когда, напр., великій князь Кіевскій Всеволодъ Ярославовичь состарился и мало самъ занимался дѣлами, то тогда (говоритъ лѣтопись подъ 1093 г.) — „начаша тіуны грабити, людей продавати, сему (т. е. Всеволоду) не вѣдущу“; а до людей „не стала доходить княжая правда“, т. е. личное его правосудіе. Не даромъ и Владиміръ Мономахъ, какъ извѣстно, рекомендовалъ позднѣе дѣтямъ своимъ самимъ „людей оправливати“ т. е. творить судъ. Когда кн. Ростиславъ Мстиславовичъ кіевскій, какъ разсказываетъ лѣтопись подъ 1168 г., хотѣлъ уйти въ монастырь, игуменъ Печерскаго монастыря Поликарпъ совѣтовалъ ему лучше остаться въ мірy и исполнять свое прямое дѣло, а именно „правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити“. . .

только тогда могли править свой „проѣзжій судъ“, какъ его называетъ одинъ договоръ. Поэтому очень рано появляются особыя довѣренныя лица, тіуны и посадники, вѣдающіе судебную функцію князя по его порученію. Народное сознаніе, однако, дѣлаетъ всегда князя отвѣтственнымъ за этотъ судъ, предполагая, что онъ стоитъ постоянно подъ его личнымъ наблюденіемъ [1]).

Нечего говорить, что непосредственное исполненія княземъ судебной функціи не исключало возможности ея исполненія и вѣчемъ, впрочемъ, лишь въ болѣе древнія времена и при томъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, напр., по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и по другимъ важнымъ дѣламъ, напр., о разбояхъ, грабежахъ и пр.

Дѣятельность князей по внѣшней оборонѣ княжествъ.

Такова была власть князя въ изучаемый періодъ, въ ея основныхъ функціяхъ по управленію государствомъ. Что касается внѣшней дѣятельности по отношенію къ сосѣднимъ княжествамъ, русскимъ и иноплеменнымъ то, въ общемъ, она сводилась къ оборонѣ земли, отраженію нападенія враговъ, при случаѣ-же — къ расширенію границъ княженія, путемъ войнъ или мирныхъ соглашеній. Отношенія къ сосѣднимъ княжествамъ были въ это время чрезвычайно спорны и запутаны; мы ихъ разсмотримъ особо. Что-же касается собственно роли князей по отношенію къ оборонѣ страны отъ внѣшнихъ нападеній, то, въ виду того значенія, какое играла внѣшняя торговля въ исторіи Кіевской Руси IX и X вѣковъ, сама оборона эта касалась, съ одной стороны, защиты торговыхъ путей отъ враговъ и успѣшнаго доставленія въ Византію и Востокъ товаровъ, полученныхъ въ видѣ дани натурою, съ другой. Со второй половины XI вѣка, когда на смѣну печенѣгамъ, явились половцы, нашимъ князьямъ пришлось очень много и упорно бороться съ ними, какъ въ этомъ столѣтіи, такъ и въ слѣдующемъ; между прочимъ, князья, какъ извѣстно, обсуждали способы общей борьбы съ ними на такъ наз.

1) Весьма картинно этотъ взглядъ высказанъ въ бесѣдѣ кн. Константина Полоцкаго съ Тверскимъ епископомъ Симеономъ, въ бесѣдѣ, имѣвшей мѣсто въ концѣ XIII вѣка: „Князь вспроси владыки: гдѣ быть тіуномъ нашимъ на томъ свѣтѣ? И рѣче владыка: гдѣ и князь. Князь же о томъ не полюби владыку, глаголя: тіунъ неправо судитъ, мзду емлетъ, зло дѣетъ; язъ что дѣю? И рѣче ему владыко: аще будутъ князь добръ и жалуетъ люди и того ради избираетъ властеля мужа добра, страха Божія полна, разумна и праведена; князь будетъ въ раи, и тіунъ его съ нимъ. Аще-ли будетъ князь безъ страха Божія и христіанъ не имать жаловати, и онъ поставляетъ властелина зла, невѣдуща; только-бы ему кунъ (деньги) добывалъ . . . и князь будетъ во адѣ и тіунъ его съ нимъ“.

„княжескихъ съѣздахъ“. Лѣтописные разсказы объ этихъ съѣздахъ вскрываютъ передъ нами ярко тѣ опасности, которымъ подвергалось населеніе при половецкихъ набѣгахъ. Опустошая русскую землю, половцы въ корень подрывали внутреннее благосостояніе южныхъ княжествъ[1]). Князьямъ не всегда удавалась борьба съ половцами и южныя степи со второй половины XII вѣка начинаютъ пустѣть. Въ борьбѣ своей съ кочевниками, длившейся нѣсколько вѣковъ, князья опирались, какъ на свою дружину, такъ и на населеніе.

Порядокъ распредѣленія между князьями волостей.

Разсмотрѣвъ кругъ дѣятельности князей въ изучаемый періодъ, перейдемъ къ очерку вопроса о распредѣленіи между князьями ихъ волостей, или княжествъ-государствъ. Въ изучаемый періодъ пріобрѣтеніе членами Рюрикова дома княжеской власти совершалось не на основаніи одного какого-либо твердо-установленнаго и постоянно примѣнявшагося на практикѣ принципа, а на основаніи нѣсколькихъ началъ, изъ коихъ ни одно не брало, на продолжительное время, перевѣса надъ другими. Такими началами были: во-1-хъ, избраніе народомъ себѣ князя, во-2-хъ, принципъ наслѣдственности княжеской власти въ данной волости (такъ наз. „отчинное начало“), въ 3-хъ, начало завѣщательное, или полученіе стола согласно волѣ своего предшественника; въ 4-хъ, начало старшинства князей и княжескихъ столовъ и въ 5-хъ, начало полученія столовъ путемъ личныхъ усилій отдѣльныхъ членовъ княжескаго рода. Нѣкоторые ученые, — и между ними такіе, какъ С. М. Соловьевъ, — пытались выставить одно какое-либо начало распредѣленія волостей, какъ преобладающее. Такъ, по Соловьеву, „князья владѣли русскою землею сообща, не раздѣляясь. Старшій владѣлъ старшимъ княжествомъ, старшимъ столомъ, какъ тогда говорили; другіе князья владѣли другими волостями по старшинству; ни великій князь, ни младшіе сыновья не владѣли своими волостями вѣчно и не передавали ихъ своимъ дѣтямъ; но, когда умиралъ великій князь въ Кіевѣ, то его мѣсто засту-

1) На съѣздѣ князей въ 1103 г. Владиміръ Мономахъ, указывая на необходимость общей борьбы съ половцами, такъ изобразилъ характеръ ихъ нападеній: „начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударитъ и (его) стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его и дѣти его, и все его имѣніе“; а на съѣздѣ князей, созванномъ въ 1170 г. Мстиславомъ Ярославичемъ, великимъ княземъ Кіевскимъ, князья призывались итти на половцевъ, при чемъ Мстиславъ заявилъ, что половцы „уже у насъ и гречьскій путь (т. е. въ Византію) изотымаютъ, и соляной (т. е. въ Крымъ) и залозный (на Дунай)“.

палъ не старшій сынъ, а старшій братъ, родной, двоюродный, троюродный, или старшій племянникъ, вообще — старшій въ цѣломъ родѣ княжескомъ, причемъ и другіе князья передвигались такимъ-же образомъ по старшинству изъ одной волости въ другую, изъ худшей въ лучшую". Эта теорія такъ наз. „лѣствичнаго восхожденія" на престолъ, однако, и по сознанію самого Соловьева, не могла соблюдаться въ жизни строго и непреложно: по автору „эта передвижка князей (изъ худшей волости въ лучшую, смотря по старшинству въ родѣ) не могла происходить правильно, и отсюда новыя ссоры и войны" (Учеб. книга по рус. ист., стр. 9 и сл.). И, дѣйствительно, на практикѣ мы видимъ много отступленій отъ этого права восхожденія на престолъ по степенямъ родового старшинства, которому соотвѣтствовало старшинство, или лѣстница, самихъ столовъ. Оно не могло осуществляться строго уже потому, что не было основано на твердомъ законѣ о престолонаслѣдіи, да такой законъ и не былъ бы подъ силу времени. Теорія лѣствичнаго восхожденія на престолъ, въ ея исключительномъ смыслѣ, нашла себѣ энергическаго противника въ проф. В. И. Сергѣевичѣ, который противупоставилъ ей теорію добыванія столовъ, развивъ ее въ своей извѣстной диссертаціи „Вѣче и князь" (М. 1867 г.). По этой теоріи „княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались... Добываніе есть дѣйствіе личной энергіи, направленной къ пріобрѣтенію столовъ"... (стр. 273.). Эта теорія, подмѣчавшая, какъ и первая, одинъ изъ важныхъ факторовъ, имѣвшихъ мѣсто при полученіи того или иного стола князьями, грѣшила, однако, значительною односторонностью, пытаясь столь сложное явленіе свести къ одной главной, или основной, причинѣ. Въ послѣднее время, впрочемъ, самъ ея авторъ, проф. Сергѣевичъ (въ новѣйшемъ изданіи своего труда „Вѣче и князь") по вопросу о распредѣленіи столовъ приходитъ уже къ тому выводу, „что на распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выразившіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявлявшіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ; начало старшинства князей", т.-е., иначе говоря, признаетъ, что распредѣленіе волостей между князьями совершалось не на основаніе одного какого-либо принципа, а было результатомъ дѣйствія многихъ началъ, сталкивавшихся другъ съ другомъ.

Этотъ выводъ можно признать въ настоящее время болѣе или менѣе принятымъ въ историко-юридической литературѣ нашей; спорнымъ можетъ лишь быть вопросъ о томъ, который изъ этихъ принциповъ имѣлъ de facto, въ исторіи изучаемаго

времени, большее, и который меньшее, примѣненіе? Прежде чѣмъ отвѣтить хотя-бы бѣгло, на это, посмотримъ, какъ распредѣлялись волости въ данный періодъ нашей исторіи на практикѣ, при чемъ для большей ясности, раздѣлимъ этотъ періодъ на 2 части: 1) время правленія первыхъ князей, до кончины Ярослава, 2) время отъ кончины Ярослава, и раздѣленія русской земли между его сыновьями въ 1054 г., до конца удѣльнаго, или феодальнаго, періода. Обращаясь къ событіямъ, имѣвшимъ мѣсто до кончины Ярослава I, мы видимъ, что по смерти Рюрика, княженіе Кіевское было въ 879 г. передано Олегу, его — какъ предполагаютъ — племяннику; по словамъ лѣтописи „умершю Рюрикови, предастъ княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руки, Игоря, бысть бо дѣтескъ (т.-е. молодъ) вельми". Преемство престола въ домѣ Рюрика начинается такимъ образомъ по принципу старшинства, а именно наслѣдуетъ старшій въ родѣ, племянникъ, а не сынъ, хотя это происходитъ не потому, чтобъ начало старшинства признавалось необходимымъ примѣнять непремѣнно на практикѣ, но потому, что этотъ сынъ былъ слишкомъ малъ, чтобъ занять столъ отца своего. По смерти въ 912 г., Игоря, за малолѣтствомъ сына Святославъ, сначала княжила жена Игоря — Ольга, затѣмъ сынъ ея Святославъ, до смерти матери 957 г. одинъ правившій Русью, но это, однако, не принципъ, который хотѣли непремѣнно соблюдать, а лишь случайность (вызванная отсутствіемъ тогда взрослыхъ сыновей у Святослава). Но, какъ только Ольга умираетъ, Святославъ, уѣзжая въ Болгарію, раздѣляетъ русскую землю между своими 3-мя сыновьями. Послѣдніе, вскорѣ послѣ смерти отца (въ 972 г.), начали между собою, усобицы, кончившіяся овладѣніемъ въ 980 г. Владиміромъ Св. Кіевомъ и возстановленіемъ ненадолго единодержавія (съ 980 по 988 г.), при чемъ затѣмъ Владиміръ раздаетъ своимъ сыновьямъ волости во владѣніе. Старшій изъ нихъ Святополкъ (1015—1019 г.), занявъ, по его смерти, Кіевскій столъ, началъ борьбу съ братьями своими (Борисомъ, Глѣбомъ и Святославомъ), но былъ, какъ извѣстно, изгнанъ Ярославомъ I, сдѣлавшимся великимъ княземъ Кіевскимъ (1028—1054 г.).

Единодержавіе нѣсколько разъ такимъ образомъ ненадолго утверждалось въ Кіевской Руси, при чемъ сами же князья, получавшіе въ свои руки владѣніе Кіевомъ, дѣлили свою землю между сыновьями, считая ее достояніемъ всего рода княжескаго, взгляда же на землю, какъ на неприкосновенную государственную территорію не было еще тогда выработано; наступало на практикѣ какъ бы дѣйствіе завѣщательнаго права, но въ дѣйствительности, завѣщанія

князей-отцевъ не выполнялись, и братья, вмѣсто того, чтобы жить въ любви и согласіи, — о чемъ убѣдительно просили ихъ отцы, распредѣляя волости, — вступали между собою въ борьбу и старались добыть себѣ лучшій столъ. Такимъ образомъ при первыхъ князьяхъ, до смерти Ярослава I въ 1054 г., не выработалось единообразнаго принципа въ преемствѣ княжескихъ столовъ: послѣдніе, то переходили по старшинству, то по праву первородства къ старшему сыну, то наслѣдовались по завѣщанію, то добывались силою. Послѣ смерти Ярослава порядокъ распредѣленія волости еще болѣе осложняется и запутывается. Прежде всего княжеская власть отнынѣ до конца изучаемаго періода не сосредоточивается уже въ одномъ лицѣ, единодержавіе не возстановляется даже случайно и недолго, какъ было въ предшествующее время; во-2-хъ, число членовъ Рюрикова дома все возрастаетъ; дѣленіе русскихъ княжествъ между ними все болѣе и болѣе увеличивается, при чемъ начала, по которымъ волости между ними распредѣляются, еще болѣе запутываются, такъ какъ каждый почти князь, всходя на тотъ или другой столъ, пользуется, для оправданія своего права на престолъ, тѣмъ принципомъ, какой ему кажется болѣе удобнымъ для примѣненія на практикѣ; въ 3-хъ, появляется новое начало въ распредѣленіи столовъ — призывъ князя вѣчемъ или народомъ на то или другое княженіе. Мы уже имѣли случай говорить о призывѣ князей вѣчемъ; обратимся теперь къ краткому обзору прочихъ способовъ распредѣленія волостей между князьями.

Какъ уже указывалось, кромѣ избранія князей вѣчемъ, дѣйствовало начало наслѣдственное или отчинное, какъ основаніе къ владѣнію данною волостью-княжествомъ тѣмъ или другимъ лицомъ Рюрикова дома[1]). Начало это проявлялось,

1) Въ недавнее время, это „отчинное право князей“ на волости А. Е. Пресняковымъ поставлено въ связь съ „древне-славянскимъ семейнымъ правомъ“ вообще („Княжое право“, стр. 1 и сл.), при чемъ авторъ въ конечномъ выводѣ представляетъ порядокъ княжескаго владѣнія волостями такимъ образомъ: „на всѣхъ волостяхъ русскихъ княжили князья Рюрикова рода. Княженіе эти они понимали, какъ владѣніе по праву. Право на княженіе въ данной волости пріобрѣталось, прежде всего, наслѣдованіемъ по отцу. Отчинное право самое полное и безспорное, въ сознаніи князя, его право на волость. Князья добиваются столовъ отнихъ и дѣднихъ. Избирая князья, вѣче зоветъ его на столъ отенъ и дѣденъ. Случаи нарушенія этого общаго права такъ и понимаются, какъ нарушенія... Въ основѣ княжескаго владѣнія волостями лежитъ понятіе семейнаго владѣнія. Князь-отецъ надѣляетъ сыновей волостями, даетъ имъ города — при жизни ли своей, или въ предсмертномъ рядѣ; это — семейный раздѣлъ такой-же, какъ раздѣлъ дома, по отцовскому ряду,

въ теченіи всего изучаемаго періода, включая сюда и первые вѣка Московской Руси, не получая, однако, долго преобладанія надъ другими. Наслѣдованіе стола по отчинѣ есть наслѣдованіе отъ отца къ сыну; такое наслѣдованіе и имѣло неразъ мѣсто въ исторіи нашей, но оно сталкивалось на практикѣ прежде всего съ двумя препятствіями, невсегда легко преодолимыми, а, наоборотъ, заставлявшими князей нерѣдко отказываться отъ своего права на отчій столъ, а именно, оно сталкивалось съ необходимостью добиться признанія народа, а затѣмъ и другихъ князей на занятіе даннаго стола. Особенно при этомъ была сильна борьба дядей съ племянниками, такъ какъ здѣсь вступали въ борьбу два начала: начало первородства и начало старшинства. Сыновья считали себя въ правѣ всходить на отчій престолъ и устранять тѣмъ своихъ дядей, младшихъ братьевъ ихъ отцевъ, основываясь на томъ, что они — дѣти отцевъ, имѣвшихъ право на престолъ. Наоборотъ, дяди вступали съ ними въ борьбу потому, что также считали, что они, какъ старшіе братья умершаго князя, должны получить его княженіе, устранивъ его дѣтей, а своихъ племянниковъ. Примѣровъ борьбы дядей съ племянниками извѣстно много; на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы остановимся при изученіи порядка престолонаслѣдія въ Московскомъ періодѣ. Другимъ началомъ, вліявшимъ на полученіе столовъ, было начало завѣщательное: отецъ, умирая, оставлялъ завѣщаніе, въ которомъ такъ или иначе распредѣлялъ свои владѣнія между дѣтьми: иногда же онъ уже при жизни своей самъ раздавалъ имъ волости въ княженіе, завѣщая послѣ его смерти жить мирно въ своихъ удѣлахъ. Однако, какъ это отмѣчалось выше, князья рѣдко оставались въ этихъ удѣлахъ и, наоборотъ, вскорѣ послѣ кончины своихъ отцовъ, вступали въ борьбу другъ съ другомъ и стремились добыть себѣ лучшіе столы или княжества. Кромѣ того завѣщательныя распредѣленія князей также нуждались въ признаніи какъ народа, въ лицѣ вѣча, такъ и другихъ князей. Не подлежитъ притомъ сомнѣнію, что на распредѣленіе князей по волостямъ, или княжествамъ, вліяло, какъ отмѣчено было уже Соловьевымъ, кромѣ старшинства самихъ князей (т.-е. ихъ положенія среди наличныхъ членовъ Рюрикова дома), еще и старшинство самихъ городовъ, главныхъ пунктовъ тѣхъ или другихъ княжествъ, такъ какъ тогда была не только лѣствица князей, но и лѣствица княжествъ-городовъ. Нѣкоторые историки, слѣдуя теоріи Соловьева, придаютъ порядку княжескаго владѣнія, на основаніи этихъ двухъ

согласно „Русской Правдѣ“ (стр. 154). Авторъ, развивая указанный свой взглядъ на порядокъ княжескаго владѣнія землями, приводитъ цѣлый рядъ соображеній противъ теоріи „лѣствичнаго восхожденія“ князей съ одного стола на другой (стр. 20 и сл.).

лѣствицъ, преобладающее значеніе. Но соотвѣтствіе названныхъ 2-хъ лѣствицъ было, однако, лишь въ идеалѣ и никогда не осуществлялись полностью въ дѣйствительности, такъ какъ сталкивалось de facto съ другими началами, и сами князья, добывая себѣ столы, ссылались на разныя основанія для своихъ притязаній, смотря по тому, какимъ изъ этихъ основаній казалось имъ удобнѣе пользоваться. А это обстоятельство само по себѣ уже ясно показываетъ, что указанныя 2 лѣствицы на практикѣ проходились не въ одинаковой постепенности. Кромѣ того многіе князья не проходили чрезъ всѣ ихъ ступени, а обходили ихъ, всходя прямо на старшіе столы лучшихъ волостей.

Взаимныя отношенія князей. Вопросъ о федерализмѣ въ древней Руси.

Коснемся теперь кратко вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ князей между собою. Въ изучаемый періодъ Русь была раздѣлена на цѣлый рядъ княжествъ; только на нѣкоторое время, и при томъ лишь въ первой половинѣ періода (до смерти Ярослава I въ 1054 г.), эти отдѣльныя княжества-государства объединялись въ единое великое княжество Кіевское; затѣмъ наступаетъ эпоха усобицъ проходящая въ постоянной борьбѣ однихъ князей съ другими. По вычисленію Погодина, въ Кіевской Руси изъ 170 лѣтъ (отъ 1055 по 1228 гг.) 80 лѣтъ прошло въ усобицахъ, 90 лѣтъ прожито было мирно. Такъ какъ годы мира перемежались съ годами брани, то многимъ небольшимъ княжествамъ, боровшимся между собою за преобладаніе, приходилось нести на себѣ всѣ печальныя послѣдствія усобицъ, подготовившихъ, вмѣстѣ съ другими причинами, паденіе Кіевской Руси. Между тѣмъ есть данныя предполагать, что въ славяно-русскомъ населеніи этихъ княжествъ жило уже въ изучаемое время сознаніе своего единства: это сознаніе поддерживалось не только единствомъ христіанской вѣры, но и общностью основныхъ обычаевъ и нравовъ, общностью, все болѣе и болѣе сказывавшеюся при приближеніи ко второй половинѣ изучаемаго періода. Какъ уже отмѣчалось нами, развитію этой культурной общности обычаевъ и нравовъ много помогали сами князья своими счетами изъ-за столовъ, такъ какъ князья съ ихъ дружинами, а иногда и съ земскими ополченіями, переходя изъ одной волости-княжества въ другую, способствовали ознакомленію населенія однихъ княжествъ съ другими; въ мирное-же время равнинность страны, отсутствіе горныхъ хребтовъ и трудно переходимыхъ водораздѣловъ помогали свободному движенію населенія изъ княжества въ княжество и колонизаціи страны.

Кратко говоря, въ населеніи были всѣ элементы для національнаго единенія — общность происхожденія, языка,

вѣры, нравовъ и пр., но для внѣшняго выраженія этого единенія не было налицо, однако, весьма крупнаго фактора — единой политической силы, иначе говоря, единой верховной власти. Образованіе единодержавія, какъ внѣшняго выраженія политическаго единства населенія, не было, впрочемъ, единственнымъ возможнымъ исходомъ для созданія мирнаго сожительства княжествъ, такъ какъ такое мирное сожительство могло-бы быть достигнуто и образованіемъ конфедераціи княжествъ. Эта мысль, несомнѣнно, носилась передъ умственными очами многихъ лучшихъ князей изучаемаго времени, вызывала ихъ постоянно на т. н. „междукняжескіе договоры“ въ которыхъ они пытались размежеваться другъ съ другомъ, она-же заставляла ихъ, наконецъ, собираться вмѣстѣ на особые съѣзды, чтобъ сговориться объ общей дѣятельности. Политическое объединеніе населенія вообще могло итти двумя путями: во-1-хъ, путемъ созданія единой и сильной власти (что и наступило въ Московскій періодъ), или во-2-хъ, путемъ созданія конфедеративнаго строя, или союза княжествъ. Историческому фатуму угодно было, чтобъ славяно-русское населеніе восточной равнины Европы, въ лицѣ князей и ихъ совѣтниковъ, сдѣлало-бы сначала слабую попытку итти вторымъ, труднѣйшимъ путемъ, чтобъ уже затѣмъ, испытавъ невозможность его установленія, перейти къ первому — единодержавію.

Прежде, чѣмъ, однако, мы коснемся попытки созданія, въ это время, союза княжествъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что надо понимать подъ словами конфедерація и федерація? Въ современной теоріи государственнаго права подъ федераціею разумѣется соединеніе нѣсколько государствъ вмѣстѣ, въ цѣляхъ осуществленія союзною, или общею, властью общихъ задачъ государственной жизни. Федерація бываетъ двухъ видовъ, а именно, это — либо союзъ государствъ, конфедерація (Staatenbund, confédération), либо союзное государство, или федерація (Bundesstaat, fédération). Въ союзѣ государствъ, или конфедераціи, сохраняется полная независимость, или верховенство, соединяющихся государствъ, откуда въ свою очередь вытекаетъ слабость союза. Внѣшнее здѣсь выраженіе союзничества — съѣзды управомоченныхъ каждаго государства; эти съѣзды не являются собственно особою властью надъ союзомъ, а лишь представляютъ мнѣнія ихъ правительствъ; союзное-же государство, или собственно-федерація, имѣетъ всегда особую союзную организацію, общую власть, независимую отъ власти отдѣльныхъ государствъ; поэтому въ союзномъ государствѣ, или федераціи, наряду съ верховною властью и учрежденіями, существующими

въ каждомъ государствѣ, есть общесоюзная или общеимперская, власть, а равно и общеимперскія учрежденія (примѣромъ можетъ служить Германская Имперія съ 1871 г., С.-Американскіе штаты съ 1787 г.).

Спрашивается, къ какому изъ этихъ двухъ типовъ соединенія государствъ (mutatis mutandis) болѣе приближаются союзы князей Кіевской Руси? Чтобъ отвѣтить на это, разсмотримъ кратко взаимныя отношенія нашихъ князей. Какъ уже говорилось, въ славяно-русскомъ населеніи изучаемаго времени жило, — несмотря на раздѣленіе русской земли на рядъ отдѣльныхъ княжествъ, — сознаніе своего единства, или единства русской земли. Не только князья, лѣтописцы, но и само вѣче говорятъ постоянно объ этомъ единствѣ: когда, напр., въ 1097 г. на князя кіевскаго Святополка наступали другіе князья, кіевляне говорили имъ: „молимъ васъ не погубите русской земли, которую стяжали отцы и дѣды ваши, поборая по русской землѣ"; когда Всеволодъ Черниговскій въ 1130 г., ввиду нашествія на него кіевскаго князя Ярополка, хотѣлъ призвать половцевъ, черниговцы сказали ему: „ты надѣешься бѣжать къ половцамъ, а волость свою погубишь; проси мира; мы знаемъ милосердіе Ярополка, ибо онъ бережетъ землю русскую" и т. п. Представленіе о единствѣ русской земли внѣшне поддерживалось и единствомъ княжескаго рода, отдѣльные члены котораго сидѣли въ тѣхъ или другихъ княжествахъ. Наконецъ, наличность внѣшнихъ сильныхъ враговъ (какъ печенѣги, половцы, татары), съ которыми не подъ силу было бороться отдѣльнымъ князьямъ, неумолимо требовала единенія князей между собою, союза ихъ, несмотря на всѣ ихъ нескончаемые счеты и усобицы между собою. Лучшіе князья и пытаются создать почву для такого единенія, заключая договоры между собою и собираясь на общія съѣзды. Что касается договоровъ князей между собою, то уже отъ первой половины XII вѣка идутъ извѣстія о „крестныхъ грамотахъ", которыя заключали между собою князья. Эти договоры имѣли цѣлью обезпечить князьямъ неприкосновенность ихъ территоріальныхъ владѣній, признать незыблемость ихъ права на обладаніе своими отчинами (или волостями, перешедшими къ нимъ отъ ихъ отцевъ), установить прочно отношенія старшихъ, великихъ князей, къ младшимъ, оберегать вмѣстѣ владѣнія другъ друга отъ нападеній („быти за одинъ", какъ говорятъ договоры), „ни съ кѣмъ не канчивати" (т. е. не заключать союзовъ безъ взаимнаго согласія). Неисполненіе договоровъ нерѣдко вело къ враждебнымъ дѣйствіямъ одной стороны противъ другой, но такъ какъ война между союзниками была вообще нежелательна, то были попытки прибѣгать, для мирнаго разрѣшенія взаимныхъ неудовольствій, къ особому союз-

ному суду. Чтобъ столковаться о взаимныхъ отношеніяхъ, князья съѣзжались иногда на особые съѣзды, „снемы“, или „думы“ (извѣстные съѣзды въ 1097 г. въ Любечѣ, въ 1100 г. въ Увѣтичахъ, или въ Вятичевѣ, въ 1301 г. въ Дмитровѣ и др.). Всѣ эти договоры князей между собою, съѣзды ихъ, судъ надъ нарушителями условій и тому подобныя дѣйствія князей, казалось бы, должны были въ концѣ концовъ привести къ федераціи, т. е. къ созданію такого между ними союза, который, — обезпечивая извѣстную долю самостоятельности каждаго княжества, — создавалъ бы общеимперскую, или общесоюзную, власть и общія учрежденія. Власть эта должна была быть достаточно сильною, чтобъ противостоять усобицамъ и разрѣшать мирнымъ путемъ взаимныя перекаванія князей. Однако, въ дѣйствительности, этого не произошло, такъ какъ не было создано такихъ постоянныхъ и общихъ учрежденій, которыя бы заботились о приведеніи въ исполненіе общихъ рѣшеній князей и имѣли-бы достаточно силы, чтобъ настоять всегда на исполненіи этихъ рѣшеній. Съѣзды князей не были постоянными, рѣшенія постановлялись не по большинству голосовъ, а по единогласію. Если оно было налицо, рѣшеніе могло считаться постановленнымъ; если единогласія не было, приходилось, либо вести борьбу съ несогласившеюся стороною, либо мириться съ невыполненіемъ ею постановленнаго рѣшенія. То же надо сказать и о союзномъ судѣ. Федерація — союзъ государствъ, требующихъ большаго развитія гражданскаго чувства въ союзникахъ, рѣшимости каждаго изъ нихъ, во-1-хъ, поступиться частью своей суверенной власти, а 2-хъ, поступившись ею, умѣть подчиняться рѣшенію общесоюзныхъ органовъ. Федерація удается поэтому при наличности высокихъ культурныхъ качествъ народовъ, входящихъ въ составъ союзнаго государства. Князья удѣльнаго періода, какъ самостоятельные государи, сознавали необходимость объединенія, но они не выразили этого сознанія въ достаточно-твёрдыхъ и опредѣленныхъ формахъ, а именно не создали общей верховной власти, которой-бы всѣ они повиновались и которая бы въ то же время уважала ихъ самостоятельность. Въ нашей исторической литературѣ выказывалось мнѣніе о федеративномъ строѣ древней Руси. Въ своей статьѣ „Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси“ Н. И. Костомаровъ, напр., приходитъ къ тому выводу, что „и природа, и обстоятельства историческія — все вело жизнь Русскаго народа къ самобытности земель, съ тѣмъ, чтобъ между всѣми землями образовалась и поддерживалась всякая связь. Такъ Русь стремилась къ федераціи и федерація была фор-

мою, въ которую она начинала облекаться. Татарское завоеваніе сдѣлало крутой поворотъ въ ея государственной жизни“. (Историч. монографіи, С.-П., 1872 г., т. I, стр. 49). Костомаровъ видѣлъ въ древней Руси федерацію въ единствѣ языка и происхожденія, единствѣ вѣры, единствѣ династіи и указывалъ въ то же время, что „части (русской земли) начали проявлять свою самобытную жизнь одна за другою“. Правильнѣе, однако, было бы сказать, что въ древней Руси были задатки для федеративного строя, были элементы, необходимые для образованія федераціи, но изъ нихъ не развилось самой федераціи, какъ формы государственнаго объединенія, хотя для этого было достаточно времени, и при томъ задолго до монгольскаго ига. Разматривая дѣятельность князей (поскольку они стремились къ общенію между собою), ихъ съѣзды, суды, договоры между собою, скорѣе, можно утверждать, что она подходитъ подъ типъ конфедераціи, чѣмъ федераціи: въ первой, обыкновенно, не бываетъ общесоюзныхъ учрежденій, коимъ уступаютъ члены союза часть своихъ державныхъ правъ, а лишь съѣздъ уполномоченныхъ (у насъ, вмѣсто такого съѣзда, были, впрочемъ, съѣзды самихъ князей); во второй — требуется крѣпкая независимая власть и общія учрежденія, но такой-то именно власти и не было создано: князья не поступились частью своей самостоятельности въ пользу постоянной общесоюзной (имперской) власти, которая бы объединяла ихъ, хотя мысль о необходимости этого была у нихъ, а въ народѣ жило сознаніе своего единства. Нельзя поэтому говорить, что „федерація была формою, въ которую начинала облекаться“ Русь. Со словомъ федерація наука права соединяетъ опредѣленное понятіе и, если это понятіе (какъ и всякое другое) переносится на явленіе, имѣвшее мѣсто въ древности, то необходимо прежде всего установить, имѣлось ли въ означенное время налицо все то, что составляетъ существенное содержаніе даннаго понятія, и лишь въ томъ случаѣ, когда отвѣтъ будетъ положительнымъ, можно обозначать явленіе древности словомъ, соотвѣтствующимъ данному понятію. Существеннаго содержанія понятія федераціи не было въ изучаемомъ явленіи древности, а потому его нельзя и обозначать этимъ словомъ.

Вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси.

Въ послѣдніе годы, главнымъ образомъ благодаря трудамъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, въ историко-юридической литературѣ нашей большое вниманіе возбудилъ вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси. Хотя этотъ вопросъ не былъ у насъ совершенно новымъ, такъ какъ многіе изслѣдователи (какъ, напр., Костомаровъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Соловьевъ, Ключевскій и др.) дѣлали

попытки сравненія древне-русскаго государственнаго строя съ западно-европейскимъ феодализмомъ, отмѣчая ихъ сходства и различія [1]), но, однако, только въ рядѣ работъ П.-Сильванскаго вопросъ о феодализмѣ на Руси получилъ многостороннее освѣщеніе, при чемъ эти работы, въ свою очередь, вызвали появленія у насъ книгъ, статей и рецензій, въ которыхъ то принимались, то оспаривались выводы названнаго ученаго [2]). Не касаясь исторіи развитія вопроса о русскомъ феодализмѣ въ отдѣльныхъ трудахъ П.-Сильванскаго [3]), остановимся лишь на его окончательныхъ выводахъ сдѣланныхъ въ его трудѣ — „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ — гдѣ эти выводы нашли себѣ болѣе подробное и обстоятельное изложеніе, и дадимъ имъ общую оцѣнку.

Какъ уже сказано, сочиненіе П.-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ касается въ первой своей части вопроса объ общинѣ и боярщинѣ. Авторъ считаетъ, — какъ намъ представляется, — вполнѣ справедливо общину и боярщину двумя основными учрежденіями государственнаго устройства среднихъ вѣковъ, параллельно развивавшимся, при чемъ отмѣчаетъ, что „крупный землевладѣлецъ не только владѣлъ землею“, но и имѣлъ право суда и управленія, въ той или иной мѣрѣ, надъ населеніемъ въ предѣлахъ своихъ владѣній. Боярщина была институтомъ не только землевладѣнія, но и управленія. И въ этомъ отношеніи она представляетъ собою „учрежденіе, соотвѣтствующее волостной (крестьянской) общинѣ“. Конечно, была большая разница въ томъ, кто владѣлъ какъ землею, такъ и указанными правами суда и управленія тамъ и здѣсь (въ боярщинѣ — бояринъ-землевладѣлецъ, въ общинѣ — міръ, общество лицъ, имѣвшихъ участки земли въ предѣлахъ волостной

1) Обзоръ взглядовъ ученыхъ на феодализмъ въ древней Руси дается Н. И. Карѣевымъ въ его книгѣ „Помѣстье — государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“ (С.-П., 1906 г., I приложеніе) и въ его-же брошюрѣ „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?“ — По поводу теоріи Павлова-Сильванскаго (С.-П., 1910 г.).

2) Списокъ книгъ, статей и рецензій, вызванныхъ трудами Н. П. Павлова-Сильванскаго, составленъ И. Н. Бороздинымъ и помѣщенъ въ посмертномъ трудѣ П.-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (С.-П., 1910 г.), стр. 505 и сл.; см. также рецензію С. А. Шумакова на это сочиненіе въ „Юридической библіографіи“ (Яросл., 1911 г.), стр. 51.

3) Начавъ въ 1897 г. съ небольшаго очерка „о закладничествѣ-патронатѣ“ авторъ въ слѣдующіе годы напечаталъ изслѣдованія объ „иммунитетѣ въ удѣльной Руси“, „о феодальныхъ отношеніяхъ въ удѣльной Руси“, „новое объясненіе закладничества“, „феодализмъ въ древней Руси“ и др. (1900—1907 гг.); наконецъ, по смерти его, послѣдовавшей въ 1908 г., было издано въ 1910 г. его обширное сочиненіе, трактующее объ „общинѣ и боярщинѣ“ и „феодальныхъ учрежденіяхъ“ (оно вышло подъ заглавіемъ „Феодализмъ въ удѣльной Руси“).

общины), но несомнѣнно, что оба учрежденія (боярщина и община) соотвѣтствовали одно другому „по началамъ своего устройства“. Эти учрежденія какъ на Западѣ, такъ и у насъ, рано вступили между собою въ борьбу, при чемъ побѣда осталась на сторонѣ крупнаго землевладѣнія (Grundherrschaft), боярщины, общинное устройство (Markgenossenschaft) нетолько стало постепенно разлагаться, но и сама община (германская м а р к а) превратилась въ боярщину. Авторъ чрезвычайно рельефно изображаетъ этотъ сложный процессъ, рисуя основныя черты боярщины-сеньеріи (соединеніе крупнаго землевладѣнія съ властію и мелкимъ хозяйствомъ), положеніе крестьянъ, участіе міра въ управленіи вотчинами („община въ боярщинѣ“ по выраженію автора) указываетъ на ростъ боярщины, а равно и на постепенное „окняженіе“ волости. Надо замѣтить, что новѣйшіе историки западно-европейскаго феодализма признаютъ однимъ изъ источниковъ его происхожденія — разложеніе первоначальнаго общиннаго быта, „превращенія м а р к и въ барское помѣстье“ [1]). Этотъ источникъ былъ, несомнѣнно, налицо и у насъ, хотя самый процессъ разложенія общины и особенно — окняженія волостей имѣлъ на Руси, по разнымъ причинамъ, много своеобразныхъ чертъ, на что и будетъ нами указываться при изученіи соотвѣтствующихъ вопросовъ. Павловъ-Сильванскій, на нашъ взглядъ, весьма удачно изобразилъ, если не тожество, то а н а л о г и ч н о с т ь происхожденія феодализма какъ у насъ, такъ и на Западѣ Европы изъ разложенія общины, отмѣтивъ тѣмъ одинъ изъ факторовъ его генезиса — э к о н о м и ч е с к і й. Но, этотъ факторъ не могъ быть въ столь сложномъ явленіи, какъ феодализмъ, единственнымъ; ему сопутствовалъ и другой, п о л и т и ч е с к і й, сказавшійся въ разложеніи, или раздробленіи, г о с у д а р с т в е н н о й власти между многими владѣльцами, въ извѣстномъ іерархическомъ порядкѣ. Какъ образно выразился П.-Сильванскій еще въ сочиненіи своемъ „Феодализмъ въ древней Руси“ — „верховная государственная власть разбилась въ феодальную эпоху, какъ упавшій стеклянный куполъ, на тысячи мелкихъ осколковъ, но эти осколки очень неравномѣрно распредѣлились между крупными и мелкими доменами-сеньеріями“. Рисуя картину „феодальныхъ учрежденій“, П.-Сильванскій останавливается прежде всего на „боярскомъ самосудѣ“, передавая этимъ выраженіемъ то понятіе, которое обозначается обычно словомъ „иммунитетъ“. Русскій „иммунитетъ“, говоритъ онъ, „это тѣ обширнѣйшія судебныя и податныя привиллегіи, которыя обезпечивались вотчинникамъ жало-

1) Объ этомъ вопросѣ см. у Н. И. Карѣева „Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма“ въ Россіи“, стр. 120 и сл.

ванными грамотами, льготными и несудимыми, XIII—XVI столѣтій. Эти привиллегіи несомнѣнно составляютъ учрежденіе, по существу тожественное съ западно-европейскимъ иммунитетомъ". Воспрещеніе княжескимъ властямъ доступа въ частныя имѣнія, судебныя и податныя привиллегіи, дававшіяся у насъ вотчинникамъ, условія, на которыхъ жаловались иммунитеты, — все это слагалось у насъ, какъ и на Западѣ, въ весьма схожія формы, дающія автору полное основаніе какъ къ ихъ сравненію, такъ и къ утвержденію, что „иммунитетъ развивался одинаково нетолько во всѣхъ германскихъ государствахъ Западной Европы, но равнымъ образомъ во всѣхъ славянскихъ государствахъ Европы, Восточной". Указывая, что въ дипломахъ франкскихъ королей на иммунитеты вездѣ встрѣчается запрещеніе королевскимъ чиновникамъ входа, въ предѣлы того имѣнія, на которое дана грамота (дипломъ), французкій ученый Фюстель-де-Куланжъ говоритъ, что весь иммунитетъ выраженъ въ трехъ словахъ", коими воспрещается въѣздъ судей, а именно въ словахъ absque introitu judicum (въ нашихъ грамотахъ это выражается формулами „а намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуны въ тѣ деревни — или „въ ту околицу" — не въѣзжаютъ" и т. п.). Лишеніе агентовъ власти права въѣзда въ имѣніе привиллегированнаго собственника приводитъ къ тому, что въ руки послѣдняго переходятъ функціи судьи и сборщика податей, а самъ онъ становится въ непосредственныя отношенія къ носителю верховной власти (королю, князю и т. д.). Такое пониманіе иммунитета, замѣтимъ кстати, даетъ возможность находить его нетолько у германцевъ и славянъ, но и у римлянъ и грековъ[1]). Указывая черты сходства нашего иммунитета съ западо-европейскимъ, П. Сильванскій отмѣчаетъ и его различія: „послѣдствіемъ иммунитета на западѣ", говоритъ названный ученый, „былъ захватъ крупнѣйшими землевладѣльцами верховной власти; иммунитетъ послужилъ опорою для узурпаціи суверенитета и для образованія средневѣковыхъ княжествъ-государствъ. Этого послѣдствія у насъ иммунитетъ не имѣлъ. Ни одинъ удѣльный бояринъ не превратился въ князя-государя, въ собственномъ смыслѣ слова. Но, это произошло по совершенно случайной причинѣ — вслѣдствіе быстраго размноженія рода владѣльныхъ князей-рюриковичей. Родъ каролинговъ рано угасъ. У насъ же въ моментѣ назрѣвшаго раздѣленія страны оказалось налицо множество потомковъ Всево-

1) Такъ въ „экскусіи" грековъ надо видѣть институтъ, по существу своему, сходный съ средне-европейскимъ иммунитетомъ (П. А. Яковенко „Къ исторіи иммунитета въ Византіи". Юрьевъ, 1908 г., стр. 38 и сл.

волода Большое Гнѣздо. Для каждаго обособленнаго округа находился князь-претендентъ, съ наслѣдственными суверенными правами. Наслѣдственные князья заняли у насъ то мѣсто, какое на Западѣ заняли графы-управители и вотчинники, возвысившіеся до положенія владѣльныхъ государей". Намъ придется касаться нашихъ жалованныхъ грамотъ особо, что дастъ поводъ отмѣтить и другія черты ихъ отличія отъ дипломовъ, дававшихся на Западѣ; здѣсь лишь замѣтимъ, что названный авторъ мало обращаетъ, какъ намъ кажется, вниманія на процессъ превращенія самихъ владѣтельныхъ князей въ князей вотчинниковъ, съ иммунитетными привиллегіями коихъ верховная власть на Москвѣ вступаетъ въ продолжительную борьбу, продолжающуюся до 2-ой половины XVII вѣка.

Исходя изъ того положенія, что „различныя формы защитной зависимости имѣли громадное значеніе въ развитіи феодализма", П.-Сильванскій останавливается затѣмъ на такъ наз. „патронатѣ", или „защитѣ", и говоритъ, что у насъ „двѣ основныхъ формы этого патроната — коммендація личная и коммендація лица съ землею — доказываются столже твердо, какъ и существованіе иммунитета". Если видѣть въ феодализмѣ „систему по преимуществу личныхъ договорныхъ отношеній, отношеній частнаго права", т.-е. если, кромѣ вышеотмѣченныхъ основъ его генезиса, считать сопутствующими феодализмъ признаками „господство частныхъ союзовъ защиты", то такая точка зрѣнія на него не будетъ представлять собою чего либо новаго въ нашей ученой литературѣ, гдѣ уже давно отмѣчалось господство частно-правовыхъ началъ и договорныхъ отношеній въ древней, какъ до — Московской, такъ и Московской Руси. Такъ, напр., Б. Н. Чичеринъ въ извѣстныхъ своихъ „Опытахъ по исторіи русскаго права", напечатанныхъ еще въ 1858 г. утверждалъ, что „понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ, вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства" (стр. 343). Въ частности — по вопросу о патронатѣ, „взглядъ на закладничество, какъ на коммендацію, какъ на защитную зависимость", на что указывается и П.-Сильванскимъ, „вполнѣ опредѣленно выраженъ былъ еще Соловьевымъ: по авторитетному мнѣнію послѣдняго „во все продолженіе древней русской исторіи мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей закладываться за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользуясь особыми правами, чтобъ подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность". Соловьевъ при этомъ замѣчаетъ, что „такъ называемая феодальная система на Западѣ основывалась

на этомъ стремленіи слабыхъ войти въ зависимость отъ ближайшихъ сильныхъ, съ цѣлію найти въ нихъ защиту и покровительство". Если, однако, господство частныхъ союзовъ защиты и отмѣчалось у насъ учеными для древней Руси, то никому другому, какъ П.-Сильванскому принадлежитъ заслуга обстоятельнаго сравнительнаго изслѣдованія вопроса о патронатѣ — защитѣ", какъ одного изъ важныхъ „феодальныхъ учрежденій". Обращаясь къ этому изслѣдованію, авторъ прежде всего останавливается на значеніи глагола „закладываться", а равно и на терминахъ „закладчики", „закладни" и т. п. По его толкованію — закладываться" значитъ „заслониться, укрыться, защититься (а „не отдать себя въ залогъ", какъ утверждалось нѣкоторыми учеными), почему и закладчики — не люди, отдавшіе себя въ залогъ, а люди — „задавшіеся, заложившіеся, укрывшіеся за сильнаго человѣка, за его державу". Авторъ затѣмъ указываетъ на положеніе „закладчиковъ подъ защитою сильныхъ вотчинниковъ („защита отъ тягла и отъ сильныхъ людей насильства"), обращаетъ вниманіе какъ на закладничество отдѣльныхъ лицъ „такъ и на закладничество селъ, какъ совокупности земледѣльцевъ (комменданція селеній) и пр.

Исходя, далѣе, изъ положенія, что вассальная связь есть также одно изъ отношеній защиты, такъ какъ, по условіямъ вассальнаго договора, сеньеръ обѣщалъ своему вассалу помощь и покровительство", авторъ утверждаетъ, что „германскому вассалитету соотвѣтствуетъ боярская служба удѣльнаго времени и совершенно одинаково съ вассалитетомъ она развивается изъ отношеній дружинныхъ". Въ доказательство своего положенія, П. Сильванскій дѣлаетъ сравненіе германской и русской дружины, въ общемъ, сходное съ тѣмъ очеркомъ ея положенія, какой давался въ литературѣ уже раньше, а переходя въ очерку „вассалитета" остроумно замѣчаетъ, что „вассалы отлучаются отъ дружинниковъ, главнымъ образомъ, своей поземельной осѣдлостью и хозяйственной самостоятельностью. Вассалитетъ — это отдѣлившаяся отъ князя, осѣдлая, землевладѣльческая дружина." Такая дружина является и у насъ съ XII—XIII в. в. Авторъ и здѣсь дѣлаетъ рядъ сопоставленій боярской службы и вассалитета, а также сравниваетъ подвассаловъ съ нашими „боярскими вольными слугами" и видитъ у насъ подвассаловъ въ такъ наз. „боярскихъ дѣтяхъ". Сравнительные свои очерки авторъ заканчиваетъ изслѣдованіемъ вопроса о „службѣ съ жалованья и съ вотчины". Какъ извѣстно, между феодальными институтами западно-европейскаго права важное значеніе имѣли „бенефицій и ленъ или феодъ"; наше поземельное право знало помѣстье и вотчину. П.-Сильванскій находитъ „тожество помѣстья и бенефиція", исходя изъ

положенія, что „помѣстье и бенефицій одинаково обозначаютъ землю, пожалованную лицу въ пожизненное владѣніе подъ условіемъ военной службы“. Такъ какъ, однако, на Западѣ, какъ у насъ, наряду съ условнымъ пожалованіемъ земли, было еще пожалованіе должностей въ кормленіе, то авторъ утверждаетъ, что бенефицій надо понимать нетолько въ смыслѣ помѣстья (fief-terre), но и какъ пожалованіе должностей въ управленіе — кормленіе (fief-office). Сравнивая, наконецъ феодъ съ нашею вотчиною, авторъ находитъ у насъ наличность вотчинной коммендаціи, т. е. закладничества лица съ землею.

Мы изложили, въ возможно-краткомъ очеркѣ, основные вопросы, затронутые изслѣдованіями Павлова-Сильванскаго; при дальнѣйшихъ чтеніяхъ намъ придется неразъ касаться этихъ вопросовъ, а равно и отмѣчать, поскольку аналогіи и тѣмъ паче — тожества отдѣльныхъ институтовъ нашего и западноевропейскаго феодализма могутъ быть приняты въ схемахъ, доказываемыхъ авторомъ.[1]) Пока лишь замѣтимъ, что утвержденіе тожества отдѣльныхъ институтовъ (напр., помѣстья и бенефиція, феода и вотчины), или отрицаніе существенныхъ различій между положеніемъ крестьянъ въ нашихъ „боярщинахъ“ и западныхъ „сеньеріяхъ“ требуетъ прежде всего детальнаго изученія исторіи развитія вопроса тамъ и здѣсь. Чтобъ сравнивать институты, а еще болѣе, чтобъ утверждать ихъ тожество, надо имѣть передъ собою ихъ точное изображеніе во всей ихъ полнотѣ, чего мы не находимъ, однако, въ должной мѣрѣ у автора. Происхожденіе и развитіе отдѣльныхъ институтовъ феодализма имѣло несомнѣнно, немало особенностей у тѣхъ или другихъ народностей и, если родовыя черты его могутъ быть наблюдаемы повсемѣстно, на одинаковыхъ ступеняхъ общественнаго развитія, то, наоборотъ, виды феодализма въ различныхъ странахъ поражаютъ своимъ своеобразіемъ. Все это создаетъ большія затрудненія при изслѣдованіи вопроса о феодализмѣ[2]), особенно въ томъ широкомъ историко-сравнитель-

1) Авторъ, сообразно своимъ выводамъ о феодализмѣ, предлагаетъ и новое теоріи раздѣленіе нашей исторіи на періоды. Такъ I-ый періодъ, по автору, — періодъ господства общины или міра (до XII); II — періодъ господства боярщины, — сеньоріи (отъ XIII до половины XVI в.); III — періодъ сословной монархіи, распадающейся на 2 эпохи — эпоху Московской сословной монархіи и эпоху Петербурской имперіи. Дѣленіе это, представляющее извѣстное значеніе при изученіи исторіи землевладѣнія и сложенія сословій въ Россіи, не можемъ, однако, быть принято, въ качествѣ общаго, охватывающаго всѣ основные факторы нашей политической исторіи.

2) См. о сущности феодализма, его происхожденіи и развитіи въ отдѣльныхъ странахъ т. XXXV-А „Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза, стр. 494—555, подъ словомъ „феодализмъ“.

номъ освѣщеніи, въ какомъ онъ впервые поставленъ въ нашей ученой литературѣ. Изслѣдователю необходимо точно установить, что онъ понимаетъ подъ такимъ сложнымъ явленіемъ, какъ феодализмъ, *какимъ* факторамъ его развитія (политическимъ или экономическимъ), и для какого времени, онъ придаетъ наибольшее значеніе, какой *изъ видовъ* западно-европейскаго феодализма онъ считаетъ наиболѣе пригоднымъ для сравненія съ русскимъ феодализмомъ, какія эпохи въ развитіи феодализма подлежатъ сравнительному анализу и т. д. Въ частности, изъ изслѣдованій автора неясно, была-ли у насъ, и когда именно, — до господства феодализма, — такая сильная верховная „государственная власть“, которую можно было бы уподобить „стекляному куполу“, разбившемуся затѣмъ, при паденіи, „на тысячи мелкихъ осколковъ“. Разбираемый авторъ не разрѣшилъ всѣхъ означенныхъ вопросовъ, въ частности — онъ мало соблюдалъ требованія исторической перспективы и невсегда считался съ хронологіею въ развитіи сравниваемыхъ институтовъ. За нимъ, однако, остается громадная заслуга, какъ вполнѣ научной постановки вопроса, такъ и первой попытки его широкаго *сравнительнаго* изученія, благодаря чему во 1-хъ самъ удѣльный періодъ нашей исторіи представляется нынѣ этапомъ, имѣющимъ аналогію во всемірной исторіи, а во 2-хъ его хронологическія рамки значительно расширяются, простираясь отъ XIII до XV вѣковъ и заходя въ эпоху Московскаго государства. Съ вопросомъ о феодализмѣ, послѣ работъ Н. П. Павлова-Сильванскаго, приходится, во всякомъ случаѣ считаться какъ русскимъ историкамъ, такъ историкамъ нашего права.

§ 4.

Княжеская Дума.

Наименованіе. Взгляды ученыхъ на Княжескую Думу.

Верховная власть олицетворялась въ изучаемый періодъ *главнымъ образомъ* въ вѣчѣ и въ князѣ. Но около князей, съ первыхъ временъ появленія ихъ у насъ, всегда стоялъ особый *Совѣтъ*, состоявшій главнымъ образомъ изъ старшихъ дружинниковъ и называемый одними учеными — Боярскою, другими — Княжескою Думою[1]). Употребляя первое выраженіе, проф. Вл.-Будановъ говоритъ, что

1) Сводъ литературныхъ мнѣній объ этой Думѣ см. въ книгѣ І. А. Малиновскаго „Рада великаго княжества литовскаго въ связи съ Боярскою Думою древней Россіи“ (Томскъ, 1903 г., часть І. „Боярская Дума древней Россіи“).

оно „не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и образовано искусственно на основаніи сходныхъ терминовъ“ и указываетъ при томъ, на одинъ такой терминъ — „бояре думающіе“, встрѣчающійся въ лѣтописяхъ. Правильнѣе были-бы, однако, на нашъ взглядъ, этотъ совѣтъ при князьяхъ Кіевской Руси, а равно и Руси удѣльной, называть Княжескою, а не Боярскою Думою, во-1-хъ, потому, что эта Дума во многихъ не похожа на Думу, стоящую около московскихъ государей и называемою Боярскою, во-2-хъ потому, что обычно не бояринъ — совѣтникъ князя въ это время, а княжъ мужъ, старшій дружинникъ, и въ 3-хъ, самымъ характернымъ въ этой Думѣ было то, что она являлась необходимымъ Совѣтомъ при князѣ, было Княжескою Думою, или его Совѣтомъ. Постоянная наличность княжескаго Совѣта при древне-русскомъ князѣ даетъ основаніе считать аристократическій элементъ составною частью верховной власти, хотя, съ другой стороны, нельзя не сказать, что въ изучаемое время этотъ элементъ имѣлъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ два другіе, — а именно демократическій и монархическій, — сравнительно съ Московскимъ періодомъ.

Обращаясь къ изученію этого Совѣта при князѣ, надо прежде всего отмѣтить, что о его характерѣ въ литературѣ нашей высказано (не касаясь пока среднихъ мнѣній) два совершенно-противоположныхъ взгляда. По одному, принадлежащему проф. Владимірскому-Буданову, „Боярской (или „Княжеской“, какъ сказали бы охотнѣе мы) Думою называется постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой земли, рѣшающій (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы“; эта Дума „есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права, съ компетенціею и составомъ не вполнѣ опредѣленными, какъ и всѣ древнія учрежденія“. Говоря, что Дума есть учрежденіе въ смыслѣ обычнаго права, авторъ хочетъ сказать, что „тогдашнія учрежденія устанавливались обычнымъ правомъ“, что „учрежденій, снабженныхъ регламентами, какъ извѣстно, не было въ древности“ и что, слѣдовательно, нельзя отъ тогдашняго учрежденія требовать полной опредѣленности, а можно лишь говорить о нормальномъ порядкѣ, признанномъ общественнымъ мнѣніемъ и считавшимся, по обычаю, обязательнымъ. По другому мнѣнію, принадлежащему проф. Сергѣевичу, Княжеская Дума, предшествовавшая Боярской Думѣ, вовсе не есть учрежденіе, а лишь „актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ“. Именно, проф. Сергѣевичъ, отмѣтивъ, что памятники постоянно говорятъ о думѣ князей съ мужами, боярами, духовенствомъ, городскими старцами и пр., задается вопросомъ: „какъ надо понимать эти свидѣтельства памятниковъ? Была ли Княжеская Дума посто-

яннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціею, или это только актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ?“ Названный ученый отвѣчаетъ на эти вопросы такъ: „въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе, тѣмъ не менѣе справедливо второе“, т.-е., иначе говоря, — добавимъ мы — Княжеская Дума не есть постоянное учрежденіе съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціею, а лишь „актъ думанія князя съ дружиною“. Кромѣ этихъ двухъ совершенно-противоположныхъ взглядовъ, въ историко-юридической литературѣ нашей было высказано еще одно мнѣніе, какъ бы среднее между двумя указанными, а именно мнѣніе проф. Загоскина, который въ своей „Боярской Думѣ“ говоритъ слѣдующее: „въ Княжеской Думѣ удѣльно-вѣчевого періода не слѣдуетъ видѣть правительственнаго установленія съ извѣстною правильною организаціею, съ опредѣленными предметами компетенціи, твердо-урегулированными отношеніями къ князю, съ одной стороны, и къ мѣстному управленію, съ другой. Княжеская Дума этого періода не представляла установленія юридически-опредѣленнаго, она была явленіемъ чисто-фактическимъ“. Прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, какое изъ этихъ опредѣленій болѣе соотвѣтствуетъ, на нашъ взглядъ, дѣйствительности, попытаемся изобразить Княжескую Думу въ ея составѣ, компетенціи и дѣятельности.

Характеръ отношеній князя къ своимъ совѣтникамъ.

Обычай древнерусскихъ князей совѣщаться съ своими старшими дружинниками, положившій начало образованію около нихъ т. н. „Княжеской Думы“, былъ явленіемъ у насъ изстариннымъ и повсемѣстно-распространеннымъ. Этому обычаю можно найти аналогію и у другихъ народовъ, въ соотвѣтствующій періодъ ихъ праворазвитія. Такъ около франкскихъ королей стояли особые совѣтники („consiliarii“, „optimates“ и др.) „Никакой писанный законъ не заставлялъ короля совѣщаться съ группою окружающихъ лицъ“, говоритъ Фюстель-де Куланжъ о совѣтѣ меровингскихъ королей, „но къ тому побуждала его какъ бы внутренняя необходимость“. Также было и у насъ. Отсутствіе юридической опредѣленности, обязательности во взаимныхъ отношеніяхъ людей, сказывающееся въ изучаемый періодъ у насъ во всемъ, отражается, естественно, какъ на составѣ, такъ и на компетенціи и дѣятельности этой Думы. Князья изучаемаго періода находились въ свободныхъ договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: каждый дружинникъ могъ служить, или не служить, тому или другому князю и отходилъ отъ него, когда и куда хотѣлъ. Князья старались привязать къ себѣ

дружинниковъ, заинтересовывая ихъ въ своихъ предпріятіяхъ и выслушивая ихъ совѣты по наиболѣе важнымъ дѣламъ. Это было необходимо уже потому, что дружина могла отказать въ своемъ содѣйствіи предпріятію князя, разъ оно дѣлалось безъ ея вѣдома. Извѣстенъ, напр., отвѣтъ 2-хъ старшихъ дружинниковъ-бояръ в. кн. Владимиру Мстиславовичу: они не хотѣли въ 1169 г. участвовать въ походѣ его противъ кн. Мстислава Изяславича потому только, что онъ его „замыслилъ“ безъ совѣта съ ними („о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“). Извѣстно также, что лучшіе князья всегда представляются лѣтописью людьми рѣшающими дѣла вмѣстѣ съ своею дружиною, что идеалъ князя, по „Поученію“ Владимира Мономаха, есть князь „думающій съ дружиною“ и что князь, пренебрегающій мнѣніемъ дружины, не одобряется лѣтописцемъ, сжившимся съ представленіемъ о князѣ, какъ о человѣкѣ, который долженъ рѣшить дѣло не одинъ, а по совѣту съ дружиною. Подъ 996 г., напр., лѣтопись, говоря о Владимірѣ Св., замѣчаетъ, что „бѣ бо Володимеръ любя дружину, съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратѣхъ и уставѣ земленѣмъ“; князъ Владиміръ Галицкій, наоборотъ, осмѣивается лѣтописью за то, что „бѣ любезнивъ питію многому и думу не любяшеть съ мужьми своими“ (Ипат. л., 1188 г.), а о Черниговскомъ князѣ Святославѣ, который хотѣлъ вести борьбу со Всеволодомъ Большое Гнѣздо, говорится, что онъ рѣшилъ это, „сдумавъ съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ и не повѣда сего мужемъ своимъ лѣпшимъ (лучшимъ) думы своея“ (1180 г.). Чѣмъ лучше и умнѣе „думцы“ князя, тѣмъ больше ему отъ этого пользы: по словамъ Даніила Заточника, писателя XII вѣка, князь даже „не самъ впадаетъ въ многія злыя вещи, но (его) думцы вводятъ; за добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ малаго стола лишенъ будетъ“. Можно умножить эти свидѣтельства первоисточниковъ о значеніи совѣщанія князей съ своими мужами, но и ограничиваясь указанными, видно ясно, что, если были князья, дѣйствительно рѣшавшіе дѣла съ дружиною своею, то были и такіе, которые находили себя достаточно сильными, чтобъ обходиться безъ совѣта съ своими дружинниками; народное воззрѣніе, поскольку его взгляды отражались въ лѣтописи, болѣе одобряло первыхъ, чѣмъ вторыхъ, считая старшихъ дружинниковъ, мужей и бояръ, совѣтниками князя по преимуществу и называя послѣднихъ даже боярами думающими или думцами князя. „Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный?“ говоритъ, напр., Игорь Святославичъ, смотря на рать разбитую половцами. Когда Рязанскій князь Глѣбъ былъ захваченъ въ

плѣнъ кн. Всеволодомъ Рязанскимъ, то воины князя „и думцы его извязаша всѣ“ . . . говоритъ лѣтопись подъ 1177 г. Но, подобно тому, какъ древнерусскій князь не былъ юридически, какимъ-либо формальнымъ актомъ, обязанъ обращаться всегда къ мнѣнію и рѣшенію вѣча, такъ онъ и не обязанъ былъ всегда совѣщаться съ своею старшею дружиною, съ своими боярами или мужами; лучше было, если онъ совѣщался съ ними, но если онъ находилъ въ себѣ достаточно силъ и средствъ обходиться безъ ихъ содѣйствія, онъ обходился. Характеренъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, который былъ данъ тѣмъ-же в. кн. Владиміромъ Мстиславовичемъ въ 1169 г. боярамъ (на ихъ, отмѣченныя нами выше, слова „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“) . . . „Володимеръ-же рѣче“, говоритъ лѣтопись, „взрѣвъ на дѣцкихъ: а се будутъ мои бояре“ (дѣтскіе — одинъ изъ разрядовъ младшихъ дружинниковъ). Этотъ отвѣтъ вскрываетъ предъ нами одну изъ любопытныхъ чертъ того времени: замкнутости между отдѣльными слоями данной группы населенія — въ указанномъ случаѣ дружины — не было; младшій дружинникъ, отрокъ или дѣтскій, отличившись на службѣ, могъ сдѣлаться и бояриномъ; пожалованіе его въ бояре было правомъ князя, и если онъ имѣлъ возможность младшихъ дружинниковъ превратить въ бояръ и тѣмъ обойтись безъ старшихъ дружиниковъ, онъ обходился; если нѣтъ — долженъ былъ жить съ ними въ мирѣ и совѣщаться о дѣлахъ своихъ. Послѣднее встрѣчалось чаще, чѣмъ первое и было обычнымъ явленіемъ, хотя, однако, и непремѣннымъ.

Составъ и компетенція Княжеской Думы.

Если такимъ образомъ, самъ фактъ обращенія къ старшей дружинѣ, какъ къ „думцамъ“, или какъ къ „боярамъ думающимъ“, имѣлъ чисто-факультативный характеръ, то и всѣ остальные факты, сопутствующіе этому главному факту, имѣли такое же значеніе, т. е. могли быть налицо, могли и не быть. Такъ обращаясь, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, къ вопросу о составѣ Кн. Думы и ея компетенціи, надо сказать, что обычай требовалъ, чтобъ князья совѣщались о важнѣйшихъ дѣлахъ со старшею дружиною, княжими мужами, или боярами, со „старцами градскими“, или земскими боярами, этими двумя высшими разрядами свободнаго населенія, до XI вѣка существовавшими раздѣльно, а затѣмъ слившимися въ одинъ разрядъ бояръ служилыхъ или княжескихъ; затѣмъ, по обычаю, возможно было присутствіе на совѣщаніи и другихъ элементовъ тогдашняго общества: духовенства, въ лицѣ епископовъ и игумновъ, купцовъ. Но, если можно сказать вообще, что князь долженъ былъ совѣщаться съ лучшими

людьми волости, своими и земскими, то едва-ли можно утверждать, что составъ думы былъ точно-опредѣленъ не только разъ навсегда, но даже на сколько-нибудь продолжительное время, такъ какъ выборъ своихъ совѣтниковъ (или своей Думы) въ значительнѣйшей степени зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя, съ одной стороны, отъ обстоятельствъ времени и дѣлъ, подлежащихъ обсужденію, съ другой. Лѣтописи полны указаній на совѣщанія князей съ самыми разнородными элементами верхнихъ слоевъ общества того времени, съ людьми лучшими, старшими, при чемъ, однако, не исключена была возможность de facto освѣщаній и съ людьми молодшими, молодыми, хотя это вообще не одобрялось общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ послѣднему казалось, что молодые, неопытные совѣтники, могутъ принести больше вреда, чѣмъ пользы своими совѣтами князю. Подъ 1015 годомъ лѣтописецъ, говоря о княженіи Святополка, замѣчаетъ: „люто бо граду тому, въ коемъ же князь унъ (юнъ). любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтники"; подъ 1093 г., лѣтописецъ, говоря о времени старости кн. Всеволода Ярославовича, замѣчаетъ съ укоризною, что онъ въ это время „нача любити смыслъ уныхъ, съвѣтъ створи съ ними, си же начаша заводити и негодовати дружины своея первыя". . . Если составъ княжеской думы являлся мало устойчивымъ и малоопредѣленнымъ по своимъ качествамъ, то таковымъ-же онъ являлся и по своему количеству: онъ могъ состоять изъ 2—3 думцевъ, могъ вмѣщать въ себѣ и нѣсколько десятковъ лицъ; въ чрезвычайныхъ-же случаяхъ, напр., во время походовъ, князь совѣщался и со всею своею дружиною, собирая ее для обсужденія тѣхъ или другихъ дѣлъ.

Тотъ-же характеръ сказывается и въ вопросѣ о компетенціи Кн. Думы: Дума, какъ обычный Совѣтъ при князѣ, участвуетъ во всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ его рѣшенію, если князь находитъ нужнымъ пользоваться мудростью и значеніемъ тѣхъ или иныхъ лицъ. Мысль, высказанная проф. Вл.-Будановымъ, объ обязательности для князя совѣщаній съ боярами можетъ быть принята, на нашъ взглядъ, лишь съ тою оговоркою, что князь, — склонный уважать народные обычаи, или неимѣвшій достаточно силъ и причинъ обходиться безъ совѣта съ своими старшими дружинниками, мужами и боярами, какъ и съ другими лицами, — обращался къ этому совѣту, какъ и, наоборотъ, могъ не обращаться къ нему, если только находилъ это удобнымъ или нужнымъ, такъ какъ никакой законъ его къ этому не принуждалъ. Что это такъ, — видно изъ фактовъ, относящихся къ кругу дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдомства князя. Мы уже знаемъ, напр., что дѣятельность князей по отношенію къ законодательству выражалась

въ обсужденіи, а затѣмъ и въ утвержденіи (или санкціонированіи) своимъ именемъ тѣхъ или другихъ уставовъ, относящихся, либо къ цѣлымъ отдѣламъ права (уставы церковные), либо къ одному какому-нибудь предмету (напр., „урокъ Ярославль о поклонахъ, или поконахъ, вирныхъ“). Есть цѣлый рядъ уставовъ, которые приписываются тому или иному князю, безъ упоминанія, что онъ обсуждалъ или утверждалъ ихъ по совѣщаніи со своею дружиною, какъ и, наоборотъ, есть рядъ другихъ, въ которыхъ упоминается объ участіи въ этой установительной дѣятельности князей ихъ дружинниковъ. Напр., такъ называемый уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ или о рѣзахъ былъ составленъ съ участіемъ Думы, какъ это свидѣтельствуетъ Р. Правда[1]). Или, напр., въ той-же Правдѣ читаемъ: „по Ярославлѣ-же паки совъкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ, отложиша оубіеніе за головоу, но коунами ся выкоупати“ . . . т. е. отмѣнили право мести, а постановили пеню за убійство. Что-же это все значитъ? Конечно, это не можетъ значить ничего иного, какъ только то, что князь, когда находилъ необходимымъ, совѣтовался съ другими, и прежде всего съ своими мужами; когда-же считалъ возможнымъ обходиться безъ ихъ участія, то обходился. То же самое, что мы сказали по отношенію къ законодательной дѣятельности князей, касается и другихъ сторонъ ея: есть указанія, что Княжеская Дума участовала во всѣхъ дѣлахъ управленія и суда, поскольку тѣ и другія дѣла входили въ компентенцію князя, участвовала также на съѣздахъ князей, рѣшала вмѣстѣ съ княземъ вопросы о войнѣ или мирѣ и т. д. Дума была, вобще говоря, обычнымъ Совѣтомъ князя: „Поученіе“ Владиміра Мономаха, какъ уже указывалось, ставитъ въ нравственную обязанность князьямъ ежедневно „садиться думать съ дружиною и людей оправлять“. Есть указанія первоисточниковъ, что совѣщанія князей съ ихъ старшими дружинниками были обычнымъ явленіемъ при дворѣ князей: св. Ѳеодосій разсказываетъ, напр., что, возвращаясь разъ отъ князя въ монастырь, онъ на утренней зарѣ встрѣтилъ бояръ, ѣхавшихъ къ князю на думу; когда-же князь уѣзжалъ къ Ѳеодосію въ монастырь, то „распускалъ всѣхъ бояръ въ домы ихъ“ и т. п.

Какое-же общее заключеніе надо сдѣлать изъ всего ска-

1) Объ этомъ уставѣ читаемъ въ Р. Правдѣ слѣдущее: „Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмъ (на княжескомъ дворѣ близъ Кіева): Ратибора, Кіевьскаго тысячьскаго, Прокопью, Бѣлогородьскаго тысячьскаго, Станислава, Переяславьскато тысячьскаго, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза“ ит. д. (Троицк. сп,. 48 ст.).

званнаго? Если принимать слово „учрежденіе“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно понимается нынѣ, когда подъ учрежденіемъ разумѣется правительственное или общественное мѣсто (или установленіе), дѣйствующее по опредѣленному уставу, въ которомъ точно обозначенъ составъ его, устройство, компетенція, отношеніе къ другимъ мѣстамъ и лицамъ, то Княжескую Думу, конечно, нельзя будетъ назвать учрежденіемъ, такъ какъ у ней не было какого-либо утвержденнаго по закону, или даже по обычаю, устава, которому князь или сама Дума должны были всегда слѣдовать. Такіе уставы (хотя и въ довольно неопредѣленныхъ формахъ) являются у насъ для учрежденій не ранѣе XVIII вѣка, да и то не всегда. Но едва-ли, однако, возможно также считать Кн. Думу только „актомъ думанія, дѣйствіемъ совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ“, какъ утверждаетъ проф. Сергѣевичъ; она, несомнѣнно, была болѣе, чѣмъ „актъ думанія“, т. е. дума, въ прямомъ смыслѣ, или значеніи, этого слова. „Актъ думанія“, повторяясь почти ежедневно при дворахъ князей, входя въ привычку, выливаясь постепенно въ извѣстныя традиціонныя формы, полагаетъ, естественно, начало совѣщательному установленію, первоначально очень неопредѣленному, какъ по составу своему, такъ и по компетенціи. Княжеская Дума, въ I-мъ періодѣ, есть поэтому лишь личный Совѣтъ князя, или при князѣ, къ которому онъ прибѣгалъ, когда находилъ это нужнымъ, и безъ котораго, если могъ, обходился; болѣе опредѣленное совѣщательное учрежденіе изъ нея выростетъ лишь во 2-ой половинѣ слѣдующаго періода, въ лицѣ такъ наз. „Боярской Думы“.

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Свободное населеніе.

Дѣленіе свободнаго населенія на классы.

Все населеніе русскихъ княжествъ-государствъ удѣльно-вѣчевого періода распадалось на 2 части — населеніе свободное и несвободное. Такое дѣленіе присуще вообще всѣмъ древнѣйшимъ государствамъ. Что-же касается затѣмъ самого населенія свободнаго, то оно дѣлилось на классы, при чемъ такое дѣленіе, въ свою очередь, переживается, въ началѣ исторической жизни, каждымъ культурнымъ народомъ и предшествуетъ его сложенію въ сословія. Раздѣленіе населенія

на классы основывается на естественныхъ, экономическихъ и другихъ условіяхъ, первоначально подлежащихъ весьма мало, или неподлежащихъ вовсе, воздѣйствію государственной власти, а именно оно покоится на различіи занятій одной группы населенія сравнительно съ другой (классъ, напр., земледѣльцевъ и торговцевъ), на имущественномъ ихъ состояніи (богатые и бѣдные), на характерѣ собственности (крупные и мелкіе собственники) и т. д. Различіе же по сословіямъ основывается главнымъ образомъ на различіи однѣхъ группъ населенія отъ другихъ по правамъ, которыми онѣ пользуются отъ государства и по обязанностямъ, которыя онѣ на себѣ несутъ передъ государствомъ, т. е., иначе говоря, различіе это является уже юридическимъ. Сословія поэтому — группы населенія, въ которыхъ само государство (въ большей или меньшей степени) установило, по закону, наслѣдственныя различія въ правахъ и обязанностяхъ; классовыя же различія въ обществѣ образовались въ незапамятныя времена, когда государственная власть была еще слаба и когда она вообще мало могло вліять на устройство общества. Позднѣе, съ развитіемъ своего могущества, государство могло эти различія, такъ или иначе, поддерживать, либо видоизмѣнять, превращая затѣмъ ихъ въ сословныя привиллегіи, но не оно участвовало въ созданіи классовыхъ различій въ данномъ обществѣ, они созидались въ силу тѣхъ фактическихъ условій, въ которыхъ первоначально стояло населеніе. Дѣленіе населенія по класамъ предшествуетъ, такимъ образомъ, вездѣ его дѣленію на сословія; у насъ послѣднія неизвѣстны еще первому періоду [1]). Во 2-ой половинѣ Московскаго періода общественныя группы, на которыя распадается населеніе, уже носятъ, какъ это мы увидимъ въ свое время, нѣкоторыя своеобразныя черты сословной организаціи. Ходъ нашей новой исторіи въ XVIII вѣкѣ слагается такъ, что эти обособленныя группы населенія XVI—XVII вѣковъ, не будучи еще строго-сословными группами, превращаются затѣмъ во 2-ой половинѣ XVIII вѣка уже въ сословія, т.-е. въ такія общественныя подраздѣленія, которыя, уже въ силу закона, обладаютъ извѣстными правами и привиллегіями, отличающими одну группу отъ другой.

Изучаемый нами 1-ый періодъ нашей исторіи знаетъ дѣленіе населенія по классамъ, а именно: 1) на классъ бояръ — крупныхъ собственниковъ, являющихся рабовладѣльцами и

1) Мы не касаемся, впрочемъ, здѣсь одной группы населенія, которая также уже въ 1-ый періодъ совершенно выдѣлилась изъ другихъ и сложилась въ сословіе, а именно духовенства.

землевладѣльцами, 2) „градскихъ людей“, и 3) смердовъ, свободныхъ земледѣльцевъ. Каждый изъ этихъ классовъ, въ свою очередь, можетъ быть, подраздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Указанные три главные класса населенія съ начала XIII вѣка извѣстны и лѣтописцу: описывая нападеніе кн. Данила Романовича на нѣкоторые города въ 1221 г., Ипатьевская лѣтопись говоритъ, напр., что „вся земля поплѣнена бысть: бояринъ боярина плѣнивша, смердъ — смерда, градъ — града“ (т.-е. горожанинъ — горожанина). Кромѣ этихъ 3-хъ главныхъ общественныхъ классовъ, или обособленныхъ группъ населенія, со времени призванія князей начинаетъ играть извѣстную роль въ обществѣ княжеская дружина, значеніе которой растетъ съ усиленіемъ власти князей.

Наименованіе всего свободнаго населенія и его отдѣльныхъ классовъ.

Зная раздѣленіе свободнаго населенія на означенныя группы и, называя, при случаѣ, каждую группу особымъ терминомъ, какъ лѣтописи, такъ и другіе памятники времени, иногда объединяютъ ихъ въ одномъ наименованіи. Такимъ наименованіемъ является слово людіе, люди (ед. число — людинъ)[1]).

Выдѣленіе изъ этой общей массы свободнаго населенія особыхъ классовъ началось, несомнѣнно, еще во времена доисторическія, такъ какъ уже въ первоначальныхъ племенныхъ княженіяхъ находимъ слѣды его, но съ призваніемъ князей этотъ процессъ долженъ былъ усилиться, такъ какъ, — кромѣ естественнаго и первоначальнаго дѣленія населенія на людей лучшихъ, старшихъ (бояръ земскихъ, старцевъ), и молодшихъ, или младшихъ, — съ появленіемъ князей и ихъ дружинъ является еще новая группа населенія „княжихъ мужей“, или дружинниковъ вообще. Эта группа начинаетъ противополагаться, какъ вообще всему населенію, обозначаемому словомъ „людіе“ (единств. число людинъ), такъ и отдѣльнымъ клас-

1) Р. Правда, напр., говоритъ, что, если убьютъ вора, котораго люди видѣли связаннаго (т.-е. уже несопротивлявшагося), то это убійство не останется безнаказаннымъ. (А же ли оубьютъ (татя), а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немъ. Акад. сп. 28 ст.). Или, напр., въ договорѣ Игоря съ греками 945 г. читаемъ: „Мы отъ рода русскаго, съли и гостье (т.-е. послы и гости) . . . посланіи отъ Игоря, великаго князя русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земли“. Въ лѣтописяхъ это наименованіе „людіе“, или „люди“, встрѣчается постоянно для обозначенія всей совокупности свободнаго населенія русской земли, или отдѣльныхъ княжествъ. Подъ 1178 г. въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, идя въ Новгородъ, „вниде въ Плесковъ (Псковъ) . . . и, утвердивъ съ людьми, иде оттуда Новгороду“.

самъ туземнаго населенія. Первое противоположеніе очевидно въ Р. Правдѣ, гдѣ одна статья, напр., гласитъ слѣдующее: „аже кто убиетъ княжа мужа въ разбои . . . то виревную платити въ чьей же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ: пакиль людинъ, то 40 гривенъ“. (Тр. сп. 3 ст.; виревная — вира, или пеня за убійство свободнаго человѣка, шедшая въ пользу князя). Что же касается второго, то оно будетъ ясно послѣ очерка того положенія, какое занималъ каждый классъ въ отдѣльности, къ чему мы теперь и обратимся.

Бояре земскіе.

Если согласиться съ этимологіею слова боярин̀ъ, предлагавшейся извѣстнымъ ученымъ филологомъ Срезневскимъ, то надо признать одинаково возможнымъ производство этого слова и отъ существительнаго бой или вой и отъ прилагательнаго болій, т.-е. бо̀льшій (въ литературѣ наиболѣе принятымъ является второе). Отъ того и другого слова, съ прибавкою окончанія аръ или арь, произошла старинная форма бояръ, боляръ, и позднѣйшая — бояринъ, боляринъ. Приводя это производство слова бояринъ отъ указанныхъ словъ, (бой или вой, а равно и болій), проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ, что „въ первомъ случаѣ бояринъ будетъ означать воителя и придется съ родни рыцарю, во второмъ бо́льшаго или лучшаго человѣка и придется съ родни гранду“. Указанное производство слова бояринъ во всякомъ случаѣ вскрываетъ предъ нами основанія, создавшія у насъ, уже въ незапамятныя времена, классъ бояръ. Классы — свободныя состоянія; каждый могъ войти въ тотъ или иной классъ, если это было ему подъ силу. Для того-же, однако, чтобы выдѣлиться и стать большимъ, чѣмъ другіе „людіе“, — бояриномъ, — надо было прежде всего имѣть жизненную опытность, мудрость, быть старѣйшимъ по возрасту, а также имѣть болѣе значительный, чѣмъ былъ у другихъ, экономическій достатокъ. Этотъ достатокъ легче всего добывался тогда военными походами, всегда сопровождавшимися грабежами; результатомъ-же этихъ военныхъ грабежей было, между прочимъ, пріобрѣтеніе скота и особенно — плѣнныхъ, превращавшихся затѣмъ въ столь нужныхъ тогда землевладѣльцамъ рабовъ. Не всякій, конечно, воинъ превращался въ бо́льшаго человѣка, или боярина, какъ не всякій старецъ считался старѣйшимъ. Если для старца, чтобъ быть „старѣйшимъ“, нужно было быть мудрымъ, умнѣйшимъ, то для воина надо было проявить особую храбрость, вообще — выдѣлиться. Но въ основѣ весьма многихъ, вѣроятно, превращеній въ боярина лежало занятіе военнымъ дѣломъ и пріобрѣтеніе богатства. Выдѣлившись изъ безразличной массы населенія, бояре еще въ племенныхъ княженіяхъ сложились въ осо-

бые знатные роды, носившіе наименованіе старцевъ, старѣйшихъ, нарочитыхъ людей, лучшихъ людей, seniores и т. п. Со времени утвержденія династіи Рюриковичей различаются у насъ два рода бояръ — бояре земскіе и бояре (или мужи) княжескіе; оба эти вида первоначально не сливались между собою, при чемъ мужи являлись верхнимъ, или высшимъ, слоемъ княжеской дружины, о которой мы скажемъ особо. Бояре же земскіе выдѣлялись изъ „молодшихъ“, или черныхъ людей самихъ земщинъ, слагавшихся еще въ племенныхъ княженіяхъ [1]).

Интересно отмѣтить, что первоначальное дѣленіе всего населенія („людіе“, leudes — Leute) на старшихъ, лучшихъ, большихъ, и молодшихъ или младшихъ, съ одной стороны, какъ и противоположеніе земскихъ и княжихъ лучшихъ людей, или бояръ, съ другой, не есть явленіе свойственное только нашей древности, но оно имѣло мѣсто и у другихъ народовъ, на извѣстной стадіи ихъ государственнаго быта. Такъ, у западныхъ славянъ и у древнихъ германцевъ мы находимъ такія выраженія для обозначенія людей лучшихъ или старшихъ, какъ кметы, optimates, primores, meliores, majores natu и т. п. и такіе, какъ minores, mediocres — для людей, „молодшихъ“, среднихъ. Что же касается земской знати, — или „земскихъ бояръ“, какъ она у насъ называется, — то она носила въ древне-германскихъ памятникахъ, наименованіе nobiles, или Adel. Эти nobiles (или Adel) рѣзко отличались отъ высшихъ, или старшихъ дружинниковъ, королей (антрустіоновъ), членовъ ихъ дружинъ (antrustiones dominici, какъ они называются часто, т.-е. княжіе дружинники, производя слово antrustio отъ trustis, что значитъ, между прочимъ, дружина). Слово-же Adel германисты производятъ отъ слова adol, что значитъ родъ (Geschlecht) и понимаютъ его въ смыслѣ родовой знати (Geschlechtsadel). Поскольку въ нашемъ словѣ бояринъ (если производитъ его отъ болій, большій) сохранилась идея о первой фазѣ образованія этого класса (идея, идущая еще отъ того времени, когда обыкновенный „людинъ“, такъ или иначе, выдѣлился изъ общей среды и сумѣлъ сдѣлаться большимъ), постольку съ словѣ adol, или Adel, сохранилось воспоминаніе уже о второй фазѣ въ исторіи этого класса, когда, выдѣлившись, данный боярин сохранялъ за собою свое об-

1) Въ лѣтописи подъ 1344 г. читаемъ, напр.: „избиша Чюдь своихъ бояръ земскихъ“, или годъ 1866 г. „оубиша посадника . . . и много добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людмiи безцисла“ (Новгор. л., I).

щественное положеніе въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, образовывалъ уже изъ нихъ знатный родъ; такихъ родовъ съ теченіемъ времени возникло много, и изъ нихъ, какъ у германцевъ, такъ и у славянъ, выбирались племенные князья, kuning'и, konungr'ы, и т. д.[1]). Первоначальное раздѣльное существованіе — у насъ земскихъ бояръ, у германцевъ nobiles, optimates и пр., — и княжихъ бояръ или мужей, антрустіоновъ, показываетъ, что земская знать была старше, древнѣе княжеской.

Бояре земскіе были крупными рабовладѣльцами и землевладѣльцами тѣхъ княженій, гдѣ онъ жили. Лѣтопись неоднократно упоминаетъ о боярскихъ селахъ, а Р. Правда знаетъ (наряду съ княжескими и монастырскими холопами) и „холоповъ болярьскихъ", которыми — какъ и вообще обширнымъ хозяйствомъ земскихъ бояръ, — завѣдывали боярскіе тіуны; говоритъ она также и о „боярской дружинѣ", т. е. о свободныхъ дружинниковъ, служившихъ боярамъ, а не князьямъ. Все это свидѣтельствуетъ о богатствѣ и силѣ этого верхняго общественнаго класса. Кромѣ указанныхъ выше наименованій (старцевъ, бояръ, и т. д.) бояре носили еще наименованіе огнищанъ. Послѣднее выраженіе вызвало въ литературѣ нашей много споровъ, при чемъ было предложено нѣсколько объясненій, какъ по отношенію къ производству этого слова, такъ и по установленію его значенія. Слово это производили и отъ огнища, какъ хранилища огня, и отъ огнища, (огнище стояше полно углія"), какъ домашняго очага, и отъ огнища, какъ пашни, произведенной на мѣстѣ выжженнаго лѣса, наконецъ, и отъ огнища, какъ наименованія раба или челядина[2]). Въ первомъ случаѣ, огнищанинъ былъ-бы первоначально жрецомъ огня, владыкою племени, затѣмъ вообще — домохозяиномъ; во второмъ онъ былъ-бы предкомъ дворянина, живущимъ у очага князя, на его дворѣ, въ третьемъ — онъ являлся-бы землевладѣльцемъ и въ четвертомъ — рабовладѣльцемъ. Если согласиться съ двумя послѣдними производствами слова, то слово огнищанинъ будетъ означать землевладѣльца, съ одной стороны,

1) Большія подробности объ этомъ процессѣ у германцевъ см. у R. Schröder'a „Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte" (Leipzig, 1898 г.), стр. 25, 51, 216 и др.

2) Такого мнѣнія держался В. О. Ключевскій, говоря, что въ одномъ изъ словъ Григорія Богослова, переведенныхъ въ Болгаріи и списанныхъ съ болгарской рукописи на Руси, „словомъ огнище переведено греческое слово *ἀνδραποδον*, холопъ"; но это мнѣніе, однако, оспаривается П.-Сильванскимъ, утверждающимъ, что „слово огнищанинъ произведено отъ огнища въ его основномъ коренномъ значеніи — очагъ" (Феодализмъ въ удѣльной Руси, стр. 455).

рабовладѣльца, съ другой. Оба эти понятія были очень тѣсно связаны между собою, особенно въ первую половину изучаемаго періода, когда торговля рабами и населеніе ими боярскихъ селъ, въ цѣляхъ развитія земледѣлія и вообще пользованья угодьями, были весьма развиты. Во всякомъ случаѣ, оба эти значенія слова огнищанинъ очень подходятъ къ этому общественному положенію, которое занимали земскіе бояре въ IX—X вѣкахъ нашей исторіи. Впрочемъ, въ недавнее время слово „огнищанинъ“ снова стало толковаться, какъ однозначущее съ „княжемъ мужемъ“ (огнищанинъ — членъ огнища, дома своего вождя[1]); по мнѣнію П.-Сильванскаго „огнищанинъ — это человѣкъ огнища-очага, но не всякаго, а княжескаго“, почему „огнищанинъ — это княжескій дружинникъ“.

Выдѣлившись по своей мудрости и храбрости, а равно и ставъ рабовладѣльцами и землевладѣльцами, земскіе бояре были въ племенныхъ княженіяхъ соратниками и совѣтниками туземныхъ князьковъ; изъ болѣе старыхъ и выдающихся ихъ родовъ выбирались, вѣроятно, и сами эти князьки. Эту роль соратниковъ и совѣтниковъ князей они сохранили долго и потомъ, послѣ призыва князей, раздѣляя ее, впрочемъ, уже со второй половины X столѣтія, съ боярами-дружинниками, которымъ они неразъ противополагаются лѣтописью: въ 987 г. кн. Владиміръ Св. созвалъ „бояры свои и старцы градскіе“ для обсужденія вопроса о лучшей вѣрѣ: въ 991 г. старцы участвовали на совѣщаніи князя съ дружиною, на которомъ рѣшено было возстановить, вмѣсто смертной казни, прежнія денежныя взысканія за разбой и убійства. Земскіе бояре въ IX и X вѣкѣ, какъ бояре славянскаго происхожденія, отличаются вообще отъ бояръ-дружинниковъ, бывшихъ, въ эти 2 вѣка, по преимуществу, изъ варяговъ (какъ это, между прочимъ, показываютъ ихъ имена, указанные въ договорѣ Олега съ греками 912 г. — Карлы, Инегельдъ, Фарловъ, Веремудъ, Рулавъ и др.), хотя, несомнѣнно, и первые вступали уже тогда въ княжескую дружину. Съ XI вѣка эти два элемента боярства — земскій и княжескій — сливаются въ одинъ и называются уже общимъ именемъ „княжіе мужи“, „лучшіе люди“, просто бояре и т. д. Какъ высшій слой земщины, земскіе бояре вообще были весьма вліятельнымъ классомъ въ тогдашнемъ обществѣ; естественно, что князья старались привлекать ихъ къ себѣ, пользоваться такъ или иначе ихъ значеніемъ. Какъ высшій земскій классъ, они отличались гораздо меньшею подвижностью, чѣмъ бояре-дружинники или мужи первыхъ варяжскихъ князей, такъ какъ послѣдніе первоначально были мало связаны съ зем-

1) А. Е. Прѣсняковъ „Княжое право“, стр. 231.

лею, жили военною добычею княжескимъ жалованьемъ, легко переходили отъ одного князя къ другому. Особеннаго значенія, какъ соціальнаго, такъ и политическаго, земскіе бояре достигли въ такихъ городскихъ центрахъ, какъ Новгородъ и Кіевъ.

Княжеская дружина и ея разряды.

Съ появленіемъ князей и съ постепеннымъ усиленіемъ ихъ власти и значенія, въ древнихъ русскихъ княжествахъ становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ новый классъ, носящій наименованіе дружины[1]). Безъ дружины немыслимъ князь древняго періода нашей исторіи, какъ и вождь древнихъ германцевъ. Тотъ и другой живутъ съ нею въ близкихъ товарищескихъ отношеніяхъ, раздѣляютъ съ ней и радость и горе. Подобно тому, какъ въ самомъ обществѣ даннаго времени замѣчается дѣленіе на людей лучшихъ, большихъ земскихъ бояръ, и на людей младшихъ, или меньшихъ (смердовъ), дружина древняго князя также раздѣлялась на двѣ части: первую часть, подъ наименованіемъ старшей дружины, составляли бояре, или мужи; въ отличіе отъ земскихъ бояръ и мужей, они назывались княжими мужами и боярами, при чемъ первоначально старшіе дружинники чаще всего назывались княжими мужами; съ конца XI вѣка, однако, они уже почти постоянно называются боярами. Младшіе дружинники носили наименованіе отроковъ, дѣтскихъ, гридей и др. Первыя два наименованія лишь раздѣльно выражаютъ то понятіе, какое изображается словами „молодь“, „молодшій“, употребляемыми нерѣдко для обозначенія вообще младшихъ, т. е., болѣе молодыхъ (и менѣе выдвинувшихся, по своей службѣ), дружинниковъ, чѣмъ бояре и мужи, члены старшей дружины; слово „гридь“ производятъ отъ слова „гридница“, комната, домъ: гриди, какъ и отроки съ дѣтскими, часто были домашними слугами князя и жили въ его княжескихъ покояхъ. Вся дружина въ цѣломъ своемъ составѣ являлась войскомъ князя; верхній-же ея слой — старшая дружина — входитъ, какъ извѣстно, въ составъ т. н. „Княжеской Думы“, личнаго Совѣта князя, или при князѣ. Затѣмъ старшіе дружинники, бояре, являлись начальниками княжескихъ отрядовъ младшіе же — въ мирное время были слугами при дворѣ князя и занимали низшія должности, а во время войны входили въ составъ тѣхъ-же княжескихъ отрядовъ. Первые варяжскіе князья были первоначально окружены выходцами изъ-за моря, варягами-норманнами, но притокъ этихъ выходцевъ, однако, оста-

1) Новѣйшія изслѣдованія о дружинѣ см. у. А. Е. Прѣснякова „Княжое право въ древней Руси“ (С.-П., 1909 г.). стр. 220 и сл. и у Н. П. П.- Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (С.-П., 1910 г.) стр. 348 и сл.

новился уже къ началу XI вѣка, а именно ко времени княженія Ярослава I, и хотя затѣмъ княжеская дружина всегда вмѣщала въ себѣ немало инородческихъ элементовъ (южныхъ кочевниковъ, угровъ и др.), но эти элементы рано растворились въ славянскомъ населеніи, тѣмъ болѣе, что съ XI вѣка приливъ въ дружину земскихъ бояръ (т. е. лучшихъ людей земщины) смѣняетъ здѣсь притокъ варяговъ. То обстоятельство, что варяжская дружина князей скоро ославянилась, имѣло громадное значеніе: если князь, ввиду тѣхъ свободныхъ, договорныхъ отношеній, какія существовали между нимъ и дружиною, долженъ былъ жить съ нею душа въ душу, мирнымъ дружескимъ союзомъ (откуда и наименованіе этихъ военныхъ товариществъ — дружиною), дѣля все съ нею, то и княжеская дружина могла лишь постольку быть заинтересована въ дѣлахъ данной волости или земли, поскольку она сама была связана своимъ происхожденіемъ и интересами съ самимъ туземнымъ населеніемъ [1]). Первоначальные пришлецы-варяги не имѣли никакихъ связей съ землею и были, какъ и князья, весьма подвижны: они были вездѣ, гдѣ была добыча, и куда ихъ звалъ храбрый князь; нерѣдко, впрочемъ, они мѣняли одного князя на другого, разъ онъ чѣмъ-либо не угождалъ имъ. Князь Кіевскаго періода, завися отъ вѣча, немало зависѣлъ также и отъ дружины своей, составлявшей его постоянное войско. Хотя во время походовъ — особенно походовъ, предпринимавшихся съ согласія вѣча, — можно видѣть въ составѣ княжескихъ дружинъ нерѣдко и земскія ополченія [2]), но послѣднія въ военномъ отноше-

1) Наши былины отлично рисуютъ близкія отношенія князя къ дружинѣ и нерѣдко сливаютъ его интересы съ интересами дружины, при чемъ въ нѣкоторыхъ былинахъ, напр., Вольгѣ—Волхѣ (подъ которымъ разумѣютъ Олега Святославича), князь представляется лицомъ, неустанно работающимъ на свою дружину: „дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ. . . Волхъ поилъ, кормилъ дружину хоробрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ“. . . (Объ отношеніяхъ князя и дружины по былинамъ см. у А. Маркова „Бытовыя черты русскихъ былинъ“. М. 1904 г.).

2) Противоположеніе княжеской дружины и земскаго войска иногда выступаетъ очень рѣзко въ лѣтописяхъ, и при томъ, сравнительно, поздно, напр., даже въ началѣ XI вѣка: Лаврентьевская лѣтопись подъ 1024 г. разсказываетъ, напр., что кн. Мстиславъ, готовясь къ одной битвѣ, „съ вечера исполчивъ дружину и постави Сѣверъ (т. е. сѣверянъ) въ чело противу Варягомъ, а самъ стасъ дружиною своею по крилома. . . И поиде Мстиславъ и Ярославъ противо себѣ и ступися чело Сѣверъ съ Варяги и трудишася Варязи сѣкуще Сѣверъ, и посемъ наступили Мстиславъ со дружиною своею и нача сѣчи Варяги“ (т. е. Варяговъ, пришедшихъ съ Ярославомъ). По окончаніи битвы, жертвами коей было ополченіе сѣверянъ, Мстиславъ, увидавъ ихъ трупы, а равно и трупы варяговъ, воскликнулъ: „кто сему не радъ? Се ляжитъ Сѣверянинъ, а се

ніи, вѣроятно, уступали дружинникамъ, для которыхъ война была привычнымъ дѣломъ. Чѣмъ значительнѣе, качественно и количественно, была дружина даннаго князья, тѣмъ менѣе нуждался князь въ народныхъ ополченіяхъ и вообще въ помощи земщинъ. Это заставляло князей дорожить добрыми отношеніями къ дружинникамъ, всячески жаловать ихъ. Дружинный строй, съ его высшимъ разрядомъ — княжими мужами и боярами, и низшимъ — гридями, дѣтскими и отроками, не есть явленіе только нашей исторіи, но онъ былъ у другихъ народовъ: ростъ княжеской, или королевской власти, вездѣ стоялъ въ прямой связи съ зачаткомъ особаго княжескаго войска, изъ среды котораго выходили, какъ совѣтники князя, такъ и его соратники, а равно и первые органы княжеской власти (у насъ — посадники, тіуны и пр.). Такъ, первоначальное войско германскихъ древнѣйшихъ князей, какъ и нашихъ князей, составлялось изъ лицъ, добровольно вступавшихъ на службу, лицъ свободнаго происхожденія, стоявшихъ къ князьямъ въ дружественныхъ товарищескихъ отношеніяхъ, что, тамъ и здѣсь, выразилось, между прочимъ, въ самомъ наименованіи этого войска. Такъ, у насъ это — дружинники, у нѣкоторыхъ германскихъ племенъ это — austaldi (у франковъ), hagustaldi (у саксовъ), что значитъ „люди живущіе въ домѣ князя“, его друзья[1]).

Свободныя договорныя отношенія, бывшія между этими „друзьями“ и германскими князьями, представляютъ много сходнаго, — даже въ подробностяхъ и въ наименованіяхъ, — съ тѣмъ, что было у насъ. Такъ, нашимъ мужамъ и старцамъ соотвѣтствуетъ viri, majores natu, отрокамъ — pueri regis (называемые еще словомъ Degen, что значитъ дѣти, наши дѣтскіе); наши гриди — слуги князя, живущіе въ его домѣ, въ его гридницахъ (отъ скандинавскаго слова gritt, что значитъ господскій или княжескій домъ) и т. д. Если принять во вниманіе, какъ лѣтопись употребляетъ слова отрокъ и дѣтскій, то надо будетъ притти къ выводу, что отроки были домашними слугами князей, а дѣтскіе — воинами, но, однако, изъ той-же лѣтописи видно, что отроки участвовали въ княжескихъ походахъ, въ качествѣ младшихъ дружинниковъ

Варягъ; а дружина своя цѣла“. Здѣсь ярко сказался, какъ намъ кажется, типъ князя-дружинника, противополагающаго еще свои силы силѣ народнаго ополченія.

1) Доказывая, что „огнищанинъ — членъ огнища, дома своего вождя“ А. Е. Пресняковъ замѣчаетъ, что „латинскій переводъ этого термина былъ-бы familiaris, domesticus“ („Княжое право“, стр. 231). Впрочемъ, дружинники уже съ X вѣка живутъ своимъ хозяйствомъ и владѣютъ дворами и движимостями, которые, по былинамъ, князь и конфискуетъ, въ случаѣ гнѣва на провинившагося въ чемъ-либо мужа своего.

(подобно дворянамъ, первоначально — дворовымъ людямъ князей). Старшіе дружинники у насъ, какъ и у германцевъ, стали пользоваться уже рано нѣкоторыми особыми правами: такъ за убійство „княжаго мужа“ полагается по Р. Правдѣ, какъ уже отмѣчалось выше, двойная вира (въ 80 гривенъ, тогда какъ за „людина“ лишь въ 40 гривенъ); за его муку (наказаніе безъ повелѣнія князя) — высшая продажа („Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи . . .; аже огнищанина мучить, то 12 гривенъ продажи . . ., Троиц. сп. 71, 72 ст.; продажа — пеня князю съ обвиненнаго въ преступленіяхъ противъ собственности и въ оскорбленіи личности). Есть также нѣкоторая особенность въ правѣ наслѣдованія послѣ бояръ и послѣ смердовъ. А именно по 103 статьѣ такъ наз. Карамзинскаго списка Русской Правды, если смердъ умираетъ бездѣтнымъ, наслѣдство послѣ него идетъ князю; если у него находятся въ домѣ невыданныя замужъ дочери, то онѣ получаютъ часть въ приданое; если дочери выданы уже замужъ, то онѣ не получаютъ этой части; по статьѣ-же 104-ой того-же списка, послѣ бояръ и боярской дружины наслѣдство не идетъ князю, но, если не осталось у наслѣдодателей сыновей, его получаютъ дочери[1]). Въ этомъ постановленіи нѣкоторые изслѣдователи видятъ привиллегію бояръ передавать свое наслѣдство, при неимѣніи сыновей, своимъ дочерямъ; другіе, однако, говорятъ, что это право всѣхъ вообще свободныхъ людей, кромѣ смердовъ.

Выдѣленіе изъ княжеской дружины людей лучшихъ, мужей и бояръ, могло дѣлаться уже рано по иниціативѣ самихъ князей, если къ этому бывали соотвѣтственные поводы. Подъ 992 г., напр., Лаврентьевская лѣтопись разсказываетъ о побѣдоносномъ единоборствѣ одного кожевника съ нѣкіемъ печенѣжскимъ богатыремъ, послѣ чего „Володимеръ-же великимъ

1) „Оже смердъ оумреть безъ дѣти, то задница (наслѣдство) князю; оже боудутъ оу него дьщери дома, то дати часть на ня (т. е. на нихъ); ажо ли боудуть за мужьями, то не дати части“ ст. 103); „а иже въ боярехъ или-же въ боярстѣи дроужинѣ, то за князя задница не идетъ; но оже не боудеть сыновъ, а въ дщери возьмуть“. — Такъ какъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды слова „безъ дѣти“ замѣнено словомъ „безажю“, что соотвѣтствуетъ, по толкованію ученыхъ, словамъ „безатчина“ „безадница“, а эти слова означаютъ, въ свою очередь, — „выморочное имущество“, т. е. имущество оставшееся, послѣ смерти даннаго лица, безъ наслѣдника, то слова „аще смердъ умреть безажю, то князю — задница“ надо понимать въ томъ смыслѣ, что выморочное имѣніе послѣ смердовъ идетъ князю, при чемъ слово смердъ въ этомъ случаѣ употребляется въ самомъ широкомъ смыслѣ, означая все свободное населеніе. Болѣе подробное толкованіе статей Русской Правды о наслѣдованіи будетъ дано при изученіи исторіи гражданскаго права.

мужемъ (т. е. бояриномъ) створи того (кожевника) и отца его.

Градскіе жители, гости и купцы; житьи люди въ Новгородѣ.

Первоначальныя наши племенныя княженія, расположенныя по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“, какъ и позднѣйшія варяжскія княжества, вели, какъ извѣстно, обширную какъ внутреннюю, такъ и въ особенности внѣшнюю, торговлю на сѣверѣ — съ скандинавскими народами и нѣмцами, на югѣ — съ Византіею, при чемъ центрами этой торговли были Новгородъ и Кіевъ [1]). Хотя, несомнѣнно, что въ изучаемый періодъ торговлею могло заниматься невозбранно все населеніе и мы видимъ въ числѣ торгующихъ всѣ части этого населенія, начиная съ князей и ихъ дружинъ и кончая сельскими жителями, но въ торговыхъ центрахъ съ незапамятныхъ временъ образовался особый классъ людей, спеціально посвящавшихъ себя торговымъ занятіямъ и именовавшихся гостями и купцами. Насколько этотъ классъ былъ важенъ и могущественъ, видно, между прочимъ, изъ того факта, что договоръ Игоря съ греками отъ 945 г. заключается отъ имени княжескихъ пословъ и гостей. („Мы отъ рода русскаго съли (послы) и гостье . . ., купецъ . . . (идетъ перечисленіе княжескихъ пословъ и купцовъ), посланіи отъ Игоря, великаго князя Русскаго и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій Русскія земли“ . . ., ст. I.). И этотъ случай не единственный. Въ указанномъ договорѣ слово „гость“ и „купецъ“ употребляются безразлично, но, несомнѣнно, что первое изъ этихъ словъ означало первоначально иноземныхъ или чужестранныхъ торговцевъ [2]), второе — туземныхъ, занимающихся внутреннею торговлею. Обиліе словъ, производныхъ отъ слова гость въ древнихъ памятникахъ (гостьба — торговля, гостебный

1) О торговлѣ см. подробно въ изслѣдованіи М. В. Довнаръ-Запольскаго „Исторія русскаго народнаго хозяйства“. (К., 1911 г.).

2) Слово гость надо производить отъ встрѣчающагося въ готскомъ языкѣ слова gasts, которое означало первоначально иноземца; латинское слово, ему соотвѣтствующее, есть hostis. Сначала врагъ, иноземецъ, приходя затѣмъ съ мирными и прежде всего съ торговыми цѣлями, превращается въ гостя, какъ иностраннаго (позднѣе — иногороднаго) купца. Въ этомъ уже смыслѣ слово гость употребляется въ памятникахъ изучаемаго времени. Такъ, по договору Олега 907 г.: „иже придутъ гости, да емлютъ мѣсячину; по договору Игоря 945 г. „ношаху сли печати злати, а гостье сребрена“ . . .; по Р. Правдѣ: „аще кто многымъ долженъ будеть, а пришедъ гость изъ иного города, или чужеземець, а не вѣдая запуститъ зань (за него) товаръ . . . то вести я (несостоятельнаго должника) на торгъ и продати и отдати же первое (прежде) гостеви кунъ . . . (69 ст. Карамз. сп.); по уставной грамотѣ кн. Всеволода ц. св. Іоанна 1135 г.: „а у гостя . . . имати (вѣсовой пошлины) у Низовскаго . . . у Полоцкаго“ и т. д. . . . (столько-то).

— торговый, гостинецъ великій — большая торговая дорога, погостъ — мѣсто гостьбы — торговли и др.), служитъ наглядным показателемъ развитія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ торговыхъ сношеній.

Торговый классъ вообще стоялъ на общественной лѣстницѣ непосредственно за боярами и принималъ нерѣдко участіе въ важнѣйшихъ общихъ дѣлахъ: подъ 1117 годомъ, суздальскій лѣтописецъ, разсказывая, напр., о мятежѣ, бывшемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, говоритъ, что „всташа бояре и купци, рекоучи: княже, мы тебѣ добра хочемъ, за тя головы свои складываемъ“; подъ 1195 г. читаемъ въ Новгородской лѣтописи, что „томьже лѣтѣ на зиму, позва Всеволодъ Новгородцы по Черниговъ, на Ярослава и на всѣ Ольгово племя. И Новгородцы не отъперешася ему: идоша съ княземъ Ярославомъ огнищане, и гридьба, и купцы“. Купцы (купчины) въ важнѣйшихъ городахъ, какъ, напр., въ Новгородѣ слагались въ отдѣльныя корпораціи (сотни)[1]), имѣли свои дворы, земли, вооруженныя дружины, для охраны ихъ каравановъ во время пути въ чужія земли. Памятники, говоря о купцахъ, прибавляютъ къ наиболѣе выдѣлившимся изъ нихъ эпитеты — „вячшіе“, „пошлые“, „старѣйшіе“, „добрые“ (купцы). Вячшіе купцы приглашались князьями на совѣщанія, изъ пошлыхъ выбирались старосты и пр. Купцы и гости, составляя вмѣстѣ классъ „градскихъ людей“, могли, повидимому, легко переходить въ разрядъ земскихъ, а позднѣе и княжескихъ бояръ, такъ какъ пріобрѣтеніе недвижимостей и рабовъ доступно было всякому, кто имѣлъ только для этого извѣстный достатокъ. Городскія поселенія вообще еще не были юридически обособлены отъ уѣздныхъ земель. Поэтому, если въ городахъ находимъ смердовъ, этихъ предшественниковъ, до XIV вѣка, нашихъ крестьянъ (или так. наз. „черныхъ“ и „молодшихъ“ людей“), то и внѣ городовъ мы видимъ купцовъ. Полное обособленіе городскаго населенія отъ сельскаго, а также и отъ служилаго класса — дѣло позднѣйшаго времени, но не изучаемаго періода. — Кромѣ гостей и купцовъ, какъ лучшихъ „градскихъ людей“, были, сообразно дѣленію каждаго класса населенія, въ городахъ еще „люди градскіе“ — „молодшіе“, „черные“, „худшіе“. Въ Новгородѣ городскіе жители, за исключеніемъ

1) Въ договорѣ Новгорода съ кн. Ярославомъ Ярославовичемъ отъ 1270 г. читаемъ, что „кто купець, тотъ (входитъ) въ сто; кто смердъ, тотъ потягнетъ ва свой погостъ“; въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславовича (отъ 1135 г.), данной ц. св. Іоанна Предтечи на Опокахъ говорится о выборномъ управленіи, состоящемъ изъ купцовъ, черныхъ людей и пр. причемъ указывается, что если „кто хочетъ въ купечество вложиться (войти) въ Иванское, дастъ купцемъ пошлымъ вкладу 50 гривенъ серебра“ . . .

„молодшихъ“, нерѣдко носили наименованіе „житьихъ (житыхъ) людей“, причемъ, повидимому, обычно, подъ этимъ именемъ разумѣлись наиболѣе зажиточные горожане, имѣвшіе свои дворы въ городѣ и земли внѣ его. Въ Новгородской судной грамотѣ они стоятъ непосредственно послѣ бояръ и передъ купцами, при перечисленіи состава вѣча. Рядъ народныхъ волненій въ XIV—XV вѣкахъ направляется въ Новгородѣ противъ „бояръ и житыхъ людей“ и сопровождается грабежомъ ихъ домовъ, имущества и селъ [1]).

Смерды.

Хотя торговля, и особенно торговля внѣшняя, заморская, была очень развита въ первые вѣка нашей исторіи, какъ на сѣверѣ (въ Новгородѣ), такъ на югѣ (въ Кіевской Руси), но торговля, по самой своей природѣ, могла сосредоточиваться, преимущественно, въ большихъ городскихъ центрахъ, лежавшихъ по важнѣйшимъ воднымъ системамъ, особенно по водному греческому пути; главная-же масса населенія, какъ жившая въ городахъ, такъ еще больше внѣ ихъ, въ безчисленныхъ поселкахъ — весяхъ, деревняхъ, вервяхъ, погостахъ и т. д. — занималась земледѣліемъ, скотоводствомъ, бортничествомъ (пчеловодствомъ), звѣроловствомъ и рыболовствомъ, дѣлая изъ того или другого вида занятій, то главный, то побочный промыселъ, смотря по характеру тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно обитало. Это с е л ь с к о е населеніе, — какъ-бы мы сказали теперь, примѣняясь къ современнымъ понятіямъ (въ древне-же время „селомъ“ называлось, по преимуществу, частновладѣльческое имѣніе) — носило разнообразныя наименованія, частію общія для всей русской земли, частію употреблявшіяся лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Общимъ наименованіемъ для всей земли надо признать слово с м е р д ъ. Слово с м е р д ъ употреблялось, впрочемъ, двояко: въ собственномъ, болѣе узкомъ смыслѣ, оно означало з е м л е д ѣ л ь ц а, въ широкомъ — оно обнимало в с ѣ х ъ свободныхъ жителей, за исключеніемъ князей и духовенства. Въ первомъ смыслѣ слово это употреблено, напр., въ извѣстномъ текстѣ лѣтописи отъ 1103 г., говорящемъ о съѣздѣ князей въ Любечѣ, на которомъ Владиміръ Мономахъ уговаривалъ союзниковъ итти на половцевъ: „дивно мнѣ, дружино, оже лошадей жалуете, ею же о р е т ъ (смердъ землю) а сего не промыслите, оже то начнетъ о р а т и с м е р д ъ, и, пріѣхавъ половчинъ, ударитъ и (его) стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ, иметь (возьметъ) жену его и дѣти его и все его имѣніе“; во второмъ — оно употребляется въ Русской Правдѣ, въ статьѣ, устанавливающей пени за кражу коня: „а

1) В. С. Иконниковъ „Опытъ русской исторіографіи“, т. II. кн. 1, стр. 613.

за княжь конь... 3 гривнѣ, а за смердѣй — 2 гривны (Акад. сп., 25 ст.; въ позднѣйшихъ спискахъ, какъ это указывается проф. Сѣргѣевичемъ, здѣсь, вмѣсто слова смердъ, стоитъ иной, т. е. всякій другой человѣкъ, кромѣ князя). Первое значеніе слова смердъ — позднѣйшее и болѣе употребительное чѣмъ второе. Смерды были свободнымъ населеніемъ, они имѣли собственность, какъ движимую (коней и пр.), такъ и недвижимую; они не наказываются, какъ холопы, безъ приказа общественной власти: такъ, по Русской Правдѣ нельзя мучить, т. е. наказывать, смерда „безъ княжа слова", т.-е. безъ суда князя; если-же кто это сдѣлаетъ — платитъ за обиду смерду 3 гривны. Затѣмъ они, какъ свободные люди, несутъ повинности въ пользу князя, платятъ дани; они вступаютъ въ княжеское войско, получая за то извѣстную долю въ военной добычѣ, вообще они подданные князя, но не рабы. Извѣстный разсказъ лѣтописи отъ 1071 г. о волхвахъ, производившихъ въ Бѣлозерской области смуту, передаетъ, что Янъ, воевода Святослава, узнавъ объ этомъ, спросилъ „чья еста смерда" (выше названные волхвы) и когда оказалось, что они смерды Святослава, потребовалъ ихъ выдачи на томъ основаніи, „яко смерда есть моего князя". Выраженіе „смерды князя" нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что они были его рабами или холопами князя, а лишь въ томъ, что они были его поддан-ными, жившими на государственныхъ земляхъ, или земляхъ князя, какъ правителя. Приведенное выше постановленіе Р. Правды о томъ, что наслѣдство послѣ смердовъ идетъ князю (когда у нихъ не было сыновей), объясняютъ въ томъ смыслѣ, что князь получаетъ это наслѣдство, „какъ представитель общества", т. е., какъ представитель общественной власти. Кромѣ того смерды могли жить и, насколько извѣстно, жили весьма часто, на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, обрабатывая на разныхъ условіяхъ ихъ землю. По Псковской судной грамотѣ, смерды, жившіе на частно-владѣльческихъ земляхъ, носили наименованіе изорниковъ (отъ глагола изорати — вспахати), кочетниковъ (отъ слова кочетъ — колъ у лодки для привязки весла) и огородниковъ; изорники — это были земледѣльцы, кочетники — рыболовы, бравшіе въ аренду т. н. „исады" (рыбныя ловли) и огородники, нанимавшіе землю подъ огороды; встрѣчается тамъ же и наименованіе исполовникъ; исполовники — это тѣже огородники, названные такъ потому, что уплачивали половину своего дохода собственнику (работали изъ половины дохода[1]).

1) Новѣйшій очеркъ вопроса о смердахъ см. у А. Е. Прѣснякова „Княжое право", стр. 206 и сл., 279 и сл.

Закупы.

При тѣхъ крупныхъ землевладѣльческихъ хозяйствахъ, которыхъ существованіе въ изучаемый періодъ не подлежитъ сомнѣнію, экономическое положеніе смердовъ не могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ, какъ ввиду постоянныхъ войнъ и усобицъ, благодаря которымъ собственность смердовъ и даже ихъ семьи, постоянно подвергались опасности разграбленія („пріѣхавъ половчинъ, ударить и (смерда) стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его и дѣти и вся его имѣніе“ — говоритъ лѣтописный разсказъ), такъ и ввиду того, что кредитъ былъ тогда очень дорогъ, денегъ было мало и достать ихъ было очень трудно. Неудивительно, что наиболѣе бѣдные изъ смердовъ нанимались на работу въ чужія имѣнія, шли въ батраки, или, по терминологіи изучаемой эпохи, въ закупы. Закупы были, во-1-хъ, ролейные, т. е. занимавшіеся земледѣліемъ, землепашествомъ (ролейный — отъ ролья — пашня, рало — соха), которые жили на землѣ нанимателя и получали отъ него необходимый инвентарь и плату за работу; и во-2-хъ дворовые, жившіе на дворѣ хозяина. О первыхъ Русская Правда гласитъ: „еже далъ ему (закупу) господинъ плугъ и борону, отъ него же купу (купа — плата за работу) емлеть, то погубивше платити“ (Троиц. сп., 53 ст.). — „Аже изъ хлѣва выведутъ (скотъ), то закупу не платити. Но же погубить (потеряетъ) на поли и въ дворъ не вженеть (не загонитъ) и не затворить, гдѣ ему господинъ велить, или орудья своя дѣя (т.-е. дѣлая свое дѣло), а того погубить, то ему платити“ (54 ст.). Закупы были люди свободные, имѣли свое имущество (отарицу), могли заключать договоры, имѣли право иска противъ нанимателя, могли быть свидѣтелями, но въ небольшихъ только тяжбахъ (какъ люди зависимые). Господинъ въ свою очередь, имѣлъ право на наказаніе закупа, однако, лишь за вину его, иначе онъ платитъ за закупа, какъ за свободнаго [1]). Но, если закупъ убѣгалъ отъ господина тайно, то превращался въ холопа („Аже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель“, т.-е. обельный холопъ, Троиц.

1) Важнѣйшія статьи Р. Правды сюда относящіяся, гласятъ слѣдующее: „идетъ ли (закупъ) искать кунъ (т.-е. занять у кого-нибудь денегъ), а явлено ходить (т.-е. уходитъ не тайно, а явно со двора хозяина), или ко князю, или къ судьямъ бѣжитъ, обиды дѣля (вслѣдствіе обиды со стороны) своего господина, то про то не робять его (не обращаютъ въ раба), но дати ему правдоу“ (судъ); Троиц. сп., ст. 52; „а въ малой тяжѣ (маломъ дѣлѣ), по нужи взложити (послушество) на закупа“; ст. 59; „аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть. Биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежь, такоже и въ закупѣ“, 55 ст.

сп. 52)[1]). Въ общемъ, положеніе закупа, какъ свободнаго человѣка, среди многочисленныхъ холопей, или челяди, господина, не могло быть особенно благопріятнымъ. Послѣдній стремился и его превратить въ раба своего и, хотя законъ запрещалъ это, грозя наказаніемъ ослушникамъ, но уже само это запрещеніе показываетъ, что подобныя дѣйствія господъ на практикѣ бывали. Это нерѣдко было легко сдѣлать, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ, приписавъ закупу намѣреніе бѣжать отъ господина тайно, или обвинивъ его въ преступленіи. Затѣмъ при несостоятельности по винѣ, закупъ могъ быть проданъ съ публичнаго торга. Нѣкоторые изслѣдователи поэтому считаютъ закупничество полусвободнымъ состояніемъ, переходною ступенью къ холопству или рабству, институту, имѣвшему большое юридическое и экономическое значеніе въ изучаемое время. Поскольку дѣло идетъ здѣсь о фактическомъ положеніи закуповъ, такое утвержденіе можетъ быть принято; однако, de jure закупъ, несомнѣнно, свободной человѣкъ („Бьетъ-ли . . . закупа безъ вины (хозяинъ), то якоже въ свободнѣмъ платежь“ . . . говоритъ Р. Правда), но свобода его, какъ человѣка безземельнаго и мало-обезпеченнаго экономически, всегда висѣла на волоскѣ. Интересно, что въ древнихъ греческихъ памятникахъ словомъ закупъ передавалась греческое слово ἡμίδουλος т. е. полурабъ, отлично показывающее, каково было, если не юридическое, то экономическое положеніе закуповъ.

Мы изложили кратко одну теорію закупничества, выводящую этотъ институтъ изъ договора личнаго найма. Но есть другая основная теорія, полагающая, что въ основѣ закупничества лежалъ заемъ, соединенный съ самозалогомъ, а также и третья, которая видитъ въ закупничествѣ соединеніе договора личнаго найма съ договорами займа, обезпеченнаго самозакладомъ (ея представители Чичеринъ, Ковалевскій и др.[2]). Если первая теорія, основывающаяся прежде всего на томъ, что въ самой Русской Правдѣ слово „закупъ“ замѣняется словомъ „наймитъ“ и что глаголъ „купить“ когда-то понимался въ смыслѣ „нанять“, является наиболѣе развитою В. И. Сергѣевичемъ (въ I томѣ его „Русскихъ юрид. древностей“) и принимается весьма многими учеными, то вторая, въ

1) Если превращеніе дѣлалось не вслѣдствіе бѣгства закупа, или не вслѣдствіе его преступленія, то хозяинъ за это отвѣчалъ по Р. Правдѣ: „продасть ли господинъ закупа обель (т.-е. продастъ въ рабство), то наймиту (закупу) свобода во всѣхъ кунахъ (деньгахъ), а господину за обиду платити 12 гривенъ продажѣ“; 55 ст.

2) Подробный разборъ всѣхъ этихъ теорій находится въ новѣйшемъ изслѣдованіи И. И. Яковкина „Закупы Русской Правды.“ I. (Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія, 1913 г., апрѣль).

свою очередь, раздѣлялась Неволинымъ, Мейеромъ, и др., а въ настоящее время раздѣляется проф. Вл.-Будановымъ, Леонтовичемъ, и др. Въ недавнее время проф. М. А. Ясинскій вновь подымаетъ вопросъ о закупничествѣ въ своей статьѣ „Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права“ (Сборникъ по исторіи права, стр. 430 и сл.) и утверждаетъ, что попытка проф. Сергѣевича установить новое понятіе о закупничествѣ, какъ о договорѣ личнаго найма (до этой попытки, впервые изложенной авторомъ въ 1890 г., большинство авторовъ разсматривало закупничество, какъ договоръ займа), возбуждаетъ рядъ вопросовъ и недоумѣній. Такъ, авторъ спрашиваетъ, „почему во всѣхъ 6-ти статьяхъ Р. Правды, посвященныхъ непосредственно закупамъ, многократно употребляемое тамъ слово „закупъ“ замѣняется словомъ „наймитъ“ лишь одинъ только разъ, точно случайно, хотя этотъ послѣдній терминъ былъ хорошо извѣстенъ нетолько Р. Правдѣ, но и другимъ древнимъ памятникамъ XIII—XIV вв?“. Затѣмъ авторъ также спрашиваетъ, почему, закупъ, бѣжавшій отъ своего господина, обращается въ полное рабство, какъ о томъ гласитъ Р. Правда: „неужели нарушеніе договора личнаго найма, при всѣхъ возможныхъ ограниченіяхъ по адресу наймита въ пользу и интересахъ нанимателя, могло влечь за собою столь суровыя послѣдствія для перваго изъ нихъ? Не естественнѣе ли, не правдоподобнѣе ли предположить, что бѣгство закупа приводило его къ полному рабству потому, что въ основѣ закупничества лежалъ не какой-либо иной договоръ, а именно договоръ займа, сопровождавшійся самозалогомъ — займа, при которомъ, по воззрѣніямъ древнихъ народовъ, должникъ разсматривался какъ вещь, цѣна каковой должна была въ извѣстныхъ случаяхъ удовлетворить заимодавца, или кредитора?“ Закупъ, по автору, не наймитъ, а должникъ, обезпечивавшій свой долгъ залогомъ или закладомъ своей личности кредитору и погашавшій этотъ долгъ работою. Вопросъ о закупахъ и о закупничествѣ продолжаетъ доселѣ различно разрѣшаться нашими учеными. Такъ, въ недавнее время, В. А. Удинцевъ въ своемъ изслѣдованіи „Исторія займа“ (К., 1908 г.), касаясь неоднократно вопроса о закупничествѣ, приводитъ цѣлый рядъ соображеній, заставляющихъ его „исключить закупничество изъ отношеній по займу“ и снова возвратиться къ утвержденію, что „закупъ — это наймитъ“ (стр. 167 и сл.). Наоборотъ, проф. Goetz и авторъ изслѣдованія „Закупы Русской Правды“ И. И. Яковкинъ стоятъ за теорію займа[1]). Такъ колеблется доселѣ взглядъ

1) Первый изъ названныхъ ученыхъ, впрочемъ, не безъ колебаній, второй — весьма рѣшительно, какъ это видно, между прочимъ, изъ приведеннаго ниже его общаго вывода; что-же касается проф.

на этотъ важный вопросъ нашей древности. Недостаточная опредѣленность свѣдѣній нашихъ первоисточниковъ по вопросу о закупахъ не даетъ, на нашъ взглядъ, возможности рѣшить вполнѣ категорически, которая изъ двухъ указанныхъ теорій можетъ быть признана вполнѣ пріемлемою. Сравнительное же изученіе вопроса объ образованіи въ древнихъ обществахъ состоянія, подобнаго состоянію нашихъ закуповъ (т. н. liti, aldiones и т. п.) показываетъ, какъ намъ кажется, что происхожденіе ихъ было весьма сложно и едва-ли его можно пріурочить къ одной какой-либо формѣ договора. На почву сравнительнаго изученія вопроса сталъ И. И. Яковкинъ, что вполнѣ, конечно, правильно. Къ сожалѣнію, авторъ, — привлекши къ изученію вопроса обширный матеріалъ славяно-русскихъ и частію греческихъ первоисточниковъ, — изъ германскихъ первоисточниковъ остановился только на норвержскомъ правѣ, посколько послѣднее изслѣдовано K. Mauer'омъ и Amira; слѣдовало-бы, однако, обратиться и къ другимъ leges barbarorum, отчего рѣшеніе вопроса выиграло-бы во всесторонности. Во всякомъ случаѣ, сравнивая „постановленія Р. Правды о закупахъ съ нормами норвежскаго права, регулирующими отношенія по Schuldknechtschaft“ (или по „долговой кабалѣ“), авторъ находитъ между ними „полное соотвѣтствіе“ [1]). Авторъ при этомъ склоненъ объяснять это соотвѣтствіе вліяніямъ скандинавскаго права на русское и думаетъ, что „слѣды такого чужеземнаго вліянія съ отчетливостью запечатлѣлись именно въ закупничествѣ“ (ibid., стр. 108 и сл.). Аналогіи древнерусскаго и древненорвежскаго права по вопросу о за-

---

Goetz'a, то въ I-мъ томѣ своего труда „Das Russische Recht“ онъ переводитъ слово закупъ словомъ Mietarbeiter, т. е. наймитъ, батракъ, (стр. 39, 41, 45 и др.) а въ III — Schuldknecht (стр. 263 и сл.) и утверждаетъ, наоборотъ, что „Zakupničestvo nicht ein Mietverhältnis, sondern ein Schuldverhältnis ist“ (стр. 266), т. е. становится на сторону теоріи найма, а займа.

1) А именно, по автору, „1) точно также, какъ „Schuldknecht“, закупъ принадлежалъ къ числу свободныхъ, хотя старыя воззрѣнія на заложившагося должника, какъ на раба кредитора, были живы и въ норвежскомъ правѣ и въ нашей Правдѣ, 2) какъ Schuldknecht, такъ и закупъ, подлежали юрисдикціи господина, 3) какъ въ Норвегіи, такъ и на Руси въ эпоху Правды не дошли еще до признанія полной самостоятельности заложившагося въ сферѣ имущественныхъ правъ, но и тамъ и тутъ ему выдѣлялось обыкновенно peculium и 4) Schuldknecht и закупъ могли освободиться отъ власти господина только уплатою ему суммы долга, и, стремясь доставить задолжавшему возможность этого, норвежское и русское право разрѣшаетъ ему отлучаться отъ кредитора для путешествій по странѣ въ поискахъ требуемой суммы, но при этомъ та и другая правовая система одинаково карали самовольно убѣжавшихъ“. (Журн. Мин. Народ. Просв., 1913 г., май, стр. 119.)

купахъ не укрылись и отъ другого автора, а именно отъ Goetz'a („Das Russische Recht", III, стр. 268 и сл.), но, онъ, однако, не рѣшается говорить здѣсь о вліяніи, что и правильно, на нашъ взглядъ, такъ какъ эти аналогіи во 1-хъ имѣются не въ одномъ только скандинавскомъ правѣ, а во 2-хъ объясняются въ данномъ вопросѣ также, какъ и въ другихъ случаяхъ — сходствомъ экономическихъ условій, создавшихъ институтъ закуповъ, этихъ „полурабовъ" какъ у насъ, такъ и въ Скандинавіи; вліяніе-же ея права на наше требуетъ особыхъ изысканій, которыхъ авторомъ не дѣлается. Во всякомъ случаѣ, сравнительный анализъ закупничества по нашему и норвежскому праву, если и неразрѣшилъ вопроса о закупахъ, то прибавилъ въ пользу теоріи займа, соединеннаго съ самозакладомъ должника, немало цѣнныхъ данныхъ. Мы лично остаемся при мнѣніи о сложности института закупничества.

§ 3.

Несвободное населеніе.

Холопы; понятіе, наименованія.

Холопство, или рабство, есть несвободное состояніе, встрѣчающееся, въ той или иной формѣ, у всѣхъ народовъ древности, на извѣстной стадіи ихъ хозяйственнаго быта[1]). Начало его должно быть отнесено ко временамъ еще доисторическимъ. Что касается славянъ вообще и русскихъ въ частности, то извѣстія объ институтѣ рабства у нихъ идутъ еще отъ VI вѣка; самые древніе памятники нашей исторіи говорятъ уже о холопахъ постоянно, что служитъ явнымъ указаніемъ на важное значеніе когда-то этого института въ экономической жизни страны. Есть извѣстія также о томъ, что число рабовъ уже въ самой глубокой древности было у насъ весьма значительно; ихъ видѣли во множествѣ на рынкахъ Чернаго и Каспійскаго морей, а частно-владѣльческія села были наполнены холопами, такъ что обработка земли и всякаго рода сельскіе промыслы въ значительной мѣрѣ велись именно ими. Несвободные, или рабы, носили въ древности различныя наименованія. Такъ, они обозначались словами: холопъ (мужчина), роба (женщина), челядинъ (во множ. числѣ — челядь), обель, дьренъ (одьренъ); въ концѣ изучаемаго періода слово „холопы" замѣняется нерѣдко словомъ „люди". Отъ словъ „обель", „одеренъ" образовались выраженія „обельный", „дерноватый" или „одерноватый" (холопъ). Слово „обель", „обельный" сближаютъ съ

1) І. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства (М. 1907 г.).

нынѣ существующимъ словомъ „облый“, что значитъ круглый, полный и, по аналогіи съ „людьми полными“, — выраженіемъ встрѣчающимся въ позднѣйшихъ памятникахъ (отъ XIV вѣка) и означающимъ „полныхъ“ холоповъ (т. е. настоящихъ), — обельнаго холопа считаютъ холопомъ полнымъ, или вѣчнымъ, совершеннымъ, отличая его отъ холоповъ неполныхъ, или кабальныхъ, явившихся уже въ Москвѣ. Слово „одьренъ“ (дьренъ) происходитъ отъ слова дернь, дернъ. Въ древности у насъ былъ въ употребленіи символъ дерна, а именно передачею куска дерна съ земли закрѣплялся переходъ ея отъ одного собственника къ другому, почему купить землю „въ дернь“ „купить себѣ одерень“ значило пріобрѣсти ее въ собственность, „въ прокъ безъ выкупа“, какъ еще писалось въ купчихъ. Отсюда — одерноватый холопъ, крѣпкій своему господину, вѣчный, настоящій холопъ [1]). Слово „рабъ“ въ это время не употреблялось, хотя было извѣстно уже Р. Правдѣ, какъ слово „роба“ (т. е. несвободная женщина), такъ и глаголъ „робить“, въ смыслѣ „обращать въ рабство“ (такъ господинъ „не робить“, по Р. Правдѣ, закупа при явномъ уходѣ его для займа денегъ, или даже при бѣгствѣ его для принесенія жалобы на господина). Позднѣе, приближаясь къ Московскому періоду, холопы называются, какъ сказано, также „людьми“, съ прибавкою эпитетовъ — „полные“ „дѣловые“, „страдные“ и т. д. Холопство было, въ изучаемый нами періодъ исторіи, полное, потомственное, вѣчное, т. е, такое холопство, къ которому больше всего примѣнимо положеніе еще римскаго права: servi sunt res. Наоборотъ, въ слѣдующій періодъ является, подъ вліяніемъ христіанства и по другимъ причинамъ, холопство временное, а не вѣчное.

Способы установленія холопства.

Обращаясь къ указанію способовъ установленія холопства, надо прежде всего замѣтить, что, хотя Р. Правда гласитъ вполнѣ категорически, что есть три способа установленія обельнаго холопства (а именно продажа себя въ рабство, женитьба на рабѣ безъ договора съ ея господиномъ, коимъ выговарива-

1) Можно предположить, что при продажѣ свободнаго человѣка въ рабство, употребляется какой-либо символъ съ дерномъ (напр., присяга съ дерномъ); намекъ на это имѣется въ одной статьѣ Кормчей книги, въ которой говорится, что, если человѣкъ идетъ въ услуженіе въ тяжелое (голодное) время (у тошна времени), то дернъ, ему не надобѣ („аще ся дасть человѣкъ у тошна времени, или жена — то дернъ ему не надобѣ; а поидеть прочь, дастъ 3 гривны, а служилъ даромъ“), т. е. человѣкъ, временно отдающій себя въ услуженіе, остается свободнымъ и можетъ уйти, уплативъ 3 гривны, а потому съ нимъ и не продѣлывается символической обрядности съ дерномъ, какъ знака его обращенія въ холопство.

лась свобода вступившаго въ бракъ, и вступленіе безъ такого-же договора въ тіуны, или ключники), и заставляетъ поэтому думать, что указываемые ею 3 способа установленія рабства [1]) — единственные, но они, въ дѣйствительности, не только не единственные, но даже и не главные. Такъ, сама Р. Правда знаетъ, какъ источникъ рабства, преступленіе, а именно закупъ превращается въ обельнаго холопа, когда онъ убѣгаетъ отъ господина, или когда крадетъ что-нибудь [2]). Затѣмъ источникомъ рабства является несостоятельность по обязательствамъ, принятымъ на себѣ купцомъ [3]) и рожденіе отъ холопа („отъ челяди плодъ, аки отъ скота"). [4]) Всѣ эти способы извѣстны Р. Правдѣ. Но былъ еще одинъ способъ установленія холопства, ею не называемый, но весьма важный, по крайней мѣрѣ съ количественной точки зрѣнія, а именно —

1) „А холобьство обельное трое: еже кто купить, хотя и до полугривны, а послухы поставить, а ногату дасть предъ самѣмъ холопомъ, а не безъ него: а другое (т. е. второе) холопьство: поиметь робу, а безъ рядоу; поиметь-ли съ рядомъ, како ся боудеть рядилъ, на томъ-же и стоить; а се третіе холопьство: тиунство безъ ряда, или ключь къ себѣ привяжетъ; съ рядомъ-ли, то како ся боудетъ рядилъ, на томъ же и стоить" (ст. 119, 120, 121 Карамз. списка). Въ первой статьѣ предписывается производить куплю-продажу холоповъ передъ свидѣтелями, при чемъ покупщикъ долженъ былъ, — въ знакъ совершенія договора — дать продавцу, при холопѣ, ногату (мелкую монету); такой способъ продажи былъ установленъ на случай спора о томъ, кому принадлежитъ рабъ. Во второй и третьей говорится, что взятіе „безъ ряду" (рядъ — уговоръ, договоръ) рабы для женитьбы на ней, какъ и вступленіе „безъ ряда" въ тіуны и ключники (приказчики и управители) ведетъ къ рабству. Въ Судебникахъ постановленіе статьи 120-ой выражается въ формулѣ „по робѣ холопъ, по холопѣ роба".

2) „Оже закоупѣ (закупъ) оуведеть что" (подразумѣвается скотъ), то господинъ въ немъ (не платитъ), но еже и гдѣ налѣзуть, то передъ заплатить господинъ его конь, или ино что боудеть взялъ, а ему холопъ обельный" (Карамз. сп., 74 ст.), т. е., если закупъ украдетъ, то господинъ не отвѣчаетъ за него; но, если его гдѣ-нибудь найдутъ потомъ, то прежде всего господинъ долженъ заплатить за коня, или что-либо другое, имъ украденное, а закупъ обращается въ обельнаго холопа.

3) По одной изъ статей Р. Правды торговая несостоятельность, явившаяся по винѣ купца, могла вести къ рабству, если кредиторы не хотѣли ждать уплаты за взятый товаръ („то како любо тѣмъ, чии (чей) то (тотъ) товаръ, ждуть-ли ему (должнику), а своя имъ воля, продадятъ-ли" . . .; Троицк. сп. 50); по другой, если кто будетъ долженъ многимъ, а гость, или чужеземецъ, не зная этого, дастъ такому человѣку товаръ въ кредитъ и должникъ затѣмъ не будетъ въ состояніи ему заплатить долга, то надо было „вести (его) на торгъ и продать", въ томъ случаѣ, когда мѣстные кредиторы начнутъ препятствовать кредитору-чужеземцу получить свой долгъ (Карамз. сп., ст. 69).

4) По статьѣ 93 Троицкаго списка Р. Правды „отъ челяди плодъ или отъ скота" считается движимымъ имуществомъ семьи (ср. 111 ст. Карамз. списка).

плѣнъ. Плѣнные, обыкновенно, въ древности обращались въ рабство и на это есть множество указаній въ первоисточникахъ. Такъ, напр., по сказанію лѣтописи, „Ольга овыхъ (однихъ плѣнныхъ древлянъ) изби, а другихъ работѣ передастъ мужемъ своимъ"; „предать работѣ" и значило „отдать въ рабство", или холопство. Сообщая о походѣ Андрея Боголюбскаго на Новгородъ въ 1173 г., лѣтопись говоритъ, напр., что воины князя „и предшедше только въ землю ихъ, много зла створиша: села взяша и пожгоша и люди посѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша и скоты поимаша". Плѣнники, или „полоняники", составляли важный предметъ торговли, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, договоры русскихъ съ греками. Ихъ выводили на рынки, при чемъ особенно удачные походы, сопровождавшіеся захватомъ большаго числа плѣнныхъ, весьма вліяли на пониженіе цѣны ихъ на рынкахъ. Въ 1169 г., напр. новгородцы захватили такъ много плѣнныхъ суздальцевъ, что „купляху суждальць по 2 ногатѣ"; по тому времени цѣна эта была совершенно незначительная, такъ какъ здѣсь плѣнный человѣкъ оцѣнивался втрое меньше козы и овцы, въ пять разъ меньше свиньи и въ 30 разъ меньше кобылы (коза и овца цѣнилась тогда по 6 ногатъ, свинья въ 10 ногатъ, а кобыла въ 60 ногатъ). Плѣнные брались иногда тысячами и, конечно, тогда стоимость ихъ на рынкѣ весьма понижалась, хотя вообще они были въ цѣнѣ: не говоря уже о рабахъ, пользовавшихся довѣріемъ господъ и занимавшихъ различныя должности (тіуновъ, старостъ сельскихъ и др.), даже простой рабъ „рядовичъ", — какъ называетъ его Р. Правда, — оцѣнивался въ 5 гривенъ (въ гривнѣ-же было 20 ногатъ). Отсюда ясно, какъ низка была цѣна тѣхъ суздальцевъ, о которыхъ было сказано выше. Плѣнные, повидимому, поступали не въ вѣчное холопство и могли быть, либо выкупаемы, либо отмѣниваемы; во всякомъ случаѣ плѣнъ, по крайней мѣрѣ до XIII вѣка, является весьма обильнымъ источникомъ рабства и лишь позднѣе, въ Московскій періодъ, размѣры его сокращаются; со второй половины XVI вѣка полагаются преграды къ установленію холопства посредствомъ плѣна (путемъ выкупа, обмѣна плѣнныхъ), но плѣнъ все таки продолжаетъ быть de facto источникомъ рабства и не исчезаетъ совершенно до конца XVII вѣка.

Юридическое положеніе холоповъ.

Что касается юридическаго положенія холоповъ, то оно вообще опредѣлялось тою формулою, что рабы суть вещи, а не лица, хотя церковь, какъ это будетъ отмѣчено ниже, рано начала заботиться объ улучшеніи положенія холоповъ. Подтвержденіе сказанной формулы прежде всего находимъ въ томъ, что по Русской Правдѣ за убійство кѣмъ-либо чужого холопа или

рабыни, „безъ вины“ съ ихъ стороны, платится князю не вира (обычная пеня за убійство свободнаго человѣка), а лишь т. н. продажа, т. е. штрафъ, который взыскивался, обыкновенно, за имущественное правонарушеніе, причемъ потерпѣвшій получалъ за убытокъ (который нанесенъ ему убіеніемъ его раба или рабы), т. наз. урокъ, т. е. опредѣленную сумму денегъ [1]). Убійство раба кѣмъ-либо, за вину съ его стороны, не наказуется. Убійство рабовъ ихъ господами разсматривалось первоначально какъ уничтоженіе своей собственности и было поэтому въ волѣ собственника.

Холопъ, не будучи лицомъ, а будучи вещью, не имѣлъ права иска на господина и не отвѣчалъ самъ предъ общественною (княжескою) властью за свои преступленія, почему князь и не наказывалъ рабовъ („не казнилъ“) продажею въ случаѣ совершенія ими кражи; вознагражденіе за кражу человѣку, пострадавшему отъ дѣянія холопа, уплачивалъ его господинъ и уплачивалъ въ двойномъ количествѣ (сравнительно съ убыткомъ, происшедшимъ отъ кражи) [2]). Впрочемъ, хозяинъ раба могъ, либо „выкупить“ вину раба своего, либо отказаться отъ него, выдавъ его потерпѣвшему [3]). Такъ какъ холопъ былъ собственностью господина, то Р. Правда, содержащая вообще очень много постановленій о рабахъ, защищаетъ эту его собственность противъ всякаго третьяго лица и защищаетъ весьма энергично, что наглядно указываетъ на важное экономическое значеніе рабства въ данное время. Если рабъ убѣгалъ, а хозяинъ производилъ о немъ такъ наз. закличь (объявленіе) на торгу (на рыночной площади) и, если послѣ этого рабъ не былъ представленъ въ теченіи 3-хъ дней его хозяину, то послѣдній могъ взять его безъ „свода“ (т. е. безъ извѣстной уже намъ процедуры интерціаціи), при чемъ владѣлецъ раба въ данное время уплачивалъ, за его укрывательство, пеню въ 3 гривны [4]) Если

1) „А въ холопѣ и робѣ вирѣ нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ“ (продажи); Троиц., 84 ст.

2) „Аже будетъ холопи татие . . ., іхъ же князь продажею не казнить, зане суть не свободни, то двонче платить ко истьцю за обидоу“. (Троиц. сп., ст. 42); изъ другой статьи того же списка Р. Правды видно, что „урокъ“ за раба, укравшаго вещь, платитъ его господинъ (ст. 114).

3) „Аже холопъ крадеть кого-либо, то господину выкупати и (его), любо выдати“. . . (ibid., 115 ст.) „аче-же холопъ кдѣ куны вложить (займетъ) (или вылжетъ, т. е. добудеть деньги обманомъ), а онъ (кредиторъ) будетъ не вѣдая (что имѣлъ дѣло съ холопомъ) вдалъ, то господину выкупати и али лишитися его... (холопа). Вѣдая ли будетъ далъ, а кунъ ему лишитися“. (110 Троицкаго сп.; срав. 127 ст. Карамз. списка).

4) „А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведутъ его, а познаетъ и третіи день, то свой челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи“ (ст. 26 Троицкаго списка).

владѣлецъ раба могъ доказать добросовѣстность своего владѣнія, съ него не взыскивался штрафъ за кражу, но онъ, однако, долженъ былъ возвратить раба (32 ст. Троицкаго списка Р. Правды). Когда о бѣжавшемъ рабѣ была сдѣлана его господиномъ заповѣдь (тоже, что и закличь) „на торгу́“, т. е. на рынкѣ, и когда, зная объ этомъ, кто-либо далъ-бы рабу, или рабынѣ, хлѣба или указалъ-бы имъ путь-дорогу, то платилъ хозяину то, что стоилъ обыкновенный рабъ или раба [1]).

Рабы могли имѣть свое имущество [2]), заниматься торговлею и промыслами [3]), однако, имущество ихъ не было вообще ограждено отъ притязаній господъ и считалось собственностью послѣднихъ; но зато господа отвѣчали за ихъ долги [4]). Холопы вообще не допускались къ свидѣтельству на судѣ, но, въ крайности, когда не было свидѣтеля свободнаго, можно было возложить обязанность быть послухомъ (свидѣтелемъ т. н. доброй славы отвѣтчика; наши послухи — conjuratores, или Eideshelfer'ы, соприсяжники древне-германскаго права — должны быть отличаемы отъ видоковъ, свидѣтелей въ собственномъ смыслѣ) на „боярскаго тіуна на дворскаго“ [5]), т. е. на управляющаго, или на приказчика, боярскаго двора; доносы холоповъ на господъ въ древнее время не допускались [6]). Разрядовъ рабовъ, живущихъ на княжескихъ и боярскихъ дворахъ, было нѣсколько; чѣмъ выше они стояли въ довѣріи господъ своихъ и чѣмъ болѣе важныя должности занимали, тѣмъ больше цѣнились они (за убійство тіуновъ, напр., взималось столько-же сколько и за убійство свободнаго человѣка, 1 ст. Троицкаго списка); только поэтому тіуны и допускались къ свидѣтельству на судѣ.

---

1) „Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть (объявитъ на торговой площади) господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба іли оукажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, за робу 6 гривенъ“ (ibid., 106 ст.).

2) „Аже латининъ дасть княжю хълопоу въ заемъ или иномоу доброу члвку (иначе — или боярьскоу), а оумрете (холопъ) не заплативъ, а кто емльть его остатькъ (наслѣдство), томоу платити немчиноу“ (т. е. нѣмцу; 12 статья договора Смоленска съ нѣмцами 1229 г.). Въ этомъ постановленіи видятъ, прочемъ, смягченіе постановленій Русской Правды.

3) „Аже пустить (господинъ) холопъ (холопа) въ торгъ, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитись его“. (Троиц. 111 ст.).

4) „Оже холопъ бѣгая добоудеть товару, то господину холопъ и долги, господину же и товаръ“ (130 статья Карамзин. списка Р. Правды).

5) „А послушество на холопа не въскладаютъ, но оже не будетъ свободнаго, то по ноужи сложити на боярьска тиоуна на дворьскаго; а на иныхъ (холоповъ) не въскладати“ (ibid., 77 ст.)

6) По договору Новгорода съ Ярославомъ Ярославичемъ 1270 г. постановляется не давать вѣры обвиненіямъ холопами господъ („а холопъ или роба почнеть вадити на господу, тому ти вѣры неяти)“.

Вліяніе христіанской церкви на улучшеніе положенія холоповъ.

Таково было юридическое положеніе холоповъ, поскольку оно можетъ быть изображено въ общемъ и краткомъ очеркѣ. Какъ мы сказали, христіанская церковь рано начала работать надъ смягченіемъ весьма тяжелаго, какъ юридически, такъ и фактически, положенія холоповъ. Авторитетное и часто весьма сильно звучавшее слово представителей церкви направлялось и противъ суровости самаго права, и противъ злоупотребленія имъ. По выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка епископа Серапіона, богатые и сильные, „аки звѣрье жадали, абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнія порабощали, не миловали сиротъ (рабовъ), не знали человѣческаго естества; другія-же имѣнія(ми) не насыщешася, и свободные сироты порабощаютъ и продаютъ“, т. е., если были господа обращавшіеся съ рабами, не признавая ихъ „человѣческаго естества“, то были другіе, которые стремились даже и свободныхъ „порабощать“ и „продавать“. Способовъ для этого было много, какъ это было уже указано выше: злоупотребленіе ими было всегда возможно, тѣмъ болѣе, что слабый человѣкъ, хотя-бы и незакономѣрно обращенный въ рабство, рѣдко могъ жаловаться, а затѣмъ и находить себѣ защиту на судѣ сильныхъ. Лишь церковь, въ рядѣ проповѣдей, стояла за смягченіе участи рабовъ и защищала ихъ. Рабовладѣніе въ изучаемый періодъ, какъ позднѣе — крѣпостное право, было основою хозяйственнаго быта страны, торговля рабами велась въ огромныхъ размѣрахъ, почему эта проповѣдь и не оказываетъ долго замѣтнаго вліянія. Замѣчательно, что другой знаменитый писатель начала XIII вѣка, Даніилъ Заточникъ влагаетъ въ уста даже приближеннаго къ господину холопа (а слѣдовательно, и лучше поставленнаго экономически) жалобу на свою участь и желаніе перейти въ подданные князя (холопы не были подданными князей, а были частною собственностью ихъ господъ): „лучше мнѣ видѣть“, говоритъ такой холопъ, „свою ногу въ лапти, нежели въ красномъ сапогѣ, въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все-же дну его не избыть своей черноты; такъ и холопу. Сколько ни гордись онъ, но укора ему не избыть — холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дворѣ, нежели медъ въ боярскомъ дворѣ“ [1]). Подъ вліяніемъ церкви и ея проповѣди у насъ, какъ и вездѣ, положеніе холоповъ начало смягчаться не только фак-

1) Щапов. „Голось древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“. Казань, 1859 г.

тически (въ силу требованій церкви обращаться съ холопами милостиво, кормить ихъ, не насиловать и т. п.), но и юридически. А именно являются постановленія, въ которыхъ холопъ уже не разсматривается, какъ вещь господина, до которой нѣтъ никому дѣла, но, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественная власть приходитъ къ нему на помощь. Прежде всего это смягченіе дѣлается въ области семейнаго права, подлежавшаго, со времени введенія у насъ христіанства, вѣдомству церкви. Такъ, по Р. Правдѣ, если господинъ имѣлъ связь съ своею рабою и отъ этой связи имѣлъ дѣтей, то до смерти господина они были его собственностью, послѣ же его смерти они, вмѣстѣ съ матерью, получали свободу, но, однако, не наслѣдовали послѣ него („Аще боудоуть робьи дѣти оу моужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ (съ) матерью", ст. 110 Карамз. списка). По уставу вел. князя Всеволода-Гаврила отъ XII вѣка „о церковныхъ судѣхъ и о людяхъ" и пр., освобожденные, вмѣстѣ съ матерью, дѣти рабы („робичичи", какъ ихъ называетъ уставъ) получали, впрочемъ, „конь, да доспѣхи и покрутъ, по разсмотрѣнію живота", т. е., здѣсь находимъ еще болѣе благопріятное разрѣшеніе вопроса объ освобождаемыхъ дѣтяхъ рабыни: они нетолько освобождаются вмѣстѣ съ матерью, но и получаютъ все необходимое на первоначальное обзаведеніе, въ качествѣ гражданъ. Другой случай — освобожденія рабыни предусмотрѣнъ въ договорѣ Новгорода съ Нѣмцами отъ 1195 г.: по 14-ой статьѣ договора, кто совершаетъ насиліе надъ рабой, тотъ платитъ гривну, „за обиду"; если при этомъ онъ ее „соромитъ" (срамитъ), то она освобождается отъ рабства („оже кто рабу поверьжетъ насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; пакили соромитъ, собѣ свободна"). Наконецъ, третій случай — это освобожденіе рабовъ, которымъ причинено было увѣчье, по винѣ ихъ господъ, что, впрочемъ, явилось уже не ранѣе конца XIV вѣка.

Изгойство и изгои.

Осуждая весьма энергично стремленіе обращать въ рабство людей свободныхъ и заботясь также всѣми мѣрами объ отпущеніи рабовъ на волю, церковь стремилась вообще помочь выходящимъ на волю холопамъ, которыхъ положеніе было часто очень тяжело, особенно ввиду того, что господа брали съ выкупающихся на свободу лишнія, противъ обычной цѣны рабовъ на рынкѣ, деньги, что называлось изгойствомъ; церковь внушала, что это — тяжкій, смертный грѣхъ и грозила за изгойство страшнымъ судомъ Божіимъ: „о горѣ (хуже) всего тѣмъ, которые берутъ изгойство: не увидятъ милости, непомиловавшіе равнаго себѣ, созданнаго рукою Божіею человѣка, ненасыщающіеся, недовольные урочною цѣною за свободу и полагающіе цѣну

не по закону Божію", говоритъ, напр., одно изъ церковныхъ поученій. Надо при этомъ замѣтить, что здѣсь слово изгойство употребляется въ особомъ спеціальномъ смыслѣ, отличномъ отъ того, какой соединяется обычно со словами изгой и изгойство. Въ упоминавшемся уже нами уставѣ великаго князя Всеволода-Гаврила „о церковныхъ судѣхъ и о людяхъ" и пр. (1125—1136 гг.) между такъ назыв. „церковными людьми" упоминаются „изгои трои (т. е. три вида изгоевъ): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ исъ (изъ) холопьства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ (говоритъ князь о себѣ): аще князь осиротѣетъ". Такимъ образомъ есть 4 вида изгойства (или 4 вида изгоевъ) и изъ нихъ второй означаетъ, по названному уставу, холопа, выкупившагося изъ холопства. Если въ приведенномъ выше церковномъ поученіи „изгойство" понимается, какъ взятіе съ выкупающагося на волю раба излишнихъ, противъ обычая, денегъ, то въ названномъ уставѣ изгой есть человѣкъ, вышедшій изъ своего прежняго состоянія. Такими, вышедшими изъ прежняго состоянія (или союза) и невошедшими ни въ какое другое состояніе, людьми, являлся еще, кромѣ вольноотпущеннаго холопа, „поповъ сынъ", незнавшій грамоты и, слѣдовательно, немогшій, по смерти своего отца, исполнять его обязанности, несостоятельный купецъ, потерявшій свой прежній кредитъ по торговлѣ и, наконецъ, осиротѣвшій князь, лишившійся, благодаря этому сиротству, наслѣдованія въ удѣлѣ своего отца. Этимологія слова изгой не можетъ считаться вполнѣ установленной: обыкновенно, производятъ это слово отъ предлога изъ и глагола гоить, что значитъ жить. Во всякомъ случаѣ, изгой — человѣкъ, вышедшій изъ своего союза, а именно, по мнѣнію однихъ ученыхъ — изъ родоваго, помнѣнію другихъ — изъ общиннаго, но невошедшій еще въ другой союзъ. Положеніе такихъ „бывшихъ людей", — какъ ихъ можно бы было назвать — было вообще въ старину очень тяжелое и эта тяжесть положенія объединяла всѣ виды изгойства, какіе только (кромѣ что перечисленныхъ) могли являться по экономическимъ и инымъ условіямъ времени. Р. Правда защищаетъ изгоя, какъ свободнаго человѣка, почему за убійство его полагается вира въ 40 гривенъ (1 ст. Акад. сп.)

II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Административное дѣленіе княжествъ.

Города и волости.

Первоначальное управленіе въ русскихъ княжествахъ перваго періода исторіи отличалось большою простотою и несложностью; органы центральнаго и мѣстнаго управленія еще не выдѣлились другъ отъ друга; различныя функціи управленія сосредоточивались весьма нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ-же рукахъ; личные слуги князей являлись въ то же время исполнителями общественныхъ обязанностей, а доходы князей вовсе не отличались отъ общегосударственныхъ доходовъ; управленіе носило, кратко говоря, частной-правовой характеръ и весьма мало походило на то, что мы привыкли теперь соединять съ понятіемъ „государственнаго“ управленія. Нѣкоторые историки нашего права, какъ, напр. Б. Н. Чичеринъ, утверждаютъ даже, что нетолько у первыхъ нашихъ князей, но и у князей позднѣйшаго времени (т.-е. у князей московскаго времени) „не было еще понятія объ общественныхъ потребностяхъ, составляющихъ предметъ государственнаго управленія: если первые князья — „пріобрѣтя въ подчиненныхъ имъ областяхъ право суда и право на полученіе дани“, — „на эти права смотрѣли единственно, какъ на источникъ доходовъ, какъ на средство обогатить свою дружину“, то то-же продолжалось и позднѣе, когда князья изъ начальниковъ дружины превратились „въ вотчинниковъ“, такъ какъ „характеръ управленія остался тотъ-же и въ немъ, какъ въ частномъ хозяйствѣ, вся цѣль состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами [1])“. Кажется, однако, что означенный взглядъ на характеръ древняго нашего управленія несовсѣмъ вѣренъ: хотя государственныя начала управленія были тогда весьма еще неразвиты, но сводить всю цѣль управленія къ получе-

1) Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (М. 1856 г.), стр. 2. Обратный взглядъ на вопросъ находимъ у А. Е. Прѣснякова, выводы котораго „ведутъ къ признанію за русскими князьями древнѣйшей исторической эпохи болѣе активной, болѣе творческой роли, чѣмъ та, какая, обычно, имъ приписывается въ нашей исторіографіи“. Не видя основаній для характеристики русскаго города на зарѣ нашей исторической жизни, какъ самоуправляющейся общины, авторъ доказываетъ что „въ основѣ древнѣйшаго городскаго строя лежала организація, созданная „княжескою силою“ („Княжое право“, стр. 217 и сл.).

нію доходовъ княземъ и его слугами значило-бы отвергать совершенно (для данной эпохи) самостоятельное значеніе особыхъ задачъ управленія, всегда и вездѣ существующихъ. Если князь правилъ только для того, чтобъ получать доходы, то представляется совсѣмъ необъяснимымъ, что заставляло вѣчевыя собранія нетолько сносить это управленіе, но еще и призывать князей постоянно въ тѣ или другія волости? Повидимому, само населеніе оцѣнивало дѣятельность князей по управленію не съ одной только точки зрѣнія извлеченія ими изъ волостей бо́льшихъ или меньшихъ даней и пошлинъ, но находило въ ней и другія стороны, полезныя сами по себѣ для развитія въ странѣ порядка и гражданственности. Нѣтъ сомнѣнія, что какое-бы значеніе не придавалось отдѣльными князьями и ихъ слугами полученію доходовъ, однимъ этимъ полученіемъ не исчерпывалась, даже для изучаемаго времени, цѣль управленія тѣми или другими волостями. Населеніе, конечно, наглядно испытывало на самомъ себѣ ту роль, какую играло полученіе доходовъ въ организаціи княжескаго суда и управленія, — что и выразило, напр., превосходно въ былинахъ [1]) — но мысль, что князья въ тоже время являлись устроителями порядка и защитниками населенія отъ людей сильныхъ, не оставляла его, однако, совершенно и нашла себѣ выраженіе во многихъ извѣстіяхъ лѣтописей, рисующихъ князей таковыми устроителями и защитниками.

Послѣ этихъ общихъ небольшихъ замѣчаній, перейдемъ къ краткому очерку управленія въ изучаемый періодъ и прежде всего остановимся на административномъ, или правительственномъ, дѣленіи княжествъ. Мы уже указали выше, какъ именовались территоріи отдѣльныхъ княженій, при чемъ отмѣтили, что нѣкоторыя изъ этихъ наименованій, какъ, напр., волость (или власть) употреблялись какъ для означенія территоріи всего даннаго княженія, такъ и его отдѣльныхъ частей, составляющихъ, въ правительственномъ отношеніи, одно цѣлое, или, иначе говоря, единицу управленія; волость — и часть государства, и все государство-княженіе. Каждое государство-княженіе (или государство-волость) подраздѣлялось на волости, какъ провинціи,

1) По одной изъ былинъ такъ говорится, напр., о князѣ Романѣ, въ которомъ узнаютъ извѣстнаго Волынскаго князя:

„Онъ, вѣдь, ѣздилъ Ромашко въ дальни города,
Собирать-то онъ ѣздилъ дани-пошлины.
Что за тѣ-ли за годички все за прошлые.
Обратился домой только ненадолго-то,
Опять прожилъ во градѣ только полъ-мѣсяца,
Поѣзжаетъ опять, а онъ за пошлиною“ —

или уѣзды (какъ-бы можно было сказать, примѣняясь къ позднѣйшей терминологіи), и города съ пригородами. „Волость“, въ этомъ смыслѣ части даннаго государства, есть, по опредѣленію проф. Вл.-Буданова, „округъ, подчиненный каждому пригороду въ отдѣльности; она заключаетъ въ себѣ укрѣпленныя и неукрѣпленныя сельскія общины“. Волости, какъ административные округа, на которые подраздѣлялись княжества, весьма древнее наименованіе и о нихъ идутъ извѣстія съ первыхъ временъ изо всѣхъ земель: въ Новгородской землѣ, напр., самыя раннія договорныя грамоты Новгорода съ князьями уже говорятъ о томъ, что князь не долженъ „держати волостей новгородскихъ своими мужами“, но долженъ „держати мужи новгородскіе“, не долженъ раздавать волостей „безъ посадника“, и „безъ вины мужи волости не лишати“, при чемъ, какъ „волости новгородскія“ перечисляются „Волокъ, Торжекъ“ и многіе другіе пригороды Новгорода съ ихъ землями. Эти пригороды съ ихъ землями „тянули“, какъ тогда говорили, „судомъ и данью по землѣ и водѣ“ къ главному городу, т. е. были ему подчинены въ отношеніи судебномъ и финансовымъ, какъ части его территоріи.

Верви и погосты.

Волости, какъ части даннаго княжества, или его уѣзды, подраздѣлялись на верви и погосты, при чемъ первое наименованіе встрѣчается какъ въ южныхъ, такъ и сѣверныхъ княжествахъ, второе-же — только въ сѣверныхъ (въ земляхъ Новгородской, Смоленской, Суздальской и др.); каждое изъ этихъ двухъ наименованій — древнѣйшаго происхожденія и оба они обозначаютъ наименьшее дѣленіе первоначальныхъ нашихъ княжествъ, ихъ ячейки, изъ коихъ выросли, постепенно слагаясь въ волости, сначала племенныя, а затѣмъ и другія земли, какъ особыя княжества. Коснемся каждаго изъ этихъ наименованій отдѣльно и посмотримъ, что разумѣется подъ ними въ первоисточникахъ. Что касается прежде всего этимологіи слова вервь, то она является спорною. Одни ученые производятъ слово вервь отъ общаго индо-европейскаго корня Warf, Hwarf. „Кажется“, замѣтилъ еще Карамзинъ, „что слово вервь, употребленное въ смыслѣ округи, есть нормандское, или шведское Hwarf“. Такое производство слова признается многими и донынѣ; намъ, оно, однако, не представляется убѣдительнымъ[1]). Другіе, наобо-

1) Надо обратить вниманіе на то, что новѣйшіе германисты (какъ, напр. v. Amira, Brunner, R. Schröder) придаютъ словамъ Hwarf, Warf, Werf (отъ которыхъ производятъ у насъ слово вервь) вовсе не значеніе округи, округа, т.-е. территоріальнаго подраздѣленія волостей, а значеніе mallus, folcgemot, ding, Thing, что значитъ вѣчевое собраніе, вѣче (народное собраніе — Volksversamm-

ротъ, производятъ его отъ слова веревка, вервіе[2]) и полагаютъ, что такъ назывался округъ, пространство коего было измѣрено веревкою (или вервію, какъ называются иногда веревка). Что земли у насъ, какъ и у другихъ народовъ, въ первоначальныя времени измѣрялись веревками, это не подлежитъ сомнѣнію. Даже отъ позднѣйшаго времеии, а именно отъ XVII вѣка, дошли до насъ такъ наз. „веревныя книги“: онѣ сохранились въ волостяхъ крайняго сѣвера (въ нынѣшней Архангельской губерніи) и ихъ изслѣдовательница, г-жа А. Ефименко, утверждаетъ, что по этимъ книгамъ (описывавшимъ точно землю, которая принадлежитъ каждому двору) „вервь имѣетъ 64 веревныхъ сажени, а веревная сажень — около — 250 квадратныхъ саженъ“. Здѣсь „вервь“ — чисто-территоріальная единица, въ ней забыта уже всякая родовая связь, но въ эпоху племенныхъ княженій, какъ и въ первыя вѣка русскаго государства, она была еще семейно-территоріальною общиною (подобной задругѣ). Что-же касается Р. Правды, то въ ней вервь является уже только территоріальною единицею, какъ это мы отмѣтимъ ниже, что само по себѣ, однако, не указываетъ еще на то, что она утратила въ это время совершенно старое свое значеніе (семейно-территоріальной общины), а значитъ лишь, что составители Р. Правды коснулись одной стороны ея устройства, опредѣленіе значенія которой имъ было важно, но не занимались другими ея сторонами. Относительно-же этимологіи слова вервь замѣтимъ, что болѣе вѣроятій за славянское происхожденіе этого слова, чѣмъ за германское и притомъ за то значеніе, какое это слово и производныя отъ него слова имѣютъ у славянъ, а именно — за значеніе связи по родству, связи, лежавшей, какъ сказано, въ основѣ первоначальной верви У хорватовъ слово вервь (vrv) означаетъ родъ, у сербовъ вервникъ — родственникъ. Верви Русской Правды соотвѣтствуетъ также польское „ополе“, или vicinia.

Какъ уже отмѣчено, о верви говоритъ Р. Правда, при чемъ въ однихъ постановленіяхъ своихъ, она возлагаетъ на

---

lung), какъ бы слѣдовало перевести эти слова, примѣняясь къ нашей древней терминологіи. Но, если это такъ, аналогія значенія слова вервь съ словами Hwarf, Warf, Werf дѣлается, какъ намъ кажется, невозможной.

1) См. сводъ мнѣній объ этомъ производствѣ въ „Изслѣдованіяхъ по Русской Правдѣ“ проф. П. Н. Мр.-Дроздовскаго (М. 1885 г.), вып. II, стр. 134 и сл. Впрочемъ, И. М. Собѣстіанскій, авторъ сочиненія „Круговая порука у славянъ“ и пр. (Хар., 1888 г.), не соглашается съ производствомъ термина „вервь“ отъ веревки и говоритъ, что „слово вервь имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ латинскимъ linea и французскимъ ligne (la), которыя означаютъ нетолько веревку, но и связь родства, родъ“ (стр. 144 и сл.); ср. также брошюру М. Н. Ясинскаго „Село и вервь Русской Правды“ (Кіевъ, 1906 г.).

всѣхъ членовъ верви обязанность платить виру, въ другихъ же — эта обязанность падаетъ лишь на тѣхъ изъ нихъ, которые „вложились“ въ такъ наз. „дикую виру“. Разсмотримъ отдѣльно тѣ и другія постановленія. Перваго рода постановленія гласятъ, что, если убьютъ умышленно (въ разбоѣ) княжа мужа (или „огнищанина“ по другимъ спискамъ), а убійцу (головника) не сыщутъ, то виру (виревную) въ 80 гривенъ платитъ та вервь, въ которой найденъ убитый („въ чьей же верви голова лежитъ“); если же былъ убитъ „людинъ“, то вервь платитъ 40 гривенъ [1]). Второго рода постановленія разрѣшаютъ платить верви такъ наз. „дикую виру“, — если убійцы (головника) нѣтъ налицо, — во столько лѣтъ, во сколько она можетъ ее выплатить. Когда же убійца находится въ самой верви, то послѣдняя, либо помогаетъ ему въ уплатѣ виры, — въ случаѣ, если онъ раньше вносилъ свою часть въ общую складчину, — либо платитъ дикую виру въ 40 гривенъ, при чемъ самъ убійца платитъ такъ наз. „головничество“ (вознагражденіе за убійство, или „за голову“, взносимое родственникамъ убитаго), въ уплату же виры (пени за убійство, шедшей князю) вноситъ только свою часть. Но, если онъ убилъ кого въ ссорѣ (въ свадѣ), или на пиру явно, то вервь платила по раскладкѣ („по вервинынѣ“) изъ общей суммы той складчины, которая добровольно дѣлалась между членами верви (Троицк. сп. ст. 4); если-же кто изъ членовъ верви не вложился въ дикую виру, (т.-е. не внесъ своей доли на ея уплату), тому люди не помогаютъ въ уплатѣ пени за убійство, но онъ самъ ее платитъ (ibid., ст. 6). Мы изложили, по возможности, кратко содержаніе весьма темнаго и спорнаго постановленія Р. Правды второго рода — о правѣ членовъ верви принимать, или не принимать участіе въ уплатѣ такъ наз. „дикой виры“. Изъ этого постановленія нѣкоторые ученые (напр. И. Д. Бѣляевъ) дѣлали тотъ выводъ, что сама „вервь“ была союзомъ, устроеннымъ добровольно для платежа „дикой виры“. Но такое утвержденіе прежде всего противорѣчитъ перваго рода постановленію, изъ котораго ясно видно, что вервь была территоріальною единицею [2]), а не простымъ безземельнымъ союзомъ

1) „Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои, а головника не ищють, то виревную платити въ чей-же верви голова лежитъ, то 80 гривенъ; пакиль людинъ, то 40 гривенъ“ (Троиц. сп. 3 ст.; ср. Академ. сп., 19 ст.).

2) Что вервь наша была территоріальною единицею, это еще съ большею ясностью видно изъ процедуры исканія вора по слѣду извѣстной какъ нашей Русской Правдѣ, такъ и leges barbarorum, (подъ именемъ vestigii minatio и др.). Такъ, напр., если земля будетъ, разсѣчена, или на землѣ будетъ найденъ знакъ ловли, или сѣть, то надо было по верви искать вора; въ противномъ же

людей (вервь, по приведенной выше 3-ей статьѣ Троицкаго списка Русской Правды, платить виру, когда на ея землѣ найдена голова убитаго). Скорѣе надо признать, что наряду съ вервью, какъ территоріальною единицею (т. е., какъ подраздѣленіемъ волости, подобномъ погосту), Р. Правда признаетъ вервь, какъ общество лицъ, связанныхъ добровольно между собою такъ наз. „круговою порукою“. Эта круговая порука, или общая отвѣтственность общины за убійство и за кражу, извѣстна и у другихъ славянъ, а также и у древнихъ германцевъ. Вира, взыскиваемая не съ одного преступника, а со всей такой общины, называется у насъ дикою[1]). Слово дикій надо понимать, по толкованію ученыхъ, въ смыслѣ, либо слова общій, такъ что „дикая вира“ — это вира платимая всею вервью сообща (Соловьевъ), либо въ смыслѣ слова чужой, такъ что „дикая вира“ есть вира, платимая за чужую вину (Дубенскій; другія толкованія см. у Собѣстіанскаго, ibid., 154). То и другое толкованіе возможно принять, такъ какъ „дикая вира“, дѣйствительно, платилась вервью сообща и за чужую вину. Общее заключеніе изъ всего сказаннаго то, что, по Р. Правдѣ, въ случаѣ умышленнаго убійства, когда вервь не отыскала преступника, отвѣтственность за убійство падаетъ на всю общину, какъ на территоріальную единицу; въ случаѣ, если убійство было непредумышленное, на пиру или въ ссорѣ, вервь помогаетъ убійцѣ въ уплатѣ пени только въ томъ случаѣ, когда онъ былъ вкладчикомъ въ „дикую“, или общую „виру“. Изъ Р. Правды невидно, сохранила ли эта территоріальная община родственныя связи; объ этомъ лишь можно заключить изъ другихъ данныхъ.

Въ сѣверныхъ княжествахъ, какъ сказано, вервь, какъ подраздѣленіе волости, носила наименованіе погоста. Первое извѣстіе о погостахъ относится къ 947 г.: подъ этимъ годомъ Лаврентьевская лѣтопись сообщаетъ, что в. кн. Ольга „устави по Мстѣ погосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“. Какъ ни кратко это свидѣтельство лѣтописи, но то обстоятельство, что здѣсь о погостахъ говорится въ связи съ данями и оброками, заставляло изслѣдователей уже давно притти къ тому

случаѣ — платить князю продажу („оже будетъ разсѣчена земля, или на землѣ знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть, по верви искати къ себѣ татя, а либо продажу платити“, „Карамз. сп., ст. 80). О производствѣ исканія вора по слѣду у древнихъ германцевъ и у насъ см. мою статью „Начальныя стадіи процесса виндикаціи движимостей по leges barbarorum“ (въ Сборникѣ по исторіи русскаго права, посвященномъ М. Ф. Вл.-Буданову).

1) О дикой вирѣ (wildes Wergeld) см. подробно у Goetz'a „Das Russische Recht“, т. III, стр. 25, 29, 46 и сл., 49.

заключенію, что погосты имѣютъ отношеніе къ вопросу объ этихъ даняхъ и оброкахъ, почему часто и называютъ погосты (какъ, впрочемъ, и верви) финансовыми, или податными, округами. Въ пользу этого предположенія есть доказательства, между прочимъ, въ такъ наз. писцовыхъ книгахъ, гдѣ описываются владѣнія княжескія, частныя и пр. Въ этихъ книгахъ погосты противополагаются нерѣдко присудамъ. Такъ какъ присуды — судебные округа, то погосты уже потому, между прочимъ, надо считать податными округами, что судъ, съ одной стороны, дани и повинности — съ другой, составляли весьма важный интересъ тогдашняго управленія; если одни округа вѣдали судъ, то другіе должны были вѣдать сборъ этихъ даней и наблюденіе за несеніемъ повинностей. Погостъ, будучи податнымъ округомъ, имѣлъ извѣстный центръ, гдѣ жили сборщики податей и другіе органы управленія, такъ что словомъ погостъ въ источникахъ обозначается, какъ самъ округъ, такъ и его главное поселеніе. Такъ какъ погосты были очень древняго происхожденія, то нѣкоторые ученые (Неволинъ и др.) предполагаютъ, что въ языческое время погосты были мѣстами отправленія языческаго богослуженія. Если-же мы примемъ во вниманіе производство слова погостъ отъ слова гость, то можно допустить, что уже въ незапамятныя времена къ этимъ мѣстамъ народныхъ сборищъ стекались торговцы-чужеземцы, которые и могли дать свое имя тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они вели свой торгъ, какъ они дали это имя самому своему торгу (иностранная торговля называлась тогда „гостьбою“, а „гостить“ значило торговать), или тѣмъ дорогамъ, по которымъ они вели этотъ торгъ (большая проѣзжая дорога называется въ Р. Правдѣ „гостинецъ великій“: „аже погубятъ (потеряютъ) слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ“. . . говоритъ 70 статья Троицкаго списка). Такое торговое мѣсто могло быть весьма удобно обращено позднѣе въ правительственный округъ податнаго характера. Нѣкоторые ученые настаиваютъ на церковномъ значеніи погостовъ и утверждаютъ, что „погосты, въ качествѣ церковно-административныхъ центровъ, составляли обычное явленіе“ (Папковъ и др.) Такое значеніе погостовъ есть явленіе, однако, болѣе поздняго времени, вѣроятно, — начала Московскаго періода, такъ какъ о „погостскихъ церквахъ“ и о мѣстахъ для погоста, какъ кладбища и поселенія причта, свѣдѣнія идутъ отъ XV вѣка, при чемъ изъ писцовыхъ книгъ видно, что часто въ этихъ погостахъ, какъ правительственныхъ округахъ, первоначально не было ни церквей съ усадьбами причта, ни кладбищъ, т. е., иначе говоря, погосты въ раннее время, до XV вѣка по крайней мѣрѣ, не могли быть, во многихъ случаяхъ, церковно-

административными центрами. Надо еще оговориться, что, хотя мы и называемъ верви и погосты правительственными округами, но называемъ ихъ такъ не въ томъ смыслѣ, что они были учреждены правительствомъ того времени (т. е. князьями), но только въ томъ, что они вѣдали задачи тогдашняго управленія; сами-же верви и погосты происхожденія, вѣроятно, доисторическаго; ими лишь воспользовалась правительственная власть для своихъ фискальныхъ цѣлей, какъ уже готовыми пунктами, около которыхъ слагались народныя поселенія.

Сотни и потуги.

Указанныя выше подраздѣленія волостей на верви и погосты не были единственными въ древней Руси; кромѣ нихъ извѣстны еще сотни, потуги и др. Памятники права довольно безразлично упоминаютъ эти всѣ термины, нерѣдко замѣняя одно другимъ; въ свою очередь и нѣкоторые ученые считаютъ возможнымъ разсматривать эти термины, какъ разныя лишь наименованія, касающіяся однихъ и тѣхъ-же понятій. Извѣстный историкъ нашего права И. Д. Бѣляевъ, напр., говоритъ въ своемъ изслѣдованіи „О круговой порукѣ на Руси“, что „по всей землѣ, гдѣ жилъ русскій народъ, были устроены общины круговой поруки, извѣстныя подъ именемъ вервей, погостовъ, волостей (?), сотенъ и подъ другими наименованіями; общины устраивались по добровольному согласію членовъ, а не по принужденію, и правительство въ это дѣло вовсе не вмѣшивалось, а только признавало законность такого порядка дѣлъ“. Мы пытались выше провести развитіе между вервями и погостами, по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальномъ значеніи. Позднѣе, во второй половинѣ изучаемаго періода, эти различія сгладились и съ точки зрѣнія управленія оба подраздѣленія стали весьма близко подходить другъ къ другу. Тоже надо сказать о сотняхъ и потугахъ. Первоначально между этими единицами была большая разница: сотни были подраздѣленія чисто-военнаго характера, потуги — податнаго; позднѣе они стали выполнять въ управленіи то же назначеніе, что и верви, погосты и проч. Подраздѣленіе земскихъ народныхъ войскъ по численному составу ихъ (на сотни, тысячи и т. д.) есть явленіе общее многимъ народамъ на первоначальныхъ стадіяхъ ихъ культуры; въ древнегерманскомъ правѣ встрѣчаемъ, напр., такъ наз. centenae, Hunderte, Hundertschaften, сотни; первоначально это — настоящая сотня воиновъ, которая даетъ затѣмъ свое наименованіе уже сотнѣ, какъ округу, какъ подраздѣленію такъ наз. pagus, Gau, нашей волости, на части; во главѣ этого округа стоитъ сотскій, центенарій (centenarius). Позднѣе, впрочемъ, слово сотня и сотскій получили еще болѣе широкое при-

мѣненіе: какъ сотскій съ теченіемъ времени сталъ нетолько органомъ военнаго, но и гражданскаго управленія, такъ и сотня — гражданскимъ обществомъ. Такъ, напр., въ Новгородѣ купеческія общества носили наименованіе сотенъ: „а купецъ пойдетъ въ свое сто (т. е. въ свою сотню), а смердъ потянетъ въ свой потугъ, (или иначе въ своей „погостъ"), какъ гласитъ одинъ древній актъ. Потугъ, повидимому, какъ былъ первоначально, такъ и остался позднѣе податнымъ округомъ, къ которому тянули тяглые люди того времени — смерды и др.; въ качествѣ податнаго округа, слово потугъ могло замѣнять словами погостъ, вервь и пр., поскольку они пріобрѣли также значеніе податныхъ единицъ, или платежныхъ округовъ, къ которымъ были причислены жители для несенія податей и повинностей [1]).

Глава II.

Органы и предметы управленія.

Органы и предметы княжескаго управленія.

Въ изучаемомъ періодѣ нашей исторіи, князья являлись не только центральною, но и мѣстною властью, такъ какъ ихъ управленіе лично и непосредственно простиралось нетолько на всю землю-государство, но и на его отдѣльные округа, волости и ихъ части, гдѣ присутствіе князя упраздняло дѣйствіе мѣстныхъ властіей. Какія-же мѣстныя власти, или органы власти центральной, были въ изучаемое время? Прежде всего здѣсь надо назвать посадниковъ. Посадники, какъ показываетъ само наименованіе слова, были люди, посаженные княземъ въ данной мѣстности, для управленія и суда надъ жителями оной. Посадники явились вмѣстѣ съ первыми князьями. Уже Рюрикъ, сдѣлавшись послѣ смерти братьевъ своихъ единодержавнымъ правителемъ, сталъ раздавать волости мужамъ своимъ; изъ Лаврентьевской лѣтописи мы узнаемъ, что „по дву же лѣту (правленія 3-хъ братьевъ, т. е. въ 864 г.), Синеусъ умре и братъ его Труворъ и прія власть Рюрикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, овому Бѣлоозеро". Впервые, впрочемъ, выраженіе „посадить мужей своихъ" въ городахъ (т. е. сдѣлать изъ нихъ посадниковъ) является въ той же лѣтописи подъ 882 г., гдѣ объ Олегѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что „поиде Олегъ, поимъ вои

1) Новѣйшія соображенія о сотняхъ и сотскихъ, высказанныя въ литературѣ, см. у А. Е. Преснякова „Княжое право", стр. 173 и сл. и у Н. П. П. Сильванскаго „Феодализмъ въ уд. Руси", стр. 93 сл.

многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Весь, Кривичи и придѣ къ Смоленьску съ Кривичи и прія градъ и посади мужи свои; откуда поиде внизъ и взя Любецъ и посади мужъ свой". Обыкновенно, занятіе чужой волости сопровождалось надѣленіемъ ея княжескимъ посадникомъ, если занятіе это было результатомъ военнаго похода; если же волость добровольно присоединялась къ какому-либо княжеству, она брала у него сама посадника, какъ бы въ выраженіе своей покорности его князю: въ 1147 г. „послаша", напр., „куряне (въ знакъ своей покорности) къ князю (пословъ) и пояша у него посадникъ къ себѣ". Посадники были личными органами князя и, раздавая имъ волости (провинціи) въ посадничество, онъ, обыкновенно, поступалъ вполнѣ самостоятельно, при чемъ назначалъ, какъ своихъ дѣтей и родственниковъ, такъ и старшихъ дружинниковъ. О Владимірѣ Св. лѣтопись говоритъ, напр., что онъ „избра мужи добры, смышлены и храбры, и раздая имъ грады", т. е. онъ назначалъ посадниковъ изъ старшихъ дружинниковъ; о Всеволодѣ Ярославичѣ, вел. кн. Кіевскомъ, лѣтопись говоритъ, что „печаль бысть ему отъ сыновецъ своихъ, яко начаша ему стужати (т. е. докучать), хотя власти (т. е. волостей), овъ сея, овъ же другія; сей же, омиряя ихъ, раздаваша власти имъ" (въ 1003 г.), т. е. здѣсь мы видимъ примѣръ раздачи волостей дѣтямъ своимъ. Наконецъ, объ однихъ князьяхъ (Ростиславичахъ Ростовскихъ) сказано въ лѣтописи, что они „расдаяла бѣста посадничества русскимъ дѣтскимъ", т. е. младшимъ дружинникамъ (Ипатьев. л., 1175 г.). Обычай требовалъ, чтобъ посадниками были княжіе мужи и бояре, но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, бывали отъ обычая отступленія. Древнѣйшему періоду исторіи нашего права совершенно было чуждо какое-либо понятіе о раздѣленіи властей, или функцій власти: поэтому посадники были въ одно и то же время властью военною и гражданскою, являлись администраторами и судьями въ той мѣстности, гдѣ ихъ князья сажали, поскольку простота жизни и отношеній требовала отъ нихъ такой дѣятельности. По своимъ функціямъ, посадники весьма напоминаютъ графовъ меровингскихъ королей. Что посадники были и судьями, видно, между прочимъ, изъ словъ лѣтописи о посадникахъ, назначенныхъ Ростиславичами въ Суздальскую область, которые „многу тяготу людямъ сотвориша продажами и вирами", т. е. именно судебными пошлинами. Такъ какъ посадники были, какъ сказано, не только гражданскою, но и военною властью, то иногда въ должности посадниковъ назначались воеводы, т. е. лица обыкновенно завѣдывавшія, вмѣсто князя, по его порученію, командованіемъ частями войска; вѣроятно, это бывало въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ военная

опытность была особенно нужна. Посадники назначались княземъ и сидѣли на своихъ посадничествахъ до тѣхъ поръ, пока это находилъ нужнымъ князь; были, впрочемъ, случаи изгнанія и народомъ неугодныхъ ему посадниковъ. Посадники жили съ собираемыхъ судебныхъ и торговыхъ пошлинъ, часть которыхъ шла въ ихъ пользу, а равно и получали съ населенія кормы натурою. Особенное значеніе пріобрѣла должность посадника въ Новгородѣ, гдѣ посадникъ былъ съ XIII в. уже высшимъ сановникомъ, выбираемымъ самимъ вѣчемъ, лицомъ, несмѣняемымъ княземъ и отъ него независимымъ. Прежняго же княжескаго посадника уже съ начала XIII вѣка замѣнилъ въ Новгородѣ намѣстникъ князя, затѣмъ съ XIV в. намѣстники вытѣсняютъ вездѣ прежнихъ посадниковъ. Такъ какъ образованіе и развитіе должности намѣстника относится уже къ слѣдующему періоду, то мы на ней пока и не будемъ останавливаться.

Какъ мы уже знаемъ, изстари отдѣльныя княжества („или „волости“, „земли“, какъ государства“) дѣлились на „волости“, какъ части государства, или „уѣзды“, какъ стали еще волости называться позднѣе на Москвѣ. Въ этихъ „волостяхъ“, или отдѣльныхъ административныхъ округахъ, сидѣли такъ наз. „волостели“; съ XIV в. слово „волость“, въ значеніи части княжества, является общеупотребительнымъ, но исчезаетъ его прежнее значеніе, какъ термина, которымъ обозначалось цѣлое княжество. Волостель въ волости — то же, что посадникъ въ городѣ; противоположность города и волости, какъ провинціи, сказавшаяся очень рано, вызвала необходимость созданія этихъ 2-хъ должностей. Во всѣхъ городахъ, кромѣ стольныхъ, гдѣ живетъ самъ князь, есть посадники, во всѣхъ волостяхъ — волостели, какъ лица, которымъ поручалось управленіе въ данномъ уѣздѣ; волостель живетъ въ главномъ поселеніи своей волости — погостѣ, разъѣзжая по волости для отправленія своихъ обязанностей. Города и волости дѣлятся, въ свою очередь, на мелкія административныя единицы — сотни, потуги и погосты, которыми завѣдуютъ сотскіе и старосты.

Какъ сами князья, правившіе, обыкновенно, лично стольнымъ городомъ и судившіе гражданъ, такъ и поставленные ими посадники (позднѣе — намѣстники) и волостели, при нераздѣльности въ лицѣ ихъ всѣхъ функцій власти, нуждались въ мѣстахъ своей дѣятельности въ лицахъ, которымъ бы они могли поручать исполненіе нѣкоторыхъ дѣлъ и прежде всего — дѣлъ судебныхъ. Такими лицами были тіуны, какъ княжескіе, такъ и тіуны посадниковъ, намѣстниковъ и даже волостелей, назначавшіеся тѣми лицами, при которыхъ они состояли, для рѣшенія тяжебныхъ дѣлъ. Тіунъ (или тивунъ) — понятіе очень широкое въ изучаемое время: подъ этимъ

наименованіемъ разумѣлись, какъ лица, служившія въ княжескихъ селахъ и дворахъ, т. е. ведшія частное хозяйство князя, такъ и судьи; весьма нерѣдко тіуны были холопами. Общее наименованіе „тіунъ“ (дававшееся какъ личнымъ слугамъ, или приказчикамъ князя, какъ хозяина-землевладѣльца, такъ и судьямъ, какъ органамъ власти) характерно весьма въ томъ отношеніи, что наглядно показываетъ намъ, что интересы князя, какъ хозяина, мало еще выдѣлились изъ его интересовъ, какъ государя, или, иначе говоря, частноправные интересы его сливались съ интересами государственными, — явленіе, частью, впрочемъ, переходящее изъ изучаемой эпохи и въ слѣдующій періодъ. Слово „тіунъ“ употребляется въ источникахъ нерѣдко съ различными эпитетами: такъ говорятъ „тіунъ княжескій“, для отличія „тіуновъ“ князя отъ всякихъ другихъ; „тіунъ огнищный“ для обозначенія тіуна, который являлся приказчикомъ надъ „огнищами“ т. е. рабами; „тіунъ дворскій“, завѣдывавшій дворомъ и дворовыми людьми князя, въ томъ числѣ не рѣдко и рабами (въ послѣднемъ случаѣ оба наименованія совпадали); „тіунъ конюшій“, завѣдывавшій очень важною отраслью княжескаго хозяйства — коневодствомъ: „тіунъ ратайный“, или сельскій“, завѣдывавшій „ратаями“, т. е. земледѣльцами, сидѣвшими на княжескихъ земляхъ, и сельскими рабочими. Тіуны, какъ судьи, замѣняли князей, посадниковъ, волостелей въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе не могли сами лично исполнять своихъ обязанностей по разбору дѣлъ, съ которыми обращались къ нимъ стороны. Въ созданіи должности судебныхъ тіуновъ нельзя, однако видѣть еще выдѣленія судебной функціи отъ функціи административной, въ цѣляхъ передачи ея исполненія особымъ независимымъ органамъ, а лишь замѣну одного лица другимъ, при чемъ эта замѣна происходитъ по необходимости, ввиду невозможности самому князю, или его посаднику, всегда разбирать тяжебныя дѣла. Этимъ и объясняется тотъ фактъ что, когда князь пріѣзжалъ въ пригородъ, или волость, гдѣ были его посадники и волостели, то функціи ихъ eo ipso прекращались, и князь могъ, если хотѣлъ, вступить въ отправленіе врученныхъ имъ обязанностей; то же надо сказать и относительно должности тіуновъ.

Кромѣ должностей судебныхъ, выдѣлившихся, по указаннымъ основаніямъ, изъ обще-административныхъ, очень рано встрѣчаемъ должности финансоваго характера. Управленіе доходами князей, неразличавшимся отъ доходовъ государственныхъ, находилось въ непосредственномъ завѣдываніи самихъ князей; первоначально князья даже сами ходили для собиранія даней и оброковъ по своимъ княжествамъ; съ XI вѣка они посылаютъ, однако, для этого особыхъ сборщиковъ („дань емлю-

щихъ“ или „данщиковъ“), но въ это время, какъ и позднѣе, они удерживаютъ управленіе доходами въ непосредственномъ своемъ вѣдомствѣ, что наглядно выражается въ томъ, что эти доходы поступаютъ прямо къ самому князю и что лица, завѣдывающія сборомъ доходовъ, лично сносятся съ князьями, а не съ ихъ посадниками и волостелями. Думаютъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица собирали княжескіе доходы, сами они ихъ собирали лишь на себя, какъ добавленіе къ ихъ корму, или кормамъ, получавшимся съ населенія натурою. Доходы князей заключались въ даняхъ, въ урокахъ (оброкахъ), въ пошлинахъ съ товаровъ и судебныхъ, наконецъ, — въ натуральныхъ повинностяхъ. Дани шли съ земли: дворъ или домъ, рало или соха, были единицами обложенія, такъ какъ, по выраженію лѣтописи, дани брались „отъ дыма“, или „отъ рала“. Въ этомъ смыслѣ слово „дань“, встрѣчаемое въ лѣтописяхъ, надо понимать, какъ поземельную подать, т. е., какъ одинъ изъ видовъ прямыхъ налоговъ; но, слово „дань“ нерѣдко понималось, кромѣ того, весьма широко: все, что дается князю, называется данью. Слово „дань“ замѣняется также иногда словомъ „пошлина“, собственно же пошлина есть дань, которая „пошла“ изъ старины. Впрочемъ, нерѣдко, кромѣ того, слово „пошлина“ вообще имѣетъ значеніе того, что „пошло“ изъ старины, а не относится только къ вопросу о старыхъ налогахъ (такъ говорятъ, напр., „быть по старинѣ и по пошлинѣ“). Въ указанномъ выше широкомъ смыслѣ слово „дань“ употребляется въ жалованныхъ грамотахъ, гдѣ, напр., говорится: „а не надобѣ ему ни которая моя дань: ни мытъ (пошлина съ торговцевъ), ни мостовщина (постройка мостовъ и гатей), ни коня кормить“; иногда это слово замѣняется словомъ „пошлина“ и въ тѣхъ же грамотахъ говорится: „не надобѣ ему ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни которая пошлина“, т. е. ни одна изъ повинностей (ямская и подводная) и пошлинъ, здѣсь упоминаемыхъ (мытъ), и неупоминаемыхъ. Кажется, что первоначально слово „дань“ употреблялось преимущественно по отношенію къ покореннымъ народамъ, такъ какъ и само покореніе первоначально не означало ничего иного, кромѣ лишь обязанности платить дань.

Кромѣ дани, какъ прямого налога отъ дыма (или двора), или „отъ рала“ (сохи, какъ пространства обработанной земли), брались, какъ мы сказали, съ населенія особыя, въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ этого слова, пошлины судебныя и торговыя (пошлина — сборъ за услуги, оказанныя государствомъ кому-либо), а равно и налагались на населеніе натуральныя повинности. Естественно, что сборы прямыхъ налоговъ и пошлинъ, а равно и наблюденіе за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, приводили къ необходимости созданія цѣлаго ряда княже-

скихъ чиновниковъ для завѣдыванія этимъ сложнымъ дѣломъ, сложнымъ особенно ввиду того, что нерѣдко эти сборы взносились натурою, сырыми продуктами, какъ хлѣбъ, кожи, медъ и пр. Если дани, главнымъ образомъ, брались первоначально съ покоренныхъ народовъ, то внутри самихъ княжествъ самымъ важнымъ видомъ княжескаго дохода были пошлины судебныя и торговыя. Что касается первыхъ, то онѣ брались, ввидѣ виръ (денежныхъ пеней за убійство свободныхъ людей), продажъ (денежныхъ пеней за личное оскорбленіе или вообще пеней за всѣ преступленія, кромѣ убійства), уроковъ ротныхъ (взимавшихся при приводѣ къ присягѣ или ротѣ), за совершенія разныхъ актовъ (напр., при укрѣпленіи въ холопство, при продажѣ земли и пр.), т. наз. „желѣзнаго“ (особаго платежа въ пользу князя, взимавшагося при испытаніи желѣзомъ съ проигравшей стороны) и др. Еще больше было видовъ пошлинъ торговыхъ: такъ гостиное была пошлина, взимавшаяся съ гостей, или купцовъ иноземныхъ или иногородныхъ; торговая, взимавшаяся при продажѣ товаровъ: т. н. мытъ, или пошлина, собиравшаяся первоначально при провозѣ товаровъ, черезъ т. н. „мытныя заставы“; вѣсчее — при взвѣшиваніи товаровъ; предмѣръ или помѣрное — при перемѣрѣ товаровъ; пятно — при продажѣ лошадей (на лошадей клали при продажѣ ихъ особыя клейма, — или пятно, какъ они назывались въ то время), корчмита — пошлина съ содержателей корчемъ и т. д. Какъ для сбора судебныхъ пошлинъ, такъ и торговыхъ, князьями назначались особыя лица, таковы, напр., были вирники, собиравшіе виры, мечники, собиравшіе пошлины за испытаніе желѣзомъ, мытники, собиравшіе вообще торговыя пошлины, а иногда приставленные къ одному какому-либо сбору, какъ напр., пятенщики, собиравшіе пошлины съ пятна. Кромѣ этихъ лицъ, собиравшихъ дани и пошлины, были при князѣ еще лица, хранившія сборы и затѣмъ раздававшія ихъ по приказу князей, при чемъ первоначально не различалось, завѣдывали-ли они имуществомъ князей, какъ частныхъ людей, или какъ представителей власти, правителей. Такими лицами были дворскіе, или дворецкіе, съ подчиненными имъ ключниками и тіунами, казначеи и др. Вообще надо замѣтить, что какъ у насъ, такъ и у древнихъ германцевъ, первоначально различныя должности по управленію княжествами выросли изъ должностей дворскихъ, или придворныхъ. Въ свою очередь, эти должности создались изъ необходимости такъ или иначе удовлетворять потребности княжескаго хозяйства. Когда государственное хозяйство стало выдѣляться изъ хозяйства княжескаго, а затѣмъ и царскаго, многія должности, имѣвшія первоначально придворный характеръ и назначен-

ныя для удовлетворенія, какъ сказано, потребностей этого княжескаго, или царскаго хозяйства, не исчезали, но превратились въ должности государственныя, какъ это будетъ особенно ясно въ слѣдующемъ періодѣ.

Органы земскаго самоуправленія.

Мы до сихъ поръ останавливались на органахъ управленія, находившихся въ непосредственномъ вѣдомствѣ князей и бывшихъ въ тѣсной связи съ ихъ компетенціею, какъ правителей княжествъ-государствъ. Но, органы княжескаго управленія стали развиваться лишь съ призывомъ князей; они не упразднили при томъ органовъ управленія народнаго, бывшихъ еще въ до-княжескій періодъ и оставшихся частію въ изучаемое время: сложность состава верховной власти этой эпохи, а именно наличность въ немъ вѣчевой и княжеской власти, не могла не отразиться и на органахъ управленія, которые были также двояки, а именно, наряду съ органами власти княжеской, были органы власти земской, или органы самоуправленія при чемъ, по происхожденію своему, они были древнѣе первыхъ. О характерѣ этого древняго самоуправленія нѣтъ единомыслія между учеными: если одни, какъ, напр., Бѣляевъ, склонны думать, что оно было издревле очень широко, то другіе, какъ, напр., Чичеринъ, почти его отрицаютъ. Что было въ до-княжеское время — судить, за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, весьма трудно; въ изучаемое-же время мы находимъ слѣды нѣкотораго самоуправленія въ тѣхъ органахъ его, которые никакъ не могутъ быть названы княжескими. Такими органами были тысяцкіе, сотскіе и десятскіе. Ихъ происхожденіе было связано съ древнѣйшимъ подраздѣленіемъ волостей отдѣльныхъ княжествъ-городовъ на сотни. Подраздѣленіе это первоначально было, какъ мы уже говорили, военнаго характера: земскія военныя силы были сложены въ сотни, въ тысячи, или полки, находившіеся подъ начальствомъ сотскихъ, тысяцкихъ, или воеводъ [1]). Лаврентьевская, напр., лѣтопись, — говоря подъ 6597 г. (т. е. подъ 1089 годомъ) объ освященіи церкви Св. Богородицы Печерской, – отмѣчаетъ, между прочимъ, что это было „при благородномъ князѣ Всеволодѣ .... воеводство держащю Кыевскыя тысячи Яневи“. То же видно и изъ другихъ мѣстъ лѣтописей, гдѣ тысяцкіе называются воеводами и обратно. Для насъ важно въ данномъ случаѣ обратить вниманіе на то что, первоначально, рядомъ съ княжескими воеводами или тысяцкими, были тысяцкіе народные, или начальники городовыхъ полковъ, командовавшіе народнымъ

1) О тысяцкихъ, сотскихъ см. подробно „Княжое право въ древней Руси“ А. Е. Преснякова (С.-П., 1909 г.), стр. 165 и сл.

ополченіемъ и противополагавшіеся княжескимъ воеводамъ. Затѣмъ тысяцкихъ стали назначать сами князья, какъ они назначали позднѣе сотскихъ (въ войскѣ). Чѣмъ больше развивалась военная дѣятельность князей и ихъ дружинниковъ, тѣмъ больше уменьшалось военное значеніе должностей сотскихъ и десятскихъ, которые затѣмъ превратились въ лицъ, завѣдывавшихъ податями и натуральными повинностями населенія, хотя и продолжавшихъ быть выборными людьми. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что сами первоначальныя общины (верви, погосты) имѣли право на раскладку податей и повинностей между собою, или, какъ говорятъ первоисточники, на „разметъ“ ихъ. Въ одной изъ грамотъ XII вѣка читаемъ, что „въ тѣхъ погостахъ платитъ кто-жъ свою дань по силѣ, кто что мога“. „Разметъ“ или „разрубъ“ этихъ податей и дѣлался сотскими и десятскими, какъ выборными довѣренными людьми данной верви или погоста. Думаютъ также, что такіе же выборные присутствовали въ извѣстныхъ случаяхъ на княжескомъ судѣ. Въ Р. Правдѣ есть, дѣйствительно, одна статья, говорящая о производствѣ суда при постороннихъ лицахъ: „аже гдѣ възыщетъ на дроузе проче“, гласитъ 14 ст. Академическаго списка Правды (въ другихъ — „кунъ“, т. е. денегъ, или „скота“), „а онъ ся запирати почнеть, то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка“, т.-е., если кто-нибудь будетъ взыскивать на другомъ впредь (проче) деньги, а должникъ начнетъ запираться, то итти ему на изводъ (на изобличеніе) передъ 12-тью человѣками. Въ этихъ 12-ти человѣкахъ, передъ лицомъ которыхъ долженъ кредиторъ изобличить запирающагося должника, видятъ выборныхъ изъ народа, общинныхъ судей. Что-же касается тысяцкихъ, то они сохранялись, къ качествѣ начальниковъ городовыхъ, или вѣчевыхъ, полковъ, до начала XIV вѣка; въ XIV вѣкѣ на Москвѣ они командовали уже княжескими служилыми людьми (послѣдній московскій тысяцкій Протасьевъ умеръ въ 1374 г.). Въ удѣльно-вѣчевой періодъ, тысяцкіе, хотя и назначались княземъ (кромѣ Новгорода), но шли съ своими полками за княземъ лишь тогда, когда на это соглашалось вѣче. На Москвѣ ихъ смѣнили воеводы.

Посадники и тысяцкіе въ Новгородѣ.

Какъ уже сказано, совершенно особенное положеніе занимали посадникъ и тысяцкій въ Новгородѣ. Что касается прежде всего посадниковъ, то первоначально посадники выбирались вѣчемъ пожизненно, затѣмъ временно, безъ точнаго, однако, обозначенія срока, на который дѣлалось избраніе; они смѣнялись лишь по суду за преступленія. Князь не имѣлъ права назначать въ новгородскія волости мужей своихъ безъ согласія съ посадникомъ и не могъ безъ него судить новгородцевъ. Посадникъ

созывалъ и открывалъ вѣче, предлагалъ на его обсужденія дѣла, заботился о порядкѣ на вѣчѣ, приводилъ въ исполненіе, въ мирное время, приговоры вѣча, и былъ, по выраженію И. Д. Бѣляева, „правителемъ Новгорода отъ земщины, постояннымъ органомъ народной воли“; онъ представлялъ Новгородъ, какъ цѣлое, во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ и заботился о тишинѣ и спокойствіи внутри новгородскихъ земель; имѣлъ свой особый судъ, отличный отъ суда тысяцкаго; вообще посадникъ былъ первымъ гражданскимъ сановникомъ вольнаго города. Посадникъ, пока занималъ свою должность, назывался степеннымъ (отъ степени или особаго помоста-возвышенія, на которомъ онъ находился на вѣчевыхъ собраніяхъ); оставившій свою должность посадникъ назывался старымъ. Власть посадника, въ цѣломъ, близко подходила къ власти князя. Князя въ Новгородѣ представлялъ позднѣе его намѣстникъ. Въ свою очередь, наибольшаго развитія и значенія должность тысяцкихъ достигла въ Новгородѣ, что, конечно, и понятно, ввиду того положенія, какое занимало само вѣче въ этомъ городѣ. Тысяцкій въ Новгородѣ, съ тѣхъ поръ, какъ должность посадника сдѣлалась выборною, также сталъ лицомъ, избиравшимся вѣчемъ. Какъ и понятно, онъ предводительствовалъ вѣчевымъ войскомъ, заботился объ укрѣпленіи города, замѣнялъ посадника на вѣчѣ, вѣдалъ, вмѣстѣ съ старостами новгородскихъ концовъ, судъ по дѣламъ торговымъ, игравшимъ большое значеніе въ Новгородѣ, входилъ, наконецъ, вмѣстѣ съ другими высшими лицами, въ составъ особаго Правительственнаго Совѣта. Онъ, какъ и посадникъ, избирался, обыкновенно, изъ представителей старыхъ боярскихъ фамилій и представлялъ собою, вмѣстѣ съ посадникомъ, аристократическій элементъ въ составѣ правительства Великаго Новгорода.

Посадникъ первоначально назначался въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, княземъ, но въ XII вѣкѣ посадники въ Новгородѣ уже избираются вѣчемъ и перваго такого посадника видятъ, обыкновенно, въ Мирославѣ Гюрятиничѣ, выбранномъ вѣчемъ въ 1126 г., при чемъ предполагаютъ, что этимъ актомъ впервые положено было начало ограниченія власти князя въ Новгородѣ. Кажется, однако, что случаи выбора посадника вѣчемъ бывали и раньше, а самъ фактъ выбора Мирослава не произвелъ еще значительнаго переворота въ положеніи князя въ Новгородѣ. Положеніе это измѣнилось несразу и неранѣе XIII вѣка. Въ XIII вѣкѣ посадники стали несмѣняемыми выборными народными сановниками, т. е. ихъ нельзя было лишить должности иначе, какъ по суду („а безъ вины ти, княже, мужа волости не лишати“); затѣмъ князь не могъ производить суда безъ посадника („а безъ посадника ти, княже, не судити“) и. т. д. Ростъ вѣчевого народоправства одинаково отразился какъ на князѣ,

такъ и на посадникѣ, что отлично выражено было въ словахъ посадника Твердислава, котораго въ 1218 г. „безъ вины“ (т. е. безъ суда) князь Святославъ хотѣлъ лишить посадничества. Когда вѣче обсуждало дѣло князя съ посадникомъ, послѣдній высказалъ мысль, что „вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ вольны“, т. е., что смѣна какъ князя, такъ и посадника, должна быть въ волѣ вѣча. Въ Псковѣ было два посадника, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, „означаетъ большее“, чемъ въ Новгородѣ, „развитіе демократическихъ началъ“. Но зато въ Псковѣ не было тысяцкаго; предполагютъ, что его функціи выполнялъ второй посадникъ.

Правительственный Совѣтъ въ Новгородѣ и Псковѣ; его значеніе.

Наряду съ народнымъ собраніемъ, или „большимъ вѣчемъ“, какъ его называютъ лѣтописи, въ Новгородѣ и Псковѣ существовало „малое вѣче“, — „Совѣтъ господъ“ (бояръ — Herrenrath, какъ его называютъ нѣмецкіе источники). Это „малое вѣче“ вмѣщало въ себя, кромѣ Новгородскаго архіепископа, намѣстника князя, посадника, тысяцкаго, занимавшихъ въ данное время эти должности, а равно посадниковъ и тысяцкихъ „старыхъ“, также старостъ новгородскихъ „концевъ“, вмѣстѣ съ представителями другихъ боярскихъ фамилій. Посредствомъ этого совѣта, новгородскіе бояре оказывали больше вліяніе на управленіе дѣлами республики, держа, съ одной стороны, вѣчевыя власти (посадниковъ, тысяцкихъ и др.) въ извѣстномъ къ себѣ подчиненіи, а съ другой — направляя по своей волѣ теченіе дѣлъ на самомъ вѣчѣ. Здѣсь обсуждались предварительно важнѣйшіе вопросы, поступившіе затѣмъ на разсмотрѣніе вѣча, а равно и разработывались законопроекты, вносимые на вѣче; здѣсь устанавливалось напередъ извѣстное отношеніе боярства къ разрѣшенію этихъ вопросовъ вѣчемъ, при чемъ, вѣроятно, составлялись и планы направленія дѣятельности вѣча въ желательную для правящаго класса сторону. Неопредѣленность вѣчевого устройства и внутренніе раздоры партій создавали для аристократіи республики благодарную почву для развитія вліянія, что и приводило de facto къ устраненію Совѣтомъ вѣча отъ рѣшенія дѣлъ. Что касается Правительственнаго Совѣта во Псковѣ, то о его дѣятельности сохранилось мало свѣдѣній; въ общемъ, однако, онъ и во Псковѣ игралъ ту же роль, какую игралъ подобный Совѣтъ въ Новгородѣ. Являясь первоначально въ Новгородѣ и Псковѣ княжескимъ совѣтомъ, съ XIII вѣка этотъ Правительственный Совѣтъ вельможъ становится на мѣсто князя и его „Думы“, правитъ почти самостоятельно республиками, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ какъ землю, такъ и капиталъ, подчиняя такимъ образомъ себѣ, политически и экономически, свободныхъ de jure гражданъ Великаго Новгорода и Пскова.

Періодъ II.

ОТДѢЛЪ I.

Источники права.

Глава I.

Грамоты Московскаго государства [1]).

Обычное право и законъ, какъ источники права II-го періода.

Въ первый періодъ исторіи нашей, обычное народное право было, какъ уже указывалось, самостоятельнымъ и при томъ важнѣйшимъ источникомъ права. Законъ, — поскольку онъ проявлялъ свою силу въ уставной дѣятельности князей, въ договорахъ и вѣчевыхъ грамотахъ, — игралъ лишь второстепенную роль, по сравненію съ обычнымъ правомъ. Подъ вліяніемъ своеобразныхъ нормъ послѣдняго видоизмѣнялось сильно и само

---

1) Изданіе, съ комментаріями, важнѣйшихъ памятниковъ права Московскаго государства до Соборнаго Уложенія см. во II и III выпускахъ „Христоматіи по исторіи русскаго права“ М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Новѣйшія изданія грамотъ и другихъ памятниковъ Московскаго періода, напечатанныя безъ комментарій, но съ указаніемъ на важнѣйшую литературу: 1) Намѣстничьи, губныя и земскія грамоты „Московскаго государства“, изданныя подъ редакціею А. И. Яковлева историко-филологическимъ факультетомъ Им. Московскаго Университета (М., 1909 г.); 2) „Духовныя и договорныя грамоты князей великихъ и удѣльныхъ“, изд. подъ редакціею С. В. Бахрушина (М.; 1909 г.); 3) Памятники по исторіи смутнаго времени“, изд. подъ редакціею А. И. Яковлева (М., 1909 г.); 4) Акты, относящіяся къ исторіи Земскихъ Соборовъ“, изд. подъ редакціею Ю. В. Готье (М., 1909 г.); три послѣднія изданія выходятъ подъ общимъ заглавіемъ „Памятниковъ русской исторіи“. Важнѣйшая литература: общій обзоръ — „Объ источникахъ русскаго права, въ связи съ развитіемъ государства“ С. М. Шпилевскаго („Ученыя Записки И. Казанскаго Университета“, 1862 г., в. II); курсы — „Исторія права Московскаго государства“ Н. П. Загоскина (Каз., 1877 г.), т. I; В. Н. Латкина „Лекція по внѣшней исторіи русскаго права“ (С. П. 1888 г.); М. Ф. Влад.-Буданова „Обзоръ исторіи русскаго права“ (К., 1908 г.); М. А. Дьяконова „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси“ С.-П., 1912 г.); монографіи — Н. Шалфѣева „Объ уставной книгѣ разбой-

иноземное право, къ намъ проникавшее. Въ Московскомъ государствѣ наблюдается, однако, нѣсколько иное, чѣмъ въ земскій періодъ, соотношеніе между обычнымъ правомъ и закономъ, какъ источниками права. Чѣмъ болѣе растетъ власть государей и ихъ законодательныхъ органовъ, тѣмъ сильнѣе развивается ихъ законодательная дѣятельность. Масса узаконеній, исходившихъ отъ верховной власти и являвшихся на Москвѣ, — то въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ, указовъ и приговоровъ, то въ видѣ особыхъ сборниковъ (подъ наименованіемъ Судебниковъ, Уложенія и пр.), — заставляетъ, при первомъ бѣгломъ обзорѣ всего этого матеріала, притти даже къ выводу, что во второмъ періодѣ нашей исторіи законъ вполнѣ уже господствуетъ надъ обычнымъ правомъ и что послѣднее теперь является малозначительнымъ и, во всякомъ случаѣ, второстепеннымъ источникомъ права. Такъ это и было на Москвѣ съ формальной точки зрѣнія. Въ то время, какъ въ первомъ періодѣ изъ дошедшихъ до насъ юридическихъ нормъ лишь сравнительно немногія носятъ явственные слѣды уставной дѣятельности князей и вѣча, въ Московскій періодъ, наоборотъ, вся масса узаконеній, какъ являвшихся отдѣльно, такъ и собранныхъ вмѣстѣ, исходитъ отъ государей, имѣетъ за собою санкцію верховной власти. Обращаясь, однако, къ изученію содержанія этихъ узаконеній, надо притти къ выводу, что во всякомъ случаѣ значительная часть ихъ воспроизводитъ (какъ было это и раньше), въ своихъ постановленіяхъ нормы того же обычнаго права, такъ какъ верховная власть, въ лицѣ государей и ихъ органовъ, не успѣваетъ въ этотъ періодъ настолько эмансипироваться отъ вліянія народной среды, чтобъ диктовать ей свои правовоззрѣнія, чтобъ заставлять ее итти по пути усвоенія юридическихъ началъ, чуждыхъ народному юридическому сознанію, а, наоборотъ, сама живетъ еще на основаніи тѣхъ же народныхъ взглядовъ на право. Формально, законъ, несомнѣнно, господствуетъ теперь надъ обычнымъ народнымъ правомъ; матеріально, т. е. по своему содержанію, онъ, однако, по большей части, лишь санкці-

---

наго приказа (С.-П., 1908 г.); Н. П. Загоскина „Уставныя грамоты Московскаго государства“ (Каз., 1876—77 г. г.); Д. Мейчика „Грамоты XIV. XV вв.“ и пр. (М., 1883 г.); Н. П. Ретвиха „Органы губнаго управленія въ XVI—XVII в.“ (Сборникъ правовѣдѣнія, С.-П., 1896 г.), т. IV; С. А. Шумакова „Губныя и земскія грамоты Московскаго государства“ (М. 1895 г.) его же „Новыя губныя и земскія грамоты“ (Жур. М. Н. Просв., 1909 г., № 10); въ томъ и другомъ изслѣдованіи дается сводный текстъ этихъ грамотъ; Д. А. Самоквасова „Архивный матеріалъ“, в. I. (М., 1904 г.). Болѣе подробныя свѣдѣнія о литературѣ грамотъ и Судебниковъ см. въ книгѣ Н. П. Загоскина „Наука исторіи русскаго права“ (К., 1891 г.).

онируетъ въ своихъ нормахъ то, что соотвѣтствуетъ основнымъ народнымъ правовоззрѣніямъ, т. е. власть продолжаетъ туже работу возведенія въ законъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, которая началась въ предъидущій періодъ, но, при слабости княжеской власти, не пріобрѣла еще значительнаго напряженія, могущаго хотя-бы формально, внѣшне, вытѣснить обычное право, какъ самостоятельный источникъ юридическихъ нормъ; это достигается только въ XV—XVII вѣкахъ. Господство-же закона надъ обычнымъ правомъ не только съ формальной, но и съ матеріальной (по содержанію) точки зрѣнія, проявляется вполнѣ лишь въ новой исторіи нашей, въ особенности — въ эпоху преобразованій XVIII вѣка, когда законодательное творчество наполняетъ наше право нормами, заимствованными изъ разнородныхъ, иноземныхъ и своихъ, источниковъ и мало считается съ вопросомъ, насколько эти нормы находятся въ соотвѣтствіи съ народными правовоззрѣніями. Въ это время все болѣе и болѣе замѣчается раздѣленіе между верхними и нижними слоями населенія. Поэтому въ новой исторіи нашей и само обычное право изъ права обще-народнаго превращается въ простонародное.

Отдѣльные законодательные акты (грамоты, указы и приговоры) и оффиціальные сборники права того же періода; важность ихъ совмѣстнаго изученія.

Узаконенія, являвшіяся въ Московскій періодъ, дошли до насъ, либо въ видѣ отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, либо въ видѣ особыхъ юридическихъ сборниковъ. Сборники эти были оффиціальнаго происхожденія, чѣмъ они отличались отъ многихъ сборниковъ права перваго періода, неимѣвшихъ за собою — по крайней мѣрѣ въ цѣломъ своемъ составѣ — санкціи верховной власти. Отдѣльныя, или сепаратныя, узаконенія носили первоначально (въ XIV—XV в. в.) наименованіе грамотъ, позднѣе (со второй половины XVI в.) — также указовъ и приговоровъ (Боярской Думы и Земскихъ соборовъ). Они давались какъ лицамъ, физическимъ или юридическимъ, такъ и тѣмъ или другимъ мѣстностямъ. Накопленіе этихъ узаконеній, естественно, вызывало необходимость ихъ собранія вмѣстѣ, съ цѣлью извѣстной систематизаціи и выбора изъ нихъ, какъ наиболѣе важнаго, такъ и наиболѣе нужнаго, для практики судовъ, законодательнаго матеріала. Но, такое собраніе воедино разнообразныхъ грамотъ и указовъ не могло быть сдѣлано ранѣе конца XV вѣка, т. е. ранѣе объединенія подъ властію московскихъ государей прежнихъ удѣльныхъ княжествъ. Въ свою очередь, съ изданіемъ того или иного сборника юридическихъ нормъ не прекращалось развитіе законодательства путемъ появленія въ свѣтъ отдѣльныхъ грамотъ, указовъ и приговоровъ: такъ, грамоты, указы и приговоры

являлись какъ послѣ Судебниковъ,такъ и послѣ Соборнаго Уложенія; изданіе юридическихъ сборниковъ придало, однако, у насъ (какъ и вездѣ) законодательному движенію извѣстный однообразный порядокъ, неимѣвшій еще мѣста въ предъидущій періодъ. Изданный оффиціально кодексъ, въ той или иной мѣрѣ, примѣнялся, въ теченіи извѣстнаго времени, въ судебной практикѣ. Издававшіяся, въ дополненіе къ составленному кодексу, отдѣльныя узаконенія позднѣе опять-таки входили (то полностью, то частично) въ составъ нормъ новаго кодекса, являвшагося на смѣну прежняго и такимъ образомъ происходило постепенное обновленіе и дополненіе прежняго законодательства свѣжимъ юридическимъ матеріаломъ, выработаннымъ практически. Чѣмъ совершеннѣе въ данной странѣ кодификаціонная законодательная дѣятельность верховной власти, тѣмъ, конечно, лучше отражается юридическая жизнь страны въ сводахъ законовъ, уложеніяхъ, или кодексахъ, и въ другихъ сборникахъ права. Впрочемъ, надо вообще замѣтить, что кодексы, какъ-бы они совершенны ни были, никогда не обнимаютъ полностью всего движенія юридической мысли въ странѣ, почему, для вѣрнаго ознакомленія съ этимъ движеніемъ, необходимо изученіе, какъ отдѣльныхъ узаконеній, такъ судебныхъ рѣшеній и всякаго другого юридическаго матеріала, имѣющагося въ наличности. Тѣмъ болѣе это соображеніе имѣетъ мѣсто по отношенію къ попыткамъ кодификаціи права въ древнее время, когда пріемы кодификаціи были еще довольно примитивны. Въ частности, наши первые сборники права II-го періода — Судебники — вовсе не вмѣщали въ себя всего содержанія юридическихъ нормъ дѣйствовавшихъ тогда на Руси, почему весьма важно изученіе грамотъ, изданныхъ до нихъ, какъ необходимо изученіе указовъ и приговоровъ, являвшихся послѣ нихъ. Вообще, развитіе нашего законодательства не только путемъ изданія кодексовъ, но и путемъ отдѣльныхъ грамотъ, указовъ и приговоровъ, ставитъ предъ историками русскаго права задачу совмѣстнаго изученія тѣхъ и другихъ памятниковъ права. Въ общемъ курсѣ, какъ нашъ, невозможно, конечно, выполнить эту задачу сколько-нибудь подробно; но указать на важность этого изученія, а затѣмъ и коснуться, такъ или иначе, означенныхъ памятниковъ права во всякомъ случаѣ необходимо. Такъ какъ развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ предшествовало, по времени, попыткамъ кодификаціи права въ Московскій періодъ, то мы прежде всего и остановимся на этихъ грамотахъ.

Грамоты Московскаго періода и

Грамотою въ древности называется всякій письменный (отъ греческаго слова *γράμματα* — письмена) актъ воли вѣча или князя, дававшихъ

ихъ классификація.

отдѣльнымъ лицамъ, или мѣстностямъ, какія-либо права публичнаго или частнаго характера. Позднѣе слово „грамота“ стало усвояться нетолько актамъ законодательнаго, но и судебнаго характера, а равно и гражданскимъ актамъ, совершавшимся письменно частными лицами между собою (каковы, напр., грамоты купчія, мѣновыя, раздѣльныя и т. д.). Грамотъ дошло до насъ отъ изучаемаго періода нѣсколько тысячъ; часть ихъ напечатана и изслѣдована, но большая часть ихъ остается въ архивахъ, подвергаясь время отъ времени изученію, далеко, впрочемъ, необнявшему еще всего содержанія извѣстныхъ въ наукѣ видовъ грамотъ. Обиліе грамотъ и разнообразіе ихъ содержанія создаетъ для историковъ права весьма трудную задачу ихъ классификаціи по какимъ-либо общимъ признакамъ. Трудность задачи, между прочимъ, обусловливается, какъ тѣмъ, что грамоты, отличающіяся внѣшне другъ отъ друга, нерѣдко очень схожи между собою по содержанію, такъ и тѣмъ, что древняя юридическая наша терминологія не была вполнѣ устойчива, почему основываться на ней невсегда возможно. Историками нашего права предлагалось нѣсколько системъ классификаціи древнихъ грамотъ, но пока полнаго согласія въ этомъ вопросѣ недостигнуто. Проф. Загоскинъ, напр., наиболѣе важныя грамоты, въ которыхъ „особенно полно отражались начала древне-русскаго государственнаго и юридическаго быта“, дѣлитъ на 6 видовъ, а именно: I) грамоты жалованныя, II) судныя, III) губныя, IV) таможенныя, V) уставныя, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія и VI) уставныя, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго самоуправленія“; проф. Вл. Будановъ сводитъ всѣ грамоты законодательнаго характера къ двумъ видамъ — грамоты жалованныя и грамоты уставныя, подраздѣляя каждый изъ этихъ двухъ видовъ грамотъ на нѣсколько разрядовъ. Нѣкоторые ученые, какъ напр., П. И. Бѣляевъ, всѣ эти грамоты считаютъ жалованными „съ точки зрѣнія ихъ древнерусской терминологіи и мотивовъ ихъ изданія“. Это замѣчаніе, конечно, справедливо, такъ какъ права, а равно и привиллегіи, дававшіяся грамотами, разсматривались когда-то и у насъ (какъ и на Западѣ), какъ „милость“ или „жалованье“ государей; но, свести воедино всѣ грамоты, значитъ потерять возможность различать ихъ виды. Не касаясь здѣсь всѣхъ предлагаемыхъ учеными нашими системъ раздѣленія грамотъ по видамъ и пр., замѣтимъ, что наиболѣе простымъ намъ представляется дѣленіе грамотъ во 1-хъ на грамоты, исходившія отъ лица верховной власти, и во 2-хъ на грамоты, какъ акты, заключавшіеся частными лицами между собою.

Законодательный характеръ имѣютъ лишь грамоты перваго рода, почему мы на нихъ теперь и остановимся; грамоты-же второго рода должны быть отнесены къ гражданскому праву. Перваго рода грамоты могутъ быть, въ свою очередь, раздѣлены: на 1) грамоты жалованныя, 2) уставныя, 3) судныя и 4) таможенныя, причемъ каждый изъ этихъ видовъ грамотъ можетъ быть и подраздѣленъ на нѣсколько особыхъ разрядовъ, сообразно нѣкоторымъ общимъ признакамъ, свойственнымъ каждому разряду.

Жалованныя грамоты; понятіе; виды жалованныхъ грамотъ. Ограниченіе пожалованій съ XVI вѣка.

Подъ жалованными грамотами (или по западно-европейской терминологіи — подъ иммунитетами) надо понимать такіе законодательные акты, коими верховная власть предоставляла тѣ или другія привиллегіи или льготы физическимъ или юридическимъ лицамъ (учрежденіямъ). Обычно жалованными грамотами предоставлялись мѣстностямъ, или отдѣльнымъ лицамъ, такія исключительныя права, какими они не владѣли ранѣе. Каждая жалованная грамота была частнымъ, или сепаратнымъ, закономъ (priva lex), установленнымъ верховною властью въ пользу областей и лицъ, удостоенныхъ данной милости или привиллегіи[1]). Развитіе пожалованій совпадаетъ у насъ съ развитіемъ власти государей и ихъ могущества, но, происхожденіе имунитетовъ надо искать въ исконной принадлежности крупнымъ землевладѣльцамъ права суда и обложенія по отношенію къ сидѣвшихъ на ихъ земляхъ людяхъ. Уже изстари сильный боярин-вотчинникъ, при слабости государственной власти, естественно былъ судьею и собирателемъ дани-пошлины съ своихъ крестьянъ; съ постепеннымъ усиліемъ власти государей признаніе всего этого за собственниками является уже правомъ государей.

Будучи источниками всякаго рода милостей для подданныхъ, государи, естественно, могли тѣмъ больше давать имъ всякаго рода привиллегій, чѣмъ сильнѣе были сами. Характерно также, что грамоты вообще, а жалованныя въ частности, имѣли обязательное значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока княжилъ, или царствовалъ, тотъ носитель верховной власти, который ихъ давалъ; чтобъ это значеніе оставалось за грамотами и послѣ его смерти, было необходимо, чтобъ каждая грамота получила подтвержденіе отъ его преемника, что и дѣлалось въ

1) Сравнительному изученію нашихъ жалованныхъ грамотъ и соотвѣтствующихъ имъ дипломовъ меровинговъ и каролинговъ посвящена особая глава („боярскій самосудъ — иммунитетъ“) въ изслѣдованіи Н. П. Павлова-Сильванскаго „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (стр. 263 и сл.).

письменной формѣ, обычно — на оборотной сторонѣ грамоты. Предлагалось нѣсколько системъ раздѣленія жалованныхъ грамотъ; наиболѣе удобнымъ надо признать дѣленія ихъ по предмету пожалованія. Такъ, тѣ грамоты, коими жаловались кому-либо земли, воды и угодья, называются вотчинными жалованными грамотами. Особенно много такихъ грамотъ было дано на Москвѣ монастырямъ и церквамъ. Далѣе, тѣ грамоты, коими физическія или юридическія лица освобождались отъ уплаты какихъ-либо общихъ налоговъ и отъ несенія таковыхъ-же повинностей, а равно и отъ общей подсудности, называются въ литературѣ грамотами льготными или иммунитетными (также — освободительными). Въ частности, если льгота была финансоваго характера, то такая грамота носила названіе обѣльной грамоты; если эта льгота освобождала пожалованное лицо отъ суда мѣстныхъ властей и дѣлала его подсуднымъ самому князю, а людей, живущихъ на землѣ такого пожалованнаго лица, подчиняла суду землевладѣльца, то такая грамота называлась несудимою; судъ землевладѣльца не имѣлъ, впрочемъ, мѣста, когда дѣло шло о разбоѣ, убійствѣ и татьбѣ съ поличнымъ. Тѣ-же грамоты, въ коихъ получившее грамоту лицо пріобрѣтало льготы или привиллегіи какъ финансоваго, такъ и судебнаго характера (или, какъ еще говорятъ, содержавшія „полное освобожденіе“ отъ общихъ „тягостей суда и дани“) именовались тарханными грамотами (или просто „тарханами“). Наконецъ, третій видъ жалованныхъ грамотъ называется заповѣдными или охранительными (также иногда указными). Заповѣдными онѣ называются потому, что запрещаютъ, подъ страхомъ опредѣленной кары (или „заповѣди“), нарушеніе чьихъ-либо правъ. Права эти могли быть общими для всѣхъ гражданъ (напр., право защиты своей собственности отъ чьего-либо на нее посягательства), но грамота защищаетъ, или охраняетъ, ихъ еще особыми мѣрами, ставя такимъ образомъ пожалованное лицо въ привиллегированное положеніе, откуда и названіе грамоты — охранительная, даваемое ей нѣкоторыми нашими учеными.

Сообразно предмету пожалованія измѣнялось содержаніе грамоты и, если въ грамотѣ вотчинной, говорилось о томъ, какія земли, воды или угодья были пожалованы такому-то лицу, то въ грамотахъ льготныхъ обозначались тѣ привиллегіи и изъятія (судебнаго или финансоваго характера), какія соединялись съ пожалованіемъ недвижимостью; въ грамотахъ-же заповѣдныхъ, или охранительныхъ, указывалось на то послѣдствіе, какое влекло за собою насиліе и произволъ, со стороны какъ служилыхъ, такъ и неслужилыхъ людей

надъ лицами, коимъ дана была грамота, а иногда назначались особые пристава для поимки нарушителей „заповѣди“ и ихъ наказанія по суду. Такъ какъ пожалованіе недвижимостями соединялось, обычно, съ льготами по суду или по несенію налоговъ и повинностей, то вотчинныя грамоты были большею частію и льготными[1]). Ввиду того, что всѣ грамоты, какъ жалованныя, такъ уставныя и судныя, были, по взгляду времени, актомъ пожалованія со стороны власти, то онѣ имѣли въ началѣ, обыкновенно, одну общую формулу: „се азъ, князь великій, пожаловалъ есмь . . .“, при чемъ, если пожалованіе касалось земель и ихъ угодій, то грамота подробно перечисляла ихъ, а также указывала на льготы, даваемыя грамотою и т. д.

Со второй половины XVI вѣка замѣтно стремленіе ограничить распространеніе иммунитетовъ, или пожалованій, коими тѣ или иныя лица освобождались отъ общихъ финансовыхъ налоговъ и повинностей, а равно и отъ суда мѣстныхъ властей. Это стремленіе совпадаетъ съ моментомъ достиженія Московскими государями единой и самодержавной власти, со временемъ сосредоточія всѣхъ суверенныхъ правъ въ ихъ рукахъ. Съ этимъ сосредочіемъ у насъ, какъ и вездѣ, не могло мириться дробленіе власти между частными собственниками (монастырями, боярами и пр.), почему иммунитеты начинаютъ постепенно терять свое значеніе, пока въ новое время не исчезаютъ совершенно. Такъ, уже II-ой Судебникъ нетолько запрещаетъ выдавать впредь тарханныя грамоты, но и предписываетъ отобрать ранѣе выданныя (ст. 43). Подтвержденіе этого правила позднѣе, даже въ концѣ XVII вѣка, показываетъ, однако, что постановленіе Судебника не исполнялось въ точности и грамоты эти продолжали даваться; но, во всякомъ случаѣ, число тарханныхъ грамотъ послѣ II Судебника стало сокращаться. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича происходилъ общій пересмотръ жалованныхъ грамотъ, порученный особому Сыскному Приказу[2]). Затѣмъ еще Стоглавымъ Соборомъ была запрещена

1) Напр., жалуя въ I-ой половинѣ XV вѣка Кириллову монастырю нѣсколько деревень и опредѣляя, сколько дается съ этихъ деревень игуменомъ сборовъ въ пользу княжеской казны, князь Андрей Дмитріевичъ въ тоже время освобождаетъ игумена отъ подсудности намѣстнику по всѣмъ дѣламъ, кромѣ душегубства (убійства): „а намѣстники мои городскіе въ тѣ деревни не всылаютъ къ игуменовымъ людямъ ни по что, ни судятъ ихъ, оприсенъ (кромѣ) душегубства, а судитъ игуменъ люди свои самъ, или кому прикажетъ“. Здѣсь вотчинная жалованная грамота есть въ тоже время льготная „несудимая“ грамота.

2) Въ 1617 г., 16 іюня, былъ данъ такой указъ: „указали есмя и бояре наши приговорили: которымъ монастыремъ и московскимъ и

выдача „несудимыхъ грамотъ“ духовенству. Въ началѣ XVII вѣка вотчинныя грамоты, дававшіяся служилымъ людямъ на такъ наз. „жалованныя“ или „выслуженныя“ вотчины, пріобрѣли общую опредѣленную форму, тогда какъ ранѣе въ этихъ грамотахъ замѣчалось большее разнообразіе относительно о б ъ е м а правъ, получавшихся вотчинникомъ, т. е., иначе говоря, государственная власть здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, первоначальный ч а с т н ы й законъ превратила въ о б щ і й, при чемъ приняла, при регулированіи его нормъ, во вниманіе нетолько частно-сословные интересы данной группы населенія, но и интересы самого государства.

Уставныя грамоты; понятіе. Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія и ихъ содержаніе.

Вторымъ, весьма важнымъ въ исторіи нашего права, видомъ грамотъ надо считать г р а м о т ы у с т а в н ы я. Подъ уставными грамотами понимаютъ такіе законодательные акты, коими устроялся, или у с т а н о в л я л с я (откуда и ихъ названіе), порядокъ м ѣ с т н а г о управленія, при чемъ подробно регламентировались разныя стороны этого управленія. Такъ какъ на Москвѣ само мѣстное управленіе организовывалось двояко, а именно, то по принципу п р а в и т е л ь с т в е н н а г о управленія, то по принципу с а м о у п р а в л е н і я (т. е. оно вѣдалось, въ различныя эпохи, либо органами н а з н а ч е н н ы м и государственною властью, либо органами в ы б о р н ы м и, или з е м с к и м и), то и самыя уставныя грамоты, по вполнѣ основательному утвержденію Н. П. Загоскина, можно раздѣлить на д в ѣ г р у п п ы, а именно на „уставныя грамоты, опредѣляющія п о р я д о к ъ м ѣ с т н а г о п р а в и т е л ь с т в е н н а г о у п р а в л е н і я“ и на „уставныя грамоты, опредѣляющія п о р я д о к ъ м ѣ с т н а г о з е м с к а г о с а м о у п р а в л е н і я“ (Исторія права, I, стр. 49 и сл.). Разсмотримъ каждую группу грамотъ особо. Что касается первой группы грамотъ, то цѣлью ихъ изданія было п р о т и в о д ѣ й с т в і е произволу и злоупотребленіямъ м ѣ с т н ы х ъ правитель-

---

въ городахъ гостемъ, и торговымъ, и всякимъ людямъ даваны наши жаловальныя тарханныя н о в ы я грамоты, или которымъ с т а р ы я тарханныя грамоты подписываны на наше, великаго государя, царя и в. князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руси, имя, что съ нихъ таможенныхъ пошлинъ и иныхъ никакихъ податей имати не велѣно и съ тѣхъ со всѣхъ тарханщиковъ на Москвѣ и во всѣхъ городахъ по таможеннымъ уставнымъ съ ихъ товаровъ и съ промысловъ таможенныя и всякія пошлины имати по прежнему и тѣ всѣ наши царевы... и прежнихъ государей жаловальныя тарханныя грамоты у всѣхъ тарханщиковъ взяти въ нашу казну“ (С. Б. Веселовскій „Къ вопросу о пересмотрѣ и подтвержденіи жалованныхъ грамотъ въ 1620—1630 гг. въ сыскныхъ приказахъ“, М., 1907 г.).

ственныхъ органовъ — намѣстниковъ и волостелей — путемъ регламентаціи отношенія этихъ властей къ населенію по закону. Давались эти грамоты, обыкновенно, по челобитью жителей, хранившихъ затѣмъ ихъ въ церквахъ — какъ важнѣйшіе акты, гарантирующіе права населенія — и затѣмъ — просившихъ о подтвержденіи этихъ грамотъ у преемниковъ того великаго князя, или царя, которыми онѣ были даны [1]). Въ началѣ грамоты обозначался обыкновенно тотъ великій князь, или царь, который давалъ грамоту, и указывалось, кому эта грамота была пожалована („пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскія земли", „пожаловалъ есми своихъ людей Бѣлозерцевъ", „людей своихъ Онежанъ" и т. д.). Затѣмъ указывалась причина выдачи грамоты — обычно, челобитье жителей данной земли, просившихъ оградить ихъ отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, или подтвердить, въ цѣляхъ тогоже огражденія, прежнюю грамоту. Выдача грамоты разсматривалась, какъ пожалованіе, такъ какъ той мѣстности, которая имѣла уставную грамоту, оказывалась, по взгляду эпохи, своего рода милость, благодаря которой она являлась въ лучшемъ положеніи, сравнительно съ другими. Уставныя грамоты давались самому населенію, въ лицѣ его представителей, чѣмъ онѣ существенно отличались отъ наказовъ, которые давались центральною властью мѣстнымъ правителямъ, и при томъ давались нестолько въ интересахъ мѣстнаго населенія, сколько въ интересахъ самого управленія и его наилучшей организаціи, въ цѣляхъ правительства.

Обращаясь къ содержанію уставныхъ грамотъ, надо прежде всего замѣтить, что оно было весьма сложно. Изъ грамотъ этихъ мы узнаемъ объ организаціи мѣстнаго управленія и о мѣрахъ обезпеченія населенія отъ произвола мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ, а равно и о кормахъ, какіе давались этимъ агентамъ; узнаемъ о пошлинахъ, сборахъ и повинностяхъ, какіе должны были браться съ населенія; видимъ, какого рода полицейскія и уголовныя мѣры взысканія налагались на нарушителей порядка и спокойствія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ должна была дѣйствовать данная уставная гра-

1) Поэтому, въ грамотахъ этихъ читаемъ, что „били мнѣ (великому князю) челомъ (жители такой-то мѣстности), а сказали, что была у нихъ грамота жалованная (такого-то в. князя или царя), и та-де грамота сгорѣла", или „добрѣ ветха", или „на наше царское имя та грамота не написана" и т. п. „и мнѣ бы (или „намъ бы") ихъ пожаловати, дати имъ грамоту жалованную", или „дати новую жаловальную", или „намъ-бы ихъ пожаловати, велѣти тое уставную грамоту переписати на наше царское имя"...

мота; наконецъ, находимъ въ грамотахъ постановленія объ участіи земскихъ выборныхъ въ мѣстныхъ судахъ и опредѣленія, касающіяся устройства этихъ судовъ и пр. Уставныя грамоты проливаютъ яркій свѣтъ на общій характеръ устройства правительственнаго мѣстнаго управленія на Москвѣ, на средства, коими тогда владѣло центральное правительство для борьбы съ насиліями и злоупотребленіями власти со стороны его собственныхъ мѣстныхъ агентовъ, на тѣ взгляды, какіе оно имѣло на управляемое населеніе. Пользуясь превосходнымъ „сведеннымъ текстомъ“ уставныхъ грамотъ указанной группы, — который сдѣланъ проф. Н. П. Загоскинымъ, — войдемъ хотя въ немногія подробности содержанія уставныхъ грамотъ, касающихся правительственнаго управленія, чтобъ получить о немъ болѣе наглядное представленіе. Такъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе въ грамотахъ то обязательство, какое онѣ возлагаютъ на намѣстниковъ и волостей, а именно обязательство, — говоря языкомъ грамотъ, — „ходить по сей грамотѣ“, т. е. соблюдать всѣ ея постановленія, съ угрозою отвѣтственности за несоблюденіе грамоты непосредственно предъ великимъ княземъ, или царемъ Московскимъ [1]), при чемъ жители, коихъ интересы были нарушены мѣстными агентами власти, могли сами назначать имъ, по грамотамъ, извѣстный срокъ для явки въ Москву на судъ самого государя [2]). Такимъ образомъ, по уставнымъ грамотамъ, признается необходимость подзаконнаго дѣйствія мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ и устанавливается способъ ихъ отвѣтственности передъ центральною властью. Къ сожалѣнію, на практикѣ эти принципы не привели къ созданію на Москвѣ администраціи, склонной руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ, хотя эти принципы и были провозглашены въ грамотахъ весьма опредѣленно. Уставныя грамоты признаютъ, далѣе, необходимость участія въ судѣ мѣстныхъ правителей (намѣстниковъ и волостелей) представителей самого общества, или земщины [3]), что, однако, на прак-

1) „А черезъ сю мою грамоту кто ихъ (мѣстныхъ жителей) чѣмъ изобидитъ, или кто не иметъ ходити по сей грамотѣ, быти тому отъ мене, отъ великаго Князя, въ казни“; „черезъ сію мою грамоту и съ тѣхъ на нихъ кто возьметъ, или чѣмъ изобидитъ, и тому быть отъ меня, царя и великаго князя, въ казни“ и т. п.

2) Напр., въ Бѣлозерской грамотѣ 1488 г. читаемъ: „а кому будетъ бѣлозерцомъ, горожаномъ и становымъ людямъ и волостнымъ, обида отъ намѣстниковъ и отъ волостелей и они сами сроки наметываютъ на намѣстниковъ и волостелей и на ихъ людей“.

3) „А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“; „а безъ старосты и безъ лучшихъ

тикѣ далеко невсегда соблюдалось, хотя и было, конечно, вполнѣ необходимо, какъ ввиду, во 1-хъ, того обстоятельства, что намѣстники и волостели часто не знали мѣстнаго обычнаго права, которое примѣнялось жителями въ ихъ юридическихъ тяжбахъ, такъ, во 2-хъ, и ввиду того, что только присутствіе на судѣ „добрыхъ“, или „лучшихъ“, людей земскаго общества могло-бы обезпечить судоговоренію и рѣшенію дѣлъ безпристрастіе и пр. Во всякомъ случаѣ важно отмѣтить, что указанный принципъ участія общественнаго элемента въ судѣ мѣстныхъ правителей признается уставными грамотами. Затѣмъ грамоты ограничиваютъ произволъ мѣстныхъ агентовъ центральной власти нетолько на судѣ, но и вообще въ управленіи. Всего болѣе этотъ произволъ могъ, конечно, обнаруживаться въ дѣлахъ фискальнаго характера, когда указанные агенты власти сбирали съ мѣстнаго населенія налоги, пошлины и всякаго рода пени, когда они наблюдали за несеніемъ имъ тѣхъ или другихъ натуральныхъ повинностей и когда, наконецъ, они заботились о полученіи съ жителей „кормовъ“ въ собственную пользу и касались способа ихъ раскладки. Неудивительно, что всѣ эти вопросы останавливали на себя большое вниманіе законодателя, который весьма подробно и обстоятельно во всѣхъ уставныхъ грамотахъ опредѣляетъ размѣръ „кормовъ“, идущихъ съ мѣстныхъ жителей на содержаніе намѣстниковъ, волостелей, ихъ тіуновъ и другихъ агентовъ управленія, устанавливаетъ таксу всякаго рода пошлинъ, штрафовъ и прочихъ сборовъ, которые должны взиматься съ жителей въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, а равно и указываетъ на натуральныя повинности, какія должно нести населеніе и пр. Несомнѣнно, что все это дѣлается, главнымъ образомъ, въ интересахъ огражденія мѣстнаго населенія отъ грабительства указанныхъ агентовъ правительства, съ которыми тогда центру бороться было весьма трудно, по причинѣ малой культурности самаго общества, дальности разстояній, плохихъ путей сообщенія и пр., почему контроль центра не могъ осуществляться въ провинціяхъ достаточно энергично и быстро. Регламентируя подробно все то, что касалось финансовой стороны управленія, уставныя грамоты пытались также оберегать населеніе и въ другихъ, доступныхъ правительственному воздѣйствію, случаяхъ. Такъ, напр., грамоты содержатъ запре-

---

людей волостелю и его тіуну суда не судити никакого“; „а намѣстнику и его тіуномъ безъ цѣловальниковъ суда не судити, а быти у нихъ на судѣ у намѣстника и его тіуна цѣловальникомъ лучшимъ людемъ, и земскому дьяку, которыхъ цѣловальникомъ и дьяка земскаго землею выберутъ и къ цѣлованію (т. е. къ цѣлованію креста, или къ присягѣ), приведутъ...“ и т. п.

щеніе ходить на пиры или братчины „намѣстничьимъ людямъ и волостелинымъ людямъ и тіунамъ“ и пр. „незваннымъ“ (во избѣжаніе, со стороны ихъ, поборовъ и насилій мѣстнымъ жителямъ); онѣ охраняютъ этихъ жителей отъ взятія „корма“ безденежно и насильственнымъ способомъ проѣзжающими служилыми людьми на себя и на лошадей [1]); онѣ не допускаютъ „скоморохомъ у нихъ въ волости сильно играти“ и „попрошатаямъ у нихъ въ волости просити“ и т. д. Защита населенія противъ всякаго рода насилій не шла, конечно, по грамотамъ, дальше полицейскихъ и уголовныхъ мѣръ, но другихъ и не было подъ руками у правительства того времени; во всякомъ случаѣ желаніе защитить населеніе отъ произвола и притѣсненій составляло характерную черту уставныхъ грамотъ, почему неудивительно, что жители „били челомъ“ о ихъ выдачѣ имъ, или-же просили о подтвержденіи старыхъ грамотъ у наслѣдника даннаго великаго князя или царя, давшаго грамоту.

Древнѣйшія уставныя грамоты — Двинская и Бѣлозерская.

До нашего времени дошло немного уставныхъ грамотъ, изъ нихъ наиболѣе древними и наиболѣе важными, по содержанію, надо считать Двинскую и Бѣлозерскую. Первая была дана Двинской землѣ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ 1397 г., вторая была дана Бѣлозерской области въ 1488 г. великимъ княземъ Московскимъ Іоанномъ III. Что касается первой, то она была дана послѣ завоеванія в. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ у Новгорода, между прочимъ, Двинской земли (или такъ наз. „Заволочья“), въ составъ которой входили земли по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени и Печорѣ. Двинская земля изстари вела обширную торговлю съ Сибирью и жители ея отличались богатствомъ и промыслами. Москва, впрочемъ, скоро потеряла эту землю, такъ какъ она вновь отошла къ Новгороду въ томъ-же году, почему остается неизвѣстнымъ, долго-ли уставная грамота, данная этой землѣ, оставалась въ дѣйствіи, но она, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія, какъ по важности своего содержанія, такъ и по близости ея постановленій къ Русской Правдѣ, что весьма характерно. Близость эта иногда такова, что одинъ изъ нашихъ ученыхъ, проф. Пахманъ, находилъ даже, что она извлечена изъ Русской Правды. Этого, конечно, не было, но близость, по духу, постановленій того и

1) Напр., въ одной изъ грамотъ читаемъ: „а наши князи и бояре и воеводы ратные и всякіе ѣздоки у нихъ въ волости сильно (насильно) не ставятся, ни кормовъ, ни подводъ, ни проводниковъ у нихъ не емлютъ; а гдѣ кому прилучится у нихъ стати (остановиться) и онъ себѣ у нихъ кормъ свой и конскій купитъ по цѣнѣ, какъ ему продадутъ“ . . .

другого памятника характерна потому, что показываетъ, какъ живучи были старые народные обычаи записанные впервые въ Русской Правдѣ XI—XII в. в., они уцѣлѣли частію до конца XIV в., какъ наглядное свидѣтельство сходства многихъ условій народной жизни на пространствѣ нѣсколькихъ вѣковъ. Такъ, напр., въ Двинской грамотѣ упоминается объ общинной (по Русской Правдѣ — дикой) вирѣ, о кровавыхъ и синихъ ранахъ, о „сводѣ“ (или „изводѣ“), при чемъ процедура производства „свода“, по существу, также, что и въ Р. Правдѣ; сходны постановленія Двинской грамоты и Р. Правды объ убійствѣ холопа или рабы [1]) и др. Впрочемъ, въ Двинской грамотѣ можно отмѣтить нѣкоторыя постановленія, вносившія нѣчто новое въ прежніе памятники нашего права. Такъ, напр., здѣсь впервые выдѣляется, какъ особое преступленіе, оскорбленіе словомъ, чего еще не знаютъ ни договоры съ греками, ни Р. Правда; впервые упоминаются тѣлесныя наказанія и смертная казнь; эти наказанія, несомнѣнно, были примѣняемы на практикѣ и въ предъидущіе вѣка, но памятники права, однако, о нихъ еще не говорятъ; впервые здѣсь встрѣчается понятіе рецидива, или повторенія преступленія и пр.

Второю уставною грамотою, весьма важною по своему содержанію, является грамота Бѣлозерская [2]). Бѣлозерская область издавна вела большую торговлю съ Москвою, Тверью, Новгородомъ и его сѣверными землями и входила въ составъ Великаго Княжества Московскаго съ XIV вѣка, оставаясь, впрочемъ, особымъ княжествомъ до 1482 года, когда была отдана Верейскимъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ по завѣщанію Іоанну III и превратилась въ одинъ изъ уѣздовъ Московскаго государства, управляемый намѣстниками. Давнія торговыя связи съ Москвою богатой Бѣлозерской области привели къ тому, что уставная грамота, полученная ею, воспроизводила московскіе юридическіе порядки и по содержанію своему близка къ I Судебнику, однимъ изъ источниковъ котораго она и считается. Ея преимущественное содержаніе — точное и подробное опредѣленіе доходовъ намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и другихъ лицъ; даже статьи юридическаго содержанія главнымъ образомъ изложены изъ точки зрѣнія финансовой, т. е. о нормахъ права

---

1) По 11 ст. Двинской грамоты; „а кто осподарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ, ни вины не емлютъ“; по 102 ст. Карамзинскаго списка Р. Правды „а въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣту“, т. е., тамъ и здѣсь убійство холопа или рабы не наказуемо и они не считаются еще „объектами преступленій“.

2) Перечисленіе другихъ уставныхъ грамотъ см. въ „Христоматіи“ М. Ф. Вл.-Буданова, выпускъ II (послѣ текста Бѣлозерской грамоты).

говорится съ связи съ доходами, какіе должны получать намѣстники и ихъ агенты отъ тѣхъ или другихъ противузаконныхъ дѣяній и т. д., почему „кормы“, пошлины и пени играютъ въ ней большое значеніе, какъ и въ другихъ, позднѣйшихъ, грамотахъ.

Уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Понятіе; цѣль изданія грамотъ. Виды означенныхъ грамотъ.

Вторую группу уставныхъ грамотъ образуютъ, какъ уже указывалось, уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Этими грамотами устроялось мѣстное земское выборное управленіе. Нами уже указывалось, что цѣлью изданія уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія, было противодѣйствіе со стороны центральной власти произволу и злоупотребленіямъ намѣстниковъ, волостелей и прочихъ агентовъ правительственной власти въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Цѣль эта, однако, плохо достигалась на практикѣ, такъ какъ мѣстные управители всегда находили средства къ невыполненію именно тѣхъ постановленій уставныхъ грамотъ, которыя могли-бы болѣе всего обезпечить населеніе отъ ихъ насилій и лихоимствъ. Злоупотребленія властью со стороны намѣстниковъ и волостелей особенно давали себя чувствовать въ малолѣтство Іоанна Грознаго и въ началѣ его царствованія, пока царь не взялъ на себя правленія государствомъ. По собственному сознанію Іоанна Грознаго (откровенно высказанному въ одной изъ земскихъ уставныхъ грамотъ [1]), ему „отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники наши, и волостели, и ихъ пошлинные люди (т. е. лица, взимающія пошлины), сверхъ нашего жалованія указу, чинятъ имъ (крестьянамъ) продажи (берутъ штрафы) и убытки великіе; а отъ намѣстниковъ и отъ волостелей, отъ ихъ пошлинныхъ людей, намъ докука и челобитья многія, что имъ посадскіе и волостные люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ и ихъ бьютъ, и въ томъ межъ ихъ поклепы и тяжбы великія; да отъ того на посадѣхъ многіе крестьянскіе дворы, а въ уѣздѣхъ деревни и дворы, запустѣли и наши дани и оброки сходятся несполна“. Эти жалобы жителей дали поводъ (какъ это видно и изъ другихъ уставныхъ грамотъ) къ замѣнѣ правительственнаго

1) А именно въ уставной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ отъ 15 августа 1555 г.

персонала выборнымъ[1]), тѣмъ болѣе, что правительственные агенты, разоряя населеніе, не обезпечивали также и самой казнѣ бездоимочнаго поступленія „даней и оброковъ". Уставныя грамоты, коими вводилось выборное управленіе, могутъ быть справедливо названы земскими уставными грамотами, такъ какъ, въ лицѣ „излюбленныхъ" старостъ и головъ, управленіе данною мѣстностью передавалось самимъ земщинамъ. Но, кромѣ этихъ земскихъ уставныхъ грамотъ, были еще уставныя грамоты губныя. Намѣстники, волостели и ихъ „пошлинные люди", — разоряя своими поборами мѣстное населеніе и плохо обезпечивая казнѣ поступленіе „даней и сборовъ" — мало имѣли въ тоже время вообще авторитета въ глазахъ населенія (какъ это видно изъ ихъ собственныхъ жалобъ, что имъ „посадскіе и волостные люди подъ судъ не даются", кормовъ не платятъ и ихъ бьютъ"), а въ частности — не могли оберечь населенія отъ постоянныхъ во многихъ мѣстностяхъ разбоевъ и грабежей. Къ центральной власти, по обычаю, неслись отовсюду челобитья, что де въ волостяхъ „чинятся разбои и татьбы великія", что разбойники „села и деревни розбиваютъ и крадутъ", „на дорогахъ многихъ людей розбиваютъ и грабятъ" и что „иные многіе люди въ тѣхъ волостѣхъ многихъ людей разбойниковъ у себя держатъ" и т. д. Правительство, чтобъ спасти населеніе, посылало въ мѣстности, разоряемыя разбоями, особыхъ сыщиковъ, но и эта мѣра мало помогала дѣлу. Тогда челобитчики, — извѣрившись въ помощь какъ отъ нихъ, такъ и отъ намѣстниковъ и волостелей, входившихъ нерѣдко въ соглашеніе съ разбойниками, — просили ихъ „пожаловать" и дозволить „быть у нихъ, для татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ, приказчикамъ и старостамъ волостнымъ, и губнымъ цѣловальникомъ, и лихихъ людей, и татей, и разбойниковъ сыскивать межъ себя самимъ" и т. п. Особыми уставными грамотами, получившими въ литературѣ общее наименованіе губныхъ[2]), общинамъ представлялось право какъ преду-

1) Въ названной грамотѣ, непосредственно за приведенными жалобами жителей, указывается, что — „мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ, и волостелей, и „праветчиковъ" (т. е. тѣхъ, которые „правили" или взыскивали, пошлины и другіе сборы) отъ городовъ и отъ волостей отставили, велѣли есми во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинить старость излюбленныхъ" и пр. — Тоже указывается, какъ поводъ къ отмѣнѣ намѣстничьяго и вообще правительственнаго управленія. и въ другихъ грамотахъ (см. „сводный текстъ земскихъ уставныхъ грамотъ" въ указанномъ выше изслѣдованіи С. А. Шумакова, стр. 162 и сл.).

2) Въ текстѣ самихъ грамотъ это наименованіе, какъ и наиме-

преждения преступленій, такъ затѣмъ право суда и наказанія важнѣйшихъ преступниковъ (первоначально разбойниковъ, позднѣе — татей, убійцъ, поджигателей и др.), съ возложеніемъ на земщины заботъ объ устройствѣ тюремъ и содержаніи въ нихъ преступниковъ. Такимъ образомъ, уставныя грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, являются въ двухъ видахъ: 1) собственно-земскихъ грамотъ, коими, вмѣсто органовъ правительственныхъ, учреждались, для завѣдыванія вообще мѣстными дѣлами, органы выборные и 2) грамотъ губныхъ, коими изъ вѣдомства мѣстныхъ правительственныхъ органовъ выдѣлялись нѣкоторыя дѣла, — а именно дѣла, относящіяся къ уголовной юстиціи — и эти дѣла затѣмъ передавались въ вѣдомство выборныхъ земскихъ органовъ. Наличность выборнаго земскаго элемента въ организаціи управленія, по тому и другому виду грамотъ, составляетъ ихъ общую черту, почему и нѣтъ основанія выдѣлять губныя грамоты изъ числа грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, какъ дѣлаютъ нѣкоторые ученые. Различіе-же между обоими видами грамотъ состоитъ въ томъ, что первыми, т. е. земскими, грамотами устраняются вообще правительственные органы отъ завѣдыванія, вторыми-же — лишь часть ихъ обязанностей (уголовная юстиція) передается въ вѣдомство выборныхъ органовъ. Остановимся на каждомъ изъ указанныхъ двухъ видовъ земскихъ грамотъ особо.

Земскія уставныя грамоты и ихъ содержаніе; время появленія означенныхъ грамотъ.

Земскія уставныя грамоты регламентируютъ отправленіе выборными органами какъ управленія, такъ и суда въ той мѣстности, которой дана грамота. Поэтому, кромѣ обычныхъ въ грамотахъ указаній на то, кѣмъ, какой мѣстности и по чьему челобитью дана грамота, онѣ содержатъ подробныя свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, коимъ ввѣряется управленіе и судъ (а именно — объ излюбленныхъ головахъ, или старостахъ, судьяхъ, земскихъ дьякахъ, цѣловальникахъ и др.), о производствѣ выборовъ ихъ и о приведеніи ихъ къ присягѣ, о ихъ обязанностяхъ передъ населеніемъ и пр. По обычаю времени, они угрожаютъ смертною казнію и конфискаціею имущества за неисполненіе обязанностей или злоупотребленія властью [1]) и, наоборотъ, обѣщаютъ свободу „отъ

нованіе округовъ, гдѣ дѣйствовали данныя грамоты, губами, встрѣчается не вездѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ грамотахъ; чаще встрѣчается лишь наименованіе самихъ выборныхъ властей „губными“.

1) Въ одной изъ древнѣйшихъ уставныхъ грамотъ, а именно Важской грамотѣ 1552 г. читаемъ слѣдующее: „а учнутъ излюблен-

пошлинъ и податей“ и „царское жалованье“, если „намъ (т. е. царю) и землѣ управа ихъ будетъ люба“ [1]).

Затѣмъ весьма существенную часть грамотъ составляютъ постановленія финансоваго характера, а именно постановленія, въ которыхъ трактуется объ оброкѣ за прежній „намѣстничь и за тіуновъ кормъ“, а равно и за кормъ другихъ лицъ „намѣстничьяго“ и „волостелинаго“ управленія, такъ какъ, съ уничтоженіемъ указанныхъ органовъ правительственнаго управленія, мѣстности, получившія уставную грамоту, платили особый оброкъ деньгами, при чемъ грамотами устанавливался порядокъ раскладки оброка, мѣсто, время и способъ его доставки, запрещалось брать посулы и т. д.; наконецъ, возлагалась на излюбленныхъ головъ и другихъ выборныхъ людей отвѣтственность за несвоевременную доставку оброка. Очень важнымъ здѣсь было въ особенности право раскладки оброка и пошлинъ самимъ населеніемъ „межъ себя“, благодаря чему они могли падать на отдѣльныя части населенія („лучшихъ“, среднихъ“ и „молодыхъ“) болѣе правильно и равномѣрно, сообразно доходности ихъ земли и промысловъ [2]).

Наконецъ, въ грамотахъ есть постановленія, касающіяся полицейскаго, уголовнаго и гражданскаго права, а равно и про-

---

ные ихъ головы сами посадскимъ людямъ, или становымъ или волостнымъ хрестьяномъ, кому ни буди, силы и обиды и продажи безлѣпичныя чинити и посулы и поминки имати, и тѣмъ отъ меня, царя и великаго князя, быти казненнымъ смертною казнію, а животы ихъ и статки велѣть имати, да отдавати тѣмъ людямъ, кому отъ нихъ продажи и убытки чинятся“. Тоже, въ общемъ, повторяется и въ другихъ грамотахъ (см. „сводный текстъ земскихъ уставныхъ грамотъ“ въ изслѣдованіи С. А Шумакова, стр. 161 и сл.).

1) Въ уставной грамотѣ, данной Устюжскаго уѣзда Усецкихъ и Заецкихъ волостей крестьянамъ, читаемъ, напр., что „учнутъ тѣ выборные судьи судити и управу межь крестьянства чинити прямо, по нашему уложенью, по Судебнику и по уставной грамотѣ, безволокитно и безпосульно и оброкъ за волостины доходы собирати и къ намъ на срокъ привозити, и впередъ только намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба и мы съ ихъ деревень, что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имати не велимъ, да и сверхъ того ихъ пожалуемъ“.

2) Въ Важской уставной грамотѣ 1552 г. читаемъ, напр., слѣдующее: „а разводити (раскладывать) шенкурцомъ и Вельскаго стану посадскимъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и молодымъ (оброкъ и пошлины), межъ себя самимъ, по животомъ (по движимости) и по промысломъ; а крестьянъ, которые живутъ въ станѣхъ и волостѣхъ, лучшимъ людемъ и середнимъ и молодымъ, разводить по тому-же, по пашнямъ, и по животомъ, и по сохамъ“.

цесса. Въ цѣломъ, эти постановленія не остались безъ вліянія на послѣдующее законодательство, какъ это будетъ отмѣчено нами въ своемъ мѣстѣ. Земскихъ уставныхъ грамотъ дошло до насъ немного, изъ нихъ древнѣйшими можно считать во 1-хъ грамоту, данную крестьянамъ Плесской волости (Владимірскаго уѣзда) 28 февраля 1551 г., а затѣмъ посадскимъ людямъ и крестьянамъ Важскаго уѣзда (такъ наз. „Важская грамота“) — 1 марта 1552 г. Первоначально земскія выборныя учрежденія, вводившіяся указанными грамотами, были лишь исключеніями, но уже съ сентября 1556 г., когда была дана при Іоаннѣ IV послѣдняя уставная грамота (Двинская), они были введены почти вездѣ въ Московскомъ государствѣ (не были введены въ пограничныхъ городахъ), послѣ чего выдача отдѣльныхъ уставныхъ земскихъ грамотъ почти прекратилась, подобно тому, какъ съ отмѣною намѣстниковъ и ихъ кормленія прекратилось изданіе уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія (или грамотъ „намѣстничьяго управленія“, какъ ихъ еще называютъ). Тѣ и другія грамоты явились затѣмъ источниками для Судебниковъ и С. Уложенія, войдя въ составъ отдѣльныхъ ихъ постановленій.

Губныя уставныя грамоты. Значеніе слова губа по грамотамъ. Содержаніе грамотъ; время ихъ появленія и дѣйствія.

Вторымъ видомъ уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія, являются губныя грамоты, передававшія выборнымъ всесословнымъ органамъ дѣла, касавшіяся уголовной юстиціи. Для выполненія цѣлей этой юстиціи создавались, по челобитью жителей отдѣльныхъ мѣстностей, въ государствѣ особые судебные округа, или губы, которыми изъ завѣдывали выборныя губныя власти. Впрочемъ, слово губа, въ значеніи извѣстной территоріальной единицы, явилось впервые не въ Москвѣ, но извѣстно было уже изстари Псковской землѣ, гдѣ волости подраздѣлялись на губы (напр., была Наровская губа и др.), а въ Псковской судной грамотѣ говорится о старостахъ „губьскихъ“, стоявшихъ во главѣ этихъ подраздѣленій. Происхожденіе слова и его значеніе является, однако, въ нашей ученой литературѣ весьма спорнымъ. Если одни ученые, какъ, напр., В. Н. Татищевъ, — принимая, очевидно, во вниманіе уголовную функцію губныхъ властей — производятъ слово губа отъ слова губленіе. то другіе, — какъ, напр., Устряловъ, — обращаютъ вниманіе на территоріальное значеніе слова губа и производятъ его отъ глагола „гнуть“, „огибать“, считая губу округомъ земли, который огибался извѣстными границами: третьи, какъ, напр., митрополитъ Евгеній, производятъ его отъ

скандинавскаго слова hobo или hubo, что значитъ „округъ земли“. Съ послѣднимъ производствомъ согласенъ и новѣйшій изслѣдователь губныхъ грамотъ С. А. Шумаковъ, указывающій также и на однокоренное съ „губою“ нѣмецкое слово „Gau“, однозначущее съ словомъ волость (ibid., стр. 15 и 97). Не входя въ разборъ мнѣній ученыхъ о происхожденіи слова губа, замѣтимъ лишь, что на языкѣ самихъ грамотъ это слово, несомнѣнно, означаетъ извѣстную территоріальную единицу, округъ, вѣдавшій „татей и разбойниковъ“ черезъ выборныхъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ [1]).

Обращаясь къ краткому обзору содержанія губныхъ грамотъ, замѣтимъ, что въ нихъ указывается, какъ должны были производиться выборы губныхъ властей (старостъ, головъ, цѣловальниковъ и др.), каковы должны быть ихъ обязанности, а равно и отвѣтственность за „корыстованіе“, за осужденіе неправильно, — „по недружбѣ“ и мести — невинныхъ людей, за пренебреженіе исполненіемъ обязанности „разбойниковъ обыскивати и сыскивати“. „Вѣдали-бъ старосты губные и цѣловальники разбойныя и татиныя дѣла“ — говоритъ одна изъ губныхъ грамотъ — „а дѣлали разбойныя и татиныя дѣла, разбойниковъ и съ истцы ихъ судили, и обыскивали, и пытали и разбойныя дѣла вершили по сему цареву и великаго князя уставному списку въ правду безо всякія хитрости“. Затѣмъ губныя грамоты регламентируютъ порядокъ надзора за проѣзжими и пріѣзжими людьми, устанавливаютъ правила, какъ обыска „лихихъ людей, разбойниковъ“, такъ и поимки ихъ, суда и казни, опредѣляютъ, сколько „съ разбойныхъ и татиныхъ дѣлъ съ суда“ должно „имати пошлинъ“, указываютъ, каково должно было быть отношеніе губныхъ властей къ центральному суду и къ суду намѣстниковъ и волостелей. Какъ уже видно изъ этого бѣглаго обзора, губныя грамоты были богаты постановленіями по уголовному процессу и эти постановленія не остались безъ вліянія на наше послѣдующее законодательство (XVI—XVII вѣковъ).

Древнѣйшею, дошедшею до насъ, губною грамотою была

---

1) Въ губной грамотѣ, данной въ 1592 г. крестьянамъ Д. И. Годунова, жившимъ въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Чаронской округѣ и въ Вещеозерской волости говорится, напр., что у нихъ „прежъ сего“ была „жаловальная грамота“ Іоанна IV, „а по той жаловальной грамотѣ въ Чаронской округѣ и въ Вещеозерской волости была у нихъ своя губа и къ татинымъ и къ разбойнымъ дѣломъ губныхъ старостъ и цѣловальниковъ выбирали они сами“; во 2-ой Бѣлозерской губной грамотѣ 1571 г. читаемъ: „а взговорятъ языки (оговорщики) на кого въ иныя губы (т. е. округа) въ разбоѣ, или татбѣ, и старостамъже и цѣловальникомъ . . . послатъ . . . про тѣхъ людей . . . обыскати“.

такъ наз. „Бѣлозерская грамота“, данная въ 1539 г. Іоанномъ IV жителямъ Бѣлозерскаго уѣзда по ихъ челобитью; но, была-ли эта грамота, дѣйствительно, древнѣйшею и возникли ли губныя учрежденія на Москвѣ не ранѣе первой половины XVI вѣка, сказать вполнѣ утвердительно — трудно, такъ какъ не всѣ грамоты дошли до насъ; можно, впрочемъ, предполагать, что нужда въ спеціальныхъ округахъ и органахъ, вѣдавшихъ сыскъ и судъ надъ разбойниками, могла давать себя чувствовать еще въ XV вѣкѣ. Нельзя также вполнѣ положительно рѣшить, какъ широко было распространено первоначально дѣйствіе губныхъ грамотъ, т. е. многимъ-ли мѣстностямъ онѣ были даны; впрочемъ, со второй половины XVI вѣка губныя учрежденія были повсюду на Москвѣ, хотя выдача губныхъ грамотъ прекратилась уже съ 1555 г. и выборнымъ людямъ стали даваться наказы и списки изъ такъ наз. „уставной книги Разбойнаго Приказа“. Прекращеніе выдачи губныхъ грамотъ не означало, однако, собою прекращеніе дѣятельности губныхъ властей, а лишь подчиненіе ихъ общимъ уголовнымъ законамъ, предписываемымъ къ исполненію изъ центра.

Судныя грамоты; понятіе; отличіе ихъ отъ уставныхъ грамотъ; содержаніе ихъ.

Особую группу грамотъ Московскаго государства составляютъ такъ назыв. судныя грамоты, которыя содержатъ въ себѣ постановленія процессуальнаго характера (т. е. постановленія о судоустройствѣ и судопроизводствѣ, уголовномъ и гражданскомъ), а равно нормы уголовнаго и гражданскаго права. Нѣкоторые ученые, какъ напр., С. А. Шумаковъ, считаютъ судныя грамоты лишь видомъ земскихъ уставныхъ грамотъ и видятъ отличіе однѣхъ отъ другихъ только въ томъ, что „въ первыхъ особенно развиты постановленія финансоваго характера, вопросы-же уголовнаго права и процесса затрагиваются въ нихъ лишь мимоходомъ“, — при томъ же не во всѣхъ грамотахъ, — тогда какъ въ судныхъ грамотахъ главнымъ образомъ содержатся нормы процессуальнаго, а также гражданскаго и уголовнаго права, о финансовыхъ-же вопросахъ онѣ говорятъ очень кратко, а полицейскаго права совсѣмъ не затрагиваютъ“ [1]). Какъ намъ кажется, уже одно указанное различіе содержанія земскихъ и судныхъ грамотъ даетъ достаточное основаніе къ тому, чтобъ тѣ и другія грамоты считать двумя отдѣльными группами грамотъ, а не видомъ лишь уставныхъ земскихъ

1) „Губныя и земскія грамоты Московскаго государства“, стр. 26, срав. также соображенія названнаго автора по вопросу о генеалогіи между земской уставной и судной грамотами, а равно и указанія на ихъ параллелизмы въ его статьѣ „Новыя губныя и земскія грамоты“, стр. 391 и сл.

грамотъ. Но, кромѣ этого, и форма судныхъ грамотъ имѣетъ нѣкоторыя характерныя черты, имъ только свойственныя. Поэтому, ввиду различія содержанія и формы судныхъ грамотъ отъ уставныхъ, правильнѣе, на нашъ взглядъ, выдѣленіе ихъ въ особую группу, какъ это и дѣлается, напр., проф. Загоскинымъ, Латкинымъ и др. Къ числу внѣшнихъ, отличительныхъ признаковъ судныхъ грамотъ надо отнести формулы, въ нихъ встрѣчающіяся и указывающія, что эти законодательные акты являются главнымъ образомъ актами, устанавливающими организацію суда. Такъ въ грамотахъ говорится, что выборные люди должны „судить по сей нашей грамотѣ“, что „судить въ волости земскимъ судьямъ“ и т. п., при чемъ добавляется, что, если „о которыхъ дѣлахъ въ сей грамотѣ указу не написано, и тѣ дѣла имъ вершити по Судебнику“. Иначе говоря, процессъ велся въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ были даны судныя грамоты, согласно съ тѣми нормами, какія въ нихъ были опредѣлены, а общій Судебникъ примѣнялся у нихъ лишь тогда, когда приходилось рѣшать дѣла, о которыхъ были постановленія въ Судебникѣ и не было оныхъ въ самой грамотѣ, т. е. общія процессуальныя нормы примѣнялись въ случаѣ недостатка таковыхъ нормъ въ данной грамотѣ. Судныя грамоты освобождали общины, коимъ онѣ были пожалованы, отъ подсудности мѣстнымъ правительственнымъ органамъ и предписывали имъ выбирать себѣ судей самимъ[1]), излагали права и обязанности ихъ въ области гражданской и уголовной юрисдикціи, устанавливали ихъ отвѣтственность, требовали, чтобъ выборные судьи наиболѣе важныя преступленія (разбои, убійства, поджоги и др.) судили вмѣстѣ съ губными старостами „по губнымъ грамотамъ“, сами-же выборные или „излюбленные“ судьи должны были, подобно губнымъ старостамъ, вести судоговореніе съ участіемъ „волостныхъ лучшихъ крестьянъ“ или „посадскихъ лучшихъ крестьянъ“. Эти постановленія судныхъ грамотъ весьма важны, такъ какъ служатъ непререкаемымъ указаніемъ на участіе на Москвѣ народнаго элемента въ отправленіи судебныхъ функцій. Къ сожалѣнію судныхъ грамотъ дошло до насъ весьма немного; 2 изъ нихъ относятся ко второй половинѣ XVI вѣка (къ 1556 и 1561 г. г.); одна — къ началу XVII вѣка (1615 г.).

Какъ уже говорилось, особымъ видомъ грамотъ надо считать грамоты таможенныя. Таможенныя

1) „а быти у нихъ въ судахъ тѣхъ же селъ крестьянамъ, которыхъ они выбрали всѣми крестьяны тѣхъ селъ“ .... „а быти у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ, которыхъ себѣ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ“ (см. сводный текстъ „судныхъ грамотъ“ у С. А. Шумакова, „Губ. и земс. грам.“, стр. 197 и сл.).

грамоты; понятіе; краткій обзоръ ихъ содержанія; двѣ группы таможенныхъ грамотъ.

женными грамотами называются грамоты, опредѣлявшія порядокъ таможенно-финансоваго управленія Московскаго государства. Какъ извѣстно, на Руси до второй половины XVIII вѣка существовали внутреннія таможни, въ которыхъ собирались разнаго рода торговые сборы. Финансовое управленіе отличалось на Москвѣ удивительною изобрѣтательностью относительно всякаго рода налоговъ и пошлинъ. Таможенныя грамоты подробно исчисляютъ размѣры внутреннихъ пошлинъ, падавшихъ на товары, указываютъ на предметы, мѣстности и лицъ, подлежавшихъ этимъ пошлинамъ, или освобожденныхъ отъ нихъ, опредѣляютъ взысканія за неплатежъ пошлинъ, и вообще устанавливаютъ порядокъ таможенно-финансоваго управленія и, въ силу отмѣченнаго своего содержанія, заключаютъ въ себѣ весьма интересныя, хотя и мало еще изслѣдованныя въ подробностяхъ, свѣдѣнія по исторіи нашего финансоваго права. Дошедшія до насъ таможенныя грамоты можно раздѣлить, — какъ это было предложено проф. Загоскинымъ и вообще принято въ нашей наукѣ, на двѣ группы — на грамоты, опредѣляющія порядокъ казеннаго таможеннаго управленія и на грамоты, опредѣляющія порядокъ откупнаго таможенно-финансоваго управленія. Дѣло въ томъ, что сборъ многочисленныхъ торговыхъ пошлинъ поручался, либо правительственнымъ агентамъ (таможникамъ), либо отдавался на откупъ извѣстнымъ лицамъ, которыя уже сами собирали эти пошлины съ населенія, внося въ казну опредѣленныя суммы. Въ общемъ, порядокъ управленія, по таможеннымъ грамотамъ, дававшимся тѣмъ и другимъ, оставался одинъ и тотъ-же, но само управленіе велось различными лицами.

Краткій обзоръ нѣкоторыхъ прочихъ видовъ грамотъ законодательнаго характера.

Таковы важнѣйшіе виды грамотъ Московскаго государства. Ими, однако, далеко не исчерпываются виды грамотъ законодательнаго характера, являвшихся на Москвѣ. Изъ неназванныхъ нами можно еще указать на грамоты договорныя и духовныя, на грамоты утвержденныя и приговорныя и др. Договорными, или крестоцѣловальными („докончальными“) грамотами назывались грамоты, въ которыхъ содержались договоры великихъ князей съ удѣльными и опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія. Эти грамоты были извѣстны уже первому періоду; древнѣйшею договорною грамотою второго періода считается грамота 1341 г., представляющая собою договоръ, заключенный сыновьями Іоанна Калиты; позднѣйшею грамотою надо считать договорную грамоту 1531 г., заключенную между Василіемъ III и его

братьями Юріемъ и Андреемъ (всѣхъ грамотъ дошло до насъ около ста). Договорныя грамоты представляютъ, вмѣстѣ съ духовными грамотами князей, или ихъ завѣщаніями, весьма важный первоисточникъ для ознакомленія со взаимными междукняжескими отношеніями въ Московскій періодъ и со взглядами государей на власть, владѣніе землею и пр.; содержаніе этихъ грамотъ будетъ указано нами при обзорѣ соотвѣтствующихъ вопросовъ государственнаго права періода. Что касается грамотъ утвержденныхъ и приговорныхъ, или соборныхъ, то онѣ весьма важны для ознакомленія съ дѣятельностью нашихъ Земскихъ Соборовъ, такъ какъ первыя являются актами такъ наз. избирательныхъ соборовъ, вторыя — гласятъ о томъ, что дѣлалось на совѣщательныхъ Соборахъ; о ихъ содержаніи намъ также придется говорить при обзорѣ дѣятельности Земскихъ Соборовъ; къ сожалѣнію эти грамоты дошли не о всѣхъ Соборахъ.

Общее замѣчаніе о значеніи грамотъ въ исторіи нашего права.

Какъ разсмотрѣнныя нами грамоты Московскаго періода, такъ и вѣчевыя грамоты Псковская и Новгородская, отнесенныя нами къ первому періоду (ввиду ихъ содержанія), въ исторіи нашего права являются памятниками мѣстнаго законодательства, такъ какъ пространство ихъ дѣйствія ограничивалось, обычно, какою-либо опредѣленною территоріею, но не распространялось на все Московское государство. Это обстоятельство, однако, не умаляетъ важнаго значенія въ исторіи нашего права указанныхъ памятниковъ права по слѣдующимъ основаніямъ. Во 1-хъ большинство этихъ памятниковъ права, а именно грамоты, явившіяся въ XIV—XV вѣкахъ, остаются для насъ единственными свидѣтелями движенія русской юридической мысли, послѣ составленія Р. Правды и до времени I-го Судебника; во 2-хъ и изданіе I Судебника не остановило совершенно развитія нашего права черезъ посредство отдѣльныхъ грамотъ и указовъ; въ 3-хъ памятники мѣстнаго законодательства не остались безъ значительнаго вліянія на сборники Московскаго періода (Судебники, С. Уложеніе) и такимъ образомъ частію получили общерусское значеніе; наконецъ, въ 4 хъ, воспріятіе въ общіе юридическіе сборники Москвою извѣстныхъ мѣстныхъ правовыхъ началъ, изъ грамотъ, въ однихъ случаяхъ, и замѣна ихъ московскими, въ другихъ, представляетъ собою высокопоучительную (хотя и малоизслѣдованную) картину борьбы двухъ великихъ принциповъ двигавшихъ нашу историческую жизнь — принципа централизаціи, единодержавія, и принципа децентрализаціи, развитія юридическихъ особностей отдѣльныхъ мѣстностей. По условіямъ политической жизни XVI—XVII вѣковъ на Руси

возобладалъ первый изъ указанныхъ принциповъ и Москва постепенно сдѣлалась законодательницею для всѣхъ объединенныхъ княжествъ, но мѣстныя юридическія правовоззрѣнія, не потерявъ своего значенія при кодификаціи права на Москвѣ, продолжали жить въ народныхъ обычаяхъ отдѣльныхъ мѣстностей и позднѣе, почему и заслуживаютъ особаго вниманія историковъ права.

Глава II.

Судебникъ 1497 г.

Причины, вызвавшія на Москвѣ въ концѣ XV вѣка изданіе перваго Судебника. Составленіе Судебника и его источники.

Пока сѣверо-русскія земли не были объединены подъ властію Москвы, развитіе нашего законодательства путемъ изданія мѣстныхъ грамотъ представлялось вполнѣ естественнымъ; оно имѣло при томъ ту положительную сторону, что охраняло до времени, въ той или иной мѣрѣ, юридическія особности отдѣльныхъ русскихъ земель, владѣвшихъ данною грамотою. Политическое объединеніе Москвою этихъ земель къ концу XV должно было повлечь за собою и объединеніе законодательное: необходимо было землямъ, составившимъ одно Московское государство, дать одинъ общій кодексъ законовъ. Однако, законодательное единство земель, вошедшихъ въ составъ даннаго государства, нигдѣ не достигается сразу, непосредственно послѣ того, какъ самостоятельныя прежде территоріальныя единицы теряютъ свою политическую обособленность; наоборотъ, вездѣ подчиненіе этихъ земель однимъ общимъ законамъ идетъ медленно и при томъ въ извѣстной постепенности. Труднѣе всего измѣняются дѣйствіемъ центральной законодательной власти нормы гражданскаго права, регулирующія взаимныя отношенія отдѣльныхъ гражданъ между собою, такъ какъ въ нихъ всего болѣе выражается внутреннее органическое различіе земель по ихъ народнымъ обычаямъ и нравамъ, различіе, достигающее особеннаго напряженія въ тѣхъ случаяхъ, когда эти земли бываютъ населены разноплеменнымъ составомъ, когда ихъ историческія судьбы слишкомъ расходятся между собою въ теченіи многихъ вѣковъ и т. д. Болѣе поддаются видоизмѣненію учрежденія, вообще дѣйствовавшія въ отдѣльныхъ земляхъ и въ частности — учрежденія судебныя. Обычно объединительныя попытки

прежде всего вездѣ направляются на созданіе однообразныхъ учрежденій и общихъ процессуальныхъ кодексовъ, объединяющихъ судоустройство и судопроизводство присоединенныхъ территорій и подчиняющихъ ихъ центральному суду. У насъ первый кодексъ на Москвѣ былъ изданъ въ 1497 г.; онъ носитъ въ литературѣ — по аналогіи со 2-мъ Судебникомъ 1550 г. — наименованіе Судебника. По содержанію своему онъ именно и является (какъ и 2-ой Судебникъ) судебнымъ уставомъ, такъ какъ главнымъ образомъ касается нормъ судоустройства и судопроизводства. Несомнѣнно, что съ изданіемъ его сдѣлана была попытка, параллельно централизаціи территоріальной, провести въ жизнь централизацію судебную: объединенію сѣверо-русскихъ земель подъ властію Москвы, совершавшемуся въ концѣ XV вѣка, должно было сопутствовать объединеніе законодательное, первоначально въ наиболѣе доступной для центральной власти того времени формѣ — судебной. Это объединеніе было желательно и по чисто практическимъ соображеніямъ. Пользованіе юридическимъ матеріаломъ, заключавшимся въ многочисленныхъ, въ разное время и разнымъ мѣстностямъ данныхъ, грамотахъ могло быть нерѣдко весьма затруднительно для самихъ органовъ центральной власти. При этомъ новыя условія политической жизни требовали и болѣе точнаго опредѣленія отношеній центральныхъ судебныхъ органовъ къ мѣстнымъ, съ превращеніемъ частныхъ нормъ грамотъ въ общія. Объединеніе многочисленныхъ грамотъ въ одномъ кодексѣ представляло извѣстное удобство и для населенія, поскольку послѣднему приходилось прибѣгать къ судамъ; несомнѣнно, было легче пользоваться однимъ судебнымъ кодексомъ, чѣмъ многочисленными грамотами и указами.

Нельзя также не отмѣтить, что составленіе сборниковъ, по преимуществу, процессуальнаго содержанія, подобныхъ Судебникамъ, отвѣчало первоначально еще одной изъ важныхъ цѣлей, которая преслѣдовалась Московскимъ правительствомъ — какъ и правительствомъ другихъ государствъ въ соотвѣтственныя эпохи ихъ праворазвитія — а именно цѣли обезпеченія суду наибольшей суммы доходовъ, ввидѣ пошлинъ, собираемыхъ за отправленіе правосудія. Поэтому Судебники съ такою тщательностью и такъ подробно касаются опредѣленія размѣровъ и случаевъ полученія органами судебной власти (при отправленіи ими ихъ функціи), тѣхъ или иныхъ доходныхъ статей. Судъ въ древнее время — источникъ дохода и было весьма важно, какъ въ интересахъ власти, такъ и населенія, точно и опредѣленно установить, когда и сколько надо было платить за производство тѣхъ или иныхъ судебныхъ дѣйствій.

Относительно составленія перваго Судебника сохранилось въ нашей исторіи очень мало свѣдѣній. Извѣстно лишь изъ лѣтописи, что составленіе это было поручено въ 1497 г. дьяку Владиміру Гусеву, уже на слѣдующій годъ, — послѣ выполненія имъ указанной кодификаціонной работы — казненному за участіе въ заговорѣ о возведеніи на престолъ, послѣ смерти Іоанна III, его сына Василія, вопреки волѣ великаго князя имѣть своимъ преемникомъ внука Дмитрія. Извѣстно также изъ вступительной статьи къ Судебнику, что Судебникъ былъ утвержденъ Іоанномъ III и Боярскою Думою въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1497 г.[1]). Впрочемъ, составленіе Судебника едва ли представляло большія трудности для перваго московскаго кодификатора, такъ какъ Судебникъ вообще не создавалъ новаго права, а лишь объединялъ въ одно цѣлое тѣ юридическія нормы, какія нашлись въ мѣстномъ законодательствѣ и какія казались тогда пригодными къ примѣненію въ Московскомъ великомъ княжествѣ. Источниками Судебника были Русская Правда, Псковская Судная Грамота, уставныя и судныя грамоты. Меньше всего использована имъ Р. Правда, такъ какъ изъ нея взяты, — при томъ съ нѣкоторыми отступленіями отъ текста, — всего двѣ статьи[2]), что, конечно, весьма характерно, такъ какъ показываетъ, что юридическія воззрѣнія конца XV вѣка настолько уже отличались отъ юридическихъ понятій Р. Правды, что перенесеніе послѣднихъ въ Судебникъ не было вообще возможно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ. Гораздо больше взято Судебникомъ изъ Псковской С. Грамоты, которая и по времени своего составленія и по содержанію была ближе къ Судебнику, чѣмъ Р. Правда. Сравнивая Судебникъ съ Псковскою грамотою, нѣкоторые изслѣдователи (напр., проф. Влад.-Будановъ) находятъ, впрочемъ, что „Судебникъ гораздо бѣднѣе Псковской С. Грамоты по содержанію, юридической концепціи и искусству редакціи“. По поводу этого утвержденія надо, однако, замѣтить, что кодификаторъ Судебника 1497 г., этого перваго, по времени, юридическаго сборника Московскаго

---

1) „Лѣта 7006, мѣсяца септемврія, уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, съ дѣтьми своими и съ бояры, о судѣ какъ судити боярамъ и околничимъ“ . . Сентябрь 7006 г. (отъ сотворенія міра) соотвѣтствуетъ сентябрю 1498 г. (отъ Рождества Христова), согласно тогдашнему лѣтоисчисленію; по нашему-же лѣтоисчисленію это былъ еще 1497 г.

2) Такими статьями считаютъ 55 статью Судебника „о займѣхъ“, сравниваемую съ 68 статьею (по Карамзинскому списку), а равно и статью 66 „о полной грамотѣ“, сравниваемую съ 119—121 статьями (по тому-же списку) Р. Правды; въ послѣдней 66-ой статьѣ Судебника, какъ и въ указанныхъ статьяхъ Р. Правды, говорится объ однихъ и тѣхъ же источникахъ рабства.

государства, вовсе и не преслѣдовалъ цѣли воспроизведенія всего дѣйствовавшаго на Руси права, — въ особенности права гражданскаго (отдѣлъ коего особенно бѣденъ въ немъ, сравнительно съ Псковскою Грамотою), — но только имѣлъ въ виду создать общія нормы по судоустройству и судопроизводству и подчинить мѣстные суды судамъ центральнымъ; поэтому бѣдность содержанія памятника объясняется въ значительной степени тѣмъ, что, при его составленіи, была сознательно съужена та задача, которой онъ долженъ былъ служить и съужена, на нашъ взглядъ, весьма благоразумно, такъ какъ объединить все обычное гражданское право, дѣйствовавшее въ присоединенныхъ къ Москвѣ земляхъ, было чрезвычайно трудно, да едва-ли это на первыхъ порахъ и требовалось. Что касается „юридической концепціи и искусства редакціи“, то въ этомъ отношеніи Московскій I-ый Судебникъ, дѣйствительно, уступаетъ Псковской грамотѣ, такъ какъ, заимствуя изъ нея отдѣльныя статьи, онъ невсегда удачно воспроизводитъ ихъ внутренній смыслъ и приспособляетъ ихъ къ другимъ постановленіямъ Судебника. Въ результатѣ перваго получилось то, что онѣ пріобрѣли здѣсь не то значеніе, какое имѣли въ своемъ первоисточникѣ; въ результатѣ второго, то, что однѣ статьи Судебника иногда противорѣчили другимъ. Во всякомъ случаѣ надо признать, что статьи Судебника о „полѣ“, или судебномъ поединкѣ, о „послушествѣ“, о смертной казни за наиболѣе важныя преступленія, о чужеземцахъ, и др. заимствованы изъ Псковской С. Грамоты.

Наиболѣе обильнымъ источникомъ при составленіи I-го Судебника служили, однако, уставныя и судныя грамоты, намъ уже извѣстныя, въ особенности, конечно, грамоты, опредѣлявшія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Не входя въ подробности, надо вообще замѣтить, что Судебникъ заимствуетъ изъ уставныхъ грамотъ всѣ тѣ постановленія, какія имѣютъ цѣлью огражденіе населенія, получившаго грамоты, отъ насилій, лихоимствъ и взяточничества, такъ какъ эта же цѣль, несомнѣнно, преслѣдовалась и Судебникомъ, который уже въ первой статьѣ своей, между прочимъ, говоритъ, что „всякому судіѣ посула отъ суда не имати никому; судомъ не мстити, ни дружити никому“. Изъ уставныхъ грамотъ заимствуются постановленія о судебныхъ пошлинахъ, какъ заимствуются изъ нихъ-же постановленія о присутствіи на судѣ областныхъ судей „лучшихъ людей“ и старостъ, что, конечно, также служило извѣстной гарантіею противъ произвола и злоупотребленій судей[1]). Конечно, эти

1) Приведемъ, для примѣра, параллельно постановленіе Су-

заимствованія дѣлаются не буквально, и многія постановленія грамотъ измѣняются по соображеніямъ центральной власти, но самихъ заимствованій отрицать нельзя и они служатъ наглядным доказательствомъ той связи, какая существовала между московскимъ законодательствомъ и законодательствомъ мѣстнымъ.

Краткій обзоръ содержанія Судебника 1497 г. Время его открытія и изданія.

Обращаясь къ краткому[1]) обзору содержанія Судебника 1497 г., надо сказать, что въ распредѣленіи юридическаго матеріала, входящаго въ составъ его, замѣчается попытка нѣкоторой систематизаціи, но попытка эта довольно еще несовершенна, такъ какъ статьи, относящіяся къ уголовному и гражданскому праву, не выдѣлены кодификаторомъ изъ статей, содержащихъ нормы процесса. Затѣмъ, хотя въ дошедшемъ до насъ спискѣ Судебника отъ начала XVI вѣка весь этотъ матеріалъ и раздѣленъ на статьи, имѣющія по большей части особые заголовки (напр., о полевыхъ пошлинахъ", „о татьбѣ", „о татѣхъ" и т. д.), но эти статьи не имѣютъ еще особой нумераціи и нынѣ принятое дѣленіе перваго Судебника на 68 статей было сдѣлано впервые проф. Вл.-Будановымъ (во II выпускѣ его „Христоматіи", гдѣ помѣщенъ Судебникъ), въ цѣляхъ болѣе удобнаго ихъ цитированія. Разсматривая содержаніе I Судебника, большинство нашихъ историковъ права держится дѣленія, предложеннаго проф. Вл.-Будановымъ, а именно дѣленія его на 4 части или на 4 отдѣла. Первую часть составляютъ статьи, относящіяся къ суду центральному (1—36 ст.), при чемъ въ срединѣ этого отдѣла нѣкоторыя статьи (9—14) относятся, однако, къ праву уголовному; вторую часть (37—45 статьи) — постановленія, относящіяся къ суду провинціальному или областному, третью — къ гражданскому праву и гражданскому процессу (46—66); послѣднюю (4-ую) часть составляютъ двѣ статьи (67 и 68), считающіяся дополнительными; онѣ относятся къ процессу. Что касается прежде всего суда центральнаго, то, по Судеб-

дебника и одной изъ уставныхъ грамотъ по указанному предмету:

Статья 19 Уставной Бѣлозерской грамоты 1488 г.:

„А намѣстникомъ нашимъ и ихъ тіуномъ безъ соцковъ (сотскихъ) и безъ добрыхъ людей не судити судъ".

Статья 38 I Судебника:

„а не судѣ у нихъ (судей) быти дворьскому, и старостѣ, и лутчимъ людемъ; а безъ дворского и безъ старосты и безъ лутчихъ людей суда намѣстникомъ и волостелемъ не судити"...

1) Подробное изученіе содержанія обоихъ Судебниковъ, по синопсису ихъ, дѣлается на практическихъ занятіяхъ; здѣсь-же дается лишь самый краткій обзоръ содержанія.

нику, онъ является, либо судомъ самого великаго князя, либо судомъ бояръ и окольничихъ. Въ первой части Судебника, трактующей объ этомъ видѣ центральнаго суда, прежде всего требуется отъ судьи „посула отъ суда не имати никому, а судомъ не мстити, ни дружити никому“, а равно не отказывать никому въ правосудіи; затѣмъ устанавливаются пошлины и опредѣляются наказанія за преступленія и пр. Вторая часть, — въ свою очередь, содержа постановленія о судѣ областномъ, или намѣстничьемъ, — говоритъ нерѣдко также о томъ, о чемъ было сказано въ первой части. Провинціальной судъ вѣдается, по Судебнику, намѣстниками, волостелями и ихъ тіунами, отправляющими судъ за намѣстниковъ и волостелей, по ихъ порученію. На судѣ этомъ, какъ уже указывалось, должны были присутствовать „старосты“ и „лучшіе люди“, т. е. судъ правительственный въ провинціяхъ не могъ обходиться безъ выборнаго народнаго элемента. Затѣмъ въ этой-же части мы находимъ статьи, относящіяся къ уголовному праву, а равно и къ установленію судебныхъ пошлинъ, статьи о вызовѣ намѣстниковъ, волостелей и пр. въ судъ на опредѣленный срокъ по искамъ на нихъ[1]); здѣсь Судебникъ, подобно уставнымъ грамотамъ, предоставляетъ населенію возможность призывать къ отвѣтственности должностныхъ лицъ; наконецъ, въ этой же части устанавливается различіе намѣстниковъ „съ боярскимъ судомъ“ отъ намѣстниковъ „безъ боярскаго суда“ (намѣстники перваго рода рѣшали окончательно дѣла объ укрѣпленіи въ холопствѣ и объ освобожденіи отъ него, а также дѣла уголовныя: вторые — отсылали ихъ для доклада въ Москву). Что касается третьей части Судебника, то она начинается статьей о куплѣ-продажѣ, продолжается статьями „о послушествѣ“ и пошлинахъ, т. е. статьями процессуальнаго характера, а затѣмъ въ ней идутъ статьи по гражданскому праву (о наймѣ, торговой несостоятельности, о свободѣ холопа, „выбѣжавшаго изъ полону“, т. е. плѣна, о крестьянскомъ отказѣ), прерываемыя статьями по процессу, за которыми идутъ опять статьи по гражданскому праву и т. д. Въ цѣломъ, такимъ образомъ, систематика I Судебника оставляетъ желать очень многаго. Не надо, впрочемъ, забывать, что это былъ первый на Москвѣ опытъ оффиціальной коди-

1) Ст. 45; а кто пошлетъ пристава по намѣстника и по волостеля, по боярина и по сына боярьского, и по ихъ тіуновъ, и по великого князя тіуновъ: и намѣстнику и волостелю, и ихъ тіуномъ, и великого князя тіуномъ и доводчикомъ къ сроку отвѣчивати ѣхати; а не поѣдетъ къ сроку самъ, а ему къ сроку, въ свое мѣсто, къ отвѣту послати“ (ср. 75 ст. II Судебника).

фикаціи права, отъ котораго нельзя поэтому многаго и требовать; иногда при этомъ недостатки систематики Судебника есть только результатъ плохой систематики его первоисточниковъ [1]). При обзорѣ содержанія древнихъ памятниковъ права важно обращать вниманіе, впрочемъ, нетолько на систему изложенія ими подлежащаго матеріала, но также и на то, что внесено новаго, по содержанію, даннымъ памятникомъ права позднѣйшей эпохи, сравнительно съ памятникомъ права, ему, по времени, предшествовавшимъ. Отвѣчая бѣгло на этотъ вопросъ, надо сказать, что Судебнику извѣстны преступленія, о которыхъ нѣтъ свѣдѣній въ предшествовавшихъ памятникахъ права, каково, напр., убіеніе государя (ст. 9) и др.: онъ первый вполнѣ опредѣленно запрещаетъ „посулы“ (взятки судьямъ со стороны тяжущихся), тогда какъ раньше запрещалось лишь „взиманіе лишка“ („лихоимство“) противъ установленнаго по закону размѣра, при чемъ, какъ имъ, такъ и вторымъ Судебникомъ, предписывается, — чтобъ вывести изъ употребленія этотъ старый обычай — „велѣти прокликать по торгомъ, на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскія земли и Новгородскія земли, и во всѣмъ волостѣмъ заповѣдати, чтобы ищея и отвѣтчикъ судіямъ и приставомъ посулу не сулили въ суду“ . . . Въ Судебникѣ, какъ это отмѣчено проф. Вл.-Будановымъ, „въ первый разъ требованія частнаго лица уступаютъ уголовнымъ требованіямъ государства“. Дѣйствительно, по статьѣ 8 Судебника, въ случаѣ, если у преступника не будетъ найдено имущества, добытаго преступленіемъ („лихого статка“, по терминологіи памятника) и онъ не можетъ вообще удовлетворить истца за убытки, онъ не выдается истцу головою, а наказывается уже государственною властію.

Таковы нѣкоторые новые взгляды, внесенные Судебникомъ въ уголовное право. Что касается процесса, то Судебникъ главнымъ образомъ свелъ воедино то, что было въ судныхъ грамотахъ; но и здѣсь можно отмѣтить нѣкоторыя измѣненія, сравнительно съ памятниками, предшествовавшаго періода. Такъ, Судебникъ смѣшиваетъ понятіе „послуха“, какъ свидѣтеля доброй славы обвиняемаго, со свидѣтелемъ — очевидцемъ факта (видокомъ), хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ старый взглядъ прорывается и въ постановленіяхъ Судебника.

---

1) Такъ, напр., во 2-ой части Судебника, трактующей объ областномъ судѣ, вставлена между статьями, относящимися къ гражданскому праву, статья о „судѣ святительскомъ“ (т. е. о суда митрополита). Этой статьѣ мѣсто въ отдѣлѣ статей о судѣ центральномъ, но такъ какъ она и въ Псковской грамотѣ была помѣщена между статьями, относящимися къ гражданскому праву и процессу, то это повторено и Судебникомъ.

Въ Судебникѣ затѣмъ болѣе ясно устанавливается различіе между судомъ (исковымъ состязательнымъ, или обвинительнымъ, процессомъ) и сыскомъ (слѣдственнымъ процессомъ), который могъ начинаться и безъ иска, если органы судебной слѣдственной власти находили необходимымъ его начать. „Сыскъ“ или „розыскъ“ означалъ укрѣпленіе государственнаго начала въ процессѣ; его развитіе въ дальнѣйшемъ законодательствѣ на Москвѣ будетъ итти все сильнѣе и сильнѣе съ усиленіемъ власти государей; но отличіе „сыска„ отъ „суда“ во всякомъ случаѣ обозначилось опредѣленнѣе, чѣмъ это было прежде, уже въ первомъ Судебникѣ; оно затѣмъ было закрѣплено и во второмъ.

Судебникъ 1497 г. былъ найденъ, въ русскомъ спискѣ начала XVI вѣка, лишь въ 1817 г., а затѣмъ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1819 г., вмѣстѣ съ Судебникомъ 1550 г. и дополнительными къ нимъ указами, К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ [1]). Но, впрочемъ, въ неполномъ своемъ спискѣ, и въ латинскомъ переводѣ, Судебникъ былъ извѣстенъ еще съ 1549 г., когда вышло въ Вѣнѣ первое изданіе сочиненія барона Герберштейна подъ наименованіемъ „Rerum Moscoviticarum Commentarii“ (русскій переводъ этого сочиненія, подъ заглавіемъ „Записки о Московіи“ изданъ былъ въ 1866 г.).

Глава III.

Судебникъ 1550 г.

Причины, вызывавшія необходимость составленіе второго Судебника. Вопросъ объ участіи Земскаго Собора въ составленіи Судебника.

Кодификація въ Судебникѣ 1497 г. процессуальныхъ нормъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми постановленіями по праву уголовному и гражданскому, не остановила развитія нашего законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, такъ какъ въ жизни постоянно встрѣчались новые юридическіе вопросы, требовавшіе того или другого законодательнаго разрѣшенія. Въ исторіи нашего права извѣстны грамоты и указы. явившіеся послѣ составленія I-го Судебника; есть также указаніе на то, что сынъ Іоанна III, Василій III, дополнилъ Судебникъ отца своего новыми узаконеніями; но этого такъ наз. „Судебника Василія Іоанно-

1) „Законы Великаго князя Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами, изданные К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ“ (М., 1819 г.).

вича“ не дошло до насъ. Во всякомъ случаѣ, черезъ 50 слишкомъ лѣтъ послѣ вступленія въ дѣйствіе I-го Судебника, могла, естественно, явиться снова потребность въ объединеніи законодательства, созданнаго путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ, съ Судебникомъ. Эта потребность была, съ одной стороны, тѣмъ ощутительнѣе, что I Судебникъ, какъ уже извѣстно, не отличался полнотою своего содержанія, а, съ другой, начало царствованія Іоанна IV ознаменовалось стремленіемъ этого государя къ реформамъ и „исправленію“ недостатковъ стараго законодательства[1]); это всего лучше могло быть достигнуто путемъ пересмотра и дополненія Судебниковъ Іоанна III и Василія III. Большинство ученыхъ нашихъ пыталось связать такъ или иначе изданіе второго или „Царскаго“ (какъ онъ еще называется) Судебника съ дѣятельностью перваго Земскаго Собора. Указавъ, что въ 1550 г. былъ „созванъ первый З. Соборъ, на которомъ Иванъ IV произнесъ свою извѣстную рѣчь (съ Лобнаго мѣста)“, проф. В. Н. Латкинъ, напр., говоритъ, что „весьма вѣроятно, что выборные совѣщались съ царемъ и съ лицами, подъ вліяніемъ которыхъ находился въ это время Иванъ IV (Сильвестръ, Адашевъ и др.) и что всѣ послѣдующія реформы, въ томъ числѣ и изданіе Судебника, были результатомъ этихъ совѣщаній“ (Лекціи, стр. 57). Конечно, если держаться мнѣнія, что въ 1550 г. былъ созванъ впервые З. Соборъ, то нельзя не притти къ указанному выводу, несмотря на то, что о дѣяніяхъ этого Собора до насъ не дошло никакихъ извѣстій. Такой выводъ подсказывается уже тѣмъ соображеніемъ, что выборные, съѣхавшись въ Москву, должны были высказать свое мнѣніе о реформахъ, а между этими реформами, — какъ замѣчаетъ справедливо тотъ-же авторъ — „на первомъ мѣстѣ было изданіе Судебника“. Однако, въ послѣднее время нѣкоторые ученые, напр., С. Ѳ. Платоновъ, приходятъ къ другому заключенію, а именно, что „въ 1550 г. не было никакого особаго Собора по дѣлу примиренія бояръ „съ землею“ и никакой рѣчи (царя) на Красной площади къ людямъ „изъ городовъ всякаго чина“. Гражданскія реформы, которыми былъ занятъ тогда Грозный и о которыхъ онъ говорилъ Стоглавому Собору, были обсуждаемы въ совѣщаніяхъ

1) Объ этомъ „исправленіи“ говорилъ самъ Іоаннъ Гр. на такъ наз. „Стоглавомъ Соборѣ“ 1551 г.; „благословился есми у васъ тогда-же („въ предъидущемъ лѣтѣ“, какъ видно изъ начала рѣчи) Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ... И по вашему благословенію Судебникъ исправилъ и великія заповѣди написалъ, чтобъ то было прямо и брежно, судъ бы былъ праведенъ и беспосульно во всякихъ дѣлахъ“... („Стоглавъ“, С.-П., 1863 г., стр. 39).

стараго порядка — „съ властями“ (духовными), боярами и воинами“. При этомъ догадка, высказанная еще четверть вѣка тому назадъ (проф. Ждановымъ) о томъ, что „до 1566 г. мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе Земскаго Собора“, заставляетъ того-же ученаго утверждать, что „первый достовѣрный Земскій Соборъ — это Соборъ 1566 г.“ [1]). Такимъ образомъ передъ нами два мнѣнія: одно, раздѣлявшееся прежде большинствомъ ученыхъ, говоритъ, что составленіе Судебника сдѣлано при участіи З. Собора, другое — отвергаетъ самый созывъ Собора въ 1550 г., т. е. въ годъ составленія Судебника. При современномъ состояніи нашихъ знаній по данному вопросу, надо притти, на нашъ взглядъ, къ тому выводу, что, разъ сомнительнымъ представляется самый созывъ З. Собора въ 1550 г., нельзя говорить, конечно, и объ его участіи въ составленіи или разсмотрѣніи Судебника. Изъ вступительной статьи къ Судебнику можно лишь положительно говорить о томъ, что Судебникъ былъ уложенъ (т. е. разсмотрѣнъ и утвержденъ) царемъ вмѣстѣ съ Боярской Думою [2]), а изъ рѣчи Царя на Стоглавомъ Соборѣ 1551 г. видно, что къ этому разсмотрѣнію и утвержденію былъ призванъ также „Освященный Соборъ“ (Соборъ высшаго духовенства); такой „призывъ“ духовенства къ совѣщаніямъ Царя и Боярской думы не представлялъ собою чего-либо исключительнаго; онъ бывалъ и ранѣе, случался и послѣ (какъ это было, напр., при утвержденіи Соборнаго Уложенія и др.).

Источники II Судебника; его система. Открытіе Судебника и его первыя изданія.

Исторія не сохранила до нашего времени никакихъ извѣстій о томъ, кому было поручено составленіе проекта второго Судебника, а равно, въ какой мѣрѣ первоначальный проектъ былъ измѣненъ при разсмотрѣніи его Боярскою Думою; нѣтъ также указаній и на тѣ источники, изъ которыхъ взято содержаніе II Судебника, почему эти источники приходится возстановлять историкамъ нашего права — насколько это возможно — изъ сравненія содержанія Судебника съ предшествующими ему пимятниками права. Обращаясь къ бѣглому обзору источниковъ II Судебника, надо прежде всего сказать, что, такъ какъ, по мысли его со-

1) С. Ѳ. Платоновъ. „Къ исторіи Московскихъ Земскихъ Соборовъ“, (М., 1905 г.; перепечатано затѣмъ въ „Статьяхъ по р. исторіи“, С.-П., 1912 г.).

2) „Лѣта 7058 (т. е. 1550 г.) мѣсяца іюня въ [illegible] день царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи, съ своею братьею и съ бояры, сесь Судебникъ уложилъ: какъ судити боярамъ, и околничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостелемъ, и ихъ тіуномъ, и всякимъ судіямъ“.

ставителей (о которой свидѣтельствуетъ рѣчь Іоанна на Стоглавомъ Соборѣ), новый Судебникъ долженъ былъ быть *исправленіемъ* Судебника 1497 г., то, конечно, этотъ послѣдній, — поскольку онъ не былъ подвергнутъ передѣлкѣ и дополненію, — и легъ въ основаніе текста Судебника 1550 года, явившись такимъ образомъ его главнымъ первоисточникомъ. Затѣмъ II Судебникъ вмѣстилъ въ себя содержаніе тѣхъ грамотъ и указовъ, какія явились въ свѣтъ послѣ изданія I-го Судебника. Если предположить (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ права), что былъ еще какой-то Судебникъ, составленный при Василіи Іоанновичѣ, то и онъ долженъ былъ явиться источникомъ Судебника 1550 г., такъ какъ включалъ въ себѣ законодательство времени правленія названнаго великаго князя. Проф. Вл.-Будановъ „большую часть *новыхъ* статей“ (а ихъ въ Судебникѣ насчитывается не менѣе $^1/_3$ всѣхъ статей) находитъ необходимымъ „отнести на счетъ *утраченнаго Судебника* Василія Іоанновича и вообще указовъ, дополнявшихъ I-ый Судебникъ отъ 1497 г. по 1550 г. г.“, справедливо замѣчая, однако, при этомъ, что „выдѣлить эти двѣ группы новыхъ статей одну отъ другой довольно трудно; лишь до нѣкоторой степени можно исполнить эту задачу, приписавъ самому Грозному тѣ статьи, въ которыхъ замѣтно направленіе къ сокращенію произвола бояръ и къ усиленію самоуправленія низшихъ классовъ“.

Главнымъ источникомъ II Судебника былъ, такимъ образомъ, I Судебникъ, какъ это легко видѣть изъ *сравнительнаго* обзора статей того и другого памятника. Но и въ тѣхъ статьяхъ II Судебника, которыя близко подходятъ къ I Судебнику, можно отмѣтить рядъ измѣненій и дополненій, показывающихъ стремленіе законодателя исправить недостатки этого памятника, съ одной стороны, ввести въ него важнѣйшіе результаты движенія законодательства за 50 лѣтъ, съ другой. Такъ, напр., уже вступительная статья ко II Судебнику, — вмѣсто словъ I Судебника . . . „уложилъ князь великій Иванъ Васильевичъ . . . о судѣ, *какъ* судити бояромъ и окольничимъ“, — подробно перечисляетъ *всѣхъ* центральныхъ и областныхъ судей, которымъ порученъ въ судъ[1]). Если перечисленіе, наряду съ центральными, и областныхъ судей свидѣтельствуетъ о большей опредѣленности постановленія II-го Судебника сравнительно съ I-мъ — опредѣленности, сказывающейся во многихъ случаяхъ, — то упоминаніе о нѣкоторыхъ *новыхъ* лицахъ судебнаго персонала (какъ дворецкіе, казначеи и др.), вошедшихъ въ составъ судовъ уже *послѣ* I-го Судебника, показываетъ, что здѣсь отмѣчено Судебникомъ измѣненіе, происшедшее

1) Статья эта приведена выше, стр. 280, прим. 2.

въ самой практикѣ жизни на Москвѣ. Или, напр., 7-ая статья разбираемаго Судебника, подобно 2-ой статьѣ I Судебника, запрещаетъ судьямъ отказывать въ правосудіи лицамъ, приходящимъ къ нимъ за управою. Однако, указанная 7 статья II Судебника гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ 2 статья I Судебника, устанавливаетъ, к о м у именно данный судья долженъ дать эту „управу“ (судьѣ запрещается отсылать отъ себя „жалобниковъ с в о е г о П р и к а з у)[1]. Затѣмъ, таже статья II-го Судебника устанавливаетъ отвѣтственность судьи за отказъ въ правосудіи, чего н ѣ т ъ еще въ первомъ Судебникѣ. Несомнѣнно, что, какъ измѣненіе редакціи прежней статьи, такъ и дополненіе ея во II-мъ Судебникѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла: въ половинѣ XVI вѣка компетенція судей отдѣльныхъ Приказовъ была уже болѣе опредѣленна, чѣмъ въ концѣ XV вѣка, а потому можно было говорить какъ о лицахъ, подвѣдомственныхъ, п о с у д у, тому или другому судьѣ Приказа („жалобникъ его Приказу“), такъ и возлагать на судей отвѣтственность за отказъ кому-либо въ правосудіи. Вообще, II Судебникъ не относится къ своему главному первоисточнику — Судебнику 1497 г. — пассивно, а внимательно переработываетъ, измѣняетъ и дополняетъ его постановленія, согласно съ новыми условіями жизни, принимая во вниманіе при этомъ законодательство, явившееся послѣ I Судебника.

Обращаясь къ с и с т е м ѣ разбираемаго памятника, надо сказать, что и здѣсь вліяніе I Судебника оказалось весьма сильно. Нѣкоторые ученые, какъ, напр., Н. П. Загоскинъ, утверждаетъ даже, что Судебникъ 1550 г. „в с е ц ѣ л о удерживаетъ систему Судебника 1497 г. и, подобно послѣднему, распадается на 4 отдѣла“. Это мнѣніе требуетъ, однако, на нашъ взглядъ, нѣкоторой оговорки, такъ какъ II Судебникъ, взявъ за образецъ систему Судебника 1497 г., въ отдѣльныхъ случаяхъ нерѣдко отступаетъ отъ нея. Такъ прежде всего мы

1) I Судебникъ 2 ст.: „А каковъ жалобникъ къ боярину прійдетъ, и ему жалобниковъ отъ себя н е о т с ы л а т и, а давати всѣмъ жалобникомъ управа въ всемъ, которымъ пригоже; а котораго жалобника, а непригоже управити. и то сказати великому князю, или къ тому его послати, которому которые люди приказаны вѣдати“. Текстъ этой статьи измѣненъ въ началѣ 7-ой статьи II Судебника такимъ образомъ: „а кто къ которому боярину, или къ дворецкому, или къ казначею, или къ діяку придетъ жалобникъ е г о П р и к а з у, и ему жалобниковъ с в о е г о П р и к а з у отъ себя не отсылати, а давати ему жалобникомъ с в о е г о П р и к а з у всѣмъ управа, которой будетъ жалобникъ бьетъ челомъ по дѣлу; а которому будетъ жалобнику, безъ государева вѣдома, управы учинити не мочно, ино челобитье его сказати царю государю“. . . Далѣе идетъ добавленіе, въ которомъ устанавливается отвѣтственность судьи за отказъ „жалобнику“ въ правосудіи, а именно угрожается имъ „опалою отъ государя“.

видимъ въ Судебникѣ 1550 г. раздѣленіе всего законодательнаго матеріала на статьи (или на „главы“, какъ онѣ названы въ дошедшихъ до насъ спискахъ; такихъ статей по отдѣльнымъ спискамъ насчитывается либо 99, либо 100). Уже это одно дѣленіе на статьи представляетъ извѣстный шагъ впередъ, сравнительно съ Судебникомъ 1497 г. Затѣмъ Судебникъ 1550 г. не имѣетъ, какъ это было въ первомъ Судебникѣ, оглавленія для большинства своихъ статей. Такъ какъ эти оглавленія, или заголовки, I Судебника, написанныя киноварью, нерѣдко относились къ статьямъ, по содержанію своему, вовсе неподходящимъ къ заголовкамъ, то лучше было отъ нихъ отказаться (какъ это сдѣлано во II Судебникѣ), чѣмъ удерживать ихъ. Наконецъ, если мы и во II Судебникѣ еще находимъ (какъ и въ I-мъ) однородныя, по содержанію, статьи разбросанными по всѣмъ частямъ памятника, — что, конечно, являлось недостаткомъ системы въ распредѣленіи подлежащаго матеріала — то, во всякомъ случаѣ, эта безпорядочность въ распредѣленіи статей замѣчается во II Судебникѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ I-мъ. Такъ, напр., статьи по гражданскому праву сосредоточены въ одномъ отдѣлѣ (ст. 76—97 ст.) и пр. Въ цѣломъ, такимъ образомъ, можно отмѣтить попытки кодификаторовъ Судебника 1550 г. нѣсколько улучшить систему Судебника 1497 г. Эта попытка не дала особенно благопріятныхъ результатовъ, но ея нельзя отвергать совершенно. Съ указанной оговоркою можно признать, что Царскій Судебникъ распадается (подобно I Судебнику) на 4 части, при чемъ первая (1—61 ст.) содержитъ статьи, относящіяся въ суду центральному и къ уголовному праву, вторая (62—75 ст.) — къ суду областному, третья — къ гражданскому праву и процессу (76—97 ст.); послѣднія 3 статьи являются дополнительными. Изъ нихъ одна (98) представляетъ особый интересъ, такъ какъ трактуетъ о порядкѣ пополненія II Судебника новымъ законодательнымъ матеріаломъ, который могъ-бы явиться послѣ изданія разбираемаго нами теперь Судебника.

Царскій Судебникъ былъ открытъ въ 1734 г. тѣмъ же историкомъ XVIII в. В. Н. Татищевымъ, которому наука исторіи русскаго права обязана открытіемъ Р. Правды. „Яко вещь дивную“, онъ представилъ найденный экземпляръ Аннѣ Іоанновнѣ. Затѣмъ, получивъ еще нѣсколько списковъ Судебника и присоединивъ къ нему — также собранные имъ — дополнительные къ Судебнику указы, онъ занялся приготовленіемъ найденнаго памятника права къ печати, снабдилъ его весьма важными примѣчаніями и объясненіями, непотерявшими своего значенія доселѣ, и представилъ свою рукопись въ Академію Наукъ. Су-

дебникъ 1550 г. былъ, однако, напечатанъ лишь въ 1768 г., при этомъ первоначально — не въ указанной обработкѣ Татищева, а по списку С. Башилова, переводчика Академіи Наукъ, присоединившаго къ изданному имъ Судебнику нѣкоторые другіе памятники права[1]). Судебникъ-же, приготовленный къ печати Татищевымъ, былъ изданъ Г. Ф. Миллеромъ въ томъ же году въ Москвѣ[2]). Въ настоящее время наилучшимъ изданіемъ Судебника 1550 г. (какъ и Судебника 1497 г.) надо считать изданіе проф. Вл.-Буданова, помѣщенное во II-мъ выпускѣ его „Христоматіи по исторіи русскаго права"; изданіе это снабжено многими примѣчаніями, весьма важными для пониманія отдѣльныхъ статей указанныхъ памятниковъ права.

Краткій обзоръ содержанія Судебника 1550 г., сравнительно съ Судебникомъ 1497 г.

Судебникъ 1550 г., имѣя главнымъ своимъ источникомъ Судебникъ 1497 г., естественно, повторилъ содержаніе этого памятника нашего права, поскольку, конечно, оно не было имъ измѣнено или дополнено, на основаніи новыхъ узаконеній, явившихся послѣ 1497 г. Нѣтъ основанія поэтому разсматривать цѣликомъ все содержаніе Судебника 1550 г.; наоборотъ, въ интересѣ болѣе яснаго представленія объ отношеніи Царскаго Судебника къ предшествующему, важно остановиться лишь на тѣхъ постановленіяхъ перваго, которыя представляютъ изъ себя что-либо новое или, по крайней мѣрѣ, существенно видоизмѣняютъ или дополняютъ старое. Что касается новыхъ статей Судебника, то ихъ насчитывается (32) статьи, т. е. почти третья часть II-го Судебника. Отмѣтимъ важнѣйшія. Такъ прежде всего изъ законодательныхъ постановленій, которыя можно считать явившимися въ царствованіе Іоанна IV, надо назвать постановленіе, коимъ запрещалась дача кому-либо впредь тарханныхъ грамотъ, при чемъ даже предписывалось отобрать „старыя тарханныя грамоты", у тѣхъ, кому онѣ были даны раньше[3]). Хотя постановленіе это на практикѣ невполнѣ соблюдалось и тарханныя грамоты на Москвѣ продолжали нерѣдко даваться и позднѣе, однако, самый принципъ этого постановленія былъ весьма важенъ и представлялъ новшество по сравненію съ предшествующимъ законодательствомъ, а въ частности —

1) „Судебникъ Царя и В. князя Ивана Васильевича, Законы изъ Юстиніановыхъ книгъ, указы дополнительные къ Судебнику и Таможенный Уставъ Царя и Великаго князя Ивана Васильевича" (С.-П. 1768 г.).

2) „Судебникъ Государя Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича и нѣкоторые сего Государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненные В. Н. Татищевымъ" (М., 1768 г.; второе изданіе М., 1786 г.).

3) Ст. 43 Ц. Суд.: . . . „а тарханныхъ впредь не давати никому, а старыя тарханныя грамоты поимати у всѣхъ".

съ Судебникомъ 1497 г. Судебникъ 1550 г., возставая противъ иммунитетовъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ области суда и сборовъ (чѣмъ именно были „тарханныя грамоты"), пытался уничтожить привиллегированность ихъ положенія и подчинить ихъ общимъ нормамъ закона. Затѣмъ новыми являются постановленія о томъ, что законъ не имѣетъ обратной силы и что надлежало „впредь всякія дѣла судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, какъ царь и великій князь въ семъ своемъ Судебникѣ съ котораго дни уложилъ" (ст. 97), а равно и постановленіе о припискѣ къ Судебнику новыхъ указовъ (ст. 98). Этими постановленіями впервые даются общія опредѣленія о силѣ дѣйствія закона во времени и о порядкѣ составленія впредь законовъ, въ чемъ нельзя не видѣть значительнаго шага впередъ. Новымъ является также во II Судебникѣ назначеніе, въ цѣломъ рядѣ статей, строгихъ наказаній судьямъ, за неправосудіе, злоупотребленіе властью, посулы, между тѣмъ какъ I Судебникъ ограничивался лишь простымъ запрещеніемъ — „брать посулы", „судомъ мстити" или „дружити", да повелѣніемъ „прокликати по торгамъ . . ., чтобъ ищея и отвѣтчикъ судіямъ и приставомъ посулу не сулили въ суду" (ст. 1 и 67). Это не значитъ, конечно, что въ эпоху дѣйствія I Судебника судьи не наказывались за указанныя выше противозаконныя дѣянія свои, но, это значитъ, что этотъ памятникъ еще не облекъ репрессіи противъ этихъ дѣяній въ точныя нормы закона, а разрѣшалъ ихъ отъ случая къ случаю; Судебникъ-же 1550 г. указалъ имъ извѣстное общее теченіе по закону.

Помимо новыхъ статей, въ Царскомъ Судебникѣ находится рядъ статей, дополняющихъ и развивающихъ болѣе подробно постановленія I Судебника. Такъ, прежде всего здѣсь надо отмѣтить статьи, касающіяся роли народнаго элемента въ судѣ намѣстниковъ; эти статьи, несомнѣнно, гораздо полнѣе и обстоятельнѣе (чѣмъ соотвѣтствующее постановленіе I Судебника) говорятъ объ участіи старостъ и цѣловальниковъ въ указанномъ судѣ и прилагаютъ всѣ заботы о томъ, чтобъ сдѣлать это участіе дѣйствительнымъ и необходимымъ для суда. Какъ далеко идетъ здѣсь дополненіе I Судебника достаточно ясно видно уже изъ того, что на одну статью (38) I Судебника, предписывающую, между прочимъ, намѣстникамъ и волостелямъ — „судъ судити" со старостами и лучшими людьми, — приходится 4 статьи Царскаго Судебника (62, 68—70), въ которыхъ законодатель, — повторивъ тоже требованіе, какое высказано въ предшествующемъ Судебникѣ —, подробно опредѣляетъ роль „судныхъ мужей" въ процессѣ. Это, конечно, было весьма важно, такъ какъ недостаточно было установить принципъ

народнаго участія въ судѣ, но надо было создать для него извѣстную обстановку, которая дѣлала бы неизбѣжнымъ его примѣненіе къ судебной практикѣ, хотя-бы намѣстники и волостели этого не хотѣли. Эта обстановка создавалась, между прочимъ, требованіемъ записи „судныхъ дѣлъ“ земскимъ дьякомъ и подписи ихъ, вмѣстѣ съ дворскимъ (дворецкимъ), старостою и цѣловальниками („лучшими людьми“ I Судебника). Конечно, законодатель, устанавливая подробности, былъ правъ, такъ какъ ими больше, чѣмъ общими выраженіями и пожеланіями, обезпечивалось выполненіе его предписаній. Вообще II Судебникъ болѣе точенъ въ своихъ постановленіяхъ, сравнительно съ первымъ, что, конечно, и приводитъ его составителей къ необходимости дополнять статьи перваго. Такъ, напр., въ I Судебникѣ нерѣдко вовсе не указывается тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя должны налагаться за тѣ или другія правонарушенія, между тѣмъ, какъ Ц. Судебникъ назначаетъ ихъ, вводя, между ними, впервые тюремное заключеніе, какъ наказаніе. Ц. Судебникъ говоритъ также о нѣкоторыхъ преступленіяхъ, неупоминаемыхъ въ I-мъ, дополняя такимъ образомъ и здѣсь постановленія послѣдняго (таково, напр., преступленіе подлога судебныхъ актовъ, мошенничество и др.). Есть нѣкоторыя дополненія въ постановленіяхъ, относящихся къ гражданскому праву и процессу. Такъ, напр., Ц. Судебникъ подробно разработалъ вопросъ о правѣ выкупа вотчинъ (85 ст.), что, конечно, было весьма важно для землевладѣльцевъ; ввелъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ вопросѣ объ источникахъ холопства, въ интересахъ огражденія личной свободы: такъ, напр., имъ требуется докладная грамота для обращенія сельскаго ключника въ холопы (тогда какъ I Судебникъ допускалъ еще обращеніе послѣдняго въ холопы безъ „доклада“); имъ постановляется, что дѣти холоповъ, рожденныя до обращенія послѣднихъ въ холопы, должны считаться свободными и пр. (76.). Не касаясь всѣхъ дополненій и измѣненій, внесенныхъ Судебникомъ 1550 г. въ Судебникъ 1497 г. надо вообще замѣтить, что первый, несомнѣнно, являлся исправленіемъ второго и ввелъ въ его постановленія больше опредѣленности и ясности, расчленивъ многія его понятія. Царскій Судебникъ — далеко, конечно, несовершенный памятникъ нашего права и на основаніи его нельзя еще составить себѣ всесторонняго представленія о развитіи юридической мысли у насъ въ половинѣ XVI в., между прочимъ, потому, что Судебникъ 1550 г., подобно своему предшественнику, слишкомъ мало касается институтовъ гражданскаго права и не воспроизводитъ дѣйствовавшихъ въ народѣ нормъ обычнаго права. Но, названный памятникъ права не свидѣтельствуетъ и о застоѣ этой

мысли: воспроизводя отдѣльныя постановленія I-го Судебника, онъ точнѣе развиваетъ его начала и полнѣе отвѣчаетъ на намѣчаемыя имъ задачи, а это наглядно показываетъ, что праворазвитіе шло тогда впередъ, такъ какъ нуждалось въ болѣе обработанномъ кодексѣ, чѣмъ Судебникъ 1497 г. Судебникъ 1550 г. болѣе, наконецъ, чѣмъ Судебникъ 1497 г. отвѣчаетъ началамъ централизаціи, получившимъ въ это время преобладаніе въ управленіи государствомъ.

Глава IV.

Стоглавъ [1]).

Стоглавъ; его значеніе; цѣль созыва Собора въ 1551 г.

Почти одновременно съ Судебникомъ 1550 г., а именно въ 1551 г., былъ составленъ другой весьма важный юридическій сборникъ, извѣстный въ литературѣ подъ наименованіемъ Стоглава. Несмотря на то, что указанный сборникъ является, по преимуществу, сборникомъ церковнаго законодательства (почему подробное его изученіе есть дѣло каноническаго права), его нельзя, однако, обойти совершенно молчаніемъ при общемъ обзорѣ памятниковъ нашего права Московскаго періода, такъ какъ, въ 1-хъ, его постановленія касаются нерѣдко вопросовъ государственнаго, уголовнаго и гражданскаго права, а, во 2-хъ, они вскрываютъ предъ нами состояніе русскаго общества того времени, рисуютъ его нравы и обычаи, а равно и указываютъ на отношеніе къ нимъ законодательной власти. Сборникъ, извѣстный подъ названіемъ Стоглава, былъ составленъ на Соборѣ 1551 г., созванномъ Іоанномъ IV. Уже переписчики XVII вѣка называли этотъ сборникъ Стоглавникомъ, ввиду раздѣленія его на сто главъ; названіе это въ литературѣ было передѣлано въ „Стоглавъ“; а затѣмъ было закрѣплено нетолько за указаннымъ сборникомъ дѣяній и постановленій Собора 1551 г., но и за самымъ Соборомъ, который также сталъ называться „Стоглавомъ“ (или Стоглавымъ Соборомъ“); въ актахъ-же оффиціальнаго

1) Кромѣ общихъ курсовъ по исторіи р. права, см. статью проф. А. Я. Шпакова „Стоглавъ. Къ вопросу объ оффиціальномъ и неоффиціальномъ происхожденіи этого памятника“ (Сборникъ статей по исторіи русскаго права, изданный въ честь М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Кіевъ 1904 г.) и изслѣдованіе В. Бочкарева „Стоглавъ и исторіи Собора 1551 г.“ (Юхновъ, 1906 г.), гдѣ, между прочимъ, указаны изданія и литература о Стоглавѣ.

характера, какъ XVI, такъ и XVII вѣка, постановленія Стоглаваго Собора назывались нерѣдко „Соборнымъ Уложеніемъ“, но это названіе не привилось въ литературѣ вопроса.

Всѣ свѣдѣнія, дошедшія до нашего времени отъ половины XVI вѣка, говорятъ за то, что, какъ въ управленіи церковью, такъ и въ общественныхъ нравахъ многое требовало тогда исправленія. Подъ вліяніемъ лучшихъ своихъ совѣтниковъ, — въ цѣляхъ обсужденія, а затѣмъ и постановленія авторитетнаго рѣшенія по упорядоченію церковнаго устройства и народныхъ нравовъ и обычаевъ, — царь созвалъ въ февралѣ 1551 г. многолюдный Соборъ въ Москвѣ, на которомъ, кромѣ духовенства, засѣдали „князи и бояре и воини“. Въ одной изъ рѣчей своихъ къ Собору царь указалъ, что „по смерти отца его, великаго князя Василія Ивановича, „многіе обычаи поисшаталися“, многое стало дѣлаться „по самовластію“, а „преданія законы (были) нарушены“, церковныя-же заповѣди были „небрегомы“; надо было возстановить прочный порядокъ въ дѣлѣ церковнаго управленія и общественнаго быта, утверждаясь „на правилахъ св. апостоловъ и св. отцевъ церкви“. Но, кромѣ этой цѣли, могло быть у царя и желаніе ввести извѣстныя о б щ і я нормы въ церковную жизнь объединенныхъ подъ властію Москвы областей, подобно тому, какъ такія нормы были введены Судебниками по отношенію къ судоустройству и къ судопроизводству. Отдавая свой с в ѣ т с к і й Судебникъ на утвержденіе Собора, — какъ это видно также изъ его рѣчи къ Собору — Іоанна IV, повидимому, хотѣлъ, чтобъ Соборъ его д о п о л н и л ъ законодательнымъ ц е р к о в н ы м ъ сборникомъ, касавшимся наболѣвшихъ вопросовъ тогдашней религіозно-моральной жизни русскихъ людей. Соборъ, которому поручено было дать отвѣты на предложенные царемъ 69 вопросовъ, называется большинствомъ ученыхъ церковнымъ Соборомъ, но нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., проф. Ждановъ, называютъ его церковно-земскимъ Соборомъ, какъ потому, что на немъ присутствовали, кромѣ духовныхъ лицъ, и свѣтскія, такъ и по тому, что онъ разсматривалъ н е одни только церковные вопросы. Едва-ли можно согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ названнаго ученаго, такъ какъ, по справедливому замѣчанію проф. Латкина, на Соборѣ 1551 г., составившемъ Стоглавъ, не было представительства в с ѣ х ъ сословій, а именно такое представительство и надо считать „специфическимъ признакомъ полнаго З. Собора“; на указанномъ-же Соборѣ были лишь лица изъ высшаго служилаго класса. Но, съ другой стороны, нельзя признать этотъ Соборъ только церковнымъ Соборомъ, какъ утверждаетъ это тотъ-же ученый, такъ какъ, и по своему составу, и по своимъ постановленіямъ, онъ во многомъ отличается отъ обыкновенныхъ

Московскихъ церковныхъ Соборовъ; правильнѣе поэтому называть его „церковно-государственнымъ Соборомъ“ (какъ называетъ проф. Вл.-Будановъ), ввиду того значенія, какое имѣютъ его постановленія для исторіи свѣтскихъ источниковъ нашего права.

Вопросъ о происхожденіи Стоглава.

Сборникъ, извѣстный подъ наименованіемъ Стоглава, дошелъ до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ XVI—XVII вѣковъ, по содержанію весьма значительно отличающихся другъ отъ друга; ученые находятъ возможнымъ эти списки дѣлить на три редакціи — пространную, среднюю и краткую, при чемъ среднюю считаютъ возникшей уже въ XVII вѣкѣ. Какая изъ этихъ редакцій можетъ быть признана болѣе близкой къ „Соборному Уложенію“, составленному въ 1551 г. (или „Стоглаву“, какъ памятнику права), сказать вполнѣ положительно невозможно, такъ какъ подлинникъ этого памятника доселѣ не найденъ, хотя онъ, казалось-бы, долженъ былъ быть составленъ и закрѣпленъ подписями членовъ Собора, по окончаніи всѣхъ занятій. Это обстоятельство, — въ связи съ рядомъ другихъ, — привело многихъ изслѣдователей къ сомнѣнію въ томъ, возможно-ли „Стоглавъ“ считать вообще оффиціальнымъ памятникомъ права и придавать ему каноническое значеніе? Сомнѣніе это у многихъ идетъ такъ далеко, что они, — не признавая за памятникомъ оффиціальнаго происхожденія, — нетолько считаютъ его „черновыми записками“ дѣяній и постановленій Собора 1551 г., но и думаютъ даже, что тѣ статьи „Стоглава“, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ „благопріятствующія расколу“, являются „позднѣйшею вставкою“. Вкратцѣ резюмируя доводы защитниковъ и противниковъ мнѣнія объ оффиціальномъ происхожденіи разсматриваемаго памятника, надо сказать, что противники мнѣнія объ оффиціальномъ происхожденіи памятника основываются, между прочимъ, на томъ, что до насъ не дошло подлиннаго соборнаго постановленія, подписаннаго членами Собора, а дошли лишь копіи или списки; что эти списки, имѣющіеся въ наличности, весьма отличны другъ отъ друга по формѣ и по содержанію, что въ дошедшихъ до насъ спискахъ мы имѣемъ лишь „извлеченіе“, или „изборникъ“ изъ соборныхъ дѣяній, въ которомъ сохранились лишь немногіе слѣды тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ основывалъ Соборъ свои рѣшенія и что, наконецъ, есть указанія, что Стоглавъ не былъ въ окончательной редакціи составленъ на Соборѣ, да и послѣ не получилъ таковой. Защитники мнѣнія объ оффиціальномъ происхожденіи памятника, возражая своимъ противникамъ, указываютъ, что то обстоятельство, что до насъ не дошло подлинника „Стоглава“, подписаннаго членами Собора, само по себѣ еще не доказываетъ,

что его не было составлено; до насъ не дошло подлинниковъ нѣкоторыхъ памятниковъ права (напр., Царскаго Судебника), но, однако, никто на этомъ основаніи не сомнѣвается въ существованіи Судебника; что, затѣмъ, разнообразіе списковъ и редакцій даннаго памятника еще ничего не говоритъ противъ существованія подлинной оффиціальной его редакціи; это разнообразіе — обыкновенное явленіе въ исторіи любого древняго юридическаго памятника, такъ какъ переписчики, — имѣя предъ собою подлинный текстъ памятника, — нерѣдко, при списываніи, сокращали его, дополняли, или видоизмѣняли и пр., и что, наконецъ, есть неопровержимыя доказательства, что постановленія, изложенныя въ Стоглавѣ, были утверждены членами Собора и затѣмъ примѣнялись на практикѣ. Такъ, есть грамоты о церковномъ судѣ, изданныя послѣ Стоглаваго Собора, въ которыхъ прямо предписывается „судити по новому Соборному Уложенію“, т. е. по тому, что было „уложено“ на названномъ Стоглавомъ Соборѣ; есть затѣмъ такъ наз. „наказы“, или „наказные списки“, которые разсылались по епархіямъ и которые содержали въ себѣ выписки изъ постановленій, находившихся въ „Стоглавѣ“. Общее заключеніе, къ коему надо, на нашъ взглядъ, притти, — послѣ обзора всѣхъ мнѣній о происхожденіи Стоглава, какъ памятника права, — будетъ то, что Стоглавъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, едва-ли можетъ быть названъ оффиціальнымъ сборникомъ постановленій, составленнымъ на Соборѣ, и скорѣе представляетъ собою „извлеченіе“, или „изборникъ“, изъ соборныхъ дѣяній, какъ его называетъ проф. И. Н. Ждановъ. Это не умаляетъ его значенія, какъ ввиду важнаго содержанія, какое мы въ немъ находимъ, такъ и ввиду того соображенія, что постановленія, изложенныя въ Стоглавѣ, примѣнялись при управленіи церковью по крайней мѣрѣ до 1667 г. Въ этомъ году былъ, какъ извѣстно, созванъ на Москвѣ церковный соборъ, въ которомъ, кромѣ представителей русскаго духовенства, участвовали три патріарха восточной православной церкви. Соборъ этотъ справедливо нашелъ, что въ постановленія Стоглаваго Собора, — вслѣдствіе испорченности находившихся въ распоряженіи этого Собора рукописныхъ книгъ и неимѣнія имъ передъ собою греческихъ подлинниковъ и пр. — вкрались нѣкоторыя неправильности. Постановленія эти не были согласны съ древними каноническими правилами и обычаями византійской церкви (такими постановленіями были, напр., постановленія о двуперстномъ крестномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи при богослуженіи и др.)., почему Соборъ 1667 г. отмѣнилъ ихъ и призналъ, что „той Соборъ (Стоглавый) не въ Соборъ и клятва не въ клятву“, т. е., что постановленія Собора не должны впредь

исполняться. Впрочемъ, на практикѣ нѣкоторыя его правила продолжали дѣйствовать. Кромѣ того, его постановленія нашли себѣ горячихъ приверженцевъ въ людяхъ „старой вѣры“, почему Стоглавъ, — по вѣрному замѣчанію проф. Загоскина — „какъ памятникъ, узаконяющій двухперстное крестное знаменіе, сугубую аллилуію, поклоненіе старымъ иконамъ, запрещающій бритье усовъ и бороды, ношеніе иноземнаго платья и т. п., до сихъ поръ пользуется большимъ уваженіемъ и авторитетомъ среди раскольниковъ“. Но, какъ бы ни рѣшался вопросъ о происхожденіи Стоглава и какого бы ни было его значеніе на практикѣ, — т. е. имѣли-ли его постановленія каноническое значеніе, или нѣтъ — Стоглавъ самъ по себѣ представляется памятникомъ права большой важности, во 1-хъ потому, что содержаніе его даетъ весьма интересный матеріялъ для изученія быта и нравовъ русскаго общества въ половинѣ XVI вѣка, а во 2-хъ потому, что въ Стоглавѣ была сдѣлана попытка создать свой національный кодексъ, касающійся вопросовъ церковнаго управленія и нравовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, „Стоглавъ является лучшимъ и наиболѣе выпуклымъ выраженіемъ теократическаго характера Московскаго государства“, показывая, что въ это время государство „окончательно подчиняетъ себѣ церковь“ и что „представитель государственной власти энергично вмѣшивается нетолько въ дѣла церкви внѣшняго характера, но и въ дѣла ея внутренняго распорядка“ [1]).

Краткій обзоръ содержанія Стоглава.

Сборникъ, извѣстный подъ наименованіемъ „Стоглава“, содержитъ въ себѣ нетолько постановленія Собора 1551 г., сдѣланныя въ отвѣтъ на 69 царскихъ вопросовъ, предложенныхъ на рѣшеніе Собора, но и описаніе дѣяній Собора. Въ отдѣлѣ объ источникахъ права изучаемаго періода нѣтъ основаній подробно останавливаться на указанномъ описаніи дѣяній Собора и дѣлать къ нему какія-либо дополненія изъ другихъ данныхъ эпохи, но нельзя, однако, не сказать нѣсколько словъ о самомъ Соборѣ. Соборъ былъ открытъ Іоанномъ, который произнесъ нѣсколько рѣчей, въ коихъ молилъ членовъ Собора подумать о благосостояніи русской церкви и утвержденіи благочестія въ государствѣ, указывалъ на мотивы, побудившіе его созвать Соборъ, предлагалъ на разсмотрѣніе Собора Судебникъ и „уставныя грамоты“, прося утвердить ихъ, „аще достойно сіе дѣло“. Такъ какъ Соборъ состоялъ преимущественно изъ духовенства, то обращеніе государя къ Собору нетолько по дѣламъ

1) И. С. Троицкій „Церковь и государство въ Россіи“ (М., 1909 г.), стр. 35 и сл.; срав. еще Н. Ѳ. Каптерева „Патріархъ Никонъ и ц. Алексѣй Мих.“, т. II. (С.-Посадъ, 1912 г.), стр. 86 и сл.

чисто духовнымъ, но и государственнымъ, бросаетъ яркій свѣтъ на характеръ отношеній свѣтской власти къ духовной въ изучаемое время. Если, съ одной стороны, царь не находилъ вовсе препятствій къ вмѣшательству въ духовную жизнь страны и рекомендовалъ Собору заняться уврачеваніемъ различныхъ золъ и нестроеній церковнаго управленія, а равно и народнаго быта и нравовъ, поскольку они стояли въ противорѣчіи съ требованіями христіанской морали, то, съ другой, онъ самъ довѣрчиво обращался къ Собору духовенства и просилъ Соборъ помочь ему своими совѣтами и рѣшеніями въ вопросахъ государственныхъ. Созвавъ Соборъ, — повидимому, подъ вліяніемъ „избранной рады“ (въ составъ которой входили Сильвестръ, митрополитъ Макарій, Адашевъ, кн. Курбскій и др.), — царь предложилъ на его рѣшеніе рядъ вопросовъ, иначе говоря, указалъ на цѣлую программу его занятій. Царскіе вопросы содержали въ себѣ весьма рѣзкую критику существующаго порядка церковнаго управленія и народныхъ нравовъ; они нарисовали столь мрачную картину нравственно-религіозной жизни нашего общества половины XVI вѣка, что у нѣкоторыхъ историковъ справедливо явилось сомнѣніе въ томъ, насколько эта картина можетъ считаться изображеніемъ состоянія всего тогдашняго общества и насколько отрицательныя стороны быта и нравовъ этого общества могутъ считаться общими, если не для всѣхъ, то для большинства русскихъ людей того времени. Такое сомнѣніе тѣмъ, по нашему мнѣнію, естественнѣе, что время написанія царскихъ вопросовъ совпадало со временемъ того покаяннаго настроенія Іоанна, когда онъ горько сожалѣлъ о грѣхахъ своей юности и когда онъ, — говоря словами самого Стоглава — „зѣло воспалился утробою и свѣтлымъ желаніемъ подвижеся нетолько о устроеніи земномъ (государственномъ), но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленіяхъ“ . . . Горя желаніемъ исправить скорѣе недостатки духовной жизни своего народа, онъ и говорилъ лишь о нихъ, не касаясь свѣтлыхъ сторонъ народнаго быта, а равно и вопроса о размѣрахъ зла. Какъ бы то ни было, царь находилъ нестроенія, какъ въ жизни духовенства, такъ и въ жизни общества. Такъ, что касается жизни духовенства, то въ монастыряхъ онъ находилъ бражниковъ и тунеядцевъ, которые постригаются въ монахи нерѣдко „покоя ради тѣлеснаго, чтобъ всегда бражничать“, а „по келіямъ (у нихъ) индѣ жонки и дѣвки небрежно приходятъ“, при чемъ случается, что съ ними живутъ „и міряне съ женами и дѣтьми“, а въ женскихъ монастыряхъ — мужчины. Въ священнослужители нерѣдко избираются люди невѣжественные и недостойные своего сана, по предосудительному своему поведенію и пр. Отсюда неминуемо вытекалъ цѣлый рядъ дурныхъ послѣдствій для

самой церкви — „многіе церковные чины (службы) не сполна совершаются, не по священнымъ правиламъ и уставамъ“, „попы по своимъ церквамъ поютъ безчинно“, „попы и церковные причетники въ церкви всегда пьяны“, „попы-же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя“, а нерѣдко церкви и вовсе остаются безъ богослуженія, таинства-же совершаются не по правиламъ, съ крайнею небрежностью; иконы пишутся плохо и не по древнимъ образцамъ, божественныя книги писцы пишутъ съ неисправленныхъ переводовъ, а, написавъ, не исправляютъ и недописываютъ; затѣмъ, по этимъ „неисправнымъ книгамъ въ церквахъ божіяхъ чтутъ (читаютъ) и учатся, и пишутъ съ нихъ“. Въ самомъ управленіи церковью было также немало недостатковъ: въ духовныхъ судахъ „судятъ и управу чинятъ непрямо и волочатъ и продаютъ“, „монастыри и села“ отъ всѣхъ злоупотребленій „чинятся пусты“, такъ какъ ихъ крестьяне разбѣгаются и т. д. Царь предлагаетъ принять мѣры къ искорененію всего этого, требуетъ ввести благочиніе въ церковную службу, исправить богослужебныя книги, позаботиться о правильномъ иконописаніи, упорядочить судъ, а равно и управленіе церковью и ея имуществами и пр.

Обращаясь къ вопросамъ, касающимся состоянія быта гражданскаго общества, мы находимъ указанія на многіе народные обычаи, нетерпимые съ точки зрѣнія строгой христіанской морали и подлежащіе поэтому, по мнѣнію царя, искорененію. Суевѣрія и языческіе взгляды окутывали тогда жизнь людей уже отъ рожденья и сопровождали ихъ всю жизнь. Какъ только является младенецъ на свѣтъ, смотрятъ, не родился-ли онъ „въ сорочкѣ“ и эту „сорочку“ приносятъ къ священникамъ и требуютъ, чтобъ они хранили ее 6 недѣль „на престолѣ“ [1]). При всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, люди обращаются къ чародѣйствіямъ, волхованіямъ и гаданіямъ, а „волхвы и чародѣи отъ бѣсовскихъ наученій пособіе творятъ кудесбою“ тяжущимся на судѣ и въ другихъ случаяхъ и тѣми дьявольскими дѣйствіями міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ, и, надѣясь на такія чарованія поклепца (лицо на кого-либо „клеплющее“ на судѣ), и „ябедникъ не мирится и крестъ цѣлуетъ и на полѣ (на судебномъ поединкѣ) бьются и, поклепавъ, другъ друга убиваютъ“. Свадьбы народныя сопровождаются „бѣсовскими играми“ и на нихъ „играютъ глумотворци и гусельники и смѣхотворства и бѣсовскія бѣсни поютъ“. По „дальнимъ странамъ ходятъ скомрахи (скоморохи) ватагами многими, по 60—70 чел. и по

1) Суевѣрія были свойственны не однимъ русскимъ XVI вѣка, но и западно-европейцамъ, у которыхъ до XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, сохранился культъ „сорочки“ и счастливымъ почитался тотъ, кто родился въ сорочкѣ, или въ чепцѣ („être né coiffé“, имѣть „Glückshaube“ и т. п.).

сту, и по деревнямъ и христіанъ сильно (насильно) ядятъ, пьютъ и изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ". . . Мало этого: „по погостамъ и селамъ ходятъ лживые пророки, мужики и женки и дѣвки и старыя бабы, нагіе и босые, волосы отрастивъ и распустивъ, трясутся и убиваются и говорятъ, что имъ является Св. пятница и Настасія". Въ Ивановъ день, наканунѣ Рождества Христова и Крещенія, вмѣсто молитвы, люди сходятся „на ночное плещеваніе и безчинный говоръ и на бѣсовскія пѣсни, плясаніе и богомерзкія дѣла" и т. д. Само погребеніе сопровождается рядомъ нечестивыхъ обрядовъ, производимыхъ родными умершихъ на „жальникахъ" (кладбищахъ), гдѣ бываютъ также „бѣсовскія игры", скаканія, пѣніе „пѣсенъ сатонинскихъ" и т. п.[1]). Придерживаясь суевѣрій и языческихъ обычаевъ въ жизни, русскіе люди половины XVI вѣка весьма мало проникнуты были уваженіемъ къ церкви: многіе изъ нихъ стояли въ храмѣ въ шапкахъ и тафьяхъ, съ палками въ рукахъ, „яко на торжищи, или на позорищи, или на пиру, или яко въ корчемницы", не слушали службы Божіей, разговаривали, ссорились и произносили „срамны словеса".

На одни изъ царскихъ вопросовъ, Соборъ сдѣлалъ постановленія, основываясь на наличныхъ, ему извѣстныхъ, каноническихъ источникахъ, на другіе предлагалъ царю послать свою „грозную царскую заповѣдь", т. е указъ, запрещавшій подданнымъ тѣ или иныя дѣянія, признанныя вредными, или несоотвѣтствующія ученіямъ церкви. Такой указъ былъ, напр., посланъ въ 1552 г. и въ немъ запрещалось употребленіе волшебныхъ средствъ „на полѣ" (на поединкѣ), а равно употребленіе вообще волшебныхъ и гадательныхъ средствъ, не дозволялось скоморохамъ ходить по деревнямъ, а „лживымъ" пророкамъ и пророчицамъ смущать людей и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя запрещенія исходили изъ благой мысли пресѣчь распространеніе въ народѣ суевѣрій и языческихъ обычаевъ, внушить уваженіе къ церкви и ея обрядамъ. Но эти-же запрещенія усиливали гнетъ свыше надъ свободнымъ развитіемъ народной мысли, надъ пѣсеннымъ народнымъ творчествомъ, зародышемъ театра и пр.[2]); они вторгались въ сокровенныя народныя вѣрованія и грубо ихъ обрывали, тогда какъ слѣдовало-бы бороться съ языческими представленіями и вредными обычаями

---

1) Суевѣріями была полна жизнь и на Западѣ Европы въ раннее средневѣковье; любопытные примѣры можно найти въ „очеркѣ по исторіи церкви и школы въ Западной Европѣ" Н. Сперанскаго (въ книгѣ "Вѣдьмы и вѣдомство". М., 1906 г.).

2) Въ частности, по вопросу о зародышѣ у насъ народныхъ зрѣлищъ и ихъ судьбѣ, см. изслѣдованіе А. С. Фаминцына „Скоморохи на Руси" (С.-П., 1889 г.).

путемъ народнаго просвѣщенія и убѣжденія. Такія средства борьбы, однако, не были тогда въ ходу; разсматриваемый памятникъ законодательства отлично иллюстрируетъ его. Изъ всего сказаннаго ясно, какое значеніе имѣетъ Стоглавъ для изученія народнаго быта XVI вѣка.

Глава V.

Указныя книги Приказовъ. Судебникъ 1589 г.

Дополнительные ко II Судебнику указы. Указныя книги Приказовъ.

Составители Судебника 1550 г. предусматривали вполнѣ основательно необходимость пополненія его тѣмъ новымъ законодательнымъ матеріаломъ, который можетъ явиться послѣ изданія Судебника, ввидѣ отдѣльныхъ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ. Послѣдніе могли быть даны, либо въ развитіе или измѣненіе постановленій Судебника, либо независимо отъ его содержанія, въ удовлетвореніе новыхъ потребностей жизни. Въ предвидѣніи этой возможности, Царскій Судебникъ, въ 98 статьѣ своей, и установилъ порядокъ приписки къ его постановленіямъ — какъ онъ выражается — „новыхъ дѣлъ“, разрѣшенныхъ „съ государева указу и со всѣхъ бояръ приговору“ [1]), т. е., иначе говоря, установилъ порядокъ приписки къ Судебнику законодательныхъ актовъ, коими разрѣшались вопросы, разсмотрѣнные Боярскою Думою. Эти законодательные акты — изданные въ періодъ отъ II Судебника до изданія Соборнаго Уложенія (т. е. отъ 1550 до 1649 г.г.), — носятъ въ исторіи нашего права наименованіе дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и представляютъ собою богатѣйшій матеріалъ для изученія движенія нашего законодательства за цѣлое столѣтіе. Кромѣ того, эти дополнительные къ Судебнику указы и приговоры заслуживаютъ вниманія еще и потому, что, такъ или иначе удовлетворяя потребностямъ своего времени, они въ тоже время имѣли большое значеніе и для послѣдующаго нашего праворазвитія, а именно они явились весьма важнымъ источникомъ Соборнаго Уложенія, знаменитаго памятника русскаго права половины XVII вѣка, имѣвшаго частію примѣненіе и въ новой исторіи нашей. Ввиду указаннаго важнаго значенія

1) Царск. Судеб., ст. 98: „А которые будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“.

дополнительныхъ ко II-ому Судебнику указовъ, или „статей“, остановимся, хотя бѣгло, на ихъ обзорѣ.

Дополнительныхъ статей или указовъ, явившихся послѣ II Судебника, дошло до насъ довольно много; есть, однако, основаніе предполагать, что, въ дѣйствительности, ихъ было издано въ свое время гораздо болѣе, чѣмъ сколько намъ пока извѣстно, такъ какъ на Москвѣ безпрестанно возникали въ практикѣ тогдашнихъ административно-судебныхъ учрежденій различные законодательные вопросы, разрѣшавшіеся отдѣльными указами и боярскими приговорами. Если, съ одной стороны, обиліе государевыхъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, – являвшихся на Москвѣ въ отвѣтъ на частные случаи судебной практики, — показываетъ, что Ц. Судебникъ, вслѣдствіе своей неполноты, скоро пересталъ удовлетворять потребностямъ жизни, почему и явилась необходимость въ изданіи дополнительныхъ статей, то, съ другой, оно свидѣтельствуетъ также о доступности законодательной власти на Москвѣ общественному воздѣйствію, такъ какъ нерѣдко сами указы и боярскіе приговоры лишь удовлетворяли тѣмъ требованіямъ, какъ излагались въ челобитьяхъ, подававшихся царямъ различными группами населенія [1]). Пользованіе всей этой массой отдѣльныхъ указовъ, въ разное время и по разнымъ поводамъ изданныхъ, было весьма затруднительно для тогдашнихъ нашихъ центральныхъ учрежденій — Приказовъ. Поэтому на Москвѣ неразъ дѣлались своеобразныя попытки къ собранію этихъ указовъ и къ извѣстнаго рода ихъ систематизаціи. Попытки эти состояли въ томъ, что каждый Приказъ, вѣдавшій тотъ или иной родъ дѣлъ, заводилъ у себя особую книгу, куда заносилъ всѣ дополнительные къ Судебнику статьи или указы, относящіеся къ предмету его вѣдомства. Такіе сборники дополнительныхъ къ Ц. Судебнику указовъ носятъ наименованіе Указныхъ книгъ Приказовъ. Впрочемъ, одна изъ указныхъ книгъ, а именно такъ наз. „Уставная книга Разбойнаго Приказа“, — по принятому въ литературѣ мнѣнію, высказанному проф. Вл.-Будановымъ —, по справедливости, можетъ считаться составленной „независимо отъ Царскаго Судебника“; часть ея была составлена еще при Іоаннѣ IV (въ 1555 г.), т. е. почти одновременно со II-мъ Судебникомъ; содержаніе-же ея не было простымъ дополненіемъ къ этому памятнику. Проф. Вл.-Будановъ, — которому принадлежитъ изданіе, съ отличными комментаріями, 5-ти указныхъ

1) О челобитьяхъ въ эпоху составленія С. Уложенія будетъ сказано ниже; любопытные примѣры челобитій первой половины XVII вѣка см. въ указанномъ выше изданіи „Намѣстничьи губныя и земскія уставныя грамоты“ (М. 1909 г.), стр. 169 и сл.

книгъ Приказовъ (въ III-мъ выпускѣ его „Христоматіи по исторіи р. права), — считаетъ каждую книгу „спеціальнымъ Уложеніемъ“, которое „слагалось въ каждомъ Приказѣ, соотвѣтственно его вѣдомству“. Такъ, по его словамъ, въ изданной имъ „Указной книгѣ вѣдомства казначеевъ“ содержится „Уложеніе о гражданскомъ процессѣ и обязательствахъ“, въ „Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа“ — „Уложеніе уголовное“, въ „Указной книгѣ Холопьяго Приказа“ — „Уложеніе о холопствѣ и крестьянствѣ“, въ „Указной книгѣ Земскаго Приказа“, — „Уложеніе полицейское и гражданское, — преимущественно о городскихъ имуществахъ“, и, наконецъ, въ „Указной книгѣ Помѣстнаго Приказа“ — „Уложеніе о помѣстьяхъ и вотчинахъ“ (ibid. предисловіе[1]). Надо, однако, замѣтить, что, если держаться установившейся уже у насъ терминологіи, то едва-ли можно признать въ „Указныхъ книгахъ“ отдѣльныхъ Приказовъ „спеціальныя Уложенія“, слагавшіяся въ каждомъ Приказѣ, такъ какъ мы не видимъ здѣсь никакой переработки подлежащаго матеріала въ общія нормы права. Въ „Указныхъ книгахъ“ лишь въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ самъ Приказъ сводилъ воедино нѣсколько однородныхъ, по содержанію, указовъ и образовывалъ изъ нихъ одну статью, откидывая ихъ мотивы. Обычно-же указы и приговоры излагались въ этихъ книгахъ въ порядкѣ ихъ утвержденія, отчего въ нихъ нерѣдко сохранялось указаніе на время, когда былъ утвержденъ тотъ или иной указъ и приговоръ, обозначалось, кому была дана такая то „память“ (памятная записка, меморія), въ которой говорится о данномъ указѣ или приговорѣ, иногда содержалось повелѣніе „написати сесь приговоръ въ Судебникъ“, т. е. выполнить требованіе 98 статьи Судебника о припискѣ къ нему новыхъ узаконеній и т. д. Вѣрнѣе всего поэтому считать „Указныя книги“ хронологическими сборниками, или, собраніями законовъ, относящимися къ компетенціи того или другого Приказа. Что касается „Уставной книги Разбойнаго Приказа“, то ее можно назвать сводомъ уголовныхъ законовъ, такъ какъ въ ней видна попытка изложить, въ извѣстной системѣ, указы и приговоры, явившіеся въ періодъ времени отъ 1555 до 1631 г. г. Ограничиваясь указанными замѣчаніями относительно содержанія „Указныхъ книгъ Приказовъ“, замѣтимъ, что составленіе въ Приказахъ особыхъ „Указныхъ книгъ“ объясняется, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что обыкновенно на Москвѣ указы не публиковались во всеобщее свѣдѣніе (за исключеніемъ чрез-

1) Ср. также В. Н. Сторожева „Историко-юридическіе матеріалы I. Указная книга Помѣстнаго приказа“ (М., 1889 г.). Изданіе этой книги является весьма полнымъ и обстоятельнымъ.

вычайныхъ случаевъ, когда ихъ повелѣвалось „прокликати по торгомъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ“), но разсылались лишь соотвѣтствующимъ Приказамъ, по принадлежности; всѣ-же Приказы получали копіи указовъ и приговоровъ тогда только, когда они заключали въ себѣ законы общаго содержанія, могущіе имѣть примѣненіе не въ одномъ, а многихъ учрежденіяхъ. Тотъ-же порядокъ соблюдался и по отношенію областныхъ учрежденій. Неудивительно поэтому, что данный Приказъ могъ собирать въ свою „Указную книгу“ законодательные акты, относящіеся только къ предмету его вѣдомства. Указанный порядокъ, естественно, представлялъ много неудобствъ, какъ для населенія, которое не знало законовъ и находилось, вслѣдствіе этого, всецѣло въ рукахъ „приказныхъ людей“, такъ и для самихъ Приказовъ. Приказъ, неполучившій указовъ или боярскихъ приговоровъ, присланныхъ въ другой Приказъ, лишался тѣмъ самымъ возможности примѣнять ихъ, по аналогіи, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ; могло также иногда случиться, что Приказъ, не зная о существованіи закона, разрѣшавшаго тотъ или иной вопросъ, входилъ въ Боярскую Думу съ требованіемъ новаго закона по предмету, на которой состоялся уже ранѣе указъ или приговоръ. Собрать воедино весь этотъ разрозненный законодательный матеріалъ, пересмотрѣть его и составить затѣмъ новый Судебникъ или Уложеніе представлялось, несомнѣнно, дѣломъ желательнымъ. Однако до послѣднихъ лѣтъ въ литературѣ исторіи русскаго права считалось вполнѣ установленнымъ (на основаніи цѣлаго ряда соображеній) то мнѣніе, что изданіе новаго сборника права не могло послѣдовать ранѣе половины XVII в., когда было утверждено и вступило въ дѣйствіе Соборное Уложеніе. Но въ 1900 г. былъ впервые изданъ новый Судебникъ, незадолго передъ этимъ найденный, и получившій въ печати наименованіе „Судебника Царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г.“. Поскольку указанное мнѣніе является поколебленнымъ послѣ изданія Судебника 1589 г., на это мы отвѣтимъ по разсмотрѣніи предварительно вопроса о происхожденіи этого Судебника.

Судебникъ 1589 г.; его открытіе; мнѣнія о его происхожденіи.

Новый Судебникъ 1589 г. былъ найденъ С. К. Богоявленскимъ въ библіотекѣ извѣстнаго любителя русской старины Ѳ. Ѳ. Мазурина, завѣщанной имъ Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Названный ученый, нашедши указанный Судебникъ, не замедлилъ весьма тщательнымъ образомъ издать его, снабдилъ его затѣмъ своимъ предисловіемъ и присоединилъ къ нему еще тѣ выводы, къ коимъ пришелъ В. О. Ключевскій по первомъ ознакомленіи съ новымъ

Судебникомъ [1]). Изъ другихъ ученыхъ нашихъ болѣе подробно о немъ высказались пока М. Ф. Вл.-Будановъ и М. М. Богословскій [2]). Конечно, открытіе неизвѣстнаго доселѣ въ наукѣ нашей Судебника 1589 г. представляло немалую важность само по себѣ. До нашего времени сохранилось не такъ много юридическихъ памятниковъ старины, чтобъ можно было игнорировать новый обширный Судебникъ, представляющій ученымъ лишній случай болѣе глубоко войти въ изученіе юридическаго быта нашихъ предковъ конца XVI в. Значеніе новаго памятника русскаго права, однако, было-бы неизмѣримо выше, если-бъ можно было неоспоримо доказать, что онъ имѣлъ въ судебной практикѣ своего времени *такое-же* значеніе, какъ и два предъидущіе Судебника 1497 и 1550 гг. Если-бъ это было доказано, то тѣмъ самымъ было-бы опровергнуто указанное нами выше мнѣніе, что въ промежутокъ времени между Царскимъ Судебникомъ и Соборнымъ Уложеніемъ не было издано *никакого* новаго Судебника или сборника указовъ, а въ Приказахъ примѣнялись лишь дополнительныя къ Судебнику статьи. Чтобъ отвѣтить на вопросъ о *значеніи* III Судебника, надо коснуться вопроса о его *происхожденіи*. Объ этомъ высказано уже нѣсколько взглядовъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ, извлеченныхъ изъ „введенія“ къ Судебнику [3]). Такъ прежде всего издатель его склоненъ видѣть въ открытомъ имъ памятникѣ „*проектъ*, заслушанный царемъ и его совѣтниками, но не введенный въ дѣйствіе“. По мнѣнію В. О. Ключевскаго (изложенному въ томъ-же изданіи Судебника 1589 г.) „издаваемый памятникъ — *проектъ переработки Судебника* 1550 г., предпринятой *вслѣдствіе приговора* 14 іюня 1589 г., о чемъ говоритъ из-

1) Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 г. По списку собранія Ѳ. Ѳ. Мазурина (М. 1900 г.).

2) Первому принадлежитъ работа подъ заглавіемъ „Судебникъ 1589 г. Его значеніе и источники“ (К., 1902 г.); второму — „Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.“ (Ж. М. Н. Пр., 1905 г., № 12).

3) „Введеніе“ къ Судебнику гласитъ слѣдующее: *Црь і великиі кнзь Ѳеодор Іванович всея Руси в лѣта* 7097 (1589) *іюня въ* 14 *день приговорилъ и уложилъ сей судебникъ* со отцем своим духовнымъ потреархом Московским Иевымъ, да с Митрополитомъ Наогоротцким (Новгородскимъ) Алѣксандром, и со всеми кнзми, и бояры и со вселенским соборомъ по пѣрежнему уставу по уложению отца своего благовернаго цря Івана Васильевичя всея Руси и прежнихъ князей и бояр, какъ впред суд судити бояромъ, и окольничем, и дворецкимъ, и казначиемъ, и диякомъ, и по городом намесникомъ и по волостемъ земскимъ судьямъ и *по всей моей гсдрве* (государевой) *Рускоі земъли*; а *впред всякие дѣла судить по сему судебнику и управы чинити по указу, какъ гсдрь укажет, съ котораго дни уложитъ*“.

вѣстіе, читаемое во главѣ издаваемой рукописи". Такимъ образомъ, оба автора считаютъ найденный Судебникъ проектомъ новаго Судебника, при чемъ, однако, первый, основываясь на „введеніи" къ памятнику, полагаетъ, что этотъ проектъ былъ уже заслушанъ царемъ и его совѣтниками въ тотъ день, о которомъ говоритъ введеніе (т. е. 14 іюня 1589 г.), второй-же авторъ эту дату понимаетъ въ томъ смыслѣ, что 14 іюня 1589 г. состоялся лишь приговоръ о переработкѣ Судебника 1550 г., при чемъ также ссылается на введеніе къ памятнику. Третій ученый, проф. Вл.-Будановъ, — разбирая мнѣніе двухъ только-что указанныхъ авторовъ, — говоритъ, что „памятникъ нельзя считать ни оффиціальнымъ проектомъ, созданнымъ въ силу рѣшенія царя и Думы, ни закономъ, обсужденнымъ въ засѣданіи 14 іюня 1589 г." Иначе говоря, онъ не соглашается ни съ мнѣніемъ проф. Ключевскаго, ни съ мнѣніемъ Богоявленскаго, выставляя свое мнѣніе, которое гласитъ, что „памятникъ, носящій имя Судебника царя Ѳеодорова Іоанновича, есть памятникъ литературный, неимѣющій никакого оффиціальнаго значенія, ни въ качествѣ закона, утвержденнаго высшею властію (но неопубликованнаго), ни въ качествѣ проекта, исполненнаго по порученію правительства". Наконецъ, М. М. Богословскій обращаетъ вниманіе на случай, когда на сѣверѣ, въ XVII в., въ волостномъ судѣ Судебникъ 1589 г. употреблялся при судебномъ разбирательствѣ и тяжущіяся стороны ссылались на него въ подтвержденіе своихъ доводовъ"[1]). При скудости свѣдѣній объ этомъ Судебникѣ, его нельзя считать во всякомъ случаѣ оффиціальнымъ памятникомъ права, который долженъ былъ замѣнить въ практикѣ Судебникъ 1550 г. и пока приходится довольствоваться, при его разсмотрѣніи, тѣми немногими свѣдѣніями, какія даются введеніемъ, или предисловіемъ, къ Судебнику. Текстъ этого введенія уже возбудилъ (какъ указано выше), ввиду своей неясности, нѣсколько толкованій. Начало этого „введенія", нами подчеркнутое (въ примѣчаніи, на 299 стр.), заставляетъ видѣть, — вопреки мнѣнію издателя памятника, — „законъ,

1) Указанному автору удалось найти одно судебное дѣло начавшееся въ 1640 г., въ которомъ содержится прямая ссылка на Судебникъ 1589 г., при чемъ, по автору, обѣ тяжущіяся стороны признавали „за Судебникомъ юридическій авторитетъ"; кромѣ того ссылка на этотъ Судебникъ не вызвала „удивленія и со стороны судей, разбиравшихъ дѣло", а равно „никакихъ замѣчаній въ Московскомъ Приказѣ", куда дѣло было перенесено изъ волостного суда одной изъ сѣверныхъ областей. („Къ вопросу о Судебникѣ 1589 г.", Журн. М. Нар. Прос., 1905 г., № 12).

уже обсужденный царемъ, Думою и соборомъ, а не проектъ", какъ справедливо на это указывается проф. Вл.-Будановымъ. Затѣмъ изъ этого-же начала „введенія" никакъ нельзя вывести заключенія, что „издаваемый памятникъ — проектъ переработки Судебника 1550 г., предпринятой вслѣдствіе приговора 14 іюня 1589 г.", какъ думалъ проф. Ключевскій, такъ какъ начало „введенія" говоритъ о состоящемся уже въ этотъ день утвержденіи Судебника (царь „приговорилъ и уложилъ сей Судебникъ"). Если-бы дѣло шло о томъ, что въ этотъ день состоялся лишь приговоръ о пересмотрѣ стараго Судебника впредь, то въ текстѣ введенія и было-бы сказано, что царь „приговорилъ въ лѣто 7097, іюня въ 14 день, уложить сей Судебникъ", а дальше-бы необходимо указывалось, когда это уложеніе было окончено. С. К. Богоявленскій — основываясь на послѣднихъ строкахъ введенія („а впредь всякія дѣла судить" и т. д.) — находитъ, что Судебникъ не былъ введенъ въ дѣйствіе. Проф. Вл.-Будановъ, находя противорѣчіе между началомъ и послѣдними строками введенія, говоритъ, что „послѣдняя часть заглавія отрицаетъ догадку издателя" (Богоявленскаго). По автору, слова — „впредь всякія дѣла судить по сему Судебнику и управы чинить по указу, какъ государь укажетъ, съ котораго дни уложитъ" — означаютъ, что государь еще не указалъ, не уложилъ дѣла судить по этому Судебнику; для составителя его еще вопросъ, когда это будетъ". Намъ, однако, не представляются эти послѣднія строки введенія противорѣчіемъ съ началомъ его. Что говоритъ начало введенія? Оно указывало, что царь „приговорилъ и уложилъ" тогда-то сей Судебникъ, т. е. утвердилъ его. Что говорятъ послѣднія строки? Ничего болѣе, на нашъ взглядъ, какъ то, что для приведенія въ дѣйствіе этого Судебника будетъ впредь указанъ способъ и срокъ („какъ государь укажетъ, съ котораго дни уложитъ"). Можно утвердить извѣстный законодательный сборникъ и вмѣстѣ отсрочить приведеніе его въ дѣйствіе, а равно и отложить указаніе на то, какъ его надо примѣнять. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію — если держаться буквальнаго толкованія введенія къ Судебнику 1589 г. — то приходится притти къ выводу, что найденный памятникъ права является закономъ, утвержденнымъ царемъ, вмѣстѣ съ Б. Думою и „вселенскимъ соборомъ", причемъ приведеніе въ дѣйствіе новаго Судебника и способъ его должны были быть указаны особо. Но, впрочемъ, мысль, что Судебникъ 1589 г. былъ утвержденъ, находитъ себѣ, въ свою очередь, опроверженіе въ тѣхъ многочисленныхъ небрежностяхъ въ языкѣ и содержаніи памятника, какія немыслимы въ оффиціальномъ юридическомъ памятникѣ и какія

обычно не встрѣчались на Москвѣ [1]). Кромѣ того, несомнѣнно, что новый Судебникъ нуженъ былъ, въ качествѣ свода, а именно надо было собрать воедино дополнительныя статьи ко II Судебнику и такъ или иначе обобщить ихъ въ новомъ сборникѣ. Между тѣмъ, — какъ это доказывается обстоятельно проф. Вл.-Будановымъ, — составители Судебника 1589 г., взявъ своимъ источникомъ Судебникъ 1550 г., прибавили къ нему лишь одинъ дополнительный указъ (а именно указъ 21 августа 1556 г. [2]), и игнорировали всѣ остальные. Такой неполный Судебникъ не могъ бы быть утвержденъ оффиціально, какъ не могли-бы составители новаго Судебника, — въ случаѣ исполненія порученія даннаго имъ, оффиціально-же, верховною властью, — не знать всѣхъ дополнительныхъ статей и ими не воспользоваться.

Но, если это такъ, основываться на буквальномъ толкованіи введенія и предполагать, что Судебникъ 1589 г. былъ закономъ (хотя-бы и не-введеннымъ въ дѣйствіе повсемѣстно), повидимому, нельзя. Что-же такое представляетъ, въ дѣйствительности, этотъ Судебникъ? Здѣсь остается только, — за неимѣніемъ какихъ-либо прямыхъ свѣдѣній о составителѣ, или составителяхъ, Судебника и ихъ работахъ, — дѣлать тѣ или иныя предположенія. Изъ этихъ предположеній намъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется утвержденіе проф. Вл.-Буданова, что Судебникъ 1589 г. — „частная работа человѣка малообразованнаго, изъ простонародія сѣверной Руси, который, по собственному почину, занялся переработкою Судебника царя Грознаго и указа 1556 г., приписаннаго къ нему, не зная другихъ узаконеній, вышедшихъ послѣ 1556 г., при чемъ рабски подчинился системѣ источниковъ, но зато вездѣ передѣлалъ ихъ языкъ и содержаніе и иногда, не понимая источника, искажалъ его смыслъ“. По автору, составитель, — „присоединяя къ законодательнымъ положеніямъ немало своихъ собственныхъ“ — „обнаруживаетъ значительную силу ума, хотя нерѣдко вводитъ неудачныя новшества“; главнѣйшее и въ высшей степени важное значеніе“ памятникъ имѣетъ потому, что „авторъ многое взялъ въ свою работу изъ живого обычнаго права сѣверной Россіи, явился предъ нами въ роли древняго вѣщателя права“. Обычное народное гражданское право — говоря вообще, —

---

1) Небрежность редакціи новаго Судебника, недопустимая въ оффиціальномъ памятникѣ права, видна, между прочимъ, уже изъ текста предисловія, гдѣ авторъ его заставляетъ царя говорить, то въ третьемъ лицѣ (приговорилъ и уложилъ), то въ первомъ (по всей, моей . . . землѣ).

2) Этотъ указъ см. въ III выпускѣ „Христоматіи по исторіи рус. права“, стр. 5 и сл.

мало отразилось на содержаніи памятниковъ Московскаго періода. Тѣмъ, конечно, большій интересъ представляетъ памятникъ, сообщающій намъ свѣдѣнія изъ области народныхъ юридическихъ воззрѣній XVI вѣка. Съ этой точки зрѣнія, Судебникъ 1589 г. будетъ долго обращать на себя вниманіе ученыхъ нашихъ слѣдователей, не смотря на то, что онъ не имѣлъ оффиціальнаго характера и не былъ въ числѣ сборниковъ права, примѣнявшихся повсемѣстно въ судахъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ были отмѣчены явленія, имѣвшія мѣсто на сѣверѣ Россіи (напр., складничество — совладѣніе землею и др.) [1].

Глава VI.

Соборное Уложеніе. ~~Новоуказныя статьи~~ [2].

Значеніе Соборнаго Уложенія.

Обозрѣвъ кратко движеніе нашего законодательства отъ изданія Ц. Судебника до С. Уложенія, перейдемъ теперь къ исторіи составленія этого послѣдняго. Прежде чѣмъ приступить, однако, къ изученію историческихъ причинъ, вызвавшихъ необходимость изданія Уложенія, и тѣхъ условій, при которыхъ оно слагалось, нелишне уяснить себѣ предварительно значеніе памятника въ исторіи нашего права.

---

1) См. примѣры этого въ изслѣдованіи М. М. Богословскаго „Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ (М. 1909 г.), стр. 163, 165 и др.

2) Кромѣ общихъ курсовъ по исторіи русскаго права Н. П. Загоскина, В. Н. Латкина, М. Ф. Вл.-Буданова, М. А. Дьяконова, а равно и сочиненій о Земскихъ Соборахъ, свѣдѣнія о Соборномъ Уложеніи см. въ монографіяхъ: В. Строева „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія, изданнаго ц. и в. к. Алексѣемъ Михайловичемъ“ (С.-П., 1833 г.). Ѳ. Морошкина „Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи“. Рѣчь (М. 1839 г.): М. Ф. Влад.-Буданова „Объ отношеніи между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ“ (Сборн. Госуд. Знаній, т. IV); Н. П. Загоскина „Уложенія царя и в. кн. Алексѣя Мих. и З. Соборъ 1648—49 гг.“ Рѣчь (Каз., 1879 г.); Д. Мейчика „Дополнительныя данныя къ исторіи Уложенія 1649 г.“ (Сборн. Археол. Института, 1880 г., III); В. Н. Сторожева „Къ вопросу объ источникахъ Уложенія“ (Юр. Вѣст., 1889 г. № 12); Н. Тиктина „Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 г. и новоуказныхъ статей“ (Од. 1898 г.); Гр. Н. Шмелева „Объ источникахъ Соборнаго уложенія 1649 г. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1900 г., октябрь); П. П. Смирнова „О началѣ Уложенія и Земскаго Собора 1648—49 гг.“ (ibid., 1913 г., сентябрь). Указанія на наиболѣе важныя и интересныя „новоуказныя статьи“ см. у Н. П. Загоскина „Наука исторіи р. права“ (К., 1891 г.), гдѣ и прочія свѣдѣнія объ изданіяхъ и литературѣ о С. Уложеніи.

Соборное Уложеніе, несомнѣнно, является важнѣйшимъ кодексомъ допетровскаго законодательства, изданнымъ государственною властью. (Р. Правда, какъ извѣстно, есть сборникъ частнаго происхожденія). Важность этого памятника опредѣляется, во 1-хъ, его содержаніемъ и, во 2-хъ, тою исторической ролью, какая выпала на его долю. Съ послѣдней точки зрѣнія, достаточно указать, что, начиная съ половины XVII в. вплоть до изданія (въ царствованіе Императора Николая I въ 1832 г.) Свода Законовъ Россійской Имперіи, Соб. Уложеніе лежало въ основѣ развитія русскаго законодательства, будучи въ теченіи почти 2-хъ вѣковъ (худо ли это, или хорошо) единственнымъ нашимъ гражданскимъ кодексомъ, такъ какъ всѣ многочисленныя попытки, начиная съ Петра В., создать новый гражданскій кодексъ, — какъ это мы увидимъ потомъ, — кончались неудачею, и новая Россія осталась при прежнемъ гражданскомъ Уложеніи (въ половинѣ XIX вѣка былъ только изданъ новый уголовный кодексъ — т. наз. Уложеніе о наказаніяхъ). Затѣмъ и послѣ изданія Свода Законовъ, въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, С. Уложеніе вошло въ самый Сводъ Законовъ и такимъ образомъ продолжаетъ, хотя частично, быть и донынѣ первоисточникомъ дѣйствующаго нашего права. Правда, уже давно у насъ образована комиссія для пересмотра Свода Гражданскихъ Законовъ и созданія новаго гражданскаго Уложенія, но, пока эта трудная задача не будетъ разрѣшена, С. Уложеніе Алексѣя Михайловича не потеряетъ нетолько своего историческаго, но частію даже и современнаго интереса, какъ первоисточникъ нашихъ гражданскихъ законовъ, поскольку они не измѣнены послѣ кодификаціи, произведенной Сперанскимъ при Николаѣ I.

Обращаясь къ содержанію Уложенія, мы видимъ, что, какъ по количеству, такъ и по качеству своихъ, а равно и иноземныхъ, первоисточниковъ Уложеніе остается важнѣйшимъ юридическимъ памятникомъ московскаго періода. Этотъ памятникъ важенъ общей значительностью законодательнаго своего матеріала, своей лучшей, — сравнительно съ предшествующими памятниками, — систематикою законодательныхъ вопросовъ, и, наконецъ, тѣмъ, что въ немъ отразились живо всѣ тѣ особенности юридическаго быта Московскаго государства, которыя созидались вѣками. Нельзя еще не отмѣтить и того обстоятельства, что Уложеніе Алекс. Мих. не даромъ зовется Соборнымъ, такъ какъ въ его созданіи видна не одна только государственная, но и общественная мысль. Ибо, чѣмъ болѣе подвигается изученіе эпохи Соборнаго Уложенія, тѣмъ яснѣе опредѣляется учеными значительность роли Зем-

скаго Собора, созваннаго царемъ Ал. Мих. въ 1649 г. и принимавшаго непосредственное участіе въ составленіи нѣкоторыхъ важныхъ законоположеній изучаемаго памятника. Вообще въ памятникѣ весьма ярко опредѣлилось движеніе права на Москвѣ, по крайней мѣрѣ, за два вѣка. Небезъинтересно также, для характеристики Уложенія, что оно вскорѣ стало предметомъ вниманія иностранцевъ. Такъ, въ 1663 г. баронъ Мейерберъ перевелъ его по латыни въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „Iter in Moscoviam"; затѣмъ черезъ 20 лѣтъ оно вышло по французски (въ Лейденѣ), а въ началѣ XVIII в. переведено на нѣмецкій и, наконецъ, на датскій языкъ. Что касается русскихъ изданій памятника, — то всѣхъ этихъ изданій было у насъ 16; изъ нихъ 2 первыхъ появились еще при Алексѣѣ Мих., причемъ одно изъ нихъ было закончено печатаніемъ 20-го мая 1649 г. и представляло собою первый у насъ примѣръ обнародованія закона путемъ печати: до этого времени наши законы оставались въ рукописи и обнародововались разсылкою въ Приказы, или путемъ прокликанія ихъ по торгамъ. Первое изданіе Уложенія, сдѣланное in folio, представляетъ собою теперь очень большую рѣдкость [1]). Остальныя изданія памятника распредѣляются по различнымъ годамъ между временемъ отъ 1649 г. до 1908 г. Кромѣ того Уложеніе перепечатано еще въ I-мъ томѣ I-го Полнаго Собранія Законовъ Россійской имперіи, гдѣ оно начинаетъ собою наше собраніе законовъ и представляетъ едва-ли не наиболѣе исправное изданіе нашего памятника. (Есть еще одно частное изданіе, 1875 г. Карновича „Собраніе Узаконеній Русскаго государства", куда также вошло Уложеніе, и др.). Весьма важно, далѣе, для изученія памятника то обстоятельство, что рукописный подлинникъ Уложенія, или т. н. „Уложенный столбецъ", дошелъ до насъ. Это вообще рѣдкость для древнихъ юридическихъ памятниковъ, всегда почти доходящихъ только въ спискахъ, часто очень неисправныхъ и тѣмъ весьма затрудняющихъ изслѣдователей. Подлинное Уложеніе нашли въ 1767 г., послѣ долгихъ поисковъ, сдѣланныхъ вслѣдствіе желанія императрицы Екатерины II видѣть подлинникъ памятника передъ началомъ того великаго дѣла, которое было ею самою тогда предпринято. Извѣстно, что въ это время ею была созвана въ Москвѣ комиссія для сочиненія новаго Уло-

1) Полное заглавіе его таково: „Уложеніе по которому судъ и расправа во всякихъ дѣлахъ въ россійскомъ государствѣ производится, сочиненное и напечатанное при владѣніи государя вел. князя Алексѣя Михайловича въ лѣто отъ сотворѣнія міра 7156" (М., 1649 г.).

женія, и императрица хотѣла видѣть подлинникъ С. Уложенія, чтобъ знать, при участіи кого и какъ оно было составлено. Затѣмъ, осмотрѣвъ памятникъ, она велѣла сдѣлать для него серебрянный вызолоченный ковчегъ, въ которомъ Уложеніе хранится и до днесь въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Новое изданіе памятника предположено въ недавнее время Академіею Наукъ. По внѣшнему виду Уложеніе является свиткомъ изъ склеенныхъ листовъ въ 434 аршина длины, вѣсящимъ 11 фунт. 79 золотниковъ, и скрѣпленнымъ 315 подписями. Языкъ памятника довольно простъ и далеко не представляетъ, при чтеніи, тѣхъ трудностей, какими отличаются болѣе древніе юридическіе памятники, какъ, напр., договоры съ греками, Р. Правда, что, конечно, вполнѣ понятно. Съ другой стороны, этотъ языкъ страдаетъ нѣкоторой тяжеловатостью оборотовъ, многословіемъ, и въ этомъ, на нашъ взглядъ, далеко отстаетъ отъ Р. Правды. Но, по языку, С. Уложеніе во всякомъ случаѣ выше многихъ юридическихъ памятниковъ XVIII в., такъ какъ въ немъ сохраняется еще чистота юридическихъ русскихъ терминовъ, весьма обильныхъ въ древности и часто — удивительно удачныхъ. Съ Петра юридическій — какъ, впрочемъ, и всякій другой технической, — языкъ нашъ надолго затемняется массою иноземныхъ, совершенно чуждыхъ нашему словопроизводству, выраженій, и памятники права поэтому наполняются чудовищной какофоніей.

Историческія причины, вызывавшія въ XVII в. пересмотръ законодательства и созданіе новаго кодекса.

Давъ общую характеристику Соб. Уложенія, перейдемъ теперь прежде всего къ уясненію историческихъ причинъ, вызвавшихъ пересмотръ законодательства и созданіе указаннаго памятника нашего права. Въ началѣ XVII вѣка, середина котораго отмѣчена изданіемъ Уложенія, Московская Русь стояла, повидимому, на краю гибели. Погибало именно то государственное единство, та политическая независимость страны, на прочное основаніе которыхъ такъ много и такъ долго приносились русскимъ народомъ страшныя, кровавыя жертвы ... Смутное время расшатало всѣ основы государственной жизни и породило въ общественныхъ отношеніяхъ массу тяжелыхъ жизненныхъ условій. Если затѣи самозванцевъ, притязаніе на хозяйничанье въ нашихъ дѣлахъ Польши и Швеціи, слабость власти, боярскія шатанія отъ одного претендента къ другому подрывали правильное функціонированіе государства, то частый голодъ, безработица, внутреннія усобицы, классовая рознь и, — какъ ихъ слѣдствіе, — своеволіе сильныхъ и страшный гнетъ ихъ надъ слабыми, вмѣстѣ съ утратою населеніемъ вѣры въ своевременное дѣйствіе закона, не менѣе, чѣмъ внѣш-

ніе враги, поражали общественный организмъ. Къ этому прибавилось полное истощеніе „государевой“, т. е. государственной казны [1]). Нѣтъ нужды, конечно, возобновлять въ памяти тѣ великія страницы исторіи нашей, которыя говорятъ, какъ съ помощью земщинъ, Московская Русь вышла изъ труднаго своего испытанія; эти страницы извѣстны. Нельзя, однако, не указать на то, что тяжелое послѣдствіе этого испытанія долго чувствовалось у насъ во всѣхъ отношеніяхъ и неминуемо приводило къ мысли, лишь только было покончено съ внѣшними затрудненіями, о необходимости пересмотра стараго законодательства, далеко неудовлетворявшаго условіямъ, въ которыя было теперь поставлено и государство, и общество. Если съ призывомъ на тронъ новой династіи формально вновь возстановлялась государственная власть, то не такъ-то легко залѣчивались другія общественныя раны. Достаточно указать на то страшное экономическое истощеніе народныхъ силъ, о которомъ говорятъ всѣ дошедшіе до насъ историческіе документы отъ первой половины XVII вѣка. А между тѣмъ и съ возстановленіемъ государственной власти требовались все новыя и новыя жертвы на войны и на другія внутреннія государственныя потребности. Правительство, въ первое время по воцареніи Михаила Ѳеодоровича, прибѣгало къ сбору недоимокъ и такъ наз. „запросныхъ денегъ“ (подъ которыми разумѣлись всякія чрезвычайныя требованія денегъ, путемъ займа, взятіемъ впередъ налоговъ, добровольныя пожертвованія и пр.), къ выпуску болѣе легкой монеты, къ собиранію хлѣба и т. д. Земскіе Соборы, стоявшіе постоянно около Михаила Ѳеодоровича, въ теченіи первыхъ лѣтъ его воцаренія, не отказывали въ средствахъ на государственныя нужды въ концѣ опустошенной казнѣ. Проф. Загоскинъ въ своей „Рѣчи объ Уложеніи“ приводитъ примѣръ невѣроятныхъ жертвъ со стороны земщинъ на пользу государства: въ краткій періодъ времени съ 1613-го по 1619-й годъ Земскій Соборъ дважды постановлялъ сборъ такъ наз. пятой (пятинной) деньги, т. е. 20% со всѣхъ имуществъ, что за оба

1) Еще правительство смутнаго времени прибѣгало къ ряду мѣръ для пополненія государевой казны. Такъ, оно очуждало дворцовыя и черныя земли и угодья въ такомъ количествѣ, что это „отчужденіе граничило съ расхищеніемъ“ ихъ; оно совершало рядъ „безпорядочныхъ займовъ у частныхъ лицъ и у монастырей, займовъ большею частію безвозвратныхъ“; выпускало (при царѣ Василіи Шуйскомъ) новую монету приблизительно на 25 % легче старой и, наконецъ, собирало какъ даточныхъ людей и деньги за нихъ (при Дмитріи), такъ и добровольныя пожертвованія (С. Б. Веселовскій. „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича“, М., 1909 г., стр. 6 и сл.).

раза составило жертвованія земщиною 40% съ имуществъ. Новѣйшій изслѣдователь вопроса о пятинныхъ деньгахъ, С. Б. Веселовскій, не отрицая этого вывода, добавляетъ, что пятая деньга среди этихъ жертвъ занимаетъ далеко не первое мѣсто. И эти невѣроятныя жертвы были принесены почти непосредственно послѣ того, какъ населеніе выдержало и отразило тяжкое иноземное нашествіе, жестокій грабежъ чужихъ и своихъ! . . . Естественно, что эти жертвы страшнымъ гнетомъ ложились прежде всего на общины городскія — посадскія и уѣздныя — волостныя, и ложились особенно тяжело потому, что въ допетровской Руси податною единицею было не отдѣльное лицо, а община, связанная круговою порукой. Избѣгая непосильныхъ платежей съ одной стороны, а, съ другой, пользуясь возможностью безнаказанно уйти отъ этихъ платежей, „многіе тяглые люди“, — какъ говоритъ одна челобитная царю, — „изъ сотенъ и слободъ разбрелися розно и дворишки своя пометали“. Убѣгая изъ селъ, тяглые или, какъ говорили тогда, черные люди, чтобы не платить податей, закладывались сами (т. е. записывались) за монастыри, или за такъ наз. бѣломѣсцевъ (лицъ, привиллегированныхъ въ податномъ отношеніи) и тѣмъ увеличивали податныя тягости оставшихся, такъ какъ прежняя сумма налоговъ раскладывалась теперь общиною на меньшее число плательщиковъ. Въ свою очередь, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, изнуренные работами и всякими платежами бѣжали массами крестьяне. На правительство постоянно сыпались челобитныя и отъ служилыхъ людей, и отъ общинъ о прекращеніи свободнаго выхода плательщиковъ. Старое зло, усилившееся за смутное время, требовало новыхъ общихъ мѣръ и общаго пересмотра закона о переходѣ съ однѣхъ земель на другія, какъ требовали новыхъ и также общихъ мѣръ многія другія крупныя неурядицы общественнаго быта.

Кромѣ указанныхъ общихъ причинъ недовольства, были, какъ всегда, причины частныя, болѣе узкія, но тѣмъ не менѣе очень важныя. Сто лѣтъ истекало со времени изданія второго Царскаго Судебника, бывшаго дѣйствующимъ процессуальнымъ сборникомъ. Въ этотъ періодъ времени накопилась громадная, разрозненная масса узаконеній всякаго рода, извѣстная подъ именемъ дополнительныхъ статей къ Судебнику, записанныхъ въ Указныхъ книгахъ Приказовъ. Судебникъ 1589 г. вовсе не собралъ этого законодательства вмѣстѣ, если даже допустить предположеніе, что онъ имѣлъ примѣненіе въ тогдашней судебной практикѣ. Уже одна эта разрозненная масса должна была значительно затруднять

отправленіе правосудія и давать огромный просторъ произволу судей и дьяковъ. Наши историки права (Сергѣевичъ, Дитятинъ, Загоскинъ и др.), признаютъ доказаннымъ, что къ изданію Соборнаго Уложенія было приступлено вслѣдствіе челобитья объ этомъ со стороны среднихъ и низшихъ разрядовъ служилыхъ людей, а также посадскихъ и торговыхъ людей, на которыхъ весьма тяжело отражалась, какъ разрозненность законодательныхъ актовъ, явившихся послѣ Ц. Судебника, такъ и ихъ подавляющая масса. То и другое всего больше вызывало знаменитую „московскую волокиту“, когда правый, но бѣдный, часто оказывался на судѣ виноватымъ. И общія, и частныя причины давно, так. обр., требовали какъ пересмотра, такъ и собранія вмѣстѣ многочисленныхъ законодательныхъ актовъ прежняго времени. Но, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича нечего было объ этомъ и думать, въ виду внутреннихъ и внѣшнихъ нестроеній.

Ближайшіе поводы составленія С. Уложенія.

Трудно сказать, сколь долго не приступали бы и потомъ къ пересмотру стараго законодательства, и составленію новаго кодекса, если-бы уже въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича не произошло нѣкоторыхъ внутреннихъ событій, явившихся ближайшимъ поводомъ созыва З. Собора и ускорившихъ самую необходимость составленія Уложенія. Какъ извѣстно, молодой государь, вступивъ, въ 3-ій годъ своего царствованія, въ бракъ съ Маріей Милославской, отдалъ все управленіе въ руки своего тестя Ильи Милославскаго и его родственниковъ, Плещеева, Траханіотова и др., оказавшихся людьми слишкомъ корыстолюбивыми и властолюбивыми. Изъ нихъ особенный вредъ народу приносилъ Плещеевъ, бывшій судьею важнаго въ то время Земскаго Приказа, который вѣдалъ все управленіе Москвою. Извѣстный посолъ въ Россіи герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго Олеарій, оставившій намъ описаніе своего путешествія въ Московію и Персію, говоритъ такъ о Плещеевѣ: „онъ безъ мѣры дралъ и скоблилъ кожу съ простого народа; подарками не насыщался, но, когда тяжущіеся приходили къ нему въ Приказъ, то онъ высасывалъ у нихъ мозгъ изъ костей до того, что обѣ стороны дѣлались нищими“. Не уступали Плещееву Траханіотовъ — начальникъ Пушкарскаго Приказа, дьякъ Чистой и другія лица. Злоупотребленія и взяточничества временщиковъ были громадны; на государево имя безпрестанно подавались челобитныя съ жалобами, но онѣ, либо не доходили до царя, либо представлялись ему, какъ неосновательные доносы. 25 Мая 1648 года произошелъ, наконецъ, въ Москвѣ открытый бунтъ, во время котораго выведенный изъ себя народъ убилъ Плещеева и Траханіотова. Дѣло было такъ: давно шелъ

по Москвѣ ропотъ; начались сборища у церквей и шли совѣщанія, вожаки которыхъ рѣшились лично обратиться къ царю съ челобитьемъ. И вотъ, когда однажды царь Алексѣй Мих. возвращался изъ Сергіево-Троицы, толпа остановила его коня и слезно молила отставить Плещеева и др. Царь обѣщалъ, и довольный народъ началъ было расходиться, какъ ругань и плети друзей Плещеева, въѣхавшихъ въ толпу, вывели его вновь изъ себя. Тогда-то „бысть волненіе", говоритъ лѣтописецъ: „и возсташа чернь на бояръ, къ нимъ же приставша и служилые люди и бысть междоусобица великая . . . Убиша міромъ Плещеева, а Траханіотова казниша на пожарѣ". За мятежомъ вспыхнулъ громадный пожаръ: Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская и Арбатъ были объяты пламенемъ. Безпорядки были прекращены только новымъ обѣщаніемъ царя замѣстить должности убитыхъ людьми честными и справедливыми и наблюдать за безпосульнымъ и безволокитнымъ отправленіемъ правосудія, при чемъ царь, по окончаніи мятежа, воспользовавшись однажды крестнымъ ходомъ, обратился къ народу съ рѣчью, прося простить его воспитателя Морозова, противъ котораго народъ также былъ сильно вооруженъ. Изъ новѣйшихъ данныхъ видно также, что 10 іюня было подано государю челобитье „всѣхъ чиновъ" о созывѣ З. Собора[1]). И вотъ, меньше, чѣмъ черезъ 2 мѣсяца послѣ описаннаго бунта, а именно 16 Іюля того-же года, былъ данъ царскій указъ о составленіи новаго Уложенія, съ тою цѣлью (какъ это прямо говорится въ указѣ), „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ равна". Самъ указъ этотъ былъ изданъ послѣ совѣщанія царя нетолько съ освященнымъ Соборомъ и Б. Думою, но и съ бывшими въ Москвѣ представителями среднихъ служилыхъ чиновъ, торговыхъ людей и даже иноземцевъ. На этомъ совѣщаніи представители указанныхъ классовъ именно указывали государю на необходимость написать „Уложенную книгу", чтобъ впредь

1) А именно, изъ такъ наз. „памяти приказа бояръ кн. Одоевскаго" съ товарищами, недавно найденной, въ этотъ день „дворяне Московскіе, и жильцы, и дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, и иноземцы, и гости, и гостинныя и суконныя и всякихъ разныхъ сотенъ и слободъ торговые люди" били челомъ государю, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ учинити Соборъ и быти-бъ на Соборѣ патріарху и властемъ (духовнымъ) и боярамъ и думнымъ и указалъ бы государь быти на Соборѣ изъ стольниковъ и изъ дворянъ Московскихъ и изъ жильцовъ и изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ выборнымъ лучшимъ людемъ, и они на Соборѣ учнутъ бити челомъ государю о всякихъ своихъ дѣтех" (П. П. Смирновъ „О началѣ Уложенія" и пр., Ж. М. Н. Просв., 1913 г., сен., 45 стр.).

по ней „всякіе дѣла дѣлать и вѣрить“[1]). Какъ это скорое, послѣ бунта, появленіе указа о составленіи Уложенія, такъ и быстрота, съ которой было приступлено къ самому дѣлу его составленія, давно уже невольно наводили историковъ на мысль о связи того и другого событія между собой. Кромѣ только-что приведенныхъ данныхъ, надо отмѣтить еще, что до насъ дошло неоспоримое свидѣтельство о томъ, что составленіе Уложенія было дѣломъ желательнымъ для населенія, дѣломъ, вызывавшимъ съ его стороны челобитныя. Послѣднее видно изъ одной, такъ наз., „памяти“, — отправленной Новгородскимъ воеводой губному старостѣ въ Нагорную половину Обонежской пятины, — о присылкѣ изъ этой области одного выборнаго къ Земскому Собору, собиравшемуся на Москвѣ по поводу составленія Уложенія. Въ ней говорится, что составленіе проекта „Уложенной книги“, — порученное, какъ увидимъ дальше, князю Одоевскому съ товарищами, — предпринимается по указу государя, по приговору бояръ и „по челобитью“ среднихъ и низшихъ разрядовъ служилыхъ людей (а именно — стольниковъ, и стряпчихъ, и жильцовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ), затѣмъ „иноземцевъ, и гостей, и гостинныя, и суконныя сотни, и всякихъ чиновъ торговыхъ людей“. (А. Ар. Экс., т. IV, 40). При обзорѣ источниковъ Уложенія, мы скажемъ о той роли, какую играли челобитья частныхъ (физическихъ и юридическихъ) лицъ въ дѣлѣ созданія нашего допетровскаго законодательства; теперь же отмѣтимъ только, что челобитья очень часто подавались царю и по отдѣльнымъ, и общимъ вопросамъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одномъ изъ нихъ, — на которое и указывается въ приведенной „памяти“, — выражалось желаніе тогдашнихъ земщинъ о томъ, чтобъ было составлено Уложеніе. Ввиду этихъ данныхъ нельзя не поставить, какъ важные безпорядки, происшедшіе въ Маѣ 1648 г., такъ и челобитья поданныя царю, въ прямую связь съ указомъ о составленіи Уложенія, данномъ 16 Іюля того же года. Несомнѣнно, что и указанные безпорядки и челобитья послужили ближайшимъ поводомъ къ созыву Собора. Объявляя указъ о составленіи комиссіи и созывая Земскій Соборъ для участія въ дѣлѣ созданія Уложенія, правительство дѣйствовало согласно съ желаніемъ общества[2]), съ желаніемъ, нашедшихъ себѣ выраженіе, между прочимъ, въ указанныхъ выше челобитьяхъ.

---

1) Ibidem, стр. 50 и сл.

2) Патріархъ Никонъ высказалъ по поводу созыва Уложеннаго Собора такую мысль: „и то всѣмъ вѣдомо, что Соборъ былъ не поволѣ, боязни ради междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“.

Исторія составленія С. Уложенія. Источники С. Уложенія, указанные его предисловіемъ.

Приступимъ теперь къ исторіи составленія С. Уложенія и остановимся на предисловіи къ Уложенію. Оно представляетъ весьма большую важность, какъ подлинное, современное созданію памятника, свидѣтельство о слѣдующихъ вопросахъ: 1) объ источникахъ, изъ которыхъ предполагалось составить Уложеніе и о лицахъ, коимъ было поручено ихъ собрать; 2) о составѣ Земскаго Собора; 3) о завершеніи собранія матеріаловъ комиссіею и объ отношеніи къ ней царя, Освященнаго Собора, Б. Думы и выборныхъ З. Собора, вмѣстѣ съ приказомъ о рукоприкладствѣ (подписи) и напечатаніи С. Уложенія. Изученіе предисловія, съ необходимыми къ нему дополненіями и критическимъ его разборомъ, есть изученіе вопроса о составленіи даннаго памятника; поэтому необходимо остановиться на каждой изъ указанныхъ частей.

Изъ I части предисловія, представляющей выписку изъ царскаго указа объ источникахъ Уложенія и о составѣ законодательной комиссіи, мы видимъ[1]), что къ дѣлу составленія Уложенія было приступлено съ того, что,—по совѣщаніи царя съ

1) I часть предисловія (его начало) гласитъ слѣдующее: „въ лѣто 7156 (1648 г.), іюля въ 16 день, Государь, Царь и В. князь Алексѣй Михаиловичъ, всея Русіи Самодержецъ, въ 20 лѣто возраста своего, въ 3 лѣто Богомъ хранимыя своя державы, совѣтывалъ (совѣтывался) съ отцемъ своимъ и богомольцемъ святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руси и съ митрополиты и съ архіепископы и епископы и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и говорилъ съ своими государевы бояры и окольничими и съ думными людьми: которыя статьи написаны въ правилѣхъ св. Апостолъ и св. Отецъ и въ градскихъ законахъ греческихъ царей, а пристойны тѣ статьи къ государевымъ и земскимъ дѣламъ, и тѣ-бы статьи выписать; и чтобы прежнихъ великихъ государей царей и в. князей Россійскихъ и отца его государева, блаженныя памятники великаго Г. Ц. и В. князя Мих. Ѳеод. всея Руси, указы и боярскіе приговоры на всякія государственныя и на земскія дѣла собрать и тѣ государевы указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебники (т. е. съ Судебниками Іоанна III и Іоанна IV) „справити“ (т. е. сличить). „А на которыя статьи (т. е. законодательныя вопросы) въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ Судебникахъ указу не положено и боярскихъ приговоровъ на тѣ статьи не было, и тѣ статьи (т. е. вопросы) по потому же написати и уложить общимъ совѣтомъ. И указалъ Гос. Царь и В. князь Алексѣй Мих. всея Руси то все собрати и въ докладъ написати боярамъ, князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да окольничему князю Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, да дьякамъ Гаврилу Левонтьеву, да Ѳеодору Грибоѣдову“.

Освященнымъ Соборомъ (собраніемъ духовенства) и Б. Думою, — была назначена изъ 5-ти лицъ комиссія, которой и было поручено заняться подготовленіемъ того законодательнаго матеріала, на основаніи котораго, по мнѣнію царя и Боярской Думы, должно было быть составлено Уложеніе. Указаніе предисловія на законодательный матеріалъ, на коемъ должно были основываться Уложеніе, не отличается, впрочемъ, полнотою, какъ это мы увидимъ ясно изъ дальнѣйшаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ матеріалъ былъ двоякаго характера: это, во 1-хъ, „правила святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ и градскіе законы греческихъ царей“ и, во 2-хъ, прежніе Судебники Іоанна III и Іоанна IV, съ тѣми дополнительными статьями къ нимъ, которыя явились послѣ этихъ Судебниковъ. Что касается „правилъ святыхъ Апостолъ и св. Отецъ и градскихъ законовъ греческихъ царей“, то подъ ними разумѣются тѣ опредѣленія, какія входили въ составъ нашей Кормчей, содержавшей въ себѣ какъ греческій Номоканонъ, такъ и нѣкоторые другіе памятники византійскаго права, о которыхъ мы уже знаемъ изъ исторіи I періода. Духовно-свѣтское византійское законодательство, вошедшее въ составъ нашихъ „Кормчихъ“, создавалось, какъ извѣстно, въ различныя историческія эпохи и отражало на себѣ господство различныхъ юридическихъ идей. Естественно, поэтому, что оно отличалось и различными началами, отразившимися на его содержаніи. Не входя въ подробности, можно отмѣтить по крайней мѣрѣ двѣ характерныя черты духовно-свѣтскаго законодательства памятниковъ, вошедшихъ въ составъ Кормчихъ. Въ то время, какъ постановленія, взятыя изъ „правилъ св. Апостоловъ и св. Отецъ церкви“, дышатъ глубоко-гуманными, христіанскими началами, заимствованія изъ свѣтскаго византійскаго законодательства,—т. е. изъ такъ наз. градскихъ законовъ (подъ которыми надо разумѣть нетолько Прохиронъ, называемый въ Кормчихъ градскимъ закономъ, но и постановленія другихъ греческихъ императоровъ) и частью изъ Моисеева законодательства, — дышатъ суровостью, духомъ мести и нетерпимости. Эти начала Моисеевыхъ законовъ переходятъ потомъ и въ каноническія ученія средне-вѣковой западной церкви; въ Уложеніи же можно отмѣтить только 3—4 статьи, заимствованныя изъ Моисеева закона. Градскіе свѣтскіе законы отразились прежде всего на системѣ уголовныхъ наказаній Уложенія, тогда какъ постановленія духовно-христіанскаго законодательства — на постановленіяхъ памятника, имѣвшихъ нравственно-юридическій характеръ. Такъ, подъ вліяніемъ этого законодательства, Уложеніе требуетъ, напр., отъ дѣтей призрѣнія престарѣлыхъ родителей и родственниковъ; запрещаетъ брать % по долговымъ обязательствамъ; преслѣдуетъ неблагодарность,

уничтожая силу даренія въ тѣхъ случаяхъ, когда одаренный поступитъ неблаговидно по отношенію къ лицу, его одарившему и др. Такъ, далѣе, въ главѣ VIII „объ искупленіи плѣнныхъ“, — устанавливая „полоняникомъ на окупъ збирати ежегодь съ городовъ всего Московскаго государства“... деньги, — Уложеніе напоминаетъ, что „Хрістосъ не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити“... и т. д. Двойственный характеръ началъ законодательства, свѣтскаго и духовнаго, отражается особенно ясно въ тѣхъ случаяхъ, когда Уложеніе сопоставляетъ рядомъ постановленія того и другого законодательства. Такъ, это видно, напр., изъ той главы, гдѣ Уложеніе, назначая с в о е „жестокое“ наказаніе за л ж е п р и с я г у („бить кнутомъ по торгамъ по три дни и, бивъ, посадити въ тюрьму на годъ и впредь ему ни въ чемъ не вѣрити и ни въ какихъ дѣлѣхъ никакого суда не давати“ — глава XI, ст. 27), въ то же время дѣлаетъ, для назиданія и устрашенія клятвопреступника, обширную выпись изъ правилъ св. Отецъ о церковномъ отлученіи за цѣлованіе креста „на кривѣ“ и изъ эклоги царя Леона Премудраго (т. е. Льва Исавра) о томъ, что надлежитъ „кленущемуся во лжю, я з ы к ъ у р ѣ з а т и, аще послѣ обличенъ будетъ“ (ст. 10 гл. XIV[1]), Принципомъ т. н. т а л ь о н а (воздаянія равномѣрнаго м а т е р і а л ь н а г о з л а за зло, причиненное преступленіемъ), иначе говоря принципомъ возмездія (мести), объясняется масса какъ членовредительныхъ наказаній (въ родѣ отсѣченія руки, уха и т. д.), такъ и наказаній, въ родѣ залитія расплавленнымъ металломъ горла фальшивымъ монетчикамъ. Большинство ихъ перешло изъ градскихъ законовъ и Литовскаго Статута. Что касается характера рецепціи права изъ Кормчихъ въ Уложеніи, то надо вообще

1) Приведемъ нѣсколько примѣровъ заимствованій изъ градскихъ законовъ“, удостовѣряемыхъ, между прочимъ, и тѣми помѣтами“, какія сдѣланы были на поляхъ подлинника Уложенія: „кто... измѣною городъ зажжетъ и изыманъ будетъ... самого сжечь безъ всякаго милосердія“ (ст. 4 гл. II). „А будетъ жена учинитъ мужу своему смертное убійство, или окормитъ его отравою... за то ее казнити, живу о к о п а т и въ землю„ (ст. 14 гл. XXII). „А будетъ кто измѣною изъ полковъ начнетъ переѣзжати въ непріятельскіе полки... и такова переѣзщика повѣсити противъ непріятельскихъ полковъ“ (ст. 20 гл. VII). „А будетъ кто... учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительное надругательство, отсѣчетъ руку или ногу... и е м у с а м о м у т о ж е у ч и н и т и“. Послѣдняя статья считается одними учеными заимствованной изъ Моисеева закона, другими — изъ Литовскаго Статута; формально — вѣрнѣе послѣднее, хотя самый принципъ Литовскаго Статута, несомнѣнно, тотъ же, что и въ ст. 47 гл. 45 нашей печатной Кормчей, взятой изъ Моисеева закона и гласящей такъ; „человѣкъ, иже аще убіетъ всяку душу человѣчю, смертію да умретъ,... и аще кто сотворитъ п о р о к ъ ближнему, я к о ж е с о т в о р и и е м у (т. е. потерпѣвшему), т а к о ж е и е м у (т. е. преступнику) сотворятъ“.

замѣтить, что Уложеніе далеко не вездѣ слѣдуетъ буквально иноземнымъ источникамъ Кормчихъ. Оно то сохраняетъ, то измѣняетъ ихъ тамъ, гдѣ это требуется нашею юридическою практикою, въ чемъ можно ясно убѣдиться, сравнивая текстъ Уложенія и заимствованныхъ имъ мѣстъ изъ Кормчихъ. Замѣтимъ въ заключеніе о томъ же источникѣ Уложенія, что вліяніе римско-византійскаго права очень слабо отразилось на гражданскомъ правѣ Уложенія, о чемъ нельзя не пожалѣть.

Вторымъ источникомъ Уложенія предисловіе называетъ старые Судебники и послѣдующее за ними законодательство, предписывая справити (т. е. сличить) послѣднее съ первыми. Какъ совершалось это сличеніе, по какимъ соображеніямъ однѣ статьи Судебниковъ оставлялись неприкосновенными, а другія отбрасывались, прямо сказать нельзя, въ виду того, что до насъ не дошло дѣлопроизводства комиссіи Одоевскаго. Но это сличеніе, однако, должно бы было очень затянуть работу комиссіи, если-бъ она не нашла себѣ значительнаго облегченія въ извѣстныхъ уже намъ Указныхъ книгахъ Приказовъ, гдѣ записывались дополнительныя къ Царскому Судебнику статьи. Нѣкоторые наши ученые, какъ, напр., К. Д. Кавелинъ, думали, что самое распредѣленіе Уложенія по главамъ въ извѣстномъ порядкѣ прямо сдѣлано на основаніи Указныхъ книгъ приказовъ. Такъ., напр., по его мнѣнію, VII гл. Уложенія „о службѣ ратныхъ людей“ составилась изъ записной Указной книги Разряднаго Приказа или „Разряда“, какъ тогда говорили (это былъ Приказъ, вѣдавшій дѣла военнаго управленія); X гл. „о судѣ“ — изъ книгъ разныхъ Судныхъ Приказовъ и т. д. (Подтвержденіе этой гипотезы находимъ въ новѣйшей работѣ С. Б. Веселовскаго относительно XVIII главы[1]). Общій выводъ изъ сказаннаго тотъ, что, если въ Уложеніи есть нѣсколько статей, повторяющихъ Царскій Судебникъ, то еще большее число принадлежитъ статьямъ, взятымъ изъ Указныхъ книгъ Приказовъ, которыя и являются важнымъ источникомъ Уложенія. Въ созданіи Уложенія приняла важнѣйшее участіе Боярская Дума, такъ какъ большая часть дополнительныхъ къ Ц. Судебнику статей, а равно и законодательныхъ отвѣтовъ на статейные списки, созданы при ея участіи. Разсматривая этотъ источникъ Уложенія, мы должны сказать, что, воспріявъ его, изучаемый памятникъ совмѣстилъ въ себѣ плоды практической юридической мысли за долгое время, а потому, между прочимъ, представляется изслѣдователю памятникомъ глубоко-консервативнымъ.

Свѣдѣнія предисловія С. Уложенія

Непосредственно послѣ свѣдѣній о законодательномъ матеріалѣ, на которомъ должно было быть основано С. Уложеніе, а равно и составѣ

1) „Источники XVIII главы Уложенія царя Алексѣя“ (М., 1913 г.).

о З. Соборѣ и о работѣ по составленію Уложенія комиссіею кн. Одоевскаго.

той комиссіи, которая должна была собрать этотъ матеріалъ, слѣдуетъ, въ разбираемомъ нами предисловіи къ Уложенію, выписка изъ царскаго указа о созывѣ Земского Собора[1]). Изъ этого интереснаго мѣста предисловія мы знакомимся съ количествомъ выборныхъ и ихъ распредѣленіемъ по „чинамъ“ на Уложенномъ Соборѣ, а, сопоставляя время, когда это распоряженіе о выборѣ вышло (т. е. 16 іюля) съ указанною памятью въ Обонежскую пятину, посланною изъ Новгородскаго Приказа 28 того-же іюля и назначавшею время сбора выборныхъ въ Москвѣ уже на 1-е сентября, мы видимъ, съ какою быстротою было приступлено къ созыву Собора для „великаго государева и земскаго дѣла“, т. е. для составленія Уложенія. Такъ живо тогда чувствовалась необходимость пересмотра законодательства и созданія новаго кодекса.

За приведенными только что свѣдѣніями о количествѣ выборныхъ по чинамъ, предисловіе говоритъ о подготовительной работѣ князя Одоевскаго, а именно, что „бояре князь Никита Одоевскій съ товарищи, — выписавъ изъ правилъ св. Апостолъ и святыхъ Отецъ, изъ градскихъ законовъ греческихъ царей и изъ старыхъ Судебниковъ прежнихъ великихъ государей и изъ указовъ блаженныя памяти В. Г. Ц. и В. К. Михаила Ѳеодоровича всея Русіи и изъ боярскихъ приговоровъ, и которыхъ статей въ прежнихъ судебникахъ и во указѣхъ прежнихъ государей и боярскихъ приговорѣхъ не написано, и тѣ статьи, написавъ вновь, — Государю приносили. И въ нынѣшнемъ во 157 году (т. е. 7157 г. отъ сотворенія міра, или 1649 г. отъ Р. Х.)

1) для того своего великаго гусударева и земскаго дѣла (т. е. для составленія Уложенія) указалъ Государь, по совѣту съ отцомъ своимъ и богомольцемъ, святѣйшимъ Іосифомъ, патріархомъ Московскимъ и всея Руси, и бояре приговорили („государь указалъ и приговорили“ — обычная въ Москвѣ формула, которой начинались законы, прошедшіе черезъ Боярскую Думу) выбрати: изъ стольниковъ, и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ, и изъ жильцовъ изъ чину по 2 человѣка, также изъ всѣхъ городовъ, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взяти, изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ Новгорода съ пятины — по человѣку (Новгородская область, какъ извѣстно, дѣлились на пятины), а изъ меньшихъ городовъ — по человѣку; а изъ гостей — трехъ человѣкъ, а изъ гостинные и суконные сотенъ (высшихъ тогда разрядовъ торговаго класса) по 2 человѣка, а изъ черныхъ сотенъ, и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ — по человѣку, добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми совсѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и Соборному Уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы“.

октября съ 3-го числа, Г. Ц. и В. К. Алексѣй Мих-вичъ всея Руси“ вмѣстѣ съ Освященнымъ Соборомъ и Б. Думою, „того собранія слушалъ и выборнымъ людемъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы то все Уложеніе впредь было прочно и неподвижно“.

Роль Земскаго Собора и комиссіи кн. Одоевскаго въ составленіи Уложенія. Непосредственное участіе выборнымъ въ составленіи Уложенія.

Остановимся теперь на разрѣшеніи важнаго вопроса о роли Земскаго Собора въ составленіи Уложенія. Вопросъ объ этой роли долго былъ весьма споренъ въ литературѣ объ Уложеніи. Спорнымъ этотъ вопросъ былъ, какъ, благодаря невѣрно понятому учеными тексту предисловія къ Уложенію, дѣйствительно нѣсколько неясному по отношенію къ нашему вопросу — о роли выборныхъ на Соборѣ, — такъ и благодаря тому, что недоставало въ памятникахъ прямыхъ свидѣтельствъ о непосредственномъ участіи выборныхъ въ составленіи Уложенія (теперь эти свидѣтельства есть, и они напечатаны частію къ „Матеріалахъ для исторіи Земскихъ Соборовъ“ В. Н. Латкина). Припомнимъ прежде всего тѣ мѣста предисловія къ Уложенію, въ которыхъ говорится, какъ о работахъ комиссіи Одоевскаго съ товарищами, такъ и объ отношеніи выборныхъ Собора къ этимъ работамъ. Несомнѣнно, что прежде всего необходимо понять сущность той работы, какая была поручена кн. Одоевскому съ „товарищи“, такъ какъ отъ этого пониманія зависитъ — взглядъ на роль самого Земскаго Собора. Строевъ въ своемъ „Историко-юридическомъ изслѣдованіи Уложенія“, а за нимъ Б. Н. Чичеринъ въ своей извѣстной работѣ „О народномъ представительствѣ“ и др. думали, что комиссія Одоевскаго представила вполнѣ готовый проектъ Уложенія, который былъ прочитанъ выборнымъ, а затѣмъ безъ всякихъ измѣненій утвержденъ Соборомъ. По Чичерину — цѣль собранія Земскаго Собора состояла не въ рѣшеніи того или другого вопроса, а въ утвержденіи новаго законодательства памятника. Поэтому „здѣсь нѣтъ“, говоритъ онъ, „ни законодательной дѣятельности собранія, ни обсужденія предлагаемыхъ вопросовъ. Составленное комиссіею Уложеніе читается выборнымъ, и они прикладываютъ къ нему свои руки“. Чичеринъ повторяетъ здѣсь мысль Строева, какъ повторяли ее и другіе, въ числѣ ихъ даже Бѣляевъ и др. Теперь, однако, эта мысль — при тѣхъ новыхъ, частію неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ, матеріалахъ, какими владѣетъ наука, и послѣ новыхъ работъ по вопросу — должна считаться совершенно оставленной. Какъ

само предисловіе къ Уложенію, такъ и другія свидѣтельства, ясно доказываютъ намъ, что комиссіи Одоевскаго была поручена: 1) подготовительная работа по собранію законодательнаго матеріала и 2) формулировка тѣхъ вопросовъ, которые должны были рѣшаться на Соборѣ, но совсѣмъ не окончательное составленіе Уложенія. Если припомнить то мѣсто предисловія, гдѣ говорится о томъ, что было поручено этой комиссіи и что было ею исполнено, то будетъ ясно, что во 1-хъ, комиссія эта должна была „выписать“ изъ „правилъ св. Апостолъ и св. Отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей“ тѣ статьи, которыя „пристойны къ государевымъ и земскимъ дѣламъ“; во 2-хъ, она должна была „собрать“ всѣ старые указы и боярскіе приговоры и затѣмъ „справити“ (т. е. сличить) эти „государевы указы и боярскіе приговоры съ старыми Судебниками“ — все это была работа чисто подготовительная, выполненная, дѣйствительно, комиссіей. Затѣмъ, кромѣ этого, комиссіи Одоевскаго было, какъ говоритъ и предисловіе, дано порученіе сдѣлать еще слѣдующее: „а на которыя статьи (т. е. законодательные вопросы) въ прошлыхъ годѣхъ прежнихъ государей въ Судебникахъ указу не положено, и тѣбы статьи по тому-же написати (т. е. сформулировать) и изложити общимъ совѣтомъ“. Выраженіе „общій совѣтъ“ толковалось Строевымъ, какъ равносильное выраженію „всѣ составители Уложенія“, т. е., по Строеву, — всѣ члены комиссіи кн. Одоевскаго. Но, какъ справедливо замѣтилъ проф. Загоскинъ, подъ этимъ выраженіемъ надо разумѣть именно Земскій Соборъ, такъ какъ само предисловіе говоритъ далѣе, что Уложеніе было чтено „выборнымъ людемъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ“, ясно показывая, что подъ „общимъ совѣтомъ“ надо понимать Земскій Соборъ. Итакъ, если изъ текста предисловія видно, съ одной стороны, что законодательной комиссіи кн. Одоевскаго была поручена подготовительная работа — собраніе матеріала, то, съ другой изъ него-же явствуетъ, что новые вопросы законодательства, не находившіе себѣ матеріала въ прошломъ, комиссія должна была разрѣшить общимъ совѣтомъ съ выборными. Впослѣдствіи мы увидимъ, что вліяніе выборныхъ шло дальше, распространяясь также и на пересмотръ прежняго законодательства; покаже замѣтимъ, что само предисловіе говоритъ о томъ, что часть работы Одоевскаго должна была быть сдѣлана „общимъ совѣтомъ“. Уже изъ этого одного видно, что выборные принимали участіе въ работахъ комиссіи Одоевскаго, и еще съ 60-хъ годовъ мысль Строева о пассивномъ отношеніи выборныхъ къ работѣ князя Одоевскаго, — къ работѣ, подтвержденной де, во

всѣхъ частяхъ своихъ, рукоприкладствомъ выборныхъ, — стала оспариваться. Первымъ здѣсь выступилъ въ 1860 г. проф. Шпилевскій, затѣмъ позднѣе — Сергѣевичъ и Загоскинъ. Строевъ и его послѣдователи основывали свою мысль на невѣрномъ пониманіи какъ только что приведеннаго текста предисловія Уложенія, которое говоритъ о чтеніи выборнымъ Уложенія (см. выше стр. 317). Строевъ понялъ это мѣсто (не имѣя подъ руками тѣхъ данныхъ, какія теперь имѣются налицо) такъ, что выборные пассивно прослушали готовый текстъ Уложенія и закрѣпили его своимъ рукоприкладствомъ, чѣмъ роль ихъ и окончилась на Соборѣ. Это мнѣніе, дѣйствительно, можно вывести изъ даннаго мѣста предисловія. Но, чтобы понять вопросъ правильно, надо прежде всего разрѣшить, что выслушали пассивно выборные и къ чему приложили они руки. Одинъ изъ изслѣдователей Уложенія, проф. Загоскинъ, находилъ, что данное мѣсто очень неопредѣленно, такъ какъ изъ него не видно, что было чтено выборнымъ, и какъ они отнеслись къ этому чтенію. На нашъ взглядъ, это мѣсто предисловія говоритъ о чтеніи выборнымъ и о рукоприкладствѣ уже готоваго проекта, или, иначе говоря, Уложенія въ окончательной его редакціи[1]). Но, если Уложеніе въ окончательной формѣ было чтено выборнымъ, то слѣдуетъ-ли отсюда тотъ выводъ, что участія выборныхъ совсѣмъ не было въ дѣйствительности въ дѣлѣ составленія Уложенія и что именно только комиссіи Одоевскаго, какъ думали прежде, принадлежитъ это составленіе? Уже a priori можно сказать, что — нѣтъ, такъ какъ это участіе могло проявиться не при чтеніи вполнѣ готоваго Уложенія, а раньше, при обсужденіи его проекта, совершалось-ли это обсужденіе въ комиссіи, или въ полномъ составѣ Собора. Какъ-же оно организовалось въ дѣйствительности? Оно организовалось въ 2-хъ формахъ: въ формѣ непосредственнаго участія выборныхъ въ работахъ комиссіи Одоевскаго (путь очень правильный, такъ какъ только въ засѣданіяхъ небольшихъ группъ лицъ, спеціально изучившихъ извѣстный вопросъ, можетъ выработаться редакція закона) и въ формѣ

1) Это видно изъ тѣхъ строкъ предисловія, которыя непосредственно слѣдуютъ за словами, что Уложеніе было „чтено“ выборнымъ: „И указалъ Государь“, говорится въ нихъ, то все Уложеніе написати на списокъ..... и закрѣпити тотъ списокъ. А закрѣпя то Уложеніе руками, указалъ Государь списати (его) въ книгу..... а съ тое книги напечатать многія книги“. „Списать въ списокъ“, „закрѣпить“ и потомъ „списать въ книгу“ можно было только окончательный, вполнѣ выработанный, текстъ Уложенія, и его-то именно и начали выслушивать съ 3-го октября безмолвно выборные, если держаться буквально текста.

подачи выборными З. Собора челобитій на имя государя о тѣхъ или иныхъ законодательныхъ вопросахъ, обсуждавшихся комиссіею и казавшихся выборнымъ особенно важными.

Остановимся пока на первой формѣ — на непосредственномъ участіи выборныхъ въ законодательныхъ работахъ Одоевскаго. Это непосредственное участіе безспорно констатировано, сравнительно, только недавно, послѣ появленія указанныхъ уже выше „Матеріаловъ для исторіи Земскихъ Соборовъ“ проф. Латкина и др. Изъ нихъ мы узнаемъ, что нѣкоторые изъ выборныхъ участвовали въ работахъ комиссіи Одоевскаго, за что и получали жалованье [1]), повидимому, не дававшееся тѣмъ выборнымъ, которые въ работахъ не участвовали [2]). Мы не знаемъ, конечно, что именно дѣлали выборные, сидя „съ бояры“ комиссіи Одоевскаго, т. к. дѣлопроизводство этой комиссіи не дошло до насъ. Но, пріѣхавъ въ Москву еще до 1-го сентября 1648 года (по современному нашему лѣтосчисленію; къ этому времени, какъ извѣстно, созывался Соборъ) и начавъ свое сидѣнье съ боярами въ сентябрѣ, если не раньше, выборные оставались на Москвѣ около полугода. Здравый смыслъ говоритъ, что жить въ Москвѣ такъ долго безъ дѣла, получая при этомъ жалованіе, выборные не могли: они, несомнѣнно, принимали участіе въ работахъ по составленію Уложенія. На это есть прямое указаніе въ тѣхъ-же „Матеріалахъ“, изъ которыхъ видно, что еще въ половинѣ января 1649 года выборные отъ царскаго и отъ земскаго дѣла не отдѣлались [3]), иначе говоря —

1) Такъ въ „памяти“ дьяку Силину о вознагражденіи денежнымъ жалованьемъ выборныхъ изъ Одоева, говорится слѣдующее: „да въ нынѣшнемъ въ 157 году, генваря 17 день, Хвалимера Шатилова, да Федора Колупаева пожаловалъ Государь: велѣлъ имъ своего государева денежнаго жалованья придачи учинить, къ прежнимъ ихъ окладамъ, по 5 рублевъ человѣку, за то, что они въ нынѣшнемъ въ 157 году (т. е. 1649 г.) по выбору Одоевскихъ всякихъ чиновъ людей были на Москвѣ для государевыхъ и земскихъ дѣлъ въ приказѣ съ бояры: со княземъ Н. И. Одоевскимъ, да съ княземъ С. В. Прозоровскимъ да съ окольничимъ со княземъ Ф. Ф. Волконскимъ и съ дьяками“ ... (стр. 69). Какъ уже извѣстно, всѣ только-что названныя лица, съ которыми „были въ приказѣ“ выборные, именно составляли собою комиссію князя Одоевскаго „съ товарищами“. — „Быть въ приказѣ“ съ кѣмъ-либо значило, на старинномъ языкѣ нашемъ, участвовать въ той работѣ, которую данному лицу было поручено, или „приказано“, дѣлать.

2) Послѣдніе получали за участіе свое на Земскомъ Уложенномъ Соборѣ только освобожденіе отъ различнаго рода сборовъ, отъ постойной повинности и др. (Акты, относящіеся къ исторіи Земскихъ Соборовъ, стр. 62 и сл.).

3) Такъ въ грамотѣ боярину Салтыкову и дьяку Шипулину въ Ярославль и Кострому отъ 13-го января 1649 года, говорится слѣду

не отдѣлались отъ участія въ составленіи Уложенія, для чего они призывались въ Москву.

Изъ приведенныхъ актовъ видно также, что совмѣстная работа комиссіи кн. Одоевскаго и Собора по составленію Уложенія продолжалась, по крайней мѣрѣ, полгода. Значитъ Уложеніе не было совершенно окончено, какъ думали послѣдователи Строева, комиссіею кн. Одоевскаго въ $2\,^1/_2$ мѣсяца (именно съ 16-го іюля, когда комиссія была образована, по 3-е октября, когда началось чтеніе Уложенія). Притомъ для начала чтенія Уложенія, конечно, должна была быть готова только часть проекта, что и подтверждается еще другими данными [2]). Затѣмъ и въ такъ называемомъ „послѣсловіи“ къ Уложенію есть одно выраженіе, которое, въ сопоставленіи съ вышесказаннымъ, еще сильнѣе убѣждаетъ насъ, что выработка окончательнаго проекта Уложенія, продолжаясь постепенно, закончилась только въ исходѣ января. Это выраженіе послѣсловія гласитъ такъ: „совершена сія книга (т. е. Уложеніе) повелѣніемъ В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣя Мих..... лѣта 7157 (1649), генваря въ 29 день“. Прежде относили этотъ срокъ къ напечатанію

ющее: въ спискахъ написаны у насъ (т. е. въ спискахъ по Ярославлю и Костромѣ) дворяне и дѣти боярскіе разныхъ городовъ, тѣ, которымъ по нашему указу велѣно быти на Москвѣ для нашего и земскаго дѣла. И тѣмъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ съ вами въ Ярославлѣ и на Костромѣ у разбору и у денежнаго жалованья быти не велѣно потому, что они на Москвѣ отъ нашего и отъ земскаго дѣла не отдѣлались, а наше денежное жалованье дано имъ на Москвѣ“ (Матеріалы для исторіи З. Соборовъ, стр. 72).

2) До насъ, напр., дошли челобитья выборныхъ отъ 30-го октября и 25-го ноября 1648 года, касающіяся вопросовъ, разрѣшенныхъ въ главѣ XIX Уложенія (Ак. Арх. Э. т. IV, № 32, I и II). Какъ доказано теперь проф. Загоскинымъ, эти челобитья, несомнѣнно, дали содержаніе многимъ статьямъ гл. XIX Уложенія „о посадскихъ людяхъ“. Естественный выводъ отсюда тотъ, что только послѣ 25-го ноября была готова глава XIX; а эта глава, какъ извѣстно, еще не послѣдняя въ Уложеніи (оно состоитъ изъ 25 главъ). И эти челобитья, и пребываніе выборныхъ въ Москвѣ до января указываютъ намъ, что Уложеніе сочинялось постепенно, что комиссія Одоевскаго не имѣла вполнѣ готоваго проекта къ началу чтенія, т. е. къ 3-му октября. Допуская противное, надо будетъ во 1-хъ удивляться (и въ прежнихъ трудахъ объ Уложеніи это удивленіе дѣйствительно высказывается) чрезмѣрной быстротѣ, съ которой комиссія могла составить столь обширный кодексъ, какъ Уложеніе; нельзя будетъ объяснить, во 2-хъ, зачѣмъ жили на Москвѣ выборные около полугода, если дѣло стояло только за прочтеніемъ имъ Уложенія и за ихъ рукоприкладствомъ, какъ думали послѣдователи Строева, и въ 3-хъ, наконецъ, будетъ непонятно, почему къ печатанію Уложенія приступлено было только послѣ указа отъ 7 апрѣля 1649 г., какъ это нынѣ извѣстно („Матеріалы“ и пр., стр. 188).

Уложенія. Но, не говоря уже о томъ, что теперь достовѣрно извѣстно, что къ напечатанію Уложенія было приступлено не раньше 7-го апрѣля, предисловіе даетъ возможность понять, что выраженіе „совершена сія книга“ относится лишь къ списку съ подлинника, закрѣпленнаго руко-прикладствомъ Собора: „а закрѣпя-то Уложеніе руками“, говоритъ предисловіе, „указалъ Государь (его) списати въ книгу и закрѣпити тое книгу дьякамъ Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоѣдову, а съ тое книги ... напечатать многія книги“ ... Вотъ это-то „списаніе въ книгу“, т. е. въ списокъ, имѣвшій видъ книги, и было „совершено“ 29-го января 1649-го года. Итакъ, несомнѣнно, что комиссія Одоевскаго не представила къ 3-му октября 1648 г. вполнѣ готоваго Уложенія, которое было лишь „чтено“ выборнымъ; несомнѣнно, что Уложеніе вырабатывалось постепенно и было окончено не раньше января 1649 года, [illegible] выборные участвовали въ работахъ комиссіи Одоевскаго, или лично, или подавая на имя царя, [illegible] челобитья. Было-ли, кромѣ того, допускаемое обсужденіе, если не всего памятника въ цѣломъ, то его частей на Соборѣ, въ полномъ составѣ его двухъ палатъ[1])? Можно думать, что да, такъ какъ и само Уложеніе говоритъ о нѣкоторыхъ статьяхъ, что ихъ „Соборомъ уложили“ (42 ст., гл. XVII и др.); есть и другія свѣдѣнія о томъ-же[2]).

Вліяніе челобитій выборныхъ на содержаніе

Кромѣ непосредственнаго участія въ работахъ комиссіи Одоевскаго, вліяніе выборныхъ З. Собора сказалось въ тѣхъ челобитьяхъ, которыя ими подавались царю и которыя потомъ

---

1) Указаніе на двѣ палаты имѣется въ самомъ предисловіи къ Уложенію, гдѣ сказано, что „какъ то Уложеніе ... чтено (было) выборнымъ людямъ и въ то время въ отвѣтной палатѣ (такъ назывался залъ, гдѣ бояре вели переговоры съ иноземными послами, или — какъ тогда говорили — „были съ ними въ отвѣтѣ“), по государеву указу сидѣлъ бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій и съ нимъ выборные люди“; царь-же слушалъ „чтеніе Уложенія съ Освящ. Соборомъ и членами Б. Думы, но не съ выборными.

2) Такъ, напр., въ одной царской грамотѣ о челобитьѣ различныхъ выборныхъ служилыхъ людей (по вопросу о бѣглыхъ крестьянахъ), доложенномъ царю княземъ Одоевскимъ „съ товарищи“, говорится слѣдующее: „Мы, Великій Государь ... слушавъ челобитья ... совѣтовавъ съ отцемъ нашимъ ... патріархомъ ... и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, и говорили съ нашими бояры и съ окольничьими, и съ думными людьми, и со стольники, и со стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ городовыми дворяны, и съ дѣтьми боярскими всѣхъ городовъ, которые намъ били челомъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, и мы указали, и Соборомъ уложили“ (А. А. Э., т. IV, № 30).

С. Уложенія, въ связи съ вопросомъ объ общемъ значеніи челобитій на Москвѣ.

дали содержаніе многимъ важнѣйшимъ статьямъ Уложенія. Необходимо вообще отмѣтить, что челобитья во 2-ой половинѣ Московскаго періода являются важнымъ источникомъ права, почему ихъ вліяніе на Уложеніе не представляетъ собою ничего чрезвычайнаго. Несомнѣнно, что вліяніе челобитій на московское законодательство есть очень характерная, весьма богатая послѣдствіями, особенность этого времени. Вліяніе это значительно ослабѣваетъ лишь въ слѣдующій петербургскій періодъ. Роль челобитій была на Москвѣ столь велика, что изслѣдователь ихъ, И. И. Дитятинъ, находилъ даже возможнымъ утверждать, что государь московскій, будучи de jure единственнымъ источникомъ закона, въ своей дѣятельности законодателя, въ своей великой роли управителя обширнаго Московскаго Государства, ничего не творитъ изъ себя самого. Если эту мысль и нельзя принять въ столь безусловной формѣ, такъ какъ есть много законодательныхъ актовъ, изданныхъ безъ челобитья о томъ со стороны подданныхъ, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что различные слои государства, дѣйствительно, безпрестанно на Москвѣ бьютъ челомъ государю, а онъ, „Царь и В. князь, ихъ жалуетъ, ими просимое даруетъ имъ и узаконяетъ его“. Несомнѣненъ также фактъ, что „челобитья“ затрагивали всѣ вопросы жизни, касались, какъ частныхъ, такъ и общихъ нуждъ и потребностей. Напомнимъ, какъ примѣръ только, что отмѣна въ областяхъ правительственнаго управленія и замѣна его земскимъ самоуправленіемъ, введеніе такъ назыв. „губныхъ грамотъ“, закрѣпленіе крестьянъ, пересмотръ правительствомъ законодательства и созданіе новыхъ кодексовъ (какъ, напр., Уложенія) и уставовъ (какъ, напр., Новоторговаго устава 1667 г.) и т. д., совершалось подъ вліяніемъ челобитій и частію въ томъ направленіи, какое ими указывалось.

Два важныхъ вывода необходимо сдѣлать изъ этого вліянія челобитій на законодательство. Если мы, — сравнивая содержаніе челобитій съ тѣмъ, что, по выслушаніи ихъ, являлось потомъ въ видѣ закона, — замѣчаемъ, что содержаніе послѣдняго, въ важнѣйшихъ случаяхъ, совпадаетъ съ содержаніемъ челобитій, то мы въ правѣ сказать, что это отношеніе правительства къ челобитьямъ подданныхъ даетъ самому законодательству весьма яркую окраску законодательства народнаго, основаннаго на вниманіи законодателя къ нуждамъ и потребностямъ населенія. Въ Московскомъ государствѣ поэтому почти невозможны были случаи появленія законовъ, подобныхъ тѣмъ, которые стали часты у насъ въ XVIII в. и которые шли совершенно въ раз-

рѣзъ съ народными юридическими воззрѣніями, вѣками слагавшимся. „Вліяніе челобитій на законодательство“, говоритъ проф. Загоскинъ (подтверждая свою мысль многочисленными примѣрами), „даетъ возможность обнаружить односторонность и ошибочность, нерѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчающихся воззрѣній на Московскую Русь, какъ на эпоху государства грубой силы, какъ на вотчинно-полицейское государство“. Въ основѣ вниманія къ челобитьямъ, этимъ петиціямъ народнымъ, лежала, несомнѣнно, та здравая мысль, что законодательныя мѣры правительства должны отвѣчать потребностямъ и интересамъ страны. И нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль спасала государство отъ многихъ бѣдъ, а самимъ законодательнымъ нормамъ придавала нерѣдко большую жизненность.

Отмѣчая это плодотворное вліяніе челобитій на законодательство, нельзя закрыть глазъ на другое слѣдствіе этого вліянія, отрицательнаго, однако, значенія. На Москвѣ подача челобитій не была всегда разумно организована; поэтому она одинаково могла исходить и отъ малыхъ, и отъ большихъ общественныхъ группъ, взывать о защитѣ интересовъ частныхъ и общихъ. Въ этомъ, конечно, не было еще большой бѣды, если-бы Московское правительство умѣло, или могло, всегда брать на себя заботу уясненія, что въ этихъ челобитьяхъ подлежало, съ точки зрѣнія общихъ пользъ государства и общества, и что не подлежало, удовлетворенію. Но этого нельзя всегда отмѣтить въ дѣятельности Московскаго правительства. Скорѣе бросается въ глаза стремленіе правительства временно только удовлетворять тому или иному, выраженному въ челобитьяхъ, желанію. Отсюда то изумительное колебаніе указной практики государей, та неустойчивость Московскаго законодательства, которая обращаетъ на себя вниманіе. Получена челобитная и удовлетворена соотвѣтственнымъ указомъ, напр., въ январѣ. Но такъ какъ обычай дозволялъ бить челомъ (и не однажды) и противъ указа (т. е. не смотря на недавнее законодательное разрѣшеніе даннаго вопроса), то неудивительно, что установленное въ январѣ мѣнялось къ лѣту, а это послѣднее могло уничтожиться въ слѣдующемъ году (такъ, извѣстны, напр., колебанія правительства по вопросу о возвращеніи бѣглыхъ крестьянъ, длившіяся цѣлые годы и дававшія кратковременныя удовлетворенія то однимъ, то другимъ классовымъ интересамъ).

Посмотримъ теперь, какъ велико было вліяніе челобитій на содержаніе Уложенія. Проф. Загоскинъ, — идя по пути, намѣченному Шпилевскимъ, Щаповымъ и особенно Сергѣевичемъ —, находилъ, что числа статей Уложенія, созданныхъ подъ влія-

ніемъ челобитій, равно 82 статьямъ, т. е. 8,5% всего количества статей памятника (Рѣчь, стр. 56). Этотъ выводъ проф. Загоскина доселѣ въ литературѣ вопроса остается, въ общемъ, непоколебленнымъ. Доказательства, которыми владѣетъ наука для рѣшенія вопроса, таковы: во первыхъ, есть статьи, о которыхъ само Уложеніе свидѣтельствуетъ, какъ о составленныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ челобитій выборныхъ; во 2-хъ есть рядъ статей, сравненіе содержанія которыхъ съ дошедшими до насъ челобитными, прямо указываетъ, что эти статьи повторяютъ основныя положенія челобитныхъ. Важно здѣсь отмѣтить притомъ еще то, что большинство статей, созданныхъ подъ вліяніемъ челобитій, разрѣшаютъ собой наиболѣе жизненные вопросы, занимавшіе тогдашнее общество. Приведемъ примѣры, гдѣ на челобитья указываетъ само Уложеніе. Такъ въ статьѣ I-ой, гл. XIII-ой „о Монастырскомъ Приказѣ“ читаемъ, что государь „по челобитью“ выборныхъ З. Собора, „указалъ Монастырскому Приказу быти особно“[1]. Смыслъ этого челобитья таковъ: до Уложенія судъ на представителей духовенства, на монастыри (а также и на всѣхъ, числившихся за ними, крестьянъ, или на состоявшихъ у нихъ на службѣ людей) давался въ Приказѣ Большаго Дворца. Это было выраженіемъ особаго уваженія къ духовенству со стороны государей, которое создавало, однако, для населенія большія неудобства. Исключительная привиллегія, данная духовенству, монастырямъ и ихъ крестьянамъ, быть судимыми въ одномъ только Приказѣ Большаго Дворца, причиняла всѣмъ „большую волокиту въ суднымъ дѣлахъ съ духовенствомъ“. Удовлетворяя челобитья выборныхъ Собора, Уложеніе создаетъ новый Монастырскій Приказъ, долженствовавшій вѣдать судъ

1) Въ статьѣ I-ой главѣ XIII-ой о „Монастырскомъ Приказѣ“ читаемъ слѣдующее: на митрополитовъ и на архіепископовъ и епископовъ и на ихъ приказныхъ и дворовыхъ людей ... на ихъ крестьянъ и на монастыри и т. д. ... во всякихъ дѣлѣхъ по нынѣшнее Государево Уложеніе судъ даванъ въ Приказѣ Большаго Дворца“ (это былъ Приказъ, вѣдавшій доходы и расходы государева двора, а также судившій всѣхъ приписанныхъ къ государеву двору лицъ; онъ же вѣдалъ и судъ надъ духовенствомъ). „А нынѣ“, продолжаетъ Уложеніе, „Г. Ц. и В. кн. Алексѣй Мих. всея Руси, по челобитью стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и гостинные и суконные и иныхъ разныхъ сотенъ и слободъ и городовыхъ и торговыхъ и посадскихъ людей, указалъ Монастырскому Приказу быти особно“. Если припомнить то мѣсто предисловія къ Уложенію, въ которомъ говорится о различныхъ разрядахъ выборныхъ З. Собора, то будетъ ясно видно, что только-что перечисленные разряды челобитчиковъ совершенно совпадаютъ съ разрядами выборныхъ З. Собора.

надъ лицами духовнаго вѣдомства. Но исключительная привиллегія духовенства, далѣе, въ той-же гл. XIII-ой Уложенія, ослаблялась еще и тѣмъ, что при встрѣчныхъ искахъ на представителей духовенства, начиная съ сана архимандрита, и на всѣхъ крестьянъ духовенства и монастырей дозволялось искать въ общихъ Приказахъ (ст. 2, гл. XIII) и пр. Всѣ эти ограниченія въ привиллегированной подсудности духовенства были тогда очень важны и вызывали неудовольствіе со стороны духовенства. Такъ, напр., Никонъ въ своихъ знаменитыхъ отвѣтахъ Паисію и Стрѣшневу, называетъ Уложеніе „дьявольскимъ закономъ“, а Одоевскаго — „лжи предтечею“, „богопротивникомъ“, „богоборцемъ“ и т. д. Уложеніе называется такъ строптивымъ патріархомъ, впрочемъ, не за одинъ Монастырскій Приказъ, но и за другія ограниченія правъ духовенства, а равно и за допускаемыя имъ отступленія отъ каноническихъ правилъ. Объ этихъ отступленіяхъ самъ Никонъ говорилъ слѣдующее: „и о сей проклятой книгѣ многажды глаголахомъ царскому величеству, чтобъ искоренить ее, и да держится Божественныя и Св. Евангелія заповѣди и св. Апостоловъ, и св. Отецъ правила и древнихъ благочестивыхъ царей законы“. Небезъинтересно, что во взглядѣ на Уложеніе патріархъ Никонъ сошелся съ нѣкоторыми демократическими согласіями старообрядцевъ, также называвшихъ Уложеніе „богопротивною“, „антихристовою“ книгою.

Изъ другихъ ограниченій правъ духовенства, отмѣтимъ еще содержащееся въ ст. 42-ой главы XVII-ой Уложенія. Ею было запрещено, — также въ удовлетвореніе челобитья выборныхъ, — „впредь съ нынѣшняго Уложенія“ духовнымъ лицамъ и монастырямъ пріобрѣтать вотчины куплею, или черезъ взятіе ихъ „на поминъ души“ (причемъ Помѣстному Приказу запрещено было записывать у себя подобныя сдѣлки). Въ текстѣ Уложенія и объ этой статьѣ говорится прямо, что ее „Соборомъ уложили“. Чтобы понять важность этого опредѣленія ст. 42-ой главы XVII-ой, надо замѣтить слѣдующее. Къ XVII-му вѣку въ рукахъ духовныхъ лицъ и монастырей накопилась масса земель, съ которыхъ ими не платилось податей и не неслось повинностей въ пользу государства. Кромѣ того, на этихъ земляхъ сидѣли тысячи людей, обязанныхъ тягломъ только своимъ владѣльцамъ и изъятыхъ тогда — въ силу судебныхъ иммунитетовъ, — отъ общей подсудности государству. Прельщаемые льготами, — какія могли даваться поселенцамъ этими привиллегированными собственниками, т. е. монастырями и духовенствомъ, — на ихъ земли уходили крестьяне изъ общинъ и отъ частныхъ лицъ (въ особенности — отъ мелкихъ собственниковъ). Двойное зло происходило отсюда. Съ одной

стороны, терпѣло государство, такъ какъ отъ службы и отъ податей уходили значительныя недвижимыя богатства, между тѣмъ какъ постоянною заботою Московскаго государства было, „чтобъ земля изъ службы не выходила“. Съ другой — терпѣли отъ этихъ переходовъ частныя лица, а также и тяглые люди, такъ какъ уходъ съ черныхъ земель крестьянъ и ихъ „закладничество“ за монастыри и духовенство увеличивали собственныя податныя тягости оставшихся. Правительство давно (именно еще съ Іоанна III) было озабочено мѣрами, отчасти къ секуляризаціи, отчасти къ ограниченію распространенія земельныхъ владѣній духовныхъ лицъ и учрежденій. Такимъ образомъ челобитье выборныхъ касалось очень важнаго и назрѣвшаго вопроса. Интересно, что оно было удовлетворено только въ одной своей части, а именно — по отношенію къ запрещенію духовенству и монастырямъ пріобрѣтать вотчины впредь, т. е. со времени Соборнаго Уложенія. Выборные-же просили, чтобы „государь указалъ у патріарха, у властей, и монастырей... земли взять на себя, государя, которыя даваны съ 88 году“ (т. е. съ 1580 г.), когда было рѣшено соборнымъ приговоромъ, отъ 15 января этого года, запретить духовенству и монастырямъ пріобрѣтеніе вновь вотчинъ. Но, правительство не рѣшилось удовлетворить этому ходатайству выборныхъ вполнѣ, да и въ той его части, которая была удовлетворена въ 42-ой статьѣ гл. XVII-ой Уложенія, оговорило, что она „уложена Соборомъ“, какъ-бы снимая съ себя отвѣтственность за рѣшеніе, естественно, ненравившееся сильнымъ духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ.

Обращаясь къ нѣкоторымъ другимъ статьямъ Уложенія и сравнивая ихъ содержаніе съ дошедшими до насъ челобитьями, мы убѣждаемся рѣшительно въ томъ, что эти статьи составлены прямо въ духѣ челобитій, — хотя Уложеніе само и умалчиваетъ объ этомъ. Таковы, напр., нѣкоторыя статьи главы XIX о „посадскихъ людѣхъ“. Суть этихъ статей состоитъ въ томъ, что Уложеніе, — слѣдуя двумъ челобитьямъ выборныхъ людей, поданнымъ, какъ это видно изъ одного дошедшаго до насъ акта, 30-го октября 1648 г. (А. А, Э., т. IV, № 32) отъ лица выборныхъ, какъ служилаго, такъ и торговаго сословія (обѣ челобитныя просятъ объ одномъ и томъ-же),—устанавливаетъ такое общее правило: „впредь, опричь государевыхъ слободъ, ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быти“. Чтобъ понять это правило, надо замѣтить слѣдующее о древнихъ русскихъ посадахъ и посадскихъ людяхъ: посадами назывались неогражденныя сначала поселенія вокругъ города. Одни посады и слободы являлись поселеніями, устроивавшимися на государевой (государственной) землѣ, другіе

—на частно-владѣльческой. По роду занятій жители первыхъ очень мало отличались отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, такъ какъ вели не только торговлю, но и занимались земледѣліемъ, огородничествомъ и пр. Однако, между ними и частно-владѣльческими крестьянами было то важное различіе, что посадскіе, сидѣвшіе на государевой землѣ, состояли въ тяглѣ самого государства, т. е. несли повинности непосредственно въ пользу государства (подобно волостнымъ чернымъ людямъ, или государевымъ крестьянамъ). И вотъ отъ выборныхъ этихъ-то посадскихъ людей, плативших тягло въ государеву казну, и подаются царю челобитныя, въ которыхъ разсказывается, что около Москвы и другихъ городовъ, на мѣстахъ городскихъ выгоновъ, устраиваются патріаршія, монастырскія и другія слободы, а въ тѣхъ слободахъ живутъ торговые и ремесленные люди, принадлежащіе духовенству, монастырямъ, боярамъ и пр., люди, „которые всякими промыслы промышляютъ и лавками владѣютъ, а государевыхъ податей не платятъ и службы не служатъ, живутъ всегда во льготѣ„ . . . Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что эти люди, находясь въ привиллегированномъ положеніи сравнительно съ государевыми посадскими людьми, а именно, не неся государевыхъ податей и повинностей, являлись сильными конкуррентами въ торговлѣ и промыслахъ тяглымъ посадскимъ и причиняли имъ своимъ „сусѣдничествомъ“ большіе убытки. И вотъ челобитья просятъ государя: „велѣть учинить противъ прежняго, какъ бывало . . . при прежнихъ государяхъ, чтобы вездѣ было все его государство, а патріаршимъ бы и монастырскимъ и боярскимъ и иныхъ всякихъ чиновъ слободамъ и пашнямъ и лавкамъ — (на Москвѣ и по городамъ) . . . ни за кѣмъ не быть“. Уложеніе, прямо слѣдуя челобитьямъ, беретъ слободы означенныхъ лицъ и учрежденій „на государя“ и запрещаетъ впредь устройство „опричь государевыхъ слободъ (т. е. слободъ, населенныхъ тяглыми государевыми людьми) какихъ-либо частно-владѣльческихъ, не-государственныхъ, слободъ на Москвѣ и въ городахъ. Только что указанное челобитье представляется для насъ важнымъ еще и потому что путь, которымъ оно прошло, даетъ намъ возможность видѣть, какъ выборные Собора достигали своихъ цѣлей[1]).

1) Въ одномъ памятникѣ, — именно въ такъ называемой переписной книгѣ сыскныхъ дѣлъ, гдѣ данныя челобитья выборныхъ приводятся, — говорится слѣдующее: „въ нынѣшнемъ во 157 году (1649 г.), октября въ 30-й день, били челомъ Государю . . . (перечисляются разряды челобитчиковъ) и въ челобитной ихъ

До насъ дошло и другое челобитье, доложенное государю, и давшее содержаніе еще одному важному постановленію С. Уложенія. Такъ въ 1648 году „дворяне московскіе и жильцы и городовые дворяне и дѣти боярскіе и всѣхъ городовъ служилые люди били челомъ государю о томъ, чтобы было имъ позволено „сыскивать безъ урочныхъ лѣтъ“ ихъ бѣглыхъ крестьянъ (А. Ист., т. I, № 30). И эта челобитная была доложена царю комиссіею Одоевскаго: „И мы, великій Государь Царь“ — . . . говоритъ грамота, содержащая челобитную, — „слушавъ челобитья . . . совѣтовавъ съ . . . Патріархомъ . . . и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ и говорили съ нашими бояры, и съ окольничими, и съ думными людьми, и со стольники, и со стряпчими, и съ дворяны московскими, и съ городовыми дворяны, и съ дѣтьми боярскими всѣхъ городовъ, которые намъ били челомъ о бѣглыхъ крестьянѣхъ, и мы указали и Соборомъ уложили: генваря со 2-го числа нынѣшняго 157 года бѣглыхъ крестьянъ и бобылей отдавать всякихъ чиновъ людемъ . . . безъ срочныхъ лѣтъ“. . . . Это челобитье дало содержаніе 1-ой и 2-ой статьямъ XI-ой главы Уложенія, называющейся „Судъ о крестьянахъ“, равно какъ и нѣкоторымъ слѣдующимъ ея статьямъ, развивающимъ тѣ же положенія. Значеніе этого челобитья, „уложеннаго Соборомъ“, слѣдующее: челобитчики, мелкіе собственники, просили объ отмѣнѣ такъ называемыхъ „урочныхъ“ или „срочныхъ“ лѣтъ. „Урочными“ или „срочными годами“ назывались годы, назначенные владѣльцамъ для отыскиванія ихъ бѣглыхъ крестьянъ. Эти годы долго колебались между 5-ю и 15-ю годами, пока совершенно не были отмѣнены Уложеніемъ, которое дозволило владѣльцамъ отыскивать бѣглыхъ крестьянъ и возвращать ихъ себѣ безсрочно, т. е. черезъ сколько-бы лѣтъ ихъ владѣлецъ ни нашелъ у другого. Въ приведенномъ челобитьѣ указанъ и мотивъ, почему мелкіе владѣльцы просили объ этой отмѣнѣ: они „по вся годы бываютъ . . . на службахъ и имъ въ

написано . . . (излагается само челобитье, сущность котораго была приведена нами выше). Затѣмъ сказано слѣдующее: „и въ 157 году, ноября 13-го, потому челобитью . . . докладывали В. Государя Царя . . . бояре князь Н. И. Одоевскій, да князь С. В. Прозоровскій, да окольничій кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій, да дьяки Г. Леонтьевъ, да Ѳ. Грибоѣдовъ. И. В. Г. Царь . . . слушавъ челобитья . . . указалъ и бояре приговорили“ . . . (дальше слѣдуетъ утвержденіе челобитья). Изъ этого мѣста видно, что выборные подавали Царю, черезъ комиссію князя Одоевскаго, челобитья, которыя обсуждались Царемъ и Б. Думою, а затѣмъ утверждались, какъ было въ данномъ случаѣ, причемъ утвержденное такимъ путемъ челобитье уже прямо давало содержаніе тѣмъ или инымъ статьямъ Уложенія.

тѣ указаные лѣта тѣхъ своихъ крестьянъ сыскивать и провѣдать немочно, потому что де тѣ ихъ бѣглые крестьяне, *вѣдаючи* указные лѣта и *живучи за сильными людьми и за монастыри*, переходятъ изъ вотчины въ вотчину, хотя указные лѣта выжить и отъ ихъ стариннаго крестьянства отбыть". Правительство, послѣ долгихъ колебаній, склоняется, наконецъ, на сторону *мелкихъ*, сравнительно, собственниковъ-дворянъ (какъ они стали называться позднѣе): оно было къ этому вынуждено необходимостью обезпечить за ними крестьянъ, чтобы, въ свою очередь, не слышать отъ нихъ жалобъ на невозможность исправно нести службу въ войскѣ, въ которомъ они составляли тогда главный контингентъ.

Дворянское землевладѣніе, — вообще начинающее играть крупную роль въ государствѣ послѣ смутъ междуцарствія, — получаетъ здѣсь особенно сильную поддержку. Послѣдствія этой мѣры объ урочныхъ годахъ (отмѣненныхъ Уложеніемъ) и закрѣпившихъ *окончательно* крестьянъ, были, какъ извѣстно, очень печальны. Но, нельзя не отмѣтить, что и эта мѣра была „уложена Соборомъ", по челобитью извѣстной части его членовъ. Общее заключеніе изъ всего сказаннаго будетъ то, что З. Соборъ принималъ, въ лицѣ своихъ выборныхъ, важное участіе въ составленіи Уложенія, именуемаго вполнѣ справедливо, поэтому, *Соборнымъ* [1]).

Литовскій Статутъ, какъ одинъ изъ первоисточниковъ С. Уложенія.

Обратимся еще къ одному первоисточнику Уложенія, неназываемому предисловіемъ, но игравшему въ нашемъ памятникѣ очень важную роль, а именно къ Литовскому Статуту. Указаніе на этотъ источникъ имѣется, какъ въ самомъ подлинномъ спискѣ Уложенія (на поляхъ котораго 56 *статей* отмѣчены, какъ взятыя изъ Литовскаго Статута), такъ и въ другихъ памятникахъ, при чемъ надо замѣтить, что въ

1) Можно указать еще нѣсколько опредѣленій, создавшихся подъ вліяніемъ челобитій, или вобще при участіи выборныхъ. Такова, напр., по мнѣнію проф. Н. П. Загоскина, глава VIII „объ искупленіи плѣнныхъ". Таковы „17 статей", написанныхъ „*вновь*". Извѣстно уже, что комиссіи Одоевскаго, кромѣ подготовки законодательнаго матеріала, было поручено сформулировать статьи по тѣмъ вопросамъ, на которыхъ не было опредѣленій въ прежнемъ законодательствѣ и которые надо было изложить *вновь* „*общимъ совѣтомъ*" съ выборными. Такихъ статей насчитывается 17-ть, на основаніи, между прочимъ, тѣхъ *помѣтъ*, какія сдѣланы на поляхъ подлинника Уложенія. На этомъ подлинникѣ, противъ 177 *статей* сдѣланы указанія на источники, откуда эти статьи заимствованы и противъ 17 ст. отмѣчено „*вновь*". Эти „вновь" съ участіемъ выборныхъ составленныя статьи также касались важныхъ вопросовъ. Вопросъ о томъ, какія статьи надо считать „новыми", вызвалъ споры (см. „Объ источникахъ Соборнаго Уложенія" Г. Н. Шмелева, Ж. М. Н. Просв., 1900, октябрь).

дѣйствительности, заимствованія идутъ гораздо далѣе, чѣмъ это отмѣчено на подлинномъ Уложеніи.

Прежде, чѣмъ однако, рѣшить, что взято Уложеніемъ изъ Статута, скажемъ, почему предисловіе не упоминаетъ объ Л. Статутѣ въ числѣ источниковъ. Вопросъ рѣшается очень просто тѣмъ соображеніемъ, что этотъ памятникъ древняго литовско-русскаго права, въ эпоху созданія Уложенія, совсѣмъ уже и не былъ новымъ для насъ источникомъ права, на который слѣдовало бы указать отдѣльно. Извѣстно, что Литовскій Статутъ началъ усвояться нашею практикой гораздо раньше созданія Уложенія, доказательствомъ чему служатъ тѣ-же „Указныя книги Приказовъ“. Такъ, до насъ дошли нѣкоторыя „дополнительныя“ статьи ко 2-му Судебнику, прямо взятыя изъ Литовскаго Статута (онѣ сохранились въ такъ наз. „эрмитажномъ сборникѣ дополнительныхъ къ Судебнику статей“), такъ что комиссія Одоевскаго, дѣлая указанное ей сличеніе старыхъ Судебниковъ съ новымъ законодательнымъ матеріаломъ, появившимся послѣ нихъ, нашла нѣкоторыя части Литовскаго Статута въ „Указныхъ книгахъ приказовъ“, уже рецепированными (т. е. воспринятыми въ переводѣ и измѣненными, согласно съ нѣкоторыми особенностями нашего быта), чѣмъ и воспользовалась. Иначе трудно представить себѣ, какъ могла-бы эта комиссія успѣть сдѣлать переводъ статей Статута въ короткій срокъ ея работы, если-бъ рецепція ихъ не была сдѣлана раньше. Съ внутренней точки зрѣнія, возможность широкаго заимствованія началъ Литовскаго Статута въ такомъ строго-національномъ памятникѣ, какъ Уложеніе, объясняется тѣмъ, что этотъ Статутъ былъ, по существу своему, сборникомъ древняго русскаго обычнаго права, общаго всей Руси — восточной и западной. Это право господствовало также и на Литвѣ до XVI вѣка. Доказательствомъ этого служитъ не только русскій языкъ памятника, въ которомъ, впрочемъ, много полонизмовъ, но еще болѣе сравненіе его содержанія съ памятниками нашего древняго обычнаго права, открывающее здѣсь глубокое національное единство между ними. Это единство особенно сказывается относительно такъ наз. первой редакціи Литовскаго Статута отъ 1529 года, составленной по русски (и уже потомъ переведенной на польскій языкъ), задолго до соединенія Литвы съ Польшей, тогда какъ въ третьей редакціи 1588 г. уже болѣе ясно видно польское вліяніе. Такимъ образомъ Лит. Статутъ, не будучи новымъ источникомъ для времени Уложенія, вошелъ въ послѣднее съ нѣкоторою переработкою, черезъ дополнительныя статьи, записанныя въ Указныхъ книгахъ Приказовъ.

Отмѣтимъ нѣсколько характерныхъ особенностей по вопросу о заимствованіи изъ Литовскаго Статута. По вѣрному замѣчанію проф. Вл.-Буданова, отношеніе Уложенія къ Л. Статуту есть „отношеніе свободное“. Здѣсь видимъ именно то здравое, на нашъ взглядъ, отношеніе къ чужому, смыслъ котораго заключается въ томъ, что законодатель, не чуждаясь хорошаго чужого, дорожитъ и своимъ добрымъ. Рецепція Статута не есть рабское заимствованіе, а творческая работа мысли, при которой законодательный матеріалъ сознательно переработывается, согласно съ мѣстными условіями. Вотъ почему въ Уложеніи едва можетъ изслѣдователь отыскать 2—3 статьи, въ которыхъ оно, слѣдуя буквальному смыслу Статута, перенесло необдуманно его постановленія къ намъ, что и отразилось на редакціи статей, весьма неясныхъ. Интересно, что у насъ нѣтъ ни малѣйшихъ нигдѣ въ исторіи указаній, чтобъ власть предписывала употребленіе Л. Статута въ качествѣ источника права, до или при составленіи Уложенія. Имъ пользовались наши древніе юристы-дьяки сами, видя его близость по духу къ русскому праву. И Приказы наши съ удивительною тонкостію переработывали постановленія Статута, имѣвшія узко-сословный характеръ, или другіе недостатки. Извѣстно, напр., что начала древне-русскаго права, сохранившіяся въ Статутѣ, примѣнялись не ко всѣмъ, а только къ высшимъ классамъ литовско-русскаго государства, такъ что, въ сущности, Статутъ есть ничто иное, какъ „сумма шляхетскихъ правъ и привиллегій“. (Городской классъ Литовско-русскаго государства жилъ тогда по праву нѣмецкому, а сельскій былъ внѣ воздѣйствія Статута). Поэтому въ Статутѣ всѣ права имѣютъ узкую, сословную окраску: такъ, напр., право личной неприкосновенности — привиллегія только шляхтича („Каждый шляхтичъ“, гласитъ Статутъ, „подле права не позванный . . . . отъ насъ господара . . . иманъ и въ везенье быти не маетъ“, т. е. каждый шляхтичъ, не вызванный въ судъ на основаніи права, не можетъ быть взятъ и посаженъ въ тюрьму отъ имени государя . . .). Уложеніе оказало-бы плохую услугу русскому праву, если-бы перенесло къ намъ изъ Статута сословный духъ его постановленій. Оно этого и не дѣлаетъ, то опуская одни постановленія, то передѣлывая другія по своему, для уничтоженія сословной окраски[1]). Если, впрочемъ, авторы Уложенія не всегда умѣютъ освободиться отъ вліянія Статута, то, въ цѣломъ, здѣсь

1) Вотъ одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ: Статутъ, постановляя о безчестіи, словомъ или дѣйствіемъ, нанесенномъ кому-нибудь „на государевомъ дворѣ“ или въ его палатахъ, говоритъ такъ: „уставуемъ кгды-бы кто, будучи при дворѣ нашомъ, а не поважаючи пристойне зверхности нашего маестату (т. е.

замѣчается улучшеніе, выражающееся, между прочимъ, въ томъ, что Уложеніе обобщаетъ казуистичность Статута, старается избѣжать мотивированія закона и т. д. Интересно также отмѣтить, что постановленія Статута, взятыя сначала дьяками почти въ дословномъ переводѣ, въ Уложеніи сильно измѣняются, какъ по формѣ, такъ и по содержанію [1]). Но и при заимствованіяхъ

достойнымъ образомъ не уважая верховенства нашего величества), смелъ того ся важити (осмѣлился бы отважиться), а на кого другого, на палацу нашомъ, торгнути словы быстрыми, ущипливыми, славе доброй и учстивости шлехтской шкодливыми" (кого-нибудь на нашемъ дворѣ бранить рѣзкими, явительными словами, вредными славѣ и чести шляхетской)" . . . то онъ подлежитъ тюремному заключенію на 6 недѣль. Уложеніе, — выпуская совершенно неумѣстную въ русскомъ кодексѣ фразу: „славе доброй и учстивости шлехтской шкодливыми", — постановляетъ болѣе обще слѣдующее: „будетъ кто при царскомъ величествѣ. въ его государевѣ дворѣ и въ его государскихъ палатахъ, не опасаючи чести царскаго величества, кого обезчестить словомъ, то посадити его въ тюрьму на двѣ недѣли". Такимъ образомъ здѣсь видно, что несообразность фразы о „шляхетской чести", — какъ вообще у насъ въ русскомъ кодексѣ, такъ и въ статьѣ, трактующей объ „обереганіи чести государева двора", — отлично замѣчена редакторами Уложенія и выкинута; затѣмъ — срокъ наказанія у насъ уменьшенъ, сообразно съ нашимъ понятіемъ о данномъ особомъ преступленіи, носящемъ названіе — „оскорбленіе чести государева двора" (Статутъ-же видитъ здѣсь не оскорбленіе чести царскаго двора, а оскорбленіе величества, отчего и наказываетъ строже, срав. проф. Вл.-Будановъ „Отношенія между Л. Статутомъ и Уложеніемъ", стр. 10 и сл.).

1) Наглядный примѣръ представляетъ постановленіе Статута объ отцеубійствѣ и матереубійствѣ, по сравненію съ постановленіемъ о томъ-же С. Уложенія:

Литовскій Статутъ: (Роздѣлъ XI, артикулъ 7).	Дополнит. статьи: (16 ст.)	Уложеніе: (гл. XXII, ст. 1).
Уставуемъ — кгды бы сынъ, або дочка отца, матку або свою, умыслне . . . забилъ . . . смертью ганебною (т. е. постыдною), маетъ каранъ быти: по рынку возячи, клещами тело торгати (т. е. рвати), а потомъ въ мехъ скураный (шкурный), всадивши него пса, куря, котку, и тое все посполу (всѣхъ вмѣстѣ) въ мехъ всадивши, изшитьи где наглубей до воды спустити.	Кто убьетъ до смерти отца или матерь и. и тому сыну муку: въ торгу его возити и тѣло клещами рвати, и потому (т. е. потомъ) посадити на него собаку, куря и ужа, и кота и, то все вмѣстѣ собравшись нимъ, въ водѣ затопити. А которая дочь отца убьетъ или матерь, указъ тотъ же.	Будетъ который сынъ или дочь учинитъ отцу или матери смертное убійство и ихъ за отеческое или за матерне убійство казнити смертію-же безо всякія пощады.

Данная дополнительная статья къ Судебнику, едва-ли у насъ

формы Статута, сказывается рельефно творчество мысли авторовъ Уложенія. Такъ, напр., въ гл. V Уложенія говорится вмѣстѣ о двухъ совершенно разнородныхъ преступленіяхъ — дѣланіи фальшивой монеты и подмѣси мастерами въ благородные металлы неблагородныхъ. Уложеніе, слѣдуя здѣсь прямо Статуту, ставитъ ихъ рядомъ, но, однако, вопреки Статуту, назначаетъ за нихъ различныя, по строгости, наказанія (за прибавку въ мѣдныя и серебряныя монеты олова и свинца — залитіе горла расплавленнымъ металломъ; а за прибавку ихъ въ золотыя и серебрянныя вещи частныхъ лицъ — битье кнутомъ). Статутъ же, смотря на то и другое преступленіе, какъ на однородныя, за оба назначаетъ смертную казнь чрезъ залитіе горла. Очевидно, юридическій анализъ Уложенія уже выше, ибо дѣланіе фальшивой монеты и подмѣсь мѣди, или олова, въ золотыя и серебряныя вещи — совершенно разныя преступленія. Статутъ смѣшалъ ихъ изъ излишняго вниманія къ матеріальному составу преступленія. Подобныхъ примѣровъ можно привести нѣсколько, хотя, съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что нѣкоторыя статьи Уложенія представляютъ въ себѣ неясности, недомолвки и т. д., именно вслѣдствіе редакціонныхъ ошибокъ его составителей, неумѣвшихъ почему-либо справиться съ своимъ источникомъ.

Заканчивая обзоръ источниковъ Уложенія, сдѣлаемъ изъ всего вышесказаннаго общее заключеніе. Изучаемый памятникъ по своимъ источникамъ есть памятникъ національнаго, исторически-сложившагося права. Не чуждаясь заимствованій, онъ относится къ нимъ не рабски-пассивно, — что такъ часто бываетъ потомъ, въ эпоху преобразованія, — а сознательно претворяетъ ихъ въ нормы, прямо пригодныя къ тогдашней нашей жизни. Изъ чужихъ источниковъ онъ болѣе всего беретъ изъ источника славяно-русскаго, какимъ является Статутъ; затѣмъ — изъ Кормчихъ. Изъ своихъ — въ широкихъ размѣрахъ пользуется вѣковою практикою высшаго законодательнаго органа московскихъ государей — именно практикою Б. Думы. Эта практика регулируется жизненными потребностями, какъ ими же регулируются и челобитья выборныхъ Земскаго Собора, повліявшія на Уложеніе. Въ результатѣ отъ сочетанія

когда-либо исполнявшаяся, еще почти буквально слѣдуетъ Л. Статуту относительно формы наказанія. С. Уложеніе уже не примѣняетъ этой архаической формы, свойственной мало-развитому праву; оно лишь выдѣляетъ преступленіе отцебійства и матереубійства въ особый видъ убійства и считаетъ его необходимымъ наказывать смертію „безъ всякія пощады“. Въ этомъ выдѣленіи только и можно еще усмотрѣть здѣсь связь Уложенія со Статутомъ.

этихъ источниковъ создался памятникъ, непотерявшій, въ нѣкоторыхъ частяхъ, своего практическаго значенія цѣлые вѣка, хотя, съ другой стороны, и непринадлежавшій къ тѣмъ кодексамъ, которыя двигаютъ впередъ и рѣзко видоизмѣняютъ жизненныя отношенія, подчиняя ихъ своимъ новымъ началомъ.

Система С. Уложенія и его содержаніе.

Обращаемся къ системѣ памятника и его содержанію. Съ внѣшней стороны Уложеніе представляетъ собою болѣе порядка, чѣмъ это замѣчается въ какомъ-либо изъ предшествующихъ памятниковъ. Авторы его дѣлаютъ, вопервыхъ, попытку раздѣлить весь законодательный матеріалъ на отдѣльныя главы, трактующія объ извѣстныхъ однородныхъ вопросахъ, а главы подраздѣляютъ уже на статьи; затѣмъ они располагаютъ этотъ матеріалъ по степени его важности. Такъ, 1-ая глава говоритъ о преступленіяхъ противъ вѣры и церкви (она имѣетъ въ подлинникѣ надписаніе — „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ"), а слѣдующія 4 — о различныхъ спеціальныхъ видахъ государственныхъ предступленій и т. д.[1]) Съ современной научной точки зрѣнія на юридическую классификацію, уже эти 5 главъ не выдерживаютъ критики, такъ какъ не выдерживаютъ единства дѣленія: въ первой выдѣленъ въ цѣлую главу отдѣльный родъ преступленій; слѣдовало бы ожидать, что вторая глава будетъ посвящена одному роду преступленій — государственныхъ, и уже сама будетъ подраздѣлена на нѣсколько отдѣловъ по видамъ этихъ преступленій; однако, авторы Уложенія, для этихъ видовъ однороднаго преступленія, понадѣлали особыя главы (что, впрочемъ, понятно, если принять во вниманіе ихъ тенденцію — оттѣнить эти виды, какъ можно яснѣе). Затѣмъ VII-ая глава „о службѣ ратныхъ людей", какъ и нѣкоторыя другія главы, является, повидимому, попыткой систематизаціи въ одномъ мѣстѣ всего однороднаго матеріала, тогда какъ другія главы не выдерживаютъ этой систематизаціи вовсе. Отсюда получается та особенность, что нѣкоторыя главы Уложенія очень спеціальны (и не велики поэтому по объему, какъ напр., V-ая глава „о денежныхъ мастерахъ, дѣлающихъ воровскія деньги", состоящая всего изъ 2-хъ статей): другія-же — очень общи и сосредоточиваютъ въ себѣ громаднѣйшій матеріалъ по разнороднѣйшимъ отраслямъ права. Такова знаменитая, по обширности и важности, X-ая глава, кратко озаглавленная „О судѣ" и состоящая изъ 287 статей (т. е. около трети всего Уложенія, въ которомъ 963

1) Подробный анализъ всѣхъ этихъ главъ см. въ изслѣдованіи Г. Г. Тельберга „Очерки политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII в." (М., 1912).

статьи[1]). Въ этой характерной главѣ мы находимъ постановленія по праву уголовному, гражданскому, не говоря уже о судопроизводствѣ и судоустройствѣ. Ея обширность заставляетъ думать, что, по крайней мѣрѣ, вопросы судопроизводства и судоустройства, которымъ она посвящаетъ наиболѣе вниманія, вполнѣ исчерпаны въ ней, но они разработываются и въ другихъ послѣдующихъ главахъ. Невыдержанностью систематизаціи законодательнаго матеріала, по отдѣльнымъ отраслямъ права, объясняется и тотъ фактъ, что, несмотря на то, что въ Уложеніи есть главы, по заглавіямъ своимъ, спеціально посвященныя, напр., уголовнымъ преступленіямъ и наказаніямъ за нихъ, недостаточно, однако, изучить ихъ, чтобы понять карательную систему памятника, потому что почти въ каждой главѣ есть въ свою очередь статьи уголовнаго характера[2]). Оговариваемся, впрочемъ, что, судя такъ о системѣ Уложенія, мы прилагаемъ современную мѣрку къ кодексу, чтобы на отступленіяхъ отъ нея показать, какъ надо относиться (если придется изучать памятникъ) къ его матеріалу и гдѣ искать извѣстные отдѣлы законовъ. Съ историко-научной точки зрѣнія, однако, оцѣнить правильно систему извѣстнаго памятника можно только, разсмотрѣвъ, во-1-хъ, его отношеніе къ предыдущимъ, по времени, памятникамъ, во 2-хъ, сообразивъ всѣ тѣ цѣли, которыя преслѣдовали составители, распредѣляя такъ или иначе матеріалъ, и наконецъ, изучивъ, въ 3-хъ, тѣ средства, какія были у нихъ подъ руками. Дѣлая первое, т. е. сравнивая внѣшнюю систему Уложенія съ предшествующими нашими сборниками, мы видимъ, что оно неизмѣримо выше ихъ всѣхъ. Судебники, напр., по замѣчанію пр. Сергѣевича, представляютъ ворохъ статей, безъ всякаго порядка соединенныхъ въ одно цѣлое. Вѣчевыя грамоты дошли до насъ въ очень несовершенномъ, по внѣшности, видѣ и потому тоже не выдерживаютъ сравненія съ Уложеніемъ. Другіе памятники носятъ характеръ спеціальныхъ уставовъ по одному отдѣлу права, а потому для своихъ составителей и не представляли такихъ затрудненій, какія были при редакціи такого общаго, по содержанію, памятника, какъ Уложеніе. Обращаясь къ изученію средствъ,

---

1) Два выдающіяся изслѣдованія касаются, между прочимъ, этой главы, а именно, изслѣдованіе Ѳ. М. Дмитріева „Исторія судебныхъ инстанцій“ (М., 1859 г.) и К. Д. Кавелина „Начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства“ (сочиненія т. I., М., 1859 г.)

2) Ихъ разборъ см. въ „Изслѣдованіи началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи Царя Алексѣя Михаиловича“ В. Линовскаго (О., 1847 г.) и въ „Beitrag zur Lehre von den Eigentumsverbrechen nach Уложеніе“ W. Sokolsky (Dorpat, 1868 г.).

какія имѣли въ рукахъ составители Уложенія, надо сказать, что въ литературѣ нашей далеко не-единообразно рѣшенъ вопросъ, почему составители держались той или иной системы. Несомнѣнно, однако, что на систему Уложенія очень вліяло состояніе тѣхъ источниковъ, на которыхъ оно основывалось, т. е. именно тѣхъ средствъ, на которыхъ строился памятникъ. Не относясь вполнѣ пассивно къ этимъ средствамъ, составители вносили кое-гдѣ въ памятникъ и свои цѣли. Такъ, жертвуя единству и правильности классификацій, они сознательно, выдѣляли, напр., рядъ отдѣльныхъ видовъ государственныхъ преступленій въ самостоятельныя рубрики, чѣмъ хотѣли рѣзче выдвинуть ихъ значеніе. Говоримъ „сознательно“ потому, что составители Уложенія имѣли предъ собою Литовскій Статутъ, гдѣ отдѣльные виды политическихъ преступленій перечислены вмѣстѣ, или градскіе законы, гдѣ соединены въ особомъ титулѣ всѣ постановленія о преступленіи и наказаніи, у насъ разбросанныя по отдѣльнымъ главамъ. Далѣе. Намъ уже извѣстно, какой богатый и готовый матеріалъ нашли составители въ „Указныхъ книгахъ Приказовъ“. Неудивительно, что матеріалъ отдѣльныхъ приказовъ далъ и содержаніе отдѣльнымъ главамъ (такъ напр., весьма вѣроятно, что VII-ая глава „о ратныхъ людяхъ“ составлена по Указной книгѣ „Разряда“ или „Разряднаго Приказа“, вѣдавшаго военное дѣло). А такъ какъ вѣдомство Московскихъ Приказовъ представляло собою смѣшеніе разнообразныхъ функцій, то это отразилось на ихъ Указныхъ книгахъ, а затѣмъ и на Уложеніи. Поясникъ сказанное примѣромъ. Хотя въ Москвѣ въ раздѣленіяхъ нѣкоторыхъ Приказовъ уже и видно пониманіе той мысли, что отдѣльные роды государственныхъ дѣлъ должны вѣдаться отдѣльными учрежденіями (почему и существовали Приказы — военные, финансовые, судебные, дворцовые и т. д.), однако, эта мысль проводилась невполнѣ послѣдовательно. Во первыхъ, въ приказномъ устройствѣ невполнѣ отдѣлялась власть административная отъ судебной. Приказы вѣдаютъ не только управленіе отдѣльнымъ родомъ дѣлъ (военныхъ, гражданскихъ и т. д.), но и судятъ лицъ, находившихся въ ихъ вѣдѣніи. Аптекарскій Приказъ, напр., нетолько вѣдаетъ врачебную часть, но и разсматриваетъ всѣ судебныя дѣла о врачахъ и аптекаряхъ. Стрѣлецкій Приказъ завѣдуетъ нетолько вооруженіемъ, содержаніемъ и вообще управленіемъ стрѣльцами, но и судитъ стрѣльцовъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и воровства съ поличнымъ. Есть Приказы (именно областные), которые утверждаются для завѣдыванія цѣлою областью безъ всякаго раздѣленія предметовъ вѣдомства; они въ данной мѣстности творятъ и судъ, и завѣдуютъ войскомъ, и подати собираютъ и т. д. Понятно,

какъ должно было отразиться на системѣ Уложенія это обстоятельство: „Указныя книги Приказовъ“, повліявшія на извѣстныя его главы, содержали, — каждая въ отдѣльности, — и административное, и уголовное, и гражданское право, и процессуальныя нормы, которыя поэтому явились и въ Уложеніи разбросанными. Такъ, памятникъ отразилъ въ себѣ состояніе взглядовъ вѣка на раздѣленіе функцій власти, несогласное съ нашимъ теперешнимъ взглядомъ на это раздѣленіе. Система памятника отразила въ себѣ также различіе источниковъ, на которыхъ было основано Уложеніе. Напр., XXI-ая глава Уложенія трактуетъ „о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ“ и о наказаніяхъ за нихъ, а XXII-ая глава — о томъ, „за какія вины кому чинити смертная казнь“ [1]). Казалось бы, система требовала составленія изъ этихъ 2-хъ главъ одного общаго отдѣла о преступленіяхъ и наказаніяхъ, но авторы Уложенія не поступаютъ такъ по отношенію къ XXI и XXII гл. и не поступаютъ потому, что первая составилась изъ Указной книги Разбойнаго Приказа, вѣдавшаго разбои и кражи, вторая — взята изъ Литовскаго Статута [2]), и, вѣроятно, обѣ выдѣлены составителями именно потому, что онѣ заимствованы изъ разныхъ источниковъ.

Переходя къ краткому обзору содержанія Уложенія, укажемъ также на нѣкоторыя общія его черты.

Первое условіе, какое наше понятіе о законѣ предписываетъ его редакціи, есть опредѣленность его постановленій. Если извѣстное дѣяніе преступно и наказуется кодексомъ, то кодексъ долженъ точно и опредѣленно выразиться, какъ и въ какой мѣрѣ, сообразно извѣстной степени преступности и другимъ условіямъ, оно наказуется. Но, изучая Уложеніе, нерѣдко встрѣчаешь въ немъ такія мѣста: за извѣстное преступленіе, обозначенное въ кодексѣ, предписывается, напр., преступника „сослати, куда государь укажетъ“, „вкинути въ тюрьму, насколько (времени) государь укажетъ“, „чинити ему жестокое наказаніе, что государь укажетъ“, или „въ тюрьму посадити до государева указу“ (говорится о лицахъ, взявшихъ посулъ на имя судьи), и т. д. Эта неопредѣленность очень характерна для понятія сущности законодательной дѣятельности Московскихъ государей. Въ Москвѣ законодательныя нормы не слагаются еще по началамъ какой-либо теоріи, не

1) О системѣ наказаній по Уложенію см., между прочимъ, изслѣдованіе Н. Д. Сергѣевскаго „Наказаніе въ русской правѣ XVII вѣка“ (СП., 1887 г.).

2) Объ уголовскомъ правѣ указаннаго памятника см. въ изслѣдованіяхъ І. Малиновскаго „Ученіе о преступленіи по Литовскому Статуту“ (К., 1894 г.) и Г. В. Демченко „Наказаніе по Литовскому Статуту“ (К., 1894 г.).

создаются путемъ умозрѣнія; тамъ право нерѣдко создается еще путемъ обычая, путемъ рѣшенія отдѣльныхъ случаевъ, изъ коихъ уже впослѣдствіи только возникаетъ общая норма. Такихъ общихъ нормъ для рѣшенія однородныхъ вопросовъ уже много въ правѣ Московскаго государства, но право это все еще находится въ періодѣ сложенія, при которомъ усмотрѣніе законодателя, при рѣшеніи отдѣльнаго случая, все еще имѣетъ большое значеніе. Общему Уставу предшествуетъ практика по отдѣльнымъ юридическимъ случаямъ, и регулированія этой практики московское правительство какъ-бы не хочетъ еще выпустить изъ своего непосредственнаго вѣдѣнія. Несомнѣнно, въ этомъ была и своя хорошая, и дурная сторона; во всякомъ случаѣ эта неопредѣленность — черта не совсѣмъ еще созрѣвшаго законодательства. Далѣе. Читая Уложеніе, нерѣдко встрѣчаешь, рядомъ съ юридическимъ опредѣленіемъ состава преступленія и наказаніемъ за него, такія выраженія: бить кнутомъ, чтобъ инымъ такимъ неповадно было (X, ст. 252); „а кого онъ убьетъ (говорится о хозяинѣ дома, убившемъ нападавшаго на него въ состояніи необходимой обороны), и ему того убійства въ вину не ставити: не пріѣзжай на чужой домъ насильствомъ“ (X, 200). Или статья, запрещающая подавать царю и высшимъ духовныхъ лицамъ, челобитья въ церкви, заканчивается словами: „христіаномъ подобаетъ въ церкви Божіи стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити“ (I, 8). Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Уложенія, мы видимъ, что законодатель, во 1-хъ старается мотивировать свои постановленія, чего современные кодексы старательно избѣгаютъ, и во 2-хъ, онъ морализируетъ, читаетъ нравственныя сентенціи; иначе говоря, въ памятникѣ не очень строго еще различается право и нравственность (почему иногда здѣсь преступленіе называется грѣхомъ, а преступникъ — „забывателемъ закона Божія“ [1]).

1) Содержаніе Соборнаго Уложенія, по главамъ, слѣдующее: глава I) „о богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ“ (9 статей); гл. II) „о государской чести и какъ его государское здоровье оберегати“ (22 ст.); гл. III) „о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было“ (9 ст.); гл. IV) „о подпищикѣхъ и которые печати поддѣлываютъ“ (4 ст.); V) „о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнуть дѣлати воровскія деньги“ (2 ст.); гл. VI) „о проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства“ (6 ст.); гл. VII) „о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства“ (32 ст.); гл. VIII) „о искупленіи плѣнныхъ“ (7 ст.); гл. IX) „о мытахъ и о перевозѣхъ и о мостахъ“ (20 ст.); гл. X) „о судѣ“ (287 ст.); гл. XI) „судъ о крестьянѣхъ“ (34 ст.); гл. XII) „о патріаршихъ приказныхъ и о всякихъ людѣхъ, что на нихъ судъ давати на патріаршемъ дворѣ“ (3 ст.); гл. XIII) „о Монастырскомъ Приказѣ“ (7 ст.); гл. XIV) „о крестномъ цѣлованіи“ (10 ст.); XV) „о вершеныхъ дѣлѣхъ“ (5 ст.); гл. XVI) „о помѣстныхъ земляхъ“ (69 ст.); гл. XVII) „о вотчинахъ“ (55 ст.);

Новоуказныя статьи.

Перейдемъ въ заключеніе къ краткому обзору законодательства, явившагося послѣ созданія Уложенія до XVIII вѣка. Законодательная дѣятельность въ Московскомъ государствѣ не остановилась съ изданіемъ С. Уложенія. Жизнь шла впередъ, а потому ея движеніе отражалось и на законодательствѣ. На время отъ 1649 г. до единодержавнаго царствованія Петра В. (т. е. до 1696 г.) приходится отмѣтить, продолжая только внѣшній обзоръ исторіи источниковъ, какъ нѣсколько важныхъ общихъ памятниковъ права, такъ и весьма много важныхъ отдѣльныхъ узаконеній. Эти отдѣльныя узаконенія, явившіяся съ 1649 по 1696 гг., въ исторіи нашего права носятъ общее названіе „Новоуказныхъ статей“. Въ нихъ мы видимъ нетолько дальнѣйшее развитіе началъ Соборнаго Уложенія, но и весьма явное прогрессивное движеніе, усиливающееся вообще у насъ передъ эпохой преобразованія. Къ сожалѣнію, вопросъ объ отношеніи „Новоуказныхъ статей“ къ Петровскому законодательству мало еще изслѣдованъ. Всѣхъ ихъ считается 1535 статей (ими наполнены I—II томы, а также половина III-яго тома I „Полнаго собранія Законовъ Россійской имперіи“, гдѣ онѣ помѣщены вслѣдъ за С. Уложеніемъ). И количество, и качество этихъ всѣхъ статей даетъ намъ право вывести то заключеніе, что во 2-ой половинѣ XVII в. уже ясно чувствовалась необходимость реформъ, почему большая часть „Новоуказныхъ статей“ имѣетъ характеръ не только дополненія, но и дальнѣйшаго развитія и видоизмѣненія началъ Уложенія. Исторія ихъ образованія такова-же, какъ и дополнительныхъ ко II Судебнику статей. При неясности, неполнотѣ или даже отсутствіи закона, Приказы, черезъ начальствующихъ въ нихъ лицъ, входили съ докладомъ къ государю и его Б. Думѣ, въ которой уже и давалось разрѣшеніе даннаго случая (Улож., гл. X, 2). Часто докладъ составлялся изъ нѣсколькихъ вопросовъ, или „статей“, ждавшихъ себѣ законодательнаго разрѣшенія. Такимъ путемъ развивалось право въ Московскомъ государствѣ въ промежуткахъ между изданіями кодексовъ. Общая характерная черта названныхъ статей — ихъ казуистичность. Въ I. Полн. Собр. Законовъ мы встрѣчаемъ указанія на такія „Новоуказныя статьи“, которыя являются прямо отдѣльными рѣшеніями Б. Думы на частные случаи, причемъ даже не исчезли изъ статей

гл. XVIII) „о печатныхъ пошлинахъ“ (71 ст.); гл. XIX) „о посадскихъ людяхъ“ (40 ст.); гл. XX) „о холопьѣ судѣ“ (119 ст.); гл. XXI) „о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ (104 ст.); гл. XXII) „указъ за какія вины кому чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе (26 ст.,); гл. XXIII) „о стрѣльцахъ“ (3 ст.); гл. XXIV „о атаманѣхъ и казакахъ“ (2 ст.); гл. XXV) „о корчмахъ“ (21 ст.).

имена тѣхъ лицъ, дѣла коихъ разрѣшались. Мы бы могли принять ихъ за отдѣльныя судебныя рѣшенія, если-бъ не знали, что эти рѣшенія постановлялись въ собраніи съ такимъ законодательнымъ характеромъ, какъ Б. Дума и если-бъ въ нихъ не было, обыкновенно, прибавленія, что-де рѣшеніе по данному дѣлу должно имѣть впредь значеніе руководства для всѣхъ аналогическихъ случаевъ. Кромѣ этого вида „Новоуказныхъ статей", казуистичныхъ по формѣ, надо отмѣтить еще нѣсколько общихъ уставовъ и наказовъ, изданныхъ отъ имени самого государя. На время царствованія Алекс. Мих. приходится нѣсколько такихъ уставовъ и наказовъ. Назовемъ здѣсь наказъ „о городскомъ благочиніи", отъ 6 апрѣля 1649 г., въ которомъ излагаются мѣры для защиты Москвы отъ пожаровъ, а также мѣры для предупрежденія грабежей, кормчества, публичнаго разврата и всякихъ уличныхъ безпорядокъ. Въ томъ-же году были изданы „Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлѣхъ"; въ 1667 г. — такъ называемый „Новоторговый уставъ" и др. Два послѣдніе памятника очень важны: — 128 статей „о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлѣхъ" являются дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ главъ XXI и XXII Уложенія и показываютъ намъ, какъ быстро шла жизнь, если уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія Уложенія понадобилось вновь пересмотрѣть уголовное право Уложенія. Интересно также, что заимствованіе изъ градскихъ законовъ здѣсь не уменьшается, хотя суровость наказанія смягчается. Новоторговый уставъ, является не только самымъ важнымъ памятникомъ второй половины XVII в., но и замѣчательнымъ памятникомъ нашего финансоваго права вообще. Онъ былъ изданъ вслѣдствіе челобитья „Московскаго Государства гостей и гостинныхъ сотенъ и черныхъ сотенъ торговыхъ людей", которые жаловались царю на то, „что пріѣзжіе иноземцы безстрашно учали товары худые, поддѣльные... въ Москву и въ городы привозить и Русскимъ торговымъ людямъ въ заповѣдѣхъ и въ промыслѣхъ многіе убытки чинить". Изданный въ удовлетвореніе временныхъ нуждъ, Новоторговый уставъ имѣетъ, однако, важное значеніе по тѣмъ общимъ мѣрамъ, которыя предпринимаются въ немъ для поднятія какъ торговли, такъ и значенія торговаго класса. Творцемъ этихъ мѣръ, приведенныхъ вполнѣ въ исполненіе только вѣкомъ спустя, надо считать одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVII в. на Москвѣ, именно А. Л. Ордина-Нащокина. Еще будучи въ 1665 г. воеводою въ Псковѣ, Ординъ-Нащокинъ предложилъ устраивать тамъ по 2 ярмарки въ годъ, во время которыхъ-бы жители могли торговать безпошлинно съ иностранцами. Предлагая это, Нащокинъ исходилъ изъ той мысли, „что во всѣхъ государствахъ славны тѣ торги,

которые учинены безъ пошлинъ", и что, слѣдовательно, торговля будетъ развиваться въ нихъ быстро и безпрепятственно, между тѣмъ какъ въ Московской Руси, при обиліи мелкихъ и разнообразныхъ пошлинъ съ товаровъ, внутренняя торговля была затруднена. Затѣмъ онъ пошелъ еще далѣе, предложивъ устроить выборное изъ гражданъ городское управленіе для суда по торговымъ дѣламъ. Этотъ порядокъ, однако, не долго существовалъ во Псковѣ, но Нащокинъ провелъ свою замѣчательную мысль въ Новоторговомъ уставѣ, предполагая устроить особый Приказъ, который вѣдалъ-бы исключительно торговыя дѣла.[1])

Изъ „Новоуказныхъ статей", слѣдующаго царствованія надо отмѣтить важныя, для вопроса о землевладѣніи, статьи „о помѣстьяхъ" 1676 года и „о помѣстьяхъ и вотчинахъ" 1677 года, созданныя главнымъ образомъ подъ вліяніемъ челобитій. Изъ приговоровъ З. Соборовъ — приговоръ объ уничтоженіи мѣстничества 1682 г. На царствованіе Іоанна и Петра Алексѣевичей (1682—96 гг.) относится нѣсколько узаконеній по судоустройству и судопроизводству и особенно „Писцовый Наказъ" 1684 г.[2]), гдѣ даются подробныя правила по вопросу о межеваніи вотчинъ и помѣстій, лѣсовъ, пустыхъ земель и пр. Новоуказныя статьи завершаютъ движеніе законодательства Московскаго государства.

1) Объ уставѣ этомъ см. въ изслѣдованіи П. Б. Струве „Хозяйство и цѣна", ч. I. (С.-П., 1913 г.), стр. 296 и сл., гдѣ указана и литература о немъ.

2) Разборъ „Писцовыхъ наказовъ" XVII вѣка см. въ книгѣ В. Седащева „Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Московской Руси въ XVII в." (М., 1912 г.)

ОТДѢЛЪ II.

Государственное право.

I.

Государственное устройство.

Введеніе.

Общее отличіе Московскаго періода отъ вѣчевого. Первыя извѣстія о Москвѣ.

Если мы обратимся къ изученію исторіи государственнаго права Московскаго періода и прослѣдимъ эту исторію по отношенію къ тѣмъ-же тремъ необходимымъ элементамъ государства — къ территоріи, верховной власти и населенію — которыхъ организацію мы разсматривали въ періодъ феодальный, или вѣчевой, то должны будемъ отмѣтить громадную разницу въ развитіи и соотношеніи этихъ элементовъ ко времени окончательнаго сложенія Московскаго государства, а именно ко второй половинѣ XV вѣка, сравнительно съ предъидущимъ періодомъ. Такъ, вмѣсто многочисленныхъ княжествъ-государствъ, между которыми дѣлилась русская земля, мы видимъ лишь два обширныхъ государства — Московское и Литовско-Русское — объединившихъ въ двѣ крупныя территоріи области всѣхъ прежнихъ государствъ; вмѣсто слабой и ограниченной власти князей — сильную власть московскихъ государей-самодержцевъ; вмѣсто независимыхъ отъ свѣтской власти митрополитовъ перваго періода — сначала митрополитовъ, а позднѣе патріарховъ, какъ ставленниковъ Московскихъ государей; вмѣсто раздѣленія свободнаго населенія на классы — — зачатки сословной организаціи общества и созданіе крѣпостныхъ отношеній всѣхъ слоевъ этого общества къ государству. Поэтому Московскій періодъ распадается, въ сущности, на 2 періода — время отъ начала XIV вѣка до 2-ой половины XV, когда продолжается еще старый порядокъ феодальной, или удѣльной Руси, и XVI—XVII вѣка, когда, особенно послѣ смутной эпохи, окончательно устанавливаются характер-

ныя черты новой государственности, выдвинувшей, на мѣсто крупнаго землевладѣнія боярства, средній служилый классъ мелкихъ, сравнительно, собственниковъ, а равно и верхи посадскаго населенія, владѣвшаго капиталами. Такія рѣзкія перемѣны, какъ во внѣшней формѣ, такъ и въ комбинаціи основныхъ элементовъ государственной жизни, не могли, конечно, совершиться сразу, онѣ подготовлялись долгимъ историческимъ прецессомъ и явились результатомъ многихъ причинъ.

Москва, какъ извѣстно, очень рано упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, а именно въ первый разъ уже въ 1147 г., когда Юрій Долгорукій пригласилъ своего союзника князя Святослава Ольговича Черниговскаго въ Москву на свиданіе; въ это время она не была даже пригородомъ, а была селомъ, называвшимся, по имени прежняго владѣльца Степана Кучки, также Куцковымъ или Кучковымъ. На это свиданіе князь Юрій Долгорукій дружески звалъ князя Святослава Ольговича, говоря: „приди ко мнѣ, брате, въ Москову, буди, брате, ко мнѣ на Москву“, и задалъ ему, по словамъ лѣтописи, „обѣдъ силенъ“ (т. е. обиленъ). „Въ этихъ немногихъ словахъ“, говоритъ И. Е. Забѣлинъ, „какъ-бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза“ [1]). Едва-ли созиданіе этого единства было пиромъ, скорѣе это было тяжкимъ подвигомъ, призывъ на который раздался изъ небольшого княжескаго села, какимъ была Москва въ 1147 г. . . Впервые, какъ младшій городъ, или пригородъ, Суздальской земли, Москва является подъ 1177 г., гдѣ говорится о нападеніи кн. Глѣба Рязанскаго на кн. Всеволода („Глѣбъ же на ту осень пріѣха на Москву и пожже городъ весь и села“). Но, если Москва, какъ одинъ изъ младшихъ городовъ Суздальской земли, появляется въ исторіи уже въ послѣдней четверти XII вѣка, то Москва, какъ стольный городъ небольшого Московскаго княжества, расположеннаго по теченію Москвы-рѣки, является только черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ означеннаго извѣстія, когда въ ней утверждается младшій сынъ Александра Невскаго — Даніилъ Александровичъ, сдѣлавшійся затѣмъ родоначальникомъ особой линіи князей Московскихъ; послѣ его смерти въ 1303 г. княжилъ его сынъ Юрій Даниловичъ, умершій въ 1325 г.; ему наслѣдовалъ братъ его Иванъ Даниловичъ Калита, въ 1328 г. сдѣлавшійся великимъ княземъ Московскимъ, послѣ знаменитой борьбы съ

1) „Исторія города Москвы“ (М., 1905 г.), ч. I, стр. 1 и сл.

Тверью. Не надо думать, однако, что это великое княжество тогда было значительно по своимъ размѣрамъ. Иванъ Калита въ это время владѣлъ лишь Москвою и шестью городами съ ихъ уѣздами. Затѣмъ, хотя княжество расширяется съ каждымъ новымъ царствованіемъ, но проходитъ, однако, еще почти двѣсти лѣтъ, прежде чѣмъ въ царствованіе Василія III исчезаютъ въ сѣверо-восточной Руси послѣдніе удѣлы (въ 1523 г. присоединяется Сѣверское княжество) и Москва, наконецъ, становится центромъ обширнаго единодержавнаго и самодержавнаго государства.

Причины возвышенія Москвы.

Объясненіе причинъ этого, столь долго подготовлявшагося, факта первѣйшей важности весьма различно у нашихъ историковъ и юристовъ-историковъ, но прежде чѣмъ мы обратимся къ ихъ, хотябы бѣглому, изложенію, нельзя не обратить вниманія на слѣдующее: въ вопросѣ объ образованіи изъ незначительнаго княжества, лежавшаго по Москвѣ-рѣкѣ, грамаднаго едино- и самодержавнаго государства Московскаго, надо различать два совершенно разныхъ вопроса: вопросъ о причинахъ возвышенія собственно Московскаго княжества въ едино- и самодержавное государство и вопросъ о причинахъ, вызывавшихъ вообще необходимость собранія отдѣльныхъ русскихъ княжествъ подъ сильною, единою (первоначально, впрочемъ, двуединою, въ лицѣ Московскаго и Литовско-Русскаго государства) властью. Первый вопросъ есть вопросъ о тѣхъ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя выдвинули именно Москву между всѣми другими княжествами[1]); второй-же вопросъ, наоборотъ, есть вопросъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыхъ дѣйствіе началось уже предъидущій періодъ, но окончательно сказалось лишь въ XV—XVI вѣкахъ; иначе говоря, отвѣчая на первый вопросъ, мы тѣмъ самымъ отмѣтимъ, что отличаетъ періодъ Московскаго государства отъ вѣчевого, или феодальнаго періода; отвѣчая на второй — укажемъ, что ихъ связываетъ и поскольку продолжается преемственность историческаго процесса въ этотъ новый періодъ исторіи нашей, такъ какъ въ исторіи ни одна эпоха не является совершенно оторванной отъ другой.

Обращаясь прежде всего къ первому вопросу — о причинахъ возвышенія Москвы, — попытаемся свести ихъ сначала къ нѣсколькимъ категоріямъ, а затѣмъ уже дать краткую оцѣнку ихъ относительной важности. Причины

1) Сводъ свѣдѣній по вопросу см. въ „Опытѣ русской исторіографіи“ В. С. Иконникова, т. II, кн. 2, стр. 1057 и сл.; срав. также статью М. К. Любавскаго „Возвышеніе Москвы“ въ I-ой части изданія „Москва въ прошломъ и настоящемъ“ (М., 1909 г.), стр. 66 и сл.

эти были: во 1-хъ, въ географическомъ положеніи Московскаго княжества, во 2-хъ, въ экономическихъ условіяхъ, бывшихъ болѣе благопріятными для населенія въ предѣлахъ Московскаго княжества, чѣмъ на юго-западѣ, ввиду частію удобствъ тогоже географическаго положенія княжества, въ 3-хъ, въ личныхъ качествахъ князей Московскихъ, лучше другихъ понявшихъ, хотя и несразу, необходимость насажденія и развитія новыхъ политическихъ началъ и лучше другихъ умѣвшихъ ихъ проводить въ жизнь, и наконецъ, въ 4-хъ, въ разнообразной помощи, которая оказывалась Московскимъ государямъ — въ ихъ борьбѣ за единодержавіе и за усиленіе своей власти — съ разныхъ сторонъ, то вольно (какъ это дѣлалось духовенствомъ и высшимъ боярскимъ классомъ), то невольно (какъ, напр., татарскими ханами). Что касается первой причины, то еще С. М. Соловьевъ отмѣтилъ выгодное географическое положеніе Московскаго княжества, какъ въ томъ смыслѣ, что Москва была близка къ истокамъ важнѣйшихъ рѣкъ, такъ и въ томъ, что нападеніе враговъ извнѣ должны были прежде падать на окружающія княжества. Туже мысль развиваетъ также и проф. Ключевскій, говоря что „въ Москву, какъ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ русской земли, угрожаемой внѣшними врагами, стекались народныя силы, благодаря ея географическому положенію“. По автору, „центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе враги нападали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское и очень рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію, Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній“. Не всѣ, однако, ученые наши склонны придавать указанной причинѣ такое первенствующее значеніе. Возражая еще Соловьеву, Бестужевъ-Рюминъ, напр., говоритъ, что „эта причина, очевидно, второстепенная и безъ другихъ не имѣла-бы значенія: Москва не такъ далека отъ другихъ княжествъ, чтобъ эти выгоды принадлежали ей отдѣльно. Важнѣе было, что благоразумная политика, охраняя Москву отъ нападеній татарскихъ, вызвала сюда прибылое населеніе и тѣмъ обогатила Москву“. Несомнѣнно, что указанный ученый правъ въ томъ отношеніи, что не одна Москва, съ прилегающимъ къ ней небольшимъ удѣломъ, была въ такомъ удобномъ географическомъ положеніи срединнаго княжества, чтобъ выгоды этого положенія принадлежали только ей одной. Въ Москвѣ, кромѣ того, этой причинѣ возвышенія Москвы сопутствовала удачная политика ея князей по отношенію къ татарамъ, оберегавшая княжество отъ ихъ нападеній. Но и сама эта политика являлась лишь однимъ изъ многихъ случаевъ проявле-

нія общей дѣятельности московскихъ князей, благотворно повліявшей на возвышеніе собственно Москвы. Извѣстна мастерская характеристика Московскихъ князей, сдѣланная С. М. Соловьевымъ. Указывая на ловкость, съ которою Московскіе князья добивались ханской милости, ярлыка на великое княженіе, и увеличивали свои владѣнія, онъ говоритъ: „всѣ они похожи другъ на друга, въ ихъ безстрастныхъ ликахъ трудно уловить историку характерныя черты каждаго: всѣ они заняты одною думою, всѣ идутъ по одному пути, идутъ медленно, осторожно, но постоянно, неуклонно; каждый ступаетъ шагъ впередъ предъ своимъ предшественникомъ, каждый приготовляетъ для своего преемника возможность ступить еще шагъ впередъ“ . . . Что-же это за путь, по которому такъ неуклонно идутъ князья Московскіе? Это путь постепеннаго расширенія территоріи княжества Московскаго всѣми средствами, какія были подъ руками, будь то насильственное завладѣніе, купля, угроза, или иной способъ пріобрѣтенія сосѣднихъ земель. Этотъ путь не былъ по существу новымъ; имъ пользовались и князья Кіевскаго періода, онъ при томъ долго не приносилъ пользы самой Москвѣ, такъ какъ Московскіе князья несразу сами разстались съ удѣльными традиціями и собиратель земли русской Иванъ Калита, а равно и его преемники, до Іоанна IV включительно, также раздавали въ удѣлъ своимъ дѣтямъ части все болѣе и болѣе растущаго Московскаго княжества, какъ раздавали ихъ князья предшествовавшаго періода. Но этотъ старый порядокъ не приносилъ на новой московской почвѣ того вреда, какой онъ принесъ въ Кіевской Руси, во 1-хъ потому, что самъ владѣтельный домъ Московскихъ князей не былъ такъ многочисленъ, какъ дома другихъ удѣльныхъ князей, во 2-хъ потому, что великое княженіе Московское все время остается въ родѣ Ивана Калиты и въ теченіи ста лѣтъ послѣ него великимъ княземъ является нерѣдко старшій сынъ предшествовавшаго князя и въ 3-хъ, наконецъ, со второй половины XIV вѣка устанавливается обычай давать старшему сыну большій удѣлъ, чѣмъ другимъ, „на старѣйшій путь“, какъ тогда говорили; этимъ полагается начало неприкосновенности и нераздѣльности Московскаго княжества.

Какъ извѣстно, еще задолго до нашествія татаръ начался притокъ съ юга на сѣверо-востокъ многочисленныхъ поселенцевъ; съ нашествіемъ татаръ и разгромомъ Кіевской Руси притокъ этотъ еще болѣе усилился. Московскіе князья, кромѣ того, стягивали населеніе въ свои предѣлы разнаго рода льготами купцамъ и крестьянамъ, а равно и такими мѣрами, какъ скупка плѣнныхъ у татаръ, а этихъ плѣнныхъ они сажали затѣмъ на своихъ земляхъ, гдѣ они образовали особый классъ населенія подъ

именемъ ордынцевъ. Дать этому, все болѣе и болѣе увеличивающемуся, населенію возможность мирнаго существованія и занятія земледѣліемъ и торговлею было задачею высокой важности. Это поняли московскіе князья и къ осуществленію тишины и порядка они стремились разнообразными способами. Какъ извѣстно, уже Ивану Калитѣ предписываютъ обычай самому доставлять въ орду дань или „выходъ“, обычай, избавлявшій его княжество отъ нашествія татарскихъ сборщиковъ податей на страну, съ одной стороны, обогащавшій, какъ извѣстно, самого князя, съ другой, такъ какъ изъ собраннаго онъ не все отдавалъ въ орду. Полученіе московскимъ княземъ Иваномъ Калитою въ 1328 г. велико-княжескаго стола имѣло своимъ слѣдствіемъ, по сказанію лѣтописца, водвореніе спокойствія на сѣверо-востокѣ: „бысть оттолѣ тишина велика по всей русской земли на сорокъ лѣтъ и преста татарови воевати землю рускую и закалати христіанъ; и отдохнуша и упочинуша христіане отъ великія истомы и многія тягости“. Результатъ этой тишины рѣзко сказался уже вскорѣ, а именно тогда, когда почти всѣ сѣверо-русскіе князья, между рѣкою Непрядвою и Дономъ, на Куликовомъ полѣ, въ 1380 г., собрались вмѣстѣ и когда Дмитрій Донской разбилъ татаръ, одержавъ надъ ними блестящую побѣду.

Содѣйствіе, оказанное Москвѣ въ осуществленіи ея задачъ отдѣльными частями населенія.

Въ указанной политикѣ собиранія земли и укрѣпленія своей власти московскіе князья нашли многообразную помощь съ разныхъ сторонъ и прежде всего со стороны духовенства и бояръ. Духовенство весьма рано, а именно еще со времени принятія христіанства, явилось у насъ проводникомъ византійскихъ идей; эти идеи вліяли на весь государственный и гражданскій строй обращенной въ новую вѣру страны. По вѣрному замѣчанію Соловьева, „немедленно послѣ принятія новой вѣры мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но, христіанство принято изъ Византіи; русская земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское; отсюда понятно и гражданское вліяніе имперіи на юное русское государство“. Между многими понятіями, принесенными къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, явилось понятіе о божественномъ происхожденіи власти и необходимости повиновенія, въ силу этого, земнымъ носителямъ этой власти, при чемъ, согласно съ византійскимъ правомъ, такой носитель долженъ быть единоличнымъ, единодержавнымъ правителемъ: единому Богу на небесахъ долженъ соотвѣтствовать единый властитель на землѣ. Идеи эти не находили, однако, для своего развитія и

укрѣпленія первоначально соотвѣтственной почвы, какъ ввиду вѣчевого уклада страны, такъ и ввиду княжескихъ усобицъ, дробившихъ страну на много государствъ; лишь отдѣльные князья, какъ, напр., Андрей Боголюбскій, еще въ концѣ XII вѣка, въ эпоху сильнѣйшаго развитія удѣльной системы, пытались, хотя и неудачно, сдѣлаться единодержавными и самодержавными правителями. Только на Москвѣ эти идеи получаютъ, хотя далеко несразу, возможность развиваться, и прежде всего вслѣдствіе иного положенія здѣсь вѣча. Вѣче, было, какъ извѣстно, и въ Ростово-Суздальской волости, какъ въ старшихъ ея городахъ — Ростовѣ и Суздалѣ, такъ и младшихъ, какъ Москва, Дмитровъ и др.; извѣстія о немъ начинаютъ появляться со второй половины XII вѣка и идутъ до второй половины XIII вѣка. Но, при этомъ надо отмѣтить, что послѣднія вѣчевыя собранія часто должны были выступать въ новой роли, прежде имъ неизвѣстной и совершенно для нихъ неподходящей, а именно — въ безплодной борьбѣ съ татарскими „данниками“, т. е. сборщиками дани. Подъ 1262 г. напр., лѣтопись говоритъ: „избави Богъ отъ лютаго томленья бесурменскаго люди ростовскія земли: вложи ярость въ сердца крестьяномъ, нетерпяще насилья поганыхъ, изволиша вѣчь и выгнаша (ихъ) изъ городовъ, изъ Ростова, изъ Володиміра, изъ Суздаля, изъ Ярославля; окупахуть бо тіи окаянніи бесурмени дани“; подъ 1289 г. читаемъ: „князь Дмитрій Борисовичъ сѣде въ Ростовѣ. Умножиже ся тогда татаръ въ Ростовѣ и гражане створиша вѣче и изгнаша ихъ, а имѣніе ихъ разграбиша“. Указанныя дѣйствія народа имѣютъ скорѣе характеръ народнаго возмущенія, чѣмъ правильнаго функціонированія вѣчевого собранія. Здѣсь только употреблено лѣтописцемъ, по привычкѣ, старое слово вѣче, но само вѣче является не въ свойственной ему роли, является выбитымъ изъ своей обычной колеи и близкимъ потому къ паденію. Затѣмъ, вѣче въ Москвѣ, — первоначально пригородѣ, младшемъ городѣ, — вообще имѣло меньшее значеніе, какъ и вездѣ, сравнительно съ вѣчемъ главнаго города; возвышеніе-же Москвы въ самостоятельный городъ особаго княжества Московскаго относится къ самому концу XIII вѣка, когда вѣчевыя собранія вообще замолкаютъ и когда народу, спасавшемуся отъ татарскихъ и иныхъ погромовъ и устраивавшемуся на новыхъ мѣстахъ, было вообще не до управленія страною.

Къ тому-же едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что начало возвышенія Москвы, а затѣмъ и расширеніе ея границъ, водвореніе въ ней мира, отстраненіе татаръ отъ вмѣшательства въ управленіе и т. д. было въ значительной мѣрѣ дѣломъ личной политики князей Московскихъ, а не результатомъ дѣятельности самого города, какъ вѣчевой общины, какъ это было въ Нов-

городѣ или Псковѣ. Такимъ образомъ, одинъ изъ элементовъ верховной власти, стоящій въ предъидущій періодъ на пути развитія власти князей, вѣче, сходитъ со сцены раньше, чѣмъ Москва достигаетъ своего могущества. Народъ, впрочемъ, не относится безучастно въ сѣверо-русскихъ земляхъ къ возвышенію Москвы, онъ работаетъ, вмѣстѣ съ другими элементами, на пользу усиленія власти Московскихъ князей, такъ какъ, по выраженію одного изъ выдающихся историковъ Москвы, Забѣлина, „народъ, отягченный, и татарскими погромами, и междоусобными распрями князей, естественно, относится сочувственно къ Московскимъ князьямъ и ихъ хозяйственной дѣятельности“. Но, народъ, какъ составной элементъ верховной власти, исчезаетъ и является теперь лишь ввидѣ подданныхъ. Собирая землю и усиливая свою власть, Московскіе князья, естественно, нашли въ духовенствѣ своего первѣйшаго союзника уже по принципіальному сходству ихъ идей съ византійскими идеями духовенства. Кромѣ того, духовенство не могло не видѣть въ объединеніи русскихъ княжествъ великаго національнаго дѣла. Наиболѣе важнымъ актомъ помощи духовнаго сословія, оказаннаго Московскимъ князьямъ, было, какъ извѣстно, перенесеніе митрополіи въ Москву, благодаря чему послѣдняя сдѣлалась русскимъ религіознымъ центромъ: еще въ 1299 г. Кіевскій митрополитъ Максимъ переселился во Владиміръ на Клязьму; его преемникъ Петръ часто и подолгу пребывалъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ (въ 1326 г.); митрополитъ Ѳеогностъ, бывшій послѣ него, явился уже митрополитомъ Московскимъ и хотя, по наивному замѣчанію лѣтописца, „инымъ-же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже городъ Москва митрополита имяше, въ себѣ живуща“, но фактъ совершился, благодаря усиліямъ Московскихъ князей и оставилъ въ тогдашнемъ обществѣ громадное и выгодное для этихъ князей впечатлѣніе; дѣло было затѣмъ завершено преобразованіемъ митрополіи въ патріаршество (въ 1589 г.). Въ общемъ, можно утверждать вполнѣ справедливо, что духовенство весьма способствовало нравственному освященію власти Московскихъ государей.

Неменьшее значеніе имѣла и помощь, оказанная князьямъ боярскимъ классомъ, какъ это многократно свидѣтельствуютъ сами князья и какъ объ этомъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ. Симеонъ Гордый, напр., въ своемъ завѣщаніи проситъ братьевъ слушать митрополита, а „такожъ старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему (Іоанну Калитѣ) добра и намъ“; Дмитрій Донской говоритъ, умирая, дѣтямъ: „бояры своя любите, честь имъ достойную вздавайте противу служеній ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите“, самимъ-же боярамъ, благодаря ихъ за службу, в. князь говоритъ: „съ вами на многи

страны мужествовалъ, вами въ браняхъ старшенъ былъ и Божіею помощію низложихъ враги своя и покорихъ подъ себе; съ вами великое княженіе вельми укрѣпихъ и тишину княжеству своему сотворихъ и державу отчины своея соблюдохъ". Боярскій классъ, — иначе говоря крупно-землевладѣльческій классъ, — не только въ XIV вѣкѣ, къ которому эти слова князей относятся, но и позднѣе, до второй половины XV вѣка, — является наиболѣе крупною политическою силою, отдавшеюся всецѣло на служеніе Московскимъ князьямъ. Лишь тогда, когда дѣло единодержавія и самодержавія оказалось уже почти сдѣланнымъ, боярство начинаетъ проявлять оппозицію противъ московскихъ порядковъ, а именно — со второй половины XV и особенно въ XVI вѣкѣ; до этого бояре, вмѣстѣ съ духовенствомъ, самые важные защитники Москвы. Но, не говоря уже о томъ, что боярство (подобно духовенству) вообще помогало сложенію и развитію власти Московскихъ князей, какъ великому національному дѣлу, объединявшему русское населеніе воедино и дававшему затѣмъ ему силы для внѣшней борьбы за независимость, оно могло также находить въ этомъ для себя и важныя экономическія выгоды и удобства. Бояре, подобно представителямъ высшаго духовенства и монастырямъ, были крупными землевладѣльцами; землевладѣніе это нуждалось въ мирѣ и спокойствіи, съ одной стороны, въ рабочихъ рукахъ, съ другой. То и другое больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, въ удѣльное время могло обезпечиваться уже съ конца XIII вѣка въ небольшомъ Московскомъ княжествѣ, куда и начинаютъ притекать знатные и вмѣстѣ вольные слуги со всѣхъ концовъ земли русской. Чѣмъ больше расширялось Московское княжество, тѣмъ больше вотчинъ и помѣстій могли получать отъ князей бояре: чѣмъ выше дѣлалась власть князей, тѣмъ болѣе почета и выгодъ было въ службѣ у Московскихъ великихъ князей. При этомъ, только сильное Московское правительство могло закрѣпить за землевладѣніемъ рабочія руки, нужныя ему прежде всего потому, что рабовладѣніе въ этотъ періодъ количественно значительно сокращается и надо было пользоваться услугами свободнаго населенія, заставивъ его, такъ или иначе, сидѣть на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Если въ помощи, которую оказывало духовенство и боярство политикѣ Московскихъ князей, можно видѣть сознательное служеніе новымъ началамъ объединенія, то знаменитою формулою, которая когда-то была сказана Карамзинымъ, а именно формулою, что „Москва обязана своимъ величіемъ ханамъ", изображается совершенно безсознательное служеніе дѣлу возвышенія Москвы со стороны татаръ. Московскіе князья не-только находили въ ханахъ постоянныхъ себѣ помощниковъ въ борьбѣ съ другими княжествами за преобладеніе, получая

отъ нихъ ярлыки на великокняжескій столъ, но татарское иго, — измѣнивъ отношеніе князей къ народу или вѣчу, а равно и явившись важнымъ факторомъ во взаимныхъ отношеніяхъ князей, которые должны были отнынѣ прежде всего считаться съ волею хановъ, а не съ волею народа и не со своими взаимными распрями, — косвенно повліяло на укрѣпленіе въ умахъ единодержавія: борьба съ сильнымъ врагомъ возможна была только при единствѣ силъ.[1]).

Таковы причины возвышенія Москвы. Вопросъ объ этихъ причинахъ, какъ мы сказали, есть вопросъ о тѣхъ особыхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, которыя выдвинули Москву среди всѣхъ другихъ княжествъ и создали новый періодъ исторіи нашей. Но, чтоже, однако, этотъ періодъ связываетъ съ предъидущимъ и поскольку продолжается преемственность историческаго процесса въ этотъ новый періодъ? Въ немногихъ словахъ отвѣчая на этотъ вопросъ, надо сказать, что дѣло національнаго, или народнаго, объединенія, для котораго такъ много было культурныхъ элементовъ въ Кіевской (какъ это уже современно отмѣчалось нами), должно было рано или поздно завершиться объединеніемъ политическимъ. Установить это объединеніе пытались уже вѣка назадъ наши лучшіе князья, но путь, по которому шли ихъ попытки, былъ очень труденъ, да онъ и не былъ пройденъ ими до конца, такъ какъ не было создано такихъ общихъ союзныхъ учрежденій, которыя, — не уничтожая извѣстной доли самостоятельности отдѣльныхъ княжествъ, — приводили-бы всѣхъ ихъ къ необходимости подчиняться одной федеративной власти, достаточно сильной, чтобъ настоять на исполненіи своихъ требованій. Въ Московскій періодъ исторіи нашей проводится, собственно говоря, въ жизнь таже мысль о превращеніи культурнаго единства въ единство политическое, или созданія изъ русскаго населенія, какъ этническаго понятія, понятія политическаго: но она, однако, проводится теперь другими средствами, оказавшимися болѣе по плечу времени и его тяжелымъ условіямъ, а именно это единство строится не на конфедеративномъ началѣ, а на подчиненіи всѣхъ ея частей одному центру, на созданіи одной общей и сильной власти.

---

1) О татарахъ и о монгольскомъ игѣ см. статьи въ „Русской исторіи“, изданной подъ редакціею проф. Довнаръ-Запольскаго (М., 1910 г.), т. I, изд. II, стр. 564 и сл., гдѣ указана и литература вопроса.

Глава I.

Территорія.

Внѣшній ростъ территоріи Московскаго государства и основанія, на которыхъ пріобрѣтались отдѣльныя части территоріи.

Приступая къ разсмотрѣнію вопроса объ образованіи территоріи Московскаго государства, остановимся прежде всего на краткомъ очеркѣ внѣшняго роста его территоріи[1]) и основаній, на которыхъ пріобрѣтались отдѣльныя части этой территоріи, а затѣмъ коснемся вопроса объ юридическомъ характерѣ этихъ присоединеній, или пріобрѣтеній.

Московское княжество, какъ извѣстно, начало свое историческое поприще съ небольшой области, лежавшей по Москвѣ-рѣкѣ. Первый великій князь Московскій Іоаннъ Калита, если не считать довольно обширнаго княжества Переяславскаго, владѣлъ къ 1228 г. всего 6-ью городами съ ихъ уѣздами (а именно Москвою, Коломною, Можайскомъ, Звенигородомъ, Серпуховымъ, Рузою), т. е. пространствомъ всего около 500 кв. миль. Однако, къ началу княженія Іоанна III (т. е. къ 1462 г.) владѣнія Московскихъ государей простирались уже до 15 т. кв. милл.; иначе говоря, черезъ 125 лѣтъ они увеличились въ 30 разъ. Способы увеличенія были различны: Іоаннъ Калита, напр., купилъ три города, а именно Угличъ, Бѣлоозеро, Галичъ, Дмитрій Донской присоединилъ силою Галицкое княжество, или, какъ выражается лѣтописецъ, „взялъ волю“ надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ, затѣмъ купилъ часть Мещерской области (въ Рязанскомъ княжествѣ); сынъ его Василій I купилъ у татаръ княжества Муромское и Нижегородское, выгнавъ, съ помощью тѣхъ же татаръ, ихъ князей.

Наибольшія пріобрѣтенія, на счетъ другихъ русскихъ княжествъ и городовъ, были сдѣланы, однако, въ продолжительное царствованіе Іоанна III, при чемъ основанія, по которымъ дѣлались эти пріобрѣтенія, также были весьма различны. Такъ ярославскіе князья, видя безполезность борьбы съ Москвою, сами уступили свои княженія, великое и удѣльныя Іоанну III, а два ростовскіе князя продали остававшуюся еще за ними часть княжества; въ 1478 г. былъ покоренъ Новгородъ, въ 1485 г. взята была Тверь, въ 1489 г. — Вятка, а въ концѣ столѣтія цѣлый рядъ мелкихъ князей (какъ князья вяземскіе, одоевскіе,

1) О расширеніи территоріи Московскаго государства и утвержденіи единодержавія подробныя свѣдѣнія собраны В. С. Иконниковымъ въ его „Опытѣ русской исторіографіи“, т. II, часть II (Кіевъ, 1908 г.), гл. I.

новосельскіе, воротынскіе и др.) сами били челомъ о принятіи ихъ на службу къ государю Московскому. При Іоаннѣ же III, наряду съ присоединеніемъ русскихъ княжествъ, началось присоединеніе инородческихъ областей: такъ въ 1472 г. завоевана Пермская земля, въ 1483 г. Югорская, при чемъ въ 1499 г. московскіе войска перешли за Уральскія горы. Въ княженіе Василія III присоединены были послѣдніе города и княженія, сохранявшіе еще независимость: съ 1510 по 1523 гг. таковыми были Псковъ, Смоленское, Рязанское и Сѣверское княжества; наконецъ, при Іоаннѣ IV завоеваны были царства Казанское, Астраханское и Сибирское.

Переходя къ XVII вѣку, надо сказать, что начало его было весьма неблагопріятно для сѣверо-восточной Руси: прекращеніе династіи Рюрика и послѣдовавшее затѣмъ смутное время нетолько пріостановили на время ростъ территоріи Московскаго государства, но и сопровождались потерею важныхъ для него областей; такъ, по Столбовскому договору со Швеціей въ 1617 г., были отданы ей Ивангородъ, Ямъ, Копорье, Орѣшекъ и Кексгольмъ; Польшѣ, по Деулинскому перемирію 1618 г. (заключенному на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ), были отданы города Смоленскаго княжества и часть Сѣверской области; эти же города, кромѣ г. Серпейска, были затѣмъ оставлены за нею въ 1634 г., по вѣчному миру, заключенному при рѣкѣ Поляновкѣ. Но эта пріостановка роста территоріи Московскаго государства была лишь временной и самъ вѣчный миръ съ Польшею былъ весьма непродолжителенъ: на знаменитомъ Земскомъ Соборѣ 1 октября 1653 г. было рѣшено принять въ подданство Малороссію, что вовлекло Московскую Русь въ войну съ Польшею, окончившуюся Виленскимъ договоромъ 24 октября 1656 г., по которому къ Московскому государству присоединялись Бѣлоруссія и Малоруссія. Гордая своимъ національнымъ и политическимъ единствомъ, торжественно подтвержденнымъ Земскими Соборами (избиравшими уже государями „всея Руси“ сперва царя Бориса, потомъ Василія Шуйскаго, и, наконецъ, Михаила Ѳеодоровича), Москва никогда еще не выдвигала такъ далеко своихъ форпостовъ на Западъ Европы, какъ послѣ 1-ой войны съ Польшею, окончившейся Виленскимъ договоромъ. Но такое ея движеніе на Западъ не могло быть сразу и безропотно признано Польшею, еще сравнительно недавно въ самой Москвѣ боровшейся за преобладаніе свое на востокѣ Европы. Послѣдовала, какъ извѣстно, вторая война съ Польшею, гораздо менѣе удачная для Москвы, чѣмъ первая, и часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи была потеряна, но всеже Андрусовское перемиріе въ 1667 г. утвердило за Россіею Смоленскъ и нѣкоторые другіе города того-же княжества, а глав-

ное — признало присоединеніе къ Московскому государству Малороссіи къ востоку отъ Днѣпра съ г. Кіевомъ во главѣ, хотя и уступленномъ Москвѣ всего на 2 года, но оставшимся за нею навѣки; въ 1686 г. статьи Андрусовскаго перемирія были утверждены навсегда.

Таковъ самый краткій очеркъ внѣшняго роста территоріи Московскаго княжества, затѣмъ великаго княжества и, наконецъ, Московскаго царства, или государства. Какъ видно изъ этого очерка, государственная территорія расширялась, въ этихъ послѣдовательно смѣнявшихъ другъ друга формахъ національнаго объединенія, разнообразными способами: путемъ войнъ, насильственныхъ и добровольныхъ присоединеній, путемъ покупокъ, пріобрѣтенія земель по завѣщанію и т. п. Война и насильственное завладѣніе чужими землями являются способами, примѣняемыми сильными сосѣдями по отношенію къ слабымъ, при удобныхъ случаяхъ, едва-ли не вездѣ и едва-ли не во всѣ времена, а потому на нихъ нѣтъ основанія здѣсь останавливаться особо. Наоборотъ, такіе способы, какъ пріобрѣтеніе территорій куплею, или добровольною передачею ихъ во владѣніе другимъ, — а именно эти способы весьма содѣйствовали расширенію территоріи Московскаго государства — заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ они не встрѣчаются постоянно въ исторіи сложенія большихъ государствъ и не встрѣчаются потому, что требуютъ для своего осуществленія комбинаціи многихъ особыхъ условій. Отъ предъидущаго періода князья Московскіе унаслѣдовали взглядъ на государственную территорію, какъ на свою отчину (или вотчину), которую они могутъ распоряжаться, какъ хотятъ. Этотъ взглядъ тогда раздѣлялся и всѣми другими князьями, но нигдѣ онъ не привелъ къ такимъ оригинальнымъ послѣдствіямъ, какъ въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ XIII—XIV вѣковъ. Земля Суздальская въ XII-мъ вѣкѣ, во главѣ съ г. Владиміромъ, составляла одно княженіе и занимала все среднее теченіе р. Волги и ея притоковъ, но уже въ XIII-мъ столѣтіи она распалась на 4 княжества: 1) Ростовское, самое сѣверное, съ городами Ярославлемъ, Угличемъ, Бѣлоозеромъ, 2) Суздальско-Нижегородское — по нижнему теченію Оки и по Волгѣ, 3) Московское — въ центрѣ и 4) Тверское — на югѣ Суздальской земли. Каждое изъ этихъ княжествъ, именовавшихся великимъ, раздѣлилось на много удѣловъ[1]), которые въ XIV—XV вѣкахъ были нерѣдко такъ незначительны по

1) Такъ, напр., Тверское княжество, бывшее по 2-ой половинѣ XIII вѣка еще единымъ, въ половинѣ XIV вѣка раздѣляется на удѣлы Дорогобужскій, Кашинскій, Холмскій, Микулинскій; въ началѣ XV вѣка въ немъ образуется еще 4 удѣла. Въ XIV—XV в.в. изъ Ростовскаго княжества выдѣляются княжества Бѣлоозерское и Ярославское,

своимъ размѣрамъ, что скупка ихъ не представляла, съ финансовой точки зрѣнія, никакого затрудненія, особенно ввиду бѣдности ихъ князей, съ одной стороны, и естественнаго ихъ стремленія, съ другой, перейти на службу къ болѣе сильнымъ и богатымъ князьямъ, а таковыми были уже съ XIV вѣка на сѣверо-востокѣ главнымъ образомъ князья Московскіе. Князья этихъ небольшихъ удѣловъ, будучи dejure государями, defacto мало чѣмъ отличались отъ бояръ-вотчинниковъ.

Такимъ образомъ принципъ удѣльнаго дробленія своихъ княжествъ, доведенный въ Суздальской землѣ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, вызывалъ естественную реакцію: мелкіе удѣльные князья, владѣнія коихъ нерѣдко состояли изъ незначительнаго города, или нѣсколькихъ селъ, сами тяготились своимъ положеніемъ и охотно уступали свои земли тому, кто за нихъ больше давалъ и кто обезпечивалъ за ихъ прежними владѣльцами больше привиллегій, но никто, кромѣ князей Московскихъ, не могъ тогда этого сдѣлать. Тамъ-же, гдѣ послѣдніе встрѣчались съ притязаніями на эти земли другихъ сильныхъ князей, какъ тверскихъ, рязанскихъ и др., они пускали въ ходъ иные способы, прибѣгали къ помощи хановъ, духовенства, бояръ. Въ общемъ, частно-правовой взглядъ на владѣніе княжествами, съ одной стороны, чрезвычайное дробленіе удѣловъ, съ другой, значительно облегчали политику пріобрѣтенія земель куплею или уступкою. Въ слѣдующій періодъ нѣтъ налицо этихъ обстоятельствъ, почему нѣтъ и пріобрѣтенія земель указанными способами. Пріобрѣтеніе Москвою мирнымъ путемъ многихъ территорій прежнихъ княжествъ характерно еще въ томъ отношеніи, что оно показываетъ отношеніе населенія къ факту присоединенія. Какъ-бы ни укоренился въ князьяхъ взглядъ на территорію ихъ княжествъ, какъ на свою собственность, которою они могутъ распоряжаться какъ хотятъ, но мирный исходъ присоединеній въ значительной степени объяснялся тѣмъ фактомъ, что въ самомъ населеніи присоединяемыхъ княжествъ было извѣстное тяготѣніе къ Москвѣ. Даже въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда Москвѣ приходилось вести борьбу за территорію (какъ это надо отмѣтить, напр., по отношенію къ Новгороду или Пскову), борьба эта въ значительной мѣрѣ облегчалась тѣмъ, что въ самомъ Новгородѣ и Псковѣ былъ классъ, который стоялъ за Москву. Новгородъ, какъ и Псковъ, были торговыми республиками; въ нихъ задолго до возвышенія Москвы, а именно еще съ XIV вѣка,

---

причемъ каждое изъ нихъ подраздѣляется на рядъ мелкихъ удѣловъ какъ, напр., Ухтомскій, Вадбольскій (въ первомъ), Моложскій, Шехонскій и др. (во второмъ).

замѣчается усиленіе борьбы между двумя политически-равноправными, но экономически различно-поставленными классами, высшимъ, богатымъ классомъ, и низшимъ, бѣднымъ имущественно, городскимъ населеніемъ, т. е. между боярами и черными людьми. Нигдѣ, какъ въ городахъ, не чувствуется обыкновенно, такъ рѣзко экономической противоположности между имущими и неимущими классами: нигдѣ поэтому и сами отношенія не принимаютъ такого враждебнаго характера. Фактъ этой классовой борьбы въ исторіи указанныхъ 2-хъ городскихъ нашихъ республикъ не подлежитъ сомнѣнію и именно его наличность значительно облегчила для Москвы обладаніе ими, такъ какъ неимущее населеніе вовсе не видѣло ухудшенія въ своей судьбѣ отъ присоединенія къ Москвѣ, а, наоборотъ, стояло за Москву, какъ по враждебности къ своей собственной денежной аристократіи, такъ и по смутному сознанію, что политическое объединеніе будетъ имѣть однимъ изъ своихъ слѣдствій смягченіе экономическихъ неравенствъ и уравненіе положенія населенія, весьма, конечно, неодинаковаго въ различныхъ княжествахъ.

Наряду съ указанною причиною, наиболѣе рѣзко сказавшеюся въ Новгородѣ, можно отмѣтить и другія: въ мелкихъ княжествахъ нетолько сами князья, но и ихъ служилый классъ, часто и охотно мѣняли свое положеніе на службу Москвѣ, ввиду тѣхъ удобствъ, какія вообще служба представляла въ богатомъ княжествѣ. Такое отношеніе къ Москвѣ особенно сказалось въ сѣверо-восточныхъ княжествахъ, служилое сословіе которыхъ могло наблюдать воочію различіе между положеніемъ служилыхъ людей тамъ и здѣсь и видѣть, какъ много выгодъ представляла служба Московскимъ государямъ. Наоборотъ, въ сѣверо-западныхъ княжествахъ, уже съ XV вѣка, — съ усиленіемъ Литвы, какъ и въ юго-западныхъ — съ развитіемъ польскаго вліянія, тяготѣніе къ Москвѣ, помимо всѣхъ прочихъ частныхъ причинъ, объяснялось стремленіемъ сохранить свою вѣру и свою національность противъ все болѣе и болѣе возрастающаго польскаго вліянія, а равно и католицизма. Эта причина съ особенною яркостью сказалась на добровольномъ присоединеніи къ Московскому государству Малороссіи[1]), присоединеніи, имѣвшемъ громадное значеніе: политическое объединеніе великорусскаго племени, надъ чѣмъ работала Москва съ XIV вѣка до начала XVI столѣтія, закончилось включеніемъ въ Московское царство племени малорусскаго, что обезпечивало Москвѣ вліяніе на юго-западѣ

1) Подробности по вопросу о присоединеніи см. въ „Очеркѣ исторіи украинскаго народа“ проф. М. Грушевскаго (С.-П., 1906 г.), гл. XVI и сл.

и поддерживало вообще народную колонизацію юга, начавшуюся съ сѣверо-востока еще въ XV в. и продолжавшуюся въ XVI—XVII в. в.

Общій характеръ присоединеній территоріи на Москвѣ. Присоединеніе Малороссіи.

Присоединеніе Малороссіи имѣетъ важное значеніе нетолько съ народной и политической точекъ зрѣнія, но и съ юридической, а именно со времени этотъ присоединенія государство Московское временно перестало быть государствомъ простымъ, а сдѣлалось сложнымъ. Въ наукѣ различаются два типа государствъ: государства простыя и сложныя. Простыми называются такія государства, въ которыхъ всѣ составныя его части всецѣло поглощаются даннымъ государствомъ, перестаютъ быть самостоятельными государствами, — если они таковыми были раньше — и входятъ in corpore новаго, или, какъ говорятъ, инкорпорируются. Если отдѣлъныя части такого государства и продолжаютъ пользоваться привиллегіями въ мѣстномъ самоуправленіи и сохраняютъ при этомъ свои мѣстныя особенности, то на эти привиллегіи и особенности надо смотрѣть, какъ на дарованныя тѣмъ государствомъ, которое эти провинціи къ себѣ присоединило; они производнаго, а не первообразнаго характера, зависятъ отъ воли присоединяющаго государства, а не отъ желаній присоединяемаго. До присоединенія Малороссіи всѣ государства-княжества, входившія въ составъ Московскаго государства, либо инкорпорировались въ моментъ присоединенія, либо оставались нѣкоторое время въ качествѣ вассальныхъ государствъ, а затѣмъ превращались въ простыя провинціи Московскаго государства: первое имѣло мѣсто по отношенію къ небольшимъ удѣламъ, второе — къ обширнымъ княжествамъ, какъ, напр., Тверское. Впрочемъ, бывшіе удѣльные князья, подчинившіеся съ своими землями Москвѣ, сохраняли нетолько свои вотчины, но и получили первоначально иммунитеты на свои земли. Этихъ „служебныхъ князей“ еще Б. Н. Чичеринъ сравнивалъ съ феодальными баронами, которые, „будучи обязаны службою своему ленному господину, оставались вполнѣ независимыми внутри своихъ владѣній“. Позднѣе въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI в. они, подъ именемъ „княжатъ-бояръ“, стояли впереди московскихъ бояръ и выдѣлялись отъ нихъ своимъ происхожденіемъ.

Со времени присоединенія Малороссіи Московское государство, бывшее доселѣ государствомъ простымъ, дѣлается сложнымъ, такъ какъ въ этотъ моментъ происходитъ соединеніе 2-хъ государствъ. Соединеніе государствъ бываетъ 2-хъ типовъ, а именно различаютъ т. н. уніи и федераціи. О федераціяхъ мы имѣли случай уже говорить. Что-же касается уній, то это есть соединеніе

государствъ — не чрезъ единство общесоюзныхъ учрежденій, какъ въ федераціяхъ, а чрезъ единство монарха. Уніи бываютъ 2-хъ родовъ: личныя и реальныя. Личная унія — такое соединеніе государствъ, которое основано на случайномъ и временномъ занятіи однимъ и тѣмъ-же монархомъ 2-хъ троновъ, или 2-хъ престоловъ, при чемъ во всемъ остальномъ оба государства остаются совершенно раздѣльными. Такое случайное соединіе 2-хъ государствъ, въ лицѣ единаго монарха, можетъ произойти, или вслѣдствіе избранія монарха одного государства на тронъ другого, сдѣлавшагося свободнымъ, или вслѣдствіе родственныхъ связей двухъ династій, благодаря чему монархъ одного государства случайно является на тронѣ другого. Реальная унія есть соединеніе, основанное не на случайной общности монарха, а на соединеніи, являющемся результатомъ общаго закона о престолонаслѣдіи, по которому монархъ одного государства есть eo ipso всегда и монархъ другого. Къ какому изъ 2-хъ типовъ (федераціи или уніи) болѣе подойдетъ первоначальное присоединеніе Малороссіи? Его нельзя подвести подъ начало федераціи, такъ какъ ни въ моментъ присоединенія, ни позднѣе не было создано общей союзной власти и учрежденій, которыя-бы, объединяя эти 2 государства, въ тоже время обезпечивали ихъ самостоятельность; его нельзя подвести и подъ понятіе реальной уніи, такъ какъ не было выработано какого-либо общаго закона о престолонаслѣдіи, по которому монархъ Московскій eo ipso становился-бы и монархомъ Малороссіи. Принимая-же во вниманіе, что въ моментъ присоединенія Малороссія присоединялась, какъ особое государство, имѣющее свое особое устройство, войско, законодательство, право сношеній съ иностранными государствами, нельзя ее признать и инкорпорируемой провинціею. Остается личная унія; по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ нашихъ (напр., проф. Сергѣевича) на ея основаніи и было произведено соединеніе, а именно на знаменитой Переяславской радѣ 1654 г., рѣшившей это присоединеніе, прямо была высказана та мысль, что Малороссія присоединяется къ Москвѣ, „желая быть подъ царемъ Московскимъ православнымъ, нежели ненавистникамъ Христовымъ достаться“, подразумѣвая подъ послѣдними турецкаго султана и крымскаго хана. Личная унія, впрочемъ, остается недолго и уже въ XVIII вѣкѣ Малороссія инкорпорируется.

Глава II.

Верховная власть.

§ 1.

Характеристика власти московскихъ государей[1]).

Сказанія современниковъ о характерѣ власти московскихъ государей

Обращаясь къ вопросу о характеристикѣ верховной власти изучаемаго періода, надо прежде всего замѣтить, что законодательная формулировка понятія верховной власти у насъ является только въ XVIII в. Это обстоятельство затрудняетъ рѣшеніе вопроса о томъ, какъ характеризовать власть государей Московскаго періода, такъ какъ, не имѣя опоры въ законодательствѣ, ученымъ приходится строить свои выводы на изученіи трудноуловимыхъ и измѣнчивыхъ данныхъ обычнаго права. Этимъ, между прочимъ, объясняется тотъ разладъ мнѣній по вопросу о характерѣ верховной власти государей въ Московскій періодъ, какой еще держится въ литературѣ, сглаживаясь, впрочемъ, все болѣе и болѣе при накопленіи историческаго матеріала по данной эпохѣ. Обращаясь къ этому матеріалу, надо вывести, что въ XVI—XVII вв. верховная власть Московскихъ государей, — вслѣдствіе постепеннаго угасанія началъ вѣчевого и договорнаго, вслѣдствіе долгой и упорной борьбы государства за свою политическую независимость, борьбы, которая требовала сосредоточенія сильной власти въ единыхъ рукахъ, наконецъ, вслѣдствіе постояннаго, вѣками длившагося, воздѣйствія византійскихъ теорій духовенства — слагается de jure окончательно во власть самодержавную, неограниченную. Такою эта власть представлялась современникамъ, особенно иностранцамъ, являвшимся къ намъ въ XVI—XVII вв., такою ее понимали всѣ, бравшіеся по какому-либо поводу за ея опредѣленіе: „россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояры и вельможи . . . . Како-же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?“ говорилъ Іоаннъ Грозный Курбскому. „Если хочешь быть самодержцемъ“, — внушалъ Іоанну Вассіанъ Топорковъ, — „не держи при себѣ ни одного

1) О взглядѣ на власть Московскихъ государей въ древней письменности см. А. Н. Пыпина „Исторія русской литературы“ (С.-П., 1902 г.), т. II. Литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: Н. П. Загоскина „О верховной власти“ (въ его сочиненіи „Исторія Права Московскаго государства“): М. А. Дьяконова „Власть Московскихъ государей“ (С.-П., 1888 г.); его-же „Царь въ Московскомъ государствѣ“ (Энциклоп. словарь Брокгауза); В. Саввы „Московскіе цари и византійскіе василевсы“ (Харьковъ, 1901 г.). Любопытныя взгляды на русскій государственный строй во II половинѣ XVII в. находимъ у Ю. Крижанича (см. соч. В. Вальденберга „Государственныя идеи Ю. Крижанича“, С.-П., 1912 г.).

совѣтника, который былъ-бы умнѣе тебя; держись правила: ты долженъ учить, а не учиться, повелѣвать, а не повиноваться, тогда будешь твердъ на царствѣ и страшенъ боярамъ". Такъ понималось самодержавіе въ періодъ борьбы со строптивымъ боярствомъ, такъ его опредѣляли раньше и позднѣе иностранцы. „Неизвѣстно, загрубѣлость-ли народа требуетъ такого самовластнаго государя, или отъ самовластія государя этотъ народъ сдѣлался такимъ грубымъ и жестокимъ", говорилъ Герберштейнъ. Сравненіе съ турецкимъ султаномъ стало даже общимъ мѣстомъ для иностранныхъ писателей при характеристикѣ ими власти Московскаго государя. По ихъ описаніямъ, властью своею надъ подданными Московскій государь превосходилъ всѣхъ государей въ свѣтѣ. Эта власть одинаково и безусловно простирается и на лицъ отъ перваго боярина до послѣдняго раба, и на имущества, ибо на Москвѣ „великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ и государь, какъ Богъ, и малаго дѣлаетъ великимъ". При упоминаніи въ разговорѣ имени государя присутствующіе обнажаютъ свои головы, нищіе протягиваютъ руку во имя Бога и государя; въ челобитьяхъ подписываются уничижительно-уменьшительными именами, постоянно называя себя рабами, холопами и сиротами его, великаго государя („работаю я, холопъ, вамъ, великимъ государемъ, яко Богу"... писалось, напр., съ челобитныхъ). Еще отецъ Іоанна Гр., Василій Ивановичъ, выгоняетъ изъ Б. Думы боярина Берсеня-Беклемишева, вздумавшаго говорить ему „встрѣчу": „пойди, смердъ, прочь, не надобенъ ми еси"; его сынъ стираетъ съ лица земли едва-ли не цѣлое поколѣніе бояръ, утверждая, что „жаловать своихъ холопей мы вольны, а и казнить ихъ вольныже", и на зло боярамъ, вступая въ управленіе, возводитъ въ вельможи человѣка, взятаго „отъ гноища нищаго"...

Понятіе о власти Московскихъ государей и черты ихъ дѣятельности по отношенію къ сложившемуся порядку.

Можно до безконечности приводить мнѣнія современниковъ и факты, взятые изъ временъ, и мирныхъ, и бурныхъ, и едва-ли не всѣ они, повидимому, только подверждаютъ взглядъ на московское самодержавіе, какъ на время господства полнаго деспотизма, съ одной стороны, и рабскаго безправія, съ другой. Но оставляя въ сторонѣ исключительныя эпохи и исключительные характеры, надо сказать, что къ XVII вѣку вырабатывается на Москвѣ типъ самодержавной власти, совсѣмъ неподходящій подъ видъ восточнаго деспотизма, какъ это казалось иностранцамъ, неимѣвшимъ возможности глубоко войти въ изученіе своеобразныхъ порядковъ Москвы. Несомнѣнно, типъ отношеній между государемъ и его слугами-холопами первоначально слагался у насъ, какъ впро-

чемъ, и вездѣ, не по началамъ государственнаго права, а по началамъ права частнаго или гражданскаго. Московскій государь выросъ изъ князя-вотчинника, князя собирателя земель, на которыя онъ долго смотрѣлъ, какъ на свой личный „прибытокъ“, и съ окружающими его служилыми людьми обращался, какъ съ холопами-слугами, то награждая ихъ за личную ему службу, то отнимая у нихъ имѣнія и кладя на нихъ свою опалу. Отсюда и всѣ внѣшніе аттрибуты отношеній князя-хозяина къ слугамъ-холопамъ, такъ поражавшіе иностранцевъ. Но они не должны насъ обманывать и быть переносимыми на сужденіе о типѣ государственной верховной власти въ XVI—XVII вв., во 1-хъ потому, что этими аттрибутами не исчерпывалось все ея внутреннее содержаніе, а, во 2-хъ потому, что къ частно-правнымъ, гражданскимъ основаніямъ верховной власти рано примѣшиваются, и все болѣе съ теченіемъ времени растутъ въ своемъ значеніи, начала права государственнаго, которыя и выражаются въ томъ различіи, какое начинаетъ сказываться между учрежденіями государевыми и государственными.

Если по отношенію къ личности и имуществу своихъ подданыхъ Московскій государь можетъ быть названъ абсолютнымъ владыкою, сдерживаемымъ въ своихъ дѣйствіяхъ только христіанско-моральными началами, то въ отношеніи къ государственному правопорядку онъ далеко не былъ неограниченнымъ монархомъ. Неограниченная de jure, власть государя Московскаго de facto, въ періодъ наибольшаго своего процвѣтанія, была обставлена такими учрежденіями, которыя немыслимы въ деспотіи, а именно Боярскою Думою и З. Соборами, и дѣйствовала, въ силу историческихъ условій своего образованія, такъ, что могла проявлять свою полноту надъ лицами, а не надъ порядками. „Московскій государь“, какъ справедливо выразился проф. Ключевскій въ своей „Боярской Думѣ“, „имѣлъ обширную власть надъ лицами, но не надъ порядкомъ, не потому, что у него не было матеріальныхъ средствъ владѣть и порядкомъ, а потому, что въ кругу его политическихъ понятій не было самой идеи о возможности и надобности распоряжаться порядками, какъ лицами“ (стр. 273, I-го изданія). На нашъ взглядъ, едва ли московскіе государи, еслибъ даже захотѣли, могли-бы „владѣть и порядкомъ“, т. е. всецѣло распоряжаться устройствомъ государства и общественныхъ классовъ. Но, формулировка ихъ власти, какъ власти „надъ людьми, а не надъ порядкомъ“, даетъ, кажется, возможность вполнѣ ясно понять сущность Московскаго государства, по внѣшнимъ аттрибутамъ и произволу надъ людьми, казавшагося деспотіею,

но представлявшаго въ себѣ нѣкоторыя особенности, совершенно немыслимыя въ деспотіи. Чтобъ доказать сказанное, надо обратиться, во 1-хъ, къ обзору законодательной дѣятельности Московскихъ государей, а во 2-хъ обратить вниманіе на отношеніе царя къ Боярской Думѣ и Земскимъ Соборамъ. Разсматривая прежде всего въ цѣломъ законодательную дѣятельность Московскихъ государей, мы замѣчаемъ, что вся она запечатлѣна удивительнымъ консерватизмомъ по формѣ и таковымъ-же новшествомъ по внутреннему своему содержанію. Передѣлывая старину по своему, Москва совершаетъ это не путемъ ломокъ, прямыхъ и быстрыхъ, а медленно и постепенно, постоянно ссылаясь на эту старину и подъ ея флагомъ проводя новое. Самое рѣзкое выраженіе эта тенденція находитъ въ перепискѣ Іоанна Гр. съ Курбскимъ: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Іоаннъ склоненъ видѣть въ своей дѣятельности только „старину и пошлину“, — какъ нѣкогда говорили, — не справляясь вовсе съ историческою правдою: „самодержавства нашего починъ“, говоритъ Грозный, „отъ великаго князя Владимира. . . .“ Вводя новшества, цари Московсіе постоянно ссылаются „на прародителей“ своихъ, на то, что основанія ихъ велѣній идутъ „оттолѣ“, отъ этихъ прародителей, „до сихъ мѣстъ“, какъ говорилось прежде, то есть до ихъ времени. Такъ стремятся Московскіе государи прикрыть свои воздѣйствія на порядокъ ссылкою на то, что они этотъ порядокъ будто-бы только поддерживаютъ, а не измѣняютъ. Всѣ культурные народы переживали такія историческія эпохи развитія, когда обязательность тѣхъ или иныхъ юридическихъ нормъ, исходящихъ отъ верховной власти, признается только въ томъ случаѣ, когда ими укрѣпляется все то, что идетъ изстари, что освящено долговременнымъ соблюденіемъ. Знаменитый, напр., собиратель саксонскаго права въ XIII в. и составитель его „зерцала“ (т. н. „Sachsenspiegel“) Эйке ф. Репгау или Репковъ (Repgau или Repkow) не находитъ лучшей похвалы собранному имъ матеріалу, какъ указаніе на его старину стародавнюю, на его перенесеніе отъ предковъ [1]). Это первоначальное воззрѣніе живетъ и въ Москвѣ XVI—XVII вв. Ему, сознательно или безсознательно, подчиняется законодатель, оно сдерживаетъ его въ ломкѣ старыхъ поряд-

1) Въ стихотворномъ предисловіи къ памятнику эта мысль выражена такъ:

„Dies Recht hab ich nicht erdacht
„Es habn von Alter uf uns bracht
„Unsere gute Vorfahren. . . . . .

(т. е.: „Это право не изобрѣтено мною; изстари принесли его къ намъ наши добрые предки“).

ковъ, оно примиряетъ съ новыми порядками даже тѣхъ, противъ кого эти порядки идутъ, такъ какъ эту ломку прикрываютъ уваженіемъ къ старому. Господствовать вполнѣ надъ исконисложившимся порядкомъ поэтому весьма трудно правителямъ при такомъ воззрѣніи; имъ надо измѣнять его очень осторожно и медленно, надо убѣждать подданныхъ, что въ ихъ новизнахъ старина слышится. . . Долгая неустанная борьба государей съ т. н. „правомъ отъѣзда“ служилыхъ людей и съ мѣстничествомъ можетъ служить наглядньмъ примѣромъ, подтверждающимъ сказанное.

Извѣстно, какъ сильно договорное начало проникало всѣ отношенія князей къ ихъ дружинникамъ въ Кіевскій періодъ, и неудивительно, что это начало, съ вытекавшимъ изъ него правомъ свободнаго отъѣзда, перешло первоначально и въ Москву, когда въ нее стали стекаться со всѣхъ сторонъ на службу дружинники. Въ Москвѣ это начало столкнулось съ другимъ, новымъ началомъ, а именно — съ началомъ крѣпости и вытекавшимъ изъ него слѣдствіемъ — обязательной службой уже не князю-товарищу, но великому князю, а позднѣе царю Московскому. Какъ-же поступаетъ Москва, чтобы измѣнить свободное договорное начало въ начало крѣпости? Въ наше время, когда законъ обязателенъ для всѣхъ и когда онъ господствуетъ (по крайней мѣрѣ — въ идеѣ), и надъ отдѣльными лицами, и надъ строемъ, стоило-бы издать извѣстныя правила, чтобы ввести въ жизнь тѣ или иныя начала. Жизнь, конечно, могла-бы не принять ихъ, если-бъ они слишкомъ шли въ разрѣзъ съ ея требованіями, но, по крайней мѣрѣ, никто не возражалъ-бы противъ права верховной власти издавать, установленнымъ de jure порядкомъ, извѣстные законы, считаемые ею необходимыми для блага страны. Не такъ стоитъ, однако, дѣло на Москвѣ. Въ данномъ примѣрѣ мы видимъ, что законодатель сначала, повидимому, вовсе не хочетъ покуситься на право свободнаго отъѣзда каждаго дружинника, а, напротивъ, хочетъ какъ-бы охранить это право: такъ лица, несвязанныя черезъ дачу имъ государями помѣстій, и лица, владѣвшія помѣстьями, лишь только оставляли ихъ, могли перейти на службу къ другому князю. До половины XV в. грамоты договорныя и духовныя выставляютъ общее правило: „а боярамъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля“ . . . или: „а боярамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля“, или: „а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ на службу не принимати...“ Отсюда видно, что только слуги „подъ дворскимъ“, — т. е. тѣ слуги, которые получали землю за свою службу и которыми, по ихъ земельнымъ отношеніямъ, завѣдывалъ дворскій или дворецкій, — обязаны были служить,

не отъѣзжая, общее же правило оставалось прежнимъ. При томъ и само исключеніе ослаблялось тѣмъ, что de jure и тотъ, кто былъ „подъ дворскимъ“, не былъ лично отвѣтственъ за отъѣздъ: онъ только терялъ въ такомъ случаѣ свое имущество, которое отбиралось великому князю. Но, не рѣшаясь сразу прикрѣпить служилыхъ людей и долго еще повторяя формулу — „а боярамъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля“, — московское правительство на практикѣ стремится къ постепенному нарушенію этого права отъѣзда, беря съ бояръ крестоцѣловальныя записи о неотъѣздѣ и прибѣгая ко всякимъ другимъ мѣрамъ, чтобы удержать у себя служилыхъ людей, оно борется съ правомъ отъѣзда долго спустя послѣ того времени, когда на Руси уничтожились вовсе удѣлы и отъѣзды могли совершаться только въ чужія земли. Такъ исторически-сложившійся порядокъ былъ тогда сильнѣе людей и долго противустоялъ власти московскихъ государей, по сказанію иностранцевъ-современниковъ, превосходившей своею силою власть всѣхъ монарховъ Европы.

Еще интереснѣе борьба нашихъ государей съ боярскимъ консерватизмомъ въ одномъ изъ его крайнихъ выраженій — мѣстничествомъ. Съ современной точки зрѣнія кажется непонятнымъ, какимъ образомъ на пространствѣ двухъ вѣковъ, въ теченіи которыхъ случалось боярству, въ лицѣ своихъ родовитѣйшихъ представителей, сотнями бывать, какъ въ царской опалѣ, или ссылкѣ, класть свои головы на плаху, такъ и видѣть вторженіе въ Б. Думу и приближеніе къ царю „людей худородныхъ“ и т. д., какимъ образомъ во все это долгое время гордая мѣстническая формула бояръ: — „за службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“ (т. е. „породою“) — признается государями и съ нею считаются они, только въ случаяхъ важной государственной необходимости, рѣшаясь временно обойти ее [но не уничтожить][1]). Это опять будетъ понятно, если вспомнить, что власть не господствовала надъ крѣпкимъ, исторически-сложившимся, государственнымъ строемъ, а онъ самъ держалъ ее въ извѣстномъ гармоничномъ отношеніи къ себѣ. Если обратить далѣе вниманіе на ту важную роль, какую вѣками играла Б. Дума въ созиданіи законодательства московскаго, если вспомнить о томъ, какую роль играли челобитья и З. Соборы, то станетъ яснымъ, что, неограниченная de jure, верховная власть государей de facto

1) Та же формула высказана въ отвѣтѣ, какой должны были дать въ 1615 г. московскіе послы полякамъ: „видали мы отъ прежнихъ государей опалы себѣ, только во всемъ государствѣ справа всякая была на насъ (т. е. все нами дѣлалось, справлялось), а худыми людьми насъ не безчестили, и чести нашей природной не отнимали“.

развивалась и дѣйствовала въ кругѣ учрежденій и понятій крѣпкихъ, устойчивыхъ, отъ которыхъ она не могла эманципироваться, нетолько по ихъ только-что указаннымъ качествамъ, но и потому, что она сама слагалась постепенно, и, наконецъ, потому, что она не могла-бы ничего найти имъ взамѣнъ. Не даромъ и въ смутное время поляки, видя плотность духовной и боярской среды, замыкавшейся около царя, немогшаго сдѣлать шага безъ высшаго духовенства и бояръ, считали необходимымъ, для проведенія своихъ плановъ, вырвать царя изъ этой среды и перенести царскую резиденцію изъ Москвы куда-нибудь въ иное мѣсто. Несомнѣнно, въ этомъ плотномъ кругѣ было много излишняго и слишкомъ неподвижнаго консерватизма, но его значеніе надо констатировать, чтобы понять устойчивость, органичность учрежденій Москвы и общій характеръ носителей верховной власти — государей Московскихъ. Только въ XVIII в. является возможною игра своими учрежденіями и понятіями и противопоставленіе имъ и смѣна ихъ чужими, и только въ XVIII в. верховная власть эманципируется болѣе или менѣе отъ вліянія среды. Намъ придется касаться дѣятельности Боярской Думы и Земскихъ Соборовъ, а равно и сложнаго приказнаго строя, и фактами подтвердить значеніе ихъ въ исторіи вопроса.

Попытки ограниченія власть московскихъ государей въ началѣ XVII в. и ихъ значеніе.

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ попытки ограничить верховную власть юридически, извѣстнымъ договоромъ съ государями, какія являются въ началѣ XVII в., прямо подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, а именно вымиранія своей династіи и смутъ междуцарствія. Эти попытки лучше всего показываютъ отношенія между властью и такими учрежденіями, какъ Б. Дума и З. Соборы, такъ какъ сами онѣ не идутъ дальше простого желанія закрѣпить юридически то положеніе вещей, какое въ дѣйствительности раньше существовало между верховною властью и названными учрежденіями, хотя и не было обставлено какими-либо гарантіями. Такъ бояре возводятъ на перестолъ Шуйскаго, взявши съ него запись, чтобы онъ никого не казнилъ безъ суда бояръ („не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими“), не отнималъ-бы имѣнія у родственниковъ преступника, не слушалъ доносовъ, а разслѣдовалъ бы дѣло, и поставя обвиняемаго и обвинителя съ очей на очи, наказывалъ-бы затѣмъ ложнаго доносчика. Въ этомъ актѣ боярство хотѣло закрѣпить за собою по закону то, что de facto въ обычномъ теченіи дѣлъ и такъ ему принадлежало. Есть свѣдѣнія, что Шуйскій пытался свергнуть съ себя это обязательство предъ боярствомъ. Такъ, при своей присягѣ онъ, по словамъ „Лѣтописи

о мятежахъ", сказалъ: „цѣлую я крестъ всей земли на томъ, что мнѣ ни надъ кѣмъ ничего дѣлати безъ Собору никакого дурна", на что, согласно съ исторической правдой, „бояре и всякіе люди говорили ему, чтобъ онъ на томъ креста не цѣловалъ, потому что въ Московскомъ государствѣ того не повелось", и эта формула присяги новаго царя была выпущена изъ его манифеста. Еще интереснѣе другая запись, которая была предложена 4 февраля 1610 года, подъ Смоленскомъ, Салтыковымъ сыну короля Польскаго — Владиславу. Здѣсь договоръ является уже не такимъ одностороннимъ, какъ при избраніи Шуйскаго, но и онъ старается только точнѣе опредѣлить и юридически закрѣпить то status quo, какое развилось въ XVI в. По этому договору верховная власть ограничивается З. Соборомъ и Б. Думою. Измѣненіе суднаго обычая или исправленіе Судебника зависитъ отъ бояръ и всей земли. Духовенство, бояре и всѣхъ чиновъ люди бьютъ челомъ царю по разнымъ вопросамъ, а государь обсуждаетъ ихъ челобитья „со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, боярами и всею землею, по обычаю Московскаго государства". Б. Дума, по договору, высшій законодательно-судебный органъ: безъ согласія съ Б. Думою государь не вводитъ новыхъ налоговъ, не рѣшаетъ вопросовъ о жалованьѣ, о вотчинахъ и помѣстьяхъ служилыхъ людей, никого не караетъ безъ суда „съ бояры всѣми" и и т. д. Но и въ этомъ договорѣ мало новаго. Есть извѣстія и свои (Котошихина, Татищева и др.) и иностранныя (Штраленберга, Фоккеродта и др.), что царь новой династіи — Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ выбранъ съ „записью", но ученые относятся къ этимъ извѣстіямъ, по большей части, отрицательно[1]). Ко-

1) Свѣдѣнія объ этой „записи" собраны въ статьѣ В. П. Алексѣева „Вопросъ объ условіяхъ избранія на царство М. Ѳ. Романова" (Русская Мысль, 1909 г., кн. XI). Вопросъ, за недостаткомъ данныхъ, остается пока неразрѣшеннымъ вполнѣ положительно въ ту или другую сторону, хотя болѣе вѣроятнымъ является предположеніе С. Ф. Платонова, что „ограничительной записи, или какого-либо документа, подтверждающаго эту запись, не имѣется", при чемъ, по мнѣнію тогоже автора, надо обратить вниманіе „на отсутствіе той среды, такого кружка лицъ, или такого учрежденія, отъ которыхъ могла-бы исходить идея записи. Боярство было разгромлено. Сверхъ того бояре, которые могли желать этой записи, были въ опалѣ. Земскій Соборъ 1613 г. и послѣдующій о ней нигдѣ не поднималъ вопроса („Начало династіи Романовыхъ", С.-П. 1912 г., стр. 149 и сл.); срав. также статью Ѳ. В. Тарановскаго „Соборное избраніе и власть великаго государя въ XVII вѣкѣ" (Ж. М. Ю., 1913 г., май), гдѣ авторъ доказываетъ, что „не можетъ быть рѣчи о записи, какъ о дѣйствительномъ государственномъ актѣ съ юридически обязательной силою" (стр. 33). Нѣсколько иначе смотритъ на вопросъ М. А. Дьяконовъ. Указавъ на то, что извѣстія памятниковъ говорятъ, что „съ 7 февраля (1713 г.) отложили соборныя засѣданія на 2 недѣли" и что „можно догадываться, что ре-

тошихинъ говоритъ даже, что „на всѣхъ царей", избиравшихся послѣ старой династіи, „были писаны письма", съ обязательствами, закрѣплявшими значеніе Б. Думы, съ которою государи должны были „мыслити о всякихъ дѣлахъ соопча", но, что „когда избирали на царство Алексѣя Михайловича, то письма онъ на себя не далъ никакого, что прежніе цари давывали, и не спрашивали, потому что разумѣли его гораздо тихимъ".

Такимъ образомъ исключительно тяжелыя обстоятельства царствованія Іоанна Гр., возбудившія громадныя опасенія въ боярствѣ, прекращеніе династіи и смуты междуцарствія, выдвинули въ обществѣ мысль о необходимости заключенія договора съ государемъ, но, по вѣрному замѣчанію В. О. Ключевскаго, эта мысль внесла очень мало въ правительственную практику", т. к. „политическій договоръ былъ только замѣною правительственнаго обычая, дѣйствовавшаго въ XVI в., но поколебавшагося въ концѣ этого столѣтія" (ibid., стр. 390). Но, если пытались оградить юридически тотъ порядокъ вещей, какой de facto обычно дѣйствовалъ, то, значитъ, было что ограждать, ergo — время XVI—XVII в. не было временемъ политическаго безправія и деспотизма, хотя несомнѣнно, что власть Московскаго государя-вотчинника, развивавшаяся въ началѣ на частно-правныхъ основаніяхъ и окруженная всѣми аттрибутами патріархальности и крѣпости [1]), могла вводить въ заблужденіе изслѣдователей, особенно своимъ отношеніемъ къ личности подданнаго. Въ XVIII вѣкѣ, когда нечего уже было ограждать, пришлось прибѣгнуть къ созданію новаго учрежденія, ввидѣ особаго „Верховнаго Тайнаго Совѣта".

Византійское и другія вліянія на развитіе идеи власти Московскихъ государей.

Мы уже указывали, что отчасти вліянію Византіи надо приписать тѣ стремленія къ абсолютизму, какія проявляются рано на Москвѣ и которыя находятъ себѣ сдержку въ твердомъ консервативномъ порядкѣ отношеній. Это положеніе подтверждается многими данными, хотя въ литературѣ были мнѣнія, что идея самодержавія къ намъ привита татарами. Еще Карамзинъ говорилъ, что „Москва обязана величіемъ своимъ ханамъ"; въ недавнее, сравнительно,

---

зультаты избирательной борьбы, поскольку они выяснились до 7 февраля, почитались ненадежными", М. А. Дьяконовъ добавляетъ, что „въ этихъ условіяхъ длительнаго соперничества борющихся партій и слѣдуетъ, вѣроятно, искать благопріятной обстановки для зарожденія плана ограничительной записи, примиряющей столкнувшіеся интересы" („Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство", С.-П., 1913 г., стр. 32).

1) „Вотчинническій, господарскій типъ" Московскихъ государей отлично изображенъ И. Е. Забѣлинымъ въ его извѣстной книгѣ „Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст." М., 1895 г., III изданіе).

время Костомаровъ развивалъ ту-же мысль, доказывая, что власть царей Московскихъ была продолженіемъ исчезнувшей власти ордынской. Но, если еще и можно допустить, что владычество татаръ укрѣпило нѣсколько развитіе единой и самодержавной власти Московскихъ государей, то сама идея ея появилась у насъ задолго до татарскаго нашествія, и все ея обоснованіе строилось въ Москвѣ всегда по началамъ византійскимъ. Достаточно указать на то, что русскій царь всегда представлялся защитникомъ и верховнымъ главою церкви[1]), что онъ считался продолжателемъ власти греческихъ царей, послѣ паденія Византіи, что именно византійскому вліянію и внушенію духовенства обыкновенно приписывали современники всѣ стремленія къ абсолютизму такихъ государей, какъ Іоаннъ III и Іоаннъ Гр., чтобъ согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе, что Византія всегда была для Руси источникомъ высшаго знанія, и оттуда приходила къ намъ теорія, на подмогу жизненнымъ фактамъ. Еще въ концѣ XV вѣка знаменитый проповѣдникъ Іосифъ Волоцкой училъ, что „бози бо есте (цари). Васъ бо (царей) Богъ въ себѣ мѣсто посади на престолѣ своемъ. Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію-же подобенъ есть вышнему Богу". Конечно, византійскія идеи о самодержавіи долго не могли найти себѣ мѣста въ вѣчевомъ укладѣ древней Руси (кромѣ отдѣльныхъ случаевъ), но въ XVI—XVII в. онѣ уже получили полное приложеніе. Самъ титулъ „царь", происхожденія византійскаго и есть сокращеніе титула „цесарь" (въ Остромировомъ Евангеліи XI вѣка, въ молитвѣ Господней читаетъ: „да пріидетъ цесарствіе твое"); въ литературныхъ памятникахъ вѣчевого періода онъ иногда присвояется наиболѣе важнымъ великимъ князьямъ, но, какъ политическій терминъ, титулъ „царь" сталъ употребляться только съ Іоанна III въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми иностранными государями; при Іоаннѣ IV — уже въ сношеніяхъ со всѣми, равно какъ и для законодательныхъ актовъ внутри государства. У древнихъ болгаръ и сербовъ также можно найти наименованіе „царь" для обозначенія носителя верхов-

1) „Московскіе государи", какъ это многообразно доказывается Н. Ѳ. Каптеревымъ, „въ сознаніи лежащей на нихъ обязанности заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и церкви, направлять и поправлять ихъ, если бы они въ какомъ-либо отношеніи приняли неправильное ученіе, считали себя, какъ намѣстники Бога на землѣ, призванными контролировать всю церковно-религіозную жизнь народа, имѣть надъ нею свой постоянный верховный надзоръ, руководить и заправлять всѣми дѣйствіями церковныхъ высшихъ властей, строго наблюдая, чтобы церковная дѣятельность послѣднихъ всегда была согласована съ божественнымъ закономъ, охранителями и исполнителями котораго являются цари" („Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михаиловичъ". С.-Посадъ М., 1912 г., т. II, стр. 77 и др.).

ной власти. Современники отмѣчаютъ наибольшее усиленіе вліянія византійскихъ порядковъ и идей послѣ брака Іоанна III съ Софіею Палеологъ. „Какъ пришли сюда мати великаго князя, в. кн. Софья съ вашими греки“ говорилъ извѣстный Берсень Максиму Греку, „такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ во Царѣ-городѣ при вашихъ царѣхъ; . . . здѣсь у насъ старые обычаи кн. великій перемѣнилъ . . . запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ“. Выше приводились уже тѣ внушенія, какія дѣлалъ Іоанну IV Вассіанъ, чтобы царь былъ самодержцемъ. Знаменитый политическій памфлетъ XVI в., т. наз. „Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ“, въ которой боярство выразило свой отрицательный взглядъ на усилившееся вліяніе на царя духовенства — въ ущербъ, конечно, боярскому вліянію на государей, — говоритъ слѣдующее: „пишутся они (т. е. цари) въ своихъ титулахъ самодержцами: такимъ царямъ никакъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что не сами собою держатъ Богомъ данное имъ царство и міръ и не съ пріятелями своими, князьями и боярами, а владѣютъ имъ и совѣтуются съ непогребенными мертвецами [1])“. Курбскій также осуждалъ эти „шептанія“ монаховъ государямъ и называлъ совѣтъ Вассіана „силлогизмомъ сатанинскимъ“. Но еще болѣе, чѣмъ на идею самодержавія, воззрѣнія духовенства повліяли, кажется, на идею „единодержавія“, постояннымъ внушеніемъ мысли, что какъ одинъ Богъ — создатель всего, такъ точно долженъ быть и одинъ государь, и что съ паденіемъ Византіи представителемъ единой православной церкви долженъ быть единый государь московскій. Въ весьма распространныхъ въ началѣ XVI вѣка посланіяхъ старца Филоѳея доказывалось, что всѣ христіанскія царства „снидоша во единое царство нашего государя“ и что „два Рима пали (Римъ и Константинополь), а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти“. . .

Послѣ вѣнчанія на царство Іоанна IV и „православный востокъ признаетъ русскаго царя преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, а Москву „третьимъ Римомъ“, какъ это доказывается проф. Н. Ѳ. Каптеревымъ [2]).

---

1) „Бесѣда преподобныхъ Сергѣя и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ“. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. С.-П., 1890 г., 4 стр. — Впрочемъ, нѣкоторые ученые, напр., В. И. Сергѣевичъ и др. отвергаютъ заимствованіе идеи самодержавія изъ Византіи (Русск. юрид. древности. Т. II. в. II, изд. 3, стр. сл.), утверждая, что власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи, а не „позаимствованіемъ“ чего-то изъ Византіи. „Вѣковая работа“ исторіи нашей не исключала, однако, возможность вліянія на нее иноземныхъ идей, нечуждыхъ процессу, въ ней совершавшемуся. Теоретическое обоснованіе самодержавія исходило изъ Византіи.

2) „Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст.“ (С.-Посадъ, 1913 г.), из. 2, стр. 26 и сл.

§ 2.

Порядокъ престолонаслѣдія на Москвѣ [1]).

Порядокъ преемства престола на Москвѣ отъ начала XIV в. до конца XVI в. (1598 г.); распредѣленіе великими князьями Московскими волостей между сыновьями.

Обращаясь послѣ характеристики верховной власти московскихъ государей къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія, или преемства престола на Москвѣ, прежде всего отмѣтимъ, что въ развитіи этого вопроса необходимо различать два, весьма неравномѣрныхъ, по времени, періода, а именно: 1) время отъ начала XIV вѣка и почти до конца XVI столѣтія (до 1598 г.) и 2) XVII вѣкъ. Въ первый періодъ, — отъ начала XIV вѣка, когда умираетъ первый Московскій князь Даніилъ Александровичъ, оставляя престолъ сыну своему Юрію Даниловичу, и почти до конца XVI вѣка, когда умираетъ въ 1598 г. послѣдній представитель Рюрикова дома Ѳеодоръ Іоанновичъ, назначивъ по себѣ преемницею престола супругу свою Ирину Ѳедоровну, — дѣйствуетъ принципъ наслѣдованія престола между членами одного царствующаго дома, во второй періодъ, обнимающій первую половину XVII вѣка, — принципъ избранія государя волею народа, т. е. иначе говоря, въ одинъ періодъ Московская монархія является наслѣдственною, въ другой — избирательною. Остановимся особо на каждомъ изъ этихъ періодовъ. Изучая вопросъ о преемствѣ столовъ въ удѣльно-вѣчевое время, мы уже отмѣтили, что въ то время не могло выработаться одной общей системы престолонаслѣдія и столы получались князьями по разнымъ основаніямъ. Въ Московскомъ княжествѣ, великомъ княжествѣ и, наконецъ, царствѣ, преемство престола является менѣе сложнымъ и запутаннымъ, чѣмъ въ предъидущій періодъ исторіи нашей, хотя всетаки не получаетъ вполнѣ опредѣленной формы, которой-бы князья считали себя обязанными всегда непремѣнно слѣдовать. Происходитъ это частію потому, что не всѣ прежнія представленія о порядкѣ преемства престола перестаютъ примѣняться нынѣ, частію-же потому, что князья считаютъ себя въ правѣ распоряжаться, по своей волѣ, своимъ княженіемъ, вслѣдствіе чего иногда и отступаютъ, при назначеніи себѣ наслѣдника, отъ обычныхъ формъ

1) Подробное изложеніе вопроса о преемствѣ престола на Москвѣ см. въ I томѣ „Исторіи права Москов. государства“ Н. П. Загоскина, стр. 150 и сл.; срав. также „Русскую исторію“ К. Н. Бестужева-Рюмина (С.-П., 1872 г. т. I), стр. 326 и сл.; т. II (С.-П., 1885 г.), стр. 142 и сл.

преемства. Изъ прежнихъ представленій о порядкѣ преемства престола особенно живучимъ оказывается начало родового старшинства, по которому на велико-княжесткомъ престолѣ, въ старшемъ стольномъ городѣ, долженъ сидѣть старшій изъ братьевъ, исключая тѣмъ отъ наслѣдованія престола старшаго сына умершаго великаго князя. Это извѣстное уже намъ начало родового старшинства приводило въ удѣльно-вѣчевое время къ борьбѣ дядей съ племянниками, но на Москвѣ отъ XIV по XVI вѣкъ началу старшинства начинаетъ на практикѣ все чаще и чаще противополагаться начало наслѣдованія престола по праву первородства въ нисходящей линіи, т. е. иначе говоря, начинаетъ проводиться начало устраненія отъ наслѣдованія престола дяди — племянникомъ (старшимъ сыномъ даннаго князя). Трудно сказать, насколько сознательно Московскіе князья склонялись къ мысли о необходимости проводить это начало первородства въ вопросѣ о наслѣдованіи престола, несмотря на все его преимущество, въ смыслѣ простоты примѣненія на практикѣ, сравнительно съ сложностью счетовъ наслѣдованія по старшинству; можно лишь сказать, что это начало первородства несразу завоевало себѣ право на признаніе. Впрочемъ, въ Москвѣ, по счастливой случайности, борьба дядей съ племенниками, — иначе говоря борьба двухъ принциповъ престолонаслѣдія за преобладаніе и даже за исключительное господство — лишь, сравнительно, изрѣдка принимаетъ острый характеръ, и, наоборотъ, въ первые 122 года, а именно отъ 1303 г., когда скончался первый московскій князь Даніилъ Александровичъ, до 1425 г., когда умеръ Василій I Дмитріевичъ, престолъ сначала княжескій, а затѣмъ великокняжескій почти всегда переходитъ мирнымъ спокойнымъ образомъ, то отъ отца къ сыну, то отъ брата къ брату. Что это лишь простая случайность, это видно, какъ изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ передачу престола отъ одного князя къ другому, такъ и изъ того, что позднѣе въ той же Москвѣ (въ княженіе Василія II Темнаго) борьба дяди съ племянниками вновь принимаетъ ожесточенный характеръ. Укажемъ на обстоятельства, сопровождавшія преемство престола въ первые 122 года по смерти Даніила Александровича.

Даніилъ Александровичъ былъ первымъ Московскимъ княземъ; по смерти его, право на престолъ Московскій принадлежало, по праву старшинства, его брату Андрею Александровичу, великому князю Суздальскому, и старшему сыну его Юрію Даниловичу, по праву первородства. Но Андрей Александровичъ, владѣя великимъ княженіемъ Суздальскимъ, не пожелалъ предъявить своего притязанія на Московскій столъ, какъ менѣе тогда значительный, чѣмъ Суздальскій и сынъ

Даніила — Юрій безпрепятственно занялъ мѣсто отца, т. е. случайно борьба дяди съ племянникомъ не имѣла мѣста. Юрій Даниловичъ умираетъ въ 1325 г. бездѣтнымъ и престолъ переходитъ къ его единственному брату Ивану Даниловичу Калитѣ, успѣвшему затѣмъ въ 1328 г. получить въ ордѣ ярлыкъ на великое княженіе Московское; Иванъ Калита, хотя и входитъ на престолъ, какъ братъ умершаго князя, но собственно входитъ не потому, что за нимъ признавалось право старшинства, но потому, что у Юрія не было сыновей; еслибъ они были, то могла-бы возникнуть между ними и Иваномъ борьба. Въ 1341 г., по смерти Ивана Калиты, престолъ переходитъ къ его старшему сыну Симеону, прозванному Гордымъ, который умираетъ бездѣтнымъ въ 1353 г. и Московское великое княженіе вновь передается отъ брата къ брату, а именно къ старшему брату Симеона — Ивану II Ивановичу. Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ п я т и д е с я т и лѣтъ престолъ переходилъ, то отъ отца къ сыну, то отъ брата къ брату, совершенно безпрепятственно, ввиду того, что налицо не было одновременно (за исключеніемъ момента смерти Даніила Александровича,) дяди и племянника, могущихъ спорить за наслѣдованіе. Но, со вступленіемъ на престолъ Ивана II возгорается борьба между нимъ и правнукомъ Андрея Суздальскаго, Константиномъ Суздальскимъ, прадѣдъ котораго когда-то (въ 1303 г.) м о г ъ - б ы вступить въ борьбу съ Юріемъ Московскимъ за княженіе, н о н е в с т у п и л ъ, правнукъ-же, исходя изъ идеи р о д о в о г о с т а р ш и н с т в а, нашелъ возможнымъ вести эту борьбу, ввиду, конечно, того значенія, которое стало уже пріобрѣтать въ это время великое княженіе Московское; борьба эта, впрочемъ, кончается скоро тѣмъ, что ярлыкъ на Московское княженіе дается ордою Ивану II. Послѣдній, умирая въ 1359 г., передаетъ престолъ своему сыну Дмитрію (Донскому), хотя у Ивана II былъ, кромѣ сына, братъ Андрей Ивановичъ: этотъ князь, впрочемъ, не вступаетъ въ борьбу съ племянникомъ, но за то Дмитрій Суздальскій, сынъ Суздальскаго князя Константина, боровшагося за великое княженіе съ Иваномъ II, успѣваетъ получить въ ордѣ велико-княжескій ярлыкъ; Дмитрій Донской вступаетъ съ нимъ въ борьбу и скоро получаетъ въ ордѣ самъ такой-же ярлыкъ, съумѣвъ въ тоже время помириться съ своимъ противникомъ. По смерти Дмитрія Донского въ 1389 г., престолъ переходитъ къ его старшему сыну Василію I Дмитріевичу, который въ 1425 г., умирая, передаетъ его опять-таки старшему сыну Василію II Васильевичу.

Такимъ образомъ въ теченіи первыхъ 122 лѣтъ, — за исключеніемъ двухъ случаевъ притязаній на Московское великое княженіе Суздальскихъ князей Константина и Дмитрія, притязаній, неимѣвшихъ фактически большого значенія, — наблю-

дается спокойное преемство престола, при чемъ, обычно, престолъ переходитъ по праву первородства къ старшему сыну и лишь за отсутствіемъ сыновей — къ братьямъ. Повидимому, 122 года — достаточно большой срокъ, чтобъ примириться съ этимъ простымъ и вполнѣ естественнымъ, съ нашей современной точки зрѣнія, переходомъ правъ на престолъ отъ отца къ старшему сыну. Однако, въ княженіе Василія II въ теченіи двадцати лѣтъ происходитъ борьба стараго начала родового старшинства съ новымъ началомъ наслѣдованія въ нисходящей линіи, по праву первородства. Борьба эта кончилась лишь въ 1453 г. побѣдою Василія надъ дядею и его сыновьями, побѣдою, которую можно разсматривать какъ торжество новаго начала наслѣдованія престола надъ старымъ, а именно принципа наслѣдованія по нисходящей линіи, по праву первородства, надъ принципомъ родового старшинства. Слѣдующія царствованія, до прекращенія династіи Рюрика, подтверждаютъ примѣненіе этого принципа на практикѣ: такъ Василій II Темный, умирая, передаетъ престолъ старшему сыну своему Ивану III въ 1462 г.; послѣ него, не безъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, смутъ, престолъ переходитъ въ 1505 г. ко второму сыну Ивана III — Василію III, отъ него къ его старшему сыну Іоанну IV (въ 1533 г.), а въ 1584 г. затѣмъ ко второму, оставшемуся въ живыхъ, сыну Іоанна Ѳедору Іоанновичу. Такимъ образомъ, въ это время на Москвѣ примѣняется новый порядокъ преемства престола, которому не доставало (для полнаго своего торжества) лишь одного, а именно законодательнаго утвержденія (такое утвержденіе произошло слишкомъ чрезъ 250 лѣтъ, когда по закону императора Павла I 5 апрѣля 1797 г., обычай былъ превращенъ въ законъ).

Какъ уже указывалось, сами князья вообще распоряжались престоломъ своимъ по собственному усмотрѣнію. Въ Московскій періодъ, до Іоанна III, вопросъ о назначеніи тѣмъ или другимъ княземъ себѣ преемника не приводилъ ни къ какимъ особеннымъ неудобствамъ лишь потому, что самъ родъ князей Московскихъ былъ немногочисленъ и почти всегда приходилось отдавать престолъ, либо сыну, либо брату, смотря по тому, кто изъ нихъ имѣлся налицо (исключеніе лишь было въ 1359 г., когда Иванъ II, умирая, могъ завѣщать престолъ, либо старшему сыну Дмитрію, либо младшему брату своему Андрею). Но въ царствованіе Ивана III такой взглядъ князей Московскихъ на назначеніе себѣ преемника привелъ къ нѣкоторымъ смутамъ [1]).

1) Какъ извѣстно, по смерти старшаго сына Іоанна III Ивана (Іоанна Молодого) въ 1490 г., остается у него второй сынъ Василій и внукъ старшаго сына Дмитрій, т. е. налицо были дядя и племянникъ. Самому Іоанну III предстояло такимъ образомъ выбрать между двумя началами наслѣдованія: по праву старшинства, или по

Изъ этихъ смутъ ясно видно, что назначеніе великокняжескаго стола было дѣломъ царствующаго государя, который передавалъ престолъ то сыну, то внуку (позднѣе примѣромъ Іоанна III воспользовался, между прочимъ, Петръ В., чтобы оправдать устраненіе отъ престола своего единственнаго сына).

Если такимъ образомъ въ Москвѣ, съ XIV по XVI вѣкъ, устанавливается преемство престола, по преимуществу, по прямой нисходящей линіи и по праву первородства, то это есть порядокъ не закономъ созданный, а лишь по обычаю соблюдаемый, которому князья слѣдуютъ, хотя могутъ и не слѣдовать. Только случайныя обстоятельства, изложенныя выше, помогли тому, что такой взглядъ на дѣло не приводилъ на Москвѣ обычно къ какимъ-либо серьезнымъ коллизіямъ.

Тотъ-же частно-правовой взглядъ сказывался долго и на самомъ способѣ, коимъ распредѣлялись волости Московскими великими князьями между своими сыновьями. Волости эти распредѣлялись между ними въ такъ наз. „духовныхъ грамотахъ“. Содержаніе грамотъ весьма рельефно подтверждаетъ взглядъ князей на эти волости, какъ на свое достояніе, взглядъ, идущій, какъ уже намъ извѣстно, еще отъ удѣльнаго времени: если отъ усмотрѣнія государя зависѣло назначеніе себѣ преемника, то доля его, какъ и доля другихъ братьевъ, въ наслѣдіи престола опредѣлялась также усмотрѣніемъ князя-наслѣдодателя, при чемъ въ духовныхъ грамотахъ дѣло шло нетолько о распредѣленіи государственной территоріи и доходовъ между сыновьями, но и о распредѣленіи между ними также личной движимой собственности князей. Отъѣзжая въ орду, Іоаннъ Калита пишетъ, напр., свою духовную такъ: „во имя Отца и Сына и Св.

праву первородства въ нисходящей линіи. Такъ какъ Іоаннъ Молодой былъ сыномъ Іоанна III отъ Маріи Тверской, а Василій — отъ Софьи Палеологъ, то дворъ раздѣлился на 2 стороны: такъ наз. „старые бояре“ стояли за сына Іоанна Молодого. Дмитрія, будучи недовольны Софьей и новыми порядками, которые стали заводиться съ ея прибытія въ Москву Іоанномъ III, другіе за сына Софьи — Василія. Узнавъ, что великій князь хочетъ провозгласить своимъ преемникомъ своего внука Дмитрія (хотя раньше онъ-же считалъ своимъ наслѣдникомъ сына Василія), послѣдніе устроили заговоръ въ пользу Василія, были, однако, открыты прежде приведенія своихъ плановъ въ исполненіе, казнены, сынъ Василій заключенъ въ тюрму, а 4 февраля 1498 г. Дмитрій Ивановичъ былъ провозглашенъ преемникомъ Іоанна III, т. е. великій князь высказался за новый принципъ наслѣдованія по праву первородства въ нисходящей линіи. Затѣмъ Іоаннъ III поссорился съ внукомъ и назначилъ наслѣдникомъ опять своего сына Василія. Посламъ, отправлявшимся къ крымскому хану, вел. князь велѣлъ объяснить эту перемѣну такъ: „внука своего Государь нашъ было пожаловалъ, а онъ сталъ Государю нашему грубить; но, вѣдь, жалуетъ всякій того, кто служитъ и наровитъ, а который грубитъ, за что жаловать?“.

Духа. Се язъ, трѣшный худой рабъ Божій Иванъ, пишу душевную грамоту, идя въ орду, никѣмъ не нуженъ (не вынуждаемъ), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьѣ. Аже Богъ что разгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей“ . . . Разбирая это начало грамоты, Б. Н. Чичеринъ спрашиваетъ себя: „виденъ-ли здѣсь государь, представитель цѣлаго общества или народа? Ничего подобнаго нѣтъ. Пишетъ „худой рабъ Божій Иванъ“ въ здравомъ умѣ, безъ принужденія. На случай смерти, онъ даетъ „рядъ“ женѣ и дѣтямъ, какъ дѣлалъ всякій частный человѣкъ. Стало быть, изъ самой формы мы усматриваемъ уже сильное развитіе частнаго права“. Обращаясь къ содержанію завѣщанія, мы видимъ, что, наряду съ раздачею волостей сыновьями, идутъ распоряженія о раздачѣ частной собственности князя, какъ сыновьямъ, такъ и женѣ съ дочерью и постороннимъ людямъ, а также раздѣлъ доходовъ между ними: Семенъ, старшій сынъ, получаетъ, напр., кожухъ червленый и золотую шапку, Иванъ — кожухъ желтый; обручи, ожерелья, монисто идутъ дочери, золотая коробка — княгинѣ; или, напр., о стадахъ князя говорится: „а что есмь далъ сыну моему Семену стадцо, а другое Ивану, а иными стады моими подѣлятся сынове мои и княгиня моя“. „А что ся останеть моихъ портъ (одеждъ), а то раздадять по всемъ попьямъ и на Москвѣ. А блюдо великое серебряное, а то есмь далъ Святѣй Богородицѣ Володимерской. А приказываю тебѣ, сыну моему Семену, братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми; по Бозѣ ты имъ будешь печальникъ“. Все, что есть у князя, онъ дѣлитъ, какъ хочетъ, и на одинаковомъ основаніи, безъ разбора, частная-ли это, или государственная (какъ волости), собственность. Но, подобно тому, какъ въ опредѣленіи наслѣдника послѣ себя, — наряду съ формулою, какую высказалъ Іоаннъ III („кому хочу, тому и даю царство“) — у Московскихъ князей есть сознаніе необходимости ввести въ это назначеніе общій и болѣе или менѣе постоянный порядокъ (что и сказывается въ призывѣ къ наслѣдію престола, если возможно, сыновей и пр.), въ духовныхъ ихъ грамотахъ также начинаетъ пробиваться государственное начало въ самомъ способѣ распредѣленія частей государственной территоріи: во 1-хъ Москва остается, до Василія Темного, въ общемъ владѣніи всѣхъ сыновей, во 2-хъ старшій наслѣдуетъ великокняжескій титулъ и въ 3-хъ старшій получаетъ нѣсколько больше другихъ, причемъ изъ владѣній старшаго сына получается нѣкоторое основное и недѣлимое цѣлое великаго княженія Московскаго, переходящее затѣмъ къ другимъ старшимъ дѣтямъ, или внукамъ. Со времени Дмитрія Донского преобладаніе старшаго сына надъ младшими, по отношенію къ владѣнію государственными волостями, сказывается еще въ томъ, что въ завѣщаніи своемъ онъ увеличиваетъ зна-

чительно владѣніе своего старшаго сына Василія, какъ въ Москвѣ и ея станахъ, такъ и въ другихъ частяхъ своего княжества, давая ему больше братьевъ „на старѣйшій путь“ („а сына своего Василья благословляю на старѣйшій путь въ городѣ и станѣхъ моего удѣла двою жеребью половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ городскихъ половина“). Это начало укрѣпляется въ дальнѣйшее время и, если въ концѣ XIV в., когда было составлено завѣщаніе Дмитрія Донскаго, удѣлъ старшаго сына составляетъ $^1/_3$ всѣхъ вообще владѣній, то уже Василій Темный въ первой четверти XVI вѣка получилъ $^1/_2$, а Іоаннъ III во второй половинѣ того-же столѣтія $^3/_4$ его. Уже это одно ставило удѣльныхъ князей въ подчиненіе великому князю Московскому. Затѣмъ, сама Москва, бывшая еще по завѣщанію Дмитрія Донскаго въ общемъ владѣніи всѣхъ братьевъ, при Василіи Темномъ уже въ $^1/_3$ части является принадлежащей великому князю, а по завѣщанію Ивана III она уже цѣликомъ принадлежитъ одному великому князю Московскому; наконецъ, съ конца XVI вѣка, ему принадлежитъ вся полнота верховной власти въ Московскомъ государствѣ, младшіе сыновья, хотя и имѣютъ небольшіе удѣлы, но находятся въ полномъ его подчиненіи. Нечего говорить, что это подчиненіе еще болѣе усиливается въ слѣдующее столѣтіе. Такимъ образомъ государственное начало единодержавія беретъ верхъ надъ частноправовымъ взглядомъ князей на государственную землю, какъ на свою собственность, или на вотчину.

Вопросъ о престолонаслѣдіи по смерти Ѳеодора Іоанновича; роль Земскихъ Соборовъ въ избраніи государей.

Перейдемъ теперь къ вопросу о преемствѣ престола послѣ кончины, 7 января 1598 г., царя Ѳеодора Іоанновича. Несмотря на то, что по смерти Ѳеодора патріархъ, бояре и народъ принесли присягу супругѣ его Иринѣ, она удалилась въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась, тронъ явился вакантнымъ и не было налицо наслѣдника престола. Оставалось прибѣгнуть къ избранію и 17 февраля 1598 г. З. Соборъ, состоявшій изъ 457 лицъ, выбралъ шурина царя Ѳеодора — Бориса Годунова „Государемъ Царемъ и Великимъ княземъ всея Русіи“. Этотъ Соборъ нѣкоторые изслѣдователи вопроса о З. Соборахъ считаютъ прискорбнымъ образцомъ злоупотребленія названіемъ и значеніемъ З. Собора; онъ былъ составленъ въ громадной части изъ людей, зависѣвшихъ, такъ или иначе, отъ Бориса и жившихъ въ Москвѣ, между тѣмъ какъ представительство отъ городовъ выразилось всего въ 34 человѣкахъ. Но какъ-бы то ни было, этотъ Соборъ открываетъ собою эру господства избирательныхъ Соборовъ, такъ какъ, хотя Борису Годунову, умершему 13 апрѣля 1604 г., и наслѣдовалъ, по праву первородства, его сынъ Ѳеодоръ,

но онъ процарствовалъ всего лишь 2 мѣсяца, будучи свергнутъ Лжедимитріемъ I, въ свою очередь убитымъ 17 мая 1606 г., причемъ въ томъ-же году состоялся новый избирательный Соборъ. Этотъ фиктивный Соборъ избираетъ 29 мая царемъ Василія Шуйскаго, обязавшагося, по однимъ извѣстіямъ, „ничего не дѣлати безъ Собору никакого дурна“, по другимъ-же, болѣе вѣроятнымъ, цѣловавшаго крестъ на томъ, что онъ не будетъ никого казнить „не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими“ т. е. обѣщалъ править при помощи Б. Думы. Шуйскій, вступивъ на престолъ при помощи незначительной, и количественно и качественно, партіи, не могъ держаться долго на немъ и 17 іюля 1610 г. былъ низложенъ съ престола. Интересно, что ни Борисъ Годуновъ, ни Василій Шуйскій, — несмотря на трудное положеніе, въ которомъ находилось въ ихъ царствованіе и государство и тронъ — ни разу не обращались къ помощи З. Соборовъ, какъ это дѣлалъ позднѣе царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. По мнѣнію Бѣляева, это объясняется тѣмъ, что оба они, будучи избраны неправильно и не по волѣ народа, не могли разсчитывать на одобреніе народа. По низложеніи Шуйскаго, государствомъ стала править, какъ извѣстно, Боярская Дума во главѣ съ кн. Ѳеодоромъ Ивановичемъ Мстиславскимъ. Хотя указанные 2 избирательные Собора, и по составу своему, и по способу созыва выборныхъ, были совершенно неправильны, важно, однако, что для рѣшенія вопроса о томъ, кто долженъ править государствомъ, считали нужнымъ прибѣгать къ народному избранію. По низложеніи Шуйскаго, З. Соборъ постановилъ избрать новаго государя „сослався со всѣму городы“. Это, впрочемъ, не могло совершиться скоро: страна была раздираема внутренними междоусобіями, а внѣшніе враги, поляки и шведы, угрожали независимости государства. Временное правительство въ Москвѣ, во главѣ съ кн. Мстиславскимъ, вело переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ о вступленіи на русскій престолъ сына его Владислава и уже 17 августа, черезъ мѣсяцъ по низложеніи Шуйскаго, заключило съ гетманомъ Жолкевскимъ условіе о вступленіи Владислава на престолъ, при чемъ Владиславъ обязывался править страною нетолько съ участіемъ Б. Думы, но и З. Собора. Народъ, однако, не призналъ этого избранія, нѣкоторые города стояли за Лжедимитрія II, а сами поляки, несмотря на означенный договоръ, не остановились въ своемъ поступательномъ непріятельскомъ движеніи по русской землѣ и заняли Москву. Положеніе страны имѣло чрезвычайно критическій характеръ, внѣшніе враги и внутреннія усобицы угрожали принять еще большіе размѣры, когда послѣдовавшая смерть Лжедимитрія II, или Тушинскаго вора, нѣсколько облегчила положеніе въ томъ отношеніи, что одинъ изъ претендентовъ на пре-

столъ сошелъ со сцены и теперь осталось лишь справиться съ устраненіемъ Владислава (былъ еще, впрочемъ 3-ій кандидатъ — шведскій принцъ Карлъ-Филиппъ, выставленный въ Новгородѣ [1]) Въ началѣ 1611 г. къ Москвѣ подошло I-ое земское ополченіе, въ которомъ дѣйствовалъ извѣстный тріумвиратъ изъ князя Д. Т. Трубецкаго, Заруцкаго и Ляпунова, считавшій себя какъ бы временнымъ правительствомъ, наряду съ боярскимъ правленіемъ, запертымъ въ Москвѣ; но это ополченіе, будучи оставлено „изъ всякаго сброда, болѣе годнаго", по справедливому замѣчанію проф. Латкина, „для грабежа, чѣмъ для правильной войны", не освободило Москвы отъ поляковъ. Это было сдѣлано лишь 27 ноября 1612 г. 2-мъ ополченіемъ, подошедшимъ къ Москвѣ 20 августа, подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго. Но, еще до освобожденія Москвы, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же года, кн. Пожарскій созвалъ З. Соборъ въ Ярославлѣ, предварительно разославъ грамоты, въ которыхъ города призывались нетолько къ выбору представителей, но и къ дачѣ имъ инструкцій по управленію государствомъ. Этотъ Соборъ окружалъ кн. Пожарскаго до прибытія его къ Москвѣ. Затѣмъ, освободивъ Москву отъ враговъ, стали разсылать снова грамоты „о обираньи государскомъ и о совѣтѣ, кому быть на Московскомъ государствѣ", требуя, чтобъ изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства изо всякихъ чиновъ людей, по десяти человѣкъ изъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ прислали . . . къ Москвѣ". Города должны

1) Вопросъ о кандидатурѣ этого принца на русскій престолъ рѣшался различно въ нашей литературѣ, при чемъ, по одному мнѣнію, сами русскіе пригласили его къ занятію престола, по другимъ — шведы, занявъ въ 1611 г. Новгородъ, в ы н у д и л и его признать своимъ государемъ шведскаго королевича, при чемъ новгородцы думали, что его затѣмъ п р и з н а е т ъ также „вся земля" русская и что Новгородъ отъ Москвы не отдѣлится. Не отрицая, что въ Новгородѣ было весьма сильно шведское вліяніе, надо замѣтить, однако, что еще до занятія Новгорода шведами, послѣдовавшаго 17 іюля 1711 г., а именно еще 2 іюля того же года въ Новгородѣ былъ полученъ приговоръ, составленный подъ Москвою въ концѣ іюня, отъ имени „кн. Д. Т. Трубецкого съ товарищи и отъ всякихъ чиновъ людей" о выборѣ „на россійское государство государемъ царемъ и великимъ княземъ в с е я Р у с і и свійскаго королевства государя-королевича". Послѣ этого новгородцы вступили въ переговоры съ Делагарди объ избраніи Карла-Филиппа, опираясь на приговоръ „Московскаго государства всякихъ чиновъ людей", при чемъ одно изъ основаній для выбора шведскаго принца новгородцы видѣли именно въ томъ, что „прежніе государи наши, и корень ихъ царской, о т ъ и х ъ ж е В а р я ж е с к а г о к н я ж е н і я, отъ Рюрика и отъ великаго государя царя и великаго князя, блаженныя памяти Ѳеодора Іоановича всея Русіи былъ". Позднѣе кандидатура Карла-Филиппа была совершенно отстранена Москвою (Подробныя свѣдѣнія по вопросу см. въ изслѣдованіи Г. А. З а м я т и н а „Къ вопросу объ избраніи Карла-Филиппа на русскій престолъ (1611—1616 гг.)" Юрьевъ, 1913 г.; срав. мою рецензію на это сочиненіе въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1912 г., кн. II).

были послать „лучшихъ“, „крѣпкихъ“ и „разумныхъ, постоятельныхъ людей“. Соборъ былъ весьма многолюденъ; по предположеніямъ проф. Платонова, имѣющимъ за себя много вѣроятій, онъ состоялъ изъ 700 человѣкъ и многолюдствомъ Собора названный изслѣдователь объясняетъ тотъ интересный фактъ, что Соборъ зачастую засѣдалъ въ самомъ просторномъ помѣщеніи тогдашней Москвы — въ Успенскомъ Соборѣ. Города вообще исполнили свою задачу съ полнымъ пониманіемъ ея важности и уже въ январѣ 1613 г. выборные собралась въ Москвѣ[1]). Соборъ, прежде чѣмъ приступилъ къ избранію, наложилъ на страну трехдневный постъ, затѣмъ издалъ постановленіе объ устраненіи изъ числа кандидатовъ на тронъ иностранныхъ претендентовъ и Марины съ сыномъ („Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель и людей на Московское государство не обирать и Маринки съ сыномъ не хотѣть“); за что, повидимому, стояли нѣкоторые изъ высшихъ государственыхъ чиновъ, собравшихся на Соборъ. Наконецъ, послѣ долгихъ и бурныхъ преній и волненія („многое было волненіе“, говоритъ лѣтопись, „и всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти, койждо, про коего говорише . . , иніе убо подкупахуся и засылаху, хотяще взойти на такую степень . . .“), изъ нѣсколькихъ кандидатовъ (князей В. В. Голицына, Ѳ. И. Мстиславскаго, И. М. Воротынскаго, Д. М. Пожарскаго и кн. Д. Т. Трубецкаго[2]), Соборъ остановился на 16-тилѣтнемъ Михаилѣ Романовѣ, который и былъ выбранъ 21-го февраля 1613 г. По словамъ одного письма (Ѳ. И. Шереметева), выборъ Романова будто-бы состоялся потому, что бояре думали, ввиду его молодости, править государствомъ сами („выберемъ Мишу Романова, онъ еще молодъ и намъ будетъ поваденъ“). Этому извѣстію, однако, противорѣчитъ то обстоятельство, что тѣже бояре не могли не знать, что былъ живъ отецъ Михаила, Филаретъ Никитичъ, человѣкъ, въ умѣ и твердости характера котораго никто не сомнѣвался, какъ не сомнѣвался и къ томъ, что онъ будетъ вліять на управленіе государствомъ. Былъ-ли, или нѣтъ, у бояръ указанный мотивъ къ избранію Михаила Романова, точно установить, за отсутствіемъ достовѣрныхъ данныхъ, очень трудно. Можно, однако, указать, на другой мотивъ: „народъ было легко склонить“, по вѣрному замѣчанію проф. В. Н. Латкина, „на сторону Романовыхъ, благодаря ихъ популярности и родству съ прежней династіею“, а народное мнѣніе, для укрѣ-

1) Интересныя свѣдѣнія о подмосковыхъ ополченіяхъ и о З. Соборѣ 1611—13 г. г. напечатаны С. Б. Веселовскимъ („Новые акты смутнаго времени“; М., 1911 г.)

2) Ихъ характеристику см. у. Ю. В. Готье „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“. (Рѣчи въ торж. засѣданіи И. Моск. У-та и Общ. И. и Др. Росс., по случаю 300-лѣтія „Царств. Дома Романовыхъ“, М., 1913 г.);

пленія новой династіи на тронѣ, было самымъ важнымъ дѣломъ, такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно было покончить со смутою междуцарствія и возстановить порядокъ: Земскіе Соборы, стоявшіе затѣмъ около царя Михаила почти во все царствованіе и дѣятельно ему помогавшіе, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что именно народное мнѣніе было за новаго царя, да и онъ самъ не имѣлъ никакихъ причинъ избѣгать народнаго представительства. Во всякомъ случаѣ часть бояръ, во главѣ съ Ѳ. И. Шереметевымъ, стояла за избраніе Михаила; сильную поддержку его кандидатурѣ оказали также духовенство, въ лицѣ Авраамія Палицына и др., а равно и казаки [1]).

Дѣйствіе воли народной не окончилось съ избраніемъ царя новой династіи; есть извѣстія, что тотчасъ-же послѣ смерти царя Михаила Ѳеодоровича, послѣдовавшей 13-го іюля 1645 г., собрался новый Соборъ, который и избралъ на царство сына Михаила Ѳеодоровича — Алексѣя, не взявъ съ него, впрочемъ, никакого ограничительнаго „письма“ (какое было будто-бы взято съ его отца) потому, что „разумѣли его“, по словамъ Котошихина, „гораздо тихимъ“. Объ этомъ избраніи говоритъ и Котошихинъ, и Олеарій, бывшій въ Россіи въ царствованіе Михаила: „мало время минувши, патріархъ и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты и игумены, и весь духовный чинъ соборовали, и бояре, и окольничіе, и думные люди, и дворяне и дѣти боярскіе и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь, послѣ смерти прежняго царя на царство обрали (т. е. избрали) сына его, нынѣшняго царя т. е. Алексѣя Михайловича) и учинили коронованіе въ соборной большой первой церкви и молили Бога“ . . . По Олеарію, на другой день по смерти Михаила, привѣтствовали „царемъ и великимъ княземъ всея Россіи“ сына его, 16-ти лѣтняго Алексѣя Михайловича, и въ тотъ-же день, единодушнымъ согласіемъ всѣхъ бояръ, знатныхъ господъ и всего народа, его вѣнчали на царство и присягнули ему“. Другихъ прямыхъ извѣстій объ избраніи Алексѣя Михайловича на царство не имѣется, но нѣтъ пока основаній не вѣрить указаннымъ извѣстіямъ, они во всякомъ случаѣ характерны и заставляютъ притти къ выводу, что идея о народномъ избраніи царя понималась на Москвѣ весьма широко, а именно избраніе могло имѣть мѣсто нетолько въ случаѣ прекращенія династіи и неимѣнія налицо наслѣдника, но и тогда, когда такой наслѣдникъ былъ, или когда приходилось выбирать между двумя лицами. Можетъ быть, наличность наслѣдника въ данномъ случаѣ (а именно наличность сына Михаила — Алексѣя) потому казалась недостаточною для утвержденія его на престолѣ безъ санкціи З. Собора,

1) Новѣйшіе авторы, писавшіе по вопросу объ избраніи М. Ѳ. Романова, указаны выше на стр.: 367 и сл.; стр. 380, прим. (у нихъ-же см. ссылки на акты и ли тературу вопроса).

что сама династія Романовыхъ только что вступила на царство и требовалось подтвержденія самимъ народомъ ея правъ на престолъ въ дальнѣйшее время, а, можетъ быть, необходимость этой санкціи, естественно, вытекала изъ того положенія, какое занимали въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича сами З. Соборы, бывшіе почти постояннымъ учрежденіемъ около царя. Кромѣ того, исторія наша знаетъ два случая выбора народомъ изъ двухъ наличныхъ наслѣдниковъ одного. Такой выборъ былъ сдѣланъ З. Соборомъ 1584 г., по смерти Іоанна Грознаго, послѣ котораго осталось 2 сына, Ѳеодоръ и Дмитрій: ввиду малолѣтства послѣдняго, былъ выбранъ первый. Затѣмъ такой-же выборъ былъ сдѣланъ въ 1682 г., по смерти Ѳеодора Алексѣевича, послѣ котораго осталось 2 брата, Іоаннъ и Петръ: созванный на 27 апрѣля того-же года Соборъ выбралъ Петра, но черезъ мѣсяцъ состоялся второй Соборъ, на которомъ былъ выбранъ Іоаннъ; затѣмъ, какъ извѣстно, борящіяся партіи помирились на томъ, чтобъ царствовали оба брата, подъ управленіемъ царевны Софьи; это двоевластіе продолжалось до 29 января 1696 г., а именно до кончины Іоанна Алексѣевича. Въ XVII вѣкѣ вопросъ о преемствѣ престола ставился такимъ образомъ совершенно иначе, чѣмъ въ предъидущіе три вѣка Московскаго періода исторіи нашей.

§ 3.

Боярская Дума [1]).

Очеркъ исторіи развитія Б. Думы на Москвѣ, въ связи съ развитіемъ власти Московскихъ государей.

Какъ уже указывалось, во весь Московскій періодъ важное значеніе имѣла Боярская Дума. Б. Дума на Москвѣ была естественною преемницею Княжеской Думы удѣльно-вѣчевого періода и, если въ послѣдней можно видѣть зародышъ совѣщательнаго учрежденія, состоявшаго около князей, въ качествѣ ихъ личнаго Совѣта, то несомнѣнно, Дума Московскаго періода пріобрѣла постепенно многія черты настоящаго учрежденія, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ отъ учрежденій позднѣйшаго времени, что,

1) По исторіи Боярской Думы имѣются въ литературѣ двѣ монографіи: „Боярская Дума“ Н. П. Загоскина (въ его „Исторіи права Московскаго государства“, т. II, вып. I, Казань, 1879 г.) и „Боярская Дума древней Руси“ В. О. Ключевскаго (М., 1882 г., 2-ое изданіе, М. 1902). Кромѣ того о Б. Думѣ Московскаго періода подробное изслѣдованіе можно найти въ „Русскихъ юридическихъ древностяхъ“ В. И. Сергѣевича (т. II, выпускъ II, С.-П., 1908 г.) и также въ „Обзорѣ исторіи рус. права“ М. Ф. Вл.-Буданова, изд. V; срав. также введеніе къ „Исторіи Пр. Сената за двѣсти лѣтъ“ С. Ф. Платонова, гдѣ дается краткій очеркъ отдѣльныхъ стадій въ развитіи Б. Думы съ древнѣйшихъ временъ (С.-П., 1911 г.), т. I, стр. 1—43. О „Расправной Палатѣ“ при Б. Думѣ см. ст. С. К. Богоявленскаго въ „Сборникѣ“, посв. В. О. Ключевскому.

хотя у ней есть болѣе или менѣе опредѣленное, — особенно въ нѣкоторыхъ частяхъ, — устройство, а также болѣе или менѣе постоянный составъ и кругъ дѣятельности, все это устанавливается, однако, ф а к т и ч е с к и, постепенно, а не на основаніи какого-либо одного о б щ а г о у с т а в а, или статута, вполнѣ точно обозначающаго ея организацію и предѣлы компетенціи. Надо при этомъ замѣтить, что, говоря это, мы разумѣемъ Думу въ ея о б ы ч н о й дѣятельности при наличности на тронѣ совершеннолѣтняго монарха, такъ какъ Дума, дѣйствовавшая при малолѣтствѣ государя (какъ это было, напр., послѣ кончины въ 1538 г. Елены Глинской, матери Ивана Грознаго, до его вѣнчанія на царство) была „правительствомъ или регенствомъ“, какъ это справедливо было уже указано проф. Загоскинымъ (слово „правительство“ употребляется иногда въ нашихъ основныхъ законахъ и донынѣ въ спеціальномъ значеніи слова „регенство“), а Дума, дѣйствовавшая въ эпоху междуцарствія, олицетворяла собою, вмѣстѣ съ такъ наз. „избирательными Соборами“, верховную власть въ государствѣ. Не касаясь этихъ чрезвычайныхъ случаевъ дѣятельности Б. Думы, мы будемъ имѣть, въ послѣдующемъ очеркѣ, въ виду ея дѣятельность при наличности совершеннолѣтняго государя.

Боярская Дума въ XIV и до второй половинѣ XV в. еще очень напоминаетъ Княжескую Думу. Но, постепенное объединеніе подъ властію Московскихъ государей сѣверо-русскихъ, а затѣмъ и иныхъ земель, не могло не отразиться на отношеніяхъ государей къ прежнимъ дружинникамъ, превращающихся изъ вольныхъ людей въ зависимыхъ слугъ сначала великихъ князей, а затѣмъ — царей Московскихъ. Тотъ гордый отвѣтъ, который былъ когда-то данъ старшими дружинниками одному изъ великихъ князей: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали“, уже съ конца XV вѣка былъ-бы немыслимъ на Москвѣ; боярамъ, — которымъ не нравилось, что великіе князья Московскіе позволяютъ себѣ, когда находятъ это нужнымъ, рѣшать дѣла безъ совѣта съ своею Думою, „запершись самъ-третей у постели“ (какъ говорилъ бояринъ Берсень-Беклемишевъ въ бесѣдѣ съ Максимомъ Грекомъ о Василіи III), — оставалось только роптать на эти новшества, рискуя потерять за это, впрочемъ, свои головы. Уже съ конца XV вѣка Московскіе великіе князья смотрятъ на участіе служилыхъ людей, прежнихъ дружинниковъ, въ своихъ совѣтахъ н е к а к ъ н а и х ъ п р а в о, а к а к ъ н а о б я з а н н о с т ь: не великій князь обязанъ нравственно обращаться непремѣнно къ высшимъ разрядамъ прежнихъ дружинниковъ своихъ за совѣтомъ, а эти дружинники, превратившихъ въ слугъ государей, должны быть всегда около нихъ, чтобъ быть позванными въ Думу для совѣщанія, или чтобъ быть посланными куда-либо на службу госу-

дарству. Въ этомъ заключается первое отличіе боярской Думы отъ Княжеской. Второе отличіе лежитъ въ томъ, что, хотя безъ Думы, какъ постояннаго учрежденія, не обходится ни одно царствованіе, а все болѣе и болѣе развивающіяся задачи управленія увеличиваютъ число органовъ власти и усложняютъ компетенцію самой Б. Думы, но, составъ Думы, съ развитіемъ власти Московскихъ великихъ князей, всецѣло зависитъ отъ нихъ. Третье отличіе, какъ намъ кажется, состоитъ въ томъ, что Дума, какъ личный Совѣтъ государя — или, какъ Государева Дума, его Кабинетъ, — начинаетъ выдѣляться изъ Боярской Думы, какъ постояннаго учрежденія, носящаго государственный характеръ[1]). Московскіе государи, какъ и удѣльные князья, могли совѣтоваться съ кѣмъ угодно; общественное мнѣніе не одобряло, однако, удѣльныхъ князей, обходившихся безъ своихъ старшихъ дружинниковъ, сами-же эти дружинники нерѣдко могли поставить князей въ большое затрудненіе отказомъ принимать участіе въ предпріятіяхъ, задуманныхъ безъ нихъ. Московскіе государи уже весьма мало стѣснены въ выборѣ личныхъ своихъ совѣтниковъ и совѣтуются, съ кѣмъ хотятъ. Котошихинъ, говоря, напр., о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, замѣчаетъ, что „съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой и, по покою, что кому по дружбѣ отдати или какую помочь чинить, или и иные какіе великіе и малые своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинить, съ бояры и съ думными людьми спрашивается о томъ мало, въ его воли, что хочетъ, то учинити можетъ. Однако, кого изъ бояръ, и изъ думныхъ и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетъ и совѣтуетъ съ ними о всякихъ дѣлахъ". Здѣсь Котошихинымъ дается картина отношеній царей къ своимъ служилымъ людямъ, въ общемъ, совершенно вѣрная и находящая себѣ соотвѣтствіе и въ другихъ свѣдѣніяхъ, какъ XVI, такъ и XVII вѣковъ; изъ нея съ ясностью можно вывести, что наряду съ Думою Боярскою, — съ которою царь совѣтовался, по его словамъ мало — была особая Государева, или Ближняя, Дума, куда входили всѣ тѣ, кого царь любилъ и жаловалъ и съ кѣмъ онъ хотѣлъ совѣтоваться „о всякихъ дѣлахъ". Эти государевы совѣтники могли быть и думными людьми, т. е. входить въ составъ Боярской Думы, какъ государственнаго учрежденія, но, на нашъ взглядъ, выдѣленіе личнаго Совѣта государя изъ его

1) Иногда этотъ Кабинетъ получаетъ опредѣленный составъ, являясь „правительствомъ". Такъ въ 1584 г., Іоаннъ IV назначилъ въ составъ образованный имъ „Ближней Думы" кн. И. Ѳ. Мстиславскаго, кн. И. П. Шуйскаго, Н. Р. Захарьина — Юрьева, Б. Я. Бѣльскаго и Б. Ѳ. Годунова. См. объ этомъ брошюру гр. С. Ш. „Ближняя Дума царя Ѳеодора Іоанновича" (М., 1910 г.), гдѣ дается превосходная характеристика всѣхъ названныхъ членовъ означенной Ближней Думы.

Б. Думы, какъ учрежденія постояннаго, безъ котораго нельзя обойтись, представляетъ важное новшество.

Хотя Б. Дума существуетъ и дѣйствуетъ, какъ цѣлое, не на основаніи какого-либо законодательнаго акта, или общаго устава, но фактически важность ея, однако, такова, что бояре, когда къ тому представлялась возможность, пытались, — какъ мы частію отмѣчали уже это раньше, — превратить фактъ въ право. Первую попытку такого превращенія, нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напр., проф. Сергѣевичъ, видятъ уже въ извѣстной 98-ой статьѣ Царскаго Судебника, гласящей слѣдующее: „а которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати". Проф. Сергѣевичъ думаетъ, что эта статья, являясь ограниченіемъ царской власти, составляла новость и была создана подъ вліяніемъ такъ наз. „избранной рады", т. е. особаго совѣта, стоявшаго, во главѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ, около Ивана IV съ 1547 по 1560 гг. По словамъ кн. Курбскаго, эти лица, вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ, собираютъ около царя совѣтниковъ, „мужей разумныхъ", старыхъ и „средняго вѣку" и „сице ему ихъ въ пріязнь и въ дружбу усвояютъ, яко безъ ихъ совѣту ничего-же устроити или мыслити... И нарицались тогда оные совѣтницы у него „избранная рада". Эта то „рада" и провела будто-бы указанную статью въ Судебникъ, желая, чтобъ въ будущемъ дѣла рѣшались царемъ „со всѣхъ бояръ приговору", но этого, по мнѣнію того-же ученаго, никогда не было приведено въ исполненіе. Но, какъ извѣстно, та формула, съ которою выходили въ XVI—XVII в. в. законы, а именно формула „государь указалъ и бояре приговорили", достаточно ясно указываетъ, что фактъ совмѣстной дѣятельности царя и Боярской Думы въ дѣлѣ законодательства былъ самымъ обычнымъ явленіемъ государственной жизни даннаго времени. Но, такъ какъ наряду съ законами, прошедшими черезъ Б. Думу и снабженными указанной формулою, было немало такихъ, которые были даны только по указу государя и черезъ Думу не проходили, то, разумѣется, понимать указанное постановленіе Судебника, какъ безусловно обязательное для царя, нельзя, хотя, можетъ быть, у его авторовъ и было стремленіе сдѣлать его такимъ; говоримъ — можетъ быть, потому, что вопросъ этотъ нельзя считать вполнѣ разъясненнымъ. Проф. Вл.-Будановъ, напр., не признаетъ, чтобъ указанное постановленіе Судебника было дѣломъ той „избранной рады", которая окружала царя съ 1547 г., справедливо спрашивая: „если это такъ, то почему-же Грозный, осудившій потомъ Сильвестра Адашева, и др. и обвинившій ихъ именно въ посягательствѣ на

самодержавную власть, почему онъ, въ теченіи послѣдующаго долгаго царствованія, не отмѣнилъ этого закона, будто-бы нарушающаго его права?“ По нашему мнѣнію, указанную статью Судебника нельзя сопоставлять съ тѣми попытками ограниченія самодержавія, какія были дѣлаемы въ XVII в. при избраніи государей; скорѣе здѣсь было простое констатированіе факта совмѣстной законодательной дѣятельности царя и Б. Думы, къ половинѣ XVI вѣка бывшей совершенно-обычной, при нормальномъ теченіи дѣлъ. И если современники, какъ самъ Іоаннъ IV и др., не видѣли въ этой статьѣ ограниченія царской власти, то нѣтъ основаній видѣть его и намъ.

Боярская Дума пережила, въ Московскій періодъ, нѣсколько стадій развитія: въ XIV и XV вѣкахъ она, какъ сказано, еще во многомъ напоминаетъ Княжескую Думу Кіевскаго періода, изображеніе устройства которой было дано нами въ свое время; только въ Москвѣ, ввиду того дѣятельнаго участія, какое принимаетъ въ сложеніи государства боярство, находившее въ возвышеніи его и національный, и личный интересъ, связь между Московскимъ великимъ княземъ и его Думою тѣснѣе и ближе, чѣмъ это было въ вѣчевое время. Затѣмъ ростъ силы и значенія Московскихъ великихъ князей, — благопріятно отражаясь на силѣ и экономическомъ положеніи ихъ ближайшихъ совѣтниковъ и соратниковъ, — привелъ къ нѣкоторымъ юридическимъ послѣдствіямъ, измѣнившимъ взаимныя отношенія князей къ боярству: боярство теперь является чиномъ и оно, подобно другому чину, а именно окольничеству, „сказывается“ или „дается“, при чемъ полученіе этихъ чиновъ ведетъ ео ipso къ праву засѣдать въ Б. Думѣ. Пожалованные въ бояре получаютъ наименованіе „бояръ введенныхъ“, потому, что они „вводятся“ во дворъ князя и въ Б. Думу. Первоначально ихъ было мало, но затѣмъ число ихъ растетъ, что служитъ внѣшнимъ показателемъ возвышенія самихъ великихъ князей, вводящихъ въ свой дворъ и въ Б. Думу тѣхъ, кого они находятъ нужнымъ къ себѣ приблизить. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и второго юридическаго послѣдствія, измѣнившаго отношеніе великихъ князей Московскихъ къ боярству: къ концу XV в. de facto бояре и слуги Московскаго государя уже не могутъ отъѣзжать, куда хотятъ, изъ Москвы, хотя договорныя грамоты съ князьями продолжаютъ подтверждать за ними право отъѣзда до конца этого вѣка. Эта фактическая невозможность для прежнихъ удѣльныхъ князей и ихъ бояръ отъѣзжать изъ Москвы подготовляетъ ихъ превращеніе изъ вольныхъ людей въ подневольныхъ слугъ, что и совершается окончательно въ слѣдующее столѣтіе.

Вторая стадія развитія Б. Думы, начавшая обозначаться

уже въ XV вѣкѣ, проявляется, однако, вполнѣ опредѣленно лишь въ XVI столѣтіи. Такъ, въ этомъ столѣтіи право отъѣзда отмѣняется уже de jure, впервые въ 1534 г., послѣ смерти Василія III, когда митрополитъ московскій Даніилъ приводитъ къ крестному цѣлованію братьевъ великаго князя Василія III, которые были удѣльными князьями, въ томъ, чтобъ имъ „людей отъ великаго князя Ивана не отзывати". Въ 1537 г. попытка нѣкоторыхъ новгородскихъ помѣщиковъ отъѣхать къ князю Андрею Старицкому строго наказывается, а именно повелѣвается „бити ихъ кнутьемъ на Москвѣ, да казнити смертной казнію, вѣшати на Новгородской дорогѣ до Нова-города"; въ 1553 г. послѣдній удѣльный князь Владиміръ Андреевичъ обѣщаетъ не принимать къ себѣ на службу московскихъ бояръ. Кромѣ того, съ присоединеніемъ удѣловъ къ Москвѣ, отъѣздъ является возможнымъ de facto лишь въ Литовское государство, но онъ уже карается, какъ измѣна. Еще съ конца XV вѣка берутся, въ особенности съ служилыхъ князей, кресто-цѣловальныя клятвенныя записи о неотъѣздѣ изъ Москвы; тоже продолжается при Василіи III и при Іоаннѣ IV. Въ 1568 г., напр., за князя И. Д. Бѣльскаго поручились 29 бояръ, шесть изъ нихъ представили за себя 105 поручниковъ. Строгими мѣрами противъ отъѣзда, Іоаннъ IV, по словамъ Курбскаго, „затворилъ царство русское, сирѣчь свободное естество человѣческое, словно въ адовой твердынѣ"... Окончательная отмѣна права отъѣзда князей, бояръ и вольныхъ слугъ отразилась косвенно и на ихъ положеніи въ Б. Думѣ: послѣдняя, уже въ царствованіе Іоанна III будучи послужнымъ орудіемъ въ рукахъ великаго князя, при Василіи III (1505—1533 гг.), еще болѣе падаетъ въ своемъ значеніи. Современники готовы были приписать эту перемѣну отношенія великихъ князей Московскихъ къ своимъ боярамъ браку Іоанна III съ Софьею Палеологъ, совершившемуся въ 1472 г. („какъ пришла сюда мати великаго князя великая княгиня Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась"..., жаловался извѣстный Берсень-Беклемишевъ Максиму Греку). Ученые наши (какъ, напр., Соловьевъ, Сергѣевичъ, Загоскинъ и др.), также согласны, что бракъ этотъ повліялъ внѣшнимъ образомъ на измѣненіе отношеній вел. князей къ своимъ боярамъ, усиливъ вообще значеніе сана первыхъ. Но, разумѣется, означенный бракъ лишь болѣе ярко и наглядно подчеркнулъ то, что явилось естественнымъ слѣдствіемъ развитія единодержавной и самодержавной власти, а не былъ самъ причиною измѣненія этихъ отношеній великихъ князей къ ихъ боярамъ. Наконецъ, измѣненіе означенныхъ отношеній привело и къ тому, что, какъ съ конца XV, такъ и позднѣе, Московскіе государи не стѣсняются вводить въ

Б. Думу людей то захудалыхъ, то худородныхъ, подъ наименованіемъ дѣтей боярскихъ, думныхъ дворянъ и дьяковъ.

Но Б. Дума, будучи, со второй половины великаго княженія Іоанна III и особенно въ княженіе Василія III, умалена въ своемъ значеніи, вновь его пріобрѣтаетъ, какъ въ правленіе Елены Глинской, такъ и послѣ нея, въ эпоху такъ наз. боярскаго правленія, до вѣнчанія на царство Іоанна IV (1533—1547 гг.). Послѣ вступленія своего на царство, Іоанна IV правитъ первоначально, а именно съ 1547 по 1560 гг., съ помощью Боярской Думы, къ чему его побуждаютъ члены „избранной рады". Но съ 1560 г. Іоаннъ, однако, выходитъ изъ-подъ ея вліянія и начинаетъ свою знаменитую борьбу съ родовитымъ боярствомъ, боярами-княжатами, — борьбу, продолжавшуюся затѣмъ четверть вѣка[1]). Значеніе Б. Думы вновь падаетъ и хотя она продолжаетъ существовать и дѣйствовать, но, рядомъ съ ней, во 1-хъ, — говоря словами Курбскаго, — „вмѣсто избранныхъ и преподобныхъ мужей" (т. е. членовъ названной „рады", главнымъ образомъ Сильвестра и Адашева) мы видимъ „прескверныхъ паразитовъ и маньяковъ, прегнусно-дѣйныхъ и богомерзкихъ Бѣльскихъ съ товарищи", т. е. лич-

1) По поводу „избранной рады" и послѣдующихъ событій, за ея уничтоженіемъ, С. Ф. Платоновъ говоритъ слѣдующее: „внутреннее несоотвѣтствіе между автократическою властью великаго князя и царя и притязаніями родовой княжеской знати, искавшей соправительства съ государемъ, должно было раздражать обѣ стороны. Въ XVI вѣкѣ это привело къ столкновенію царя и знати. Въ юности Іоанна Грознаго бояре-княжата сдѣлали попытку организовать около государя совѣтъ („избранную раду", какъ называлъ ее западно-европейскимъ терминомъ кн. А. М. Курбскій). Боярскій совѣтъ „снялъ" было съ царя всю власть и поставилъ подъ свою опеку молодого Іоанна. Казалось, что Москва шла отъ царскаго самодержавія къ княжеской олигархіи. Однако, Іоаннъ, осмотрясь, „сталъ за себя" и нетолько разогналъ „раду", но и совершилъ государственный переворотъ, направленный вообще противъ знати и въ пользу демократическаго самодержавія. Извѣстный подъ именемъ „опричнины", этотъ переворотъ состоялъ въ томъ, что къ княжеской знати были примѣнены такія мѣры, какія обыкновенно примѣнялись Москвою въ покоренныхъ земляхъ къ наиболѣе опаснымъ врагамъ. Москва всегда выводила изъ покоренныхъ областей господствующіе слои населенія и замѣняла ихъ московскими поселенцами. Это былъ испытанный пріемъ государственной ассимиляціи. Его-то Грозный и примѣнилъ къ опричнинѣ. Онъ забралъ въ особый порядокъ управленія, „въ опричнину", тѣ области своего государства, которыя обнимали территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ и въ которыхъ были родовыя вотчины княжатъ-бояръ. Оттуда онъ систематически выселялъ княжатъ на окраины государства и замѣнялъ ихъ своими опричниками". (Введеніе къ „Исторіи Пр. Сената за 200 лѣтъ", стр. 8). Умаленіе экономическаго благосостоянія однихъ потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей, казни — другихъ, подорвали значеніе родовитыхъ фамилій вообще и въ частности въ Боярской думѣ.

ныхъ недостойныхъ совѣтниковъ царя, а, во 2-хъ, сама Б. Дума весьма сильно наполняется людьми неродовитыми, въ лицѣ думныхъ дворянъ и дьяковъ. Дьяки, или (какъ ихъ называетъ тотъ же Курбскій) „писари-же наши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ", избираются имъ „не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства" и это дѣлаетъ Іоаннъ, „ненавидячи вельможъ своихъ". Что-же касается „думныхъ дворянъ", то, являясь, послѣ бояръ и окольничихъ, третьимъ чиномъ думной іерархіи, имѣющимъ право засѣдать въ Б. Думѣ, они вмѣстѣ съ дьяками, несомнѣнно, подрываютъ значеніе аристократическаго элемента въ Б. Думѣ, такъ какъ думные дворяне были людьми незнатнаго происхожденія. Спорнымъ является вопросъ о томъ, когда появились думные дворяне: одни ученые, какъ, напр., проф. Загоскинъ, самому Іоанну Грозному приписываютъ созданіе новаго чина думнаго дворянина, дававшаго право засѣдать въ Б. Думѣ; другіе, какъ проф. Сергѣевичъ, соглашаясь, что о думныхъ дворянахъ рѣчь идетъ лишь въ памятникахъ второй половины XVI вѣка, утверждаютъ", что въ это время является только одинъ новый „терминъ", такъ какъ то понятіе, которое обозначается теперь словами „думные дворяне", раньше обозначалось словами „дѣти боярскіе": „терминъ новый, а не дѣти боярскіе или дворяне новость въ Думѣ", говоритъ онъ. Во всякомъ случаѣ, можно согласиться съ проф. Вл.-Будановымъ, что съ 1572 г. „думные дворяне" появляются въ спискахъ Думы, какъ особый постоянный разрядъ думныхъ людей"[1]). Такимъ образомъ, борьба царя съ боярствомъ отражается на Б. Думѣ усиленіемъ въ ней демократическихъ элементовъ.

Прекращеніе династіи Рюриковичей и смуты междуцарствія дали боярству важный поводъ озаботиться укрѣпленіемъ значенія Б. Думы особымъ договоромъ съ государями. Послѣ избранія новой династіи и ея укрѣпленія на престолѣ, вновь наступаетъ обычное, изстари установившееся, отношеніе царей къ боярству, прерванное въ предшествующій вѣкъ въ указанныя два царствованія; по вѣрному замѣчанію проф. Вл.-Буданова, въ третью эпоху исторіи Б. Думы, а именно въ XVII вѣкѣ, „наступаетъ нормальное отношеніе Б. Думы къ власти царя, т. е. нераздѣльность дѣйствій той и другой, безъ взаимныхъ посягательствъ на верховное значеніе послѣдней и вспомогательную роль первой: государь безъ Думы и Дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными". Демократическій царизмъ просуществовалъ на Москвѣ вообще недолго.

1) Ср. также Н. П. Лихачева „Думное дворянство въ Боярской Думѣ XVI ст." (С.-П, 1896 г.).

Составъ Б. Думы; мѣсто и время ея засѣданій.

Переходимъ теперь къ вопросу о составѣ Б. Думы. Что касается этого состава, то Б. Дума въ первую стадію своего развитія состоитъ изъ служилыхъ князей, бояръ и окольничихъ, лишь въ первой четверти XVI вѣка въ Б. Думѣ являются дѣти боярскія[1]), со второй половины тогоже вѣка называемые думными дворянами; съ конца-же XVI вѣка появляются въ ней „думные дьяки“. Служилые князья, т. е. бывшіе удѣльные князья, съѣзжавшіеся на службу ко двору Московскихъ князей, первоначально стояли выше бояръ московскихъ и оттѣсняли на второй планъ старые московскіе боярскіе роды: еще въ XV вѣкѣ они занимали первое мѣсто въ Б. Думѣ, бывъ ея членами ipso jure, вслѣдствіе своего княжескаго достоинства. Если долгое время потомки „удѣльныхъ князей“ — т. наз. „княжата“ — помня свое происхожденіе отъ удѣльныхъ государей, смотрѣли свысока на бояръ, да и о государяхъ Московскихъ иной разъ говорили, что они могутъ жаловать слугъ своихъ деньгами и вотчинами, „а не породою“, то борьба, затѣянная съ ними Іоанномъ IV, подорвала въ корень ихъ прежнее значеніе, выдвинувъ въ Б. Думѣ на первое мѣсто бояръ, преданныхъ царю. Кромѣ, того, чѣмъ болѣе стекалось служилыхъ князей на Москву, чѣмъ больше дробились ихъ удѣлы и чѣмъ выше дѣлалась власть великихъ князей Московскихъ, тѣмъ больше падало значеніе этихъ титулованныхъ представителей прежнихъ владѣльныхъ родовъ: въ XVI вѣкѣ изъ множества княжескихъ фамилій далеко не всѣ являются даже членами Б. Думы и для того, чтобы сдѣлаться ими, князья должны получить чины боярина или окольничаго, которые даютъ право на присутствіе въ Б. Думѣ. Затѣмъ въ Боярскую Думу вводятся думные дворяне и дьяки, такъ что съ второй половины XVI вѣка въ составѣ Думы видимъ 4 разряда лицъ — бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. Будучи въ XVI—XVII вѣкахъ довольно-многочисленными, не всѣ эти чины могутъ, въ дѣйствительности, участвовать въ засѣданіяхъ Б. Думы; обыкновенно, изъ нихъ присутствуютъ въ ней лишь немногіе, но для того, чтобъ имѣть право присутствовать въ ней, необходимо получить одинъ изъ указанныхъ чиновъ. Одна уже эта наличность понятія особыхъ „думныхъ чиновъ“ даетъ основаніе считать Б. Думу постояннымъ учрежденіемъ.

Что касается думныхъ дьяковъ[2]), то съ царствованія Іоанна IV, когда явился въ составѣ Думы этотъ чинъ, до царство-

1) „Дѣти боярскія, которыя у государя въ Думѣ живутъ“, упоминаются уже въ памятникахъ съ 1517 г.

2) О дьякахъ вообще и думныхъ дьякахъ въ частности см. въ изслѣдованіи Н. П. Лихачева „Разрядные дьяки XVI в.“ (С.-П., 1888 г.), гл. II.

ванія Алексѣя Михаиловича, ихъ было 4 и они завѣдывали 4-мя главными приказами того времени, а именно Разряднымъ (или „Разрядомъ“), Посольскимъ, Помѣстнымъ и такъ наз. „Приказомъ Казанскаго Дворца“ (или „Казанскимъ Дворцомъ“); съ второй половины XVII в. ихъ было уже больше. Думные дьяки были членами Б. Думы, а не ея секретарями, какъ это думали прежде; въ думныя дьяки жаловали простыхъ дьяковъ за особо-выдающуюся службу, при завѣдываніи дѣлами того или другого Приказа. Надо при этомъ еще замѣтить, что, хотя въ составѣ Б. Думы, несомнѣнно, можно различить указанные выше 4 разряда лицъ, но терминологія источниковъ, либо подводитъ ихъ всѣ подъ одно наименованіе „бояръ“ („бояре приговорили“, „по государеву указу и по боярскому приговору“ и т. п.), либо говоритъ о боярахъ, окольничихъ и думныхъ людяхъ, подводя подъ послѣднее выраженіе, какъ думныхъ дворянъ, такъ и думныхъ дьяковъ.

Засѣданія Б. Думы бывали почти всегда во дворцѣ государей, „въ верху“ или „въ палатѣ“, — какъ говорятъ, обыкновенно, источники, — „въ комнатѣ“ (т. е. внутреннихъ покояхъ государя), при чемъ иногда обозначалось, въ какой именно „палатѣ“ происходили засѣданія (въ „Золотой“, „Столовой“ и др.). Наименованіе „Боярская Дума“ нѣтъ въ источникахъ и оно образовано учеными, источники-же, говоря о засѣданіяхъ Думы, выражаются описательно („царь указалъ и бояре приговорили“ „бояре говорили“ и пр.). Уже само мѣсто засѣданій — во дворцѣ государей — показываетъ наглядно близость учрежденія къ монарху и, дѣйствительно, Б. Дума есть установленіе, дѣйствующее подъ непосредственнымъ наблюденіемъ государя, который, хотя лично невсегда присутствуетъ въ Б. Думѣ, но является, однако, ея главою. Если вѣрить свидѣтельству Флетчера, идущему отъ конца XVI вѣка, то для засѣданій Б. Думы были назначены опредѣленные дни въ недѣлѣ, а именно понедѣльникъ, среда и пятница, при чемъ, конечно, это относилось только къ обыкновеннымъ засѣданіямъ ея, такъ какъ чрезвычайныя „сидѣнья“ съ боярами могли быть назначены царемъ во всякое время: со второй половины XVII вѣка засѣданія Б. Думы, „повидимому, уже не пріурочиваются къ опредѣленнымъ днямъ недѣли и бываютъ ежедневно“ (Загоскинъ).

Компетенція Б. Думы.

Обращаясь къ вопросу о компетенціи Б. Думы, надо сказать, что прежде всего она была высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ. Пространство ея дѣятельности въ законодательствованіи, какъ и сферѣ административнаго управленія, не было строго опредѣлено, но, приведенная нами выше статья 98 Царскаго Судебника, во всякомъ случаѣ, можетъ быть толкуема въ томъ смыслѣ,

что законодательная дѣятельность Б. Думы, — по крайней мѣрѣ, со 2-ой половины XVI вѣка, — признается вполнѣ необходимой, почему законы являются нерѣдко ввидѣ боярскихъ приговоровъ. Общій духъ эпохи, нелюбившій ни въ чемъ юридической опредѣленности, сказался и здѣсь. Б. Дума законодательствовала нестолько de jure, сколько de facto. Ея высокой важности законодательная роль въ эпоху Московскаго періода исторіи нашей подтверждается многими данными. Прежде всего внѣшне она выражается въ тѣхъ формулахъ, которыми, обыкновенно, сопровождались указы и вообще законодательныя опредѣленія эпохи: „по указу царя, бояре приговорили", говорилось, обыкновенно, объ извѣстномъ новомъ законѣ, прошедшемъ чрезъ Б. Думу; „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили: быть по прежнему великаго государя указу и по ихъ боярскому приговору", говорилось объ опредѣленіи, подтверждавшемъ старый, уже дѣйствовавшій законъ; или „бояре, сей статьи слушавъ, приговорили оставить" . . . (т. е. отмѣнить то или то) — говорилось объ отмѣненномъ Б. Думою законѣ. Эти формулы, ставившія рядомъ указъ государя и приговоръ бояръ, живописуютъ собою два факта обычной дѣятельности Б. Думы: предполагалось во 1-хъ, что Б. Дума законодательствовала вмѣстѣ съ государемъ, бывшимъ ея главою и, во 2-хъ, ея приговоръ имѣлъ силу закона, какъ и царскій указъ, имѣлъ, конечно, въ силу того, что онъ составлялся отъ имени государя, „по его указу". Законодательствовать государямъ вмѣстѣ съ Боярскою Думою было „за обычай", какъ говорили на Москвѣ, и нетолько отдѣльные „статьи" или указы, но и цѣлые законодательные кодексы, какъ напр. Судебники, разсматривались ими совмѣстно (что не исключало, разумѣется, права царя создавать законы помимо участія Б. Думы). Боярскіе приговоры всегда составляются по уполномочію государя, предполагаемому, молчаливому, или спеціально ad hoc даваемому, когда государь предлагалъ Б. Думѣ обсудить данный вопросъ. Первое съ ясностью, между прочимъ, видно, какъ изъ той формулы, съ которою обращались Приказы въ Б. Думу, такъ изъ отвѣтовъ, которые давались ею на ихъ вопросы. Именно, когда въ Приказахъ возникало, — по неимѣнію закона, для рѣшенія даннаго дѣла, или по другимъ причинамъ, — сомнѣніе въ томъ, какъ надо рѣшить извѣстный вопросъ, они вносили его на разсмотрѣніе Б. Думы, всегда на имя государя, съ обычной формулою: „и о томъ великій государь что укажетъ? Вопросъ, обыкновенно, рѣшался Думою, въ видѣ ея приговора, непоступавшаго на утвержденіе государя (кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда сама Дума не хотѣла на себя брать рѣшенія дѣла) и непоступавшаго, конечно, потому, что самый

приговоръ этотъ дѣлался „по указу государя“. Государь могъ не участвовать лично въ рѣшеніи извѣстнаго вопроса Думою, но его участіе de jure всегда предполагалось; рѣшеніе-же Думы не обращалось въ законъ безъ его санкціи, хотя-бы молчаливой. Поэтому закономъ одинаково считался, какъ актъ, составленный дьякомъ по государеву указу, такъ и актъ, составленный „по боярскому приговору“, а подъ общую формулу „государь указалъ и бояре приговорили“ могло подходить рѣшеніе, составленное съ участіемъ царя и Б. Думы и рѣшеніе, составленное, въ дѣйствительности, одною Думою. Обычай такъ привыкъ видѣть законодательную дѣятельность царя въ сопутствіи Думы, что предполагалъ, что нормально они законодательствовали вмѣстѣ. Это и было вѣрно, такъ какъ государь всегда зналъ о рѣшеніяхъ Думы и могъ принять, въ той или иной формѣ, въ нихъ участіе.

Изучая законодательную дѣятельность Б. Думы, нельзя не отмѣтить также, что основною чертою этой дѣятельности было отсутствіе у Б. Думы права законодательнаго почина или иниціативы. Дѣла въ Б. Думѣ обыкновенно, начинались разсмотрѣніемъ, либо по усмотрѣнію государя („по государеву указу“, какъ тогда говорили), либо, вслѣдствіе упомянутаго уже выше „доклада“ ихъ Приказами, либо, наконецъ, по челобитью частныхъ лицъ, или общественныхъ союзовъ. Законодательная иниціатива государей проявлялась тогда, когда царь самъ хотѣлъ знать рѣшеніе Думы по какому-либо вопросу внѣшней и внутренней политики, когда онъ предлагалъ членамъ Думы, чтобъ они, „помысля о томъ крѣпко и единодушно согласясь, государю объявили, на какихъ мѣрахъ тому дѣлу быть“ (какъ это предлагалъ Іоаннъ IV по вопросу объ устройствѣ Казанскаго царства) или, когда царь, „свою мысль Думѣ объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ“ (какъ говоритъ Котошихинъ). Царь предлагалъ въ такихъ случаяхъ на обсужденіе и рѣшеніе, либо цѣлые развитые уже законопроекты, либо только вопросы о томъ, что надо сдѣлать въ такомъ-то случаѣ, при чемъ могъ, или лично „сидѣть“ съ боярами, т. е. предсѣдательствовать въ Б. Думѣ, или-же приказать самимъ „боярамъ сидѣть“ по извѣстному вопросу, т. е. обсуждать его и дать затѣмъ рѣшеніе.

Наиболѣе часто возбуждались въ Думѣ какъ законодательные, такъ и административные вопросы докладами изъ Приказовъ, обращавшихся, съ разрѣшенія царя, къ Думѣ за рѣшеніемъ дѣла[1]). При неясности, неполнотѣ и разногласіи законовъ,

1) С. Уложеніе объ этихъ докладахъ изъ Приказовъ гласитъ слѣдующее: „а спорныя дѣла, которыхъ въ Приказѣхъ зачѣмъ

начальники Приказовъ, или устно излагали въ Думѣ содержаніе вопроса, или вносили въ нее „докладную выпись“, т. е. докладную записку, въ которой излагали письменно сущность дѣла со всѣми необходимыми справками изъ законовъ, или съ указаніемъ на случаи юридической практики. Докладъ заканчивался обыкновенно формулою: „и великій государь о томъ что уложитъ?“ или „великій государь о томъ что укажетъ?“. Если даннымъ Приказомъ ставился Думѣ заразъ рядъ законодательныхъ вопросовъ (или „статей“, выражаясь языкомъ времени), то Думѣ представлялся тогда такъ называемый „статейный списокъ“; на каждую „статью“, или вопросъ, Дума давала отвѣтъ, записывавшійся думными дьяками. Эта дьяческая запись, однако, не отдавалась прямо въ Приказъ къ исполненію, а пересматривалась государемъ съ боярами, или однимъ государемъ. О первомъ случаѣ говоритъ Котошихинъ такъ: „также и иныя дѣла написавъ, внесутъ слушать всѣмъ боярамъ и, слушавъ, бояре учнуть слушать въ другорядь съ царемъ-же“, о второмъ — въ актахъ читаемъ; „государь указалъ о томъ сидѣть бояромъ, да что бояре о томъ приговорятъ и государь указалъ о томъ доложить себя, государя“ и т. п. Пересмотръ дьяческой записи приговора можно, кажется, разсматривать, и какъ санкцію приговора, и какъ провѣрку дьяческой редакціи приговора. Всегда-ли, однако, былъ такой пересмотръ, сказать трудно; вѣроятнѣе всего онъ былъ въ наиболѣе важныхъ, или наиболѣе интересовавшихъ государей случаяхъ. Путемъ доклада изъ Приказовъ Боярской Думѣ отдѣльныхъ вопросовъ, или ряда ихъ въ „статейныхъ спискахъ“, творился законъ въ промежуткахъ между изданіями общихъ сборниковъ законовъ, или кодексовъ; именно такъ, какъ извѣстно, создались дополнительныя статьи ко 2-му Судебнику, такъ создались и „новоуказныя статьи“ къ С. Уложенію.

Наконецъ, законодательные вопросы возбуждались челобитьями отдѣльныхъ лицъ, или цѣлыхъ корпорацій. Иногда уже сами доклады въ Думу вызывались челобитными, поступавшими въ Приказы и требовавшими разъясненія высшей инстанціи, какъ Б. Дума; но, еще чаще эти челобитья поступали прямо отъ царя, которому онѣ подавались, либо лично, либо изъ особаго Челобитнаго Приказа, куда онѣ обыкновенно шли отовсюду. Дѣлу давала ходъ, впрочемъ, не всякая челобитная, а только такъ называемая „подписная челобитная“. Челобитье — по-

---

вершить (т. е. рѣшить) будетъ не мощно, взносити изъ Приказовъ въ докладъ государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Русіи, и къ его государевымъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ“ (глава X, ст. 2).

данное самому царю во время одного изъ его выходовъ въ церковь, въ походъ и т. п., или-же въ Челобитный Приказъ, въ томъ случаѣ, если послѣдній не могъ учинить по ней самъ расправы или рѣшенія, — взносилось на размотрѣніе государя и Б. Думы, когда дѣло шло о какомъ-либо вопросѣ юридическаго характера, требовавшемъ новаго закона или разъясненія стараго. Если челобитье казалось заслуживающимъ вниманія, то оно направлялось обыкновенно въ тотъ или другой Приказъ для составленія о немъ „докладной выписки", которая вносилась уже въ Б. Думу. Что государь и Б. Дума приказывали сдѣлать по челобитью, то на ней помѣчалъ, или подписывалъ, думный дьякъ (откуда и ей названіе „подписной"). Подписной челобитной одинъ изъ историковъ Боярской Думы, проф. Ключевскій придаетъ громадное значеніе въ развитіи законодательства, говоря, что „это была наиболѣе обычная, такъ сказать ежедневная, форма участія общества въ устроеніи общественнаго порядка"; она давала поводъ къ очень важнымъ законодательнымъ вопросамъ, возбуждавшимся по общественной иниціативѣ. Челобитное представительство, какъ извѣстно, сыграло большую роль въ движеніи московскаго законодательства.

Кромѣ вопросовъ законодательнаго характера, разсмотрѣнію Думы подлежали дѣла судебныя. Дума была первою инстанціею по дѣламъ политическимъ и мѣстническимъ, а равно и по преступленіямъ по должности, и высшей аппеляціонной инстанціею — для судящихся, недовольныхъ рѣшеніемъ Приказовъ. Судебную функцію Б. Думы вѣдала т. н. „Расправная Палата", бывшая отдѣленіемъ Б. Думы. Наконецъ, Б. Дума, какъ высшій правительственный Совѣтъ, принимала участіе въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Такъ, обыкновенно, ратное дѣло и необходимыя преобразованія въ его строѣ вѣдались Б. Думою: если въ Разрядѣ и другихъ военныхъ Приказахъ вѣдалось ратное дѣло въ его обычномъ теченіи, то въ военное время вопросъ о мобилизаціи, порядкѣ набора войска и т. д., равно какъ — въ мирное законодательныя измѣненія въ военномъ устройствѣ всегда почти разсматривались царемъ вмѣстѣ съ Б. Думою. Членамъ Б. Думы принадлежало, обыкновенно, и веденіе дипломатическихъ сношеній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемыя Думою дѣла касались церкви духовенства и его имущества, въ засѣданіи по этимъ дѣламъ принимало участіе духовенство, въ лицѣ т. наз. „Освященнаго Собора". Это участіе прямо вызывалось тѣмъ положеніемъ, какое имѣло на Москвѣ духовенство: оно не было поставлено, конечно, независимо отъ свѣтской государственной власти, всегда дѣйствовало подъ ея контролемъ, но, наравнѣ съ боярствомъ, играло весьма важную роль въ

жизни государства. Неудивительно, что оно, вмѣстѣ съ нимъ, принимало участіе въ законодательствѣ и правленіи Б. Думы.

Дѣлопроизводство Б. Думы.

Дѣлопроизводство въ Б. Думѣ поражаетъ своей упрощенностью. У Думѣ совсѣмъ не было того, что на современномъ языкѣ называется канцеляріею. Докладъ дѣлъ, подлежавшихъ компетенціи Думы, подготовлялся въ соотвѣтствующихъ Приказахъ и производился начальникомъ Приказа. Затѣмъ по докладамъ происходили пренія, по окончаніи которыхъ докладъ былъ уже „вершенымъ“ дѣломъ, какъ тогда говорилось, что и обозначалось помѣтою думнаго дьяка: „великій государь, сей докладной выписки слушавъ, указалъ и бояре приговорили“ ... (если царь „сидѣлъ“ въ Думѣ; объ этихъ случаяхъ говоритъ Котошихинъ такъ: „на чемъ которое дѣло быти приговорятъ, приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякамъ помѣтить и приговоръ записать“), или: „по указу великаго государя бояре, той докладной выписки слушавъ, приговорили“ ... (если бояре рѣшили данное дѣло одни). Есть мнѣніе, что нѣкоторые изъ важнѣйшихъ Приказовъ (Посольскій, Разрядъ, Помѣстный и др.) были ничѣмъ инымъ, какъ отдѣленіями думской канцеляріи, по порученію Думы вѣдавшими подлежащія ей дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя.

По всѣмъ вопросамъ дѣла въ Б. Думѣ вершились, или въ общемъ собраніи Думы (то съ участіемъ, то безъ участія Государя), или въ общемъ собраніи Думы и такъ наз. „Освященнаго Собора“ (т. е. собранія высшихъ представителей церковной іерархіи), или, наконецъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ Б. Думы („комиссіяхъ“, какъ ихъ называетъ проф. Загоскинъ). Въ такихъ отдѣленіяхъ Б. Думы рѣшались не всѣ текущія дѣла, а лишь спеціальныя, вѣдать которыя поручалось имъ государемъ, постоянно или временно. Къ постояннымъ отдѣленіямъ Б. Думы надо отнести и упомянутую выше „Расправную Палату“. Начало этого отдѣленія Б. Думы одни ученые, какъ, напр., В. И. Сергѣевичъ относятъ къ 1564 г., а именно къ году учрежденія Иваномъ IV опричнины, при чемъ эта „расправная коллегія“, какъ называетъ его тотъ же ученый, не была только судною, но вѣдала и судъ и управленіе вмѣстѣ; другіе, какъ, напр., Н. П. Загоскинъ, утверждаютъ, что лишь въ послѣдней четверти XVII вѣка возникаетъ при Думѣ особое отдѣленіе, съ опредѣленнымъ личнымъ составомъ и извѣстною организаціею, для вѣданія расправныхъ (т. е. судныхъ) дѣлъ, переносимыхъ на разсмотрѣніе Думы изъ отдѣльныхъ Приказовъ. Это чисто-судебное отдѣленіе — возникшее, вѣроятно, въ виду необходимости придать болѣе твердую и правильную организацію судебной функціи Думы, которая не могла, ввиду ея сложности, отправляться Думою въ полномъ ея составѣ — въ первые

года своего существованія упоминается описательно („быть“ или „сидѣть у расправныхъ дѣлъ“), а съ начала послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка (съ 1690 г.) получаетъ уже постоянное и юридически-опредѣленное названіе „Расправной Палаты“. Кромѣ этой постоянной „Палаты“, при Б. Думѣ были еще отдѣленія временныя. Такъ было отдѣленіе „отвѣтное“ (или „Отвѣтная палата“), которое вѣдало переговоры съ иностранными послами („быти въ отвѣтѣ“ или „быти въ отвѣтахъ“ съ иноземными послами значило — вести съ ними дипломатическіе переговоры); отдѣленіе, вѣдавшее Москву въ отсутствіи государя и др.

Какъ велись самыя пренія, извѣстны описанія Котошихина, иностранца Буссова, бывшаго при первомъ Самозванцѣ и др. По Котошихину, когда „лучится (случился) царю мысль свою о чемъ объявити (боярамъ) и онъ имъ, объявя, приказываетъ, чтобъ они, бояре и думные люди, помысля, къ тому дѣлу дали способъ“, что они и дѣлаютъ, „мысль свою къ способу объявливаютъ; а иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому, что царь жалуетъ многихъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные, однако, сыщется и окромѣ ихъ, кому быти на отвѣты разумному изъ большихъ и изъ меньшихъ статей бояръ“. Буссовъ сообщаетъ, что бояре любили долго разсуждать по пустому и что Дмитрій Самозванецъ нерѣдко смѣялся надъ ними. Что пренія иногда очень затягивались и что не всѣ бояре могли всегда принимать участіе въ рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, съ этимъ можно согласиться, но, несмотря на это, — если судить по результатамъ законодательной и административной дѣятельности Б. Думы, — надо будетъ признать, что ею неразъ по многимъ вопросамъ давались дѣльныя рѣшенія, съ полнымъ пониманіемъ важности разсматриваемыхъ вопросовъ, по внимательномъ и всестороннемъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а сами пренія велись нерѣдко очень живо и даже страстно. Рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, посредствомъ закрытой или открытой подачи голосовъ, не было въ обычаѣ, отчего и источники предписываютъ боярамъ дѣлать дѣла „всѣмъ вмѣстѣ“, т. е. достигать единогласія. По важнѣйшимъ вопросамъ, когда при рѣшеніи ихъ не достигалось этого единогласія, дѣла докладывались государю.

§ 4.

Земскіе Соборы [1]).

Понятіе о Земскихъ Соборахъ; виды ихъ

Касаясь вопроса о преемствѣ престола въ Московскомъ государствѣ въ XVII вѣкѣ, мы имѣли уже случай кратко указать на ту роль, какую играли въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса новыя учрежденія, возникшія на Москвѣ во 2-ой половинѣ XVI вѣка подъ наименованіемъ Земскихъ Соборовъ. Переходя теперь къ общему историческому очерку образованія, организаціи и дѣятельности З. Соборовъ, надо прежде всего сказать, что З. Соборы были представительными собраніями „государственныхъ чиновъ", созывавшимися въ Москвѣ въ наиболѣе трудныя эпохи жизни государства. Цѣлью

1) Важнѣйшая литература о Земскихъ Соборахъ: К. С. Аксаковъ „Краткій ист. очеркъ З. Соборовъ" (Собр. сочиненій, М., 1861 г.); И. Д. Бѣляевъ „З. Соборы на Руси" (Рѣчи и отчетъ Московскаго Университета за 1867 г.); Б. Н. Чичеринъ „О народномъ представительствѣ" (М. 1866 г.), стр. 355 и сл.; В. И. Сергѣевичъ „Земскіе Соборы въ Московскомъ государствѣ" (Сборникъ государственныхъ знаній, П., 1875 г., т. П.); Н. П. Загоскинъ „З. Соборы" (въ его „Исторіи права Московскаго государства", Казань, 1877 г., т. I.); В. Н. Латкинъ „З. Соборы древней Руси" (П., 1885 г.); его-же „Матеріалы для исторіи З. Соборовъ XVII в. (С.-П., 1884); А. Н. Зерцаловъ „Новыя данныя о З. Соборѣ" 1648—49 гг. (М., 1887 г.); В. О. Ключевскій „Составъ представительства на Земскихъ Соборахъ древней Руси" (Русская Мысль, 1890 г., № 1, 1891 г., № 1, 1892 г., № 1); И. И. Дитятинъ „Роль челобитій и З. Соборовъ въ управленіи Московскаго государства" („Статьи по исторіи русскаго права", С.-П., 1896 г.); С. Ф. Платоновъ „Замѣтки по исторіи Московскихъ З. Соборовъ" („Статьи по русской исторіи", (С.-П., 1912 г.); его-же „Къ исторіи Московскихъ З. Соборовъ" (ibidem); его-же „Московскіе З. Соборы" въ кн. „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ", ч. II.; М. В. Клочковъ „Дворянское представительство на З. Соборѣ 1566 г." (Вѣстникъ права, 1904 г., ноябрь); о роли З. Соборовъ при Михаилѣ см. ст. С. Ф. Платонова „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ" (Ж. М. Нар. Пр., 1906 г., декабрь); А. Кабановъ „Организація выборовъ на З. Соборовъ на З. Соборы" XVII в. (ibid., 1910 г., № 9). Новѣйшее доступное изданіе документовъ, касающихся до З. Соборовъ, съ указаніемъ на литературу, находится въ „Памятникахъ русской исторіи" („Акты, относящіеся къ исторіи Земскихъ Соборовъ", Москва, 1909 г.); весьма важныя данныя находимъ, въ „Новыхъ актахъ смутнаго времени. Акты подмосковныхъ ополченій и Земскаго Собора 1611—1613", собранные и изданные С. Б. Веселовскимъ (М., 1911 г.); нѣсколько документовъ по исторіи С. Уложенія и З. Собора 1648—49 г.г. напечатано П. П. Смирновымъ въ „Чтеніяхъ О. И. и Др. Р.", 1913 г., кн. IV. Обзоръ исторіографіи З. Соборовъ и вопроса о представительствѣ на нихъ, см. въ книгѣ С. Аваліани „Земскіе Соборы" (Одесса, 1910 г.); см. также И. А. Стратонова „Замѣтки по исторіи З. Соборовъ Московской Руси (Казань, 1912.).

ихъ созыва было, либо управленіе государствомъ, при вакантности трона, либо подача мнѣній и постановленіе рѣшеній по важнѣйшимъ дѣламъ, при наличности государя. Уже изъ этого опредѣленія видно, что не всѣ Земскіе Соборы были одинаковы по объему своей компетенціи, почему необходимо между ними, съ точки зрѣнія этого объема власти, различать два вида: 1) Соборы избирательные, созывавшіеся въ такъ наз. „безгосударное время“ и занимавшіеся не только „обраніемъ“, или избраніемъ, государя, но и правившіе государствомъ, и 2) Соборы совѣщательнаго характера, созывшіеся тѣмъ или другимъ государемъ. Послѣдніе высказывали свои мнѣнія царю, подавали ему отъ лица выборныхъ челобитья и постановляли тѣ или иныя рѣшенія, неимѣвшія, однако, для царя обязательнаго de jure значенія. Перваго вида Соборы олицетворяли въ себѣ временно всю полноту верховной власти страны; второго вида Соборы, наиболѣе многочисленные, имѣли цѣлію: во 1-хъ ознакомленіе правительства съ нуждами и интересами страны и, во 2-хъ — проведеніе мнѣній и рѣшеній, какъ самого правительства, такъ и народныхъ представителей въ жизнь, а равно и полученіе денегъ. Совѣщательныя собранія XVI вѣка значительно отличаются, съ точки зрѣнія ихъ состава отъ З. Соборовъ XVII столѣтія.

Говоря о преемствѣ престола на Москвѣ послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича, мы отмѣтили, какое значеніе имѣли избирательные Соборы въ указанномъ вопросѣ. Но эти Соборы въ „безгосударное время“ (какъ выражаются памятники) олицетворяли въ себѣ также и верховную власть [1]). Поэтому, при вакантности трона, непосредственное участіе въ отправленіи функцій власти законодательной, административной и судебной принадлежало самимъ Соборамъ и производилось отъ ихъ имени, подобно тому, какъ при наличности государя на тронѣ все дѣлалось отъ его имени; нѣкоторые избирательные Соборы имѣли собственную свою печать, которая и прикладывалась къ посылаемымъ ими грамотамъ. Соборы эти, въ свою очередь, можно подраздѣлить на двѣ группы: первую группу составляютъ Соборы избирательные въ собственномъ смыслѣ, т. е. тѣ, которые дѣйствовали до избранія государя (Соборы 1598, 1606 и 1613 г.); Изъ нихъ особенно важенъ былъ послѣдній, избравшій Михаила Ѳ. на царство и оставившій памятникъ своей дѣятельности въ так. наз. „утвержденной грамотѣ“, изданной „Обществомъ

1) Спеціальное изслѣдованіе объ этомъ времени принадлежитъ С. Ф. Платонову — „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ (С.-П., 1901 г., 2 изд.); ср. также И. Е. Забѣлина „Мининъ и Пожарскій. Кривые и прямые въ смутное время“ (М. 1901 г.).

Исторіи и Древностей Россійскихъ“[1]). Вторую группу образуютъ Соборы, созывавшіеся при наличности одного, или двухъ наслѣдниковъ престола, т. е. Соборы, л и б о утверждавшіе права перваго на тронъ (какъ это было при вступленіи на престолъ Ѳедора Іоанновича или Алексѣя Михайловича), л и б о выбиравшіе изъ двухъ претендентовъ на тронъ одного (какъ это было, напр., первоначально, по отношенію къ Петру В.). Второй в и д ъ Соборовъ, (такъ наз. „совѣщательные Соборы“) въ свою очередь можетъ быть подраздѣленъ на двѣ группы: Соборы п о л н ы е и н е п о л н ы е; въ первыхъ было представительство „всей земли“, во вторыхъ — только о т д ѣ л ь н ы х ъ классовъ общества. На историческомъ обзорѣ этихъ двухъ группъ с о в ѣ щ а т е л ь н ы х ъ С о б о р о в ъ мы и остановимся.

Историческій обзоръ дѣятельности отдѣльныхъ З. Соборовъ.

До послѣдняго времени считалось, что первый Земскій Соборъ былъ созванъ въ 1550 г., царемъ Іоанномъ, всего черезъ 3 года по принятіи имъ титула царя и вѣнчанія на царство. Учеными, державшимися этого мнѣнія, выставлялось, что ближайшимъ поводомъ къ созыву Собора было критическое положеніе государства, созданное боярскимъ самовластіемъ, ненаходившимъ себѣ никакой сдержки при малолѣтнемъ государѣ. Дѣйствительно, неудачныя войны съ татарами и поляками, грабительства воеводъ, народные мятежи, опасность отпаденія отъ Москвы присоединенныхъ областей и усобицы самихъ правящихъ фамилій (Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ и др.) между собою — вотъ, въ немногихъ словахъ, результатъ боярскаго правленія въ теченіи 17-ти лѣтъ, по кончинѣ въ 1533 г. Василія III, оставившаго на престолѣ 4-лѣтняго сына. Одинъ иностранецъ, итальянскій архитекторъ Петръ Фрязинъ, уходя изъ Москвы, объяснилъ свой уходъ такъ; „великаго князя и княгини не стало, государь нынѣшній малъ остался, а бояре живутъ по своей волѣ и отъ нихъ великое насиліе, управы на землѣ никому нѣтъ, между боярами самими вражда, и уѣхалъ я отъ великаго мятежа и безгосударства“ . . . Извѣстій подобнаго рода дошло до насъ много. Время это — одно изъ самыхъ тяжелыхъ въ исторіи Москвы; боярская олигархія, доведя государство Московское до разоренія, нетолько не съумѣла справиться съ дѣломъ правленія, но и не могла дать надлежащаго воспитанія будущему царю и обуздать рано-пробудившіеся дурные инстинкты его дегенеративной натуры; она скорѣе покровительствовала ихъ развитію и тѣмъ подгото-

1) „Утвержденная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Ѳедоровича Романова“ (М., 1904 г., I фототипическое изданіе; 1906 г., II — болѣе доступное изданіе).

вляла для будущаго государя-тирана. Какъ извѣстно, еще отъ юности Іоаннъ вынесъ чувство ненависти къ боярству и сознаніе необходимости держать его въ страхѣ и повиновеніи; эти впечатлѣнія юности сильно отразились на послѣдующей дѣятельности Іоанна (въ эпоху казней). Первоначально-же, вѣнчавшись на царство, онъ уже черезъ три года выдвинулъ противъ боярства другую силу — силу мирную и могучую — народное мнѣніе въ лицѣ выборныхъ, впервые созданнаго имъ новаго учрежденія, а именно Земскаго Собора. Если мысль о созывѣ Земскаго Собора (исходившая повидимому, отъ такъ наз. „избранной рады“, стоявшей около царя, во главѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ и живо воспринятая самимъ молодымъ государемъ) свидѣтельствуетъ о правильномъ пониманіи имъ великаго значенія непосредственнаго общенія съ народомъ, то совпаденіе перваго созыва Собора съ вѣнчаніемъ Московскаго великаго князя царскою короною вскрываетъ предъ нами общую причину возникновенія этого вида народнаго представительства: первый Московскій царь выросъ изъ великаго князя Московскаго, собирателя земли русской, государя, дѣлавшаго въ теченіи почти двухъ съ половиною вѣковъ великое національное дѣло объединенія земли русской и передававшаго это дѣло и послѣдующимъ поколѣніямъ. Въ качествѣ такового дѣлателя, царь не имѣлъ вовсе причины чуждаться народа, а, наоборотъ, могъ всегда ждать отъ него и добраго совѣта и дѣятельной помощи въ нуждѣ, о чемъ весьма краснорѣчиво и свидѣтельствуютъ разнообразные факты изъ исторіи З. Соборовъ. Мысль о необходимости дать представительство въ устроеніи государственныхъ дѣлъ нетолько аристократическому (въ лицѣ Б. Думы), но также и демократическому элементу, была вообще тогда въ ходу. Такъ, по мнѣнію кн. Курбскаго, царь долженъ былъ искать „добраго совѣта не токмо у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ“. По мнѣнію автора извѣстной „Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ“, царь долженъ былъ имѣть около себя „вселенскій Совѣтъ“ и спрашивать его „про всякое дѣло міра“. Этотъ Совѣтъ (или Соборъ) долженъ быть постояннымъ. Иначе говоря, наряду съ Думою, какъ представительницею элемента аристократическаго, долженъ былъ стоять З. Соборъ. И, конечно, было вполнѣ своевременно созвать этотъ Соборъ Іоанну IV, когда онъ долженъ былъ, вѣнчавшись на царство, озаботиться устроеніемъ своего государства, расшатаннаго боярскимъ управленіемъ: ничто не могло такъ поднять авторитета власти, какъ обращеніе къ народу. Оно и было сдѣлано царемъ въ знаменитой его рѣчи на Красной Площади въ Москвѣ, отлично объяснявшей поводы къ этому обращенію. Такъ, въ немногихъ словахъ, можно изобразить взгляды ученыхъ, стоящихъ за З. Соборъ

1550 г. Въ послѣднее время, однако, сама рѣчь эта, служащая единственнымъ прямымъ указаніемъ на созывъ З. Собора, заподозрѣна въ своей подлинности, какъ это доказывается проф. Платоновымъ. Однако, проф. Ключевскій, — соглашаясь съ соображеніями проф. Платонова, что рѣчь Іоанна къ народу и извѣстіе о Соборѣ 1550 г. имѣется лишь въ позднемъ спискѣ Степенной книги XVII в., и при томъ на особомъ листѣ, вклеенномъ въ текстъ рукописи и писанномъ другимъ почеркомъ, — замѣчаетъ, что „каково бы ни было происхожденіе Соборной царской рѣчи, трудно заподозрить самое событіе“ и затѣмъ доказываетъ, что „умиротвореніе народа и самого царя, встревоженныхъ внѣшними и внутренними бѣдами, было, очевидно, важнѣйшимъ нравственнымъ моментомъ, объясняющимъ цѣль и значеніе перваго З. Собора“. Ввиду недостатка фактовъ для сужденія о совѣщаніи, дѣйствительно бывшемъ въ 1550 г., приходится дѣлать только догадки, а именно: едва-ли можно признать, что въ 1550 г. былъ созванъ первый З. Соборъ основанный на представительствѣ „всей земли“, а таковое представительство и было отличительнымъ признакомъ З. Собора; полный расцвѣтъ такого правительства вообще былъ лишь въ XVII в. Но, съ другой стороны, содѣйствіе общества нужно было царю, какъ ввиду печальнаго состоянія тогдашняго управленія, такъ и ввиду задуманныхъ имъ самимъ реформъ. Призывъ на совѣщаніе наиболѣе вліятельныхъ классовъ (духовенства, бояръ и „воиновъ“) былъ необходимъ и призывъ этотъ въ 1550 г., былъ сдѣланъ, но не на выборномъ началѣ, почему „совѣщаніе“ царя съ приглашенными лицами нельзя еще назвать Земскимъ Соборомъ.

Первый З. Соборъ былъ созванъ Иваномъ IV въ 1566 г., т. е. черезъ 16 лѣтъ послѣ указаннаго совѣщанія, при чемъ, впрочемъ, и на этомъ Соборѣ нѣтъ еще выборнаго представительства, подобнаго тому, какое явилось въ XVII в., такъ какъ на него были лишь позваны (кромѣ Освященнаго Собора, Б. Думы и судей центральныхъ Приказовъ, присутствовавшихъ безъ выбора) дворяне и торговые люди, бывшіе тогда въ Москвѣ [1]). Ближайшимъ поводомъ къ его созыву была необходимость знать мнѣніе народа о заключеніи мира съ Польшею по поводу Ливоніи. Какъ извѣстно, Іоаннъ еще въ 1558 г., началъ войну съ Ливонскимъ орденомъ и настолько успѣшно велъ ее, что скоро вся Ливонія, или нынѣшняя Лифляндская губернія,

1) Приговорная грамота этого Собора перечисляетъ поименно представителей духовенства, бояръ, дворянъ, „первой статьи“, дворянъ и дѣтей боярскихъ „другія статьи“, торопецкихъ и луцкихъ помѣщиковъ, дьяковъ и приказныхъ людей, гостей и купцовъ.

съ нѣкоторыми другими городами, какъ напр., Нарвою и пр., была уже въ рукахъ русскихъ воеводъ и жители ихъ принесли присягу на вѣрность Іоанну. Тогда магистръ ордена Готгардъ Кетлеръ заключилъ договоръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, по которому послѣдній долженъ былъ защищать его владѣнія отъ русскихъ, а самъ орденъ отдавался подъ протекторатъ Польши. Іоанну пришлось теперь вести войну съ польскимъ королемъ, потребовавшимъ, когда военное счастіе измѣнило Іоанну, отъ русскихъ отказа отъ всякихъ притязаній на ливонскіе города. Іоаннъ, прежде чѣмъ заключить миръ, пожелалъ знать мнѣніе народа и созывалъ З. Соборъ. НаСоборѣ этомъ принимало участіе 374 лица, при чемъ они раздѣлялись на 8 группъ, или „статей“, по выраженію „приговорной грамоты“ (т. е. грамоты, въ которой былъ записанъ въ окончательной формѣ соборный приговоръ) и каждая совѣщалась отдѣльно, подавъ затѣмъ свое мнѣніе. Всѣ группы высказывались за удержаніе ливонскихъ городовъ, при чемъ изъявляли готовность „положить свои головы за государя“, „за него, государя, и за его государеву правду служити“, т. е. поддержали государя и шли на жертвы, если онѣ потребовались-бы для продолженія войны съ Польшею. Война, дѣйствительно, и продолжалась послѣ рѣшенія Собора, но военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ не привели ни къ чему рѣшительному и въ 1569 г. было заключено перемиріе съ Польшею. Изъ мнѣній выборныхъ видно, что они, кромѣ готовности стоять за государево дѣло, понимали отлично, какъ важно для русскихъ владѣть Ливоніею. И, если Ливонія не осталась тогда за Москвою, то въ этомъ вина не Собора, а самого Іоанна [1]).

1) Нѣкоторыя мнѣнія указанныхъ группъ выборныхъ весьма интересны по своей содержательности и обдуманности. Духовенство, напр., находило, что „пригоже государю за тѣ городы ливонскіе стояти, которые взялъ король въ обереганье (перечисляются города Рига, Венденъ, Вольмаръ и др.) ..... которые къ государскимъ порубежнымъ городамъ ко псковскимъ и юрьевскимъ подошли (т. е. лежатъ недалеко отъ Пскова и Юрьева); а не стоять государю за тѣ городы ..... нетокмо государевымъ городамъ Юрьеву и инымъ городамъ государскимъ и Пскову тѣсноты будутъ великія, но и по Великому Новгороду и иныхъ городовъ торговымъ людямъ торговли затворятся“... Бояре, окольничіе и другіе высшіе чины, высказываясь за удержаніе этихъ городовъ, изъявляли готовность „за государя головы свои власти, видя королёву высость“ (т. е. высокомѣріе польскаго короля). Такъ какъ король польскій, требуя возврата завоеванныхъ ливонскихъ городовъ, соглашался на уступку царю Полоцка, передъ тѣмъ занятаго русскими, но не соглашался отдать окружающія городъ земли, то торопецкіе помѣщики, по вопросу о полоцкихъ земляхъ, отвѣтили: „мы за одну десятину земли Полоцкаго и Озерищскаго повѣту головы положимъ, чѣмъ намъ въ Полоцкѣ помереть запертымъ; а мы, холопы его государскіе,

Въ слѣдующія затѣмъ 18 лѣтъ царствованія Іоанна IV не было З. Соборовъ, Земскіе-же Соборы, бывшіе послѣ него (въ 1584, 1598, 1606 и 1613 гг.), были Соборами избирательными, о которыхъ мы уже говорили особо. Со времени-же Собора 1613 г., избравшаго царемъ Михаила Ѳеодоровича, мы имѣемъ цѣлый рядъ совѣщательныхъ Соборовъ и вступаемъ въ царствованіе, которое было, какъ справедливо говоритъ проф. Загоскинъ, „золотымъ вѣкомъ“ З. Соборовъ. На этомъ „золотомъ вѣкѣ“ Соборовъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Первый царь новой династіи почти все время правилъ съ помощью З. Собора. Хотя, по мнѣнію проф. Платонова, „въ дѣятельности Земскихъ Соборовъ времени Михаила не было вовсе условій, ограничивавшихъ власть государя, или дѣятельность его приближенныхъ лицъ“, но З. Соборы при немъ во всякомъ случаѣ превратились въ учрежденіе постоянное[1]). Такъ, во 1-хъ, избирательный Соборъ 1613 г., „обравъ на Московское государство государя царя и великаго князя“, не расходился до конца 1615 г., продолжая свою дѣятельность почти три года; затѣмъ Соборы созывались ежегодно отъ 1616 по 1622 г. включительно, кромѣ одного года, а именно 1617 (когда было, однако, совѣщаніе съ торговыми людьми). Послѣ 1622 г. Соборы созывались въ 1633—1634, 1636—37, 1642 гг. Несомнѣнно, Михаилъ Ѳеодоровичъ не имѣлъ, подобно Б. Годунову или В. Шуйскому, причины избѣгать народнаго представительства, въ которомъ нашелъ самую дѣятельную помощь: наоборотъ, есть указанія, что онъ самъ желалъ, чтобъ Соборы были около него. Извѣстно, что, когда Соборъ 1613 г. предложилъ Михаилу корону, онъ не принялъ ее: по словамъ утвержденной грамоты, онъ, „съ великимъ гнѣвомъ и со многими слезами“ отказался отъ нея: послы обратились къ его матери, инокинѣ Маѳѣ, которая, указавъ на молодость сына (ему было 16 лѣтъ), замѣтила, что „Московскаго государства многіе люди, по грѣхомъ въ крестномъ цѣлованіи стали нестоятельны“, что государство разорено, казна царская пуста и что принятіе престола будетъ Михаилу „лишь на погубленіе“. Послы Собора справедливо указывали, что Борисъ Годуновъ взошелъ на престолъ „своимъ хотѣніемъ“, Василій

нынѣ на коняхъ сидимъ и мы за его государское (достояніе) съ коня помремъ“; а жители Смоленска къ этому добавили: „и селу безъ земли какъ быти? только будетъ около Полоцка королёва земля и король около Полоцка городы поставитъ и дороги отыметъ, и Полоцкъ стѣснитъ“.

1) Новѣйшее изслѣдованіе по вопросу см. въ статьѣ С. Ф. Платонова „Вся Земля“, помѣщенной въ историческихъ очеркахъ „Начало династіи Романовыхъ“, С.-П., 1912 г. (гдѣ, въ приложеніяхъ, напечатаны также грамоты и другіе документы, относящіеся къ эпохѣ смуты). Основные акты З. Соборовъ см. въ „Собраніи Госуд. Грамотъ и Догов.“, т. II и III.

Шуйскій — по выбору немногихъ людей, а Михаилъ взойдетъ на престолъ „не своимъ хотѣніемъ, но волею всей земли“, что земля будетъ оказывать ему „всякое радѣніе и хотѣніе, что всякъ учнетъ стоять въ крѣпости и служить государю безъ всякія измѣны“ и что, наконецъ, „Московскаго государства всякіе люди въ бѣдахъ поискусились и въ чувство и въ правду пришли“ . . . Если въ этихъ словахъ пословъ Собора можно справедливо видѣть обѣщаніе помощи молодому вновь-избранному государю, то въ первой-же своей грамотѣ, Михаилъ, — принявъ, послѣ долгихъ убѣжденій его со стороны пословъ, корону отъ З. Собора, — обратился къ нему съ требованіемъ перейти отъ словъ къ дѣлу[1]). Соборъ отвѣчалъ обѣщаніемъ водворить внѣшній порядокъ въ столицѣ и около нея и усиленно звалъ царя прибыть въ Москву. Затѣмъ имъ, дѣйствительно, стали приниматься мѣры противъ безпорядковъ въ государствѣ, къ сбору денегъ въ опустошенную государственную казну, а равно хлѣба и всякихъ запасовъ для войска, стали, наконецъ, посылаться полки ратныхъ людей для изгнанія непріятельскихъ отрядовъ, бродившихъ по странѣ, и обузданія разбоевъ, при чемъ Соборъ не останавливался ни передъ какими жертвами для достиженія намѣченныхъ имъ цѣлей: такъ, напр., въ 1615 г. было предписано „по царскому указу и всей земли приговору“, т. е. по приговору Собора, собрать на жалованье ратнымъ людямъ съ имущества всѣхъ жителей государства „пятую деньгу“, т. е. 20% всего имущества. Не входя въ подробное изложеніе дѣятельности этого трехлѣтняго Собора надо вообще замѣтить, что, если въ государствѣ былъ возстановленъ какой-либо порядокъ, то этимъ правительство было обязано прежде всего нелицепріятной и неустанной дѣятельности Собора. Въ концѣ 1615 г. Соборъ былъ распущенъ, но, повидимому, тотчасъ-же были сдѣланы распоряженія о созывѣ новаго. Такъ уже 12 января 1616 г. была, напр., послана въ Пермь Великую грамота воеводѣ, въ которой указывалось, что „напередъ сего (т. е. раньше) была послана къ вамъ наша грамота“, въ которой „велѣно вамъ прислать къ намъ къ Москвѣ, для нашего великаго и земскаго дѣла, на совѣтъ пермичъ, посадскихъ луч-

1) „А вамъ бы боярамъ нашимъ . . . (далѣе перечисляются другіе чины государства), на чемъ вы намъ крестъ цѣловали и души свои дали, стояти въ крѣпости разума своего, безъ всякаго позыванія намъ служити и прямити, и воровъ никого царскимъ именемъ не называть, и ворамъ не служить, и грабежей-бы у васъ и убійствъ на Москвѣ и въ городахъ и по дорогамъ не было и быти бы вамъ межъ себя въ соединеніи и въ любви, на чемъ есте намъ души свои дали и крестъ цѣловали, на томъ бы и стояли, а мы васъ за вашу правду и службу рады пожаловать“. . .

шихъ и среднихъ людей, 3-хъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей тотчасъ, не мѣшкавъ ни часу . . . И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ и по ся мѣста не присылывали". Грамота требуетъ скорѣе выслать выборныхъ, „чтобъ за тѣмъ наше и великое земское дѣло не стало". Такимъ образомъ изъ этой вторичной грамоты, посланной уже 12 января 1616 г., надо заключить, что первая была отправлена еще въ концѣ 1615 г., вскорѣ послѣ распущенія перваго Собора. Что-же это „за великое дѣло", которымъ долженъ былъ такъ спѣшно заняться этотъ 2-ой Соборъ Михаилова царствованія? Онъ долженъ былъ постановить „всемірный приговоръ", какъ о сборѣ съ занимающихся торговлею и промыслами вновь „пятой деньги", такъ и по 120 рублей съ сохи [1]), т. е. съ землевладѣльцевъ. И этотъ Соборъ долженъ былъ такимъ образомъ вновь принести громадныя матеріальныя жертвы на пользу государства. Кромѣ того, со Строгановыхъ „власти и всѣхъ городовъ выборные люди приговорили: „взять съ вотчинъ, и съ промысловъ, и съ животовъ 40 тысячъ рублей".

Слѣдующему Собору, а именно Собору 1618 г., пришлось принимать энергичныя мѣры по случаю нашествія королевича Владислава на русскую землю, составляя, вмѣстѣ съ государемъ, приговоры о защитѣ Москвы отъ нападенія. Кромѣ того, Собору пришлось высказаться въ одномъ изъ засѣданій по вопросу о мѣстничествѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ заявилъ Собору, что „посылаетъ онъ, государь, бояръ, и окольничьихъ, и стольниковъ, и стряпчихъ, и дворянъ въ городы въ воеводы и на Москвѣ и въ городахъ для своихъ государевыхъ дѣлъ; и бояре и окольничіе и стряпчіе и дворяне межъ себя считаются и бьютъ челомъ ему, государю, о мѣстахъ и затѣмъ его государеву дѣлу ставится мотчаніе", и что слѣдовало бы „по нынѣшнимъ его литовскимъ вѣстемъ быть безъ мѣстъ". И вотъ Соборъ постановилъ: „всякимъ служилымъ людемъ быти на нынѣшнихъ государевыхъ службахъ и впередъ (т. е. впредь) до 128 (т. е. 7128) году (1620 г.) на Москвѣ и въ городахъ . . . у всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ". Надо вообще замѣтить, что мѣры, принятыя царемъ вмѣстѣ съ Соборомъ къ защитѣ Москвы, были очень цѣлесообразны и Владиславъ долженъ былъ съ большими потерями отступить отъ нея, а по Деулинскому миру 1 декабря 1618 г. онъ отказался отъ Московской короны и призналъ Михаила Ѳеодоровича царемъ. Соборъ слѣдующаго 1616 года билъ челомъ отцу государя (митрополиту Филарету Никитичу, только что вернувшемуся изъ польскаго плѣна) о принятіи имъ патріар-

1) Соха — поземельная единица, содержавшая отъ 600 до 1800 десятинъ земли.

шества; затѣмъ уже, по почину Филарета, Земскій Соборъ 1619 г. занялся очень важнымъ вопросомъ о неравномѣрномъ распредѣленіи податей между плательщиками ихъ, результатомъ чего было рѣшеніе послать писцовъ во всѣ тѣ города, которые не подвергались разоренью отъ поляковъ, а въ разоренные города особыхъ „добрыхъ“ дозорщиковъ, для приведенія въ извѣстность имущественнаго состоянія плательщиковъ, затѣмъ возвратить на прежнія мѣста вышедшихъ изъ своихъ обществъ людей, образовавъ особую комиссію изъ 2-хъ бояръ съ товарищами, для сыска „про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ“ т. е. для производства слѣдствій о притѣсненіяхъ, чинимыхъ людьми сильными слабымъ пр. О Соборѣ 1620 г. нѣтъ свѣдѣній; что же касается Собора 1621 г., то ему пришлось обсуждать вопросъ о войнѣ съ Польшею[1]). Собору было доложено о нарушеніи, со стороны поляковъ, условій заключеннаго мира и о многихъ обидахъ отъ нихъ; Соборъ 1621 г., постановилъ бить челомъ государю и его отцу, „чтобъ они за святыя церкви и за свою государскую честь и за свое государство противъ недруга своего, искони вѣчнаго врага Московскаго государства, . . . стояли крѣпко, сколько имъ, государямъ, милосердный Богъ помощи подастъ“. Война съ Польшею, впрочемъ, не произошла немедленно, но Соборъ во всякомъ случаѣ рѣшался на нее: предварительно былъ, однако, посланъ въ октябрѣ 1621 г. въ Польшу „къ панамъ радѣ“ гонецъ, который требовалъ исполненія всѣхъ условій и угрожалъ войною; такъ какъ отвѣтъ „пановъ рады“ былъ очень неудовлетворителенъ, то уже Собору 1622 г. пришлось вновь обсуждать вопросъ о войнѣ; рѣшено было готовиться къ войнѣ, но она произошла, однако, лишь въ 1632 г. Затѣмъ Михаилу Ѳеодоровичу пришлось снова обратиться въ 1633—1634 гг.

1) Составъ этого Собора, по приговорной грамотѣ, былъ таковъ: „по Государству Цареву и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи (указу), б ы л и н а с о б о р ѣ: Новгородскій Митрополитъ Макарій, Ростовскій Митрополитъ Варламъ, Крутицкой Митрополитъ Іона, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и соборные старцы, и протопопы и весь Освященный Соборъ, да бояре: князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи, и окольничіе, и думные люди, стольники, стряпчіе, и дворяне Московскіе, и дьяки, и жильцы, и дворяне изъ городовъ, выборные и приказные люди, и головы, и сотники, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ, и гости и торговые люди, и Донскіе атаманы и казаки, и всякихъ чиновъ люди всего Московскаго Государства. А говорилъ Великій Государь Царь . . . всея Русіи и отецъ его Государевъ, Великій Государь святѣйшій Патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи, на Соборѣ властямъ и боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ Московскаго Государства, о неправдахъ и о крестопреступленьи искони вѣчнаго врага Московскому Государству Польскаго и Литовскаго Жигимонта Короля, и сына его Владислава, и Польскихъ и Литовскихъ людей“. . .

къ созыву выборныхъ, ввиду обнаружившагося недостатка у государства средствъ на веденіе этой войны, и выборные сказали царю, что они „для вспоможенія и для избавы православныя христіанской вѣры дадутъ, по своимъ пожиткамъ, что кому можно дать“. Въ 1637—1638 г. обращеніе къ Собору состоялось, ввиду того, что ожидалось нашествіе крымскаго хана на Москву. Нашествіе же ожидалось вслѣдствіе взятія Азова донскими казаками. Крымскій царевичъ Сафа-гирей вторгся въ украинскіе города, мстя за взятіе Азова, разорилъ русскія области и, уходя обратно, извѣстилъ царя, что весною придетъ въ Московское государство самъ крымскій ханъ Богатъ-гирей. Собравъ Соборъ, царь поставилъ вопросъ: „какъ намъ стоять противъ нашего непріятеля, крымскаго хана, и какъ ратныхъ людей собирать, чтобы Божьи церкви не были осквернены, государство разорено, и православные люди въ плѣнъ не попались“, указавъ въ тоже время, что „ратные люди въ числѣ уменьшились и безъ прибавочныхъ людей съ земель быти немочно“. Соборъ постановилъ приговоръ о порядкѣ сбора „прибавочныхъ людей“ для предстоящаго похода. Но, походъ этотъ, не состоялся, такъ какъ крымскій ханъ не произвелъ предполагаемаго нападенія на Московское государство и Азовъ оставался безпрепятственно въ рукахъ донскихъ казаковъ до 1641 г., когда самъ турецкій султанъ Ибрагимъ I послалъ противъ нихъ большую армію и началъ осаду Азова. Хотя осада и окончилась для турокъ неудачею, но казаки, опасаясь, что, при новомъ приступѣ татаръ и турокъ, имъ придется сдаться, обратились къ Михаилу Ѳеодоровичу съ челобитьемъ о принятіи у нихъ Азова и о защитѣ его; Москвѣ пришлось рѣшать очень трудный вопросъ: отказаться-ли отъ Азова, являвшагося очень важнымъ, — какъ въ политическомъ, для укрѣпленія Россіи на Черномъ морѣ, такъ и въ торговомъ отношеніи, — пунктомъ, или вести изъ-за него войну съ сильною турецкою державою? Михаилъ Ѳеодоровичъ, по обыкновенію, обратился за рѣшеніемъ вопроса къ З. Собору, который и былъ созванъ 3 января 1642 г.[1]). Этотъ Соборъ, но-

1) Какъ видно изъ приговорной грамоты этого собора, „по Государеву указу, Соборъ былъ въ Столовой избѣ, а на Соборѣ при Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Русіи были: Серапіонъ, Митрополитъ Крутицкой, и архимандриты, и игумены, и протопопы и весь Освященный Соборъ, и бояре, и окольничіе, думные люди, и стольники, и стряпчіе, и дворяне Московскіе, и діаки, и головы и сотники, и дѣти боярскіе изъ городовъ, и гости, и гостиной и суконной и черныхъ сотенъ торговые люди, и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди; и говорилъ на Соборѣ (отъ имени государя) всѣмъ людямъ вслухъ печатникъ и думный діакъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Лихачевъ“. . .

сящій въ литературѣ наименованія Азовскаго, былъ послѣднимъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

Значеніе Азовскаго Собора чрезвычайно важно, какъ по самому предмету, который пришлось обсуждать ему, такъ и по тѣмъ мнѣніямъ, или „сказкамъ", какія были поданы отдѣльными группами выборныхъ. Вопросъ о владѣніи Азовомъ былъ вопросъ, занимавшій вниманіе государей нашихъ отъ Ивана IV до Екатерины II-ой включительно: кто владѣлъ Азовомъ, владѣлъ Крымомъ, а владѣніе Крымомъ, присоединеннымъ къ Россіи лишь въ 1783 г., означало достиженіе Россіею на югѣ своихъ естественныхъ границъ и установленіе тамъ спокойствія отъ нападеній татаръ и турокъ. Пріобрѣтеніе Крыма, однако, оказалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ было сломлено могущество турокъ, въ которыхъ крымскіе татары находили себѣ постоянно защитниковъ. Собору пришлось отвѣчать на вопросъ о томъ, взять-ли отъ казаковъ городъ Азовъ и вести-ли войну изъ-за него съ Крымомъ и Турціею и, если вести, то гдѣ взять денегъ и припасовъ на ея веденіе, т. е. касаться вопроса, который требовалъ громаднаго напряженія силъ и съ которымъ покончить удалось только черезъ сто слишкомъ лѣтъ (Азовъ былъ присоединенъ къ Россіи по Кучукъ-Кайнарджійскому миру 1774 г.), послѣ многихъ кровопролитныхъ войнъ, которыя велись Россіею за обладаніе югомъ съ Турціею и Крымомъ. Какъ мы увидимъ дальше, выборные Собора отнеслись довольно-холодно къ вопросу о завладѣніи Азовомъ и это отношеніе ихъ заставило царя отказаться отъ мысли вести изъ-за него войну, хотя онъ этого хотѣлъ раньше и даже обѣщалъ поддержать донскихъ казаковъ. Отношеніе выборныхъ къ вопросу дало поводъ говорить въ литературѣ нашей объ упадкѣ соборнаго устройства, сказавшемся будто бы ясно на Азовскомъ Соборѣ. Б. Н. Чичеринъ, который вообще смотритъ довольно отрицательно на дѣятельность Соборовъ, говоритъ, что „въ Азовскомъ Соборѣ, послѣднемъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, нельзя не видѣть упадка соборнаго устройства. По своей чисто совѣщательной формѣ, по разрозненности поданныхъ мнѣній, онъ напоминалъ времена, предшествующія междупарствію; по отсутствію всякой политической мысли, по наивно-высказывающимся эгоистическимъ стремленіямъ сословій, онъ не дѣлаетъ чести тогдашнему обществу! Грустно смотрѣть на этотъ послѣдній памятникъ нашего древняго земства!". . Заключительное восклицаніе автора заставляетъ думать, что у насъ уже не было послѣ Азовскаго Собора Соборовъ важныхъ по своему значенію, что конечно, несправедливо, такъ какъ достаточно указать на Соборъ, касавшійся составленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1648—1649 гг., или на Соборъ малороссійскій 1653 г.,

чтобъ не видѣть въ Азовскомъ Соборѣ „послѣдняго памятника нашего древняго земства“. Сдержанное отношеніе части выборныхъ къ разрѣшенію войною Азовскаго вопроса, на нашъ взглядъ, показываетъ лишь наличность большой доли здраваго у нихъ смысла, такъ какъ то, что имъ предлагалось рѣшать немедленно, совершенно не созрѣло еще для рѣшенія и могло, да и то лишь съ большимъ напряженіемъ силъ, быть рѣшено спустя слишкомъ сто лѣтъ. Выборные Собора какъ-бы провидѣли, что удержаніе Азова — не подъ силу данному времени и это уже одно должно быть поставлено имъ въ большую заслугу, такъ какъ знать мѣру силъ своей страны — дѣло высокой важности для государственныхъ дѣятелей. Разсматривая съ указанной точки зрѣнія „сказки“, или мнѣнія выборныхъ, нельзя, по нашему мнѣнію, присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, которые видятъ въ нихъ какой-то упадокъ народнаго представительства . . . Обращаясь, послѣ указанныхъ замѣчаній, къ краткому обзору названныхъ сказокъ, отмѣтимъ, что онѣ довольно обширны; не излагая ихъ цѣликомъ, передадимъ лишь ихъ сущность. Большинство выборныхъ с о з н а в а л о необходимость удержанія Азова, но вмѣстѣ съ этимъ понимало, что это потребуетъ такихъ матеріальныхъ и иныхъ затратъ, какія не можетъ вынести государство и безъ того уже потрясенное въ своихъ основаніяхъ въ предшествующую эпоху междуцарствія и едва начавшее оправляться отъ этихъ потрясеній въ новое царствованіе. Въ тоже время, выборные пользуются случаемъ, чтобъ указать на существующіе непорядки и тягости [1]). Кромѣ того служилые люди нѣкото-

1) Такъ, напр., гости и торговые люди гостинной и суконной (сотенъ, заявивъ, что дѣло о взятіи Азова зависитъ отъ воли государя т„какъ тебѣ, государю, о томъ Богъ извѣститъ“, говорятъ они), въ доже время указываютъ, что „мы, холопи твои . . . питаемся на горонѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за нами иѣтъ никакихъ, а службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ пныхъ городѣхъ по вся годы а отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ бездрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги (т. е. отъ сбора „пятой еньги“, или 20% съ имущества) . . . многіе люди оскудѣли и обнищали до конца“, что вообще „въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ“, между тѣмъ, „при прежнихъ государѣхъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди сами промежъ себѣ, а воеводъ въ городахъ не было“ . . . Сотскіе и посадскіе черныхъ сотенъ и слободъ, тоже находя, что вопросъ о взятіи Азова — дѣло государя, заявляютъ, между прочимъ, что нахожденіе Азова въ рукахъ турокъ есть бѣдствіе для русскихъ окраинъ, но что „мы, сироты твои . . . и всѣ тяглые людишки нынѣ, грѣхомъ своимъ, оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, и отъ подводъ . . . и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей и отъ многихъ цѣловальничъ службъ . . . и отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишки свои мечутъ“ . . .

рыхъ городовъ находятъ, что возвращать Азовъ туркамъ нельзя, что это „не утолитъ и не удобритъ ихъ“, но „пуще тою отдадачею на себя подвигнемъ“ и что поэтому „лучше Азовъ тебѣ, государю, и всей землѣ принять и крѣпко за него стоять“. Касаясь вопроса, гдѣ взять деньги и хлѣбъ для продолжительной войны, въ случаѣ взятія Азова, „сказка“ означенныхъ городовыхъ служилыхъ людей, какъ и другія „сказки“ городовыхъ служилыхъ людей, требуетъ, чтобъ деньги и хлѣбные запасы брались равномѣрно со всѣхъ людей, съ духовенства, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ, а отъ ратныхъ сборовъ не освобождались-бы и государевы дворовые люди и дворцовыя волости. Въ заключеніе и указанные городовые люди замѣчаютъ, что „разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ, московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“ . . . Служилые люди другихъ городовъ заходятъ очень далеко и совѣтуютъ, между прочимъ, если война потребуетъ много денегъ, отобрать „патріаршую казну, и у митрополитовъ, и у архіепископовъ, и у епископовъ, и въ монастырѣхъ лежачую казну“, а затѣмъ обложить сборомъ на войско гостей, торговцевъ и „всякаго рода черныхъ людей“. Нѣкоторыя группы выборныхъ совѣтуютъ послать на помощь казакамъ лишь „охочихъ вольныхъ людей“; другія, какъ, напр., духовенство, уклоняются отъ прямаго отвѣта, мало вообще сочувствуя войнѣ.

Первымъ Соборомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ весьма важный Соборъ 1648—49 гг., на которомъ было какъ извѣстно, составлено знаменитое „Соборное Уложеніе“. Слѣдующимъ за нимъ былъ Соборъ 1650 г., созванный по случаю мятежа, вспыхнувшаго въ Псковѣ и Новгородѣ и считаемаго многими за естественный отголосокъ того бунта, какой былъ въ Москвѣ 25 Мая 1648 г. Напомнимъ кратко обстоятельства псковскаго мятежа. Въ 1650 г. правительство должно было заплатить Швеціи выкупъ деньгами и хлѣбомъ за перебѣжчиковъ, ушедшихъ въ Россію изъ тѣхъ русскихъ земель, которыя по Столбовскому миру были уступлены Швеціи. Во Псковъ былъ посланъ гость Емельяновъ для скупки хлѣба и отправки его въ Швецію. Емельяновъ приступилъ къ своему дѣлу не только слишкомъ энергично, но и недобросовѣтно: не обращая вниманія на голодъ, свирѣпствовавшій тогда въ городѣ, онъ скупалъ весь хлѣбъ и перепродавалъ его самъ. Произошелъ мятежъ, ознаменовавшійся между прочимъ задержаніемъ, избіеніемъ и ограбленіемъ шведскаго посла Нуменса, который везъ съ собою 20 тысячъ денегъ въ счетъ выкупа. Затѣмъ мятежники встрѣтили вооруженнымъ сопротивленіемъ кн. Хованскаго и его отрядъ, посланный для разслѣдованія дѣла и пр. Царь

Алексѣй Михайловичъ, видя, что мятежъ разгорается, но не желая прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, созвалъ Соборъ, который и открылся 26 іюля того-же года. Этому Собору былъ предложенъ вопросъ, *какъ поступить*, если возставшіе не послушаютъ увѣщаній депутаціи, посланной къ нимъ 4 іюля и состоявшей изъ епископа Коломенскаго Рафаила, одного архимандрита и одного протопопа, вмѣстѣ съ выборными (по одному отъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ и городовыхъ дворянъ, отъ сотенъ гостинной и суконной и отъ посадскихъ людей)? Отвѣтъ Собора, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ, и пока извѣстенъ только наказъ, посланный епископу Рафаилу, въ которомъ предписывалось ему дѣйствовать миролюбиво и не требовать зачинщиковъ; предполагается учеными, что этотъ наказъ именно составленъ подъ вліяніемъ отвѣта выборныхъ. Впрочемъ, этотъ отвѣтъ не имѣлъ примѣненія, такъ какъ мятежники встрѣтили почтительно и съ повинной депутацію и цѣловали крестъ на вѣрность государю. Во всякомъ случаѣ, обращеніе къ мнѣнію З. Собора при данныхъ обстоятельствахъ очень характерно.

Въ 1651 и въ 1653 г. состоялись два З. Собора по малороссійскому вопросу, весьма важные, какъ по своему внутреннему значенію, такъ и по тому обстоятельству, что они являются *послѣдними* полными Соборами, на которыхъ созывалась „вся земля“, „всѣ люди“, какъ выражаются наши древніе акты. Литературная исторія перваго Собора любопытна въ томъ отношеніи, что большинство писателей нашихъ совершенно объ немъ умалчивало. Только К. С. Аксаковъ упоминалъ о немъ въ своей полемикѣ съ С. М. Соловьевымъ по поводу 2-го малороссійскаго Собора. Изъ матеріаловъ, изданныхъ проф. Латкинымъ, мы узнаемъ, что „Государь Царь, указалъ о Литовскомъ дѣлѣ учинить Соборъ“. На этомъ Соборѣ указалъ „Государь объявити (выборнымъ) Литовскаго короля и пановъ рады прежнія и нынѣшнія неправды“ [1]), которыя ими дѣлаются, мимо вѣчнаго докончанья, а отъ короля и отъ пановъ рады исправленія въ томъ не бывало. И *чтобъ тѣ ихъ неправды его* государевымъ

1) Эти „неправды“ состояли во 1-хъ въ нарушеніи со стороны поляковъ договора, въ писаніи Государева титула „со многимъ премѣненіемъ“ („а иные злодѣи писали именованіе Михаила Ѳеодоровича „Ѳеодоромъ Михайловичемъ, Михайломъ Филаретовичемъ“, а Алексѣя Михайловича — Александромъ Михайловичемъ, слово „Царь“ пропускали во многихъ листахъ, а въ иныхъ (листахъ) Царемъ“ написано, а „Великимъ княземъ“ не написано, а въ иныхъ „*всеа* Русіи“ и титлы во многихъ листахъ съ убавкою, а индѣ и съ премѣненіемъ“) а во 2-хъ — въ сношеніи польскаго короля съ крымскимъ ханомъ, „чтобы имъ сопча Московское государство воевать и разорить“ и т. д.

Московскаго государства всякимъ людямъ были вѣдомы; также и запорожскаго гетмана Богдана Хмельницкаго присылки объявити, что они бьютъ челомъ подъ государеву высокую руку въ подданство. А на Соборѣ говоритъ всякихъ чиновъ людямъ вслухъ“... Изъ письменной рѣчи государя (или „письма“) въ которой былъ изложенъ подробно какъ самый договоръ съ поляками, такъ и указано на его нарушенія, видно, что Собору былъ предложенъ вопросъ: если король Янъ-Казиміръ и паны „рады“, по договору, „исправленія и, за государеву честь, виноватымъ казни не учинятъ и то дѣло начнутъ впередъ откладывать въ проволоку съ сойму на соймъ по прежнему, и томъ великомъ дѣлѣ... съ королемъ, и что онъ ссылается о войнѣ на Московское государство съ крымскимъ ханомъ, какъ быть?“ До насъ дошло только мнѣніе, поданное духовенствомъ, изъ котораго видно, что церковь, — если поляки не исправятся — „можетъ подати разрѣшеніе“ государю на войну и принятіе въ подданство „запорожскаго гетмана съ черкасы“; „а исправятся, то, какъ вамъ, великому государю-царю . . . Богъ извѣститъ“ (предполагаютъ, что и другія мнѣнія были однородны съ мнѣніемъ духовенства). Король и „паны рады“, однако, не исправились, и черезъ два года, именно 1653 г., былъ созванъ З. Соборъ [1]). Собору вновь было разсказано объ обидахъ отъ поляковъ и нарушеніяхъ договора, заключеннаго Михаиломъ Ѳеодоровичемъ съ Владиславомъ, и указывалось, что выполненіе его, несмотря на постоянныя обѣщанія, никогда въ точности не дѣлалось. При Янѣ-Казимірѣ эти нарушенія и обиды „учали быть пуще прежняго“: такъ о русскихъ царяхъ въ польскихъ книгахъ писались такія „злыя безчестья, укоризны и хулы, что слышати и терпѣть невозможно и помыслити страшно“. Тоже пишется и о всѣхъ русскихъ: „нетокмо за вѣчнымъ докончаніемъ (т. е. во время мира), но и въ развратье того не бываетъ“. Кромѣ того, съ польской стороны „учали быть въ порубежныхъ мѣстахъ задоры большіе“. Польскіе люди совершаютъ всевозможныя насилія надъ русскими, разоряютъ и грабятъ крестьянъ, и „урядники ихъ (поляковъ) расправы въ томъ не чинятъ“. Наконецъ, продолжаетъ царскій докладъ Собору, „въ прошлыхъ годахъ гетманъ запорожскій Богданъ Хмельницкій и все запорожское войско много разъ посылали пословъ, говорившихъ, что поляки постоянно учиняли гоненіе на православіе и на церкви, то принуждая къ переходу въ католицизмъ, то вводя унію, и „всякія надъ ними гоненія и поруганіе и злости нехристіанскія чинили, чего они и надъ еретиками и надъ жидами не чинятъ . . .“ Поэтому казаки возстали на своихъ гонителей, соединились съ крымскимъ ханомъ, и у царскаго величества милости просятъ, чтобы онъ ихъ принялъ подъ свою вы-

сокую руку". Докладъ Собору разсказываетъ далѣе о посольствѣ кн. Рѣпнина-Оболенскаго въ Польшу (отправленнаго туда слѣдствіе челобитья гетмана, просившаго Царя о посредничествѣ къ заключенію такого мира съ Польшею, которымъ-бы обезпечивалась свобода вѣроисповѣданія казацкому войску) и заканчивается историческою справкою о томъ, что Янъ-Казиміръ, при избраніи его на престолъ, обѣщался быть вѣротерпимымъ, „межъ разнствующими въ вѣры христіанской остерегати и защищати и никакими мѣрами для вѣры самому не тѣснити и никого на то попущати", и что, по условіямъ польской конституціи, нарушеніе обѣщаніи избавляетъ подданныхъ отъ вѣрности государю (этимъ какъ-бы давался Собору намекъ, что запорожцы de jure свободны отъ обязательствъ по отношенію къ королю, а потому и могутъ быть приняты Москвою въ подданство). Докладъ сообщаетъ также, что въ Москву только что еще прибылъ посолъ Хмельницкаго — Лавринъ Капуста, извѣщающій о войнѣ казаковъ съ Польшею и просящій отъ имени гетмана хоть какой-либо помощи казакамъ. Выборные, — отвѣчавшіе на запросъ правительства отдѣльно по чинамъ, т. е. по разрядамъ, — подали мнѣніе за войну и за принятіе Малороссіи въ подданство. При этомъ бояре и думные люди считали принятіе Малороссіи необходимымъ для спасенія православной вѣры (а, слѣдовательно, и народности казаковъ), предусмотрѣвъ и тотъ случай, когда царь рѣшитъ противное: „а буде Государь ихъ не пожалуетъ", говоритъ соборный актъ, то такъ-бы „велѣлъ помирить ихъ съ поляками черезъ своихъ великихъ пословъ, чтобы имъ тотъ миръ былъ надеженъ". Самихъ-же казаковъ бояре и думные люди, вслѣдствіе нарушенія королемъ присяги, считаютъ свободными отъ вѣрноподданства („потому что они", говоритъ соборный актъ, „стали нынѣ прежнею королевскою вольные люди"). Наконецъ, служилые люди сказали, что они готовы „съ Литовскимъ королемъ битися, не щадя своихъ головъ и рады помереть за ихъ государскую честь". . ., а торговые всякихъ чиновъ люди „вспоможеньемъ и за ихъ государскую честь головами-же своими рады помереть. . ."

Итакъ представители послѣдняго Собора всей земли, какъ и всѣхъ другихъ, оказались на высотѣ своего дѣла, поняли важность вопроса и внушили царю увѣренность въ возможности рѣшить этотъ важный вопросъ благопріятно для казаковъ. Такое рѣшеніе спасло прекрасную, родную намъ, Украйну отъ порабощенія, да и Москвѣ, въ свою очередь, придало немало блеска и силы. Вопросъ о значеніи этого Собора поднялъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ оживленную полемику между 2-мя учеными — С. М. Соловьевымъ и К. С. Аксаковымъ. Извѣстно, что еще 6 сент. 1653 г. было отправлено къ

Хмельницкому посольство изъ стольника Стрѣшнева и дьяка Бредихина, которое повезло гетману подарки и милостивую царскую грамоту, въ которой, между прочимъ, нѣсколько таинственно сообщалось гетману, чтобы онъ вѣрилъ посламъ въ томъ, „о чемъ они тебѣ говорить учнутъ“, а изъ отвѣта гетмана царю видно, что дѣло шло именно о принятіи Малороссіи въ подданство, такъ какъ гетманъ сообщалъ, что онъ передалъ войску о согласіи царя на это принятіе. С. М. Соловьевъ, основываясь на датѣ самаго соборнаго акта, пріурочивающей открытіе Собора къ 1 октября 1653 г., высказалъ слѣдующее: „въ обстоятельствахъ созванія малороссійскаго Собора ясно видно, что явленіе вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужнымъ еще исполнять изъ уваженія къ обычаю предшествовавшаго царствованія: 6-го сентября государь послалъ къ гетману съ обявленіемъ, что онъ принялъ его въ подданство, а 1-го октября созванъ былъ Соборъ для разсужденія о томъ, принимать-ли гетмана въ подданство? Положимъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ увѣренъ въ согласіи Собора, ибо объ этомъ было разсуждаемо прежде (т. е. на Соборѣ 1651 г.), но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ созывать вторично Соборъ и предлагать снова дѣло на обсужденіе; если-же хотѣли большаго, окончательнаго удостовѣренія, то зачѣмъ было созывать Соборъ послѣ рѣшенія дѣла?“. К. С. Аксаковъ, опровергая этотъ выводъ о маломъ значеніи 2-го Собора, говоритъ, что этотъ 2-ой Соборъ былъ собранъ „для торжественнаго признанія, для санкціи рѣшенія, въ которомъ и царь, и земля были согласны“ . . . „Между 1-мъ и 2-мъ Соборомъ прошло три года; поэтому нужна была торжественная санкція отъ новаго Собора и только послѣ рѣшенія его царь посылаетъ открыто и торжественно своихъ великихъ пословъ“ (первые послы были тайные, съ „тайными“ рѣчами). Малороссійское дѣло не только не умаляетъ значенія Земскихъ Соборовъ, но еще усиливаетъ оное“. Выводъ Аксакова усиливается въ послѣднее время тѣми новыми свѣдѣніями о времени созыва Собора 1653 г., которыя имѣются нынѣ въ литературѣ вопроса. Изъ нихъ оказывается, что 1-е октября было не днемъ открытія Собора, какъ предполагали прежде, а, по всей вѣроятности, днемъ послѣдняго его засѣданія, такъ какъ выборные созывались еще къ 5 іюня 1653 г. (Латкинъ — „Земскіе Соборы“, стр. 236). Но если это такъ, то значитъ, что посольство Стрѣшнева и Бредихина было отправлено уже во время пребыванія выборныхъ въ Москвѣ и съ ихъ вѣдома, а, слѣдовательно, этотъ Соборъ не былъ одною формальностью [1]).

1) Добавимъ еще къ этому, что проф. Платоновъ доказываетъ,

Изъ неполныхъ Соборовъ при царяхъ Алексѣѣ Михаиловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (представляющихся ничѣмъ инымъ, какъ совѣщаніемъ правительства, по тѣмъ или инымъ вопросамъ, со свѣдущими людьми), надо назвать совѣщаніе съ гостями и торговыми людьми въ 1660 г. и 1672 г., совѣщаніе съ гостями въ 1676 г., со служилыми людьми — въ 1682 г. (объ уничтоженіи мѣстничества) и, наконецъ, совѣщаніе съ выборными изъ гостей, гостинной и суконной сотни и посадскихъ людей въ 1682 г. — по вопросу объ уравненіи службъ и податей, которыя неслись этими классами (о результатахъ этого послѣдняго совѣщанія ничего неизвѣстно въ литературѣ вопроса). На совѣщаніи 1660 г. гости и торговые люди должны были дать правительству отвѣтъ, отчего вздорожалъ хлѣбъ и съѣстные припасы и что надо сдѣлать, чтобы понизить имъ цѣну? Выборные сказали, чтобъ хлѣбъ вздорожалъ вслѣдствіе неурожая, усиленнаго винокуренія и скупки его и перепродажи „закупщиками и кулацкими“ (т. е. скупщиками и кулаками). Для удешевленія хлѣба надо-бы прекратить продажу вина на кружечныхъ царскихъ дворахъ и запретить скупщикамъ перепродажу хлѣба — тогда крестьяне будутъ привозить на Москву хлѣбъ и продавать его сами; затѣмъ они предлагали раздавать стрѣльцамъ жалованье не деньгами, а хлѣбомъ, который можно взять у патріарха, духовенства и у монастырей, „который у нихъ будетъ хлѣбъ въ мѣшкѣ“, и другія мѣры, часть которыхъ была принята.

Въ 1667 г. торговый договоръ, заключенный московскимъ правительствомъ съ армянскими купцами, предоставилъ послѣднимъ право непосредственной торговли персидскими товарами, а въ 1672 г. московскіе гости были спрошены, не будетъ-ли „московскимъ и всѣхъ городовъ купецкимъ людямъ въ промыслахъ ихъ помѣшки“ отъ того, что армяне, согласно договору, будутъ привозить шелкъ-сырецъ и другіе персидскіе товары въ Россію и за границу. Гости дали отвѣтъ, что при прежнихъ государяхъ „Шаховы персидскія области купецкіе люди, кизилбаши“ (персіяне), армяне и другіе восточные народы никогда

что означенный Соборъ занимался польскими и малороссійскими дѣлами съ 25 приблизительно мая 1653 г. по 1 октября, а засѣданіе 1 октября было именно послѣднимъ торжественнымъ собраніемъ выборныхъ. По весьма основательнымъ соображеніямъ означеннаго ученаго, надо признать, что отправленіе Стрешнева и Бредихина состоялось не иначе, какъ съ вѣдома Собора: они должны были объявить Хмельницкому, что государь приметъ его подъ свою высокую руку, если посольство Рѣпнина постигнетъ неудача. Когда это, дѣйствительно, случилось, послали догнать Стрешнева, причемъ ему велѣно было уже прямо объявить Хмельницкому о принятіи его царемъ въ подданство. (Статьи по р. исторіи, стр. 25 сл.).

не ѣздили въ нѣмецкія земли и не торговали съ иностранцами сами, а торговля съ Востокомъ была въ рукахъ русскихъ купцовъ, и они, привозя изъ Астрахани и Персіи товары, продавали ихъ въ казну великаго государя, откуда они уже и перепродавались нѣмцамъ за ефимки. Отъ этой торговли выигрывали и купцы и казна, тогда какъ, по договору, вся выгода шла-бы въ пользу армянъ и персіянъ. Правительство согласилось съ представителями торговаго класса и договоръ былъ отмѣненъ.

Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича не было ни одного З. Собора, а изъ совѣщаній съ свѣдующими людьми замѣчательно совѣщаніе правительства съ выборными отъ служилыхъ людей по поводу пересмотра ратнаго устава. Подъ предсѣдательствомъ В. В. Голицына собрались выборные, чтобъ обсудить вопросъ о лучшемъ устройствѣ русскаго войска, въ виду того обстоятельства, что „въ мимошедшихъ воинскихъ бранѣхъ,— будучи въ бояхъ съ его государевыми ратными людьми — его государевы непріятели показали новые въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы“. Разсуждая, какъ бороться противъ этихъ непріятельскихъ „вымысловъ“, выборные предложили, вмѣсто прежняго дѣленія полковъ по сотнямъ, дѣленіе по ротамъ, во главѣ которыхъ должны стоять „ротмистры и поручики“, „изо всѣхъ родовъ и чиновъ и межъ себя безъ мѣстъ и безъ подбору, кому и въ какомъ чинѣ государь укажетъ“. Это мнѣніе выборныхъ было утверждено Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, приказавшимъ, кромѣ того, выборнымъ составить списокъ, „кому быть ротмистрамъ и поручикамъ“, для чего имъ дали списокъ тѣхъ лицъ, какія состояли уже въ стольникахъ, стряпчихъ, дворянахъ и жильцахъ. Выборные исполнили это порученіе, при чемъ били челомъ Государю во 1-хъ о томъ, чтобъ въ списокъ этотъ были внесены дѣти разныхъ знатныхъ родовъ, которыя въ немъ не значатся по причинѣ своихъ „малыхъ лѣтъ“, чтобы имъ, выборнымъ, внесшимъ себя и своихъ родственниковъ въ названный списокъ, „впредь отъ тѣхъ родовъ въ попрёкѣ и укоризнѣ не быть“, и во 2-хъ говорили въ челобитной, чтобъ, „для совершенной въ ратныхъ, въ посольскихъ и во всѣхъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія“, государь указалъ, „всѣмъ боярамъ и окольничьимъ и думнымъ людямъ и всѣмъ чинамъ быти на Москвѣ въ приказѣхъ и въ полкѣхъ у ратныхъ и у посольскихъ и у всякихъ дѣлъ и въ городахъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться, и разрядные случаи и мѣсты отставить и искоренить, что-бы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ его государевыхъ ратныхъ и всякихъ дѣлѣхъ помѣшки не было“.

Когда это, богатое послѣдствіями, челобитье выборныхъ служилыхъ людей было доложено кн. Голицынымъ царю, послѣд-

ній назначилъ на 12 января 1682 г. чрезвычайное „сидѣнье съ бояры“, съ патріархомъ и другими духовными властями, окончившееся рѣшеніемъ уничтожить мѣстничество и сжечь разрядныя книги, на которыхъ основывались мѣстническіе счеты. „Соборное“ дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества было подписано царемъ, патріархомъ Іоакимомъ, Освященнымъ Соборомъ, членами Боярской Думы, 39-ю выборными отъ стольниковъ, генераловъ, полковниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ (всѣхъ подписей было 173). Дѣяніе это de jure уничтожило явленіе, игравшее громадную роль во всей исторіи Московскаго государства и de facto уже умиравшее въ концу XVII в., чѣмъ и объясняется, конечно, то единодушіе съ одной стороны и безучастіе, съ другой, какое при этомъ обнаружилось. Характерно, что и этотъ актъ вышелъ изъ иниціативы выборныхъ служилаго класса и при томъ тѣхъ низшихъ его разрядовъ, которые, давно видя вредъ мѣстничества, никогда, конечно, не могли сочувствовать ему, какъ послѣдней опорѣ политическаго мнѣнія родовитаго боярства. Какъ извѣстно, мѣстничество сослужило громадную службу въ исторіи Москвы. Москва, поддерживая его, привязала къ себѣ крѣпкими цѣпями всю эту, разнородную по составу, богатству и способностямъ, родовую знать, сошедшуюся въ Кремль изъ прежнихъ, потерявшихъ свое политическое значеніе мѣстныхъ центровъ, и привязала потому, конечно, что каждый пришедшій зналъ, что его родовая честь не затеряется здѣсь, что, если извѣстному лицу, какъ говорили грамоты, „невмѣстно стать“ вмѣстѣ съ другимъ, то ему дозволятъ встать, „гдѣ ему пригоже“. Нѣкоторые изслѣдователи думаютъ, что Московское правительство сознательно поддерживало мѣстничество изъ дальновидной политики, чтобъ разбить боярство на отдѣльные круги и не дать ему объединиться. Но, это едва-ли вѣрно: скорѣе можно думать, что правительство долго шло въ этомъ вопросѣ, какъ почти во всемъ иномъ, по унаслѣдованнымъ историческимъ традиціямъ, не имѣя возможности разорвать сразу и рѣзко связь съ ними. Это подкрѣпляется и тѣмъ соображеніемъ, что въ XVI—XVII в.в., когда запутались до чрезвычайности мѣстническіе споры и когда правительство особенно стало чувствовать себя связаннымъ мѣстничествомъ, и на войнѣ, и въ мирное время, оно все таки не могло порвать съ этимъ закоренѣлымъ обычаемъ. За этотъ обычай родовитое старое боярство, — не съумѣвъ изъ смутъ междуцарствія и смѣны династіи создать себѣ твердое de jure положеніе (о попыткахъ достичь этого положенія было уже говорено), — ухватилось, какъ за послѣдній оплотъ своего прежняго значенія, какъ противъ властолюбивыхъ притязаній самихъ государей, такъ и противъ „затирки“ его людьми худо-

родными, наполняющими собою Б. Думу и Приказы въ XVII вѣкѣ. „То ихъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть“, говорили о себѣ справедливо знатные люди еще вѣкомъ раньше. Легко понять все значеніе мѣстничества для служилаго класса: благодаря признанію его государствомъ, устанавливались извѣстныя нормальныя, съ точки зрѣнія родовой чести, служебныя отношенія, дававшія каждому опредѣленное мѣсто. Извѣстный изслѣдователь мѣстничества Валуевъ, очень вѣрно рисуетъ положеніе дѣлъ, говоря, что верховная власть, особенно-же въ началѣ единодержавія Московскаго, рѣшала только миръ или войну, назначала извѣстный походъ или опредѣляла войску собраться тогда-то и тамъ-то: „войско-же само собою собиралось и становилось подъ знамена, не нуждаясь ни въ наборщикахъ, ни въ расписаніи, кому, гдѣ и какъ быть“. Мѣстничество проявлялось во всѣхъ родахъ службы государству людей родовитыхъ, распространившись впослѣдствіи, по аналогіи, и среди людей совсѣмъ „неродословныхъ“, хотя сами эти неродословые люди были, между прочимъ, призываемы государями съ цѣлью избѣжать мѣстническихъ споровъ, какъ это было разъ заявлено: государь „для докуки и челобитья (т. е. вслѣдствіе докуки и пр.) велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирати“ . . . людей для своей службы. Подъ вліяніемъ мѣстничества образовался рядъ служилыхъ боярскихъ родовъ, которые, хотя и могли быть иногда совсѣмъ не выше всѣхъ другихъ по породѣ или по старшинству, но которые успѣли путемъ прохожденія по высшимъ разряднымъ ступенямъ службы опередить, затереть послѣднихъ, болѣе родовитыхъ. Котошихинъ указывалъ въ XVII в. на „роды, которые бываютъ въ боярѣхъ, а въ окольничихъ не бываютъ“ и на „роды меньше тѣхъ, которые бываютъ въ окольничихъ и боярахъ“ и т. д. Въ теченіи двухъ вѣковъ Московское правительство стремилось сокращать случаи примѣненія мѣстничества и прежде всего, конечно, въ военныхъ дѣлахъ, но это лишь отчасти парализовало вредъ; Соборъ-же 1682 г. уничтожилъ мѣстничество окончательно.

Послѣ этого историческаго обзора дѣятельности отдѣльныхъ З. Соборовъ и зображенія важнѣйшихъ результатовъ ихъ совѣщаній, обратимся къ вопросу о причинахъ исчезновенія учрежденія.

Причины исчезновенія З. Соборовъ.

Призывая выборныхъ всей земли нѣсколько разъ въ первые годы своего царствованія, Алексѣй Михайловичъ не обращался къ нимъ уже въ послѣдніе 23 года царствованія (т. е. съ 1653 г. по 1676 г.), совѣтуясь время отъ времени, какъ мы видѣли, только съ выборными изъ свѣдущихъ людей, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ группамъ населенія. Тоже дѣлаетъ и его сынъ

Ѳедоръ. По смерти Ѳедора, два раза пытаются созвать З. Соборъ и оба эти раза этотъ созывъ является фиктивнымъ, хотя акты и утверждаютъ противное. Въ 1-ый разъ этотъ созывъ происходитъ 27 апр. 1682 г., послѣ кончины Ѳедора Алексѣевича, съ цѣлію рѣшить, кому изъ двухъ братьевъ — Петру или Іоанну царствовать. Характерно, что Соборъ былъ собранъ въ тотъ-же день, когда патріархъ обратился къ собранію духовенства и боярамъ съ вопросомъ, кому изъ царевичей царствовать, и именно былъ созванъ потому, что собраніе, имѣвшее въ своей средѣ приверженцевъ царевны Софьи, стоявшихъ за Іоанна, и приверженцевъ Петра, не пришло ни къ какому рѣшенію и опредѣлило, что необходимо „тому избранію быти о б щ и м ъ с о г л а с і е м ъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей“, т. е„ иначе говоря, рѣшеніе должно было принадлежать избирательному З. Собору. Но, уже самый созывъ Собора на тотъ-же день, когда было рѣшено отдать дѣло избранія Собору, показываетъ, что послѣдній былъ фикціей, ибо созывалась просто толпа людей безъ выборовъ, безъ всякой правильной организаціи, обычной на Москвѣ при настоящихъ Соборахъ, и толпа, конечно, состоявшая только изъ тѣхъ лицъ, какія были нужны здѣсь въ интересахъ той или иной партіи. „Всякихъ чиновъ люди“, по соборному акту, до насъ дошедшему, единогласно рѣшили вопросъ въ пользу Петра; изъ другихъ источниковъ извѣстно, что были голоса и за Іоанна, ссылавшіеся на его „первенство“. Во всякомъ случаѣ этотъ Соборъ, — какъ и слѣдующій за нимъ фиктивный Соборъ 26 мая 1682 г., весьма искусно составленный царевною Софьею такъ, что на немъ разные члены Московскаго государства заявили о желаніи видѣть на престолѣ вмѣстѣ съ ц. Петромъ и ц. Іоанна, — свидѣтельствуетъ ясно, что учрежденіе, къ которому еще прибѣгали изъ эгоистическихъ цѣлей, отжило свой вѣкъ и отъ него осталась только одна ф о р м у л а въ актахъ и, вмѣсто выборныхъ, являлась въ собраніе случайная толпа москвичей и иногородцевъ, бывшихъ случайно-же въ Москвѣ, а въ замѣнъ оповѣщенія „всей земли“ — лишь сборище тѣхъ, кого нашли нужнымъ собрать, и т. д.

Если вспомнить о той роли, какую играли З. Соборы въ началѣ XVII в., если возобновить въ памяти факты ихъ дѣятельности въ половинѣ того-же вѣка, по созданію Уложенія, по вопросу о Малороссіи, и пр., то, естественно, задаться вопросамъ, о т ч е г о к ъ к о н ц у в ѣ к а в ы м е р л о у ч р е ж д е н і е, еще въ началѣ царствованія Алексѣя Мих. столь жизненное и столь плодотворно дѣйствовавшее? Вопросъ этотъ разрѣшается въ наукѣ далеко не единообразно и далеко при томъ н е с ъ т о ю я с н о с т ь ю, какой требуетъ его важность. Причина этого частію заключается в ъ н е п о л н о т ѣ нашихъ свѣдѣній о З. Со-

борахъ вообще, а частію въ томъ, что изслѣдователю трудно вполнѣ отказаться отъ субъективныхъ взглядовъ при рѣшеніи вопроса, трудно глубоко войти въ кругъ понятій и отношеній того времени, ввиду ихъ несходства съ нашими понятіями и отношеніями. Вопросъ о причинахъ исчезновенія З. Соборовъ естественно связанъ съ другимъ вопросомъ — о значеніи учрежденія. Послѣднее мы частію поймемъ, когда обратимся къ фактамъ изъ дѣятельности З. Соборовъ. По мнѣнію однихъ ученыхъ, — З. Соборы исчезли „не вслѣдствіе сословной розни и опасеній монарховъ, а просто вслѣдствіе внутренняго ничтожества. Кратковременная роль ихъ была кончена, они не могли дать правительству ни помощи, ни „совѣта“. (Чичеринъ — „О народномъ представительствѣ“, гл. V). Это мнѣніе (наиболѣе крайнее изъ всѣхъ мнѣній о незначительности З. Соборовъ) опровергается, на нашъ взглядъ, какъ исторіею З. Соборовъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда выборные помогали правительству совѣтами и средствами, такъ и исторіею Уложеннаго Собора, когда мнѣнія и мѣры, предложенныя выборными, получили значеніе закона въ новомъ кодексѣ. Не выдерживаютъ, кажется, научной критики и тѣ мнѣнія, которыя хотятъ видѣть въ З. Соборахъ представительныя учрежденія западнаго типа, хотя-бы въ зародышевомъ состояніи. По формамъ своей организаціи З. Соборы, дѣйствительно, подходятъ внѣшне подъ типы тѣхъ сословыхъ собраній, какъ êtats généraux, средневѣковой англійскій парламентъ, какія были на Западѣ Европы, но они, однако, разнятся отъ нихъ глубоко одной основной чертою: въ дѣятельности З. Соборовъ не было ничего враждебнаго монархическому принципу, какъ это было въ дѣяніяхъ французскихъ генеральныхъ штатовъ XIV—XV вв., стремившихся расширить свою власть на счетъ королевской власти, какъ и не было ничего похожаго на ту борьбу за политическія гарантіи, какая въ Англіи, уже въ началѣ XIII в., приводитъ къ Magna Charta libertatum. Надо отмѣтить эту основную черту Земскихъ нашихъ Соборовъ, такъ какъ только вдумываясь въ ея значеніе, можно яснѣе понять и истинное значеніе З. Соборовъ. Наши Соборы никогда не были политическою силою, съ которою должны были юридически считаться представители власти. И не были во 1-ыхъ потому, что сама эта власть покоилась на патріархальныхъ, частно-правныхъ основаніяхъ, при которыхъ все ведется, все строится по началамъ „старины и пошлины“ и глядя по обстоятельствамъ, а, во 2-хъ, потому, что въ извѣстныя эпохи праворазвитія люди мало думаютъ о юридическомъ смыслѣ учрежденія и прибѣгаютъ къ нему болѣе всего, въ виду тѣхъ практическихъ удобствъ, какія

оно даетъ имъ. Съ точки зрѣнія этихъ удобствъ, Соборы чаще всего созываются тогда, когда потребность въ общемъ мнѣніи, въ помощи деньгами, или какъ-либо иначе, сильнѣе чувствуется государями; рѣже всего — когда можно съ ходомъ государственнаго дѣла справиться самимъ, когда ходъ этотъ, въ своемъ направленія, ясенъ для правителей. Примѣръ перваго — царствованіе Михаила Ѳеодоровича, когда Соборы созывались постоянно, потому, что государство нуждалось, какъ въ совѣтахъ „всей земли", такъ и въ средствахъ, а то и другое въ изобиліи давалось выборными. Наоборотъ, во вторую половину царствованія Алексѣя Михайловича, государство, достаточно окрѣпнувъ, не находило нужнымъ прибѣгать къ созыву Соборовъ, такъ какъ могло обходиться безъ ихъ помощи. Обиліе противорѣчивыхъ, — то слишкомъ возвышающихъ важность, то совершенно отрицающихъ значеніе Соборовъ — мнѣній, на нашъ взглядъ, происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мало различается въ данномъ вопросѣ сторона права и сторона факта. Съ 1-ой, дѣйствительно, Соборы — учрежденія, лишенныя силы, со 2-ой — чрезвычайно важныя. Давно замѣченная нелюбовь русскаго человѣка къ формамъ, къ строгимъ опредѣленіямъ права, сказалась, между прочимъ, въ томъ, что наши правовые институты и въ жизни доселѣ еще очень измѣнчивы, индивидуальны, а въ исторіи часто не обставлены de jure никакими гарантіями прочности. Примѣры этой измѣнчивости и неустойчивости многочислены; приведемъ лишь одинъ. Когда члены извѣстной комиссіи сенатора Любощинскаго объ изслѣдованіи волостныхъ судовъ спрашивали въ 1873—74 г.г. судей-крестьянъ, какіе обычаи существуютъ у нихъ, напр., по наслѣдству и т. д., то получали отвѣтъ: „какіе у насъ обычаи, судимъ, глядя по человѣку". Нельзя, конечно, понимать этого отвѣта буквально и думать что у народа нѣтъ точнаго представленія объ извѣстныхъ обычаевъ, какъ общихъ юридическихъ нормахъ, по тому-же наслѣдственному праву. Но отвѣтъ очень характеренъ потому, что вскрываетъ намъ ту необыкновенную индивидуализацію права, при которой, примѣняя извѣстную норму, стараются ее примѣнить „глядя по человѣку". Здѣсь видно непониманіе, нелюбовь русскаго человѣка къ ius strictum, какъ къ чему-то неизбѣжно, и хотя формально, но всегда-дѣйствующему, какая выработалась у него вѣками и которая живетъ доселѣ не въ однихъ только низшихъ классахъ населенія. Тоже можно отмѣтить и для XVI—XVII вѣковъ. Въ исторіи такое учрежденіе, какъ З. Соборъ, долго живетъ и дѣйствуетъ, къ нему считаютъ себя нравственно обязанными прибѣгать представители власти. Чего-же лучше? „Неюридическая область доброй вѣры" казалось тогда людямъ дороже

правовой формулы, разъ ей подчиняются какъ власть, такъ и подданные. Власть и подданные еще жили тогда болѣе по началамъ морали, чѣмъ права. Это было прекрасно при тогдашнихъ отношеніяхъ между сторонами, но, опасность лежала однако, въ томъ, что разъ, при такомъ типѣ отношеній, одна изъ сторонъ отказывалась подчиняться нравственному долгу, легко могло погибнуть, да и погибло, само учрежденіе. Разсматриваемые съ точки зрѣнія факта, З. Соборы представляются учрежденіями высокаго значенія, далеко превосходящими учрежденія чисто-совѣщательнаго характера, какими ихъ иногда представляютъ. Конечно, Московскіе государи de jure могли не обращаться къ совѣтамъ З. Соборовъ или, обращаясь къ нимъ, могли поступать не по этимъ совѣтамъ, а по своему, но такъ не повелось въ дѣйствительности, и разъ они обращались къ мнѣніямъ выборныхъ, то, обыкновенно, и слѣдовали имъ. По характерному выраженію пр. Сергѣевича, рядомъ съ своимъ правомъ дѣйствовать и помимо Соборовъ, Московскіе государи признавали „что-то и за народомъ, въ силу чего и обращаются иногда къ его согласію". „Съ исторической точки зрѣнія", добавляетъ В. И. Сергѣевичъ, „это что-то есть несомнѣнно слабый остатокъ порядковъ княжеской эпохи, когда князь и народъ, по особенностямъ быта того времени, находились въ непосредственныхъ другъ къ другу отношеніяхъ". Хотя мнѣніе о преемственной связи между Соборомъ и вѣчемъ трудно принять, въ виду того, что между этими учрежденіями прошли цѣлые вѣка ничѣмъ ненаполненнаго промежутка, но нельзя, однако, не отмѣтить, что фактически З. Соборы были иногда больше, чѣмъ совѣщательныя учрежденія. Мы уже не говоримъ здѣсь объ избирательно-учредительныхъ Соборахъ конца XVI и начала XVII вв., созывавшихся нетолько для „обранія на престолъ" государя, но и олицетворявшихъ собою идею верховной власти и эпохи междуцарствія. Нѣтъ и тѣ полные Соборы, которымъ, обыкновенно, въ литературѣ дается наименованіе „совѣщательныхъ" Соборовъ, не ограничивались иногда одними совѣтами, но, въ почтительной формѣ челобитій, заявляли свои нужды, предлагали свои проекты (какъ это, напр., особенно выразилось на Уложенномъ Соборѣ) и раскрывали смѣло и ясно передъ царями язвы общественной жизни, то жалуясь на волокиту въ судахъ и на лихоимство воеводъ и дьяковъ, то прося объ уравненіи службъ и податей, то указывая на привиллегіи духовенства и бояръ, вредныя остальнымъ классамъ и пр. Это великое право духовной свободы, — другими словами свободы мысли и слова, — бывшее на Москвѣ, какъ справедливо сказалъ К. С. Аксаковъ, „неотъемлемымъ правомъ земли", утрачивается почти совсѣмъ въ періодъ нашей новой исторіи XVIII вѣка, и въ

этомъ нельзя не видѣть значительнаго попятнаго движенія. — Нельзя также не сказать, что „мы, убогіе, мало извѣстные древнимъ народамъ, заброшенные въ уголъ вселенной“ (какъ характеризовалъ русскихъ XVI вѣка Курбскій), не были, однако, уже совсѣмъ бѣдны въ исторіи политическою мыслію и выработали въ З. Соборѣ и царѣ весьма удачную, — для своего, конечно, времени, — комбинацію государственныхъ и общественныхъ силъ: царь довѣрчиво выслушивалъ мнѣнія выборныхъ и, когда находилъ ихъ пригодными къ жизни, слѣдовалъ имъ. Въ свою очередь, выборные пользовались своимъ положеніемъ, чтобы свободно высказывать свои мысли объ исправленіи существующихъ недостатковъ въ законодательствѣ и помогать правительству въ дѣлѣ управленія государствомъ.

То широкое значеніе — чисто, впрочемъ, повторяемъ, фактическое, и только нравственно-обязательное, — какое имѣли Соборы на Москвѣ, уясняетъ намъ частію и причину ихъ исчезновенія. Когда государство достаточно окрѣпло, а верховная власть государя достаточно выросла и вышла изъ-подъ опеки строго сложившагося и крѣпкаго патріархальнаго порядка, когда она этому порядку могла противопоставить иные чужіе порядки, не имѣвшіе ничего себѣ подобнаго въ московскихъ порядкахъ, когда, наконецъ свобода слова выборныхъ, направленная противъ правящихъ классовъ, стала послѣднимъ казаться надоѣдливой, съ Соборами разстались. Нѣкоторые ученые держатся той мысли, что Соборы перестали созываться именно потому, что Алексѣю Михайловичу внушена была мысль о ненужности учрежденія и внушена была, конечно, духовенствомъ, боярами и ближними людьми, правительственную дѣятельность которыхъ обличали выборные, требуя иногда и ограниченія ихъ привиллегій (Сергѣевичъ). Это мнѣніе, кажется правдоподобнымъ, такъ какъ дѣятельность выборныхъ, дѣйствительно, не нравилась правящимъ классамъ въ XVII в. (тогда, какъ въ XVI в. были извѣстны приверженцы З. Соборовъ и среди бояръ [1]), и что, поэтому, З. Соборы могли быть представлены Алексѣю Михайловичу, или его сыну, ненужными [2]).

---

1) Это видно, между прочимъ, изъ тѣхъ попытокъ политическаго договора съ государями, которыя исходили отъ бояръ и въ которыхъ удѣлялась извѣстная, согласная „съ московскимъ обычаемъ“, роль и З. Собору. У Курбскаго встрѣчается такое мѣсто, обыкновенно понимаемое въ смыслѣ общаго признанія значенія З. Собора: „Царь, аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ (т. е. у боярства), но и у всенародныхъ человѣкъ (т. е. у З. Собора), понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но по правости душевной“.

2) Оригинальный взглядъ вызказывается по данному вопросу

Организація З. Соборовъ.

Коснемся въ заключеніе вопроса о внутренней организаціи З. Соборовъ. Наши Земскіе Соборы были представительными собраніями тогдашнихъ государственныхъ „чиновъ“ (разрядовъ, или группъ населенія), причемъ духовенство, высшіе разряды служилыхъ людей и придворныхъ чиновъ (какъ, напр., конюшій, дворецкій, казначей и др.) — обыкновенно, члены Боярской Думы — явились на Соборахъ лично, безъ выбора, а низшіе разряды служилыхъ людей (начиная со стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и пр.), также какъ и всѣ разряды тяглыхъ людей, призывались по выборамъ (примѣры этого мы видѣли на многихъ Соборахъ). Случалось, что члены Освященнаго Собора и Б. Думы составляли одну палату, и выборные — другую. Эти двѣ палаты (верхняя и нижняя) засѣдали тогда отдѣльно, какъ это уже отмѣчалось по отношенію къ Уложенному Собору. Собственно именно нижней палатѣ нерѣдко усваивается въ литературѣ наименованіе Земскаго Собора, такъ какъ она только состояла изъ выборныхъ. Но, разсматривая З. Соборъ, какъ „совѣтъ всей земли“, нельзя не включить въ его составъ также Освященнаго Собора и Боярской Думы, во главѣ съ царемъ (подобно тому, какъ въ Англіи подъ парламентомъ разумѣются всѣ 3 элемента верховной власти — король, верхняя и нижняя палаты).

Совѣщаніи и выработка отвѣтовъ на правительственные вопросы, обыкновенно, производились по разрядамъ выборныхъ, или „по чинамъ“, какъ тогда говорили. Сами-же отвѣты давались, или сообща отъ всего Собора въ цѣломъ, или также отъ

М. Ф. Вл.-Будановымъ. По его мнѣнію, „причина прекращенія созыва Соборовъ заключается въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія“. Но, во 1-хъ такая дѣятельность Петра В. въ своемъ рѣзкомъ, — возбуждавшемъ неудовольствія значительной части населенія, — видѣ началась долго спустя по прекращеніи созыва З. Соборовъ; во 2-хъ, вся исторіи З. Соборовъ говоритъ противъ косности этихъ учрежденій, противъ ихъ стремленія мѣшать вообще разумнымъ мѣрамъ правительства. Трудно сказать, какъ-бы отнеслись З. Соборы къ нѣкоторымъ мѣрамъ Петра В., если бы при немъ были Соборы созываемы; возможно — что и отрицательно. Но и Петръ В. прежде всего не обращался къ нимъ, кажется, потому, что считалъ себя одного вполнѣ сильнымъ для проведенія своихъ реформъ. Да и что могли дать З. Соборы Петру при его планахъ, такъ или иначе основанныхъ на изученіи западноевропейскихъ образцовъ реформы? Усвоеніе этихъ образцовъ нерѣдко съ трудомъ давалось самому Петру и его ближайшимъ сотрудникамъ; они, однако, вовсе не были извѣстны самому населенію. Въ цѣломъ, конечно, реформа Петра В. нашла-бы себѣ сочувствіе во многихъ представителяхъ „земли“; но, для проведенія реформы можно было тогда обойтись и безъ нихъ, тѣмъ болѣе, что реформа давала возможность улучшить технику управленія, ввести новые налоги и пр.

отдѣльныхъ группъ. Послѣднее, обыкновенно, предписывалось государями въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ именно нужно было знать мнѣніе отдѣльной группы населенія. Такъ на Соборѣ 1566 г. отдѣльныя группы соборныхъ людей, подавая свои мнѣнія, заявляютъ въ нихъ, что „межи себя говорили“ о дѣлѣ и пришли къ такому-то рѣшенію. Въ актѣ объ Азовскомъ Соборѣ 1642 г. читаемъ: „Государь указалъ стольникамъ объ Азовѣ помыслить накрѣпко и ему, Государю, мысль свою объявити“; или: „велѣно Московскимъ дворянамъ, говорити и мыслити . . . о пріимкѣ у донскихъ атамановъ и казаковъ города Азова“. Наоборотъ, есть мнѣнія, поданныя вмѣстѣ: такъ въ актѣ Собора 1618 г. читаемъ: „И Государю Ц. в. к. Михаилу Ѳеод. говорили на Соборѣ митрополиты, архіепископы и бояре . . . и всякихъ чиновъ люди Моск. государства, что они“ . . . и т. д. Но, призывая выборныхъ отъ различныхъ разрядовъ и классовъ населенія, правительство, однако, считало необходимымъ имѣть на Соборѣ представительство всей земли, что видно изъ самой терминологіи актовъ. Такъ Михаилъ Ѳеод. совѣщается „съ людьми всякихъ чиновъ всего Московскаго государства“; избирательный Соборъ, 1613 г. наз. Соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего Россійскаго царствія“; въ царской грамотѣ 1615 г. говорится, что „по нашему указу и всей земли приговору велѣно со всякихъ городовъ собирати деньги“; посламъ къ императору Австрійскому предписывается сказать, что у русскихъ никогда не было мысли объ избраніи на московскій престолъ его брата, и въ доказательство того, что кн. Пожарскій не могъ дѣлать такого предположенія, какъ это на него взводили, говорится: „а то вамъ думнымъ людямъ (т. е. думнымъ австрійскимъ людямъ) мочно и самимъ разсудити, что и не такое великое дѣло безъ совѣту всей земли не дѣлается“ (С. Г. Гр. и Дог., III, стр. 68). Такимъ образомъ, призывая по возможности, всѣ отдѣльныя группы населенія на З. Соборы, правительство понимаетъ важное значеніе рѣшенія всей земли, что и выражается въ терминологіи соборныхъ актовъ. Само это представительство всей земли было, конечно, несовершенно, но важно, что была ясная идея о необходимости его.

Начало выборное было болѣе ярко представлено на Соборахъ XVII вѣка, чѣмъ на соборахъ XVI столѣтія, гдѣ оно уступало мѣсто, по утвержденію проф. Ключевскаго, призыву извѣстныхъ лицъ самимъ правительствомъ: „Соборъ XVI вѣка былъ“, по словамъ того-же автора, „нестолько законодательный совѣтъ власти съ народомъ, сколько административно-распорядительный угозоръ правительства съ своими органами“. Въ XVII в., говоря языкомъ нашего времени, депутаты изби-

рались отъ среднихъ и низшихъ разрядовъ служилыхъ людей, отъ торгово-промышленнаго населенія городовъ и отъ государственныхъ крестьянъ. Что-же касается терминологіи того времени, то она указывалась нами, когда мы говорили о составѣ отдѣльныхъ З. Соборовъ, напр., Соборовъ 1642 и 1648 гг.

Къ избранію выборныхъ приступали по полученіи „призывной грамоты[1]). Избирательною единицею былъ городъ съ уѣздомъ (кромѣ Новгорода), причемъ болѣе населенные города присылали и большее число выборныхъ, чѣмъ мало-населенные (иногда даже больше, чѣмъ требовалось); а такъ какъ опредѣленіе понятія „малаго и большаго“ города не было въ законѣ, то оно опредѣлялось воеводами или избирателями. Впрочемъ, число выборныхъ невсегда опредѣлялось, а иногда отдавалось, на усмотрѣніе жителей прислать, „поскольку человѣкъ пригоже“. Конечно, объясняется это тѣмъ, что число выборныхъ не могло играть важной роли на Соборахъ, такъ какъ рѣшенія по голосамъ на Соборахъ не было (оттого-то „лишніе“ выборные допускаются на Соборы охотно). Правительство не считало далѣе необходимымъ непремѣнное присутствіе de facto всѣхъ „чиновъ“ отъ всѣхъ пунктовъ населенія. Это во 1-хъ не было всегда возможно при тогдашнихъ путяхъ сообщенія и пр., а во 2-хъ, и не считалось всегда особенно-важнымъ: жизнь была проста, общіе московскіе порядки болѣе или менѣе проникали всюду и, напр., низшій служилый чинъ, или посадскій отъ одной изъ подмосковныхъ мѣстностей, могъ быть представителемъ нѣсколькихъ близкихъ мѣстностей, въ общихъ

---

1) Примѣромъ такой грамоты можетъ служить грамота, посланная 12 января 1616 г. въ Пермь Великую, въ коей подверждалось прежнее требованіе о высылкѣ изъ Перми 3 посадскихъ людей. Грамота эта гласитъ слѣдующее: „отъ Царя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи, въ Пермь Великую, воеводѣ нашему Льву Ильичу Волкову, да дьяку нашему Степану Пустошкину. Послана къ вамъ наша грамота напередъ сего, а велѣно вамъ прислати къ намъ, къ Москвѣ, для нашего великого и земскаго дѣла на совѣтъ, перьмичь посадскихъ, лутчихъ и середнихъ, трехъ человѣкъ, добрыхъ и разумныхъ и постоятельныхъ людей, тотчасъ, не мѣшкая ни часу; а на Москвѣ тѣмъ людемъ велѣно явитись въ Посольскомъ Приказѣ думному діаку нашему Петру Третьякову. И вы тѣхъ выборныхъ людей къ намъ, къ Москвѣ, и посямѣста не присылывали. — И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ, по прежней и по сей нашей грамотѣ, тѣхъ выборныхъ людей тотчасъ прислали къ намъ, къ Москвѣ, чтобъ за тѣмъ наше и земское великое дѣло не стало. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7124 генваря въ 12 день“. (А. Арх. Экс., т. III № 77). Интересныя данныя о производствѣ выборовъ на З. Соборъ 1648—49 гг. отъ посадскихъ людей Новгорода Великаго и его пригородовъ находимъ въ документахъ, напечатанныхъ П. П. Смирновымъ (въ „Чтеніяхъ Общ. И. и Др. Росс., 1913 г., кн. IV, смѣсь, стр. 1—20.

вопросахъ. Больше всего и лучше всего была представлена, обыкновенно, на Соборахъ Москва, какъ государственно-экономическій центръ Московіи.

Выборы производились такъ. Воевода, или губной староста, получивъ „призывную“ грамоту, долженъ былъ, объявить ее „всякихъ чиновъ людямъ“, громко „прокликая“ ее въ городѣ по торговымъ днямъ, черезъ особыхъ биричей, и посылая въ уѣздѣ особыхъ нарочныхъ. Затѣмъ, тотъ или другой собирали въ церкви или губномъ станѣ народъ для выборовъ, и прочитывали имъ грамоту, при чемъ требовалось избрать, какъ гласили, обыкновенно, грамоты, „лучшихъ людей“, или „добрыхъ и смышленныхъ людей“, которымъ „государевы и земскія дѣла за обычай“, „добрыхъ и разумныхъ, постоятельныхъ людей, съ которыми можно-бы было говорить“, „которые умѣли-бы разсказать обиды, насильства и разоренье и чѣмъ Московскому государству полниться и ратныхъ людей жаловать, и умѣли-бы устроить Московское государство, чтобъ всѣ пришли въ достоинство. . .“ Выборы происходили по разрядамъ, или „п о ч и н а м ъ“, т. е. каждый разрядъ избирателей выбиралъ представителя отъ себя и изъ своей среды, хотя нерѣдко и изъ отсутствующихъ. Принадлежность къ извѣстному „чину“ обусловливала и право выбирать, и право быть избраннымъ (т. е. такъ наз. активное и пассивное избитательное право). Единственнымъ цензомъ былъ цензъ н р а в с т в е н н ы й. Когда выборы были произведены, то составлялся объ этомъ и подписывался всѣми выборщиками протоколъ, или выражаясь языкомъ памятниковъ, „выборы за руками“. Одинъ изъ дошедшихъ до насъ протоколовъ составленъ такъ: „лѣта 7159, февр. 15. . . . по Государевѣ . . . . грамотѣ новосильцы, дворяне и дѣти боярскіе (слѣдуютъ ихъ многочисленныя фамиліи) . . . . выбрали новосильцевъ: Прокофья Потапова сына Савенка, да Ивана Кирѣева сына Головина д л я г о с у д а р е в а ц а р с т в е н н а г о, в е л и к а г о з е м с к а г о и л и т о в с к а г о д ѣ л а, И тѣ новосильцы.... къ тому дѣлу г о д н ы и с м ы ш л е н ы и сколько ихъ будетъ, то намъ выборъ“. Воеводамъ з а п р е щ а л о с ь вмѣшиваться въ выборы, но есть, однако, примѣры ихъ вмѣшательства. Такъ, царю Алексѣю Михайловичу была, напр., подана челобитная отъ ельчанъ на воеводу Хрущова, стрѣлецкаго голову Буженинова и на подъячаго Мортинова, въ которой говорилось слѣдующее: „въ нынѣшнемъ, государь, въ 156 г. (т. е. 7156 г., по современному лѣтоисчисленію — въ 1648 г.) прислана твоя государева грамота изъ Розряду на Елецъ, и по твоей государевѣ грамотѣ велѣно выбрать ельчанъ изъ дѣтей боярскихъ двухъ человѣкъ къ твоему государеву земскому дѣлу и выслать ихъ къ Москвѣ сентября къ 1 числу; и тотъ, государь,

воевода Алексѣй Хрущевъ, по наговору того головы Ивана Буженинова, выбралъ къ тому дѣлу ельчанъ, дѣтей боярскихъ Дмитрія Снетина, да Василья Козлова; и мы, холопи твои, ему Алексѣю Хрущову, о томъ били челомъ, что тому Дмитрію Снетину, да Василью Козлову у твоего государева земскаго дѣла быть нельзя, потому что въ прошломъ, государь, въ 155 году били мы челомъ тебѣ, государю, на тѣхъ ушниковъ — на Дмитрія Снетина, да на Василья Козлова, да съѣзжей избы на подьячаго на Степана Мортинова съ товарищи, что они насъ, холопей твоихъ, продаютъ заодно съ воеводы и небылыя слова на насъ, холопей твоихъ, воеводамъ наговариваютъ, и тотъ Алексѣй Хрущовъ нашей братьи, дѣтей боярскихъ Мокейка Андреева, да Ваську Насонова билъ ослопомъ (палкою) до полусмерти и, бивъ, вметалъ ихъ въ разбойную тюрьму и говоритъ: вы де заводъ заводите недобрый и запись де у васъ межи себя написана заговорная съ заводу, а у насъ, холопей твоихъ, въ прошломъ въ 154 году запись была въ томъ, что намъ бити челомъ тебѣ, государю, обо всякихъ своихъ нужахъ и на ушниковъ, что они намъ и всему городу чинять убытки большіе и упродаютъ насъ безъ вины и отъ нихъ налоги мы, холопи твои, твоей государевой службы отбыли и разбрелися розна; да онъ же, государь, Алексѣй Хрущовъ, тѣхъ дѣтей боярскихъ у Мокейка Андрѣева, да у Васки Насонова тое запись отнялъ и взялъ къ себѣ и послѣ, государь, того бою онъ, Алексѣй Хрущовъ, выбралъ къ твоему государеву земскому дѣлу отводныхъ людей дѣтей боярскихъ Дениса Шилова, да Григорья Перцова и къ тому, государь, выбору уѣзныхъ поповъ заставилъ руки прикладывать сильна, а не по нашему велѣнью; и какъ, государь, мы били челомъ тебѣ, государю, на тѣхъ ушниковъ, на Дмитрія Снетина съ товарыщи, и тѣ, государь, Денисъ Шиловъ, да Григорій Перцовъ написаны въ отводѣ, потому что они съ ними ушниками въ заговорѣ и во всемъ имъ помагаютъ“ (Далѣе идетъ довольно длинный перечень злоупотребленій воеводы и стрѣлецкаго головы[1]). Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось дѣло по этой жалобѣ; есть, однако, указанія на то, что правительство вообще не было довольно вмѣшательствомъ воеводъ въ выборы. Такъ, Крапивенскій воевода, — найдя, что въ Крапивнѣ въ посадѣ всего 3 человѣка — „и тѣ худы... и въ такое твое, государево, дѣло ихъ не будетъ“, т. е. они не годятся въ выборные, — выбралъ самъ „съ Крапивны лучшихъ людей, двухъ человѣкъ . . . боярскаго сына Федоса Богданова для того, что онъ, Федосъ, живетъ въ Крапивнѣ на посадѣ и почасту бываетъ у . . . госу-

1) Акты, относящ. къ исторіи З. Соборовъ, стр. 62 и сл.

даревыхъ многихъ дѣлъ съ полковыми съ бояры и воеводы въ подъячихъ, да Крапивенскаго пушкаря Ивана Ѳомина". Правительство не одобрило, однако, дѣйствій воеводы и объявило ему выговоръ [1]); случаевъ вмѣшательства воеводъ въ XVII в. извѣстно, во всякомъ случаѣ, нѣсколько [2]).

Есть данныя предполагать, что выборные получали „наказы" отъ избирателей; наказы эти, по большей части, были устными; о ихъ содержаніи можно судить по челобитьямъ, подавшимся выборными. Выборные отправлялись на Москву „съ запасами" отъ общества, а также иногда получали и отъ правительства „жалованье". Есть также указанія, что избиратели требовали отъ выборныхъ отчетовъ, проявляя иногда живой интересъ къ ихъ дѣйствіямъ. Такъ, напр., Гр. Малышевъ, выборный отъ курскихъ „дѣтей боярскихъ" на Уложенномъ Соборѣ, подалъ царю „извѣтную челобитную", въ которой укорялъ жителей порубежныхъ городовъ и селъ въ непосѣщеніи церковныхъ службъ, въ устройствѣ „игрищъ" подъ праздники и въ „праздники", въ непослушаніи „поповъ и учительныхъ людей" и пр. Его „извѣтъ" былъ принятъ во вниманіе, государь велѣлъ послати „въ тѣ городы, свои государевы грамоты съ великимъ запрещеніемъ". Потомъ тотъ-же выборный просилъ о выдачѣ ему „береженой грамоты", ввиду опасенія, что курчане хотятъ надъ нимъ, за его доносъ, „всяко дурно учинити". Въ выдачѣ такой грамоты ему не было отказано. Интересно отмѣтить, что въ челобитной Малышева прямо констатируется, что „по государеву указу съ Москвы многіе (выборные люди) отпущены въ городы . . . и велѣно ихъ, выборныхъ людей, въ городахъ воеводамъ отъ городскихъ людей отъ всякаго дурна обергати для того, что у . . . Соборнаго Уложенья, по челобитью земскихъ людей, не противъ всѣхъ статей . . . государевъ указъ учиненъ"[3]), т. е. не были удовлетворены всѣ желанія, принесенныя выборными изъ мѣстъ ихъ избранія и нашедшія себѣ выраженіе въ челобитныхъ, подававшихся ими царю, такъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ желаній показались правительству простыми „прихотями", неподлежащими удовлетворенію. Они, однако, не были таковыми въ глазахъ выборщиковъ, пославшихъ своихъ представителей на З. Соборъ. Боязнь со стороны пос-

1) Матеріалы для исторіи З. Соборовъ, стр. 103; „Новыя данныя о З. Соборѣ" 1648/49 гг., стр. 4.

2) Матеріалы для и. З. С., стр. 108 и др.

3) В. П. Алексѣевъ — „Новый документъ къ исторіи Земскаго Собора 1648—1649 г.г." (Древности. Труды Археографической коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. II, в. I, М., 1900 г.), стр. 80 и сл.

лѣднихъ, что имъ придется такъ или иначе отвѣчать передъ избирателями, во всякомъ случаѣ, говоритъ за живой интересъ избирателей къ тому, что было выборными достигнуто, и чего имъ не удалось добиться на З. Соборѣ.

Выборные получали иногда жалованье, а равно освобождались, по челобитьямъ, отъ натуральныхъ повинностей (напр., отъ постойной), или получали право на безпошлинное куреніе вина[1]). Ввиду недостатка свѣдѣній, трудно сказать, какъ относились вообще наши предки къ посылкѣ выборныхъ, а именно, считали-ли они это своимъ драгоцѣннымъ правомъ, или только тяжелой обязанностью. Если судить по тому, что очень многіе города довольно часто не пользовались этимъ правомъ и не присылали выборныхъ на Соборы, а воеводы не могли иногда собрать избирательныхъ съѣздовъ, то придется принять второе положеніе, находящее себѣ, можетъ быть, объясненіе и въ бѣдности страны, и въ дальности и неудобствѣ сообщеній и т. д., вслѣдствіе чего всякое право являлось непремѣнно тяжелой обязанностью (хотя не надо забывать, что были города, какъ мы говорили, присылавшіе выборныхъ нетолько въ надлежащемъ, но даже лишнемъ, сверхъ требованія, количествѣ)[2]).

---

1) Какъ на примѣръ такого челобитья укажемъ на челобитье выборнаго отъ посадскихъ людей г. Романова В. Пронова, который просилъ о слѣдующемъ: „въ прошломъ де во 156-мъ году за мѣсяцъ до Семеня дни выбранъ онъ съ Романова отъ посадцкихъ людей въ выборѣ къ Уложенью и отъ Семеня дни живетъ на Москвѣ безъ съѣзду, и намъ бы его пожаловать, велѣть за то его московское жите (житье) и за волокиту дать ему на Романовѣ льготы отъ земскихъ, и отъ таможенныхъ, и отъ кабатцкихъ, и отъ земскіе избы, и ото всякихъ романовскихъ службъ, на сколько мы укажемъ, и велѣть бы ему на Романовѣ у себя во дворѣ, про свою нужу, держать пите (питье) и вино и пиво безъявочно, противъ ево братьи выборныхъ и велѣти бъ ему о томъ на Романовъ дать нашу грамоту. И мы, романовца, посадцкаго человѣка Васку Пронова, пожаловали, велѣли ему за нынѣшнюю службу, что онъ былъ въ выборныхъ, зачесть въ службу и пите ему про себя безъявочно держать велѣли жъ, а будетъ у него вымутъ какое продажное питье и на немъ взять заповѣди 50 рублевъ“. Грамоту объ этомъ пожалованіи, присланную воеводѣ изъ Посольскаго приказа, велѣно было воеводѣ привести въ исполненіе, а затѣмъ отдать Пронову, списавъ съ нею „списокъ слово въ слово“, который и оставить у себя въ съѣзжей избѣ (Акты, относ. къ исторіи З. Соб., стр. 62 и сл.).

2) По вычисленію одного изъ ученыхъ, Г. Н. Шмелева, въ Галичѣ для выбора на З. Соборъ 1636 г. съѣхалось всего 4,4 % галицкихъ служилыхъ людей; въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1648 г. выборахъ участвовало всего 1,5 %. Указанный авторъ думаетъ, что въ средѣ служилыхъ людей и посадскихъ, установился взглядъ на участіе въ З. Соборахъ, какъ на службу, чѣмъ и обясняется отмѣченное равнодушіе. Такъ, напр., нѣкій иноземецъ Иванъ Маировъ говоритъ въ своей челобитной, что „онъ для государева дѣла на Соборехъ (1648—49 г.г.) былъ и за свою братью, иноземцевъ, государю объ вся-

Созываясь по волѣ государей, по мѣрѣ надобности, безъ опредѣленныхъ сроковъ, и также распускаясь, Соборы, по отношенію къ объему своей компетенціи, являются учрежденіями очень колеблющимися. Чаще всего къ нимъ обращаются, когда государственная казна пуста и правительство затрудняется найти средства для ея наполненія (внѣшнихъ займовъ тогда еще не было). Затѣмъ они созываются, какъ „для устроенія земли“ внутри (понимая подъ этимъ и избраніе государя изъ новой династіи и пересмотръ законодательства и успокоеніе отъ мятежа), такъ и для рѣшенія вопросовъ внѣшней политики, какъ это было по вопросу объ Азовѣ и Малороссіи и др. Всякое серьезное обстоятельство, нарушавшее мирное теченіе государственной жизни, понуждало правительство созывать представителей земли, чтобъ найти среди нихъ и совѣтъ, и помощь, и указаніе на средства избѣгнуть затрудненія или исправить извѣстное зло. Чѣмъ больше подвигается изученіе источниковъ права, тѣмъ болѣе выясняется вся важность роли Соборовъ и челобитій выборныхъ въ жизни Московскаго государства. Возможность непосредственнаго сношенія съ народомъ верховной власти спасала Москву XVI—XVII вѣковъ отъ многихъ бѣдъ, такъ какъ давала ей средства знать интересы и нужды страны.

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Служилые люди Московскаго государства [1]).

Раздѣленіе населенія на Москвѣ на

Ко времени окончательнаго сложенія власти Московскихъ государей во власть единую и самодержавную, свободное населеніе Московской Руси

кихъ нуждахъ билъ челомъ съ своею братьею съ выборными людьми вмѣстѣ; и за ту де ихъ службу государева жалованья выборнымъ людемъ прибавлено помѣстнаго окладу по сту чети, денегъ по 5 рублевъ“. Точно также жилецъ Дмитрій Еремѣевъ сообщаетъ въ своемъ челобитьѣ: „Въ нынѣшнемъ, государь, въ 157 г., ноября въ 20 день, судомъ Божіимъ не стало на Москвѣ новогородскаго помѣщика Антонья Иванова сына Лихарева; а былъ онъ, Антоній, на Москвѣ на твоей государевѣ службѣ изъ Великаго-Новгорода изъ Вотской пятины въ выборныхъ у твоего государева у земскаго дѣла“. („Отношеніе населенія и областной администраціи къ выборамъ на З. Соборы въ XVII в.“. Сборникъ статей, посвященный В. О. Ключевскому, М., 1909 г., ч. II, стр. 493 и сл.).

1) Важнѣйшая литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: Н. П. Загоскинъ „Очерки организаціи и происхожденія служилаго со-

группы. Главные моменты развитія института государственной службы; характеръ ея въ Московскій періодъ.

представляется раздѣленнымъ на нѣсколько болѣе и менѣе обособленныхъ группъ, отличающихся другъ отъ друга во 1-хъ по тому тяглу, которое онѣ несутъ въ пользу государства и во 2-хъ по тѣмъ правамъ, которыми онѣ владѣютъ. Группы эти, не будучи еще вполнѣ строго-сословными группами, превращаются затѣмъ, во второй половинѣ XVIII вѣка, уже въ сословія, т. е., въ такія общественныя подраздѣленія, которыя въ силу закона, обладаютъ извѣстными правами и привиллегіями, отличающими ихъ отъ другихъ группъ. Въ XVI—XVII вѣкахъ всѣ эти группы еще закрѣпощены на службу государству, всѣ одинаково тяглы, что и выражается въ томъ, что всѣ онѣ несутъ извѣстныя обязанности въ пользу государства, а эти обязанности, въ свою очередь, обусловливаютъ ихъ положеніе и права въ государствѣ. Такими группами являются на Москвѣ служилые люди, городскіе посадскіе люди и крестьяне, при чемъ каждая изъ этихъ группъ подраздѣляется, какъ это будетъ отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, на нѣсколько отдѣльныхъ разрядовъ. Въ XVIII вѣкѣ происходитъ процессъ постепеннаго освобожденія отдѣльныхъ группъ населенія отъ наложеннаго на нихъ особаго государственнаго тягла, при чемъ, въ свою очередь, права и привиллегіи этихъ группъ (первоначально, конечно — только права и привиллегіи дворянства) не стоятъ уже ни въ какой связи съ обязанностями данной группы передъ государствомъ и превращаются поэтому въ чисто-сословныя. Разсмотримъ кратко положеніе каждой изъ указанныхъ группъ населенія XV—XVII вѣковъ и прежде всего остановимся на такъ наз. служиломъ классѣ, или „служилыхъ людяхъ“ Московскаго государства.

словія допетровской Руси“ (К., 1875 г.); А. Д. Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи“ (Собраніе сочиненій, СП., 1899 г., т. II); Н. П. Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства“ (С.-П., 1898 г.); его-же „Феодальныя учрежденія“, въ книгѣ „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (СП., 1910 г.). С. В. Рождественскій „Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка“ (С.-П., 1897 г.); В. И. Сергѣевичъ „Русскія юридическія древности“, т. I, изд. II (С.-П., 1902 г.); В. Н. Сторожевъ „Государевы служилые люди“ (Книга для чтеній по исторіи новаго времени, М., 1904 г.); ср. также П. Н. Милюкова „Очерки по исторіи рус. культуры“, т. I (С.-П., 1896 г., стр. 164 и сл.; Панковъ „Льготное землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ до конца XVI в. и его политическое и экономическое значеніе“ (С.-П., 1911 г.)“; Седешевъ „Очерки и матеріалы по исторіи землевладѣнія Московской Руси въ XVII в.“ (М., 1912 г.). О сословіяхъ вообще въ русской исторіи см. В. О. Ключевскаго „Исторія сословій въ Россіи“ (М., 1913 г.).

Государственная служба и ея организація имѣютъ свою сложную исторію, но главные ея моменты сводятся къ слѣдующему. Первый моментъ развивается въ начальныя эпохи государственной жизни, когда верховная власть слаба и когда служба организуется въ формѣ личнаго соглашенія свободнаго дружинника съ княземъ-вождемъ, какъ таковымъ. Затѣмъ наступаетъ второй основной моментъ въ развитіи идеи государственной службы — это пониманіе службы, какъ личной повинности (и при томъ повинности преимущественно одного только класса) нести извѣстный родъ службы (военной и придворной, по преимуществу). Эта служба несется первоначально государю (откуда ея наименованіе въ памятникахъ права „государева служба", а лицъ, занимающихъ различныя должности государевыми служилыми людьми [1]) и только позднѣе — государству, когда понятіе послѣдняго уже развивается настолько, что государство начинаетъ мыслиться, какъ нѣчто абстрактное, и притомъ раздѣльно отъ государя. Наконецъ, третій моментъ, полное развитіе котораго встрѣчается уже въ новое время, это — моментъ пониманія государственной службы, какъ свободнаго соглашенія извѣстнаго лица съ государствомъ. При такомъ пониманіи института государственной службы, данное лицо несетъ предъ государствомъ извѣстныя обязанности столь долго и постольку, постольку оно вызвалось ихъ нести, при чемъ (говоря вообще и не касаясь возможныхъ исключеній изъ этого основнаго начала), государство, принимая данное лицо на службу, заранѣе и по закону опредѣляетъ какъ его права, такъ и обязанности по службѣ. Интересно еще замѣтить, что указанные основные моменты развитія государственной службы наблюдаются въ исторіи этого института нетолько у насъ, но и на Западѣ Европы, лишній разъ подтверждая, что одинаковыя причины (въ данномъ случаѣ — усиленіе началъ централизаціи и развитія верховной власти государей) приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ. Московская Русь со второй половины XV в. знаетъ государственную службу въ ея второмъ моментѣ (какъ повинность государству). Въ XVIII вѣкѣ происходитъ постепенное раскрѣпощеніе отдѣльныхъ группъ,

1) При меровингахъ слово publicus (государственный) также употреблялось въ значеніи слово королевскій: palatium publicum — королевскій дворецъ, fiscus publicus — королевская казна, possessiones publicae — королевскіе домены, agentes publici — королевскіе чиновники и т. д. (Фюстель-де Куланжъ „Исторія общественнаго строя древней Франціи", переводъ И. М. Гревса, П.-С., 1907 г., т. III, стр. 145 и сл.).

несущихъ ту или другую службу, и организація службы, ввидѣ свободнаго соглашенія съ государствомъ.

Въ Московскій періодъ измѣненіе положенія прежнихъ дружинниковъ приводитъ къ измѣненію характера самой службы. Договорныя отношенія между древнимъ княземъ и его дружиною, съ вытекавшею изъ этихъ отношеній товарищескою, дружескою связью и правомъ свободнаго отъѣзда изъ одного княжества въ другое, — при постепенномъ соединеніи удѣловъ подъ властію Московскихъ государей и при усиленіи ихъ могущества, — естественно, должны были смѣниться другими, болѣе соотвѣтствующими измѣнившимся обстоятельствамъ, отношеніями: иная, по типу, власть требовала и иныхъ слугъ себѣ. Намъ уже приходилось касаться вопроса о томъ, какъ боролась Москва съ правомъ свободнаго отъѣзда прежнихъ дружинниковъ. Окончательное уничтоженіе этого права отъѣзда должно было, къ концѣ концовъ, привести къ закрѣпощенію служилаго класса, этихъ вольныхъ когда-то людей. Затѣмъ, могущественнымъ средствомъ къ реорганизаціи положенія этого класса на Москвѣ явилась еще такъ наз. помѣстная система землевладѣнія, обязывавшая получившаго отъ государя помѣстье служить за него. Для лица, получившаго помѣстье, или для помѣщика, создавалось особаго вида государственное тягло, крѣпко его связывавшее, а именно тягло личной службы, соотвѣтственно которому создались и извѣстныя его права на землю и сидящихъ на ней крестьянъ.

Отношеніе Московскихъ государей къ своимъ слугамъ.

Въ княжескій періодъ нашей исторіи почти всѣ отношенія князя къ дружинѣ и обратно опредѣлялись ихъ взаимными военными качествами, храбростью, военною доблестью и удачливостью. Но, когда князь постепенно превращается изъ вождя-полководца въ хозяина-вотчинника, когда постепенное собираніе земли создаетъ ему множество чисто-хозяйственныхъ заботъ по раздачѣ земли, обработкѣ ея, пользованію угодьями и по продажѣ продуктовъ своего производства, князь становится государемъ. А выраженіе „государь“ и „государыня“, въ первоначальномъ значеніи этого слова, означаетъ прежде всего „хозяина“ и „хозяйку“, что мы видимъ въ употребленіи этихъ выраженій въ Домостроѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ и что частію сохранилось въ современныхъ народныхъ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ. Хозяйственная дѣятельность Московскихъ князей началась задолго до царскаго періода[1]), но здѣсь она достигла своего апогея.

1) Объ этой дѣятельности см. ст. С. Бахрушина „Княжеское хо-

„Большой боярин“-вотчинникъ, съ очень широкими требованіями въ жизни, государь Московскій требовалъ для своей „прохлады“, какъ тогда говорили, множество слугъ и служба государству являлась сначала у насъ (какъ, впрочемъ, и вездѣ) въ видѣ службы государю-вотчиннику, собирателю земель и хозяину ихъ, а не въ видѣ службы отвлеченному понятію государства и отечества. Вотчинный, господарскій типъ отношеній къ государю сказался прежде всего на самомъ устройствѣ стольнаго города Москвы, которая, по существу своему, первоначально была ничѣмъ инымъ, какъ обширнѣйшею помѣщичьею усадьбою великаго хозяина-государя, усадьбою, стоявшею среди деревень и слободъ, имѣвшихъ опредѣленное служебное значеніе въ громадномъ хозяйствѣ государя и такъ или иначе удовлетворявшихъ обширнымъ потребностямъ какъ государственнаго, такъ и его домашняго обихода (любопытное подтвержденіе этой мысли можно видѣть въ сохранившихся доселѣ еще изстаринныхъ наименованіяхъ многихъ Московскихъ слободъ, улицъ и переулковъ[1]). Чѣмъ выше подымалось значеніе Московскаго князя, тѣмъ почетнѣе было служить при его дворѣ, быть „слугою государевымъ“, какъ тогда говорили. Самъ классъ этихъ „государевыхъ слугъ“ получилъ въ XVIII в. названіе „дворянства“, а это наименованіе, въ свою очередь, произошло отъ слова „дворянинъ“; первоначально-же дворянинъ былъ никто иной, какъ дворовой слуга князя-государя[2]). Многія, даже мелкія,

---

зяйство XV и первой половины XVI в.“ (Сборн. статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, II, стр. 562 и сл.).

1) Такъ Поварская улица получила наименованіе свое отъ жившихъ здѣсь поваровъ государева двора; Бронныя улицы были въ Бронной слободѣ, гдѣ жили „сабельныхъ дѣлъ мастера“ и гдѣ выковывались брони; въ Скатертномъ пер. жили „скатерники“, завѣдывавшіе столовымъ царскимъ бѣльемъ, и т. д.

2) Еще въ концѣ XII вѣка начинаетъ встрѣчаться въ лѣтописи терминъ „дворяне“; такъ, подъ 1175 г. Ипатьевская лѣтопись говоритъ, напр., по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго, что дворъ его былъ разграбленъ Боголюбскими горожанами и дворянами. Такъ какъ извѣстно, что убіеніе Андрея Боголюбскаго было дѣломъ дворовыхъ людей князя, во главѣ съ ключникомъ-тіуномъ Анбаломъ, то это извѣстіе лѣтописи, въ связи съ другими данными, не оставляетъ сомнѣнія, что дворяне здѣсь — младшіе дружинники, жившіе во дворѣ князья, тоже, что отроки или гриди, о роли коихъ мы въ свое время говорили, указавъ, что въ мирное время они были домашними слугами князя, въ военное — входили въ составъ его войска. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ слово „дворянинъ“ замѣняется нерѣдко словомъ „слуга“. Съ теченіемъ времени, съ возвышеніемъ власти князя и усиленіемъ значенія его двора, возвышается и значеніе, вѣсъ дворянина, какъ дворовaго слуги князя-государя, пока, наконецъ, самъ терминъ дворянинъ не дѣлается общимъ названіемъ служилаго класса, какъ класса ближайшаго ко двору государей.

черты дворцоваго быта Московскаго времени характерны для пониманія взаимныхъ личныхъ отношеній государя къ своимъ служилымъ людямъ. Домовитый хозяинъ-вотчинникъ, Московскій государь нерѣдко раздаетъ своимъ слугамъ, наряду съ должностями-кормленіями и помѣстьями, изъ своихъ обширныхъ запасовъ одежды, шубы, обѣды и ужины. Въ свою очередь, каждый слуга, начиная съ высшаго „чина“ боярина, обязанъ являться ежедневно во дворецъ, ждать приказаній и порученій, отпрашиваться у государя въ гости, просить разрѣшеніе на женитьбу сыновей, на выдачу замужъ дочерей и т. д. Многія, даже мелкія, черты этого вотчиннаго быта подтверждаютъ общую мысль о частно-правномъ характерѣ отношеній государей къ своимъ слугамъ. Между прочимъ, они сказываются и въ наименованіи служилыхъ людей „холопами его, великаго государя“ и въ уничижительныхъ обращеніяхъ этихъ „холоповъ“— часто высшихъ сановниковъ государства — къ царю. Такія обращенія, впрочемъ, удѣлъ не однихъ только Московскихъ служилыхъ людей. „Франкскій король“, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ, называлъ все населеніе королевства своими подданными, „subjecti“; они же называли его своимъ господиномъ, dominus noster...; всѣ безъ различія говорили королю, что они его слуги — servi vestri. Короля просили выслушать слова рабовъ своихъ („verba servorum suorum“), хотя эти слова говорили приближенные короля. Одинъ герцогъ, обращаясь къ королю Теодориху I, говоритъ, напр., ему: „выслушай, достославнѣйшій король, совѣтъ моего ничтожества (consilium parvitatis meae)[1]) и т. д. У насъ только къ концу XVII вѣка или, даже въ началѣ XVIII вѣка, уже при Петрѣ В., эти отношенія начинаютъ пріобрѣтать государственный характеръ, что внѣшне отражается и на терминологіи взаимныхъ обращеній.

Значеніе придворныхъ чиновъ на Западѣ Европы и у насъ въ вопросѣ объ организаціи государственной службы.

Изучая организацію служилаго класса въ Москвѣ, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что не только въ нашей исторіи, но и въ исторіи З. Европы, въ извѣстныя эпохи ихъ развитія, почти всѣ должности, какъ военныя, такъ и гражданскія, по управленію государствомъ, первоначально наполняются чинами или разрядами придворной службы, а эти послѣдніе создаются подъ вліяніемъ главныхъ потребностей государева хозяйства и благоустройства дворцоваго вѣдомства, какъ, напр., наблюденія за пищею и напитками, платьемъ государей, предметами ихъ обширнаго и сложнаго хо-

1) Исторія общественнаго строя древней Франціи“, т. III (С.-П. 1907 г.), стр. 139 и сл.

зяйства, вообще за всѣмъ, что было цѣннаго, дорогого у государя-вотчинника, государя-домохозяина, какъ-бы онъ ни именовался — королемъ, царемъ и т. п. Эти дѣйствительные, а не по имени только (какъ это будетъ позднѣе, когда значительная часть придворныхъ званій сдѣлается простыми отличіями) управители дворцами, имѣніями, угодьями (или „путями“, какъ они въ старину назывались) государей, эти дворецкіе, конюшіе, казначеи, стольники, стряпчіе и т. д., являются затѣмъ въ роли лицъ, занимающихъ различныя государственныя должности, какъ напр., намѣстниковъ, воеводъ, начальниковъ Приказовъ, а равно и исполняютъ всякія порученія государственнаго характера, напр., бываютъ послами, командующими отрядами войскъ и т. п. Занятіе почти исключительно придворными чинами государственныхъ должностей ясно показываетъ, съ одной стороны, ростъ личнаго авторитета государевой власти, а съ другой — свидѣтельствуетъ, что понятіе государственной службы не выдѣлилось еще изъ понятія службы государевой и не выдѣлилось потому, что само государство первоначально олицетворялось въ монархѣ, въ его личной волѣ и власти, въ его устроительной дѣятельности. А такъ какъ власть государей носила первоначально частно-правовой и личный характеръ, то этотъ характеръ власти отражался и на отношеніе государей къ ихъ слугамъ.

Указанный характеръ власти государей Московскихъ не есть что-либо особенное, имъ только свойственное. Наоборотъ, частно-правовое воззрѣніе на государство и на институтъ государственной службы былъ присущъ и другимъ государствамъ въ извѣстные періоды ихъ праворазвитія. На западѣ Европы, напр., типомъ государствъ, гдѣ это частно-правовое воззрѣніе на государство и государственную службу вылилось въ особенно-яркія формы, является франкская монархія. Извѣстный историкъ германскаго государственнаго права Г. Вайцъ даетъ, напр., въ одномъ изъ томовъ своего обширнаго труда о германскомъ государственномъ устройствѣ[1]) громадный матеріалъ для изученія вопроса объ организаціи различныхъ придворныхъ должностей при меровингахъ, должностей, возникавшихъ, какъ и у насъ, изъ потребностей обширнаго частнаго хозяйства королей и только впослѣдствіи получившихъ значеніе чи-

1) G. Waitz „Deutsche Verfassungsgeschichte“, т. II, 3 изд., глава „Die Beamten und Hof des Königs“; сравн. также R. Schröder, „Lehrbuch d. deutschen Rechtsgeschichte“, изд., 3, главу „Der königliche Hof“, стр. 137 сл.; Фюстель-де Куланжа, Исторія общест. строя древн. Франціи, т. III, гл. VIII и IX и Н. И. Карѣева „Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ“ (С.-П., 1906 г.).

сто-государственныхъ должностей, тогда какъ сначала на одно и тоже лицо возлагались обязанности, какъ частнаго, домашняго, такъ и государственнаго характера, почему понятіе дворцоваго управленія („Hofverwaltung“, по выраженію R. Schröder'a) сливалось часто съ понятіемъ управленія монархіею, какъ государствомъ („Reichsverwaltung“). Аналогія между организацію государственной службы на Москвѣ и во франкской монархіи является, на нашъ взглядъ, вполнѣ возможною потому, что въ понятіяхъ того и другого государства (какъ-бы ни велика была между ними разница въ другихъ отношеніяхъ) задачи частно-владѣльческаго, вотчиннаго управленія и задачи государственныя сначала весьма мало различались, откуда и вытекло то интересное слѣдствіе, что въ характерѣ и въ постепенномъ развитіи тамъ и здѣсь института государственной службы и въ организаціи служилаго класса являются нерѣдко разительныя черты сходства.

По древне-германскому праву, какъ это указываетъ Вайцъ и др., для каждой изъ домашнихъ потребностей хозяйства существовали особые служители, которые первоначально брались изъ числа лицъ несвободныхъ, какъ это было и у насъ (достаточно вспомнить здѣсь тіуна или ключника Р. Правды, званіе котораго только тогда не сообщало лицу холопскаго состоянія, когда было ограждено особымъ договоромъ, а это уже само по себѣ указываетъ, что даже наиболѣе довѣренные слуги при дворахъ князей, бояръ и пр. были людьми несвободными). Но, затѣмъ, съ развитіемъ власти королей и другихъ владѣтельныхъ особъ, придворныя должности начинаютъ поручаться свободнымъ и даже знатнымъ лицамъ, которыхъ государи стараются привлечь на свою службу (какъ у насъ — удѣльныхъ князей и бояръ), награждая ихъ землями, давая имъ должности въ кормленія и ставя ихъ вообще въ привиллегированное положеніе [1]). Какъ и у насъ, будучи первоначально созданы

1) Понятіе должности вообще обозначалось въ древнихъ германскихъ юридическихъ памятникахъ (написанныхъ, какъ извѣстно, на латинскомъ языкѣ) словомъ ministerium, и лица, отправлявшія домашнія службы, назывались ministeriales, т. е. слуги (какъ и у насъ). Изъ придворныхъ должностей владѣтельныхъ князей и королей, лишь впослѣдствіи получившихъ государственное значеніе, въ эпоху франкской монархіи были особенно важны: Seneschalk (Seniskalk), сенешалъ, старшій (senis) между слугами, глава всѣхъ ихъ; другимъ наименованіемъ той-же должности было слово Majordomus, майордомъ, нашъ дворскій, или дворецкій, называемый въ германскихъ памятникахъ управителемъ дворца (gubernator, или princeps palatii). За сенешаломъ или майордомомъ слѣдовалъ Marschalk, первоначально главный конюхъ (Pferdeknecht) или Stallgraf, называвшійся полатынѣ comes stabuli. Сначала просто надзиратель за королевскими конями и ко-

(какъ это видно уже изъ самого названія должностей) для потребностей частнаго домашняго хозяйства государей, лица, занимавшія эти должности въ тоже время являлись и на аренѣ государственной дѣятельности, какъ довѣренные агенты этихъ правителей, исполнявшіе ихъ порученія и приказы уже безразлично, относились-ли тѣ или другіе къ области государевой или государственной службы. Впрочемъ, надо замѣтить, что уже въ меровингскій періодъ франкской монархіи — какъ и у насъ на Москвѣ въ XVI еще вѣкѣ, — наряду съ чисто-придворными должностями, являлись должности, которыя создавались въ силу, такъ или иначе заявлявшаго о себѣ въ жизни, государственнаго начала. Таковы у насъ всѣ думные чины, институтъ дьячества и др.; такова на Западѣ Европы должность т. н. referendarius'a, хранители печати государства, нашего печатника, подписывавшагося подъ королевскими грамотами (дипломами); т. н. comes palatii (Pfalzgraf'a), соучастника королевскаго суда и др. Въ цѣломъ, всѣ указанные выше придворные слуги, такъ и называвшіеся palatini, aulici, ministri, Hofleute и т. д., составляли первоначально главный фондъ, изъ котораго наполняются всѣ государственныя должности. Впослѣдствіи забывается первоначальное назначеніе этихъ слугъ и всѣ эти сенешалы, маршалы, майордомы являются уже высшими чинами государства, безъ всякаго нерѣдко отношенія къ тѣмъ должностямъ при дворѣ, какія они когда-то занимали.

Обращаясь, послѣ сказаннаго, къ нашей исторіи, надо сказать, что чѣмъ болѣе развивается власть государей Московскихъ, тѣмъ болѣе, конечно, растетъ блескъ ихъ двора и тѣмъ замѣтнѣе увеличивается число придворныхъ должностей. Съ этихъ должностей, также какъ и на Западѣ, назначаются у

нюшнями (какъ и у насъ „конюшій"), этотъ довѣренный слуга королей сталъ позднѣе исполнителемъ важныхъ порученій государственнаго характера, являлся посломъ своего государя, предводителемъ его войска (у насъ на Москвѣ конюшій бояринъ также игралъ важную роль); прибавленіе къ наименованію Marschalk'a, или Marschall'a, эпитетовъ гофъ (Hof), ландъ (Land) и др. сообщило этой должности еще болѣе широкое значеніе, а первоначальное значеніе ея было затѣмъ совсѣмъ забыто. Неменѣе важное значеніе имѣлъ такъ наз. thesaurarius, казначей, завѣдывавшій движимымъ имуществомъ королей, ихъ одеждою, домашней утварью, собиравшій казну королей и раздававшій изъ нея подарки; позднѣе, при каролингахъ, онъ назывался камераріусомъ (camerarius). Какъ у насъ при дворѣ Московскихъ государей, такъ и при дворѣ меровинговъ, находимъ, кромѣ указанныхъ, еще длинный рядъ другихъ придворныхъ должностей, какъ pincerna (Schenk, нашъ чашникъ), cubicularius (кравчій, крайчій), camerarius (Kämmerer, нашъ „жилецъ") spatarius (или мечникъ, меченосецъ) и. т. д.

насъ отдѣльныя лица на военную и судебно-административную службу государству, какъ въ центрѣ его, такъ и въ областяхъ. Нельзя было въ Москвѣ быть ни воеводою въ полку, ни его товарищемъ, ни начальникомъ Приказа, ни посломъ государя (вообще „начальнымъ человѣкомъ", какъ тогда говорили), а равно и занимать другія должности, не бывъ въ тоже время бояриномъ, окольничимъ, стольникомъ, стряпчимъ, жильцомъ, или дворяниномъ, т. е., иначе говоря, не бывъ извѣстнымъ придворнымъ или военнымъ чиномъ. Изъ названныхъ-же чиновъ, какъ и другихъ, о которыхъ скажемъ ниже, каждый, — кромѣ боярина, наименованія сложившагося не на придворной почвѣ, — означалъ первоначально извѣстную обязанность, службу при дворѣ и только въ XVI вѣкѣ должности эти обратились частію въ чины въ собственномъ смыслѣ, т. е. въ почетныя наименованія, почетныя степени, неимѣвшія уже отношенія къ должностямъ, до которыхъ они касались[1]). Впрочемъ, между придворными должностями надо различать два разряда: одни должности всегда почти сохраняли свое первоначальное значеніе (каковы, напр., должности дворецкаго, казначея, кравчаго, оружничаго, казначея), другіе, какъ окольничіе, стольники и др., сдѣлались чинами, отличіями и имѣли очень мало связи съ тѣми придворными должностями, которыя дали имъ свое наименованіе (о наименованіяхъ этихъ скажемъ особо ниже).

Государевъ дворъ былъ центромъ жизни русскихъ служилыхъ людей; въ XVI—XVII вѣкахъ онъ сдѣлался какъ-бы священнымъ и недоступнымъ жилищемъ; малѣйшее нарушеніе благопристойности среди этого двора каралось, какъ особое преступленіе, называемое Соборнымъ Уложеніемъ оскорбленіемъ чести государева двора. Естественно, какое важное значеніе пріобрѣла степень приближенія къ государю и его двору.[2]).

---

1) Когда утратилась связь должности съ чиномъ, стало возможнымъ, что извѣстныя обязанности при дворѣ неслись указанными придворными чинами лишь въ особо торжественныхъ случаяхъ, при чемъ нерѣдко обязанности, связанныя первоначально съ извѣстною должностью, исполнялись, въ дѣйствительности, другими лицами, Такъ, напр., въ записяхъ царскихъ „походовъ" читаемъ: „ходилъ государь къ Спасу . . . а возница былъ стольникъ (такой-то), а ухабничій былъ стольникъ"; посла . . . встрѣчалъ стольникъ", или „рынды были стольники" . . . (такіе-то), хотя у этихъ придворныхъ лицъ были свои прямыя обязанности, какъ-будто несовмѣстимыя съ только-что указанными (у стольниковъ — „въ столы смотрѣть и сказывать кушанья", т. е. распоряжаться угощеніемъ; у рындъ — стоять около государя „для береженья" и т. п.).

2) Внѣшне это выражалось въ такихъ обычаяхъ. По Котошихину, напр. только высшіе чины, а именно бояре, окольничіе и думные люди, пользовались правомъ сходить съ лошадей близъ двора,

При этомъ надо замѣтить, что, хотя принципъ рода или породы признавался Московскими государями (что видно, между прочимъ, изъ долговременнаго существованія у насъ мѣстничества), однако, онъ признался уже только подъ условіемъ государевой службы. Самый знатный, по своей породѣ, боярин, Рюриковичъ или Гедиминовичъ, если хотѣлъ, чтобъ „родъ“ его „не захудалъ“, какъ тогда говорили, долженъ былъ служить и чѣмъ ближе къ царю — тѣмъ лучше, такъ какъ отъ царя зависѣли его богатство, почетъ и значеніе въ обществѣ. Какъ въ древности, такъ частію и въ Московскомъ государствѣ, служилый человѣкъ имѣлъ вообще мало значенія „по землѣ„ въ той мѣстности, гдѣ онъ былъ вотчинникомъ или помѣщикомъ, такъ какъ онъ былъ, обычно, въ своихъ владѣніяхъ „наѣзжимъ“ человѣкомъ, который долженъ былъ быть всегда готовымъ къ отправленію на службу по приказу изъ центра. Постоянныя отлучки изъ вотчинъ и помѣстій на службу не давали у насъ возможности развиться въ то время такъ наз. феодальной системѣ, съ ея основными явленіями — крѣпкой связью по землѣ, съ уступкою сюзереномъ части своихъ верховныхъ правъ собственнику и т. д. Несмотря на то, что въ Москвѣ земля стала раздаваться служилымъ людямъ, какъ жалованье, это, однако, не сдѣлало изъ прежняго дружинника феодала, засѣвшаго въ своемъ мѣстномъ замкѣ, все болѣе и болѣе отвоевывавшаго у сюзерена его права и вступавшаго съ нимъ въ борьбу. Прежніе вольные дружин-

---

но „неблизко отъ крыльца“; въѣзжать на царскій дворъ они не смѣли. Другіе, низшіе чины, какъ стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дьяки, сходили далеко отъ царскаго дворца, обыкновенно, между Ивановскою колокольнею и Чудовымъ монастыремъ. Въ самомъ царскомъ дворцѣ для каждаго „чина“ было свое мѣсто: часть названныхъ чиновъ — стряпчіе, дворяне, дьяки — не шла дальше крылечной площади или постельнаго крыльца; дьяки и подъячіе дожидались „начальныхъ лицъ“ на постельномъ крыльцѣ или въ сѣняхъ предъ Грановитою палатою; „а другимъ чинамъ и до тѣхъ поръ ходить не велѣно, гдѣ были стольники и иные нарочитые люди“, говоритъ Котошихинъ . . . Пройдя крыльцо царскаго дворца, высшіе только слуги — бояре, окольничіе, думные люди — могли идти дальше, а именно въ „переднюю.“ Попасть въ „переднюю“ палату считалось уже важнымъ повышеніемъ, отчего, напр., и читаемъ въ одной изъ челобитныхъ слѣдующее: „пожалуй меня, холопа твоего (проситъ государя одинъ жилецъ), вели, государь, мнѣ быть при своей царской свѣтлости въ передней: а родители мои пожалованы въ переднюю“. Такъ важно было для службы и для возвышенія каждый день быти при лицѣ государя „въ передней“, или еще лучше — „въ верху“ (т. е. въ верхнихъ покояхъ государей). Но, были изъ „холопей“ государя лица, которыя не останавливались въ передней, а „улуча время“, какъ выражается Котошихинъ, входили даже въ „комнату“, т. е. въ кабинетъ государя; возможность достичь этого считалось уже самымъ высшимъ знакомъ приближенія и служебной чести.

ники и бывшіе когда-то удѣльными служилые князья превратились у насъ не въ гордыхъ виконтовъ и бароновъ, а въ простыхъ „холопей и слугъ государя“, которые, хотя и получаютъ помѣстья за свою службу, но, по прежнему, толпятся около его дворца, а не уединяются въ свои помѣстья. Рѣшающимъ обстоятельствомъ въ этомъ было то, что моментъ наибольшаго осѣданія указанныхъ лицъ на пожалованныхъ земляхъ совпалъ въ Московскомъ государствѣ съ моментомъ усиленія власти государей, съ одной стороны, развитіемъ государственныхъ потребностей, съ другой. Какъ возвышеніе каждаго служилаго человѣка на высшую ступень почета и общественнаго положенія, такъ и назначеніе на ту или иную должность всецѣло зависитъ отъ власти. Въ свою очередь, громадныя все болѣе и болѣе растущія нужды центра требуютъ много слугъ себѣ, эти слуги постоянно вызываются на службу въ центрѣ и ѣдутъ, по посылкамъ изъ центра государства, туда, гдѣ служба ихъ всего болѣе полезна, причемъ правительство мало заботится о томъ, чтобъ дать мѣстнымъ центрамъ — уѣздамъ — дѣйствительнаго помѣщика, испомѣщеннаго на землѣ, лежащей въ этомъ уѣздѣ, который не de jure только, но и de facto владѣлъ-бы здѣсь пожалованнымъ ему помѣстьемъ а равно и могъ-бы отдавать себя на служеніе данной мѣстности.

Значеніе слова „чинъ“ на Москвѣ; связь должности съ чиномъ; отдѣльные чины Московскаго государства.

Перейдемъ теперь къ очерку отдѣльныхъ разрядовъ московскихъ служилыхъ людей. Всѣ служилые люди Московскаго государства являлись служилыми чинами. Слово чинъ имѣло на Москвѣ двоякое значеніе — общее и спеціальное. Въ первомъ, общемъ, значеніи слово это означало разрядъ, или классъ лицъ, несшихъ извѣстное тягло предъ государствомъ и отличавшихся поэтому другъ отъ друга. Такъ служилые люди несли службу, какъ личную повинность; такъ наз. „посадскіе“ несли „черное тягло“, крестьяне свое особое тягло; каждый изъ этихъ разрядовъ назывался „чиномъ“. Избирательный Земскій Соборъ 1613 г., именуется, напр., Соборомъ „всякихъ людей всякихъ чиновъ всего великаго россійскаго царства“, т. е. здѣсь слово чинъ употребляется для наименованія всѣхъ тѣхъ группъ, или разрядовъ, свободнаго населенія, какіе обозначились въ это время и представители отъ которыхъ созывались на Соборъ; въ этомъ-же смыслѣ надо понимать словоупотребленіе соборныхъ актовъ, гласящихъ, напр., что всякихъ чиновъ люди Московскаго государства били челомъ на Соборѣ государю“... (о томъ-то)... или „государь приговорилъ со всякихъ чиновъ людьми Московскаго государства“... (сдѣлать то или другое).

Въ этомъ широкомъ смыслѣ слова чинъ, какъ служилые люди, такъ и посадскіе, крестьяне и другіе разряды населенія могутъ быть названы „чинами“ Московскаго государства. Но, наряду, съ этимъ широкимъ и общимъ смысломъ, тоже слово употребляется весьма часто въ памятникахъ въ смыслѣ спеціальномъ и узкомъ, означая извѣстную степень, первоначально соотвѣтствующую извѣстной опредѣленной придворной или военной должности; этотъ смыслъ близокъ къ нашему современному понятію чина и въ этомъ смыслѣ памятники изучаемаго времени говорятъ о чинахъ бояръ, окольничихъ, столѣниковъ, стряпчихъ и др. Но принципъ постепеннаго возвышенія въ чины, какъ въ почетныя степени, за службу встрѣчался на Москвѣ съ принципомъ рода, породы и долго отступалъ передъ послѣднимъ. Затѣмъ переходъ изъ одного чина въ другой не имѣлъ на Москвѣ такой строгой опредѣленности и послѣдовательности, какую пытался установить Петръ В. въ своей „Табели о рангахъ“ [1]). То и другое зависѣло отъ многихъ причинъ. Въ 1-хъ почти во все время, пока признавалось мѣстничество, каждый служилый человѣкъ могъ отказаться (по своимъ соображеніямъ объ „отеческой чести“) отъ извѣстнаго чина или должности. Дворянинъ, пожалованный въ окольничіе, могъ сказать, напр., „что окольничихъ въ его пору нѣтъ“, что отецъ его былъ въ боярахъ, а потому ему „невмѣстно быть въ окольничихъ“, чтобы тѣмъ его роду не было „потёрки“ и т. п. Во вторыхъ, обычай съиздавна установилъ на Москвѣ преимущественное право однихъ родовъ, болѣе знатныхъ, проходить лѣстницу степеней (или „чиновъ“, въ спеціальномъ значеніи этого слова) болѣе быстро и достигать ея верхнихъ ступеней скорѣе, чѣмъ это выпадало на долю другихъ [2]). Всѣ пожалованія въ высшіе чины дѣлались

1) Въ концѣ Московскаго періода уже довольно твердо устанавливается de facto извѣстная лѣстница служилыхъ степеней, или чиновъ, хотя эта лѣстница и отличалась многими особенностями, сравнительно съ знаменитою Табелью о рангахъ 17 2 г., которая была создана Петромъ В. Основнымъ принципомъ XIV степеней Петровской Табели было полное соотвѣтствіе извѣстнаго чина (или ранга, какъ сталъ называться чинъ, въ смыслѣ извѣстной степени, въ XVIII вѣкѣ) — извѣстной должности: возвышеніе въ чинѣ вело къ возвышенію въ должности; высшія должности должны были заниматься болѣе заслуженными, болѣе свѣдущими людьми, прошедшими всѣ низшія должности. Москвѣ также не была совершенно чужда мысль объ извѣстной связи или соотвѣтствіи чина (какъ степени, какъ отличія), съ должностью, такъ какъ сами чины жалуются также, говоря вообще, за службу, но эта мысль не вылилась въ строгую систему.

2) По Котошихину, напр., были роды, представители коихъ прямо жаловались государями въ бояры, безъ прохожденія всѣхъ нижнихъ степеней (таковы, напр., князья Черкасскіе, Воротынскіе,

притомъ обычно только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія при дворѣ. Обыкновенно, юноша знатнаго рода уже рано (лѣтъ 10-ти) брался во дворецъ, поступая стольникомъ на царицыну половину и переходя затѣмъ въ стольники или спальники государя. Живя близко отъ государя, въ его „комнатахъ“, и исполняя здѣсь ту или иную придворную службу (при чемъ чинъ, который носился даннымъ лицомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и должностью), знатный юноша, придя въ зрѣлый возрастъ, получалъ затѣмъ извѣстную должность (воеводы, начальника Приказа и т. д.) и исполнялъ различныя порученія (отправлялся посломъ, объявлялъ государевы повелѣнія и т. д.). При этомъ онъ, либо сохранялъ свой прежній „чинъ“, либо повышался въ слѣдующій и въ такихъ случаяхъ (при службѣ не при дворѣ, а гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ) чинъ, конечно, не совпадалъ съ должностью, а отдѣлялся отъ нея. Наконецъ, въ болѣе пожиломъ возрастѣ, представители наиболѣе знатныхъ родовъ достигаютъ чиновъ окольничихъ и бояръ, сидятъ въ „Боярской Думѣ“ и занимаютъ высшія должности въ государствѣ.

За исключеніемъ „чина“ боярина, всѣ „чины“ Московскаго государства, какъ сказано, образовались изъ придворныхъ или военныхъ должностей. Что же касается боярства, то оно, по крайней мѣрѣ до второй половины XV вѣка, было наслѣдственнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій, выдвинувшихся тѣмъ или другимъ путемъ въ разрядъ „лучшихъ“, „нарочитыхъ людей“ и пр. Боярство первоначально принадлежало потомкамъ боярскихъ фамилій, безъ всякаго отношенія къ ихъ службѣ. Но на Москвѣ въ XVI—XVII вѣкахъ оно уже жалуется, оно уже есть высшій „чинъ“ государства, въ узкомъ смыслѣ этого слова, оно дается уже государями за службу. Старина, однако, часто слышется въ Москвѣ подъ новыми формами. Какъ уже сказано, на Москвѣ были роды, дѣлавшіе очень быструю служебную карьеру, наглядно, показывающую, что цари признавали за этими „боярскими“ родами право какъ-бы возстановить свое прежнее, когда-то бывшее „родовымъ“, достоинство, право сдѣлаться боярами, хотя и подъ условіемъ службы, но на самыхъ льготныхъ основаніяхъ, тогда какъ, наоборотъ, другіе, менѣе знатные, роды только упорною и долгою службою достигали того, что имъ „сказывали боярство“, т. е. производили въ чинъ боярина; были, наконецъ, роды, которые не доходили и до

Трубецкіе, Голицыны и др.); были затѣмъ роды „которые бываютъ въ окольничихъ и боярахъ“, т. е. быстро доходятъ на дѣйствительной службѣ до чина окольничаго и затѣмъ переходятъ въ бояры; было множество родовъ „которые бываютъ въ думныхъ дворянахъ и окольничихъ и тѣ роды“, по Котошихину, „больше тое чести не доходятъ“ и т. д.

чина окольничаго, стоявшаго непосредственно послѣ „чина“ боярина. Первоначально, тѣ бояре, которымъ „боярство“, въ качествѣ придворнаго чина, „сказывается“, носятъ названіе „бояръ введенныхъ“; сначала ихъ число было очень незначительно, напр., къ концу царствованія Василія II (1462 г.) ихъ было всего 5 человѣкъ, при Іоаннѣ III — 13; въ XVII вѣкѣ число ихъ уже доходитъ до 20—30 человѣкъ. Этимъ „введеннымъ“ боярамъ поручались самыя высшія должности въ государствѣ[1]). Такъ какъ „боярство введенное“ было чиномъ, а не наслѣдственнымъ, какъ раньше, достоинствомъ, то за преступленія его можно было лишиться, какъ это видно, напр., изъ С. Уложенія.

Вторымъ чиномъ на Москвѣ былъ „чинъ“ окольничаго. Окольничіе упоминаются впервые въ памятникахъ еще въ концѣ XIII вѣка, въ домосковскій періодъ; въ Московскій періодъ, окольничество первоначально должность, позднѣе (въ XVI—XVII вѣкахъ) — чинъ. Что касается окольничества, какъ должности, то она имѣла своимъ главнымъ назначеніемъ заботу обо всемъ, что казалось „походовъ“, или путешествій, Московскихъ государей. Походы эти были часты, дѣлались очень пышно и вызывали необходимость всякаго рода сложныхъ приготовленій. Изъ извѣстій объ этихъ походахъ, указываемыхъ такъ наз. „Дворцовыми Разрядами“, видно что окольничіе распоряжались всѣмъ, что относилось къ царскимъ походамъ.

---

1) Въ памятникахъ московскаго времени нерѣдко встрѣчается наименованіе „бояре путные“. Слова „путь“ и „путный“ употреблялись на Москвѣ въ различномъ смыслѣ. Въ широкомъ смыслѣ слова „путями“ называются всякаго рода земледѣльческіе промыслы, а именно добываніе воска, меда, разнообразная охота, разведеніе домашнихъ животныхъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ, напр., источники говорятъ объ „ловчемъ пути“, т. е. объ охотничьемъ промыслѣ и о завѣдываніи имъ, о „конюшемъ пути“ и завѣдываніи имъ, о „сокольничемъ“, о „стольничемъ пути“, добывавшемъ продукты для княжескаго или царскаго стола. Уже въ древности земли жаловались князьями нерѣдко подъ условіемъ разработки въ нихъ разныхъ угодій и развитія тѣхъ или другихъ промысловъ, „путиковъ“, какъ они назывались. Въ болѣе узкомъ смыслѣ слово путь означало „кормленіе“, или полученіе корма натурою; „путный бояринъ“ это первоначально бояринъ, получавшій въ кормленіе какую-либо доходную статью, или „путь“ (ловчій, сокольничій и т. п.), а затѣмъ „путный бояринъ“ вообще всякій „кормленщикъ“, т. е. лицо, получающее, за отправленіе своей должности, кормъ натурою, въ опредѣленномъ размѣрѣ. Другіе эпитеты, прибавляемые къ слову „бояринъ“, какъ напр., „бояринъ ближній“, „комнатный“ и др., обозначали тѣхъ бояръ, которые выдѣлялись, изъ числа другихъ, по степени приближенія своего къ государю и занимали поэтому наиболѣе важныя должности въ государствѣ. Наконецъ, третьи эпитеты — конюшіе бояре и др. — указывали на должность, которую первоначально занималъ при дворѣ данный бояринъ.

Производство слова возбуждало въ литературѣ много споровъ. Извѣстный историкъ XVIII вѣка В. Н. Татищевъ производилъ его отъ слова „окольность“, „околичность“. Другой ученый того-же вѣка, Г. Ф. Миллеръ, производя отъ того же слова „околичность“, слово „окольничій“, замѣтилъ, что „первая (т. е. главная) должность окольничаго состояла въ томъ, чтобъ въ государевы дальные походы наперед ѣхать, наблюдать пути..., мосты исправлять, дворы занимать, подводы заготовлять и на станѣ (мѣстахъ остановокъ) всѣ надобности въ готовности держать“. Карамзинъ производилъ окольничаго отъ предлога около; къ этому мнѣнію близко примыкалъ Неволинъ, утверждавшій, что „названіе окольничихъ, по всей вѣроятности, происходило отъ того, что они были чиновниками, повсюду непосредственно окружавшими и сопровождавшими князя. Вѣрнѣе, кажется производство даннаго слова отъ существительнаго „окольность“. Распоряженіе всѣмъ, что касалось путешествій государей, а затѣмъ и распоряженіе по встрѣчѣ пословъ, по отводу имъ „подворій“, представленіе ихъ государямъ и т. д., было обязанностью окольничихъ на Москвѣ. Въ XVI—XVII вѣкахъ, однако, ту-же обязанность часто исполняютъ и другіе чины двора, напр., дворяне, какъ видно изъ тѣхъ-же „Дворцовыхъ Разрядовъ“, а окольничество превращается въ чинъ, какъ степень, непосредственно идущую за степенью боярина (въ Судебникахъ, напр. говорится, что „судъ... судити бояромъ и окольничимъ“) и окольничіе сидятъ въ Приказахъ, на воеводствахъ и въ другихъ мѣстахъ. Черезъ окольничество проходили, — какъ черезъ необходимую ступень къ боярству, — люди менѣе родовитые, но способные, отличившіеся на службѣ государству [1]).

Если боярство и окольничество являлось безспорно двумя высшими чинами-степенями въ Московскомъ государствѣ, то классификація остальныхъ чиновъ-степеней представляетъ большія трудности во 1-хъ потому, что законодательство того времени не установило такой классификаціи, а во 2-хъ потому, что одни чины, какъ были первоначально должностями, такъ и остались въ этомъ своемъ значеніи, другіе же, наоборотъ, понимались уже, какъ почетныя степени, потерявъ свое значеніе должностей, между тѣмъ въ законодательныхъ памятникахъ и другихъ актахъ эпохи они стоятъ рядомъ, какъ равно-значительные [2]). Трудность установленія вполнѣ-точнаго и опре-

1) Объ окольничихъ см. брошюру П. Н. Мрочекъ-Дроздовскаго „Старшая дружина на службѣ Московскихъ Государей (Окольничіе и бояре введенные)“. М., 1899 г.

2) Въ подтвержденіе сказаннаго, укажемъ на Судебникъ 1550 г., первая статья коего гласитъ, что „судъ царя и в. князя судити боя-

дѣленнаго порядка степеней-чиновъ Московскаго государства зависитъ также и отъ того, что чины и должности создавались постепенно, по мѣрѣ роста значенія и власти Московскихъ государей и усиленія блеска ихъ двора. Такъ изъ одного списка придворныхъ чиновъ (со второй половины XV до третьей четверти XVI вѣка) мы узнаемъ, что должности казначея, постельничаго и ясельничаго явились съ 1495 г., ловчаго — съ 1509 г., крайчаго — съ 1514 г., дворянъ думныхъ — съ 1572 г., думныхъ дьяковъ — съ конца XVI в. и пр. Созданіе-же новыхъ придворныхъ чиновъ, въ свою очередь вліяло на мѣсто, занимавшееся ими на ступеняхъ служебной лѣстницы, такъ какъ одни изъ нихъ отодвигались ниже, другіе подвигались выше. Изъ всѣхъ классификацій чиновъ и должностей наиболѣе простою представляется, на нашъ взглядъ, та, которая дѣлитъ ихъ во 1-хъ на чины думные, во 2-хъ придворные и въ 3-хъ военные[2]). Думными чинами, кромѣ бояръ и окольничихъ, являются еще думные дворяне и думные дьяки, о которыхъ

рамъ и окольничимъ и дворецкимъ и казначеямъ и дьякомъ". Если два первыхъ наименованія (бояре и окольничіе) являются здѣсь чинами (въ смыслѣ степеней), то два среднія означаютъ должности, но не чины; тоже встрѣчается и во многихъ другихъ актахъ эпохи, гдѣ рядомъ съ чинами стоятъ наименованія должностей. (См. напр., актъ Земскаго Собора 1566 г., или „утвержденную грамоту" объ избраніи въ цари Бориса Годунова; въ этой грамотѣ, замѣтимъ между прочимъ, приведенъ весьма полный списокъ чиновъ и должностей конца XVI вѣка; для XVII вѣка такой списокъ см. въ 1 Полномъ Собраніи Законовъ, т. I, № 114).

2) В. Н. Сторожевъ даетъ такую схему состава „служилаго чина", отвѣчающую, по своей терминологіи, XVII вѣку:

I. Служилые люди по отечеству:
- 1. Думные:
  - a) бояре,
  - b) окольничіе,
  - c) дворяне думные.
- 2. По московскому списку:
  - a) стольники,
  - b) стряпчіе,
  - c) дворяне московскіе,
  - d) жильцы.
- 3. Съ городомъ (городовые):
  - a) выборъ,
  - b) дѣти боярскія дворовыя,
  - c) дѣти боярскія городовыя.

II. Служилые люди по прибору:
- A. 1. стрѣльцы, 2. казаки, 3. пушкари, затинщики и воротники.
- B. 1. солдаты, 2. рейтары, 3. драгуны.

Въ объясненіе къ этой схемѣ, авторъ говоритъ, что „служилые люди *по отечеству* состояли изъ лицъ, на которыхъ падали обязанность личнаго отбыванія государственной службы по ихъ происхожденію отъ служилыхъ отцовъ, при чемъ эта наслѣдственная повинность военной службы отбывалась съ земли (точнѣе съ пашни) независимо отъ условій, на которыхъ владѣлъ ею служилый человѣкъ. Помѣстье, какъ условное, личное и временное владѣніе, и вотчина

было уже говорено нами при изученіи вопроса о составѣ Б. Думы. Замѣтимъ лишь, что нѣкоторые ученые, какъ напр., В.-Будановъ, думныхъ, какъ и простыхъ, дьяковъ, выдѣляютъ въ особую категорію „лицъ гражданской службы“, но это выдѣленіе возможно было-бы принять лишь въ томъ случаѣ, еслибы они одни несли гражданскую службу, но ее несли вообще какъ думные, такъ и придворные чины. Остановимся на „чинахъ“ придворныхъ и военныхъ.

„Придворными“ или „дворовыми чинами“, въ смыслѣ должностей, были дворецкіе, крайчіе, казначеи, оружничіе, постельничіе, съ подчиненными имъ спальниками, стряпчіе съ ключемъ и др. Дворецкіе, древніе ключники, завѣдывали княжескими и великокняжескими дворами, всѣми слугами, дворцовыми землями и ихъ раздачею. До конца XV вѣка прежніе дружинники, поступавшіе на службу, сохраняли право отъѣзда и въ случаѣ отъѣзда должны были лишь возвращать земли, полученные отъ князей. Лица, получавшія эти земли, назывались слугами „подъ дворьскимъ“ (дворецкимъ), такъ какъ ими завѣдывалъ дворецкій по ихъ земельнымъ отношеніямъ; въ болѣе широкомъ смыслѣ слугами „подъ дворьскимъ“ назывались всѣ лица, состоявшія на службѣ при дворѣ. Въ XVII вѣкѣ все управленіе царскимъ дворомъ сосредоточивалось въ рукахъ „Большого дворца“, особаго Приказа, во главѣ котораго стоялъ московскій дворецкій. Дворецкій, по своей служебной чести, стоялъ непосредственно за окольничимъ. Что-же касается крайчаго, то онъ былъ начальникомъ стольниковъ, по ихъ должности[1]).

(родовая, выслуженная, купля) какъ собственность, равно обязывали службой ихъ владѣльцевъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ. Служилые люди *по прибору* состояли изъ лицъ, которые прибирались въ военную службу изъ разныхъ слоевъ населенія и по своей службѣ не получали правъ, присвоенныхъ служилымъ людямъ по отечеству. Сюда попадали люди, по разнымъ причинамъ отбившіеся отъ тягла, неграмотныя дѣти священниковъ и причетниковъ, не служившіе ни въ дьячкахъ, ни въ пономаряхъ, вообще люди вольные, гулящіе, а также безпомѣстные и безвотчинные, малопомѣстные дворяне и дѣти боярскія. Послѣдніе, попадая въ полки иноземнаго строя, не теряли своихъ качествъ служилыхъ людей по отчеству . . . Полки иноземнаго строя (солдаты, рейтары и драгуны) составляли одинъ разрядъ приборныхъ людей, получавшій все большее и большее значеніе къ концу XVII вѣка: въ 1632 г. насчитывалось въ этихъ полкахъ 17.031 чел., а въ 1681 г. уже 82.047 чел. Другой разрядъ представлялся стрѣльцами, казаками и др., пополнялся вольными людьми и пріобрѣталъ черты наслѣдственнаго состоянія“. (Книга для чтенія по исторіи новаго времени, стр. 511 и сл.).

1) Должность стольниковъ стояла въ томъ, что они подавали царю за столомъ (обыкновенно, въ торжественныхъ случаяхъ) блюда, кравчій-же наблюдалъ за ними; онъ же завѣдывалъ разсылкою блюдъ съ царскаго стола служилымъ людямъ, что считалось большею

Таковъ самый краткій очеркъ придворныхъ „чиновъ“, частію сохранявшихъ значеніе должностей, частію являвшихся простыми отличіями, или чинами, какъ степенями служебной лѣстницы. Что-же касается чиновъ военныхъ, то таковыми могутъ быть названы жильцы, дворяне московскіе и городовые, наконецъ, дѣти боярскіе. Жильцы были охранителями „государевыхъ хоромъ и палатъ“, они жили, въ извѣстной очереди, въ количествѣ до 40 человѣкъ, во дворцѣ (откуда ихъ названіе) и избирались, обыкновенно, изъ городовыхъ дворянъ. Черезъ эту должность городовые дворяне переходили въ слѣдующіе чины спальниковъ, стольниковъ и пр. Московскими дворянами назывались дворяне, имѣвшіе помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, городовыми — въ другихъ уѣздахъ, гдѣ они обыкновенно, несли такъ наз. „осадную службу“. Что касается терминовъ „дворяне“

милостію. Изъ формулъ присягъ, которые давались придворными чинами при вступленіи въ должность, узнаемъ, какъ объ обязанностяхъ ихъ, такъ и о тѣхъ суевѣріяхъ, которыя всѣми тогда раздѣлялись. Такъ изъ этихъ формулъ видно, напр., что стольники обѣщались, принимая присягу, „государю служити и прямити, и его государева здоровья во всемъ оберегати и ничѣмъ его, государя, въ ѣствѣ и питьѣ не испортити, и зелья и коренья лихова ни въ чемъ не дати“ и т. д.; стряпчіе клялись „лиха никакого государю не мыслити и въ платьѣ и въ полотенцѣ и во всякой стряпнѣ коренья лихова не положити“; постельничій обѣщался „въ государскомъ платьѣ и въ постеляхъ и въ подушкахъ и въ одѣялахъ и въ иныхъ во всякихъ государскихъ чинѣхъ никакого дурна не учинити и зелья и коренья ни въ чемъ не положити“. Заслуживаетъ вниманіе слова „стряпня“ и „стряпчій“. Глаголъ стряпать имѣлъ первоначально очень широкое значеніе — дѣлать, хлопотать. Поэтому „стряпчіе“, въ качествѣ работниковъ, или лицъ, дѣлающихъ что-либо, были вездѣ, причемъ на конюшняхъ они запрягали и отпрягали лошадей, въ мастерскихъ царскихъ палатахъ работали надъ тѣмъ, что данной палатѣ было поручено дѣлать и т. д. Но, наряду съ этимъ широкимъ смысломъ, слово стряпчій имѣло и спеціальный смыслъ; по Котошихину, когда „царю бываетъ выходъ въ церковь или походъ“, стряпчіе „несутъ передъ царемъ скипетръ, а въ церкви держатъ шапку и платокъ, а въ походахъ возятъ панцырь, саблю и садаакъ“ (колчанъ со стрѣлами). Но такъ какъ стряпчихъ, — какъ должностныхъ лицъ которые должны были носить указанную „стряпню“ (т. е. то, что сдѣлано или состряпано) было много, — то стряпчіе, подобно другимъ придворнымъ чинамъ, являлись и въ другихъ должностяхъ, напр., посылались съ порученіями, занимали провинціальныя мѣста и т. д. „Стряпчій съ ключемъ“, между другими стряпчими, былъ главнымъ, у него былъ ключъ отъ такъ наз. „постельной казны“, т. е. всѣхъ предметовъ царскихъ опочиваленъ и, въ этомъ качествѣ, онъ былъ помощникомъ постельничаго. Изъ дворовыхъ чиновъ-степеней, надо прежде всего назвать стольника: стольничество первоначально было также должностью, но въ XVII вѣкѣ все чаще и чаще этотъ терминъ употребляется въ смыслѣ степени или чина, непосредственно идущаго за боярами и окольничими; въ эти чины, обычно, назначаются представители московскаго дворянства.

и „дѣти боярскіе“, то со второй половины XVI вѣка они мало отличаются, по своему значенію, другъ отъ друга, но дворяне стоятъ уже выше дѣтей боярскихъ, а послѣдніе являются низшимъ разрядомъ служилыхъ людей „по отечеству“. Въ памятникахъ XIII—XIV в.в. дѣти боярскіе стояли еще выше дворянъ; съ возвышеніемъ значенія государева двора выросло и значеніе его слугъ, т. е. дворянъ. Кромѣ дворянъ московскихъ были еще дворяне городовые[1]). Дворяне городовые дѣлились на нѣсколько „статей“, или группъ, первую группу составляли „дворяне выборные“, изъ коихъ избирались на срочную службу „жильцы“, вторую — дворяне городовые, несшіе службу въ городахъ. Второй разрядъ былъ многочисленнѣе перваго и онъ далъ, въ новой исторіи, одно общее наименованіе прежнему служилому классу, а именно — наименованіе дворянства.

Всѣмъ служилымъ людямъ велись особые списки; списокъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ назывался десятнею[2]).

Права служилыхъ людей.

Всѣ служилые люди получали за свою службу помѣстья, при чемъ за эти помѣстья они нетолько должны были служить сами, но должны были являться на службу „конны, людны и оружны“, т. е. приходить

---

1) Какъ замѣчаетъ В. Н. Сторожевъ на языкѣ XVII вѣка провинціальное дворянство называлось *городовымъ*, потому что оно службу служило „съ городомъ“ или, говоря иначе, по службѣ было расписано по городамъ, въ свою очередь, разбивавшимся на особыя группы. Эти группы постепенно стали составлять особые „разряды“, т.-е. крупные военно-финансовые округа, предшественники будущихъ Петровскихъ губерній. Составляя такъ называемую помѣстную дворянскую конницу, иррегулярную армію по своей природѣ, городовое дворянство дробилось на сотни... Сотня — кругъ лицъ приписанныхъ къ опредѣленному городу и способныхъ нести полковую дальнюю или полковую сотенную службу: это — калужане, вереичи, костромичи, нижегородцы, арзамасцы, смольняне, вологжане, бѣляне, муромцы, ряшане и т. д. Во главѣ такой сотни стоитъ сотенный голова; изъ сотенъ составляются полки, выступающіе въ походъ не только за свой счетъ, но и за свой страхъ (Книга для чтенія и пр., стр. 524).

2) „Если „жильцы писались въ жилецкихъ спискахъ, а московскіе дворяне въ боярскихъ спискахъ, то городовые дворяне и дѣти боярскіе писались“, говоритъ В. Н. Сторожевъ, въ особыхъ спискахъ, носившихъ довольно темное по своему происхожденію названіе десятенъ. Десятня — обыкновенно полный списокъ всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ города, перечисляемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ и съ указаніемъ боевой годности и порою пройденныхъ отдѣльнымъ лицомъ службъ. Можно сказать, что это — сборникъ короткихъ формуляровъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, заканчивающійся перечисленіемъ отставныхъ, умершихъ, недорослей, вдовъ и дѣвокъ, живущихъ съ мужниныхъ и съ отцтвскихъ помѣстей. Десятня обрисовываетъ съ достаточной бытовой подробностью какъ весь строй городового служилаго дворянства и его боевую годность, такъ и генеалогическую исторію любой фамиліи въ ея основныхъ фактахъ“... (ibid., стр. 526 и сл.).

съ конями людьми и оружіемъ. Московское правительство, не имѣя возможности содержать на свои средства войско, платило служилымъ людямъ землею; денежное жалованье являлось лишь нѣкоторой добавкой къ помѣстной земельной дачѣ. Вопросъ о вотчинахъ и помѣстьяхъ, которыми владѣли отдѣльные разряды служилыхъ людей, есть частію вопросъ гражданскаго права, поэтому мы на немъ теперь не останавливаемся подробно и лишь замѣтимъ, что основнымъ началомъ политики Московскихъ государей, при раздачѣ земель служилымъ людямъ, было стремленіе, „чтобъ земля изъ службы не выходила“, какъ тогда говорили. Поэтому само помѣстье было недвижимымъ имѣніемъ, которое давалось за службу и подъ условіемъ службы, первоначально оставаясь за лицомъ, его получившимъ, до тѣхъ поръ, пока оно служило. Каждый изъ разрядовъ служилыхъ людей получалъ извѣстный помѣстный окладъ и долженъ былъ лично отбывать съ этого оклада службу. Недвижимыми имѣніями могли владѣть въ Московской Руси и другія лица, кромѣ служилыхъ людей, но на помѣстномъ правѣ землею владѣли лишь послѣдніе. Какъ владѣльцы помѣстій, а также и вотчинъ (т. е. имѣній, передшихъ къ нимъ отъ ихъ отцевъ), служилые люди не несли лично податей и повинностей (кромѣ обязанности служить); ихъ земли были „бѣлыми“, въ отличіе отъ земель черныхъ“ или тяглыхъ, т. е. землями, освобожденными отъ нѣкоторыхъ податей и повинностей. Кромѣ того, они имѣли право вотчиннаго суда надъ населеніемъ, сидѣвшимъ на ихъ земляхъ, пользовались „кормленіями“ при назначеніи на должности. Къ личнымъ правамъ отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей надо отнести право ихъ на особую „честь“. Честь оцѣнивались сообразно тому или иному служебному положенію лица въ государствѣ и выражалась въ особомъ штрафѣ за безчестье, т. е. за оскорбленіе чести даннаго лица. Штрафъ этотъ былъ различенъ для отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей; его установленіемъ уже занимается Судебникъ 1550 г. (статья 26), но еще болѣе подробно — Соборное Уложеніе (гл. X, ст. 90—93), при чемъ по этому памятнику низшіе разряды служилыхъ людей получали штрафъ за безчестье въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ гости и торговые люди гостинной сотни (ст. 95—95). Есть также нѣкоторыя особенности положенія отдѣльныхъ разрядовъ служилыхъ людей въ области права уголовнаго и процесса, но эти особенности могутъ быть выяснены обстоятельно лишь при обзорѣ исторіи уголовнаго права и процесса. Въ общемъ, служилый классъ является тяглымъ, какъ и всѣ другіе классы Московскаго государства, но особенность его тягла (служба, какъ личная повинность) объясняла и особенности его положенія, какъ по отношенію къ землевладѣнію и

къ сидящимъ на его земляхъ крестьянамъ, такъ и по отношенію къ правамъ и преимуществамъ, которыми онъ владѣлъ. Неся тягло личной службы, этотъ классъ не могъ нести тягла другихъ классовъ, почему и былъ избавленъ, говоря вообще, отъ нѣкоторыхъ податей и повинностей, падавшихъ на другіе классы. Въ свою очередь, близость къ государямъ приводила ко многимъ личнымъ его преимуществамъ, дававшимся за службу.

§ 2.

Городское населеніе [1]).

Понятіе города и посада. Посадскіе люди и ихъ тягло; запрещеніе выхода изъ тягла и очищеніе посадовъ и слободъ отъ частно-владѣльческаго населенія.

Древніе русскіе города состояли, обыкновенно, изъ укрѣпленнаго мѣста, крѣпости или кремля, какъ называлось это укрѣпленное мѣсто нерѣдко въ древности [2]). Около этихъ городовъ ютились посады. Посады первоначально были неогражденныя поселенія, создавшіяся за стѣнами города. По мѣрѣ увеличенія населенія посадовъ, развитія ихъ торговли и промысловъ и т. д. являлась необходимость окружать и посады стѣнами, въ интересахъ безопасности ихъ жителей. Нерѣдко дальнѣйшее развитіе даннаго поселенія и увеличеніе числа его жителей влекло образованіе около него новыхъ посадовъ и слободъ, которые, въ свою очередь, обносились валами и стѣнами, такъ что въ городѣ образовывалось иногда нѣсколько концентрическихъ круговъ стѣнъ или валовъ (примѣромъ можетъ служить Москва съ ея кремлемъ, за нимъ

1) Литература, кромѣ общихъ курсовъ: А. О. Плошинскій „Городское или среднее состояніе русскаго народа“ (С. П., 1852 г.). А. Д. Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія“ (С.-П., 1868), стр. 145 сл.; Н. Д. Чечулинъ „Города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ“ (С.-П, 1889 г.; В. И. Сергѣевичъ „Русс. юрид. древности“, т. II, стр. 313 сл.; П. Н. Милюковъ „Очерки исторіи русской культуры“, ч. I (С.-П., 1896 г.), стр. 178 и сл.

2) Въ домосковской Руси городами вообще назывались укрѣпленныя мѣста; остатками ихъ доселѣ являются такъ наз. „городища“ или „городки“ (Д. Я. Самоквасовъ „Древніе города Россіи“, С.-П., 1873 г.); ср. мою брошюру „Д. Я. Самоквасовъ“ (Некрологъ), М. 1911 г. Древнѣйшіе города ничѣмъ не отличались (за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ, получившихъ значеніе политическихъ центровъ, какъ, напр., Кіевъ, Черниговъ, Новгородъ и др.) отъ селъ и деревень, кромѣ того, что представляли собою защищенныя (валами, рвами, стѣнами) мѣста народныхъ поселеній; экономическая и политическая противоложность города и деревни начинаетъ вообще обозначаться не ранѣе X-го и слѣдующихъ вѣковъ (См. болѣе подробно объ этомъ въ брошюрѣ Н. А. Рожкова „Городъ и деревня въ русской исторіи“, С.-П. 1913 г.).

Китай-городъ, опять обнесенный стѣной, Бѣлый городъ, стѣны котораго до XVIII в. шли по линіи теперешнихъ бульваровъ, и т. д.). Если въ первоначальномъ укрѣпленіи, или собственно-городѣ, какъ крѣпости, жили, обыкновенно, служилые люди, представители духовенства, то въ посадахъ обитали такъ наз. „посадскіе люди“, мѣщане, какъ они стали именоваться въ новой нашей исторіи. — Жители этихъ посадовъ въ старину мало отличались отъ сельскаго населенія по роду своихъ занятій, такъ какъ нетолько вели мелкую торговлю и промыслы, но и занимались земледѣліемъ, огородничествомъ, имѣли обширные сѣнные покосы и это продолжалось во многихъ городахъ до конца изучаемаго періода. Но, между государевыми посадскими людьми и крестьянами, сидѣвшими на частно-владѣльческихъ земляхъ, а именно на земляхъ монастырей и служилыхъ людей, было то важное различіе, что первые состояли въ тяглѣ самого государства, т. е. несли извѣстныя повинности съ такъ наз. „тяглыхъ городскихъ дворовъ“ и съ торговыхъ промысловъ непосредственно въ пользу самого государства. Въ этомъ случаѣ, посадскіе люди были подобны свободному сельскому населенію, сидѣвшему на такъ наз. государевыхъ волостныхъ земляхъ, и носившему наименованіе „черныхъ людей“. Въ то время, какъ служилые люди несли личную службу, а крестьяне, сидѣвшіе на ихъ земляхъ, разные оброки и повинности главнымъ образомъ въ ихъ пользу, черные люди — волостные и посадскіе, — иначе говоря свободные сельчане и горожане, несли такъ наз. „черное тягло“ въ пользу государства, различаясь другъ отъ друга нестолько по роду своихъ занятій, сколько по тому, куда они тянули по своему тяглу, т. е., куда они были приписаны для выполненія своихъ повинностей и податей, а именно — къ городу, или къ уѣзду. Первоначально всѣ тяглые люди (волостные или уѣздные, посадскіе, или городскіе) могли свободно переходить изъ города въ городъ, а равно изъ волостей въ города и обратно. Съ начала XVII вѣка, частію подъ вліяніемъ челобитій самихъ посадскихъ людей, правительство начинаетъ возвращать въ посады ушедшимъ изъ нихъ людей[1]), а

1) Въ этомъ отношеніи интересна царскаго грамота, посланная, на основаніи приговора З. Собора отъ 1619 г., въ Соль Вычегодскую 27 іюля. Приговоръ этотъ гласилъ такъ: „которые посадскіе и изъ слободъ тяглые люди заложились въ закладчики и вышли съ посадовъ и изъ слободъ за митрополиты, и за владыки, и за бояръ нашихъ, и за околничихъ, и за всякихъ чиновъ людей, и за монастыри, а податей нашихъ никакихъ съ своею братьею съ посадцкими людми не платятъ, а живутъ себѣ въ покоѣ и во льготѣ, — и тѣмъ закладчикамъ всѣмъ указали есмя быть по прежнему на посадѣхъ и въ слободахъ, гдѣ кто жилъ напередъ сего, а на тѣхъ людехъ, за кѣмъ они жили,

затѣмъ, по С. Уложенію, прикрѣпляетъ посадскихъ къ ихъ поселеніямъ, требуя, чтобъ каждый посадскій принадлежалъ къ обществу того города, гдѣ онъ числится въ тяглѣ. Затѣмъ С. Уложеніемъ-же запрещается частно-владѣльческому населенію выходить изъ-за вотчинниковъ и другихъ владѣльцевъ и селиться въ посадахъ и государевыхъ слободахъ (гл. XIX). Съ этого времени въ городахъ могутъ жить, въ качествѣ его постоянныхъ обывателей, только тяглые или черные люди, составляя изъ себя такъ называемыя черныя сотни и черныя слободы. Разница между тѣми и другими состояла въ томъ, что слобожане были приписаны къ государеву дворцовому управленію, черныя-же сотни составлялись изъ посадскихъ людей, сидѣвшихъ на государственныхъ земляхъ. Указанныя постановленія С. Уложенія полагаютъ начало обособленію тяглаго городского населенія отъ сельскаго, при Петрѣ В. его обособленіе идетъ еще дальше и городское торгово-промышленное населеніе уже рѣзко отличается отъ сельскаго, какъ мы увидимъ это въ свое время. Чтобы понять указанныя постановленія С. Уложенія, надо войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся положенія посадскихъ людей.

Посадскіе люди были какъ сказано, людьми „черными“, а это на языкѣ памятниковъ Московскаго времени значитъ, что они были людьми тяглыми. Они владѣли сообща посадскою землею, имѣли, подобно слобожанамъ, своихъ старостъ и выборныхъ, несли сообща подати и отправляли повинности, что и было ихъ тягломъ. Изъ сказки тяглыхъ посадскихъ людей на Земскомъ Соборѣ 1642 г. видно, между прочимъ, каковы были эти подати и повинности[1]). Желаніе избыть тяжесть

сыскавъ и счечи, доправить всякіе наши подати за прошлые годы; а которые посадскіе и всякіе люди съ Москвы, и изъ городовъ, и изъ украинныхъ, льготя себѣ, что имъ въ городехъ нашихъ податей не платить, пріѣхали жить въ Москвѣ и по городомъ, а живутъ у племяни и у друзей, а иные на посадѣ на тяглыхъ мѣстехъ, — и тѣхъ посадцкихъ и всякихъ людей на Москвѣ и по городомъ указали есмя сыскивати и отсылати въ городы, гдѣ кто прежъ сего живалъ до московскаго разоренья, и льгота имъ давати, смотря по разоренью“ . . . (Акты, относ. къ исторіи З. Соборовъ, стр. 22).

1) А именно они заявили царю, что-де „мы сироты твои . . . нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ . . . и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго земляного дѣла и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ . . . съ гостьми и опричь гостей; а служитъ съ насъ, сиротъ твоихъ, въ твоихъ государевыхъ въ разныхъ Приказѣхъ, на всякій годъ по сту по 45 человѣкъ цѣловальниковъ, да съ насъ же, сиротъ твоихъ, стоятъ на земскомъ дворѣ безпрестани и безъ съѣзду 75 человѣкъ ярыжныхъ, да извощики съ лошадьми, для ради грѣховаго пожарнаго времени, и платимъ тѣмъ

этого тягла, съ одной стороны, надежда найти болѣе льготныя условія существованія, съ другой, приводили къ тому, что многіе посадскіе уходили изъ посадовъ и тѣмъ увеличивали податное бремя остававшихся, на прежнихъ поселеніяхъ, людей, ввиду того, что подати и повинности неслись всею посадскою общиною на основаніи круговой поруки. Кромѣ того, само правительство переводило лучшихъ людей изъ посадовъ въ такъ наз. гостинную и суконную сотни, о которыхъ мы скажемъ ниже особо, какъ объ этомъ заявляли, напр., сами посадскіе люди въ 1621 г. („людишки бѣдные и молодшіе отъ того великаго тягла (отъ насъ) бѣгутъ розно; а которые были у насъ лучшіе люди, и тѣ взяты въ гостинную сотню и суконную"). Такъ какъ тяжелыя обстоятельства, въ которыхъ было государство въ первой половинѣ XVII вѣка, не дозволяли ему и думать объ уменьшеніи податныхъ тяготъ посадскаго населенія, то оставалось лишь принять мѣры къ возвращенію убѣжавшихъ на ихъ прежнія „посады" и запретить выходъ имъ оттуда впредь, что и дѣлалось, какъ въ рядѣ указовъ первой половинѣ XVII вѣка, такъ и по С. Уложенію. Затѣмъ, какъ уже было указано, въ послѣднемъ (подъ вліяніемъ челобитій выборныхъ отъ служилыхъ и посадскихъ людей) явилось знаменитое постановленіе, благодаря которому посады и слободы на Москвѣ и въ городахъ были очищены отъ частно-владѣльческаго населенія, а именно ст. I гл. XIX Ул. предписала: „впредь, опричь государевыхъ слободъ, ничьимъ слободамъ на Москвѣ и въ городахъ не быти"; причина, вызвавшая это постановленіе, была указана при обзорѣ исторіи составленія Уложенія. Послѣднее беретъ эти частно-владѣльческія слободы „за государя въ тягло", чѣмъ радикально разрѣшаетъ вопросъ, волновавшій весьма сильно тогдашнее посадское населеніе. Въ государственное тягло должны были, далѣе, записываться всѣ тѣ „вольные люди", или „иные чьи-нибудь", которые вздумаютъ „всякими промыслами промышлять" (Ул., XIV, 3); „быть въ тяглѣ" должны и „всякихъ чиновъ" служилые люди, имѣющіе лавки и промыслы; иначе-же — они должны „лавки свои продати государевымъ тяглымъ людямъ" (4 ст.). Уложеніе дозволяетъ, впрочемъ, жить торговымъ людямъ на частно-владѣльческихъ земляхъ (въ вотчинныхъ и помѣстныхъ слободахъ, селахъ и деревняхъ", какъ оно говоритъ), если они лежатъ „отъ посадовъ не близко" (9 ст.).

цѣловальникамъ и ярыжнымъ и извощикамъ ежемѣсяцъ кормовыя подможныя деньги большія, и отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишка изъ сотенъ и изъ слободъ разбрелися розно и дворишка свои мечутъ". . . (ib.).

Дѣленіе посадскихъ людей на разряды.

Посадскіе люди, являясь кореннымъ населеніемъ городовъ[1]), какъ торгово-промышленныхъ центровъ, дѣлились, подобно служилымъ людямъ, на разряды (или „на статьи“): высшимъ разрядомъ были гости, выбиравшіеся изъ лучшихъ (собственно — наиболѣе богатыхъ) посадскихъ, за ними шли средніе торговые люди, подраздѣлявшіеся на двѣ „сотни“, такъ наз. „гостинную“ и „суконную“; наконецъ „молодшіе“ „городскіе“ люди были собственно-посадскими людьми, занимавшимися мелкою торговлею и промыслами, неисключая и земледѣльческаго. Уже Царскій Судебникъ различаетъ во 1-хъ гостей, во 2-хъ торговыхъ людей среднихъ и въ 3-хъ городскихъ, или посадскихъ, людей молодшихъ (26 ст.), назначая каждому изъ этихъ разрядовъ особое вознагражденіе за безчестье. Остановимся на каждомъ изъ этихъ разрядовъ особо. Верхнимъ слоемъ посадскаго, или городскаго, населенія были гости. Гости извѣстны и предъидущему періоду, первоначально, какъ иноземные или чужестранные торговцы; въ Московскій періодъ исторіи нашей — гость есть званіе, жалуемое государями торговымъ людямъ за ихъ особо-усердную, точнѣе — за особо-прибыльную, для государевой казны, службу. По словамъ Котошихина, „гостиннымъ именемъ“ жаловались торговые люди за службу въ таможенныхъ и кружечныхъ (кабацкихъ) дворахъ и у соболиной казны, т. е. за службу по продажѣ мѣховъ, привозимыхъ изъ Сибири. Пожалованный въ „гости“ торговый человѣкъ получалъ на свое званіе, или чинъ, особую грамоту, которая обезпечивала за нимъ многія преимущества. Въ грамотѣ, данной царемъ Борисомъ Годуновымъ „торговому человѣку“ Ивану Соскову, пожалованному „гостиннымъ именемъ“, мы читаемъ слѣдующее: „велѣли ему быти въ гостѣхъ и на дворѣ его стоялщикомъ никакимъ не ставитися (т. е. не ставить на его дворѣ никакихъ постоевъ), опричь нашихъ походовъ, и всякое питье велѣти ему держати безъявочно и безвыимочно про себя, а въ которые городы Иванъ поѣдетъ, или его дѣти, или племянники съ его товары, и въ тѣхъ городѣхъ наши намѣстники и воеводы и всякіе приказные люди ихъ не судятъ ни въ чемъ, а судимъ мы, великій государь . . , и сынъ нашъ, царевичъ . . .“ Первоначально такія грамоты давались отдѣльнымъ торговымъ людямъ, затѣмъ въ XVII вѣкѣ [2]) вообще гости,

1) Посадскіе люди, въ качествѣ торгово-промышленнаго класса, могли быть, впрочемъ, и въ селахъ.

2) По С. Уложенію: „а будетъ (буде) кому гостемъ или торговымъ людемъ даны будутъ государевы жаловальныя грамоты за красными печатьми — что у нихъ стояльщиковъ не ставити и съ черными сотнями имъ въ тяглѣ не быти, и питья у нихъ не вынимати,

какъ особый высшій разрядъ торговыхъ людей, имѣли особыя преимущества, сводившіяся къ праву быть свободными отъ суда воеводъ и другихъ приказныхъ людей и быть судимыми самимъ государемъ, къ свободѣ отъ чернаго тягла, къ праву на владѣніе вотчинами и помѣстьями, подъ условіемъ службы въ таможенныхъ и иныхъ финансовыхъ учрежденіяхъ, а равно и исполненія порученій правительства. Гостей было вообще немного; по Котошихину „будетъ ихъ близко 30 человѣкъ“. Наглядно важность ихъ служилаго значенія на Москвѣ видна изъ того большаго штрафа, сравнительно съ другими посадскими людьми, какой назначался имъ, по II Судебнику, за „безчестье“: „а гостемъ большимъ“, гласитъ 26 статья Судебника, „безчестіе 50 рублевъ, а женамъ ихъ вдвое противъ ихъ безчестья. А торговымъ людямъ посадскимъ среднимъ . . . 5 рублевъ . . .; а . . . черному городскому („посадскому“) молодчему безчестья рубль . . . .“ Такимъ образомъ честь „гостей“, какъ лицъ, занимавшихъ важныя финансовыя должности (головъ таможенныхъ, кабацкихъ и пр.), и исполнявшихъ отвѣтственныя порученія, цѣнилась въ 10 разъ больше чести среднихъ торговыхъ людей и въ 50 разъ больше молодшихъ посадскихъ людей. Состоя на службѣ у правительства, гости вели и сами свою торговлю, обычно — оптовую и при томъ нерѣдко „отъѣзжую“, т. е. нетолько на Москвѣ, но и въ другихъ городахъ.

Среднимъ торговымъ классомъ на Москвѣ были торговые люди гостинной и суконной сотенъ. По Котошихину „гостинная и суконная сотни устроены для того: на Москвѣ и въ городѣхъ бываютъ (онѣ) у сборовъ царскіе казны, въ цѣловальникахъ, и торги своими торгуютъ же и всякими промыслами промышляютъ“ т. е., иначе говоря, члены этихъ двухъ сотенъ, взятые изъ посадскихъ, остаются торговцами и промышленниками, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ правительству по сбору государевыхъ доходовъ и занимаютъ должности цѣловальниковъ, о которыхъ скажемъ особо въ своемъ мѣстѣ. Являясь вообще товарищами „гостей“ по своей службѣ, торговые люди этихъ сотенъ пользовались и тѣми преимуществами, какими пользовались гости, но только въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. „Гостинная сотня“ считалась выше „суконной“ и только члены первой дѣлались гостями. Каждая сотня являлась особою корпораціею, отличною отъ черныхъ посадскихъ сотенъ, почему жалованныя грамоты,

---

или торговымъ-же людемъ, за службы и за таможенныя и кабацкіе приборы, — съ гостиннымъ именемъ, и съ такихъ грамотъ печатныхъ пошлинъ имати по 2 руб. съ полтиною съ грамоты. (Гл. XVIII, ст. 8).

дававшіяся членамъ гостинной, напр., сотни, предписывали имъ „съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлати и не тянути ни въ чемъ, опричь своей гостиныя сотни“. . . Каждая сотня дѣлилась на 3 „статьи“ или разряда (большую, среднюю и меньшую статьи) и каждой „статьѣ“, по Уложенію, полагалось особое вознагражденіе за безчестье [1]). На Азовскомъ Соборѣ гости, гостинная и суконная сотни представили царю интересныя данныя о своей службѣ и положеніи [2]).

Выйдя изъ состава „молодшихъ“, или „городскихъ“ (посадскихъ), какъ ихъ называетъ Судебникъ 1550 г., людей, всѣ эти разряды получали разнаго рода льготы, тогда какъ „молодшіе“, или собственно-посадскіе, люди тянули „черное тягло“. Они сидѣли на государевой (государственной) землѣ, которой были наслѣдственными владѣльцами. Они могли распоряжаться своими тяглыми дворами, т. е. могли ихъ продавать, закладывать, завѣщать и пр., подъ условіемъ, чтобъ лица, ихъ пріобрѣтавшіе, не „обѣляли“ ихъ, т. е. не уклонялись отъ несенія тѣхъ

---

1) Гостю за безчестье полагалось 50 р., гостиной сотни, большой статьи, по 20 р. человѣку, средней — 10 р., меньшей — по 10 р. (принадлежавшимъ къ соотвѣтственнымъ „статьямъ“ суконной сотни — 10, 10, 5 р.); „черныхъ сотенъ и слободъ и посадскимъ тяглымъ людямъ лучшимъ полагалось за безчестье по 7 р. человѣку, среднимъ „по шти (6) рублевъ“, меньшей статьи — по 5 р. (94 ст., гл. X Улож.); Интересно отмѣтить, что по той-же статьѣ С. Уложенія, „дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей государевымъ крестьяномъ (безчестье) по рублю человѣку“.

2) Именно, они заявили, между прочимъ, слѣдующее: „мы, холопи твои, гостишка и гостиныя и суконныя торговые людишка городовые и питаемся городѣхъ отъ своихъ промыслишковъ, а помѣстій и вотчинъ за ними нѣтъ никакихъ, а службы твои, Государевы, служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ о вся годы безпрестани, и отъ тѣхъ твоихъ, Государевыхъ, безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги, что мы, холопи твои, давали тебѣ Государю въ Смоленскую службу, ратнымъ и всякимъ служилымъ людяхъ на подмогу, многіе люди оскудѣли и обнищали доконца; а будучи мы, холопи твои, на твоихъ, Государевыхъ, службахъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ сбираемъ твою, Государеву, казну, за крестнымъ цѣлованьемъ, съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ Государѣхъ и при тебѣ, Государѣ, въ прежніе годы сотъ по пяти и по шти, а нынѣ, Государь сбирается съ насъ и со всей земли нами-же, холопи твоими, тысячь по пяти и по шти и больше; а торжишка, Государь, у насъ, холопей твоихъ, при прежнихъ годѣхъ стали гораздо худы, потому что всякіе наши торжишка на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ отняли многіе иноземцы, нѣмцы и кизылбашцы, которые пріѣзжаютъ къ Москвѣ и въ иные городы со всякими своими большими торгами и торгуютъ всякими товары: а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудали доконца отъ твоихъ Государевыхъ воеводъ, а торговые людишка, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздѣхъ торговъ своихъ отбыли“ . . . .

податей и повинностей, какія лежали на городскихъ тяглыхъ дворахъ, такъ какъ иначе тоже тягло разлагалось-бы между меньшимъ количествомъ плательщиковъ и было для нихъ еще тяжелѣе; въ теченіи всего періода идутъ запрещенія эти, но они, однако, обходятся различными способами.

Попытка объединенія посадскихъ въ XVII в.

Посадскіе люди, раздѣлявшіеся на указанные разряды, не были объединены въ одно цѣлое; наоборотъ, между отдѣльными разрядами была очень большая разница: если гости и торговые люди указанныхъ двухъ „сотенъ“ были своего рода „служилыми людьми“, несшими свою службу въ финансовыхъ учрежденіяхъ эпохи, то собственно-посадскіе, или „городскіе молодшіе люди“, были тяглыми закрѣпощенными людьми, имѣвшими много сходства съ тяглыми волостными людьми, или крестьянами, сидѣвшими на государевой (государственной) землѣ. Впрочемъ, эти группы иногда объединялись, въ лицѣ своихъ старостъ и сотскихъ, вмѣстѣ и отъ нихъ исходили о б щ і я петиціи о своихъ нуждахъ къ правительству; затѣмъ была попытка о б ъ е д и н и т ь управленіе посадскимъ населеніемъ въ одномъ учрежденіи и черезъ это связать это населеніе въ одно цѣлое. А именно въ 1767 г. знаменитый весьма дѣятель царствованія Алексѣя Михаиловича А. Л. Ординъ-Нащокинъ въ Новоторговомъ уставѣ, между многими другими мѣрами, провелъ мысль о б ъ о б ъ е д и н е н і и управленія торгово-промышленнаго населенія городовъ въ одномъ общемъ „пристойномъ Приказѣ“. Статья 88 „Нов. устава“ гласятъ, „что, для многихъ волокитъ в о в с ѣ х ъ П р и к а з а х ъ, купецкихъ людей пристойно вѣдать въ о д н о м ъ п р и с т о й н о м ъ П р и к а з ѣ . . . который бы Приказъ былъ купецкимъ людямъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ отъ иныхъ государствъ о б о р о н о ю и во всѣхъ городахъ отъ в о е в о д с к и х ъ н а л о г ъ былъ имъ з а щ и т о ю и у п р а в о ю . . . чтобъ всѣмъ купецкимъ людямъ д а в а т и с у д ъ и у п р а в а на всякихъ чиновъ людей в ъ т о м ъ ж е о д н о м ъ П р и к а з ѣ непремѣнно“. — Въ литературѣ высказывалось мнѣніе, что этотъ Приказъ такъ и остался проектомъ. Это мнѣніе находитъ подтвержденіе въ архивныхъ данныхъ, напечатанныхъ Н. А. Поповымъ. Изъ нихъ видно, что, хотя на Москвѣ XVII в. и существовали учрежденія подъ именемъ „Купецкой Палаты“ или „Приказа купецкихъ дѣлъ“, но эти учрежденія не имѣли ничего общаго ни съ Приказомъ Ор.-Нащокина, ни съ Бурмистерскою Палатою, явившеюся при Петрѣ. Во всякомъ случаѣ, мысль Ординъ-Нащокина, хотя и не осуществилась при немъ, но и не погибла совершенно, возродившись вновь при Петрѣ, когда 30 янв. 1699 г. данъ былъ указъ объ утвержденіи въ Москвѣ „Бурмистерской Палаты“, а въ городахъ т. н. „Земскихъ избъ“.

§ 3.

Сельское крестьянское населеніе [1]).

1.

Крестьяне черныхъ волостей.

Наименованіе сельскаго населенія въ Московской Руси. Крестьяне тяглыхъ или черныхъ волостелей.

Сельское земледѣльческое свободное населеніе, носившее въ удѣльно-вѣчевой періодъ наименованіе смердовъ, съ конца XIV вѣка стало называться христіанами или крестьянами. Впервые это названіе, какъ думаютъ, встрѣчается въ уставной грамотѣ, данной митрополитомъ Кипріяномъ въ 1391 г. одному монастырю, гдѣ говорится, что „Кипріянъ такъ рекъ игумену и хри-

1) Кромѣ общихъ курсовъ, важнѣйшая литература по исторіи крестьянъ: Б. Н. Чичеринъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка“ (Опыты по исторіи русскаго права, М. 1858); И. Д. Бѣляевъ „Крестьяне на Руси“ (М., 1860); К. С. Аксаковъ „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи“ (П. Соб.. Сочиненій, I. т., М. 1861 г.); К. П. Побѣдоносцевъ „Историческіе очерки крѣпостнаго права“ („Историческія изслѣдованія и статьи“, С.-П., 1876 г.); П. А. Соколовскій „Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ (С.-П., 1877 г.); его-же „Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей предъ крѣпостнымъ правомъ“ (С.-П., 1878 г.); И. Е. Энгельманъ „Die Leibeigenschaft in Russland“ (Д., 1884 г.); русскій переводъ той же книги, подъ названіемъ „Исторія крѣпостнаго права въ Россіи, М., 1900 г.); В. О. Ключевскій „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ (Русская Мысль, 1885 г., №№ 8—10); М. А. Дьяконовъ „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ (XVI—XVII в. в.)“ С.-П., 1898 г.; П.; Ивановъ „Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи въ XVII в.“ (М. 1901) В. И. Сергѣевичъ „Рус. Юр. древности“ (С.-П., 1902 г.), т. II; А. С. Лаппо-Данилевскій „Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи“ въ книгѣ „Крестьянскій строй“, т. I (С.-П., 1905 г.); Н. А. Рожковъ Сельское населеніе Московской Руси въ XVI в. (М., 1905 г.) Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII в. (М., 1906 г.); Н. Огановскій „Очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи“, (Саратов., 1911 г.); нѣсколько статей по исторіи крестьянъ XVI—XVII вв. находится также въ I томѣ юбилейнаго изданія „Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“ (М., 1911 г.); срав. также статью П. Н. Милюкова — „Исторія крестьянъ въ Россіи до освобожденія“ — въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза подъ словомъ „крестьяне“; въ концѣ статьи приведена важнѣйшая литература о крестьянахъ до времени освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости включительно. Изъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и относящихся до исторіи крестьянъ, отмѣтимъ „Архивный матеріалъ. Новооткрытые документы помѣстно вотчинныхъ учрежденій Московскаго царства“ — Д. Я. Самоквасова (М., 1909 г.) т. II, и изъ перепечатанныхъ вновь — „Памятники исторіи крестьянъ XIV—XIX вв.“ (М.; 1910 г.), гдѣ указанъ также списокъ важнѣйшихъ работъ по исторіи крестьянъ.

стіаномъ монастырскимъ: ходите вси по моей грамотѣ, игуменъ — сироты держи и сироты — игумена слушайте" (Акты Арх. Экс., т. I, № 11). Изъ дальнѣйшаго содержанія грамоты видно, что подъ христіанами-сиротами разумѣются земледѣльцы, сидѣвшіе на монастырской землѣ и обязанные извѣстными оброками и повинностями. И если, въ широкомъ смыслѣ слова, „христіаниномъ" былъ всякій, кто исповѣдывалъ Христову вѣру, то въ спеціальномъ — это былъ земледѣлецъ, прежній смердъ, сидѣвшій на чьей-либо землѣ, а именно, либо на землѣ собственно государевой (дворцовой), либо государственной (черной, волостной), либо, наконецъ, на землѣ частныхъ владѣльцевъ (монастырей, вотчинниковъ и помѣщиковъ). Упоминаніе о крестьянахъ, какъ людяхъ, сидящихъ на землѣ и ее обрабатывающихъ, встрѣчается постоянно въ памятникахъ Московскаго періода нашей исторіи, почему выраженія „порядиться во крестьяне", „быть въ крестьянствѣ" и т. п. означали состояніе людей, водворившихся на землѣ для веденія хозяйства: оба Судебника (1497 г. и 1550 гг.) говорятъ о крестьянскихъ „дворахъ" (статьи 57 и 88); по С. Уложенію крестьяне записаны „на помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ" [1]), при чемъ владѣльцамъ запрещается отрывать крестьянъ отъ земли и переводить въ городовые (городскіе) дворы (ст. 14 главы XIX). Понятіе крестьянина искони мыслилось у насъ, какъ понятіе человѣка, крѣпкаго землѣ, т. е. связаннаго съ землею, а не съ лицомъ помѣщика, или вотчинника, во владѣніяхъ коего онъ обиталъ. Впослѣдствіи, особенно въ новой исторіи нашей, эта мысль почти затеривается, крестьяне постоянно отрываются отъ земли, какъ бы считаясь крѣпкими не землѣ, а помѣщику, но общественное сознаніе лучшихъ людей, какъ XVII вѣка. такъ и послѣдующихъ двухъ вѣковъ, всегда стояло за связь крестьянина съ землею, почему и протестовало противъ предполагавшагося нѣкоторыми безземельнаго, или личнаго, освобожденія крестьянъ. Кромѣ наименованія земледѣльцевъ — крестьянами, были и другія. Такъ крестьяне именовались людьми, „тяглыми", „черными", „волостными", „монастырскими", „помѣщичьими" и пр., когда отмѣчалось, на чьихъ земляхъ они сидѣли; назывались людьми „письменными", „численными" (т. е. записанными въ тягло и „исчисленными" для уплаты податей), когда указывалось на ихъ податное состояніе (съ этой точки зрѣнія они назывались также

1) По С. Уложенію крестьяне не переводятся „съ помѣстныхъ земель на вотчинныя" и, въ случаѣ жалобъ новыхъ помѣщиковъ на сведеніе крестьянъ прежними помѣщиками изъ пожалованныхъ имъ помѣстій въ свои вотчины, крестьяне возвращаютъ въ помѣстья, „со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хлѣбомъ стоящимъ и молоченымъ" (ст. 30 и 31 гл. XI); иначе, впрочемъ, смотритъ на вопросъ М. А. Дьяконовъ, „Очерки общ. и г. строя", изд. 4, стр. 351 и сл.

„сиротами“, какъ люди „молодшіе“, требовавшіе болѣе другихъ защиты и помощи), „бобылями“, когда являлись людьми безземельными, „старо-жильцами“, когда долго жительствовали, или сидѣли, на земляхъ тѣхъ или другихъ владѣльцевъ; „своеземцами“ или „земцами“ (въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ), когда сидѣли на своихъ собственныхъ земляхъ, и т. д. Громадное большинство крестьянъ сидѣло, впрочемъ, какъ сказано, на земляхъ, либо государевыхъ (государственныхъ), либо частно-владѣльческихъ (откуда и названіе послѣдняго рода крестьянъ „владѣльческими“, встрѣчающееся въ литературѣ нашей). Такъ какъ положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ государственныхъ, не было, въ изучаемый періодъ, всегда и во всемъ одинаково съ положеніемъ крестьянъ владѣльческихъ, то, для ясности, необходимо разсмотрѣть особо вопросъ о крестьянахъ, сидѣвшихъ на черныхъ, или тяглыхъ, волостныхъ земляхъ, и о крестьянахъ, сидѣвшихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Подъ перваго рода землями (т. е. подъ черными волостными землями) разумѣлись долго (по крайней мѣрѣ до половины XV вѣка), какъ земли собственно-государевы, или дворцовыя, такъ и государственныя; положеніе крестьянъ, сидѣвшихъ на этихъ земляхъ, въ общемъ, было до конца періода весьма схоже, что и даетъ основаніе къ раздѣленію крестьянъ лишь на двѣ группы — крестьянъ черныхъ волостныхъ и крестьянъ владѣльческихъ (или частно-владѣльческихъ). Къ очерку этихъ двухъ группъ крестьянъ мы теперь и обратимся.

Тяглыя волостныя земли когда-то (въ XIV—XV вѣкахъ) занимали въ Московской Руси громадныя пространства [1]) и были населены многочисленнымъ, хотя и тяглымъ, но свободнымъ крестьянствомъ, жившимъ въ самоуправляющихся общинахъ. Въ княженіе Іоанна III впервые можно отмѣтить (хотя, впрочемъ, лишь въ покоренной Москвою Новгородской землѣ) обширныя раздачи въ вотчины и помѣстья черныхъ земель; въ послѣдующія царствованія эти раздачи продолжаютъ совершаться, весьма убавляя количество черныхъ волостныхъ, или уѣздныхъ (какъ онѣ еще называются), земель, особенно въ центральныхъ мѣстностяхъ Московскаго государства. Кромѣ того, часть этихъ земель превращается въ дворцовыя земли, которыя, въ свою очередь, раздаются духовенству и служилымъ людямъ. Наоборотъ, въ поморскихъ сѣверныхъ уѣздахъ черныя земли сохра-

1) О землевладѣніи вообще и „о черномъ землевладѣніи въ частности“ въ XVI—XVII в.в. см. подробно у Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII вѣкѣ“ (М., 1906 г.), гл. V; срав. также соч. М. Островской „Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго Сѣвера въ XVI—XVIII в.в.“ (С.-П., 1913 г.).

нялись очень долго. Въ половинѣ XVII вѣка Котошихинъ считалъ въ черныхъ волостяхъ и слободахъ лишь 20 тысячъ дворовъ, въ дворцовыхъ-же волостяхъ — 30 тысячъ, у патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ и монастырей болѣе 100 тысячъ; за боярами-же и прочими чинами ихъ было столько, что, по автору, „того и написати немочно“. Но въ нѣкоторыхъ подмосковскихъ мѣстностяхъ къ половинѣ XVII в. черныя земли совершенно исчезли, такъ какъ Московскіе государи, распоряжаясь черными землями по своему усмотрѣнію, обильно раздавали ихъ и служилымъ людямъ и монастырямъ — что продолжалось и послѣ Уложенія. Тамъ же, гдѣ онѣ сохранялись, крестьяне свободно переходили изъ одной черной волости въ другую по всей Московской Руси.

Порядокъ пользованія и распоряженія крестьянами тяглою землею. Ограниченія въ правѣ ея отчужденія.

Крестьяне садились на тяглыя земли по особымъ договорамъ, носившимъ наименованіе „порядныхъ записей“. Въ этихъ договорахъ, они обѣщали нести „со крестьяны вмѣстѣ“ черное тягло, за что получили особые податные участки (или „выти“) въ пользованіе. Вопросъ о происхожденіи тяглой общины „черныхъ людей“, или крестьянъ, весьма споренъ въ нашей литературѣ [1]). Одни ученые, какъ, напр., И. Д. Бѣляевъ считаютъ эту общину изстариннымъ учрежденіемъ, другіе, какъ, напр., Чичеринъ признаютъ ее учрежденіемъ, создавшимися въ исторіи поздно, а именно въ XVI вѣкѣ, притомъ подъ вліяніемъ мѣръ правительства. Неоспоримымъ, на нашъ взглядъ, является лишь тотъ фактъ, что, по крайней мѣрѣ съ XV вѣка вездѣ на Руси черныя земли, по бо́льшей части, суть земли общинныя; для сѣверныхъ-же волостей существованіе поземельныхъ общинъ можетъ быть констатировано уже съ XIV вѣка [2]). Однѣ части этихъ общинныхъ земель (лѣса, луга, выгоны, пустоши и воды) находятся въ общемъ непосред-

1) См. по этому вопросу В. И. Сергѣевича „Древности русскаго права“ (С.-П. 1903 г.) т. III, стр. 29 и слд.; его же брошюру „Время возникновенія крестьянской поземельной общины (С.-П., 1908 г.) и М. Ф.-Вл.-Буданова „Обзоръ и.р. права“, изд. V (въ отдѣлѣ исторіи русскаго „вещнаго права“). Обширное изслѣдованіе нашей общины, въ историко-сравнительномъ освѣщеніи, дается Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ въ его сочиненіи „Феодализмъ въ удѣльной Руси“ (С.-П., 1910 г.), книга I „Община“. Обзоръ литературныхъ мнѣній см. въ брошюрѣ Н. Мирославскаго „Поземельная община въ Росси“ (М., 1912 г.).

2) Авторъ обширнаго изслѣдованія о „Земскомъ самоуправленіи на Русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“ (М., 1909 г.). М. М. Богословскій приходитъ, впрочемъ, къ тому общему выводу, что „сѣверную деревню XVII в. нельзя назвать земельной общиной въ смыслѣ коллективнаго субъекта владѣнія, состоящаго изъ равноправныхъ членовъ. Владѣніе семейнаго союза или складничества — общее, а не общин-

ственномъ владѣніи и пользованіи цѣлой общины, другія-же (усадьбы и пашни) въ наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ-вытчиковъ[1]). Крестьяне, съ согласія общины (когда въ ея владѣніи земли было много), переходятъ съ одного участка на другой, или-же подчиняются общему ея передѣлу, согласно количеству наличныхъ душъ, качествамъ земли и пр. Община тяглыхъ крестьянъ, въ дѣлахъ о землѣ, являлась юридическимъ лицомъ, которое пріобрѣтало земли всѣми возможными способами (пожалованіемъ, куплею, мѣною, по завѣщаніямъ и пр.) и защищало свои владѣнія отъ чьихъ-либо посягательствъ на землю черезъ своихъ старостъ и др. выборныхъ лицъ. Поэтому въ тяжбахъ о земляхъ черныхъ общинъ, или сотенъ, мы читаемъ, что „тягался . . . староста (такой-то) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“ (вмѣсто всѣхъ крестьянъ) съ такимъ-то (приказчикомъ или монастыремъ и пр.).

Весьма спорнымъ въ литературѣ является вопросъ о томъ, были-ли крестьяне черныхъ волостей, или сотенъ, собственниками земли, на которой они сидѣли, или только ихъ владѣльцами? Терминологія юридическихъ актовъ, говорящихъ о черной тяглой землѣ и объ отношеніи къ ней крестьянъ, не даетъ вполнѣ твердой опоры для рѣшенія этого важнаго вопроса. Если въ такъ называемыхъ отступныхъ грамотахъ (или купчихъ договорахъ на тяглую землю) земля эта постоянно именуется государевою землею, причемъ указывается, что крестьянамъ принадлежитъ лишь право владѣнія ею, то, съ другой стороны, въ актахъ, касающихся споровъ о землѣ, тѣ-же земли крестьяне называютъ „своими“, „нашими“ и т. п. „Се язъ . . . отступился есми царевы (государевы) великаго князя

ное; каждый членъ союза владѣетъ и распоряжается своей долей на правахъ полной собственности. Земельная община съ періодическими передѣлами земли появляется въ Поморьѣ съ XVIII в. подъ вліяніемъ стремленій сельскаго пролетаріата и правительственныхъ мѣропріятій (межевыхъ инструкцій и распоряженій о передѣлахъ). Притомъ значеніе земельной общины пріобрѣтаетъ на Сѣверѣ волость, а не отдѣльная деревня“ (5 положеніе къ изслѣдованію).

1) Первое положеніе можно вывести изъ такихъ, напр., мѣстъ актовъ, въ которыхъ говорится; что „сѣкутъ лѣсъ (рубятъ) крестьяне, съѣзжаяся“, что „лѣсъ у села . . . вопче“; что „тотъ, господине, Митя (говорятъ крестьяне судьѣ, жалуясь на своего сосѣда „Митьку Ѳомина сына Нефедьева“) у насъ, у всей волости, поскотинныя земли (т. е. выгонъ) отнялъ и отгородилъ къ своей землѣ“ и мн. др.; второе — изъ такихъ, въ которыхъ видно, что садившимся въ черныя волости крестьянамъ давались отдѣльные участки („мнѣ тотъ лѣсъ дали волость — староста, со крестьяне и язъ, господине, избу поставилъ“, говоритъ, напр., одинъ поселенецъ о расщищенномъ подъ усадьбу участкѣ земли, который онъ получилъ отъ волости; „а далъ намъ, господине, селище Драчково . . . староста . . . и всѣ крестьяне“, говоритъ другой и т. д.).

земли, а моего владѣнья"; или „отступился (т. е. уступилъ такому-то лицу) государеву великаго князя землю, а мое владѣнье", или посилье[1]) — говорятъ акты, какъ-бы подтверждая первое положеніе. „Та, господине, земля — наша"; „а за Савкою, господине, земля наша была, за нашимъ крестьяниномъ въ выти"; „отнялъ (такой-то) у насъ, господине, ту нашу землю . . . сильно, а ужо тому семь лѣтъ, а та земля наша волостная, черная, тяглая" и т. д. — говорятъ крестьяне судьѣ при спорѣ о землѣ, какъ-бы подтверждая второе положеніе, при чемъ иногда и сами государи называютъ эту землю крестьянскою; говоримъ, „какъ-бы", такъ какъ наименованіе общиною данной земли „своею", „нашею" и т. д. еще не служитъ само по себѣ доказательствомъ, что община является собственникомъ земли, такъ какъ и владѣлецъ земли можетъ называть ее своею, въ качествѣ лица, пользующагося землею и т. д. Но, если терминологія актовъ не даетъ возможности отвѣтить вполнѣ положительно на вопросъ, кто былъ собственникомъ черной волостной земли, то отношеніе самой волостной общины къ этой земли было таково, что заставляетъ притти къ заключенію, что она нетолько пользовалась землею, но и распоряжалась ею, а именно мѣняла, продавала, вообще отчуждала, а равно и отыскивала землю по суду, въ случаѣ завладѣнія ею кѣмъ-либо постороннимъ, т. е. распоряжалась землею, какъ своею собственностью. Тѣже ограниченія въ правѣ отчужденія, какія ставило законодательство, не уничтожали вообще распоряженія землею со стороны общины, или ея отдѣльныхъ членовъ (съ согласія первой), но, лишь имѣли въ виду пресѣчь выходъ черной земли изъ тягла; пріобрѣтеніе черной земли кѣмъ-либо возможно было лишь въ случаѣ взятія на себя пріобрѣтателемъ обязанности нести тягло, лежащее на этой землѣ; стало быть, отчуждать землю можно было только лицамъ обязавшимся „тянутъ тягло"[2]). Ввиду обхода этого

1) „Посилье" — тяглый участокъ или „жеребій", находящійся во владѣніи даннаго лица; величина участка обусловливаетъ размѣръ тягла. Обычно, „посилье" уступаетъ одинъ крестьянинъ другому, когда онъ „изнемоглъ", т. е. когда ему „не по силѣ" нести тягло, а именно „государевы великаго князя дани давати, ни службу служити съ земскими людьми, или хлѣба посыпнаго сыпати въ государевы житницы, или пошлинъ платити".

2) Въ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича, данной въ 1614 г. Устюжнѣ Желѣзопольской, говорится, напр., что „кто учнетъ жити на черной землѣ, сынъ боярскій или приказный человѣкъ, или митрополичъ . . . или чей ни буди, и тѣ люди волостелю устюженскому и его тіуну судимы и тягло имъ съ тѣхъ дворовъ, оброки и всякіе разметы тянути повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ".

правила, было запрещено (по указу 1626 г.) продавать черныя земли бѣломѣсцамъ „безъ государя“, т. е. безъ особаго указа. Это запрещеніе имѣло цѣлію достичь того, чтобъ земля не выходила изъ тягла. Общее заключеніе, къ которому надо притти, будетъ то, что, хотя земля считалась государевою (государственною), или, какъ иногда говорятъ источники, „Божіею, да государевою“, а у крестьянъ, сидѣвшихъ на этой землѣ было лишь право владѣнія ею (откуда и выраженія актовъ, что „та земля царя и великаго князя, а нашего владѣнія“), отношенія крестьянъ къ землѣ не ограничивались однимъ владѣніемъ ею, но шли дальше и крестьяне распоряжались ею, какъ-бы своею собственностью. Происходило это отъ того, что правительство московское болѣе всего интересовалъ вопросъ о томъ, чтобъ земля не выходила изъ тягла, а не о томъ, въ какой мѣрѣ и какъ осуществляютъ крестьяне свои права на эту землю, тѣмъ болѣе, что оно всегда могло ограничить это право распоряженія, если находило его для себя неудобнымъ. Смотря на это право свободнаго роспоряженія черными волостями (а иногда и отдѣльными крестьянами) тяглою землею, мы бы должны были считать ихъ собственниками этой земли; въ дѣйствительности-же, по взглядамъ эпохи, они были только ея владѣльцами, но владѣльцами съ очень широкими правами, дѣлавшими ихъ фактически какъ-бы пастоящими собственниками.

Права самоуправленія черныхъ волостей. Понятіе о черномъ тяглѣ.

Внутри черныя волости пользовались правами самоуправленія. Котошихинъ, хотя кратко, но довольно ясно рисуетъ намъ картину этого самоуправленія, находящую себѣ, въ общемъ, подтвержденіе и въ другихъ извѣстіяхъ эпохи. Говоря о царскихъ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ, въ которыхъ „крестьянъ судятъ и расправу чинятъ . . . приказчики, по грамотахъ“, онъ добавляетъ: „а въ иныхъ царскихъ черныхъ волостяхъ, гдѣ приказчиковъ не бываетъ, учинены судейки, человѣкъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне; и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ. А доходы денежные и иные собираютъ они сами межъ себя, сколко съ кого доведется, смотря по ихъ промысламъ и животамъ (имуществу) и по землѣ, сколько подъ кѣмъ лежитъ земли и сѣется хлѣба и косится сѣнныхъ покосовъ“. Разсматривая это самоуправленіе черныхъ общинъ, — развившееся, а затѣмъ и сохранившееся въ XVI—XVII вѣкахъ больше всего на Сѣверѣ[1]),

1) Живую картину этого самоуправленія на Сѣверѣ находимъ въ указанномъ уже изслѣдованіи М. В. Богословскаго „Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в.“, гл. XII—XVII. Кратко

— надо сказать, что органами его были во 1-хъ выборные старосты и сотскіе, вѣдавшіе различныя дѣла „міра“ (т. е. дѣла общины) внутри ея и представлявшіе ее во внѣшнихъ сношеніяхъ, затѣмъ „судейки“, или выборные судьи, вѣдавшіе всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ. „Се язъ (такой-то) далъ есми на себя запись“ (порядную), — пишетъ, напр., одинъ новопоселенецъ конца XVI вѣка — „старостѣ и всѣмъ крестьянамъ, что язъ взялъ у нихъ 12-ую долю обжи пустого мѣста съ великаго дня Пасхи . . . (такого года) до великаго-же дня (такого-то года). А покину (землю) и жильца (на свое мѣсто) не посажу, и на мнѣ взять старостѣ въ мірѣ рубль“. Староста, напр., одной волости, спорящей съ Троицкимъ монастыремъ изъ-за земли, защищаетъ права волости, говоря судьѣ: „а тѣ,

---

излагая основныя изложенія, къ которымъ пришелъ названный авторъ, мы видимъ, что на Сѣверѣ Россіи, какъ впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ, самоуправляющійся общественный союзъ называется „міромъ“. Государство пользуется мірскою организаціею для осуществленія своихъ цѣлей, возлагая на нее обязанности по судебно-полицейскому и финансовому управленію. Только въ рѣдкихъ случаяхъ поморская деревня („малодворный поселокъ“) совпадаетъ съ міромъ. Обыкновенно значеніе „міра“ имѣла группа деревень: приходъ, волостка или волость. Въ свою очередь, группа волостей во главѣ съ посадомъ, а иногда и безъ посада тамъ, гдѣ его нѣтъ, смыкается во „всеуѣздный“ міръ. Распорядительнымъ органомъ волостного міра былъ волостной сходъ, составлявшійся изъ представителей деревень. Распорядительнымъ органомъ всеуѣзднаго міра былъ „всеуѣздный земскій совѣтъ“. Послѣдній состоитъ изъ представителей общественныхъ ограничій, распредѣляющихъ между собою падающее на уѣздъ тягло: церковныхъ учрежденій, поскольку они владѣютъ землею, обложенною тягломъ, посада и волостныхъ міровъ. Посадъ на всеуѣздномъ земскомъ совѣтѣ былъ представляемъ двоякимъ образомъ. Въ однихъ случаяхъ его представляли выборныя посадскія власти. Въ другихъ — посадъ былъ представляемъ болѣе непосредственно, участіемъ на всеуѣздномъ совѣтѣ посадскаго схода. Представительство волостей было также двояко: представителями волостей на совѣтахъ бывали, или выборныя волостныя власти, или особые спеціально для того избранные депутаты, „посыльщики“. Исполнительными органами волостныхъ сходовъ и всеуѣздныхъ совѣтовъ были избиравшіяся этими собраніями земскія власти. Выборный земскій исполнительный механизмъ былъ такъ же древенъ, какъ и сами земскіе міры. Занятіе земскими властями своихъ должностей слагалось изъ трехъ моментовъ: a) избранія, состоявшаго въ свою очередь изъ „излюба“, т. е. подысканія кандидата и затѣмъ составленія выборнаго списка, b) принесенія избраннымъ присяги и c) врученія ему „наказной памяти“ отъ правительства. Въ выборномъ спискѣ XVII в. много частно-правовыхъ остатковъ, сообщающихъ ему характеръ частной сдѣлки между избирателями и избранниками. Крестоцѣлованіе и вручение наказа сообщали избранному характеръ должностного лица, дѣйствующаго по уполномочію государства и согласно данной имъ носителю верховной власти присягѣ.“ (6—10 положенія къ изслѣдованію).

господине, наволоки тянутъ къ нашей землѣ ... къ тяглой къ черной изъ старины. А какъ, господине, у насъ отняли тѣ наволоки старцы Троицкіе, тому есть лѣтъ 20“ .... Если въ первомъ случаѣ, староста съ крестьянами припускаетъ къ землѣ поселенца и беретъ съ него „въ міръ“ деньги за неисполненіе условія, на которомъ онъ садился на землю, то во второмъ — онъ представляетъ свою волость на судѣ. Выборныя крестьянскія власти завѣдывали раскладкою податей и повинностей и слѣдили за выполненіемъ чернаго тягла, лежащаго на волости. Въ одномъ напр., спорномъ о землѣ дѣлѣ староста говоритъ о себѣ судьѣ: „былъ есмь (я), господине, староста, и я, господине, на ту землю на Носково металъ пометы и дань и проторы наводилъ“ т. е. раскладывалъ между отдѣльными членами данной черной волости ихъ тягло.

Обратимся, въ заключеніе вопроса о тяглыхъ волостныхъ крестьянахъ, къ уясненію того, что надо понимать подъ черным тяглом? Если подъ тягломъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, надо разумѣть всякую повинность, лежащую какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и на цѣлыхъ общественныхъ классахъ (какъ, напр., на служилыхъ людяхъ, на торговыхъ людяхъ и т. д.), то, въ частности, подъ „чернымъ тягломъ“ надо разумѣть ту сумму натуральныхъ повинностей, а затѣмъ и прямыхъ денежныхъ налоговъ, которые падали на данную черную волость, или общину крестьянъ, сидѣвшихъ на государевой, или государственной, землѣ. Изъ этихъ натуральныхъ повинностей надо назвать: во 1) кормъ, или доставленіе агентамъ правительства продуктовъ питанія натурою, лишь въ половинѣ XVI вѣка переложенный на деньги, или на денежный оброкъ; затѣмъ во 2) подводную повинность, т. е. дачу лошадей (первоначально — подъ верховыхъ), перешедшую съ XVII вѣка въ ямскую повинность, или въ повинность по устройству ямовъ (т. е. почтовыхъ станцій) и въ содержаніе почтъ; въ 3) городское дѣло, или повинность по устройству городовыхъ стѣнъ, приказныхъ избъ, тюремъ и пр., въ 4) мостовщину, или повинность по устройству гатей и мостовъ на дорогахъ; въ 5) ратное дѣло, или поставку, по требованію правительства, даточныхъ людей, вооруженныхъ тогдашнимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ — пищалями, а равно и другими предметами защиты, какія только могли найтись. Ратную службу несли какъ черные волостные, такъ и посадскіе люди. Всѣ эти, какъ и нѣкоторыя другія, составлявшія черное тягло, повинности, были первоначально натуральными повинностями, но затѣмъ перелагались на денежные сборы: такъ, напр., вносились ямскія деньги, затѣмъ деньги на „городовое дѣло“,

на мостовщину и др. Нѣкоторыя изъ этихъ повинностей, какъ напр., мостовщина были общими, какъ для бѣлыхъ, такъ и для черныхъ земель, такъ какъ „мостами“, по выраженію актовъ, „ѣздятъ всякіе люди“. Въ XVI—XVII вѣкахъ, съ ростомъ государственныхъ расходовъ, къ прежнимъ налогамъ и пошлинамъ, прибавились новые, какъ, напр., ямчужныя деньги (сборъ на пріобрѣтеніе ямчуга, или селитры, для пороха), пищальныя деньги, т. е. деньги на пріобрѣтеніе пищалей; полоняночныя деньги, т. е. деньги на выкупъ плѣнниковъ (или полоняниковъ, какъ они назывались), стрѣлецкій хлѣбъ, или хлѣбный сборъ (деньги на пріобрѣтеніе хлѣбныхъ запасовъ для стрѣльцовъ) и др. Когда въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Іоанна IV были, по челобитьямъ общинъ, введены, вмѣсто прежнихъ намѣстниковъ и волостелей, выборные цѣловальники и старосты, кормы, шедшіе на содержаніе намѣстниковъ и волостелей, были отмѣнены и жители стали платить оброчныя деньги (или оброкъ). Въ концѣ XVII вѣка, обиліе налоговъ и разнообразіе имъ приводитъ правительство, къ мысли объединить ихъ, а именно въ 1681 г. является указъ, которымъ всѣ прямые налоги свѣдены были во 1-хъ на такъ наз. „стрѣлецкія деньги“ и во 2-хъ на „деньги ямскія и полоняночныя“. Крестьяне всѣхъ наименованій (черные, дворцовые, владѣльческіе и др.) платили послѣдніе два налога, тогда какъ первый брался съ посадскихъ людей.

Кѣмъ и какъ сбирались эти налоги въ тяглыхъ общинахъ, какъ посадскихъ, такъ и волостныхъ? Общины эти раскладывали или „разметывали“ ихъ сами черезъ своихъ выборныхъ людей, причемъ разверстка дѣлалась „по животамъ“ и „промысламъ“ т. е. сообразно платежной способности каждаго члена общины. Правительство, обыкновенно, опредѣляло лишь общую сумму налога, падающую на данную общину и уже дѣло послѣдней было разверстать эту сумму между всѣми. Понятно поэтому, какъ важно было общинамъ (посадскимъ и волостнымъ) имѣть на своей землѣ большее число плательщиковъ, чѣмъ и объясняются жалобы посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ на уходъ съ ихъ земель людей, съ одной стороны, стремленіе удержать ихъ, съ другой, что и вынуждаетъ правительство на соотвѣтственныя мѣры.

2.

Крестьяне владѣльческіе.

Условія, на которыхъ садились

Переходимъ теперь къ крестьянамъ, сидѣвшимъ на частно-владѣльческихъ земляхъ. На эти земли, какъ и на черныя, крестьяне садились на

крестьяне на частно-владѣльческія земли; „порядныя записи“ и ихъ содержаніе; неустойка или „зарядъ“; сроки выхода крестьянъ; уплата „пожилого“, долговъ и пр.

основаніи особыхъ условій, заключаемыхъ съ землевладѣльцами и носившихъ наименованіе „порядныхъ“, или „рядныхъ“ („рядъ„ — условіе, договоръ) записей. Первоначально эти „ряды“, или „поряды“, заключались словесно, но съ XVI вѣка порядныя являются уже письменными условіями (древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ порядныхъ относится къ 1544 г.). Въ нихъ обыкновенно, обозначалось, кому принадлежилъ участокъ земли, на которомъ долженъ былъ жить крестьянинъ (жить въ „крестьянахъ за монастыремъ“, „за церковью“ (такими-то) и т. д.), указывалось, на какую землю — обработанную, необработанную или запущенную — садился крестьянинъ. Затѣмъ, по порядномъ, крестьяниномъ принималось на себя обязательство нести государственныя подати и повинности, а равно сборы и повинности въ пользу помѣщика, при чемъ выговаривались, въ извѣстныхъ случаяхъ, льготы отъ этихъ сборовъ и повинностей, опредѣлялись условія о такъ наз. „подмогѣ“, или ссудѣ, наконецъ, обезпечивались интересы землевладѣльца отъ нарушенія порядившимся крестьяниномъ его обязательства и т. д. Срокъ поселенія первоначально не опредѣлялся: позднѣйшія-же порядныя, а именно — XVII вѣка, по выводу новѣйшаго ихъ изслѣдователя проф. Дьяконова, „тѣмъ существенно отличаются отъ болѣе раннихъ, что содержатъ условіе жить безвыходно и вѣчно“.

Войдемъ въ разсмотрѣніе главныхъ условій порядныхъ записей, чтобъ выяснить положеніе крестьянъ, садившихся на частно-владѣльческія земли[1]).

Въ порядныхъ, обыкновенно, обозначалось количество земли, на которую садился крестьянинъ („се язъ . . . порядился въ деревню во крестьяне на четвертину обжи“, или „на обжу земли четвертью“ и т. д.). Величина земельнаго участка была различна, единицею измѣренія была такъ наз. „обжа“, или „выть„; почему въ порядныхъ и говорится, что крестьянинъ садился на $^1/_2$, $^1/_4$, $^1/_6$, и т. д. обжи, или на $^1/_2$ выти, $^1/_4$, $^1/_6$ и т. д. Обжа и выть, какъ земельная мѣра, не была величиною постоянною, а зависѣла отъ качества земли и измѣнялась

1) Для ознакомленія съ порядными XVI вѣка имѣется нынѣ „Сводный текстъ крестьянскихъ порядныхъ XVI вѣка“ (С.-П. 1910 г.), составленный слушательницами С.-П. Высшихъ Женскихъ курсовъ, подъ редакціею М. А. Дьяконова; въ этомъ „текстѣ“ разсмотрѣно 47 порядныхъ. Крестьянскія порядныя XVII вѣка помѣщены въ „Актахъ, относящихся къ исторіи тяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ“, изданныхъ М. А. Дьяконовымъ (Ю., 1895 г.).

съ теченіемъ времени: въ 1566 г., напр., обжа равнялась 12 четвертямъ, въ 1581 г. — 10 четвертямъ, т. е. пяти десятинамъ доброй земли. „Вытью“ назывался податной участокъ, на который садился крестьянинъ, но, кромѣ того, это была земельная мѣра: въ концѣ XVI вѣка въ выти полагалось 6 десятинъ земли доброй, 7 — средней, 8 — худой, но были и выти меньшаго размѣра (5—$3^1/_2$ десятины „земли доброй“ и т. д.). Отъ количества земли, на которую садился крестьянинъ (а онъ, обычно, садился на извѣстную часть обжи или выти), зависѣлъ и размѣръ тягла, на него падавшаго. Такъ какъ въ Московскій періодъ господствовала трехпольная система хозяйства, то общимъ правиломъ было, что каждому крестьянину отводилось тройное количество земли противъ обозначаемаго, чѣмъ и объясняется обычная формула писцовыхъ книгъ о количествѣ земли, находящейся во владѣніи даннаго лица: „три (или 5 и т. д.) чети въ полѣ, а въ дву потому-жъ“, т. е. у владѣющаго 3, 5 и т. д. четями (четвертями) въ полѣ было столько-же и въ каждомъ изъ 2-хъ остальныхъ полей. Поэтому, кто садился на цѣлую обжу, то получалъ (если считать обжу въ 10 четвертей или 5 десятинъ) пять десятинъ въ полѣ, а всего въ трехъ поляхъ 15 десятинъ.

Если крестьянинъ садился на обработавшуюся ранѣе землю, на которой были постройки, то онъ долженъ былъ ихъ держать въ порядкѣ и пристраивать къ нимъ, глядя по надобности, новыя („а во дворѣ хоромъ: изба новая, да два сѣнника, да полъбани, да полъ-овина, а живучи мнѣ, Ивану, тѣ хоромы не огноити и вновь ставити“, говорится, напр., въ порядной отъ 1585 г.). Если, наоборотъ, на землѣ не было построекъ и земля была еще не распахана, то построить нужныя зданія и распахать землю было дѣломъ „порядившагося во крестьяне“ лица („жити намъ“, говорится въ одной порядной отъ 1621 г., „мнѣ, Степану, съ сыномъ . . . въ деревнѣ на Высокомъ и дворъ поставити крестьянскій, какъ ведется, да клѣть, да мшанникъ, и участокъ распахати, и поля разгородити, и пожни расчистити . . .“). Обыкновенно, поселеніе на такихъ участкахъ —, требовавшихъ отъ крестьянина предварительной затраты труда, прежде чѣмъ онъ могъ воспользоваться плодами рукъ своихъ —, имѣло своимъ послѣдствіемъ различнаго рода льготы по несенію повинностей и налоговъ, а иногда и полное освобожденіе отъ нихъ на извѣстное число лѣтъ, съ дачею „подмоги“ деньгами, хлѣбомъ или скотомъ. Въ одной порядной 1621 г. сказано, напр., что „для двороваго поставленья и новыя селидьбы . . . пожаловалъ намъ (собственникъ вотчины) льготы на 4 года съ нынѣшняго со (7) 129 г. да впредь на 4 года, апрѣля съ 16 числа, и въ тѣ урочные лѣта мнѣ, Степану съ сыномъ, въ

митрополичью казну (вотчина принадлежала Новгородскому митрополиту Макарію) и съ хлѣба никакого снопа не давати, и дѣла никакого не дѣлати; а какъ минуется, пройдутъ тѣ урочные 4 года, и намъ съ того своего участка изо всякаго хлѣба давати снопъ, чѣмъ насъ преосвященный Макарій митрополитъ пожалуетъ, благословитъ дѣло намъ дѣлати, потомужъ и тягло всякое платити съ волощаны съ сусѣдами вмѣстѣ, что доведется съ нашего участка, по своему жеребью.“ Условія льготы, а равно и размѣры „подмоги“, были различны, но безъ льготы невозможно было, обыкновенно, завлечь крестьянина на неразработанный участокъ.

Крестьянинъ, садившійся на извѣстный участокъ земли, несъ съ него опредѣленные налоги и повинности, какъ въ пользу владѣльца земли, такъ и въ пользу государства; „жити намъ за Кирилловымъ монастыремъ“, — пишутъ, напр., крестьяне, порядившіеся на $^1/_2$ обжи въ вотчину монастыря въ Каргопольскомъ уѣздѣ, — „а государевъ царскій оброкъ денежный давати по старому, по книгамъ; а въ Кирилловъ монастырь давати съ обжи по три бочки рыбы живопросольныя“ . . . Уплачиваемая владѣльцамъ за немъ земли плата носила названіе оброка, или празги, и бралась, обычно, натурою (хлѣбомъ, рыбою и пр.), хотя иногда и переводилась на деньги. Обыкновенно, въ извѣстной мѣстности существовалъ привычный размѣръ оброка, падавшаго на данный участокъ земли. Кромѣ оброка натурою или деньгами, а иногда и въ замѣну его, крестьяне исполняли на владѣльцевъ земли различныя издѣльныя, или барщинныя, повинности. Въ упоминавшейся уже нами грамотѣ митрополита Кипріана отъ 1391 г. Константиновскому монастырю, крестьяне „церковь наряжали, дворъ тынили, хоромы ставили, пашню пахали на монастырь изгономъ, убирали хлѣбъ и сѣно (на монастырскихъ пашняхъ и сѣнокосахъ), прудили пруды, сады оплетали, на неводъ ходили, хлѣбы пекли, пиво варили, ленъ пряли“ . . . конечно, въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ эти повинности, а равно и оброки, назначались игуменомъ. Правительство не вмѣшивалось въ это дѣло; притомъ-же какъ оброкъ, такъ и „издѣлье“ (повинности), обыкновенно, въ порядныхъ обозначались (съ конца XVI вѣка) общими выраженіями, въ родѣ „всякій оброкъ хлѣбной платити сполна, и издѣліе намъ монастырское дѣлати, какъ и прочіе крестьяне“, „по книгамъ“ и т. п. Вообще говоря, оброки и повинности въ пользу владѣльцевъ земли были весьма разнообразны и тяжелы для крестьянъ. Но, кромѣ того, крестьяне, садясь на частно-владѣльческую землю не освобождались отъ государственныхъ податей (по порядным крестьяне обѣщали, „живучи намъ на той деревнѣ, тягло государьское всякое тянуть съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наста-

вимъ“, какъ гласитъ одна порядная 1576 г.). Хотя большая часть государственнаго тягла лежала на тяглыхъ земляхъ, но и владѣльческіе крестьяне не были вполнѣ освобождены отъ него.

Садясь на частно-владѣльческую землю, крестьяне обезпечивали исполненіе взятыхъ на себя обязательствъ уплатою неустойки (или „заряда“) и поручительствомъ другихъ крестьянъ за нихъ: „а не придемъ мы на тое деревню на тотъ срокъ“ (т. е. на срокъ, съ коего начинается, по условію, аренда земли) — гласитъ одна, напр., порядная отъ 1585 г. — „и не поставимъ хоромъ въ (70) 93 году и не станемъ пашни пахати и навозити, и на насъ взяти . . . за убытки и за волокиту 10 рублевъ московскую и подможныя деньги“ („подмогу“). Что касается поручительства, то оно могло быть, какъ со стороны отдѣльныхъ крестьянъ данной вотчины, такъ и со стороны цѣлыхъ селъ, какъ гласитъ, напр., уставная грамота патріарха Іова 1590 г., данная Новинскому монастырю: „а который крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши, — и тотъ дворъ ставитъ тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селахъ, своими деньгами, потому чтобъ берегли другъ друга, чтобъ дворъ не огноенъ былъ“. Неустойки эти брались обычно въ размѣрѣ 5—10 рублей, а эта сумма по тому времени была очень значительна.

Какъ въ вѣчевой періодъ, такъ и въ XIV и XV вѣкахъ крестьяне de jure пользовались правомъ свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому; но, однако, подъ условіемъ соблюденія во 1-хъ извѣстнаго срока выхода, во 2-хъ уплаты такъ называемаго пожилого, а въ 3-хъ лежащихъ на уходящемъ крестьянинѣ долговъ и „государевой подати“. Что касается прежде всего условія о срокѣ, то первоначально, какъ видно изъ многихъ данныхъ, переходы крестьянъ совершались въ разные сроки, а именно на „Рождество“, „на великъ день“ (т. е. на Пасху), „на Николинъ день вешній“ и др., но излюбленнымъ, впрочемъ, срокомъ народнымъ былъ „Юрьевъ день осенній“ (т. е. 26 ноября). Этотъ срокъ, какъ наиболѣе принятый въ народномъ быту, былъ узаконенъ и по I-му Судебнику въ такомъ видѣ, что переходъ дозволялся за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю спустя этотъ день (ст. 57); тоже требованіе о срокѣ повторено и въ Царскомъ Судебникѣ (ст. 88). Надо при этомъ замѣтить, что это ограниченіе перехода крестьянъ означеннымъ общимъ срокомъ не было новостью уже почти за 50 лѣтъ до I-го Судебника, такъ какъ впервые встрѣчается въ грамотѣ Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, данной въ 1450 г. Это ограниченіе „христіанскаго отказа“ (т. е. заявленія крестьяниномъ о своемъ уходѣ или о вывозѣ его къ другому владѣльцу) однимъ лишь срокомъ въ году не

было вообще отрицаніемъ права крестьянина на уходъ отъ владѣльца, но лишь имѣло въ виду соблюсти интересы послѣдняго: крестьянинъ могъ уйти лишь въ удобное для землевладѣльца время, а именно по окончаніи осеннихъ работъ, но не тогда, когда хотѣлъ самъ. Кромѣ опредѣленнаго срока, „отказъ“ былъ обусловленъ уплатою такъ наз. „пожилого“. „Пожилое“ есть плата за пользованіе дворомъ, т. е. всѣми строеніями, находящимися въ данной усадьбѣ за заборомъ съ воротами („а пожилое писать съ воротъ“, ст. 88 II Суд.). „Отказываясь“ жить у прежняго владѣльца, крестьянинъ еще по первому Судебнику (ст. 57) уплачивалъ ему за „дворы пожилые“ — „въ полѣхъ“, т. е. въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ, 1 рубль; „въ лѣсѣхъ“ [1]) — полтину за дворъ, въ томъ случаѣ, если прожилъ „за кѣмъ“ въ этомъ дворѣ 4 года; если жилъ 3 года, уплачивалъ за $^3/_4$ двора, 2 года — за $^1/_2$ двора. Повидимому, постройки крестьянъ не были особенно прочны, если четырехлѣтнее пользованіе ими, по опредѣленію закона, равнялось приведенію ихъ въ полную негодность. Замѣтимъ при этомъ, что рубль, по вычисленію проф. Ключевскаго, въ 1500 году (т. е. почти ко времени созданія I Судебника) стоилъ не менѣе 100 нынѣшнихъ рублей, понизившись съ 1501 по 1550 гг. до 63—73 нынѣшнихъ рублей (но за то и плата за „пожилое“ по второму Судебнику была нѣсколько увеличена, а именно — на 2 алтына). Уплатить такую значительную сумму крестьянину было, конечно, весьма трудно, но, обычно, онъ ее самъ и не уплачивалъ, а уплачивалъ за него тотъ владѣлецъ, къ которому крестьянинъ переходилъ: въ источникахъ изучаемой эпохи есть указанія, что землевладѣльцы посылали своихъ приказчиковъ для „отказа“ крестьянъ (или „отказчиковъ“, какъ они назывались), которые и уплачивали за вывозимыхъ, какъ пожилое, такъ и другіе крестьянскіе долги. Но самому крестьянину „отказаться“ отъ прежняго владѣльца и перейти къ другому было, конечно, нелегко, какъ ввиду указанной высокой таксаціи за пользованіе „дворомъ“ этого владѣльца, такъ и ввиду того, что владѣльцы невсегда ограничивались узаконенною платою за „пожилое“. Уходъ-же не въ срокъ и безъ платежа „пожилаго“ обращалъ крестьянина въ „выбѣжавшаго“; какъ говорятъ источники, т. е. въ бѣглаго. Но и „отказываясь“ отъ даннаго владѣльца въ узаконенный срокъ и уплачивая, тѣмъ или инымъ путемъ, „пожилое“, крестьянинъ еще не раздѣлывался черезъ это вполнѣ съ прежнимъ владѣльцемъ и съ государствомъ. Мы уже имѣли случай кратко указать выше, что крестьяне, садясь на землю

---

1) Второй Судебникъ объясняетъ это выраженіе „въ лѣсахъ“, говоря, что „въ лѣсѣхъ, гдѣ 10 верстъ до хоромного лѣсу“. . . (ст. 88).

получали такъ наз. „подмогу“ или „подможныя деньги“. Кромѣ этой „подмоги“, порядныя записи говорятъ о „ссудѣ“. Вопросъ о значеніи этихъ двухъ выраженій представляется спорнымъ: если, по мнѣнію однихъ ученыхъ, напр., проф. В.-Буданова, Дьяконова и др, „подмога“, или „ссуда“ только различные термины для обозначенія одного и того-же понятія[1]), то, по мнѣнію другихъ, напр., проф. Сергѣевича, Дебольскаго, это — два различныхъ понятія. По мнѣнію проф. Сергѣевича, „подмога выдается впередъ. Это есть способъ привлеченія крестьянъ“. Отъ нея „надо отличать крестьянскіе займы. Заемъ (по другимъ памятникамъ — ссуда) есть процентный долгъ, который погашается уплатою полученнаго въ займы капитала“ и пр. (Юрид. древ., т. I, стр. 216). Кажется, однако, установить разницу между „подмогою“ и „ссудою“ трудно, такъ какъ и „ссуда“ есть ничто иное, какъ помощь (подмога) деньгами, хлѣбомъ, или скотомъ, даваемая крестьянину владѣльцемъ земли, обычно — при вступленіи его на данный участокъ. Важнымъ обстоятельствомъ было здѣсь то, что, какъ ни смотрѣть на „подмогу“ и „ссуду“, т. е. различать эти 2 понятія или нѣтъ, крестьянинъ при выходѣ своемъ съ земли долженъ былъ возвратить владѣльцу земли занятое „серебро“, какъ называлась эта подмога, или ссуда, деньгами. Пока это „серебро“ не было возвращено „серебренникомъ“ (т. е. крестьянином, его получившимъ) землевладѣльцу или — что было чаще — пока за него это „серебро“ не внесъ тотъ, кто его „вывозилъ“ за себя, или на свою землю, крестьянинъ не могъ оставить свой участокъ. Этимъ и объясняется постановленіе, напр., грамоты 1450 г. Бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича, въ которой запрещается намѣстникамъ, боярамъ, боярскимъ людямъ и посельскимъ старостамъ „отказывать серебреника“ другому владѣльцу безъ уплаты долга, или „серебра“, на немъ лежавшаго: „и вы-бъ серебрениковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей (Кирилло-

1) По выводу проф. Дьяконова, формулированному въ 5-мъ положеніи къ его „Очеркамъ изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ, „между подмогой и ссудой порядныхъ XVII вѣка нельзя провести никакого различія ни по способу выдачи, ни по условію о погашеніи ихъ. Та и другая выдаются въ пособіе земледѣльцу для пріобрѣтенія самаго необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ инвентаря, безъ котораго нельзя было приняться за хозяйство даже на готовомъ участкѣ. Выдача крестьянамъ ссуды была настолько распространеннымъ явленіемъ, что крестьянскія порядныя записи со второй половины XVII в. стали называться ссудными записями“. Издательницы „Своднаго текста крестьянскихъ порядныхъ XVI вѣка“, при раздѣленіи порядныхъ на §§-фы, подмогу и суду соединили въ одинъ §, такъ какъ оказалось, что текстъ порядныхъ „не даетъ достаточныхъ основаній для проведенія различія между подмогою и ссудою“ (предисловіе, стр. VII).

Бѣлозерскаго монастыря) не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебреника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ". Подобно „пожилому", и это „серебро" уплачивалось, обычно, за крестьянина, который уходилъ отъ прежняго землевладѣльца, новымъ владѣльцемъ крестьянина его къ себѣ „вывозившемъ". Такіе вывозы были очень часты; но, впрочемъ, были случаи тайнаго „вывоза" крестьянъ безъ уплаты всего того, что требовалось по закону, какъ нерѣдко бывало также, что крестьяне уходили безъ „отказа" и не въ урочное время, т. е. убѣгали. Крестьянъ, уходившихъ отъ помѣщика послѣ разсчета съ нимъ, во всякомъ случаѣ было меньшинство. По мнѣнію М. А. Дьяконова, „недостаточно было заявить объ отказѣ, нужно было, чтобъ онъ былъ принятъ землевладѣльцемъ. Только при соблюденіи этого послѣдняго условія, уходъ (вывозъ) крестьянина считается вполнѣ правильнымъ и не могъ возбудить никакихъ споровъ о томъ, не нарушены-ли правила перехода и не является-ли вышедшій (вывезенный) крестьянинъ бѣглымъ"[1].

Вопросъ о прикрѣпленіи крестьянъ; указъ 24 ноября 1597 г. и его толкованія.

Разсмотрѣвъ какъ условія, на которыхъ садились крестьяне на частно-владѣльческія земли, такъ и условія ихъ „отказа" и перехода съ однѣхъ земель на другія, переходимъ къ весьма спорному и во многихъ пунктахъ мало-выясненному вопросу, а именно къ вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ. Не входя во всѣ подробности вопроса, коснемся главнѣйшаго. Можно различить два основныхъ взгляда на вопросъ. По одному взгляду, высказанному еще въ XVIII вѣкѣ (В. Н. Татищевымъ), крестьяне были прикрѣплены къ землѣ по указу царя Ѳеодора Іоанновича отъ 1592 г. По другому, — который впервые былъ формулированъ уже въ 1858 г. М. П. Погодинымъ (въ его статьѣ „Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права") — „никакого общаго безусловнаго указа о прикрѣпленіи крестьянъ Борисъ не давалъ", „основателя крѣпостного права" у насъ не было, „винить въ его развитіи" можно лишь „обстоятельства"; наконецъ, указъ 1597 г., въ которомъ упоминается объ указѣ 1592 г. (или 1593 г.), есть „установленіе пятилѣтней давности по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ". Съ тѣхъ поръ, въ разныхъ комбинаціяхъ и варіаціяхъ, эти два взгляда борются въ литературѣ за преобладаніе, но единомыслія доселѣ не устанавливается[2].

---

1) „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси" (С.-П., 1912 г.), стр. 353.

2) Сводъ указаній на литературу о прикрѣпленіи см. у Н. Н. Дебольскаго „Гражданская дѣеспособность по рус. праву" (С.-П., 1903 г.), стр. 140 и сл.; ср. также мнѣнія проф. Вл.-Буданова „Обзоръ" изд. IV, стр. 302 сл. и М. А. Дьяконова ibid., стр. 349 и сл.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію указанныхъ взглядовъ, необходимо обратить вниманіе на самые указы, состоявшіеся въ концѣ XVI и въ XVII вѣкахъ и изъ нихъ остановиться сначала на указѣ 1597 г., въ которомъ содержится, какъ думаютъ, упоминаніе объ указѣ 1592 г., который до сихъ поръ не найденъ. По указу 24 ноября 1597 года [1]) повелѣвалось „давать судъ“ на бѣглыхъ („выбѣжавшихъ“) крестьянъ — если они бѣжали за пять лѣтъ до указа 1597 г. — и затѣмъ „по суду и сыску“ возвращать ихъ обратно на прежнія мѣста съ ихъ семьями и имуществомъ. Буде-же крестьяне „выбѣжали“ отъ помѣщиковъ, вотчинниковъ и пр. за 6—10 „и больше“ лѣтъ до указа 1597 г., а эти помѣщики и вотчинники ихъ, въ теченіи означеннаго времени, не отыскивали, они уже лишались впредь права на вчинаніе на судѣ иска о возвращеніи къ нимъ крестьянъ, а крестьяне обратно къ прежнимъ владѣльцамъ уже не „вывозились“ („суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити“ говоритъ указъ 1597 г. объ этихъ крестьянахъ). „Въ 1592 или 93 году послѣдовало укрѣпленіе (крестьянъ)“ говоритъ Чичеринъ, „самый указъ до насъ не дошелъ, но содержаніе его ясно изъ указа 24 ноября 1598 г.“ Тоже мнѣніе раздѣляетъ, напр., Костомаровъ, говоря, что „въ 1592 г. должно было послѣдовать относительно крестьянъ важное распоряженіе, сдѣлавшееся виною указа 1597 г. и вслѣдъ за нимъ прочихъ указовъ, ему подобныхъ“. Вотъ два наиболѣе ясно и опредѣленно высказанныхъ мнѣнія объ указѣ 1597 г. (1598 г.), какъ объ указѣ, которому пять лѣтъ назадъ предшествовалъ другой указъ, запретившій переходъ крестьянъ отъ одного

1) Приведемъ этотъ указъ, ввиду его важности, цѣликомъ: „лѣта 7106 (1598), ноября въ 24 день, ц. и в. кн. Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и бояре приговорили:

Которые крестьяне, изъ-за бояръ и изъ-за дворянъ и изъ-за приказныхъ людей и изъ-за дѣтей боярскихъ и изъ-за всякихъ людей, изъ помѣстій и изъ вотчинъ, и изъ патріарховыхъ и изъ митрополичьихъ и изъ владычнихъ и изъ монастырьскихъ вотчинъ выбѣжали до нынѣшняго (7)106 (1598) году за пять лѣтъ и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгъ, и на тѣхъ помѣщиковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, тѣмъ помѣщикомъ, изъ за кого они выбѣжали, и патріаршьимъ и митрополичьимъ и владычнимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырскихъ селъ прикащиковъ и служкомъ судъ давати и сыскивати накрѣпко всякими сысками и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ, съ женами и дѣтьми и со всѣми животы, возити назадъ, гдѣ кто-жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго (7) 106 году, лѣтъ за 6 и за 7 и за десять и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъза кого они выбѣжали и патріаршьи и митрополичьи и владычни дѣти боярскіе и монастырскихъ вотчинъ приказчики и служки,

владѣльца къ другому и объявлявшій ихъ бѣглыми. Какъ уже указывалось, Погодинъ высказалъ мнѣніе, противоположное предъидущему и это мнѣніе принимается многими доселѣ: по утвержденію, напр., проф. В.-Буданова „къ концу XVI в., при общемъ фактическомъ прикрѣпленіи, не было надобности издавать законъ о прикрѣпленіи, перехода не было; былъ лишь вывозъ крестьянъ. Предстояло не отнимать свободу у крестьянъ, а ограничивать произволъ землевладѣльцевъ. Накопилась масса исковъ о возвращеніи крестьянъ, которые уже именуются „бѣглыми“. При этомъ, по автору — „не отыскивая мнимоутраченнаго общаго закона о прикрѣпленіи раньше 1597 г. (т. е. въ 1592 г.), видимъ, что самый указъ 1597 г. означаетъ, что отношенія между крестьянами и землевладѣльцами государство беретъ подъ свою регламентацію и обращаетъ его къ своимъ цѣлямъ. Самое назначеніе давности исковъ отстраняетъ отъ крестьянъ состояніе холопства, ибо для исковъ о холопахъ никогда не полагалось никакой давности“ (Обворъ, стр. 148 и прим.).

Разберемъ эти 2 взгляда съ точки зрѣнія самаго указа 1597 (1598) г. Прежде всего, говорится-ли въ немъ о какомъ-то другомъ указѣ, якобы изданномъ за 5 лѣтъ до разбираемаго указа? Несомнѣнно, указъ 1597 г. о такомъ указѣ не говоритъ, а лишь устанавливаетъ, что можно возвращать бѣжавшихъ отъ владѣльцевъ крестьянъ только въ томъ случаѣ, когда искъ о нихъ былъ возбужденъ въ теченіи пяти лѣтъ, считая отъ 24 ноября 1597 (1598) г.; если-бы искъ былъ возбужденъ о крестьянахъ, бѣжавшихъ отъ ихъ владѣльцевъ раньше (т. е. за 6, 7 и больше лѣтъ до указа 1597 года), онъ не долженъ былъ приниматься въ судѣ къ разсмотрѣнію и крестьяне не должны были возвращаться къ прежнему владѣльцу. Иначе говоря, указъ 1597 г. устанавливаетъ, на нашъ взглядъ, дѣй-

---

на тѣхъ своихъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ, и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, изъ-за нихъ выбѣжавъ, живутъ, до нынѣшняго 106 году, лѣтъ за 6 и 7 и за 10 и больше, государю ц. и в. кн. Ѳедору Ивановичу всея Руси не бивали челомъ: и государь ц. и в. князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Русіи указалъ и по государеву цареву и в. князя Ѳедора Ивановича всея Русіи указу бояре приговорили: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ и на тѣхъ помѣщиковъ и на вотчинниковъ, за кѣмъ они, выбѣжавъ, живутъ, суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не вывозити“ (Акты Историч., т. I, № 221). Замѣтимъ кстати, что указъ 24 ноября 1598 г. называется, обыкновенно, въ литературѣ вопроса указомъ 1597 г., примѣняясь къ современному нашему лѣтоисчисленію, по которому годъ начинается съ 1 января; по тогдашнему-же лѣтописчисленію годъ начинался съ 1 сентября и указъ 24 ноября 7106 г. уже былъ указомъ 1598 г.

ствительно, только срокъ такъ называемой „исковой давности“, во избѣжаніе всякаго рода пререканій о крестьянахъ, давно вышедшихъ изъ даннаго помѣстья или вотчины. Затѣмъ, спрашивается, является-ли этотъ срокъ какимъ-либо нововведеніемъ, сразу и радикально измѣнившимъ, по закону, взаимныя отношенія крестьянъ къ помѣщику, или вотчиннику, на земляхъ коихъ они сидѣли? Мы уже видѣли выше, какъ трудно было крестьянину самому выйти изъ владѣній одного помѣщика, или быть „вывезену“, къ другому, ввиду тѣхъ обязательствъ, какія онъ долженъ былъ выполнить до этого перехода. Крестьянская „задолженность“, какъ выражаются нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей, давно уже служила препятствіемъ для крестьянъ къ осуществленію ими права свободнаго перехода на практикѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ намъ кажется, можно провести аналогію между крестьянами, долго сохранявшими de jure право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, съ одной стороны, и боярами и вольными слугами, съ другой, долго также имѣвшими право на свободный отъѣздъ изъ Москвы, но лишь съ большимъ трудомъ его осуществлявшими на дѣлѣ, хотя это право еще признавалось за ними. Первоначально, отъѣздъ „бояръ и вольныхъ слугъ“ также неограниченъ, какъ переходъ крестьянъ, что ясно видно изъ общей формулы грамотъ: „и бояромъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ христіаномъ межъ насъ вольнымъ воля“. Затѣмъ начинаютъ являться ограниченія того и другого, чѣмъ и подготовляется постепенно закрѣпленіе какъ бояръ, такъ и крестьянъ (послѣднихъ — задолго до указа 1597 г.). Ученые, предполагающіе, что этому указу предшествовалъ указъ 1592 г. о прикрѣпленіи крестьянъ, между прочимъ, въ доказательство своей мысли приводитъ то соображеніе, что крестьяне стали считаться „бѣглыми“ (со всѣми невыгодными для нихъ отъ этого послѣдствіями) лишь со времени этого предполагаемаго указа 1592 г., но бѣглыми крестьяне назывались уже и раньше, разъ они уходили отъ землевладѣльцевъ, не выполнивъ всѣхъ тѣхъ обязательствъ, какія на нихъ лежали. Указъ 1597 г. не хочетъ лишь входить въ разбирательство дѣлъ о неисполненіи этихъ обязательствъ крестьянами, разъ уходъ ихъ состоялся за 6 лѣтъ и болѣе до 1597 г. и не хочетъ, ввиду трудности разбора предъявляемыхъ землевладѣльцами исковъ, съ одной стороны, и неудобствъ, сопряженныхъ, какъ для новыхъ владѣльцевъ крестьянъ, такъ и для самыхъ крестьянъ, съ выводомъ ихъ обратно на прежнія мѣста, съ другой, но онъ не устанавливаетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, крѣпостнаго права и не производитъ никакой крупной реформы. Затрудненіе фактически крестьянскаго выхода — дѣло, по крайней мѣрѣ, всего предшествовавшаго столѣтія (XVI), а окончательное его запрещаніе — дѣло слѣдую-

щаго (XVII), къ краткому очерку законодательныхъ опредѣленій котораго мы теперь и обратимся.

Указомъ 1597 г. устанавливался общій пятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ, такъ называемые, въ актахъ изучаемаго времени, „урочные“, „срочные“ или „указные годы“. Установленіе этихъ „урочныхъ лѣтъ“ вовсе не было первоначально мѣрою желательною для землевладѣльцевъ (особенно — для землевладѣльцевъ мелкихъ), такъ какъ крестьянинъ, успѣвшій скрываться отъ своего прежняго владѣльца въ теченіи этихъ 5-ти лѣтъ, не подлежалъ затѣмъ возвращенію. Перезывъ-же крестьянъ изъ вотчины въ вотчину вообще былъ болѣе доступенъ богатымъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, чѣмъ мелкимъ, такъ какъ первые и легче могли „льготить“ крестьянъ, и имѣли больше возможности скрывать ихъ въ своихъ дальныхъ имѣніяхъ. Послѣдующее законодательство до времени С. Уложенія, входя въ интересы мелкихъ собственниковъ, постоянно увеличивало с р о к ъ сыска крестьянъ прежними владѣльцами, повышая его съ 5-лѣтняго до десяти и пятнадцатилѣтняго, какъ это видно изъ указа 1642 г., въ которомъ былъ установленъ пятнадцатилѣтній срокъ, взамѣнъ прежняго десятилѣтняго; окончательная же отмѣна „урочныхъ“ или „срочныхъ лѣтъ“ есть дѣло С. Уложенія, которое и можетъ считаться памятникомъ, установившимъ ю р и д и ч е с к и у насъ о к о н ч а тельное прикрѣпленіе крестьянъ, такъ какъ только послѣ того, какъ крестьянинъ вѣчно долженъ былъ сидѣть на землѣ даннаго владѣльца (а въ случаѣ ухода, могъ всегда быть возвращенъ къ нему обратно), его зависимость изъ временной и условной превратились въ п о с т о я н н у ю, что не замедлило оказать вообще у х у д ш а ю щ е е дѣйствіе на положеніе крестьянина (объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ отмѣну „срочныхъ или урочныхъ лѣтъ“ по С. Уложенію, было уже говорено, когда мы касались вопроса о составленіи названнаго памятника нашего права). Впрочемъ, колебанія въ указной практикѣ, весьма обычныя въ Москвѣ, приводили къ тому, что отмѣна у р о ч н ы х ъ л ѣ т ъ, узаконенная С. Уложеніемъ, соблюдалась не всегда безусловно[1]), но важное значеніе этой отмѣны на ухудшеніе положенія крестьянъ отрицать нельзя.

Вообще надо, въ заключеніе, замѣтить, что прикрѣпленіе крестьянъ подготовлялось съиздавна сложною совокупностью многихъ факторовъ, какъ э к о н о м и ч е с к а г о, такъ и ю р и д и ч е с к а г о

1) Такъ, проф. М. А. Дьяконовъ доказываетъ, что урочные годы „вновь возродились послѣ Уложенія, въ силу спеціально изданныхъ указовъ, но въ формѣ гораздо болѣе невыгодной для землевладѣльцевъ („Очерки общ. и госуд. строя“ и пр., стр. 339 и сл.).

характера; приписывать его дѣйствію одного какаго-либо указа совершенно-невозможно. Фактъ прикрѣпленія крестьянъ не является при томъ чѣмъ-либо особеннымъ и имѣвшимъ мѣсто лишь по отношенію къ одному этому общественному классу; прикрѣплены на службу государству въ Московскій періодъ нашей исторіи были всѣ классы; разница состояла лишь въ томъ, какое тягло несъ одинъ классъ и какое — другой.

Личныя и имущественныя права крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Переходимъ къ очерку личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, сидѣвшихъ на частно-владѣльческихъ земляхъ.

Обязанности крестьянъ по отношенію къ помѣщикамъ опредѣлялись въ такъ называемыхъ „послушныхъ“ или „ввозныхъ“ грамотахъ. Владѣлецъ земли, при вводѣ во владѣніе землею, получалъ такъ наз. „послушную“ или „ввозную грамоту“, въ которой предписывалось крестьянамъ, сидѣвшимъ на землѣ, слушаться новаго владѣльца. Отношенія къ владѣльцу обозначались, обычно, такъ: „и вы-бы всѣ крестьяне, которые въ томъ селѣ и въ тѣхъ деревняхъ живутъ, (такого-то) слушали, пашню на него пахали, и оброкъ ему помѣщиковъ, хлѣбный и денежный, платили“, „чѣмъ онъ васъ изоброчить“, или „по старинѣ“, какъ нерѣдко говорилось. Какъ видно изъ приведенныхъ выраженій грамотъ, отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ обозначались лишь въ общихъ формулахъ, оставлявшихъ много простора для помѣщика регулировать эти отношенія по своей волѣ; „старина“, или обычай, конечно, являлись сдерживающимъ элементовъ въ слишкомъ произвольномъ измѣненіи оброковъ и барщины, но, во 1-хъ обычай былъ довольно различенъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, а во 2-хъ легко могъ нарушаться людьми сильными. Кромѣ того, естественнымъ послѣдствіемъ того положенія, что крестьянинъ, — послѣ законодательной отмѣны „урочныхъ лѣтъ“ —, долженъ былъ вѣчно сидѣть на землѣ одного и того-же помѣщика, явилось ухудшеніе его личныхъ и имущественныхъ правъ, что вызывалось легкою возможностью для помѣщика злоупотреблять своею, ничѣмъ неперерываемою отнынѣ, властью надъ крестьяниномъ. С. Уложеніе, а затѣмъ и послѣдующее законодательство, довольно рѣдко брало на себя тяжелую обязанность опредѣленія объема власти помѣщика надъ крестьяниномъ, какъ-бы предоставляя рѣшеніе этого мудренаго вопроса времени, смягченію нравовъ, личнымъ качествамъ помѣщика и т. д. Вообще-же говоря, власть помѣщика надъ крестьяниномъ слагалась постепенно, фактически, вызывая общее законодательное воздѣйствіе только въ случаяхъ, когда необходимо было уже поневолѣ опредѣлить границы, дальше которыхъ не могла простираться власть одного

человѣка надъ другимъ. Крѣпостное право достигло своего полнаго развитія лишь въ XVIII вѣкѣ, въ изучаемомъ же періодѣ многое является еще въ моментѣ сложенія, почему объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ трудно составить вполнѣ опредѣленное представленіе. Собирая воедино важнѣйшія свѣдѣнія по вопросу, надо сказать, что личныя и имущественныя права крестьянъ мало были вообще защищены по закону. Уже изучаемый періодъ исторіи нашей знаетъ 2 рода крестьянъ — оброчныхъ и барщинныхъ, но законъ не останавливается ни на опредѣленіи maximum'a оброка или барщины крестьянина, ни на указаніи, какія именно натуральныя повинности долженъ нести крестьянинъ на помѣщика. „Послушныя грамоты“, какъ уже указывалось, говорили очень неопредѣленно объ обязанности крестьянъ „пашню помѣщика пахать и доходъ вотчинниковъ ему платить . . . по старинѣ . . . чѣмъ помѣщикъ изоброчитъ“, а Котошихинъ, касаясь отношеній помѣщиковъ и вотчинниковъ къ крестьянамъ, утверждаетъ, что помѣщики и вотчинники налагаютъ „свои подати на крестьянъ сами, сколько съ кого взяти“, при чемъ единственнымъ и очень неопредѣленнымъ условіемъ, о которомъ писалось въ жалованныхъ грамотахъ на землю, было требованіе, чтобъ „подати съ крестьянъ взимались по силѣ, съ кого что можно взяти, а не черезъ силу“. Котошихинъ увѣряетъ, впрочемъ, что у помѣщиковъ, разорявшихъ своихъ крестьянъ, могло быть отнято государемъ помѣстье, или жалованная вотчина, а купленное ими имѣніе передавалось родственникамъ; но, если это и дѣлалось, то, вѣроятно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ XVII вѣкѣ блюли строго лишь за однимъ, а именно, чтобъ „въ воскресный день отнюдь не дѣлать (дѣла) ни господину, ни госпожѣ, ни рабамъ, ни свободнымъ“ и это единственное ограниченіе въ работѣ, предъявляемое ко всѣмъ, касалось и работы крестьянъ; подтвердительное требованіе указовъ — о непринужденіи крестьянъ работать по воскресеньямъ на господъ и на себя — служитъ, однако, указаніемъ, что это ограниченіе на практикѣ не всегда выполнялось. По словамъ Герберштейна, у крестьянъ 7-ой день недѣли только и оставался для работы на себя, такъ какъ остальные 6 дней проходили на барщинѣ.

Но, если такъ неопредѣленно стоялъ вопросъ о размѣрѣ оброковъ и повинностей, падавшихъ на крестьянъ владѣльческихъ, то не больше опредѣленности было и въ другомъ важномъ вопросѣ, а именно въ вопросѣ о правѣ помѣщиковъ переводить крестьянъ съ пашни въ дворовую службу и такимъ образомъ превращать ихъ въ безземельныхъ людей, распоряжаясь ихъ „пашенными жеребьями“ по своей волѣ. Законъ не касался этого, а практика къ концу изучаемаго періода, — съ тѣхъ

поръ въ особенности, когда крестьянинъ (по отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ) не могъ уйти отъ помѣщика, — была весьма неблагопріятна для крестьянина. Не опредѣлялось, наконецъ, по закону и отношеніе помѣщика къ крестьянскимъ „животамъ“, т. е. къ имуществу крестьянъ; практика-же нерѣдко была склонна разсматривать эти „животы“, какъ достояніе помѣщика.

Обращаясь къ вопросу о личныхъ правахъ крестьянина, сидѣвшаго на частно-владѣльческой землѣ, надо сказать, что крестьяне первоначально могли вступать лично во всякаго рода, письменныя и устныя, сдѣлки (покупать, продавать, занимать деньги, наниматься на работу, и т. д.), искать и отвѣчать на судѣ, вступать въ браки и т. п. Но, къ концу изучаемаго періода и въ этой области личныхъ правъ крестьянъ начинаютъ являться ограниченія, частію по закону, частію по обычаю. Мы уже указывали, напр., что С. Уложеніе запрещаетъ частно-владѣльческимъ крестьянамъ владѣть на посадахъ дворами и лавками, а слѣдовательно, и совершать сдѣлки на это имущество. По Уложенію, крестьяне не могутъ также наниматься на работу и дѣлать долги, безъ согласія на то помѣщика; крестьяне уже не ищутъ и не отвѣчаютъ по суду во всѣхъ дѣлахъ (кромѣ „разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ“), „потому, что за крестьянъ своихъ ищутъ и отвѣчаютъ дворяне и дѣти боярскіе“. Хотя церковь запрещала помѣщикамъ приневоливать къ бракамъ своихъ крестьянъ, но практика знала другое. С. Уложеніе и въ этомъ вопросѣ ухудшило положеніе крестьянъ, Именно въ С. Уложеніи есть постановленіе, изъ коего видно, [1]) что принадлежащая извѣстному помѣщику крестьянка могла выйти за крестьянина другого помѣщика, только получивъ отъ своего помѣщика, — послѣ уплаты ему „вывода“, или „выводныхъ денегъ“, — такъ наз. „отпускную“. Этотъ „выводъ“ (т. е. иначе говоря — цѣна, платимая помѣщику за потерю имъ, въ лицѣ уходившей, извѣстной рабочей силы), опредѣлялся каждый разъ „по договору“, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Дѣвушка выходившая замужъ безъ отпускной и вывода, считалась бѣглою, и Уложеніе постановляетъ — „ее тому, изъ-за кого (т. е. отъ кого) она сбѣжитъ, отдати и съ мужемъ ея и съ дѣтьми, которыхъ она съ тѣмъ мужемъ прижи-

1) „а будетъ который помѣщикъ или вотчинникъ изъ помѣстья своего или изъ вотчины . . . крестьянскихъ дочерей, дѣвокъ или вдовъ, научнутъ отпускати итти за мужъ за чьихъ людей или за крестьянъ, и имъ тѣмъ . . . дѣвкамъ и вдовамъ давати отпускныя за своими, или за своихъ отцовъ духовныхъ руками, впредь для спору (т. е. на случай спора о томъ, не бѣглыя ли эти крестьянки и дѣйствительно ли ихъ отпустилъ помѣщикъ для брака). А вывод(ъ (или т. н. „выводныя деньги“) имати за тѣ крестьянскія дочери по договору“ (XI, ст. 19).

ветъ“ . . . Спрашивается, какое значеніе имѣетъ это постановленіе Уложенія объ отпускной и выводѣ? Могъ-ли, напримѣръ, помѣщикъ не дать такой отпускной дѣвушкѣ? Хотя Уложеніе прямо и не говоритъ, что помѣщикъ могъ не дать этой отпускной, но такой случай можно предположить, конечно, на практикѣ, тѣмъ болѣе, что законъ умалчивалъ совершенно о какомъ-либо, хотя бы нравственномъ, понужденіи помѣщика не мѣшать такому браку, предоставляя все дѣло на его добрую волю. Жизнь, однако, надо думать, допускала слишкомъ много произвола въ данномъ вопросѣ, почему въ XVIII вѣкѣ уже Петровское правительство, какъ увидимъ потомъ, находитъ нужнымъ, хотя нѣсколько, вмѣшаться въ это дѣло.

На ухудшеніе личнаго положенія владѣльческаго крестьянина вліяетъ право помѣщика на наказаніе крестьянъ. Право это восходитъ еще къ XVI вѣку и вытекаетъ изъ общаго положенія „послушныхъ грамотъ“, предписывавшихъ крестьянамъ слушаться владѣльцевъ помѣстій; отсюда легко было помѣщикамъ сдѣлать выводъ, что непослушаніе ихъ волѣ могло повлечь за собою наказаніе ослушника, хотя самъ законъ долго вовсе не касался вопроса о правѣ наказанія помѣщикомъ крестьянина. Лишь тогда, когда наказаніе переходило границу дозволеннаго, по обычаямъ и нравамъ, а именно кончалось смертію крестьянина, оно подвергалось всякій разъ особому обсужденію, причемъ „буде сыщется допряма и за то смертное убійство что государь укажетъ“. Затѣмъ Уложеніе требуетъ отъ господина, къ которому вернули бѣглаго крестьянина, чтобъ онъ „его не убилъ, не изувѣчилъ и голодомъ не морилъ“, а пойманнаго въ разбоѣ крестьянина не убивалъ-бы самовольно, но отдавалъ-бы его губнымъ властямъ; иначе у него (въ послѣднемъ случаѣ) отнималось помѣстье. Изъ сопоставленія статей С. Уложенія по данному вопросу, надо вывести, что законъ вступался въ вопросъ о наказаніи помѣщикомъ крестьянина лишь тогда, когда оно кончалось убійствомъ, при чемъ законодатель, не давая общей нормы, разсматривалъ каждый случай отдѣльно и, сообразно обстоятельствамъ дѣла, налагалъ то или иное наказаніе на помѣщика. (Постановленія С. Уложенія о крестьянахъ, замѣтимъ кстати, имѣютъ важность еще и потому, что частію они дѣйствуютъ и въ XVIII вѣкѣ). Впрочемъ, Котошихинъ, неимѣющій привычки смягчать мрачныя краски суровой дѣйствительности своего времени, рисуетъ, на нашъ взглядъ, дѣло гораздо лучше, чѣмъ это можно вывести изъ С. Уложенія. Такъ онъ говоритъ, что если „отданный (господину) слуга учнетъ бит и челомъ на господина своего, что онъ надъ нимъ дѣлаетъ надругательства и бьетъ безъ вины, или надъ женою его и надъ дѣтьми учинитъ какое злое дѣло: и, по сыску, у

такого господина того человѣка возьмутъ назадъ безденежно . . . А буде увѣчный отъ того надругательства умретъ и того господина самого казнятъ смертію, а женѣ того умершаго и дѣтямъ возьмутъ, господина изъ животовъ, на прожитокъ и такимъ-же обычаемъ, межъ всякихъ господъ и подданныхъ ихъ, дворовыхъ людей и крестьянъ, указъ во всемъ противъ того-жъ и ни въ чемъ не разнится". Жизнь, съ ея безчисленными злоупотребленіями и насиліями надъ слабыми, заставляла правительство, при умолчаніи закона, вступаться за крестьянъ. Котошихинъ, говоря о томъ случаѣ, когда убійство крестьянина помѣщикомъ могло пройти безнаказанно, за отсутствіемъ жалобы на это злодѣяніе, весьма картинно добавляетъ: „а не будетъ на него (помѣщика) челобитчиковъ и такимъ дѣломъ за мертвыхъ людей бываетъ истецъ самъ царь". Такихъ случаевъ, когда „истцемъ за крестьянина" только и былъ самъ царь, можно указать въ исторіи много, при томъ и не по отношенію къ одному только вопросу объ убійствѣ крестьянъ. . .

Какъ это понятно само собою, главнымъ способомъ обезпеченія личности владѣльческаго крестьянина могло-бы служить его право жалобы на помѣщика. Повидимому, до XVII вѣка это право жалобы примѣнялось широко на практикѣ, но С. Уложеніе, однако, очень сокращаетъ случаи, когда такая жалоба считается допустимой по закону. Именно, жалоба допускалась, когда дѣло шло „о государевомъ здоровьѣ", объ измѣнѣ помѣщика, „когда кто у себя въ дому учнетъ дѣлать беззаконіе съ рабою", но и только.

§ 4.

Несвободное населеніе [1]).

Вліяніе церкви на улучшеніе положенія холоповъ въ Московскомъ государствѣ.

Несвободное состояніе людей, извѣстное удѣльно-вѣчевому періоду нашей исторіи подъ наименованіемъ холопства, продолжаетъ существовать и въ Московскомъ государствѣ, подвергаясь, однако, значительнымъ измѣненіемъ, какъ по законодательству, такъ и по обычаямъ.

1) Важнѣйшая литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: Б. Н. Чичеринъ „Холопы и крестьяне въ Россіи до XVI вѣка („Опыты по исторіи р. права", М. 1858); В. О. Ключевскій „Подушная подать и отмѣна холопства" (Русская Мысль, 1886 г., кн. V, VII, IX и X); его-же „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи" (ibid., 1885 г., кн. V. III и X); В. И. Сергѣевичъ „Русск. юрид. древности", т. I, С.-П., 1902 г.); М. А. Дьяконовъ „Холопство" (Энциклопедическій словарь Брокгауза, I изд., т. 74).

Во 1-хъ работа христіанской церкви надъ смягченіемъ тяжелаго, какъ юридически, такъ и фактически, положенія рабовъ, которая началась еще въ вѣчевой періодъ, продолжается энергично и въ Московское время. Во 2-хъ, наряду съ полнымъ, или вѣчнымъ, холопствомъ является еще холопство неполное, или кабальное, менѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, суровое, чѣмъ холопство обельное. Въ 3-хъ происходятъ измѣненія въ способахъ установленія полнаго холопства и, наконецъ, въ 4-хъ нѣкоторыя перемѣны въ экономическомъ положеніи холоповъ подготовляютъ постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Коснемся каждаго изъ указанныхъ пунктовъ особо.

Продолжая прежнюю проповѣдь, церковь требуетъ милостиваго отношенія къ рабамъ, какъ „къ братьямъ своимъ“, которыхъ надо „и питати и одѣвати довольно и душами ихъ пещися и наказывати ихъ на благая дѣлеса (дѣла)“, такъ какъ всѣ люди — „созданіе Господнѣ, вси плоть едина и вси миромъ единѣмъ помазани“, какъ училъ извѣстный Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоколамскаго монастыря къ концѣ XV вѣка, Въ XVI вѣкѣ извѣстный Сильвестръ требовалъ въ „Домостроѣ“, чтобъ „государи и государыни (т. е. хозяева и хозяйки) людей своихъ — мужей и женъ, и робятъ и всякихъ слугъ — жаловали и кормили и поили и опѣвали и въ теплѣ-бы (они) жили и въ благоденствѣ всегда“. Уча о снабженія рабовъ „пищею и одеждою и иными всякими нужными потребами“, требуя отъ господъ непрепятствованія бракамъ холоповъ, а равно и ихъ поступленію, при желаніи, въ монастыри въ монашество, настаивая, наконецъ, на необходимости отпущенія рабовъ на волю (какъ при своей жизни, такъ и особенно послѣ смерти „на упокой души“, „по душѣ“) и т. п., церковь достигла нетолько смягченія положенія рабовъ въ жизни, но и провела рядъ законодательныхъ мѣръ въ защиту рабовъ. Такъ, напр., въ началѣ XVI вѣка (въ 1603 г.) явился указъ, который требовалъ отъ господъ прокормленіе рабовъ въ голодные годы, когда бывало въ обычаѣ „ссылать“ холоповъ со двора и приказывать имъ „кормиться собою“, т. е. добывая самимъ себѣ пропитаніе; господа, неисполнявшіе этого указа, лишались своихъ рабовъ и на нихъ повелѣно было „давати отпускныя (грамоты) въ Приказѣ Холопьяго Суда“. Въ С. Уложеніи этотъ указъ нашелъ себѣ нетолько подтвержденіе, но и распространеніе: господа, если не хотѣли лишиться своихъ рабовъ, должны были кормить ихъ, а не предоставлять имъ самимъ отыскивать себѣ пропитаніе. Затѣмъ еще по указу 1607 г., „которые люди держатъ рабу до 18 лѣтъ, а вдову послѣ мужа болѣе 2 лѣтъ, а парня холостого за 20 лѣтъ, а не женятъ и воли имъ (на бракъ) не даютъ“, то, при

жалобѣ на это со стороны холоповъ, имъ дается отпускная а, иски о возвращеніи такихъ холоповъ обратно не принимаются: „не держи неженатыхъ надъ законъ Божій и правила св. отецъ, да не умножится блудъ и скверное дѣяніе въ людяхъ“. С. Уложеніе также покровительствуетъ бракамъ холоповъ, непозволяя разлучать мужа отъ жены („по правилу св. апостолъ и св. отецъ жены съ мужемъ разводить не велѣно: гдѣ мужъ, тутъ и жена; кому жена, тому и мужъ“, говоритъ 62 ст. XX глава Уложенія). Затѣмъ можно указать цѣлый рядъ постановленій о рабахъ, созданныхъ подъ вліяніемъ церкви и то приводившихъ къ свободѣ ихъ, то облегчавшихъ ихъ участь. Изъ мѣръ, приводившихъ къ свободѣ рабовъ, укажемъ, напр., на постановленіе С. Уложенія, по которому холопъ, принявшій христіанство, дѣлался свободнымъ въ случаѣ, если его господинъ оставался некрещеннымъ, или, на постановленія, освобождавшія рабовъ въ случаѣ ихъ бѣгства изъ плѣна (сначала — татарскаго, по ст. 56 перваго Судебника, а затѣмъ — и всякаго, по ст. 80 2-го Судебника и по Уложенію). Изъ мѣръ, касающихся бѣжавшихъ холоповъ, заслуживаетъ упоминанія требованіе С. Уложенія, чтобъ господинъ, которому возвращался бѣглый холопъ, „того своего бѣглаго человѣка до смерти не убилъ и не изувѣчилъ и голодомъ не морилъ“ (XX, ст. 92); или требованіе, чтобъ челобитная рабы о прижитіи съ ней господиномъ въ блудѣ дѣтей разсматривались святительскимъ судомъ по церковнымъ правиламъ (ibid., ст. 80) и др. Но, однако, самая наличность вышеуказанныхъ требованій закона показываетъ, что жизнь знала случаи, какъ жестокаго обращенія господъ съ рабами, такъ и насилія надъ рабынями и пр., тѣмъ болѣе, что тѣ и другія невсегда могли защищаться и многое не доходило до суда. И, если мы знаемъ, что нѣкоторые господа (какъ, напр., тотъ-же авторъ „Домостроя“ Сильвестръ) „работныхъ своихъ (людей) всѣхъ свободихъ и надѣлихъ, и иные окупихъ изъ работы и на свободу попущахъ“, а другіе (какъ напр., современникъ Сильвестра извѣстный Башкинъ) отпускали своихъ рабовъ на волю и держали только людей вольныхъ, то еще болѣе было, конечно, людей, плохо слушавшихъ какъ внушеній церкви, такъ и законовъ, заботящихся о холопахъ. Лишь „передъ смертію“, говоря словами Чичерина, „человѣкъ приходилъ въ себя и тогда сильнѣе слышался ему нравственный голосъ, осуждавшій его стремленія“; оттого-то въ такъ наз. „духовныхъ грамотахъ“ встрѣчается много распоряженій объ отпускѣ холоповъ на волю, о надѣленіи ихъ „пожитками“ и пр. Не преувеличивая практическаго вліянія всѣхъ этихъ нравственныхъ требованій на вопросъ объ улучшеніи положенія холоповъ, нельзя, однако, не замѣтить, что въ Московскій періодъ эти

требованія дѣлаются болѣе настойчивыми и болѣе осуществляются въ жизни, частію, можетъ быть, потому, что само рабовладѣніе играетъ теперь меньшую экономическую роль, чѣмъ прежде.

Холопы кабальные и докладные.

Какъ уже указывалось, на Москвѣ, на ряду съ полными (или прежними „обельными“) холопами являются еще холопы неполные или кабальные. Нѣкоторые наши ученые, напр., проф. Ключевскій, находятъ, что, если „обельное холопство Р. Правды соотвѣтствовало полному холопству Судебниковъ“, то „точно также кабальные холопы XV и XVI вѣковъ были тѣже закупы Русской Правды, полусвободные люди, вступавшіе во временную условную зависимость, но при этомъ нетерявшіе правъ личности и неперестававшіе быть членами русскаго общества“; другіе, какъ, напр. Сергѣевичъ видятъ въ „кабальныхъ холопахъ“ новый видъ холопства. Несомнѣнно, конечно, что „кабальные“ — новый видъ холопства и что юридически они не тоже, что закупы, которые были людьми свободными; свобода послѣднихъ, однако, какъ людей безземельныхъ и мало-обезпеченныхъ экономически, всегда висѣла на волоскѣ. Превращался-ли, теряя эту свободу, закупъ въ кабальнаго холопа или нѣтъ — это вопросъ весьма спорный и прежде, чѣмъ отвѣтить на него, необходимо разсмотрѣть происхожденіе кабальнаго холопства.[1])

Въ такъ называемыхъ переписныхъ книгахъ XVII вѣка постоянно встрѣчаются указанія, что во дворѣ (такого помѣщика или вотчинника) „живетъ задворный человѣкъ“, или „живутъ задворные люди“ (такіе-то), а „служитъ“ или „служатъ“ они „ему“ (помѣщику или вотчиннику) „по кабалѣ“ или „по кабаламъ“. „Задворные люди“ были холопы даннаго помѣщика, жившіе за его усадьбою; если эти холопы были полными или старинными, то тѣже книги называютъ ихъ задворными людьми старинными, или „служащими по старинѣ“, отличая ихъ отъ холоповъ, служащихъ „по кабалѣ“. Кабальные люди, или холопы, это — люди,давшіе на себя кабалу. Но что такое кабала? Арабское слово кабала, перешедшее къ намъ отъ татаръ, имѣло у послѣднихъ значеніе „заемной расписки“. Эти расписки являются у насъ въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка. Беря въ заемъ деньги, должникъ, либо выплачивалъ за это проценты („ростъ“), либо, не имѣя возможности платить этихъ процентовъ (какъ въ древности, такъ и на Москвѣ, весьма большихъ), поступалъ на службу къ кредитору и личнымъ трудомъ своимъ оплачивалъ проценты по займу.

---

1) Объ означенныхъ разрядахъ холоповъ см. подробно у Н. П. Павлова-Сильванскаго „Люди кабальные и докладные“ (Сочиненія, т. I, изд. 2, С.-П., 1909 г.) срав. „Записную книгу крѣпостнымъ актамъ XVI—XVII вв.“, изд. подъ редакціею А. А. Лаппо-Данилевскаго (С.-П., 1898 г.).

„А которые люди вольные учнутъ бити челомъ княземъ и бояремъ и дѣтямъ боярскимъ и всякимъ людемъ“, гласитъ 78 статья Ц. Суднбника, „а станутъ на себя давати кабалы за ростъ служити: и болѣе 15 рублевъ на серебряника кабалы не давати“. Эти „заемныя расписки“, обезпеченныя личною службою даннаго человѣка, носили названіе „служилыхъ кабалъ“, и отличались отъ „ростовыхъ кабалъ“, т. е. расписокъ, дававшихся объ уплатѣ долга и процентовъ, безъ обезпеченія уплаты послѣднихъ личною службою должника. Кабалы служилыя писались такъ: „се язъ (такой-то) занялъ (столько-то) рублей . . . а за ростъ мнѣ служити (у такого) во дворѣ“. Такъ какъ по служилой кабалѣ требовалось лишь уплата занятаго капитала, ввиду того, что проценты отработывались натурою (т. е. личнымъ трудомъ должника), то казалось-бы, что такая кабала не должна-бы была вести къ установленію холопства: достаточно лишь было-бы уплатить долгъ, чтобъ покончить со всякимъ обязательственнымъ отношеніемъ къ кредитору. Но уплатить долгъ лицу, работающему за проценты, въ громадномъ большинствѣ случаевъ не было никакой возможности. Неуплатившій-же долга превращался въ кабальнаго холопа. Бывали, впрочемъ, случаи, что кредиторы прощали въ своихъ завѣщаніяхъ, или „духовныхъ грамотахъ, долги этихъ „кабальныхъ людей“ и тѣмъ, конечно, возвращали имъ свободу, но это прощеніе долговъ лучше всего показываетъ, какъ трудно было выйти самому должнику изъ той зависимости, въ какую онъ попадалъ, занимая деньги и служа за проценты.

Разница между кабальнымъ и полнымъ холопомъ первоначально состояла въ томъ, что первый выходилъ изъ зависимости, разъ онъ уплачивалъ свой долгъ, второй-же оставался рабомъ по свою смерть. Важное измѣненіе (de jure по крайней мѣрѣ) произошло по указамъ 1586 и 1597 г., а именно съ этого времени кабальное холопство превращается изъ временнаго (до уплаты долга) въ пожизненное, въ томъ смыслѣ, что оно длится по жизнь кредитора и прекращается лишь съ его смертію, при чемъ кабальный не могъ уже уплатить своего долга, еслибъ и хотѣлъ, такъ какъ кредитору было запрещено взятіе съ него этого долга. Указъ 1 іюня 1586 г., устанавливающій означенное правило, не сохранился до нашего времени, но о его содержаніи можно судить по указу 25 апрѣля 1597 г. Оба указа устанавливаютъ, какъ означенное правило, такъ и новый порядокъ для писанія на себя „служилыхъ кабалъ“. Эти кабалы надо было писать въ Москвѣ съ доклада Приказа Холопьяго суда, а въ городахъ — „съ вѣдома“ приказныхъ людей; эти кабалы затѣмъ записываются въ „кабальныя книги“. Эти „докладные холопы“ были съ 1586 г. „крѣпкими“ своимъ господамъ до

ихъ смерти. Сами холопы, получавшіе эти „докладныя кабалы“, начали называться „докладными холопами“ и образовали собою особый видъ холопства (третій), отличающійся, впрочемъ, отъ кабальнаго“ только по способу своего установленія (черезъ „докладъ“), а не по способу возникновенія, который былъ одинаковъ для того и другого вида холопства; источниками нашего права во всякомъ случаѣ различаются три вида холоповъ: холопы полные, кабальные и докладные. Затѣмъ, какъ сказано, указы эти обращаютъ кабальныхъ людей въ пожизненныхъ холоповъ ихъ кредиторовъ, какъ это видно ясно изъ указа 25 апрѣля 1597 г.[1]) Общій смыслъ названнаго указа тотъ, что имъ установливалось, что кабальный человѣкъ и его семья должны были находиться въ холопствѣ до смерти „государя“ (т. е. господина, у котораго они служатъ). Повидимому, указъ этотъ (какъ и указъ 1586 г.) ухудшалъ положеніе холопа; съ правовой точки зрѣнія это такъ и было, конечно, такъ какъ теперь кабальные люди не могли уйти отъ своихъ кредиторовъ, даже если-бы хотѣли уплатить свой долгъ. Въ дѣйствительности-же, однако, такая уплата была крайней рѣдкостью, почему кабальные люди являлись холопами нетолько своихъ кредиторовъ, но и ихъ потомковъ. Указъ 1597 г., запрещая (женамъ — послѣ мужей и дѣтямъ — послѣ отцевъ) взыскивать долги на кабальныхъ людяхъ и погашая ихъ со смертію кредитора-отца, превращалъ кабальныхъ, обязанныхъ фактически служить до своей смерти, въ людей свободныхъ со дня кончины кредитора и при томъ

---

1) Указъ этотъ, установивъ, что „служилыя кабалы“ пишутся въ Москвѣ „съ докладу Холопьяго суда“ (т. е. Приказа Холопьяго суда), а въ городахъ — „съ вѣдома (т. е. тоже „съ докладу“), „приказныхъ людей“, добавляетъ, „что тѣмъ всѣмъ людямъ и женамъ и дѣтямъ, которыя жены и дѣти въ тѣхъ служилыхъ кабалахъ писаны въ службу государемъ своимъ, — по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ (т. е. докладнымъ), быти въ холопствѣ, какъ и по докладнымъ (кабаламъ), а отъ государей своихъ (т. е. господъ) имъ не отходити и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей (господамъ) не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ, а выдавать ихъ тѣмъ государемъ, по тѣмъ кабаламъ, въ службу до смерти (господъ). А котораго кабальнаго человѣка кабала, старая или новая (т. е. докладная), по новому уложенью записана въ книги, а въ томъ кабальномъ холопствѣ у него родится сынъ или дочь, и тѣ ихъ дѣти своимъ государемъ (господамъ) въ холопи, противъ докладныхъ людей, и по государевѣ-жъ смерти, какъ и отцы (освобождаются отъ кабалы); а женамъ послѣ мужей своихъ, и дѣтямъ послѣ отцовъ своихъ, до тѣхъ кабальныхъ записныхъ людей, и до ихъ дѣтей, которыя дѣти въ кабалахъ будутъ писаны и которыя дѣти въ томъ кабальномъ холопствѣ родятся, дѣла нѣтъ, и денегъ по тѣмъ кабаламъ на тѣхъ кабальныхъ холопахъ женамъ и дѣтямъ не указывати“ *A. A.*

распространялъ это освобожденіе на дѣтей и женъ ихъ, т. е., иначе говоря, улучшалъ положеніе тѣхъ и другихъ, хотя и улучшалъ уже послѣ смерти кредитора. При жизни-же его, необходимость для должника быть всегда крѣпкимъ своему господину сближала фактически холопа кабальнаго съ холопомъ полнымъ. Ввиду этого, вѣроятно, и установлена была новая форма служилой кабалы, съ „доклада“ или „съ вѣдома“ указанныхъ органовъ, такъ какъ иначе могли быть большія злоупотребленія при установленіи этого вида холопства. По закону „кабальныхъ“ холоповъ нельзя было „ни продавать, ни закладывать, ни въ приданое отдавать“, но на практикѣ, однако, все это случалось нерѣдко. Въ концѣ XVII вѣка (съ 1680 г.) служилыя кабалы, давались на себя вольными людьми и безъ всякаго займа, почему въ нихъ уже ничего не говорилось о занятыхъ деньгахъ, а лишь о службѣ и жительствѣ у господина по его „животѣ“ [1]). Интересно также отмѣтить, что кредиторы пытались обойти выше указанные Законы о пожизненности кабальныхъ людей и заставляли ихъ описать кабалы нетолько на себя, но и на своихъ наслѣдниковъ, но это запрещалось, и по С. Уложенію требовалось, чтобъ кабальный холопъ былъ прежде отпущенъ на волю, а затѣмъ, какъ вольный человѣкъ, могъ уже дать на себя „новую кабалу“ [2]).

Полные холопы и измѣненіе въ способахъ установленія полнаго холопства.

Наряду съ указанными двумя видами холопства, продолжаетъ существовать старый видъ холоповъ обельныхъ или одерноватыхъ, получающихъ, впрочемъ, на Москвѣ другія наименованія, а именно холоповъ „полныхъ“, „людей полныхъ“, „людей“, или холоповъ „купленныхъ, грамотныхъ, духовныхъ, приданыхъ“ и др. Различія въ наименованіяхъ этихъ „людей“, или холоповъ, относятся впрочемъ, не къ существу ихъ положенія, — оно у всѣхъ нихъ одинаково, — но къ актамъ, по которымъ они укрѣпляются

---

1) Болѣе подробно о кабальномъ холопствѣ см. въ изслѣдованіи В. А. Удинцева „Исторія займа“ (Кіевъ, 1908 г.), стр. 168 и сл.; о формахъ служилыхъ кабалъ до и послѣ 1680 г., когда были установлены служилыя кабалы безъ займа, см. статьи М. А. Дьяконова „Къ вопросу о крестьянской порядной записи и служилой кабалѣ“ (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М., 1909 г., т. I, стр. 317 и сл.) и А. С. Лаппо-Данилевскаго „Служилыя кабалы позднѣйшаго типа“ (ibid., т. II, стр. 719 и сл.).

2) „А у которыхъ людей на холопей будутъ служилыя кабалы и тѣ люди тѣхъ своихъ холопей, хотя укрѣпити у дѣтей своихъ въ холопствѣ, пришлютъ въ Приказъ Холопьяго Суда на тѣхъ-же холопей имати новыхъ кабалъ на имя дѣтей своихъ, а отпускныхъ тѣхъ холопямъ своимъ не дадутъ, и на тѣхъ людей, безъ отпускныхъ, кабалъ дѣтямъ ихъ не давати“ (глава XX, ст. 9; срав. такъ-же ст. 47, 56 и др.).

въ своемъ рабскомъ состояніи, а именно — по „полнымъ“, „купчимъ“, „приданымъ“, „духовнымъ“ грамотамъ (откуда также и названіе ихъ „людьми грамотными“, т. е. пріобрѣтенными „по грамотѣ“). Всѣ эти грамоты были „полными“, т. е. укрѣпляли холопа за господиномъ навсегда („въ полницу“, какъ въ нихъ говорилось), но онѣ носили также и названіе грамотъ „купчихъ“, „приданыхъ“, „духовныхъ“, смотря по тому, пріобрѣтался-ли холопъ куплею, дачею въ приданое, или по завѣщанію. Если всѣ указанныя наименованія имѣли цѣлію обозначить способъ, коимъ поступалъ въ вѣчное рабство холопъ, то другія наименованія обозначали занятія этихъ холоповъ; такъ холопы назывались пахотными, страдными дѣловыми, дворовыми людьми и т. д., смотря по тому, сидѣли-ли они на пашнѣ, или жили во дворѣ господина. Но, не одно лишь наименованіе прежнихъ обельныхъ или одерноватыхъ холоповъ измѣнилось на Мбсквѣ; измѣнилось, подъ вліяніемъ ученій церкви, и ихъ положеніе и произошли, наконецъ, перемѣны въ способахъ установленія холопства. Такъ прежде всего потерялъ свое прежнее весьма важное значеніе, какъ источника рабства, плѣнъ. Хотя плѣнъ, какъ источникъ рабства, существуетъ и на Москвѣ, но онъ уже не даетъ такого обилія рабовъ, какое давалъ онъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ. Хотя и въ Московскій періодъ плѣнные обращаются въ холопство, но, обыкновенно, какъ только междукняжескія усобицы прекращались и миръ возстановлялся, плѣнные отпускались по выкупу, или обмѣнивались „безъ окупа“, т. е. одни плѣнные шли за другихъ, а затѣмъ уничтожались всѣ крѣпостные акты на людей чужого княжества. Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ Тверскимъ княземъ читаемъ, между прочимъ, обязательство объ уничтоженіи „дерноватыхъ грамотъ“ (т. е. грамотъ, коими укрѣплялись люди въ одернователое или полное холопство): „а какъ еси взялъ Торжокъ и кто ти ся продалъ . . . одернъ . . . тѣхъ ти отпустити по цѣлованію, а грамоты дерноватыя подрати“. Но и это обращеніе во временное холопство (до выкупа или до обмѣна) плѣнныхъ было, конечно, пока существовали удѣлы: чѣмъ болѣе сокращалось число удѣловъ, тѣмъ болѣе уменьшалась возможность взятія плѣнныхъ. Плѣнные могли браться при столкновеніяхъ съ Литвою, Крымомъ и другими инородческими окраинами, но и здѣсь, по большей части, сталъ входить въ обычай обмѣнъ, или выкупъ, при чемъ, уже по указу 1556 г., плѣнникъ былъ холопомъ господина лишь до его смерти, „а дѣтямъ его — не холопъ“‘ Впрочемъ, этотъ указъ, несомнѣнно, пересталъ дѣйствовать по С. Уложенію, которое постановляетъ, что плѣнники „крѣпки и женамъ и дѣтямъ, и внучатомъ и правнучатомъ“ (ст. 61, гл. XX). Во всякомъ случаѣ, плѣнъ перестаетъ быть

важнымъ, съ количественной точки зрѣнія, источникомъ холопства. Затѣмъ въ Московской періодъ, уже въ XVI вѣкѣ, преступленіе не является источникомъ рабства. Несостоятельный преступникъ отдается головою истцу „до искупа“ (т. е. до покрытія убытковъ, понесенныхъ истцемъ отъ его преступленія) уже по 2-му Судебнику (ст. 55), хотя еще по первому Судебнику онъ выдавался „головою на продажу“ (ст. 10), т. е. онъ могъ быть, либо проданъ истцомъ, либо обращенъ въ рабство для себя. Уложеніе идетъ дальше и отмѣняетъ постановленіе 2-го Судебника: за преступленія караются, по Уложенію, люди не рабствомъ, а уголовными наказаніями. Измѣняется по 2-му Судебнику и правило Русской Правды, вошедшее въ 1-ой Судебникъ, о несостоятельномъ должникѣ, погубившемъ товаръ по своей винѣ: по этому Судебнику, погубившій товаръ свой „безъ напрасньства“ отдается истцу „головою на продажу“ (ст. 55; ср. Рус. Прав., 68 ст. Карамз. сп.); по 2-же Судебнику, онъ отдается уже не „на продажу“, а „головою до искупа“, т. е. до отработанія своего долга. С. Уложеніе уже опредѣляетъ точно, въ какой срокъ какое количество долга могло быть отработано, а именно 5 р. въ годъ мущиною, $2^1/_2$ рубля — женщиною. Все это, въ цѣломъ, нельзя не разсматривать, какъ смягченіе института рабства. Изъ прежнихъ способовъ установленія полнаго холопства остаются въ дѣйствіи: 1) рожденіе отъ родителей-холоповъ, 2) бракъ между холопами, что формулировано по Судебникамъ и С. Уложенію въ юридической пословицѣ „по робѣ холопъ, по холопу роба“ и въ 3) „холопство по ключу“, при чемъ по 1-му Судебнику лишь „сельскій ключъ“ ведетъ къ холопству, городской-же не ведетъ, т. е. поступленіе на службу ключникомъ въ городѣ не является источникомъ холопства (ст. 66); по Царскому-же Судебнику „по сельскому ключу безъ докладныя (грамоты) не холопъ“, т. е. только „съ докладу“ можно было стать холопомъ „по сельскому ключу“; безъ „доклада“ же и „сельскій ключъ“ не велъ къ холопству. Введеніе „доклада“ и здѣсь должно было предотвратить возможные споры о томъ, было-ли соглашеніе о поступленіи въ холопство или нѣтъ.

Экономическія обстоятельства, подготовившія постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ.

До конца XVII вѣка холопы юридически отличались отъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ законодательство, разсматривая холопа, какъ частную собственность господина, на крестьянина смотрѣло какъ на лицо, хотя и находившееся въ сложной экономическо-юридической зависимости отъ помѣщика, однако, подвластнаго ему всетаки постольку, поскольку этого требовала государственная необходимость. По этому и актами укрѣпленія въ крестьянство были въ

XVII в. не частные договоры (какъ въ холопство), а государственныя писцовыя и переписныя книги. Исполненіе успѣшно помѣщикомъ государевой службы, съ одной стороны, подати и повинности, ложившіяся на крестьянскую землю, съ другой, настоятельно требовали отъ государства прикрѣпленія крестьянина, или къ помѣщику, или къ землѣ (вопросъ о этомъ весьма споренъ въ литературѣ, почему мы и говоримъ столь условно), и эта прикрѣпленность крестьянина, была его тягломъ передъ государствомъ; но, государство никогда не уничтожали извѣстной своей связи съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Такимъ образомъ юридически холопъ въ XVII в. и въ началѣ XVIII вѣка, до указовъ о ревизіи, былъ еще строго отличенъ отъ крѣпостнаго. Было, однако, одно обстоятельство, чисто экономическаго свойства, которое подготовило постепенно сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Это обстоятельство новѣйшій изслѣдователь вопроса, В. О. Ключевскій, справедливо видитъ въ той работѣ, какую несли холопы, наравнѣ съ крѣпостными, въ имѣніяхъ тѣхъ лицъ, коимъ они принадлежали. Именно хозяйственные интересы и недостатокъ въ рабочихъ рукахъ очень давно стали вынуждать земледѣльцевъ поручать холопамъ, кромѣ дворовой службы, различнаго рода сельскія работы. Какъ замѣчено названнымъ ученымъ, по своему хозяйственному положенію и по условіямъ крѣпостной службы, этотъ классъ раздѣлялся на людей дворовыхъ, дѣловыхъ и задворныхъ: одни жили во дворахъ своихъ господъ, состоя въ домашнемъ услуженіи; другіе исправляли сельскія работы на господъ, живя въ ихъ сельскихъ усадьбахъ, но на ихъ содержаніи; третьи, исправляя сельскіе работы на господъ, получали отъ нихъ земельные участки въ пользованіе и жили особыми дворами, имѣя каждый свое особое хозяйство. Послѣдній разрядъ холоповъ носилъ до XVII вѣка наименованіе „страдниковъ“ или „страдальниковъ“. Эти „страдные люди“, эти пахотные холопы-страдники, составляли собою низшій разрядъ, „дѣловыхъ людей“, или „людей“ просто, какъ вообще назывались холопы (Высшимъ разрядомъ были „холопы служилые“ сопровождавшіе господъ на войну и въ походы, и „холопы приказные“, завѣдывавшіе частями хозяйства и домомъ господина; средній разрядъ многочисленной челяди, подчиненной этимъ „большимъ“ холопамъ, назывался меньшими холопами). Въ отличіе отъ страдниковъ, или деревенскихъ холоповъ, эти 2 разряда холоповъ назывались дворовыми людьми. Пахотные холопы, посаженные на землю для сельскихъ работъ, имѣли вообще болѣе самостоятельности и матеріальной обезпеченности, чѣмъ холопы дворовые, что явля-

лось естественнымъ результатомъ самого положенія этихъ холоповъ, какъ земледѣльцевъ. Сложность и отвѣтственность сельскихъ работъ необходимо требовала, и больше свободы для лица, занимавшагося ими, и больше имущественнаго достатка. Поэтому холопамъ-страдникамъ отводилась земля для пашни и огородовъ, давался инвентарь, позволялось заводить свое хозяйство. У нихъ, за выполненіемъ обязанностей въ пользу господина, могло оставаться время для занятій на себя; они скорѣе и легче, чѣмъ дворовые холопы, могли пріобрѣсти себѣ своимъ трудомъ личную собственность, самостоятельное значеніе которой нерѣдко признавалось господиномъ. Юридически всѣ холопы, чѣмъ бы они ни занимались, подходили подъ тѣ основные три вида холопства, какіе были извѣстны въ то время (холоповъ полныхъ, кабальныхъ и докладныхъ), но разница въ ихъ занятіяхъ, въ свою очередь, приводившая къ различію ихъ хозяйственнаго положенія, не осталась безъ вліянія и на ихъ юридическое положеніе, сблизивъ ихъ во многомъ съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Въ XVII в., среди пахотныхъ холоповъ, наряду съ полными и докладными, являются также холопы кабальные, получающіе общее названіе задворныхъ людей, происшедшее, какъ извѣстно, отъ того, что они селились въ особыхъ избахъ, за дворомъ господина [1]). Они, въ общемъ, ничѣмъ не отличались по своему хозяйственному положенію отъ холоповъ-страдниковъ. Но, юридически они, какъ холопы кабальные, первоначально отличались отъ страдныхъ людей, бывшихъ холопами вѣчными. Господа ихъ однако, нуждаясь постоянно въ рабочихъ рукахъ, стремились удержать вѣчно на пашнѣ и кабальныхъ холоповъ (служившихъ при ихъ дворѣ лишь до смерти господина); иначе говоря, — заставить ихъ служить имъ задворными людьми, т. е. земледѣльцами, а не дворовыми, среди челяди, исполняющей во дворѣ тѣ или иныя порученья. Положеніе холоповъ, какъ задворныхъ людей, стало съ теченіемъ времени столь похоже юридически и экономически на положеніе крѣпостныхъ, что еще до Петра Великаго, во второй половинѣ XVII в., государство пытается, хотя еще довольно нерѣшительно, наложить на этихъ находныхъ холоповъ податное тягло, т. е. иначе говоря, пытается и къ нимъ, какъ къ крѣпостнымъ крестьянамъ, стать въ прямое непосредственное отношеніе и не считаетъ ихъ уже болѣе только

1) О задворныхъ людяхъ см. въ кн. М. А. Дьяконова „Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ“, стр. 242 и слѣд.; ср. также брошюру С. А. Шумакова „Къ вопросу о задворныхъ и полонныхъ людяхъ“ (Витебскъ, 1910 г.).

частною собственностью ихъ господъ, до которой оно не касается. Эта попытка естественно ведетъ къ юридическому сліянію холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, что и довершается, наконецъ, указами Петра В. о подушной подати.

II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Центральное управленіе (Приказы).

Приказы, ихъ происхожденіе; время и обстоятельства возникновенія отдѣльныхъ Приказовъ.

Со второй половины XV вѣка въ Московскомъ государствѣ можно уже различить административныя учрежденія центральныя и учрежденія мѣстныя, или областныя. Центральными учрежденіями на Москвѣ были такъ наз. Приказы [1]). Приказы, какъ учрежденія, выросли изъ личныхъ порученій, дававшихся государями своимъ служилымъ людямъ. Государь поручалъ, или приказывалъ, тому или другому изъ этихъ людей, — обыкновенно, наиболѣе довѣренному, — вѣдать одно какое-либо дѣло въ государствѣ своемъ, или нѣсколько дѣлъ вмѣстѣ, (что на техническомъ языкѣ того времени означалось словами „быть въ приказѣ“, или „на приказахъ“). Завѣдываніе это могло продолжаться столько времени, сколько это было необходимо по обстоятельствамъ дѣла. Затѣмъ лицо, исполнивъ возложенное на него порученіе, или приказъ, возвращалось къ своимъ прежнимъ обязанностямъ, а если нужно, несло какія-либо дру-

1) Литература, кромѣ общихъ курсовъ: К. А. Неволинъ „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.“ (Пол. С. Соч., С.-П., 1859 г., т VI); Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій“ и пр. (М. 1859 г.); Н. П. Милюковъ „Очерки по исторіи р. культуры“, ч. I (С.-П., 1896 г.); Н. П. Лихачевъ „Разрядные дьяки“ XVI в. (С.-П., 1898 г.), гл. I; В. И. Сергѣевичъ „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“ (С.-П., 1903 г.); Н. А. Рожковъ „Происхожденіе самодержавія въ Россіи“, (М., 1906 г.), стр. 78 и сл.; И. И. Вернеръ „О времени и причинахъ образованія Московскихъ приказовъ“ (М., 1908 г.); разборъ означенной книги, съ подробными дополненіями по исторіи и литературѣ о Приказахъ, а равно и указаніями на новѣйшіе изданные документы, относящіеся къ ихъ исторіи и пр. см. въ ст. С. А. Шумакова „Къ исторіи Московскихъ Приказовъ“ („Юридическія записки“ Ярославль 1911 г. кн. II, III); С. Б. Веселовскій „Приказный строй управленія Московскаго государства“ („Русская исторія въ очеркахъ и статьяхъ“, подъ редакціею проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго, т. III, К., 1912 г.).

гія обязанности. Но, нерѣдко исполненіе порученія принимало длящійся характеръ, при чемъ сложность его заставляла окружать то лицо, которому поручается данное дѣло, помощниками, дьяками, а равно и подъячими, для веденія письмоводства. Завѣдываніе извѣстнымъ дѣломъ или кругомъ дѣлъ, сосредоточенное на болѣе или менѣе продолжительное время въ рукахъ данныхъ лицъ, создавало нѣкоторый опредѣленный порядокъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, чѣмъ и полагалось начало несовершенным учрежденіямъ, съ мало-устойчивою компетенціею, съ постоянно-измѣняющимся, по волѣ государей, составомъ, со смѣшанными функціями власти и т. д. Такія зародышевыя учрежденія, непохожія на нынѣ дѣйствующія, мы видѣли уже въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи, въ лицѣ первоначальнаго вѣча, Княжеской Думы и др. Такимъ-же учрежденіемъ является и первоначальный Приказъ въ Московскомъ государствѣ. Наличность Приказовъ, какъ нѣкоторыхъ несовершенныхъ административныхъ учрежденій, — вѣдающихъ, однако, болѣе или менѣе продолжительное время извѣстный родъ дѣлъ, — можно видѣть уже въ словахъ 1-го Судебника, гласящихъ, во второй статьѣ, о томъ, что, если „котораго жалобника (челобитчика), а непригоже управити, и то сказати великому князю, или къ тому его послати, которому которые люди приказаны (т. е. приказано) вѣдать“. Уже 1-ый Судебникъ знаетъ, на нашъ взглядъ, слово приказъ нетолько въ значеніи повелѣнія, даннаго государемъ своему служилому человѣку, исполнить то или иное порученіе, но и въ смыслѣ учрежденія: каждое такое учрежденіе, вѣдающее болѣе или менѣе постоянно то или другое дѣло, называется Приказомъ и къ нему должны направляться челобитчики-истцы по извѣстному роду дѣлъ. Второй Судебникъ выражаетъ эту мысль еще яснѣе, говоря, что, если „къ которому боярину, или дворецкому, или къ казначею, или къ дьяку придетъ жалобникъ его Приказу, и ему жалобниковъ своего Приказу отъ себя не отсылати, а давати ему жалобникомъ своего Приказу всѣмъ управа, которой будетъ жалобникъ бьетъ челомъ по дѣлу“ и т. д. (ст. 7). Но, итти истцу-челобитчику къ извѣстному боярину или дьяку и пр., а этимъ послѣднимъ принять его жалобу, было, конечно, возможно въ томъ только случаѣ, когда тотъ и другой хорошо знали, съ одной стороны, какія дѣла приказано вѣдать данному лицу и когда это завѣдываніе, съ другой, не было случайнымъ и временнымъ, а было болѣе или менѣе постояннымъ и опредѣленнымъ. Говоримъ „болѣе или менѣе“ потому, что полной точности въ опредѣленіи компетенціи даннаго Приказа, какъ учрежденія, еще не было, по-

чему и бывало иногда, что бояринъ, или дьякъ, вѣдавшій тѣ или иныя приказныя дѣла, могъ bona fide отказать истцу въ разсмотрѣніи, а затѣмъ и въ рѣшеніи дѣла. Что компетенція Приказовъ, какъ учрежденій, невсегда была ясно опредѣлена и устойчива, это видно, между прочимъ, изъ той-же статьи 2-го Судебника. А именно по этой-же статьѣ бояринъ дьякъ и пр. наказывался „опалою государя“ за отказъ кому либо въ правосудіи лишь въ томъ случаѣ, когда, по челобитью истца, „государь ту его жалобницу отошлетъ къ тому, чей судъ, и велитъ управу учинить“. Царскій Судебникъ предполагаетъ еще, что отказъ въ правосудіи произошелъ вслѣдствіи того, что данный бояринъ, или дьякъ, думалъ ,что дѣло истца ему неподсудно, а потому, и не взялся за его разсмотрѣніе; его, конечно, и нельзя было наказывать тогда за отказъ въ правосудіи. Другое дѣло, когда самъ государь признаетъ, что данное дѣло принадлежитъ къ его компетенціи и „велитъ ему управу учинить“; неисполненіе этого повелѣнія влечетъ уже за собою „опалу“. Надо, впрочемъ, замѣтить, что слово приказъ употребляется въ Ц. Судебникѣ невполнѣ ясно, почему нѣкоторые ученые, — какъ напр., Ѳ. М. Дмитріевъ, — утверждаютъ, что оно не имѣетъ здѣсь еще того техническаго значенія, какое оно получило впослѣдствіи“, т. е. что оно употреблено въ этомъ памятникѣ въ смыслѣ приказа, какъ личнаго повелѣнія, но не въ смыслѣ, Приказа, какъ учрежденія. Конечно, выраженіе „жалобникъ его приказа“ можно понимать здѣсь и въ томъ смыслѣ, что это „жалобникъ“, или истецъ, по тому роду дѣлъ, который приказано царемъ вѣдать данному боярину и т. д. Но такое употребленіе слова приказъ еще не доказываетъ, однако, чтобъ въ это время не было уже Приказовъ, какъ учрежденій. съ болѣе или менѣе опредѣленной компетенціею (Уже при Іоаннѣ III существовали Приказы Разрядный, Холопій, Большаго Дворца, Конюшенный). Необходимо также еще имѣть въ виду, что, наряду съ наименованіемъ центральныхъ административныхъ учрежденій на Москвѣ Приказами, были въ ходу наименованія ихъ палатами, дворами, дворцами, избами, третями и четвертями (послѣднія 2 наименованія произошли, какъ думаютъ отъ дѣленія при Іоаннѣ III государства на 3 части, а при Іоаннѣ IV — на четыре); по существу своему это были тоже Приказы. Во всякомъ случаѣ слово Приказъ, для обозначенія центральныхъ административныхъ учрежденій, возобладало надъ всѣми другими и стало уже общеупотребительнымъ съ половины XVI вѣка.

Приказы, какъ центральныя учрежденія, возникали постепенно, по мѣрѣ надобности, вмѣстѣ съ ростомъ территоріи Московскаго государства и соединеннаго съ этимъ ростомъ осложне-

нія задачъ управленія. Такъ къ Приказамъ, возникшимъ при Иванѣ III и частію уже упомянутымъ нами выше, при Василіи Іоанновичѣ присоединились Ямской Приказъ и нѣкоторые придворные Приказы; при Іоаннѣ IV — Приказы Челобитный, Помѣстный, Иноземный, Бронный, Разбойный, Казанскій и другіе, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ носили названіе четвертей; при Ѳеод. Іоанновичѣ — Сибирскій Приказъ, 2 патріаршіе Приказа, при Борисѣ Годуновѣ — Каменный, при Михаилѣ Ѳеод. — Дворцовый, Судный, Аптекарскій и др., при Алексѣѣ Михайловичѣ — Приказъ тайныхъ дѣлъ, Рейтарскій, Малороссійскій, Монастырскій и др. Число Приказовъ вообще не было постояннымъ, такъ какъ время отъ времени возникали новые Приказы и уничтожались старые; кромѣ того отдѣльные Приказы то раздѣлялись на части, образуя особые Приказы, то соединялись въ одинъ Приказъ. Котошихинъ во 2-ой половинѣ XVII вѣка насчитывалъ 42 Приказа. Какъ видно, уже изъ наименованій нѣкоторыхъ Приказовъ, одни изъ нихъ возникали для управленія новыми областями, присоединявшимися къ Московскому государству (каковы, напр., Приказы Казанскій, Сибирскій, Малороссійскій и др.), другіе-же создавались для завѣдыванія особыми отраслями управленія, выдѣлившимися изъ прежнихъ въ самостоятельное цѣлое; такъ, напр., учрежденіе патріаршества въ 1589 г. положило начало 2-мъ патріаршимъ приказамъ (Патріаршему Разряду и Патріаршему Казенному Приказу); учрежденіе отдѣльнаго Стрѣлецкаго Приказа было вызвано необходимостью управлять особымъ родомъ войска, явившагося въ началѣ XVI вѣка подъ наименованіемъ стрѣльцовъ; образованіе Пушечнаго или, какъ сталъ называться онъ позднѣе, Пушкарскаго Приказа — необходимостью завѣдывать „пушечнымъ дѣломъ“, Аптекарскаго — врачебною частью, послѣ того, какъ эти части управленія (подобно многимъ другимъ), настолько развились, что потребовали отдѣльнаго управленія. Вообще, если на ростѣ придворныхъ должностей и чиновъ мы можемъ наглядно видѣть развитіе власти Московскихъ государей-вотчинниковъ и ихъ сложнаго дворцоваго хозяйства, то все болѣе и болѣе увеличивающееся число Приказовъ даетъ возможность наблюдать за постепеннымъ выдѣленіемъ однѣхъ задачъ управленія изъ другихъ. Это выдѣленіе приводило къ необходимости ввѣрять завѣдываніе каждой изъ этихъ задачъ особымъ учрежденіямъ: отсюда и увеличеніе числа Приказовъ.

Составъ Приказовъ и порядокъ рѣшенія въ нихъ дѣлъ.

Обращаясь къ вопросу о составѣ Приказовъ, надо замѣтить, что онъ не отличался опредѣленностью и всецѣло зависѣлъ отъ государя, который могъ приказать вѣдать данное дѣло одному или нѣсколькимъ лицамъ, при чемъ

этими лицами могли быть, какъ высшіе чины (бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки), такъ и просто дворяне, дьяки и даже гости (стоявшіе, напр., во главы Кабацкаго Приказа, Таможеннаго и др.). Еще Неволинъ различалъ въ Приказахъ „лицъ двоякаго рода: одни занимались суждѳніемъ и рѣшѳніемъ дѣлъ, другіе — письменною частью; первые вообще назывались судьями, вторые — дьяками и подъячими.“ Эту мысль можно принять лишь съ тою оговоркою, что въ Приказахъ было, говоря языкомъ позднѣйшихъ актовъ, „присутствіе“ и „канцелярія“; но это „присутствіе“, обсуждавшее и рѣшавшее дѣла, могло состоять, какъ изъ указанныхъ выше чиновъ, такъ и изъ самихъ дьяковъ, собственно-же канцелярію составляли подъячіе. Были Приказы, гдѣ около главнаго „судьи“ товарищами были дьяки; иногда-же дьяки являлись сами „судьями“, какъ обычно называли членовъ „Приказовъ“. Кромѣ того, дьяки были основною пружиною, двигавшею Приказы, такъ какъ они, по большей части, являлись знатоками дѣлопроизводства тѣхъ или другихъ Приказовъ, въ которыхъ они обычно начинали свою службу въ качествѣ подъячихъ, нерѣдко проводя здѣсь десятокъ-другой лѣтъ; они дѣлились на старыхъ, среднихъ, молодыхъ. Чѣмъ больше усложнялась компетенція даннаго „Приказа“, тѣмъ больше становился и составъ, а равно и канцелярія его. Довольно спорнымъ представляется вопросъ о порядкѣ рѣшенія дѣлъ въ Приказахъ, а именно о томъ, рѣшалось-ли въ Приказахъ дѣло коллегіально, или требовалось единогласіе, какъ это было вообще въ духѣ древняго времени, на что уже нами неразъ указывалось. Нѣкоторые историки нашего права говорятъ „о коллегіальномъ устройствѣ Приказовъ“, „о коллегіальномъ составѣ Приказовъ“ и т. п. По Дмитріеву, напр., „устройство Приказовъ было большею частію коллегіальное, но встрѣчаются, однако, и исключенія“; по Сергѣевичу, „всѣ Приказы, за исключеніемъ Панафиднаго, имѣютъ коллегіальный составъ.“ Другіе ученые (какъ, напр., Неволинъ, Кавелинъ, Вл.-Будановъ) не признаютъ коллегіальности Приказовъ. По Неволину, „хотя по закону, въ тѣхъ Приказахъ, гдѣ было нѣсколько судей, надлежало рѣшать дѣла всѣмъ вмѣстѣ, но на самомъ дѣлѣ первенствующій судья имѣлъ такую силу, что онъ дѣлалъ, что хотѣлъ“. По Кавелину, назначеніе судей и нѣсколькихъ воеводъ, для управленія однимъ Приказомъ, или областью, дѣлалось лишь потому, что многочисленность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Кавелинъ, ссылаясь на Рейца, думаетъ, что товарищи боярина, вѣдавшаго извѣстный Приказъ, или городового воеводы, были его помощниками, совѣтниками, а не самостоятель-

ными членами, т. е., иначе говоря, утверждаетъ, что устройство Приказовъ не было коллегіальнымъ. Какое-же изъ этихъ мнѣній надо считать наиболѣе соотвѣтствующимъ строю нашихъ Приказовъ? Что въ послѣднихъ нерѣдко было нѣсколько „судей“, или лицъ, обсуждавшихъ дѣла („начальныхъ людей“, какъ они называются въ актахъ) и что законодательные акты Московскаго времени предписывали имъ рѣшать дѣла всѣмъ вмѣстѣ, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Едва-ли, однако, какъ это совмѣстное обсужденіе, такъ и рѣшеніе дѣлъ (поскольку оно практиковалось въ Приказахъ), можетъ дать намъ основаніе, съ юридической точки зрѣнія, говорить „о коллегіальномъ устройствѣ Приказовъ“, о ихъ „коллегіальномъ составѣ“ и т. д. Съ юридической точки зрѣнія коллегіальноустроеннымъ учрежденіемъ надо считать только такое учрежденіе, въ которомъ по закону каждый членъ имѣетъ равное съ другими членами положеніе и гдѣ всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Ни того, ни другого не было въ Приказахъ и, хотя de facto, въ нихъ, можетъ быть, нерѣдко соблюдалось уваженіе къ мнѣнію другъ друга, но считаться съ мнѣніемъ каждаго юридически и подчиняться рѣшенію большинства, какъ это бываетъ въ коллегіяхъ, предсѣдателю или судьѣ вовсе не было никакой нужды. Это отлично высказано въ одномъ Петровскомъ указѣ. Именно, въ указѣ отъ 22 декабря 1718 г. Петръ прямо указалъ на главное основаніе, заставившее его прибѣгнуть къ устройству Коллегій: „управя“ войско, говоритъ указъ, „Его величество, милосердуя о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи, . . трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради ученены Коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ), въ которыхъ президенты, или предсѣдатели, не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи (Приказовъ): дѣлали, что хотѣли. Въ Коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ произволенія товарищевъ своихъ ничего учинити“. Нѣкоторые ученые видятъ въ этихъ словахъ лишь указаніе на злоупотребленіе судьями своею властью, т. е. на отступленіе отъ обычнаго порядка, дѣйствовавшаго въ Приказахъ, а не на общее правило, по которому и въ послѣднихъ дѣла должны были рѣшаться коллегіально. Но, едва-ли здѣсь можно видѣть указаніе лишь на злоупотребленіе властью, или на отступленіе отъ обычнаго порядка обсужденія и рѣшенія дѣлъ. Во главѣ Приказа стояло, обычно, лицо довѣренное, которому государь поручалъ завѣдываніе тѣмъ или инымъ дѣломъ, а иногда и цѣлымъ рядомъ дѣлъ; къ нему, въ качествѣ товарищей, присоединялось еще нѣсколько лицъ; отношенія его къ

другимъ лицамъ, входившимъ въ составъ Приказа, не были опредѣлены по закону, какъ это бываетъ въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ; нисколько не злоупотребляя своею властью, bona fide судья Приказа могъ рѣшать дѣла „безъ произволенія товарищевъ своихъ“, посовѣтовавшись лишь съ ними о дѣлахъ; наоборотъ, въ Коллегіи онъ этого по закону дѣлать уже не могъ, такъ какъ каждый членъ Коллегіи имѣетъ право голоса и потому принимаетъ участіе въ рѣшеніи дѣлъ. На практикѣ, разумѣется, случалось, что и въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ всѣ дѣла вершились 1—2 членами, какъ, наоборотъ, и въ приказныхъ учрежденіяхъ они могли рѣшаться съ общаго согласія, но съ формальной юридической точки зрѣнія была всегда большая разница между тѣми и другими учрежденіями, почему, съ этой именно точки зрѣнія, и нельзя говорить о коллегіальности Приказовъ на Москвѣ. Въ требованіи закона рѣшить дѣла вмѣстѣ („сопча“) былъ зародышъ коллегіальной системы управленія, но еще не сама система. Затѣмъ требованіе единогласія въ рѣшеніяхъ, всюду проводившееся въ до-петровской Руси, само по себѣ говоритъ противъ предположенія о коллегіальности приказнаго строя[1]).

Кругъ вѣдомства Приказовъ.

Обращаясь къ уясненію вопроса, каковъ былъ кругъ вѣдомства, или компетенція Приказовъ, надо сказать, что, въ цѣломъ, Приказы являлись центральными административными учрежденіями Московскаго государства, игравшими въ управленіи его ту-же роль, какую въ періодъ имперіи, въ XVIII вѣкѣ, играли Коллегіи, а съ начала XIX столѣтія — Министерства. Такъ какъ, однако, на Москвѣ судебная функція управленія не была строго и послѣдовательно отдѣлена отъ функціи административной, то каждый Приказъ, завѣдуя тѣмъ или инымъ родомъ дѣлъ, въ то-же время былъ отчасти и судебнымъ учрежденіемъ, какъ для лицъ, ему подчиненныхъ, такъ и для дѣлъ, ему подвѣдомственныхъ. Напр., такъ наз. „Разрядъ“, или

1) Документальныя данныя по вопросу о дѣлопроизводствѣ въ Приказахъ можно, между прочимъ, найти у К. П. Побѣдоносцева „Матеріалы для исторіи приказнаго дѣлопроизводства въ Россіи“ (М., 1891 г.), гдѣ разсматриваются дѣла Суднаго Приказа; у В. Н. Сторожева „Матеріалы по исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго Приказа по Вологодскому уѣзду XVII в., (С.-П., 1906 г.); С. А. Шумакова „Сотницы, грамоты и записи“, III—VII выпуски коихъ (М., 1904—1913 г.) содержатъ рядъ данныхъ, относящихся также и къ дѣлопроизводству Помѣстнаго Приказа. Документы этого Приказа, а равно и четей Галицкой, Владимирской, Устюжской и Новогородской, имѣющіе то или иное отношеніе къ исторіи кадастра и прямаго отложенія въ Московскомъ государствѣ, издаются С. Б. Веселовскимъ („Акты писцовскаго дѣла. Т. I, Акты 1587—1627 гг. Москва, 1913).

„Разрядный Приказъ“ нетолько вѣдалъ службу и все воинское дѣло, но и судилъ служилыхъ людей, какъ таковыхъ[1]), или напр., Помѣстный Приказъ завѣдывалъ нетолько помѣстьями и вотчинами, но и рѣшалъ различныя судебныя тяжбы, возникавшія изъ владѣнія, пользованія или распоряженія вотчинами и помѣстьями. Такое соединеніе функцій (судебной и административной) представляло многія удобства по условіямъ времени, почему оно и удерживалось долго на Москвѣ. Вообще два столь различныхъ, съ нашей современной точки зрѣнія, понятія, какъ понятіе „судить“ и понятіе „управлять“, въ первые два періода нашей исторіи такъ близко сливались одно съ другимъ, что лица, завѣдывавшія тѣми или иными Приказами, назывались судьями, а Котошихинъ, напр., говоря о Приказахъ, описываетъ дѣятельность членовъ ихъ такъ, что можно подумать, что Приказы были чисто-судебными учрежденіями („судити указано въ Приказахъ бояромъ и окольничьимъ и стольникомъ и дворяномъ и дьякомъ, кому въ которомъ Приказѣ вѣдати приказано, всѣмъ вмѣстѣ . . .)“, тогда какъ, въ дѣйствительности, эти „судьи“, — которымъ было „судити указано въ Приказахъ“, — были администраторами, хотя и вѣдавшими въ тоже время, въ извѣстныхъ случаяхъ, нѣкоторыя судебныя дѣла. Съ указанной точки зрѣнія, можно называть Приказы — административно-судебными учрежденіями, не упуская, однако, изъ виду, что преимущественное назначеніе ихъ было административное, или исполнительное. Обращаясь къ кругу вѣдомства, или компетенціи, отдѣльныхъ Приказовъ[2]), надо имѣть въ виду слѣдующее: наши Приказы слагались постепенно, въ теченіи долгаго времени, почему компетенція ихъ постоянно измѣнялась и отличалась большою спутанностью. Эта спутанность вѣдомства Приказовъ особенно ясно сказывается тогда, когда хотятъ классифицировать многочисленные Московскіе Приказы въ извѣстныя группы по роду дѣлъ, которыми они завѣдывали, такъ какъ при этомъ обнаруживается, что однородныя дѣла, напр., судебныя, вѣдаются въ разныхъ Приказахъ, между тѣмъ, какъ дѣла, которыя

1) Подробныя указанія на документы этого весьма важнаго Московскаго Приказа находимъ въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи“, т. XI– XVII (М., 1899—1913 г.г.).

2) По исторіи отдѣльныхъ Приказовъ укажемъ на сочиненія И. Я. Гурлянда „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ“ (Яросл., 1902 г.); С. А. Бѣлокурова „О Посольскомъ Приказѣ“ (М., 1906 г.); С. А. Шумакова „Экскурсы по исторіи Помѣстнаго Приказа“ (М., 1910 г.), И. А. Базанова „Вотчинный режимъ въ Россіи“ (Томскъ, 1910 г.), гдѣ авторъ касается Помѣстнаго Приказа и его судьбы въ новой нашей исторіи.

слѣдовало-бы поручить нѣсколькимъ Приказамъ, сосредоточиваются въ одномъ и пр. Кромѣ того, наряду съ Приказами, вѣдавшими отдѣльныя отрасли управленія во всемъ государствѣ, были Приказы, которые завѣдывали всѣми дѣлами управленіи и суда, но лишь въ извѣстныхъ частяхъ государства (это такъ наз. „областные Приказы“). Происходило все это отъ того, что Приказы наши не создавались сразу по какимъ-либо образцамъ (какъ это надо сказать о Коллегіяхъ или о Министерствахъ), а устраивались по мѣрѣ роста государственной территоріи, развитія государственной жизни и осложненія задачъ управленія. Такъ, по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель въ Москвѣ, надо было создавать и новыя учрежденія для ихъ управленія, что и вызвало образованіе областныхъ Приказовъ. Развитіе государственной жизни и задачъ управленія, либо приводило къ тому, что къ дѣламъ, которыми завѣдывалъ какой-либо прежній Приказъ, присоединялись новыя дѣла, либо заставляло правительство создавать еще другой новый Приказъ, или даже рядъ такихъ Приказовъ. Такъ какъ, кромѣ того, основною чертою приказныхъ учрежденій было, что они выросли изъ системы личныхъ порученій, или приказаній, которыя давались государями отдѣльнымъ довѣреннымъ своимъ слугамъ, то это, въ свою очередь, не могло не вліять на кругъ дѣлъ, поступавшихъ въ завѣдываніе того или другого лица: одному лицу можно было довѣрить въ управленіе одно дѣло, другому — другое, почему съ устраненіемъ отъ завѣдыванія даннымъ дѣломъ того или иного лица могла измѣняться и компетенція самого учрежденія, которымъ это лицо завѣдывало. Все это, въ концѣ концовъ, приводило къ большой спутанности вѣдомства отдѣльныхъ Приказовъ, почему въ каждомъ почти Приказѣ вѣдавшемъ извѣстный родъ дѣлъ военныхъ, судебныхъ, придворныхъ и др. (что и даетъ основаніе къ классификаціи Приказовъ по роду дѣлъ), были еще дѣла, которыя попали подъ его компетенцію по какимъ-либо другимъ основаніямъ, иногда — самымъ случайнымъ. Обозрѣвая въ общемъ кругъ вѣдомства Приказовъ, можно согласиться съ мнѣніемъ проф. Вл.-Буданова, что „въ системѣ Приказовъ смѣшивались три основанія для дѣленія органовъ: по роду дѣлъ, по классамъ лицъ и по территоріальнымъ районамъ. А потому подданные нерѣдко вовсе не знали, какому Приказу они подвѣдомы по тому или другому дѣлу“.

Классификація Приказовъ.

Переходя къ классификаціи Приказовъ, надо вообще замѣтить, что учеными нашими, изучавшими приказное устройство, предлагалось нѣсколько системъ группировки Приказовъ. Остановимся лишь

на простѣйшей изъ нихъ. Всѣ Приказы можно прежде всего раздѣлить на 2 крупныя группы: Приказы областные, или территоріальные, и Приказы центральные. Первые, какъ уже было указано, вѣдали данную область, или часть государства, порученную ихъ управленію, во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. они заботились о ея безопасности, производили въ ней судъ и правили ею, собирали въ пользу государства всѣ доходы и т. д. Такое общее сосредоточіе всѣхъ дѣлъ управленія въ одномъ учрежденіи — особенно первоначально, когда данная область только-что была присоединена къ государству — представляло большія удобства, какъ ввиду мѣстныхъ особенностей, какія имѣла каждая область, такъ и ввиду необходимости проводить по отношенію къ ней какую-нибудь одну общую политику управленія. Москва отлично понимала это, почему и создавала новые Приказы для управленія важнѣйшими изъ присоединяемыхъ областей. Общею чертою областныхъ Приказовъ было то, что чѣмъ больше сглаживались мѣстныя особенности управленія данною частью государства и чѣмъ больше она подводилась подъ общія начала управленія государствомъ, тѣмъ меньше дѣлался кругъ дѣлъ, входившихъ въ завѣдываніе даннаго областнаго Приказа, такъ какъ дѣла, принадлежавшія первоначально къ его компетенціи, передавались другимъ центральнымъ Приказамъ, которые вообще вѣдали тотъ или иной родъ дѣлъ въ государствѣ. Областными Приказами были: Приказъ Смоленскій, возникшій въ началѣ XVI вѣка вскорѣ по присоединеніи Смоленскаго княжества, Казанскій Приказъ (или Приказъ Казанскаго Дворца), возникшій въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго, Сибирскій, явившійся при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Малороссійскій — во 2-ой половинѣ XVII вѣка, и нѣкоторые другіе (Литовскій, Приказъ Лифляндскихъ дѣлъ и пр.). Но, кромѣ этихъ областныхъ Приказовъ, былъ еще цѣлый рядъ Приказовъ, носившихъ наименованіе четей (или четвертей), каковы чети Новгородская (Нижегородская), Устюжская, Галицкая, Костромская (Ярославская), Владимірская, Новая. Вопросъ о происхожденіи четей одинъ изъ самыхъ спорныхъ въ историко-юридической литературѣ нашей[1]); во

1) Проф. В.-Будановъ, развивая мысль, высказанную еще проф. А. Д. Градовскимъ, утверждаетъ, что „при присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ же районъ вѣдомства. Такъ обр. въ Москвѣ возникли учрежденія, мѣстныя по району дѣятельности, и центральныя по степени власти, а именно сначала три (т. е. трети), а затѣмъ 4, отчего и Приказы названы четвертями, которыхъ въ XVII вѣкѣ образовалось уже 5 и даже присоединена шестая (Новая)“; по его мнѣнію, какъ вѣдомство этой „Новой четверти“, возникшей въ концѣ XVI в., такъ „и вѣдомство прочихъ чет-

всякомъ случаѣ чети вѣдали доходы, шедшіе на жалованье служилымъ людямъ, вмѣсто кормовъ натурою, отмѣненныхъ при Іоаннѣ IV, послѣ уничтоженія намѣстниковъ. Областные, или территоріальные Приказы, находились, подобно центральнымъ Приказамъ, въ Москвѣ.

Вторую, болѣе многочисленную, группу составляютъ Приказы центральные. Всѣ эти Приказы можно подраздѣлить на 2 вида: на Приказы, вѣдавшіе управленіе государствомъ, и на Приказы, вѣдавшіе судъ. Хотя, какъ уже было сказано, всѣ Приказы были частію судебными учрежденіями, такъ какъ разбирали дѣла о лицахъ, имъ подвѣдомственныхъ и судили ихъ, но были, однако, Приказы чисто-судебные, вѣдавшіе, либо гражданскій судъ (Приказы Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Московскій), либо судъ уголовный (Разбойный Приказъ), а равно и нѣкоторыя особыя дѣла по тяжбамъ, выдѣленныя почему-либо изъ прочихъ дѣлъ, напр., дѣла о холопахъ, которыми завѣдывалъ Приказъ Холопьяго Суда. Приказы собственно-административные (съ указанною выше оговоркою о ихъ судебной функціи) можно опять таки подраздѣлить на 2 категоріи: 1) Приказы, вѣдавшіе дѣла иноземныя и 2) Приказы, вѣдавшіе дѣла внутреннія. Иностранными, или иноземными, дѣлами управлялъ Посольскій Приказъ или Посольская Палата. Этотъ Приказъ, кромѣ того,

---

вертныхъ Приказовъ было преимущественно-финансовое". По мнѣнію проф. Милюкова происхожденіе четей стоитъ въ связи съ выдѣленіемъ въ концѣ XVI вѣка государственныхъ доходовъ изъ доходовъ дворцовыхъ; по мнѣнію проф. Середонина чети возникли вслѣдствіи уничтоженія намѣстниковъ, функціи коихъ перешли сначала къ казначеямъ и дьякамъ, а затѣмъ къ центральному учрежденію, явившемуся подъ именемъ Дворцоваго Четвертнаго Приказа во время опричины; позднѣе этотъ Приказъ распался на нѣсколько четвертей. Послѣднее мнѣніе частію принимается проф. Платоновымъ, при чемъ, однако, имъ отвергается связь вопроса съ опричиной. Отсутствіе положительныхъ данныхъ ведетъ къ тому, что вопросъ остается пока открытымъ. По справедливому замѣчанію С. Б. Веселовскаго „все, что можно сказать съ увѣренностью, это то, что въ началѣ второй половины XVII в., въ связи съ отмѣною кормленій, часть государства — какая, въ точности, неизвѣстно — была раздѣлена между 4 учрежденіями, которыя получили названіе четвертей. Чети должны были сбирать съ своихъ городовъ нѣкоторые доходы, которые были предназначены на жалованіе служилымъ людямъ, такъ наз. четвертчикамъ, вмѣсто отмѣненныхъ кормленій („Приказный строй" и пр.). Замѣтимъ еще, что эти „чети" иногда назывались по имени дьяковъ, стоявшихъ во главѣ ихъ (четь дьяка Щелкалова и др.).

Сводъ и разборъ мнѣній о происхожденіи Московскихъ Приказовъ-Четвертей см. у С. Ѳ. Платонова въ статьѣ „Какъ возникли чети?" (Статьи по русской исторіи, С.-П., 1903 г.); ср. еще статью Сташевскаго — „Къ вопросу о томъ, какъ и почему возникли чети" (Кіевск. Унив. Изв., 1908 г., кн. XII).

какъ многіе другіе Приказы, имѣлъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько городовъ, доходами съ которыхъ онъ содержался и которыми управлялъ. Кромѣ этого Приказа, существовавшаго еще со 2-ой половины XVI вѣка, въ XVII вѣкѣ явился Приказъ Полоняночный, завѣдывавшій иноземными плѣнными и сборомъ денегъ на выкупъ русскихъ плѣнниковъ и Приказъ Панскій, вѣдавшій дѣла Литвы и Польши.

Всѣ Приказы, вѣдавшіе внутреннія дѣла, можно затѣмъ раздѣлить: во 1-хъ на Приказы военные, во 2-хъ, придворные, въ 3-хъ, финансовые и въ 4-хъ — вѣдавшіе дѣла полицейскаго характера. Военными Приказами, кромѣ уже упоминавшихся нами раньше Приказовъ Разряднаго и Помѣстнаго, были Приказы Стрѣлецкій, вѣдавшій стрѣльцовъ, Пушкарскій — „пушечное дѣло“, Рейтарскій — конницу, Иноземный — иностранцевъ, вступившихъ въ русскую воинскую службу; наконецъ, Оружейный и Бронный завѣдывали „дворами“, гдѣ приготовлялось оружіе, брони, шлемы и пр. Приказы придворные были многочисленны, что и понятно, конечно, какъ ввиду того значенія, какое пріобрѣла власть Московскихъ государей, съ одной стороны, такъ и ввиду того обширнаго хозяйства, которое вели государи, съ другой. Изъ Приказовъ, имѣвшихъ отношеніе къ этому хозяйству, надо прежде всего назвать Приказъ Большаго Дворца, вѣдавшій приходы и расходы государева двора. Во главѣ его стоялъ дворецкій и ему былъ подчиненъ цѣлый рядъ Дворовъ или Приказовъ, назначеніе которыхъ ясно видно уже изъ самаго наименованія ихъ (Хлѣбный, Кормовой Дворъ и мн. др.). Приказъ этотъ вѣдалъ также судъ надъ духовенствомъ до С. Уложеніе, которымъ установленъ для этого особый приказъ — Монастырскій. Затѣмъ былъ цѣлый рядъ Приказовъ, завѣдывавшихъ отдѣльными отраслями того же хозяйства государей, каковы напр., Приказъ Конюшенный, Ловчій, Сокольничій, Казенный (хранившій и раздавшій по принадлежности казну государеву — золотыя и серебряныя издѣлія, драгоцѣнныя матеріи и т. п.) и мн. др. Но были, кромѣ указанныхъ придворныхъ Приказовъ, Приказы личные, непосредственно стоявшіе при особѣ государей, или, какъ ихъ называетъ Неволинъ, „Приказы по производству дѣлъ, подлежавшихъ непосредственному усмотрѣнію и рѣшенію царя“. Такими Приказами онъ считаетъ въ 1-хъ „Приказъ Великаго Государя Тайныхъ дѣлъ“ (или Тайный Приказъ), во 2-хъ Разрядный Приказъ и въ 3-хъ Челобитный. Кажется, однако, Разрядный Приказъ (или Разрядъ) правильнѣе относить къ Приказамъ военнымъ и такимъ образомъ личныхъ Приказовъ государей, состоявшихъ при дворѣ ихъ, было 2 — Челобитный Приказъ и Тайный Приказъ (первый подъ именемъ Челобитной

Избы, упоминается съ 1571 г., второй — съ 1658 г.) Челобитный Приказъ игралъ очень важную роль въ Московскомъ управленіи. Какъ извѣстно, на Москвѣ челобитья свободно подавались царю какъ отъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и отъ цѣлыхъ общинъ. Благодаря простотѣ отношеній, выработался весьма доступный для населенія способъ непосредственнаго обращенія къ царю, почему токъ челобитій непрерывно шелъ въ Москву изъ всѣхъ частей государства. Обычно челобитчики, прибывъ въ Москву, старались, при такъ называемыхъ „выходахъ“ государей, вручить имъ свою челобитную лично. По свидѣтельству Котошихина, царя сопровождалъ при выходахъ бояринъ и дьякъ Челобитнаго Приказа, которымъ и передавались челобитья для разсмотрѣнья. Челобитья затѣмъ докладывались изъ Приказа государю или, по его повелѣнію, Боярской Думѣ, гдѣ „тѣхъ челобитенъ царь слушаетъ самъ и бояре“ какъ говоритъ Котошихинъ; иногда же челобитья направлялись Приказомъ для рѣшенія въ тѣ учрежденія, до которыхъ онѣ относились по своему содержанію. Если по челобитной состоялось рѣшеніе государя, или государя и Б. Думы, то оно объявлялось Челобитнымъ Приказомъ. С. Уложеніе пытается, впрочемъ, остановить безконечный потокъ челобитій непосредственно къ царю и въ немъ находимъ формулу, что „не бивъ челомъ въ Приказѣ“ (которому подвѣдомственно то или другое дѣло) „ни о какихъ дѣлахъ государю никому челобитенъ не подавати“ гл. X, ст. 20). Однако, нетолько во XVII, но въ XVIII вѣкахъ, несмотря на всѣ строгости, челобитныя постоянно подаются государямъ. Кромѣ всего сказаннаго, названный Приказъ вѣдалъ „судомъ“ дьяковъ и подъячихъ, а равно и разбиралъ разныя другія дѣла, по повелѣнію государей. Что касается Тайнаго Приказа, или Приказа Тайныхъ дѣлъ, то его общимъ назначеніемъ было наблюденіе за всѣмъ управленіемъ въ государствѣ. Характерною чертою его устройства было то, что онъ состоялъ изъ дьяка и подъячихъ и въ него не входили ни бояре, ни окольничіе, ни другія лица, можетъ быть именно потому, что Приказъ этотъ наблюдалъ за ихъ дѣятельностью. Дѣла, подлежавшія его вѣдомству, были весьма разнообразны: такъ, онъ завѣдывалъ царскою птичьею охотою, наблюдалъ за дѣятельностью царскихъ пословъ, велъ слѣдствія по разнымъ важнымъ государственнымъ дѣламъ, являлся вообще личною канцеляріею государя по тѣмъ дѣламъ, которыя восходили къ нему непосредственно и по которымъ имъ самимъ постановлялись рѣшенія и т. п. Вообще все, что въ данное время интересовало государя и онъ хотѣлъ самъ заняться разсмотрѣніемъ того или иного вопроса, входило въ компетенцію этого приказа. Думаютъ, что черезъ этотъ Приказъ, царь хотѣлъ вліять, такъ или иначе, на управленіе госу-

дарствомъ; послѣ смерти государя онъ исчезъ; его роль въ XVIII вѣкѣ выполнялась частію т. н. „Совѣтами при особѣ государя“.

Третью группу Приказовъ, вѣдавшихъ внутреннія дѣла управленія, составляютъ Приказы финансовые. Компетенція этихъ Приказовъ была, кажется, самою неустойчивою изъ всѣхъ, такъ какъ сборы и расходы „государевой казны“ вѣдались то одними, то другими Приказами, сливаясь, или раздѣляясь, по мѣрѣ того, какъ практика жизни выясняла необходимость того или другого. Что касается прежде всего приходовъ и расходовъ денежной казны, то ихъ вѣдали Приказъ Большой Казны (или „Большая Казна“, какъ его еще называли), Приказъ Большаго Прихода (или „Большой Приходъ“ просто) и Новая Четверть. Въ эти Приказы поступали сборы кабацкіе и таможенные, которые вѣдали, то Большой Приходъ, то Большая Казна, а нѣкоторые предметы, какъ напр., чеканку монеты вѣдалъ, то тотъ же Большой Приходъ, то она находилась въ особомъ Приказѣ (Денежномъ). Въ свою очередь, Новая Четверть выдѣлилась въ концѣ XVI вѣка изъ Большой Казны для спеціальнаго завѣдыванія питейными, или кабацкими, сборами. Съ половины XVII вѣка является новый Приказъ — Печатный, куда поступали и гдѣ хранились пошлины, шедшія съ разнаго рода актовъ, къ которымъ прикладывалась казенная печать (откуда и названіе — Печатный Приказъ). Въ половинѣ-же XVII вѣка особый явился, какъ утверждалъ Котошихинъ, Счетный Приказъ; бывшій контрольнымъ (впрочемъ, какъ до него, такъ и послѣ него время отъ времени возникали отдѣльные счетные и сыскные Приказы, повѣрявшіе приходъ и расходъ денежныхъ суммъ, а равно и производившіе изслѣдованія о злоупотребленіяхъ съ ними), онъ завѣдывалъ повѣркою приходовъ и расходовъ отдѣльныхъ Приказовъ. Такъ какъ, однако (какъ это уже указывалось), нѣкоторые города были приписаны къ отдѣльнымъ Приказамъ для ихъ содержанія, то, въ свою очередь, несмотря на существованіе финансовыхъ Приказовъ, они сами завѣдывали сборомъ доходовъ съ этихъ городовъ и ихъ расходываніемъ. Вообще въ Москвѣ не было единства государственной кассы и какъ доходы, такъ и расходы вѣдались многими учрежденіями.

Наконецъ, на Москвѣ были Приказы полицейскаго характера, т. е. Приказы, вѣдавшіе „государственное благоустройство и благочиніе“. Къ первымъ надо отнести: 1) Житный Приказъ, явившійся при Іоаннѣ III и заготовлявшій хлѣбные запасы на случай неурожая; 2) Ямской Приказъ, явившійся при Іоаннѣ III (въ 1574 г.) и завѣдывавшій „ямами“, или почтовыми станціями, ямщиками и пр.[1]); 3) Каменный,

1) О времени его происхожденія и компетенціи см. въ сочиненіи

при Б. Годуновѣ, вѣдавшій „каменное дѣло“, т. е. все, что относилось къ постройкѣ церквей, дворцовъ и домовъ изъ камня; 4) Аптекарскій Приказъ, со второй четверти XVII в., вѣдавшій врачебное и аптечное дѣло. Изъ Приказовъ, заботящихся о благочиніи, надо назвать Земскій Приказъ, вѣдавшій управленіе Москвою и замѣнявшій для нея, какъ полицейскія, такъ и городскія и самоуправляющіяся учрежденія позднѣйшаго времени. Этотъ Приказъ былъ мѣстнымъ, (т. е. вѣдавшимъ Москву), а не центральнымъ учрежденіемъ, наоборотъ, такіе Приказы, какъ Разбойный, или Сыскной, Холопій (или Холопьяго суда), будучи Приказами судебными по преимуществу, являлись также частію Приказами, вѣдавшими полицію благочинія во всемъ государствѣ.

Въ общемъ, Приказы сослужили, конечно, свою службу на Москвѣ; но, къ концу Московскаго періода ихъ обиліе, спутанность ихъ вѣдомства, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ членовъ, значительная административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ стали сказываться весьмо сильно, тѣмъ болѣе, что Приказы плохо поддавались контролю и самой верховной власти. Въ кипучую эпоху Петровскаго царствованія, они оказались мало-пригодными учрежденіями для выполненія многообразныхъ и частію новыхъ задачъ управленія, почему и были замѣнены Коллегіями.

Глава II.

Мѣстное или областное управленіе [1]).

§ 1.

Административное дѣленіе Московскаго государства.

Уѣздъ; первоначальное и позднѣйшее значеніе этого слова.

При изученіи государственнаго управленія въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ указывалось на административное дѣленіе нашихъ древнихъ княжествъ; на Москвѣ частію сохраняются прежнія дѣленія, частію возникаютъ новыя. Остановимся кратко лишь на послѣднихъ. Собираніе около Москвы прежнихъ удѣльныхъ княжествъ приводило постепенно къ централизаціи

И. Я. Гурлянда „Ямская гоньба въ Московскомъ государствѣ“ (Яросл., 1900 г.), гл. VII.

2) Важнѣйшая литература о мѣстномъ управленіи, какъ правительственномъ, такъ и выборномъ, въ Московскомъ государствѣ, кромѣ общихъ курсовъ: Б. Н. Чичеринъ „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ“ (М. 1856 г.); Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій“ и пр. (М. 1859 г.); К. А. Неволинъ „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.“ (П. С. Соч.

управленія. Всѣ присоединяемыя области и ихъ города должны были стоять въ непосредственномъ отношеніи къ Москвѣ, какъ административному центру. Наиболѣе крупную единицу дѣленія на Москвѣ представлялъ такъ наз. уѣздъ съ городомъ, составлявшимъ, въ свою очередь, его административный центръ, зависимый отъ Москвы. Первоначальное значеніе слова уѣздъ стояло въ связи съ приписконю или съ присоединеніемъ къ данному городу окружающихъ земель, въ цѣляхъ судебныхъ и податныхъ. По остроумному замѣчанію Соловьева, „все, что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему уѣхано, или заѣхано, составляло его уѣздъ". Въ этомъ первоначальномъ смыслѣ слово уѣздъ иногда встрѣчалось и въ первомъ періодѣ: къ городу тянули „судомъ и данью" всѣ тѣ подраздѣленія волостей, о которыхъ мы уже говорили въ свое время: они и были его уѣздомъ: обычно, однако, этотъ уѣздъ назывался тогда волостью. Въ Московскій періодъ слово уѣздъ становится на мѣсто слова волость (въ значеніи волости, какъ провинціи) и получаетъ опредѣленное значеніе административной единицы; уѣздъ — это городъ, съ принадлежащими къ его управленію землями. Уѣзды, по величинѣ своей, отличались первоначально большою неравномѣрностью, обнимая то цѣлыя княжества, присоединяемыя къ Москвѣ, то лишь часть послѣднихъ, съ административными и иными цѣлями раздѣляемыхъ на нѣсколько уѣздовъ. Въ концѣ концовъ подъ именемъ уѣздовъ скрылись прежнія земли княжескія, волости, удѣлы и прочія подраздѣленія древней Руси: единству политическому должно было соотвѣтствовать и единство административныхъ дѣленій. Затѣмъ, чѣмъ болѣе посадскіе городскіе люди обособлялись отъ „уѣздныхъ людей", или „черныхъ волостныхъ людей", тѣмъ болѣе сами уѣзды выдѣлялись отъ городовъ и само слово уѣздъ получило „болѣе тѣсное значеніе", какъ это было уже отмѣчено проф. Градовскимъ, указавшимъ, что уѣздъ сталъ въ послѣдствіи означать „совокупность земель, приписанныхъ къ городу, въ противоположность самому „городу", а уѣздные

С.-П., 1857 г., т. VI); А. Д. Градовскій „Исторія мѣстнаго управленія" (С.-П., 1868 г.); М. А. Дьяконовъ, Дополнительныя свѣдѣнія о Московскихъ реформахъ XVI в. (Журн. Мин. Нар. Просв., 1892 г. № 4). Ю. В. Готье „Замосковный край" (М. 1606 г.); И. Д. Бѣляевъ „Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси" (М., 1906 г.) М. Н. Покровскій „Мѣстное самоуправленіе въ древней Россіи (въ Сборникѣ, „Мелкая земская единица, С. П. 1905 г.) М. М. Богословскій „Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII в. (М., 1909 г.): его-же „Земскія челобитныя въ древней Руси" (Богословскій Вѣстникъ, 1911 г., № 1—4) А. А. Кизеветтеръ „Мѣстное самоуправленіе въ Россіи" IX—XIX ст. Историческій очеркъ (М. 1910 г.).

люди стали противополагаться городскимъ посадскимъ людямъ. Вообще надо сказать, что Московское административное дѣленіе областей устроялось вѣками и наглядно отражало на себѣ продолжительную, а подчасъ и мучительную, исторію сложенія Московскаго государства. Поэтому въ немъ нельзя искать правильности и однообразія, ясности въ терминологіи и т. п. Такъ, напр., рядомъ съ дѣленіемъ государства на уѣзды, существовали старыя дѣленія на земли (Вятская земля и др.) а послѣднихъ на трети, четверти и др.; наконецъ, всѣ эти части государства подраздѣлялись на губы (судебные округа), на разряды (военные округа, въ главномъ центрѣ которыхъ собирались всѣ служилые люди даннаго разряда) и др.

Подраздѣленія уѣздовъ.

Уѣзды подраздѣлялись на станы, станы на волости; впрочемъ, и это подраздѣленіе не было вполнѣ выдержано на Москвѣ, почему источники то говорятъ о волостяхъ и станахъ, какъ о равнозначительныхъ подраздѣленіяхъ, къ которымъ уѣздные люди „тянули судомъ и данью“ (т. е. которымъ они были подвѣдомственны въ судебномъ и податномъ отношеніяхъ), то представляютъ станы подраздѣленными на волости (иногда, впрочемъ, и наоборотъ). Равнозначительность этихъ двухъ подраздѣленій видна, напр., изъ Бѣлозерской грамоты 1488 г., въ которой читаемъ, что, если „учинится въ городѣ душегубство, а не доищутся душегубца, ино вины 4 рубля заплатятъ горожане; а учинится душегубство въ коемъ стану или въ коей волости, а не доищутся душегубца и они вины 4 рубля заплатятъ въ стану или въ волости, въ коей душегубство учинились“. Если изъ этой цитаты и видно противоположеніе горожанъ уѣзднымъ людямъ, то, съ другой стороны, станъ вовсе не представленъ, какъ подраздѣленіе волости. Наоборотъ, есть грамоты, изъ которыхъ ясно видно, что, по крайней мѣрѣ, съ XVII вѣка[1]), весьма частымъ является дѣленіе становъ на волости: напр., одна грамота отъ 1603 г. посылается „въ Важскій уѣздъ и въ Шенкурскій и въ Подвинской . . . и тѣхъ становъ въ волости и въ погосты и въ деревни“. Такимъ образомъ слово волость пережило рядъ измѣненія своего значенія („волость“, какъ княжество-государство, какъ часть его, или

1) Указанное выше словоупотребленіе сохраняется, однако, очень долго: въ 1680 г. были посланы въ Московскій уѣздъ писцы для опредѣленія границъ становъ и имъ было предписано „про станы и про волости распрашивати старожиловъ и окольныхъ людей, съ котораго урочища станъ или волость наказать“. Писцы донесли, что эти люди о границахъ становъ „ничего не знаютъ“. Здѣсь слово станъ является равнозначущимъ со словомъ волость.

уѣздъ, наконецъ, какъ подраздѣленіе становъ), означая послѣдовательно все меньшую и меньшую территорію, сохранившую при томъ (съ развитіемъ централизаціи), свое самоуправленіе только на небольшомъ, сравнительно, пространствѣ земли.

Волости на Москвѣ сдѣлались подраздѣленіемъ становъ. Слово станъ, происходя отъ глагола становиться, означало первоначально мѣсто, гдѣ останавливались тіуны, волостели и другія должностныя лица, объѣзжая, съ административными цѣлями, ту часть уѣздныхъ земель, которая была имъ подвѣдомственна; затѣмъ станомъ началъ называться и самый округъ, какъ часть уѣзда, находящаяся подъ управленіемъ данныхъ людей, т. е. лицъ, управлявшихъ этимъ округомъ („волостелей“, поскольку волость понималась, какъ административная единица, равнозначительная со станомъ).

Волости, какъ подраздѣленія становъ, въ свою очередь, распадались на болѣе мелкія единицы, а именно на деревни, выставки, починки, слободы, села и пр. Все это были общинные міры, тянувшіе судомъ и данью къ волостямъ, и съ этой точки зрѣнія между ними нѣтъ разницы. Различіе-же наименованій обусловливается, какъ разницею въ образованіи этихъ міровъ, такъ и другими обстоятельствами. Такъ, починокъ есть только что зачинающееся поселеніе на новомъ мѣстѣ (почать — зачать), выставка — поселокъ крестьянъ, вышедшихъ изъ другого, большаго по размѣрамъ, поселенія, села, деревни (поселеніе, выставившееся изъ другого); слободы — поселенія крестьянъ, ремесленниковъ и промышленниковъ близъ городовъ, первоначально освобожденныя отъ податей и повинностей (откуда и названіе ихъ), и пр. Нѣкоторыя изъ указанныхъ выше наименованій административныхъ дѣленій были общими, употребительными въ большей части древнихъ русскихъ княжествъ, присоединившихся къ Московскому государству, другія, наоборотъ, сохраняли свое мѣстное значеніе весьма долгое время, а частію употребляются народомъ доселѣ. Такъ слово уѣздъ было извѣстно и въ другихъ княжествахъ. Но были наименованія мѣстныя. Напр., Новогородская земля дѣлилась на пятины, т. е. на пять частей (Деревскую, Обонежскую, Шелонскую, Водскую и Бѣжицкую); дѣленіе это ученые приводятъ въ связь съ дѣленіемъ самого города Новгорода на пять концевъ; каждая пятина тянула къ тому или иному концу или части города. Волости въ Новгородѣ, какъ подраздѣленія становъ, назывались погостами, въ Псковѣ губами и др.

§ 2.

Мѣстное приказное управленіе.

Органы мѣстнаго приказнаго управленія; намѣстники и волостели.

Въ половинѣ XVI вѣка мѣстное управленіе на Москвѣ является въ двухъ видахъ: управленія приказнаго, или правительственнаго, и управленія выборнаго, или самоуправленія. Тамъ, гдѣ дѣйствуетъ правительственное управленіе, его органами являются лица, посылаемыя изъ Москвы, которымъ поручается, или приказывается, завѣдываніе тѣмъ или инымъ дѣломъ, а равно и цѣлымъ рядомъ дѣлъ, подобно тому, какъ это дѣлалось въ центрѣ; тамъ, гдѣ дѣйствуетъ самоуправленіе, его органами являются выборные мѣстные люди. Обѣ системы управленія — приказная и выборная — практиковались на Москвѣ иногда одновременно, а именно такимъ образомъ, что въ однихъ мѣстахъ были правительственные органы, выполнявшія извѣстныя функціи власти, въ другихъ — выборные. Какъ само правительство, такъ и населеніе постоянно колебалось между этими двумя системами управленія, прибѣгая, то къ одной, то къ другой, смотря по тому, какая изъ нихъ, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, казалась болѣе примѣнимою на практикѣ. Остановимся теперь лишь кратко на организаціи каждой изъ этихъ двухъ системъ, ввиду того, что многіе вопросы этой организаціи были уже нами разобраны при обзорѣ уставныхъ грамотъ (стр. 255 и сл.).

Обращаясь прежде всего къ мѣстному правительственному, или приказному, управленію, надо сказать, что съ XIV в. до половины XVI столѣтія управленіе это находилось въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей, смѣнившихъ прежнихъ посадниковъ, съ начала-же XVII вѣка учреждаются должности воеводъ. Присоединеніе прежнихъ княженій или удѣловъ въ Москвѣ сопровождалось назначеніемъ въ главные города намѣстниковъ, взамѣнъ ихъ князей, а въ волости, — какъ части даннаго княжества, или въ уѣзды, — волостелей. Обычно намѣстники носили наименованіе тѣхъ городовъ, которые были когда-то стольными городами прежнихъ князей (намѣстникъ Бѣлозерскій, Переяславскій, Владимірскій и пр.) и власть ихъ была подобна власти князей. Намѣстники и волостели были кормленщиками, т. е. лицами, получавшими содержаніе съ жителей натурою, при чемъ размѣръ корма опредѣлялся первоначально уставными грамотами, дававшимися отдѣльнымъ мѣстностямъ, а затѣмъ, какъ видно изъ Царскаго Судебника, уже вообще по книгамъ, которыя велись въ Приказахъ („а безчестье дѣтемъ боярскимъ, за которыми

кормленія, указывати противу доходу, что на томъ кормленьѣ по книгамъ", ст. 26). „Кормъ" намѣстниковъ слагался изъ нѣсколькихъ частей. Во 1-хъ они получали такъ наз. „въѣзжій кормъ", въ неопредѣленномъ размѣрѣ, ввидѣ добровольныхъ приношеній со стороны жителей („взоѣзжаго корму горожане и становые люди намѣстникамъ нашимъ на взоѣздъ что кто принесетъ, то имъ взяти", говоритъ, напр., Бѣлозерская грамота 1488 г.), хотя и этотъ кормъ переводился иногда на опредѣленный взносъ деньгами. Затѣмъ, во 2-хъ, они получали „кормъ" на Рождество, на Пасху, на Петровъ день, въ извѣстномъ установленномъ размѣрѣ, также переводившейся на деньги[1]) и, въ 3-хъ они пользовались различными пошлинами судебными, торговыми и свадебными, а именно, если бракъ совершался между жителями одного и того же города, или волости, намѣстники и волостели получали такъ наз. „свадебное" или „новоженный убрусъ (полотенце)"; если дѣвушка выдавалась замужъ (или „выводилась") въ чужой городъ или волость, имъ платилась такъ наз. „выводная куница". Кормленщикамъ запрещалось самимъ брать назначенные имъ „кормы", а ихъ собирали для нихъ выборные сотскіе[2]).

Кормленія жаловались на срокъ, или были безсрочными, иногда даже — наслѣдственными. Уставныя грамоты, опредѣляя размѣръ „корма", который долженъ былъ итти въ пользу намѣстниковъ, заботились, какъ извѣстно, также о томъ, чтобъ намѣстники, ихъ тіуны и доводчики (судебные пристава) не отягощали жителей своими поборами и постоями („а гдѣ доводчикъ ночуетъ, туто ему не обѣдати, а гдѣ обѣдаетъ, туто ему не ночевати" и т. п.), но это стремленіе правительства ограничить излишніе, противъ обычныхъ и установленныхъ, кормы и повинности не приводило къ желательнымъ результатамъ, въ Москву неслись постоянныя жалобы на невыносимыя тягости, налагаемыя кормленщиками на жителей („намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить намъ не мочно и отъ того-де

---

1) По той-же Бѣлозерской грамотѣ — „на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ . . . съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ 10 денегъ, за бочку овса 10 денегъ, за возъ сѣна 2 алтына; а на Петровъ день дадутъ кормъ намѣстникомъ нашимъ, со всѣхъ-же сохъ, съ сохи за боранъ 8 денегъ, за десятеро хлѣбовъ 10 денегъ. А тіуномъ кормъ Рождественскій и Петровскій вполы намѣстника корму. А доводчикомъ поборъ, со всѣхъ-же сохъ, за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за зобню овса 2 деньги: а на Петровъ день доводчикомъ поборъ, со всѣхъ-же сохъ, за ковригу деньга, за сыръ деньга".

2) „А кормы намѣстничьи и тіуновы и доводчиковы берутъ въ станяхъ сотскіе, да платятъ намѣстникомъ и тіуномъ и доводчикомъ въ городѣ" (ibid).

у насъ въ станяхъ и волостяхъ многія деревни запустѣли“... — говорятъ челобитья), почему въ царствованіе Іоанна IV (по указу 1556 г.) кормы намѣстниковъ и волостелей были отмѣнены и повелѣно было вносить, взамѣнъ ихъ, въ государеву казну опредѣленные денежные налоги. Въ дѣйствительности, однако, система кормленій продолжала существовать фактически до конца изучаемаго періода, сказываясь въ жизни и имперскаго періода. Во всякомъ случаѣ съ Іоанна IV допускались de jure лишь добровольные „приносы“ со стороны жителей, требовать-же себѣ „кормовъ“ правительственныя лица по закону уже не могли.

Намѣстники, замѣнивъ посадниковъ, имѣли, въ общемъ, тѣже функціи власти, какъ и послѣдніе, т. е. они были въ одно и тоже время властью военною и гражданскою, являлись судьями и администраторами. Но, осложненіе задачъ управленія въ Московскомъ государствѣ, сравнительно съ предшествующимъ періодомъ, не могло не отразиться и на положеніи намѣстниковъ, какъ правителей городовъ, и волостелей, какъ правителей волостей-уѣздовъ. Правительственная дѣятельность намѣстниковъ и волостей была гораздо шире и разнообразнѣе дѣятельности посадниковъ; самъ судъ ихъ простирается на большій кругъ дѣлъ, хотя и не въ одинаковой степени для всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Какъ извѣстно, были намѣстники и волостели, за которыми были „кормленія съ боярскимъ судомъ“ и были другіе, „за которыми было кормленіе безъ боярскаго суда“: по 1-му Судебнику, первые могли рѣшать дѣла о холопахъ (о ихъ укрѣпленіи въ холопство и о выдачѣ „отпускныхъ грамотъ“) и дѣла уголовныя (о татяхъ и душегубцахъ и всякихъ лихихъ людяхъ) „безъ доклада“ въ Москву, вторые — не могли (18 и 43 ст.). Ѳ. М. Дмитріевъ думалъ, что по Ц. Судебнику законъ Ивана III былъ перенесенъ „на всѣхъ вообще намѣстниковъ“ и Ц. Судебникъ „всѣмъ равно запрещаетъ безъ доклада „казнить татя, давать отпускныя, правыя холопу и бѣглыя грамоты“, но его утвержденію „о татяхъ“ противорѣчитъ, однако, 60 статья второго Судебника, которая гласитъ, что, если „на кого доведутъ татьбу, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, опричь разбоя, въ которомъ городѣ и волости, а будетъ вѣдомый лихой человѣкъ: и намѣстнику или волостелю велѣти того казнити смертною казнію“ ... Во всякомъ случаѣ, въ постановленіяхъ Судебниковъ о раздѣленіи „кормленій“ на „кормленія съ боярскимъ судомъ“ и „безъ боярскаго суда“, а равно и въ ограниченіи власти тіуновъ (чего не было раньше) нельзя не видѣть, — по справедливому замѣчанію Б. Н. Чичерина, — „государственныхъ распоряженій, возникшихъ изъ

потребности ограничить произволъ судей". Дѣйствительно, должность намѣстниковъ и волостелей имѣла въ себѣ очень много частно-правныхъ чертъ, что и понятно, ввиду того, что намѣстники, какъ это показываетъ само слово, назначались „на мѣсто князя", а власть самихъ князей удѣльнаго времени (какъ долгое время и власть Московскихъ великихъ князей), имѣла также частно-правный характеръ. Намѣстники и волостели правили черезъ своихъ тіуновъ и доводчиковъ, нерѣдко бывшихъ холопами, интересъ „кормленія" стоялъ у нихъ на первомъ планѣ и, если не уничтожалъ совершенно, — какъ думаетъ, напр., тотъ-же Б. Н. Чичеринъ, — интересовъ государственныхъ („управленіе имѣло совершенно видъ владѣнія на частномъ правѣ", говоритъ онъ, „кормленщикъ управлялъ не на князя, а на себя"), то во всякомъ случаѣ значительно заслонялъ этотъ интересъ, такъ какъ, конечно, намѣстники прежде всего „своего прибытка смотрѣли". Отвѣтственность намѣстниковъ и волостелей передъ князьями за свою дѣятельность, смѣна ихъ по жалобамъ населенія, ограниченія ихъ произвола въ сборѣ „кормовъ" въ интересахъ жителей, наконецъ, различія въ размѣрѣ ихъ юрисдикціи, дѣлаемыя Судебниками и неизвѣстныя раньше, увазываютъ на государственныя начала, почему утвержденіе того-же ученаго, что „судъ" кормленщиковъ „имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности" можно принять лишь въ томъ смыслѣ, что общественныя (государственныя) начала еще были слабо развиты въ положеніи этой должности въ дѣйствительности, но, не въ томъ, конечно, что ихъ вовсе не было въ самой идеи должности: имѣя „кормленія", намѣстники и волостели несли за это и извѣстныя обязанности передъ государемъ, какъ правителемъ, значитъ ихъ должность не была только ихъ „частной собственностью".

Опредѣленіе размѣра кормленій, исключеніе изъ круга вѣдомства намѣстниковъ многихъ дѣлъ (по крайней мѣрѣ для намѣстниковъ, за которыми были кормленія безъ „боярскаго суда"), требованіе, чтобъ на судѣ намѣстниковъ присутствовали выборные цѣловальники, составленіе судебнаго протокола нетолько дьякомъ намѣстника, но и выборнымъ земскимъ дьякомъ и другія мѣры значительно ограничили къ половинѣ XVI вѣка власть и произволъ намѣстниковъ. Ея прежняя широкая компетенція не мирилась во 1-хъ съ усиленіемъ централизаціи, а во 2-хъ жалобы населенія на злоупотребленія кормленіями становились все болѣе и болѣе невыносимыми. Отживающее свое время учрежденіе требовало реформы; первоначально эта реформа пошла по пути развитія мѣстнаго самоуправленія и временно вывела изъ областей правительственныхъ агентовъ.

Воеводы; характеристика ихъ должности.

Перейдемъ теперь къ воеводамъ, появляющимся съ начала XVII вѣка, въ качествѣ областныхъ правителей. Держась указаннаго выше взгляда на должность намѣстниковъ, Б. Н. Чичеринъ думалъ, что нетолько „установленіе воеводъ было усиленіемъ правительственнаго начала въ областномъ управленіи“, но и въ самой должности воеводъ, сравнительно съ предшествующими имъ намѣстниками, была громадная разница: „намѣстникъ завѣдывалъ дѣломъ на себя, воевода — на царя; намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода — правитель“. Но, если можно согласиться, что такова была идея должности воеводы, та эта идея не была развита еще вполнѣ и не проводилась на практикѣ безусловно; „начало кормленія“, — какъ справедливо говоритъ другой изслѣдователь вопроса, А. Д. Градовскій — „уцѣлѣло въ воеводской должности“, почему и сама служба воеводы еще разсматривается „какъ милость, какъ временный отпускъ, ради поправленія дѣлъ на счетъ ввѣреннаго города“ [1]). Принципъ „кормленія“ изчезаетъ de jure только при Петрѣ В., когда за исполненіе мѣстныхъ правительственныхъ должностей полагается денежное жалованье. Только тогда, когда это было сдѣлано законодательствомъ, можно было разсматривать всякое иное вознагражденіе, какъ лихоимство и наказывать за него. Что касается Московскаго періода, то, если нельзя на должность намѣстниковъ смотрѣть, какъ „на частную собственность“ имъ всецѣло принадлежавшую, то не слѣдуетъ также преувеличивать значенія перемѣны, совершенной введеніемъ системы воеводскаго управленія, по крайней мѣрѣ, по скольку дѣло идетъ о кормленіи. Если послушать заявленія современниковъ (а ихъ голосъ, конечно, имѣетъ, при оцѣнкѣ значенія должности воеводъ, первенствующее значеніе), то мы не увидимъ большой разницы, между намѣстникомъ-кормленщикомъ и воеводою-правителемъ по отношенію къ вопросу о „кормѣ“ съ населенія. Если въ 1555 г. Іоаннъ IV сознавался,

---

1) Въ юмористической формѣ но вполнѣ вѣрно, однако, изобразилъ С. М. Соловьевъ тотъ взглядъ, какимъ смотрѣлъ самъ воевода и всѣ его окружающіе на свое назначеніе: вотъ бьетъ дворянинъ, напр., челомъ государю о воеводствѣ, челобитная его уважена: „радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство — и честь большая и кормъ сытый. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки, земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня — ключники, подклѣтные: будутъ сыты; прыгаютъ малые ребята и ихъ не забудутъ; пуще прежняго, отъ радости, несетъ вздорныя рѣчи юродивый, живущій во дворѣ: ему тоже будутъ подачи. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу. Вотъ вдали уже видна соборная церковь города“ . . .

что „жаловали мы напередъ сего бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, городы и волости давали имъ въ кормленія, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная“ (на злоупотребленіе „кормленщиковъ“), то эти челобитья и „докука“ не прекратились и со времени введенія воеводскаго управленія, какъ это частію можно видѣть изъ заявленій выборныхъ на З. Соборахъ, частію изъ другихъ данныхъ, говорящихъ о грабительствѣ и лихоимствѣ воеводъ и ихъ товарищей. Интересно отмѣтить, что, хотя правительство, отмѣнивъ „кормленія“, какъ обязанность населенія, предписывало (какъ это видно, напр., изъ одного акта отъ 1615 г.) послѣднему „воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самимъ себѣ убытковъ не чинить“, но воеводы брали эти кормы силою. Правительство не могло съ этимъ сладить вполнѣ: кратковременность назначенія воеводъ на должности, запрещеніе пріѣзжать на воеводства съ своими родственниками и другія мѣры мало помогали дѣлу; въ частности — запрещеніе указомъ воеводамъ брать кормы лучше всего показываетъ, что они de facto существовали и воевода неменьше прежняго намѣстника-кормленщика заботился о томъ, чтобъ быть сытымъ на воеводствѣ [1]). Поборы, — бравшіеся незаконно воеводами, особенно воеводами отдаленныхъ отъ центра мѣстъ, напр., Сибири — заставляли правительство прибѣгать, при смѣнѣ ихъ, къ ихъ обыскамъ. Такъ, для этихъ обысковъ была даже устроена особая застава въ Верхотурьѣ.

Причина и время введенія должностіи воеводъ; функціи воеводъ и порядокъ отвѣтственности.

Обращаемся, послѣ этой общей характеристики воеводской должности, къ краткому разсмотрѣнію вопроса о причинахъ введенія ея, времени появленія воеводъ, о назначеніи воеводъ, о функціяхъ ихъ и порядкѣ отвѣтственности, правахъ и обязанностяхъ. Воеводы являются съ начала XVII вѣка, когда потребность въ централизаціи и усиленіи правительственнаго начала въ управленіи мѣстномъ начинаетъ особенно сказываться, а именно, когда надо было имѣть въ этомъ управленіи лицо, которое не замѣняло-бы только князя-государя, но было-бы болѣе подчинено центральнымъ его органамъ, чѣмъ прежній намѣстникъ. Если, кромѣ того, придавать значеніе самому наименованію должности, то можно согласиться съ мнѣніемъ

1) Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствовали торговые люди на Азовскомъ Соборѣ, говоря царю, что „въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ... а при прежнихъ государяхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было“.

проф. В.-Буданова, что причина введенія воеводъ съ дьяками заключается въ томъ, что „смутная эпоха обнаружила необходимость имѣть въ каждомъ городѣ военную власть и, сверхъ того, такой органъ управленія, который-бы связывалъ провинцію съ центромъ и простирало свою власть на всѣ классы провинціальнаго общества (а не на однихъ тяглыхъ людей)“. Само введеніе воеводъ относится къ смутному времени, такъ какъ, по утвержденію одного оффиціальнаго акта, „при ц. Ѳедорѣ Ивановичѣ и при ц. Борисѣ по 113-й годъ (1606 г.) — по Ростригинъ приходъ — . . . воеводъ не было, а были судьи и губные старосты и городовые прикащики“.

Воеводы, обыкновенно, назначались на каждый городъ съ его уѣздомъ, но такъ какъ нѣкоторые уѣзды заключали въ себѣ по нѣскольку городовъ, съ прилежащими къ нимъ землями, другіе же — одинъ городъ, то воевода могъ вѣдать, смотря по удобству, нѣсколько городовъ. Сами города въ свою очередь, дѣлались на главные (большіе), средніе и меньшіе. Въ первые (какъ напр., въ Новгородъ, Смоленскъ, Казань, Тобольскъ и др.) посылались воеводами знатнѣйшія лица и высшіе „чины“ и при томъ „съ товарищи“, или съ дьяками, принимавшими также участіе въ управленіи воеводъ; въ малые — безъ нихъ. Воеводы съ дьяками имѣли больше власти, чѣмъ воеводы безъ нихъ. Товарищи воеводъ назначались, обычно, „чиномъ“, или двумя, ниже воеводы: съ боярами назначались окольничіе и дьяки; съ окольничими — стольники и дьяки и т. д. Назначеніе къ воеводамъ товарищей или дьяковъ, а равно и предписаніе имъ „вѣдать дѣла вмѣстѣ безъ всякой розни“, даетъ нѣкоторымъ ученымъ основаніе думать (напр., проф. Сергѣевичу и др.), что „воеводское управленіе въ большинствѣ случаевъ были не единоличнымъ, а коллегіальнымъ“. Но то, что мы говорили объ отсутствіи коллегіальности въ Приказахъ, относится вполнѣ и къ мѣстному правительственному управленію на Москвѣ: юридической опредѣленности между взаимными отношеніями членовъ этого управленія не было, а, слѣдовательно, оно не было и коллегіальнымъ, въ строгомъ значеніи этого выраженія. Воевода, конечно, долженъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ своими товарищими и, если всѣ они „межъ себя чинили рознь и несогласіе и той своею рознью чинили государеву дѣлу поруху“, ихъ наказывали, но, не говоря уже о томъ, что памятники времени сохранили множество данныхъ, говорящихъ о самовластіи воеводъ и несогласіяхъ ихъ съ товарищами, нельзя говорить о коллегіальности управленія воеводъ, разъ не было установлено рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ.

Служба воеводъ, обыкновенно, продолжалась не болѣе 3-хъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, что вызывалось, во 1-хъ необхо-

димостью „дать покормиться“ и другимъ лицамъ, а 2-хъ сдерживать тѣмъ нѣсколько воеводъ въ ихъ дѣйствіяхъ. Такъ какъ воеводство назначалось, обыкновенно, въ награду за прежнюю военную службу, то заслуги на этой службѣ всего болѣе и принимались въ расчетъ. Есть однако, примѣры, что въ воеводы назначали, или служившимъ удлиняли срокъ пребыванія въ томъ же городѣ, по просьбѣ жителей.

Ввиду того, что понятіе о раздѣленіи властей (собственно — функцій власти) не было вообще развито на Москвѣ, воеводы имѣли въ своемъ вѣдомствѣ всѣ отрасли тогдашняго мѣстнаго управленія, а именно они вѣдали дѣла военныя, дипломатическія, духовныя, судебныя, финансовыя, полицейскія и пр. и при томъ не въ томъ смыслѣ общаго надзора за управленіемъ, какой здѣсь имѣли впослѣдствіи (въ XVIII вѣкѣ) смѣнившіе воеводъ губернаторы, а въ смыслѣ непосредственной власти во всемъ мѣстномъ управленіи. „Съѣзжая изба“ гдѣ засѣдалъ воевода, дьякъ и подъячіе, была сосредоточіемъ всего управленія: воевода, и судилъ, и подати собиралъ, и заботился о ратномъ дѣлѣ, и о полицейскомъ благоустройствѣ и пр. Указанный кругъ вѣдомства воеводъ простирался нетолько на городъ, но и на уѣздъ, приписанный къ городу, такъ что власть воеводы (кромѣ Сѣвера) объединяла въ единое управленіе всѣ части уѣздной администраціи, какъ приказной, такъ и выборной. Таковъ былъ общій характеръ должности. Что касается объема власти воеводъ, то, между прочимъ, въ отношеніи судебномъ, они имѣли различную степень власти. Именно, по С. Уложенію (гл. XIII, 3), „воеводы малыхъ городовъ“ въ гражданскихъ искахъ до 20 р. сами даютъ судъ, а въ болѣе цѣнныхъ, равно какъ въ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ дѣлахъ, „суда не даютъ“, за исключеніемъ тѣхъ городовъ, гдѣ съ воеводами бываютъ дьяки; для воеводъ большихъ городовъ ограниченія заключаются только въ томъ, что они посылаютъ на Москву тѣ дѣла, „которыхъ имъ зачѣмъ-либо вершить (т. е. рѣшить) будетъ немочно“. Въ уголовныхъ дѣлахъ воеводы судили всѣ важнѣйшія преступленія (кромѣ государственныхъ) и постановляли по нимъ рѣшенія. Смертные приговоры, впрочемъ, постановлялись только воеводами нѣкоторыхъ городовъ. Тамъ, гдѣ были губные старосты (о которыхъ скажемъ особо), воеводы не вѣдали, обыкновенно, уголовнаго суда, или вѣдали его вмѣстѣ со старостами. Кромѣ судебной дѣятельности, военное и финансовое вѣдомство также составляло важный предметъ заботъ каждаго воеводы. Пріѣхавъ въ городъ, они должны были осмотрѣть его крѣпость, укрѣпить или поправить ее, снабдить всѣмъ нужнымъ, имѣть отъ нея ключи, вѣдать ея гарнизонъ, заботиться о надлежащемъ сборѣ служилыхъ людей и т. п. Въ

финансовомъ отношеніи они должны были прилагать стараніе къ успѣшному сбору податей и пошлинъ, надзирать за таможеннымъ, кабацкимъ и всякимъ другимъ управленіемъ и вообще не упускать фискальныхъ интересовъ государства.

Воеводская должность представляетъ интересъ по тому взгляду, какой имѣло тогда государство вообще на управленіе, унаслѣдовавъ этотъ взглядъ изстари. Не говоря уже о неопредѣленности функцій воеводской должности, открывавшей просторъ злоупотребленіямъ и пр. (въ наказахъ воеводамъ нерѣдко предписывалось дѣйствовать „какъ пригоже“, „по своему усмотрѣнію, какъ Богъ вразумитъ“ и т. п.), сама отвѣтственность и отчетность ихъ передъ центральнымъ управленіемъ была всего болѣе проводима на практикѣ по отношенію къ дѣламъ финансовымъ. Воеводы больше всего отвѣчали за убытки, причиненные царской казнѣ, происходили ли эти убытки по винѣ воеводы или нѣтъ; затѣмъ уже воеводы отвѣчали за взятки, насилія и притѣсненія мѣстныхъ жителей. Указы угрожали за все это „опалою“ или „великою опалою“ государя. Вопросъ объ отвѣтственности нерѣдко возбуждался (въ случаяхъ насилія, лихоимства воеводъ), по просьбѣ самыхъ мѣстныхъ жителей, неустанно посылавшихъ челобитья въ Москву, такъ какъ страшныя злоупотребленія воеводъ выводили населеніе изъ терпѣнія. За взятки и убытки, причиненные воеводою мѣстнымъ жителямъ (С. Уложеніе, гл. X, ст. 156), положено было взыскивать взятое для возвращенія челобитчикамъ и, кромѣ того, налагать пеню, „что государь укажетъ, смотря по дѣлу“. Вообще уголовная отвѣтственность воеводъ была совершенно неопредѣленна: виновный, смотря по обстоятельствамъ, могъ подвергнуться смерти, конфискаціи имуществъ, штрафу, удаленію отъ должности и т. д.

Права и обязанности воеводъ.

Права и обязанности воеводъ, частію указанныя выше, опредѣлялись, обыкновенно, даваемыми имъ отъ правительства „наказами“. „Наказы“ эти впрочемъ, отличались полнотою и опредѣленностью главнымъ образомъ только по отношенію къ сбору податей, военному дѣлу и къ объему судебной власти воеводъ. Способы и время исполненія какъ своихъ обязанностей, такъ равно и правительственныхъ распоряженій, предоставлялись личному такту и сообразительности воеводъ, почему наказы позволяютъ воеводамъ поступать, „смотря по тамошнему дѣлу и своему высмотру“. Если, съ одной стороны, предоставленіе извѣстной свободы дѣйствій было вполнѣ разумно и необходимо, ввиду невозможности, изъ отдаленнаго нерѣдко центра, предусмотрѣть всѣ мѣстныя обстоятельства, то, съ другой, это порождало произволъ, особенно, конечно, потому, что организація контроля надъ дѣятельностью воеводъ была весьма неудовлетворительна.

Воеводы, помимо вотчинъ и помѣстій, которыя они имѣли, какъ служилые люди, получали иногда денежные оклады жалованья. По уничтоженіи de jure „кормленій“, послѣднія, какъ уже сказано, существовали de facto, ввидѣ добровольныхъ „приносовъ“ и въ Московскихъ Приказахъ отлично знали, сколько каждый городъ можетъ дать такихъ „приносовъ“ безъ вымогательствъ, а тотъ воевода считался честнымъ, которымъ довольствовался „дарами въ почесть“, какъ тогда говорилось. Воеводамъ неразъ потверждалось не брать кормовъ съ жителей и не заставлять ихъ что-либо на себя дѣлать, а С. Уложеніе запрещало воеводамъ входить съ жителями въ какія-либо обязательственныя отношенія, но всѣ эти запрещенія постоянно нарушались.

Около воеводъ былъ цѣлый рядъ подчиненныхъ имъ органовъ мѣстнаго управленія. Таковы были разныя военныя власти (стрѣлецкіе, пушкарскіе, казацкіе, засѣчные и осадные головы), полицейскіе (объѣзжіе головы). Въ XVI в. еще во многихъ городахъ являются, вмѣсто намѣстниковъ, городовые приказчики, вѣдавшіе финансовыя дѣла, а именно сборъ податей и отправленіе повинностей. Они были выборные.

§ 3.

Органы выборнаго управленія.

Причины введенія органовъ земскаго самоуправленія на Москвѣ.

Какъ уже указывалось, на Москвѣ въ половинѣ XVI вѣка, частію наряду съ органами мѣстнаго правительственнаго управленія, являются органы выборные. Въ сущности, это появленіе органовъ самоуправленія не было совершенною новостью, такъ какъ участіе въ судѣ „добрыхъ людей“, или „судныхъ мужей“, а выборныхъ старостъ — въ управленіи различныхъ „міровъ“ (волостей, посадовъ и пр.[1]), явленіе изстаринное на Руси, ново было лишь ихъ огосударствованіе и уступка имъ со стороны центральнаго правительства своихъ мѣстныхъ функцій, ввиду невозможности ихъ использовать черезъ собственныхъ ненадежныхъ агентовъ[2]). Первоначальнымъ

---

1) См. Г. В. Демченко: 1) „Къ вопросу объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ“ (Сборникъ статей по исторіи р. права“ въ честь М. Ф. Вл.-Буданова, К., 1903 г.). 2) „Изъ исторіи судоустройства въ древней Руси“ (Варшава, 1909 г.), гдѣ собраны данныя объ участіи народа въ судѣ, и М. М. Богословскаго „Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ XVII в.“ (М., 1909 г.), гдѣ изслѣдуется выборное мірское устройство въ его наиболѣе живучей средѣ — на поморскомъ Сѣверѣ.

2) М. М. Богословскій такъ формулируетъ сущность указанной реформы: возникновеніе земскаго самоуправленія, введеннаго грамо-

мотивомъ къ предоставленію тяглымъ людямъ выборнаго самоуправленія было выставлено желаніе облегчить ихъ положеніе, сдѣлавшееся невыносимымъ отъ произвола, „отъ продажъ и убытковъ“, чинимыхъ имъ кормленщиками, т. е. намѣстниками, волостелями и другими органами, какъ это уже отмѣчалось нами при обзорѣ уставныхъ грамотъ. Охотное-же признаніе этого самоуправленія правительствомъ больше всего объясняется, кажется, тѣмъ соображеніемъ, что правительство, не довѣряя собственнымъ органамъ (ввиду невозможности установить надъ ними строгій и цѣлесообразный контроль), хотѣло привлечь къ наиболѣе важнымъ, съ его точки зрѣнія, должностямъ — именно къ финансовымъ, а затѣмъ и уголовнымъ — лучшихъ представителей самого населенія, конечно, съ тою цѣлію во 1-хъ, чтобы сдѣлать населеніе отвѣтственнымъ за убытки, которые можетъ потерпѣть казна, а въ 2-хъ потому, что предполагало, что выборныя лица не будутъ отличаться тѣмъ произволомъ и тѣми вымогательствами, какими отличались правительственные агенты провинціи, возбуждавшіе въ населеніи постоянныя жалобы. Эти соображенія подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что выборныя или вѣрныя, т. е. „присяжныя должности“, привились болѣе всего къ дѣламъ финансовымъ и къ такъ наз. губному институту. Такъ, напр., выборные земскіе старосты и цѣловальники завѣдывали, между прочимъ, раскладкою и сборомъ податей, отправленіемъ населеніемъ повинностей, мірскими выборами и пр. (мѣстомъ ихъ присутствія была такъ наз. земская изба), воеводамъ-же строго запрещалось „въ денежные ихъ сборы и въ мірскія дѣла вступаться и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимать. . ., и (выборныхъ) не перемѣнять.“

тами XVI вѣка, отмѣнявшими правительственныхъ агентовъ областной администраціи и передавшими ихъ обязанности выборнымъ отъ земскихъ міровъ“, говоритъ онъ, „не одновременно съ возникновеніемъ самихъ земскихъ міровъ, которымъ самоуправленіе было предоставлено. Не такъ называемой реформѣ Ивана Грознаго, не земскимъ и губнымъ грамотамъ обязаны земскіе міры своимъ происхожденіемъ. Они возникли задолго до грамотъ, они выростали органически и складывались самою жизнью, хотя и не безъ воздѣйствія со стороны государства. Суть земской реформы XVI вѣка заключалась не въ созданіи этихъ общественныхъ союзовъ, а только въ томъ, что уже готовымъ, сложившимся и сформировавшимся, союзамъ-мірамъ переданы были государственныя дѣла, до того времени поручавшіяся правительственнымъ агентамъ: сборъ тягла и отправленіе правосудія. Такимъ образомъ, земскіе міры изъ частно-правовыхъ союзовъ становились публично-правовыми организаціями.“ „Кредитъ въ земскомъ хозяйствѣ XVII в. . . .“ (Сборникъ статей, посв. В. О. Ключевскому, ч., стр. 29).

Порядокъ выборовъ.

Земскіе старосты выбирались посадскими людьми и черными волостными крестьянами, а служилые люди въ выборахъ ихъ не участвовали. Такимъ образомъ должность эта не имѣла всесословнаго характера, какъ не имѣлъ ея посадъ, или волость, чѣмъ земскій староста существенно отличался (не говоря уже о различіи въ ихъ функціяхъ) отъ губнаго старосты, выбираемаго всѣми жителями своего округа. Отвѣтственность за сборы лежала на выборныхъ, которые въ случаѣ недоимокъ, или становились „на правежъ“, или прямо уплачивали ихъ изъ своихъ средствъ, для чего во всѣ эти выборныя должности старались подыскать людей состоятельныхъ. Выборными головами и цѣловальниками завѣдывались и такъ-наз. кабацкіе и таможенные сборы. Обыкновенно, въ кабацкіе и таможенные головы и цѣловальники избирались посадскіе и торговые люди, являвшіеся прямо правительственными чиновниками, устраивавшими питейное и таможенное дѣло (таможни, заводы, кружечные дворы и т. д.), преслѣдовавшими контрабанду и т. д. Правительство, обыкновенно назначало общій окладъ сбора и, если онъ не добирался головами и цѣловальниками, то весь недоборъ взыскивался съ нихъ, или съ ихъ избирателей. Иногда этотъ сборъ отдавался на откупъ желающимъ, причемъ правительство почти постоянно, смотря по мѣстностямъ и разнымъ соображеніямъ, мѣняло систему откупа на отдачу сборовъ „вѣрнымъ“ должностямъ и обратно. Въ избраніи вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ участвовали богатые людп изъ мѣстныхъ жителей (въ большіе города, какъ Архангельскъ, присылались, впрочемъ, гости и торговые люди изъ Москвы), причемъ предписывалось выбирать людей „добрыхъ“, „не воровъ, не бражниковъ, которые были бы душою прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны“; иначе — отвѣчали за убытки сами ихъ избиратели. Жители очень тяготились этими должностями, какъ отвѣтственными, и просили часто объ освобожденіи отъ нихъ. „Вѣрныя“ должности, явившись еще въ XVI в., не потеряли своего значенія и въ концѣ XVII в., хотя въ это время воеводское управленіе пріобрѣло большее значеніе. Это служитъ яснымъ доказательствомъ, что правительство признавало эти должности именно потому, что они доставляли ему, если не всегда безупречныхъ, то всегда отвѣтственныхъ за ущербы казны лицъ. Небезъинтересно, что „начальныя“ выборныя лица никогда почти не несли службы въ томъ округѣ, гдѣ были избраны, такъ что ихъ связь съ мѣстнымъ населеніемъ прерывалась вмѣстѣ съ ихъ избраніемъ.

Наконецъ на Москвѣ были выборныя судебныя должности.

Къ концу XVII в. еще дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ остатокъ прежней системы, выборные земскіе судьи, называвшіеся въ памятникахъ „излюбленными головами и старостами, земскими судейками“ и т. д. Эти земскіе судейки дѣйствовали преимущественно въ дворцовыхъ и черныхъ селахъ и волостяхъ, будучи даваемы, какъ извѣстно, населенію, вслѣдствіе челобитій, особыми жалованными грамотами. Они судили гражданскіе иски крестьянъ и посадскихъ людей между собою, но, тяжбы ихъ съ посторонними людьми, обыкновенно, переносились въ Москву; иногда земскіе судейки принимали участіе въ уголовномъ вѣдомствѣ губныхъ старость.

Общій характеръ выборныхъ должностей.

Всѣ разсмотрѣнныя должности были служебнымъ тягломъ, которое налагалось на извѣстн. классы общества. Были, однако, выборныя должности, являвшіяся земскою властью. Это именно такъ наз. губные старосты и цѣловальники, установленные при Іоаннѣ Грозномъ, въ отвѣтъ на просьбы общинъ о дозволеніи имъ самимъ преслѣдовать и казнить разбойниковъ. Все населеніе губнаго округа должно было принимать участіе въ выборѣ губного старосты, безъ различія тѣхъ группъ, на которыя это населеніе распадалось. Самъ губной округъ былъ обширенъ (въ противоположность земскому округу, бывшему нерѣдко очень мелкимъ). Царь давалъ жителямъ т. наз. губныя грамоты, которыми имъ дозволялось просимое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возлагалась отвѣтственность, личная и имущественная, за непоимку разбойниковъ. Являясь въ началѣ носителями права суда, дарованнаго общинамъ въ XVI в., губные старосты и цѣловальники въ теченіи XVII в., получили значеніе главнымъ образомъ приказное: имъ приказывается охранять общество отъ воровъ и разбойниковъ и казнить послѣднихъ безъ пощады (право сначала предоставленное общинамъ). Затѣмъ они постепенно завоевывали все большее и большее значеніе. Невходя въ подробности, замѣтимъ, что, постепенно усиливая свой надзоръ за этими должностями, правительство усилило и объемъ власти губнаго вѣдомства; напр., къ прежнимъ дѣламъ, которыя вѣдали названныя лица, указъ 1669 г. присоединяетъ совращеніе изъ православія, насиліе надъ женщинами, непочтеніе къ родителямъ и пр.; затѣмъ большая часть дѣлъ рѣшается губнымъ управленіемъ окончательно; губные старосты завѣдывали также тюрьмами. Такъ XVII вѣкъ заканчивался здѣсь, какъ и во всемъ, усиленіемъ приказнаго начала, дурно сказывавшимъ, между прочимъ, на положеніи губныхъ старостъ, тяготившихся своей выборною должностью и неопредѣленностью

отношеній къ воеводамъ[1]). Надо еще отмѣтить, что губныя учрежденія, — какъ несоотвѣтствующія, по идеѣ, государственному началу, всюду строго и неуклонно проводившемуся Петромъ В.,— перестали существовать съ начала XVIII в., а именно съ 1702 г., когда дѣла, вѣдавшіяся этими учрежденіями, входятъ уже въ кругъ вѣдомства воеводъ[2]).

1) Нѣкоторые бытовыя данныя о положеніи губныхъ старостъ находимъ въ статьѣ Ю. В. Арсеньева „Изъ дѣлопроизводства Каширскихъ губныхъ старостъ во II половинѣ XVII в. („Труды Археограф. Комиссіи Им. Московскаго Археологическаго Общества“, т. II, № 6, 1900 г.).

2) Указъ 10 Марта 1702 г. гласитъ: „въ городахъ губнымъ старостамъ и сыщикамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводы дворянамъ . . .“ (П. С. З., IV, № 1900).

Періодъ III.

ОТДѢЛЪ I.

Источники права.

Введеніе.

Общее направленіе законодательной дѣятельности въ періодъ имперіи и характерныя его особенности.

Новая исторія наша открывается, какъ извѣстно, большимъ преобразовательнымъ движеніемъ, подъятымъ Петромъ В. и его ближайшими сотрудниками[1]). Петровская реформа, въ цѣломъ, не была реформою одностороннею, направленною на организацію одной какой-либо области государственной или общественной жизни. Наоборотъ, одною изъ ея особенностей былъ ея универсальный характеръ, благодаря которому *все* было такъ или иначе задѣто ею, хотя далеко не все перестроено по планамъ великаго императора. Этотъ универсальный характеръ реформы, — заставившій еще одного изъ ея современниковъ (Неплюева) сказать, что „на что въ Россіи ни взгляни, все его (Петра) *началомъ имѣетъ* и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего *источника* черпать будемъ“ — можетъ быть съ ясностью выясненъ лишь при изученіи отдѣльныхъ сторонъ преобразовательныхъ мѣропріятій Петра В. Послѣднія касались, либо тѣхъ или иныхъ сторонъ быта *государственнаго*, либо

---

1) Объ участіи русскаго общества въ реформаторской дѣятельности Петра В. см. Н. П. Павлова-Сильванскаго „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В.“ (С.-П., 1897 г.); сводъ данныхъ объ отношеніи къ реформѣ Петра вообще дается въ изслѣдованіи Е. Ф. *Шмурло* „Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства“ (С.-П., 1912 г.). Выпускъ I (XVIII вѣкъ); о кругѣ лицъ, стоявшихъ около реформатора, см. ст. В. О. *Ключевскаго* „Петръ В. среди своихъ сотрудниковъ“ (Очерки и рѣчи, М. 1913 г.).

быта частнаго, гражданскаго[1]). Въ области перваго реформа подняла и своеобразно разрѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи, о реорганизаціи центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, дала новую податную систему и пр. Подробныя характеристики мѣропріятій Петра В. въ области государственнаго права, съ одной стороны, уясненіе связей реформы съ послѣдующимъ движеніемъ законодательства, съ другой, и будетъ основною задачею послѣдующихъ нашихъ очерковъ. Но прежде, чѣмъ перейти къ изученію отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи государственнаго права новаго періода, необходимо коснуться кратко того общаго направленія, какое принимаетъ у насъ законодательство съ тѣхъ поръ, какъ Петръ В. начинаетъ свою реформаторскую дѣятельность. Направленіе нашего законодательства получаетъ съ Петра В. особый характеръ, неизвѣстный прежде. Направленіе законодательства больше всего, на нашъ взглядъ, и отличаетъ Петербургскій періодъ исторіи нашей отъ Московскаго, ибо именно въ средствахъ, которыми стали пользоваться реформаторы съ XVIII вѣка, и заключается глубокая разница между ними и законодателями XVI—XVII вѣковъ. Цѣли реформы, въ общемъ, намѣчены были всѣмъ ходомъ исторіи уже XVII вѣка, — вѣка, также искавшаго разумнаго сближенія съ Западомъ, также стремившагося воспринять оттуда техническія усовершенствованія и обновить нѣкоторыя устарѣлыя формы жизненныхъ отношеній и т. д. Съ точки зрѣнія цѣлей реформы, Петръ В. былъ несомнѣнно продолжателемъ реформаціоннаго періода, начавшагося еще въ XVII вѣкѣ. Съ точки-же зрѣнія ея средствъ, Петръ В. и особенно нѣкоторые изъ неумѣлыхъ продолжателей его дѣла являлись вполнѣ новаторами, неимѣвшими корней въ прошедшемъ, что и отразилось прежде всего на ходѣ, направленіи самого законодательства.

Какъ извѣстно, на Москвѣ главнѣйшимъ источникомъ законодательства было право обычное, т. е. совокупность тѣхъ юридическихъ нормъ, которыя слагались въ самомъ обществѣ путемъ долговременной практики, путемъ жизненнаго опыта. Законодатели на Москвѣ нерѣдко лишь санкціонируютъ въ своихъ нормахъ то, что соотвѣтствуетъ народнымъ правовоззрѣніямъ. Отъ вліянія этихъ правовоззрѣній довольно рѣдко уходили распоряженія Московскихъ государей и приговоры ихъ законодательныхъ органовъ. Были, конечно, вліянія иноземныя на законодатель-

1) Общій очеркъ основныхъ началъ Петровскаго законодательства въ области государственнаго и гражданскаго права см. въ моемъ изслѣдованіи „О наказаніи по законодательству Петра В., въ связи съ реформою“ (М., 1891 г.).

ство, вліянія личныхъ свойствъ законодателей и т. д., но все это почти не мѣшало законодательству находить свое содержаніе по преимуществу въ правѣ обычномъ, т. е. въ правѣ, по характеру своему, наиболѣе консервативномъ и національномъ. Слѣдуя по преимуществу началамъ этого права, законодатель въ нормахъ своихъ не отрывается отъ почвы, отъ традицій, выработанныхъ вѣками, хотя, конечно, въ тоже время и труднѣе сбрасываетъ съ себя, съ своей мысли, остатки старины, вредные нерѣдко для прогресса общества.

Въ періодъ Петербургскій право творится уже не путемъ обычая, только санкціонируемаго верховною властью, но путемъ закона, какъ самостоятельнаго источника, проводящаго въ жизнь свои цѣли, свои принципы. Иначе говоря, законодатели, въ своей творческой реформаторской дѣятельности, очень часто вовсе не справляются съ народными нравами и обычаями, а ищутъ содержанія для своихъ нормъ, какъ въ тѣхъ образцахъ иноземныхъ источниковъ права, какіе считаютъ наилучшими, такъ и созидаютъ свои учрежденія и правила по началамъ тѣхъ теорій западныхъ и русскихъ мыслителей, или публицистовъ, какія выставляетъ ученость ихъ вѣка. Въ высшей степени важныя послѣдствія вытекаютъ отсюда.

Во-первыхъ, рядъ государственныхъ учрежденій, какъ Коллегіи, Министерства, Магистраты и. т. д., являются, или прямо пересаженными къ намъ съ своей шведской, французской или нѣмецкой почвы, или, если и переходятъ къ намъ видоизмѣненными, согласно мѣстнымъ условіямъ, то все-таки представляютъ собой часто рядъ учрежденій, непринаровленныхъ другъ къ другу, противорѣчащихъ одно другому, такъ какъ одни изъ нихъ, напр., проводятъ принципъ коллегіальности въ управленіи, другія — начала личнаго управленія и т. д.

Во-вторыхъ, нормы законодательства, созидаясь теоретически, по образцамъ или ученіямъ своимъ и иноземнымъ, теряютъ постепенно тотъ казуистическій характеръ, какимъ нерѣдко они отличаются въ деревности. Законы отъ этого, конечно, весьма выигрываютъ со стороны формы и содержанія, такъ какъ теперь они, болѣе умѣло, чѣмъ прежде, развиваютъ общія правовыя положенія и общія начала. Несомнѣнно также, что весьма часто эти начала принадлежатъ къ болѣе высокому порядку политическихъ и общественныхъ идей, чѣмъ таковыя же идеи Московскаго законодательства (однако, невсегда: правила судопроизводства, взятыя Петромъ В. изъ устарѣлыхъ шведскихъ и нѣмецкихъ источниковъ, были ниже, по доистинству, дѣйствовавшихъ у насъ до него). На юридическую мысль законодателя начинаютъ вліять такіе западные мыслители, какъ Лейбницъ, Монтескье, Беккарія, нѣкоторые изъ энциклопедистовъ,

Бентамъ и мн. др., или такіе кодексы, какъ Code Napoléon, или такіе порядки, какъ французскіе, англійскіе, и т. д. Какъ слѣдствіе этого изученія западныхъ мыслителей и законовъ начинаютъ появляться у насъ цѣлые теоретическіе трактаты, указывающіе основанія и направленіе желаемыхъ правителями реформъ, какъ, напр., „Правда воли монаршей“ при Петрѣ, знаменитый Екатерининскій „Наказъ“, или „общія основанія права“ (principia iuris), представленныя императору Александру I министромъ юстиціи Лопухинымъ въ 1803 году, или извѣстный планъ Сперанскаго по составленію Свода законовъ, или многіе проекты конституцій и т. д. Взятыя безотносительно къ нашему отечеству, нѣкоторыя изъ этихъ теоретическихъ построеній, несомнѣнно, очень важны. Екатерининскій Наказъ былъ, напр., для своего времени замѣчательнымъ произведеніемъ, какъ былъ таковымъ же и проектъ гражданскаго Уложенія 1809 года, составленный Сперанскимъ подъ вліяніемъ французскаго кодекса. Но, обращаясь къ изслѣдованію практическаго значенія подобныхъ построеній у насъ, мы должны сказать, что они нерѣдко оставались только на бумагѣ, или-же, — если и примѣнялись на практикѣ, — то переработывались русскою жизнью по своему, такъ что нерѣдко подъ новою формою скрывалось содержаніе старое. Такъ, напр., коллегіальныя формы учрежденій, введенныя Петромъ В., не мѣшали правительственнымъ агентамъ практиковать личный произволъ въ управленіи. И это понятно почему: теоріи, проходившія съ Запада, отвѣчали, обыкновенно, тѣмъ потребностямъ и тѣмъ стремленіямъ, какія назрѣвали именно тамъ, гдѣ созидались сами эти теоріи; эти потребности и стремленія могли не соотвѣтствовать нашимъ условіямъ, а потому и сами теоріи, ими порожденныя, оставались у насъ безъ примѣненія, несмотря на всю ихъ важность. Какъ справедливо было замѣчено въ одномъ комитетѣ, разсматривавшемъ вышеуказанный проектъ Сперанскаго, „искусные люди могутъ, конечно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя (въ странѣ), началами чужеземными, то ихъ Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія о правѣ несуществующемъ“. Можно, конечно, по справедливости, утверждать, что въ этихъ великихъ теоріяхъ и планахъ, — хотя-бы и не порожденныхъ мѣстными условіями и интересами, — все таки было зерно общечеловѣческой правды, каково, напр., начало законности въ управленіи, или начало народнаго представительства и т. д. Правда эта, въ извѣстной своей постановкѣ, была пригодна для всѣхъ культурныхъ странъ и народовъ. Но зерно этой правды надо было умѣть извлечь изъ его

мѣстной оболочки, надо было умѣть глубоко-сознательно отнестись къ чужой теоріи, переработать ее такъ, чтобъ она могла хорошо привиться къ нашимъ условіямъ, но этого-то часто и не было, да и не могли быть по условіямъ времени, когда нерѣдко ограничивались начертаніемъ хорошаго закона, или сочиненіемъ глубокаго, по идеи, политическаго трактата, неозаботившись въ тоже время созданіемъ пригодной почвы для ихъ осуществленія въ жизни.

Благодаря этому громадному (мало переработанному внутренно) напору образцовъ разнородныхъ западныхъ учрежденій и идей, русскій человѣкъ, дѣйствовавшій въ наиболѣе подражательныя эпохи, вырабатываетъ въ себѣ, или большую способность приспособленія (особенно приспособленія внѣшняго, чрезъ которое воспринимаютъ болѣе форму, чѣмъ содержаніе новаго, а потому и мало успѣваютъ въ реформахъ), или-же вовсе уходитъ изъ-подъ вліянія новыхъ началъ законодательства, ему чуждыхъ, что, въ дѣйствительности, и случилось у насъ, напр., съ населеніемъ крестьянскимъ, живущимъ доселѣ, въ массѣ, на основахъ своего особаго обычнаго права, иногда совершенно расходящагося съ писаннымъ закономъ. Какъ извѣстно, у насъ цѣлые милліоны крестьянъ, мѣщанъ и проч. донынѣ нетолько не знаютъ „Свода Законовъ Россійской Имперіи“ по причинамъ внѣшнимъ (бѣдности, безграмотности и т. д.), но и не имѣютъ возможности примѣнять его постановленія по причинамъ внутреннимъ: эти постановленія часто совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ихъ быту, потребностямъ и интересамъ. Законы писались не для этой массы и она жила не по ихъ принципамъ.

Какъ слѣдствіе вышесказаннаго направленія законодательства, надо еще отмѣтить, что, по примѣру Запада, въ XVIII вѣкѣ развивается у насъ, въ небывалыхъ прежде размѣрахъ, значеніе правительственной иниціативы во всѣхъ вопросахъ жизни государственной и общественной, а наряду съ этимъ глохнетъ общественная самодѣятельность. Если припомнить, что говорилось нами неразъ о вліяніи челобитій на Московское законодательство то будетъ ясно, что этотъ процессъ громаднаго развитія правительственной иниціативы въ XVIII является прямо противоположнымъ процессу развитія общественной иниціативы, отлившейся на Москвѣ въ челобитьяхъ. Надо также замѣтить, что XVIII вѣкъ на Западѣ Европы былъ, какъ извѣстно, вѣкомъ просвѣщеннаго абсолютизма, полицейскаго государства, когда государство, во имя общаго блага, вмѣшивалось во все и когда оно проводило до крайности принципъ централизаціи. Это направленіе, развивавшееся главнымъ образомъ во Франціи, переходитъ и къ намъ, находя у насъ благодарную почву, такъ какъ

уже на Москвѣ, съ укрѣпленіемъ началъ централизаціи, государство чрезвычайно развило начало вмѣшательства въ народную жизнь. Въ новое время проекты преобразованій почти постоянно исходили отъ представителей правительственной власти, при чемъ эта власть, несомнѣнно, весьма часто шла далеко впереди общества и благотворно вліяла своими начинаніями на улучшеніе учрежденій, общественнаго быта и нравовъ, сметая съ нихъ все отжившее и устарѣлое (какъ это надо, напр., сказать о многихъ преобразованіяхъ времени Петра В., Екатерины II, Александра I, Александра II). Но нельзя, не отмѣтить оборотной стороны этого направленія: частой смѣны однѣхъ реформъ другими, ихъ неустойчивости и неорганичности, пріучавшей общество одинаково съ легкимъ сердцемъ принимать, какъ возникновеніе, такъ и исчезновеніе самыхъ благихъ изъ этихъ реформъ. Не говоримъ уже о томъ, какъ эта легкость смѣнъ дурно вліяла на развитіе твердости и устойчивости общественныхъ убѣжденій, какъ подрывала она вѣру въ жизненность и важность самихъ принциповъ, проводимыхъ тою или другою реформой. Несомнѣнно также, что полицейское государство сильно отучало общество отъ самодѣятельности, собственнаго почина.

Всемогущество правительственнаго почина, естественно, приводило еще къ другому слѣдствію: законъ въ періодъ Петербургскій окончательно пріобрѣтаетъ значеніе обще-обязательной, исключительной нормы, на основаніи которой должно рѣшаться каждое дѣло. Это большой шагъ впередъ, сравнительно съ періодомъ Московскимъ. Въ имперіи окончательно утверждается въ законодательствѣ принципъ исхожденія обязательныхъ общихъ нормъ только отъ субъекта верховной власти, т. е. отъ императора. Это начало законности въ управленіи принципіально устанавливается еще Петромъ В. Установивъ твердо значеніе закона, (хотя на практикѣ вовсе не создавъ ясно границы между закономъ и распоряженіемъ административнымъ или временнымъ), новое направленіе законодательства внесло больше порядка и въ самыя формы проявленія закона, какъ воли субъекта верховной власти. Законодательство съ Петра В., хотя невсегда послѣдовательно, все-же стремится опредѣлить, при какихъ условіяхъ воля законодателя подлежитъ исполненію. Такъ Петръ В. въ Генеральномъ Регламентѣ коллегіямъ постановляетъ, что должно исполнять только тѣ указы его величества „которые надлежатъ быть письменные и зарученные (т. е. подписанные), а не словесные“ (Въ Москвѣ указы государя Боярской Думѣ были словесные). Хотя послѣ Петра В. издаются распоряженія, по которымъ и словесно выраженная воля государя

считается закономъ, если она объявлена въ извѣстномъ установленномъ порядкѣ и извѣстными лицами, но это допускается лишь въ немногихъ и маловажныхъ случаяхъ.

Затѣмъ болѣе правильно устанавливается принципъ обнародованія закона. На Москвѣ одни законы прокликались по торгамъ, другіе сообщались только тѣмъ органамъ суда и управленія, до которыхъ они касались. Правда, Соборное Уложенія уже печатается во всеобщее свѣдѣніе, но и послѣ него появлялись важныя узаконенія, совсѣмъ непрошедшія этого пути. Съ Петра В. принципъ обнародованія закона во всеобщее свѣдѣніе, а, слѣдовательно, и обязательность знанія закона подданными, проводится болѣе настойчиво (главнымъ образомъ черезъ печатаніе законовъ, иногда-же черезъ расклейку ихъ по людным мѣстамъ, чрезъ чтеніе народу въ церквахъ особенно важныхъ манифестовъ и т. д.)[1]). Такъ, напр., въ одномъ изъ Петровскихъ указовъ говорится, что надо примѣнять къ судебнымъ дѣламъ, „указы всенародно напечатанные и повсюду объявленные“; въ Уставѣ Благочинія Екатерины II постановляется, что нельзя взыскивать исполненія по закону необнародованному и т. д. Что касается внѣшней формы, или наименованій законовъ, то въ новое время они являются, либо ввидѣ прежнихъ указовъ, уставовъ, грамотъ, наказовъ и т. д., либо получаютъ наименованія новыя,

1) На практикѣ, однако, этотъ принципъ невсегда соблюдался и мы знаемъ жалобы населенія на то, что законы ему неизвѣстны и что отсюда происходятъ различныя неудобства. Такъ, напр., изъ наказа Ржевскаго купечества, поданнаго въ Екатерининскую комиссію, видно, что оно желало получить, хотя бы за деньги, напечатанные уже указы (съ 1730 г.), при чемъ констатировано, что многіе „именные и сенатскіе указы, надлежащіе до исполненія присутственныхъ мѣстъ, да и до народнаго свѣдѣнія“, остаются неизвѣстны нетолько „градскимъ жителямъ“, но ихъ „и присутственныя мѣста получать ихъ по командамъ не удостаиваются. И потому отъ невѣдѣнія тѣхъ (указовъ) народъ въ погрѣшности впадаетъ, да и присутственныя мѣста въ производствѣ дѣлъ, опасаясь, по неимѣнію въ полученіи достаточно къ тому приличныхъ правъ, медлятъ до дальнѣйшаго развѣданія къ отысканію черезъ партикулярности“ (Сб. И. Р. Общ., т. 107, ср. 415). Въ другомъ депутатскомъ наказѣ, а именно въ наказѣ Ряжскаго дворянства, читаемъ пожеланіе, чтобъ было повелѣно „указы, состоявшіеся для всенароднаго извѣстія“, разсылать немедленно „по приходскаго всякаго села церквамъ и отдавать оные тѣхъ приходскихъ церквей священникамъ съ распискою, а имъ по тѣмъ указамъ немедленныя своимъ прихожанамъ публикаціи чинить съ подписками въ первонаступающіе воскресные дни или господскіе праздники, почему о всякомъ вновь состоявшемся въ народное извѣстіе указѣ можно быть каждому чрезъ кратчайшее время извѣстнымъ и по оному исполнять все повелѣнное“ (ibid., т. 68, стр. 296).

а именно — регламентовъ, манифестовъ артикуловъ, инструкцій, меморій, мнѣній и т. д. Языкъ законодательныхъ актовъ — особенно въ началѣ XVIII в., — пестрится всевозможными иностранными терминами, которые, обыкновенно, весьма легко могли бы быть замѣнены своими [1]). Повидимому, однако, спѣшность заимствованія, съ одной стороны, желаніе законодателя, какъ можно ярче отмѣнить реформу даже внѣшне и показать, что со старымъ порвана всякая связь, съ другой, заставляетъ его прибѣгать къ чужой терминологіи, мало принаровленной къ русскому языку. Трудно сказать, насколько обманывала эта чужая терминологія современниковъ и долго-ли подъ громкими иностранными названіями, начиная отъ „сенатора“ и кончая „ландсъ-шрейберомъ“, не распознавали они прежняго боярина или „земскаго подъячаго“, но языкъ памятниковъ нашего права, во всякомъ случаѣ, весьма портится, при чемъ нерѣдко выходятъ изъ употребленія свои народные и весьма удачные юридическіе термины и замѣняются чужими, мало понятными населенію.

Глава I.

Обзоръ важнѣйшихъ памятниковъ права періода имперіи (до Свода законовъ [2]).

Общее замѣчаніе о наименованіяхъ нашихъ законовъ.

Въ періодъ имперіи, который подлежитъ нашему изученію, а именно — до составленія „Свода Законовъ“, — появляется цѣлый рядъ весьма важныхъ памятниковъ права, изъ коихъ многіе не

1) Нѣкоторые Петровскіе указы и регламенты сопровождались переводами „иностранныхъ рѣчей“. Вотъ немногіе примѣры, подтверждающіе сказанное. Въ Генеральномъ Регламентѣ коллегіямъ читаемъ, напр., такое изъясненіе иностранныхъ терминовъ, имъ употребляемыхъ: „интересъ значитъ прибытокъ и польза; аппробуется — за благо пріемлется; дирекція — управленіе, о комплементахъ — о словопочтеніяхъ; регламенты — уставы; инструкціи — наказы; акциденціи — отъ дѣлъ дозволенные доходы; экзекуція — исполненіе; меморіалы — доношенія“ и т. д. Къ указу 1718 г. приложена роспись должностныхъ лицъ губерній, взятая со шведскаго образца, при чемъ объяснено, что „Ландъ-Гевдингъ значитъ — Голова Земскій; Ландъ-Рентъ-Мейстеръ — Земскій казначей; Ландъ-Мессеръ — Межевщикъ; Профессъ — Староста тюремный; Ландсъ-Шрейберъ — Подъячій земскій“ и т. д.

2) Важнѣйшіе памятники русскаго права отъ С. Уложенія до 12 декабря 1825 г. напечатаны въ 40 томахъ „I Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“; указатели къ нимъ помѣщены — хронологическій въ 41 томѣ, алфавитный — въ 42 томѣ тогоже изданія. Свѣдѣнія о размѣщеніи по отдѣльнымъ томамъ

потеряли своего значенія и доселѣ, въ качествѣ первоисточниковъ дѣйствующихъ законовъ. Законы, при обнародованіи ихъ у насъ, получали, до послѣдняго времени, разнообразныя наименованія, частію унаслѣдованныя изъ старины (указы, уставы, грамоты и др.), частію явившіяся лишь въ эпоху имперіи (регламенты, артикулы, инструкціи, учрежденія и др.). Наша юридическая терминологія вообще и въ частности — терминологія законовъ — никогда не отличалась особенно опредѣленностью и устойчивостью, почему на практикѣ съ тѣмъ или инымъ наименованіемъ, подъ которымъ являлся въ свѣтъ данный законъ, не связывалось всегда одного опредѣленнаго содержанія, но, наоборотъ, случалось, что однородные, по формѣ и содержанію, законы являлись подъ разными именами, а законы, непохожіе другъ на друга, носили одно и тоже наименованіе. Эта неустойчивость терминологіи особенно сказывалась въ эпоху реформъ, когда къ старымъ наименованіямъ присоединялись новыя. Часто, по мнѣнію самого законодателя, эти наименованія были равнозначущи съ прежними (такъ слово „регламентъ", по толкованію Петровскихъ актовъ, значитъ „уставъ", инструкція „ — „наказъ" и т. д.), но иногда они появлялись потому, что создавались новыя формы прохожденія законопроектовъ (напр., законопроекты, прошедшіе черезъ Государственный Совѣтъ и утвержденные монархомъ, стали носить въ XIX в. наименованіе „Высочайше утвержденныхъ мнѣній Госуд. Совѣта"). Указанная неустойчивость терминологіи нашихъ законовъ очень затрудняетъ современныхъ ученыхъ, когда имъ приходится давать опредѣленіе каждой формѣ, или наименованію законовъ, т. е. указывать, что надо понимать подъ словомъ „уставъ", „учрежденіе", „указъ" и т. д. Нѣкоторые изъ ученыхъ даже приходятъ къ мысли, что невозможно дѣлать и попытокъ такихъ опредѣленій, ввиду ихъ безплодности. На нашъ, однако, взглядъ нельзя совершенно

Перваго П. С. Законовъ многихъ изъ названныхъ памятниковъ нашего права можно найти также въ книгѣ Н. П. Загоскина „Наука исторіи русскаго права" (К., 1891 г.), гдѣ частію указываются и другія изданія отдѣльныхъ памятниковъ; множество законодательныхъ актовъ XVIII вѣка невошедшихъ въ I П. С. Законовъ, можно найти въ „Докладахъ и приговорахъ Пр. Сената", въ „Сборникахъ Им. Русскаго Историческаго Общества", въ „Сенатскомъ Архивѣ" и другихъ изданіяхъ. Изъ доступныхъ для учащихся изданій можно отмѣтить „Памятники русскаго законодательства XVIII ст." В. М. Грибовскаго (С.-П., 1907 г.); А. А. Кизеветтера „Основные законодат. акты, касающіяся госуд. учрежденій XVIII и первой четверти XIX ст." (М., 1909 г.); „Акты царствованія Екатерины II", изданіе Москов. В. Ж. курсовъ (М., 1907 г.); М. М. Богословскаго „Памятники Петров. Законод." (М., 1910 г.). Литература указана какъ въ названной книгѣ Н. П. Загоскина, такъ и въ „Учебникѣ исторіи р. права періода имперіи" В. Н. Латкина (С.-П., 1909 г.).

отказаться отъ такихъ попытокъ, но только при этомъ не надо придавать тѣмъ или инымъ опредѣленіямъ безусловнаго значенія, а, наоборотъ, надо всегда помнить, что каждое опредѣленіе, даваемое тому или другому термину, ввиду неустойчивости практики, требуетъ оговорокъ и ограниченій. Одна изъ попытокъ дать опредѣленія важнѣйшихъ терминовъ, подъ которыми являлись въ жизнь наши законы, принадлежатъ знаменитому кодификатору нашего права — гр. Сперанскому, но и его опредѣленія нельзя считать вполнѣ пріемлемыми и неимѣющими исключеній на практикѣ. Такъ, напр., еще Сперанскій указывалъ, что „учрежденіями у насъ называется тотъ родъ государственныхъ законовъ, которыми опредѣляется образованіе (организація) мѣстъ и властей, ихъ составъ, предметы вѣдомства, степень власти и порядокъ производства въ нихъ дѣлъ“, т. е. иначе говоря, учрежденіе есть уставъ, или статутъ, даннаго правительственнаго или общественнаго мѣста (или установленія). Въ такомъ смыслѣ этотъ терминъ, дѣйствительно, употреблялся уже давно, да и въ настоящее время онъ понимается въ томъ-же смыслѣ. Такъ, напр., I уставъ, который получилъ въ началѣ XIX в. Государственный Совѣтъ, носитъ названіе — „Учрежденіе Государственнаго Совѣта“, какъ носитъ это названіе и уставъ новаго Государственнаго Совѣта, преобразованнаго нынѣ въ Верхнюю Палату, и какъ его носитъ уставъ нашей Государственной Думы („Учрежденіе Г. Думы“). Однако, можно указать въ исторіи нашей примѣры уставовъ, которые „учрежденіями“ не называются, а носятъ совсѣмъ другія наименованія. Такъ, напр., уставъ Пр. Сената отъ 1722 г. носилъ наименованіе „должности Сената“; уставы коллегій назывались не „учрежденіями“, а „регламентами“; II уставъ Государственнаго Совѣта отъ 1 января 1810 г. именовался „образованіемъ Государственнаго Совѣта“. При этомъ интересно также отмѣтить, что у насъ есть законы, которые хотя и называются „учрежденіями“ („Учрежденіе объ Императорской фамиліи“ 5 апрѣля 1797 г., гдѣ опредѣлены права и преимущества членовъ этой фамиліи и ихъ обязанности къ государю), но которые не подойдутъ подъ опредѣленіе, даваемое этому понятію Сперанскимъ. (Замѣтимъ также, что словомъ учрежденіе обозначается у насъ нетолько организація, или уставъ, данныхъ мѣстъ и властей, но и само правительственное или общественное мѣсто).

Возьмемъ, для примѣра, еще одинъ терминъ — уставъ. „Уставами называется“, говоритъ Сперанскій, „тотъ родъ законовъ, коими установливается порядокъ какой-либо особенной части управленія. Таковы напр., Уставъ Таможенный, Горный, Монетный и пр. Между учрежденіи-

ями и уставами та разность, что въ учрежденіяхъ опредѣляется составъ мѣстъ и властей и означаются кратко предметы и порядокъ ихъ дѣйствія, а въ уставахъ подробно изображается, какъ они должны въ разныхъ случаяхъ дѣйствовать". Такимъ образомъ уставъ изображаетъ въ подробностяхъ порядокъ административныхъ дѣйствій даннаго правительственнаго или общественнаго мѣста (и въ этомъ случаѣ онъ соотвѣтствуетъ наказу, даваемому лицамъ, стоящимъ во главѣ его), между тѣмъ, „учрежденіе", какъ статутъ, кратко и лишь въ общихъ чертахъ опредѣляетъ порядокъ этихъ дѣйствій. Такую разницу между уставомъ и учрежденіемъ можно, конечно, признать какъ существенную, а по тому можно согласиться и съ опредѣленіемъ Сперанскаго. Но, еслибъ она, дѣйствительно, всегда проводилась на практикѣ, то каждое „учрежденіе", какъ статутъ даннаго мѣста, естественно, должно бы имѣть дополненіе въ своемъ уставѣ, который и надо бы было составлять непремѣнно для всякаго мѣста. Въ дѣйствительности, однако, очень часто такихъ дополненій не бываетъ. Кромѣ того, такому пониманію слова „уставъ", — какое предлагалось Сперанскимъ, — противорѣчитъ наличность у насъ нѣкоторыхъ памятниковъ права, какъ, напр., Воинскаго Устава Петра В. Этотъ уставъ, во 2-ой части, является Сводомъ уголовныхъ законовъ, а не только закономъ, устанавливающимъ порядокъ какой-либо части управленія (какъ опредѣлялъ Сперанскій понятіе слова „уставъ").

Необходимо оговориться, что, дѣлая указанныя замѣчанія объ опредѣленіяхъ, даваемыхъ Сперанскимъ юридическимъ терминамъ, мы не хотимъ этимъ сказать, что эти опредѣленія вообще невѣрны, но лишь хотимъ указать, что каждое подобное опредѣленіе — кѣмъ-бы оно ни дѣлалось (а въ литературѣ нашей можно указать нѣсколько попытокъ такихъ опредѣленій) — всегда рискуетъ быть неточнымъ и неполнымъ, ввиду того, что сама практика употребляла эти термины въ весьма различныхъ смыслахъ, законодатель-же обычно не давалъ указаній, что-же собственно надо было понимать подъ каждымъ изъ этихъ терминовъ, а лишь ограничивался простымъ ихъ перечисленіемъ[1]).

Краткій обзоръ памятниковъ

Послѣ этого общаго замѣчанія о наименованіяхъ нашихъ законовъ, перейдемъ къ обзору

1) Поэтому, въ нашихъ основныхъ законовъ до послѣдняго времени (до образованія Госуд. Думы), можно было читать такую статью: „законы издаются въ видѣ уложеній, уставовъ, учрежденій, грамотъ, положеній, наказовъ (инструкцій), манифестовъ, указовъ, мнѣній Государственнаго Совѣта и докладовъ, удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія".

права Петровской эпохи. I. Регламенты и наказы.

важнѣйшихъ памятниковъ права имперскаго періода и прежде всего остановимся на Петровской эпохѣ. Здѣсь надо отмѣтить, что при Петрѣ впервые наши учрежденія получаютъ свои уставы, называющіеся обычно регламентами, иногда — должностями, при чемъ въ этихъ уставахъ опредѣляется составъ, устройство, кругъ вѣдомства и дѣлопроизводство учрежденій. Эти уставы не всегда были достаточно-полны и точны, но они, во всякомъ случаѣ, давали, въ общемъ, возможность учрежденіямъ, а также и должностнымъ лицамъ, дѣйствовать по закону, въ предѣлахъ предоставленныхъ имъ правъ и обязанностей, тогда какъ всѣ учрежденія предъидущаго періода дѣйствовали, главнымъ образомъ, по обычаю, а законодатели еще не пытались установить тогда de jure предѣловъ ихъ компетенціи и порядка ихъ дѣятельности. Съ точки зрѣнія развитія начала законности въ управленіи, снабженіе учрежденій регламентами, а лицъ — наказами, было важнымъ шагомъ впередъ; оно было при томъ совершенно-необходимо, ввиду того, что создавались новыя учрежденія, взамѣнъ старыхъ, причемъ прежнія обычаи управленія замѣнялись иными, требовавшими ознакомленія съ ними (напр., вмѣсто приказнаго строя вводился коллегіальный). Изъ такъ наз. „должностей“ (т. е. законодательныхъ актовъ, опредѣлявшихъ, какъ должно было дѣйствовать данное учрежденіе или лицо), отмѣтимъ указы 7 марта 1711 г. и 27 апрѣля 1722 г. „о должности Сената“, „о должности генералъ-прокурора“ отъ 27 того-же апрѣля 1722 г. при Сенатѣ и „о должности прокурора“ въ коллегіяхъ, магистратахъ и пр.; указъ „о должности фискаловъ“ 1714 г. Изъ регламентовъ, или уставовъ, отдѣльныхъ коллегій обращаетъ на себя вниманіе прежде всего „Регламентъ Духовной коллегіи“, или Св. Пр. Синода. Въ этомъ Регламентѣ, данномъ Св. Пр. Синоду 25 января 1721 г., подробно объясняются причины реформы по управленію православною церковью и устанавливаются общія основанія, на которыхъ должно было вестись это управленіе впредь. Затѣмъ нельзя не указать на уставы, данные финансовымъ и другимъ коллегіямъ, каковы, напр., „Регламентъ Штатсъ-конторъ-коллегіи“, гдѣ устанавливаются правила составленія штатовъ государственныхъ расходовъ; „Регламентъ Камеръ-коллегіи“, гдѣ опредѣляются порядокъ завѣдыванія государственными доходами (1719 г.); „Регламентъ Мануфактуръ-коллегіи“ (1725 г.), „Бергъ-коллегіи“ и др. Кромѣ регламентовъ, данныхъ отдѣльнымъ коллегіямъ, 28 февраля 1720 г. былъ данъ знаменитый „Генеральный Регламентъ, или Уставъ“ Коллегіямъ, гдѣ устанавливался общій порядокъ службы во всѣхъ колле-

гіальныхъ учрежденіяхъ, вводившихся тогда какъ въ центрѣ, такъ и въ губерніяхъ. Этотъ Г. Регламентъ не остался безъ сильнаго вліянія на послѣдующее законодательство объ организаціи у насъ гражданской службы. Здѣсь, между прочимъ, говорится о преимуществахъ Коллегій, о времени засѣданій Коллегій, о порядкѣ дѣлопроизводства въ нихъ, о подачѣ голосовъ, о составѣ Коллегій, о должности президента и другихъ чиновъ и пр. Затѣмъ при Петрѣ В. создался, какъ извѣстно, цѣлый рядъ новыхъ должностей, нерѣдко съ иноземными наименованіями, каковы, напр., рентмейстеры, вальдмейстеры, комиссары, камериры и т. д. Ихъ права и обязанности, какъ и права нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, уцѣлѣвшихъ отъ прежняго времени (напр. воеводъ), опредѣлялись, обычно, особыми инструкціями (или наказами), которые представляютъ немало любопытнаго матеріала для сужденія о взглядахъ правительства того времени на отношеніе власти къ народу, на предѣлы вмѣшательства этой власти въ народную жизнь и т. д. Различіе между регламентами (или уставами) и инструкціями (или наказами) будетъ, такимъ образомъ, говоря вообще, то, что первые даются учрежденіямъ, вторыя — лицамъ, хотя и здѣсь можно указать на исключенія (Большой Наказъ Комиссіи о составленіи проекта Новаго Уложенія, данный ей Екатериною II и др.).

II. Уставы; понятіе. Воинскій Уставъ и его значеніе въ исторіи русскаго права.

Особый видъ законодательныхъ памятниковъ Петровскаго, а частію и послѣдующаго времени, представляютъ собою уставы. Хотя нѣкоторые регламенты, какъ напр., Генеральный Регламентъ коллегіямъ, и названы въ подлинникѣ уставами, но при Петрѣ В. терминъ уставъ употреблялся обычно не въ смыслѣ, аналогичномъ слову учрежденіе, — какъ понятіе этого термина опредѣлялъ, напр., Сперанскій, — а въ смыслѣ свода узаконеній, изданныхъ для завѣдыванія какою-либо частію управленія и содержащихъ въ себѣ нормы матеріальнаго права. Таковы при Петрѣ В. были Воинскій Уставъ 1716 г., Морской Уставъ 1720 г., позднѣе-же — Уставъ о векселяхъ 1729 г. Уставъ Благочинія 1782 г. Въ этихъ уставахъ мы находимъ не только постановленія, касающіяся порядка управленія даннымъ вѣдомствомъ, но и сводъ нормъ уголовнаго права (въ Воинскомъ Уставѣ), или торговаго (въ Вексельномъ Уставѣ), или полицейскаго (въ Уставѣ Благочиніи). Изъ уставовъ Петровскаго времени необходимо особо остановиться на Уставѣ Воинскомъ". Въ 1716 г. былъ изданъ знаменитый „Воинскій Уставъ", вторая часть котораго содержитъ, подъ именемъ „Воинскихъ Артикуловъ", довольно обширный военно-уголовный кодексъ,

главнымъ образомъ занятый вопросами о преступленіи и наказаніи (другія части Устава касаются вопросовъ военной службы и не подлежатъ нашему разсмотрѣнію). Петру В. принадлежитъ нѣсколько попытокъ общей кодификаціи нашего права, кончившихся неудачно по весьма сложнымъ причинамъ, на разборѣ коихъ мы остановимся ниже. Пока лишь отмѣтимъ, что эти неудачи общей кодификаціи законовъ, съ одной стороны, крайняя необходимость скорѣе дать новосозданной регулярной арміи особый регламентъ — съ другой, побудили Петра отложить мысль объ изданіи новаго общаго Уложенія и ограничиться лишь сочиненіемъ „Устава Воинскаго“ [1]). Этотъ Уставъ, будучи составленъ по иноземнымъ источникамъ, стоялъ особнякомъ по отношенію къ той указной практикѣ, которая, — и до Петра, послѣ изданія С. Уложенія, а еще болѣе при Петрѣ, — энергично и многообразно отвѣчала у насъ на тѣ или иные запросы жизни. В. Уставъ игнорировалъ это законодательное движеніе и ничего не взялъ изъ него, хотя своими „Воинскими Артикулами“ и затрогивалъ, съ точки зрѣнія военнаго права и быта, тѣже вопросы о поддержаніи дисциплины въ арміи, какіе частію затрогивались указами и воинскими артикулами, созданными до него. Отчасти вслѣдствіи этой близости вопросовъ, трактовавшихся и въ отдѣльныхъ узаконеніяхъ и въ В. Уставѣ, отчасти потому, что послѣдній, наряду съ спеціальными постановленіями (имѣвшими значеніе для войска) содержалъ юридическія нормы общаго характера, находившія себѣ примѣненіе въ общеуголовныхъ судахъ, но, В. Уставъ, несомнѣнно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе на послѣдующее наше праворазвитіе. Уже это соображеніе заставляетъ насъ, хотя, кратко, разсмотрѣть, его, какъ важный весьма перво-источникъ уголовнаго права данной эпохи. Затѣмъ, съ чисто-формальной точки зрѣнія, В. Уставъ уже самимъ его творцемъ былъ, прямо послѣ изданія, поставленъ въ число источниковъ нетолько военнаго, но и общеуголовнаго права. Петръ В. хотѣлъ дать „Воинскимъ Артикуламъ“ широкое распостраненіе, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что уже черезъ нѣсколько дней послѣ обнародованія (30 марта 1716 г.) „Воинскаго Устава“, Сенату было предписано примѣнять его въ общихъ судахъ [2]).

---

1) Подробныя свѣдѣнія по вопросу о составленіи Воинскаго Устава см. въ моей книгѣ „О наказаніи по законодательству Петра В.“ и и пр., стр. 373 и сл.

2) А именно былъ данъ отъ 10-го апрѣля того же года именной указъ слѣдующаго содержанія: „Господъ Сенатъ! Посылаю къ Вамъ книгу Воинскій Уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число немалое, а именно:

Затѣмъ, и позднѣе являлись у насъ неразъ указы, подтверждавшіе необходимость примѣненія тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ статей В. Устава общими судами [1]). Такое широкое распространеніе дѣйствія Воинскаго Устава заставляетъ и историковъ русскаго права обратить вниманіе на указанный памятникъ, такъ какъ вліяніе памятника не ограничивается его примѣненіемъ только въ военныхъ судахъ, но простирается на всѣ наши суды.

Обращаясь къ „В. Уставу“, надо прежде всего сказать, что уставъ этотъ вовсе не являлся простымъ переводомъ съ нѣмецкаго подлинника, сочиненнаго для Петра В., какъ это доказывается въ нѣмецкой литературѣ; онъ даже и не былъ передѣлкою какого-нибудь устава, а представлялъ сводъ, составленный изъ многихъ иноземныхъ военныхъ законовъ. Воинскіе Артикулы, какъ военноуголовный кодексъ, конечно, касаются больше всего вопросовъ военнаго права и быта. Именно изъ 24-хъ главъ „Воинскихъ Артикуловъ“ — 15 главъ говорятъ о проступкахъ и преступленіяхъ, возникающихъ изъ нарушенія основныхъ требованій военной дисциплины и служебнаго

чтобъ не меньше 1000 книгъ, изъ которыхъ ста три на словенскомъ и нѣмецкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ и понеже оной, хотя основаніемъ воинскихъ людей, однако, касается и до всѣхъ правителей земскихъ, какъ изъ онаго сами усмотрите, того для, когда напечатаютъ, то разошлите, по пропорціи, во всѣ корпусы войскъ нашихъ, также и по губерніямъ и канцеляріямъ, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, а оригиналъ оставьте у себя въ Сенатѣ. Изъ Данцига, въ 10 апрѣля 1716 г.“

1) Это мнѣніе наше оспаривается, безъ достаточныхъ, впрочемъ, основаній, С. И. Викторскимъ, въ его сочиненіи „Исторія смертной казни въ Россіи и современное ея состояніе“ (М., 1812 г.) стр. 132 и сл. Но, не касаясь здѣсь судебной практикѣ, подтверждающей примѣненіе отдѣльныхъ статей В. Устава въ общихъ судахъ, а равно и мнѣній новѣйшихъ ученыхъ, держащихся указаннаго взгляда на В. Уставъ, замѣтимъ лишь, что о примѣненіи этого Устава вполнѣ категорично говоритъ Г. И. Солнцевъ, извѣстный криминалистъ нашъ начала XIX в., въ курсѣ котораго отъ 1820 г., недавно изданномъ Г. С. Фельдштейномъ, мы читаемъ слѣдующее . . . . „что воинскіе законы, какъ то Воинскій и Морской уставы, хотя собственно опредѣляютъ преступленія чиновъ въ военномъ вѣдомствѣ состоящихъ и до сужденія сихъ лицъ касательныхъ, однако же, по силѣ указа 1716 года, апрѣля 10 дня, и при рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ о лицахъ, не въ воинскомъ вѣдомствѣ состоящихъ, примѣняются въ тѣхъ случаяхъ, на кои нѣтъ другихъ, собственно уголовныхъ, общихъ законовъ и потому оные, при составленіи е(э)кстрактовъ . . . изъ дѣлъ, въ уголовныхъ инстанціяхъ производимыхъ, въ оныя всегда вносятся по приличію матерій“ („Россійское уголовное право“, 1820 г., Ярославль, 1907 г., стр. 7).

долга. Въ нихъ вездѣ преступникомъ или нарушителемъ такихъ требованій называется офицеръ, или рядовой, „вышняго или нижняго чина“ военнослужащій. По самой сущности затрогиваемыхъ въ нихъ вопросовъ, эти главы имѣютъ спеціальный военно-юридическій характеръ. Но, однако, ихъ постановленія, несмотря на свой чисто-военный характеръ, могли распространяться на обще-гражданскую среду. Напр., глава XVI говоритъ объ измѣнѣ и тайной перепискѣ военныхъ съ непріятелемъ и, сообразно весьма опасному значенію даннаго рода дѣяній не только для блага, но даже для самого существованія арміи, В. Уставъ жестоко преслѣдуетъ ихъ. Но, конечно, ничто тогда не мѣшало на практикѣ примѣнять эти спеціально-военныя постановленія и къ болѣе широкому кругу лицъ, когда дѣянія послѣднихъ казались опасными. Наконецъ, допустимъ и другой случай воздѣйствія этихъ постановленій на общее право: въ нихъ могли быть предусмотрѣны дѣянія, необратившія на себя вниманія законодателя въ общихъ правовыхъ памятникахъ, а потому неимѣвшія здѣсь никакихъ опредѣленій — судебная практика могла обращаться къ постановленіямъ В. Устава и примѣнять эти постановленія въ общихъ судахъ. Такъ, напр., В. Уставъ вводитъ два вида преступленій противъ жизни, неизвѣстныхъ прежнимъ нашимъ кодексамъ и указамъ: преступленіе самоубійства и поединка (дуэли), наказуемыя смертною казнію, для самоубійства — даже при покушеніи за него. Изъ В. Устава общіе суды берутъ эти понятія, когда дѣло идетъ о лицахъ не-военныхъ.

Если нѣкоторыя главы В. Артикуловъ трактуютъ о вопросахъ военнаго права и быта, то, наряду съ ними, В. Артикулы знаютъ нѣсколько главъ, занятыхъ вопросами общегражданскаго характера, хотя и получившими въ артикулахъ чисто военную окраску, благодаря особенностямъ въ ихъ постановкѣ. Такова, напр., глава I „о страхѣ Божіи“, гдѣ говорится о наказаніи „за чернокнижіе, богохульство, принятіе имени Божія „всуе“. Преступленія эти могли являться нетолько среди военныхъ, но и среди всякаго званія людей, а потому и постановленія памятника могли получить примѣненіе въ общихъ судахъ.

Наконецъ, есть главы памятника, которыя имѣютъ уже прямое отношеніе къ общему (не-военному) уголовному праву, такъ какъ содержатъ въ себѣ постановленія о проступкахъ и преступленіяхъ нетолько противъ военной дисциплины и служебнаго долга, но и общія юридическія нормы, относящіяся къ общимъ проступкамъ и преступленіямъ. Именно къ этимъ-то главамъ, по преимуществу, и должны относиться слова Петра В. о необходимости примѣненія В.

Устава въ общихъ судахъ. Конечно, и въ этихъ главахъ имѣется въ виду прежде всего войско, охраненіе въ немъ порядка и спокойствія. Поэтому и здѣсь, говоря о томъ или иномъ „злодѣяніи“, В. Артикулы имѣютъ въ виду прежде всего военныхъ людей, являющихся, то въ качествѣ виновныхъ, то потерпѣвшихъ (такъ, напр., запрещаются „собранія воинскихъ людей“ и т. д.). Но, однако, въ этихъ главахъ есть постановленія, гдѣ указанныя лица уже не выдѣляются отъ другихъ и законъ говоритъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя прямо позволяютъ подводить подъ нихъ всякаго преступника, безъ различія его званія и состоянія: „кто кого... умертвитъ или убьетъ“; „кто пасквили . . . сочинитъ; „ежели кто другого не одумавшись . . . выбранитъ; „кто . . . кого ударитъ“; „кто . . . покрадетъ“; „ежели мужъ женатый съ женою замужнею тѣлесно смѣшается и т. д. и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ допускающихъ, по самой своей сущности, широкое обобщеніе, законодатель какъ-бы забываетъ, что дѣло идетъ о преступленіи военнослужащихъ, по преимуществу, и говоритъ въ общихъ формулахъ, легко могущихъ найти себѣ примѣненіе и въ общегражданскомъ судѣ. Въ нѣкоторыхъ главахъ, — какъ, напр. въ главѣ, „о содомскомъ грѣхѣ, о насиліи и блудѣ“, — всего одинъ артикулъ (объ изгнаніи „блудницъ“ изъ полковъ) выдаетъ намъ, что дѣло всетаки идетъ о постановленіяхъ военнаго кодекса; въ остальныхъ всѣхъ встрѣчаются постановленія, по редакціи своей, могущія найти мѣста въ любомъ кодексѣ; въ гл. XXI „о зажиганіи, грабительствѣ и воровствѣ“ такой же общій характеръ имѣютъ всѣ почти артикулы о воровствѣ. Понятно поэтому, что эти постановленія больше другихъ могли оказать вліянія на общеуголовное наше право и съ этой стороны заслуживаютъ особаго вниманія.

На общеуголовное право повліяло также и ученіе В. Устава о наказаніяхъ. Наказанія по этому памятнику отличаются большою жестокостью, при чемъ вводятся у насъ новые виды смертной казни (колесованіе, четвертованіе, аркебузированіе, т. е. разстрѣляніе), а равно увеличиваются виды членовредительныхъ наказаній (отсѣченіе рукъ, суставовъ) и наказаній болѣзненныхъ (шпицрутены и др.). Интересно, сравнить въ этомъ отношеніи В. Уставъ съ С. Уложеніемъ. Одинъ изъ первыхъ изслѣдователей нашего С. Уложенія, извѣстный Строевъ, изучая памятникъ, находилъ, что Уложеніе представляется „почти чудовищемъ, кровожаднымъ и до невѣроятности свирѣпымъ“. На своемъ образномъ языкѣ, изслѣдователь восклицалъ: „филантропъ изумляется, читая Уложеніе и едва вѣритъ, что когда-то сіи казни существовали дѣйствительно, были точно исполняемы“ . . . Не бу-

демъ отрицать „кровожадности“ С. Уложенія, хотя и замѣтимъ, что современная историко-юридическая критика первоисточниковъ С. Уложенія неоспоримо доказала, что громадная доля отвѣтственности за эту „кровожадность“ должна пасть на свѣтское византійское право . . . Отмѣтимъ и другой характерный фактъ, указанный еще И. Д. Бѣляевымъ (при разборѣ имъ такъ наз. „новоуказныхъ статей о татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ“ 1669 г.), что „общій характеръ новоуказныхъ статей выражается... въ смягченіи прежней строгости и даже жестокости, допущенной Уложеніемъ“ . . . Но вотъ проходитъ еще почти полвѣка, является новый иноземный, по своимъ источникамъ, уголовный кодексъ („В. Артикулы“), созданный, правда, для арміи, но, по мысли законодателя, долженствующій имѣть значеніе и въ общихъ судахъ. Какое общее впечатлѣніе получается при сравненіи его постановленій о наказаніи съ таковыми-же постановленіями С. Уложенія, этого „почти чудовища, кровожаднаго и до невѣроятности свирѣпаго“ памятника, какъ характеризировалъ его Строевъ? Современный криминалистъ приходитъ совершенно къ противоположному выводу, чѣмъ выводъ Строева. „Несмотря на частое примѣненіе смертной казни, нельзя не сознаться, что Уложеніе“, говоритъ Н. С. Таганцевъ, „сравнительно съ одновременными ему западными кодексами, представляется мягкосерднымъ“, что, далѣе, въ Воинскомъ Уставѣ смертная казнь „расточается такою щедрою рукою, что далеко оставляетъ за собою Уложеніе царя Алексѣя Михайловича“. Но, нетолько болѣе частое назначеніе смертной казни, — наряду съ новыми варварскими, по жестокости, способами ея исполненія по В. Уставу, — заставляютъ признать наше С. Уложеніе мягкосерднымъ, сравнительно съ В. Уставомъ; къ этому выводу заставляетъ притти и обиліе членовредительныхъ и осрамительныхъ наказаній, нещадившихъ ни живыхъ, ни мертвыхъ (таково, напр., было наказаніе самоубійцъ, на страхъ живымъ: „ежели кто самъ себя убьетъ, то надлежитъ палачу тѣло его въ безчестное мѣсто отволочить и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“). Если допустить предположеніе, что всѣ наказанія, какія рекомендовались къ исполненію В. Уставомъ, нашлибы себѣ полное и буквальное приложеніе на практикѣ, а система наказаній С. Уложенія, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, перестала-бы прилагаться въ нашихъ судахъ, то нельзя былобы не сказать, что наше уголовное правосудіе, поскольку дѣло идетъ о наказаніи, пошло-бы сильно назадъ. Къ счастію, этого не случилось, свои начала карательной репрессіи оказались бо-

лѣе жизненными, а потому и могли вынести борьбу съ архаизмами В. Устава, что уже ясно сказалось на ближайшемъ періодѣ послѣ Петра В., именно на царствованіи Елизаветы Петровны, а затѣмъ особенно — при Екатеринѣ II, когда (хотя частію и подъ иноземными, но уже просвѣтительными вліяніями) стали проявляться у насъ новыя, болѣе человѣчныя, начала уголовнаго права.

III. Важнѣйшіе указы Петровскаго царствованія.

Если въ такихъ памятникахъ права, какъ „Воинскій Уставъ“ или „Генеральный Регламентъ Коллегіямъ“, мы видимъ попытку частичной кодификаціи, по иноземнымъ образцамъ, юридическихъ нормъ, относящихся къ какому-либо одному отдѣлу права, то, наряду съ этимъ, въ новое время, — какъ это было и раньше — право наше развивается путемъ изданія отдѣльныхъ указовъ, манифестовъ, приговоровъ Пр. Сената, указовъ, резолюцій и „положеній“ Верх. Тайн. Совѣта, Кабинета министровъ и т. д. — въ XVIII вѣкѣ, а затѣмъ также и „Высочайше утвержденныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта“ или Комитета Министровъ — въ XIX столѣтіи. Обозрѣть въ общемъ очеркѣ всю эту обширную массу отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, явившихся въ XVIII в., а равно и въ первой четверти XIX столѣтія, не представляется никакой возможности, почему мы и остановимся лишь на простомъ перечисленіи важнѣйшихъ изъ нихъ и прежде всего указовъ, которые явились при Петрѣ В. Слово указъ въ Московскій періодъ обозначало собою повелѣніе, исходящее отъ государя. Въ XVIII—XIX вѣкахъ указъ могъ обозначать распоряженіе, данное нетолько высшими учрежденіями, какъ Пр. Сенатъ, Св. Синодъ, но и подчиненными (напр., губернскими правленіями). Къ указамъ-же, какъ повелѣніямъ монарха, прибавлялся эпитетъ именной (указъ), при чемъ, впрочемъ, именные указы могли исходить и отъ тѣхъ Совѣтовъ при особѣ государя, которые являлись въ XVIII в., если только они имѣли правомочіе говорить именемъ монарха[1]).

При Петрѣ В. были преобразованы, какъ извѣстно, не-

1) Одинъ изъ нашихъ ученыхъ, а именно Н. М. Коркуновъ называетъ указами — „общія правила, устанавливаемыя въ порядкѣ управленія, какъ верховною властію, такъ и органами подчиненнаго управленія“ и пытается противопоставить указу — законъ („Указъ и законъ“, изслѣдованіе, С.-П., 1894 г.). Что указы издавались у насъ какъ верховною властію, такъ и органами подчиненнаго управленія — это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, но изъ этого не слѣдуетъ того противоположенія указа и закона, который выводился авторомъ, такъ какъ многіе указы (до созданія Государственной Думы) были законами нетолько формально, но и матеріально, т. е. содержали въ себѣ юридическія нормы.

только центральныя, но и мѣстныя учрежденія, чѣмъ, конечно, и надо объяснить цѣлый рядъ указовъ и инструкцій, относящихъ къ областному управленію, какъ, напр., указъ 18 декабря 1708 г., „объ учрежденіи губерній и о росписаніи къ нимъ городовъ“, указъ „объ устройствѣ губерній и объ опредѣленіи въ оныя правителей“, наказы, или инструкціи, воеводамъ, земскимъ комиссарамъ, камерирамъ (1719 г.) и др.; указы объ учрежденіи Бурмистерской Палаты, а въ городахъ — Земскихъ Избъ (отъ 1699 г.) и др. Затѣмъ, хотя общественные классы, сложившіеся на Москвѣ въ обособленныя тяглыя группы, не были при Петрѣ В. въ такой мѣрѣ захвачены реформою, какъ центральныя и мѣстныя учрежденія, или какъ общественныя нравы и бытъ, но и по отношенію къ нимъ надо отмѣтить нѣсколько важныхъ узаконеній. Такъ, напр., по отношенію къ дворянству (шляхетству) важную роль съигралъ знаменитый указъ Петра В. отъ 24 января 1722 г. носившій названіе „Табели о рангахъ“, на которой мы подробно остановимся при изученіи вопроса о положеніи нашего служилаго сословія въ XVIII в., а по отношенію къ городскому классу — постановленія, касающіяся сложенія его въ гильдіи и цехи (Регламентъ Главному Магистрату 16 янв. 1721 г.; указъ о цѣхахъ 1722 г. и др.); по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ — знаменитый „плакатъ“ 1724 г., вводившій у насъ впервые паспортную систему; указъ о первой всенародной переписи, или ревизіи, 26 ноября 1718 г., а равно и о введеніи подушной подати; по отношенію къ холопамъ — указъ 19 января 1723 г., благодаря которому холопы, наряду съ другими разрядами помѣщичьихъ людей, были занесены въ ревизскія сказки и тѣмъ сравнены были съ крѣпостными крестьянами и мн. др.

Неменѣе важные указы были изданы при Петрѣ В. по отношенію къ праву гражданскому и процессу, какъ напр., указъ о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г., по которому были слиты воедино два юридическихъ понятія, прежде другъ отъ друга весьма отличныя, а именно понятія вотчины и помѣстья. По этому указу, подъ наименованіемъ „недвижимыхъ вещей“, дано одно общее назначеніе вотчинамъ и помѣстьямъ, а именно они должны были итти одному изъ членовъ рода (сыну, или, за его неимѣніемъ, одному изъ членовъ фамиліи); на этомъ любопытномъ указѣ и его судьбѣ намъ придется остановиться подробно при обзорѣ права гражданскаго. Цѣлый рядъ указовъ Петра В. коснулся затѣмъ вопросовъ о пользованіи нѣдрами земли, лѣсами и угодьями; объ устройствѣ фабрикъ и заводовъ, о развитіи торговли и промышленности и пр. Наконецъ, нельзя не указать на цѣлый рядъ весьма важныхъ указовъ, относящихся къ праву семейному

и наслѣдственному. Такъ, напр., по указу 3 апрѣля 1720 г. велѣно было „рядныя и сговорныя записи отставить". Этотъ небольшой указъ имѣлъ очень важное значеніе: имъ, во 1-хъ, сговоръ, въ смыслѣ гражданскаго обрученія, лишенъ былъ всякаго обязательнаго характера для договаривающихся сторонъ, вслѣдствіе чего уничтожены неустойки и крѣпостная форма рядныхъ записей; сговоръ въ новой формѣ, хотя актъ и торжественный, но лишенный юридической силы и значенія; во 2-хъ, обрученіе, какъ актъ церковный, совершаемый благословеніемъ церкви, признается, по указу, не безусловно обязательнымъ актомъ, предшествующимъ вѣнчанію, какъ было прежде, а лишь такимъ, исполненіе котораго находится совершенно въ волѣ сторонъ. Другимъ знаменитымъ указомъ, а именно указомъ 5 января 1724 г., нетолько было провозглашено начало „произволенія" самихъ вступающихъ въ бракъ (что не было ново, нетолько, по идеѣ, но и на практикѣ и для древней Руси), но это начало было обставлено торжественностью присяги, даваемой родителями; въ случаѣ-же ея нарушенія и открытія насилія надъ дѣтьми, указъ угрожалъ родителямъ „истязаніемъ" (т. е. наказаніемъ). Однако, эта присяга просуществовала въ законѣ не болѣе 50-ти лѣтъ и въ 1775 г. была совершенно отмѣнена. — Не останавливаясь на другихъ указахъ названныхъ выше отдѣловъ права, надо вообще сказать, что Петровское законодательство не ограничивалось только законодательствомъ въ области семейныхъ и имущественныхъ отношеній, а касалось образа жизни русскаго общества, измѣняло внѣшній видъ подданныхъ (указы объ одеждѣ, бритьѣ бороды), заботилось о ихъ забавахъ (указъ объ ассамблеяхъ), при чемъ это вмѣшательство силою вводило все то, что считалось законодателемъ полезнымъ или необходимымъ для блага общества. Надо замѣтить также, что Петровская эпоха — время, когда началось усиленное перенесеніе къ намъ съ Запада традицій такъ наз. „полицейскаго государства", которыя нашли у насъ благодарную почву для развитія. Это государство стремилось до мелочей регулировать всѣ стороны общественной жизни, что рельефно и отразилось на массѣ инструкцій, наказовъ и указовъ, появлявшихся въ это время и касавшихся нетолько разныхъ сторонъ управленія, но и нравовъ и быта. Какъ самыя обыкновенныя и безобидныя народныя привычки, обычаи, не нравившіеся почему-либо Петру В., изгонялись подъ угрозою каторжныхъ работъ, осрамительныхъ наказаній, такъ самые обыкновенные полицейскіе проступки и нарушенія влекли за собою галеры, конфискаціи и даже смертную казнь. Трудно даже повѣрить, чтобъ всѣ эти устрашающія человѣка наказанія могли примѣняться въ полномъ объемѣ на дѣлѣ; скорѣе надо признать,

что нерѣдко это были лишь простыя угрозы. Но во всякомъ случаѣ, въ своихъ законахъ, реформаторъ разсыпалъ ихъ въ изумительномъ изобиліи, безъ соразмѣренія съ виною, съ трудностью выполненія гражданами предписаннаго и пр.[1]). Конечно, эти угрозы не были новостью Петровскихъ указовъ; они употреблялись законодателемъ и раньше; новымъ здѣсь былъ то, что сами эти указы шли противъ исконныхъ народныхъ обычаевъ, чего прежде почти не бывало, и отчего насиліе казалось особенно тяжкимъ.

Изъ указовъ, относящихся къ реформѣ судопроизводства, замѣчателенъ указъ 5 ноября 1723 г. — „о формѣ суда", которымъ судьѣ дается болѣе власти въ процессѣ, чѣмъ это было раньше и вводится форма прошеній „по пунктамъ", стѣсняется дѣйствіе сторонъ на судѣ и т. д.

Таковъ самый краткій обзоръ Петровскаго законодательства. Надо еще замѣтить, что важнѣйшіе Петровскіе указы неразъ печатались еще при его жизни[2]), а сильное впечатлѣніе, произведенное на общество законодательною дѣятельностью великаго государя, заставляло даже частныхъ лицъ собирать памятники этой дѣятельности. Такъ извѣстно, напр., многотомное изданіе „Дѣяній Петра В." Ивана Голикова, напечатанное въ концѣ XVIII в.; къ нему надо присоединить 3 рукописныя книги, состоящія изъ 1349 полулистовъ, Петра Елесова. Книги эти, хранящіяся въ Архивѣ Пр. Сената и нынѣ описанныя нами, представляютъ собою замѣчательную попытку систематизаціи всего законодательства Петра В. Попытка эта была окончена ея авторомъ въ 1749 г. и была доселѣ совершенно не-

---

1) Какъ примѣръ только, изъ многихъ, отмѣтимъ слѣдующіе указы: „ежели кто учнетъ русскимъ какимъ платьемъ и сапогами торговать или кто русское платье и бороды носить и, за такое ихъ преступленье, учинено имъ будетъ жестокое наказаніе и сосланы будутъ на каторгу, а имѣніе движимое и недвижимое взяты будутъ на великаго Государя безъ всякія пощады" говоритъ именной указъ отъ 29 дек. 1714 г.; „Великій Государь указалъ въ Санктпетербургѣ публиковать свой Великаго Государя указъ, чтобъ съ сего времени впредь скобами и гвоздями, чѣмъ сапоги и башмаки мужскіе и женскіе подбивали, никто не торговалъ и у себя ихъ не имѣлъ; также никто, какогобъ чину кто ни былъ, съ такимъ подбоемъ сапоговъ и башмаковъ не носили", гласитъ указъ 1 сент. 1715 г., „а ежели у кого съ такимъ подбоемъ явятся сапоги или башмаки, и тѣ жестоко будутъ штрафованы, а купецкіе люди, которые такія скобы и гвозди держать будутъ, сосланы будутъ на каторгу, а имѣніе ихъ взято будетъ на Его В. Государя" и т. д., и т. д.

2) См. Н. П. Лихачева — „Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ — манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія". (С.-П., 1895 г.).

извѣстна въ литературѣ. Въ обширномъ предисловіи къ своему труду, названный авторъ сравниваетъ Петра съ Соломономъ и говоритъ, что „и въ нашъ вѣкъ“ Петръ являетъ собою образецъ „высочайшаго рачителя“, — „благочестнаго и святаго законнаго правленія и прочаго славнаго устроенія и обученія, искуснаго предводителя и наставника и неусыпнаго въ трудахъ ревнителя, въ щедротахъ же и въ защищеніи — Отца отечества“. Затѣмъ, памятуя, что великій государь говорилъ, что „ничтоже такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ“, авторъ размыслилъ, — „неточію для своей пользы, но и для прочихъ любостяжателей, а наипаче же, по всеподданнѣшему своему и вѣрнорабскому усердію, ради *незабвеннаго* памятствованія о Петрѣ“ — *все* собрать „въ пользу и (для) скорѣйшаго пріисканія и яснаго понятія, изъ состоявшихся въ бытіе Его Величества собственноручныхъ и подписанныхъ Его-жъ Величества властною рукою указовъ и уставовъ и прочаго произведенія“. Авторъ, задумавшій трудъ, преисполненный столь высокаго уваженія къ Петру и къ его мысли о необходимости „крѣпкаго храненія“ въ государствѣ „правъ гражданскихъ“, достоенъ того, чтобы его почтенное имя было извлечено изъ неизвѣстности, что мы и сдѣлали[1]). Въ стихотворномъ заключеніи къ своему предисловію, этотъ безвѣстный авторъ громаднаго труда даетъ такую краткую, но точную свою біографію:

„Въ Сенатѣ:
Съ 711 }
Съ 714 } Сіе сочинися трудомъ и немудромъ судомъ бывъ-
Съ 719 } шаго канцеляриста, впервыхъ протоколиста,
Съ 724 } секретаря скуднаго и мало разсуднаго, нынѣ
Съ 744 } есть асессоромъ, довлею между соромъ.
Петра Елеусова, раба Іисусова
1749 Іисусъ Христа въ лѣта, а моей жизни свѣта
64 *Елесовъ*“.

Общій обзоръ законодательства послѣ Петра В. до воцаренія Екатерины II.

Хотя время послѣ Петра В. до Екатерины II (1725—1762 гг.) вообще считается въ нашей историко-юридической литературѣ мало-продуктивнымъ въ отношеніи законодательства, сравнительно съ царствованіями Петра В. и Екатерины II, однако, и въ этотъ періодъ необходимо отмѣтить нѣсколько законодательныхъ памятниковъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи нашего права. Такъ прежде всего здѣсь надо указать на замѣчательный, для своего времени,

1) См. мою статью „Петръ Елесовъ, безвѣстный собиратель Петровскаго законодательства“ въ „Вопросахъ права“, 1911 г., кн. VI (2).

Вексельный Уставъ, обнародованный 16 мая 1729 г. Уставъ этотъ былъ, по иноземнымъ образцамъ, составленъ при Екатеринѣ I въ комиссіи о коммерціи, въ которой предсѣдательствовалъ извѣстный гр. А. И. Остерманъ. Въ Уставѣ этомъ находятся постановленія о „купеческихъ“ и „казенныхъ“ векселяхъ, при чемъ указываются формы этихъ векселей. Интересно, что, по этому Уставу, право обязываться векселями, кромѣ казны, принадлежало только купцамъ, но, впрочемъ, на практикѣ это право толковалось гораздо шире. Замѣтимъ еще, что Уставъ этотъ — единственный примѣръ частичной кодификаціи за указанный періодъ времени, но за то въ это время появляется длинный рядъ отдѣльныхъ указовъ и манифестовъ, касавшихся тѣхъ или иныхъ сторонъ Петровской реформы. Таковы, напр., указы, относившіеся къ Пр. Сенату и Св. Синоду, а равно и къ тѣмъ учрежденіямъ, какія теперь были созданы вновь (Верховной Тайный Совѣтъ и Кабинетъ министровъ) и которымъ были подчинены названныя петровскія учрежденія [1]). Несомнѣнно, что на всѣхъ этихъ указахъ и манифестахъ живо отразилась та борьба, какую вели съ Пр. Сенатомъ за власть такъ наз. „Совѣты при особѣ государя“, и на которой мы остановимся позднѣе. Но, не одному Пр. Сенату пришлось послѣ Петра В. пережить испытаніе и ломку; имъ подверглись также, — по знаменитому именному указу Екатерины I отъ 24 февраля 1727 г., а равно и другимъ, — всѣ провинціальныя учрежденія. По отношенію къ отдѣльнымъ группамъ населенія заслуживаетъ упоминанія указъ Анны Іоанновны отъ 31 декабря 1736 г., которымъ сокращался срокъ обязательной службы дворянъ (по этому указу онъ ограничивался 25-тью годами) и особенно знаменитый манифестъ „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“ Петра III отъ 18 февраля 1762 г., которымъ дворянство совершенно освобождалось отъ обязательной службы государству. Къ сожалѣнію, за указанное время нельзя отмѣтить узаконеній, серьезно облегчавшихъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Въ общемъ, всѣ законенія, явившіяся послѣ Петра В. до воцаренія Екатерины II, заслуживаютъ вниманія, между прочимъ, и потому, что они показываютъ

1) Таковы главнѣйшіе указы и манифесты: 1726 г. — объ учрежденіи В. Т. Совѣта (8 февраля); новое положеніе о должности Сената (7 марта); объ именованіи Пр. Сената „Высокимъ“, а не „Правительствующимъ“ (12 марта); 1730 г. — объ уничтоженіи В. Т. Совѣта и возстановленіи прежняго значенія Пр. Сената (4 марта); о раздѣленіи Пр. Сената на департаменты (1 іюня); 1731 г. — объ учрежденіи Кабинета Ея И. Величества, т. е. Кабинета министровъ (18 октября); 1741 г. — о возстановленіи власти Пр. Сената и уничтоженіи Кабинета (12 декабря) и др.

намъ, въ чемъ и поскольку завѣщанныя Петромъ начала государственныхъ и общественныхъ реформъ уцѣлѣли и получили въ это время дальнѣйшее свое развитіе, или-же отпали и захирѣли. Замѣтивъ также, въ заключеніе, что законодательство наше на указанный періодъ до послѣдняго времени оставалось весьма мало изученнымъ, будучи вообще извѣстно, главнымъ образомъ, только по тѣмъ документамъ, какія вошли въ такъ наз. „I Полное Собраніе Законовъ“, гдѣ, однако, напечатано лишь очень немногое изъ того, что проходило черезъ Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ министровъ, которые были, послѣ Петра В., нашими законодательными учрежденіями; только съ 1886 г. начали издаваться академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ „Протоколы, журналы и указы В. Т. Совѣта“, а съ 1898 г. мною — „Бумаги Кабинетъ министровъ“ [1]); нынѣ приступлено къ изданію документовъ „Конференціи министровъ“ Елизаветы Петровны. Обнародованные нынѣ документы не оставляютъ сомнѣнія, что указы этихъ учрежденій, а равно и резолюціи членовъ В. Т. Совѣта и кабинетъ-министровъ, внесли немало важнаго съ законодательство своего времени. В. Т. Совѣтъ былъ при томъ первымъ, послѣ Петра В., учрежденіемъ, которому пришлось установить свое отношеніе къ отдѣльнымъ начинаніямъ Петра, то поддерживая, то измѣняя ихъ, нерѣдко весьма необдуманно [2]). Что касается дѣятельности Пр. Сената въ царствованіе Елизаветы Петровны, когда Сенатъ былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ значеніи, то документы, относящіеся къ этому времени, пока еще неизданы и мало изслѣдованы, почему судить о законодательной дѣятельности Пр. Сената можно лишь по тѣмъ немногимъ даннымъ, какія имѣются въ печати. Въ цѣломъ, однако, и эти данныя позволяютъ утверждать, что законодательство Пр. Сената за указанный періодъ времени было весьма плодотворно и Сенатомъ изданы были нѣкоторыя узаконенія, имѣвшія важное значеніе для послѣдующаго развитія нашего права.

Памятники права Екате-

Царствованіе Екатерины II было весьма богато замѣчательными памятниками права. При ней появился какъ рядъ важныхъ указовъ и инструкцій [3]).

1) Документы, касающіеся дѣятельности В. Т. Совѣта, обнимаютъ 8 томовъ „Сборника И. Русскаго Историч. Общества“. Бумаги Кабинета министровъ оканчиваются уже печатаніемъ, а именно напечатано мною 12-ть томовъ ихъ (въ томъ-же „Сборникѣ“), за 1731—1740 гг.

2) Объ этомъ подробно см. въ моемъ изслѣдованіи „Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта“, чл. I; сравн. также статью П. Н. Павлова-Сильвановаго „Мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра В.“ въ его „Очеркахъ по русской исторіи XVIII—XIX вв. (С.-П. 1910 г., стр. 373 и сл.).

3) Отмѣтимъ изъ нихъ нѣкоторые, какъ, напр., указъ 1762 г. объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи и о запрещеніи произносить

ринскаго времени.

такъ и были сдѣланы „всеавгустѣйшею законодательницею“ — какъ называли Екатерину II современники — весьма удачныя, для своего времени, попытки дать сводъ юридическихъ нормъ, относящихся къ отдѣльнымъ отраслямъ права. Такимъ сводомъ спеціальныхъ постановленій надо прежде всего считать обширное „Учрежденіе для управленія губерній всероссійской имперіи“, изданное 7 ноября 1775 г. Въ этомъ „Учрежденіи“ было изображено все то, что, по мнѣнію Екатерины („ради заведенія и лучшаго порядка и для безпрепятственнаго теченія правосудія“ въ губерніяхъ), было необходимо опредѣлить по закону. Такъ, здѣсь находимъ постановленія о примѣрномъ штатѣ каждой губерніи, о чинахъ, коимъ ввѣрялось управленіе ею, при чемъ подробно указывалось, въ чемъ должна была состоять „должность“ каждаго учрежденія и лица, правительственнаго и выборнаго, кои введены были въ штатъ губерніи. Выборныя должности, по Учрежденію, были образованы по сословному началу. Учрежденіе это, безъ существенныхъ перемѣнъ, дожило до реформъ Александра II. Слѣдующимъ, по времени, сводомъ спеціальныхъ постановленій, надо считать такъ наз. „Уставъ Благочинія“, отъ 8 апрѣля 1782 г., въ которомъ указаны правила организаціи городской полиціи, для завѣдыванія которой создана была такъ наз. „Управа благочинія“, въ составѣ какъ правительственныхъ чиновниковъ (городничаго и приставовъ), такъ и выборныхъ отъ горожанъ (такъ наз. „ратмановъ“). Такъ какъ эта „управа“ вѣдала города какъ въ полицейскомъ, такъ и судебномъ отношени (для взысканій по проступкамъ полицейскаго характера и пр.), то въ Уставѣ также содержится инструкція Управѣ о томъ, какъ она должна была дѣйствовать при исполненіи своихъ обязанностей, а равно и опредѣляются мѣры „взысканій“, налагаемыхъ полиціею. Уставъ этотъ оказывалъ большое вліяніе на все послѣдующее наше законодательство о полиціи. Если въ этомъ „Уставѣ“ были сведены такимъ образомъ вмѣстѣ всѣ правила объ управленіи, въ полицейскомъ отношеніи, городами, то въ знаменитыхъ двухъ Жалованныхъ грамотахъ, данныхъ 21 апрѣля 1785 г. — 1) о правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ благороднаго дворянства и 2) о правахъ и выгодахъ городамъ Россійской имперіи — мы находимъ узаконенія, касающіяся дворянства и городскихъ самоуправляющихся учрежденій, созданныхъ въ это время Екатериною II, а

столь страшное въ старину „слово и дѣло“; 1765 г., 19 сентября — о генеральномъ размежеваніи земель въ Россіи; 1767 г. — указы и наказы, относящіе къ комиссіи о составленія проекта новаго Уложенія и пр.

равно состава „градского общества“ и пр. Въ этихъ грамотахъ, — по словамъ одного изъ современниковъ (гр. К. Разумовскаго), сказаннымъ императрицѣ — „угодно было“ монархинѣ „дворянство и грады царства своего возвысить и ихъ блаженство утвердить на вѣчныя времена“. Оправдался-ли, дѣйствительно, подобный взглядъ на грамоты позднѣе, на это указаніе будетъ нами сдѣлано при изученіи названныхъ грамотъ; но, во всякомъ случаѣ, это были два памятника нашего права, имѣвшіе громадное вліяніе на судьбу нашего дворянства и городского класса во всю послѣдующую ихъ историческую жизнь, при чемъ Жалованная грамота дворянству и доселѣ не потеряла своего значенія для дворянскаго сословія, какъ цѣлаго.

При обозрѣніи памятниковъ права Екатерининской эпохи нельзя обойти молчаніемъ знаменитаго ея „Наказа, даннаго комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія“, которая была ею созвана въ 1767 г.[1]). Какъ извѣстно, комиссія эта, составленная изъ народныхъ представителей, открыла свои засѣданія 30 іюля 1767 г. въ Москвѣ въ присутствіи самой государыни, которая, между прочимъ, вручила генералъ-прокурору кн. Вяземскому, какъ руководство для занятій въ комиссіи, указанный свой „Наказъ“ (такъ наз. „Большой Наказъ“). Наказъ этотъ депутаты не должны были разсматривать, яко законъ“, но лишь, какъ, „правила, на которыхъ основать можно мнѣнія“. Наказъ произвелъ на членовъ комиссіи большое впечатлѣніе какъ глубиною, такъ и гуманностью своихъ идей, заимствованныхъ у такихъ западныхъ мыслителей, какъ Монтескье, Беккарія, Гельвецій и др. „Дневная Записка“ комиссіи, описывая 3 засѣданіе ея отъ 7 августа (когда началось чтеніе Наказа) такъ, между прочимъ, говоритъ объ этомъ впечатлѣніи: „сердечное движеніе, чувствіе, до высшей степени доведенное, на лицахъ всѣхъ были начертаны. Многіе плакали, но сіи слезы умножились, когда прочли статью, въ которой сказано: „Боже сохрани, чтобы по окончаніи сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ. Намѣреніе законовъ нашихъ было-бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю“. Особенно поразили депутатовъ такія истины, выраженныя въ Наказѣ кратко, но сильно: „гоненіе (т. е. гоненіе на вѣру) человѣческіе умы раздражаетъ ... начатыя основанія (законовъ) храниться должны ... Чѣмъ больше казни умножаются, тѣмъ больше умножается опасность государственная. Лучше, чтобъ государь ободрялъ,

1) „Наказъ императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія“. Подъ редакціею Н. Д. Чечулина (С.-П., 1907 г., изданіе Академіи Наукъ).

а законы-бы угрожали“ и т. д. Собраніе поняло важность возлагаемой на него задачи и единодушно постановило выразить государынѣ благодарность за „неисчетную милость, оказанную ею всему народу“ и поднести ей титулъ „Премудрой и Великой Матери Отечества“, обсужденію чего было посвящено еще 2 засѣданія, что и вызвало со стороны императрицы такое замѣчаніе Бибикову (трудно сказать — искреннее-ли): „Я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ“. Не будучи закономъ, обязательнымъ для примѣненія на практикѣ (хотя и содержа много правилъ по праву государственному, гражданскому и уголовному, а равно и по процессу), Большой Наказъ важенъ, какъ собраніе формулъ великихъ принциповъ просвѣтительной философіи Запада и, въ качествѣ такого собранія, онъ долго вліялъ на наше право. Обращаясь къ краткому обзору содержанія Наказа, надо сказать, что первыя VI главъ касаются, главнымъ образомъ, вопросовъ государственнаго права и, въ частности, 1-ая доказываетъ, что „Россія — держава европейская“; II-ая констатируетъ, что въ Россіи „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства . . .; другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ“; гл. III („о безопасности постановленій государственныхъ“) говоритъ „о властяхъ среднихъ“, подчиненныхъ верховной власти; IV гл. доказываетъ, что въ государствѣ должно существовать „хранилище законовъ“ и таковымъ у насъ является Сенатъ; V-ая — „о состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ“ разсматриваетъ цѣли законодательства, доказывая, что надлежитъ: 1) чтобы „законы предохраняли безопасность каждаго особо гражданина“, 2) чтобы всѣ были равны передъ закономъ и 3) чтобы законы охраняли „гражданскую вольность“, а „вольность“, по Наказу, „есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ“; гл. VI-ая — „о законахъ вообще“ устанавливаетъ основанія законодательной дѣятельности („законоположеніе должно примѣняться къ народному умствованію“, „для введенія лучшихъ законовъ потребно пріуготовить умы людскіе“ и пр.). Большинство мыслей здѣсь, какъ и въ другихъ главахъ, взято у Монтескье. Главы VII-ая „о законахъ подробно“ (т. е. въ частности) и VIII-ая — „о наказаніяхъ“ посвящены праву уголовному, вообще наиболѣе ясно и послѣдовательно обработанному, по ученію Беккарія, въ Наказѣ. Выходя изъ той мысли, что всякое наказаніе должно вытекать „изъ особливаго каждому преступленію свойства“, Наказъ въ гл. VII-ой дѣлитъ преступленія на 4 рода (противъ „закона или

вѣры", противъ нравовъ, „противъ тишины и спокойствія" и противъ „безопасности гражданъ") и, сообразно особенностямъ этихъ видовъ, предписываетъ особыя наказанія. Глава VIII-ая возстаетъ *противъ суровости* наказаній, утверждая, что „хорошіе законы самой точной средины держатся"; отвергаетъ совершенно всѣ уродующія тѣло человѣка наказанія и т. д. Естественнымъ дополненіемъ къ этимъ главамъ служитъ весьма важная глава XX, въ Наказѣ названная такъ: „разныя статьи, требующія разъясненія". Здѣсь Екатерина обсуждаетъ вопросы: a) „о преступленіяхъ въ оскорбленіи Величества", b) „о судахъ по особливымъ нарядамъ" (т. е. о судахъ чрезвычайныхъ); c) „о гоненіяхъ противъ вѣры, объ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и о еретичествѣ" (глава заключается интереснымъ разсужденіемъ: „какъ можно узнать, что государство приближается къ паденію" . . .). Наказъ энергично высказывается за свободу вѣроисповѣданія, такъ какъ „гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца и *отводитъ* ихъ отъ заматерѣлаго упорства . . . ."; совѣтуетъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ, такъ какъ обвиненіе въ этихъ преступленіяхъ „не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданина" (т. е. не основывается на дѣйствіяхъ гражданина), „но больше къ понятію, воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ очень опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества". . . .

Главы IX и X касаются вопросовъ судопроизводства, 1-ая вообще, 2-ая „въ судѣ криминальномъ" (т. е. уголовномъ). Власть судейская, по главѣ IX-ой, состоитъ *только* въ исполненіи законовъ, чтобы этимъ „имѣніе и жизнь гражданина были надежно утверждены"; далѣе признается, что, гдѣ есть раздѣленіе по сословіямъ, тамъ должно то-же начало проводиться и въ судахъ (эта мысль осуществляется Екатериною въ „Учрежденіи о губерніяхъ") и т. д. Глава X-ая ставитъ рядъ вопросовъ и даетъ на нихъ отвѣты. Напр., спрашивается, „откуда имѣютъ начало свое наказанія и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?" „Какія лучшія средства употреблять, когда должно взять подъ стражу гражданина, также открыть и изобличить преступленіе?" (отвѣты еще доселѣ полны глубокаго интереса). „Пытка не нарушаетъ-ли справедливости и приводитъ-ли она къ концу, намѣреваемому законами?" (по Наказу — нарушаетъ и не приводитъ къ цѣли). „Смертная казнь полезна-ли и нужна-ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка? (по Наказу — „въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина *ни нужна*, *ни полезна*; она допустима только когда народъ теряетъ, или

возвращаетъ свою вольность, или во время безначалія"). „Какая мѣра великости наказанія", какъ предупредить преступленіе и проч. (Здѣсь, между прочимъ, высказываются мысли, что „самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія", — противъ которой Наказъ часто высказывается, — „но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законъ дѣйствительно будетъ наказанъ"; что „гораздо лучше предупреждать преступленія, чѣмъ наказывать"; что „надо сдѣлать такъ, чтобы люди боялись законовъ и никого бы, кромѣ нихъ, не боялись и т. д.).

Глава XI старается облегчить положеніе „рабовъ" (крѣпостныхъ), назначая опеку надъ особенно злоупотребляющими своею властью господами. Слѣдующія главы (съ XII по XVII) разрѣшаютъ вопросы по гражданскому быту и значенію сословій, а именно говорятъ „о размноженіи народа въ государствѣ", „о рукодѣліи (т. е. о ремеслѣ) и торговлѣ", „о воспитаніи", „о дворянствѣ", „о среднемъ родѣ людей" (т. е. о 3-мъ сословіи) и „о городахъ" („дворянство", по Наказу, „нарицаніе въ чести" за добродѣтели и заслуги; „преимущества дворянскія" всѣ должны быть основаны на „добродѣтеляхъ, заслугахъ, вѣрности и любви къ отечеству; а, слѣдовательно, и къ государю"; средній родъ людей состоитъ изъ мѣщанъ (горожанъ), „которые упражняются въ ремеслахъ, въ торговлѣ, въ художествѣ и въ наукахъ" (положенія Наказа о дворянствѣ и среднемъ сословіи развиты потомъ въ Жалованныхъ грамотахъ дворянству и городамъ); гл. XVIII трактуетъ „о наслѣдствахъ". Изъ послѣднихъ главъ, не названныхъ нами выше, заслуживаетъ вниманія гл. XIX „о составленіи и слогѣ законовъ". Наказъ различаетъ законы отъ „временныхъ распоряженій (учрежденій)", требуетъ, чтобы законъ былъ написанъ „вразумительно для всѣхъ", „очень коротко"; „чистосердечно"; должно при этомъ избѣгать витіеватости, остроумничанья, неопредѣленностей, быть осторожнымъ въ объясненіяхъ закона, которыя должны дѣлаться только для судящихъ и т. д.

Составленный (хотя и не всегда вполнѣ удачно) по великимъ произведеніямъ западной мысли [1]), Большой Наказъ Екатерины особенно любопытенъ при сопоставленіи его съ депутатскими наказами, заключавшими въ себѣ требованія различныхъ классовъ нашего населенія. Послѣдніе наказы неизмѣримо реальнѣе, содержательнѣе Б. Наказа: въ то время, какъ мысль Екатерины расплывается въ широкихъ формулахъ и об-

1) Объ обратномъ вліяніи Б. Наказа на западныя политическія воззрѣнія см. статью Ѳ. В. Тарановскаго „Судьба Наказа Им. Екатерины II во Франціи" (Жур. М. Юст., 1912 г., № 1).

щихъ мѣстахъ, депутатскіе наказы, стоя на почвѣ дѣйствительнаго знанія нуждъ и интересовъ страны, твердо и ясно формулируютъ, какія реформы были необходимы, предлагаютъ мѣры вполнѣ осуществимыя и часто весьма полезныя. Въ Б. Наказѣ изображены великія мысли, въ депутатскихъ — настоятельныя жизненныя нужды и интересы страны.

Важнѣйшіе законодательные акты Павла I и Александра I.

Въ кратковременное царствованіе Павла I явилось нѣсколько законодательныхъ актовъ весьма важнаго значенія. Прежде всего здѣсь надо отмѣтить „Актъ о порядкѣ престолонаслѣдія“ и „Учрежденіе о Императорской Фамиліи“, изданные 5 апрѣля 1797 г. въ день коронаціи Павла I. Оба эти закона представляютъ интересъ нетолько по своему историческому значенію, какъ памятники права, имѣвшіе примѣненіе въ теченіи долгаго времени, но и потому, что являются, въ цѣломъ, доселѣ дѣйствующими узаконеніями. Какъ императоръ, такъ и императрица, наслѣдующіе престолъ, вступая на оный, обязуются свято исполнять указанный законъ о престолонаслѣдіи. Что-же касается наслѣдника престола и всѣхъ прочихъ членовъ Императорскаго дома, то, принося, при совершеннолѣтіи, присягу царствующему государю, они также обязуются „соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и порядкѣ Фамильнаго Учрежденія“. Въ отдѣлѣ государственнаго права мы остановимся подробно на законѣ о престолонаслѣдіи Павла I, который слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ покончилъ съ неопредѣленностью преемства у насъ престола въ прежнее время и съ этой точки зрѣнія является весьма важнымъ узаконеніемъ. Что-же касается „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“, то о немъ замѣтимъ, что до этого „Учрежденія“ положеніе въ государствѣ членовъ царствующей династіи, ихъ права и преимущества не опредѣлялись по закону, что, конечно, представляло немалыя неудобства на практикѣ. Въ „Учрежденіи“-же было опредѣлено, кто долженъ считаться принадлежащимъ къ Императорскому дому и что можетъ служить доказательствомъ этой принадлежности; затѣмъ обозначались точно права и обязанности членовъ фамиліи, при чемъ актъ этотъ опредѣлялъ и размѣры содержанія ихъ, какъ изъ средствъ государственнаго казначейства, такъ и изъ удѣльныхъ имѣній. Законъ Павла, „желая сколько обезпечить Фамилію Нашу, столько-же облегчить и расходы государства“, повелѣлъ выдѣлить изъ государственныхъ владѣній, подъ именованіемъ удѣльныхъ имѣній, извѣстное количество земель, которыми долженъ былъ завѣдывать особый департаментъ удѣловъ и съ доходовъ отъ которыхъ опредѣленныя, по закону, суммы должны были назначаться членамъ царствующей фамиліи.

Изъ ряда другихъ, весьма многочисленныхъ, указовъ Павла I остановимся лишь на одномъ, а именно на указѣ тогоже 5 апрѣля 1797 года, коимъ было повелѣно ограничить обязанность крѣпостныхъ крестьянъ работать на помѣщика (такъ наз. „барщину“) лишь тремя днями въ недѣлю, при чемъ они должны были также освобождаться отъ работы по праздникамъ. Это было первое, по закону, ограниченіе барщины; раньше все здѣсь опредѣлялось по обычаю.

Начало царствованія Александра I было, какъ извѣстно, ознаменовано большимъ общественнымъ движеніемъ, направленнымъ, между прочимъ, къ измѣненію нашего строя на началѣ народнаго представительства. Результатъ этого движенія сказался двояко: было во 1-хъ, составлено нѣсколько обширныхъ проектовъ конституцій, на которыхъ мы своевременно остановимся; были, во 2-хъ, переустроены наши центральныя государственныя учрежденія, при чемъ указанное начало народнаго представительства въ нихъ не нашло уже себѣ мѣста. Главнѣйшими законодательными актами, изъ которыхъ мы узнаемъ объ этомъ переустройствѣ, надо считать „Учрежденіе Непремѣннаго Государственнаго Совѣта“ 30 марта 1801 г., затѣмъ „Манифестъ объ учрежденіи Министерствъ“ и „Манифестъ о правахъ и обязанностяхъ Пр. Сената“, данные 8 Сентября 1802 г. Первоначальное устройство Н. Госуд. Совѣта и Министерствъ отличалось, однако, большими несовершенствами, что вызвало вторичное ихъ преобразованіе, совершенное уже Сперанскимъ, а именно 1 января 1810 г. явилось второе „Учрежденіе (Образованіе) Государственнаго Совѣта“, 25 іюня 1811 г. — второе „Общее Учрежденіе“ Министерствъ“ и „Учрежденія“ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ Министерствъ; 20 марта 1812 г. особое „Учрежденіе“ получилъ и Комитетъ министровъ. Въ царствованіе Александра I явилось также нѣсколько важныхъ Уставовъ (о цензурѣ, таможенный, консульскій и др.), а равно и рядъ указовъ, на которыхъ мы здѣсь не останавливаемся. Таковъ самый краткій обзоръ памятниковъ права, явившихся въ эпоху имперіи. Какъ ни бѣгло мы ихъ коснулись, но ихъ обзоръ, во всякомъ случаѣ, показываетъ, какія громадныя измѣненія, и по формѣ, и по содержанію, потерпѣло наше законодательство въ новой исторіи нашей, сравнительно съ предшествующими періодами. Обиліе этихъ актовъ законодательства и ихъ разрозненность, съ одной стороны, внутреннее, принципіальное, несходство многихъ изъ нихъ между собою и со старымъ С. Уложеніемъ (продолжавшимъ считаться дѣйствующимъ кодексомъ), съ другой, необходимо ставили на очередь вопросъ о кодификаціи нашихъ законовъ. Къ разсмотрѣнію этого вопроса мы теперь и обратимся.

Глава II.

О кодификаціи русскаго права въ періодъ имперіи [1]).

§ 1.

Кодификаціонныя коммиссіи въ XVIII вѣкѣ.

О кодификаціи р. права въ XVIII в.; общая причина неудачъ кодификаціи въ XVIII в. Кодификаціонныя комиссіи до Екатерины II.

Вопросъ о кодификаціи русскаго права въ новое время былъ впервые поставленъ еще въ 1700 г., когда Петръ В. „повелѣлъ быть у своихъ государевыхъ дѣлъ и сидѣть въ своихъ государевыхъ палатахъ боярамъ у Уложенія“, т. е. заняться составленіемъ новаго Уложенія, которое должно было замѣнить Соборное Уложеніе 1649 г. Затѣмъ, съ 1700 года до второй четверти XIX в., — когда Сперанскій, возвращенный изъ ссылки, вторично становится во главѣ дѣла о кодификаціи —

1) Общія сочиненія по исторіи кодификаціи: С. В. Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго ирава (С.П., 1876 г., 2 т.); В. Н. Латкинъ, Законодательная комиссіи въ XVIII в. (С.-П., 1887 г.); документы и сочиненія, относящіеся къ отдѣльнымъ комиссіямъ: Д. В. Полѣновъ, Матеріалы для исторіи русскаго законодательства; вып. I. Палата объ Уложеніи (С.-П., 1865 г.); Н. Д. Сергѣевскій, Предисловіе къ „Проектамъ Уголовнаго Уложенія 1754—1766“ (С.-П., 1882 г.; Д. В. Полѣновъ, Историческія свѣдѣнія о Екатеринской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія (3 т. — въ Сборникѣ Имп. Рус. Ист. Общества); В. И. Сергѣевичъ, — тоже (8 томовъ, ibidem); его-же изслѣдованіе о Екатерининской комиссіи въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ“ (С.-П., 1883 г.); И. И. Дитятинъ, Екатерининская комиссія (Статьи по исторіи рус. права, С.-П., 1896 г.); А. С. Лаппо-Данилевскій, Собраніе и Сводъ законовъ росс. имперіи, составленные въ царствованіе имп. Екатерины II (С.-П., 1896 г.); гр. М. М. Сперанскій. Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ (С.-П., 1833 г., Од. 1889 г.); б. Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго (С.-П., 1861 г.); мои статьи: О пересмотрѣ Свода нашихъ гражданскихъ законовъ (Ю. Вѣст. 1882 г., № 5—6); — Сперанскій, какъ кодификаторъ русскаго права (Рус. Мысль, 1892 г., № 10); — „Императоръ Николай I и Сперанскій“ (Ю., 1897 г.); Н. М. Коркуновъ, Значеніе Свода Законовъ (Ж. М. Н. Просв. 1894 г., сент.); Л. А. Кассо, Къ исторіи Свода Законовъ гражданскихъ (Ж. М. Ю., 1904 г. мартъ); Н. Н. Корево, Объ изданіяхъ законовъ россійской имперіи 1830—1899 г. (С.-П., 1900 г.); Г. Ф. Шершеневичъ „Курсъ гражданскаго права“, т. I. в. II (Каз., 1902 г.); П. М. Майковъ, О Сводѣ законовъ р. имперіи (С.-П., 1906 г.); его-же, II отдѣленіо Собственной Его И. Величества канцеляріи (С. П., 1906 г.). С. М. Середонинъ „Графъ М. М. Сперанскій“ (С.-П., 1909 г.). Прочая литература у Н. П. Загоскина, Наука исторіи р. права (К. 1891 г.).

идетъ рядъ комиссій, составленныхъ иногда весьма грандіозно и цѣлесообразно, но ничего, однако, не успѣвавшихъ сдѣлать, чтобы замѣнить устарѣвшее, — послѣ реформъ XVIII в., — Соборное Уложеніе новымъ, въ которомъ были бы сведены воедино всѣ тѣ измѣненія, какія разновременно и частично появлялись въ законодательствѣ, то въ отмѣну, то въ дополненіе прежде-дѣйствовавшихъ нормъ нашего права. Невольно является вопросъ: почему кодификація, въ теченіе слишкомъ ста лѣтъ, не удается новому періоду нашей исторіи и почему она сравнительно легко удалась XVII вѣку, когда въ продолженіе какого-нибудь полугодія создался кодексъ, съ достаточною полнотой и ясностью отразившій въ себѣ движеніе нашей юридической мысли за два послѣднія столѣтія, а потому и успѣшно служившій дѣлу московскаго правосудія?

Несомнѣнно, новая эпоха нашей исторіи имѣла, и болѣе образованныхъ юристовъ, и болѣе техническихъ средствъ, сравнительно съ XVII в., для приведенія всего дѣйствовавшаго законодательства въ одно цѣльное Уложеніе. Однако, дѣло кодификаціи не приходило ни къ какому концу вплоть до второй четверти XIX в., когда Сперанскій, какъ сказано, вторично взялъ его въ свои мощныя руки. Вопросъ объ этой удачѣ старой Московской Руси и неудачѣ новой Россіи далеко не пустой вопросъ и для нашего времени, которому также предстоитъ раздѣлаться съ устарѣлымъ Сводомъ Законовъ и замѣнить его новымъ Гражданскимъ Уложеніемъ (Уголовное недавно было составлено). Обращаясь къ литературѣ нашей, мы не находимъ здѣсь общаго отвѣта, разрѣшающаго вопросъ. Въ послѣдней обширной работѣ, посвященной кодификаціи, а именно въ сочиненіи В. Н. Латкина Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в., авторъ также задается вопросомъ о томъ, „какія же причины, въ силу которыхъ новое Уложеніе не могло быть составлено за все это время (XVIII в.), несмотря на всѣ усилія правительства въ этомъ отношеніи и на почти непрерывное существованіе комиссій, занимавшихся систематизаціей и упорядоченіемъ русскаго законодательства? — и отвѣчаетъ: „причинъ было нѣсколько. Всѣ онѣ уже указаны Сперанскимъ“ (стр. 181). Обращаясь за разрѣшеніемъ вопроса къ Сперанскому, съ которымъ согласенъ авторъ, мы находимъ слѣдующее: причины неудачъ лежали, по мнѣнію Сперанскаго, „въ обстоятельствахъ времени и въ распорядкѣ работъ“. „Обстоятельствомъ времени“, прежде всего, надо объяснить, что „правительство, по необходимости, употребляло къ сему дѣлу людей, большею частью занятыхъ, обремененныхъ другими дѣлами“; затѣмъ въ людяхъ, назначенныхъ къ дѣлу кодифи-

каціи, „соединеніе теоріи (т.-е. теорическихъ знаній права) съ опытностью (т.-е. съ практическимъ знаніемъ законовъ) случалось очень рѣдко“. Что касается распорядка работъ, то Сперанскій справедливо находилъ, что „всѣ почти комиссіи представляли себѣ дѣло, имъ предлежащее, нетолько настоятельнымъ, но и въ исполненіи легкимъ. Отсюда происходило, что всѣ почти приступали прямо къ концу его, не приготовивъ ни начала, ни средины“. Поэтому онѣ то печатали манифесты о сочиненіи Уложенія, не сочинивъ его, то приступали къ составленію Свода Законовъ, или даже Уложенія, не сдѣлавъ предварительно Собранія законовъ, на которыхъ должно было основываться само Уложеніе. Авторитетъ Сперанскаго, кажется, сдѣлалъ то, что, въ большинствѣ случаевъ историки права повторяли это его объясненіе причинъ неудачъ, несмотря на то, что оно касалось только внѣшней стороны дѣла, его организаціи въ той или другой комиссіи. Нисколько, конечно, не отвергая полной справедливости мыслей Сперанскаго въ объясненіи этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, мы думаемъ, однако, что ими одними необъяснимо общее крушеніе всѣхъ попытокъ XVIII в. и начала XIX в. свести въ единое Уложеніе все наше разрозненное, разнопринципное и подъ давленіемъ разнообразныхъ обстоятельствъ создававшееся законодательство. Общая органическая причина неудачъ, — не зависѣвшая, ни отъ распорядка работъ въ комиссіяхъ, ни отъ состава ихъ членовъ и ихъ знаній, — лежала, на нашъ взглядъ, въ той почти непреодолимой трудности, какую представляло, для своей кодификаціи, законодательство XVIII в. и какой не было въ законодательствѣ XVII в. Въ существѣ своемъ всякая кодификація есть ни что иное, какъ обобщеніе извѣстнаго законодательнаго матеріала. Но не всякій законодательный матеріалъ одинаково поддается этому обобщенію, или укладкѣ въ общія правовыя нормы, выработанныя согласно теоріи и практикѣ права: необходимо, чтобы само законодательство, подвергаемое переработкѣ въ Уложеніе, обладало, въ цѣломъ, большею или меньшею однопринципностью своихъ положеній, извѣстнымъ единствомъ происхожденія своихъ источниковъ. Такимъ и было Московское законодательство, положенное въ основу С. Уложеніе. Это законодательство созидалось вѣками, путемъ указовъ и челобитій, путемъ практики Приказовъ, Б. Думы и З. Соборовъ. Даже тѣ изъ иноземныхъ источниковъ, которые довольно обильно вошли въ него, проходили, — прежде чѣмъ попасть въ С. Уложеніе, — черезъ длинный и часто суровый рядъ переработокъ и видоизмѣненій той же практики, такъ что, явясь въ С. Уложеніи, они никому не казались чужими и малопринаровленными къ

жизни. Правда, полученный изъ обобщенія такого, медлительно-долго складывавшагося, матеріала памятникъ отличался строго-консервативнымъ характеромъ (за немногими исключеніями) и не могъ принадлежать къ тѣмъ кодексамъ, которые двигаютъ мысль впередъ и рѣзко видоизмѣняютъ жизненныя отношенія, подчиняя ихъ своимъ новымъ началамъ, но онъ сдѣлалъ свое дѣло: достаточно ясно и полно уложилъ въ свои 25 главъ основное содержаніе юридической мысли своего вѣка, нигдѣ не разнорѣча въ своихъ принципахъ. Что же представляло собой, какъ кодификаціонный матеріалъ, законодательство XVIII в.? Это законодательство отличалось какъ неслаженностью, несходствомъ, по происхожденію, тѣхъ памятниковъ права, которые должны были явиться первоисточниками „новаго“ Уложенія, такъ еще болѣе—разнохарактерностью тѣхъ принциповъ, которые лежали въ основаніи нормъ подлежащаго теперь обобщенію матеріала въ единомъ новомъ кодексѣ. Въ то время, какъ московскій кодификаторъ нашелъ для своего Уложенія однообразный матеріалъ въ обширной практикѣ подлежащихъ учрежденій, кодификаторамъ XVIII в. приходилось часто примирять непримиримое, соединять вмѣстѣ взаимно другъ друга исключающее и противорѣчащее. Понятно, какъ затруднено было дѣло кодификаціи, особенно въ виду разбросанности матеріала, недостатка въ людяхъ знающихъ и т. д. Не касаясь подробностей, для подтвержденія сказаннаго достаточно привести нѣсколько фактовъ изъ дѣятельности законодательныхъ комиссій XVIII в. Первая комиссія 1700 г., именно такъ называемая Палата объ Уложеніи, должна была составить Новоуложенную книгу, въ которой было бы исправлено С. Уложеніе, сообразно тѣмъ указамъ и боярскимъ приговорамъ, которые были изданы, въ дополненіе или измѣненіе постановленій С. Уложенія, во второй половинѣ XVII в. (т. н. „Новоуказныя статьи“). Задача, какъ это само собой понятно, не была особенно трудна, и именно потому, что законодательство второй половины XVII в., если и представляло весьма много прогрессивныхъ чертъ сравнительно съ С. Уложеніемъ, то, въ существѣ своихъ принциповъ, не расходилось съ нимъ, такъ какъ оно творилось прежними московскими органами, на основѣ прежнихъ правоисточниковъ. Новоуложенная книга вскорѣ и была составлена, но никогда не была, однако, обнародована. Вторая комиссія 1714 г. должна была, подъ наименованіемъ Своднаго Уложенія, продолжать ту же работу, что и первая. Но она не успѣла докончить своего дѣла, какъ Петръ Великій въ 1718 г, приказываетъ „учинить“ Сводъ русскихъ законовъ со шведскими. Такимъ образомъ, если работа первыхъ двухъ комиссій и была легка по существу своему, то

работа третьей — представляла громадныя трудности. „Легко можно представить препятствія, — говоритъ Сперанскій, — кои и на семъ новомъ пути встрѣтились отъ разности въ языкѣ, отъ недостатка свѣдущихъ людей, отъ коренного несходства двухъ разныхъ системъ законодательства и особенно отъ того, что собственное свое законодательство, разнообразное и противорѣчащее (въ это время, добавимъ мы), не было еще Сводомъ установлено, и слѣдовательно, не представляло никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что должно въ немъ считать дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ“. Является вопросъ, почему же Петръ В. отвергъ уже составленный проектъ Новоуложенной книги и не далъ кончить Своднаго Уложенія, а обратился къ столь трудной задачѣ — согласить начала совсѣмъ чужого шведскаго кодекса съ своими? Недостатокъ свѣдѣній не даетъ возможности отвѣтить на это прямо и положительно. Но намъ кажется, что объясненіе этого факта лежитъ въ томъ, что первыя два Уложенія уже не могли удовлетворить Петра В., потому, что, будучи составлены почти въ началѣ реформаціоннаго движенія, они, естественно, вовсе не укладывали въ свои нормы этого движенія, состарились для него, не успѣвъ быть даже обнародованными, какъ это случается нерѣдко съ кодексами революціонныхъ эпохъ. Петру В., съ его стремительностью въ реформахъ и жаждой видѣть скорѣе ихъ осуществленными, должна была казаться вполнѣ возможною мысль о сведеніи вмѣстѣ шведскаго и русскаго законодательства, особенно въ виду того обстоятельства, что, въ это-же время, судебно-административныя учрежденія должны были быть перестроены по шведскому образцу. Но трудность соединенія воедино шведскаго и русскаго кодекса оказалась слишкомъ непреодолимою и дѣло комиссіи не пришло ни къ какому результату. Эта трудность особенно характерно выступаетъ впередъ, когда мы сравнимъ относительную легкость составленія своихъ проектовъ первыми двумя комиссіями. И понятно почему: матеріалъ для Уложенія, бывшій въ ихъ рукахъ, поддавался кодификаціи, хотя уже и не былъ пригоденъ къ жизни, въ которую реформы ввели новыя начала, поставивъ ихъ въ борьбу съ прежде-господствовавшими. Борьба эта велась во весь XVIII вѣкъ съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ, съ перевѣсомъ то стараго, то новаго. Естественно, какъ былъ затрудненъ кодификаторъ, которому приходилось въ этомъ броженіи понятій и принциповъ выбирать преобладающіе, чтобъ обобщить ихъ въ единомъ Уложеніи. Да и эта трудная задача, — какъ вѣрно замѣтилъ глубокій изслѣдователь эпохи Петровскаго преобразованія, С. М. Соловьевъ, — „возлагалась на людей

неприготовленныхъ, отуманенныхъ преобразованіемъ, — на людей, среди которыхъ были смотрѣвшіе враждебно на новизны, и, между тѣмъ, неимѣвшіе ни духа, ни умѣнья отстаивать старое".

Не останавливаясь подробно на слѣдующихъ комиссіяхъ, скажемъ лишь, что ихъ неуспѣхъ, въ общемъ, былъ результатомъ все той же причины, хотя частности въ организаціи работъ, составѣ и задачахъ комиссій были различны. Такъ, въ царствованіе Петра II въ 1728 г. создается 4-ая комиссія съ цѣлью пополненія Соб. Уложенія новымъ законодательнымъ матеріаломъ; въ 1730 г. 5 комиссія берется за сочиненіе новаго Уложенія, чтобы въ 1735 г. заняться печатаніемъ того Своднаго Уложенія, которое составлено было при Петрѣ В., а теперь уже совсѣмъ устарѣло. Въ 1754 г. новой 6-ой комиссіи предписывается нелегкая задача „сочинить законы ясные, всѣмъ понятные и настоящему времени приличные", а въ 1760 г. явилась седьмая, которой была представлена на обсужденіе работа предъидущей комиссіи. Каждое новое десятилѣтіе вѣка приносило все новыя и новыя измѣненія въ законодательствѣ, то прогрессивныя, то регрессивныя, а потому съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе затруднялась комбинація всѣхъ этихъ измѣненій въ единомъ кодексѣ. Неудивительно, что комиссіи такъ быстро мѣняютъ планы своихъ работъ, имѣвшихъ въ существѣ своемъ одинъ общій органическій порокъ — трудность примиренія въ одномъ кодексѣ противорѣчивыхъ, несходныхъ не только по духу, но даже по языку узаконеній.

Екатерининская комиссія о составленіи проекта новаго Уложенія: поводъ къ созыву комиссіи. Большой Наказъ Екатерины II комиссіи выборныхъ.

Послѣдняя (8) комиссія XVIII в., — знаменитая Екатерининская, — созванная „для сочиненія проекта новаго Уложенія", была составлена наиболѣе разумно и, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ могла разсчитывать на успѣхъ своего дѣла. Какъ извѣстно, въ этой комиссіи былъ данъ въ XVIII в. опытъ грандіознаго призыва народнаго представительства къ выработкѣ законопроектовъ Уложенія. Затѣмъ, сами эти проекты, по плану императрицы, могли совершенно отрѣшиться отъ путаницы современнаго имъ законодательства, причемъ, исходя изъ своихъ знаній нуждъ и интересовъ страны, депутаты комиссіи могли создать новые законы, защищающіе въ своихъ нормахъ хотя бы наиболѣе важные изъ этихъ нуждъ и интересовъ. На нашъ взглядъ, законопроектъ вполнѣ новаго Уложенія именно и могъ-бы быть созданъ только представительнымъ собраніемъ, тогда какъ канцелярски составленныя комиссіи въ XVIII в. и въ началѣ XIX ст. были лишь въ силахъ, — въ виду ука-

заннаго выше состоянія нашего законодательства, — составить Сводъ законовъ дѣйствующихъ (какъ это было потомъ сдѣлано Сперанскимъ). Чтобы создать не мертворожденный, а отвѣчающій вполнѣ интересамъ страны, кодексъ, необходимо было серьезное изслѣдованіе началъ юридической жизни страны. Однимъ изъ способовъ такого изслѣдованія и было созваніе народнаго представительнаго собранія. Послѣднее и въ наказахъ, данныхъ депутатамъ выборщиками, и въ запасѣ свѣдѣній, принесенныхъ самими выборными, имѣло громадный матеріалъ, который могъ бы послужить къ выработкѣ законопроектовъ новаго кодекса лучше, чѣмъ та подавляющая масса разнорѣчивыхъ узаконеній, которая лежала передъ предшествующими комиссіями. Къ сожалѣнію, Екатерининская комиссія не создала Уложенія. Причины этого лежали не въ томъ, конечно, что „предпріятіе сіе было рановременно“, какъ думалъ сынъ маршала комиссіи А. И. Бибикова, а въ томъ, что Екатерининская комиссія, какъ это прекрасно доказано В. И. Сергѣевичемъ, организовала свои работы такъ, что проектъ Уложенія никакимъ образомъ не могъ быть ею выработанъ, и въ томъ, наконецъ, добавимъ мы, что желаніе довести дѣло до конечнаго результата не было въ Екатеринѣ II вполнѣ искреннимъ.

Переходимъ теперь къ краткому обзору дѣятельности комиссіи 1767 г. Какъ уже сказано, и эта комиссія не привела къ той цѣли, для которой учреждалась. Однако, ея значеніе для нашего законодательства очень важно, ибо, въ знаменитомъ „Большомъ Наказѣ“ императрицы, данномъ комиссіи (и въ другихъ ея инструкціяхъ), равно какъ и въ многочисленныхъ наказахъ, данныхъ выборщиками своимъ уполномоченнымъ, и въ преніяхъ болѣе, чѣмъ 200-хъ собраній комиссіи, заключается такой громадный и разносторонній матеріалъ для сужденія о цѣляхъ законодательницы и о нуждахъ страны во 2-ой половинѣ XVIII вѣка, какого мы не найдемъ нигдѣ и какой лучше всего свидѣтельствуетъ о важности дѣла, предпринятаго Екатериною.

Поводомъ къ созыву комиссіи послужило состояніе нашего законодательства въ то время. Манифестъ 14 декабря 1766 г., созывавшій комиссію выборныхъ, говоритъ, что императрица давно видѣла недостатки законодательства, происходившіе во 1-хъ, — отъ недостатка законовъ на многіе случаи и излишества ихъ на другіе, во 2-хъ, отъ смѣшенія между законами и временными постановленіями (или, какъ говоритъ манифестъ, „отъ несовершеннаго различія между непремѣнными и временными законами“), въ 3-хъ, отъ того, что разумъ, въ которомъ прежніе законы составлены были, чрезъ долгое время и частыми перемѣнами, а также и черезъ пристрастные толки, сдѣлался теменъ и неизвѣстенъ и въ 4-хъ — „вслѣдствіи

несходства прежнихъ временъ и обычаевъ съ настоящими". Обратимся теперь къ такъ наз. „Большому Наказу" Екатерины II[1]). Императрица долго готовилась прежде, чѣмъ рѣшилась, — въ этомъ знаменитомъ Наказѣ — обнародовать свои мысли объ устраненіи названныхъ причинъ печальнаго состоянія тогдашняго законодательства: „два года я и читала, и писала" (Наказъ), говоритъ она въ своихъ „Запискахъ", „неговоря полтора года никому ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему, съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи . . . ." Всѣ мысли Екатерины при этихъ работахъ были обращены на Западъ, и знаменитый авторъ „L'esprit des lois" — Монтескье (труда, изданнаго впервые въ 1749 г.), а равно и авторъ безсмертнаго сочиненія Dei delitti e delle pene 1764 г. (о преступленіяхъ и наказаніяхъ) — Беккарія имѣли на ея Наказъ громадное вліяніе, какъ это она признаетъ сама относительно перваго и какъ это доказано учеными относительно второго; оказали на Наказъ нѣкоторое вліяніе также Бильфельдъ своею книгою „Institutions politiques" и Юсти[2]). Посылая Деламберу свое сочиненіе, она пишетъ: „я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что, если-бъ онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ-бы эту литературную кражу на благо 20-ти милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать . . . Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ . . ." Одну изъ наиболѣе важныхъ мыслей Монтескье — объ участіи народа въ законодательствѣ — императрица осуществила на дѣлѣ, созвавъ выборныхъ „не только для того", говоритъ манифестъ 14 декабря 1766 года, — „чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но допущены они быть имѣютъ въ комиссію, которой

---

1) Екатерининскій Наказъ, съ различныхъ точекъ зрѣнія, неоднократно подвергался разсмотрѣнію ученыхъ (Литература о немъ указана подробно въ „Учебникѣ по исторіи русскаго права" В. Н. Латкина, С.-П., 1909 г., изд. 2); изъ новѣйшихъ изслѣдованій укажемъ на сочиненіе Fr. Andreae „Beiträge zur Geschichte Kattarinas II. Die Instruction vom Jahre 1767 für die Komission zur Abfassung eines n. gesetzbuches" (Berlin, 1912) и особенно на рецензію этого сочиненія Ѳ. В. Тарановскаго (Журн. Мин. Юстиціи, 1913, сент.), гдѣ авторъ ея, наряду съ важными замѣчаніями на него, даетъ и указанія на новую литературу. Объ экономическихъ идеяхъ Б Наказа вообще и физіократизмѣ Екатерины II въ частности см. данныя въ „Очеркахъ по исторіи экономическихъ воззрѣній на Западѣ и въ Россіи" В. В. Святловскаго (С.-П., 1913 г., стр. 217 и сл.).

2) Сочиненіе послѣдняго „Die Grundfeste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten", появившееся въ 1760—61 г.г., было переведено позднѣе порусски (Н. Д. Чечулинъ „Наказъ И. Екатерины II" С.-П., 1907 г., стр. CXXXIV и сл.). Въ изданіи указаннаго автора подробно разсмотрѣны вопросы о рукописяхъ Б. Наказа и о его источникахъ.

дадимъ Наказъ для заготовленія проекта новаго Уложенія къ поднесенію намъ для конфирмаціи. Симъ учрежденіемъ Мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, великой довѣренности къ оному и прямыя материнскія любви".

И такъ, съ яснымъ сознаніемъ недостатковъ законодательства и пользуясь ученіями выдающихся мыслителей своего вѣка, приступила Екатерина II къ пересмотру законовъ и созданію новаго Уложенія, при помощи выборныхъ. Уже a priori, не обращаясь еще къ изученію занятій комиссіи, можно сказать, что императрица задумала очень трудное дѣло и прежде всего трудное потому, что ея программа, построенная на началахъ западныхъ, естественно, не могла тогда вполнѣ совпасть съ тѣми идеалами и нуждами, какіе принесли съ собою выборные и какіе они открыто выражали въ своихъ рѣчахъ, руководясь собственными своими, полученными отъ выборщиковъ, наказами и тѣмъ непосредственнымъ знаніемъ своихъ потребностей, какія унесли изъ мѣстъ, ихъ пославшихъ.

Но, можетъ быть, это обстоятельство еще не помѣшалобы совершенно созданію „Новаго Уложенія", если-бы организація всего дѣла, какъ по собранію законодательнаго матеріала, такъ и относительно занятій комиссіи, была лучше обставлена и если-бъ Екатерина II нѣсколько иначе смотрѣла на свой Наказъ. Но, императрица Екатерина, имѣя очень возвышенное мнѣніе о своемъ Большомъ Наказѣ[1]), полагала, что онъ долженъ былъ служить комиссіи „за правило". „Нынѣ все", говорили выборнымъ члены такъ наз. Дирекціонной комиссіи, „по премудрымъ и никогда не опровергаемымъ прави-

1) Между прочимъ, это видно изъ заключительныхъ словъ Наказа: „какъ нѣтъ ничего совершеннаго, что человѣкомъ сочинено, то, если откроется въ производствѣ, что на какія ни есть учрежденія въ семъ Наказѣ правила еще не положено, дозволяется просить дополненія" . . . и еще болѣе въ письмѣ императрицы къ M-me Жоффрэнъ: „всѣ тѣ, кто видѣли мою работу, единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что (ее) еще надобно почистить" . . . Екатерина вообще была высокаго о себѣ мнѣнія и въ своихъ „Запискахъ" увѣряла, что, когда она была еще великою княгинею, она „слыла умницею и многія лица, знавшія ее близко, чтили ее довѣріемъ, спрашивали ея совѣта и съ пользою слѣдовали тому, что она совѣтывала", а великій князь Петръ Ѳеодоровичъ съ давнихъ поръ называлъ ее „Madame La Ressource", ввиду того, что прибѣгалъ къ ней за помощью во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни. Иного, однако, взгляда на Б. Наказъ былъ, напр., Дидро, утверждавшій, между прочимъ, что „il n'y a de vrai souveraiп, il ne peut y avoir du vrai législateur, que le peuple" (Неизданная рукопись Наказа И. Екатерины II", ст. Л. Паппадато въ „Трудахъ слушательницъ Одесскихъ высшихъ курсовъ", Одесса, 1910 г., т. I, в. I, стр. 137 и сл.).

ламъ Большого Наказа расположено быть должно". Но, Наказъ, при всемъ его литературномъ достоинствѣ, страдалъ и важными недостатками. Какъ руководящій уставъ, онъ самъ слишкомъ часто отдѣлывался общими мѣстами, былъ неполонъ, а, что еще важнѣе, слѣдуя раціоналистической философіи XVIII вѣка, мало уважалъ начала историческія. Какъ-бы слѣдуя Вольтеру, прямо утверждавшему, что для того, чтобы имѣть хорошіе законы, надо сжечь старые и создать новые, или Руссо, думавшему въ своемъ „Contract social", что работа законодательства трудна, нестолько по отношенію къ тому, что надо установить, какъ по отношенію къ тому, что надо отмѣнить, императрица, повидимому, хотѣла создать новое во всѣхъ отношеніяхъ Уложеніе, мало думая объ отношеніи послѣдняго къ исторически-сложившемуся нашему праву. Еяже Наказъ нетолько не давалъ, при всей своей обширности, яснаго и опредѣленнаго отвѣта на большинство вопросовъ нашей жизни, требовавшихъ тогда пересмотра, но, даже ставя нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, отвѣчалъ на нихъ довольно безсодержательно и слишкомъ обще. Вслѣдствіе этого Наказъ многими трудно усвоялся, въ чемъ сознавалась и сама Екатерина [1]).

1) А именно она сама допускала, что „можетъ случиться, что нѣкоторые, прочитавъ сей Наказъ, скажутъ: *„не всякъ его поймет"*. На сіе нетрудно отвѣтствовать: *подлинно, не всякъ его поймет*, прочитавъ одиножды слегка, но всякъ пойметъ, если съ прилежаніемъ и при встрѣчающихся случаяхъ выберетъ изъ онаго то, что ему въ разсужденіяхъ его правиломъ служить можетъ. Должно сей Наказъ почаще твердить, дабы онъ знакомѣе сдѣлался, и тогда всякій твердо надѣяться можетъ, что его пойметъ, понеже прилежаніе и радѣніе все преодолѣваютъ, такъ какъ лѣнь и нерадѣніе отъ всякаго добра отводятъ". Екатерина совѣтуетъ читать Наказъ въ комиссіи „одиножды въ началѣ каждаго мѣсяца до окончанія комиссіи". Если, такимъ образомъ, Наказъ не считался *сразу* доступнымъ даже для законодателей-депутатовъ, призванныхъ къ претворенію его началъ въ нормы закона, то при этомъ легко могла возникнуть боязнь, что еще меньше онъ будетъ понятъ малоподготовленными къ усвоенію философскихъ идей людьми, почему позднѣе стали ставиться препятствію къ его изученію. Такъ, въ 1767 г. генералъ-прокуроръ кн. Вяземскій указалъ Сенату на 57 мѣстъ, въ которыя долженъ быть разосланъ, по его мнѣнію, Наказъ, „для примѣчанія каждаго присутственнаго мѣста приличныхъ къ узаконенію пунктовъ". Сенатъ согласился съ предложеніемъ кн. Вяземскаго, „съ таковымъ", однако, отъ Сената подверженіемъ, чтобъ „оные (экземпляры Наказа) содержаны были *единственно* для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, *чтобъ оные никому ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни для постороннихъ, не только для списыванія, но ниже для прочтенія даваны были*". Затѣмъ, 28 апрѣля слѣдующаго года — „*съ предохраненіемъ* прежнихъ предосторожностей", — было разослано по тѣмъ же учрежденіямъ дополненіемъ къ Б. Наказу и „начертаніе къ сочиненію проекта Новаго Уложенія", съ предложеніемъ читать Наказъ и „начертаніе" по субботамъ и пр., при чемъ, кромѣ членовъ присутст-

Организація работъ въ комиссіи.

Если Большой Наказъ съ трудомъ можно признавать такимъ руководящимъ актомъ, въ которомъ-бы члены комиссіи могли найти точку опоры для выработки нормъ новаго Уложенія, пригодныхъ къ нашей жизни, то организація работъ комиссіи была уже вполнѣ неразумна, почему, естественно, не могла привести къ своей прямой цѣли — составленію Уложенія. Такъ, прежде всего не было сдѣлано никакихъ подготовительныхъ работъ по собранію законодательнаго матеріала и, затѣмъ, очень плохо были организованы работы какъ въ частныхъ комиссіяхъ, такъ и особенно въ комиссіи Общей (т. е. общемъ собраніи всѣхъ депутатовъ), почему тратилась масса времени совершенно непроизводительно. Какъ мы сказали, не было никакихъ подготовительныхъ работъ по собранію того законодательнаго матеріала, который накопился со времени С. Уложенія и который былъ разсѣянъ по многимъ мѣстамъ, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ всевозможныхъ видовъ узаконеній и распоряженій. Даже, если-бы этотъ матеріалъ былъ только годенъ для отмѣны (чего, конечно, нельзя предположить), то, чтобы отмѣнить его, надо было имѣть передъ собою его собраніе. При видоизмѣненіи-же только (хотя-бы и коренномъ), комиссія, естественно, должна была постоянно обращаться къ существующему законодательству и находила его разбросаннымъ, неприведеннымъ ни въ какую систему. Далѣе, комиссіи надлежало разобраться болѣе, чѣмъ въ 1200-хъ наказахъ депутатамъ, данныхъ имъ отъ присутственныхъ мѣстъ, дворянъ, городовъ, сельскаго свободнаго населенія; затѣмъ также привести все это въ систему, согласовать съ началами Большого Наказа и затѣмъ уложить въ извѣстныя опредѣленія закона. Все это должно-бы было быть сдѣлано раньше, до открытія Большой комиссіи, или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ частныхъ комиссіяхъ, которыя были тогда организованы, а не во многолюдномъ Собраніи, какимъ была Общая или Большая комиссія, состоявшая болѣе, чѣмъ изъ 500 человѣкъ. Но тотъ порядокъ занятій, который завелся de facto въ Большой комиссіи, погубилъ все предпріятіе, въ началѣ обѣщавшее дать блестящіе результаты, благодаря тому, конечно, обстоятельству, что и правительство, и общество очень серьезно отнеслись къ дѣлу. Какъ-же организовались занятія комиссіи? Екатерина вручила выборнымъ, кромѣ Большого Наказа, еще „Обрядъ управленія комиссіею“ и „генералъ-прокурорскій Наказъ“. Пер-

---

вія, при чтеніи этомъ должны были быть „одни токмо секретари и протоколисты“ (подробнѣе объ этомъ въ моемъ изслѣдованіи „Депутаты Екатерининской комиссіи и Пр. Сенатъ“, С.-П., 1910 г.).

вымъ предписывалось избраніе предводителя, или маршала, комиссіи и учрежденіе нѣсколькихъ частныхъ комиссій для обработки, по частямъ, тѣхъ вопросовъ, которые войдутъ затѣмъ въ проектъ новаго Уложенія. Этихъ частныхъ комиссій, обрядомъ устанавливалось три: 1) „Дирекціонная, 2) Экспедиціонная и 3) Комиссія о разборѣ наказовъ“ (депутатскихъ). Дирекціонная комиссія была главная: на ней лежала обязанность разсмотрѣнія всѣхъ тѣхъ проектовъ законовъ, которые создадутся въ частныхъ комиссіяхъ (учрежденіе послѣднихъ зависѣло отъ нея-же) и разсмотрѣнія при томъ съ точки зрѣнія согласія ихъ съ Большимъ Наказомъ и другъ съ другомъ; при этомъ всѣ проекты должны были по „обряду“ приводить „къ сохраненію цѣлости имперіи, черезъ добронравіе, народное благополучіе, и человѣколюбивые законы, изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и послушаніе къ государю“. Экспедиціонная комиссія была, по существу своему, комиссіею редакціонною, такъ какъ наблюдала, по „обряду“, за тѣмъ, чтобы труды прочихъ комиссій были изложены „по правиламъ языка и слога“; о замѣченныхъ недостаткахъ она представляла въ комиссію дирекціонную. Значеніе третьей комиссіи понятно изъ названія. Затѣмъ, кромѣ названныхъ, образовалось еще нѣсколько частныхъ комиссій.

Такимъ образомъ, повидимому, законодатель принялъ мѣры къ правильному теченію дѣла, такъ какъ, конечно, только въ частныхъ комиссіяхъ могли обсуждаться отдѣльные вопросы новаго Уложенія и затѣмъ, согласованные другъ съ другомъ, должны были восходить на обсужденіе Общей комиссіи. Обращаясь къ богатѣйшимъ матеріаламъ, извлеченнымъ нынѣ изъ архивовъ, мы видимъ слѣдующее. Первыя семь засѣданій прошли въ выборѣ маршала, чтеніи Б. Наказа, организаціи трехъ комиссій и т. д. Съ 8-го по 21-е засѣданіе было чтеніе въ Большой Общей комиссіи депутатскихъ наказовъ (прочтено 12 наказовъ) и пренія по нимъ. Съ 23-го засѣданія чтеніе наказовъ, вызывавшее много споровъ и повтореній одного и того-же (такъ какъ сами наказы повторяли часто содержаніе другъ друга), было прекращено и началось чтеніе законовъ о дворянствѣ, занявшее очень важными своими преніями одиннадцать засѣданій. Но собраніе не пришло ни къ какому выводу, какъ началось чтеніе и обсужденіе законовъ о купечествѣ (занявшее 46 засѣданій), затѣмъ чтеніе законовъ о эстляндскихъ и лифляндскихъ привиллегіяхъ (въ 9 засѣданіяхъ), чѣмъ и закончились засѣданія комиссіи въ Москвѣ, продолжавшіяся съ 30-го іюля по 14-е декабря 1767 года (затѣмъ комиссія была переведена въ Петербургъ, гдѣ и открылась 18-го февраля 1768 года). Въ Петербургѣ 70 первыхъ засѣданій посвящено чте-

нію и обсужденію законовъ объ юстиціи. Итакъ, болѣе ста засѣданій Большой комиссіи прошло, хотя въ очень важныхъ и содержательныхъ, но безплодныхъ для дѣла составленія Уложенія, разсужденіяхъ. И понятно, почему. Многолюднѣйшее собраніе изъ лицъ, разнороднаго общественнаго положенія и образованія, конечно, не могло выработать проекта Уложенія. Оно могло подавать только отдѣльныя мнѣнія, вести пренія, слушая чтеніе разнообразнѣйшихъ, по содержанію и по духу, наказовъ и законовъ. И надо отдать справедливость — и то и другое дѣлалось выборными съ большимъ достоинствомъ, сознаніемъ важности дѣла и часто съ большою прозорливостью. Надлежало, несомнѣнно, всю только что описанную работу, — т. е. чтеніе наказовъ, законовъ и частное обсужденіе ихъ — вести въ отдѣльныхъ комиссіяхъ и затѣмъ уже готовые проекты представлять на обсужденіе и голосованіе Большой комиссіи. Между тѣмъ, какъ дѣйствовавшіе тогда законы читались въ Большой Комиссіи безо всякой системы (чтенія касались то тѣхъ, то другихъ вопросовъ дѣйствовавшихъ тогда законовъ), такъ и пренія велись безъ общаго плана. Случалось, что на одни узаконенія возражали очень много, на другія очень мало; одни и тѣ-же мнѣнія повторялись при чтеніи отдѣльныхъ узаконеній и т. д. И на все это тратились цѣлые мѣсяцы. Только въ засѣданіи 10-го іюля 1768 года маршалъ представилъ Большой комиссіи „проектъ правамъ благороднымъ“, составленный комиссіею „о государственныхъ родахъ“ и дополненный Дирекціонною комиссіею. (Этотъ проектъ потомъ легъ въ основаніе Жалованной грамоты дворянству.) Выборные, выслушавъ проектъ, просили дать для его зрѣлаго обсужденія нѣсколько дней; затѣмъ уже приступили къ обсужденію его. На нашъ взглядъ, только со времени чтенія этого проекта и является попытка установленія правильнаго порядка обсужденія дѣла въ Большой комиссіи; и если-бы такъ было приступлено къ дѣлу съ самаго начала, то, можетъ быть, мы и имѣли-бы, по важнѣйшимъ частямъ Новаго Уложенія, готовые проекты законодательства. И это понятно, почему: разъ проектъ извѣстной части Уложенія былъ бы составленъ раньше (въ частныхъ комиссіяхъ), а затѣмъ отданъ бы на обсужденіе Общей Комиссіи, то послѣдней оставалось-бы, или обсудить замѣчанія депутатовъ на проектъ и, сообразно съ ними, видоизмѣнить самый проектъ и выразить его положенія въ законѣ, или передать его вновь на переработку въ частную комиссію. Въ томъ и другомъ случаѣ получился-бы готовый проектъ закона. При томъ же порядкѣ, какой установился въ занятіяхъ Большой комиссіи, ничего цѣльнаго въ ней выработано быть не могло. Можетъ быть, впрочемъ,

если-бы Б. комиссія продолжала свои занятія еще нѣсколько мѣсяцевъ, то, по мѣрѣ изготовленія проектовъ въ частныхъ комиссіяхъ, самъ собою установился-бы только что указанный порядокъ ихъ обсужденія въ Большой комиссіи. Но проектъ „о правахъ благородныхъ“, — обсуженный къ началу октября 1768 года въ Большой комиссіи и затѣмъ отосланный съ мнѣніями и преніями въ Дирекціонную комиссію для исправленія, — былъ послѣднимъ. Съ 9-го октября вновь стали безцѣльно читать законы о помѣстьяхъ и вотчинахъ, а 18-го декабря 1768 года засѣданія Б. комиссіи были по случаю турецкой войны отсрочены впредь до созыва (этого созыва никогда затѣмъ не послѣдовало; впрочемъ, частныя комиссіи продолжали существовать еще нѣсколько лѣтъ спустя).

Продолжительность и явная безцѣльность засѣданій Большой комиссіи (безцѣльность въ томъ смыслѣ, конечно, что выработка проекта новаго Уложенія почти не подвигалась впередъ) должны были очень охладить вниманіе, какъ императрицы, такъ и общества къ тому дѣлу, которое, по отзывамъ современниковъ, возбудило первоначально во всѣхъ большія надежды.

Почему, однако, работы комиссіи были поставлены такъ непрактично? Вопросъ, этотъ не рѣшенъ еще вполнѣ ясно. Несомнѣнно, однако, что неприготовленность къ дѣлу тѣхъ лицъ, которымъ было поручено направлять занятія комиссіи, играла здѣсь очень важную роль, какъ играла ее и невыработанность общаго яснаго плана законодательныхъ работъ, какъ подготовительныхъ, до созыва комиссіи, такъ и тѣхъ, которыя надо было поручить ей. Это общая ошибка всѣхъ комиссій XVIII вѣка (а также, какъ увидимъ, и той законодательной комиссіи царствованія императора Александра I, которую организовалъ Сперанскій), слишкомъ легко смотрѣвшихъ на дѣло созданія Уложенія. Кромѣ, того самъ Наказъ Екатерины, представлявшій собою собраніе общихъ афоризмовъ, весьма трудно поддавался превращенію въ нормы права, особенно въ нормы, пригодныя для Россіи второй половины XVIII вѣка [1]).

---

1) У самой Екатерины скоро явилось сомнѣніе въ возможности *претворенія* высокихъ просвѣтительныхъ аффоризмовъ Наказа въ соотвѣтствующее имъ законодательство. Такъ въ письмѣ отъ 19 мая 1767 г., Екатерина, напр., пишетъ Вольтеру: „законы, о которыхъ столько говорили, въ концѣ концовъ еще не составлены, и кто можетъ сказать, *что они будутъ хороши?*... Прошу васъ представить себѣ, что эти законы должны служить и Азіи и Европѣ, и притомъ, какая разница въ климатѣ, въ людяхъ, въ привычкахъ, даже въ мыслахъ“. Письмо писано изъ Казани, гдѣ Екатерина нашла „до 20-ти народовъ, которые не похожи другъ на друга, а между тѣмъ имъ надобно было сдѣлать *платье*, которое бы годилось для всѣхъ ихъ. Относительно *общихъ началъ* имъ можетъ будетъ хорошо, *но подробности?* И какія

На Западѣ Европы всѣмъ удачнымъ попыткамъ кодификаціи всегда предшествовала обширная подготовительная работа, какъ по собранію законодательнаго матеріала, такъ и по изслѣдованію практики судовъ, началъ обычнаго права, не говоря уже о глубокомъ пользованія, со стороны законодателя, учеными силами страны.

Въ изучаемой нами теперь попыткѣ кодификаціи было сдѣлано одно только важное дѣло — выслушаны очень внимательно тѣ заявленія и мнѣнія, которыя письменно были изложены выборщиками и устно — выборными. Но это былъ лишь первый подготовительный актъ законодательной работы, актъ, дававшій богатѣйшій, хотя и разрозненный, матеріалъ для сужденія о нуждахъ и интересахъ страны. За нимъ долженъ-бы былъ послѣдовать II-ой — обсужденіе Большою комиссіею систематичныхъ проектовъ по частямъ Новаго Уложенія. Дѣла Большой комиссіи, однако, сложились такъ, что этого второго акта не послѣдовало, хотя матеріаломъ, созданнымъ въ первомъ актѣ, впослѣдствіи частью и воспользовались для законодательныхъ работъ. Интересно, что депутатскіе наказы, какъ-бы провидя, что сложное дѣло составленія новаго Уложенія не подъ силу данному времени, рекомендовали болѣе простой способъ пополненія и исправленія С. Уложенія, чѣмъ тотъ, какой былъ тогда задуманъ. Этотъ способъ вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показываетъ, что населеніе живо чувствовало всѣ неудобства развитія законодательства путемъ сепаратныхъ указовъ и т. д. [1]).

подробности!“. . . Но *общія начала* именно и давались Наказомъ, а то, что Екатерина называла „подробностями“, было ни что иное, какъ то „Новое Уложеніе“, которое еще надо было составить. А это было очень трудною задачею. Она была-бы, конечно, легче выполнена, еслибъ правительство пришло въ Большую комиссію съ готовыми законопроектами, или, если-бы ихъ разработкою съ самаго начала занялись частныя комиссіи.

1) Такъ, напр., въ Наказѣ Керенскаго дворянства читаемъ, что слѣдовало-бы „всеподаннѣйше попросить, дабы всѣ прежніе указы, регламенты, уставы и штаты оставить и положить оные въ государственныя хранилища и запечать государственною печатью и впередь сепаратныхъ указовъ не издавать, а всѣ суды и расправы единственно производить во всѣхъ мѣстахъ по одному Уложенію . . . . а ежели чего въ Уложеніи доставать не будетъ, въ такомъ случаѣ Пр. Сенату, всѣхъ коллегій съ президентами, разсмотрѣть и положить на мѣрѣ, взнесть въ докладѣ къ конфирмаціи Ея И. Величеству и (по) конфирмаціи припечатывать къ тому-же законному Уложенію“ (Сб. И. Р. И. Об., т. 68, стр. 396). Этотъ способъ, mutatis mutandis, напоминаетъ, по своей идеи, способъ пополненія Ц. Судебника, установленное его 98 статьею.

Надо также замѣтить, что кодификаціонныя работы, производившіяся до Екатерины II въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII в., послужили матеріаломъ для составленія въ концѣ XVIII в. „Описанія внутренняго правленія Россійской имперіи“, составленнаго при Екатеринѣ II и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходнаго съ Полнымъ Собраніемъ, въ другихъ же — со Сводомъ законовъ, какъ это ясно изъ ихъ сравненія, но это описаніе осталось необнародованнымъ и было почти совершенно забыто послѣдующими комиссіями XIX ц.

§ 2.

Кодификаціонныя работы при Александрѣ I.

Комиссія для составленія законовъ до вступленія въ нее Сперанскаго. Общая характеристика дѣятельности Сперанскаго при Александрѣ I.

Неудача, постигшая звменитую VIII „комиссію о сочиненіи новаго Уложенія“, такъ широко и блестяще задуманную, естественно, не могла не отразиться на кодификаціонныхъ работахъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. Послѣ довольно большого промежутка времени, въ 1797 г. приходятъ вновь къ мысли, вмѣсто сочиненія новаго Уложенія, составить Сводное Уложеніе, или Сводъ, и это дѣло поручается особой комиссіи, названной комиссіею для составленія законовъ. Но, по обыкновенію, комиссія эта только что начинаетъ работу, какъ въ началѣ царствованія Александра I вновь преобразуется въ своемъ составѣ и направленіи работъ. Именно въ 1801 г. во главѣ комиссіи становится гр. Завадовскій, а затѣмъ въ 1803 г. кн. Лопухинъ. Этотъ послѣдній представляетъ государю новый планъ работъ, по которому, и составленіе Свода законовъ дѣйствующихъ, и сочиненіе новаго Уложенія равно признаются неудобоисполнимыми. По этому новому плану, комиссія составленія законовъ, прежде всего, должна была заняться „опредѣленіемъ общихъ основаній права“ (principia juris) и, исходя изъ нихъ, уже потомъ приняться за составленіе общихъ государственныхъ законовъ, матеріалъ для которыхъ она найдетъ-де въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ имперіи. Здѣсь, такимъ образомъ брался средній путь, между составленіемъ Свода и новаго Уложенія, — путь, если и болѣе легкій для выполненія, чѣмъ созданіе новаго Уложенія, то, все-таки, требовавшій для своего выполненія много усилій мысли. Если и не было особенно трудно, по иноземнымъ источникамъ, создать сборникъ „principia juris“, то, несомнѣнно, былъ нуженъ умъ очень тонкій и человѣкъ отлично знавшій дѣйствовавшее тогда право, чтобы помирить начала нашего исторически-сложившагося права съ

теоретическими principia juris. Такого ума не нашлось въ комиссіи, такъ какъ ея главный дѣятель, баронъ Розенкамфъ, если и былъ ученымъ теоретикомъ, то вовсе не зналъ ни Россіи, ни ея языка и законодательства. Дѣло и этой комиссіи было осуждено на безполодное сочиненіе мертво-рожденныхъ проектовъ, когда въ 1808 г. въ составѣ ея членовъ явился Сперанскій. Замѣтимъ прежде всего, что надо различать Сперанскаго, какъ кодификатора, въ періодъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I до 1812 г. (когда послѣдовало его невольное отъ дѣлъ удаленіе) отъ Сперанскаго царствованія Имп. Николая I, когда, съ 1826 г., онъ вновь становится во главѣ дѣла кодификаціи у насъ. Когда Сперанскій въ первый разъ, въ 1808 г., вступилъ въ комиссію составленія законовъ, онъ былъ на высшей ступени своей славы и всемогущества. Въ это время онъ „великій и всемогущій Сперанскій, государственный секретарь имперіи, первый, можетъ быть, даже единственный министръ“, какъ характеризовалъ его сардинскій посланникъ Жозефъ де Местръ. Тогда давно уже распался знаменитый тріумвиратъ, столь-тлетворное впослѣдствіи вліяніе Аракчеева еще только-что начиналось, и вотъ едва десять лѣтъ тому назадъ безвѣстный семинаристъ (Сперанскій вступилъ на государственную службу 2-го января 1797 г.) стоялъ у трона одинъ, безъ соперниковъ, облеченный полнымъ довѣріемъ императора. Онъ только что вернулся изъ Эрфурта, гдѣ состоялось свиданіе имп. Александра I съ Наполеономъ. Императоръ и особенно его статсъ-секретарь были очарованы Наполеономъ и французскими порядками. Разсказывали, что, когда государь спросилъ Сперанскаго: „какъ нравится тебѣ за границею?“ — Сперанскій отвѣтилъ: „у насъ люди лучше, а здѣсь лучше установленія“. Это и моя мысль“ сказалъ государь. Неизвѣстно вполнѣ достовѣрно, происходилъ-ли въ дѣйствительности такой разговоръ, но вся дѣятельность Сперанскаго въ указанное царствованіе состояла именно въ этомъ преобразованіи государственныхъ учрежденій, и преобразованіи коренномъ, главнымъ образомъ навѣянномъ симпатіями ко всему французскому. Съ изумительной быстротою и смѣлостью мысли создавались Сперанскимъ планы за планами. Такъ, надо упомянуть его „планъ всеобщаго государственнаго образованія“, готовый уже въ 1809 г. и проводившій мысль объ участіи въ законодательствѣ, судѣ и управленіи народнаго представительства, равно какъ и стремившійся къ нѣкоторому урегулированію отношеній помѣщиковъ и крѣпостныхъ опредѣленіемъ размѣра повинностей послѣднихъ. Такъ, извѣстны его другіе планы, болѣе скромные, по размѣрамъ реформы, но тѣмъ не менѣе очень важные, нетолько осуществившіеся тогда, но практически дѣйствующіе частію еще и теперь. Таковъ планъ

устройства Гос. Совѣта 1810 г., таковъ планъ преобразованія Министерствъ (такъ наз. „Общее Учрежденіе Министерствъ“) 1811 г., составлявшіе собою только часть, обломокъ той общей системы преобразованій государственнаго строя, какая была задумана Сперанскимъ. Надо замѣтить, что эти планы преобразованія высшихъ государственныхъ учрежденій, осуществившіеся быстро на дѣлѣ, встрѣтили въ обществѣ много порицаній, яркимъ отзвукомъ которыхъ явилась знаменитая записка „о древней и новой Россіи“ нашего исторіографа Н. М. Карамзина, записка, доставленная въ 1811 г. государю великой княгинею Екатериной Павловной. Эта записка, гдѣ открыто критиковалось все направленіе либеральныхъ, съ Запада заимствованныхъ, реформъ не оказала вліянія на государя: такъ многое изъ высказаннаго ея знаменитымъ авторомъ казалось тогда Александру Павловичу отсталымъ, несвоевременнымъ, и такъ высоко стоялъ еще въ его глазахъ его первый министръ (чрезъ годъ, онъ, впрочемъ, уже былъ удаленъ — именно 17-го марта 1812 г.). Важнѣйшая мысль записки есть та, что новыя реформы противорѣчатъ основамъ нашего государственнаго строя и „что спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло. Учрежденіе Министерствъ и Совѣта (Государственнаго) имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности; по крайней мѣрѣ, авторы долженствовали бы изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій“ . . .

Работы Сперанскаго въ комиссіи законовъ и составленный имъ проектъ гражданскаго Уложенія

Направленіе идей Сперанскаго, а частію и характеръ его дѣятельности въ этотъ періодъ, нигдѣ такъ ясно не сказывается, какъ въ той роли, какую онъ взялъ на себя въ комиссіи составленія законовъ. Сперанскій явился въ комиссію обремененный множествомъ другихъ важныхъ должностей и порученій, будучи знакомъ едва ли не съ однимъ Наполеоновымъ кодексомъ и совсѣмъ почти не зная отечественнаго законодательства, считавшагося имъ тогда варварскимъ и недостойнымъ изученія, какъ это доказывается его біографомъ гр. Корфомъ. Впослѣдствіи онъ сознался ошибочность своихъ воззрѣній въ этомъ отношеніи, что ясно видно, какъ изъ его дѣятельности по собранію и изученію русскаго законодательства въ царствованіе императора Николая I, такъ и изъ его собственнаго осужденія метода работъ предшествующихъ комиссій, гдѣ онъ косвенно не пощадилъ и самого себя. Въ этотъ же первый періодъ своей дѣятельности онъ легко смотрѣлъ на предстоявшее ему колоссальное дѣло кодификаціи и, какъ

бы упоенный своимъ успѣхомъ въ другихъ областяхъ, слишкомъ вѣрилъ въ свои единичныя силы. Такой взглядъ на кодификацію не представлялъ, впрочемъ, собою ничего особенного. Екатерина II, приступая къ созданію проекта „Новаго Уложенія", на основаніи принциповъ своего Наказа, первоначально тоже думала, что составленіе этого кодекса возможно въ скоромъ будущемъ. На Западѣ Европы наиболѣе рѣзкое выраженіе этотъ взглядъ нашелъ въ словахъ Вольтера: „взгляните на кварталы Парижа: Halles, Saint Pierre auf Boeuf" говорилъ Вольтеръ, „и сопоставьте ихъ съ Лувромъ и Тюльльери. Вотъ изображеніе нашихъ законовъ . . . Лондонъ сдѣлался достойнымъ обитанія съ момента превращенія его въ пепелъ; желаете-ли вы имѣть хорошіе законы? сожгите старые и составьте новые". По мнѣнію Ж.-Жака Руссо, работа законодательства „трудна нестолько по отношенію къ тому, что надо установить, какъ по отношенію къ тому, что надо отмѣнить" („Du Contrat Social", liv. II, chap. X). Въ сущности также смотрѣли на вопросъ о созданіи новыхъ кодексовъ энциклопедисты, учредительное собраніе, конвентъ. Даже позднѣе — знаменитый Бентамъ говорилъ, что хорошіе законы странѣ можетъ дать только иностранецъ, какъ человѣкъ незнакомый съ національными предразсудками страны. А какъ извѣстно, Александръ I сносился съ Бентамомъ и одно время было весьма вѣроятно, что Бентамъ долженъ явиться въ Россію для составленія Уложенія. Этотъ взглядъ на кодификацію мѣняется лишь со времени Савиньи, утверждавшаго (въ 1814 г.), что у нынѣшнихъ народовъ нѣтъ ни пониманія коренныхъ началъ права, ни способности къ точному юридическому мышленію, ни времени для составленія кодексовъ[1]). Обращаясь къ Сперанскому, надо сказать, что, не озаботясь собраніемъ актовъ предшествовавшаго времени, ни составленіемъ изъ нихъ Свода законодательства дѣйствующаго, какъ необходимыхъ матеріаловъ для своего будущаго Уложенія (это все дѣлается имъ лишь при Николаѣ I), онъ прямо приступилъ къ составленію послѣдняго по иностранному образцу. Необычайное трудолюбіе и творческій талантъ Сперанскаго дали себя знать и здѣсь, при неправильности самаго метода кодификаціонныхъ работъ: первая часть проекта гражданскаго Уложенія — о лицахъ — была готова въ октябрѣ 1809 г. и 1 января 1810 г., при открытіи Г. Совѣта, уже была внесена на его разсмотрѣніе; вторая часть проекта — объ имуществахъ

1) Подробности по вопросу см. въ моей статьѣ „О пересмотрѣ Свода нашихъ гражданскихъ законовъ" (Юрид. Вѣстн., 1882 г., № 5—6).

— была представлена въ томъ же 1810 г. и къ концу года была уже разсмотрѣна Г. Совѣтомъ; третья — о договорахъ — хотя и была приготовлена еще Сперанскимъ, но обсуждалась въ декабрѣ 1813 г. уже послѣ его удаленія. Несомнѣнно, что это быстрое разрѣшеніе вѣковой задачи, — кромѣ указанныхъ качествъ автора проекта новаго Уложенія, — находитъ себѣ объясненіе еще и въ томъ обстоятельствѣ, что Сперанскій, бросивъ скучныя и обременительныя изысканія надъ дѣйствовавшимъ въ странѣ правомъ, какъ систему, такъ и большую часть матеріала для проекта нашелъ въ знаменитомъ Code Napoléon, небольшомъ, сравнительно, но чрезвычайно содержательномъ, логичномъ и ясно написанномъ гражданскомъ Уложеніи Франціи[1]). Спрашивается, какъ отнеслось къ попыткѣ Сперанскаго ввести иноземный гражданскій кодексъ тогдашнее общественное мнѣніе? Прежде всего надо отмѣтить, что Г. Совѣтъ отнесся, въ общемъ, весьма благосклонно къ проекту и принялъ его, за немногими исключеніями, касавшимися, главнымъ образомъ, вопроса о разводѣ и вообще о бракѣ. Но, однако, и въ самомъ Совѣтѣ раздавались голоса, предлагавшіе Сперанскому указать на тѣ русскіе законы, на основаніи коихъ, якобы составленъ былъ имъ проектъ Уложенія. Сперанскій, съ ни чѣмъ неоправдываемымъ легкомысліемъ, не найдя почему-то возможнымъ открыто указать первоисточникъ своего Уложенія, приказалъ извѣстному въ то время знатоку нашихъ законовъ Ильинскому (бывшему начальникомъ архива комиссіи составленія законовъ), подвести подъ каждую статью ссылки на тѣ указы, изъ которыхъ она будто бы почерпнута, что Ильинскій и исполнилъ, съ величайшимъ, однако-же, какъ онъ самъ признается въ своихъ запискахъ, затрудненіемъ и крайнею часто натяжкой". Неудивительно, что такая махинація не оправдала содержанія многихъ статей проекта, нѣкоторые члены Г. Совѣта не были совсѣмъ ею убѣждены и остались увѣрены, что новый кодексъ взятъ изъ Code Napoléon. Можетъ показаться страннымъ, почему же Г. Совѣтъ, всетаки, принялъ проектъ, казавшійся, какъ многимъ его членамъ, такъ и части публики, заимствованнымъ и „несвойственнымъ русскому духу", какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ извѣстная записка Карамзина и многія другія данныя. Но Г. Совѣтъ въ это время, какъ это видно изъ отзывовъ современниковъ, былъ очень

1) Общая характеристика кодекса дается въ статьѣ Л. А. Кассо „Къ столѣтію кодекса Наполеона" (1804—1904 г. г.), помѣщенной въ „Журналѣ Министерства Юстиціи", январь 1904 г.; срав. тамъ-же извлеченіе изъ книги Альбера Сореля „Le code civil. Livre du centenaire" (Paris, 1904 г.) — „Историко-культурное значеніе французскаго гражданскаго кодекса", іюнь, 1905 г.

раболѣпно настроенъ по отношенію къ могущественному любимцу, звѣзда котораго сіяла еще тогда полнымъ блескомъ. Неудивительно поэтому, что проектъ Сперанскаго не вызвалъ открытаго сопротивленія въ законодательномъ собраніи, члены котораго лишь потомъ, когда Сперанскій былъ въ ссылкѣ, рѣзко обрушились на его кодексъ, подвергли его практикѣ и сдали въ архивъ, подъ благовиднымъ предлогомъ необходимости сличить его съ „законами существующими“.

Обращаемся теперь къ тому, что слышалось въ обществѣ по поводу новаго Уложенія Сперанскаго. Пріемъ, встрѣченный проектомъ въ консервативныхъ кругахъ, былъ самый враждебный. Общество, — какъ въ высшемъ своемъ классѣ придворной аристократіи, такъ и въ классѣ чиновничества — было въ это время вообще весьма недоброжелательно настроено противъ Сперанскаго. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужили знаменитые указы о придворныхъ чинахъ и экзаменахъ на гражданскіе чины. Первымъ указомъ масса знатной молодежи, носившей званіе камеръ-юнкеровъ и камергеровъ, лишалась высокихъ чиновъ, связанныхъ прежде съ этими званіями, а теперь объявленными простыми „отличіями“, не приносившими никакого чина, между тѣмъ какъ прежде чины, соединенные съ званіями, давали ходъ даннымъ лицамъ для прохожденія службы на высшихъ должностяхъ; вторымъ — гражданскіе чины должны были даваться не за одну выслугу лѣтъ, а лишь по представленіи свидѣтельства университетовъ объ окончаніи курса или выдержаніи испытанія по извѣстной программѣ. Переустройство государственныхъ учрежденій, проектъ гражданскаго Уложенія, созданные подъ вліяніемъ увлеченія Франціею и ея порядками, еще болѣе усугубили это враждебное отношеніе консервативныхъ круговъ къ Сперанскому, на кабинетъ котораго смотрѣли тогда всѣ, какъ картинно выражается Вигель, „какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отчество“. Что касается проекта новаго Уложенія, то Карамзинъ въ своей запискѣ о старой и новой Россіи говоритъ о немъ слѣдующее (послѣ паденія Сперанскаго отголосокъ тѣхъ же мыслей находимъ въ мнѣніи Трощинскаго и мн. другихъ): „издаются двѣ книжки подъ именемъ проекта Уложенія. Что-жъ находимъ? Переводъ Наполеонскаго кодекса. Какое изумленіе для Россіянъ, какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около тысячи лѣтъ, для того ли около

ста лѣтъ трудятся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно, предъ лицемъ Европы, признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами. Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ, не велѣлъ бы, безъ всякихъ дальнихъ околичностей, взять, напримѣръ, шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ" . . . Дѣйствительно, перенесеніе къ намъ чужого кодекса, содержащаго гражданское право, едва-ли можно было признать цѣлесообразнымъ. Небезъинтересно также замѣтить, что, какъ самъ Сперанскій, такъ и нѣкоторые изъ членовъ Г. Совѣта, вопреки очевидности, доказывали, что проектъ гражданскаго Уложенія не имѣлъ никакой связи съ кодексомъ Наполеона. Такъ, въ извѣстномъ письмѣ къ государю изъ Перми, на которое, обычно, указываютъ, Сперанскій, какъ бы отвѣчая Карамзину, говоритъ: „другіе искали доказать, что Уложеніе, мною внесенное (въ Гос. Совѣтъ), есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе. Ложь или незнаніе, кои изобличить такъ нетрудно, ибо и то, и другое напечатано" . . . Въ самомъ Г. Совѣтѣ были голоса, несоглашавшіеся видѣть въ проектѣ Сперанскаго подражаніе „Наполеонову кодексу". Такое разногласіе современниковъ объ источникѣ новаго Уложенія весьма характерно, какъ для опредѣленія правдивости ихъ мнѣній, такъ еще болѣе, кажется, для опредѣленія высоты тогдашней историко-юридической критики. Послѣдняя, повидимому, была такъ еще слаба, что заинтересованнымъ сторонамъ ничего не стоило мистифицировать другъ друга, не боясь, что противникъ справится съ подлинникомъ . . . Чтобы покончить съ вопросомъ, что же именно представлялъ собою этотъ проектъ гражданскаго Уложенія Сперанскаго, замѣтимъ, что современные юристы-историки устанавливаютъ безспорно связь проекта Сперанскаго съ кодексомъ Наполеона, но проектъ Сперанскаго, во всякомъ случаѣ, не былъ только переводомъ кодекса Наполеона.

Съ 1812 г. послѣ ссылки Сперанскаго, комиссія составленія законовъ рѣшаетъ — и этого рѣшенія нельзя не признать реакціей противъ проекта Сперанскаго, — вмѣсто заимствованія изъ иностранныхъ кодексовъ, вновь обратиться къ изслѣдованію началъ прежняго законодательства, исходя изъ той мысли, „что всякіе законы тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они освящены временемъ". Поэтому приходятъ къ старой мысли составленія Сводовъ прежняго законода-

тельства, отдѣльнаго составленія гражданскаго и коммерческаго Уложенія, причемъ, согласно мысли, высказанной еще Сперанскимъ, думаютъ отдать будущій проектъ Уложенія на пересмотръ и дополненіе въ особыхъ мѣстныхъ комитетахъ, составленныхъ изъ губернаторовъ, прокуроровъ и предсѣдателей палатъ. Послѣднія предположенія, впрочемъ, такъ и остались безъ исполненія, какъ не привели къ созданію Уложенія многочисленныя работы комиссіи, то видоизмѣнявшія проектъ Сперанскаго, то представлявшія свои частные мнѣнія и планы. Мысль о составленіи Сводовъ или Собраній Законовъ частью, однако, была приведена въ исполненіе, именно съ 1817 г. по 1821 г. было напечатано нѣсколько сборниковъ законовъ, послужившихъ потомъ и для Сперанскаго, при его работѣ по составленію Полнаго Собранія и Свода Законовъ. Такъ закончился этотъ вопросъ въ царствованіе Александра I.

§ 3.

Кодификація русскаго права при Николаѣ I.

Отношеніе императора Николая I къ Сперанскому; планъ кодификаціонныхъ работъ, представленный Сперанскимъ.

Нами уже указывалось, что только при Николаѣ I — впервые послѣ С. Уложенія — наше, во многихъ тысячахъ актовъ самаго разнообразнаго вида и наименованія разсѣянное, законодательство было собрано вмѣстѣ и затѣмъ приведено въ стройную систему, результатомъ чего и явились два монументальныя изданія,—т. н. I "Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи" и „Сводъ Законовъ Россійской имперіи". Гигантская работа эта была, какъ извѣстно, совершена главнымъ образомъ усиліями одного изъ великихъ государственныхъ людей нашей новой исторіи — усиліями Сперанскаго. Но прежде, чѣмъ говорить о томъ, что и какъ сдѣлано было по отношенію къ собранію и систематизаціи нашего законодательства Сперанскимъ, надо, хотя кратко, остановиться какъ на отношеніяхъ Николая I лично къ Сперанскому, такъ равно и къ плану кодификаціонныхъ работъ, имъ составленному. Съ самаго вступленія своего на престолъ Николай I весьма интересовался вопросомъ о кодификаціи нашихъ законовъ. Онъ самъ указалъ т. н. „II Отдѣленію Собственной Его И. Величества канцеляріи" (которое замѣнило теперь прежнюю комиссію законовъ), въ главныхъ чертахъ, на то направленіе, коему это Отдѣленіе должно было слѣдовать при составленіи кодекса законовъ; самъ весьма удачно, хотя и неохотно, выбралъ то лицо, которое должно было вести все это колоссальное дѣло — именно

Сперанскаго, великому творческому таланту и необычайному трудолюбію коего дѣло нашей кодификаціи было обязано своимъ успѣхомъ. Въ этотъ второй періодъ своей дѣятельности, Сперанскимъ конечно, только тѣнь своего былого могущества, вызванный къ тяжелой, трудной работѣ только потому, что не было кѣмъ его замѣнить, непоставленный даже оффиціально во главѣ имъ однимъ вновь энергично начатаго и законченнаго дѣла. Если судить только по результатамъ о дѣятельности Сперанскаго въ первый или второй періодъ, то трудно сказать, когда она была плодотворнѣе. Если отъ смѣлаго, и нѣсколько фантастическаго для того времени, плана „общаго государственнаго образованія“, созданнаго имъ въ первый періодъ, остались въ жизни такіе высокой важности обломки, какъ Государственный Совѣтъ и Министерства, то отъ работъ втораго — гигантскій трудъ приведенія въ стройную систему „Свода“, разбросаннаго и вѣками создававшагося нашего законодательства, которое до Сперанскаго совсѣмъ не поддавалось кодификаціи, несмотря на всѣ усилія къ этому, восходящія еще къ началу XVIII вѣка. Какъ сказано, Николай I постоянно и неустанно слѣдилъ за ходомъ всего этого дѣла. Поставя въ 1826 г. оффиціально во главѣ II Отдѣленія, вѣдавшаго отнынѣ дѣло кодификаціи, своего бывшаго наставника Балугьянскаго, но поручивъ, въ дѣйствительности, все дѣло самому Сперанскому, государь при этомъ сказалъ Балугьянскому: „смотри, чтобъ Сперанскій не надѣлалъ такихъже проказъ, какъ въ 1810 г., ты у меня будешь за него въ отвѣтѣ“. Изъ этихъ словъ, какъ и изъ другихъ данныхъ, видно, что императоръ въ это время еще невполнѣ былъ увѣренъ, что Сперанскій отказался совсѣмъ отъ тѣхъ идей въ области законодательства и его кодификаціи, проведеніемъ коихъ онъ столь прославился въ началѣ царствованія Александра I. Тѣмъ не менѣе императоръ, въ интересахъ успѣха дѣла, не усумнился отдать его Сперанскому, такъ какъ въ то время онъ былъ единственнымъ у насъ человѣкомъ, способнымъ довести его успѣшно до конца. Николай I, конечно, не ошибся въ своемъ выборѣ, и Сперанскій быстро и превосходно, для своего времени, разрѣшилъ задачу, надъ которой, въ теченіи ста слишкомъ лѣтъ, напрасно билось нѣсколько поколѣній.

Призвавъ Сперанскаго къ составленію кодекса нашихъ законовъ, Николай I потребовалъ отъ него представленія подробнаго плана предстоящихъ работъ, что Сперанскій и не замедлилъ исполнить. Кратко резюмируя этотъ планъ, надо сказать, что, на основаніи его, всѣ работы по кодификаціи нашего права распадались на 3 части. Прежде всего надо было составить такъ называемое „Полное Собраніе Законовъ“, затѣмъ „Сводъ Законовъ“, и наконецъ, „Уложеніе“. Если „Полное

Собраніе Законовъ“ должно было быть ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ важнѣйшихъ памятниковъ нашего права (начиная съ Соборнаго Уложенія, и кончая узаконеніями, являвшимися въ царствованіе Александра I), напечатанныхъ вмѣстѣ въ хронологическомъ порядкѣ [1]), безъ всякаго измѣненія, то „Сводъ Законовъ“ долженъ былъ быть собраніемъ законодательства дѣйствующаго, изложеннаго въ извѣстной системѣ, безъ особо-важныхъ и принципіальныхъ его измѣненій (императоръ Николай I потребовалъ, однако, составленія Свода Законовъ, „безъ всякаго (ихъ) измѣненія“). Наконецъ, вѣнцомъ всего дѣла должно было быть Уложеніе, въ которомъ все дѣйствующее зеконодательство уже переработывалось, на основаніи извѣстныхъ общихъ принциповъ права и данныхъ прежняго законодательства, съ исправленіями и дополненіемъ дѣйствующихъ законовъ, согласно новымъ потребностямъ жизни. Императоръ Николай I призналъ безусловно необходимымъ составленіе „Полнаго Собранія Законовъ“ и „Свода Законовъ“ дѣйствующихъ, что и было затѣмъ исполнено [2]), но государь отвергъ, однако, мысль, Сперанскаго о составленіи Уложенія, ввиду того, что эта мысль „казалась ему слишкомъ отвлеченною, слишкомъ теоретическою“; государю при этомъ казалось, что этой мысли нельзя было-бы осуществить практически, безъ серьозныхъ потрясеній существовавшаго тогда правопорядка. Зная могучія творческія силы Сперанскаго, нельзя, конечно, не пожалѣть, что Уложеніе не было составлено именно имъ, такъ какъ никто, кромѣ него (какъ въ то время, такъ и позднѣе) не могъ-бы у насъ лучше совершить этого великаго дѣла. Но, съ другой стороны, совершенно понятно, что императоръ Николай I не могъ рѣшиться на это предпріятіе,

---

1) По мысли Сперанскаго, надо было, въ составѣ Собранія (Законовъ) вмѣщать, по порядку времени, всѣ постановленія, ко всегдашнему исполненію отъ Верховной Власти, или именемъ Ея отъ учрежденныхъ Ею мѣстъ и правительствъ, изданныя. Присемъ не допускать различія между законами нынѣ дѣйствующими, и законами отмѣненными. Разборъ таковыхъ принадлежитъ не къ Собранію, но къ Своду (Законовъ)“.

2) Въ манифестѣ императора Николая I отъ 31 января 1833 г., объявлявшемъ объ окончанія составленія Свода Законовъ Р. Имперіи. было объ этомъ сказано такъ: „въ самомъ началѣ царствованія Нашего. признавъ необходимымъ привести Отчественные Наши законы въ ясность и твердый порядокъ, повелѣли Мы прежде всего собрать и издать ихъ въ полномъ ихъ составѣ (т. е. составить Полное Собраніе Законовъ“) и потомъ изъ сего общаго состава, отдѣливъ одни дѣйствующіе нынѣ въ Имперіи Нашей законы, соединить ихъ въ правильный и единообразный Сводъ. и изложить ихъ въ точной ихъ силѣ, безъ всякаго въ существѣ ихъ измѣненія“.

такъ какъ справедливо полагалъ, что при составленія новаго Уложенія многое въ законодательствѣ можетъ подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ. Весь складъ положительнаго ума государя, твердаго и непоколебимаго въ своей охранительной политикѣ, не допускалъ вообще возможности какихъ-либо рискованныхъ опытовъ въ области законодательства, а именно такимъ рискованнымъ опытомъ и была-бы переработка дѣйствующаго законодательства въ новое Уложеніе, составленное частію на основаніи отвлеченныхъ юридическихъ началъ. Кромѣ того, государь изъ своего ученія не вынесъ особаго уваженія къ теоріямъ права. Въ недавно обнародованныхъ матеріалахъ для біографіи императора Николая I мы находимъ слѣдующія замѣчанія самого государя объ учившихъ его профессорахъ-юристахъ, отлично характеризующія тѣ впечатлѣнія, какія государь получилъ изъ ихъ лекцій. Когда въ 1847 г. баронъ Корфъ,— излагая предъ императоромъ тотъ планъ преподаванія, какого онъ намѣренъ былъ держаться въ своихъ занятіяхъ съ в. княземъ Константиномъ Николаевичемъ,—сказалъ, что онъ „въ изложеніи юридическихъ наукъ будетъ преимущественно стоять на практической точкѣ зрѣнія, т. е. на исторической и догматической сторонѣ нашего законодательства, сравнительно съ важнѣйшими иностранными законодательствами“, государь откровенно сказалъ: „совершенно согласенъ съ тобою, что не надо слишкомъ долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ, или забываются, или не находятъ приложенія на практикѣ. Я помню, какъ насъ (т. е. самого государя, вмѣстѣ съ вел. княз. Михаиломъ Павловичемъ), мучили надъ этимъ два человѣка, очень добрые, можетъ статься, и очень ученые, но оба несноснѣйшіе педанты — Балугьянскій (о коемъ упоминалось уже выше) и Кукольникъ (отецъ писателя). Одинъ толковалъ намъ, на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и Богъ знаетъ какихъ еще законахъ; другой что-то о мнимомъ естественномъ правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся еще Шторхъ съ своими усыпительными лекціями по политической экономіи, которыя читалъ намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что-жъ выходило? На урокахъ этихъ господъ, мы, или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ, иногда собственные ихъ каррикатурные портреты, а потомъ къ экзаменамъ выучивали кое-что въ долбяжку, безъ плода и пользы для будущаго. По моему лучшая теорія права — добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ, независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ — религію . . .“ Понятно, что при такихъ взглядахъ на теорію права, императоръ, разсмотрѣвъ

планъ Сперанскаго, рѣшилъ ограничиться составленіемъ Свода дѣйствующихъ законовъ, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но „безъ всякаго измѣненія въ существѣ ихъ“[1]).

I Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

Какъ-же были организованы работы по кодификаціи? Первою стадіею работъ, по указанному плану Сперанскаго (отличному отъ того, какого онъ держался при Александрѣ I) должно было явиться т. н. I „Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи“. Гигантское предпріятіе это, уже къ началу 1830 г. выразившееся въ напечатаніи 45 обширныхъ томовъ, велось слѣдующимъ образомъ. Изъ всѣхъ тогдашнихъ архивовъ были затребованы „II Отдѣленіемъ канцеляріи“ реестры прежнихъ узаконеній и по нимъ отыскивались уже самыя узаконенія, которыя и помѣщались въ „Собраніе“[2]). Въ это „Собраніе“ вошло болѣе 30-ти тысячъ различныхъ законовъ и постановленій, явившихся въ періодъ времени отъ Соборнаго Уложенія до вступленія на престолъ императора Николая I, которое послѣдовало 12 декабря 1825 г. (Съ этого вступленія до 28 февраля 1881 г. идетъ „II Полное Собраніе Законовъ; съ 1 марта 1881 г. идетъ „III П. С. Законовъ“). Законы и постановленія, вошедшія въ Полное Собраніе Законовъ, помѣщены въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ, по царствованіямъ[3]). Понятна вся научно-историческая важность

---

1) Въ литературѣ вопроса было высказано, впрочемъ, и другое мнѣніе, а именно, что „составленіе Уложенія (или „Уложеній“) входило въ первоначальную программу кодификаціонныхъ работъ и что разногласія между предположеніями Сперанскаго и рѣшеніемъ Николая I не было, но это мнѣніе не представляется намъ вполнѣ убѣдительнымъ. Объ его подробной аргументанціи см. статью А. Н. Макарова „Къ исторіи кодификаціи основныхъ законовъ“ (Журн. Минист. Юстиціи, 1912 г., декабрь, стр. 7 и сл.), здѣсь-же замѣтимъ, что однимъ изъ доводовъ въ пользу него приводятся слова, сказанныя Императоромъ Николаемъ I въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г. („вмѣсто новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые существуютъ“). Но, эти слова во всякомъ случаѣ говорятъ только за то, что составленіе новыхъ законовъ (или Уложенія) было оставлено до составленія Свода З. Р. Имперіи, но не указываютъ, однако, что къ составленію Уложенія будетъ приступлено послѣ того, какъ Сводъ напечатается.

2) Число доставленныхъ и просмотрѣнныхъ книгъ, въ которыхъ были собраны эти узаконенія, „простиралось: изъ Архива Пр. Сената до 2412; изъ Инспекторскаго Департамента до 520; изъ Министерства Финансовъ до 170; изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ до 4 книгъ именныхъ указовъ; изъ Кабинета Его Императорскаго Величества до 490 книгъ; всего же до 3596 книгъ. Сверхъ сего просмотрѣно множество дѣлъ“, въ коихъ находились разные указы по различнымъ департаментамъ нѣкоторыхъ Министерствъ.

3) А именно съ 29 января 1649 по 12 декабря 1825 года, узаконенія царствованій: I) царя Алексѣя Михайловича; II) царя Ѳеодора Алексѣевича; III) царей Іоанна и Петра Алексѣевичей; IV) императора

собранія такого матеріала, особенно, если принять во вниманіе, что само изданіе предпринималось Сперанскимъ, говоря вообще, съ полною осмотрительностью и уваженіемъ къ тексту памятниковъ, почему и нельзя не поставить этого въ заслугу какъ Сперанскому, такъ и всѣмъ участникамъ дѣла. Надо при этомъ замѣтить, что, имѣя предъ собою различные частные сборники законовъ, явившіеся раньше (Чулкова, Максимовича и проч.) и отмѣтивъ ихъ главные недостатки (неполноту содержанія, невѣрности въ текстѣ, датахъ времени и и т. д.), Сперанскій, со всѣмъ возможнымъ въ то время вниманіемъ, произвелъ свѣрку печатаемыхъ текстовъ съ ихъ подлинниками, для чего была просмотрѣна громадная масса рукописей, содержавшихъ въ себѣ какъ законы, такъ и распоряженія временныя и относящіяся къ отдѣльнымъ частнымъ случаямъ (послѣднія оставлены въ Полн. Собр. Законовъ рядомъ съ законами, по мысли Сперанскаго, „какъ памятникъ того вѣка, указаніе общественныхъ его нравовъ, какъ изображеніе гражданской его жизни“). Конечно, такое образцовое изданіе памятниковъ законовъ должно было оказать громадное и плодотворное вліяніе на изученіе нашей исторіи права, начиная съ половины XVII вѣка. Смѣло можно утверждать, что лишь со времени этого изданія наше изученіе законодательства пріобрѣтаетъ вполнѣ твердое основаніе, и научное значеніе заслугъ Сперанскаго здѣсь просто неоцѣнимо по своимъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, въ послѣдніе 30—40 лѣтъ въ архивахъ нашихъ найдено, а частію и издано, такъ много новыхъ юридическихъ документовъ, относящихся къ тѣмъ царствованіямъ, документы которыхъ помѣщены въ I Полномъ Собраніи Законовъ, что послѣднее не можетъ уже теперь считаться сколько-нибудь полнымъ, почему правильнѣе было его называть нынѣ „I Неполнымъ Собраніемъ Законовъ“ но оно, во всякомъ случаѣ, остается доселѣ обширнѣйшимъ изданіемъ наиболѣе важныхъ законодательныхъ актовъ за указанное время, а для своего времени было единственнымъ полнымъ изданіемъ. Что оно, дѣйствительно, неполно, достаточно привести нѣкоторыя только данныя: съ 1725 по 1740 гг.

Петра I; V) императрицы Екатерины I; VI) императора Петра II; VII) императрицы Анны Іоанновны; VIII) правленія: бывшаго герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской (т. е. царствованія императора Іоанна Антоновича, имя коего здѣсь не упоминается); IX) царствованія императрицы Елисаветы Петровны; X) императора Петра III; XI) императрицы Екатерины II; XII) императора Павла I; XIII) императора Александра I. Надо еще отмѣтить, что отысканіе соотвѣтствующихъ узаконеній, помѣщенныхъ въ П. С. Законовъ, облегчается двумя указателями, приложенными къ ихъ тексту, а именно хронологическимъ и алфавитнымъ (предметнымъ).

въ I П. С. Законовъ, напр., помѣщено 1296 высочайшихъ указовъ и повелѣній, а равно и узаконеній, вышедшихъ изъ тогдашнихъ Совѣтовъ при особѣ государя; ихъ, однако, въ одномъ Сенатскомъ Архивѣ насчитывается до 6411, т. е. изъ нихъ не помѣщено 5115 узаконеній. Съ 1740 по 1762 гг. вошло въ I П. С. З. 538 №№, а не вошло 3742 №№ узаконеній, хранящихся въ томъ же Архивѣ. То же надо сказать и объ узаконеніяхъ слѣдующихъ, по времени, царствованій.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи; его составленіе. Система Свода.

Создавъ I Полное Собраніе Законовъ, какъ живое свидѣтельство того, какъ „законы наши образовались, возрастали, измѣнялись“, Сперанскій, естественно, дошелъ до второй стадіи своихъ кодификаціонныхъ работъ, т. е. до составленія Свода, долженствовавшаго представить, по собственной мысли Сперанскаго, лишь то, что въ законахъ „оставалось неизмѣненнымъ и нынѣ сохраняетъ свою силу и дѣйствіе“. Есть данныя, указывающія на то, что и при составленіи Свода Законовъ дѣйствующихъ, Сперанскій выходилъ весьма нерѣдко изъ этой скромной роли собирателя и систематизатора дѣйствующаго права и являлся, — можетъ быть, иногда и невольно, — истиннымъ творцомъ многихъ нашихъ юридическихъ нормъ, особенно въ области права гражданскаго; но открыто имъ ставилась для Свода слѣдующая задача: „Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что есть въ законахъ, но онъ не есть ни дополненіе ихъ, ни толкованіе“. Какъ-же составлялся Сводъ? Все дѣло составленія обнаруживаетъ въ Сперанскомъ теперь не прежняго диллетанта, случайно явившагося въ роли кодификатора, а человѣка, ознакомившагося серьезно, какъ съ теоріею, такъ и съ практикою юридическихъ вопросовъ. Отраженіе всего этого мы находимъ въ той образцовой системѣ, въ которую Сперанскій размѣстилъ все содержаніе дѣйствовавшихъ у насъ законовъ. Взявъ, для достиженія полноты, за образецъ всѣ лучшіе тогдашніе кодексы (римскій, французскій, прусскій и австрійскій), Сперанскій хотѣлъ, чтобы Сводъ былъ нашимъ Corpus juris, „общимъ составомъ законовъ, и въ семъ своемъ качествѣ долженъ онъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности“. Правила-же, по которымъ должны были редактироваться отдѣльныя части Свода, сводились, говоря кратко, къ слѣдующему. Прежде всего изъ Свода исключаются какъ всѣ законы, отмѣненные силою позднѣйшихъ постановленій, такъ и всѣ повторенія. Если случалось, что законы содержали нѣсколько постановленій на одинъ и тотъ же случай, въ Сводъ помѣщалось полнѣйшее. Законы вводились въ составъ Свода изъ тѣхъ источниковъ, на коихъ они основы-

вались, по большей части буквально. Интересна аргументація этого правила: „въ законѣ нестолько изящество слова, сколько сила и важность, а для важности древность — драгоцѣнны. Безъ сего сводъ былъ бы книгою учебною, или ученою, а не составомъ законовъ положительныхъ“. Изъ законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, должно было „избирать тотъ, который лучше другихъ“. Но какъ, однако, опредѣлить, какое изъ многихъ узаконеній надо считать лучшимъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Сперанскій говорилъ, что „Сводъ преступилъ-бы свои границы, если-бы сочинители его приняли на себя судить, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ лучше“. Поэтому, не входя въ разборъ этого вопроса, рѣшено было держаться того правила, что изъ двухъ несходныхъ законовъ надлежитъ слѣдовать „позднѣйшему“, какъ отмѣняющему предъидущій. Чтобы „подъ видомъ законовъ старыхъ не вкрались законы новые“ (что, въ дѣйствительности, частію и случилось) рѣшено было отдать отдѣльные Своды, прежде ихъ утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, на ревизію тѣхъ мѣстъ управленія, до которыхъ каждый изъ нихъ имѣетъ отношеніе, и т. д. Подъ каждою статьею были означены источники, изъ коихъ она была почерпнута, по весьма разумнымъ основаніямъ [1]).

Не менѣе любопытна и сама система раздѣленія законодательнаго матеріала въ Сводѣ. Не входя и здѣсь въ подробности, отмѣтимъ лишь общія основанія, по которымъ Сперанскій, съ необычайнымъ для его времени въ Россіи искусствомъ, размѣнилъ разнообразные дѣйствующіе законы. Система этого раздѣленія исходила изъ той мысли, что въ государствѣ дѣйствуютъ два союза или два порядка: союзъ государственный и союзъ гражданскій, откуда естественно вытекаютъ и два порядка законовъ: государственные, опредѣляющіе устройство государственнаго союза, и гражданскіе, опредѣляющіе основанія гражданскаго союза. Тѣ и другіе, въ свою очередь, подраздѣляются на законы опредѣлительные и законы охранительные, такъ какъ въ государствѣ недостаточно установить „существо государственнаго союза и правъ отъ него происходящихъ“, но и необходимо

1) Указанія на источники „нужны нетолько для того, чтобы дать каждой статьѣ Свода Законную достовѣрность“, но и „какъ вѣрный путь къ разуму закона, какъ способъ къ открытію причинъ его, какъ руководство къ познанію истиннаго его смысла“; они нужны, какъ лучшая система толкованій, основанная „на сличеніи двухъ формъ одного и того же закона — первообразной и производной“.

охранять ихъ. Каждый изъ этихъ законовъ раздѣляется на нѣсколько видовъ[1]).

Такова общая система Свода Законовъ Россійской Имперіи, первое изданіе котораго было отпечатано, послѣ его ревизіи въ особыхъ комитетахъ, въ 1832 г., а обнародовано 31 января 1833 г. Это первое изданіе заключало въ себѣ Сводъ дѣйствующихъ законовъ по 1 января 1832 года. Сводъ долженъ былъ „воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1 января 1735 г.“, т. е. съ этого времени онъ долженъ былъ примѣняться въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ. Въ манифестѣ, извѣщавшемъ объ изданіи Свода, было сказано, что всѣ законы, изданные послѣ этого времени, будутъ, по порядку книгъ Свода и съ указаніемъ на ихъ статьи, распредѣляться въ ежегодномъ Продолженіи Свода и что, такимъ образомъ, „составъ Свода Законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ и единствѣ“. Надо замѣтить, что установленная Сперанскимъ система раздѣленія законовъ остается, въ общемъ, неизмѣнною и до сихъ поръ, мѣняется лишь содержаніе отдѣльныхъ томовъ, или ихъ частей. Что касается вопроса объ отношеніи Свода Законовъ къ Полному Собранію Законовъ то, по мысли Сперанское, Полное Собраніе Законовъ является „руководствомъ къ лучшему и полнѣйшему закона разумѣнію“, т. е. дѣйствующіе законы, составляющіе Сводъ Законовъ находятъ себѣ, въ случаѣ нужды, разъясненіе въ законахъ, изъ коихъ они заимствованы, какъ въ своихъ первоисточникахъ и кои помѣщены въ Полномъ Собраніи Законовъ[2]).

---

1) Такъ законы государственные опредѣлительные раздѣляются на 4 вида: 1) законы основныя, 2) учрежденія, 3) законы силъ государственныхъ, 4) законы о состояніяхъ. Законы государственные охранительные распадаются на предохранительные (уставы благочинія) и уголовные. Законы гражданскіе опредѣлительные распадаются на 1) законы союзовъ семейственныхъ, 2) общія законы объ имуществахъ и 3) особенные законы объ имуществахъ. Законы гражданскіе охранительные распаднюгся на 1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ, 2) законы судопроизводства и 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій.

2) По мнѣнію Сперанскаго, при „Сводѣ Законовъ“ Полное Собраніе Законовъ во многихъ случаяхъ необходимо. Такъ, оно необходимн *во-первыхъ*, во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, коихъ начало относится къ происшествіямъ давно уже протекшимъ и кои должны быть разрѣшаемы не по законамъ настоящимъ, въ Сводѣ изложеннымъ, но по законамъ, кои дѣйствовали во время сихъ происшествій; *во-вторыхъ*, Полное Собраніе Законовъ необходимо для разрѣшенія сомнѣній, кои представиться могутъ въ истинномъ смыслѣ какой-либо статьи Свода. Буквальный смыслъ долженъ быть главнымъ основаніемъ рѣшеній; но буквальнымъ смысломъ закона не всегда

Достоинства и недостатки Свода.

Сводъ былъ, по плану Сперанскаго, лишь необходимою ступенью къ Уложенію, и не его вина, конечно, что, какъ при его жизни, такъ и позднѣе, составленія послѣдняго не послѣдовало. Отчасти потому, что дѣло созданія гражданскаго Уложенія такъ у насъ замедлилось, а отчасти и потому, что стройная внѣшняя система, приданная нашимъ законамъ въ Сводѣ его знаменитымъ творцомъ, помогла ему получить у насъ „обманчивый видъ полнаго кодекса“, но Сводъ volens-nolens игралъ въ нашей жизни роль Уложенія, хотя, конечно, и невполнѣ удачно. Какъ къ Уложенію, къ нему иногда и обращалась строгая критика, но, судя объективно, надо сказать, что въ этомъ случаѣ хотѣли имѣть отъ Свода то, чего онъ не могъ дать уже по самой своей сущности.

Неоспоримымъ достоинствомъ Свода, для своего времени, было то, что онъ во многихъ частяхъ своихъ не былъ „произведеніемъ умозрѣнія“, хотя-бы и такого сильнаго мыслію человѣка, какъ Сперанскій, а потому и заключалъ въ себѣ много началъ, выработанныхъ и провѣренныхъ жизнію. Многое здѣсь могло казаться устарѣлымъ и требующимъ отмѣны, но такъ какъ, по обстоятельствамъ того времени, на это было мало надежды, то лучше всего было, конечно, ограничиться простымъ сведеніемъ воедино всего дѣйствовавшаго тогда права. Уже одно это приведеніе въ ясность и въ систему всего нашего законодательства, — положенія котораго по большей части выражались до Свода во множествѣ казуистичныхъ, разнопринципныхъ и повсюду разбросанныхъ нормъ, — имѣло громадное и научное, и практическое значеніе. Законы, доселѣ извѣстные, главнымъ

выражается во всей полнотѣ и точности внутренній его разумъ, къ коему, по необходимости, прибѣгать должно въ случаѣ сомнѣній. „Разумъ закона изображается въ причинахъ, на коихъ онъ основанъ. Но причины сіи не означены въ статьяхъ Свода; ихъ должно искать въ самыхъ источникахъ, въ самыхъ текстахъ, изъ коихъ статьи составлены; *въ-третьихъ*, П. Собраніе Законовъ необходимо во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ настоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона, и гдѣ часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобъ составить начертаніе закона, утвержденное не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства. *Въ-четвертыхъ*, извѣстно, что законы изображаютъ, такъ сказать, внутреннюю жизнь государства. Въ нихъ видно, какъ нравственныя и политическія его силы слагались, образовались, возрастали и измѣнялись. Слѣдовательно, исторія государства, безъ познанія законовъ, не можетъ имѣть ни ясности, ни достовѣрности, такъ какъ, съ другой стороны, законы безъ исторіи часто бываютъ невразумительны“.

образомъ, только немногимъ дѣльцамъ-юристамъ, открылись для изученія всѣхъ; обширныя научно-критическія, историческія и иныя работы, касавшіяся какъ богатѣйшаго матеріала, заключеннаго въ I Полномъ Собраніи Законовъ и въ Сводѣ Законовъ, такъ и системы Свода и пр., значительно содѣйствовали оживленію у насъ юридической мысли и, несомнѣнно, подготовили почву для созданія въ будущемъ Уложеній, уголовнаго и гражданскаго.

Указавъ на общее достоинство Свода, скажемъ кратко и о его недостаткахъ. Изъ самой сущности Свода, указанной уже выше, вытекало прежде всего то, что Сводъ сводилъ вмѣстѣ узаконенія, противорѣчащія другъ другу (разъ они существовали въ законѣ), и по ихъ началамъ, и по обстоятельствамъ ихъ появленія; не всегда давалъ общія положенія, общія правила, а если и давалъ, то ослаблялъ ихъ значеніе постоянными изъятіями; сохранялъ въ числѣ своихъ постановленій такія, которыя не имѣли разумнаго основанія въ условіяхъ современной жизни; допускалъ и такія, которыя не имѣли въ себѣ ничего юридическаго; наконецъ, страдалъ излишествомъ постановленій на одни случаи, ихъ недостаточностью на другіе; поражалъ мѣстами неопредѣленностью своего юридическаго языка, многословіемъ и т. д. Большая часть недостатковъ этихъ была замѣчена уже Сперанскимъ, но исходя изъ вполнѣ справедливой мысли, что Сводъ есть лишь вѣрное изображеніе того, что находится въ законахъ, онъ полагалъ, что „дополнить недостающее, довершить неоконченное, дать каждому предмету надлежащую полноту и пространство, есть дѣло Уложенія“....

Краткій обзоръ содержанія Свода Законовъ изданія 1832 г.

Всѣ законы, вошедшіе въ составъ Свода и составившіе 8 его книгъ (или разрядовъ), раздѣлены были на 15 томовъ. Это раздѣленіе свода на 15 томовъ неуклонно соблюдалось съ 1832 г. до 1885 г., когда 5 ноября было Высочайше утверждено мнѣніе Гос. Совѣта, по которому, между прочимъ, было постановлено Судебные Уставы императора Александра II и законы о судопроизводствахъ гражданскомъ и уголовномъ, — дѣйствующихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ эти Уставы еще не введены, — помѣстить въ особомъ XVI томѣ; во всемъ-же прочемъ соблюдать систему Свода предшествовавшихъ изданій. Обращаясь къ краткому обзору содержанія Свода Законовъ перваго изданія (1832 г.), надо сказать, что I книга его обнимаетъ 3 тома, при чемъ I томъ раздѣляется на 2 части: первая часть содержитъ законы основные[1]); вторая — учрежденія госу-

1) Подъ „основными законами“ Сперанскій разумѣлъ законы „о священныхъ правахъ и преимуществахъ верховной самодержавной

дарственныя, т. е. уставы тогдашнихъ центральныхъ нашихъ установленій [1]). Во II-мъ томѣ находимъ учрежденія губернскія [2]); въ III-мъ томѣ—уставы о службѣ и о пенсіяхъ. Вторая книга обнимаетъ IV-ый томъ и содержитъ уставы о повинностяхъ (рекрутской и о земскихъ); третья книга, заключающая въ себѣ V—VIII томы, содержитъ т. наз. „уставы казеннаго управленія“ (уставы о податяхъ, пошлинахъ, питейномъ сборѣ, акцизѣ, уставы таможенный, монетный, горный и др.); четвертая книга даетъ содержаніе IX тому, который заключаетъ въ себѣ „законы о состояніяхъ“, т. е. о сословіяхъ; пятая книга соотвѣтствуетъ X тому, гдѣ помѣщены „законы гражданскіе [3]) и межевые“; шестая книга — содержитъ въ XI и XII томахъ т. н. „уставы государственнаго благоустройства“ (подъ которыми разумѣются уставы кредитныхъ установленій, уставы торговые и о промышленности, уставы путей сообщенія, строительный, пожарный, о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ и др.); седьмая книга, состоящая изъ XIII и XIV томовъ, содержитъ т. н. „уставы благочинія“ (уставы о народномъ продовольствіи, общественномъ призрѣніи и врачебный, уставы о паспортахъ, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и др.) и, наконецъ, восьмая (XV т.) законы уголовные (о преступленіяхъ и наказаніяхъ вообще и о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ). Замѣтимъ при этомъ, что дѣленіе Свода на книги (или разряды) не имѣетъ практическаго значенія; обычно, при ссылкахъ на законы дѣлаются указанія на томы, части ихъ и отдѣльныя статьи, а не на книги Свода и, если мы упоминаемъ о дѣленіи Свода на книги, то лишь потому, что такое дѣленіе на книги, или разряды, было установлено самимъ творцомъ Свода Законовъ.

власти и учрежденіе объ императорской фамиліи“. Интересныя данныя о ихъ составленіи см. въ указанной выше ст. А. Н. Макарова „Къ исторіи, кодификаціи основныхъ законовъ“, а также въ статьѣ Б. Э. Нольде „Законы основные въ русскомъ правѣ“ (Право, 1913, № 9).

1) А именно уставы или учрежденія: Государственнаго Совѣта, Комитета министровъ, Прав. Сената; учрежденіе Министерствъ, учрежденіе капитула орденовъ, статуты орденовъ, статуты знаковъ безпорочной службы.

2) Томъ II-ой содержалъ учрежденія губернскія: I) общее губернское учрежденіе, II) особенныя губернскія учрежденія (Сибири, Кавказа, Бессарабіи, управленія казачьихъ войскъ, управленія инородцами Сибири, Кавказа, губерніи Астраханской, Таврической и Оренбургской).

3) Вопросы, относящіеся къ составленію X-го тома Свода Законовъ а равно и сравненіе его съ „Основаніемъ россійскаго права“, (изданнымъ комиссіею составленія законовъ въ 1818—1822 гг.), разсмотрѣны въ ст. Л. А. Кассо „Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ“ (Жур. М. Ю., 1904 г., мартъ).

Таково содержаніе XV томовъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, вмѣщавшихъ въ себѣ всѣ дѣйствующіе законы (за исключеніемъ, впрочемъ, относящихся къ военнымъ и морскимъ и нѣкоторыхъ другихъ)[1]). Сводъ этотъ вступилъ въ дѣйствіе съ 1 января 1835 г., при чемъ въ манифестѣ отъ 31 января 1833 г., которымъ объявлялось объ изданіи Свода 1832 г., было также указано, что „все, что послѣ 1 января 1832 г, состоялось, или что, по общему движенію законодательства, состоится, будетъ, по порядку тѣхъ-же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи, распредѣляемо въ ежегодномъ Свода Продолженіи и такимъ образомъ составъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полности и единствѣ“. Въ эти „Продолженія Свода“ входятъ донынѣ всѣ измѣненія, относящіяся къ тѣмъ или инымъ статьямъ того или другого тома Свода. Затѣмъ Сводъ нѣсколько разъ переиздавался, то цѣликомъ, то по отдѣльнымъ томамъ, при чемъ, конечно, измѣнялось, сообразно развитію законодательства, содержаніе тѣхъ или иныхъ томовъ, или части ихъ. Система Свода законовъ, въ цѣломъ, такъ гибка, что въ ея основныя дѣленія легко входили, и входятъ донынѣ, всѣ измѣненія, совершавшіяся какъ въ строѣ нашихъ учрежденій, такъ и въ различныхъ отдѣлахъ права.

---

1) Въ манифестѣ отъ 31 января 1833 г., объявлявшемъ объ изданіи Свода Законовъ и времени вступленія его въ дѣйствіе было сказано, что „всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 года по 1 Января 1832 года, въ теченіи 183 лѣтъ изданные, и при разнообразныхъ измѣненіяхъ времени сохранившіе понынѣ силу ихъ и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ ихъ и отдѣлены отъ всего, что силою послѣдующихъ узаконеній отмѣнено, всѣ, исключая постановленій военныхъ и морскихъ и нѣкоторыхъ другихъ (поименованныхъ въ манифестѣ), сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ“.

ОТДѢЛЪ II.

Государственное право.

I

Государственное устройство[1]).

Глава I.

Территорія.

Внѣшній ростъ территоріи Россіи въ періодъ имперіи.

Какъ извѣстно, ростъ территоріи русскаго государства не былъ законченъ въ Московскій періодъ исторіи нашей; наоборотъ, въ періодъ имперіи произошли весьма крупныя увеличенія государственной области какъ на западѣ, такъ и на югѣ и на востокѣ. Много дорогихъ силъ народныхъ было истрачено на эти увеличенія, немало высокихъ культурныхъ задачъ было надолго, въ этой тяжкой работѣ, оставлено безъ должнаго развитія . . . Едва-ли однако, эта трата была всегда непроизводительна и случайна. Государственная территорія есть достояніе народа; затраты на пріобрѣтенія ея окупаются затѣмъ вѣками. Въ самомъ ростѣ территоріи Россіи, какъ на Москвѣ, такъ и въ періодъ имперіи, много было чего-то фатальнаго, непроизвольнаго. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить также, что, расширяя въ томъ или иномъ направленіи государственную территорію, періодъ имперіи не разрывалъ связи съ традиціею Москвы, но лишь продолжалъ ее новыми средствами. Стремленіе къ берегамъ Балтійскаго, древняго Варяжскаго, моря ярко сказывалось уже въ царствованіе Іоанна IV, хотя и было осуществлено лишь при Петрѣ I; попытка стать твердо на Черномъ морѣ еще въ первой половинѣ XVII вѣка, какъ это видно изъ актовъ Азовскаго З. Собора, занимала Москву, хотя и завершилась только въ концѣ XVIII в.

---

1) Обширный обзоръ всѣхъ вопросовъ по исторіи государственнаго права періода имперіи см. въ „Учебникѣ исторіи русскаго права“ В. Н. Латкина,, изданіе II (С.-П. 1909 г.), гдѣ подробно указывается и ихъ литература. По отдѣльнымъ вопросамъ важнѣйшая литература будетъ нами отмѣчаться при очеркахъ указанныхъ вопросовъ.

Присоединеніе Малороссіи, происшедшее еще во 2-ой половинѣ XVII вѣка, имѣло своимъ слѣдствіемъ открытіе польскаго вопроса, который закончился во 2-ой половинѣ XVIII вѣка участіемъ Россіи въ раздѣлахъ Польши и т. д.

Какъ извѣстно, Петръ В. первоначально обратился на югъ и пытался утвердиться на Черномъ морѣ; въ 1696 г. былъ взятъ Азовъ, но въ 1700 г. Петръ В., начиная войну со Швеціею, заключилъ съ Турціею перемиріе на 10 лѣтъ и обратился къ завоеванію Балтійскаго моря, въ цѣляхъ стать въ непосредственное соприкосновеніе съ образованнымъ Западомъ. Еще въ 1702 г. была взята у шведовъ крѣпость Нотебургъ, принадлежавшая когда-то, подъ именемъ Орѣшка, В. Новгороду и переименованная Петромъ въ Шлиссельбургъ; въ 1703 г. заложенъ Петербургъ, а затѣмъ двадцатилѣтняя тяжелая война Россіи со Швеціею, окончившаяся Ништадскимъ миромъ 30 августа 1721 г., доставила Россіи Лифляндію съ островами Эзелемъ и Даго, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ. Война со Швеціею, столь удачно окончившаяся для Петра В., вовлекла Россію въ войну съ Турціею, перемиріе было нарушено, Петръ предпринялъ такъ наз. Прутскій походъ, который былъ для него весьма неудаченъ и Россіи пришлось уступить обратно, по Прутскому договору 1711 г., Азовъ и другіе завоеванные у Турціи города и вновь быть черезъ это отрѣзанной отъ береговъ Чернаго моря. Но, эта временная неудача на югѣ была, конечно, совершенно незначительною, въ сравненіи съ громаднымъ успѣхомъ борьбы за Балтійское море. При Петрѣ-же были присоединены въ 1723 г. нѣкоторые персидскіе города (Дербентъ, Баку и др.). Послѣдующія царствованія принесли новыя территоріальныя пріобрѣтенія. Вторая война со Швеціею въ 1741 г. доставила Россіи, — по миру, заключенному въ 1743 г. въ г. Або, — часть Финляндіи до рѣки Кюмени, съ городами Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ, и часть Кареліи съ крѣпостью Нейшлотомъ. Въ царствованіе Екатерины II, по Кучукъ-Кайнарджійскому миру 1774 г., Россіи были навсегда уступлены Азовъ, Керчъ, Еникале и Кинбургъ; въ 1783 г. присоединенъ былъ къ Россіи Крымъ и область рѣки Кубани; послѣ такъ наз. второй войны съ Турціею, по миру, заключенному въ Яссахъ въ 1791 г., утверждалось господство Россіи въ Крыму и уступались ей земли между рѣками Бугомъ и Днѣстромъ.

Таковы были въ XVIII в. территоріальныя пріобрѣтенія на сѣверѣ и на югѣ. Но Екатерина II, какъ извѣстно, принуждена была, помимо своей воли, принять участіе въ раздѣлахъ Польши: по 1-му раздѣлу (1772 г.) къ Россіи были присоединены земли между рѣками Днѣпромъ, Западною Двиною и

Дручемъ, что составляетъ область теперешнихъ губерній Витебской и Могилевской; по 2-му раздѣлу (1793 г.) Россія получила области Волынскую, Подольскую и Минскую, по третьему (1795 г.) — къ ней присоединена Курляндія и области, занятыя нынѣ губерніями Виленской, Гродненской и Ковенской. Въ свою очередь, XIX вѣкъ принесъ, послѣ ряда войнъ, новыя приращенія государственной территоріи Россіи. Послѣ первыхъ двухъ войнъ съ Франціею, по Тильзитскому миру 1807 г. Россія получила Бѣлостокскую область; по Фридрихсгамскому миру 1809 г., которымъ закончилась война со Швеціею, къ Россіи отошла Финляндія до рѣки Торнео и Аландскіе острова; по миру Бухарестскому (1812 г.), послѣ войны съ Турціею, — Бессарабія, уступленная позднѣе (въ 1856 г.) въ южной своей части, Молдаванскому княжеству (по Парижскому трактату; возвращена по Берлинскому трактату 1878 г.). Наконецъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. было рѣшено присоединить къ Россіи, подъ именемъ Царства Польскаго, Великое герцогство Варшавское. Еще по третьему раздѣлу къ Пруссіи была присоединена Варшава съ рядомъ польскихъ земель; эти земли, по Тильзитскому договору, были соединены воедино подъ наименованіемъ герцогства Варшавскаго, которое въ 1815 г. и было присоединено къ Россіи. Таковы результаты войнъ съ 1805 по 1815 гг. на сѣверѣ и западѣ Россіи. Съ 1811 г. по 1829 г. постепенно распространялись владѣнія Россіи на Кавказѣ, что закончилось, по Адріанопольскому миру 1829 г., присоединеніемъ къ Россіи ряда крѣпостей (Анапы, Поти, Ахальцыха и др.) и уступкою Россіи Турціею восточнаго берега Чернаго моря. Затѣмъ XIX вѣкъ принесъ рядъ территорій въ Средней Азіи.

Таковъ, въ самомъ краткомъ очеркѣ, внѣшній ростъ нашей территоріи въ періодъ имперіи. Территорія постоянно и неудержимо расширялась и за весь изучаемый періодъ, кромѣ уступки сдѣланной по Прутскому договору, извѣстны лишь 2 случая уступки Россіею своей территоріи, а именно — по Парижскому трактату 1856 г. временно была уступлена южная часть Бессарабіи, возвращенная въ 1878 г., да по договору въ Вашингтонѣ, заключенному въ 1857 г., Россія уступила, за денежное вознагражденіе, свои Американскія владѣнія вмѣстѣ съ Алеутскими островами, Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ.

Юридическій характеръ важнѣйшихъ пріобрѣтеній территорій.

Коснемся теперь вопроса о юридическомъ характерѣ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ періодъ имперіи. Ништадтскій мирный договоръ 1721 г. подтвердилъ тѣ пріобрѣтенія, какія были сдѣланы Россіею на берегахъ Балтійскаго моря, при чемъ, еще при фактическомъ присоединеніи въ

1710 г. Лифляндіи, за ея дворянами и горожанами были сохранены ихъ права и привиллегіи по особымъ жалованнымъ грамотамъ; такую-же жалованную грамоту получила Эстляндія въ 1712 г., послѣ своего присоединенія въ 1710 г. Утверждая эти права и привиллегіи, Петръ В., однако, сдѣлалъ въ грамотахъ оговорку, что они даются, „елико оныя къ нынѣшнему правительству и времени приличаются“ и что „Наше и Нашихъ государствъ высочество и права“ должны быть предоставлены этимъ провинціямъ „безъ предосужденія и вреда“ для государства. Эта оговорка не оставляетъ сомнѣнія, что означенныя провинціи присоединялись на началѣ инкорпораціи. Инкорпорація присоединяемыхъ провинцій не исключаетъ возможности предоставленія имъ самой широкой автономіи, но эта автономія существуетъ постольку, поскольку она „приличается“, т. е. поскольку она соотвѣтствуетъ въ данное время интересамъ государства. Какъ извѣстно, эти провинціи долго пользовались правами и привиллегіями, дарованными имъ Петромъ В.; впервые нѣкоторыя попытки ограниченія ихъ являются въ царствованіе Екатерины II. Что касается до присоединенія областей, принадлежавшихъ бывшему Польскому королевству, то, при такъ наз. раздѣлахъ Польши, присоединяемыя части инкорпорировались. При каждомъ изъ этихъ раздѣловъ Россія получала области, населенныя главнѣйшимъ образомъ бѣлоруссами, малоруссами и литовцами, т. е. населеніемъ весьма близкимъ, по крови, къ населенію великорусскому, а въ значительной части притомъ единовѣрному, или находившемуся въ состояніи уніи. Не принять этого русскаго населенія въ составъ своей имперіи, и не принять тогда, когда раздѣлъ былъ дѣломъ рѣшеннымъ со стороны Пруссіи и Австріи, значило отказаться отъ давней исторической задачи — объединенія славянорусскихъ племенъ, жившихъ на восточно-европейской равнинѣ, въ цѣляхъ достиженія ими общихъ культурныхъ высокихъ цѣлей; уже уступка Галиціи Австріи, по первому раздѣлу 1772 г., была, въ сущности, историческою измѣною по отношенію къ коренному и знаменитому въ нашей древней исторіи населенію Червонной Руси. Говоря вообще, Россія, участвуя въ раздѣлахъ Польши, присоединяла къ себѣ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, то, что было, народно и культурно, съ нею связано уже раньше. Иначе, однако, нѣсколько дѣло стояло съ присоединеніемъ въ 1815 г., подъ именемъ Царства Польскаго, бывшаго герцогства Варшавскаго, составившагося изъ собственно-польскихъ земель (такъ называемаго княжества Мазовецкаго и др.). Первая статья Вѣнскаго трактата, отдавая Россіи это герцогство, постановляла: „герцогство Варшавское соединено съ Имперіею Россійскою. Оно будетъ безповоротно связано

своимъ устройствомъ, дабы принадлежать Императору Россійскому, его наслѣдникамъ и преемникамъ на вѣки. Императоръ Россійскій сохраняетъ за собою права дать этому государству, пользующемуся особымъ административнымъ строемъ, внѣшнія границы, какія онъ заблагоразсудитъ. Онъ присоединяетъ къ своему титулу еще титулъ царя Польскаго. Поляки, подданные Россіи, Австріи и Пруссіи, получатъ народное представительство и національныя учрежденія, согласныя съ тѣмъ образомъ политическаго существованія, которое каждымъ изъ поименованныхъ правительствъ будетъ признано приличнымъ и полезнымъ". Какъ извѣстно, Царство Польское и получило, дѣйствительно, „народное представительство и національныя учрежденія", по особой конституціи, или „хартіи государственныхъ установленій", данной Александромъ I 15 (27) ноября 1815 г.[1]), при чемъ эта хартія дѣйствовала неприкосновенно до возстанія 1830 г., когда она была отмѣнена. Первоначальныя отношенія Россіи къ Царству Польскому, въ періодъ отъ 1815 до 1830 г. могутъ быть охарактеризованы, какъ отношенія, возникающія при реальной уніи. („Корона Царства Польскаго наслѣдственна въ лицѣ Нашемъ и Нашихъ потомковъ, наслѣдниковъ и преемниковъ въ порядкѣ престолонаслѣдія, установленнаго для Императорскаго Россійскаго престола", гласилъ 3 пунктъ хартіи). Впрочемъ, вопросъ этотъ не рѣшается учеными единогласно и нѣкоторые изъ нихъ видятъ здѣсь не реальную унію, а инкорпорацію.

Еще болѣе спорнымъ нынѣ въ государственномъ правѣ является вопросъ о характерѣ присоединенія къ Россіи Финляндіи. Если въ первой половинѣ XIX вѣка громадное большинство писателей признавало присоединенную Финляндію инкорпорированной провинціей Россіи, то въ новѣшей литературѣ мнѣнія объ юридическомъ характерѣ присоединенія очень раздѣлились: одни находятъ здѣсь полную инкорпорацію, другіе — инкорпорацію неполную (именно лишь въ области международныхъ, а не внутреннихъ отношеній), третьи видятъ въ этомъ присоединеніи случай личной, четвертые — реальной уніи и т. д.[2]). Разсмотрѣніе вопроса о томъ, каково

1) Хартія эта была утверждена Императоромъ Александромъ I на французскомъ языкѣ; первоначальный ея текстъ, а равно русскій и польскій переводы, см. въ изданіи Н. Д. Сергѣевскаго „Конституціонная хартія 1815 г. и другіе акты о Царствѣ Польскаго, 1814—1881 г." (С.-П., 1907 г.).

2) Указанія на литературу по данному вопросу см. въ книгѣ б. В. фонъ-деръ-Остенъ-Сакена — „Государственно-правовое положеніе Финляндскаго Великаго Княжества въ Россійскомъ государствѣ (С.-П., 1910 г.); см. также „Очерки русскаго государственнаго права" бар. Нольде (С.-П., 1911 г., стр. 411 и сл.).

нынѣ юридическое отношеніе Финляндіи къ Россіи, не принадлежитъ, конечно, къ предмету исторіи русскаго права; но, однако, вопроса о характерѣ первоначальнаго присоединенія Финляндіи къ Россіи, совершившагося de jure по Фридрихсгамскому трактату 1809 г., необходимо коснуться и намъ, хотябы лишь въ немногихъ словахъ. Финляндія, до своего завоеванія Россіею, не была государствомъ, а была шведскою провинціею. Она была затѣмъ занята русскимъ войскомъ въ 1808 г., при чемъ, еще по заключенія мирнаго договора съ Швеціею въ 1809 г., Александръ I, занявъ Финляндію своими войсками, издалъ манифестъ, въ которомъ провозгласилъ, что „страну сію, оружіемъ Нашимъ покоренную, мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи, вслѣдствіе чего жителямъ Финляндіи повелѣваемъ принести присягу на вѣрное престолу Нашему подданство“. Затѣмъ 5 сентября 1809 г., по Фридрихсгамскому договору, это фактическое, — въ силу занятія побѣдоносными войсками, — присоединеніе Финляндіи къ Россійской Имперіи (а не къ лицу императора, какъ это бываетъ при уніяхъ), было превращено въ юридическое обладаніе, при чемъ, по этому договору, „Его Величество, король Шведскій отказывается неотмѣнно и навсегда въ пользу Его Величества, Императора Всероссійскаго, и преемниковъ его престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній. Губерніи сіи со всѣми жителями и пр., а равно ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды будутъ состоять въ собственномъ и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и ей всегда принадлежать“. Если принять во вниманіе, что Финляндія, до присоединенія своего къ Россіи, не была государствомъ, а въ моментъ своего присоединенія Россіею въ достоинство государства не возводилась, а присоединилась въ собственное и державное обладаніе Имперіи Россійской, какъ ея провинція, то нѣтъ основанія разсматривать это присоединеніе, какъ унію и надо признать болѣе отвѣчающимъ дѣйствительности утвержденіе тѣхъ ученыхъ, которые видятъ здѣсь примѣръ инкорпораціи [1]). Надо при этомъ замѣтить,

1) Проф. Э. Н. Берендтсъ, которому принадлежитъ рядъ спеціальныхъ научныхъ работъ по исторіи Финляндіи, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „если-бы въ 1809 г. Финляндія нетолько получила особыя преимущества въ составѣ единаго Россійскаго государства, но была-бы превращена въ особое государство, тогда несомнѣнно мы бы должны были найти отзвукъ въ рѣчахъ и актахъ Боргоскаго сейма и въ актахъ Сената, т. е. тогдашняго Прав. Совѣта и неминуемо финляндцы, среди которыхъ были лица, мечтавшія объ особомъ государствѣ Финляндскомъ съ 1788 г., должны были-бы заговорить объ этомъ Финляндскомъ государствѣ. Между тѣмъ сеймъ называетъ Финляндію — провинціею; при торжественномъ открытіи Совѣта вице-пред-

что инкорпорированіе присоединяемой области вовсе не означаетъ непремѣнно отнятія у ней ея автономіи. Государство, присоединяя данную провинцію, можетъ оставить ея прежнія привиллегіи или дать даже новыя; разница инкорпораціи отъ состоянія уніи будетъ лишь въ томъ, что при уніи эти привиллегіи обусловливаются договоромъ между соединяющимися государствами, а при инкорпораціи волею того государства, къ которому данная провинція присоединилась. Уніи между Финляндіею и Россіею не могло быть по той простой причинѣ, что сама Финляндія до присоединенія своего къ Россіи, не была государствомъ, договоръ о ея присоединеніи заключался между Россіею и Швеціею и, наконецъ, въ моментъ присоединенія она не возводилась въ рангъ государства, а ей лишь давались привиллегіи и права самоуправленія. Какія измѣненія въ положеніи Финляндіи по отношенію къ Россіи произошли позднѣе — это относится уже къ современному государственному праву, почему мы ихъ здѣсь и не касаемся.

Глава II.

Верховная власть.

§ 1.

Верховная власть государей въ періодъ имперіи [1]).

Первыя законодательныя опредѣленія понятія верховной власти государей въ XVIII в. „Правда воли Монаршей“ и ея ученіе о вер-

Какъ уже указывалась нами, только въ XVIII вѣкѣ является впервые законодательная формулировка понятія верховной власти русскихъ государей. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что этотъ фактъ находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что только „въ имперіи завершается сложеніе абсолютной власти русскихъ государей“, что „воззрѣніе на власть государя, какъ власть самодержавную, еще не сложилось въ Московскомъ государ-

сѣдатель называетъ Финляндію провинціею и вплоть до конца 50 гг. это имя не сходитъ со сцены и не замѣняется словомъ государство, („Къ вопросу о правовомъ положеніи Финляндіи“. С.-П., 1910 г., стр. 13 и сл.). Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры, названный ученый справедливо указываетъ, что „русскіе юристы и историки, которые не признаютъ Финляндію государствомъ, а только автономною областію, держатся того-же взгляда, котораго держались финляндцы же, и политическіе дѣятели и ученые, еще 50 лѣтъ тому назадъ“ (стр. 15).

1) Популярное изложеніе данныхъ, касающихся „русскаго абсолютизма“ въ XVIII вѣкѣ см. въ книгѣ „Итоги XVIII вѣка въ Россіи. Введеніе въ русскую исторію XIX в.“ (М., 1910 г.).

ховной власти государей.

ствѣ, такъ какъ на Москвѣ мы еще встрѣчаемся съ нѣкоторыми отголосками стараго порядка вещей, съ нѣкоторымъ участіемъ народа въ государственныхъ дѣлахъ, а рядомъ съ этимъ остаткомъ старины у Московскихъ государей возникаетъ понятіе о томъ, что ихъ власть неограниченна. Это и затрудняетъ точное формулированіе характера власти Московскихъ государей; съ одной стороны участіе народнаго представительства, а съ другой — стремленіе царей къ неограниченному господству. Это послѣднее стремленіе получаетъ, однако перевѣсъ, и въ XVIII вѣкѣ мы уже имѣемъ дѣло единственно съ абсолютной властью императоровъ" (Сергѣевичъ, Лекціи, 144 и сл.). Послѣ того, что говорилось нами о значеніи Б. Думы и З. Соборовъ, представляется яснымъ, что формулировка понятія верховной власти и для Московскаго и для Петербургскаго періода нашей исторіи будетъ одна и таже; de jure — власть эта есть власть неограниченная, самодержавная еще съ XVI вѣка. Правда, фактически, внутреннее содержаніе ея совсѣмъ не одинаково въ оба періода, но это не измѣняетъ, конечно, ея юридической сущности. И вотъ почему всѣ тѣ „московскія" попытки ея опредѣленія, какія дѣлались, хотя и не законодательно, такъ похожи на первое законодательное опредѣленіе ея, данное въ новой исторіи Петромъ В. Въ толкованіи къ 20-му артикулу „Воинскаго Устава" говорится: „Его Величество есть самовластный Монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять". Іоаннъ Грозный писалъ Курбскому: „Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ? Земля правится Божіимъ милосердіемъ, а послѣди (потомъ) нами, государи своими, а не воеводы и судьи". Правда, въ Москвѣ терминъ „самодержецъ" понимался сначала въ смыслѣ термина, обозначавшаго только государя самостоятельнаго во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ что противоположнымъ ему долженъ быть терминъ вассала, но это не относится ко времени 2-ой половины XVII в.; еще Іоаннъ IV старался понять его прямо „въ этимологическомъ смыслѣ"; послѣ него это стремленіе пріобрѣтаетъ значеніе факта. Отсутствіе законодательной формулировки понятія верховной власти на Москвѣ объясняется скорѣе всего нелюбовію прежнихъ кодификаторовъ права къ общимъ абстрактнымъ опредѣленіямъ, а вовсе не тѣмъ, что въ это время не сложилось воззрѣнія на власть государей, какъ на власть самодержавную.

Понятіе верховной власти, опредѣленное въ „Воинскомъ Уставѣ", устанавливается затѣмъ въ „Духовномъ Регламентѣ",

гласящемъ, что „монарховъ власть самодержавная, который повиноваться самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ“. Эта формулировка переходитъ позднѣе и въ наши основные законы, которые до послѣдняго времени гласили, что „Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный. Повиноваться Его верховной власти нетокмо за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ“. Понятіе верховной власти монарховъ подробно развивается также въ извѣстномъ сочиненіи Ѳеофана Прокоповича „Правда воли Монаршей“. Сочиненіе это написано авторомъ по порученію самого Петра В., вслѣдствіе тѣхъ толковъ и неудовольствія, какое возбудило въ народѣ устраненіе отъ престола царевича Алексѣя, послѣдовавшее на основаніи манифеста государя отъ 3-го февраля 1718 года. Въ этомъ манифестѣ Петръ В., ссылаясь на право каждаго изъ своихъ подданныхъ лишать наслѣдства своихъ „непотребныхъ дѣтей“ (по указу 1714 года „о единонаслѣдіи“), лишаетъ и своего сына наслѣдства, а затѣмъ издаетъ 5-го февраля 1722 года Уставъ о наслѣдіи престола, въ которомъ указывается, что въ волѣ государя назначить себѣ наслѣдника: „дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ злость, имѣя на себя узду сію“. Императоръ въ своемъ уставѣ утверждаетъ, что сынъ его „былъ надмененъ авессаломскою злостью“ къ отцу, — „а сіе ни для чего иного у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большему сыну наслѣдство давали, къ тому же одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай, не знаю для чего былъ такъ затвержденъ: ибо неточію въ людяхъ, по разсужденію умныхъ родителей, бывали отмѣны, но и въ Св. писаніи видимъ; еще-жъ и въ нашихъ предкахъ оное видимъ“ (напр., при Іоаннѣ III). Уставъ этотъ былъ подтвержденъ присягою всѣхъ подданныхъ, но, однако, вызвалъ во многихъ мѣстностяхъ неудовольствіе и даже отказъ отъ присяги новому закону. Тогда-то Петръ счелъ себя вынужденнымъ еще большими доводами, чѣмъ въ Уставѣ о престолонаслѣдіи, подтвердить свое право поступать такъ и высказать свой взглядъ на основаніе неограниченной монархической власти вообще, что и было исполнено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ такъ наз. „Правдѣ (т. е. правѣ) воли Монаршей“, изданной въ 1722 года и являющейся трактатомъ о самодержавной власти государя. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о значеніи новаго порядка престолонаслѣдія, обратимъ вниманіе только на формулировку Ѳеофаномъ понятія верховной власти и ея про-

исхожденія. Сочиненіе любопытно потому, что здѣсь мы встрѣчаемся съ попыткою примѣнить къ нашимъ условіямъ западноевропейскія политическія теоріи, для чего авторъ пользуется, при формулировкѣ понятія верховной власти, ученіями западныхъ „изряднѣйшихъ законодателей — Гугона Гроція, Ѳомы Гоббеса и Самуила Пуффендорфа“, равно какъ и примѣрами изъ библіи, греческаго и римскаго законодательства и пр. Для объясненія, что такое „Величество“, или „Маестетъ“, приводится опредѣленіе Гуго Гроція: „высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть та, которой дѣянія ничьей-же власти не подлежатъ, тако, дабы могли уничтожены быти изволеніемъ другого человѣка; когда же глаголю другого, изъемлю самого его, кто такую Высочайшую власть имѣетъ; ему бо волю свою перемѣнить можно“. Въ предисловіи къ „Правдѣ“, — написанной, какъ мы сказали, для оправданія Устава Петра о престолонаслѣдіи, — выставляется на видъ, что Уставъ этотъ, однако, не нуждается ни въ какихъ доводахъ, такъ какъ „уставы бо и всякіе законы, отъ самодержца въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ (требуютъ), аки должнаго: истязуютъ же нетокмо страхомъ гнѣва властительнаго, но и страхомъ гнѣва Божьяго“. На чемъ же основывается и откуда беретъ свое начало неограниченная власть монарха? Согласно ученіямъ Гуго Гроція и Гоббса, начало всякой верховной власти берется изъ договора подданныхъ между собою. По ученію Гуго Гроція, автора знаменитаго трактата „De jur belli ac pacis“ (Парижъ 1624), разумное основаніе, по которому человѣкъ долженъ подчиняться власти, есть его добровольное соглашеніе, выраженное въ договорѣ, который можетъ былъ явнымъ, заключеннымъ формально, или подразумѣваемымъ, молчаливымъ. Послѣдній имѣетъ мѣсто при покореніи извѣстнаго народа побѣдителю; если этотъ договоръ и недоброволенъ, то все-таки онъ долженъ быть здѣсь подразумѣваемъ, такъ какъ побѣжденный, терпя подчиненіе, выражаетъ этимъ свое согласіе на повиновеніе власти. Та же мысль еще энергичнѣе развивается и у Гоббса въ его сочиненіяхъ „De cive„ (1646), Левіафанъ, и развивается при томъ главнымъ образомъ съ цѣлью теоретической защиты абсолютизма. Исходя изъ того положенія, что до появленія государственной власти существовало естественное состояніе людей, при которомъ господствовало „bellum omnium contra omnes“, какъ результатъ присущаго людямъ стремленія удовлетворять своимъ эгоистическимъ потребностямъ и естественнаго равенства ихъ, изъ котораго вытекло для каждаго индивидуума право на все, Гоббсъ думалъ, что люди, съ цѣлью установить хотя какой либо порядокъ, отказа-

лись отъ своего естественнаго права на все и поступились частію своихъ правъ въ пользу другихъ. Человѣкъ, или правительство, волѣ котораго подчинили свою волю отдѣльныя лица и въ пользу котораго отказались они отъ своихъ правъ, получаетъ въ государствѣ высшую, верховную власть. Эту власть онъ можетъ употреблять противъ всякаго, кто нарушитъ порядокъ, и эта власть необходимо должна быть абсолютна. Надо замѣтить, что Гоббсъ былъ теоретическимъ защитникомъ абсолютическихъ стремленій Стюартовъ (закончившихся, какъ извѣстно, революціею и казнію Карла I), а потому въ своихъ трудахъ хотѣлъ доказать научно правоту ихъ стремленій и необязательность для нихъ соблюденія народныхъ правъ и преимуществъ потому, что народъ перенесъ на нихъ tacito consensu всѣ эти права и преимущества. Ту же теорію развивалъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, сначала уніатъ, воспитанникъ одной изъ римскихъ духовныхъ коллегій іезуитовъ, а потомъ перешедшій въ православіе монахъ Кіевской Лавры и профессоръ Академіи, впослѣдствіи вызванный въ Петербургъ, гдѣ онъ скоро заявилъ себя горячимъ поклонникомъ всѣхъ реформъ Петра. Въ „Правдѣ воли Монаршей“ онъ также отправляется, для оправданія правомѣрности дѣйствія Петра, отъ договорнаго происхожденія власти (хотя въ этомъ не было вовсе никакой нужды для русскаго государя, власти котораго вообще никто не оспаривалъ), говоря, что „сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ соглашенія . . , самъ народъ добровольнымъ своимъ, преклоненіемъ являетъ на то свою волю“. Россійскіе подданные также заключили между собою договоръ, какъ бы сказавъ государю: „согласно вси хощимъ, да, ты, государь, къ общей нашей пользѣ, владѣеши нами вѣчно, т. е. понеже ты смертенъ, то по себѣ ты напередъ оставляешь намъ наслѣднаго владѣтеля; мы же, единожды воли нашея совлекшеся, никогда же впредь, ниже по смерти твоей, оной употребляти не будемъ, но, какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ, подчиняться клятвеннымъ обѣщаніемъ обязуемся“. Далѣе, авторъ „Правды“ дѣлаетъ такіе выводы изъ своего положенія о томъ, что народъ, заключивъ договоръ, „воли своей совлекся“: народъ исполняетъ все, что прикажетъ государь; народъ отрекается отъ права судить поступки государя, такъ какъ онъ перенесъ на него всѣ свои права, оставивъ себѣ только обязанности, и т. д. — Опредѣленіе, даваемое въ „Правдѣ воли Монаршей“ верховной власти, какъ власти абсолютной, вѣрно обрисовываетъ природу этой власти. Не соотвѣтствуетъ, однако, указаніямъ ни теоріи права, ни исторіи, стремленіе автора „Правды“ сдѣлать вообще одного только монарха носителемъ всей пол-

ноты этой власти, такъ какъ возможно раздѣленіе этой власти между государемъ и народомъ (въ конституціонныхъ монархіяхъ), либо сосредоточіе этой власти въ рукахъ самого народа (въ республикахъ). Въ упрекъ автору „Правды“, надо также поставить малое его знакомство съ русской исторіею, благодаря чему въ его трактатѣ не отразилось ничѣмъ все своеобразіе положенія на Москвѣ государя, правившаго съ Боярскою Думою и Земскими Соборами. Авторъ „Правды“ совершенно игнорируетъ роль этихъ учрежденій. Интересно, отмѣтить что, по мнѣнію кн. М. М. Щербатова, „Правда воли Монаршей“ есть „памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому“. Онъ при томъ думалъ, что люди „уступили часть свободы и своихъ выгодъ, дабы другими частями безопасно пользоваться. А изъ сего самого и слѣдуетъ, что не могли они уступить большую часть (а по Прокоповичу,—даже всю свободу), а самымъ тѣмъ ввергнуть себя въ худшее состояніе, нежели-бъ могло быть“.

Взглядъ „Наказа“ Екатерины II на форму правленія въ Россіи.

Въ знаменитомъ „Наказѣ“, данномъ депутатамъ извѣстной комиссіи 1767 г., которая была созвана для составленія Новаго Уложенія въ Москвѣ, Екатерина II попыталась вновь коснуться теоретически вопроса о формѣ правленія въ Россіи. Въ своемъ „Наказѣ“ она находила, что въ Россіи „государь есть самодержавный, (т. е. долженъ быть самодержавнымъ), ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ власть, не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства“. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть . . . „ибо надлежитъ, чтобъ скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностью мѣстъ причиняемое. Всякое другое правительство въ Россіи нетолько было бы вредно, но и въ конецъ разорительно“. Мысль объ этой связи формы правленія государства съ его пространствомъ могла быть навѣяна Екатеринѣ II Монтескье, сочиненіе котораго „Духъ законовъ“ служило для нея (какъ она сама выражалась) „молитвенникомъ“, такъ какъ Монтескье думалъ, что республики мыслимы только въ небольшихъ государствахъ, ограниченныя монархіи — въ среднихъ, по величинѣ, а въ большихъ государствахъ должна быть абсолютная монархія, такъ какъ здѣсь „быстрота рѣшеній должна восполнить дальность разстояній“. Надо, впрочемъ, замѣтить, что уже русскій историкъ 1-ой половины XVIII вѣка, извѣстный В. Н. Татищевъ, указывалъ на ту-же причину, но, кромѣ того, выставлялъ еще и другую, а именно въ своей „Исторіи Россіи“ названный авторъ говорилъ, что „въ великихъ пространственныхъ государствахъ, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ

недовольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, а не изъ благонравія, или познанія пользы, законъ хранитъ, тамъ необходимо само- или единодержавіе". Знаменитый современникъ Екатерины II, кн. М. М. Щербатовъ, разсуждая о „правленіи монаршическомъ", тоже представляетъ его самодержавнымъ, но думаетъ, что „необходимо нужно государю имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ счастію государствъ и отсовѣтывать, колико возможно, въ вещахъ, предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію". Авторъ старательно проводитъ разницу между монархіею и самовластіемъ (деспотіею), замѣчая, что „въ монархіи государь есть для народа, въ самовластномъ правленіи народъ сдѣланъ для государя", что „въ монаршическомъ правленіи должно быть нѣкіимъ основательнымъ (т. е. основнымъ) законамъ, которые не стѣсняли могущество государя ко всему полезному, но укрощали-бы иногда безпорядочныя его хотѣнія, по большей части — во вредъ ему обращающіяся". Участіе дворянства въ правленіи государства, по автору — необходимое, въ ряду другихъ, условіе „монаршическаго правленія"[1].

Титулъ и гербъ государей въ періодъ имперіи.

Новая исторія XVIII вѣка, принесла измѣненіе въ титулѣ государей. Еще Іоаннъ III началъ употреблять титулъ царя, но окончательно этотъ титулъ былъ признанъ за Московскими государями при Іоаннѣ IV, который получилъ на него „утвердительную грамоту" вселенскихъ патріарховъ въ 1561 г. Окончаніе трудной шведской войны, послѣ которой Россія была побѣдносными дѣйстіями своей арміи возведена въ рангъ великой державы на сѣверо-востокѣ Европы, Сенатъ и Синодъ 20 октября 1721 г. поднесли Петру В. титулъ „Императора Всероссійскаго", „Великаго" и „Отца Отечества" (Ништадскій миръ былъ заключенъ 30 августа 1721 г.). Петръ принялъ титулъ императора и такимъ образомъ Московское царство стало называться оффиціально „Всероссійскою Имперіею". Оставалось получить признаніе этого титула со стороны европейскихъ государствъ; признаніе это было достигнуто несразу и давалось неохотно. Причины этого были сложны: во 1-хъ одни государства склонны были разсматривать успѣхъ Россіи на поприщѣ внѣшней политики, а равно и вступленіе ея въ рангъ европейскихъ державъ, какъ дѣло генія Петра В., со смертію коего все будетъ по старому и Россія не будетъ имѣть никакого вліянія

1) „Сочиненія кн. М. М. Щербатова" (С.-П., 1896 г.), т. I, стр. 337 и сл.; стр. 343 и сл. 367 и сл.; срав. стр. 224, 230 и сл.

на общеевропейскія отношенія державъ; во 2-хъ титулъ императора въ это время принадлежалъ лишь австрійскому императору, или „римскому цесарю“, какъ его звали тогда, и нѣкоторыя державы „ожидали“, по словамъ одного автора (Голикова), „соизволенія отъ него“. Прошло поэтому нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ этотъ титулъ получилъ общее признаніе европейскихъ державъ, а именно Швеція признала его въ 1723 г., Турція въ 1739 г., Англія и Австрія въ 1742 г., Франція и Испанія въ 1745 г.; немедленно-же, послѣ провозглашенія, титулъ этотъ былъ признанъ только Голландіею и Пруссіею; позднѣе-же всѣхъ державъ — Польшею.

Касаясь вопроса о титулѣ государей, надо сказать, что, если наименованіе государей великими князьями, царями и, наконецъ, императорами изображаетъ собою постепенное возвышеніе ихъ авторитета, а равно и возвышеніе значенія самого государства, главами коего они являются, олицетворяя въ себѣ все болѣе и болѣе растущее народное могущество, то такъ наз. „территоріальная“ часть титула указываетъ на послѣдовательное расширеніе государственной области Россіи. Извѣстно, что полный титулъ нашихъ государей содержитъ въ себѣ указаніе на важнѣйшія части государственной территоріи. Внѣшній ростъ территоріи отражается и на самомъ титулѣ: титулъ государей все болѣе и болѣе растетъ съ расширеніемъ территоріи. Такъ, при Петрѣ В., къ титулу Московскихъ государей были прибавлены слова „Князь Эстляндскій, Лифляндскій и Корельскій“, какъ результатъ завоеваній Петра В. и присоединенія новыхъ областей. Петръ III, имѣвшій, какъ герцогъ Голштинскій наслѣдственныя права на Норвегію и нѣкоторыя нѣмецкія владѣнія, присоединилъ къ своему титулу слова „Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій“ и др.; при Екатеринѣ II введены въ титулъ слова „Царица Херсонеса Таврическаго и Княгиня Курляндская и Семигальская“; Александръ I, послѣ присоединенія Финляндіи и герцогства Варшавскаго (получившаго въ это время наименованіе Царства Польскаго) сталъ называться „Великимъ Княземъ Финляндскимъ, Княземъ Бѣлостокскимъ и Царемъ Польскимъ“, Николай I къ титулу своихъ предшественниковъ прибавилъ слова „и области Арменскія“ (1828 г.). Послѣднее прибавленіе въ титулѣ произошло послѣ окончательнаго присоединенія Средней Азіи, когда съ 1882 г. русскій императоръ сталъ наименоваться „Государемъ Туркестанскимъ“.

Что касается герба государей, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гербъ государственный, то въ удѣльный періодъ не было одного общаго герба, что и понятно. Съ конца XIV вѣка является, однако, болѣе или менѣе общимъ гербомъ изображеніе скачущаго всадника съ копьемъ или мечемъ; это изображеніе

дѣлается затѣмъ постояннымъ гербомъ Московскихъ великихъ князей. До конца Московскаго періода этотъ всадникъ именовался не св. Георгіемъ Побѣдоносцемъ, а „ѣздецемъ“, „ѣздокомъ“, „царемъ съ копьемъ“. Котошихинъ объяснялъ изображеніе его на московской печати, какъ изображеніе „царя на конѣ“, побѣдившаго змѣя; наоборотъ, иностранцы думали, что этотъ всадникъ на конѣ означалъ св. Георгія Побѣдоносца; оффиціально этотъ всадникъ на конѣ получилъ, однако, наименованіе св. Георгія Побѣдоносца лишь съ 1769 г., когда былъ учрежденъ орденъ того-же имени. Іоаннъ III, послѣ брака своего съ Софіею Палеологъ, принялъ, въ добавленіе къ прежнему гербу, еще византійскій гербъ — чернаго двуглаваго орла, причемъ первоначально, на печатяхъ, которыя привѣшивались къ грамотамъ, на одной сторонѣ изображался двуглавый орелъ, а на другой — указанный выше всадникъ на конѣ; съ Іоанна IV входитъ въ употребленіе изображеніе всадника уже въ срединѣ, на груди орла. Окончательное сложеніе герба русскаго государства, въ той формѣ, въ какой онъ изображается теперь, было сдѣлано въ 1857 г.

§ 2.

Попытки и планы ограниченія самодержавія въ періодъ имперіи.

(До воцаренія Николая I.)

Попытки ограниченія самодержавія послѣ Петра В. „Кондиціи“, подписанныя Анною Іоанновною.

Какъ уже нами указывалось, при Петрѣ В. нетолько впервые явилась законодательная формулировка понятія верховной власти государей нашихъ (въ В. Уставѣ и въ Дух. Регламентѣ), но и былъ сдѣланъ (въ Правдѣ воли Монаршей) опытъ подысканія теоретическаго обоснованія ея неограниченности. Никогда, конечно, верховная власть у насъ не была въ столь сильныхъ рукахъ, какъ при Петрѣ В., и никогда поэтому указанное теоретическое ея обоснованіе, какъ власти неограниченной, такъ не отвѣчало дѣйствительности: великій монархъ во всемъ проявлялъ свою личность и его иниціатива была видна какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи. Онъ умѣло выбиралъ себѣ, на всѣхъ поприщахъ жизни, замѣчательныхъ сотрудниковъ; онъ энергично вводилъ къ намъ лучшія формы государственныхъ учрежденій и стремился построить ихъ дѣйствія на началахъ законности и коллегіальности; онъ, наконецъ, ревниво заботился о томъ, „дабы не клеветали непокоривые человѣцы, что се или

оно силою, паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ или истиною, заповѣдаетъ монархъ", для чего, между прочимъ, подробно мотивировалъ свои законы и распоряженія, взывалъ къ разуму подданныхъ, когда добился ихъ повиновенія реформѣ. Въ этой реформѣ не отводилось, однако, вовсе мѣста народному представительству, какъ таковому, а старыя учрежденія, гдѣ это представительство, въ той или иной мѣрѣ, имѣло мѣсто, либо не созывались Петромъ вновь (какъ З. Соборы), либо были замѣнены (какъ Б. Дума и Соборы духовенства) новыми учрежденіями, въ лицѣ Пр. Сената и Св. Синода, созданными не съ цѣлію дѣлиться съ кѣмъ либо властію. Хотя при Петрѣ В. и слышались одинокіе голоса, требовавшіе созыва З. Собора для составленія новаго Уложенія, но, конечно, при немъ не могло возникнуть никакихъ попытокъ къ ограниченію самодержавія, какъ ввиду громаднаго обаянія генія монарха, такъ и ввиду величія его реформы, захватывавшей на служеніе себѣ всѣ лучшія силы общества. Наоборотъ, какъ только Петръ В. умираетъ и верховная власть монарховъ попадаетъ въ такія слабыя руки, какъ Екатерины I или Петра II, тотчасъ же является мысль нетолько о необходимости, но и возможности участія въ управленіи самого общества. Первоначально, эта мысль, по обстоятельствамъ времени, реализуется въ созданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, который вмѣщалъ въ себѣ лишь немногихъ лицъ, принадлежавшихъ частію къ новымъ вельможамъ, выдвинутымъ преобразованіемъ, а частію къ представителямъ родовитаго стараго боярства. Образованіе В. Т. Совѣта явилось попыткою послѣднихъ возстановить, по возможности, свое прежнее правящее значеніе въ государствѣ. Попытка эта, однако, первоначально невполнѣ удалась старому боярству, такъ какъ оно должно было подѣлиться въ В. Т. Совѣтѣ властію съ представителями новаго худороднаго дворянства и прежде всего съ самымъ выдающимся представителемъ этого дворянства — кн. Меншиковымъ[1]). Интересно отмѣтить, какъ объясняли сами современники сущ-

1) Составъ В. Т. Совѣта, образованнаго 8 февраля 1726 г., былъ первоначально слѣдующій: кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, гр. Головкинъ, бар. Остерманъ, гр. Толстой, кн. Д. Голицынъ; позднѣе нѣсколькими днями вошелъ въ него герцогъ Голштинскій Карлъ-Фридрихъ и только въ царствованіе Петра II — кн. В. Л. и А. Г. Долгорукіе; по смерти Петра II до воцаренія Анны — кн. М. М. Голицынъ и кн. В. Вл. Долгорукій. Изъ этого видно, что лишь въ царствованіе Петра II и послѣ его смерти родовитое боярство получило значительное подкрѣпленіе въ Совѣтѣ, между тѣмъ, какъ въ царствованіе Екатерины I худородные люди, „вельможи-выскочки" имѣли еще здѣсь численный перевѣсъ надъ старымъ родовитымъ боярствомъ.

ность новаго учрежденія. Донесенія иностранцевъ сводились къ двумъ версіямъ: одни разсматривали новое учрежденіе, какъ ограничивающее, другіе — какъ укрѣпляющее власть Екатерины I. Въ сущности, здѣсь нѣтъ противорѣчія, а лишь высказывался различный взглядъ на то, чѣмъ должно было быть это новое политическое учрежденіе для разныхъ лицъ: однимъ (старому боярству) хотѣлось достичь перваго, другимъ (худороднымъ вельможамъ) — второго, съ цѣлью воспользоваться этою укрѣпленною властью императрицы въ своихъ интересахъ. Французскій посланникъ Кампредонъ говоритъ, между прочимъ, въ сообщеніи своему правительству: „имѣю честь сообщить отчетъ о событіи тѣмъ болѣе важномъ, что, подъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство царицы, оно, кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, то есть усиленія ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи здѣшнею страною". Нѣсколько ранѣе онъ же писалъ, что „есть основаніе опасаться, что тѣ, которые разсчитываютъ забрать впослѣдствіи въ руки значительную долю власти, постараются учредить правленіе на подобіе англійскаго". Саксонскій посланникъ Лефортъ передаетъ, что „проектъ В. Т. Совѣта былъ уже давно на разсмотрѣніи . . . Кн. Меншиковъ далъ установиться этому проекту, чтобы извлечь оттуда всю сущность, въ особенности, чтобъ лишить Ягужинскаго всякой власти и важныхъ свѣдѣній". Прусскій посланникъ Мардефельдъ считаетъ учрежденіе В. Т. Совѣта „замѣчательнымъ измѣненіемъ верховнаго управленія" и находитъ, что „Сенатъ превратится теперь во второстепенную коллегію", что и было справедливо. Интересно также, что въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ донесеній Кампредонъ, повторяя свой разсказъ о созданіи В. Т. Совѣта съ цѣлью ограниченія власти императрицы, говоритъ объ участіи въ этомъ созданіи другихъ элементомъ, мечтавшихъ уже не объ этомъ. Если родовитые люди хотѣли устроить правленіе „на подобіе англійскаго", чтобы дать политическую силу старо-дворянской партіи, то новые люди выведенные Петромъ В., хотѣли другого: „ловкій Толстой — говоритъ онъ, — судьба коего такъ же, какъ и кн. Меншикова, зависитъ вполнѣ онъ положенія царицы, съумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія (среди вельможъ). Предложивъ учрежденіе Верховнаго Совѣта, предсѣдательницей коего должна быть царица и совершенно равноправными членами — главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть государыни въ настоящемъ, и нѣкоторымъ образомъ удовлетворилъ партіи".

Какъ это часто бываетъ въ жизни, къ новому учрежденію обращалось вниманіе людей разныхъ партій и убѣжденій и каждый надѣялся извлечь изъ него для своей партіи все, что можно. Характерно также, что всѣ извѣстія эпохи показываютъ ясно, что современники отлично понимали политическое значеніе новаго учрежденія, самъ-же Совѣтъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности хотѣлъ сосредоточить въ себѣ все верховное управленіе страною (какъ это, между прочимъ, видно изъ знаменитаго 3-ьяго пункта „мнѣнія не въ указъ“, непринятаго императрицею[1]), но въ царствованіе Екатерины I это ему удалось еще далеко невполнѣ; при Петрѣ-же II онъ уже совершенно завладѣлъ всею властію въ государствѣ, благодаря молодости и безпечности Петра II. Неудивительно поэтому, что, когда, наконецъ, стремленія учрежденія къ политическому господству увѣнчались ко времени кончины Петра II полнымъ, хотя и кратковременнымъ, успѣхомъ, Совѣтъ захотѣлъ de jure, въ извѣстныхъ „кондиціяхъ“ Аннѣ, закрѣпить свое положеніе. Это и удалось, какъ извѣстно, Совѣту: выбранная на всероссійскій престолъ герцогиня Курляндская Анна Іоанновна приняла эти условія, ограничивающія ея власть и, согласившись первоначально на всѣ предложенія Совѣта, подписала эти безпримѣрныя въ нашей исторіи „кондиціи“. Члены В. Т. Совѣта, замыслившіе ограниченіе власти императрицы въ пользу Совѣта, могли, повидимому, торжествовать. Однако, торжество это продолжалось весьма недолго: въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г. была избрана Анна Іоанновна на всероссійскій престолъ, въ письмѣ изъ Митавы отъ 28 января вновь избранная императрица извѣстила Совѣтъ о принятіи ею кондицій, а 25 февраля — „кондиціи“ были уже разорваны и императрица „воспріяла самодержавіе“. Остановимся кратко на обстоятельствахъ, пред-

---

1) Приведемъ, для наглядности, этотъ 3-й пунктъ въ обѣихъ редакціяхъ, первоначальной, отвергнутой императрицею, и новой, ея принятою:

Первоначальная редакція:

„Никакимъ указамъ прежде не выходить, пока оные въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и Ея Величеству, для всемилостивѣйшей апробаціи, прочтены не будутъ, и потомъ могутъ оные, по учиненному здѣсь опредѣленію отъ д. ст. сов. Степанова закрѣплены и отправлены быть“ . . .

Принятая редакція:

„Чтобы о важныхъ дѣлахъ, поставя протоколы и на мѣрѣ, и, не подписавъ напередъ, для апробаціи къ Ея Имп. Величеству взносить, — одной, по случаю смотря, по важности дѣла, и двумъ персонамъ, присутствующимъ отъ того Верховнаго Тайнаго Совѣта, — и какъ уже Ея Им. Величество изволить апробовать, тогда подписывать и въ дѣйство производить“.

шествовавшихъ выработкѣ указанныхъ кондицій. Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г., когда скончался Петръ II, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта собрались обсудить вопросъ о наслѣдіи престола. Наиболѣе даровитый и энергичный между членами, кн. Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, — всегда съ негодованіемъ смотрѣвшій на бракъ Петра съ женщиной худородной, около которой, въ свою очередь, играли роль худородные выскочки-вельможи, — рѣшилъ предложить Совѣту отнять наслѣдіе престола изъ рода Петра В. и передать его линіи его брата Іоанна, въ лицѣ его дочери Анны, герцогини Курляндской. Когда предложеніе о выборѣ Анны Іоанновны было принято, Голицынъ обратился къ Совѣту съ такою рѣчью: „понеже кончиною Петру II мужское колѣно Петра В. пресѣклось, Россія же весьма много претерпѣла отъ самодержавной власти, подкрѣпленной толпою иностранцевъ, коихъ Петръ привлекъ въ русское государство, то надлежитъ сію безмѣрную власть ограничить добрыми законами и не иначе подносить самодержавіе новой императрицѣ, какъ подъ извѣстными условіями“. Всѣ члены согласились съ этимъ мнѣніемъ, осуществленіе котораго казалось совершенно возможнымъ, такъ какъ жизнь Анны Іоанновны въ Митавѣ была довольно незавидна. Еще при Петрѣ В., въ 1710 г., выдана была Анна Іоанновна за Курляндскаго герцога Фридриха-Вильгельма, чтобы такимъ „аліансомъ“ связать съ Россіею крѣпче Курляндію, но герцогъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, и положеніе Анны Іоанновны, въ теченіе 19 лѣтъ жизни ея въ Курляндіи, было печально: она жила въ чуждой ей обстановкѣ, въ странѣ, еще оспаривавшейся у Россіи сосѣдями, весьма мало обезпеченная матеріально. Зная все это, верховники могли разсчитывать на успѣхъ предпріятія, тѣмъ болѣе, что характеръ Анны Іоанновны казался уступчивымъ, а нѣкоторыя ея „курляндскія отношенія“ никого еще тогда не страшили. Условія ограниченія самодержавія были очень обширны и всѣ они сводились къ ограниченію въ пользу В. Т. Совѣта (состоявшаго изъ 2-хъ Голицыныхъ, 4-хъ Долгорукихъ, канцлера Головкина и Остермана). Такъ Анна Іоанновна обязывалась „всегда содержать“ В. Т. Совѣтъ въ „восьми персонахъ“ и безъ его согласія „ни съ кѣмъ войны не вчинять, миру не заключать, подданныхъ податями но отягощать, не жаловать знатныхъ чиновъ (выше полковника), у шляхетства живота, имѣнія и чести не отнимать, въ супружество не вступить, наслѣдника не назначать“ и пр. („а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны россійской“, говорилось въ заключеніи „кондицій“).

Анна Іоанновна, какъ извѣстно, приняла эти безпримѣрныя у насъ олигархическія ограниченія самодержавія; но, въ

обществѣ, какъ высшемъ, сановномъ — Сенатѣ, Синодѣ и генералитетѣ, — такъ и въ средне-дворянскомъ, шляхетскомъ, поднялась громадная оппозиція замысламъ верховниковъ: не говоря уже о томъ, что высшій военно-придворный кругъ не могъ, съ своей личной точки зрѣнія, примириться съ тѣмъ, что вся власть отдавалась только 8 лицамъ и притомъ безъ равенства 2-хъ партій, обозначившихся съ Петра В. (6 были представителями знатныхъ фамилій и только 2 — обширнаго круга новыхъ людей, выдвинутыхъ преобразованіемъ), среднимъ дворянствомъ также было ясно понятно, какая опасность грозитъ отечеству отъ водворенія олигархіи. Вслѣдствіе этого въ среднемъ дворянствѣ произошло движеніе противъ замысловъ верховниковъ. Въ В. Т. Совѣтъ стали поступать отъ дворянства проекты, имѣвшіе цѣлію вырвать власть изъ рукъ верховниковъ и передать ее всему шляхетскому обществу или „общенародію“, какъ выражаются проекты [1]), при чемъ одни изъ этихъ проектовъ имѣли въ виду совсѣмъ упразднить В. Т. Совѣтъ, поставивъ вмѣсто него Сенатъ, составленный изъ дворянъ, другіе-же — войти съ Совѣтомъ въ компромиссъ, увеличивъ число его членовъ другими фамиліями. На ряду съ средне-шляхетскою партіею, оспаривавшею власть у верховниковъ, явилась новая, предводимая Остерманомъ, архіеп. Ѳеофаномъ и др., которая стремилась возвратить Аннѣ Іоанновнѣ самодержавіе. Верховники, съ одной стороны, не съумѣли, войдя въ компромиссъ, привлечь на свою сторону средне-шляхетскую партію, съ другой-же — не успѣли помѣшать партіи Остермана и Ѳеофана представить Аннѣ Іоанновнѣ ихъ дѣло ограниченія самодержавія, какъ дѣло непопулярное и олигархическое. При этомъ верховники, въ періодъ отъ 19-го января до 25-го февраля 1730 г., когда вся власть была въ ихъ рукахъ, рядомъ нерѣшительныхъ и вмѣстѣ безтактныхъ дѣйствій успѣли вооружить противъ себя весьма многихъ. Всѣмъ этимъ очень искусно воспользовалась Анна Іоанновна: 25-го февраля она собственноручно разорвала „кондиціи“, а 28-го февраля явился манифестъ о ея самодержавіи. Верховники же жестоко поплатились позднѣе за свои стремленія.

Въ литературѣ вопроса различно смотрятъ какъ на происхожденіе „кондицій“ Аннѣ Іоанновнѣ, такъ и на значеніе, какое имѣло это ограниченіе самодержавія въ пользу В. Т.

1) Интересное изслѣдованіе попытки верховниковъ, основанное частію на неизвѣстныхъ ранѣе архивныхъ данныхъ, принадлежитъ проф. Д. А. Корсакову „Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны“ (Казань, 1880 г.); ср. также мою „Исторію Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета“ Ч. I Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта), Юрьевъ, 1895 г., т. I и статью П. Н. Милюкова „Верховники и шляхетство“ („Изъ исторіи русской интеллигенціи“ С.-П., 1902 г.).

Совѣта. Что касается происхожденія „кондицій“ то, обыкновенно, думаютъ, что „кондиціи“ были взяты со шведскаго образца и что верховники стремились „одѣться въ шведское платье“. Не отрицая вліянія шведскаго государственнаго устройства на образъ мыслей кн. Д. М. Голицына, надо, однако, на нашъ взглядъ, принять во вниманіе то обстоятельство, что дѣятельность В. Т. Совѣта въ царствованіе Екатерины I, и особенно — Петра, была такова, что прямо наводила Совѣтъ на мысль закрѣпить за собою de jure то, что ему de facto и безъ того принадлежало. Шведскій образецъ потому и пригодился для верховниковъ, что въ немъ кратко и точно было кодифицировано все то, чѣмъ уже владѣлъ Совѣтъ задолго до призванія Анны на престолъ. Далѣе, большинство ученыхъ справедливо смотритъ на „кондиціи“, какъ на олигархическую затѣю, участники которой хотѣли закрѣпить верховную власть за В. Т. Совѣтомъ. Этотъ взглядъ на „кондиціи“ былъ очень распространенъ и среди современниковъ событія и никому иному, какъ знаменитому А. П. Волынскому, приписываются, напр., слова, что „Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя, 10 самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и будемъ принуждены горше пержняго идолопоклонничать и милости просить“.[1]). Иначе смотритъ на вопросъ П. Н. Милюковъ, полагающій, что „въ цѣляхъ задуманнаго переворота не было ничего олигархическаго“; эту мысль раздѣляетъ также В. Е. Якушкинъ, думающій, что верховники „преслѣдовали нетолько свои личныя цѣли, имѣли въ виду не созданіе олигархіи, а введеніе опредѣленнаго конституціоннаго строя на аристократическихъ основахъ“. Поскольку, однако, цѣли ихъ реформы раскрылись въ самихъ „кондиціяхъ“, онѣ, несомнѣнно, были олигархическаго характера. Гадать-же о томъ, насколько склонны были-бы въ будущемъ верховники подѣлиться властію съ

1) Также отрицательно относился къ попыткѣ верховниковъ и кн. М. М. Щербатовъ, стоявшій, однако, вообще за участіе дворянства въ правленіи государствомъ, и относился отрицательно именно потому, что видѣлъ здѣсь олигархическое притязаніе на власть. Въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, говоря о разсужденіяхъ В. Т. Совѣта, по вопросу объ избраніи Анны, онъ добавляетъ: „уже собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели-бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, т. е. учинить основательные (основные) законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили, тако, уменьшая излишнюю власть монарха, предавали (ее)..., вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ вельможъ и, вмѣсто одною, толпу государей учиняли“ („Сочиненія кн. М. М. Щербатова“, т. II, стр. 182).

шляхетствомъ, — которое добивалось участія въ управленіи и съ которыми кн. Д. М. Голицынъ и другіе члены В. Т. Совѣта не съумѣли вовремя сговориться, — не приходится, такъ какъ сами „кондиціи“ были скоро уничтожены и политическая роль нашего дворянства надолго замерла совершенно.

Краткій обзоръ плановъ представительства, явившихся въ XVIII в.

Несмотря на то, что замыслы верховниковъ потерпѣли полное крушеніе, въ послѣдушія годы XVIII вѣка продолжали являться проекты реформъ, основанные главнымъ образомъ на стремленіи привлечь къ управленію государствомъ дворянское представительство. Таковъ былъ во 1-хъ „Генеральный проектъ“ знаменитаго кабинета-министра А. П. Волынскаго, недошедшій, впрочемъ, до насъ въ подлинникѣ и извѣстный только по показаніямъ, какія сдѣлалъ о немъ самъ авторъ во время слѣдствія надъ нимъ въ 1740 г. По этому проекту въ составъ верховнаго правительства должны были входить представители дворянства. Таковъ былъ, затѣмъ, планъ В. Н. Татищева, по которому государственное устройство выражается въ двухъ палатахъ: первая, состоящая изъ 21 члена, именуется „Вышнимъ правительствомъ“, вторая „нижнимъ и состоитъ изъ 100 чел.; первая является законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, вторая — вѣдаетъ государственное хозяйство и администрацію. Обѣ палаты, объединяясь въ одну, пополняютъ свой составъ и выбираютъ на высшія должности въ государствѣ. Палаты не ограничиваютъ самодержавія, а служатъ „для помощи Ея Величеству“. Наконецъ, проектъ Н. И. Панина, носившій названіе „Уставъ Верховному правительству“ имѣлъ цѣлію создать, по шведскому образцу, Государственный Совѣтъ, какъ „верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе“. Этотъ Совѣтъ, составленный изъ 6 императорскихъ совѣтниковъ, взятыхъ изъ представителей высшей знати, долженъ былъ раздѣлять верховную власть съ императрицею и являться сосредоточіемъ законодательства и верховнаго управленія. Надо при этомъ замѣтить, что проектъ этотъ очень искусно скрывалъ свою ограничительную тенденцію, подъ видомъ укрѣпленія самодержавія. Однако, какъ большинство современниковъ, такъ и сама Екатерина II поняли его внутренній смыслъ и проектъ Панина былъ отвергнутъ Екатериною. Позднѣе Н. И. Панинъ хотѣлъ создать особый Верховный Сенатъ, большая часть котораго избиралась-бы дворянствомъ въ особыхъ сословныхъ собраніяхъ. Изъ другихъ проектовъ дворянскаго, по преимуществу, представительства въ управленіи государствомъ, заслуживаетъ вниманія проектъ, изложенный въ сочиненіи кн. М. М. Щербатова „Путешествіе въ землю

Офирскую"; онъ былъ написанъ въ 1783—84 гг. Надо вообще отмѣтить, что кн. Щербатовъ, извѣстный историкъ XVIII в. и депутатъ Екатерининской комиссій, оставилъ нѣсколько весьма интересныхъ трактатовъ политическаго характера. Указанное „Путешествіе" представляетъ чрезвычайно любопытный опытъ россійской „утопіи", проекта идеальнаго устройства государства въ какой-то „Офирской землѣ", подъ которою надо разумѣть Россію конца XVIII вѣка. Въ Офирской землѣ страною правитъ наслѣдственный императоръ съ помощью „Верховнаго Совѣта", „Вышняго правительства" и „Законодательной комиссіи". „Вышнее правительство" вѣдаетъ верховную законодательную, административную и судебную власть въ государствѣ и состоитъ какъ изъ дворянскихъ, такъ и купеческихъ депутатовъ (съ преобладніемъ, впрочемъ, по числу, первыхъ), причемъ депутатами отъ купцовъ могли быть нетолько купцы, но также мѣщане и ученые. Законодательная комиссія составляетъ проекты законовъ; она выбирается „Вышнимъ правительствомъ", которому и представляетъ свои законопроекты; „Вышнее правительство" имѣетъ право до 3-хъ разъ ихъ передѣлывать, если находитъ ихъ несогласными съ своими мнѣніями. Въ случаѣ непринятія законопроектовъ въ 4-ый разъ, они разсматриваются въ губерніяхъ особыми выборными собраніями, собирающимся разъ въ 3 года, гдѣ баллотируются; при этомъ „Вышнее правительство" должно было утвердить проекты, принятые большинствомъ выборныхъ собраній.

Большею широтою взглядовъ, чѣмъ указанные проекты, отличается проектъ проф. Десницкаго, который строилъ свое представительство на призывѣ *всѣхъ* сословій, при чемъ, по примѣру Англіи, предполагалъ дозволить посылать своихъ депутатовъ университетамъ, училищамъ и проч. Этотъ проектъ былъ представленъ Екатеринѣ II С. Е. Десницкимъ въ 1768 г., т.-е. на другой годъ послѣ открытія въ Москвѣ дѣйствій комиссіи о составленіи новаго Уложенія. С. Е. Десницкій былъ, какъ извѣстно, первымъ *русскимъ* профессоромъ права въ Московскомъ университетѣ, читавшимъ *порусски*, получившимъ степень доктора правъ въ г. Глазго и сдѣлавшимся затѣмъ, по словамъ одного его біографа, „отцомъ природной *русской* юриспруденціи". Въ то время, какъ Екатерина II, созвавъ для спеціальной цѣли свою знаменитую законодательную комиссію, нашла необходимымъ распустить ее навсегда уже въ концѣ 1768 г., проф. Десницкій въ началѣ того же года (въ февралѣ мѣсяцѣ) рекомендовалъ императрицѣ создать *постоянный* законодательный корпусъ, который, подъ наименованіемъ Сената, долженъ былъ вмѣщать въ себѣ отъ 600 до 800 персонъ. „Сіи люди, — говоритъ онъ — „могутъ, по соизволенію монарховъ, выбираемы быть изъ земельныхъ владѣльцевъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, сверхъ

сего изъ купеческихъ и художественныхъ людей и, наконецъ, изъ духовныхъ и училищныхъ мѣстъ такъ, чтобъ всякая губернія, провинція и корпусы имѣли своего въ законодательной власти представителя, заступника и ходатая, которому бы своихъ согражданъ, соподданныхъ и сосѣдовъ, обстоятельства и жалобы всегда извѣстны были и чрезъ него всему государственному правленію въ Сенатѣ на разсмотрѣніе представляемы были". Авторъ „представленія" указываетъ затѣмъ на порядокъ выборовъ сенаторовъ и опредѣляетъ ихъ компетенцію въ Сенатѣ. Интересно замѣтить, что компетенція эта, въ цѣломъ, весьма походитъ на компетенцію Государственной Думы по „учрежденію" 6 августа 1905 г. Проектъ Десницкаго, какъ ученаго, воспитавшагося въ Англіи, представляетъ вообще не мало интереснаго: авторъ его, видимо, сочувствуетъ англійскому строю, но понимаетъ, что не все, свойственное этому строю, возможно немедленно перенести въ Россію. Заслуживаетъ вниманія также разсужденіе Десницкаго о крѣпостномъ крестьянствѣ, „о узаконеніи финанскомъ", или объ управленіи государственными финансами, и мн. др.[1]). Обозрѣвъ кратко вышеозначенные проекты[2]), замѣтимъ вообще, что они интересны съ двоякой точки зрѣнія: во 1-хъ, какъ показатели взглядовъ общества того времени на формы его участія въ законодательствѣ и управленіи государствомъ, а во 2-хъ, какъ живое свидѣтельство того положенія, что идея о необходимости этого участія никогда не умирала въ новой исторіи нашей, несмотря на то, что старыя учрежденія, построенныя на началахъ представительства, перестали существовать въ XVIII в. Нельзя также не сказать, что проекты эти, въ общемъ, отличались большою умѣренностью.

Краткій обзоръ проектовъ конституцій явившихся въ царствова-

Въ царствованіе Александра I явилось нѣсколько проектовъ конституціи, при чемъ одни изъ этихъ проектовъ (какъ проекты Сперанскаго и Новосильцова) были созданы съ согласія и даже по иниціативѣ самаго государя, молодые совѣтники котораго задумывались надъ коренным преобразованіемъ

1) Проектъ этотъ, напечатанный въ „Запискахъ Им. Академіи наукъ" А. И. Успенскимъ, носитъ наименованіе: „Представленіе объ учрежденіи законодательной, судительной, и наказательной власти въ Россійской имперіи". Сочиненіе С. Е. Десницкаго, съ четырьмя приложеніями. (С.-П., 1905 г.).

2) Большія подробности см. въ сочиненіяхъ В. Г. Щеглова. „Государственный Совѣтъ въ Россіи (Ярославль, 1892 г., т. I; 1895 г., т. II); В. И. Семевскаго „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ XVIII и первой половинѣ XIX в. (Историческое Обозрѣніе, С.-П, 1797 г., т. IX) и В. Е. Якушкина „Государственная власть и проекты государственной реформы" (С.-П., 1906 г.).

ніе Александра I.

государственнаго устройства на началѣ народнаго представительства, другіе-же (какъ проекты декабристовъ) возникли въ средѣ самого общества, уже во вторую половину царствованія Александра I, когда стремленія правительства стали совсѣмъ иныя и конституціонные планы остались безъ выполненія. Остановимся сначала на первыхъ изъ указанныхъ проектовъ. Извѣстно, что въ интимномъ кружкѣ лицъ, стоявшихъ близко къ государю въ началѣ его царствованія весьма внимательно разработывались планы преобразованій и одному изъ членовъ этого кружка („комитета общественной безопасности", какъ его называлъ самъ Александръ) а именно гр. П. А. Строганову принадлежитъ опредѣленіе понятія конституціи, показывающее, что имъ, а равно и другими, раздѣлявшими его мнѣніе, отлично понималась сущность этихъ преобразованій [1]). Но планы эти, — поскольку дѣло шло о народномъ представительствѣ, — остались только предположеніями; мы, однако, имѣемъ, какъ результатъ работы политической мысли данной эпохи, два проекта конституціи: во 1-хъ „Планъ всеобщаго государственнаго образованія" (или „проектъ уложенія государственныхъ законовъ", какъ онъ еще иначе называется), написанный въ 1809 г. М. М. Сперанскимъ, а затѣмъ „Государственную Уставную Грамоту Россійской Имперіи" Н. Н. Новосильцова, явившуюся въ 1818 г. [2]) Сдѣлаемъ, хотя краткій, обзоръ указанныхъ двухъ проектовъ. Что касается „Плана всеобщаго государственнаго образованія", то, по словамъ самаго Сперанскаго, „весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и

---

1) „Конституція есть законное признаніе правъ народа и тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ можетъ ими пользоваться. Для обезпеченія дѣйствительности этихъ правъ должна существовать гарантія, что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Если этой гарантіи не существуетъ, основная цѣль, состоящая въ томъ, чтобъ воспрепятствовать правительству какую либо мѣру, противную истиннымъ интересамъ народа, не можетъ быть достигнута, и конституція не существуетъ".

2) Планъ Сперанскаго впервые напечатанъ цѣликомъ порусски въ 1899 г. (Историческое Обозрѣніе", С.-П., томъ X); отдѣльное изданіе его было сдѣлано журналомъ „Русская Мысль", подъ заглавіемъ „Планъ государственнаго преобразованія гр. М. М. Сперанскаго" и пр. (М., 1905 г.). Грамота Новосильцова напечатана къ приложеніи къ IV тому сочиненія Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I" и въ „Русскомъ Архивѣ" (1905 г. № 5). О планахъ реформъ при Александрѣ I, кромѣ упомянутаго сочиненія Шильдера, см. книгу А. Н. Пыпина „Общественное движеніе при Александрѣ I" (С.-П., 1901 г.) и сочиненія Великаго Князя Николая Михаиловича „Гр. П. А. Строгановъ" (С.-П., 1903 г.) и „Императоръ Александръ I" (С.-П., 1912 г.).

тѣмъ сообщить дѣйствію власти болѣе достоинства". Обширный планъ Сперанскаго имѣлъ въ виду достичь указанной цѣли переустройствомъ всѣхъ учрежденій имперіи, отъ низшихъ до высшихъ, на началѣ народнаго представительства. Начало это проводится въ организаціи цѣлаго ряда выборныхъ учрежденій, или „думъ". Низшую степень составляютъ такъ наз. „волостныя думы", которыя собираются „въ главномъ волостномъ селеніи" каждые три года „изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности". Эти думы выбираютъ членовъ волостнаго суда и правленія, завѣдывающаго дѣлами волости, а затѣмъ депутатовъ въ думу окружную. „Окружныя думы" собираются каждые три года въ окружныхъ (уѣздныхъ) городахъ и выбираютъ членовъ окружнаго совѣта и окружного суда, а равно и депутатовъ въ губернскую думу; окружный совѣтъ завѣтуетъ администраціею округа, а окружной судъ вѣдаетъ въ данной территоріи (въ уѣздѣ) судебную функцію. „Губернскія думы" также собираются черезъ три года въ губернскихъ городахъ и выбираютъ, какъ членовъ губернскаго совѣта и губернскаго суда, такъ и членовъ Государственной Думы „изъ обоихъ сословій, политическія права имѣющихъ", т. е. изъ дворянъ и „средняго состоянія" (по проекту „политическія права имѣютъ всѣ тѣ, кто имѣетъ недвижимую собственность"). Государственная Дума, составленная изъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губернскихъ думъ, есть „законодательное сословіе". Терминъ „Государственная Дума", изобрѣтенный Сперанскимъ, возродился въ недавнее время, но изъ него въ значительной степени вынуто то содержаніе, какое вложилъ въ него его авторъ. Она собирается „по коренному закону, и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ". „Актомъ державной воли" монарха, однако, ея собраніе можетъ быть на годъ отсрочено, а равно она можетъ быть и распущена государемъ. Около Государственной Думы стоятъ Государственный Совѣтъ, — гдѣ составляются и предварительно разсматриваются всѣ законопроекты, поступающіе въ Государственную Думу, — и отвѣтственное передъ Г. Думою Министерство[1]). Такова въ немногихъ словахъ, какъ сущ-

1) Говоря въ своемъ „Планѣ" о недостаткахъ тогдашняго устройства Министерствъ, Сперанскій говоритъ, что „первый недостатокъ есть въ отвѣтственности. Какъ скоро учредится законодательное сословіе (т. е. Государственная Дума) съ правомъ требовать въ положенные сроки отчетовъ, то отвѣтственность министерская сама собою установится; останется только опредѣлить въ учрежденіяхъ Министерства подробныя ей формы." Дѣло установленія этой отвѣтственности на практикѣ не могло, однако, совершиться такъ просто, какъ это казалось ея автору, даже и послѣ созданія Г. Думы.

ность реформы, такъ и организаціи выборовъ по плану Сперанскаго. Многостепенность выборовъ имѣла, очевидно, цѣлію составить Г. Думу изъ людей опытныхъ въ управленіи и пользующихся довѣріемъ мѣстныхъ выборныхъ учрежденій. Характерно также, что всѣ должностныя лица, выполняющія въ провинціяхъ функціи судебныя и административныя, являются выборными. То обстоятельство, что „волостныя думы“ составляются изъ всѣхъ землевладѣльцевъ данной волости, какъ бы говоритъ за всесословность выборовъ, но, такъ какъ, однако, большинство землевладѣльцевъ состояло тогда изъ лицъ дворянскаго сословія, то, въ дѣйствительности, этимъ проектомъ создавалось преобладаніе означеннаго класса въ администраціи, судѣ и, наконецъ, въ законодательномъ собраніи — въ Г. Думѣ. Планъ Сперанскаго для своего времени былъ, во всякомъ случаѣ, замѣчательнымъ памятникомъ права, а авторъ его принялъ всѣ предосторожности, чтобъ въ случаѣ осуществленія его проекта, Россія превратилась въ конституціонную монархію, при чемъ „законодательное сословіе“, т. е. Государственная Дума, „должно быть такъ устроено, чтобъ оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобъ мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное“. Планъ Сперанскаго не былъ извѣстенъ цѣликомъ современникамъ; нѣкоторымъ отраженіемъ этого плана было лишь переустройство Государственнаго Совѣта и Министерствъ, предпринятое Сперанскимъ въ 1810—1811 гг., при чемъ, впрочемъ, въ этомъ переустройствѣ не нашло себѣ уже вовсе мѣста ни начало народнаго представительства, ни принципъ отвѣтственности министровъ.

Обращаясь къ „Государственной Уставной Грамотѣ“ Новосильцова, надо прежде всего замѣтить, что существенная разница ея отъ проекта конституціи, составленнаго Сперанскимъ, состоитъ прежде всего въ томъ, что, если, послѣдній признаетъ единую Государственную Думу, какъ законодательное сословіе, дѣйствующее на пространствѣ всей Россіи, то, по проекту Новосильцова, рядомъ съ „Общимъ Государственнымъ Сеймомъ“, дѣйствуютъ „частныя думы“, или „сеймы намѣстническихъ областей“, и при этомъ вся имперія раздѣляется на области, или намѣстничества, т. е., Новосильцовымъ въ его проектѣ проводится принципъ децентрализаціи управленія, а этотъ принципъ отражается и на организаціи народнаго представительства. Общій Государственный Сеймъ (или Государственная Дума) состоитъ изъ Государя и двухъ палатъ. Первую, подъ именемъ „Высшей Палаты“, образуетъ Сенатъ, вторую, подъ именемъ „Посольской Палаты“, такъ наз. „земскіе послы“ и „депутаты“ окружныхъ (уѣздныхъ) городскихъ обществъ. Общій Сеймъ созывается черезъ 5 лѣтъ; въ него вносятся чрезъ Государствен-

ный Совѣтъ, отъ имени государя, законопроекты, онъ разсматриваетъ бюджетъ, разсуждаетъ о налогахъ и податяхъ по предложеніямъ, вносимымъ по высочайшему повелѣнію и пр. Проектъ закона, принятый одною палатою, „не можетъ быть преобразованъ“ другою; онъ долженъ быть просто принятъ или отвергнутъ; проектъ, принятый обѣими палатами, подносится на утвержденіе государя. Если онъ утверждается государемъ, то „обращается въ законъ“; въ случаѣ неутвержденія, проектъ уничтожается. Нижняя Палата, подъ наименованіемъ „Палаты земскихъ пословъ“, „составляется, по назначенію государя, изъ половиннаго числа пословъ и депутатовъ, въ каждой намѣстнической области Посольскою Палатою изъ среды своей избранныхъ“. Высшая Палата, подъ наименованіемъ Сената, состоитъ изъ великихъ князей и „всѣхъ особъ, кои, удовлетворивъ требуемымъ условіямъ, возведены въ сенаторское достоинство государемъ“. Такъ какъ „Палата земскихъ пословъ“ (Нижняя Палата) назначается изъ пословъ и депутатовъ, избранныхъ „Посольскими Палатами“ намѣстничествъ, то необходимо опредѣлить, какъ составляются эти Палаты. Онѣ составляются, по назначенію государя, изъ $^2/_3$ пословъ и депутатовъ, избранныхъ дворянскими собраніями и гражданскими обществами. Именно, дворяне каждаго уѣзда, владѣющіе собственными недвижимыми имуществами, составляютъ между собою дворянскія общества, на собраніи которыхъ избираютъ трехъ земскихъ пословъ; земскіе послы, такимъ образомъ, члены Сейма отъ дворянства. Что касается „депутатовъ“, то подъ ними разумѣются выборные отъ окружнаго городскаго общества. Къ выбору депутатовъ отъ этого общества допускаются такъ наз. „настоящіе обыватели города“ (лица, имѣющія въ немъ дома, земли и пр.), именитые граждане (люди свободныхъ профессій), купцы и цеховые; исключаются отъ участія въ выборахъ евреи. Что касается намѣстническихъ сеймовъ, то „Высшую Палату“ образуетъ одинъ изъ департаментовъ Сената, находящихся въ главномъ городѣ намѣстничества; вторая, подъ наименованіемъ „Земской Палаты“ „составляется изъ $^2/_3$ избраннаго въ области намѣстничества числа пословъ и депутатовъ, государемъ утвержденныхъ“. Намѣстническіе сеймы разсматриваютъ главнымъ образомъ „всѣ проекты частныхъ законовъ, до каждой области касающихся“, а равно и проекты общихъ законовъ, если они сообщаются имъ, чрезъ Государственный Совѣтъ, императоромъ. Министры и всѣ другія начальствующія лица „подлежатъ отвѣтственности за всякое нарушеніе Уставной Грамоты, законовъ, равно какъ указовъ и повелѣній, отъ государя императора послѣдовавшихъ и, буде-бы оказались въ томъ виновными, то предаются Верховному государственному суду“.

Преданіе суду министровъ совершается Сенатомъ. По сравненію съ проектомъ Сперанскаго, Уставная Грамота представляется во 1-хъ очень сложною; во 2-хъ, по грамотѣ этой, избирательныя собранія выбираютъ лишь кандидатовъ въ члены сеймовъ и изъ нихъ уже высочайшею властію производится назначеніе, т.-е. здѣсь смѣшиваются два принципа — принципъ представительства и принципъ назначенія, что едва-ли допустимо; въ 3-хъ кандидаты въ члены сейма поставлены въ зависимость отъ своихъ выборщиковъ (откуда и ихъ названіе „земскими послами"), снабжающихъ ихъ своими наказами, которые должны затѣмъ разсматриваться сеймами; въ 4-хъ здѣсь менѣе ясно, чѣмъ въ проектѣ Сперанскаго, поставленъ принципъ министерской отвѣтственности.

Изъ конституціонныхъ проектовъ декабристовъ наиболѣе извѣстны „проектъ конституціи Никиты Муравьева", одного изъ вліятельныхъ членовъ такъ наз. „Сѣвернаго Общества" и „Русская Правда" П. И. Пестеля[1]). Авторъ перваго проекта Н. М. Муравьевъ, приступившій къ его сочиненію въ 1821 г., подобно Н. Н. Новосильцову, исходитъ изъ принципа децентрализаціи: Россія въ законодательномъ и административномъ отношеніи дѣлится на 13 державъ и 2 области, подраздѣляемыя на уѣзды (или повѣты). Каждая держава и область получаетъ особое наименованіе и имѣетъ свою особую столицу. Такъ, напр., Ботническая держава имѣетъ столицею Гельсингфорсъ, Волховская — городъ Св. Петра, Днѣпровская — Смоленскъ и пр.; областями являются область Московская, съ столицею Москвою, и область Донская, съ столицею г. Черкасскомъ. „Источникомъ Верховной власти", по автору, является „народъ, которому принадлежитъ право дѣлать основныя постановленія для самого себя". Законодательная власть принадлежитъ Народному вѣчу, состоящему изъ Верховной Думы и Палаты народныхъ представителей. Палата народныхъ представителей составляется „изъ членовъ, выбранныхъ на 2 года гражданами державъ", при чемъ каждыя 50 тысячъ обывателей мужескаго пола посылаютъ по одному представителю. Верховная Дума состоитъ изъ 3 гражданъ каждой державы, двухъ гражданъ

---

1) Текстъ проекта конституціи Н. М. Муравьева напечатанъ въ соч. В. Е. Якушкина „Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи (С.-П., 1906 г.); текстъ проекта П. И. Пестеля изданъ отдѣльно, подъ заглавіемъ „Русская Правда, Наказъ Временному Верховному Правленію" (С.-П., 1906 г.). Обзоръ конституцій декабристовъ см. также въ кн. М. В. Довнаръ-Запольскаго „Идеалы декабристовъ (М., 1909 г.) и особенно въ обширномъ изслѣдованіи В. И. Семевскаго „Политическія и общественныя идеи декабристовъ" (С.-П., 1909 г.).

Московской и 1 — Донской областей. Правительствующая власть каждой державы поручается правительствующему собранію, состоящему изъ „Палаты выборныхъ“ и изъ „Державной Думы“ Члены первой выбираются гражданами на 1 годъ, члены второй — на 4 года. Избиратели должны имѣть цензъ въ недвижимости не ниже 5 т. рублей, или въ движимости — не ниже 10 т. руб. Что касается центральнаго представительнаго собранія — Народнаго вѣча, то его „Верховная Палата“ избирается правительственными сословіями державъ, т. е. соединеннымъ собраніемъ „Палаты выборныхъ и Державной Думы“, Палата-же представителей — гражданами державъ, при чемъ опредѣленъ особый цензъ, возрастъ представителей и пр. Народное вѣче имѣетъ власть законодательную и исполнительную, можетъ распускать правительственныя собранія державъ, въ случаѣ превышенія ими предѣловъ своей компетенціи, разсматриваетъ бюджетъ и пр., но не имѣетъ права отмѣнить конституцію, или создать новые конституціонные законы (право на это принадлежитъ особому учрежденію — Народному Державному Собору). Что касается власти императора, то она наслѣдственна и переходитъ отъ отца къ сыну. Императоръ имѣетъ право пріостанавливать дѣйствіе законодательной власти и принуждать ее ко вторичному разсмотрѣнію законопроектовъ; онъ верховный начальникъ войска, онъ назначаетъ посланниковъ, министровъ и т. д. Императоръ безотвѣтственъ, но министры отвѣтственны. Императоръ, при вступленіи на престолъ, приноситъ присягу на вѣрность конституціи. Надо затѣмъ отмѣтить, что всѣ административныя и судебныя должности въ державахъ являются выборными. Проектъ Муравьева отличается сложностью и нашъ бѣглый очеркъ не воспроизводитъ всего его содержанія; замѣтимъ лишь въ заключеніе, что онъ идетъ дальше проекта Сперанскаго и Новосильцова въ ограниченіи власти государя, имѣя сходство съ послѣднимъ въ томъ только отношеніи, что строитъ представительство народное на федеративныхъ началахъ, чего не знаетъ планъ Сперанскаго.

„Русская Правда“ Пестеля не дошла до насъ цѣликомъ и въ ней недостаетъ ученія объ организаціи верховной власти и правительственныхъ учрежденій, объ устройствѣ юстиціи, полиціи, войска, финансовъ и пр., но, однако, и тѣ части, какія были написаны (о территоріи, о племенахъ, о сословіяхъ, о народѣ въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи), позволяютъ судить объ общемъ направленіи мыслей автора проекта. Такъ, въ противоположность проектамъ Новосильцова и Муравьева и въ согласіи съ планомъ Сперанскаго, Пестель доказываетъ, что „Россія есть государство единое и нераздѣлимое“, что „федеративное образованіе государства было-бы для нея пагубно“,

почему „всякая мысль о федеративномъ для него (государства) устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло". „Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ" (кромѣ евреевъ). Что касается формы правленія, то, по всѣмъ даннымъ, авторъ проекта думалъ о введеніи въ Россіи республиканскаго правленія. Авторъ разсматриваетъ свою „Русскую Правду", какъ „Наказъ Временному Верховному Правленію", которое должно быть образовано, чтобъ создать будущую форму правленія, при чемъ, по его мнѣнію, необходимо „приступить къ преобразованію государства постепенными мѣропріятіями". „Всѣ происшествія въ Европѣ, въ послѣднемъ полустолѣтіи случившіяся" (Р. Правда написана въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія), — говоритъ Пестель — „доказываютъ, что народы, возмечтавшіе о возможности внезапныхъ дѣйствій и отвергнувшіе постепенность въ ходѣ государственнаго преобразованія, впали въ ужаснѣйшіе бѣдствія и вновь покорены игу самовластія и беззаконія"[1]).

Давая обзоръ вышеуказанныхъ проектовъ конституцій, мы коснулись главнымъ образомъ организаціи въ нихъ народнаго представительства; въ нихъ, однако, находится немало интересныхъ постановленій и относительно отдѣльныхъ видовъ гражданской свободы (свободы совѣсти, слова, печати, собраній и пр.), при чемъ, впрочемъ, эти постановленія весьма неравномѣрно распредѣляются по отдѣльнымъ проектамъ.

§ 3.

Участіе выборныхъ въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII вѣка.

Вопросъ объ участіи выборныхъ въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII в. до Екатерины II.

Если въ XVIII в. время отъ времени появлялись проекты, авторы которыхъ требовали, въ той или иной формѣ, участія общественныхъ силъ въ законодательствѣ и управленіи, то, наряду съ этимъ, и самимъ правительствомъ дѣлались иногда попытки призыва населенія къ работѣ въ законодательныхъ кодификаціонныхъ комиссіяхъ. До Екатерины II этотъ призывъ проявился, впрочемъ, въ очень скромныхъ размѣрахъ. Въ 1722 г. Се-

1) О „Русской Правдѣ" Пестеля, кромѣ упомянутыхъ въ примѣченіи на стр. 624 сочиненій М. В. Довнаръ — Запольскаго и В. И. Семевскаго, см. ст. Б. И. Сыромятникова „Политическая доктрина „Наказа" П. И. Пестеля (Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, М., 1909 г., часть II, стр. 649 и сл.).

натъ предписалъ, напр., выбрать въ комиссію, составлявшую Уложеніе, 10 человѣкъ изъ офицеровъ и дворянъ. Эта была, несомнѣнно, весьма незначительная попытка обращенія къ содѣйствію общества, но и она не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Сенатъ скоро отмѣнилъ свой указъ и предписалъ герольдмейстеру выбрать въ комиссію 10 подъячихъ. Затѣмъ, въ царствованіе Петра В. не было больше случаевъ призыва общества въ работавшія при немъ законодательныя комиссіи. Интересно, однако, отмѣтить, что мысль о такомъ призывѣ, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, была высказана въ царствованіе Петра В. знаменитымъ крестьяниномъ-публицистомъ Ив. Посошковымъ, который въ своей книгѣ „О скудости и богатствѣ“ находилъ, что необходимо созвать З. Соборъ для составленія новаго Уложенія, но мысль эта не была приведена въ исполненіе. Посошковъ полагалъ, что „къ составленію судебной книги“ (т. е. Уложенія) надо призвать выборныхъ отъ духовенства, отъ дворянства и отъ всѣхъ другихъ „чиновъ“ (классовъ общества), не исключая и крестьянъ, такъ какъ, говорилъ онъ, „мнится мнѣ, что не худо-бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали и во всякихъ нуждахъ пребывали, и въ разумѣ смысленные. Я видалъ, что въ мордвѣ разумные люди есть, то, какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ?“ Посошковъ, согласно съ исторической ролью З. Собора, вполнѣ справедливо при этомъ думалъ, что его предложеніе нисколько не посягаетъ на самодержавную власть монарха: „азъ“, говоритъ онъ, „не снижаю Его Величества самодержавія народосовѣтіемъ“. „Ради истинныя правды“, онъ считалъ, однако, необходимымъ „ту книгу (Уложеніе) вольнымъ голосомъ освидѣтельствовать, дабы всякая статья (закона) ни отъ кого порочена не была, но всякъ бы себя выстерегъ и чтобъ впредь никому спорить было неможно“, т. е., авторъ, въ интересѣ авторитета будущаго „Уложенія“, предлагалъ обсудить каждую статью на З. Соборѣ, чтобъ затѣмъ представить ее на усмотрѣніе монарха, „да разсмотритъ (ее) его умная острота“. . . При Екатеринѣ I въ 1725 г. было Пр. Сенатомъ предписано выбрать въ комиссію объ Уложеніи 3 членовъ, одного отъ военной коллегіи и 2-хъ — отъ Главнаго Магистрата. При Петрѣ II въ четвертую комиссію 1728 г. также были призваны выборные члены, а именно В. Т. Совѣтомъ повелѣвалось „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ отъ шляхетства“. Это возвращеніе, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, къ выборному началу не было, однако, удачно въ названной 4-ой комиссіи,

такъ какъ къ 1-му сентября 1728 г., на которое созывались выборные въ Москву, не явилось ни одного человѣка. Сенатъ посылалъ подтвержденіе за подтвержденіемъ, но выборныя лица, или, по осмотрѣ, оказывались глухи, слѣпы и дряхлы, или же „всемѣрно“ уклонялись отъ поѣздки въ Москву, несмотря на обѣщаніе жалованья отъ правительства и очень строгія мѣры понужденія къ пріѣзду въ Москву. Такъ, за выборными посылали солдатъ, отписывали ихъ мнѣнія на государя; было дано даже предписаніе относительно одного изъ выборныхъ: „ежели онъ укроется, то взять жену его и привести въ губернскій городъ подъ карауломъ, а если и она тоже будетъ укрываться, то за преслушаніе . . . . имѣніе отписать на государя и людямъ ихъ и крестьянамъ ни въ чемъ ихъ не слушать“. Такими мѣрами удалось къ концу ноября собрать въ Москву изъ 40 человѣкъ — 24. Но и пріѣхавшіе оказались неспособными къ дѣлу; весной ихъ отпустили по домамъ, приказавъ губернаторамъ, чтобы они сами, согласясь съ дворянами, выбрали другихъ „знатныхъ и добрыхъ людей, которые-бы къ тому дѣлу были достойны“, но о послѣдствіяхъ этой мѣры сохранилось мало свѣдѣній. Повидимому, общество того времени не смотрѣло серьезно на дѣло, порученное означенной комиссіи, а потому и отнеслось къ ней такъ безучастно.

Въ 1761 г., въ царствованіе Елизаветы Петровны, засѣдавшая тогда комиссія объ Уложеніи, вошла 1 марта въ Сенатъ съ представленіемъ о необходимости усилить составъ комиссіи выборными членами, при чемъ сослалась на бывшіе прежде примѣры: „а паче по примѣру прежде сочиненнаго въ 157 г. (1649 г.) Уложенія, при которомъ, какъ Пр. Сенату извѣстно, находилось множественное число“ (депутатовъ). Пр. Сенатъ, указомъ отъ 29 марта, предписалъ „къ слушанію того Уложенія изъ городовъ изъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, а также Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній), выслать штабъ и оберъ-офицеровъ, происшедшихъ изъ дворянъ и знатнаго дворянства“, а также и изъ купечества, причемъ дворяне посылаютъ по 2 депутата отъ каждой провинціи, купцы-же — по одному. Губернаторы не должны были вмѣшиваться въ выборы, подъ угрозою штрафа. Затѣмъ тотъ-же указъ предоставлялъ Св. Синоду выбрать и прислать депутатовъ изъ духовныхъ лицъ. Выборные должны были съѣхаться въ Петербургъ къ 1 января 1762 г., но въ теченіи января ихъ собралось не болѣе 27 чел., „остальные же“, — какъ замѣчаетъ авторъ спеціальнаго изслѣдованія о „Законод. комиссіяхъ XVIII в.“ В. Н. Латкинъ — „нетолько не явились, но многіе изъ нихъ даже и не потрудились объяснить причинъ своей неявки“. Впрочемъ, депутаты продолжали, хотя и медленно, собираться въ слѣдующіе

мѣсяцы, но такъ какъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ были неявившіеся, то комиссія, — потребовавъ ихъ прибытія въ Петербургъ черезъ 3 дня по полученіи указа, — сдѣлала такое постановленіе: „а за то, что они не явились во время, слушать ихъ крестьянамъ ихъ запретить и никакихъ оброковъ съ ихъ крестьянъ сбирать не допускать“. Несмотря на эту угрозу, выборные не явились въ полномъ числѣ и во второй половинѣ 1762 г., а 13 января 1763 г. комиссія была распущена; о трудахъ-же собравшихся депутатовъ нѣтъ свѣдѣній. Такимъ образомъ и этотъ второй призывъ выборныхъ въ законодательную комиссію окончился неудачно и выборные не показали никакого рвенія къ дѣлу, для котораго ихъ призывали, вѣроятно, по тѣмъ-же причинамъ, на которыя мы указывали, говоря о неуспѣхѣ комиссіи 1728 г. Весьма широко былъ поставленъ вопросъ о призывѣ общества въ законодательную комиссію при Екатеринѣ II, почему и само общество откликнулось весьма живо на этотъ призывъ, охотно выславъ своихъ представителей въ Москву. Въ общемъ, всѣ указанные выше случаи призыва населенія къ законодательной работѣ въ XVIII в., до Екатерины II, производятъ тяжелое впечатлѣніе, какъ потому, что у правительства нѣтъ желанія широко поставить дѣло, такъ и потому, что населеніе отвыкло отъ мысли о желательности его участія въ указанной работѣ и мало вѣрило въ успѣшность этого участія. Сравнительно съ эпохою дѣятельности З. Соборовъ, 60 первыхъ лѣтъ XVIII вѣка представляются совершенно безцвѣтными. Иначе ставится вопросъ объ участіи населенія въ выработкѣ проекта Новаго Уложенія при Екатеринѣ II, когда, по манифесту 14 декабря 1766 г., ею созывалась на слѣдующій годъ знаменитая Комиссія выборныхъ. Комиссія эта, какъ извѣстно, не выработала указаннаго проекта и была уже въ концѣ 1768 г., впредь до созыва распущена, но, однако, этого созыва никогда затѣмъ не послѣдовало. Неудача комиссіи не умаляетъ, впрочемъ, ея важнаго значенія и прежде всего потому, что Екатериною II была сдѣлана попытка призвать въ комиссію различные общественные круги того времени. Послѣдствіемъ этого, въ свою очередь, было то, что населеніе могло довольно полно представить и защищать въ Комиссіи свои интересы. Объ этихъ интересахъ свидѣтельствуютъ какъ пренія, происходившія въ засѣданіи Большой Комиссіи, такъ еще болѣе — многочисленные наказы, полученные тогда депутатами отъ своихъ выборщиковъ. Ввиду вышесказаннаго, Екатерининская Комиссія имѣетъ интересъ нетолько какъ кодификаціонная комиссія, но и какъ собраніе, въ которомъ, впервые въ XVIII в., было, въ широкомъ масштабѣ, дано мѣсто народному представительству. На краткомъ очеркѣ того, какъ были организованы вы-

боры въ этомъ собраніи и какіе интересы представляли здѣсь выборные, мы и остановимся теперь.

Организація выборовъ въ Екатерининскую Комиссію 1667 г. Краткій обзоръ депутатскихъ наказовъ.

Обращаясь къ вопросу объ организаціи выборовъ въ Комиссію 1767 г., надо прежде всего замѣтить, что здѣсь Екатерина II должна была, естественно, держаться той исторической почвы, т. е. тѣхъ сословныхъ подраздѣленій, какія были у насъ налицо во 2-ой половинѣ XVIII вѣка. Однако, при этомъ ею были сдѣланы нѣкоторыя отступленія отъ наслѣдія времени, навѣянныя западно-европейскими ученіями, воспринятыми Екатериною II. Несомнѣнно, слѣдуя историческимъ условіямъ страны, Екатерина II призвала выборныхъ отъ сословій — дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей, а, отступая отъ нихъ — исключила изъ числа выборныхъ духовное сословіе, отчего произошли многія неудобства, когда дѣло касалось вопросовъ, относившихся къ духовенству. Такое отношеніе къ цѣлому сословію, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевича — „черта, понятная въ государынѣ, которая такъ дорожила добрымъ мнѣніемъ Вольтера“ (присутствовавшій въ Комиссіи митрополитъ Новгородскій Димитрій былъ представителемъ не духовенства, какъ сословія, а Синода, какъ государственнаго учрежденія, наравнѣ съ представителями Сената, Коллегій и т. д.).

Далѣе, самъ, принципъ, сословности при выборахъ не былъ проведенъ тогда вполнѣ послѣдовательно. Такъ, депутаты отъ Петербурга и Москвы выбирались всѣми сословіями этихъ городовъ; de facto ихъ представителями въ Большой Комиссіи явились представители тогдашней знати (графъ А. Орловъ — для Петербурга и князь Голицынъ — для Москвы), конечно, немогшіе вполнѣ знать разнообразныхъ интересовъ купцовъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ обывателей. Вообще, выборы отъ городовъ страдали важными недостатками, вытекавшими изъ самого плана, даннаго Екатериною. Жители города выбирали по одному депутату, между тѣмъ какъ русскій городъ XVIII вѣка далеко еще не выработалъ особаго типа горожанина, снабженнаго со стороны государства общими правами и несущаго общія обязанности, хотя попытки къ этому дѣлаются уже съ Петра В. Поэтому невозможно было ожидать, чтобы одинъ городской выборный могъ вполнѣ представлять интересы купцовъ, цеховыхъ, мѣщанъ, ямщиковъ и другихъ городскихъ обывателей. Нѣкоторые города рѣшались сами присылать по нѣсколько депутатовъ, какъ это, напр., было сдѣлано Астраханью, съ ея обширнымъ, разноплеменнымъ населеніемъ, или Нѣжиномъ, и др.

Выборы отъ сельскаго свободнаго населенія также были организованы не вполнѣ удовлетворительно. По „Обряду“ выборовъ, это населеніе посылало депутатовъ отъ однодворцевъ, нахатныхъ солдатъ и черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, которыми однако, сельское населеніе далеко еще не исчерпывалось (такъ не вошли въ число выборщиковъ такъ наз. половники, крестьяне, приписанные къ заводамъ, и т. д.).

Отмѣчая эти, какъ и нѣкоторые другіе недостатки въ организаціи выборовъ, надо, однако, сказать, что они происходили всего болѣе вслѣдствіи несовершеннаго знанія законодателями тѣхъ дѣйствительныхъ, сословныхъ и классовыхъ, дѣленій, какія существовали тогда на Руси, чѣмъ отъ нежеланія видѣть передъ собою всѣ интересы, хорошо и серьезно представленными. Совершенно напротивъ, многое заставляетъ думать, что законодательница серьезно хотѣла привлечь въ Комиссію наиболѣе выдающіяся силы населенія. Это прежде всего видно изъ того, что депутатамъ были предоставлены особыя права, до того времени неслыханныя. Кромѣ назначенія жалованія (дворянамъ по 400 р., городскимъ депутатамъ по 122 р., прочимъ — по 37 р. въ годъ), каждый выборный на всю свою жизнь освобождался отъ смертной казни, пытокъ, тѣлеснаго наказанія, несмотря ни на какое его преступленье[1]); имѣніе его со дня выбора освобождалось отъ конфискаціи во всѣхъ случаяхъ, кромѣ какъ за долги; нанесшій оскорбленіе или вредъ депутату подвергался двойному наказанію противъ обыкновеннаго; депутатамъ давались особые знаки для ношенія[2]), которые

1) Надо, впрочемъ, замѣтить, что законъ, касаясь преимуществъ депутатовъ оговаривается, что *„все сіе* (т. е. ихъ преимущества, а въ числѣ ихъ — прежде всего освобожденіе отъ смертной казни) разумѣется о тѣхъ, кои *дѣйствительно* въ семъ дѣлѣ трудились и коихъ имена въ подпискѣ тоя и другія части проекта (Уложенія) найдутся“. Законъ, такимъ образомъ, считалъ достойными депутатскихъ привилегій депутатовъ, дѣйствительно трудившихся и принимавшихъ непосредственное участіе въ разработкѣ проекта Уложенія. Участіе въ засѣданіяхъ Большой Комиссіи не считалось такимъ трудомъ и самъ Сенатъ толковалъ эту оговорку закона въ ограничительномъ смыслѣ, признавая „дѣйствительно трудящимися“ только *„тѣхъ*, которые участвовали *въ частныхъ* коммисіяхъ и потому подписались въ какой-либо части проекта“, и не считалъ ни во что участіе въ засѣданіяхъ Коммиссіи. Такъ какъ въ частныхъ коммисіяхъ работали далеко не всѣ, а равно не всѣ подписывались подъ тѣми или иными законопроектами, то это ограничительное толкованіе очень ослабляло примѣненіе закона о депутатскихъ привиллегіяхъ на практикѣ и былъ случай нетолько наказанія по суду депутатовъ за преступленія, но однажды — и смертной казни (см. мою статью „Депутаты Екатерининской Коммиссіи и Пр. Сенатъ“ стр. 44 и сл.).

2) Знаки эти давались, „дабы члена коммиссіи объ Уложеніи

оставлялись имъ на всю жизнь (дворяне могли помѣщать ихъ въ свои гербы). Надо еще замѣтить, что депутаты стремились расширить свои права. Такъ, напр., городовые депутаты просили освободить ихъ „отъ постоевъ и прочихъ полицейскихъ должностей, также и отъ службъ и платежа гражданскихъ податей[1])". Далѣе, обрядъ избранія въ депутаты былъ обставленъ торжественностью, имѣлъ цѣлью безпристрастное избраніе людей вполнѣ достойныхъ. Правомъ избирать депутата отъ дворянъ, пользовался каждый дворянинъ, имѣвшій помѣстье въ извѣстномъ уѣздѣ, отъ горожанъ — каждый домовладѣлецъ, или человѣкъ, имѣющій въ городѣ, кромѣ дома, торгъ или ремесло, или какой либо промыселъ; въ селеніяхъ — имѣющій домъ и землю. Тотъ же цензъ требовался и отъ депутата, который, кромѣ того, долженъ былъ быть не моложе 25—30 лѣтъ, быть человѣкомъ честнаго, незазорнаго поведенія, „не банкрутнымъ и незамѣченнымъ ни въ какихъ штрафахъ" (депутаты могли быть изъ служащихъ и не служащихъ, безъ различія чина и званія). Мѣстныя правительственныя лица, созвавъ выборщиковъ, должны были предложить дворянамъ — избрать предводителя; горожанамъ — городского голову, сельчанамъ — уѣзднаго повѣреннаго. Разъ эти лица были выбраны, мѣстное начальство устранялось и болѣе не должно было вмѣшиваться въ производство выборовъ, за кото-

---

узнать было можно"; они представляли собою *золотыя медали* на таковыхъ же цѣпочкахъ, на одной сторонѣ медали было изображено „вензелевое Ея Величества имя", а на другой — представлена пирамида, на которой утверждена корона. Вокругъ надпись: „Блаженство каждаго и всѣхъ". Внизу подпись: 1766 года, декабря 14". Знакъ депутата, вмѣстѣ съ золотою цѣпочкою, стоилъ 67 р. 89 к., по тому времени — значительную сумму.

1) А именно они подали въ Сенатъ доношеніе, въ которомъ доказывали, что по отъѣздѣ ихъ въ Комиссію „оставшіяся (по городамъ) въ домѣхъ ихъ семейства, у многихъ — жены и съ малолѣтними дѣтьми, какъ отъ постоевъ и прочихъ полицейскихъ должностей, такъ и отъ службъ и платежа гражданскихъ податей, претерпѣваютъ немалое изнуреніе и отягощеніе, ибо, по отлучкѣ ихъ отъ домовъ, и кромѣ гражданскихъ платежей и другихъ отягощеній, тѣ домашніе ихъ съ семействомъ своимъ содержатъ себя, противъ оставшихъ ихъ гражданъ, *не безъ нужды* принуждены, каковыя обстоятельства наносятъ имъ немалую прискорбность" поэтому они просятъ объ „увольненіи ихъ и домовъ ихъ съ семействомъ, изъ высочайшаго къ нимъ материнскаго милосердія, отъ вышепоказанныхъ отягощеній и отъ всѣхъ гражданскихъ поборовъ, дабы они, наиболѣе чувствуя отмѣнную Ея И. В-ва матернью къ себѣ милость, по отвращеніи тѣхъ несносныхъ обстоятельствъ, будучи отъ домашнихъ успокоенными, *могли больше*, подъ руководствомъ Всевышняго, соотвѣтствовать премудрымъ Ея И-го В-ва намѣреніямъ, точнымъ исполненіемъ того великаго дѣла, къ чему призваны". Сенатъ не счелъ себя, однако, въ правѣ возбудить ходатайство объ указанномъ освобожденіи (моя статья — „Депутаты Екатерининской Комиссіи и Пр. Сенатъ", стр. 11 и сл.).

рыми уже наблюдали только-что указанныя выборныя лица. Въ своей присягѣ выборщики обѣщались избрать депутата „по чистой совѣсти и чести, безъ пристрастія и собственной корысти . . . наиболѣе честнаго и добросовѣстнаго, который-бы въ семъ общемъ дѣлѣ оказалъ-бы себя вѣрнымъ слугою Ея Императорскаго Величества, усерднымъ сыномъ отечества и ревнительнымъ объ общемъ благѣ гражданиномъ".

Депутаты избирались: во 1-хъ) отъ правительственныхъ мѣстъ (Сенатъ, Синодъ, Коллегіи, центральныя Канцеляріи должны были прислать по одному депутату), во 2-хъ) отъ дворянъ каждаго уѣзда; въ 3-хъ) отъ жителей каждаго города (если въ немъ было не менѣе 50 домовъ; въ послѣднемъ случаѣ — предоставлялось на волю города прислать или не присылать депутата) — по одному; въ 4-хъ) отъ сельскихъ жителей каждой провинціи по одному отъ каждаго разряда жителей (т. е. отъ однодворцевъ, пахатныхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ, некочующихъ инородцевъ и др. (опредѣленіе числа депутатовъ отъ казацкихъ и запорожскаго войскъ было предоставлено усмотрѣнію ихъ начальствъ). Депутаты должны были прибыть въ Москву черезъ полгода послѣ объявленія въ данномъ мѣстѣ манифеста, снабженные наказами отъ выборщиковъ, и затѣмъ явиться въ Сенатъ для провѣрки ихъ полномочій и записанія ихъ въ особые списки по губерніямъ.

Уклоненій отъ выбора, поскольку объ этомъ можно судить по извѣстнымъ въ печати документамъ, было немного, хотя они и встрѣчались. — Особенно любопытны въ этомъ отношеніи донесенія императрицѣ Малороссійскаго генералъ-губернатора гр. Румянцева, знаменитаго впослѣдствіи „Задунайскаго" героя. Румянцевъ писалъ государынѣ: „Новый проектъ Уложенія не производитъ здѣсь во многихъ большихъ (т. е. знатныхъ) такого дѣйства и признанія Вашего Императорскаго Величества благоволѣнія . . . Многіе истинно вошли во вкусъ своевольства до того, что имъ всякій законъ и указъ государскій кажется быть нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей; отзывы-же у всѣхъ у нихъ одни: „зачѣмъ-бы намъ тамъ и быть? наши законы весьма хороши, а буде депутатомъ быть, конечно, уже надобно, только развѣ-бъ искать правъ и привиллегій подтвержденія"[1]) . . . Румянцевъ, исходя изъ желанія убѣдить шля-

1) Подобные взгляды на задачу выборныхъ въ Комиссіи высказывались еще лифляндскими и эстляндскими городами и рыцарствомъ. Съ необыкновеннымъ упорствомъ, возбуждая противъ себя большинство выборныхъ, ходатайствовали остзейскіе депутаты о со-

хетство въ пользѣ посылки выборныхъ, производитъ нѣкоторое давленіе и на самые выборы.

Всѣхъ депутатовъ въ Комиссіи было 564 ч. Изъ нихъ правительственныхъ депутатовъ было 28, дворянскихъ 161, городскихъ 208, казацкихъ 54, крестьянскихъ 79 и иновѣрческихъ — 34 (Латкинъ „Закон. комиссіи XVIII в. стр. 250). Нѣкоторые малорусскіе города прислали казаковъ; сельское населеніе и казаки исключительно выбирали депутатовъ изъ своей среды. Повидимому, императрица хотѣла видѣть въ составѣ комиссіи наибольшее число дворянъ, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что въ то время, когда дворяне высылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, сельское населеніе — одного отъ цѣлой провинціи, которая, по тогдашнему дѣленію, состояла изъ многихъ городовъ и уѣздовъ. Поэтому каждый депутатъ отъ крестьянъ представлялъ собою гораздо большее число выборныхъ, чѣмъ дворянинъ или горожанинъ. Такъ депутатъ отъ крестьянъ Архангелогородской провинціи Чупровъ привезъ съ собою 195 наказовъ отъ многихъ уѣздовъ, представляя въ своемъ лицѣ интересы дѣсятковъ тысячъ людей [1]).

Переходя къ обзору содержанія депутатскихъ наказовъ, надо вообще замѣтить, что чрезвычайно обширный матеріалъ, въ нихъ заключающійся, не можетъ быть съ досточною полнотою изложенъ въ краткомъ очеркѣ; приходится поэтому ограничиться указаніемъ на важнѣйшее, чтобъ составить, по край-

---

храненіи своихъ привиллегій и увлекали своимъ примѣромъ нѣкоторыхъ малорусскихъ депутатовъ. Какъ Комиссія, такъ и императрица, однако, ясно высказались противъ этихъ привиллегій.

1) Надо еще замѣтить, что многіе депутаты, недовольствуясь своими занятіями въ Большой Комиссіи, пытались использовать свое званіе вообще для ходатайства о нуждахъ и интересахъ мѣстностей, ихъ пославшихъ. Такъ, въ опредѣленіи Сената отъ 7 мая 1768 г. читаемъ, что „нѣкоторые находящіеся при Комиссіи сочиненія проекта новаго Уложенія депутаты, формально вступаютъ къ подачѣ въ Сенатъ, отъ своихъ именъ, вмѣсто другихъ, челобитенъ и доношеній о дѣлахъ постороннихъ и нимало до нихъ не касающихся, а зависящихъ единственно до надобности того общества, отъ котораго они въ депутаты присланы, а особливо и другихъ людей, и по онымъ имѣютъ ходатайство". Указавъ затѣмъ, что, по манифесту 14 декабря 1766 г., депутаты „призваны единственно въ Комиссію сочиненія проекта новаго Уложенія, съ данными отъ своихъ собратій о общихъ нуждахъ и недостаткахъ наказами, по которымъ Комиссія и не оставитъ сдѣлать сходственныхъ съ пользою каждаго и съ государственными установленіями положеній", Сенатъ опредѣлилъ „объявить отъ Комиссіи" всѣмъ бывшимъ въ ней депутатамъ, чтобъ они „находясь, по своему депутатскому званію, въ Комиссіи, ожидали-бъ, на представленные отъ нихъ во оную наказы, новыхъ, къ обще-народной пользѣ, государственныхъ постановленій". (Большія подробности по вопросу въ моей статьѣ „Депутаты Екат. Комиссіи и Пр. Сенатъ", стр. 16 и сл.)

ней мѣрѣ, общее представленіе о нуждахъ и интересахъ выборщиковъ Комиссіи 1767 г.[1]). Такъ, напр., дворянство просило о назначеніи въ церкви „ученыхъ священниковъ на жалованьѣ“; „о продажѣ церковныхъ земель“, и о томъ, „чтобъ причетники обучали крестьянскихъ дѣтей грамотѣ“, „объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими“; „о продажѣ дворянству экономическихъ[2]) деревень; о дачѣ и продажѣ дворянамъ засѣкъ, дикихъ степей и разныхъ службъ служилыхъ людей земель“, „объ учрежденіи по городамъ для дворянскаго юношества школъ“; „объ учрежденіи по городамъ банковъ, хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ, аптекъ и лѣкарей“; „о бытіи по городамъ цехамъ и фабрикамъ“; „о позволеніи крестьянамъ въ городахъ торговать продуктами ихъ въ розницу“; о позволеніи крестьянамъ подрядовъ“; „о несборѣ съ крестьянства подводъ, а, вмѣсто того, объ утвержденіи почтовыхъ становъ; о ненаряженіи крестьянъ на караулы и работы“; „о поселеніи по уѣздамъ и городамъ иностранныхъ колонистовъ, отъ коихъ-бы крестьянство получило наставительный примѣръ къ лучшему домоустройству; объ истребленіи, для соблюденія лѣсовъ, желѣзныхъ, стекольныхъ и прочихъ заводовъ; о выборѣ воеводъ и товарищей баллотированіемъ изъ дворянъ своего уѣзда; о постановленіи, ко удержанію крѣпостныхъ женокъ и дѣвокъ отъ побѣговъ, строжайшаго закона; о произведеніи по прежнему въ городахъ ворамъ и разбойникамъ и смертоубійцамъ пытокъ (а Большой Наказъ говорилъ: „употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію“). Московское дворянство въ наказѣ, данномъ П. И. Панину, выразило желаніе о возстановленіи майоратовъ, но, однако, не столь стѣснительныхъ, какъ майораты Петра В. и т. д.

Городскіе жители просили: „объ учрежденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ; о постриженіи же-

---

1) О наказахъ см. въ ст. С. М. Соловьева „Разсказы изъ Русской исторіи XVIII в. Комиссія объ Уложенія, 1767 г. (Русск. Вѣстн., 1861 г., т. 35), также у Пахмана „Исторія кодификаціи“ и пр. (т. I, стр. 255 сл.; здѣсь впервые разработано богатое содержаніе депутатскихъ наказовъ по вопросамъ гражданскаго права); о дворянскихъ наказахъ см. у б. С. А. Корфа „Дворянство и его сословнве управленіе“ (С.-П., 1906 г.); о дворянскихъ и городскихъ наказахъ см. у В. Н. Латкина, Закон. Комис., гл. V и VI; Ср. также В. И. Сергѣевича „Лекціи и изслѣд.“ (С.-П., 1883 г.), гдѣ дается общій очеркъ Екатерининской Комиссіи

2) Такъ назывались прежнія монастырскія земли, отобранныя Екатериною II въ вѣдѣніе казны и находившіяся подъ управленіемъ „Коллегіи экономіи“.

лающихъ въ монашескій чинъ; о содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи оному жалованія; о нетребованіи священниками, сверхъ указаннаго числа, за церковныя требы; объ учрежденіи вновь городского суда, какъ въ другихъ государствахъ заведено; о бытіи въ городахъ полиціи въ вѣдомствѣ Магистратовъ и Ратушъ; о выборѣ на всегдашнее время всѣми гражданами головы; о выборѣ изъ купечества особливыхъ депутатовъ и о дозволеніи онымъ входить во всѣ присутственныя мѣста по дѣламъ купеческимъ; о правѣ и преимуществѣ россійскаго купечества и о неназываніи онаго непристойными словами и о дозволеніи первостатейнымъ купцамъ носить шпаги; объ учрежденія по городамъ, для купеческой коммерціи и размноженія торговъ, государственнаго банка; о пресѣченіи роскошей и о невыписываніи въ Россію никакихъ иностранныхъ вещей; объ уничтоженіи сочиняющейся нынѣ по душамъ ревизіи, а о бытіи оной по прежнему по дворамъ; о выключкѣ изъ подушнаго оклада дворянъ, дѣтей боярскимъ, купечества и разнаго званія людей и увольненіи ихъ отъ рекрутскаго набора; объ учрежденіи цеховъ; объ уничтоженіи въ Малороссіи пограничныхъ таможенъ; о неотдачѣ въ монополію никакихъ промысловъ и товаровъ; о нечиненіи военно-служащими людьми купечеству никакихъ обидъ и побой и о платежѣ имъ за забранные у купцовъ товары денегъ; о правосудіи и скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ по просьбамъ отъ купечества; объ уменьшеніи судовъ и о штрафѣ судей; о незабираніи насильно къ суду въ присутственныя мѣста городскихъ жителей безъ учиненныхъ повѣстокъ; объ учиненіи запрещенія, чтобы никто не дерзалъ ругать иновѣрныхъ законовъ; о покупкѣ священно- и церковно-служителямъ, купечеству и разнаго званія людямъ крестьянъ и дворовыхъ людей; объ учрежденіи въ городахъ академій, университетовъ и школъ, и объ обученіи въ оныхъ разнымъ языкамъ купеческихъ и разночинскихъ дѣтей и сиротъ; объ учрежденіи, на казенномъ содержаніи, больницъ и сиропитательныхъ домовъ; объ умноженіи по городамъ аптекъ, докторовъ, лѣкарей и повивальныхъ бабокъ; о выборѣ малороссійскому народу гетмана и старшинъ вольными голосами и бытіи казакамъ судимыми отъ оныхъ старшинъ; о непринужденіи купечества къ бритью бородъ и ношенію нѣмецкаго платья; о выводѣ раскольниковъ, живущихъ по городамъ между православными, въ разсужденіи чинимаго ими въ обществѣ соблазна и неотправленія ими гражданскихъ службъ, и о поселеніи оныхъ въ особыхъ мѣстахъ; о позволеніи возвратившимся изъ Польши и Турціи

раскольничьимъ попамъ, монахамъ и монахинямъ въ часовняхъ и церквахъ отправлять службы по старинымъ книгамъ“ и т. д.

Однодворцы и хлѣбопашцы представляли: „объ опредѣленіи, для наукъ и наставленія богоугодныхъ дѣлъ духовныхъ, и для утвержденія благосостоянія и знанія законовъ и добрыхъ поведеніевъ, свѣтскихъ учителей; о постройкѣ для квартированія полковъ при городахъ штатныхъ дворовъ и свѣтлицъ; о непосылкѣ въ уѣздъ находящихся при городахъ служилыхъ людей съ указами для публикованія оныхъ, а о разсылкѣ ихъ для того по церквамъ изъ духовныхъ правленій; о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда и объ опредѣленіи въ присутственныхъ мѣстахъ, для скораго отправленія дѣлъ уѣздныхъ жителей, особливыхъ членовъ; о бытіи, для дѣлъ отъ стороны судящихся, депутатамъ въ засѣданіи присутственныхъ мѣстъ, объ уменьшеніи пятилѣтняго срока воеводства и о перемѣнѣ воеводъ и секретарей по просьбѣ уѣздныхъ жителей отъ губерній; о притѣсненіяхъ однодворцамъ и прочимъ народамъ отъ присутственныхъ мѣстъ; о словесныхъ судахъ“ и т. д. [1]).

Общая характерная черта всѣхъ этихъ желаній — указаніе на свои сословные нужды и интересы; твердое отстаиваніе ихъ и вмѣстѣ эгоистическое стремленіе распространить на самихъ себя привиллегіи другихъ сословій (какъ это, напр., обнаружилось по вопросу о владѣніи крѣпостными). Но, кромѣ этого, нельзя не отмѣтить и такихъ представленій правительству, которыя выходятъ далеко за предѣлы интересовъ одного общественнаго класса и касаются блага всѣхъ гражданъ вообще. Таково, напр., общее, сильно выраженное, желаніе развитія просвѣщенія и распространенія его благъ на всѣ сословія; таково, напр., стремленіе къ поднятію общаго уровня духовенства и др. Нельзя не отмѣтить также, что нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ

1) Кромѣ желаній и мнѣній, которыя заключались въ наказахъ выборнымъ, не меньшаго вниманія заслуживаютъ многія мысли, высказанныя самими выборными въ Комиссіи. Такъ, заслуживаетъ особаго вниманія мнѣніе знаменитаго депутата Козловскаго дворянства артиллеріи поручика Коробьина, предложившаго опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей и признать за крестьянами право собственности на ихъ движимое имущество. Это мнѣніе вызвало ожесточенныя возраженія со стороны дворянъ, между которыми особенно выдавалось мнѣніе извѣстнаго историка кн. Щербатова и др. Коробьинъ нашелъ себѣ сильную поддержку въ Чупровѣ, дворянинѣ Яковѣ Козельскомъ и др. Весьма интересныя мнѣнія представлены были выборными по вопросамъ тогдашняго судопроизводства, очень медленнаго и формальнаго; по вопросамъ торговли и промысловъ и т. д. Вообще среди депутатовъ было немало людей, выдающихся по яснымъ знаніямъ нуждъ своихъ сословій и мѣстъ, а еще болѣе — по своимъ часто широкимъ, прозорливымъ взглядамъ.

мѣръ отличались большою важностью и практичностью и впослѣдствіи приводились въ исполненіе самимъ правительствомъ. Взятыя въ цѣломъ, всѣ онѣ вполнѣ подтверждаютъ слова, сказанныя императрицею о томъ значеніи, какое имѣла Комиссія: „Комиссія Уложенія, писала государыня, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей Имперіи..., указавъ, „съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно". „Она всѣ части закона собрала и разобрала по матеріямъ и болѣе того-бы сдѣлала, если-бъ турецкая война не началась. Тогда распущены были депутаты, и военные поѣхали въ армію. Наказъ ввелъ единство въ правила и въ разсужденія не въ примѣръ болѣе прежняго. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ..." Обозрѣвая тотъ огромный историческій матеріалъ, который остался отъ многотруднаго дѣла комиссіи, мы убѣждаемся вполнѣ въ справедливости указаннаго мнѣнія Екатерины II.

Интересно, что депутаты Комиссіи вообще смотрѣли на себя, какъ на „стряпчихъ" и на „народныхъ защитителей" по мѣстнымъ дѣламъ, почему ихъ наказы больше всего и отражали въ себѣ эти, нерѣдко частныя и мелкія, но для пославшаго ихъ населенія, весьма важныя нужды даннаго округа; депутаты рѣдко возвышались до роли защитниковъ общихъ интересовъ страны, а оставались по большей части сословными и мѣстными представителями. Такой взглядъ на свои задачи былъ свойственень и выборнымъ Земскихъ Соборовъ; онъ раздѣлялся и народными представителями на З. Европы въ извѣстные періоды ихъ праворазвитія [1]); онъ былъ вполнѣ естественень

1) „Въ Англіи первоначально", — говоритъ, напр., Еллинекъ, — „сословныя собранія имѣли такой же характеръ, какъ на континентѣ. Выборный получалъ инструкцію отъ избирателей и былъ обязанъ давать имъ отчетъ въ исполненіи порученія. Но въ эпоху Тюдоровъ это измѣняется, и въ теченіе XVII столѣтія воспоминаніе о прежнемъ порядкѣ начинаетъ исчезать. Въ документахъ и литературѣ того времени говорится уже тогда о представителяхъ народа". По замѣчанію того же автора, съ которымъ нельзя не согласиться' „невозможность плодотворнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ на основѣ инструкціи (нашего наказа) обусловила отмѣну этихъ послѣднихъ" („Право современнаго государства", С.-П., 1903 г., стр. 380). У насъ такой отмѣны наказовъ, конечно, не могло послѣдовать въ „золотой вѣкъ" нашихъ Земскихъ Соборовъ — въ XVII ст., такъ какъ и населеніе, и правительство еще смотрѣли на выборныхъ какъ на представителей мѣстныхъ интересовъ, дальнѣйшаго же развитія идея народнаго представительства у насъ въ XVIII—XIX вв. не получила. Екатерина II, созвавъ свою комиссію, потребовала, чтобы депутаты явились съ наказами, и тѣмъ оживила, на нашъ взглядъ, старомосковскій взглядъ на выборныхъ. Правда, въ наказы надо было вносить только „общественная отягощенія и нужды", но эти отягоще-

при частію классовой, а частію сословной, организаціи того времени и при системѣ наказовъ отъ выборщиковъ.

§ 4.

Порядокъ преемства престола въ періодъ имперіи.

Вопросъ о наслѣдіи престола при Петрѣ I. Уставъ о наслѣдіи престола 5 февраля 1722 г, и „Правда воли Монаршей“, въ ея отношеніи къ вопросу о престолонаслѣдіи.

Какъ уже указывалось при изученіи порядка престолонаслѣдія въ предъидущій періодъ, въ Москвѣ съ XIV по XVI вѣкъ устанавливается преемство престола, по преимуществу, по прямой нисходящей линіи, по праву первородства. Этотъ порядокъ былъ созданъ не закономъ, а обычаемъ, но государи его, по большей части, соблюдали, хотя и могли ему не слѣдовать; съ воцареніемъ новой династіи престолъ въ XVII вѣкѣ также переходилъ отъ отца къ сыну. Этотъ сложившійся, по обычаю, порядокъ престолонаслѣдія Петръ В. хотѣлъ замѣтить новымъ, а именно, по Уставу о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 г., онъ хотѣлъ ввести въ дѣйствіе принципъ произволенія царствующаго государя назначать послѣ себя наслѣдникомъ того, кого ему угодно [1]). Личное чувство раздраженія противъ сына, внесенное въ вопросъ общегосударственной важности, помѣшало Петру В. видѣть всю опасность примѣненія этого принципа произволенія царствующаго государя къ избранію наслѣдника престола [2]). Неудовольствія подданныхъ противъ Устава о наслѣдіи

нія въ отдѣльныхъ наказахъ естественно, получали мѣстный колоритъ, да депутаты, какъ и ихъ выборщики, въ большинствѣ случаевъ, только объ этихъ нуждахъ и знали и ими только интересовались.

1) Уставомъ о престонаслѣдіи 5 февр. 1722 г. устанавливается принципъ произволенія государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „заблагоразсудили мы сей Уставъ учинить, дабы сіе всегда было въ волѣ Правительствующаго Государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлить наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣю сію узду на себя“. Въ заключеніи Устава сказано: „того ради повелѣваемъ, дабы всѣ наши вѣрные подданные, духовные и мірскіе безъ изъятія, сей нашъ Уставъ передъ Богомъ и Его Евангеліемъ утвердили на томъ основаніи, что всякъ, кто сему будетъ противенъ, или иначе какъ толковать станетъ, тотъ за измѣнника почтенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежать будетъ“.

2) Какъ извѣстно, въ манифестѣ 1718 г. о лишеніи престола ц. Алексѣя объявлялось о назначеніи наслѣдникомъ престола „другого сына нашего Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо инаго возрастнаго наслѣдника не имѣемъ“ . . .; въ Уставѣ о наслѣдіи 5 февр. 1722 г. не говорится уже (ввиду смерти малолѣтняго Петра) о какомъ-либо опредѣленномъ наслѣдникѣ, а только о принципѣ „воли Правитель-

при жизни Петра, и особенно смуты, порожденныя имъ (послѣ его смерти, во весь XVIII в., до изданія закона императора Павла 5 апр. 1797 г.), служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ, какъ неудачна была попытка Петра, взамѣнъ исторически слагавшагося обычнаго порядка престолонаслѣдія, поставить нѣчто новое. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Извѣстно, что манифестомъ отъ 3 февраля 1718 г. Петръ В. устранилъ царевича Алексѣя отъ престолонаслѣдія[3]) — „сожалѣя о государствѣ своемъ и о вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя, наипаче прежняго, въ худое состояніе не были (они) приведены . . .“ Лишеніе это состоялось „властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего (здѣсь имѣется въ виду уставъ 1714 г. о единонаслѣдіи), и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить, и другому сыну, которому хочетъ, оное опредѣлить воленъ и, яко самодержавный государь, для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго“. Несомнѣнно, что de jure Петръ Великій былъ вполнѣ воленъ въ назначеніи себѣ преемника, такъ какъ не существовало никакого закона, который связывалъ бы его по-отношенію къ этому назначенію; какъ самодержавный государь, онъ былъ вправѣ распоряжаться престоломъ, что и высказалъ въ этомъ манифестѣ (ссылка на гражданское право едва ли что-либо оправдывала, да и не была вовсе нужна въ данномъ случаѣ). Но Уставъ о наслѣдіи 5 февраля 1722 г., гдѣ императоръ, между прочимъ, напоминаетъ, „какою авѳссаломскою злостью надмененъ былъ сынъ нашъ Алексѣй“, вскрываетъ предъ нами и другую сторону вопроса, а именно ту, что въ данномъ случаѣ императору пришлось считаться не съ однимъ правомъ, но и съ обычаемъ и этотъ-то обычай былъ противъ него по весьма разумнымъ и вѣскимъ основаніямъ. Народное сознаніе было за слагавшійся уже съиздавна порядокъ наслѣдія по праву первородства, какъ за порядокъ простой и не вносящій смутъ въ вопросъ столь первостепенной важности. Петръ В., вѣроятно, справедливо полагалъ, что „авессаломская злость“ и

ствующаго государя“. Это очень характерно для пониманія вопроса: значитъ, Петръ В, начавъ съ лишеніями неугоднаго ему лица престола (что еще понятно, ввиду его отношенія къ сыну и боязни за судьбу реформы) — т. е. съ того, чему бывали „экземпли“ въ древности, — пошелъ затѣмъ далѣе и установилъ новый, съ точки зрѣнія обычая, принципъ наслѣдованія по произволенію царствующаго государя вообще.

3) Фактическія данныя по дѣлу царевича Алексѣя, которыхъ мы здѣсь не касаемся, можно найти у Соловьева — Исторія Россіи, т. XVII, изд. 3, глава II.

„нераскаяніе“ въ его сынѣ (не касаемся вопроса о томъ; насколько было основательно обвиненіе ц. Алексѣя въ томъ и другомъ) „не для чего иного (т. е. не изъ чего иного) у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому (т. е. старшему) сыну наслѣдство давали: къ тому же одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ; сей недобрый обычай не знаю для чего такъ былъ затвержденъ: ибо неточію въ людяхъ, по разсужденію умныхъ родителей, бывали отмѣны, но и въ святомъ писаніи (ихъ) видимъ“. Изъ русской исторіи Уставъ указываетъ такую „отмѣну“ по отношенію ко внуку Іоанна III — Дмитрію. Какъ извѣстно, Іоаннъ III, назначивъ его своимъ наслѣдникомъ, черезъ 4 года „отмѣнилъ“ это назначеніе и „учинилъ наслѣдникомъ“ сына своего Василія. Однако, несомнѣнно, что „старый обычай“ „такъ былъ затвержденъ“ недаромъ — благодаря ему, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшался просто и опредѣленно, не дѣлаясь игрушкою въ рукахъ партій и не эксплуатируясь во вредъ народный. Какъ велико было сочувствіе народное къ этому „обычаю старому“, видно уже изъ того, что Петръ В. принужденъ былъ неразъ объясняться подробно по поводу этой „отмѣны“ (манифестъ 1718 г., Уставъ 1722 г.), причемъ, какъ мы видѣли, въ знаменитой „Правдѣ воли Монаршей“ это объясненіе разрослось въ цѣлый ученый трактатъ, въ которомъ европейскіе „изряднѣйшіе законодатели“, „экземпли“ — „отъ исторій человѣческихъ“, „отъ исторій священнаго писанія“, доводы „отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ“ и т. п. — соревновали другъ съ другомъ, чтобъ убѣдить русскихъ людей въ превосходствѣ новаго порядка надъ старымъ и доказать, что „упрямому прекословцу ничтоже ино рцы остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе . . .“ Но „совѣсти страданіе“, разъ человѣкъ не убѣждался „толикой доводовъ силою“, наступало именно тогда, когда приходилось повиноваться тому, чему нельзя было повиноваться нетолько за страхъ, но и за совѣсть. Отъ подданныхъ требовалась присяга новому порядку престолонаслѣдія — они повиновались, но, говоря словами Соловьева, — „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось сопротивленіе. Раскольники толковали: „взялъ (царь) за себя шведку и та царица дѣтей не родитъ, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать и крестъ цѣлуютъ за шведа, одноконечно, станетъ царствовать шведъ“. Монахи говорили: „видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, знамо къ царевнѣ, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ, а нынѣ прикладываютъ руки, кого онъ, государь, изволитъ выбрать“. Тарскіе

жители не пошли къ присягѣ вовсе, и т. д. Нѣтъ нужды преувеличивать значенія указанныхъ, какъ и другихъ, протестовъ, иногда трагически кончавшихся для приверженцевъ стараго порядка вещей, но нельзя не отмѣтить ихъ, какъ характернаго явленія времени, неразъ проявлявшагося по отношенію къ тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ Петра В. . . . Нельзя при этомъ не указать также на то, что правота мысли, глубокое пониманіе историческихъ традицій было здѣсь н е на сторонѣ всесильнаго законодателя, а на сторонѣ безсильно протестующихъ и гибнущихъ за свой протестъ простыхъ русскихъ людей.

Какъ мы говорили уже, „Правда воли Монаршей“ была написана съ цѣлію оправданія дѣйствій Петра В. Авторъ „Правды“, исходя изъ положенія, что власть государей есть власть самодержавная и неограниченная, дѣлаетъ выводъ, что и въ вопросѣ о престолонаслѣдіи государь воленъ поступать такъ, какъ ему угодно: „мы-же (т. е. подданные), единожды воли нашей совлекшися (т. е. лишившись), никогда-же впередь, ниже по смерти твоей (государя), оной употреблять не будемъ, но, какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ, подчиняться клятвеннымъ обѣщаніемъ обязуемся“. Далѣе авторъ „Правды“ дѣлаетъ такіе выводы изъ своего положенія о томъ, что народъ, заключивъ договоръ, „воли своей совлекся“: народъ исполняетъ все, что прикажетъ государь, хотя бы это приказаніе было только проявленіемъ того, что нравится государю; народъ отрекается отъ права судить поступки государя, такъ-какъ онъ перенесъ на него в с ѣ свои права, оставивъ себѣ только обязанности; народъ не можетъ перемѣнить государя, если онъ оказывается не такимъ, какимъ народъ ждалъ его видѣть; онъ, наконецъ, признаетъ н а с л ѣ д н и к о м ъ того, кого укажетъ государь и пр. Если послѣдняго не было назначено, то долженъ народъ „всякими правильными догадками испытывать, какова была, или могла быть, воля государева“. Но такъ-какъ народъ могъ быть недогадливъ, то авторъ даетъ нѣкоторыя правила для вѣрныхъ догадокъ: надо разсудить, какого нрава былъ государь, къ чему былъ болѣе с к л о н е н ъ, равно или неравно любилъ онъ дѣтей своихъ, кто изъ дѣтей болѣе похожъ на него и т. д. Таковы выводы Ѳеофана Прокоповича.

Вопросъ о престолонаслѣдіи послѣ Петра В.

Несомнѣнно, что много было потрачено Ѳеофаномъ Прокоповичемъ труда и эрудиціи, чтобы оправдать право государя назначать себѣ наслѣдника по выбору. Историческій фатумъ не судилъ, однако, Петру I примѣнить свое право на дѣлѣ, — государь умеръ, устранивъ законнаго наслѣдника, но не назначивъ другого. Наступилъ длинный періодъ колебаній въ наслѣдіи престола, несомнѣнно, вызванный реформою Петра въ

этой области. Слагавшееся на Москвѣ, по обычаю, начало первородства, при наслѣдованіи престола, было нарушено, на мѣсто его провозглашено право выбора; но такъ-какъ послѣдняго не послѣдовало со стороны государя, то явились партіи, узурпировавшія себѣ это право. Реформа Петра В., поднявъ въ головахъ однихъ сильное неудовольствіе къ нарушенію старины, возбудили къ себѣ вниманіе въ тѣхъ людяхъ, которые прежде равнодушно смотрѣли на многія явленія государственной и общественной жизни; вопросъ о томъ, кто будетъ государемъ, естественно долженъ былъ теперь сдѣлаться жгучимъ вопросомъ. При прежнемъ порядкѣ вещей, основанномъ на обычаѣ и преданіи, всѣ почти всегда уже знали заранѣе, кто будетъ наслѣдникомъ, теперь-же надо было слѣдить за ходомъ вопроса, стараясь извлечь изъ него извѣстные выгоды для своей партіи и для себя лично и т. д. Вся почти политическая исторія наша отъ Екатерины I до коренного, доселѣ дѣйствующаго, узаконенія императора Павла о престолонаслѣдіи, разрѣшившаго вопросъ окончательно, вертится именно около этого вопроса, порождая много смутъ и потрясеній, вызываемыхъ, то стремленіемъ возвести на престолъ извѣстное лицо, то воспользоваться быстрымъ государственнымъ переворотомъ для ограниченія верховной власти государей и т. д.

Извѣстны послѣднія минуты жизни Петра В.: 27 января 1725 г., въ исходѣ второго часа, государь потребовалъ себѣ бумаги, началъ было писать, но перо выпало изъ его рукъ и на бумагѣ осталось два слова: „отдать все . . . . .“ Затѣмъ государь велѣлъ позвать къ себѣ дочь Анну, чтобы она записала его волю, но, когда послѣдняя приблизилась, государь не могъ уже выговорить ни слова; на другой день его уже не стало[1]). Вопросъ о престолонаслѣдіи оказался совершенно открытымъ. По старому порядку, наслѣдникомъ Петра долженъ былъ бы быть его внукъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя. На его сторонѣ, дѣйствительно, и оказалась партія, предводимая кн. Голицынымъ, Долгорукимъ и Рѣпнинымъ, но эта партія частію была задобрена партіею императрицы (во главѣ съ Меншиковымъ), а частію была смущена громадной приверженностью къ Екатеринѣ I гвардіи, полки которой уже стояли на готовѣ у дворца, гдѣ обсуждался вопросъ о преемникѣ Петра В. Тогда-то собравшіеся вельможи рѣшили избраніе императрицы, объявивъ объ этомъ народу въ томъ смыслѣ, что Екатерина I избрана „Синодомъ, Сенатомъ и генералитетомъ“ и притомъ избрана потому, что Петръ В. „удостоилъ короною и полномочіемъ“ го-

1) Подробности по вопросу см. у Е. Ф. Шмурло „Кончина Петра В. и вступленіе на престолъ Екатерины I“ (По даннымъ государственнаго архива въ Гагѣ). Казань, 1913 г.

сударыню при своей еще жизни, хотя это коронованіе, по своему смыслу, пріобщало Екатерину только къ почестямъ, должнымъ ей, какъ императрицѣ, но вовсе не дѣлало ея ео ipso наслѣдницею престола. Какъ бы то ни было, избраніемъ Екатерины былъ положенъ починъ вмѣшательству гвардіи и придворныхъ партій въ дѣло престолонаслѣдія, починъ, впослѣдствіи разросшійся, при избраніяхъ Елизаветы Петровны и Екатерины II, чуть не въ цѣлую политическую систему. Затѣмъ, когда Екатерина I, умирая, передаетъ своимъ „тестаментомъ“ престолъ Петру Алексѣевичу II съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ его бездѣтной кончины, наслѣдовала дочь ея Анна Голштинская съ потомствомъ, а за неимѣніемъ такого потомства — дочь Петра В. Елисавета, Верховный Тайный Совѣтъ выбралъ на царство послѣ кончины Петра II, 19-го янв. 1730 г., герцогиню Курляндскую Анну Ивановну, дочь Іоанна Алексѣвича, и такимъ образомъ, вопреки волѣ Екатерины I, на время отнялъ престолъ изъ рода Петра В., поспѣшивъ въ то же время воспользоваться случаемъ, чтобы ограничить самодержавную власть въ свою пользу. Манифестъ о восшествіи Анны совершенно игнорируетъ „тестаментъ“ Екатерины, даже не упоминаетъ о немъ. Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, спѣшитъ подтвердить силу Петровскаго Устава 1722 года, чтобы назначить себѣ наслѣдника въ лицѣ Іоанна Антоновича, но послѣдній свергается, какъ извѣстно, Елисаветой Петровной, назначающей еще при жизни себѣ преемникомъ внука Петра В., Петра III Ѳеодоровича, сына Анны Голштинской, „яко по крови ближайшаго къ императрицѣ“, который, въ свою очередь, свергается своей супругой Екатериною II. Въ присягѣ, которую дали подданные новой государынѣ, они клялись быть вѣрными также и ея сыну, великому князю Павлу Петровичу, „законному всероссійскаго престола наслѣднику“.

Такъ колебалось право престолонаслѣдія въ періодъ отъ изданія Петровскаго закона 5 февраля 1722 г. до закона 5-го апрѣля 1797 года, когда, отмѣнивъ первый законъ, вновь вернулись къ праву первородства, какъ о с н о в н о м у принципу наслѣдія престола у насъ.

Мы указали кратко на то, какъ переходилъ престолъ послѣ Петра В. Входя въ нѣкоторыя подробности, вскрывающія любопытныя черты государственныхъ отношеній до воцаренія императора Павла, мы увидимъ затѣмъ, что законъ о престолонаслѣдіи 5 февраля 1722 г. и особенно подробное его мотивированіе въ „Правдѣ воли монаршей“, никогда не исполняясь какъ слѣдуетъ, создали большую путаницу въ вопросѣ о престолонаслѣдіи и дали возможность проявиться такимъ тенденціямъ, какія при дѣйствіи прежняго исконнаго порядка наслѣдія по

первородству, не могли бы имѣть, вѣроятно, совсѣмъ мѣста, или имѣли-бы его только въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ манифестѣ, извѣщавшемъ о вступленіи Екатерины I на престолъ, утверждалось, что императрица вступаетъ на царство по силѣ Устава 5-го февр. 1722 г., предоставлявшаго государю дѣло избранія наслѣдника. А такъ какъ Екатерина была еще при жизни Петра В. коронована, то въ этомъ-де и выражалась воля государя на ея назначеніе. Но, „Правда воли Монаршей“, какъ мы уже говорили, очень ясно указываетъ, кто долженъ быть наслѣдникомъ, если государь скончается, не назначивъ наслѣдника: имъ долженъ быть во всякомъ случаѣ одинъ изъ дѣтей (наиболѣе любимый, наиболѣе подобный отцу и т. д.). Нарушивъ своимъ вступленіемъ завѣтъ Петра В., Екатерина I нарушаетъ его и своимъ завѣщаніемъ, вскрытымъ 5-го мая 1727 г., такъ какъ назначаетъ нетолько наслѣдника по себѣ, — право на что именно устанавливалъ Петровскій законъ, — но и цѣлый порядокъ преемства престола впредь, ограничивая тѣмъ волю своихъ преемниковъ. Ея „тестаментъ“ былъ соблюденъ только по отношенію къ 1-му наслѣднику, въ немъ обозначенному — Петру II, со смертію котораго входитъ на престолъ Анна Іоанновна, одинаково нарушая и Екатерининское завѣщаніе (по которому за Петромъ II должна была слѣдовать Анна Петровна Голштинская съ потомствомъ) и Петровскій указъ о наслѣдіи и „Правду воли Монаршей“ (по смыслу которыхъ, за отсутствіемъ мужскаго поколѣнія, скорѣе всего должна была быть выбрана одна изъ дочерей Петра В.). Нами уже указывались обстоятельства, при которыхъ это возведеніе совершилось и которыя привели къ кратковременному ограниченію самодержавной власти императрицы Анны. Послѣдняя назначила, какъ извѣстно, своимъ преемникомъ двоюроднаго своего внука Іоанна Антоновича. Онъ былъ сынъ ея племянницы Анны Леопольдовны (Анна Леопольдовна была дочь ея сестры Екатерины Іоанновны и герцога Мекленбургскаго Карла-Леопольда). Анна Іоанновна выдала племянницу свою замужъ за герцога Антона-Ульриха Брауншвейгскаго, провозгласивъ затѣмъ ея сына Іоанна своимъ наслѣдникомъ. По смерти Анны, естественно, должны были возникнуть вновь смуты, какъ результатъ того положенія, въ какое были поставлены русскіе люди, какъ правленіемъ Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ, такъ затѣмъ регенствами его и Анны Леопольдовны, бывшими послѣ ея смерти, когда все почти управленіе государствомъ было предоставлено иноземцамъ. Съ этимъ захватомъ трудно было мириться и имъ въ значительной степени объясняется легкость, съ которою свергаются послѣдовательно два эти регенства и на престолъ входитъ дочь Петра В. — Елисавета Петровна. Ин-

тересно, что мотивомъ для своего вступленія она выставляетъ въ своемъ манифестѣ тѣ смуты и безпокойство народное, какія были при указанныхъ двухъ регенствахъ, указывая, что „того ради всѣ Наши, какъ духовнаго такъ и свѣтскаго чина, вѣрноподданные, а особливо лейбъ-гвардіи Нашей полки, всеподданнѣйше и единогласно Насъ просили, дабы Мы, для пресѣченія тѣхъ прошедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближайшая, отеческій престолъ воспріять изволили по тому законному Нашему праву, по близости крови къ самодержавнымъ Нашимъ дражайшимъ родителямъ“, Здѣсь важно во 1-хъ отмѣтить, что манифестомъ признается оффиціально роль гвардіи въ переворотѣ, а во 2-хъ возвращаются къ прежнему допетровскому принципу наслѣдія по праву наибольшей близости, по родству, къ царствующему монарху, при чемъ Елисавета Петровна примѣняетъ это начало нетолько къ себѣ, но и къ своему преемнику. Именно, она издаетъ позднѣе, въ 1742 г., манифестъ, назначающій ея наслѣдникомъ Петра, герцога Голштинскаго, „яко по крови ближайшаго къ императрицѣ“. Такъ, по личнымъ взглядамъ и удобствамъ, послѣ Устава Петра В. о наслѣдіи престола 1722 г., то возвращались къ праву ближайшаго по крови на престолъ, то отступали отъ него, толкуя самымъ свободнымъ образомъ, и этотъ указъ Петра В., и „Правду воли Монаршей“. На двухъ, слѣдовавшихъ за царствованіемъ Анны Іоанновны, вступленіяхъ на престолъ мы видимъ, какъ-бы возстановленіе прежняго, допетровскаго, порядка престолонаслѣдія, но 28 іюня 1762 г., именно черезъ полгода послѣ вступленія на престолъ Петра III (25 декабря 1761 г.), новый государственный переворотъ отдаетъ престолъ его супругѣ Екатеринѣ. Этотъ переворотъ находитъ себѣ, конечно, объясненіе и оправданіе въ личныхъ качествахъ бывшаго герцога Голштинскаго, сдѣлавшагося русскимъ императоромъ подъ именемъ Петра III, но юридически онъ не вытекаетъ ни изъ устава Петра В. о наслѣдіи престола, ни изъ обычнаго порядка наслѣдованіи престола, практиковавшагося у насъ до Петра В. Не касаясь обстоятельствъ, вызвавшихъ этотъ переворотъ, перейдемъ теперь къ послѣдней стадіи вопроса о престонаслѣдіи — къ закону 5-го апрѣля 1797 г., изданному императоромъ Павломъ I[1]).

Законъ о престолонаслѣдіи.

Хотя при вступленіи на престолъ Екатерины II, въ формулѣ новой присяги подданныхъ, и было

1) О немъ см. статью К. І. Зайцева „Къ вопросу о порядкѣ престолонаслѣдія въ Россіи“ (Право, 1912 г., № 52), гдѣ указана и новѣйшая литература.

слѣдіи 5 апрѣля 1797 г. и его содержаніе.

сказано, что они клянутся въ вѣрности „императрицѣ и ея сыну великому князю Павлу Петровичу, законному всероссійскаго престола наслѣднику“, однако, впослѣдствіи, видя нерасположеніе многихъ къ цесаревичу, а равно и не считая его способнымъ къ правленію государствомъ, императрица стала несочувственно относиться и сама къ сыну, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ составила даже планъ, въ которомъ отдавала престолъ своему любимому внуку — Александру Павловичу[1]); трудность этого ея проекта состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы приготовить къ нему Александра Павловича, для чего Екатерина хотѣла вовлечь въ свое предпріятіе Лагарпа, но это ей не удалось. Этотъ проектъ, вѣроятно, сдѣлался извѣстнымъ цесаревичу Павлу Петровичу. Отсутствіе опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи весьма озабочивало его и онъ составилъ, вмѣстѣ съ своей супругой, задолго до своего вступленія на престолъ, а именно еще 4-го января 1788 г., духовное завѣщаніе, въ которомъ избиралъ себѣ, „по праву естественному“, наслѣдникомъ своего старшаго сына Александра, а по немъ — все его мужское поколѣніе и т. д., въ порядкѣ нисходящихъ линій. Этотъ актъ сопровождался изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ данное распоряженіе, а именно въ немъ указывалось, что порядокъ престолонаслѣдія устанавливается, „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ въ наслѣдіи, не нарушая права естественнаго, и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ“. Этотъ актъ о престолонаслѣдіи, — въ заключеніи котораго говорилось что будущіе наслѣдники должны при вступленіи на престолъ „обязаться свято соблюдать сей законъ“, — былъ обнародованъ 5-го апрѣля 1797 г., въ день коронованія императора, и получилъ такимъ образомъ значеніе основного государственнаго закона (онъ дѣйствуетъ съ нѣкоторыми дополненіями, сдѣланными позднѣе, и доселѣ): имъ устанавливается у насъ принципъ наслѣдованія по закону. Главнѣйшія начала закона 5 апрѣля состоятъ въ слѣдующемъ: Императорскій Всероссійскій престолъ (съ которымъ нераздѣльны престолы Царства

1) „Александру было извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина хотѣла лишить наслѣдства на престолъ сына, отдавъ это наслѣдство въ руки любимаго ея внука“ говоритъ Великій Князь Николай Михаиловичъ въ своемъ изслѣдованіи „Императоръ Александръ I“ (С.-П., 1912 г.), приводя нѣкоторыя интересныя данныя по вопросу (т. I, стр. 2 и сл.).

Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго) есть наслѣдственный въ нынѣ царствующей династіи. Къ наслѣдованію допускаются оба пола, но съ предпочтеніемъ мужскаго, вслѣдствіе чего поколѣніе женское допускается только за пресѣченіемъ послѣдняго мужскаго поколѣнія. Мужскія поколѣнія наслѣдуютъ по праву первородства въ нисходящей линіи послѣдняго царствующаго императора; по ея пресѣченіи, наслѣдство переходитъ въ родъ второго сына императора и т. д. По пересѣченіи-же мужскаго поколѣнія сыновей императора, наслѣдіе престола переходитъ въ женскія поколѣнія и притомъ такъ, что оно принадлежитъ прежде всего женскому поколѣнію послѣдне-царствующаго императора, какъ ближайшему къ престолу. По его пресѣченіи, оно идетъ по восходящей линіи, т. е. въ женское поколѣніе старшаго сына императора-родоначальника, а затѣмъ второго и т. д.

Право на престолъ обусловливается исповѣдываніемъ православной вѣры, происхожденіемъ отъ императорской крови, отъ брака, обставленнаго условіями законности (этими условіями служатъ: дозволеніе на бракъ императора и совершеніе брака съ лицомъ, принадлежащимъ къ одному изъ царствующихъ или владѣтельныхъ домовъ), отреченіемъ отъ другого престола, если таковой уже занимается.

Каждый наслѣдникъ престола можетъ отъ него отречься, если за этимъ отреченіемъ не предстоитъ никакихъ затрудненій въ наслѣдованіи престола; обнародованное отреченіе считается невозвратнымъ.

Порядокъ престолонаслѣдія, установленный закономъ Императора Павла I, какъ мы говорили выше, является обязательнымъ какъ для самого императора, такъ и для всѣхъ членовъ династіи, при чемъ императоръ и императрица приносятъ обѣщаніе „при вступленіи на престолъ и миропомазаніи“, а наслѣдникъ престола и всѣ прочіе члены Императорскаго Дома клянутся, при объявленіи ихъ совершеннолѣтія и при присягѣ государю, „соблюдать всѣ постановленія о наслѣдіи престола и фамильнаго учрежденія, въ основныхъ законахъ Имперіи изображенныя, во всей ихъ силѣ и неприкосновенности“. Такимъ образомъ, въ законѣ 5-го апрѣля 1797 г. указаны какъ лица имѣющія право на престолъ, такъ и порядокъ осуществленія ими этого права. Наслѣднику принадлежитъ самостоятельное право на престолъ, которое не можетъ быть измѣнено усмотрѣніемъ царствующаго государя, какъ это предполагалось закономъ 5 февраля 1722 г., вызвавшимъ столько недоразумѣній и смутъ. Поэтому подданные приносятъ присягу государю и его законному наслѣднику даже тогда, когда послѣдній не былъ бы названъ въ манифестѣ о восшествіи на престолъ.

§ 5.

Правительствующій Сенатъ[1]).

Ближняя Канцелярія, какъ учрежденіе, предшествовавшее образованію Пр. Сената.

Верховнымъ учрежденіемъ, смѣнившимъ Боярскую Думу Московскаго періода исторіи нашей, былъ Правительствующій Сенатъ. Сенатъ, по мнѣнію, какъ людей XVIII вѣка[2]), такъ и большинства современныхъ историковъ нашего права, несмотря на свое иностранное названіе, не былъ учрежденіемъ откуда-либо заимствованнымъ, а прямо былъ вызванъ къ дѣятельности условіями государственной жизни при Петрѣ.

Конечно, Петру В. было вообще извѣстно о существованіи въ европейскихъ государствахъ учрежденій, носившихъ наименованіе „Сената“. Имъ велась съ ними переписка, а также, по его приказанію, производились сношенія съ Сенатомъ „венецыйскимъ“, „стекольмскимъ“ (стокгольмскимъ), польскимъ и въ

---

1) Общій обзоръ исторіи Пр. Сената, кромѣ курсовъ по исторіи рус. права, см. у А. Д. Градовскаго „Начала русскаго государственнаго права“ (С.-П., 1876 г.), т. II (перепечатано въ „Собраніи сочиненій“, т. VIII, С.-П., 1903 г.); монографіи: С. А. Петровскаго „О Сенатѣ въ царствованіе Петра В“. (М., 1875 г.); мое сочиненіе „Сенатъ въ правленіе В. Тайн. Совѣта“ (Ю., 1895 г.); В. М. Грибовскій „Высшій судъ и надзоръ въ I половину царствованія Екатерины II“ (С.-П., 1901 г.); рядъ монографій по исторіи Пр. Сената въ отдѣльныя царствованія см. въ новѣйшемъ изданіи „Исторія Пр. Сената за двѣсти лѣтъ. 1711—1911 г.г.“. (С.-П., 1911 г.), гдѣ въ I-мъ томѣ помѣщены мои изслѣдованія „Пр. Сенатъ въ царствованіе Петра В“, „Высокій Сенатъ въ царствованія Екатерины I и Петра II“, „Пр. Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича“; во II-мъ томѣ изслѣдованія: А. Е. Прѣснякова: Пр. Сенатъ въ царствованіе Елисаветы Петровны“; Н. Д. Чечулина „Пр. Сенатъ въ царствованіе Петра Ѳедоровича“. его-же, барона А. Э. Нольде и М. А. Поліевктова „Пр. Сенатъ въ царствованіе Екатерины II“; въ III-мъ томѣ — „Пр. Сенатъ въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ“ (изслѣдованія Э. Н. Берендса В. А. Гагена, С. К. Гогеля, И. А. Блинова); въ IV томѣ „Пр. Сенатъ въ XIX в. послѣ реформъ 60-хъ годовъ“ (кромѣ тѣхъ-же 4 авторовъ, изслѣдованія И. М. Тютрюмова, І. М. Пекарскаго, В. К. Лукомскаго. А. О. ф. Гернета, б. А. Э. Нольде); въ V (дополнительномъ) томѣ содержатся статьи о помѣщеніяхъ Сената, изданіяхъ, а также списокъ сенаторовъ и др. О Московской сенатской конторѣ, кромѣ указаній въ только-что названномъ изданіи см. А. Титаренко „Сенатская контора въ Москвѣ“ (Сѣдлецъ, 1912).

2) Въ одномъ докладѣ, поданномъ императрицѣ Екатеринѣ II ея секретаремъ Г. Н. Тепловымъ, говорится объ учрежденіи Пр. Сената слѣдующее: „всякое мѣсто по фундаторову намѣренію разу, мѣть и толковать должно. Государь Императоръ Петръ В. Сенатъ своей самодержавной власти приличный, въ государствѣ своемъ

одной грамотѣ его читаемъ, напр., что „всему Сенату Венецыйскому“, вмѣстѣ съ дожемъ, посылается имъ „Царскаго Величества благопривѣтственное поздравленіе“ и пр. Однако, положеніе Сената въ каждомъ изъ этихъ государствъ было такъ своеобразно, что о какомъ-либо прямомъ переносѣ ихъ устройства къ намъ нечего было и думать. Въ частности, меньше всего нашъ Сенатъ можно считать заимствованнымъ изъ Швеціи, какъ это утверждаютъ донынѣ нѣкоторые изъ изслѣдователей [1]), такъ какъ шведскій государственный Совѣтъ (Ricksrödet), — нерѣдко называвшійся неоффиціально Сенатомъ, — былъ учрежденіемъ ограничительнаго характера и уже по тому одному не могъ быть образцомъ для учрежденія, созданнаго Петромъ для управленія государствомъ, при самодержавномъ монархѣ. Но, если между нашимъ Сенатомъ и его якобы прототипомъ не было ничего общаго въ основномъ вопросѣ, а именно — въ вопросѣ объ отношеніи этого учрежденія къ монарху, если при томъ первоначальное устройство новаго учрежденія, какъ мы это отмѣтимъ ниже, представлялось настолько малоопредѣленнымъ, что являло собою лишь очень слабый силуэтъ будущаго грандіознаго установленія, если, наконецъ, нѣтъ прямыхъ указаній на заимствованіе, подобныхъ тѣмъ, какія имѣются о другихъ реформахъ Петра Великаго, то совершенно невозможно утверждать, что нашъ Сенатъ былъ созданъ „по образцу подобнаго-же учрежденія, существовавшаго въ Швеціи“. При томъ Петръ, образуя „первое правительство подъ собою“, вовсе не имѣлъ нужды брать за образецъ его устройства какой-либо изъ существовавшихъ на Западѣ сенатовъ; ему достаточно было для созданія такого правительства лишь усвоенія той идеи западно-европейскихъ государствъ, что монархъ долженъ править не только съ помощью людей, но и съ помощью законом ѣрныхъ учрежденій. Воспріятіе этой идеи было, конечно, чрезвычайно-плодотворно для усовершенствованія нашего государственнаго строя впредь, и этой идеѣ мы обязаны появленіемъ позднѣе „должностей“, „регламентовъ“ и другихъ законодательныхъ актовъ, болѣе или

для подмоги себѣ въ дѣлахъ, не съ польскаго, шведскаго и другого какого-либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативу первымъ быть правительствомъ подъ собою“ . . . (см. мою статью „Объ экспрессіи сенаторъ и россійскомъ Сенатѣ“, Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества“, 1897 г., кн. IV).

1) См., напр., В. В. Ивановскаго „Русское государственное право“ (Казань, 1896 г.), т. I, стр. 213, и рецензію бар. С. А. Корфа на „Исторію Пр. Сената за двѣсти лѣтъ“ (Ярославль, 1911 г.), стр. 4; подробно о вопросѣ см. въ моемъ изслѣдованіи о „Пр. Сенатѣ въ царствованіе Петра В.“, („Исторія Пр. Сената за двѣсти лѣтъ“ т. I, стр. 47 и сл.).

менѣе опредѣленно устанавливавшихъ составъ, устройство, компетенцію нашихъ учрежденій. Но такое установленіе было, однако, еще задачею далекаго будущаго, оно создалось несразу, почему первоначальный Петровскій Сенатъ, по своей неопредѣленной структурѣ, выливаясь въ рядъ порученій, болѣе походилъ, этою своею стороною, на Московскіе Приказы, чѣмъ на учрежденіе въ западно-европейскомъ смыслѣ. Онъ, поэтому, представлялъ собою нестолько строго-законченную организацію верховнаго учрежденія при монархѣ, сколько идею о крайней необходимости созданія такой организаціи. Но, такъ какъ эта организація создавалась очень медленно, на основаніи опыта, исходила изъ реальныхъ условій тогдашней дѣйствительности, то уже по одному этому нельзя искать прототипа Сената Петра въ какомъ-либо опредѣленномъ западно-европейскомъ образцѣ. Еслибъ такой прототипъ существовалъ, его устройство такъ или иначе отразилось-бы на Сенатѣ въ моментъ его учрежденія, чего, однако, не было вовсе. Взято было только иноземное имя для создавшагося учрежденія, но не самое учрежденіе.

Необходимость организаціи новаго учрежденія объясняется прежде всего тѣмъ обстоятельствомъ, что Боярская Дума Московскаго государства уже въ концѣ XVII в. перестала почти собираться въ полномъ своемъ составѣ, а въ это время, по замѣчанію проф. С. Ѳ. Платонова, дѣятельность думскихъ комиссій получила особенное развитіе, въ ущербъ старой формѣ совѣщанія „бояръ всѣхъ“ (т. е. Боярской Думы). Реформа высшаго управленія при Петрѣ Великомъ должна была считаться съ общимъ собраніемъ Думы гораздо менѣе, чѣмъ съ комиссіями — „Приказами“ „полномочныхъ бояръ“. Въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., въ сущности, дѣйствовала не Боярская Дума, какъ общее собраніе бояръ, а особый боярскій совѣтъ, который и былъ непосредственнымъ предшественникомъ Сената. Этотъ боярскій совѣтъ собирался очень часто въ „Ближней Канцеляріи, а „Ближняя Канцелярія“ была (какъ ясно уже изъ названія), ничѣмъ инымъ, какъ канцеляріею государя, его Приказомъ, вѣдавшимъ тѣ дѣла, какія государь указывалъ. Уже съ первыхъ лѣтъ XVIII столѣтія встрѣчаются въ актахъ указанія на нее, причемъ говорится, что бояре, — члены Б. Думы, еще продолжавшей существовать, но уже не собиравшейся — съѣзжаются въ нее „въ консилію“, т. е. для совѣщанія съ довѣренными лицами царя. Такъ, напр., въ одномъ актѣ отъ 1706 г. говорится: „по указу в. гос. ц. и в. кн. . . . бояре, будучи въ его великаго государя Ближней Канцеляріи, слушавъ выписки . . . приговорили“ . . . Изслѣдователь „Ближней Канцеляріи“, Н. Я. Токаревъ, разсматривая исторію ея

учрежденія, говоритъ, что „разницу между тремя послѣдовательно смѣнявшими другъ друга учрежденіями можно выразить вкратцѣ такъ: Боярская Дума была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при государѣ и вмѣстѣ съ нимъ; Ближняя Канцелярія дѣйствовала уже вдали отъ государя, но по его предначертаніямъ и руководству, а Сенатъ могъ уже замѣщать самого государя, будучи установленъ „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны“. На это утвержденіе надо возразить слѣдующее. Несомнѣнно, конечно, что Сенатъ былъ установленъ для управленія государствомъ „вмѣсто присутствія“ Государя и это составляло существенное отличіе его отъ боярскаго совѣта (или по терминологіи автора — отъ Ближней Канцеляріи), имѣвшаго, дѣйствительно, видъ случайной временной комиссіи, съ непостояннымъ составомъ, съ неопредѣленною компетенціею и т. д. Но между Сенатомъ и этимъ совѣтомъ не было того противоположенія, какое, устанавливаетъ авторъ, такъ какъ подобно боярскому совѣту, собиравшемуся въ Ближней канцеляріи (такъ и въ другихъ мѣстахъ), Сенатъ также дѣйствовалъ, если и вдали отъ Государя, то тоже „по его предначертаніямъ и руководству“. Кромѣ того, тотъ же авторъ утверждаетъ, что „Ближняя Канцелярія является непосредственною преемницею Боярской Думы, представляетъ собою, какъ-бы промежуточное звено между этой послѣдней и Сенатомъ[1])“. Вѣрнѣе, однако, будетъ сказать, что непосредственнымъ учрежденіемъ между Боярскою Думою и Сенатомъ была не Ближняя Канцелярія, а названный выше боярскій совѣтъ, боярская — или какъ еще иногда говорятъ — министерская консилія, собиравшаяся, какъ въ означенной Канцеляріи, такъ и на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ и въ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что указанный совѣтъ собирался чаще всего въ Ближней Канцеляріи, онъ и назывался именемъ послѣдней. Но, однако, эта Канцелярія, явившаяся уже въ 1699 г., имѣла свое особое назначеніе, которое одинъ изъ современниковъ, кн. Б. И. Куракинъ, описывалъ такъ: „сдѣлана Ближняя Канцелярія подъ судомъ (т. е. завѣдываніемъ) думнаго дворянина Никиты Зотова. Вельми то умно и похвально: ото всѣхъ дѣлъ . . . что со всѣхъ Приказовъ, по вся недѣли (вносится) вѣдомость, что гдѣ чего въ приходѣ, въ расходѣ и кому что должно на что расходъ держать, и всего государства весь

1) „Ближняя канцелярія при Петрѣ В. и ея дѣла“ — въ „Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи“, кн. V, стр. 43 сл.

расходъ, съ оклады и приходы и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ".

Нужда въ деньгахъ для сооружаемаго флота и арміи, равно какъ и необходимость создать строгую отчетность въ ихъ расходованіи, заставила Петра Великаго придать Ближней Канцеляріи значеніе органа „государственнаго контроля", какъ ее вѣрно характеризуетъ П. Н. Милюковъ[1]). И, въ этомъ своемъ качествѣ, Бл. Канцелярія существуетъ нѣкоторое время и послѣ учрежденія Пр. Сената, чего, конечно, не могло-бы быть, еслибъ она была только промежуточнымъ звеномъ между Боярскою Думою и Сенатомъ. Съ указанною оговоркою, можно говорить о Бл. Канцеляріи, какъ учрежденіи, предшествовавшемъ Пр. Сенату, такъ какъ въ ней по большей части, собирался тотъ боярскій совѣтъ (или консилія), который въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка замѣнялъ прежнюю Боярскую Думу.

Пр. Сенатъ при Петрѣ В.; его основаніе и устройство; губернскіе комиссары и фискалы.

Извѣстно, что Петръ былъ недоволенъ дѣйствіями указаннаго боярскаго совѣта, собиравшагося въ Ближней Канцеляріи, а именно медленностью его работъ, отсутствіемъ иниціативы въ рѣшеніи дѣлъ, частою неявкою на засѣданіи его членовъ, отговаривавшихся многочисленностью своихъ занятій, и т. д., при чемъ, вѣроятно, самъ сознавалъ, что вина всего этого частію лежитъ въ неопредѣленности состава, компетенціи и невыработанности устройства самого учрежденія. Постоянныя войны и продолжительныя отлучки изъ государства требовали созданія учрежденія прочнаго и опредѣленнаго по своему составу и компетенціи. И вотъ, объявляя 22 февраля 1711 г. о войнѣ съ Турціей, Петръ В. въ тотъ-же день создаетъ и Сенатъ. Учредительный актъ Сената, знаменитый указъ отъ 22 февраля 1711 г., собственноручно писанный Государемъ и данный имъ „въ Преображенскомъ", гласилъ слѣдующее: „указъ объявить послѣдующій — опредѣлили быть, для отлучекъ Нашихъ, Правительствующій Сенатъ для управленія: г. графъ Мусинъ-Пушкинъ, г. Стрѣшневъ, г. кн. Петръ Голицынъ, г. кн. Михайло Долгорукой, г. Племянниковъ, г. кн. Григорій Волконскій, г. Самаринъ, г. Василій Апухтинъ, г. Мельницкой; оберъ-секретарь сего Сената Анисимъ Щукинъ. Московскую губернію управлять и доносить Сенату Василью Ершову. На князь Петрова мѣсто Голицына г. Курбатовъ. Вмѣсто Приказа разряднаго быть столу разрядному при вышепомянутомъ Сенатѣ. Такожъ со всѣхъ губерній въ

1) П. Н. Милюковъ „Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформою Петра В." (С.-П., 1892 г.), стр. 108 сл.

вышеписанномъ суду, для спроса и приниманія указовъ, быть по два комиссара съ губерній".

Какъ ни многознаменательны, — въ смыслѣ врученія управленія государствомъ особому учрежденію — краткія слова этого учредительнаго акта, они, однако, даютъ мало матеріала для сужденія объ устройствѣ Сената. То же надо, въ общемъ, сказать и о трехъ указахъ Петра, данныхъ 2 марта и касающихся Сената. Указы эти, будучи чрезвычайно важны для опредѣленія власти и отвѣтственности членовъ новаго учрежденія, а равно и его первоначальныхъ задачъ, ничего не говорятъ объ устройствѣ Сената. Такъ, одинъ изъ этихъ указовъ, категорически объявлявшій („всѣмъ кому о томъ вѣдати надлежитъ") объ учрежденіи „Управительнаго Сената" гласилъ, что Сенату „всякъ, и ихъ указамъ, да будетъ послушенъ такъ, какъ Намъ Самимъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, или и смертію, по винѣ смотря", а, ссылаясь на присягу (которую долженъ былъ принести, при своемъ вступленіи въ должность, каждый сенаторъ), грозитъ сенаторамъ жестокимъ наказаніемъ за ея нарушеніе, но откладываетъ, однако, выполненіе этой угрозы до возвращенія государя, желая тѣмъ создать сенаторамъ твердую почву для непререкаемаго и непрерывнаго дѣйствія. Два другихъ указа (отъ того-же 2 марта) устанавливаютъ, въ своихъ 12-ти пунктахъ, примѣрную программу дѣятельности Сената, на первыхъ порахъ. (О нихъ мы скажемъ при обзорѣ компетенціи Сената). Немного находимъ данныхъ по устройству Сената и въ указѣ отъ 5 марта, состоящемъ изъ 3-хъ пунктовъ. Такъ первый пунктъ этого указа повелѣваетъ „всѣмъ, въ Сенатѣ пребывающимъ, мѣста имѣть по списку, кто послѣ кого написанъ въ опредѣлительномъ указѣ" (т. е. въ указѣ 22 февраля), а во второмъ — устанавливается, что „сенаторы должны голоса имѣть равные и у всякихъ указовъ подписывать всѣмъ своими руками, и что хотя одинъ не подпишетъ, засвидѣтельствуетъ неправу тому быти приговору, то и прочіе недѣйственны суть, однакожъ, надлежитъ тому, кто не споритъ, тое протестацію дать за своею рукою на письмѣ"; третій — говоритъ объ учрежденіи фискаловъ и ихъ отношеніи къ Сенату.

Таковы несложныя постановленія о Сенатѣ, данныя при его учрежденіи, и такъ скромно начинало свое историческое поприще знаменитое установленіе, игравшее затѣмъ столь важную роль среди высшихъ центральныхъ органовъ управленія Россіи въ новой ея исторіи. Если такое случайное обстоятельство, какъ отъѣздъ Петра на войну съ Турціею, создавало на время „Управительный Сенатъ", то цѣлый рядъ другихъ — укрѣпилъ его значеніе въ послѣдующіе годы. Во первыхъ „от-

лучки“ государя изъ отечества, или изъ своихъ столицъ, постоянно повторялись и были весьма продолжительны, а, во вторыхъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сказывалась необходимость имѣть единое центральное учрежденіе, сосредоточивающее въ себѣ все высшее управленіе государствомъ, его контролирующее и само, въ свою очередь, находящееся подъ постояннымъ контролемъ монарха и его управомоченныхъ. Правда, съ учрежденіемъ коллегій, отъ Сената отошло непосредственное управленіе государствомъ, но нужда для монарха въ высшемъ исполнительномъ органѣ, наблюдающемъ за закономѣрностью и цѣлесообразностью дѣйствій центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, продолжала постоянно сказываться. Поэтому самъ Петръ очень скоро перестаетъ смотрѣть на Сенатъ, какъ на учрежденіе временное, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе настоятельно требуетъ, чтобъ сенаторы „гораздо смотрѣли“ за дѣломъ управленія государствомъ, быстро выполняли указы царя и назначенныхъ отъ него персонъ, при чемъ, по своему обычаю, грозитъ сенаторамъ всяческими карами за упущеніе, нерадѣніе и пр. Ростъ государственныхъ потребностей и развитій задачъ управленія все болѣе и болѣе осложняютъ затѣмъ обязанности Сената: оставаться при той примитивной организаціи, какую получилъ первоначально Сенатъ, было невозможно, и вотъ, хотя медленно и постепенно, но Сенатъ преобразуется, его устройство болѣе и болѣе совершенствуется, и частію въ составѣ Сената, или его канцеляріи, частію рядомъ съ нимъ, создаются новыя установленія и должностныя лица, выполняющія тѣ или иныя функціи, при чемъ Сенатъ, въ концѣ царствованія, получаетъ свои „Должности“ (въ 1718 и 1722 гг.), или уставы, кои уже болѣе точно и обстоятельно, чѣмъ отдѣльные пункты и указы, опредѣляютъ его юридическое положеніе[1]). Резюмируя-же въ не-

1) По I-ой „Должности“ 1718 г. Сенатъ долженъ былъ состоять изъ президентовъ Коллегій; по II-ой (1722 г.) — „изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ“. По той и другой должности (пунктъ 2): „дѣло сенатское то, когда кому въ Коллегіи такое дѣло случится, которое въ той Коллегіи рѣшить невозможно, то тѣ дѣла президенту Коллегіи приносить и объявить генералу-прокурору, который рѣшитъ въ Сенатѣ, а чего невозможно рѣшить, о томъ, приложа свое мнѣніе, учинить предложеніе въ докладъ“ (государю); (пунктъ 5): „въ чины въ вышніе выбирать балотированіемъ (во II-ой прибавлено — совѣтника въ Коллегіи и выше, кромѣ дворовыхъ (т.е. придворныхъ) чиновъ, а ниже безъ балотированія“); (пунктъ 6): въ Сенатѣ надлежитъ чины сказывать, (т. е. избирать въ Должности), указы во все Государство давать и отъ насъ (т. е. отъ Государя) присланные рѣшить немедленно, и прочіе тому подобные (во II-ой „Должности“ добавлено, въ какія должности избираетъ Сенатъ, начиная съ генералитета, президентовъ и губернаторовъ). Вторая „Должность“ Сенату

многихъ словахъ, то, что относилось въ указахъ къ первоначальному устройству Сената, надо сказать, что составъ Сената былъ обозначенъ въ учредительномъ (или, какъ говорилъ самъ Петръ, въ „опредѣлительномъ“) указѣ 22 февраля 1711 г., при чемъ первоначально Сенатъ состоялъ изъ 9-ти сенаторовъ; позднѣе число сенаторовъ то уменьшалось, то увеличилось. Въ томъ-же указѣ было упомянуто и объ оберъ-секретарѣ Сената. Въ этомъ упоминаніи можно было видѣть, конечно, лишь слабый намекъ на то, что въ составѣ Сената необходимо будетъ впредь строго различать такъ наз. присутствіе отъ его канцеляріи. Намекъ, однако, былъ отлично понятъ Сенатомъ, и канцелярія Сената является уже съ первыхъ дней существованія его, хотя учредительный актъ и не упоминаетъ о ней. Канцелярія эта играла первоначально огромную роль, далеко выходящую за предѣлы ея прямаго назначенія, она долгое время была, вмѣстѣ съ губернскими комиссарами, единственнымъ постояннымъ исполнительнымъ органомъ при Сенатѣ. Для лучшаго установленія правильныхъ сношеній Сената съ губерніями утверждаются комиссары, по два отъ каждой губерніи. Эти губернскіе комиссары являются посредниками между высшимъ центральнымъ учрежденіемъ и мѣстными властями. Они принимаютъ отъ Сената указы, пересылаютъ ихъ губернаторамъ и сообщаютъ Сенату всѣ свѣдѣнія о губерніяхъ, какія онъ у нихъ можетъ потребовать.

Такъ какъ, Сенатъ, правя государствомъ, долженъ былъ, по смыслу Петровскихъ указовъ, и надзирать за дѣйствіями всѣхъ органовъ правительственной власти, то для достиженія этого, между прочимъ, устанавливаются такъ наз. фискалы, съ оберъ-фискаломъ во главѣ, состоящимъ при Сенатѣ и имѣющимъ товарищей въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ. Объ утвержденіи должности фискаловъ данъ указъ уже 2 марта 1711 г., а 5 марта подробно опредѣлена и сущность должности: „долженъ онъ“, говоритъ указъ о фискалѣ, „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако-жъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить“; всѣ „фискалы имѣютъ во всемъ такую-же силу и свободность, какъ и оберъ-фискалъ, кромѣ одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ“. Впрочемъ, тайный надзоръ фискаловъ

является болѣе полною, чѣмъ первая и въ ней находимъ опредѣленія объ отношеніи Сената къ рекетмейстеру, герольдмейстеру и ген.-прокурору, правила о дѣлопроизводствѣ Сената и пр.

былъ лишь первоначально особенностью ихъ должности; позднѣе фискалы и явно слѣдили за дѣятельностью административныхъ лицъ. (Должность фискаловъ продолжала затѣмъ опредѣляться рядомъ указовъ, изъ коихъ важнѣйшимъ былъ указъ 17 марта 1714 г., гдѣ устраняется возможность лживыхъ доносовъ отъ фискаловъ и яснѣе опредѣляется кругъ ихъ дѣятельности, состоящей „въ провѣдываніи, донесеніи суду о провѣданномъ и обличеніи на судѣ“ и пр.). Должность фискаловъ была вызвана настоятельной необходимостью прямого надзора за администраціею, злоупотребленія которой и до Петра, и при немъ были очень велики. Казнокрадство, взяточничество, волокита, всякаго рода насилія, неисполненіе указовъ отличали управленіе и особенно (вслѣдствіе невозможности строгаго надзора) — провинціальную администрацію. Потребность надзора была ясна, надо было только организовать его. Петръ В. организуетъ его, ввидѣ фискалата, по прусскому образцу; на фискаловъ указывалъ Петру извѣстный въ то время выходецъ изъ Голштиніи Генрихъ Фикъ (подавшій государю, между прочимъ, также проектъ объ устройствѣ Коллегій). Такъ какъ въ царствованіе Петра В. фискалы, — несмотря на то, что организація ихъ должности была очень несовершенна и что въ числѣ ихъ попадались люди именно съ такими пороками, какіе фискалы, по должности, должны были обличать въ другихъ, — были сдерживаемы въ своемъ своевольствѣ энергіею Петра, то они и принесли нѣкоторую пользу; въ послѣдующія же царствованія (до учрежденія о губерніяхъ Екатерины II, когда фискалы были уничтожены), они, служа нерѣдко произволу, приносили немало вреда. Нельзя не сказать также, что сама система какъ тайнаго, такъ и явнаго надзора, а равно постоянныхъ, часто бездоказательныхъ, доносовъ рѣшительно не могла возбуждать довѣрія къ должности, особенно, когда послѣдняя попадала въ дурныя руки, почему вполнѣ понятно, что должность фискаловъ скоро стала совершенно ненавистною, причемъ въ особенности эта ненависть была сильна въ правящемъ классѣ. Какъ относился къ фискаламъ самъ Сенатъ, видно изъ одного доношенія, поданнаго Петру 3 фискалами съ оберъ-фискаломъ во главѣ: „когда“, говорятъ они, „приходимъ въ Сенатъ, и отъ князей Якова Ѳедоровича (Долгорукаго), да отъ Григорія Племянникова, безо всякой нашей вины, бываетъ къ намъ, съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ, всякое немилосердіе, еще съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ (т. е. вслѣдствіе чего) намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ — антихристами и плутами“. Петръ позднѣе долженъ былъ сказать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ“.

Компетенція Пр. Сената въ области законодательства.

Обращаясь къ вопросу о компетенція Пр. Сената, надо сказать, что и она слагалась постепенно, не на основаніи какой-либо теоріи, а въ силу необходимости такъ или иначе разрѣшать наиболѣе настоятельныя нужды практической жизни. Создавалась эта компетенція путемъ любимыхъ Петромъ пунктовъ, посылая которыя онъ кратко объяснялъ, что въ данный моментъ должно было дѣлать то или другое учрежденіе. Такихъ пунктовъ первоначально (а именно еще 2 марта 1711 г.) Сенатъ получилъ 12[1]). На основаніи ихъ можно сказать, что Сенатъ являлся высшимъ судебно-военно-финансовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ обширный надзоръ за всѣмъ ходомъ государственнаго управленія и суда, что подтверждалось и послѣдующими приказами и указами. „Пункты", даваемые Сенату для исполненія, время отъ времени пополнялись и видоизмѣнялись; болѣе опредѣленности кругъ вѣдомства Сената получилъ со времени учрежденія Коллегій, къ которымъ отошло непосредственное управленіе государствомъ.

Обращаясь, послѣ этихъ замѣчаній, къ вопросу о компетенціи Сената въ области законодательства, надо сказать, что первый изслѣдователь по исторіи Сената при Петрѣ С. А. Петровскій пришелъ къ тому выводу, что „Сенатъ до Ништадскаго мира (т. е. до второй половины 1721 г.) дѣйствуетъ, какъ учрежденіе, имѣющее законодательную власть". Этотъ выводъ раздѣляется и другими учеными. Намъ, однако, кажется, что во все царствованіе Петра Сенатъ обладалъ распорядительною, а не законодательною властью, такъ, какъ, по справедливому замѣчанію Н. М. Коркунова „постановленіе, издаваемое подъ условіемъ послѣдующаго одобренія со стороны высшей власти и подъ страхомъ отвѣтственности передъ нею, никакъ нельзя подвести подъ понятіе закона, какъ выраженія воли власти верховной, ни передъ кѣмъ неотвѣтственной". Петръ весьма внимательно слѣдилъ за Сенатомъ, а сенаторы были отвѣт-

1) 2 марта было дано 2 указа; въ одномъ, состоящемъ изъ 3-хъ пунктовъ, говорилось, что Сенатъ долженъ: 1) разсмотрѣть вопросъ о торговлѣ „всякаго чина", съ уплатою пошлинъ; 2) составить вѣдомость, сколько и кому роздано „выморочныхъ деревень" и 3) объявить въ народѣ о томъ, что „доносителямъ, на скрывающихся отъ службы, будутъ отданы деревни того, кто ухоранивался"; въ другомъ указѣ, начинающимся словами „указъ что по отбытіи Нашемъ дѣлать" говорится, что Сенату надлежало: „1) судъ имѣть нелицемѣрный, и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, то-же и ябедникамъ да послѣдуетъ; 2) смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужныя, а особливо напрасныя, отставить; 3) денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги

ственны передъ нимъ за каждое свое распоряженіе. Весьма нерѣдко распоряженія свои Сенатъ дѣлалъ вполнѣ самостоятельно, поскольку дѣло шло о выборѣ тѣхъ или иныхъ мѣръ, цѣлесообразность коихъ долженъ былъ обсудить самъ Сенатъ. Но предметъ этихъ мѣръ почти всегда былъ намѣченъ тѣмъ или инымъ Петровскимъ „пунктомъ“, или указомъ, а сама мѣра получила свою исполнительную силу лишь постольку, поскольку за нее было, молчаливое или гласное, признаніе монарха. Говорить, при такихъ обстоятельствахъ, о законодательной власти Сената совершенно невозможно. Законъ, съ формальной точки зрѣнія, есть норма, исходящая исключительно отъ верховной власти, а таковая власть принадлежала, конечно, только Петру, какъ неограниченному государю. Конечно, распорядительная власть Сената была обширнѣе, когда Петръ былъ вдали отъ Сената и когда, по экстренности случавшихся мѣръ, нельзя было ждать отвѣта государя на эти мѣры. Это подтверждается, между прочимъ текстомъ указа отъ 17 апрѣля 1722 г. „о храненіи правъ гражданскихъ“. По этому указу Сенатъ долженъ былъ, — если въ регламентахъ „покажется что темно, или такое дѣло, что на оное рѣшенія не положено“, а Сенату сдѣлается это извѣстно — созвать всѣ коллегіи, обдумать вмѣстѣ съ ними данный вопросъ и представить, по дѣлу, общее мнѣніе государю, которое, конечно, получаетъ силу закона лишь по утвержденіи имъ. Но указъ при этомъ добавляетъ слѣдующее: „буде когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ, чинить (рѣшеніе), но не печатать, ниже утверждать вовсе, по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной апробаванъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ“. Сенатъ можетъ, такимъ образомъ, „чинить рѣшеніе“ по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства; но эти рѣшенія, чтобъ получить значеніе общей, а не частной, примѣняемой лишь ad hoc, мѣры, заслуживающей затѣмъ напечатанія и присоединенія къ регламентамъ, должны быть позднѣе утверждены государемъ; въ дѣлахъ же, которыя могутъ быть отложены,

---

суть артеріею войны; 4) дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; такожъ тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для того-же; 5) векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ; 6) товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать; 7) о соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли въ оной; 8) торгъ китайской, сдѣлавъ компанію добрую, отдать; 9) персидской торгъ умножить, и армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда. Учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ, пришлется извѣстіе“.

Сенатъ подаетъ лишь свое мнѣніе государю, но ни въ какомъ случаѣ не приводитъ его въ исполненіе [1]).

Но, если Сенатъ не обладалъ законодательною властью, то его распорядительная власть распространялась нетолько на приведеніе въ дѣйствіе уже существующихъ законовъ, но и на изданіе такихъ указовъ, которые бы нормировали новыя отношенія, возникавшія въ практикѣ тогдашней кипучей жизни, отмѣняли дѣйствіе устарѣвшихъ и т. п. Поэтому, въ сферѣ государственнаго управленія Сенатъ издавалъ указы о рекрутскомъ наборѣ, о новыхъ денежныхъ сборахъ и натуральныхъ повинностяхъ, измѣнялъ личный составъ учрежденій, уничтожалъ, для сокращенія расходовъ и введенія большаго порядка въ управленіе, прежніе Приказы, установлялъ новые (напр., Купецкую Палату для скупки металловъ для монетнаго дѣла); проводилъ дороги, учреждалъ почты, заботился о торговлѣ, пріостанавливалъ, при нуждѣ, даже дѣйствіе государевыхъ указовъ и т. д. Однимъ словомъ, онъ вѣдалъ, то, что вѣдалъ-бы государь, котораго онъ былъ „двойникъ“ („Сенатъ собирается вмѣсто Собственной Его Величества персоны“ говорится въ одномъ изъ указовъ Петра В.). Конечно, все это дѣлалось только по порученію самаго государя, и, преимущественно, въ отсутствіе государя, подъ условіемъ послѣдующаго одобренія рѣшеній Сената. Поэтому, кажется, нѣтъ основаній утверждать, что государь уполномочивалъ Сенатъ на изданіе законовъ въ его отсутствіе; вопросъ шелъ не о законахъ, а о чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя Сенатъ могъ принимать „до апробаціи“ монарха.

Если Сенатъ не имѣлъ законодательной власти, а лишь власть исполнительную и распорядительную, при чемъ размѣры послѣдней, естественно, были шире въ отсутствіе государя,

---

1) Еще раньше, а именно 19 ноября 1721 г., Петръ положилъ такую революцію на одинъ изъ докладныхъ пунктовъ, поданныхъ Синодомъ: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. объ общемъ законѣ), то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія Нашей руки чинить; а буде въ отлученіи Нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія Нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“ (говорится о томъ случаѣ, когда надо рѣшить вопросъ, имѣющій отношеніе и къ духовному вѣдомству). Эта резолюція и даетъ С. А Петровскому поводъ утверждать, что, если вообще „ни Сенатъ, ни равный ему по власти и значенію Синодъ, не могутъ собственною властью издавать какія-нибудь „новыя генеральныя опредѣленія“, т. е. попросту законы, то „въ случаѣ отсутствія государя, какъ исключеніе, допускается изданіе закона собственною властію обоихъ высшихъ учрежденій по совмѣстномъ ихъ обсужденіи“. Слова „такое дѣло“ не относятся къ законодательнымъ опредѣленіямъ, а къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя всегда могъ предпринимать Сенатъ, ранѣе — одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ Синодомъ.

чѣмъ во время его пребыванія въ столицахъ, то, несомнѣнно, онъ принималъ весьма дѣятельное и плодотворное участіе въ различныхъ моментахъ прохожденія какъ законопроектовъ, такъ и самихъ законовъ. Такъ онъ участвовалъ въ составленіи законопроектовъ въ однихъ случаяхъ, въ обсужденіи ихъ въ другихъ; при этомъ, Сенатъ долженъ былъ высказывать, по обсужденіи, свое мнѣніе и представить его на усмотрѣніе государя; при составленіи законопроекта — онъ долженъ былъ подать по вопросу особый докладъ. Лишь по утвержденіи того или другого, законопроектъ превращался въ законъ и затѣмъ обнародывался, или съ поправками Сената, или въ своемъ первоначальномъ видѣ [1]). Комиссіи о кодификаціи законовъ, созывавшіяся при Петрѣ, также находились подъ вѣдомствомъ Сената [2]).

Если, однако, Сенатъ раздѣлялъ съ цѣлымъ рядомъ учрежденій и лицъ труды по составленію и обсужденію законопроектовъ, а равно и по вопросу о кодификаціи нашихъ законовъ, то былъ одинъ видъ участія Сената въ движеніе законодательныхъ актовъ, принадлежавшій ему почти исключительно. Получая именные указы, составляя приговоры по многочисленнымъ и разнороднымъ дѣламъ, входившимъ въ его компетенцію, Сенатъ, конечно, долженъ былъ принимать рядъ мѣръ къ тому, чтобы, какъ именные указы, такъ и указы, состоявшіеся въ силу его собственныхъ приговоровъ, дѣлались извѣстны, либо всѣмъ, — буде указы эти предназначались, говоря языкомъ того времени, „для всенароднаго объявленія“, — либо тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, до которыхъ они спеціально относились. Задача эта была не изъ легкихъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Первоначально Сенатъ практикуетъ прибитіе печатныхъ листовъ для перваго рода указовъ, и разсылку — для второго. Въ 1714 году послѣдовалъ именной указъ, который можно разсматривать, какъ первую общую мѣру. По этому указу, Сенату повелѣно было именные указы, сенатскіе приговоры, состоявшіеся „о всякихъ государственныхъ генеральныхъ дѣлахъ“ и подлежащіе, вмѣстѣ „съ объявленными письмами“, „ко всенародному объявленію“, нетолько посылать „по прежнему“ во всѣ учрежденія, центральныя и губернскія, но „печатать и продавать всѣмъ, дабы были о томъ свѣдомы“. „Освѣдомленность“ населенія объ указахъ, даже всенародно публикованныхъ, во все царствованіе Петра была, — какъ, впрочемъ, и позднѣе — весьма незначительна, прежде всего, конечно, по безграмотности

1) Примѣры въ подтвержденіе сказаннаго въ моемъ изслѣдованіи о Сенатѣ при Петрѣ В. (въ „Исторіи Пр. Сената за 200 лѣтъ“, стр. 302 и сл.)

2) Ibidem, стр. 315 и сл.

населенія. Петру, и самому, и черезъ Сенатъ, приходилось неразъ напоминать объ обязательномъ знаніи указовъ, объявленныхъ и напечатанныхъ, причемъ при немъ впервые (по указу 9 февраля 1720 г.) выставлено требованіе „чтобъ впредь невѣдѣніемъ законовъ никто не отговоривался“ .... По разсылкѣ законовъ въ однихъ случаяхъ, по опубликованіи ихъ „во всенародное извѣстіе“ — въ другихъ, Сенатъ выступалъ въ роли хранителя и толкователя законовъ, въ роли, которая остается за нимъ и доселѣ. Выполняя эту высокую миссію, онъ заботился о правильномъ приложеніи ихъ на практикѣ, разъяснялъ ихъ истинный смыслъ, вообще разрѣшалъ всѣ затрудненія и сомнѣнія, являвшіяся при примѣненіи законовъ въ жизни. Такъ, напр., хотя указы объ образованіи Коллегій, а еще болѣе ихъ регламенты, опредѣляли съ достаточною полнотою кругъ вѣдомства каждой Коллегіи, многіе предметы, вѣдавшіеся многочисленными, нерѣдко случайными и временными, учрежденіями, нелегко поддавались, однако, отнесенію ихъ, безъ дальнихъ разсужденій, въ ту или иную Коллегію. Нечего говорить, что, до учрежденія Коллегій, царившая на практикѣ путаница въ предметахъ вѣдомства Приказовъ еще болѣе давала о себѣ знать, и, конечно, никто, какъ Сенатъ, не могъ разрѣшать всѣ возникавшія здѣсь сомнѣнія.

Расправная Палата. Рекетмейстеръ и герольдмейстеръ.

Обращаемся къ кругу дѣятельности Сената въ другихъ вѣдомствахъ. Уже одинъ изъ пунктовъ, данныхъ Сенату 2 марта 1711 г., предписывалъ новому учрежденію „судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, т. е. повелѣвалъ Сенату быть высшей судебной инстанціею, разсматривавшей, по жалобѣ сторонъ, приговоръ „неправедныхъ судей“. Сенатъ, обремененный массою административныхъ дѣлъ и порученій, вынужденный, кромѣ того, разсматривать доношенія фискаловъ и челобитныя „о судейской неправости“, скоро самъ замѣтилъ всю трудность своего положенія, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ „дѣлами вершеными“, имъ изъ губерній и Приказовъ еще брались нерѣдко къ разсмотрѣнію и „дѣла невершеныя“. Все это вмѣстѣ и заставило Сенатъ вспомнить о существованіи еще при Боярской Думѣ особаго судебнаго учрежденія — Расправной палаты, которую онъ и возстановилъ въ концѣ 1712 г. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Сенатъ проявилъ свою распорядительную власть, не спрашиваясь государя. Расправная Палата состояла изъ назначенныхъ Сенатомъ „расправныхъ дѣлъ судей“, которые судили вмѣстѣ съ однимъ или двумя сенаторами. Она должна была принимать къ своему разсмотрѣнію лишь „дѣла вершеныя“ („невершеныхъ дѣлъ изъ губерній и изъ При-

казовъ отнюдь не имать"), при чемъ, если челобитчикъ, показывалъ, что судья вершилъ его дѣло, „недѣльно и противно его величества указамъ и Уложенью", у него должно было „взять за рукою сказку, чтобъ онъ объявилъ именно, какая въ томъ дѣлѣ судейская неправность и противность государеву указу и Уложенью". Признавъ, затѣмъ, челобитную заслуживающею уваженія, Расправная Палата брала къ своему разсмотрѣнію „вершеное дѣло" и постановляла по немъ приговоръ. При жалобахъ на волокиту, Палата посылала въ соотвѣтствующее учрежденіе указъ о немедленномъ рѣшеніи даннаго дѣла и, въ случаѣ неисполненія указа, подтверждала свое требованіе „вторыми и третьими указами, подъ взятьемъ штрафовъ" и уже затѣмъ подавала сама объ этомъ доношеніе Сенату. Палата эта должна была также разсматривать фискальскія доношенія, сообщая въ Сенатъ ежемѣсячно и подробно, „коликое число фискальскихъ доношеній будетъ въ мѣсяцъ, и что по нихъ будетъ учинено". Она была какъ-бы департаментомъ Сената. Затѣмъ, когда была въ 1718 г. „на разнимательство неправыхъ вершеныхъ дѣлъ и расправы" устроена Юстицъ-Коллегія, отъ Сената и его Расправной Палаты отошли всѣ судебныя дѣла, при чемъ Сенатъ остался высшей аппеляціонной инстанціею. Жалобы на медленность рѣшеній Сената допускаются; („а буде и въ Сенатѣ такожъ учинять", т. е. не рѣшатъ дѣла въ положенный срокъ, „тогда бить челомъ самому его царскому величеству", говоритъ указъ 1714 г.), но на неправильныя рѣшенія онѣ недопустимы. Такъ, въ указѣ 1718 г. жалобы на Сенатъ запрещены подъ страхомъ смертной казни на томъ основаніи, что „тотъ высшій Сенатъ отъ его царскаго величества высокоповѣреннымъ есть, и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ нетокмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть". Дѣлая Сенатъ высшей аппеляціонной инстанціей, Петръ В. заботился о томъ, чтобы не обременять Сенатъ разсмотрѣніемъ челобитій и не превратить его въ простое судебное мѣсто. Въ Сенатѣ во 1-хъ идутъ жалобы только на Юстицъ-Коллегію и Помѣстный Приказъ, да и то не непосредственно, а чрезъ секретаря Сената, который докладывалъ дѣло государю, и затѣмъ въ Сенатъ поступаютъ только челобитныя, подписанныя государемъ.

Кромѣ Р. Палаты при Сенатѣ было образовано двѣ должности — рекетмейстера и герольдмейстера. Хотя должность рекетмейстра (или — генералъ-рекетмейстера) появляется подъ этимъ наименованіемъ впервые лишь въ указѣ 12 января 1722 г., причемъ 5 февраля дается и „Наказъ" только что назначенному рекетмейстеру, — т. е. иначе говоря, для законодателя только къ этому времени выясняется окончательно имя и обязан-

ности этого новаго магистрата, состоящаго при Сенатѣ, а равно и находится лицо, которое могло-бы ихъ выполнять успѣшно,— однако, потребность въ должности остро сказывается задолго до ея учрежденія. А именно уже 9 апрѣля 1720 г. Петръ, будучи въ Сенатѣ" указалъ „опредѣлить особаго человѣка, персону знатную, а съ нимъ быть секретарю Ивану Молчанову — ради пріема челобитенъ такихъ, въ которыхъ объявлять будутъ челобитчики на Коллегіи, или на которую Канцелярію, во многовременныхъ (отъ тѣхъ Коллегій и Канцелярій) челобитчикамъ волокитахъ" [1]). „Персона знатная", въ лицѣ рекетмейстера, явилась лишь въ 1722 г. Мотивами къ установленію должности рекетмейстера являлись, съ одной стороны, „немалыя волокиты" и несправедливыя рѣшенія судей, непрекратившіяся и по учрежденіи Коллегій, а съ другой — невозможное положеніе, въ которое ставили государя челобитчики, „недая покою" и всюду подавая ему свои прошенія, причемъ не обращали никакого вниманія на установленныя инстанціи [2]). Нѣкоторые ученые, какъ напр., Градовскій, думаютъ, разсматривая „Наказъ рекетмейстеру", что „Петръ Великій желалъ освободить Сенатъ отъ челобитчиковыхъ дѣлъ, оставивъ за

1) Эти лица должны были принимать челобитья, „помѣчать, чтобъ по тѣмъ челобитьямъ. . . . . дѣла рѣшили въ указанные сроки безъ всякаго продолженія" и требовать изъ Коллегій и Канцелярій, „извѣстіе о рѣшеніи оныхъ (челобитенъ), или зачѣмъ по которому дѣлу рѣшенія вскорѣ учинить неможно. А которыя челобитныя будутъ подавать на Коллегіи и Канцеляріи въ неправосудіи, или такія челобитныя, которыхъ имъ собою помѣтить невозможно, и по такимъ докладывать Пр. Сената и тому имѣть имъ записныя книги и для того при Сенатѣ опредѣлить имъ особое мѣсто".

2) „Понеже Его Величество, соболѣзнуя о подданныхъ своихъ, дабы имъ каждому, по ихъ дѣламъ, во всемъ судъ праведный и безпродолжительный, черезъ многіе и несносные труды свои, учреждалъ губерніи, Канцеляріи, а потомъ Коллегіи. И Его Величество многими указы и инструкціями и регламенты, — чтобъ судьи дѣла скоро и справедливо рѣшили, а челобитчики-бъ Его Величеству никто не дерзалъ, мимо суда и Сената, прошенія свои подавать, подъ жестокимъ прещеніемъ, — утверждено; однакожъ, несмотря на такіе указы и уставы, судьи челобитчикамъ въ дѣлахъ чинятъ немалыя волокиты, а другимъ дѣла вершать неправедно; такожъ и челобитчики, мимо опредѣленныхъ имъ судовъ и Сената, продерзостію своею прошенія свои приносятъ и подаютъ Его Величеству Самому, не дая нигдѣ покою". Другой указъ разражается горькою жалобою на то, что „челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою, и при этомъ не разсуждая, что „какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ — одна персона есть, и та коликами трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть, и хотя-бъ и такихъ трудовъ не было, возможно-ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину неточію человѣку, ниже ангелу: понеже и оные мѣстами описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ". . .

нимъ только нѣкоторыя дѣла, къ которымъ принадлежали и преступленія по должности". По автору, „рекетмейстера можно назвать отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ". Съ этимъ мнѣніемъ нельзя, однако, согласиться. „Отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ", по учрежденіи Коллегій, была Юстицъ-Коллегія, являвшаяся общею и высшею, для всей имперіи инстанціею, по судебнымъ дѣламъ, на которую подавались жалобы въ Сенатъ только въ томъ случаѣ „буде вышній тотъ Коллегіи Юстиціи судъ, какою своею впредь неисправою, тѣмъ челобитчикамъ правосуднаго рѣшенія послѣ того не учинитъ", да и эти челобитныя не подавались въ Сенатъ непосредственно, а черезъ секретаря Сената, представлявшаго ихъ предварительно государю. Рекетмейстеръ замѣнилъ собою прежній Челобитный Приказъ.

Весьма интереснымъ является 1-ый пунктъ „Наказа". Установивъ, что рекетмейстеръ принимаетъ челобитныя на Коллегіи и Канцеляріи „во многовременныхъ волокитахъ", Наказъ далѣе говоритъ, что „такія челобитныя ему, рекетмейстеру, принимая, въ тѣ Коллегіи ходить самому и свидѣтельствовать. И буде по свидѣтельству, противъ того челобитья, такія волокиты явятся: и ему тѣхъ Коллегій президентамъ говорить, дабы они оное дѣло рѣшили, по Регламенту, въ указанные сроки неотмѣнно; ежели-жъ въ указныя-жъ числа того дѣла не рѣшатъ: то доносить ему Сенату и требовать на оное рѣшеніе. Буде же будетъ челобитчикъ бить челомъ неправдою, то таковымъ, доложа Сенату, за ложное челобитье чинить наказаніе". Этотъ пунктъ ставилъ наблюденіе за дѣятельностью Коллегій очень практично, такъ какъ рекетмейстеръ, ходя по Коллегіямъ, могъ лично убѣждаться въ положеніи дѣлъ въ нихъ и тотчасъ же понуждать ихъ къ болѣе быстрому рѣшенію, что при Петрѣ и дѣлалось рекетмейстеромъ. У рекетмейстера имѣлась для дѣлопроизводства особая контора.

Еще при утвержденіи Сената въ 1711 г. было предписано „вмѣсто Приказа Разряднаго быть столу разрядному при вышеписанномъ Сенатѣ". Этимъ Сенату отдавалось завѣдываніе всѣхъ дѣлъ о военной службѣ и отдавалось въ то время, когда громадныя войны требовали серьезнаго наблюденія за тѣмъ, чтобы никто отъ службы не уклонялся и сама служба велась на болѣе правильныхъ основаніяхъ. Всѣ дѣла о служилыхъ людяхъ сосредоточивались въ разрядномъ столѣ Сената. Какъ самому Петру, такъ его Сенату прежде всего пришлось вести упорную борьбу съ уклонявшимися отъ службы дворянами (съ „нѣтчиками"). Сенатъ, обремененный множествомъ дѣлъ, не могъ вести эту борьбу вполнѣ успѣшно. Но, и помимо этого, Сенату прихо-

дилось составлять списки служилыхъ и приказныхъ людей, производить смотры недорослей и взрослыхъ, „писать въ чины“ (т. е. назначать въ должности), посылать на службу назначенныхъ лицъ и вообще заботиться, чтобъ никто отъ службы не уклонялся. Все это отнимало много времени и заботъ, и, въ одномъ изъ своихъ указовъ, самъ Петръ сознавался, что нуженъ былъ „герольдмейстеръ или иной какой чинъ, ктобъ дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ“.

Назначеніе въ этотъ „чинъ“ и послѣдовало 18 января 1722 г. при чемъ 5 февраля герольдмейстеръ получилъ и особый „Наказъ“ или „Инструкцію“. Этимъ „Наказомъ требовалось отъ него: 1) веденіе списковъ дворянъ[1]); 2) заведеніе „краткой (т. е. элементарной) школы[2]); 3) наблюденіе чтобъ въ „гражданство“ (т. е. въ гражданскую службу) не уходило болѣе 3 отъ каждой фамиліи“ и чтобъ вообще, „подъ именемъ малыхъ дѣлъ“, никто не уклонялся отъ службы; 4) вписываніе въ дворянскіе списки лицъ, достигшихъ дворянства. Позднѣйшими указами на герольдмейстера возлагается еще обязанность составленія гербовъ для дворянъ. У герольдмейстера была особая канцелярія (контора). Съ назначеніемъ герольдмейстера, отъ Сената отошло непосредственное завѣдываніе служилымъ классомъ, но за нимъ оставалось высшее руководительство въ этомъ завѣдываніи, при чемъ герольдмейстеръ былъ подчиненъ Сенату.

Весьма важную роль игралъ Сенатъ при Петрѣ В. въ области финансоваго управленія. Эта область управленія была вручена Сенату уже пунктами 2 марта 1711 г., постоянно затѣмъ дополнявшимися и видоизмѣнявшимися. Въ цѣломъ, Сенатъ долженъ былъ вообще заботиться объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, о бережной тратѣ собранныхъ денегъ, о своевременномъ доставленіи денежныхъ средствъ на жалованье, на армію, флотъ и другія государственныя потребности. Отсюда вытекало наложеніе Сенатомъ на населеніе новыхъ налоговъ и повинностей, уничтоженіе „ненужныхъ и напрасныхъ расходовъ“, забота о лучшей эксплуатаціи регалій, принятіе мѣръ къ сбору недоимокъ, къ своевременному по-

1) Списки эти должны были, во 1-хъ, быть генеральные именные и порознь по чинамъ; во 2-хъ содержать указанія, „кто изъ нихъ къ дѣламъ годится, и употреблены будутъ, и къ какимъ порознь, и затѣмъ оныхъ останется (свободныхъ) и, въ 3-хъ, показывать, „что у кого дѣтей, и въ каковы лѣта, и впредь кто родится и умретъ мужескаго пола“.

2) Мотивомъ къ учрежденію такой элементарной школы выставлено то соображеніе, что „здѣсь еще ученія не гораздо вкоренились, а особливо — въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, ничего нѣтъ“.

ступленію сборовъ изъ губерній и провинцій. До учрежденія Коллегій все это находилось въ непосредственномъ завѣдываніи Сената, за исключеніемъ, впрочемъ, счетоводства по государственнымъ доходамъ и расходамъ, которымъ занималось старое учрежденіе — Ближняя Канцелярія, просуществовавшая до 1718 г. Ее смѣняетъ Ревизіонъ-Коллегія, просуществовавшая, однако, самостоятельно только до 1722 г., когда, по указу 12 января, ей повелѣвается быть при Сенатѣ, „понеже едино дѣло есть, что и Сенатѣ дѣлается и неосмотря тогда (т. е. въ 1718 г.) учинено было". Эта Коллегія, переименованная въ Ревизіонъ-контору, состояла при Сенатѣ и всецѣло была ему подчинена. Что касается двухъ финансовыхъ Коллегій, вѣдающихъ доходы и расходы (т. е. Камеръ-коллегіи и Штатсъ-конторъ-коллегіи), то съ ихъ учрежденіемъ за Сенатомъ остается высшее руководительство по дѣламъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ, какъ, напр., наложеніе новыхъ налоговъ, уничтоженіе „негодныхъ" расходовъ, заключеніе контрактовъ на сумму болѣе 10 тысячъ и т. п.

Институтъ прокуратуры при Сенатѣ.

Дѣятельность Сената при Петрѣ В. протекала подъ его бдительнымъ надзоромъ, при чемъ личное обаяніе великаго монарха, съ одной стороны, могущество его власти, съ другой, были важнѣйшими факторами въ направленіи этой дѣятельности. Но, государь часто и подолгу отсутствовалъ изъ государства и какъ ни пристально всматривался онъ изъ своего далека въ дѣянія своихъ сотрудниковъ, онъ все-таки не могъ искоренить ихъ вражды между собою, вредящей ходу дѣлъ, казнокрадства, взяточничества и пр. Петръ, съ его свѣтлымъ умомъ, съ его громадной наблюдательностью, не могъ также не замѣтить, что однѣ угрозы наказаніями и даже сами наказанія были недостаточны для исправленія всѣхъ золъ тогдашняго управленія; они при томъ вырывали, или могли вырывать, у него самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ работниковъ. Онъ сознавалъ, что помочь дѣлу можетъ лишь организація постояннаго надзора за дѣятельностью лицъ и учрежденій, не исключая отсюда и самого Сената. Но въ первые годы по учрежденіи Сената такого надзора не было еще создано по отношенію къ „любимому дѣтищу" Петра, а государь довольствовался собственными воздѣйствіями надъ работою Сената. Чѣмъ болѣе, однако, отвлекался Петръ путешествіями и войнами отъ непосредственнаго наблюденія надъ Сенатомъ, чѣмъ болѣе, съ теченіемъ времени, развивалась и усложнялась дѣятельность Сената, тѣмъ ощущительнѣе сказывалась нужда въ особомъ органѣ надзора. Практика западныхъ учрежденій, съ которой разными путями знакомился Петръ Великій, говорила, что, наряду съ личнымъ вліяніемъ государей,

въ государствѣ благоустроенномъ должна дѣйствовать планомѣрная система учрежденій, всегда контролируемыхъ и всегда ответственныхъ. Прошло, впрочемъ, почти четыре года (послѣ учрежденія Сената), прежде чѣмъ была сдѣлана слабая попытка къ организаціи этого контроля надъ Сенатомъ, при чемъ эта попытка не была первоначально удачна, а именно, 17 ноября 1715 г. Сенату были объявлены четыре, — по обыкновенію, ничего неимѣвшіе между собою общаго, — пункта, изъ которыхъ первый гласилъ: „объявливается Василій Зотовъ чиномъ генеральнаго ревизора, или надзирателя указовъ, дабы все исполнено было“ [1]), т. е. всѣ именные указы были приводимы непремѣнно въ дѣйствіе.

Приведенный нами указъ, по своей неясности, можетъ поспорить съ извѣстнымъ указомъ 5 марта 1711 г., кратко говорящемъ о фискалахъ. Первыя слова указа говорятъ лишь о надзорѣ генеральнаго ревизора за выполненіемъ указовъ и о доношеніи объ этомъ Сенату, т. е. вовсе не касаются дѣятельности самого Сената, и только тогда, когда сенаторы не обратятъ вниманія на доношеніе генералъ-ревизора, онъ получаетъ право донесенія на нихъ государю, между тѣмъ какъ цѣль созданія должности не могла ограничиться только понужденіемъ сенаторовъ къ наблюденію за выполненіемъ указовъ, а должна была простираться и на самую ихъ дѣятельность; иначе ему не для чего было бы присутствовать въ засѣданіяхъ Сената и онъ могъ бы довольствоваться полученіемъ копій съ указовъ государя и слѣдить за ихъ исполненіемъ на практикѣ. Положеніе этого „надзирателя указовъ“ въ Сенатѣ было вообще незавидно. Сенаторы не очень-то выполняли его предложенія и даже не давали ему копій со всѣхъ указовъ, какъ это требовалось вышеуказаннымъ пунктомъ его должности. Несомнѣнно, однако, что Зотовъ игралъ нетолько роль корреспондента государя, но, получая копіи указовъ его, долженъ былъ слѣдить за ихъ исполненіемъ и со стороны Сената. Почему-жъ, однако, не было дано ему соотвѣтствующихъ полномочій и Сенату не напоминалось строго о необходимости слушаться его распоряженій, основанныхъ на высочайшихъ повелѣніяхъ? По-

1) Тотъ же пунктъ гласилъ: „ежели кто не исполнитъ, въ такое время, кому возможно въ то время исполнить, или указъ точный имѣетъ, съ срокомъ, на того объявлять въ Сенатѣ, а онымъ немедленно штрафовать оныхъ, и то дѣло довершивать; буде-же въ Сенатѣ въ томъ манить станутъ нѣсколько, или всѣ, то на нихъ Намъ доносить“. Онъ долженъ имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ Сенатъ сидитъ и записывать указы, и держать онымъ протоколъ, которому со всѣхъ указовъ сообщенныя копіи, за подписаніемъ Сената мѣсячнаго, даваны да будутъ“ для того, конечно, чтобъ онъ могъ слѣдить за ихъ выполненіемъ на практикѣ.

чему, кромѣ того, около него не было образовано никакого служебнаго персонала и самому ему не дано столь обычныхъ при Петрѣ „пунктовъ“, или инструкціи, сколько-нибудь точно опредѣляющей предметы его вѣдомства, отношеніе къ Сенату, устанавливающей, наконецъ, порядокъ производства дѣлъ? Кажется, въ отвѣтъ на все это можно лишь сказать, что ни въ моментъ созданія должности, ни нѣсколько лѣтъ спустя (до учрежденія прокуратуры), у Петра не было еще ничего готоваго по вопросу объ организаціи контроля надъ Сенатомъ и другими учрежденіями, тогда возникавшими, и онъ только еще работалъ надъ вопросомъ объ организаціи этого контроля[1]).

Надо при этомъ отмѣтить, что только во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1717 году государь имѣлъ случай лично получить нѣкоторыя представленія объ институтѣ прокуратуры. Онъ присутствовалъ 19 іюля на торжественномъ засѣданіи парламента (grande chambre), гдѣ чины парламента и его прокуратуры привѣтствовали государя, а генералъ-адвокатъ де-Ламуаньонъ, занимавшій прокурорское мѣсто, сказалъ, — какъ представитель французской прокуратуры, отъ имени всѣхъ ея чиновъ, — рѣчь, въ которой поздравилъ „парламентъ съ высокою честью Царскаго въ немъ присутствія“ и вполнѣ справедливо, конечно, утверждалъ, что „такъ какъ исторіи суждено передать потомству подвиги и доблести этого героя, то храмъ правосудія долженъ включить настоящій день въ число славнѣйшихъ дней своихъ, а лѣтописи парламента всегда сохранятъ о немъ воспоминаніе“.

Занятый множествомъ важныхъ дѣлъ, Петръ могъ приняться, однако, за выработку „Должности“ генералъ-прокурора неранѣе 1721 г. и кончилъ ее къ 1722 г. До этого времени у него не было выработано ничего вполнѣ опредѣленнаго по вопросу объ организаціи контроля надъ Сенатомъ, хотя и продолжала ощущаться острая нужда въ немъ и тотъ же Зотовъ доносилъ царю позднѣе, а именно въ 1718 г., о крупныхъ непорядкахъ въ дѣлопроизводствѣ Сената. Но, повидимому, первый „генералъ-ревизоръ“, этотъ предшественникъ генералъ-прокурора, не былъ въ глазахъ Петра настолько довѣреннымъ и близкимъ лицомъ, чтобъ онъ могъ рѣшиться вручить ему сильную надзирающую власть надъ Сенатомъ, не говоря уже о томъ, что Петру самому въ это время не была ясна вполнѣ организація этой власти. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ, какъ намъ представляется, объясняется межеумочное положеніе В. Зотова

---

1) Болѣе подробно объ этомъ въ моемъ изслѣдованіи о Сенатѣ въ царствованіе Петра В. (въ изданіи „Исторія Сената за 200 лѣтъ“, т. I, стр. 207 и сл.)

въ Сенатѣ, окончившееся, впрочемъ, уже въ 1719 г., когда онъ пересталъ появляться въ засѣданіяхъ Сената. Но нужда въ контролѣ заставляетъ Петра временно возложить въ началѣ 1720 г. обязанности „надзирателя указовъ“ на перваго оберъ-секретаря Сената А. Щукина, что онъ и несетъ до своей смерти, послѣдовавшей въ томъ-же году; затѣмъ въ началѣ слѣдующаго года тѣ-же обязанности исполняютъ, по очереди, штабъ-офицеры гвардіи, причемъ эти обязанности также были мало опредѣлены въ подробностяхъ. Въ „краткомъ экстрактѣ о поступкахъ сенатскихъ“, хранящемся въ одномъ изъ нашихъ архивовъ, мы находимъ такое изображеніе перемѣнъ въ организаціи надзора за Сенатомъ, интересное какъ выраженіе взглядовъ современника на вопросъ: „когда Его Императорское Величество“, читаемъ въ первомъ пунктѣ экстракта, „соизволилъ усмотрѣть въ Сенатѣ непорядки, тогда оберъ-секретарю соизволилъ дать инструкцію, какимъ порядкомъ имъ (т. е. сенаторамъ) дѣла слушать; а ежели кто изъ членовъ Сената противно того учинитъ, то ему, все покинувъ, иттить тотчасъ и объявить Его Величеству, гдѣ бы быть не изволилъ, а во отлученіи Его Величества писать именно“. „А какъ Его Императорскаго Величество изволилъ усмотрѣть“, читаемъ далѣе, что „оберъ-секретарское смотрѣніе въ томъ несильно, тогда указалъ гвардіи майору при томъ быть съ перемѣною помѣсячно. А понеже въ переменныхъ гвардіи майорахъ Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, во исполненіи его указовъ, недостатокъ, того ради въ 1722 г. въ Сенатѣ опредѣлилъ генералъ- и оберъ-прокуроровъ“, давъ имъ инструкцію. Здѣсь, въ немногихъ словахъ, но ясно изображены перемѣны въ организаціи порядка надзора за Сенатомъ, причемъ, въ общемъ, вѣрно указано и на исканіе Петромъ лучшихъ способовъ этой организаціи.

Послѣ долгой разработки законопроекта о генералъ-прокурорѣ — разработки, къ которой Петръ приложилъ немало собственныхъ усилій, государь далъ, наконецъ, 22 апрѣля 1722 г. знаменитую „Должность генералъ-прокурору“ назначивъ еще 18 января Павла Ягужинскаго — генералъ-прокуроромъ, Григорія Скорнякова-Писарева — оберъ-прокуроромъ Сената. Въ появившейся черезъ нѣсколько дней, а именно 24 января, „Табели о рангахъ“ было предуказано высокое положеніе чиновъ генералъ- и оберъ-прокурора Сената: такъ рангъ перваго, говоря языковъ того времени, отнесенъ къ третьему классу, второго — къ четвертому. Подробная разработка въ „Должности“ вопроса о положеніи генералъ- и оберъ-прокурора въ Сенатѣ привела къ тому, что, какъ генералъ-прокурору, такъ его „по

мощнику", давалась возможность сразу, — что такъ рѣдко было при Петрѣ, — вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, имѣя подъ собою твердую почву въ законѣ, а не итти ощупью, отъ случая ко случаю, какъ это долго приходилось дѣлать сенаторамъ, оберъ- и генералъ-фискаламъ и другимъ Петровскимъ магистратамъ.

Остановимся на обзорѣ положеній этой, игравшей столь важную роль въ исторіи института, „Должности". Ея девять пунктовъ вполнѣ точно и опредѣлено устанавливаютъ права и обязанности генералъ-прокурора въ Сенатѣ, давая ему, въ лицѣ оберъ-прокурора, „помощника въ его дѣлахъ", замѣняющаго его „въ небытность" въ Сенатѣ. Такъ, первый пунктъ гласитъ, что „генералъ-прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою Должность хранилъ, и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ и указамъ, отправлялъ"... Такъ какъ конечно, Сенатъ могъ имѣть законныя основанія въ своемъ промедленіи, то генералъ-прокуроръ обязанъ занести эти основанія въ свой журналъ. Какъ-бы боясь, что исполненіе будетъ чистоформальнымъ и Сенатъ ограничится лишь посылкою указовъ, — „а то позабудетъ" узнать, что „дошли-ли" и приведены ли въ надлежащее дѣйствіе (какъ это указывалъ еще раньше Сенату Петръ), — уже первый пунктъ „Должности" подробно и точно регламентируетъ обязанности генералъ-прокурора по отношенію къ исполненію Сенатомъ своихъ обязанностей [1]).

---

1) Именно — Петръ требуетъ отъ генералъ-прокурора „накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено-ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины, невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностью, и о томъ немедленно Сенату предлагать долженъ, для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ, въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего, и прочія обстоятельства нужныя вносить". Затѣмъ, согласно второму пункту, если ген.-прокуроръ замѣтилъ-бы, что Сенатъ не поступаетъ въ своемъ званіи „правильно и нелицемѣрно" — т. е., въ сущности, если онъ „не хранитъ своей Должности" — тогда въ тотъ же часъ повиненъ (онъ) предлагать Сенату явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ, не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить, и немедленно донесть Намъ, если весьма нужное, а о прочихъ — въ бытность Нашу въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ".

Исполняя въ Сенатѣ свои обязанности, ген.-прокуроръ долженъ былъ поступать „осторожно и осмотрительно, дабы напрасно кому безчестья не учинить“. Если дѣло нарушенія закона представляется ему неяснымъ, „или два вида имѣющимъ“, — какъ своеобразно выражается „Должность“, — онъ можетъ повременить съ своей протестаціею и „посовѣтоваться о дѣлахъ, съ кѣмъ самъ заблагоразсудитъ“. Но, если при этомъ увидитъ, что „подлинно такъ, или болѣе изъяснить и сумнѣнія миновать не можетъ, то доносить Намъ, однакожъ, болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать, а, ежели зѣло ясно, то немедленно доносить въ нужныхъ (дѣлахъ), а въ прочихъ, какъ выше писано, тако же не медля болѣе недѣли-жъ, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ Мы будемъ въ отлученіи, то, однакожъ, письмомъ въ то-жъ время написаннымъ, и немедленно съ нарочнымъ послать“. Требуя „явнаго“ и своевременнаго доношенія, законъ, однако, предостерегаетъ генералъ-прокурора, что „ежели (онъ) какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ самъ наказанъ, по важности дѣла“.

Изъ другихъ пунктовъ „Должности“ заслуживаетъ вниманія пунктъ 9-ый, который говоритъ, что „генералъ- и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ Нашего“. при чемъ у Сената остается лишь право ареста, при отлучкѣ государя, этихъ чиновъ и учиненія надъ ними розыска въ случаѣ ихъ измѣны; затѣмъ 10-ый пунктъ устанавливаетъ за генералъ-прокуроромъ важное право условной законодательной иниціативы [1]), въ случаѣ отсутствія „ясныхъ указовъ“ по какимъ-либо вопросамъ и, наконецъ, пунктъ 11-ый, исходя изъ положенія, что „сей чинъ, яко око Наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“, долженъ во всемъ „вѣрно поступать“, заключаетъ, что, въ противномъ случаѣ, „перво на немъ взыскано будетъ, и ежели въ чемъ поманитъ, или инако какимъ образомъ ни есть Должность свою вѣдѣніемъ, или волею преступитъ, то яко преступникъ указа и явный разоритель государства наказанъ будетъ“. Предполагая, однако, что возможно допустить нарушеніе имъ Должности своей „весьма не вымысломъ“, законъ не ставитъ ему этого нарушенія въ вину. Громадныя права, предоставленныя генералъ-прокурору Сената,

1) Пунктъ 10: „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено, о тѣхъ предлагать (генералъ-прокурору) Сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы, противъ указа апрѣля 17 дня 722 г., который всегда на столѣ держится; и какъ сочинятъ, доносить Намъ и, ежели въ пополненіе сей инструкціи, что усмотритъ, о томъ доносить-же“. Упоминаемый въ текстѣ указъ, который, „яко зерцало передъ очьми судящихъ“ долженъ былъ стоять всегда на столѣ во всѣхъ мѣстахъ, начиная съ Сената, см. въ I П. С. З., № 3970).

требовали назначенія на должность лица, на которое монархъ могъ вполнѣ положиться. Довольно единогласныя показанія современниковъ рисуютъ перваго генералъ-прокурора, какъ человѣка очень способнаго отъ природы, энергичнаго, честнаго, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ государя, сказавшаго про него однажды: „что осмотритъ Павелъ, то такъ вѣрно, какъ будто я самъ видѣлъ“. Довѣріе это Ягужинскій оправдывалъ до конца царствованія Петра, что было тогда уже само по себѣ незаурядным явленіемъ. Несомнѣнно также, что рвеніе перваго генералъ-прокурора было очень велико, но, по сознанію самаго Ягужинскаго, „сенатское заобычное несогласіе нетокмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и воистину немало остановки тѣмъ бываетъ“. Интересно, что Ягужинскій однажды предложилъ Петру измѣнить составъ Сената, не имѣя, очевидно, возможности, — несмотря на всю свою близость къ монарху — въ достаточной степени вліять на сенаторовъ: „я бы желалъ“, откровенно заявляетъ онъ, „чтобъ Сенатъ изъ такихъ среднихъ людей былъ сочиненъ, чтобъ сильныхъ особъ споровъ и брани меньше было“. Но Петръ на это предложеніе не пошелъ. Выборъ генералъ-прокурора, по указу 1722 г., былъ предоставленъ самому Сенату, однако, въ дѣйствительности, самъ Петръ назначилъ генералъ- и оберъ-прокуроровъ. Какъ это обстоятельство, такъ и сама должность, очень не нравились сенаторамъ и, когда при Аннѣ Іоанновнѣ обсуждали вопросъ о возстановленіи вполнѣ Петровскаго Сената и, между прочимъ, должности генералъ-прокурора, то въ первомъ же засѣданіи Сената его члены не высказались за необходимость этой должности при Сенатѣ[1]).

1) Генералъ-прокурору было вмѣнено, между прочимъ, въ обязанность слѣдить за дѣятельностью фискаловъ, а созданіе новаго института прокуратуры вообще толкуется нѣкоторыми изслѣдователями, напр. Н. В. Муравьевымъ въ томъ смыслѣ, что съ появленіемъ этого учрежденія, „предназначеннаго для исправленія или замѣны фискаловъ“, они уже были въ тѣни, въ энергіи оберъ-фискала уже не ощущалось прежней надобности и тѣмъ ярче выступили темныя стороны его дѣятельности, тѣмъ легче было свести съ ней многочисленные счеты“, причемъ ставятъ это измѣненіе въ положеніи фискалата также въ связь съ дѣломъ оберъ-фискала Нестерова, какъ извѣстно, казненнаго въ 1724 г. Намъ, однако, кажется, что, создавая прокуратуру, Петръ вовсе не думалъ замѣнять ею фискаловъ, и фискалы совсѣмъ не находятся, послѣ учрежденія прокуроровъ, въ тѣни. Наоборотъ, какъ нѣкоторые указы Петра Великаго, такъ и образованія новой должности генералъ-фискала ясно показываютъ его желаніе поднять институтъ и дать ему условія лучшаго развитія при наличности прокуратуры. Другое дѣло, конечно, привело ли это желаніе къ чему либо положительному, но во всякомъ случаѣ, прокуратура не должна была его замѣнить. Подчиненіе фискалата прокуратурѣ было просто результатомъ неудовлетворительнаго

Дѣлопроизводство въ Пр. Сенатѣ.

Какъ уже кратко указывалось, въ первоначальныхъ указахъ о Сенатѣ, мы находимъ мало опредѣленій объ его дѣлопроизводствѣ, впослѣдствіи сдѣлавшимся весьма громоздкимъ и вызывавшимъ справедливыя нареканія въ большой медленности. „Опредѣлительный“ о Сенатѣ указъ повелѣлъ лишь быть въ Сенатѣ оберъ-секретарю, а указъ отъ 5 марта 1711 г. установилъ только, что каждый сенаторъ занимаетъ мѣсто по тому порядку, въ какомъ онъ записанъ въ опредѣлительномъ указѣ, да отмѣтилъ, что „сенаторы должны голоса имѣть равные и у всякихъ указовъ подписывать всѣмъ своими руками и что, хотя одинъ не подпишетъ и засвидѣтельствуетъ неправу тому быти приговору, то и прочіе недѣйствительные суть, однако-жъ, надлежитъ тому, кто оспоритъ, тое протестацію дать за своею рукою на письмѣ“. Въ этомъ указѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, повелѣніе о единогласномъ рѣшеніи дѣла, о подписаніи указовъ всѣми сенаторами, а равно и о подачѣ отдѣльнаго мнѣнія тѣми изъ нихъ, которые не соглашаются съ состоявшимися рѣшеніями. Затѣмъ Сенатъ самъ 27 марта постановляетъ весьма важный приговоръ о раздѣленіи своей Канцеляріи на столы, а столовъ на повытья; по столамъ распредѣляются всѣ дѣла, поступающія въ Сенатъ [1]). Требованіе единогласнаго рѣшенія

веденія Юстицъ-коллегіею фискальскихъ дѣлъ (куда они отошли отъ Сената). При томъ цѣль учрежденія должности прокуроровъ (слѣдить за закономѣрностью управленія) нисколько не поглощалась цѣлью фискалата (слѣдить за злоупотребленіями власти и производить о нихъ розыскъ). Кромѣ того, злоупотребленія эти были такъ велики, а желаніе ихъ пересѣчь у Петра было такъ сильно, что въ одной запискѣ, собственноручно написанной государемъ, у него вырывается замѣчаніе о полномъ для него безразличіи, кто доноситъ, лишь-бы доносъ былъ справедливъ; разница состоитъ только въ порядкѣ направленія дѣлъ по ложнымъ доносамъ. Именно, 18 янв. 1722 г. Петръ указалъ, что „Надворнымъ судамъ надлежитъ не одни расправныя дѣла дѣлать, но и прочія всѣ по доносамъ фискальскимъ, или хотя кто не фискалъ, донесетъ на кого, которые повинны они сыскивать, и сыскавъ, послать дѣло и виноватыхъ въ тое коллегію, гдѣ кто вѣдомъ (а вмѣсто его приказать дѣло его, кому заблагоразсудятъ, до опредѣленія коллегіи), а самимъ не вершить. А ежели кто ложно донесетъ, кромѣ фискала, то тѣхъ по винамъ наказывать; а ежели фискалъ, то учинитъ, то, сыскавъ, его и дѣло отсылать къ генералу-прокурору“. Законъ этотъ указываетъ, что и доносовъ фискаловъ было недостаточно, приходилось прибѣгать, для пресѣченія зла, къ помощи частныхъ лицъ. При острой нуждѣ въ доносителяхъ, конечно, не могло во 1-хъ, на практикѣ проводиться строго требованіе отъ фискаловъ только „тайнаго провѣдыванія“, а во 2-хъ, и возникнуть мысли объ уничтоженіи института фискаловъ.

1) Такъ, уже по приговору своему отъ 27 марта 1711 г. Сенатъ дѣлитъ Канцелярію свою на 5 столовъ, или отдѣленій, а именно на

дѣлъ вызывало много неудобствъ на практикѣ — особенно, ввиду частыхъ отлучекъ государя и невозможности представлять дѣла ему лично, при разногласіи рѣшеній — и вотъ указомъ 1714 г. 4 апрѣля, — какъ это впервые было отмѣчено С. А. Петровскимъ (до его изслѣдованія общее мнѣніе ученыхъ предполагало, что единогласіе въ рѣшеніяхъ требовалось во все время Петровскаго царствованія) — вводится рѣшеніе по большинству голосовъ. Именно предписывается какъ въ Сенатѣ, такъ и въ другихъ учрежденіяхъ вести протоколы, куда должно было записывать все происходящее и, между прочимъ, отдѣльныя мнѣнія каждаго: „а когда подпишутъ всѣ свое мнѣніе, тогда диспуты имѣть, а съ той диспуты, куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и споритъ будетъ, понеже болѣе голосовъ туда стало“. Голоса надо

столы: 1) секретный, 2) приказный, 3) губернскій, 4) разрядный и 5) фискальный. Въ первомъ должны быть, во 1-хъ, собраны въ копіяхъ всѣ указы и письма государя, обращенные непосредственно къ Сенату, а равно и отвѣты на нихъ со стороны Сената; затѣмъ, во 2-хъ, „письма и нужнѣйшія вѣдѣнія ихъ милости, верховныхъ господъ“ (Меншикова, Апраксина, Шереметева, Головкина и др.), когда они „о чемъ либо важномъ и нужнѣйшемъ писати будутъ къ Правительствующему Сенату указомъ Царскаго Величества“; въ 3-хъ письма, отписки, вѣдѣнія губернаторовъ, меморіалы пословъ, посланниковъ и президентовъ, а равно какъ названныхъ, такъ и другихъ лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ государя и вступавшихъ въ переписку съ Сенатомъ по управленію Малороссіею и т. п. Сосредоточіе въ секретномъ столѣ документовъ по перепискѣ съ послами показываетъ, какъ широко понималъ первоначально свои задачи по управленію государствомъ Сенатъ. Завѣдываніе секретнымъ столомъ поручалось изъ старыхъ подъячихъ двумъ человѣкамъ, „которые такового дѣла есть практики, въ нихъ же и окладное дѣло, весьма сочиненія ради табелей, искусно было“. Подъячіе этого стола должны были (какъ, впрочемъ, и другихъ) „разбирать“ всѣ поступавшія дѣла „по различію качества оныхъ“ и собирать по числамъ и по мѣсяцамъ, вести имъ реестръ и пр. Второй столъ сенатской канцеляріи — приказный — завѣдывалъ перепискою Сената съ Приказами, денежными и монетными дворами, а равно и вѣдалъ во всемъ Московскую губернію и московскій гарнизонъ и „прочихъ губерній сношенія о настоящихъ дѣлахъ, которыя по вопросамъ изъ онаго подлежать будутъ какому особому усмотрѣнію“ и т. д. Третій столъ — губернскій — завѣдываетъ управленіемъ губерній Кіевской, Азовской, Казанской, С.-Петербургской, Архангелогородской, Смоленской и Сибирской. Четвертый столъ — разрядный — завѣдываетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ завѣдывалъ прежній Разрядный приказъ, впрочемъ, съ присоединеніемъ, сюда позднѣе всего того, что касалось вообще военной службы со всѣми ея новшествами при Петрѣ. Что касается пятаго стола — фискальнаго, то его обязанности не указываются въ разбираемомъ сенатскомъ приговорѣ, но они сводились, какъ ясно изъ наименованія стола, къ сосредоточію переписки Сената по „фискальскимъ дѣламъ“.

было собирать съ младшихъ, чтобъ не стѣснять ихъ мнѣній. Къ рѣшенію дѣла надо было приступать, когда извѣстять о немъ всѣхъ членовъ; если какой членъ отсутствовалъ, ему посылалось дѣло на домъ, чтобъ онъ всетаки далъ свое мнѣніе; всѣ мнѣнія записываются затѣмъ въ протоколѣ, „ибо симъ“, — говоритъ государь въ своемъ указѣ, — „всякаго дурость явлена будетъ“. Надо, далѣе, вообще замѣтить, что Петръ В. старался ввести больше порядка въ дѣлопроизводство, чѣмъ было прежде. Это на первыхъ порахъ создало много канцелярскихъ формальностей (какъ напр. веденіе протоколовъ, входящихъ и исходящихъ журналовъ и т. д.), не внося, однако, большей правильности въ рѣшеніе дѣлъ, чего хотѣлъ достичь Петръ В. Одну мысль здѣсь надо отмѣтить: Петръ хотѣлъ, чтобы сенаторы рѣшали дѣла сами[1]), а канцелярія давала имъ только подготовительный матеріалъ; съ цѣлью, между прочимъ, контролировать это и былъ введенъ

1) О порядкѣ обсужденія и „вершенія“ (рѣшенія) дѣлъ 9 пунктъ II-ой „должности“ Сената говоритъ, что „о всѣхъ дѣлахъ, которымъ надлежитъ вершенымъ быть, въ Сенатѣ подобаетъ на столѣ подробному реестру повседневно быть съ описью, давно ли которыя дѣла не вершены, и слушать и рѣшить по оному реестру, а не выборомъ, а какія дѣла будутъ нужныя, тѣ напередъ, а наипаче же Наши указы, яко главное дѣло; а всѣ дѣла слушать и рѣшить слѣдующимъ образомъ: когда какое дѣло будутъ слушать, тогда между собою не говоритъ, и, выслушавъ, буде дѣло не важное, въ то время приговаривать съ нижнихъ голосовъ и рѣшить, а ежели котораго дѣла вскорѣ рѣшить будетъ неможно, то, вставъ, и кто съ кѣмъ заблагоразсудить, о томъ дѣлѣ толковать надлежащее время, по важности дѣла и по разсужденію генералъ-прокурора, для чего ему генералу-прокурору имѣть песочные часы и, какъ будутъ толковать, встанутъ и тогда, объявя имъ песочные часы, обратя поставить на столъ такіе, сколько къ тому толкованію время надлежитъ, а какъ то время пройдетъ, тогда сѣсть всѣмъ по своимъ мѣстамъ, и по вышеозначенному голосы свои давать съ низу одинъ по другомъ, и давъ голоса, рѣшить, а больше показаннаго времени въ рѣшеніи продолженія не чинить; и которыя вершатся, тѣ, записавъ въ протоколъ, отмѣчать въ реестрѣ; а ежели случится зѣло тяжкое, которое въ короткое время не можетъ рѣшиться, то отложить и до другого дня; буде же такое дѣло, которое отсрочки не терпитъ, то поговорить и подумать до трехъ часовъ, и рѣшить по вышеписанному-жъ; а какъ голоса свои давать будутъ, тѣ каждаго голоса записывать секретарю, и имъ каждому по своимъ голосамъ крѣпить. А ежели кто изъ членовъ совѣта чинить не будетъ, или что приговаривать будетъ неправно, то генералъ-прокурору о томъ имъ предлагать, чтобъ они чинили такъ, какъ надлежитъ, безъ страсти, напоминая имъ то, что всегда подобаетъ Сенату имѣть о монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе, и доброе простирать и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать . . .“ Надо замѣтить, что протоколы составлялись довольно рѣдко, а преобладающею формою оставался приговоръ, въ которомъ, конечно,

указанный сложный порядокъ письменнаго производства и различныхъ формальностей. Съ Петра, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ другихъ учрежденіяхъ, рѣзко отличается отъ канцеляріи такъ наз. присутствіе. Если канцелярія завѣдуетъ пріемомъ и регистраціею входящихъ въ учрежденіе дѣлъ, а равно отправленіемъ, по принадлежности, постановленій даннаго учрежденія и т. п., то разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ принадлежитъ лишь присутствію, въ томъ его составѣ и кворумѣ, какой опредѣленъ по закону. Оберъ-секретарь (въ Сенатѣ, Синодѣ, нѣкоторыхъ коллегіяхъ), или секретарь является въ присутствіи докладчикомъ подлежащихъ разсмотрѣнію дѣлъ, наблюдаетъ за составленіемъ протокола засѣданія и записью приговора, приводитъ его въ исполненіе и т. п.

Надо еще замѣтить по отношенію къ Канцеляріи Сената, что ея дѣлопроизводство было различно до учрежденія коллегій и послѣ этого учрежденія. Первоначально, Канцелярія Сената, ведя сложное письмоводство, вообще была исполнительнымъ органомъ Сената, изъ нея выдавалось жалованье различнымъ чинамъ, а также деньги на покупку провіанта, мундира для арміи, лошадей, артиллеріи и пр., и слѣдовательно, велось обширное счетоводство по расходованію суммъ, поступавшихъ въ Канцелярію изъ разныхъ мѣстъ; затѣмъ, Канцелярія нерѣдко должна была, кромѣ того, сама заботиться о заготовленіи разныхъ вещей, нужныхъ для арміи и для флота, заключать подряды съ разными лицами, составлять контракты съ призываемыми наслужбу мастеровыми людьми и т. п. Въ цѣломъ, нельзя не признать нетолько обширности ея функцій, но и сложнаго ихъ характера, далеко выходящаго за предѣлы ея прямого назначенія. Канцеляріею Сената, до учрежденія генералъ-прокурора, завѣдывалъ оберъ-секретарь; по учрежденіи-же этого магистрата Канцелярія была поставлена подъ его „дирекцію“, а оберъ-секретарь являлся „правителемъ Канцеляріи“, составлявшимъ доклады для Сената и вообще завѣдывавшимъ дѣлопроизводствомъ; послѣднее вообще организуется по образцу, указанному въ „Генеральномъ регламентѣ“ Коллегіямъ. Также какъ въ Коллегіяхъ, въ Сенатѣ создаются должности нотаріуса (протоколиста), актуаріуса и регистра-

---

не отмѣчалось отдѣльныхъ мнѣній, а давалось только рѣшеніе большинства, если не состоялось, разумѣется, единогласнаго рѣшенія.

Что касается другого требованія Петра — подписанія сенаторами приговоровъ, то мы знаемъ много приговоровъ, подписанныхъ ими; но многіе изъ нихъ, однако, подписывались спустя долгій промежутокъ послѣ того, какъ состоялись рѣшенія, да и то не всѣми, другіе же оставались даже неподписанными вовсе.

тора; къ нимъ въ Сенатѣ прибавляется еще должность экзекутора[1]).

Особенности положенія Пр. Сената по сравненію съ Б. Думою.

Таковъ былъ Сенатъ при Петрѣ, но онъ быстро лишился своего значенія послѣ него. Прежде чѣмъ, однако, перейти къ его исторіи въ послѣдующія царствованія, отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ положеніи Сената по сравненію съ Б. Думою, для замѣны которой онъ былъ установленъ. Боярская Дума была учрежденіемъ, привыкшимъ, или дѣйствовать вмѣстѣ съ государемъ или, если и отдѣльно, то близко отъ царя. Московскіе цари рѣдко отлучались, особенно надолго, изъ Москвы. Б. Дума, — даже тогда, когда законодательствовала безъ государя, — чувствовала его авторитетъ, да и до государя легко доходило все, что могло для него быть интереснымъ или важнымъ. Эта близость отношеній между государемъ и боярствомъ разрушается

---

1) Должность нотаріуса или — какъ онъ сталъ позднѣе, болѣе правильно, называться — протоколиста, по Регламенту, въ „томъ состоитъ, чтобъ онъ при сообраніи Коллегіи протоколъ держалъ, того ради надлежитъ ему оный слѣдующимъ образомъ сочинять: прежде надлежитъ въ верху листа годъ и число написать, потомъ присутствующіе члены записать, и потомъ протоколъ держать: 1) всѣмъ приключившимся въ Коллегіяхъ дѣламъ или перечнемъ, или, когда дѣло великой важности, то пространно, со всѣми надлежащими обстоятельствами“ (здѣсь еще не отличается еще журналъ засѣданія отъ протокола; 2) выписку или содержаніе всѣхъ отъ его царскаго величества и отъ всѣхъ другихъ Коллегій, губерній, служителей, поданныхъ и прочихъ полученныхъ, и противъ того отпущенныхъ указовъ (грамотъ), писемъ, требованій, меморіаловъ, реляцій и прочее; 3) записывать разговоры о важныхъ дѣлахъ, такожде записывать и то, ежели Коллегіумъ о какомъ дѣлѣ большаго изъясненія требуетъ, и оное до другаго времени отсрочить надлежитъ; 4) записывать, когда члены въ голосахъ не согласны. . . . а дѣло черезъ голоса къ вершенію произвести и рѣшити надлежитъ; а ежели члены согласны, то голоса въ протоколъ не записываются, но только краткая записка, и по оному рѣшеніе; онъ же нотаріусъ долженъ сей протоколъ помѣсячно сшивать, въ Канцеляріи набѣло переписывать, листы номеровать и алфавитнымъ реестромъ содержаніе дѣлъ и персонъ; сверхъ того надлежитъ нотаріусу роспись имѣть объ оныхъ дѣлахъ, которыя прошлой недѣли не вершены, и такую роспись передъ президентомъ на столѣ имѣть, дабы оную въ Коллегіи ежедневно видѣть, и о невершенныхъ дѣлахъ вѣдать мочно было, такожде онъ долженствуетъ роспись о вершеныхъ и оканченныхъ дѣлахъ имѣть“. Актуаріусъ долженъ былъ „получаемыя“въ Коллегіи письма прилежно собирать, онымъ реестръ чинить, листы перемѣчивать и о томъ квитанцную (или распискамъ) книгу имѣть“. Регистраторъ долженъ былъ собирать всѣ письма, полученныя въ Коллегіи, ихъ „по пакетамъ раскладывать“, для чего долженъ былъ во 1-хъ завести журналъ, или повседневную записку“, полученнымъ входящимъ бумагамъ и во 2-хъ — исходящимъ. Эксекуторъ заботится о скорѣйшемъ отправленіи указовъ Сената и пр.

при Петрѣ, частію благодаря его постояннымъ отлучкамъ, частію благодаря его новаторской дѣятельности, требовавшей новыхъ, болѣе энергичныхъ, съ одной стороны, и болѣе податливыхъ, съ другой, слугъ себѣ. По обстоятельствамъ новаго времени, Сенатъ былъ учрежденіемъ, которое должно было дѣйствовать вдали отъ государя. Однако, съ первыхъ дней своего образованія и вплоть до кончины Петра, Сенатъ нетолько находился въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ своимъ великимъ творцомъ, но и правилъ государствомъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ и воздѣйствіемъ. Если его дѣятельность, какъ сказано, и протекала вдали отъ Петра, то это мало вліяло на ея сущность, такъ какъ государь всегда зналъ, что дѣлалъ Сенатъ, былъ ли онъ близко, или далеко отъ него. Мѣнялись, конечно, время отъ времени, формы сношеній, а равно и способы наблюденія и воздѣйствія Петра въ отношеніи Сената; но путемъ письменныхъ постоянныхъ сношеній, какъ и путемъ личныхъ переговоровъ съ отдѣльными сенаторами, посѣщеніемъ самаго Сената, или передачею своихъ велѣній Сенату посредственно (черезъ особыхъ лицъ, состоявшихъ при Петрѣ, или при самомъ Сенатѣ), съ затребованіемъ отъ него всякаго рода свѣдѣній, вѣдомостей, табелей и т. п., — Петръ постоянно руководилъ дѣятельностью Сената и направлялъ ее на рѣшеніе тѣхъ дѣлъ, которыя считалъ наиболѣе важными и неотложными. Правда, при разрѣшеніи этихъ неотложныхъ и важныхъ дѣлъ, Сенатъ нерѣдко предпринималъ рядъ дѣйствій, о коихъ сообщалъ Петру лишь post factum, причемъ иногда и пріостанавливалъ исполненіе указовъ государя, но онъ и объ этомъ тотчасъ же увѣдомлялъ государя, гдѣ бы тотъ ни находился. Мы обращаемъ вниманіе на эти отношенія Петра къ Сенату потому, что въ литературѣ вопроса нерѣдко строятъ на указанной внѣшней отдаленности Сената отъ Петра сужденіе о внутреннемъ различіи положенія Сената и Боярской Думы относительно государей. Затѣмъ, несомнѣнно, слабою стороною организаціи Б. Думы было, какъ мы уже знаемъ, отсутствіе у ней инициативы собственнаго дѣйствія, направляемаго то сверху, то внизу. Уже потому Дума не могла, въ своихъ прежнихъ формахъ, играть той роли въ отсутствіе государя, какую пришлось играть Сенату. Дума была прекраснымъ учрежденіемъ при твердомъ сложившемся государственномъ порядкѣ; но, при новомъ, нужно было имѣть учрежденіе, обладающее обширною распорядительною властью, способное дѣйствовать самостоятельно и снабженное для этого соотвѣтственными средствами. Въ 3-хъ, вся политико-соціальная роль старой Боярской Думы зиждилась на основахъ стараго обычнаго права, между тѣмъ какъ все зна-

ченіе Сената лежало въ тѣхъ полномочіяхъ **править государствомъ**, какія давалъ ему **законъ**. Въ 4-хъ, въ лицѣ Сената создавалось учрежденіе, **отвѣтственное** нетолько передъ своимъ государемъ, но и передъ государствомъ (какъ это видно изъ присяги, приносившейся сенаторами), а потому и строго-контролируемое; такой идеи не было въ организаціи Б. Думы. Если, въ 5-хъ, надо признать крайнимъ мнѣніе В. И. Сергѣевича, что „Дума не имѣетъ никакой компетенціи“ — такъ какъ цѣлые вѣка совмѣстной дѣятельности государей съ Б. Думою **не** могли не создать въ вопросѣ о кругѣ вѣдомства Б. Думы извѣстной **традиціи**, обычно соблюдаемой — то несомнѣнно компетенція Сената, **постепенно** устанавливаемая **по закону**, отличалась бо́льшею юридическою опредѣленностью, чѣмъ компетенція Б. Думы, мало закономъ конструированная. Несомнѣнно также, что Сенатъ былъ созданъ Петромъ **не** съ цѣлію дѣлиться съ нимъ властью, а просто съ тѣмъ, чтобы имѣть хорошаго энергичнаго помощника: если Б. Дума была **соучастницею** верховной власти государей Московскихъ, соучастницею, безъ которой государи эти не привыкли дѣйствовать, то Сенатъ былъ простымъ **орудіемъ** въ рукахъ самодержца, Петру принадлежитъ, однако, громадная заслуга въ томъ, что онъ пытался обставить дѣятельность своего „перваго правительства“ такъ, чтобы ему „ни въ чемъ сумнительно быть не могло“, т. е., чтобы онъ всегда имѣлъ возможность **провѣрить** тѣ или иные результаты сенатской дѣятельности. Хотя и несразу, но послѣ долгихъ опытовъ, онъ далъ Сенату **опредѣленную** организацію, утвердилъ ее **закономъ**, снабдилъ Сенатъ всѣми доступными, по тому времени, **средствами** для дѣйствія **законномѣрнаго**, энергичнаго и сообразнаго съ новыми потребностями государства. Въ этомъ отношеніи введеніе въ Сенатъ болѣе усовершенствованнаго механизма управленія, указаннаго опытомъ Запада, строгой отчетности въ дѣлахъ, системы контроля, устроенной Петромъ, какъ надъ Сенатомъ, такъ и для Сената, какъ учрежденія контролирующаго всѣ другія, должно было бы принести (а частью и принесло при Петрѣ Великомъ) большую пользу государству, пріучая органы власти, какъ къ соблюденію **законности** въ управленіи, такъ и къ мысли, что въ государствѣ благоустроенномъ должны править нетолько люди, но и учрежденія, дѣйствующія постоянно. Петръ Великій, какъ извѣстно, считалъ коллегіальное начало однимъ изъ лучшихъ средствъ для утвержденія этого начала законности, думая, что и воля монарха должна выражаться черезъ коллегіальныя учрежденія. Впослѣдствіи многіе разочаровались въ коллегіальномъ началѣ управленія, и знаменитый Сперанскій не совсѣмъ несправедливо говорилъ, что „члены (коллегіальнаго)

присутствія часто срастаются въ одно лицо и тогда пристрастіе одного покрывается именемъ всѣхъ". Какъ бы то ни было, Петровскій Сенатъ и по идеѣ и по постановкѣ его былъ учрежденіемъ живымъ, выросшимъ изъ обстоятельствъ русской жизни, являлся видоизмѣненіемъ стараго порядка управленія согласно новымъ условіямъ, въ какія была поставлена теперь сама верховная власть, развивавшая небывалую прежде иниціативу во всемъ и требовавшая себѣ такого же, хотя и не выходившаго изъ ея воли, иниціатора-помощника. Къ сожалѣнію, Сенатъ очень скоро послѣ Петра испыталъ большія перемѣны, ухудшившія его положеніе въ государствѣ. Эпоха паденія Сената (1725—1741), передавшаго громадную часть своей власти сначала В. Т. Совѣту (при Екатеринѣ I и при Петрѣ II) и затѣмъ Кабинету (при Аннѣ Іоанновнѣ), кончается только при Елизаветѣ Петровнѣ, которая возстановляетъ вполнѣ его значеніе. Въ слѣдующія царствованія Сенатъ вновь подвергается большимъ измѣненіямъ, пока наконецъ, не превращается, въ значительной мѣрѣ, лишь въ высшую судебную инстанцію. Къ изображенію этого процесса видоизмѣненій въ судьбахъ Сената мы теперь и прейдемъ.

Пр. Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета министровъ.

Петровскому Сенату пришлось выдержать 1-ое нападеніе отъ Меншикова. Всесильный временщикъ только въ одномъ Сенатѣ встрѣчалъ сопротивленіе своимъ дѣйствіямъ. Не любя стѣсняться, онъ прямо показывалъ Сенату свое презрѣніе, смѣялся надъ его мнѣніями, выслушавъ которыя иногда объявлялъ, что разсужденія сенаторовъ напрасны, что воля императрицы, по обсуждавшимся вопросамъ, совсѣмъ иная, чѣмъ мнѣнія сенаторовъ и т. д. Дѣло дошло до того, что сенаторы отказывались ѣздить на засѣданія, а представители старорусскихъ фамилій составляли планы, какъ сломить вліяніе Меншикова. Тогда то и было придумано учрежденіе В. Т. Совѣта (1726 года 8 февраля)[1]), создавшагося, по указу, для „важныхъ" внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ. Указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ отправленъ въ Сенатъ, который возвратилъ его черезъ своего экзекутора, объявивъ, „что Сенатъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ, принять указа того не можетъ". Но, императрица послала въ Сенатъ кабинетъ-секретаря Макарова съ приказаніемъ Сенату повиноваться во всемъ указу 8 февраля 1726 г., и Сенатъ повиновался. Неопредѣленность функцій В. Т. Совѣта, по указу

1) Подробности, относящіяся къ вопросу объ учрежденіи В. Т. Совѣта, см. въ моей книгѣ „Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта", стр. 17—29.

8 февраля, давала послѣднему возможность постепенно захватить въ свои руки всѣ части управленія государствомъ и низвести Сенатъ съ его важной роли „Правительствующаго“ учрежденія въ роль второстепеннаго, подчиненнаго В. Т. Совѣту, установленія. Сенатъ получаетъ 7 марта новую „Должность“ значительно умаляющую его права, 11 марта у него отнимается наименованіе „Правительствующаго“, а дается титулъ „Высокаго Сената“ для того, что слово сіе „правительствующій“ — непристойно“[1]). Особенно умаляется финансовая функція Сената, такъ какъ самъ В. Т. Совѣтъ является теперь верховнымъ финансовымъ учрежденіемъ; затѣмъ и назначенія на высшія должности изъемлются изъ вѣдомства Сената. Совѣтъ также присвоилъ своему вѣдѣнію дѣла „чужестранныя“ и всѣ, требовавшія высочайшаго рѣшенія, при чемъ предполагалось сначала, что „никакіе указы не должны выходить (въ свѣтъ), прежде чѣмъ они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись“. Сенатъ и Коллегіи о важнѣйшихъ, требующихъ высочайшаго утвержденія, вопросахъ дѣлаютъ представленія В. Т. Совѣту. Военная, Морская и Иностранная Коллегіи изъемляются изъ вѣдѣнія Сената. На Сенатъ и названныя Коллегіи приносятся жалобы въ Совѣтъ, а самъ вообще Сенатъ уравнивается въ значеніи своемъ съ Коллегіями, надъ которыми онъ высоко стоялъ при Петрѣ В. Сенатъ посылаетъ

---

1) Въ литературѣ вопроса высказано мнѣніе (проф. М. Ф. Влад.-Будановымъ), что „отношенія В. Т. Совѣта къ Сенату (жалобы на „утѣсненія“ Сената Совѣтомъ) обыкновенно, оцѣниваются не по надлежащей мѣркѣ: верховная власть (которой участникомъ былъ Совѣтъ) не можетъ вступать въ споры о правахъ ни съ какими административными и судебными учрежденіями (каковымъ былъ всегда Сенатъ, за исключеніемъ краткихъ періодовъ регенства, при отсутствіи государя“). Теоретически трудно что-либо возразить противъ этого положенія. Но, если, однако, современники жаловались на такія „утѣсненія“, если отголоскомъ такихъ жалобъ было оффиціальное признаніе, въ указѣ Елизаветы Петровны отъ 12 декабря 1741 г., что „происком нѣкоторыхъ, прежній порядокъ правленія, установленный отъ Нашего Государя — Родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ В. Т. Совѣтомъ“, то нельзя игнорировать этой оцѣнки событія современниками, оцѣнки прежде всего, — какъ намъ кажется, — покоящейся на убѣжденіи, что верховная власть вовсе не олицетворялась всецѣло въ одномъ В. Т. Совѣтѣ, что въ дѣятельности этого учрежденія былъ элементъ произвола и захвата власти немногими. . . По мнѣнію современниковъ, напр. въ самой уже отмѣнѣ, по докладу В. Т. Совѣта, наименованія Правительствующій — Сенатъ „явно оказался проискъ присутствующихъ въ В. Т. Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ Коллегій президентовъ“. Если допустить, что оцѣнка современниками этой „отмѣны“ соотвѣтствовала дѣйствительности, то споръ о ея правомѣрности является возможнымъ, хотя это и не будетъ вовсе споромъ о правахъ съ самою верховною властью, а лишь съ ея узурпаторами.

Совѣту доношенія, а отъ него получаетъ указы. Сенаторы назначаются В. Т. Совѣтомъ изъ кандидатовъ, представленныхъ Сенатомъ. Ревизіонъ-Коллегія возстановляется и ставится подъ контроль Совѣта: Сенатъ представляетъ ей отчеты. Должность генералъ-прокурора остается незамѣщенной, а Ягужинскій получаетъ другое назначеніе; должность-же генералъ-рекетмейстера уничтожается и его функціи переходятъ къ оберъ-прокурору Сената, дѣйствующему подъ руководствомъ В. Т. Совѣта[1]).

Таково краткое изображеніе захватовъ В. Т. Совѣта, уничтожившее одно изъ лучшихъ созданій Петра В. — Сенатъ. Извѣстна роль В. Т. Совѣта въ дѣлѣ избранія Анны Іоанновны. Послѣ неудачной попытки верховниковъ, палъ и В. Т. Совѣтъ, но только затѣмъ, чтобы быть, хотя отчасти, возстановленнымъ вновь подъ именемъ „Кабинета“. Какъ извѣстно, Анна Іоанновна дала обѣщаніе, въ отвѣтъ на просьбу шляхетства, возстановить Сенатъ Петра Великаго, что и исполнила по указу 4 марта 1730 г., назначивъ 21 сенатора (какъ просило шляхетство)[2]). Взглянувъ на выдающійся составъ Сената, прочтя въ указѣ о желаніи новой императрицы итти по стопамъ „своего дяди, блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Петра“, можно было предположить, что Сенату предстояла нынѣ, какъ было это при Петрѣ, почетная правительственная роль, въ качествѣ верховнаго учрежденія, и широкое, неотъемлемое вліяніе на всѣ сферы государственной жизни; можно было подумать, что передъ нами попытка создать особый Государственный Совѣтъ, попытка опровергнуть знаменитый аффоризмъ (гр. Завадовскаго),

---

1) Этимъ объясняется и роль оберъ-прокурора Сената по отношенію къ В. Т. Совѣту: онъ объявляетъ Сенату указы Совѣта, какъ по должности оберъ-прокурора, такъ и ген.-рекетмейстера. Когда, напр., въ Совѣтѣ обнаруживается медленность по исполненію его указовъ самимъ Сенатомъ или другими учрежденіями, когда Сенатъ бездѣйствуетъ, или мало дѣйствуетъ, члены Совѣта приказываютъ оберъ-прокурору объявить объ этомъ Сенату для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ; когда въ Совѣтъ поступаютъ челобитья, онъ передаетъ ихъ черезъ него, какъ рекетмейстера, Сенату для предварительнаго разсмотрѣнія, или, если онѣ уже разсмотрѣны самимъ Совѣтомъ, то — для исполненія.

2) Наряду съ прежними сенаторами (какъ кн. Черкасскій, Новосильцевъ, Ушаковъ, кн. Юсуповъ, Салтыковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ) въ Сенатъ вошли тогда гордые „верховые господа“, т. е. члены б. В. Т. Совѣта (каковыми были знаменитый дипломатъ Петровскаго царствованія князь Вас. Л. Долгорукій, извѣстные полководцы--фельдмаршалы, кн. М. М. Голицынъ и кн. Вас. Вл. Долгорукій, или кн. Дм. М. Голицынъ такъ много поработавшій надъ проведеніемъ „кондицій“, канцлеръ гр. Головкинъ, вице-канцлеръ гр. Остерманъ); кромѣ того сюда входили столь извѣстный генералъ-прокуроръ Петровскаго царствованія гр. П. И. Ягужинскій, и еще третій фельдмаршалъ — кн. И. Ю. Трубецкой, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ персонахъ.

что въ Россіи „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать“... Но созданіе такого Совѣта было не по плечу времени, и вотъ скоро составъ этого блестящаго Сената измѣняется, а надъ самимъ Сенатомъ, уже по указу 18 октября 1731 г., становится новое учрежденіе получающее наименованіе „Кабинета Ея И. Величества“ (или „Кабинета министровъ“). Такимъ образомъ возстановленный Сенатъ просуществовалъ всего $18^1/_2$ мѣсяцевъ. Интересно, что тотчасъ по открытіи своихъ засѣданій, Сенатъ возстановляетъ должность рекетмейстера, но умалчиваетъ, однако, о должности генералъ-прокурора, памятуя еще о надоѣдливомъ контролѣ Ягужинскаго. Послѣдняго сама Анна возстановляетъ въ должности, „покамѣстъ особливый генералъ-прокуроръ опредѣленъ будетъ“, такъ что Ягужинскій, будучи сенаторомъ, исполнялъ и обязанности ген.-прокурора, но онъ оставался въ должности недолго, а назначеніе новаго генералъ-прокурора послѣдовало лишь въ 1740 г.[1]) Сенатъ, какъ видно это изъ многихъ данныхъ, разсматриваетъ себя, какъ учрежденіе, замѣнившее В. Т. Совѣтъ, иначе говоря, какъ учрежденіе, стоящее непосредственно около монархини. Въ указанномъ качествѣ Сенатъ имѣетъ право непосредственныхъ докладовъ передъ императрицею, при чемъ естественно, что къ Сенату вновь переходитъ завѣдываніе тѣми дѣлами, которыми вѣдалъ В. Т. Совѣтъ. Къ особенностямъ въ устройствѣ Сената въ это время надо отнести раздѣленіе его Канцеляріи на

---

1) Возстановленіе важной весьма должности генералъ-прокурора Сената, исчезнувшей въ правленіе В. Т. Совѣта, и назначеніе на нее столь выдающагося лица, какъ Ягужинскій, могло бы разсматриваться, какъ желаніе придать извѣстный блескъ и значеніе возрожденному Сенату. Въ дѣйствительности же, однако, это назначеніе, лишивъ Сенатъ одного изъ выдающихся его членовъ, вовсе не способствовало тому, что отъ него ожидалось, и не способствовало по той простой причинѣ, что уже въ концѣ слѣдующаго года Ягужинскій удаляется „въ почетную ссылку“, будучи назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а должность генералъ-прокурора остается незамѣченною до конца царствованія Анны Іоанновны, когда 28 апрѣля 1740 г. кн. Н. Ю. Трубецкой назначается генералъ-прокуроромъ Сената. Такъ остается въ теченіи почти десятилѣтія безъ исполненія манифестъ императрицы отъ 2 октября 1730 г., въ которомъ краснорѣчиво изображалось, что великій дядя государыни „нетунѣ чинъ . . . генералъ-прокурора и ему помощника . . . при Сенатѣ учредить изволилъ“ и такъ богато оказывается начало царствованія актами, то мало продуманными, то безрезультатными, предпринимавшимися, повидимому, безъ всякаго соображенія о томъ, насколько будетъ удобно самому новому правительству жить и править съ сильнымъ и многочисленнымъ Сенатомъ, а равно и съ дѣятельнымъ и энергичнымъ его генералъ-прокуроромъ.

департаменты[1]). Заслуживаетъ вниманія требованіе о веденіи, кромѣ протоколовъ, еще журналовъ[2]).

Обозрѣвая дѣятельность Сенатъ съ его возстановленія до учрежденія Кабинета (т. е. съ 4 марта 1730 г. по 18 октября 1731 г.), надо сказать, что она не была безплодною. Количественно она выразилась болѣе чѣмъ въ ста всеподданнѣйшихъ докладовъ, большею частью утвержденныхъ Анною. Рядъ докладовъ послужилъ основаніемъ для манифестовъ и именныхъ указовъ. Затѣмъ, Сенатъ самъ издалъ немало указовъ и утвердилъ, по разсмотрѣніи, рядъ инструкцій, мнѣній и мн. др. Что касается содержанія докладовъ и указовъ Сената, то между

---

1) Именно 1 іюня 1730 г. былъ данъ именный указъ о раздѣленіи Канцеляріи Сената на департаменты: 1) „о духовныхъ дѣлахъ, 2) о военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлахъ, 3) о Камеръ-коллегіи дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ, 4) о юстиціи и челобитчиковыхъ дѣлахъ и 5) о купецкихъ дѣлахъ и государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ". Указъ объ этомъ раздѣлніи создавалъ для Сената довольно сложную работу по распредѣленію дѣлъ между новыми частями Канцеляріи, обозначенному въ указѣ лишь „на примѣръ", какъ въ немъ говорится, а равно и по устройству, согласно этому раздѣленію, Канцеляріи Сената. Каждый департаментъ долженъ былъ состоять изъ 4 или 5 сенаторовъ, которые должны были разсматривать дѣла и подготовлять ихъ для рѣшенія въ полномъ собраніи Пр. Сената. Дѣленіе Канцеляріи Сената на департаменты просуществовало, впрочемъ, недолго.

2) Веденіе журналовъ Сената, начатое въ 1730 г., удержалось и въ послѣдующее время; благодаря журналамъ Сената, мы получаемъ возможность возстановить всѣ подробности повседневной дѣятельности Сената. Надо при этомъ замѣтить, что въ терминологію нашего дѣлопроизводства уже при Петрѣ вошли слова журналъ и протоколъ, но понятіе журнала, однако, долго смѣшивалось съ понятіемъ протокола. Подъ журналомъ въ дѣлопроизводствѣ учрежденій надо разумѣть дневную записку, или дневникъ, въ которомъ кратко, но точно, обозначается все то, что дѣлалось въ засѣданіи того или иного установленія въ данный день. Подъ протоколомъ-же надо понимать подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ одного какого-либо дѣла, или вопроса, возбудившихъ, при своемъ обсужденіи, болѣе или менѣе пространныя пренія и вызвавшихъ поэтому выдѣленія ихъ, изъ общей журнальной записки даннаго дня, въ особую запись. Въ дѣлопроизводствѣ Пр. Сената при Петрѣ I. не предполагалось веденія журналовъ, но требовалось лишь составленіе протоколовъ на отдѣльные вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію и рѣшенію Сената. Изъ практики дѣлопроизводства В. Т. Совѣта видно, что тамъ велся журналъ, который содержалъ въ себѣ перечень всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Совѣтомъ въ засѣданіи даннаго дня, а протоколъ составляется по отдѣльному вопросу, разсмотрѣнному и разрѣшенному Совѣтомъ. Такой журналъ велся и въ Кабинетѣ министровъ. Верховники, войдя, послѣ уничтоженія В. Т. Совѣта въ составъ Пр. Сената, завели тамъ тотчасъ-же и журналы; форма веденія журналовъ была вполнѣ установлена лишь въ 1737 г. (Объ этомъ подробно см. мое введеніе къ изданнымъ „Журналамъ Пр. Сената за 1737 г.", т. I (М., 1919 г.); т. II (М. 1911 г.).

ними встрѣчаются, важныя, по существу, и обстоятельные по мотивировкѣ и по приводимымъ даннымъ. Интересно, что какъ сама императрица, такъ и Сенатъ почти постоянно ссылаются на Петровское законодательство въ указанныхъ своихъ актахъ, игнорируя, по возможности, законодательство предыдущихъ двухъ царствованій времени правленія В. Т. Совѣта. Казалось-бы дѣятельность Сената за указанный періодъ времени, не вызывавшая никакихъ нареканій, должна была укрѣпить его положеніе. Въ дѣйствительности-же случилось обратное. Современники склонны были, какъ мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго, приписывать измѣненіе въ положеніи Сената исключительно политикѣ Остермана. Не отрицая важной роли, какую игралъ Остерманъ въ этомъ измѣненіи, замѣтимъ, что, послѣ того, какъ Ягужинскому не удалось удержаться въ должности генералъ-прокурора, который снова долженъ былъ являться посредствующимъ звеномъ между верховною властью и Сенатомъ, а, съ другой, магистратомъ, контролирующимъ дѣйствія Сената, вопросъ о замѣнѣ генералъ-прокурора чѣмъ-либо самъ собою ставился на очередь. Сношеніе государыни съ Сенатомъ въ той формѣ, какая была установлена по указу 1 іюня 1730 г., (а именно докладъ важныхъ дѣлъ 5—6 сенаторами) представлялось практически довольно затруднительнымъ. Затѣмъ вручение Пр. Сенату правленія государствомъ въ томъ объемѣ, въ какомъ оно создалось при Петрѣ Великомъ, безъ возможности руководить его дѣятельностью такъ какъ руководилъ ею онъ, отдавало, въ сущности, все въ руки Сената. Нужно было учрежденіе, которое ближе-бы, чѣмъ Сенатъ, стояло къ верховной власти, которое, получая отъ нея непосредственно указанія, само-бы могло руководить Сенатомъ, съ одной стороны, контролировать его дѣйствія, съ другой. Такое учрежденіе и не замедлило явиться, въ лицѣ Кабинета министровъ.

Учрежденіе 18 октября 1731 г. Кабинета министровъ первоначально не внесло никакихъ измѣненій по закону въ отношеніе Сената къ верховной власти. Сенатъ, согласно манифесту 4 марта 1730 г., продолжалъ именоваться „Правительствующимъ“. Онъ входилъ съ своими докладами и отчетами о дѣятельности непосредсвенно къ императрицѣ. Въ самомъ именномъ указѣ объ учрежденіи Кабинета, — „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному Нашему опредѣленію и рѣшенію подлежатъ“, — ни однимъ словомъ не упоминалось о Сенатѣ. Въ свою очередь, всѣ резолюціи на всеподданнѣйшіе доклады Сената давались самою государынею и передъ нами цѣлый рядъ, не „резолюцій кабинетъ-министровъ на всеподданнѣйшіе доклады“,

какъ это будетъ позднѣе (со второй половины 1735 г.), но, по прежнему (какъ было это отъ 4 марта 1730 по 18 октября 1731 г.), рядъ „высочайше утвержденныхъ докладовъ Пр. Сената“[1]). Все это совершенно противоположно тому, что было сдѣлано при учрежденіи В. Т. Совѣта, когда послѣдній оффиціально былъ поставленъ надъ Сенатомъ. Формально, Пр. Сенатъ остается такимъ, какимъ его возстановилъ манифестъ 4 марта 1730 г., въ дѣйствительности-же его положеніе существенно измѣняется. Во 1-хъ, всѣ доклады Сената, хотя и поступаютъ на имя императрицы, въ дѣйствительности разсматриваются Кабинетомъ, откуда вносятся на высочайшее усмотрѣніе, уже съ резолюціями каб.-министровъ. Во 2-хъ, тотчасъ-же, по учрежденіи Кабинета, приказывается всѣ указы, отправляемые за собственною Е. И. В-ва рукою и подписанные на докладахъ и прошеніяхъ резолюціи, по записаніи въ книгу, „отдавать для исполненія въ Сенатъ, и въ прочія принадлежащія здѣсь мѣста, тамошнимъ секретарямъ, съ расписками и въ тѣхъ указахъ, въ коихъ ко исполненію надлежитъ, внизу приписывать, что по тому учинено будетъ, (и) о томъ въ Кабинетъ репортовать“, при чемъ изъ Сената эти репорты подаются понедѣльно“, такъ что Сенатъ является исполнительнымъ органомъ при Кабинетѣ. Наконецъ, въ 3-хъ, повелѣвается передать въ Кабинетъ реестры всѣхъ производящихся въ Сенатѣ, Св. Синодѣ, Коллегіяхъ, Канцеляріяхъ и Приказахъ судебныхъ дѣлъ и представлять впредь такія реестры ежемѣсячно, чѣмъ Сенатъ нетолько уравнивается съ прочими учрежденіями, но становится подъ контроль Кабинета въ области суда.

Затѣмъ, изъ Кабинета стали поступать въ Сенатъ требованія о доставленіи ему тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, нужныхъ при докладѣ дѣлъ императрицѣ. Обычно это дѣлалось черезъ секретаря Кабинета, который именемъ Кабинета приказывалъ тому или другому секретарю Сената немедленно сообщить эти свѣдѣнія, а затѣмъ и вообще исполнить постановле-

---

1) Если не знать о журналахъ Кабинета за 1731—1733 г., а равно и о реестрахъ входящихъ и исходящихъ бумагъ его (указанные документы напечатаны нами въ „Сборникѣ И. Р. Истор. Общества“), то можно притти къ тому заключенію, что Кабинетъ министровъ въ первые годы своей дѣятельности не имѣлъ никакого касательства ко „всеподданнѣйшимъ“ доношеніямъ и репортамъ Сената и другихъ учрежденій, съ одной стороны, ни къ именнымъ указамъ и къ высочайшимъ повелѣніямъ и резолюціямъ на доношеніяхъ Сената, съ другой. Наоборотъ, журналы Кабинета, а также указанные реестры ясно показываютъ, что, хотя всѣ указы этого времени именные и всѣ резолюціи — высочайшія резолюціи, они, однако, не проходятъ мимо Кабинета, не смотря на то, что въ нихъ самихъ объ этомъ официально еще не упоминается.

нія Кабинета, дѣлаемыя именемъ государыни. Сенатъ, однако, нашелъ ихъ по формѣ неудобо-исполнимыми, такъ какъ они не соотвѣтствовали сенатской „Должности“. Рѣшено было поговорить о томъ съ кабинетными министрами[1]), но дѣло осталось и послѣ этого, какъ кажется, въ томъ же положеніи, по крайней мѣрѣ для приказовъ меньшей важности (болѣе важные давались письменно).

Приказы Кабинета въ высшей степени характерны, такъ какъ показываютъ ясно, что онъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, — и при томъ тогда, когда законодательные акты совсѣмъ умалчивали объ отношеніяхъ его къ Сенату и оставляли все въ послѣднемъ „на прежнемъ основаніи“ (кромѣ, разумѣется, новой обязанности, на Сенатъ возложенной — доставленія репортовъ Кабинету о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ и т. п.), — отлично понялъ свое значеніе, какъ учрежденія, стоявшаго непосредственно предъ лицомъ верховной власти и обращался съ Сенатомъ, какъ съ подчиненномъ ему мѣстомъ.

Надо еще сказать что упомянутый указъ о доставленіи въ Кабинетъ изъ Сената и другихъ учрежденій репортовъ о ихъ дѣятельности, а равно и реестровъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ оказалъ большее вліяніе на развитіе значеніе Кабинета, такъ какъ позволялъ ему неустанно слѣдить за дѣятельностью всѣхъ учрежденій, не исключая и Сената. Репорты послѣдняго не были простою формальностью, но, въ общемъ, весьма точно и обстоятельно передавали все то, что въ каждую недѣлю было сдѣлано Сенатомъ. Общее заключеніе, къ которому надо притти, изучая, по архивнымъ даннымъ, отношенія между Кабинетомъ и Сенатомъ другъ къ другу, будетъ то, что, если не офиціально, то фактически, Кабинетъ, уже въ первую половину своего существованія, при Аннѣ стоитъ между верховною властію и Сенатомъ, владѣя въ то же время всѣми средствами для контроля надъ его дѣятельностью. Оставалось превратить фактъ въ право, что и было достигнуто Кабинетомъ во вторую половину царствованія Анны Іоанновны. Этотъ второй періодъ дѣятельности Кабинета начинается съ указа 9 іюня 1735 г., коимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Наши руки, или за

1) Въ журналахъ Пр. Сената за 1732 г. уже 10 февраля (т. е. черезъ три мѣсяца послѣ учрежденія Кабинета) читаемъ слѣдующую запись: разсуждали, что изъ Кабинета о разныхъ дѣлахъ отдаются черезъ секретаря приказы оберъ-секретарю и секретарямъ (Сената) словесно“, при чемъ замѣчено, что, по пункту 12-му „Должности“, словесно ничего исполнять не велѣно“, и „положили о томъ говорить съ кабинетными министрами“.

руками всѣхъ трехъ Нашихъ кабинетныхъ министровъ, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить". Поводомъ къ этому указу послужило то обстоятельство, что императрицѣ сдѣлалось извѣстно, что „во многихъ мѣстахъ объявляются словесные Наши указы" а это могло вести на практикѣ къ разнаго рода неудобствомъ. Указъ 9 іюня повелѣно было „объявить во всѣ мѣста" для исполненія, и если уже учрежденіемъ В. Т. Совѣта была проведена у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ (почему все то, что относилось къ области непосредственной дѣятельности императрицы, относилось, слѣдовательно, и къ вѣдѣнію В. Т. Совѣта), то повелѣніемъ 9 іюня, коимъ уравнивались указы государыни съ указами трехъ кабинетъ-министровъ (въ дѣйствительности, даже двухъ, такъ какъ третьяго министра не было, по крайней мѣрѣ, въ теченіе половины изучаемаго періода), эта грань обозначилась съ новою силою. Всѣ правительственныя лица и учрежденія (за исключеніемъ, отчасти Св. Синода) явились теперь по отношенію къ Кабинету органами подчиненнаго управленія. Сносился, однако, Кабинетъ съ Сенатомъ и Синодомъ сообщеніями, чтобы выдѣлить тѣмъ ихъ внѣшне отъ другихъ учрежденій [1]).

Какъ мы уже говорили, Сенатъ былъ прежде всего исполнительнымъ органомъ Кабинета. Порученія, постоянно

1) Надо замѣтить, въ поясненіе сказаннаго, что вопросъ о формѣ сношеній Кабинета съ Сенатомъ въ концѣ этого періода обсуждался въ Кабинетѣ, при чемъ найдено было нужнымъ выдѣлить Пр. Сенатъ и его Контору (Сенатская Контора, созданная въ 1722 г., была отдѣленіемъ Сената въ Москвѣ), какъ равно и Св. Синодъ, изъ ряда прочихъ учрежденій, что и понятно. Сенатъ въ это время все болѣе и болѣе являлся по отношенію къ Кабинету въ роли его ближайшаго и необходимаго помощника, къ которому самъ Кабинетъ постоянно долженъ былъ обращаться съ разнообразными порученіями, ясно свидѣтельствующими о силѣ, по крайней мѣрѣ, дѣлового значенія учрежденія; поэтому равнять какъ его, такъ и Св. Синодъ, съ прочими учрежденіями, въ порядкѣ сношеній, и Кабинету казалось неудобнымъ. И вотъ въ одной кабинетской записи читаемъ, что „1739 г. іюня 17 дня приказано отъ господъ кабинетъ-министровъ въ Кабинетѣ записать въ журналъ, чтобъ заподписаніемъ ихъ, господъ кабинетъ-министровъ, о всякихъ дѣлахъ сообщеніями писать въ Правительствующій Сенатъ и въ Сенатскую контору и въ Правительствующій Синодъ, а въ коллегіи, канцеляріи и конторы и въ губерніи, провинціи и въ прочія мѣста писать указами". Въ сущности, съ этого времени, какъ и раньше, эти „сообщенія" были тѣми же указами, такъ какъ почти всегда, извѣщая Сенатъ о томъ или иномъ фактѣ, или о „разсужденіи" Кабинета по его поводу, Кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приказывалъ или указывалъ, Сенату поступить здѣсь такъ или иначе, но сношенія посредствомъ сообщеній, по крайней мѣрѣ внѣшне, выдѣляли и Св. Синодъ изъ ряда другихъ учрежденій Имперіи.

даваемыя Кабинетомъ Сенату, въ связи съ тѣми общими совѣщаніями членовъ обоихъ учрежденій, — какія время отъ времени практикуются какъ въ изучаемый періодъ, такъ и раньше, и результатомъ коихъ являются указы, подписанные Кабинетомъ и Сенатомъ вмѣстѣ — служатъ, на нашъ взглядъ, отличною иллюстраціею того важнаго значенія, какое и въ это время, какъ и раньше (въ правленіе В. Т. Совѣта), признается за Сенатомъ, безъ дѣятельной и постоянной помощи коего Кабинетъ трехъ, а нерѣдко и двухъ, министровъ обойтись не можетъ въ управленіи сложными и многочисленными дѣлами обширнаго государства. Кабинетъ могъ, конечно, — частію въ силу своего положенія при особѣ государыни, частію въ силу ревности министровъ, о которой такъ откровенно, засвидѣтельствовалъ А. П. Волынскій [1]), — сосредоточить въ своей Канцеляріи самыя разнообразныя дѣла управленія; но, однако, всегда разсматривать ихъ подробно и обстоятельно, а затѣмъ и подавать императрицѣ по всѣмъ этимъ дѣламъ свои мотивированныя мнѣнія и рѣшенія, не было у него ни времени, ни силъ. Поэтому одни изъ этихъ дѣлъ онъ отдавалъ на рѣшеніе Сената, по другимъ требовалъ представленія „мнѣній“, со всѣми нужными данными и справками, какъ отъ Сената, такъ и отъ другихъ учрежденій, которыя съ нимъ „обще“ ихъ разрабатывали. Кабинетъ, такимъ образомъ, — слагая съ себя всю тяжесть подготовительныхъ работъ по составленію этихъ мнѣній и докладовъ весьма нерѣдко очень обширныхъ и сложныхъ — оставлялъ, однако, за собою общее руководительство дѣлами, направляя ихъ по своему и наблюдая за быстрымъ, по возможности, ихъ разрѣшеніемъ. Близость къ верховной власти давала, конечно, Кабинету возможность настаивать на исполненіи своихъ требованій и вообще слѣдить за дѣятельностью Сената.[2])

---

1) Именно, А. П. Волынскій въ своемъ „генеральномъ проектѣ“ преобразованія утверждалъ, что министры „натащили на себя много дѣлъ и неподлежащихъ“ имъ, „а, что съ ними дѣлать — сами не знаютъ“. Это утвержденіе вполнѣ подтверждается фактами дѣятельности Кабинета.

2) Иногда замѣчанія, дѣлавшіяся при этомъ Сенату, хотя и отъ имени государыни, но, однако, черезъ Кабинетъ, принимали рѣзкую форму. Такъ было, напр., 11 декабря 1838 г., когда былъ „призыванъ въ Кабинетъ оберъ-прокуроръ (Сената) Соймоновъ, которому объявлено, что Ея Величеству извѣстно учинилось, что гг. сенаторы въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ неблагочинно сидятъ, и когда читаютъ дѣла, они тогда объ нихъ не внимаютъ для того, что имѣютъ между собою партикулярные разговоры и при томъ крики и шумы чинятъ, а потомъ велятъ тѣ дѣла читать вновь, отчего въ дѣлахъ продолженіе и остановка чинится. Такожъ въ Сенатъ пріѣзжаютъ поздно и не дѣла дѣлаютъ, но

Будучи исполнительнымъ органомъ Кабинета, Сенатъ сохранялъ и нѣкоторый собственный кругъ, если не независимый всегда и во всемъ отъ воздѣйствій Кабинета, то, во всякомъ случаѣ достаточно обширный и настоятельно требовавшій отъ Сената неустанной дѣятельности. Въ немногихъ словахъ компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству, выражалась, либо въ составленіи собственныхъ законопроектовъ, либо въ подачѣ мнѣній на предложенные на его разсмотрѣніе законопроекты. Практика управленія требовала измѣненія, дополненія или отмѣны законовъ, почему Сенатъ и входилъ, по указаннымъ поводамъ, въ Кабинетъ съ разработанными формулярами указовъ. Сенатъ наблюдалъ теперь, какъ и раньше, за примѣненіемъ законовъ на практикѣ и давалъ свои инструкціи подчиненнымъ учрежденіямъ и лицамъ; на немъ лежала, по прежнему, забота объ обнародованіи законовъ. Въ области управленія Сенатъ отдавалъ много вниманія финансовымъ вопросамъ, ограничиваясь здѣсь, впрочемъ, главнымъ образомъ взысканіемъ недоимокъ, наложеніемъ большихъ, чѣмъ прежде, налоговъ и пошлинъ. Контроль надъ дѣятельностью учрежденій и лицъ также лежитъ на Сенатѣ, при чемъ, Кабинетъ, находя часто этотъ контроль недостаточнымъ, самъ назначалъ слѣдствія, посылалъ особыхъ ревизоровъ и т. д. Назначенія на высшія должности (ген.-губернаторовъ, губернаторовъ, президентовъ и др.) было теперь въ рукахъ Кабинета, но Сенатъ, однако, представлялъ Кабинету своихъ кандидатовъ, хотя нерѣдко они назначались и помимо Сената. До 1734 г. Сенатъ долженъ былъ представлять Кабинету кандидатовъ на должности воеводъ; съ этого года Сенату было возвращено право назначенія воеводъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ и Іоанна Антоновича, Сенатъ оставался высшею апелляціонною инстанціею, будучи первою инстанціею какъ по дѣламъ о преступленіяхъ по должности, такъ и по тѣмъ, которыя представлялись на его разсмотрѣніе государыни [1]).

ѣдятъ сухіе снятки, крендели и рябчики и указныхъ часовъ не высиживаютъ, а оберъ-прокуроръ Соймоновъ въ томъ имъ, по должности своей, не воспрещаетъ и, ежели-бъ кто изъ сенаторовъ предположенія его не послушалъ, на нихъ не протестуетъ. Того ради Е. И. В-о указала объявить ему со гнѣвомъ и дабы впредь никому въ томъ не упущалъ и о скорѣйшемъ исправленіи дѣлъ трудъ и радѣніе имѣлъ; а ежели кто изъ сенаторовъ что противно будутъ чинить, о томъ бы протестовалъ и записывалъ въ журналъ и всеподданнѣйше Ея И. В. доносилъ". Медленность рѣшенія дѣлъ была, несомнѣнно, отрицательною стороною дѣятельности Сената.

1) Краткій обзоръ дѣятельности Сената и его отношеній къ Кабинету, на основаніи публикованныхъ нами данныхъ, находимъ въ

Пр. Сенатъ въ царствованія Елисаветы Петровны, Екатерины II, Павла и Александра I.

Всѣ эти мѣры, отъ Екатерины I до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны, совсѣмъ имѣнили положеніе „любимаго Петрова дѣтища“ — Сената. Только въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны опять, и въ послѣдній разъ, наступаетъ для него періодъ славы и важнаго значенія (1741—1761 г.). Указъ о возстановленіи Сената, послѣдовавшій 12 декабря 1741 г., очень осуждаетъ политику прежнихъ „Совѣтовъ“, учреждавшихся де „происками нѣкоторыхъ“, въ нарушеніе установленнаго „порядка правленія“ [1]). „И для того“ говоритъ указъ, „повелѣваемъ, къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства, слѣдующее: Правительствующій Нашъ Сенатъ да будетъ имѣть прежде-бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода государственныхъ дѣлъ“ (дѣла внѣшнія поручаются въ 1756 г. вѣдѣнію особой „Конференціи“, подъ главенствомъ государственнаго канцлера). Намѣреніе императрицы итти по стопамъ своего великаго отца въ вопросѣ о Сенатѣ было вполнѣ искренне, и потому Сенатъ получаетъ, дѣйствительно, важное значеніе. Самъ Сенатъ сталъ дѣйствовать на основаніи „Должностей“ своихъ, изданныхъ при Петрѣ I и при Екатеринѣ I, игнорируя, по возможности, послѣдующее законодательство, умалявшее его значеніе [2]), а указъ 16

сочиненіи В. Н. Бондаренко „Очерки финасовой политики Кабинета министровъ Анны Іоанновны“ (М., 1913 г.) и въ статьѣ В. И. Веретенникова „Проектъ уничтоженія Сената въ XVIII вѣкѣ“ (Харьковъ, 1913 г.).

1) Подробно объ этомъ въ моей статьѣ „Докладъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Сената“. (Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ., 1897 г., № 2).

2) Такъ, напр. въ 1750 г., онъ сдѣлалъ такое общее постановленіе: „іюня 1 дня 1730 года о раздѣленіи по департаментамъ въ Сенатѣ дѣлъ указъ отставить, а поступать по Должностямъ, учиненнымъ и подписаннымъ собственными руками государемъ императоромъ Петромъ В. и государыней императрицей Екатериной Алексѣевной, даннымъ Сенату и генералу-прокурору, которыя и указомъ Ея Императорскаго Величества, декабря 12 дня 1741 году, повелѣно накрѣпко содержать и по нихъ неотмѣнно поступать“. По возстановленіи при Елизаветѣ Сената предполагалось сочинить для Сената „обстоятельную Должность“, подготовка къ этому была начата, но дѣло остановилось, — по замѣчанію новѣйшаго историка Сената, въ указанное царствованіе, А. Е. Пресняковa — „едва-ли случайно, такъ какъ составленіе „обстоятельной Должности“ не могло свестись къ механической сводкѣ узаконеній, а потребовало-бы неизбѣжной переработки отдѣльныхъ положеній для ихъ согласованія, что противорѣчило, по существу, исходной реставраціонной точкѣ зрѣнія. Елизаветинскій Сенатъ остался безъ новой, систематической и цѣльной „Должности“ и разрабатывалъ свою организацію отдѣльными постановленіями, по предложеніямъ генералъ-прокурора. (Исторія Сената за двѣсти лѣтъ“, т. II, стр. 154 и сл.).

августа 1760 г., — требуя отъ Сената принятія энергичныхъ мѣръ противъ лихоимства — называетъ Сенатъ „первымъ государственнымъ мѣстомъ“, а сенаторовъ — „повѣренными Нашими“ [1]). Характеръ самой императрицы отчасти способствовалъ этому, такъ какъ Елисавета Петровна не была особенно дѣятельна и не любила много и постоянно заниматься текущими дѣлами. Екатерина II была частію права, когда въ своей инструкціи генералъ-прокурору кн. Вяземскому такъ говорила о преобладающемъ значеніи Сената при Елисаветѣ Петровнѣ“: „Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ — почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ . . . Черезъ такія великія гоненія нижнихъ мѣстъ они пришли въ столь великій упадокъ, что и регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается: противъ сенаторскихъ указовъ, есть-ли (если) оные не по силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и къ Намъ“. Это вмѣшательство Сената, „почти во все“, какъ говорила императрица Екатерина II, очень затрудняетъ изслѣдователя въ опредѣленіи круга вѣдомства Сената при Елисаветѣ Петровнѣ, такъ какъ онъ устанавливался главнымъ образомъ фактически, а не по закону. Такъ, надо прежде всего отмѣтить, что Сенатъ игралъ первенствующую роль въ вопросахъ финансовыхъ. По иниціативѣ Сената уничтожены были внутреннія таможни, затруднявшія торговлю; заведены банки — дворянскій и коммерческій и пр. Сенату принадлежали заботы о народной переписи, государственномъ межеваніи (произведенномъ, впрочемъ, только въ царствованіи Екатерины II); въ его вѣдѣніи былъ Московскій университетъ; его указомъ утверждена Академія художествъ и т. д. Относительно контроля надъ мѣстными органами управленія, составлявшаго предметъ вѣдомства Сената еще при Петрѣ Великомъ, важнымъ обстоятельствомъ было то, что право назначенія воеводъ было предоставлено Сенату. Сенатъ при Елисаветѣ Петровнѣ издалъ также рядъ важныхъ указовъ по уголовному праву.

1) Указъ этотъ, впрочемъ, выражаетъ недовольство дѣятельностью Сената, а именно императрица находитъ, что „Сенату Нашему, какъ первому государственному мѣсту, по своей Должности и по данной ему власти, давно-бъ надлежало истребить многіе, по подчиненнымъ ему мѣстамъ, непорядки“. . . Въ указѣ отмѣчается, между прочимъ, что „ненастная алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе — предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе — ободреніе беззаконникомъ“. „Повѣренные Наши, Сената члены“ должны были употребить „всѣ способы къ возстановленію порядка, правосудія, благосостоянія и общаго добра“.

Такъ имъ запрещено вырываніе ноздрей и клеймленіе тяжкихъ преступницъ (указъ 1757 г.); малолѣтніе (до 17 лѣтъ) освобождены имъ отъ пытокъ и смертной казни. Сенатъ далѣе неоднократно постановлялъ не приводить смертныхъ приговоровъ въ исполненіе безъ сенатскаго утвержденія и т. д. Весьма широко пользовался Сенатъ въ это время и своимъ правомъ толкованія законовъ. Многообразіе функцій Сената и обиліе дѣлъ, подлежавшихъ его разсмотрѣнію, вліяли часто отрицательно на результаты его дѣятельности. Въ Елисаветинское царствованіе вновь сталъ играть важную роль въ Сенатѣ его генералъ-прокуроръ, вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ — оберъ-прокуроромъ, наблюдая, какъ за правильностью сложнаго сенатскаго дѣлопроизводства, такъ и за закономѣрностью дѣйствій Сената, на общемъ основаніи Петровскихъ узаконеній. Въ 1756 г. была, какъ сказано, образована „Конференція министровъ“, что не могло не отразиться и на Сенатѣ, поставивъ его къ ней фактически въ зависимое положеніе [1]). Въ общемъ, впрочемъ, Сенатъ при Елисаветѣ остается въ области внутренняго управленія учрежденіемъ верховнымъ, поскольку его юридическое значеніе не колеблется Конференціею и личными вліяніями, сказывавшимися при дворѣ императрицы [2]).

---

1) А. Е. Прѣсняковъ, изслѣдуя взаимныя отношенія Конференціи и Сената, пришелъ къ такому заключенію: „формально равныя другъ другу, они на дѣлѣ находились въ слишкомъ различномъ положеніи по степени близости къ верховной власти, чтобы Конференція не пріобрѣла, въ общемъ, характера инстанціи, болѣе полномочной и высокой, чѣмъ Пр. Сенатъ. Этотъ послѣдній могъ не приписывать „экстрактамъ изъ протокола“ Конференціи той силы, какую имѣли ея рескрипты для подвѣдомственныхъ ему учрежденій. На дѣлѣ ему оставалось „чинить исполненіе“, не углубляясь въ существо вопроса, если сама Конференція его на то не вызывала. Такъ было въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, составлявшихъ непрерывную и живую цѣпь сношеній Конференціи съ Сенатомъ“. („Исторія Сената двѣсти лѣтъ“, т. II, стр. 125 и пр.).

2) Только что цитированный авторъ изслѣдованія „Пр. Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны“, — отмѣчая, что „и въ глазахъ русскаго общества и всего населенія, какъ и въ сужденіяхъ потомства“, Сенатъ даннаго царствованія представляется „всесильнымъ центромъ всего государственнаго управленія, учрежденіемъ, которое по широтѣ полномочій и способу пользоваться ими можетъ быть поставлено наравнѣ съ В. Т. Совѣтомъ и Кабинетомъ Анны — справедливо указываетъ, „что этому воззрѣнію на Елизаветинскій Сенатъ отвѣчаетъ и содержаніе основныхъ, для его положенія, высочайшихъ указовъ отъ 12 декабря 1741 г. и 16 августа 1760 г. Поддерживаетъ его и наблюденіе, какъ часто Сенатъ „собою“ вводитъ въ жизнь, хотя бы временно, „до указу“, мѣропріятія, подлежавшія, по существу, высочайшей конфирмаціи, какъ широко и свободно пользуется онъ пріемомъ толкованія законовъ для обоснованія своихъ полномочій (какъ они характеризованы въ знаменитомъ указѣ 1760 г.), или ссылаясь на то, что

Въ царствованіе императрицы Екатерины II и императора Павла I Сенатъ, оставаясь de jure высшимъ правительствующимъ учрежденіемъ, de facto теряетъ частію свое прежнее значеніе. Императрица Екатерина II, и по личной энергіи и по направленію своей дѣятельности, не могла примириться съ тою ролью, какую сталъ играть Сенатъ при Елисаветѣ Петровнѣ, да и изъ личныхъ сношеній съ Сенатомъ въ первые годы своего царствованія, она не вынесла о его дѣятельности благопріятнаго впечатлѣнія [1]). Въ упоминавшейся уже инструкціи кн. Вяземскому, императрица довольно справедливо говорила, что „всѣ мѣста и самый Сенатъ вышли изъ своихъ основаній разными случаями, какъ неприлежаніемъ къ дѣламъ моихъ нѣкоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями". Чтобъ ввести вновь Сенатъ въ его „основанія", императрица во 1-хъ, усиливаетъ значеніе генералъ-прокурора, надѣляя его обширными правами и выдѣляя въ его непосредственное вѣдѣніе многія дѣла, принадлежавшія Сенату; во 2-хъ, разсмотрѣніе законодательныхъ вопросовъ она отдаетъ разнымъ комиссіямъ, подъ собственнымъ своимъ контролемъ, такъ что участіе Сената въ разработкѣ законодательства слабѣетъ; во 3-хъ, учреж-

докладъ императрицѣ поданъ. И тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ изученіи Елисаветинскаго Сената, обликъ властно учрежденіе тускнѣетъ" („Исторія Сената" и пр., т. II. стр. 311 сл.). Соглашаясь съ приводимыми авторомъ доводами въ пользу подчеркнутаго нами его вывода, думаемъ, однако, что имъ вовсе не поколеблено общее представленіе о верховномъ значеніи Сената въ указанное царствованіе, поскольку дѣло идетъ о юридическомъ положеніи учрежденія. Что у насъ въ исторіи сильныя, по закону, установленія нерѣдко тускнѣютъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій, это не подлежитъ сомнѣнію, но различіе между правомъ и фактомъ остается въ силѣ, почему, нетолько историки-юристы, но и общество не могутъ смѣшивать юридическихъ правомочій учрежденія съ ихъ житейской обстановкою.

1) Говоря о состояніи имперіи, при своемъ вступленіи на престолъ, Екатерина, между прочимъ, писала въ 1769 г.: „въ Сенатѣ за излишество почитали государственныя дѣла слушать, ландкарту имѣвъ предъ собою на столѣ, а отъ того сдѣлалось, что иногда сами не знали, о чемъ судятъ. Стыдно сказать, что и карты печатанныя не было ва Сенатѣ и что первую карту я, бывъ въ Сенатѣ, послала купить въ Академію" . . . Въ 1779 г. она писала, что „Сенатъ, хотя посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамо такъ худо исполняли указы Сената, что въ пословицу вошло говорить: ждутъ 3-ьяго указа, понеже по 1-му и 2-му не исполняли. Сенатъ опредѣлялъ въ воеводы, но число городовъ въ имперіи не зналъ". . . По восшествіи на престолъ императрицы, Сенатъ подалъ „реестръ доходамъ имперіи, въ которомъ значилось ихъ на 16 милліоновъ; по приказу Екатерины былъ произведенъ ихъ счетъ, „оказалось ихъ на 11-ть милліоновъ больше, нежели Сенатъ вѣдалъ". . . и т. д. Въ критикѣ Екатерины много справедливаго, но, въ цѣломъ, краски очень сгущены, чтобъ оттѣнить ярче все, что сдѣлано ею самою для улучшенія управленіи имперіею.

деніемъ должности генералъ-губернаторовъ, снабженныхъ въ губерніяхъ обширными полномочіями и имѣвшихъ прямое отношеніе къ верховной власти, она весьма ослабляетъ значеніе Сената въ дѣлѣ контроля надъ мѣстнымъ управленіемъ и въ 4-хъ, она вводитъ въ Сенатѣ раздѣленіе на департаменты (указъ 1763 г.). Послѣднее было очень важно для большей правительности дѣлопроизводства[1]) и расчлененія дѣлъ по ихъ роду, но оно разрушило значеніе Сената, какъ такового, превративъ его въ рядъ отдѣльныхъ учрежденій, правда стоявшихъ другъ къ другу, по указу 1763 г., въ равной силѣ и достоинствѣ, но всетаки необъединенныхъ (департаментовъ было 6: изъ нихъ 4 въ Петербургѣ, 2 въ Москвѣ, вмѣсто бывшей здѣсь Сенатской конторы). Что касается вліянія на дѣятельность Сената учрежденнаго въ 1769 г. „Совѣта при высочайшемъ дворѣ", то это вліяніе было, въ общемъ, незначительно. По мнѣнію новѣйшаго историка Екатерининскаго Сената Н. Д. Чечулина, „Совѣтъ былъ ближе къ императрицѣ, но онъ не стоялъ выше Сената, Сенатъ во все царствованіе Екатерины сохранялъ свое прежнее первенствующее мѣсто между всѣми учрежденіями имперіи и это особенно подчеркивается отношеніями между нимъ и Совѣтомъ при высочайшемъ дворѣ". Юридически первенствующее значеніе Сената, несомнѣнно, оставалось за нимъ при Екатеринѣ, что и сказалось на его отношеніяхъ къ Совѣту, но указанныя выше измѣненія значительно повліяли на дѣятельность Сената, сравнительно съ предшествующимъ царствованіемъ. Въ области законодательства у него остается, главнымъ образомъ, роль хранителя и толкователя законовъ при примѣненіи ихъ на практикѣ; онъ затѣмъ обнародываетъ законы, принимаетъ мѣры къ ихъ печатанію и т. п. Въ области административнаго управленія, онъ контролируетъ дѣятельность подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ, заботится о бездоимочномъ поступленіи доходовъ и правильномъ ихъ расходованіи, но высшее руководительство финансами не входитъ въ сферу его компетенціи; судебная функція, въ общемъ, была сохранена за Сенатомъ въ томъ видѣ, какъ она создалась раньше[2]).

---

1) Касаясь времени, предшествующаго раздѣленію Сената на департаменты, Екатерина отмѣтила слѣдующее: „Пр. Сенатъ тогда составлялъ 1 департаментъ. Сей слушалъ апелляціонныя дѣла не экстрактами, но самое дѣло со всѣми обтсоятельствами и чтеніе дѣла о выгонѣ г. Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя 6 недѣль засѣданія Сената".

2) Подробности по исторіи Сената въ царствованіе Екатерины II см. въ изслѣдованіи Н. Д. Чечулина, въ томѣ II-омъ Исторіи Пр. Сената за 200 лѣтъ". Роль Сената, какъ толкователя законовъ, из-

Обращаясь къ кратковременному царствованію Павла I, надо сказать, что въ это время Сенатъ не подвергался никакимъ важнымъ преобразованіямъ по закону. Однако, ввиду близости Сената къ императору, „ему“, — какъ вѣрно отмѣчено въ изслѣдованіи б. А. Э. Нольде, — „больше чѣмъ какому-либо иному учрежденію имперіи, приходилось испытывать всю впечатлительность и рѣзкость Павла Петровича; во многихъ другихъ дѣлахъ, гдѣ и не сказывалось непосредственно вліяніе личности императора, Сенатъ также не могъ проявить самостоятельности, находясь подъ вліяніемъ, или подъ опасеніемъ вліянія, генералъ-прокуроровъ. Въ текущей же дѣятельности, во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя не привлекали особаго вниманія ни государя, ни генералъ-прокурора, т. е. въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ, Сенатъ при Павлѣ очень немногимъ отличается отъ Сената Екатерининскаго, съ тою лишь разницей, что отпалъ личный контроль императрицы, не пропускавшей ни одного сенатскаго доклада безъ внимательной критики“ [1]).

При вступленіи на престолъ императора Александра I Сенату, повидимому, предстояла блестящая будущность. Предполагавшіяся въ началѣ царствованія крупныя реформы въ организаціи верховной власти и ея органовъ между прочимъ, имѣли въ виду и преобразованіе Сената [2]). Затѣмъ указомъ, даннымъ Сенату 5 іюня 1801 г., императоръ выразилъ желаніе „возстановить Сенатъ на прежнюю степень ему приличную“ въ виду того обстоятельства, что „права и преимущества, отъ государей предковъ моихъ Сенату присвоенныя, по времени и различнымъ обстоятельствамъ, подвергалися перемѣнѣ, къ осла-

---

ображена мною въ изслѣдованіи „Депутаты Екатерининской Комиссіи и Пр. Сенатъ“ (С.-П., 1910 г.).

1) Пр. Сенатъ въ царствованіе Павла I (Исторія Сената за 200 лѣтъ“, от. II, стр. 695 и сл.).

2) Проекты реформы Сената, предлагавшіеся въ царствованія Александра I и Николая I, подробно изложены Э. Н. Берендтсомъ въ томѣ III „Исторія Пр. Сената за двѣсти лѣтъ“, ст. 1—166. Интересно, что, наряду съ мыслями о возвышеніи Сената, возникала мысль и объ его уничтоженіи, но на это предположеніе такъ возражалъ Сперанскій: сколько ни ничтоженъ“ говорилъ онъ, „кажется Сенатъ въ настоящемъ образѣ бытія его и сколько ни вѣроятнымъ кажется, что теченіе дѣлъ, основанное на единствѣ министерскихъ управленій, было бы несравненно успѣшнѣе, но можно быть увѣреннымъ, что совершенное уничтоженіе сего мѣста изгладило бы съ собою и самую тѣнь монархической свободы въ разумѣ народномъ. Многочисленное сословіе, древность и формы могутъ быть весьма вредны теченію дѣлъ, но они имѣютъ всегда нѣчто священное и столько уважительное въ глазахъ народа, что и самое правосудіе будетъ ему подозрительно, если оно не будетъ изливаться сообразно общему его (народа) о вещахъ понятію“. Здѣсь справедливо отмѣчено то уваженіе, коимъ пользовался Сенатъ въ мнѣніи народномъ во все время его существованія, какъ-бы ни были вревратны его судьбы. . .

бленію и самой силы закона, всѣмъ управлять долженствующаго". Но, возстановить Сенатъ оказалось труднымъ, молодые совѣтники императора, особенно Новосильцевъ, доказывали ему, съ одной стороны, что Сенатъ уже руина, которой надо оставить одну судебную только власть, а, съ другой, и самъ императоръ думалъ въ первую половину своего царствованія о болѣе широкомъ и общемъ преобразованіи государственнаго строя, при которомъ, естественно, реформа Сената отступала уже на задній планъ. Такъ какъ съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта создался новый у насъ и постоянный законосовѣщательный органъ, а съ учрежденіемъ Министерствъ — рядъ центральныхъ административныхъ учрежденій, то Сенатъ при императорѣ Александрѣ I, послѣ нѣкоторыхъ временныхъ колебаній въ законодательствѣ, остался главнымъ образомъ тѣмъ высшимъ судебнымъ учрежденіемъ, какое изъ него подготовлялось, послѣ императрицы Елисаветы Петровны, всей совокупностью предшествовавшихъ событій. Въ области управленія власть Сената продолжала быть значительною, поскольку Министерства должны были обращаться къ Сенату за разъясненіемъ дѣйствующихъ законовъ, которыхъ хранителемъ оставался Сенатъ и по указу 8 сентября 1802 г. о правахъ и преимуществахъ Сената (I статья этого указа гласила: „имѣя себѣ подчиненными всѣ присутственныя мѣста, Сенатъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія"). Изъ другихъ статей этого указа заслуживаетъ вниманія 9 статья, по которой за Сенатомъ утверждается весьма важное право представленія на высочайшіе указы („дозволяется Сенату, еслибъ по общимъ государственнымъ дѣламъ существовалъ указъ, который былъ-бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, или по частнымъ суднымъ (дѣламъ) несогласенъ съ прочими узаконеніями, или же неясенъ, представлять о томъ Императорскому Величеству; но, когда по такому представленію не будетъ учинено перемѣны, то остается онъ въ своей силѣ")[1]).

§ 6.

Совѣты при особѣ государя.

Причины неустойчивости нашихъ цен-

Какъ уже указывалось, въ XVIII вѣкѣ явилось нѣсколько учрежденій, близко стоявшихъ къ носителямъ верховной власти. Учрежденіямъ этимъ

1) Объ исторіи вопроса и о дальнѣйшей судьбѣ „права представленія" см. подробно въ статьѣ Г. Г. Тельберга „Сенатъ и право представленія на высочайшіе указы" (Жур. Мин. Н. Просв., 1910, № 1)

тральныхъ учрежденій въ XVIII в.

усвоено въ наукѣ исторія русскаго права наименованіе „Совѣтовъ при особѣ государя“[1]). Созданный въ 1711 г. Пр. Сенатъ долженъ былъ уже въ 1726 г. (по именному указу 26 февраля) уступить, въ значительной мѣрѣ, свое мѣсто Верх. Тайному Совѣту, а этотъ послѣдній (послѣ своего уничтоженія въ 1730 г.) былъ замѣненъ, возстановленнымъ вновь, хотя и ненадолго, Пр. Сенатомъ, при чемъ уже въ 1731 г. надъ Сенатомъ становится новое учрежденіе — Кабинетъ министровъ; едва, однако, проходитъ десять лѣтъ, какъ этотъ Кабинетъ уничтожается (въ 1741 г.) и въ царствованіе Елизаветы Петровны мѣсто его занимаетъ частію Пр. Сенатъ, частію Конференція. Въ свою очередь, „Конференцію“ при Петрѣ III смѣняетъ въ 1762 г. „Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ“, но онъ упраздняется Екатериною II, которая учреждаетъ въ 1768 г. — Императорскій Совѣтъ[2]); этотъ-же послѣдній, въ 1801 г., замѣняется Непремѣннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, дѣйствующимъ лишь до 1810 г., когда Сперанскимъ создается Государственный Совѣтъ, существующій и донынѣ, хотя и съ другимъ значеніемъ (послѣ учрежденія Госуд. Думы). Такимъ образомъ передъ нами фактъ полной неустойчивости верховныхъ центральныхъ учрежденій XVIII вѣка: одно учрежденіе становится на мѣсто другого, оспариваетъ у него власть, спутываетъ до безконечности предѣлы взаимной компетенціи и, наконецъ, безслѣдно изче-

---

1) Литература, кромѣ общихъ курсовъ: А. Г. Градовскій „Высшая администрація XVIII вѣка и генералъ-прокуроры“ (С.-П., 1866 г.); В. Г. Щегловъ „Государственный Совѣтъ въ Россіи“ (Яр., 1895 г.), т. II; кн. Б. Л. Вяземскій: Верх. Тайн. Совѣтъ (С.-П., 1909 г.) мои изслѣдованія: „Исторія образованія и развитія дѣятельности В. Тайнаго Совѣта“ (въ книгѣ „Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта“); Исторія образованія, устройства и компетенціи Кабинета министровъ (въ „введеніи“ къ напечатаннымъ, — въ томѣ CIV и другихъ томахъ „Сборника И. Р. Ист. Общества“. — „Бумагамъ Кабинета министровъ“); „Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ В. Т Совѣтомъ“ (Ю., 1898); „Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ“ („Русская Мысль“, 1901 № 1, 4, 12); В. М. Строевъ Бироновщина и Кабинетъ министровъ (М., 1909 г.); В. Н. Бондаренко „Очерки финансовой политики Кабинета министровъ Анны Іоанновны“ (М., 1913 г.). Очерки по исторіи Конференціи министровъ, Совѣтовъ царствованій Петра III и Екатерины II, главнымъ образомъ въ ихъ отношеніи къ Сенату, см. также въ „Исторіи Пр. Сената за 200 лѣтъ“, т. II.

2) Нѣкоторые ученые называютъ Екатерининскій Совѣтъ „Совѣтомъ при высочайшемъ дворѣ“, обозначая совѣщаніе, — организованное изъ 8 персонъ „при дворѣ и въ аппартаментахъ Нашихъ“, по указу. 18 мая 1762 г. въ царствованіе Петра III — просто словомъ „Совѣтъ“ (см. „Исторія Сената за 200 лѣтъ“, т. II, стр. 315 и сл., стр. 359 и сл.). Мы предпочитаемъ держаться терминологіи, установленной въ литературѣ.

заетъ. Въ то время какъ на Москвѣ, въ теченіе 2-хъ послѣднихъ вѣковъ передъ реформою, центральныя учрежденія представлены Б. Думою и З. Соборами, какъ выразителями правительствующаго значенія наиболѣе вліятельныхъ классовъ общества и такъ наз. Приказами, какъ выразителями личнаго начала въ управленіи, — въ XVIII вѣкѣ центральныя учрежденія быстро смѣняютъ другъ друга, едва считая свое существованіе однимъ, либо двумя десятилѣтіями. Въ организаціи центральныхъ учрежденій на Москвѣ мысль законодателей ясна и проста, въ XVIII вѣкѣ она спутана и сложна: проходитъ цѣлое столѣтіе прежде, чѣмъ Россіи удается выйти изъ того хаоса, какой представляли въ XVIII вѣкѣ центральныя учрежденія. Было-бы, однако, ошибочно приписывать (какъ это иногда дѣлается) эту постоянную смѣну однихъ учрежденій другими, со всею путаницею, ею производимою, — одной только борьбѣ партій, одному только вліянію личностей, властно стоявшихъ у кормила правленія въ то или другое царствованіе. Это вліяніе было, безспорно, весьма значительно, но имъ однимъ едва-ли объяснима та неустойчивость центральныхъ учрежденій XVIII вѣка, которая такъ поражаетъ изслѣдователя, по сравненію съ Московскимъ періодомъ, такъ какъ эта неустойчивость выходитъ за предѣлы отдѣльныхъ царствованій и вліяній, является постоянною для всего XVIII и начала XIX столѣтій, когда, наконецъ, послѣ реформъ Сперанскаго, наши высшія учрежденія получаютъ тотъ видъ, который они, въ общемъ, сохраняли до реформъ послѣдняго времени, связанныхъ съ образованіемъ Гос. Дума и преобразованіемъ Г. Совѣта, а равно и созданіемъ Совѣта министровъ. Замѣтимъ при этомъ, что вліяніе личностей едва-ли было на Москвѣ меньшимъ, чѣмъ оно было въ XVIII вѣкѣ и, однако, высшія учрежденія Московскія въ цѣломъ, отличаются прямо-обратнымъ характеромъ. Кажется, объясненіе этого лежитъ прежде всего въ слѣдующемъ. Въ Московскомъ періодѣ, законодатели почти не знали иныхъ учрежденій, кромѣ тѣхъ, которыя возникали органически, въ постепенномъ и послѣдовательномъ порядкѣ, изъ совокупности всѣхъ условій русской жизни. Въ большинствѣ случаевъ, этимъ органически развивавшимся учрежденіямъ они не могли — еслибъ даже и хотѣли — противопоставить другихъ, прихотливо созданныхъ (какъ это было въ XVIII вѣкѣ) по образцамъ иноземной практики, или по теоріямъ управленія, своимъ и чужимъ. Во 1-хъ, вліяніе чужеземной практики и теоретическихъ построеній вообще было на Москвѣ весьма слабо, а во 2-хъ — и это главное — все настроеніе народной мысли не допускало тѣхъ ломокъ, прямыхъ и быстрыхъ, кои стали столь обычны у насъ въ слѣду-

ющее столѣтіе. Этотъ консерватизмъ настроенія здѣсь, какъ и вездѣ, былъ серьезнымъ оплотомъ противъ мало-продуманныхъ и случайныхъ новшествъ, хотя, конечно, онъ могъ нерѣдко задерживать болѣе живое развитіе отдѣльныхъ частей государственнаго управленія и преграждать къ нимъ доступъ новыхъ политическихъ идей, пригодныхъ для примѣненія къ тому или иному учрежденію эпохи.

Не безъ вліянія, и при томъ весьма сильнаго, — на неустойчивость высшихъ учрежденій XVIII вѣка, было еще слѣдующее. Административныя Петровскія учрежденія, — не говоря уже о сложности ихъ устройства, обиліи формализма въ дѣлопроизводствѣ и т. п., — грѣшили самымъ принципомъ, положеннымъ въ ихъ основаніе: коллегіальный принципъ былъ менѣе всего пригоденъ для устройства органовъ власти исполнительной. Неудивительно поэтому, что, съ одной стороны, въ XVIII вѣкѣ, какъ поправка къ этой коллегіальной организаціи, постоянно возникаютъ личные административные органы (министры), а съ другой — коллегіальный принципъ управленія — и вообще-то парализировавшійся у насъ стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ условій, — будучи поставленъ не на своемъ мѣстѣ, совсѣмъ выродился и не приносилъ ожидавшейся отъ него пользы. XVIII вѣкъ живо чувствовалъ всѣ эти недостатки „коллежскаго“ управленія, но выходилъ изъ затрудненія средствами случайными и временными (что, конечно, не могло придавать устойчивости учрежденіямъ), а именно онъ, то создавалъ, подъ тѣмъ или инымъ именемъ, дѣйствительныхъ министровъ, — хотя и не давалъ имъ строгой организаціи въ видѣ Министерствъ, — то соединялъ этихъ министровъ въ особые Совѣты, съ полномочіями неопредѣленными и недолговременными.

Центральною фигурою, около которой возникали и на счетъ власти которой развивались всѣ эти временныя и малоустойчивыя учрежденія, былъ Сенатъ. На нашъ взглядъ, это также въ высшей степени характерно и даетъ нѣкоторую нить къ объясненію тѣхъ перемѣнъ, какія происходили постоянно въ порядкѣ нашихъ высшихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Сенатъ вскорѣ послѣ его созданія сдѣлался учрежденіемъ, исполнявшимъ въ государствѣ весьма разнообразныя и сложныя задачи. Будучи поставленъ на мѣстѣ Боярской Думы, онъ долженъ былъ — если не при Петрѣ, то послѣ него — взять на себя ту политическую роль, какую играла когда-то, между прочимъ, Боярская Дума. Но онъ не былъ пригоденъ къ этой роли, ни по своему составу, ни по своимъ основнымъ функціямъ; наконецъ, онъ не имѣлъ для этого достаточно традицій. Между тѣмъ необходимость такого учрежденія чувствовалась постоянно;

неудивительно, что эту роль политическаго учрежденія стали затѣмъ оспаривать у Сената тѣ олигархическія партіи и тѣ случайные „Совѣты“ министровъ, коимъ удавалось захватить власть въ данное время. Въ этой борьбѣ за власть сказывалось не одно желаніе „тогдашнихъ случайныхъ и припадочныхъ людей“ создать — какъ писалъ графъ Н. И. Панинъ Екатеринѣ II — изъ подобныхъ учрежденій „всегда злоключительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ“, хотя, конечно, это желаніе имѣло извѣстное значеніе; но, здѣсь, несомѣнно, сказалось также и желаніе имѣть верховное учрежденіе, которое, взамѣнъ Б. Думы, было бы учрежденіемъ политическаго и законодательнаго характера. Конечно, наилучшимъ разрѣшеніемъ вопроса было-бы, созданіе, рядомъ съ государями, представительнаго учрежденія, которое бы, въ той или иной мѣрѣ, раздѣляло съ ними законодательную власть. Попытки созданія такого учрежденія и были въ новое время, но онѣ, какъ это уже указывалось нами, либо оканчивались неудачею, либо оставались въ проектахъ и не приводились въ исполненіе.

Борьба съ Сенатомъ со стороны тѣхъ личныхъ органовъ власти, кои возникали въ XVIII вѣкѣ и дѣйствовали то раздѣльно, то объединенно въ одномъ общемъ учрежденіи, была такимъ образомъ борьбою нетолько личною[1]), но и принципіальною. Правда, эта борьба велась неумѣло, средствами случайными и весьма недостаточными, чтобы побороть столь легально-поставленное и на государственно-правовыхъ началахъ основанное учрежденіе, какимъ былъ Сенатъ Петра В., но сама идея созданія, рядомъ съ Сенатомъ, новаго верховнаго учрежденія заслуживала вниманія и была жизненна: необходимо было дать просторъ болѣе живому дѣйствію личнаго начала въ управленіи, съ одной стороны, нужно было имѣть учрежденіе съ политическими задачами — съ другой. Къ сожалѣнію, борьба за осуществленіе этой идеи была въ XVIII вѣкѣ весьма неудачна и неудачна, можетъ быть, потому главнымъ образомъ, что размежеваться съ Сенатомъ плодотворно могло-бы лишь учрежденіе, столь-же закономѣрно-построенное и отлившееся въ столь-же публичныя формы, какъ и самъ Сенатъ великаго императора; но XVIII вѣкъ,

---

1) Личный характеръ борьбы не можетъ быть отрицаемъ вовсе; онъ былъ отмѣченъ самими современниками, какъ видно, напр., изъ указанныхъ выше словъ гр. Панина. Въ началѣ XIX столѣтія также указывалось, что „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностію государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ властвовать“ (слова гр. Завадовскаго въ его мнѣніи „о правахъ и преимуществахъ Сената“).

если иногда и сознавалъ это, то плохо умѣлъ осуществить эту идею въ тѣхъ учрежденіяхъ, какія онъ временно ставилъ на мѣсто Сената. Какъ уже указывалось, Петръ В., создавая Сенатъ, не думалъ дѣлиться съ нимъ властію, а лишь хотѣлъ видѣть въ немъ „орудіе“ своей власти. Петру В., однако, принадлежитъ громадная заслуга въ томъ отношеніи, что онъ это орудіе власти хотѣлъ поставить опредѣленно, утвердить его закономъ, снабдить всѣми средствами для того, чтобъ оно дѣйствовало правомѣрно, энергично и сообразно съ новыми потребностями государства. Считая коллегіальное начало однимъ изъ лучшихъ средствъ для утвержденія начала законности въ управленіи, Петръ думалъ, что и воля монарха должна выражаться черезъ коллегіальныя учрежденія. Вступая въ борьбу съ наиболѣе выдающимся изъ этихъ учрежденій — Сенатомъ, послѣдующія царствованія, почти до эпохи Александра I, не умѣли противоставить Сенату учрежденія такого-же высокаго порядка, какимъ былъ Петровскій Сенатъ, а потому и не создали ничего прочнаго. Правда, иногда эти высшія учрежденія, появлявшіяся въ XVIII вѣкѣ, въ противовѣсъ Сенату, привлекаютъ вниманіе изслѣдователя важностью той общей идеи, которая клалась въ ихъ основаніе; иногда вниманіе привлекаетъ и та борьба, которая начинаетъ возникать между нѣсколькими конкурирующими за вліяніе учрежденіями; но едва идея учрежденія начинаетъ осуществляться и едва борьба разгорается, какъ само учрежденіе уже исчезаетъ съ исторической сцены.

Верховный Тайный Совѣтъ; причины его основанія по указу 8 февраля 1726 г.; характеръ учрежденія.

Обращаемся, послѣ сказаннаго, къ краткому очерку обстоятельствъ, вызывавшихъ учрежденіе отдѣльныхъ „Совѣтовъ при особѣ государя“ въ XVIII вѣкѣ и прежде всего — В. Т. Совѣта. Какъ уже было отмѣчено выше, по именному указу 8 февраля 1726 г., былъ созданъ Верховный Тайный Совѣтъ. Указъ этотъ довольно подробно объясняетъ причину основанія новаго учрежденія а именно въ немъ указывается, что при Петрѣ В. былъ опредѣленный составъ сенаторовъ, спеціально-занятыхъ исполненіемъ текущихъ дѣлъ управленія, порученныхъ Пр. Сенату; ко времени созданія В. Т. Совѣта такой составъ уменьшился; старѣйшіе и заслуженнѣйшіе его члены (обычно, дѣйствительные тайные совѣтники), хотя и продолжали быть сенаторами по закону, но имъ „и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ

коллегіяхъ, а именно: въ двухъ военныхъ и въ третьей — политической (т. е. иностранныхъ дѣлъ), отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ — въ тайномъ совѣтѣ — немалое чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе отъ того, что они, за многодѣльствомъ, не могутъ чинить вскорѣ резолюціи на государственныя внутреннія дѣла". Указъ отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры", или просто министры, — или „первые сенаторы", какъ еще иначе называетъ ихъ тотъ же указъ, — еще ранѣе образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта составляли изъ себя особые „тайные совѣты" и не сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Сенатъ, такимъ образомъ, состоялъ изъ двухъ частей — первыхъ и вторыхъ сенаторовъ, изъ коихъ „первые" (обычно тайные дѣйствительные совѣтники"), уже при Петрѣ В. играли роль министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ частей управленія, которыя, хотя и были построены коллегіально, однако, не могли мѣшать ихъ президентамъ играть роль личныхъ довѣренныхъ органовъ верховной власти, если не всегда de jure, то, во всякомъ случаѣ, de facto. Эти „первые" министры, или сенаторы, по смыслу указа, не должны были входить теперь въ общій составъ Сената, не должны были сливаться въ одну коллегію со „вторыми" сенаторами, какъ это фактически сложилось уже и раньше; наоборотъ, они должны быть свободны отъ заботъ по рѣшенію текущихъ обыденныхъ дѣлъ администраціи, которыя ведутся „вторыми сенаторами" и, въ качествѣ лицъ, вѣдающихъ „политическія и другія важныя" дѣла, должны составлять свой особый „тайный совѣтъ", что частью было и раньше, но лишь фактически, такъ что, въ сущности, созданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, а затѣмъ и Кабинета, — отвѣчая, какъ потребности объединенія этихъ личныхъ органовъ въ одномъ учрежденіи, такъ и необходимости выдѣленія верховнаго управленія отъ управленія подчиненнаго — оформило de jure то, что ранѣе обозначилось, какъ фактъ, въ видѣ случайныхъ „тайныхъ совѣтовъ", главнымъ образомъ, по дѣламъ иностраннымъ и военнымъ. Такіе „совѣты" иногда созывались и при Петрѣ В.

Указанная оффиціальная мотивировка основанія В. Т. Совѣта, вполнѣ отвѣчая дѣйствительности, не воспроизводитъ, однако, всей сложной совокупности фактовъ, повліявшихъ на это основаніе и не указываетъ на ту роль, какую играло въ государствѣ названное учрежденіе. Изъ замѣчательнаго „мнѣнія не въ указъ", въ которомъ В. Т. Совѣтъ, уже въ началѣ своего существованія, пытался опредѣлить свое положеніе въ государствѣ, видно, что В. Т. Совѣтъ (какъ позднѣе — и Кабинетъ) основывался съ цѣлью имѣть учрежденіе, стоящее

въ непосредственномъ отношеніи къ верховной власти. Сенату стоять въ такомъ непосредственномъ отношеніи было труднѣе, какъ вслѣдствіе его болѣе многочисленнаго и менѣе довѣреннаго состава, такъ и потому, что сенаторы имѣли свои особыя и сложныя функціи по рѣшенію текущихъ, обыденныхъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и административныхъ. Петръ В., понимая это, учредилъ должность генералъ-прокурора; назначеніемъ-же ея, между прочимъ, являлось установленіе непосредственной связи Сената съ верховною властью монарха. При Петрѣ В., — при томъ вниманіи, которое онъ постоянно удѣлялъ дѣятельности Сената, — эта связь черезъ третье лицо была вполнѣ достаточна; послѣ Петра В. оказалось неудобнымъ, — въ виду преимущественно личныхъ счетовъ партій, а частью и вслѣдствіе характера самихъ носителей верховной власти, — поручать представительство этой связи одному лицу, почему должность генералъ-прокурора фактически уничтожается и знаменитый Петровскій ген.-прокуроръ Ягужинскій получаетъ другое назначеніе.

Помимо указанныхъ обстоятельствъ, поведшихъ къ образованію В. Т. Совѣта, важную роль играла и борьба партій, какъ на это уже нами своевременно указывалось.

Въ литературѣ нашей В. Т. Совѣтъ считается первымъ учрежденіемъ, коимъ въ XVIII вѣкѣ открывался рядъ „спеціальныхъ Совѣтовъ“ — „при особѣ государя“, какъ называетъ ихъ проф. В. И. Сергѣевичъ. Таково, несомнѣнно, было оффиціальное назначеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, какъ оно прямо обозначено указомъ 8 февраля 1726 г., который былъ прочитанъ канцлеромъ Головкинымъ „всему собранію“ и въ которомъ было сказано, что „Ея Величество изволила, ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ, учредить съ нынѣшняго времени при дворѣ Ея Величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ Ея Величество сама присутствовать изволитъ“; другой позднѣйшій указъ начала 1727 г. называетъ учрежденіе — Совѣтомъ „при боку Нашемъ“; таково было также и оффиціальное назначеніе Кабинета Анны. Но, надо при этомъ, на нашъ взглядъ, замѣтить, что характеристика В. Т. Совѣта, только какъ Совѣта „при особѣ государя“, нѣсколько узка, такъ какъ ею изображается лишь одна черта учрежденія, а именно его непосредственная близость къ носителямъ верховной власти. Однако, какъ было указано, уже современники отмѣтили весьма отчетливо другую черту: учрежденіе, дѣйствующее отъ имени царицы, сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія: „именемъ царицы“ (au nom de la Czarine“) оно „будетъ

рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ", какъ доносилъ, напримѣръ, французскій посланникъ Кампредонъ своему правительству, 26 февраля 1726 г. Это, въ дѣйствительности, и достигается В. Т. Совѣтомъ: сначала именемъ царицы, а затѣмъ еще рѣзче — именемъ Петра II, Совѣтъ правитъ государствомъ въ лицѣ тѣхъ немногихъ, коимъ удается захватить въ немъ власть и вліяніе. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Въ первое полугодіе основанія Совѣта Екатерина еще довольно часто присутствовала въ его засѣданіяхъ, затѣмъ рѣже, а съ 1727 г., до дня своей кончины 6 мая, уже — ни разу; затѣмъ члены Совѣта, либо in corpore, либо отдѣльно, являлись постоянно съ докладами Совѣта къ императрицѣ и выслушивали отъ нея именные указы, по бо̀льшей части, впрочемъ, подсказанные ей наиболѣе вліятельными членами Совѣта.

Обращаясь къ царствованію Петра II, мы видимъ, что въ это время В. Т. Совѣтъ, уже и по формѣ, едва ли можетъ быть названъ Совѣтомъ „при особѣ государя". Петръ II не только рѣдко бывалъ въ Совѣтѣ, но, какъ по возрасту, такъ и образу своей жизни, не могъ принимать, даже косвенно, сколько-нибудь серьезнаго участія въ занятіяхъ и рѣшеніяхъ Совѣта; Совѣту приходилось нетолько искать случая къ общенію съ государемъ, но еще и разрабатывать программу для его обученія наукамъ. Между прочимъ, въ программу Остермана входило, чтобы Петръ присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта два раза въ недѣлю, но этому, какъ и многому другому, не удалось сбыться. Хотя Совѣтъ, желая соблюсти форму, и предполагалъ присутствіе императора въ своихъ засѣданіяхъ, какъ необходимое, но до паденія Меншикова Петръ II присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта всего три раза. Когда затѣмъ позднѣе былъ „объявленъ арестъ" Меншикову, Петръ, прибылъ 8 сентября 1727 года въ Совѣтъ, изволилъ подписать приготовленные два указа „о бытности и присутствіи Его Величества впредь въ В. Т. Совѣтѣ" и „о неслушаніи указовъ или писемъ Меншикова". Подъ впечатлѣніемъ ареста Меншикова и подъ вліяніемъ внушеній Остермана, объявлялся указъ о томъ, чтобы изъ Совѣта указы впредь отправлялись „за подписаніемъ собственныя Нашей руки и В. Т. Совѣта", но, конечно, это скоро оказалось маловыполнимымъ, почему уже 25 сентября того же года, въ отмѣну этого, состоялся указъ, коимъ возстановлялся прежній порядокъ отправленія совѣтскихъ указовъ лишь за подписью одного секретаря Совѣта Степанова. Затѣмъ мы едва можемъ насчитать пять-шесть разъ присутствія, хотя бы кратковременнаго, Петра II въ засѣданіяхъ Совѣта за время отъ паденія Меншикова до

кончины императора. Такимъ образомъ, личное участіе императора въ дѣятельности его совѣта, даже формально, имѣло мѣсто лишь весьма рѣдко. На ряду съ этимъ и сами члены Совѣта весьма рѣдко in corpore являются передъ императоромъ и съ трудомъ могутъ добиться доклада дѣлъ ему лично, въ тѣхъ случаяхъ, когда это казалось имъ необходимымъ, чтобъ прикрыться именемъ государя.

Кабинетъ министровъ и его сравненіе съ В. Т. Совѣтомъ.

Касаясь Кабинета министровъ и кратко останавливаясь на сравненіи его съ В. Т. Совѣтомъ, надо замѣтить, что въ теченіи своего недолгаго существованія (отъ 1731 г. до 1741 г.), слагаясь постепенно и медленно, по мѣрѣ измѣненія условій времени, Кабинетъ пережилъ по крайней мѣрѣ три, весьма непохожихъ одинъ на другой, момента своего развитія, почему и надо различать во 1-хъ, Кабинетъ министровъ въ первую половину царствованія (до указа 9 іюня 1735 г., когда Кабинетъ получилъ новыя полномочія), во 2-хъ, Кабинетъ во вторую половину царствованія императрицы до ея кончины и, наконецъ, въ 3-хъ, Кабинетъ — послѣ ея кончины до момента его уничтоженія. Изъ этихъ моментовъ для нашей цѣли — сравненія двухъ смѣнившихъ другъ друга учрежденій — наибольшее значеніе имѣетъ первый, такъ какъ именно въ этотъ періодъ (съ 1731 по 1735 г.) Кабинетъ менѣе всего похожъ на В. Т. Совѣтъ; различіе между Кабинетомъ и Совѣтомъ въ этотъ періодъ его дѣятельности лучше всего показываетъ, чего хотѣли избѣжать, создавая, вмѣсто В. Т. Совѣта, Кабинетъ, и что достигалось созданіемъ Кабинета, какъ собранія министровъ: именно, хотѣли избѣжать въ дѣятельности Кабинета той ограничительной тенденціи, какой отличался В. Т. Совѣтъ, но желали имѣть въ Кабинетѣ учрежденіе, непосредственно стоящее возлѣ государыни и ей помогающее въ правленіи. Что касается второго момента, или періода, развитія Кабинета, то онъ начинается, какъ сказано, съ указа 9 іюня 1735 г., коимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Наши руки, или за руками Нашихъ кабинетныхъ министровъ, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“. Этотъ указъ показываетъ, что Анна Іоанновна, — въ первые годы своего царствованія обходившаяся (по крайней мѣрѣ, оффиціально), безъ уполномочія кого-либо дѣйствовать (въ сферѣ законодательства и управленія), рядомъ съ собою, — кончила тѣмъ, чѣмъ начала императрица Екатерина I, которая еще указомъ 4 (5) августа 1726 г., повелѣла „объявленіямъ словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанія Нашея собственныя руки, или всего Нашего В. Т. Совѣта, отнюдь не вѣрить“. Цѣлый рядъ данныхъ и соображеній заставляетъ

притти вообще къ тому выводу, что, если слова знаменитаго Елисаветинскаго манифеста 12 декабря 1741 г. (коимъ уничтожался Кабинетъ министровъ и дѣйствительно возстановлялся Пр. Сенатъ) о томъ, что — Кабинетъ сочиненъ (былъ) въ равной силѣ, какъ былъ В. Т. Совѣтъ, только имя перемѣнено" — и могутъ быть приняты, то лишь въ приложеніи къ Кабинету второй половины царствованія Анны, когда Кабинетъ получилъ новыя полномочія. Что-же касается, наконецъ, исторіи дѣятельности Кабинета министровъ послѣ кончины Анны Іоанновны до воцаренія Елисаветы, то въ это время Кабинетъ, переживъ регенства Бирона и Анны Леопольдовны, находился въ теченіи съ небольшимъ года въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, на которыхъ мы здѣсь не останавливаемся.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ фактамъ, относящимся къ образованію Кабинета. Хотя по манифесту 4 марта 1730 г. и былъ, какъ мы знаемъ, возстановленъ Пр. Сенатъ, но едва этотъ блестящій и многолюдный Сенатъ началъ дѣйствовать, какъ въ обществѣ стали ходить неопредѣленные слухи о новомъ учрежденіи, готовящимся встать надъ Сенатомъ, при чемъ творцемъ этого новаго учрежденія считали справедливо Остермана. Учрежденіе это и было создано по именному указу 18 октября 1731 г. Возникнувъ еще въ 1730 г., первоначально въ видѣ особаго и неоффиціальнаго секретаріата императрицы (въ коемъ должна была сильно нуждаться бывшая герцогиня Курляндская, неожиданно и при необычайныхъ условіяхъ вступившая на всероссійскій престолъ) и просуществовавъ такъ нѣкоторое время подъ главенствомъ Остермана, Кабинетъ превратился затѣмъ въ постоянное учрежденіе, состоящее „при дворѣ" императрицы. Какъ сказано, современники не видѣли большой разницы между Кабинетомъ и В. Т. Совѣтомъ [1]). Въ дѣйствительности-же эта

1) Объ этомъ можно еще судить по докладу, поданному императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ которомъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „по учрежденіи сперва В. Т. Совѣта, а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было), Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно-достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено, но всѣ подлежащіе къ собственному Ея Величества дѣлъ рѣшенію доклады подаваемы были черезъ Кабинетъ, изъ которыхъ многіе, по разсужденію министровъ, возвращены были съ ихъ резолюціями, и иные же и безъ резолюцій паки были отдаваемы, съ одними словесными приказами, ко изъясненію, а по инымъ въ Кабинетѣ справки собиралися и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три, но, по многимъ нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время, резолюціи получаемо не было, по инымъ, хотя резолюціи и получалися, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что нетокмо

разница несомнѣнно, существовала, особенно въ первую половину царствованія Анны [1]). Члены Кабинета министровъ, во главѣ съ Остерманномъ, довольствовались тѣмъ положеніемъ лично-довѣренныхъ персонъ, какое они имѣли, и нисколько не пытались превратить свою личную власть во власть учрежденія; у нихъ при томъ и не было возможности это сдѣлать. Примѣръ В. Т. Совѣта, быстро вышедшаго изъ своего положенія, какъ „Совѣта при особѣ государя“ и задумавшаго переустройство государства, требовалъ осторожности въ надѣленіи новаго учрежденія тѣми или иными прерогативами. Въ первые годы, до указа 9 іюня 1735 г., Кабинетъ былъ не-оффиціальнымъ Совѣтомъ государыни и докладывающимъ учрежденіемъ по дѣламъ, въ немъ, по волѣ государыни, сосредоточеннымъ. Всѣ указы идутъ изъ Кабинета, но указовъ самихъ кабинетъ-министровъ и ихъ резолюцій на докладахъ, челобитьяхъ и пр. въ изучаемое время почти еще нѣтъ; общею и нормальною формою законодательныхъ опредѣленій и административныхъ распоряженій являются именные указы и высочайше утвержденные доклады. Хотя почти всѣ эти акты монаршей воли проходятъ такъ или иначе черезъ Кабинетъ — объ этомъ, однако, не упоминается въ нихъ ни однимъ словомъ, что очень характерно для пониманія той роли и того положенія, какое занималъ въ это время Кабинетъ по отношенію къ Императорскому Величеству. Только позднѣе Кабинетъ получаетъ новое, прежде непринадлежавшее ему значеніе, а именно по указу 9 іюня 1735 г., указы кабинетъ-министровъ приравнивались къ именнымъ указамъ императрицы. Въ началѣ дѣятельности Кабинета въ 1731—1734 гг., ничто почти еще не заставляло предполагать этой перемѣны, такъ какъ Кабинетъ только въ исключительныхъ случаяхъ и по особому полномочію государыни, для каждаго такого случая, выступалъ съ указами или высочайшими повелѣніями, подписанными его членами. Но, отличаясь размѣрами полномочій отъ В. Т. Совѣта, Кабинетъ очень походилъ на него по пред-

---

въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже черезъ нѣсколько лѣтъ исправиться неможно; сверхъ-же того, мимо Сената, прямо изъ Кабинета, посыланы были нетомко въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя мѣста и въ губерніи и въ провинціи о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, о чемъ въ Сенатѣ и извѣстія никакого не было, и репорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе непорядки“... (См. этотъ докладъ, мною напечатанный, въ Журн. М. Н. Просв.“, 1897 года, № 2).

1) Обзоръ дѣятельности Кабинета, кромѣ моихъ изслѣдованій, указанныхъ выше (стр. 699, прим. 1), см. въ сочиненіи В. Н. Строева „Бироновщина и Кабинетъ министровъ“. Ч. I (М., 1909 г.), ч. II, в. I (С.-П., 1910 г.).

метамъ вѣдомства, а именно, въ общемъ, предѣлы компетенціи Кабинета могутъ быть обозначены слѣдующимъ образомъ: все, что относилось къ области непосредственной дѣятельности верховной власти, относилось и къ вѣдѣнію Кабинета, подобнаго тому какъ раньше, въ правленіи В. Тайн. Совѣта, принадлежало къ компетенціи послѣдняго. Иначе говоря, „всѣ стихіи державнаго права, соединяющіяся въ особѣ императора“ (какъ выражался еще Сперанскій) и проявляющіяся во власти законодательной, во власти верховнаго управленія „во всемъ ея пространствѣ“ и, наконецъ, въ сферѣ судебнаго суверенитета, находили свое сосредоточіе въ „Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества“, постольку, конечно, поскольку это сосредоточіе казалось нужнымъ — „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ“ имперіи. Интересно, что въ концѣ 1738 г. императрица повелѣла, чтобъ представляемые ей, для подписи, именные указы и резолюціи были контрасигнированы кабинетъ-министрами, чѣмъ впервые положено у насъ начало отвѣтственности министровъ за исходящіе отъ нихъ акты; но это контрасигнированіе, однако, не удержалось долго.

Конференція министровъ. Императорскій Совѣтъ

Возстановивъ въ 1741 г. Пр. Сенатъ, Елисавета Петровна поставила рядомъ съ нимъ особую „Конференцію при Высочайшемъ Дворѣ“ — для произведенія съ лучшимъ порядкомъ и успѣхомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія Ея И. Величества повелѣній“. О дѣятельности Конференціи мало извѣстно, такъ какъ бумаги ея пока только-что стали печататься[1]). Первоначальнымъ ея назначеніемъ было заниматься обсужденіемъ иностранныхъ дѣлъ, но позднѣе ей стали поручаться для разсмотрѣнія и дѣла внутреннія, что приводило ее въ столкновеніе съ Пр. Сенатомъ. Созданіе Конференціи, какъ и предшествовавшихъ 2-хъ учрежденій, отвѣчало потребности имѣть, въ непосредственной близости къ государямъ, верховное учрежденіе, вѣдающее особенно важныя, или требующія тайны, дѣла государства. Эта потребность чувствовалось и позднѣе: 18 мая 1762 г. былъ созданъ „Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ“, изъ 8-ми лицъ, для управленія важнѣйшими дѣлами, просуществовавшій, впрочемъ, только до кончины Петра III. Со вступленіемъ на престолъ Екатерины II является вновь стремленіе создать учрежденіе, подобное В. Т. Совѣту. Именно гр.

---

1) „Протоколы Конференціи при Высочайшемъ Дворѣ“. Т. I (14 марта 1756 г. — 13 марта 1757 г.). Собраны и изданы подъ редакцію Н. Д. Чечулина (Сборникъ ИМ. Русскаго Историч. Общества, т. CXXXVI, С.-П., 1912 г.).

Н. И. Панинъ, какъ мы знаемъ представилъ императрицѣ „Уставъ верховному правительству“, въ которомъ развивалъ мысль о необходимости устроить „верховное мѣсто лежисляціи, или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе“, т. е. черезъ которое должны были проходить всѣ законопроекты прежде, чѣмъ они получатъ значеніе закона. Екатерина II не утвердила этого проекта, но, затѣмъ создала въ 1768 г. совѣщательное учрежденіе подъ именемъ „Императорскаго Совѣта“. Первоначально Совѣтъ этотъ учреждался по случаю войны съ Турціею „дабы“, какъ гласилъ манифестъ, „по причинѣ теперешнихъ военныхъ обстоятельствъ, ни въ которой части, къ тому принадлежащей, ничего проронено не было, что служить можетъ къ безопасности имперіи, и дабы скорѣйшія сношенія установить между политическихъ, военныхъ и казенныхъ мѣстъ“. Позднѣе Совѣтъ сдѣлался постояннымъ, былъ раздѣленъ на 2 департамента (политическихъ и военныхъ дѣлъ) и игралъ важную, хотя совѣщательную только, роль въ управленіи государствомъ. Въ царствованіе императора Александра I онъ былъ замѣненъ, по указу 30 марта 1801 г., Непремѣннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, просуществовавшимъ до 1810 г., когда онъ былъ преобразованъ въ Государственный Совѣтъ.

§ 7.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ[1])

Переходное состояніе въ управленіи церковью отъ 1700 по 1721 гг. Причины, вызвавшія уч-

Петръ В., предпринявъ коренное преобразованіе какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденій, не остановился только на тѣхъ, которыя вѣдали дѣла свѣтскія. Результатомъ его реформы въ области управленія церковью явилось учрежденія Св. Пр. Синода, этой „Духовной Коллегіи“, какъ сначала назывался Синодъ, созданный

1) Литература вопроса: Ю. Самаринъ „Стефанъ Яворскій и Θеофанъ Прокоповичъ“ (Сочиненія, т. V, М., 1880 г.); Чистовичъ „Θеофанъ Прокоповичъ и его время“; Н. С. Суворовъ „Учебникъ церковнаго права“ (М., 1902 г.), стр. 108 сл.; Кедровъ „Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В.“ (М., 1886 г.); В. В. Бѣлостицкій „Реформы Петра В. по высшему церковному управленію“ (Ж. М. Н. Просв., 1892 г., № 6 и 7); П. В. Верховскій „Очерки по исторіи русской церкви въ XVIII и XIX ст.“, в. I. (Варшава, 1912 г.), гдѣ указываются вообще основы церковныхъ преобразованій Петра В. и въ частности изображаются учрежденіе Св. Синода и историческая судьба его власти въ XVIII и XIX в. в. Отношеніе къ Св. Пр. Синоду Прав. Сената подробно разсматривается въ „Исторіи Пр. Сената за 200 лѣтъ“, въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ.

режденія Св. Пр. Синода, по объясненію Духовнаго Регламента.

по указу 25 января 1721 г. и открытый 14 февраля того-же года. Какъ извѣстно, послѣ кончины въ 1700 г. патріарха Адріана, Петръ В. не назначилъ ему преемника, а учредилъ должность „мѣстоблюстителя патріаршаго престола“, на которую назначилъ Стефана Яворскаго. Около этого „мѣстоблюстителя“ стоялъ „Освященный Соборъ“ изъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, вѣдавшій духовныя дѣла. Это переходное состояніе управленія церковью закончилось образованіемъ Св. Пр. Синода. Учредительнымъ актомъ его былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Петра В., а именно „Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи“. Въ этомъ „Духовномъ Регламентѣ“, Петръ В., — перомъ Ѳеофана Прокоповича объясняя вообще причины, заставившія его принять коллегіальный принципъ, какъ основаніе для организаціи государственныхъ учрежденій, — нашелъ нужнымъ откровенно высказать въ то-же время, почему „соборное правительство“ кажется ему особенно необходимымъ, когда дѣло идетъ объ управленіи церковью. Остановимся прежде всего на этомъ изложеніи: „велико и сіе“, говоритъ Регламентъ, „что изъ соборнаго правленія не опасатися отечеству мятежей и смущенія, яковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго“ (т. е. отъ патріарха). Простой народъ, продолжаетъ Регламентъ, не понимаетъ, въ чемъ заключается разница власти духовной и самодержавной (свѣтской) но, „удивляемый великою Высочайшаго пастыря честію и славою“, привыкаетъ думать, что онъ, патріархъ, — „второй Государь, Самодержцу равносильный“ или даже и „больше его“; что этотъ „духовный чинъ есть другое и лучшее государство“. Если народъ вообще „такъ умствовати обыклъ“ о взаимныхъ отношеніяхъ главъ церкви и государства, то чтожъ можетъ произойти тогда, когда огонь будетъ подложенъ къ хворосту и „плевельныя властолюбивыхъ духовныхъ (лицъ) разговоры приложатся?“ а еще болѣе тогда, когда въ народѣ услышатъ о распрѣ этихъ носителей власти свѣтской и духовной? Тогда, отвѣчаетъ Регламентъ, „простыя сердца“ не будутъ смотрѣть на самодержца, „яко на Верховнаго Пастыря“ и „вси духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ, и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ, окаянные, что они по Самомъ Бозѣ поборствуютъ и руки своя не оскверняютъ, но освѣщаютъ, аще бы и на кровопролитіе устремилися“. Такой распрѣ могутъ помогать нетолько простые люди, думающіе что они „по Бозѣ поборствуютъ“, но и высшіе, которые, „подъ видомъ церковной ревности“, радуются этой враждѣ и

возбуждаютъ простой народъ противъ носителя верховной власти. Что же", спрашиваетъ Регламентъ, „когда еще и самъ Пастырь (патріархъ) таковымъ о себѣ надмененъ мнѣніемъ — спать не похощетъ? Изрещи трудно, коликое отсюда бываетъ бѣдствіе! . . ." Регламентъ обращается далѣе къ исторіи и напоминаетъ о случаяхъ этихъ распрей въ Византіи и государствѣ римскомъ; что же касается Россіи, то онъ не хочетъ даже и говорить о нихъ — „да не вспомянутся подобные и у насъ бывшіе замахи! . . ." Чтобъ избѣжать этихъ „замаховъ" впредь, надо устроить Духовную Коллегію, такъ какъ „таковому злу", — которое можетъ возникнуть при столкновеніи патріарха съ государемъ — „въ соборномъ духовномъ правительствѣ нѣсть мѣста. Ибо нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, нѣсть лишнія свѣтлости и позора (почести), нѣсть высокаго о немъ мнѣнія, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами возносить его . . ." Все, что въ такомъ соборномъ правительствѣ дѣлается, нельзя предписать одному только президенту, тѣмъ болѣе, что и слово это — „негордое есть, не иное бо что значитъ, только — предсѣдателя". Затѣмъ, народъ видя, что это духовное соборное правительство утверждено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, пойметъ его подчиненное положеніе въ государствѣ „и наипаче пребудетъ въ кротости своей и весьма отложитъ надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго". . . . Таковы политическія обоснованія реформы (не приводимъ здѣсь другихъ, второстепенныхъ, какъ не относящихся до занимающаго насъ вопроса), изложенныя въ Дух. Регламентѣ вполнѣ ясно и съ большею откровенностью. Два общихъ вопроса возникаютъ при разсмотрѣніи этихъ обоснованій. Первый — насколько вѣрна, съ исторической точки зрѣнія, эта оцѣнка патріаршества,[1]) сдѣланная перомъ Ѳеофана Прокоповича въ Духовномъ Регламентѣ, и второй, поскольку изъ обстоятельствъ Петровскаго времени и изъ отношенія церкви, въ лицѣ ея іерарховъ, къ реформѣ вытекала необходимость въ томъ коренномъ измѣненіи, какое было сдѣлано Петромъ В. въ организаціи церковнаго управленія? Что касается перваго вопроса, то нельзя не замѣтить, что, какъ вся исторія нашей церкви, такъ и ея каноническія правила и преданія, шедшія изъ Византіи, едва ли давали много матеріала,

1) Новѣйшее изслѣдованіе вопроса о патріаршествѣ см. у А. Я. Шпакова „Государство и церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳедора Ивановича — Учрежденіе патріаршества въ Россіи" (Од., 1912 г.).

на основаніи коего можно бы было вывести то рѣзкое противоположеніе власти свѣтской и духовной (и особенно противоположеніе, исходящее изъ мысли о подчиненіи первой власти — второй, каковая мысль, какъ извѣстно, вырабатывается на Западѣ въ эпоху борьбы папъ съ императорами), какое такъ рѣшительно утверждается Регламентомъ. У насъ церковь никогда не была status in statu. Всѣ ея громадныя привиллегіи исходили отъ свѣтской власти и опирались на авторитетъ этой власти. Эти привиллегіи, особенно по вопросу о церковныхъ имуществахъ, еще съ Іоанна III-го вызывали со стороны государства широкое вмѣшательство въ дѣла управленія церковью, кончавшееся тѣмъ или инымъ рядомъ ограниченій въ общегосударственныхъ цѣляхъ. Но все это не помѣшало поставленію въ 1589 г. перваго русскаго патріарха — такъ мало въ отношеніи церкви и государства, даже во время борьбы первой за свои привиллегіи, было политическаго элемента. Времена правленія патріарховъ Филарета и Никона, при всемъ величіи патріаршества при нихъ, такъ же, кажется, не говорятъ за возможность общей коллизіи правъ власти духовной и свѣтской. Первый изъ названныхъ святителей былъ многоопытный въ государственномъ управленіи отецъ государя, второй — исключительная по уму и энергіи личность. Особыя качества этихъ патріарховъ, и главное — особыя ихъ отношенія къ государямъ, обусловливали и особое ихъ положеніе въ государствѣ. Правда, Никонъ въ нѣкоторыхъ своихъ притязаніяхъ какъ-бы проявлялъ стремленіе къ противоположенію власти свѣтской и духовной, въ смыслѣ полной независимости второй отъ первой, но здѣсь онъ совсѣмъ не стоялъ на почвѣ положенія, выработаннаго русскою исторіею. Этою исторіею было выработано высокое уваженіе государей, какъ носителей свѣтской верховной власти, къ представителямъ церкви, рука объ руку съ которыми шли они во всѣ трудныя эпохи государственной жизни нашей; была выработана автономія духовенства въ управленіи церковью и ея имуществами, но этой исторіею не давалось ничего такого, чтобы говорило за стремленіе церкви къ политической самостоятельности. Никонъ имѣлъ подъ собою твердую почву, пока онъ, подобно другимъ іерархамъ, стоялъ за сохраненіе привиллегій церкви, данныхъ ей самимъ же государствомъ, но онъ потерялъ ее, когда, по удачному выраженію одного изслѣдователя (А. Д. Градовскаго) заговорилъ языкомъ папы Иннокентія III-го съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, когда сталъ развивать въ отношеніяхъ къ свѣтской власти теорію 2-хъ свѣтилъ, или 2-хъ мечей, уподобляя власть царскую —

лунѣ, духовную — солнцу. Такъ Никонъ, напр., писалъ слѣдующее: „не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются . . . Не давалъ намъ царь правъ, но похитилъ наши права: церковью обладаетъ, святыми вещами богатится; весь священническій чинъ ему работаетъ, оброки даетъ, воюетъ; завладѣлъ онъ церковными судами и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ — солнцу и лунѣ, и черезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую. Архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская — въ вещахъ міра сего". Но, какъ уже замѣчено по поводу этой теоріи 2-хъ свѣтилъ А. Д. Градовскимъ, эта теорія „не имѣла почвы въ церкви православной. Въ дѣлѣ Никона она и не имѣла существеннаго значенія. Подчиненіе государства церкви, практическое примѣненіе метафоры „двухъ свѣтилъ" было бы (у насъ) неслыханною новостью". Но даже допуская противное, во всякомъ случаѣ надо сказать, что „замахъ" Никона былъ слишкомъ исключительнымъ, чтобы на основаніи его можно было вообще давать историческую оцѣнку отношеній власти патріарха и государя и строить теорію о необходимости уничтоженія патріаршества, хотя бы среди высшаго духовенства и были лица, сочувствовавшія идеямъ Никона[1]), да и это сочувствіе, въ общемъ, не шло далѣе мысли о самостоятельности церкви, а не противоложенія двухъ властей. Если же, однако, эта оцѣнка давалась, то возможно, кажется, допустить здѣсь нестолько ошибку въ характеристикѣ данныхъ исторіи, сколько намѣренную группировку этихъ данныхъ такимъ образомъ, чтобы картина отношеній Царя и Патріарха, извлеченная отсюда, могла склонить мысль подданныхъ къ неизбѣжной необходимости покончить быстро съ вопросомъ и создать духовенству иное, чѣмъ было прежде, положеніе въ государствѣ. Это приводитъ насъ ко второму вопросу: каковы были вообще тогда отношенія іерарховъ церкви къ носителю верховной власти и его реформамъ и какъ эти отношенія повліяли на новую организацію церковнаго управленія?

Не подлежитъ сомнѣнію, что обстоятельства царствова-

---

1) Говоря о реформѣ Петра, Н. О. Каптеревъ, замѣчаетъ, что „Петръ В., очевидно хорошо зналъ тотъ эпизодъ изъ исторіи Никона, въ которой такъ рѣзко сказалось столкновеніе царской власти съ натріаршей, хорошо зналъ, на чьей сторонѣ въ этомъ столкновеніи стояли русскіе архіереи по вопросу объ отношеніи свѣтской власти къ духовной, зналъ и то, какъ на соборѣ 1667 года, со стороны русскихъ архіереевъ было выражено стремленіе утвердить то положеніе, что священство выше царства" (Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ", Сер.-Посадъ, 1912 г., т. II., стр. 252 и сл.).

нія Петра В. даютъ матеріалъ для объясненія его общаго отношенія къ церкви и ея іерархамъ. Несомнѣненъ фактъ, что большая часть велико-русскаго духовенства относилась очень недоброжелательно къ реформаторской дѣятельности Петра В. Справедливо замѣчено, что „въ общемъ хорѣ народнаго ропота, ославившаго Царя врагомъ мірскимъ, міроѣдомъ и антихристомъ, духовенство тянуло всегда самыя высокія ноты“ (Кедровъ, стр. 20). Въ стрѣлецкихъ возстаніяхъ духовенство шло вмѣстѣ съ бунтовщиками на казни, списки Преображенскаго Приказа полны именъ служителей церкви. Недаромъ, въ порывѣ гнѣва, реформаторъ восклицалъ; „Ой, бородачи! многому злу корень старцы и попы! отецъ мой имѣлъ дѣло только съ однимъ бородачемъ (т.-е. съ Никономъ), а я съ тысячами!“.. Особенно не любилъ Петръ В. монашества[1]) какъ потому, что самъ „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“, а въ монахахъ видѣлъ только тунеядцевъ, такъ и потому, что за высокими стѣнами монастырей жилъ тогда духъ крамолы и фанатическаго протеста противъ его новшествъ. Писатель, котораго нельзя заподозрить въ какомъ-либо пристрастіи, даетъ такую яркую картину отношеній царя къ православной старинѣ, а, слѣдовательно, и къ ея носителямъ — духовенству: „въ этомъ искаженномъ видѣ наша православная старина предстала Петру В.“ — говоритъ Юрій Самаринъ — „страшныя сцены встрѣтили его у колыбели и тревожили его всю жизнь. Онъ видѣлъ окровавленные бердыши называвшихъ себя защитниками православія и привыкъ смѣшивать набожность съ фанатизмомъ и изувѣрствомъ. Въ толпѣ бунтовщиковъ на Красной площади являлись ему черныя рясы, доходили до него страстныя, зажигательныя проповѣди и онъ исполнился непріязненнаго духа къ монашеству; наконецъ, всѣ возстанія и заговоры противъ него имѣли характеръ религіозный, строились подъ предлогомъ блага церкви, и онъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на начало враждебное, какъ на такую силу, которая по существу своему была для государства опасна. Мудрено ли, если въ своемъ преобра-

---

1) Извѣстны его мѣры къ сокращенію числа поступающихъ въ монастыри. Въ указѣ отъ 31 янв. 1724 г. Петръ Великій говоритъ, напр., что „большая часть монаховъ тунеядцы суть и понеже корень всему праздность, то сколько забобоновъ, расколовъ и возмутителей отъ нихъ произошло“. . .; что „въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть. . . Прилежатъ ли разумѣнію божественныхъ писаній? Всячески нѣтъ, а что говорятъ — молятся, то и всѣ молятся. . . Что же (за) прибыль обществу отъ сего? воистину только старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ есть“.

зовательномъ необходимомъ стремленіи онъ увлекся въ крайность?“ [1]).

Значеніе реформы; ея характерныя черты

Отмѣчая, хотя кратко, фактъ этого отрицательнаго отношенія къ дѣятельности Петра В. со стороны многихъ представителей духовенства, надо сказать, что этимъ очень затруднялось движеніе реформъ Петра В., такъ какъ Петръ, естественно, долженъ былъ считаться съ этою — то дѣятельною, то пассивною — реакціею духовенства. Между тѣмъ безъ содѣйствія духовенства, и содѣйствія искренняго и энергичнаго, Петру нельзя было обойтись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ реформы, которые соприкасались такъ или иначе съ народными нравами и обычаями. Петръ вышелъ отчасти изъ затрудненія, найдя и въ духовенствѣ новыхъ людей, шедшихъ за нимъ безпрекословно. Но этого, конечно, было мало, и вотъ Петръ измѣняетъ положеніе духовенства такъ, что послѣднее невольно служитъ цѣлямъ реформы. Естественнымъ исходомъ этого измѣненія и явилась реформа церковнаго управленія. Послѣднее сдѣлалось теперь частью общегосударственнаго управленія и въ этомъ состояло главное значеніе реформы. Духовная Коллегія, поставленная во главѣ этого управленія, организуется вполнѣ по образцу прочихъ коллегій, во всемъ, что касается ея состава, дѣлопроизводства, подчиненія государственному контролю, въ лицѣ прокуроровъ и инквизиторовъ и пр. За реформою въ области управленія церковью, послѣдовала реформа финансовая, развитая на основаніи того же начала подчиненія церковныхъ имуществъ сначала контролю, а затѣмъ и общему государственному управленію; реформа эта заканчивается въ 1764 г., секуляризаціею церковныхъ имѣній [2]). Надо также отмѣтить, что Петръ В. хотѣлъ поставить Св. Пр. Синодъ въ равное положеніе съ Пр. Сенатомъ, но послѣдній не былъ склоненъ слѣдовать за этою мыслію государя и у него съ Синодомъ нерѣдко происходили пререканія о власти [3]).

---

1) „Сочиненія Ю. О. Самарина“, М. 1880 г., т. V, стр. 244 сл.

2) О ней подробное изслѣдованіе П. В. Верховскаго „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей“ (С.-П., 1909 г.).

3) На одномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода, вопрошавшемъ между прочимъ, государя о томъ, какъ поступать съ тѣми „кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ неможныхъ братій и тако безбожія воню отъ себя издаетъ“, — Петръ положилъ такую резолюцію: понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное издавать надлежитъ и за преступленіе — наказаніе“. Въ указѣ 6 сент. 1721 г., мы читаемъ, „что, ежели впредь, какъ изъ Св. Синода въ Се-

Значеніе реформы по управленію церковью Петра В. различно оцѣнивалось (да и доселѣ еще оцѣнивается) въ нашей ученой литературѣ. Не входя въ подробности, укажемъ на два авторитетныхъ мнѣнія — Ю. Ѳ. Самарина и Е. Е. Голубинскаго. Въ своей извѣстной диссертаціи „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ“ первый приходитъ къ такому выводу: „нормальное отношеніе церкви къ государству въ православномъ мірѣ опредѣляется, какъ взаимное признаніе. Вліяніе католицизма нарушило ту гармонію, въ которой пребывали церковь и государство въ Россіи. Оно набросило на патріаршество отблескъ папизма и воздвигло въ духовенствѣ политическую партію, враждебную государству. Католическое вліяніе вызвало со стороны государства противодѣйствіе, само по себѣ необходимое, но уклонившееся въ протестантскую односторонность. Это противодѣйствіе было дѣломъ Петра и Ѳеофана Прокоповича. Мы назвали его необходимымъ и этимъ осудили направленіе ему предшествовавшее; мы назвали его одностороннимъ, слѣдовательно, не останавливаемся на немъ“ [1]). Этотъ, весьма сдержанный, отзывъ о реформѣ (нерѣдко превращающійся, у другихъ ученыхъ, въ совершенно-отрицательное къ ней отношеніе) содержитъ въ себѣ во всякомъ случаѣ, осужденіе ея односторонности. Иначе смотритъ, однако, на вопросъ объ учрежденіи Св. Синода Е. Е. Голубинскій. На утвержденіе нѣкоторыхъ, что учрежденіе Св. Синода“ было дѣломъ противоканоническимъ“, авторъ требуетъ указанія, „въ нарушеніе какихъ именно каноновъ учрежденъ Св. Синодъ“. На мнѣніе, „что Синодъ учрежденъ по побужденіямъ болѣе государственнымъ, чѣмъ церковнымъ“, авторъ соглашается, что „это совершенная правда; но кто будетъ спорить противъ того общаго положенія, что, если какое-нибудь учрежденіе, оказавшееся вреднымъ для государства, можетъ быть уничтожено безъ всякаго вреда для самой церкви и безъ всякаго при этомъ посягательства на ея каноны, то государство въ правѣ посягнуть на него. А именно по этому побужденію, что у насъ патріаршество, бывъ поставлено народнымъ мнѣніемъ на одну доску

натъ, такъ и изъ Сената въ Синодъ, будутъ присылаться вѣдѣнія и по усмотрѣнію которой стороны, яко отъ синодальной, или отъ сенатской, является по мнѣнію сомнительныя, такъ, для возымѣнія по онымъ конференціи, приходитъ, какъ отъ Синода же въ Сенатъ, такъ и отъ Сената въ Синодъ, по двѣ персоны“. Въ этомъ указѣ также утверждается, что Синодъ и Сенатъ поставлены въ одинаковое положеніе другъ къ другу. (Болѣе подробно объ этомъ въ моемъ излѣдованіи „Пр. Сенатъ въ царств. Петра В“. Исторія Пр. Сената за 200 лѣтъ, т. I., 107 и сл.).

1) „Сочиненія“, т. V, стр. 331.

съ государствомъ — разумѣемъ уравненіе патріарха во власти съ государемъ — оказалось вреднымъ для государства, оно и уничтожено было Петромъ. Наконецъ, обвиняютъ Петра, что форму Синода онъ взялъ съ лютеранскаго образца. Но, вѣдь, Петру тутъ, во всякомъ случаѣ, не было выбора, ибо между единоличіемъ патріарха и коллегіальностью Св. Синода что могло быть еще третье? Взявъ лютеранскую форму, Петръ вложилъ въ эту форму совершенно и безпримѣстно православное содержаніе“ . . .[1]). Мы уже указывали выше, что противоположеніе власти патріарха власти государя вовсе не вытекало изъ русской исторической традиціи и, за исключеніемъ „замаха“ Никона, ему не было прецедентовъ, какъ это подтверждается многими данными[2]). Но, если это такъ, едва-ли на этомъ противоположеніи и могущихъ изъ него быть послѣдствій, можно было строить реформу, лишая церковь ея живаго единства и частію облекая управленіе ею въ бюрократическія формы.

Остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ чертахъ реформы. Прежде всего члены Св. Синода, въ количествѣ 12-ти „правительствующихъ особъ“, являлись, по Д. Регламенту, не выборными представителями церкви, а „лицами, отъ высочайшей власти (государя) учрежденными“; предсѣдатель Св. Синода (съ 1763 г. — первоприсутствующій) также назначался государемъ. При Петрѣ В., впрочемъ, эти члены были постоянными; позднѣе-же (по указу 1803 г.) въ Св. Синодъ вызываются, для временнаго присутствія, епархіальные архіереи, которые, обычно, выбираются оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Оберъ-прокуроръ при Св. Синодѣ является „окомъ государя и стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ въ Св. Синодѣ“ — какъ говоритъ Духовный Регламентъ; онъ имѣетъ въ своей дирекціи канце-

1) „О реформѣ въ бытѣ русской церкви“ (Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древ. Росс. 1913 г., кн. III, отд. III, стр. 87, примѣч.; срав. также стр. 63 и сл.).

2) Въ недавнее время Н. О. Каптеревъ, на цѣломъ рядѣ историческихъ фактовъ, указалъ, что наше патріаршество, учрежденное царемъ, было у него въ зависимости: такъ, цари избирали патріарховъ, имъ-же назначались епархіальные архіереи, управленіе ихъ всѣхъ находилось подъ постояннымъ контролемъ царя, имъ-же созывались церковные соборы, назначался ихъ составъ, предлагались на обсужденіе вопросы, утверждались или отвергались ихъ постановленія“ (Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ“, т. II, стр. 50 и сл.) Впрочемъ, вліяніе Никона всетаки сказалось и соборъ 1667 г., несмотря на всѣ усилія присутствующихъ на немъ двухъ восточныхъ патріарховъ и двухъ греческихъ архіереевъ, принужденъ былъ признать, подъ давленіемъ русскихъ архіереевъ, самостоятельность и независимость духовной патріаршей и архіерейской власти, относительно власти свѣтской (ibid., стр. 252).

лярію Св. Синода и служителей оной. Въ дѣйствительности, — особенно-же послѣ того, какъ члены Св. Синода перестали быть постоянными, — оберъ-прокуроръ сталъ имѣть „дирекцію“ нетолько надъ канцеляріею, но и надъ самимъ Св. Синодомъ, чѣмъ сковалъ дѣятельность церкви, какъ живого организма. Государь, по Д. Регламенту, есть „правовѣрія и всякаго, въ Церкви Святой, благочинія блюститель.“ Представленіе кандидатовъ на вакантныя каѳедры епископовъ принадлежитъ Св. Синоду черезъ оберъ-прокурора, выборъ-же кандидата есть право монарха. Если оберъ-прокуроръ при Св. Синодѣ соотвѣтствовалъ, по значенію своей должности, генералъ-прокурору Пр. Сената, то должностямъ фискаловъ соотвѣтствовали такъ наз. „инквизиторы“, съ прото-инквизиторомъ во главѣ; они были съ 1722 г. подчинены генералъ-прокурору. Дѣлопроизводство въ Св. Синодѣ было организовано по образцу прочихъ коллегій. Что касается компетенціи Св. Синода, то онъ долженъ былъ наблюдать за чистотою вѣры, истолковывать ея догматы, распространять христіанство, заботиться о духовномъ просвѣщеніи народа, надзирать за церковнымъ управленіемъ, пресѣкать преступленія противъ вѣры, вѣдать дѣла о бракахъ и т. п.

Св. Синодъ потерпѣлъ измѣненія въ своемъ положеніи и устройствѣ уже по смерти Петра В. Какъ указывалось выше, Петръ поставилъ Св. Синодъ въ положеніе равное Сенату. В. Т. Совѣтъ не могъ терпѣть около себя учрежденія равнаго. Это внѣшне выразилось прежде всего въ отнятіи у Св. Синода наименованія правительствующаго, а затѣмъ въ требованіи, чтобъ Св. Синодъ входилъ въ В. Т. Совѣтъ съ доношеніями. Сносясь съ Сенатомъ, какъ съ учрежденіемъ равнымъ т. наз. промеморіями, онъ подаетъ Совѣту, подобно Сенату, свои доношенія, что́ на канцелярскомъ языкѣ эпохи означало, что Синодъ равенъ Сенату, но одинаково съ нимъ и другими коллегіями подчиненъ В. Т. Совѣту, какъ учрежденію высшему. Это требованіе было проведено въ указѣ 15 іюля 1727 г., по которому Св. Синодъ былъ раздѣленъ „на два апартамента, первый — для дѣлъ духовныхъ второй для дѣлъ земскихъ (судебныхъ) и экономіи“ [1]). Съ уничтоженіемъ В. Т. Совѣта Св. Синодъ былъ возстановленъ de jure въ своемъ значеніи и ему былъ возвращенъ титулъ Св. Правительствующаго Синода“, но гнетъ надъ церковью продолжался до воцаренія Елизаветы Петровны [2]).

---

1) Въ первомъ департаментѣ засѣдаютъ 6 персонъ.

2) Историческія данныя по вопросу собраны въ изслѣдованіи Б. В. Титлинова „Правительство императрицы Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ православной церкви“ (Вильна, 1905 г.).

Глава III.

Населеніе.

§ 1.

Шляхетство или дворянство [1])

Общее наименованіе, получаемое служилыми людьми Московскаго государства въ XVIII в.

Обращаясь къ исторіи служилаго сословія въ XVIII в., остановимся прежде всего на томъ имени, которое получаютъ въ новой исторіи служилые люди Московскаго государства. Имя это заимствуется сначала изъ Польши и служилые люди, какъ сословіе, носятъ преиму-

---

Въ дополненіе къ примѣчанію 1-ому на стр. 720 надо еще замѣтить, что въ первомъ департаментѣ засѣдаютъ 6 персонъ „архіереевъ“, которые должны управлять всякія духовныя дѣла всероссійской церкви и содержать въ добромъ порядкѣ и благочиніи духовныхъ, тако-жъ типографію и имѣть тщаніе о печатаніи книгъ, которыя-бъ согласны были съ церковными преданіи. Однакожъ, о тѣхъ книгахъ, которыя вновь сочинены и печатаны быть имѣютъ, также ежели, когда, о чемъ какіе Наши указы выдать надлежитъ, то для апробаціи доносить“ императрицѣ въ В. Т. Совѣтъ, а „безъ апробаціи Нашей не печатать“. Архіереи, засѣдающіе въ Синодѣ, не должны „ничѣмъ касаться“ до своихъ епархій, гдѣ дѣлами правятъ викаріи, которые доносятъ о духовныхъ дѣлахъ въ первый департаментъ, а „о земскихъ и экономіи„ — во второй. Во второмъ департаментѣ должно „быть суду въ расправѣ, такожъ смотрѣнію сборовъ и экономіи и прочее тому подобное, по примѣру преждебывшаго патріаршаго Разряду и другихъ тогда бывшихъ въ патріаршемъ вѣдомствѣ Приказовъ. И къ тѣмъ расправнымъ дѣламъ опредѣлить повелѣли изъ свѣтскихъ, а именно (далѣе указываются имена свѣтскихъ 5-ти лицъ); для немедленнаго рѣшенія дѣлъ опредѣленнымъ обоихъ апартаментовъ членамъ съѣжаться къ надлежащему своему правленію, по примѣру нынѣшняго Сената, а о которыхъ духовныхъ дѣлахъ рѣшенія учинить будетъ имъ не можно, о томъ повелѣваемъ доносить Намъ въ В. Т. Совѣтѣ, представляя свои мнѣнія“. (Болѣе подробно см. въ моей „Исторіи Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета“, Юрьевъ, 1895 г., стр. 70 и сл.).

1) Литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: А. В. Романовичъ-Славатинскій „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостного права“ (С.-П., 1870); И. И. Дитятинъ „Къ исторіи Жалованныхъ Грамотъ дворянству и городамъ 1785 г. (Статья по исторіи р. права, С.-П., 1896 г.); В. А. Евреиновъ „Гражданское чинопроизводство въ Россіи. Историческій очеркъ (С.-П., 1888 г.); Н. П. Павловъ-Сильванскій „Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства“ (С.-П., 1898 г.); бар. С. А. Корфъ „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 годовъ“ (С.-П., 1906 г.); новыя данныя о судьбахъ

Характеръ службы шляхетства въ первую половину XVIII в.

щественно названіе шляхетства. Хотя терминъ „дворянство“ и встрѣчается въ законодательствѣ того времени (напр. въ Табели о рангахъ), но съ 1712 г., — когда выраженіе „шляхетство“ впервые появляется въ нашихъ законахъ для обозначенія всего служилаго сословія,— это выраженіе все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, тогда какъ раньше имъ обозначаются лишь рядовые служилые люди, въ отличіе отъ „высшихъ чиновъ“ (подобно тому какъ терминъ „дворяне“ употреблялся, къ концу Московскаго періода, для означенія среднихъ служилыхъ людей). Затѣмъ со второй половины XVIII в. (послѣ манифеста 1762 г. и особенно Жалованной Грамоты дворянству 1785 г.) терминъ „шляхетство“ совершенно почти исчезаетъ, замѣняясь вновь своими русскими выраженіями „дворянство“ и „дворянинъ“, важными потому, что здѣсь, въ самой терминологіи, ясно выражается происхожденіе сословія изъ княжеско-царской дворни, тогда какъ въ терминѣ „шляхетство“ (если согласиться съ производствомъ этого послѣдняго отъ нѣмецкаго Geschlecht) было указаніе на значеніе рода, породы, т. е. на значеніе того именно, что болѣе всего теряется и никнетъ при Петрѣ В., благодаря его „Табели о рангахъ“ и движенію при немъ въ чиновную знать, — а отсюда и въ дворянство — людей худородныхъ.

Исторія дворянскаго сословія въ первой половинѣ XVIII вѣка далеко непохожа на его исторію во второй половинѣ. Начало крѣпости государству, личнаго тягла ему, унаслѣдованное отъ Московскаго періода, въ началѣ вѣка только усиливается въ своей силѣ и строгости. Какъ самъ необычайно-энергичный государь, этотъ „вѣчный работникъ на тронѣ“, не любилъ, чтобъ другіе сидѣли безъ дѣла, а потому строго слѣдилъ за дѣятельностью своихъ слугъ, такъ обширныя, военныя и иныя, его предпріятія требовали еще больше, чѣмъ прежде, отъ всякаго службы государству, и нуждались еще въ большемъ количествѣ людей, чѣмъ это было до него. Это прежде всего отражается на характерѣ службы лицъ, несшихъ личное служебное тягло, затѣмъ распространяется, увеличиваясь въ тягости, и на всѣ другія сословія. Служба дворянъ является постоянной, какъ постояннымъ дѣлается прежнее помѣщичье войско. Она организуется теперь болѣе строго, систематично, дѣлаясь, на первыхъ

дворянскаго самоуправленія при Павлѣ I находимъ въ ст. М. В. Клочкова „Дворянское самоуправленіе въ царствованіе Павла I“ (Журн. М. Н. Просв., 1912 г., декабрь).

порахъ тяжелѣе, дѣйствительнѣе, чѣмъ было это прежде. Весь XVII вѣкъ наполненъ жалобами правительства на стремленіе дворянъ избыть отъ военной службы, съ одной стороны, указаніями на худое состояніе войска, съ другой. Послѣднее было естественнымъ слѣдствіемъ того, что воины были на войнѣ людьми случайными, мало къ ней приготовленными. Извѣстный Посошковъ такъ описываетъ московское войско передъ реформою: „у пѣхоты ружье было плохо и владѣть имъ не умѣли, только боронились тупымъ боемъ, копьями, бердышами . . . На конницу смотрѣть стыдно: лошади негодныя, сами скудны, безъ одежды, сабли тупыя . . . Нѣтъ попеченія о томъ, чтобы непріятеля убить, одна забота — какъ бы домой поскорѣе . . . Многіе говорили: „дай Богъ великому государю служить, и саблю изъ ноженъ не вынимать“. И вотъ, уже первые Петровскіе указы идутъ противъ ранѣе установившагося порядка наполненія войска преимущественно помѣщиками (введеніемъ правильныхъ рекрутскихъ наборовъ) и способа несенія службы послѣдними. Такъ, указы Петра требуютъ прохожденія дворянами военной службы, начиная съ солдатскаго званія, причемъ никто не могъ быть произведенъ въ офицеры, не показавъ своего знанія военной службы; назначаютъ, за уклоненіе отъ службы, штрафы, тѣлесныя наказанія, конфискацію имущества, наконецъ, лишеніе правъ, или шельмованіе, и другія наказанія, о которыхъ намъ придется еще неразъ говорить. Въ результатѣ всѣхъ этихъ мѣръ получились болѣе строгое исполненіе дворянами военной службы и привычка служить, откуда, въ свою очередь, развился институтъ офицерства, вполнѣ способный позднѣе выдержать конкуренцію съ европейскимъ. Чтобы создать этотъ институтъ, предпринимается теперь рядъ мѣръ. До Петра В., какъ извѣстно, служилыми людьми завѣдывалъ Разрядъ; теперь его роль исполняется герольдмейстеромъ, который долженъ былъ вести списки дворянъ, распредѣлять ихъ на службу, вообще наблюдать за ихъ службою. Для послѣдней цѣли предпринимаются такъ называемые смотры дворянъ. Смотры существовали еще на Москвѣ, но прежде они производились на мѣстѣ, теперь же — въ Петербургѣ и Москвѣ, что прямо вызвалось необходимостью болѣе строго слѣдить въ самомъ центрѣ за службою дворянства, а главное, распредѣлять недорослей въ школы, записывать ихъ въ службу военную, а также и въ гражданскую, которая съ Петра В. считается уже не отдыхомъ, не наградою за трудъ (по крайней мѣрѣ по идеѣ), а дѣйствительною службой. Впрочемъ, герольдмейстеръ долженъ наблюдать, чтобы въ гражданскую службу уходило не болѣе $^1/_3$ отъ каждой фамиліи, „чтобъ служилыми людьми на землѣ и морѣ не оскудѣть“, такъ какъ военная

служба для государства все таки была тогда важнѣе всего. Въ связи со смотрами, съ цѣлями военными, стояли смотры, какъ періодическіе экзамены дворянскимъ недорослямъ по исполненію ими другой ихъ обязанности — учиться. Посылки за границу для обученія, обязательное обученіе въ школахъ, экзамены, штрафы съ родителей за необученіе, запрещеніе дворянину жениться прежде изученья, въ опредѣленный возрастъ (отъ 10—15 лѣтъ), цыфири и началъ геометріи — вотъ рядъ главныхъ мѣръ, изданныхъ съ цѣлью поднять образованіе, столь скудное тогда въ дворянствѣ, что, по свидѣтельству современниковъ, „многія дворянскія дѣти грамоту съ нуждой могли разумѣть, а писать только рѣдкія знали“. Несомнѣнно, что Петръ В., поддерживая принципъ обязательной и вѣчной службы дворянства, потратилъ немало силъ и энергіи, внушая дворянству, что служить государству его главнѣйшая обязанность, „ради которой оно благородно и отлично отъ подлости“. Но эти усилія Петра В., оправдывавшіяся всѣми особыми условіями его царствованія, хотя и увѣнчались, въ общемъ, успѣхомъ, характерны особенно въ томъ отношеніи, что, въ этомъ вопросѣ о закрѣпощеніи дворяства на службу государству, Петръ В. былъ послѣднимъ энергичнымъ защитникомъ закрѣпощенія. Принципъ, несомнѣнно, уже отживалъ свой вѣкъ и едва Петръ В. скончался, какъ стали раздаваться сильные голоса за освобожденіе дворянства отъ обязательной службы, при чемъ необходимость этого освобожденія первоначально объяснялась чисто экономическими мотивами. Въ извѣстной запискѣ, поданной Екатеринѣ I знаменитымъ Ягужинскимъ, указывается, что въ деревнѣ у дворянина „домъ всякій безъ присмотру разоряется“; что, хотя нынѣ (дворяне) „по нуждамъ позваны (къ службѣ), которые уже были отпущены“, надлежитъ ихъ, если возможно, вновь отпустить, „чтобы они въ домахъ жили и смотрѣли“. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ проектахъ шляхетства, поданныхъ въ В. Т. Совѣтъ, при выборѣ Анны Іоанновны, выражалось желаніе ограничить дворянскую службу 20-тью годами. Въ царствованіе Анны Іоанновны, дворянскія желанія отчасти сбываются. Указомъ отъ 1736 года предоставляется дворянамъ, во 1-хъ, служить отъ 20 до 45 лѣтъ, т. е. въ теченіи 25 лѣтъ, послѣ чего имъ дается „абшитъ“ (отставка); они возвращаются домой, съ обязательствомъ, впрочемъ, прислать за себя рекрута изъ крѣпостныхъ; во 2-хъ одинъ изъ сыновей или братьевъ могъ остаться дома, „при экономіи“, служа или не служа въ гражданской службѣ въ своей мѣстности (въ послѣднемъ случаѣ онъ представлялъ лишь за себя рекрута изъ крѣпостныхъ и т. д.)

Наконецъ, 18 февраля 1762 года вопросъ заканчивается — по манифесту Петра III „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“ [1]) — полнымъ освобожденіемъ дворянъ отъ обязанности служить (незначительныя отклоненія отъ этого принципа, указанныя манифестомъ, не измѣняютъ его сущности). Жалованная Грамота дворянству подтверждаетъ это освобожденіе. Если смотрѣть на это освобожденіе, какъ на начало раскрѣпощенія сословій, впервые выразившееся по отношенію только къ дворянству, то нельзя не сказать, что Петръ В., доведя до крайней степени напряженности старое начало государственнаго тягла, тѣмъ самымъ отчасти способствовалъ его паденію.

Табель о рангахъ и ея значенія

По отношенію къ дворянству, какъ служилому сословію, важную роль съигралъ еще одинъ знаменитый указъ Петра В., на которомъ необходимо остановиться — а именно указъ о такъ наз. „Та-

1) О происхожденіи этого важнаго въ исторіи дворянства манифеста извѣстно слѣдующее: еще 1 января 1762 г., Петръ III, посѣтивъ Пр. Сенатъ, объявилъ, между прочимъ, ему слѣдующее свое повелѣніе: „дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ. и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на томъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается“. На другой день генералъ-прокуроръ Сената Глѣбовъ предложилъ, — въ изъявленіе благодарности отъ дворянъ „за оказанную къ нимъ всевысочайшую милость“, — поставить золотую статую государю. Мысль эта впрочемъ не удостоилась утвержденія и „все дѣло“, по словамъ С. М. Соловьева, „этимъ кончилось“, такъ какъ государь, „заявивъ свою волю объ освобожденіи дворянъ отъ службы, не поручилъ Сенату заняться дѣломъ, обдумать его хорошенько и поднести докладъ на высочайшое имя“. Однако, совершенно случайное обстоятельство (если вѣрить словамъ извѣстнаго историка и дворянскаго публициста этой эпохи, кн. М. М. Щербатова) связало происхожденіе знаменитаго манифеста о вольности дворянства съ мало-популярнымъ именемъ Петра III. Государь, желая скрыть какое то свое похожденіе отъ фаворитки Е. Р. Воронцовой, сказалъ при ней своему секретарю Д. В. Волкову, что онъ „имѣетъ съ нимъ сію ночь (на 18 февраля) препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла, въ разсужденіи благоустройства государства“. Затѣмъ онъ приказалъ Волкову, „чтобъ онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ“, при чемъ Волковъ, „былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ, не зная ни причинъ, ни намѣренія государя, не зналъ, о чемъ начать писать, а писать надобно. Но, какъ онъ былъ человѣкъ догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытвержденія государю отъ Р. Л. Воронцова о вольности дворянства; сѣдши, написалъ манифестъ о семъ. По утру его изъ заключенія выпустили и манифестъ былъ государемъ апробованъ и обнародованъ“ (Сочиненія, т. II, стр. 224). Несомнѣнно, мысль объ освобожденіи дворянъ была имъ очень пріятна въ то время и Р. Л. Воронцовъ, какъ человѣкъ, приближенный къ Петру и желавшій сообщить его царствованію извѣстную популярность, дѣйствительно, „нерѣдко вытверживалъ государю“ о необходимости освобожденія дворянъ отъ обязательной службы государству.

бели о рангахъ", изданный 24 января 1722 г.[1]). Какъ извѣстно, устраняя назначеніе въ государственныя дожности по степени родовитости и ставя на 1-ый планъ заслуги предъ государствомъ, Табель, естественно, давала ходъ людямъ таланта и служебной пригодности. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, Табель продолжала дѣло, давно уже начатое у насъ, но продолжала болѣе широко и энергично. Несомнѣнно справедливымъ представляется мнѣніе, что Табель, по духу своему, была установленіемъ вполнѣ демократическимъ и, черезъ лѣстницу въ 14 ступенекъ, давала возможность послѣднему плебею дойти до положенія перваго вельможи государства, — чему примѣры и знаетъ наша исторія. Табель оставляла внѣ классовъ прежнія чины, на что обратилъ вниманіе Сенатъ, разсматривая законопроектъ Табели[2]). Въ судьбѣ нашего служилаго дворянства она играла роль предохранительнаго элемента, недававшаго дворянству возможности замкнуться въ закрытое, недоступное другимъ, сословіе, стремленія къ

---

1) Законопроектъ „Табели" былъ отданъ Петромъ Сенату съ требованіемъ его разсмотрѣть и передставить о немъ свое мнѣніе. Сенатъ составилъ обширный разборъ „Табели", заявивъ, при этомъ, что „ничего къ перемѣнѣ потребнаго не разсуждаетъ" относительно военныхъ чиновъ, ввиду того, что „о воинскихъ, сухопутныхъ и морскихъ чинахъ сочиненный порядокъ въ рангахъ сходенъ противъ ранговъ другихъ государей, особливо французскаго, яко древняго и самодержавнаго короля". Что же касается чиновъ гражданской службы, то Сенатъ не оставляетъ безъ замѣчаній почти ни одинъ изъ пунктовъ Табели, подробно отмѣчая разницу въ положеніи ихъ по иностраннымъ регламентамъ и по Табели. Иностранные „регламенты о рангахъ", что весьма важно для характеристики эпохи вообще, являются для Сената, какъ и для Петра, образцами, изъ коихъ заимствуются тѣ или иныя положенія; но, такъ какъ сами эти регламенты часто представляютъ значительныя несходства, то Сенатъ бралъ изъ нихъ лишь то, что казалось ему пригоднымъ по условіямъ русской жизни. Интересно, что Сенатъ, между прочимъ, предлагалъ персонъ, „которые сидятъ въ Сенатѣ" — почесть „за дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ", согласно шведскому и датскому регламентамъ, т. е., иначе говоря, признать должность сенаторовъ, состоящей въ I классѣ „Табели". Петръ, однако, на это не согласился, а во II „Должности" Сенату 1722 г. было опредѣлено, что „Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ, кому отъ Насъ нынѣ повелѣно и впередь повелѣно будетъ". Подробное изложеніе замѣчаній Сената на указанный законопроектъ см. въ моемъ изслѣдованіи „Пр. Сенатъ въ ц. Петра В." (Исторія Сената за 200 лѣтъ, стр. 304 и сл.).

2) Разбирая указанный законопроектъ, Сенатъ остановился на умолчаніе его, въ какихъ рангахъ должны состоять „нѣкоторые персоны", оставшіеся „въ древнихъ чинахъ", а именно: „бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, спальники, стольники и прочіе чины". Сенатъ предлагалъ всѣхъ „оныхъ, по ихъ животъ, опре-

чему иногда проявляются ясно въ XVIII вѣкѣ. Такъ, извѣстный кн. Щербатовъ, напримѣръ, жаловался на разрушеніе Табелью прежняго порядка и усиленіе людей худородныхъ: „разрушенное мѣстничество и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ“, говоритъ онъ въ своей запискѣ „о поврежденіи нравовъ въ Россіи“, „истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтены, а чины, заслуги и выслуги“. . . „упала (при Петрѣ В. и Екатеринѣ I) древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ (Меншиковымъ), хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ“. Поэтому кн. Щербатовъ, равно какъ и другіе дворянскіе депутаты Комиссіи 1767 г. предлагали императрицѣ отмѣнить пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, такъ какъ этимъ „уподляются“ дворянскіе роды, „затмѣваются ихъ преимущества“ . . . Но, несомнѣнно, что, открывая людямъ худороднымъ, чрезъ прохожденіе чиновъ, доступъ къ высшимъ должностямъ, Табель о рангахъ еще болѣе укрѣпила

дѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены, и впредь опредѣляемы быть имѣютъ, въ губернаторы, въ вице-губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности“. Въ этомъ замѣчаніи было немало справедливаго: дѣйствительно, если всѣ ранги (чины) — воинскіе, статскіе и придворные — расписывались по классамъ, то едва-ли было удобно оставлять внѣ классовъ „персонъ древнихъ чиновъ“, особенно, въ виду того, что, въ приложенныхъ „ко учрежденной Табели ранговъ“ пунктахъ, было точно обозначено, какъ поступать съ тѣми, „кто выше своего ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ мѣсто возьметъ, выше даннаго ему ранга“. Какое-же мѣсто среди другихъ могли взять себѣ эти персоны древнихъ чиновъ, когда ихъ ранги не были вовсе обозначены въ Табели? Указывая справедливо на неловкое положеніе означенныхъ персонъ въ обществѣ, слагающемся въ строгую организацію по ступенямъ служебной лѣстницы, Сенатъ отмѣтилъ одинъ изъ многихъ случаевъ Петровскаго законодательства, мало обращавшагося вниманія, при введеніи своихъ новшествъ, на бытовыя условія того времени. Усмотрѣвъ, далѣе, что по приложеннымъ къ Табели пунктамъ было положено штрафовать всѣхъ, „кто выше своего ранга почести будетъ требовать, или самъ мѣсто возьметъ, яко въ церквахъ, при аудіенціи и бракахъ“, Сенатъ не находитъ возможнымъ согласиться съ назначеніемъ штрафа съ стоящихъ не на мѣстѣ въ церквахъ, при чемъ въ своемъ мнѣніи, высказанномъ государю, опять-таки обращаетъ его вниманіе на нѣкоторыя бытовыя наши особенности, не позволявшія примѣнять этихъ штрафовъ у насъ. „Не изволитъ ли Его Царское Величество“, пишетъСенатъ „въ бытность въ церквахъ (тѣхъ или иныхъ лицъ, обладающихъ рангами) о мѣстахъ штрафъ до времени отложить для того, что того въ церквахъ правильно учредить невозможно, понеже въ С.-Петербургѣ церкви малыя“ и особыхъ мѣстъ для указанныхъ лицъ въ нихъ нѣтъ и пр.

значеніе дворянства, какъ привилегированнаго сословія, такъ какъ каждый, восходя до извѣстнаго чина, ео ipso дѣлался дворяниномъ — начало, выраженное ясно Петромъ Великимъ еще до изданія Табели о рангахъ. Именно въ одномъ его указѣ 16 янв. 1721 г. говорится, что „всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патентъ на дворянство". Табель о рангахъ подтверждаетъ это правило (пунктъ 11 и 15), опредѣляя, что уже оберъ-офицерскій чинъ, равно какъ и статскій чинъ (рангъ) 8-ого класса, даютъ потомственное дворянство (получившіе ихъ, по „Табели", „въ вѣчныя времени лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почетны быть имѣютъ, хотя бы и низкой породы были"); всѣ же прочіе чины — дворянство личное. Такъ, согласно духу времени, сословное начало давало себя сильно знать въ постановленіи, ставившемъ на 1-й планъ заслуги государству: чѣмъ больше было этихъ заслугъ, тѣмъ выше поднимался худородный человѣкъ, становясь тогда нетолько личнымъ дворяниномъ (т. е. получая „нарицаніе въ чести" для себя лично за свои заслуги), но и для потомковъ. Чинъ (рангъ), побивая породу, наслѣдственность, самъ приводилъ къ тому же наслѣдственному выдѣленію извѣстныхъ заслуженныхъ лицъ въ дворянство.

Обращаясь къ самой Табели о рангахъ, надо замѣтить, что основной принципъ ея XIV степеней — соотвѣтствіе извѣстнаго чина или ранга извѣстной должности (почему всѣ должности, или чины, были расписаны по классамъ). Всѣ чины или ранги, распредѣлены на 3 разряда: чины воинскіе, гражданскіе и придворные, при чемъ первые, въ свою очередь, распадаются на группы чиновъ сухопутныхъ, гвардейскихъ, артиллерійскихъ и морскихъ[1]). По чинамъ или рангамъ, также расписано было большинство должностей (или чиновъ по Петровской терминологіи). Такъ, напр., президенты коллегій, оберъ-прокуроръ Сената состояли въ IV-омъ классѣ по должности, герольдмейстеръ въ V классѣ, оберъ-секретарь Сената въ VI-мъ и т. д. Идея этого соотвѣтствія была такова: за заслуги человѣкъ повышается въ чинѣ, но чтобы это повышеніе не было только простымъ отличіемъ, почетнымъ титуломъ (какъ это случается впослѣдствіи), повышеніе въ чинѣ служитъ основаніемъ къ соотвѣтственному повышенію въ должности, и такимъ образомъ высшія и болѣе отвѣтственныя должности ео ipso занимаются и болѣе заслуженными, болѣе свѣдующими людьми. Чинъ

1) Приводимъ, для наглядности, изъ Табели расписаніе по клас-

поэтому, по Табели о рангахъ, не почетная только степень, а сама должность. Впослѣдствіи, изъ этого принципа дѣлались нѣкоторыя исключенія, приведшія потомъ къ искаженію первоначальной идеи Табели о рангахъ. Когда въ законодательствѣ было нарушено соотвѣтствіе между должностью и чиномъ, то постепенно утратилось и всякое реальное содержаніе въ названіи чиновъ. Небезъинтересно также, что первоначально производство въ высшіе чины, по указу 27 апрѣля 1722 г., было представлено Петромъ В. Сенату и производилось баллотировкою. Далѣе неменѣе богатою послѣдствіями особенностью Табели надо считать призваніе важнаго для государства значенія службы гражданской и уравненіе ея въ правахъ съ службою военной, что обезпечило приливъ къ ней людей знающихъ и даровитыхъ, а это, въ свою очередь, вліяло на упорядоченіе состава учрежденій. Судьба, которую имѣли основныя начала „Табели“ послѣ Петра В., на нашъ взглядъ, лучшее мѣрило ихъ значенія. Эти начала не пришлись вполнѣ по вкусу

самъ чиновъ (рангов) воинскихъ (въ 2-хъ ихъ группахъ — сухопутныхъ и морскихъ) и гражданскихъ:

ЧИНЫ (РАНГИ) ВОЕННЫЕ.		ЧИНЫ (РАНГИ) ГРАЖДАНСКІЕ.	Классы.
Сухопутные.	Морскіе.		
Генералиссимусъ	—	—	
Фельдмаршалъ .	Ген. Адмиралъ .	Канц. или Д. Тайн. Сов.	I
Генер. отъ артил. / Генер. отъ кавал. / Генер. отъ инфан.	Адмиралъ . . .	Дѣйств. Тайн. Совѣтн.	II
Генералъ-Лейтен.	Вице-Адмиралъ	Тайный Совѣтникъ . .	III
Генералъ Майоръ	Контръ-Адмиралъ	Дѣйств. Стат. Совѣтн. .	IV
Бригадиръ . . .	Кап.-Командоръ .	Статскій Совѣтникъ . .	V
Полковникъ . . .	Капит. 1 ранга .	Коллежскій Совѣтникъ .	VI
Подполковникъ .	Капит. 2 ранга .	Надворный Совѣтникъ.	VII
Майоръ	Флота Кап.-Лейт. / Арт. Кап. 3 ранга	Коллежскій Ассесоръ .	VIII
Капит. или Ротм.	Флота Лейтен. . / Арт. Кап.-Лейт. .	Титуляр. Совѣтникъ .	IX
Штабсъ-Кап. или Штабсъ-Ротм.	Арт. Лейтенантъ	Коллежскій Секретарь .	X
—	—	Сенатскій Секретарь .	XI
Поручикъ . . .	Флота Мичманъ .	Губернскій Секретарь .	XII
Подпоручикъ . .	Арт. Констапель.	Сенат. Регистраторъ .	XIII
Прапорщикъ или Корнетъ . . .	—	Коллеж. Регистраторъ .	XIV

Замѣтимъ еще, что первоначально тайные совѣтники были помѣщены въ IV классѣ, въ III-ій же входилъ „генералъ-прокуроръ“, но скоро однако, тайные совѣтники составили III классъ по своему рангу.

современникамъ, почему и началась своеобразная борьба противъ нихъ. Такъ, Табель проводила идею соотвѣтствія между должностью и чиномъ, какъ гарантію того, что высшія должности будутъ заниматься людьми болѣе опытными по службѣ, людьми, заслужившими эти должности своими трудами на пользу государства — жизнь не замедлила создать обходъ для этого соотвѣтствія. Такъ, далѣе, если Табель, въ принципѣ, давала ходъ человѣку худородному, — подъ условіемъ его талантливости и служебной пригодности, — то практика, хотя медленно, но постоянно создавала родовитому, столбовому дворянству различныя привиллегіи въ пріобрѣтеніи столь необходимыхъ теперь чиновъ. Прирожденное „шляхетство“, говоря языкомъ начала XVIII в., успѣвало захватывать высшія должности, проходя низшіе чины съ малыхъ лѣтъ. Правительство постоянно боролось противъ этого, особенно по отношенію къ чинамъ военнымъ, запрещая производить „малолѣтокъ“ въ офицеры безъ „особливаго указа“, но это плохо соблюдалось. Съ Екатерины II дворянство начинаетъ пользоваться также особыми правами при производствахъ въ чины: такъ, для дворянъ сокращаются сроки службы при производствахъ въ первый офицерскій чинъ; въ офицеры они производятся предпрочтительно предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ по службѣ и т. д. При Павлѣ I и Александрѣ I эти привиллегіи усиливаются, причемъ постановляется общимъ правиломъ не производить въ офицеры недворянъ и т. д. Подобнаго же рода льготы, со 2-ой половины XVIII вѣка, получаетъ дворянство и при производствѣ въ гражданскіе чины, причемъ дворяне могутъ, напримѣръ, свободно переходить изъ статской службы въ военную, тогда какъ не-дворянамъ это воспрещается. Послѣ Петра В. являются также въ законодательствѣ попытки ограничить право поступленія въ гражданскую службу лицамъ податныхъ сословій; при Екатеринѣ II эти попытки обращаются какъ бы въ цѣлую систему. Затѣмъ, законодательство постепенно повышало, сравнительно съ Табелью, свои требованія о возведеніи въ потомственное дворянство разночинцевъ одною выслугою чиновъ. Оберъ-офицерскій чинъ (рангъ) на военной службѣ и коллежскаго асессора — по гражданской давалъ, по Табели, права потомственнаго дворянства. Если правительство, въ своихъ интересахъ, не могло согласиться вполнѣ съ мнѣніемъ, исходившимъ отъ представителей аристократическихъ фамилій, какъ кн. Щербатовъ и др., которые утверждали, что „дабы возвести дворянство — главный чинъ имперіи — на прежнюю степень могущества“, надо вовсе уничтожить пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, то, съ другой стороны, оно пошло на уступки дво-

рянскимъ желаніямъ (удлинняя сроки производства для недворянъ, сокращая для дворянъ и т. д.), пока манифестомъ 11 іюня 1845 г. не было сдѣлано общаго повышенія ценза, дававшаго права дворянства. Мы остановились нѣсколько подробно на судьбѣ Табели у насъ потому, что эта судьба наглядно показываетъ, какъ государственная идея службы, строго въ Табели проводившаяся, столкнувшись на практикѣ съ принципомъ породы, нѣсколько отступила передъ послѣднимъ . . . Но, несомнѣнно заслугою Петра В. было именно это возвышеніе чисто-государственнаго начала надъ частноправовымъ, чѣмъ едва ли не на цѣлое столѣтіе реформаторъ опережалъ свое время. Не останавливаемся здѣсь на тѣхъ недостаткахъ, какіе впослѣдствіи вытекли изъ злоупотребленія началами Табели (погоня за чинами — во что бы то ни стало, чванство ими и т. д.), такъ какъ они едва ли могутъ быть поставлены въ укоръ самому законодателю.

Манифестъ 18 февраля 1762 г. и его содержаніе. Жалованная Грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. и права дворянства по грамотѣ

Какъ было указано выше, 18 февраля 1762 г. явился знаменитый въ исторіи дворянства манифестъ Петра III „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству“. Вольность и свобода дворянства, по манифесту, выражаются въ томъ, что отнынѣ дворянинъ можетъ продолжать службу или выходить въ отставку по своему желанію. Правда, манифестъ даетъ нѣкоторыя ограниченія этого правила, а именно не дозволяется военному брать отставку за три мѣсяца предъ открытіемъ и во время кампаніи; выходящій въ отставку раньше года службы не повышается въ чинѣ; дворяне, служащіе въ чинѣ ниже оберъ-офицерскаго, не могутъ брать отставки раньше 12-ти лѣтъ; наконецъ, манифестъ удерживаетъ за монархомъ право созыва дворянъ въ ополченіе, когда „особливая надобность потребуетъ“, но все это, конечно, не ослабляетъ важности манифеста. Затѣмъ, имъ дозволяется уволенному въ отставку свободно отъѣзжать за границу съ обязательствомъ, впрочемъ, вернуться по первому востребованію; дозволяется также поступать на иностранную службу; родители могутъ обучать дѣтей въ Россіи и за границею. Въ мотивахъ къ грамотѣ говорится, что теперь уже нѣтъ надобности въ мѣрахъ строгости, что дворянство привыкло служить и охотно служитъ, почему, ввиду его прежнихъ заслугъ, снимается съ него обязанность подневольной службы. Манифестъ о вольности дворянства произвелъ, какъ извѣстно изъ современныхъ данныхъ, громадный восторгъ въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ. Сенатъ въ полномъ составѣ отправился

къ императору съ просьбой дозволить ему соорудить золотую статую государя; Московское дворянство приносило государю „всенижайшее и рабское всеподданѣйшее благодареніе“; поэты восхваляли актъ мудрости Петра III, а очевидецъ этого восторга, Болотовъ, записалъ слѣдующее: „не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ. Всѣ вспрыгались отъ радости и, благодаря государя, благословляли минуту, въ которую угодно было подписать указъ сей ... Но было чему и радоваться. До того времени всероссійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ“ ... Какъ извѣстно, Екатерина II Жалованной Грамотой дворянству 21 апрѣля 1785 г. вполнѣ подтвердила манифестъ 1762 г. и указанная привиллегія дворянства осталась ненарушимою на всегда[1]). Причина дарованія ея ясно выражена была уже въ манифестѣ 1762 г., въ томъ мѣстѣ его, гдѣ говорится, что „это новое узаконеніе будетъ непоколебимымъ утвержденіемъ всероссійскаго престола“. Екатерина II не повторяетъ этой мотивировки, но, однако, несомнѣнно, держится ея въ своихъ дѣйствіяхъ и, слѣдуя Монтескьё (L'esprit des lois), развиваетъ въ Наказѣ мысли о необходимости сословной монархіи и важности дворянства въ государствѣ, — мысли, нашедшія себѣ громадную поддержку и сочувствіе въ заявленіяхъ дворянскихъ депутатовъ въ 1767 г. Впрочемъ, Екатерина частію отступаетъ отъ своего образца, такъ какъ вовсе не хочетъ, подобно Монтескьё[2]), видѣть въ дворянствѣ посредствующую власть, или среду, между собою и народомъ почему и не предоставляетъ дворянству, какъ таковому, никакой роли въ центральныхъ учрежденіяхъ, а лишь обезпечиваетъ за нимъ важное значеніе въ мѣстномъ управленіи, посредствующую-же власть представляютъ центральныя учрежденія, или „правительства[3]). Затѣмъ Екатерина II, въ сущности, повто-

1) „Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу; подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія ...; подтверждаемъ благороднымъ дозволеніе вступать въ службы прочихъ европейскихъ намъ союзныхъ державъ и выѣзжать въ чужія края“ (ст. 17—19).

2) По ученію Монтескьё, „изъ природы монархическаго правленія“ вытекаетъ необходимость посредствующей между народомъ и монархомъ среды, которая, будучи къ монарху въ подчиненномъ отношеніи, умѣряетъ, однако, его власть, откуда и знаменитая формула Монтескьё, что гдѣ — „нѣтъ монарха, нѣтъ и дворянства; гдѣ нѣтъ дворянства, — нѣтъ и монарха, но есть деспотъ“.

3) Такую власть она видитъ, подобно Петру, какъ въ „первомъ правительствѣ подъ собою“ (т. е. въ Сенатѣ), такъ въ коллегіяхъ и „нижнихъ правительствахъ“. Эти „среднія власти“ составляютъ

ряетъ мысли извѣстнаго историка XVIII в. и депутата Комиссіи 1767 г., кн. М. М. Щербатова, когда опредѣляетъ значеніе дворянства въ своей Грамотѣ 1785 г. такъ: „дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу себѣ въ достоинство, пріобрѣли они потомству своему нарицаніе благородное“, — „нарицаніе въ чести“ (un titre d'honneur), отличающее простыхъ людей отъ тѣхъ, кой онымъ украшены“, — какъ говоритъ Б. Наказъ Екатерины. Естественнымъ слѣдствіемъ этого благородства должно было быть снятіе съ дворянства всего того, что равняло его съ другими. Екатерина II поняла это и потому закрѣпила и развила Жалованной Грамотой 1785 года и другими указами въ цѣлую систему понятіе личныхъ правъ и привиллегій дворянства, подтвердивъ при этомъ и право ихъ на владѣніе крѣпостными, конечно, потому, что это право вполнѣ развилось задолго до Жалованной Грамоты дворянству. Изложимъ ихъ кратко теперь-же. Если вольность и свобода по манифесту 1762 года состоятъ въ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы, то, по Жалованной Грамотѣ 1785 года, она выражается въ общей его привиллегированности, слагавшейся вообще послѣ Петра В. въ сословную изъятость дворянства отъ дѣйствія общихъ законовъ. Такъ, дворянинъ изъятъ по грамотѣ отъ личныхъ податей (§ 36 и повинностей (напр. отъ квартирной, или постойной, повинности, § 35); онъ свободенъ отъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ, примѣненія тѣлесныхъ наказаній („тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго“, говоритъ грамота,— ст. 15); ею запрещается бритье головы дворянину, какъ преступнику, заключеніе его въ кандалы и пр. Дворянинъ не можетъ быть лишенъ своего значенія по суду, безъ представленія приговора на Высочайшее имя (ст. 13)[1]); дворянинъ-солдатъ

существо монархическаго правленія (въ отличіе отъ деспотіи), онѣ суть „малые протоки, сирѣчь правительства, черезъ которыя изливается власть государева“ (ст. 18, 20 Большаго Наказа), при чемъ именно „Сенатъ есть хранилище законовъ“ (ст. 26). Обстоятельный разборъ заимствованій Екатерины изъ „Духа Законовъ“, а равно и отступленій отъ этого трактата, см. къ статьяхъ Θ. В. Тарановскаго „Политическая доктрина въ Наказѣ императрицы Екатерины II“ (Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому — Буданову) и „Судьба Наказа императрицы Екатерины II“ (Журн. Мин. Юстиціи“, 1912 г. № 1).

1) „Преступленія,основанія дворянскаго достоинства разрушающія и противныя“, по грамотѣ „суть слѣдующія; 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки,

пользуется правами, присвоенными оберъ-офицерскому званію (напр. онъ былъ свободенъ отъ тѣлесныхъ наказаній и т. д.). Его собственность, прежде принадлежавшая ему подъ условіемъ службы, стала теперь свободной и полной его собственностью; она не подлежитъ конфискаціи (ст. 21—23); дворянину позволяется имѣть по деревнямъ фабрики и заводы, „заводить торги и ярмарки", пользоваться нѣдрами своей земли (ст. 28 и сл.); наконецъ, вообще всѣ его права по грамотѣ наслѣдственны (ст. 5, 7).

Таковы были, въ немногихъ словахъ, личныя права и преимущества, закрѣпленныя за дворянствомъ во 2-ой половинѣ XVIII вѣка. Остановимся теперь еще на тѣхъ корпоративныхъ правахъ, которыя получаетъ дворянство въ XVIII вѣкѣ.

Мы уже говорили, что на Москвѣ служилое сословіе не успѣло сложиться въ мѣстное общество, въ корпорацію, связанную съ извѣстной мѣстностію не только землевладѣніемъ своимъ здѣсь, но и служеніемъ своимъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ, въ качествѣ землевладѣльцевъ. Интересы центра постоянно вызывали служилаго человѣка на Москву откуда онъ являлся въ провинцію только на отдыхъ, или посылался туда на службу. Правда, въ концѣ XVII вѣка наблюдатели (напр. Посошковъ) отмѣчаютъ сильное стремленіе служилыхъ людей уединиться въ провинцію, но это стремленіе, имѣя цѣлью либо отбиться отъ службы, либо заняться хозяйствомъ, само по себѣ не могло привести къ созданію мѣстнаго дворянскаго общества. Для послѣдняго нужно было правительственное воздѣйствіе, которое и начинается въ XVIII вѣкѣ. Еще въ 1713 году Петръ В. учреждаетъ такъ называемыя ландратскіе коллегіи изъ мѣстныхъ дворянъ, вводя такимъ образомъ послѣднихъ въ дѣло мѣстнаго управленія. Затѣмъ въ должности земскаго комиссара, появляющейся въ 1715 году, представляется второй крупный примѣръ осуществленія тойже мысли: комиссары — „полковой и отъ земли" — выбираются по вся годы дворянами уѣзда" каждой губерніи. По одному изъ позднѣйшихъ указовъ видно, какъ происходили выборы ихъ: шляхетство каждаго уѣзда должно было съѣзжаться въ опредѣленное время для выбора комиссара; затѣмъ черезъ годъ оно съѣзжалось вторично для повѣрки его дѣйствій и выбора новаго и т. д. Всѣ эти, какъ и нѣкоторыя другія, должности изъ мѣстнаго дворянства показываютъ, что у Петра В.

---

6) преступленія, за кои, по законамъ, слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, 7) буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ, или научалъ, подобныя преступленія учинить". Эта статья почти буквально заимствована изъ Б. Наказа (ст. 371),

было стремленіе привлечь къ дѣлу провинціальнаго управленія и суда мѣстные землевладѣльческіе элементы, хотя въ то же время это стремленіе встрѣчалось съ другимъ, которое парализовало его широкое примѣненіе, а именно съ стремленіемъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде, притянуть шляхетство къ службѣ военно-гражданской въ самомъ центрѣ, или, если и внѣ его, то на посылкахъ по нуждамъ центра. Естественно, что только съ освобожденіемъ шляхетства отъ обязанностей службы вопросъ о его мѣстномъ значеніи могъ быть серьезно поставленъ и разрѣшенъ законодательствомъ. Поэтому говорить о дворянствѣ, какъ о корпораціи, значитъ говорить о его судьбѣ со 2-ой половины XVIII вѣка. Какъ извѣстно, дворянство призывается въ Комиссію для составленія проэкта Новаго Уложенія, причемъ съ 1766 г. впервые является должность предводителя дворянства, баллотируемаго въ должность дворянами каждаго уѣзда. Тѣмъ и другимъ актомъ уже частію собирается разрозненное дворянство. Въ наказахъ дворянскимъ депутатамъ и въ преніяхъ Коммиссіи довольно настойчиво высказываются дворянствомъ мысли, какъ о необходимости его сплоченія, такъ и о предоставленія ему права сословнаго самоуправленія. Екатерина II, въ своихъ реформахъ мѣстнаго управленія, нетолько принимаетъ эти мысли, но ставитъ вопросъ даже шире, чѣмъ мечтало само дворянство, давая ему нетолько сословное корпоративное самоуправленіе, но и вообще правящую роль въ дѣлѣ провинціальнаго управленія. Жалованною Грамотой 1785 года дворянство каждой губерніи окончательно признано мѣстнымъ обществомъ, юридическимъ лицомъ (ст. 37)[1]). Въ качествѣ такового, дворянство губерніи получаетъ право собраній, выбора должностныхъ лицъ, составленія добровольными „складками“ капиталовъ, идущихъ на нужды сословія, право покупки домовъ, земель и т. д., заведенія дворянскихъ опекъ, училищъ и т. д.; право представленія ходатайствъ своихъ генералъ-губернатору и даже право представленія о своихъ нуждахъ, черезъ своихъ депутатовъ, непосредственно государю. Какъ юридическое лицо, дворянское общество губерніи, — только такое общество и знало законодательство, такъ какъ не давало дворянству обще-имперской организаціи, — имѣетъ право иска передъ судомъ, свою печать и т. д. Органами дворянства служатъ собранія дворянъ —

1) „Нашимъ вѣрноподданнымъ дворянамъ жалуемъ дозволеніе собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество ... и пользоваться ... правами, выгодами, отличіями и преимуществами“, въ Грамотѣ затѣмъ изложенными.

губернскія и уѣздныя. Собранія подраздѣляются на обыкновенныя и чрезвычайныя; правомъ голоса въ нихъ пользуются всѣ, достигшіе 25 лѣтъ и имѣющіе землю. Обыкновенныя собранія созываются „всякіе три года въ зимнее время", какъ для обсужденія дѣлъ, касающихся дворянства вообще, такъ и въ частности — для выбора лицъ въ тѣ должности, которыя должны были замѣщаться исключительно дворянами. Жалованная Грамота знаетъ такія дворянскія должности: губернскаго и уѣзднаго предводителя дворянства, секретаря дворянства, десять засѣдателей верхняго земскаго суда и двухъ засѣдателей такъ назыв. „совѣстнаго суда", уѣзднаго судью и засѣдателя, земскаго исправника и засѣдателя нижняго земскаго суда, т. е., иначе говоря, Жалованная Грамота предоставляетъ дворянству, кромѣ выбора представителей своей корпораціи, право замѣщенія судебно-административныхъ должностей дворянами губерніи. Къ преимуществамъ дворянства и его собраній, по Жалованной Грамотѣ, надо отнести то, что „собранію дворянства дозволяется представлять ген.-губернатору или губернатору о своихъ нуждахъ", дѣлать представленія и жалобы, черезъ депутатовъ ихъ, какъ Сенату, такъ и Императорскому Величеству (ст. 47, 48)[1]), „на дворянствѣ не взыскивается личное преступленіе дворянина"; затѣмъ „собраніе дворянства не могло быть потребовано въ судъ, а защищается своимъ стряпчимъ"; не могло „подлежать стражѣ" (ст. 56—57); оно могло само исключить изъ среды своей дворянина, какъ опороченнаго судомъ, такъ и такого, котораго „явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ, пока оправдается" (ст. 65) и т. д.

Кромѣ указанныхъ собраній, дворянство губерніи получило еще 2 сословныхъ учрежденія: дворянскую опеку и депутатское собраніе — первое для попеченія о сиротахъ и вдовахъ, второе — для веденія дворянской родословной книги

---

1) Жалованная Грамота дворянству нашла себѣ суровую критику, уже вскорѣ послѣ ея появленія, въ лицѣ кн. М. М. Щербатова, давшаго обширныя и весьма интересныя „примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ". Въ этихъ „примѣчаніяхъ", авторъ находитъ, что Екатерина II недостаточно оцѣнила роль дворянства въ исторіи, а именно не указала, что въ древности „всѣ начальники были благородные, отъ знатныхъ родовъ происшедшіе", что требованіе службы дворянъ „съ самыхъ нижнихъ членовъ" вовсе не нужно, что выходъ дворянки замужъ за неблагороднаго, „не лишаясь дворянства своего, нетокмо есть не право, но вредъ государству, разрушеніе нравовъ", что нелишеніе дворянскаго сословія безъ суда „нѣсть какое особенное право, ибо нигдѣ и самый подлѣйшій злодѣй безъ суда не наказуется" и т. д. (Сочиненія, т. I., стр. 259—327).

(куда заносились дворяне каждой губерніи)[1]) и для разбора правъ на дворянство. Книга эта, по Жалов. Гр., дѣлилась на 6 частей, по способу пріобрѣтенія дворянства, а именно, въ I-ю книгу заносилось дворянство жалованное (noblesse par lettres), во II-ю — пріобрѣтенное военными чинами noblesse d'épée); въ III-ю — гражданскими (nobl. de robe); въ IV-ю — дворянство иностранное; въ V-ю — титулованное и, наконецъ, въ VI-ю — „древніе благородные роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за 100 лѣтъ и выше, а благородное начало покрыто неизвѣстностью". Юридическое значеніе всѣхъ этихъ разрядовъ было, конечно, одинаково, но общественное весьма различно. Изученіе этихъ книгъ живо возсоздаетъ передъ нами долгую исторію борьбы разнородныхъ началъ, игравшихъ ту или иную роль въ созиданіи нашего дворянства, да и теперь еще не угасшихъ. Дворянству каждой губерніи дозволялось имѣть свой архивъ. Дворянское самоуправленіе подверглось большимъ ограниченіямъ въ царствованіе Павла I, но съ началомъ царствованія Александра I было вновь возстановлено[2]).

---

1) Въ родословную книгу должны были вноситься, по алфавиту, всѣ дворянскіе роды, имѣющіе недвижимыя имѣнія, при чемъ здѣсь должно было обозначать: „кто женатъ и на комъ, много-ли дѣтей мужескаго и женскаго пола и ихъ имена; холостъ ли, или вдовъ; сколько за кѣмъ, по послѣдней ревизіи, наслѣдственныхъ, или купленныхъ, или вновь пожалованныхъ, или въ приданыя полученныхъ, обоего пола душъ нынѣ состоитъ, и во сколькихъ селахъ, или деревняхъ; въ уѣздѣ-ли живетъ или въ отлучкѣ; какого чина; въ службѣ-ли, или въ отставкѣ". Изъ этого видно, какой богатый матеріалъ по вопросу о дворянскихъ родахъ, службѣ и землевладѣніи дворянъ долженъ заключаться въ этихъ книгахъ; къ сожаленію, онъ мало еще изученъ.

2) Подробная характеристика мѣропріятій Павла I, по отношенію къ дворянству, — частію на основаніи архивныхъ данныхъ, — дается въ статьѣ М. В. Клочкова „Дворянское самоуправленіе въ царствованіе Павла I" (Ж. М Н. Просв., 1912 г., дек.). Авторъ ея приходитъ къ тому выводу, что всѣ главнѣйшія мѣропріятія были проникнуты одною главною цѣлію — вытѣснить выборныхъ чиновъ изъ судебно-административныхъ учрежденій и замѣнить ихъ назначаемыми отъ короны чиновниками, оставивъ выборными лишь однихъ представителей дворянскаго сословія, обслуживающихъ прежде всего, а если взять депутатовъ и секретаря, то исключительно сословныя дворянскія нужды, да и относительно предводителей дворянства замѣтна цѣль еще большаго подчиненія ихъ руководительству высшей мѣстной и центральной администраціи, въ лицѣ „начальника губерніи и генералъ-прокурора". Нельзя также не отмѣтить, что дворянство, съ неудовольствіемъ встрѣчая всѣ эти мѣры, было убѣждено, что „безъ поддержки его правъ и преимуществъ самодержавный порядокъ, а съ нимъ и государство, существовать не можетъ" (стр. 373).

§ 2.

Среднее городское сословіе [1]).

Понятіе города и горожанина при Петрѣ В.; мѣры къ обособленію городского населенія отъ сельскаго.

Какъ извѣстно, еще въ XVII вѣкѣ принимаются мѣры къ обособленію тяглаго городского населенія отъ такового-же населенія сельскаго или волостнаго. Въ XVIII вѣкѣ продолжается таже работа двумя путями: во 1-хъ горожанамъ дается особое, отличное отъ сельскаго, сословное управленіе, что достигается учрежденіемъ въ 1699 г. такъ наз. Бурмистерскихъ Палатъ, а затѣмъ въ особенности — Магистратовъ; во 2-хъ создается понятіе „города“, какъ юридическаго лица (чего не было на Москвѣ) и понятіе „горожанина“, какъ члена городского сословія, которое отлично отъ другихъ сословій по своимъ правамъ и обязанностямъ. Изъ общаго смысла Петровскихъ узаконеній надо вывести, что городъ есть юридическое цѣлое, владѣющее, какъ таковое, извѣстными правами по имуществу и объединенное въ одномъ общемъ управленіи (Магистратъ, яко начальство города“, говоритъ Регламентъ Гл. Магистрату); горожаниномъ-же былъ не всякій живущій въ городѣ человѣкъ, а только занимающійся здѣсь торговлею, промыслами и ремеслами. Ни духовенство, ни шляхетство, ни иностранцы не входятъ въ „гражданство“ (т. е. въ составъ собственно-горожанъ), какъ не входили они, впрочемъ, и въ число городскихъ посадскихъ людей на Москвѣ. Все населеніе города, по Регламенту Главному Магистрату, раздѣлялось на 2 группы — регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ; первые входили въ составъ городского общества, были собственно-горожанами, вторые — лишь жили въ городѣ, но не были къ нему приписаны.

Продолжая по отношенію къ торгово-промышленному населенію городовъ прежнюю политику обособленія его отъ населенія сельскаго, Петръ В. принимаетъ энергическія мѣры не только къ тому, чтобы сказанное населеніе не содержало въ себѣ элементовъ, ненесущихъ тягла, но и къ тому, чтобъ несущіе уже его — не выходили изъ него самовольно. Такъ, въ Регламентѣ Гл. Магистрату отъ 16 янв. 1721 г. говорится: „по-

1) Литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: Пригара „Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей“ и пр. (С.-П., 1866); И. И. Дитятинъ „Устройство и управленіе городовъ въ Россіи“ (С.-П., 1785 г.); его-же „Статьи по исторіи русскаго права“ (С.-П., 1896 г.); А. А. Кизеветтеръ „Посадская община въ Россіи въ XVIII в. (М., 1903 г.) его-же „Русскій городъ въ XVIII вѣкѣ“ („Историческія статьи“, М., 1912 г.).

неже Его И. В. . . . повелѣлъ, дабы всероссійское, купечество, яко разсыпанную храмину, паки собирать, того ради въ Главномъ Магистратѣ прилагать свое строеніе, дабы всѣхъ тѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей, которые, не похотя съ посадскими служить и подати платить, вышли изъ слободъ, какими-нибудь образы и подлоги, въ разные чины и въ крестьянство и въ закладчики и якобы за долги отданы, изъ тѣхъ мѣстъ собрать и набирать въ тѣжъ слободы въ тяглo, изъ которыхъ они отбыли, по прежнему, кромѣ тѣхъ, которые обрѣтаются дѣйствительно въ Его Ц. Величества въ военной и гражданской службахъ безподложно". Эта политика закрѣпощенія сидѣвшихъ уже на тяглѣ, съ одной стороны, и удержанія ново-пришельцевъ въ тяглѣ, съ другой, хотя и была направлена „къ охраненію государственныхъ интересовъ и, повидимому, интересовъ городского торгово-промышленнаго населенія", но, — какъ справедливо замѣчено И. И. Дитятинымъ, — „въ сущности тормозила развитіе этого населенія, а вмѣстѣ и развитіе городовъ", такъ какъ она задерживала „всякое развитіе торговли и промысловъ, ставя со всѣхъ сторонъ преграды занятію тѣмъ и другимъ". Едва ли, впрочемъ, вина въ этой политикѣ падаетъ на одного Петра В., — въ данномъ случаѣ имъ продолжался старый процессъ обособленія городского тяглаго населенія путемъ внѣшнихъ мѣръ, процессъ, казавшійся пригоднымъ и при немъ потому, что работа закрѣпощенія сословій, въ то или иное государственное тягло, настоятельно подсказывалась тѣми громадными задачами, какія тогда проводились въ жизни законодателемъ. Петръ В., впрочемъ, не ограничивается только этими внѣшними мѣрами; наоборотъ, онъ мечтаетъ о внутреннемъ перерожденіи этого городского населенія — путемъ новой организаціи его силъ. Эта организація тоже мало удается ему — реформы въ данной области, либо не успѣваютъ привиться, либо разбиваются о тогдашнюю суровую нашу дѣйствительность — экономическую бѣдность страны, ея земледѣльческій характеръ, недававшій возможности городу развиваться и богатѣть такъ, какъ онъ богатѣлъ на З. Европы и какъ хотѣлъ бы Петръ В., переносившій къ намъ съ этою цѣлію западные гильдіи, цехи и пр. Но, во всякомъ случаѣ мѣры его въ данной области заслуживаютъ вниманія по своей идеѣ.

Дѣленіе „регулярныхъ гражданъ" на гильдіи и цехи при Петрѣ В.

При Петрѣ вводится, какъ сказано, понятіе „регулярныхъ гражданъ", или собственно-горожанъ. Эти „регулярные граждане" по Регламенту Глав. Магистрата (гл. VII), составляющіе собою горожанъ въ собственномъ смыслѣ (въ отличіе отъ „нерегулярныхъ", или всѣхъ жителей города во-

обще), дѣлятся на 2 гильдіи и цехи. Именно, названный Регламентъ говоритъ, что къ 1-ой гильдіи относятся; „банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкари, шиперы (шкиперы) купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы". Что касается второй гильдіи, то въ нее входятъ всѣ тѣ, „которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, такъ же рукомесленные (ремесленники), рѣщики, токары, столяры, портные, сапожники и симъ подобные". Такимъ образомъ, если исключить немногочисленный еще тогда у насъ классъ лицъ свободныхъ профессій, то обѣ гильдіи обнимаютъ представителей всего торговаго и ремесленнаго населенія городовъ. Но, ремесленники, входя въ составъ 2-ой гильдіи, образуютъ еще особыя корпораціи — цехи. Именно таже VII глава Реламента гласитъ, что — „каждое художество и ремесло свои особливыя цунфты (цехи), или собранія ремесленныхъ людей, и надъ оными альдермановъ (или старшинъ) по величеству города и по числу художниковъ (т. е. ремесленниковъ) имѣтъ". Эти совѣты старшинъ цеховъ и гильдій должны были управлять дѣлами ихъ корпораціи и вступать въ сношенія какъ съ Магистратами, такъ и съ Коммерцъ-коллегіею. Такъ, въ Регламентѣ Коммерцъ-коллегіи 1719 г. 3 марта было постановлено, что „можетъ сія Коллегія временемъ, когда оная за потребно обрящетъ, съ знатнѣйшими и искуснѣйшими купцами, въ нѣкоторыхъ до купечества касающихся дѣлахъ, разговаривать и оныхъ для того къ себѣ призывать" . . . Такимъ образомъ, выборное самоуправленіе съ одной стороны, совѣщательный голосъ въ дѣлахъ, касающихся до купечества въ правительственныхъ учрежденіяхъ, съ другой — вотъ основаніе этой организаціи. Регламентъ К.-Коллегіи (ст. 23), а затѣмъ и Главному Магистрату (гл. II, XI и др.) настаиваютъ на томъ, чтобы эти учрежденія заботились о всемъ томъ, что „купечество вспоспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ", „въ лучшее состояніе привести можетъ" и т. д. Потому ли, однако, что Петръ В., по выраженію А. Д. Градовскаго, разсматривая торговый классъ, какъ средство для достиженія фискальныхъ цѣлей, продолжалъ смотрѣть на городскихъ обывателей, какъ на тяглое сословіе, потому ли (какъ намъ это кажется), что личныя и экономическія силы этого купечества были такъ слабы, что, за удовлетвореніемъ обязательныхъ требованій фиска, у сословія мало оставалось ихъ для работы на себя, но, несомѣнно, что стремленія Петра В. къ поднятію значенія купечества не приводили къ осязательнымъ результатамъ; послѣ него, — по крайней мѣрѣ, до временъ Екатерины II — „собранная храмина снова разсыпается". Инте-

ресно, однако, замѣтить что время Петра В. въ умахъ русскаго купечества осталось временемъ хорошихъ воспоминаній, къ которому его представители и рекомендовали вернуться Екатеринѣ II. Къ этому замѣчанію насъ приводятъ, между прочимъ, мнѣнія, высказанныя депутатами отъ купечества въ знаменитой Комиссіи 1767 г. Таково мнѣніе депутата рыбинскаго купечества Попова, подписанное 69 лицами, въ которомъ Поповъ, жалуясь на „бѣдное состояніе купечества“ въ его время и желая „избавленія отъ стыда передъ счастливыми европейскими купцами“, прямо указываетъ на Петровское законодательство о купечествѣ, какъ на желательное для послѣдняго: „вмѣсто того“, — говорится въ этомъ „мнѣнія“, — „чтобы, въ силу указовъ императора Петра В., утвердить за купечествомъ ихъ права и вольности, а другимъ всякаго званія людямъ строжайше запретить вести торговлю, черезъ что натурально купечество могло бы достичь большаго благосостоянія, помянутые господа депутаты (Комиссіи), напротивъ предлагаютъ, ко вреду купечества, чтобы, какъ благородному дворянству, такъ и крестьянамъ предоставлено было пользоваться купеческимъ правомъ (торговли) наряду съ купцами“. Что мысль Попова не была выраженіемъ желаній небольшого числа лицъ, а, наоборотъ, была общей мыслію всего купечества — это видно изъ тщательнаго разбора городскихъ наказовъ, сдѣланнаго В. Н. Латкинымъ. Интересно также, что, подобно Петру В., наказы хотятъ вести борьбу съ бѣгствомъ купцовъ изъ городовъ, боясь, чтобы, благодаря этому бѣгству, не увеличивалось податное бремя для оставшихся. Все это, на нашъ взглядъ, показываетъ, что взгляды Петра В. на значеніе и роль сословія были жизненны и оставили по себѣ, если не на практикѣ, то въ умахъ купечества, самое благопріятное впечатлѣніе. Сколько бы эгоизма ни сказывалось въ этой защитѣ при Екатеринѣ II купечествомъ той своей особности, которая была еще создана при Петрѣ В,, но разъ идеалъ законодательства казался данному классу общества находящимся не впереди, а позади, это законодательство нельзя считать только личнымъ взглядомъ реформатора. Екатерина II, впрочемъ, во многомъ продолжаетъ старое, идя по пути Петра В., который настойчиво ей указывался выборными ея Комиссіи.

Перейдемъ теперь къ цехамъ. Кратко характеризуя организацію послѣднихъ, надо сказать слѣдующее. Какъ гильдіи, такъ и цехи перенесены къ намъ съ Запада, при чемъ послѣдніе на мѣстѣ, въ моментъ перенесенія ихъ къ намъ, давно уже пережили самихъ себя, обратившись въ замкнутое цѣлое, монопольно владѣющее тѣмъ или инымъ ремесломъ. Города, правительства, публицисты З. Европы говорятъ уже съ XVI в. о ихъ

уничтоженіи и вотъ — „въ то время, когда въ Россіи заботятся о введеніи цеховой организаціи ремеслъ съ цѣлію ихъ развитія и поощренія, въ Европѣ эту организацію“, какъ доказываетъ И. И. Дитятинъ, „почти вездѣ преслѣдуютъ, какъ тормазъ этого развитія, какъ остатокъ феодальнаго строя“. У насъ, по западному образцу, каждое ремесло образовывало особый цехъ, состоявшій изъ мастеровъ и подмастерьевъ съ учениками. Во главѣ цеха стоятъ альдерманы (старшины), выбираемые изъ мастеровъ. Альдерманы нетолько завѣдывали дѣлами цеховъ, но и раскладывали на нихъ государственныя подати и повинности, занимаясь въ тоже время и ихъ сборомъ. Основная мысль цехового устройства состояла въ томъ, что каждое извѣстное мастерство должно быть дѣломъ только извѣстнаго цеха (о цехахъ упоминается еще въ Регламентѣ Главному Магистрату, но подробное объясненіе цехового устройства находимъ въ указѣ 27 авг. 1722 г.). Поэтому каждый, прежде, чѣмъ сдѣлаться мастеромъ и продавать свои издѣлія, долженъ былъ нѣсколько лѣтъ учиться, подвергаться экзаменамъ и только по окончаніи ихъ получалъ званіе мастера и особую печать, которую онъ выставлялъ на своихъ работахъ и пр. Впрочемъ, право принужденія на вступленіе въ цехъ, для занимающагося извѣстнымъ ремесломъ, не было у насъ такъ абсолютно понимаемо, какъ это было на Западѣ. Указъ 1722 г. дозволялъ, напр., заниматься ремесломъ и не вступая въ цехъ, но „не для продажи“. Но, несмотря на это и другія смягченія, цехи у насъ мало послужили къ тому, для чего вводились Петромъ В. — именно къ развитію ремесленной промышленности; наоборотъ, они нерѣдко тормозили ее, хотя и тормозили менѣе, чѣмъ было на Западѣ, въ виду того что Петръ В. не перенесъ къ намъ цѣликомъ всѣхъ стѣснительныхъ постановленій европейскихъ цеховъ. Интересно замѣтить, что указъ о цехахъ 1722 г. какъ и многіе другіе указы Петра В., вводившіе что-либо новое, назначаетъ строгія наказанія за неисполненіе цеховыхъ правилъ. Между послѣдними особенно важную роль играло требованіе закона о томъ, чтобъ каждый мастеръ на своемъ произведеніи ставилъ „свое пятно“, т. е. извѣстный знакъ, обозначающій, что данное произведеніе вышло изъ рукъ такого-то мастера. Затѣмъ это произведеніе представлялось старшинѣ цеха, который въ свою очередь „пятналъ своимъ пятномъ“ вещь „добраго мастерства“ или приказывалъ передѣлывать вещь худую. Безъ „пятна“ вещи не должны были поступать въ продажу; иначе и мастеръ и старшина подвергались строгому наказанію[1]).

1) „А съ тѣхъ, кто безъ нятна дерзнетъ продавать, имать штрафы: за 1 разъ, противъ заработанныхъ, вдвое, за второй разъ

Замѣтимъ въ заключеніе, что вопросъ о цеховой организаціи занималъ XVIII в. и послѣ Петра В.; ему — какъ это указывается В. Н. Латкинымъ въ его кн. „Законодательныя Комиссіи XVIII в.“, — придавала большое значеніе Елизаветинская законодательная Комиссія, онъ интересовалъ депутатовъ Екатерининской Комиссіи. Характерно, что въ этихъ Комиссіяхъ слышались голоса не противъ цеховъ, а лишь противъ той свободы вступленія, или невступленія въ цехи, которая допускалась указомъ 1722 г.[1]), а также противъ представленія надзора за мастерами и ихъ произведеніями выборнымъ старшинамъ. Этотъ надзоръ, какъ видно изъ жалобъ депутатскихъ наказовъ, не проводилъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыхъ стремился достигнуть Петръ В. И вотъ раздаются голоса за подчиненіе ремесленниковъ наблюденію Магистратовъ, при чемъ общимъ требованіемъ выставляется, чтобъ ремесленникамъ, „не записавшись въ цехъ, никакого рукодѣлія не производить“. Эти факты заставляютъ насъ притти къ выводу, что, нестолько цеховое устройство, введенное Петромъ В., само по себѣ было непригодно для нашего ремесленнаго класса, сколько мало нашли для себя удобной почвы у насъ тѣ начала, какія имъ развивались въ постановленіяхъ о цѣхахъ.

Жалованная Грамота городамъ 21 апрѣля 1785 г. и ея постановленія о городскихъ обывателяхъ.

Время отъ кончины Петра В. до Екатерины II было переходнымъ въ исторіи городовъ и ихъ населенія. Минуя его, перейдемъ къ законодательству Екатерины II, имѣвшему весьма важное значеніе. Екатерина II, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ ученій, придавала громадное значеніе, какъ городамъ, такъ и тому „среднему роду людей, отъ котораго государство“, какъ она говорила, „много добра ожидаетъ“, подразумѣвая подъ этимъ „среднимъ родомъ людей“ — горожанъ. Давъ 21 апрѣля 1785 г. Жалованную Грамоту дворянству, она въ тотъ-же день дала „Жалованную Грамоту на права и выгоды городамъ Россійской имнеріи“, имѣвшую, въ цѣломъ, значеніе дѣйствующаго законодательства до новаго Городового положенія 1870 г. Какъ и по Петровскимъ узаконеніямъ, въ Жалован-

---

вчетверо, а 3-й — учиня наказаніе (тѣлесное), отъ того мастерства отставить. Буде же кто изъ старшинъ котораго цеха что заклеймитъ негодное . . . на такомъ старшинѣ имать за 1-е преступленіе штрафа, противъ мастерскаго втораго штрафа, втрое, а за 2-ое, по разсмотрѣнію вины, чинить жестокое наказаніе и ссылать на галеру“.

1) „Въ цехи писать ремесленныхъ всякихъ художествъ и гражданскихъ жителей . . ., которые похотятъ, вѣчно или временно, а въ неволю не принуждать“.

ной Грамотѣ городамъ различаются городскіе обыватели въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ этого слова отъ городскихъ жителей въ широкомъ смыслѣ слова. Подъ послѣдними разумѣются всѣ живущіе въ извѣстномъ городѣ („нерегулярные граждане“ Петра В.), подъ первыми — торгово-промышленный классъ („регулярные граждане“ Петра В.). Такъ, по Грамотѣ, „городскихъ обывателей средняго рода людей, или мѣщанъ, названіе есть слѣдствіе трудолюбія или добронравія, чѣмъ и пріобрѣли (они) отличное состояніе“ (т. е. вслѣдствіе чего они и составляютъ особое, отличное отъ другихъ, сословіе). Наказъ Екатерины II говоритъ о среднемъ родѣ людей“ (т. е. о среднемъ сословіи — tiers-état) такъ: „къ сему роду людей причесть должно всѣхъ тѣхъ, кои, не бывъ дворянином, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ“. Такъ какъ подобное среднее сословіе нужно было у насъ еще образовать, ввиду того обстоятельства, что, въ дѣйствительности, для него имѣлись, почти исключительно, только 2 послѣдніе элемента — торговцы и ремесленники — то de facto они то и составили главнымъ образомъ группу городскихъ обывателей, или регулярныхъ гражданъ, этотъ „средній родъ людей“ по терминологіи Екатерининской Жалованной Грамоты. Затѣмъ, Екатерина II считала, что „противно существу самодержавнаго правленія“ дозволять дворянамъ торговлю въ городахъ и эта торговля должно была быть удѣломъ указаннаго „средняго рода людей“.

По жалованной Грамотѣ городамъ, всѣ жители должны были быть внесены въ такъ наз. „обывательскую книгу“, будучи подраздѣлены на шесть классовъ. Первый классъ горожанъ въ собственномъ смыслѣ этого слова составляютъ „настоящіе городскіе обыватели“, которые „суть тѣ, кои въ томъ городѣ домъ, или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ“. Второй классъ составляютъ купцы трехъ гильдій (при Екатеринѣ II къ двумъ Петровскимъ гильдіямъ прибавилась еще третья), при чемъ къ первой гильдіи относятся купцы, владѣющіе капиталомъ отъ 10 до 50 тысячъ рублей, ко второй отъ 5 до 10 тысячъ и къ 3-ей отъ 1 до 5 тысячъ рублей. Купцамъ I гильдіи „нетокмо возбраняется, но и поощряется“ вести всякіе „торги“ заграницею и внутри имперіи оптомъ и въ розницу, не запрещается заводить фабрики и заводы, морскія суда; вторая гильдія ведетъ тѣже торги внутри государства, третья производитъ „мелочный торгъ въ городѣ и въ округѣ“, имѣетъ трактиры и т. п., производитъ „рукодѣлія“ (ремесла) и т. п. Третій классъ „городскихъ обывателей“ образуютъ ремесленники, записанные въ цехи; четвертый — „ино-

странные и иногородніе гости", т. е. лица, приписавшіяся къ городскому обществу для торговли и промысловъ; пятый — именитые граждане[1]), шестой — посадскіе, т. е. всѣ, невнесенные въ другіе классы „обывательской книги", которые „промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ". Впослѣдствіи изъ нихъ образовалось теперешнее мѣщанское сословіе, которое не надо смѣшивать съ мѣщанами Жалованной Грамоты 1785 г. „Мѣщане" грамоты это — вообще всѣ „городскіе обыватели" (отъ слова „мѣсто", что означаетъ и доселѣ во многихъ славянскихъ языкахъ „городъ", какъ торгово-промышленный центръ). Мѣщанинъ, въ этомъ широкомъ смыслѣ слова, сообщаетъ свое званіе женѣ, „буде она породы равной или нижней"; мѣщанское состояніе наслѣдственно, мѣщанинъ не лишается безъ суда добраго имени, или жизни, или имѣнія; онъ судится „мѣщанскимъ судомъ". Всѣ эти шесть классовъ составляютъ, по Грамотѣ, отдѣльное городское общество, владѣющее корпоративными особыми правами и преимуществами и пользующееся правомъ представительства въ общегородскихъ учрежденіяхъ[2]). Законодательница весьма заботилась о томъ, чтобъ придать каждой группѣ особыя, отличающія ее отъ другихъ, преимущества, что выражалось даже во внѣшнихъ привиллегіяхъ, въ родѣ дозволенія только именитымъ гражданамъ ѣздить четвернею. Купецъ 1 гильдіи имѣлъ право ѣздить въ каретѣ парою, 2-ой — въ коляскѣ парою, тогда какъ купецъ 3-ей гильдіи могъ ѣздить лишь на одной лошади, да и то не въ каретѣ. По Грамотѣ, купцы всѣхъ 3-хъ гильдій, кромѣ преимуществъ по веденію торговли, избавлялись отъ подушной подати, а купцы первыхъ 2-хъ гильдій, равно какъ и именитые граждане, отъ тѣлеснаго наказанія. Цеховые и посадскіе, наоборотъ, платили подушную подать, ставили изъ своей среды рекрутъ, несли разныя натуральныя повинности, при чемъ цеховые имѣли исключительное право на открытіе

---

1) „Именитые граждане", въ свою очередь, подраздѣляются на 7 группъ, а именно сюда входятъ лица, служившія по выборамъ, получившія высшее образованіе, художники и артисты, лица, владѣющія капиталомъ выше 50-ти тысячъ, банкиры, оптовые торговцы, лица, владѣющія кораблями и пр.

2) Права эти аналогичны во многомъ правамъ дворянскаго общества. Такъ, городовые обыватели составляютъ „градское общество", имѣющее право собраній, „складокъ" капиталовъ; „общество градское на судъ да не престанетъ, но да защищается своимъ стряпчимъ"; оно имѣетъ печать съ городовымъ „гербомъ" на немъ „не взыскивается (какъ и на дворянскомъ обществѣ) личное преступленіе гражданина"; оно имѣетъ право исключенія изъ своей среды опороченныхъ по суду гражданъ и пр., однако, Грамота умалчиваетъ въ томъ, что общество не могло „подлежать стражѣ".

ремесленныхъ заведеній, а посадскіе могли вести мелкіе промыслы и торговлю. Благодаря несенію подушной подати, а также и разныхъ повинностей, цеховые и посадскіе, за которыми уже въ XIX вѣкѣ утвердилось наименованіе мѣщанъ, рѣзко выдѣлились отъ „гильдейскихъ людей“, или купцовъ, и получили наименованіе податного городского класса.

Всѣ лица городского сословія обязаны были всегда быть приписаны къ городу, въ которомъ имѣли мѣсто своего постояннаго жительства.

Сельское населеніе[1]).

Общій характеръ законодательства Петра В. по отношенію къ сельскому населенію. Указъ Сенату о непродажѣ крестьянъ безъ земли.

Обращаясь къ обзору законодательственныхъ мѣръ Петра В. по отношенію къ сельскому населенію, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, за исключеніемъ вопроса о подушной подати, эти мѣры вовсе не отличаются тѣмъ реформаторски-смѣлымъ характеромъ, черты коего отмѣчались частію нами при изученіи учрежденій. Преобразовательное движеніе, конечно, такъ или иначе задѣвало массу сельскаго населенія, но эта масса не была предметомъ, надъ которымъ прямо и усиленно работала мысль законодателя. Поэтому указы, относящіеся къ этому населенію, носятъ мало новыхъ оригинальныхъ чертъ и, въ общемъ, либо стремятся

1) Литература вопроса указана выше стр. 461; см. также В. И. Семевскаго, „Крестьяне при Екатеринѣ II“; его-же „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и въ I-ой половинѣ XIX вѣкѣ“ (С.-П., 1888 г.); И. И. Иванюкова „Паденіе крѣпостного права“ (С.-П., 1832 г.); А. А. Корнилова „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“ (С.-П., 1905 г.); рядъ статей по исторіи крѣпостнаго права въ XVIII в. и въ I-ой половинѣ XIX, а равно и по вопросу объ освобожденіи крестьянъ см. въ юбилейномъ изданіи „Великая реформа. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ“ (М., 1911 г., т. I—V). Интересныя данныя по крестьянскому дѣлу даются въ IV томѣ „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина“. М., 1911 г.). По отношенію къ государственнымъ крестьянамъ конца XVIII и начало XIX вѣка см. „Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ“ К. І. Зайцева (С.-П., 1912 г.); о крестьянахъ дворцовыхъ, государевыхъ и удѣльныхъ въ XVIII в. свѣдѣнія находимъ въ „Исторіи удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія“ (С.-П., 1991 г., т. II). Экономическое положеніе крѣпостныхъ крестьянъ вообще въ Россіи въ XVIII и XIX в. в. разсматривается въ изслѣдованіи П. Б. Струве „Крѣпостное хозяйство“ (М., 1913 г.), а крестьянъ на Сѣверѣ Россіи — въ сочиненіи В. Боголюбова „Экономическій бытъ крестьянъ Сѣвернаго края по крестьянскимъ наказамъ въ Екатерининскую законодательную комиссію“ 1767 г. (Казань, 1913 г.).

(и то довольно робко) пресѣчь особенно яркія злоупотребленія помѣщиковъ своимъ правомъ, либо продолжаютъ, хотя и болѣе энергично, чѣмъ прежде, старый процессъ закрѣпощенія въ государственное тягло, по возможности, всѣхъ элементовъ сельскаго населенія. Въ результатѣ послѣдняго процесса получается введеніе во многія, прежде чисто частноправовыя, отношенія началъ права государственнаго — чего нельзя не признать своего рода прогрессомъ, такъ какъ вмѣшательство государства способствовала освобожденію личности крестьянина отъ гнета со стороны помѣщика. Но, первоначально, для данной эпохи, эти государственныя начала означаютъ лишь количественное и качественное усиленіе крѣпостного права. Остановимся сначала на тѣхъ немногихъ планахъ и мѣрахъ Петра В., которые касались злоупотребленія крѣпостныхъ правомъ. Изъ этихъ плановъ нестолько, впрочемъ, по практическимъ своимъ послѣдствіямъ, сколько по мысли, въ немъ выраженной, особенно бросается въ глаза знаменитый именной указъ Сенату отъ 15 апр., 1721 г.[1]) о непродажѣ крѣпосныхъ „врознь“ и безъ земли. Такая продажа была весьма распространена и до Петра В. и при Петрѣ В. и, разумѣется, ея пресѣченіе, — если-бы Петръ В., вопреки своему обыкновенію, не ограничился здѣсь однимъ лишь благопожеланіемъ, а самъ бы принялъ какія-либо энергичныя мѣры — привело бы къ весьма благодѣтельнымъ послѣдствіямъ; но этихъ мѣръ не послѣдовало и, наоборотъ, указъ этотъ на практикѣ былъ совершенно парализованъ другими мѣрами Петра. Такъ, напримѣръ, извѣстному Болтину, историку XVIII вѣка, казалось даже, что первый поводъ къ продажѣ крестьянъ безъ земли и въ одиночку поданъ былъ указомъ Петра Великаго о наборѣ рекрутъ съ числа дворовъ: „наборомъ этимъ указана была“ говоритъ онъ, „помѣщикамъ возможность отдѣлять крестьянъ отъ земли и отъ семействъ“. . . „Указъ, сравнившій помѣстья съ вотчинами, и послѣдовавшая затѣмъ подушная перепись утвердили владѣльческое притязаніе“. Однако, крестьяне уже со 2-ой половины XVII вѣка, такъ или иначе, но постоянно отдѣлялись

1) „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ, и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всѣмъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей: отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ; и Его Ц. В. указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно того будетъ пресѣчь, то бы хотя по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь, и о томъ при сочиненіи нынѣшняго Уложенія изъяснить, какъ высокоправительствующіе господа сенаторы заблагоразсудятъ“.

отъ земли и продавались въ розницу, почему было бы невѣрно считать Петра В. первымъ лицомъ, подавшимъ своими указами о замѣнѣ рекрутъ наемными людьми поводъ къ такой продажѣ. Несомнѣнно лишь то, что Петръ В., какъ замѣчено проф. Р.-Славатинскимъ, „возставая противъ этого обычая, самъ содѣйствовалъ его развитію". А именно указы отъ 17 декабря 1717 г. и отъ 29 октября 1720 г.[1]) вызвали усиленную торговлю людьми, торговлю, принявшую впослѣдствіи, при Елисаветѣ и Екатеринѣ II, самый безцеремонный и отвратительный характеръ. Если указы Петра Вел., дозволявшіе „покупать вмѣсто себя людей въ рекруты", повели впослѣдствіи къ громаднымъ злоупотребленіямъ и усиленной торговлѣ крестьянами въ розницу, (хотя, конечно, Петръ Вел. не хотѣлъ этого), то указы, коими предоставлялось дворовымъ людямъ по своей волѣ, даже безъ дозволенія помѣщика, итти въ военную службу, должны разсматриваться, какъ весьма благопріятные для крестьянъ въ томъ смыслѣ, что они представляли имъ нѣкоторый выходъ изъ своего положенія.

Мѣры Петра В., касавшіяся злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ и улучшавшія положеніе крѣпостныхъ крестьянъ; судьба этихъ мѣръ въ послѣдующія царствованія

Укажемъ теперь на нѣкоторые указы Петра В., имѣвшіе ввиду ограничить злоупотребленія надъ личностью и имуществомъ крестьянина. Это стремленіе выразилось въ 1-хъ въ требованіи установленія надъ такими помѣщиками опекъ. Именно, въ инструкціи воеводамъ отъ января 1719 года, Петръ В. предписываетъ наблюдать за „безпутными, мотами и разорителями" (крестьянъ), доносить о нихъ Сенату (который и постановлялъ о взятіи такихъ помѣщиковъ, до исправленія, „подъ началъ"), а имѣніе ихъ — отдавать наслѣдникамъ. Однако, на практикѣ это постановленіе имѣло мало примѣненія и Екатерина II въ Наказѣ свидѣтельствуетъ слѣдующее: „Петръ Вел. узаконилъ..., чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе (т. е. помѣщики) были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася — неизвѣстно". Впрочемъ, и сама Екатерина II не издала никакого спеціальнаго закона объ

1) 1-й указъ говоритъ, что дозволяется „въ рекруты нанимать всѣхъ повольно съ такимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ былъ (нанятый) не бѣглый солдатъ и не воръ"; второй — гласитъ, въ объясненіе перваго, что тоже самое дозволяется „Сибирской губ. рекрутамъ, которые взяты и впредь взяты будутъ изъ служилыхъ всякихъ чиновъ людей и ихъ дѣтей, кромѣ шляхетства . . . въ солдатскую службу и станутъ бить челомъ, чтобъ, вмѣсто ихъ, въ солдатскую службу принять купленныхъ людей и наемщиковъ".

опекахъ надъ подобными помѣщиками, если не считать общаго требованія отъ генералъ-губернаторовъ — пресѣкать всякаго рода злоупотребленія въ ввѣренной ему области. Кромѣ этого общаго постановленія Петра объ опекахъ, которое, если бы оно выполнялось на практикѣ, могло принести немало пользы, надо отмѣтить нѣсколько частныхъ, относящихся къ тѣмъ или инымъ вопросамъ крѣпостного права.

Такъ извѣстно, какой произволъ допускался помѣщиками по вопросу о бракѣ ихъ крестьянъ. Для XVII в. еще Котошихинъ свидѣтельствовалъ, что „бояре дворовыхъ дѣвокъ . . . временемъ бываетъ выдаютъ (замужъ) черезъ неволю“. По обычаю, существовавшему въ XVII в. и перешедшему въ XVIII в., крестьяне считаютъ себя обязанными испрашивать согласіе помѣщиковъ на бракъ ихъ дѣтей даже съ крестьянами одного и того же помѣщика. Въ XVIII в. являются, однако, постановленія, въ которыхъ видно стремленіе запретить помѣщикамъ, по крайней мѣрѣ, принуждать своихъ людей къ браку или выбирать жениху невѣсту (и обратно) насильно. Такъ, напримѣръ, въ 1722 г. 12 апрѣля къ дѣламъ Св. Синода причислены и „дѣла о бракахъ въ рабахъ по принужденію господъ, безъ призволенія сочетанныхъ“; такъ, далѣе въ 1724 г. 5 января — когда было запрещено родителямъ принуждать дѣтей своихъ къ браку, — постановлено было требовать и отъ господъ не „неволить своихъ рабовъ“ (такое постановленіе, впрочемъ, было сдѣлано еще на Соборѣ 1667 года, когда было предоставлено крестьянамъ жаловаться на „насилія“ господъ). Но всѣ эти постановленія имѣли очень мало значеніе на практикѣ и даже новая исторія наша знала нетолько, подобно XVII вѣку, примѣры насильственныхъ браковъ крѣпостныхъ крестьянъ, по волѣ помѣщиковъ, — по ихъ соображеніямъ личнымъ, хозяйственнымъ и даже просто по капризу, — но даже примѣры полнаго запрещенія браковъ (особенно между дворовыми). Во всякомъ случаѣ эти постановленія Петровскаго времени заслуживаютъ вниманія потому, что идутъ противъ важнѣйшаго злоупотребленія помѣщиковъ крѣпостнымъ правомъ. Если вопросъ о бракахъ крестьянъ одного и того же помѣщика до Петра В. вовсе не останавливалъ вниманія законодателя, какъ почти все, что касалось взаимныхъ отношеній помѣщика къ его крѣпостнымъ, то случай брака помѣщичьихъ крестьянъ съ посторонними людьми обращалъ на себя вниманіе еще XVII в. Въ XVIII вѣкѣ Петровское правительство также находитъ нужнымъ хотя нѣсколько вмѣшаться въ дѣло. Именно, въ 1724 году Петръ В. въ своемъ „плакатѣ“ требуетъ, чтобы, въ случаѣ выхода крестьянки за солдата, помѣщикъ не удерживалъ бы ее отъ такого брака, если только

женихъ „заплатитъ выводъ противъ того, какъ и съ другихъ обыкновенно (т. е. есть обыкновеніе) въ тѣхъ мѣстахъ брать“. (П. С. З. VII № 4533 гл. „О полковникѣ съ офицеры“, п. 5). На практикѣ этотъ законъ, если и прилагался, то только въ буквальномъ смыслѣ (для солдатъ) — не распространяясь, кажется, на другіе случаи[1]). Позднѣе этотъ законъ отмѣняется даже для солдатъ, которые должны были брать невѣстъ съ „отпускными“ помѣщиковъ (указъ 1754 г.).

Извѣстно еще нѣсколько указовъ Петра В., касавшихся крѣпостного крестьянства и улучшавшихъ его положеніе. Таковы, напр., указы, требовавшіе обязательно отъ помѣщика прокормленія ихъ крестьянъ, что, впрочемъ, по существу, не было новостью и для Соб. Уложенія. Петръ В. весьма строго, какъ извѣстно, преслѣдовалъ нищенство, угрожая наказаніями нетолько просящимъ милостыню, но и подающимъ ее (ук. 25 февр. 1718; ук. 20 іюня того же года). Помѣщики, — чтобъ крестьяне ихъ „бродя по улицамъ и по рядамъ милостыни не просили“, — должны были сами собирать „на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и на одежду съ обывателей . . . селъ и деревень“ своихъ, а затѣмъ „за то прокормленіе . . . заставляли бы ихъ, что потребно, себѣ работать, дабы они не даромъ хлѣбъ ѣли“. Таковъ, далѣе, указъ, отмѣнявшій правежъ (указъ 12 д. 1712 г.[2]); ук. 28 мая 1714 г., запрещавшій отдавать кого-либо „въ заживъ и въ крестьянство“ за долги[3]). Если первый указъ, — идя противъ изстариннаго обычая помѣщиковъ ставить за себя „на правежъ“, за всякаго рода долги, ничѣмъ неповинныхъ крестьянъ своихъ, — собственно говоря, нестолько думалъ о крестьянахъ, сколько объ обезпеченіи взысканій, то во второмъ — цѣлью закона, какъ уже замѣтилъ Побѣдоносцевъ, было „предупредить притворныя сдѣлки, посредствомъ которыхъ человѣкъ изъ тягла государева переходилъ въ тягло къ частному

---

1) В. И. Семевскій сомнѣвается, чтобъ законъ 1724 г. примѣнялся къ бракамъ крестьянъ; „мы, по крайней мѣрѣ, не нашли на это никакого указанія“ — говоритъ указанный авторъ въ заключеніе.

2) „Которые должны кому, а имѣютъ заплатить, чтобъ ихъ людей не держать, ни на правежѣ не бить, но изъ пожитковъ, его или деревень платить“. Подъ 1720 годомъ въ I П. С. Зак. является указъ объ отмѣнѣ правежа. К. П. Побѣдоносцевъ приводитъ, однако, указъ объ этой отмѣнѣ, относящійся еще къ 1711 г. и найденный имъ подъ однимъ суднымъ дѣломъ 1719 г. въ выпискѣ. Правежъ — битье палками по пяткамъ.

3) „А которые хотя и въ прямыхъ искахъ кому отдаваны въ заживъ и на тѣхъ (помѣщикахъ) деньги править изъ ихъ имѣнія и отдавать тѣмъ изъ заимодавцамъ . . . а впредь въ заживъ никакихъ чиновъ людей не отдавать и въ крестьянство не писать и никакими вымыслы не крѣпить“. . .

владѣльцу". Вообще всѣ эти, какъ и другіе указы Петра, относящіеся до крѣпостныхъ крестьянъ, вполнѣ, на нашъ взглядъ, оправдываютъ мнѣніе Побѣдоносцева, который, — не становясь на сторону, ни хулителей, ни панегиристовъ Петра В. по данному вопросу, — справедливо говоритъ въ заключеніе слѣдующее: „обозрѣвъ главнѣйшія постановленія Петра, имѣющія отношеніе къ крѣпостному праву, мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые видятъ въ нихъ какое-то сочувствіе къ свободѣ земледѣльческаго сословія, какіе то зачатки будущаго освобожденія крестьянъ, но, по долгу правды исторической, не рѣшимся поставить въ вину Петру В. и то, что онъ оставался равнодушнымъ къ началу крѣпостного права, посреди коего родился, былъ воспитанъ и долженъ былъ дѣйствовать — то, что онъ употреблялъ его, какъ орудіе государственнаго управленія". Всѣ мѣры Петра В. по отношенію къ крѣпостнымъ проникнуты прежде всего началами государственной пользы; въ этомъ своемъ качествѣ, онѣ могли улучшать или ухудшать de jure или de facto положеніе крестьянъ, но это положеніе само по себѣ едва-ли принималось во вниманіе законодательствомъ Петра В. о крестьянахъ . . . Кромѣ вышеуказанныхъ мѣръ, съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія еще нѣкоторыя. Таковы во 1-хъ мѣры по вопросу о торговлѣ крестьянъ. Петру В., какъ извѣстно, принадлежитъ немало заслугъ по развитію у насъ фабрично-заводскаго производства, по усиленію торговли и промысловъ. Оставляя въ сторонѣ рядъ мѣръ, предпринимавшихся имъ для того и другого, нельзя не остановиться здѣсь на тѣхъ, которыя касались крестьянскаго населенія. Торговля и промыслы въ городахъ заводы и фабрики въ уѣздахъ нуждались въ рабочихъ рукахъ. Если для обезпеченія послѣднихъ создается особый видъ зависимыхъ крестьянъ, крѣпкихъ фабрикамъ и заводамъ[1]), а именно т. н. „посессіонныхъ крестьянъ", то для увеличенія торгово-промышленнаго сословія городовъ всячески при-

1) Указъ 1721 г. 18 янв. ясно выражается это начало крѣпости крестьянъ заводамъ и фабрикамъ, купленнымъ ихъ владѣльцами: . . . „позволяется симъ нашимъ указомъ, для размноженія такихъ заводовъ, какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ, къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи, токмо подъ такою кондиціею, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто хочетъ, для необходимыхъ своихъ нуждъ, тѣ деревни съ тѣми заводы продать". . .

тягивается въ города сельское населеніе. Это послѣднее стремленіе, кажется, и объясняетъ основную цѣль Петровскихъ указовъ о правахъ на торговлю крѣпостныхъ крестьянъ. „Для пополненія купечества", говоритъ И. И. Дитятинъ, „правительство нетолько свободно комбинируетъ населеніе посадскихъ общинъ одного или нѣсколькихъ городовъ между собою, но оно сажаетъ на посадѣ съ этой цѣлью бѣломѣсцевъ, крестьянъ, нѣкоторыхъ служилыхъ людей, занимающихся промыслами, запрещая имъ, въ случаѣ нежеланія записаться на посадѣ, заниматься впредь торговлею и вообще всякаго рода промыслами, и возвращая крестьянъ „жить за помѣщики". Остановимся на этихъ указахъ относительно торговли помѣщичьихъ крестьянъ. Если до 1714 г. указы требуютъ отъ этихъ крестьянъ записи въ тягло въ слободы, съ выходомъ изъ крестьянства, то съ этого года идутъ указы, позволяющіе крестьянамъ, оставаясь за помѣщиками, заниматься торговлею. Такъ указъ отъ 4 февр. 1714 г. гласитъ, что бѣломѣсцамъ . . ., дворцовымъ . . ., также патріаршимъ и архіерейскимъ и монастырскимъ и помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьянамъ, которые на Москвѣ торгуютъ всякими товарами въ лавкахъ, платить съ тѣхъ своихъ торговъ десятую деньгу и подати съ посадскими людьми въ рядъ . . ., быть имъ . . . за помѣщики во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ и всякіе помѣщиковы доходы платить въ равенствѣ съ своею братіею, крестьяне"; указъ 27 сент. 1722 г., — какъ-бы предвидя возможность удержанія помѣщиками крестьянъ путемъ назначенія съ нихъ, за отпускъ въ торговлю, громадныхъ оброковъ, — требуетъ, чтобъ помѣщики не брали съ нихъ оброковъ выше той мѣры, въ какой онъ взимался вообще съ ихъ крестьянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти, какъ и другіе, указы Петра В. обезпечивали за крестьянами право торговли и неразлучное съ этимъ право какъ недвижимой собственности на заводы, лавки и т. д., такъ и движимую собственность, право на вступленіе въ договоры и всякаго рода другія гражданскія сдѣлки, пользованіе коими необходимо вытекало изъ ихъ положенія, какъ торговцевъ и промышленниковъ. Помѣщики по отношенію къ этимъ крестьянамъ имѣли лишь право на назначеніе оброка. Едва ли, однако, всѣ эти мѣры вызвались прямо заботами о крестьянахъ, какъ таковыхъ, скорѣе онѣ диктовались соображеніями о развитіи торговли и промысловъ въ городахъ . . . Далѣе. Какъ извѣстно, еще въ XVII в., распоряжаясь по своему усмотрѣнію трудомъ крестьянина, помѣщикъ имѣлъ полную возможность пріурочить этотъ трудъ нетолько къ любому занятію, но и къ любой мѣстности, пользуясь для этого, между прочимъ, переселеніями

крестьянъ [1]). Въ Петровскихъ узаконеніяхъ, нестолько въ интересахъ крестьянъ, по неволѣ бросавшихъ свои насиженныя мѣста, сколько въ интересахъ исправнаго поступленія подушной подати, было поставлено „плакатомъ“ 26 іюня 1724 года не переводить крестьянъ безъ дозволенія Камеръ-Коллегіи, которая брала съ помѣщика, при разрѣшеніи переселенія, подписку въ уплатѣ слѣдуемой съ переселяемыхъ подати [2]). Но это правило плохо выполнялось помѣщиками, несмотря на строгіе подтвердительные указы (1732—33 гг.); при Екатеринѣ II переселенія были облегчены и помѣщики обязывались лишь подавать о нихъ заявленіе въ земскій судъ, не ожидая отъ него дозволенія.

„Плакатъ“ 26 іюня 1724 г. и его значеніе въ исторіи крѣпостныхъ крестьянъ.

Если указанныя мѣры косвенно улучшали положеніе крѣпостныхъ, то съ другой стороны, несомнѣнно, были мѣры, которыя преслѣдуя государственныя цѣли, могли ухудшать положеніе крестьянъ, но онѣ предпринимались законодателемъ, во имя этихъ цѣлей, безъ всякаго колебанія. Такъ, энергично продолжая еще старую борьбу съ бѣглыми всякаго рода, Петръ В. полагаетъ указаннымъ выше „плакатомъ“ 26 іюня 1724 года [3]) общее основаніе паспортной системѣ, дѣйствовавшей съ этого времени среди крестьянскаго населенія и оченъ дурно повліявшей на

1) Въ XVII в., впрочемъ было одно ограниченіе, на практикѣ невсегда соблюдавшееся — именно С. Уложеніе запрещало переводъ крестьянъ съ помѣстья въ вотчину, но въ XVIII в. и это ограниченіе исчезаетъ вмѣстѣ съ слитіемъ воедино когда-то столь различныхъ понятій „вотчина“ и „помѣстье“.

2) Пунктъ 17 гл. I („О полковникѣ съ офицеры“) гласитъ, что „ежели помѣщикъ пожелаетъ людей своихъ и крестьянъ перевесть въ другое мѣсто, то просить ему въ Камеръ-Коллегіи о указѣ и въ томъ у челобитчиковъ брать сказки, чтобъ подушныя деньги платить имъ въ указнные сроки безъ доимки при тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ подушный написаны, а безъ того не переводить“. . . Это постановленіе, несомнѣнно, могло хоть нѣсколько остановить произвольныя переселенія крестьянъ, такъ какъ не всякому хотѣлось платить за это штрафъ Камеръ-Коллегіи, но конечно, цѣль его была чисто фискальная.

3) Ibidem, п. 12: „съ отпусками (отъ помѣщиковъ или „въ небытность“ послѣднихъ — „за руками прикащиковъ ихъ и приходскаго священника)“ въ другіе уѣзды и болѣе 30 верстъ отъ двора не ходить и никому ихъ въ работу не принимать; а кто приметъ . . . тотъ равно какъ за бѣглаго штрафованъ будетъ“, пун. 13; „съ такими пропускными письмами“, которые даны помѣщикомъ для отправленія въ другой уѣздъ, надлежитъ крестьянину „прежде явиться въ уѣздѣ своемъ земскому комиссару, который долженъ то письмо, записавъ у себя впредь для вѣдома въ книгу, оставить у себя, а отпущенному для работы дать пропускное письмо, отъ себя за рукою своею, а за рукою же и за печатью полков-

его положеніе. Именно, плакатъ 1724 года, — предписывая полковникамъ войскъ, расположенныхъ на постой въ данной мѣстности, наблюдать, чтобы въ селеніяхъ нигдѣ не принимались и не жили бѣглые, — въ то же время вмѣняетъ въ обязанность помѣщикамъ отпускать своихъ крестьянъ изъ деревень неиначе, какъ съ особымъ видомъ (или паспортомъ), причемъ, если крестьянинъ отлучался больше 30-ти верстъ отъ деревни, то для него мало было дозволенія помѣщика, такъ какъ требовалось, чтобы видъ былъ подписанъ земскимъ комиссаромъ и мѣстнымъ полковникомъ. Самого крестьянина, рѣшившагося отлучиться безъ письменнаго вида, ждали разныя тяжелыя мѣры взысканія со стороны и помѣщика и правительства (п. 9 и 10). Неудивительно, что всѣ эти мѣры на практикѣ весьма стѣснили свободу передвиженія крестьянъ. Нельзя далѣе не отмѣтить слѣдующаго относительно подушной подати. По указу 5 февраля 1722 г.[1]), помѣщики были сдѣланы отвѣтственными за точное выполненіе крестьянами подушной подати; по Регламенту Камеръ-Коллегіи и самыя „подушныя“ должны были вноситься въ казну помѣщиками, или ихъ прикащиками. Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, подушная подать вновь поставила крестьянина лицомъ къ лицу съ государствомъ, такъ какъ эта подать была государственнымъ тяглomъ, благодаря которому государство знало теперь крестьянина, то съ другой — принципъ отвѣтственности помѣщика за взносъ этой подати крестьяниномъ какъ-бы оправдывалъ юридически имущественную зависимость крестьянина отъ помѣщика. Какъ извѣстно, ни въ XVII в., ни въ XVIII в. законъ не опредѣлялъ точно взаимныхъ имущественныхъ отношеній крѣпостного и помѣщика. Если крестьяне de facto владѣли не только движимостями и недвижимостями, но даже пріобрѣтали на свои средства крѣпостныхъ (В. И.

ника, котораго полкъ въ томъ уѣздѣ имѣетъ вѣчную квартиру. . . а отъ письма и отъ записки такихъ писемъ. . . за бумагу и за печать позволяется брать по 2 копѣйки съ каждаго пропускнаго письма, а больше того отнюдь не требовать и больше 2-хъ дней подъ жестокимъ наказаніемъ крестьянъ не задерживать.

1) Ук. 5 ф. 1722 г. п. 8: „дворянамъ объявить, чтобъ платили со всякой души мужскаго пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются . . . по 8 гривенъ съ персоны“ (VI, № 3901). Регл. Камер.-Колл. 25 іюня 1731 г. въ п. 6, гласитъ: „подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ — прикащикамъ и старостамъ . . . и для того . . . собирать тѣ деньги съ крестьянъ со временемъ заранѣе . . . А ежели который помѣщикъ . . . на срокъ не заплатитъ: то въ такія деревни для правежа тѣхъ денегъ . . . посылать экзекуцію и велѣть немедленно править на помѣщикахъ“. . .

Семевскій, „Крестьяне при Екатерине II“, т. I, стр. 290 сл.), то de jure эта крестьянская собственность была вполнѣ открыта для всякаго рода произвола помѣщика. Подушная подать давала опекѣ помѣщика надъ имуществомъ крестьянина какъ-бы нѣкоторое оправданіе, хотя помѣщики, часто не только не несли никакой отвѣтственности за невзносъ этой подати крестьянами (почему, между прочимъ, и накоплялись въ послѣдней большія недоимки), но и всегда собирали ее съ крестьянъ лишь сверхъ того оброка, который послѣдніе платили помѣщику. Какъ бы ни былъ тяжелъ оброкъ, онъ взыскивался прежде всего и иногда — во что бы то ни стало, между тѣмъ какъ на сборъ подушной подати обращалось меньше вниманія, если только въ дѣло не вмѣшивалась администрація. Тогда, конечно, взыскивались строго и подушныя деньги съ крестьянина, который отвѣчалъ и передъ государствомъ и передъ помѣщикомъ. Таково было значеніе подушной подати для крѣпостного крестьянства. Иначе отразилась она на судьбѣ холоповъ.

Указы Петра В. о ревизіи и подушной подати. Указъ 19 января 1723 г. и его значеніе въ исторіи института холопства.

Какъ уже извѣстно, юридически до конца XVII в., холопъ отличался отъ крѣпостного крестьянина, но тѣ земледѣльческія работы, — которыя несли холопы, наравнѣ съ крѣпостными, въ имѣніяхъ помѣщиковъ, — подготовляли фактически сліяніе холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ. Петровское законодательство довершило это сліяніе своими указами о подушной подати. Чтобъ понять, какъ это произошло, необходимо остановиться представительно на вопросѣ о созданіи у насъ постоянной арміи.

Съ Петра В., вмѣсто прежняго помѣщичьяго войска, — составлявшаго основное ядро московской арміи во время походовъ и затѣмъ мирно расходившагося послѣ нихъ по домамъ, — создается постоянная регулярная армія, комплектуемая путемъ рекрутскихъ наборовъ. Наряду съ шляхетствомъ, которое при Петрѣ В. обязано было нести личную и вѣчную военную службу, эту службу должны были нести также горожане (цеховые и посадскіе) и крестьяне по жребію, въ возрастѣ отъ 15—20 л. (иногда даже до 30-ти), съ извѣстнаго числа дворовъ. Созданіе такой постоянной арміи выдвинуло на разрѣшеніе два вопроса: во 1-хъ, вопросъ объ расквартированіи этой арміи и во 2-хъ, — объ ея содержаніи. Первый вопросъ было необходимо рѣшить тотчасъ-же послѣ того, какъ окончилась долгая и трудная шведская война и армія могла думать о мирномъ отдыхѣ. По примѣру Швеціи, Петръ Великій задумалъ размѣстить

эту армію по деревнямъ и селамъ, а для того, чтобы сдѣлать эту натуральную постойную повинность равномѣрною для всего населенія, необходимо было прежде всего знать количество мужского населенія государства, чтобы затѣмъ имѣть возможность расписать полки между равнымъ числомъ лицъ. Поэтому первымъ указомъ о ревизіи (т. е. о переписи душъ) 26-го ноября 1718 г.[1]) во 1-хъ, предписываетъ „взять сказки у всѣхъ (дать на годъ сроку) . . . . сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужскаго пола“ и во 2-хъ „расписать, на сколько душъ (приходится) солдатъ рядовой, съ долею на него роты и полкового штаба, положа средній окладъ“ . . . Не касаясь здѣсь спеціальнаго вопроса о расквартированіи подробно, затѣмъ лишь, что это размѣщеніе солдатъ на обывательскихъ квартирахъ, въ количествѣ сообразномъ числу жителей тѣхъ или другихъ поселеній, хотя и имѣло въ виду сдѣлать эту постойную повинность уравнительною для всего крестьянскаго населенія, однако, въ дѣйствительности, вызывало постоянныя жалобы со стороны жителей, въ домахъ которыхъ внезапно появлялись чужіе люди, съ своими особыми вкусами и привычками, съ своими часто неумѣренными требованіями[2]), которыя вызывались отчасти ихъ личною невоздержанностью, а отчасти недостаточностью ихъ казеннаго содержанія. Правительство, впрочемъ, уже при введеніи этой постойной повинности понимало, какъ обременительно будетъ для населенія нести ее и потому пыталось склонять помѣщиковъ къ постройкѣ особыхъ полковыхъ слободъ, но помѣщики въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпочитали размѣщать солдатъ среди крестьянъ. Въ концѣ царствованія Петра Великаго явилось въ плакатѣ 26 іюня 1724 года постановленіе, уже обязательно требовавшее такихъ построекъ, но это создавало еще новую „великую тягость“ для крестьянъ, которые должны были заготовлять весь матеріалъ для построекъ, от-

1) Этой первой ревизіи, или переписи душъ предшествовали въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. переписи дворовъ. Изученію переписей до ревизіи и характеристики населенія по нимъ посвящено изслѣдованіе М. В. Клочкова „Населеніе Россіи при Петрѣ В. по переписямъ того времени“, т. I (С.-П., 1911 г.). О первыхъ 5-ти ревизіяхъ, въ связи съ общею характеристикою подушнаго обложенія въ XVIII вѣкѣ, см. гл. I сочиненія В. Э Дена „Населеніе Россіи по пятой ревизіи“ (М., 1902 г.).

2) Записки современниковъ полны жалобами на военныхъ людей того времени. Посошковъ, напр., говоритъ такъ объ этой повинности: „при квартирахъ солдаты и драгуны такъ несмирно стоятъ, и обиды страшныя чинять, что и исчислить ихъ неможно; а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ: дрова жгутъ нагло и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а въ обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ“ . . . (Сочиненія, изд. Погодина, М. 1824, стр. 33.)

крываться отъ своихъ сельскихъ работъ, почему указъ въ дѣйствительности мало примѣнялся и такія слободы нигдѣ не были устроены. Затѣмъ уже Екатерина I смягчаетъ обязательность Петровскаго постановленія указомъ 1725 г. 12 февраля. Обращаемся теперь къ подушной подати и ея вліянію на холопство.

Какъ уже было упомянуто выше, въ 1718 году (26 ноября) явился знаменитый указъ о ревизіи, въ которомъ, во 1-хъ, предписывалось: сосчитать души мужскаго пола, а во 2-хъ расписать, на сколько душъ солдатъ рядовой (приходится), съ долею на него роты и полкового штаба, положа средній окладъ". Какъ указано уже В. О. Ключевскимъ, „по смыслу указа, этотъ средній окладъ выводится посредствомъ дѣленія стоимости содержанія солдата на число наличныхъ податныхъ душъ, какое придется на него по затребованнымъ сказкамъ". Когда, послѣ долгихъ опытовъ, въ маѣ 1724 г. (именно 19 мая указомъ Сената, вслѣдствіе именного указа отъ 1 мая), податное населеніе было, наконецъ, совершенно сосчитано (его оказалось 5.409.930 душъ), можно было назначить и подушный окладъ каждаго въ 74 к. (послѣ Петра В. онъ понизился до 70 к.[1]), причемъ, принявъ во вниманіе стоимость содержанія каждаго солдата, оказалось, что пѣшій солдатъ долженъ содержаться $35^1/_2$ душами, уплачивающими каждая по 74 к.; а конный — $50^1/_4$ душами, какъ вычислено тѣмъ-же авторомъ. При каждомъ полку, расположенномъ въ данной мѣстности, должны были состоять комиссары: — земскій для сбора этой подушной подати и полковой — для ея принятія[2]); составленіе списка

1) Вслѣдствіе несовершенства способовъ исчисленія, утайки числа душъ помѣщиками и по другимъ причинамъ, счетъ населенія очень затруднялся на практикѣ, почему и происходило довольно значительное колебаніе въ итогахъ ревизіи. Это колебаніе вліяло въ свою очередь на сумму подушнаго оклада — въ 1721 г. онъ равнялся 95 к. на душу, въ 1722 г. — 80 к., съ 1725 г. — 70 коп.

2) Объ этомъ еще указъ 1718 г. 26 нояб. говорилъ слѣдующее въ п. 3: „учинить на каждый полкъ 2 комиссара — одного полкового, другого отъ земли, котораго надлежитъ по вся годы выбирать дворянамъ, того уѣзда помѣщикамъ, а по окончаніи года считать (т. е. учитывать); и ежели въ чемъ неправду учинить, судить и доправливать имъ дѣла ихъ; тотъ земской долженъ на урѣченные сроки сбирать съ крестьянъ деньги и отдавать полковому комиссару при всѣхъ офицерахъ, обрѣтающихся при полку, и брать у нихъ отписки; о томъ вѣдѣніе подавать въ Ревизіонъ-Коллегіумъ и въ Воинскую и ландъ-гевдингу (т. е. земскому головѣ, должность коего, по шведскому образцу, вводилась указомъ отъ 26 ноября 1718 г.). 4) Росписчикамъ, которые поѣдутъ росписывать полки по крестьянамъ, смотрѣть накрѣпко, правдою-ль тѣ росписки поданы . . . 5) . . . А буде кто, какъ переписчикъ, такъ и офицеръ, сей своей должности и указу пренебрегутъ, казнены будутъ смертію".

податныхъ душъ было возложено на помѣщиковъ и вотчинниковъ, или ихъ прикащиковъ, причемъ за утайку душъ правительство грозило смертной казнью, съ конфискаціей утаеннаго въ пользу доносителей. Несмотря на это, дѣло шло въ началѣ очень медленно и такъ называемыя „сказки“ (списки) ревизскихъ душъ представлялись очень неисправно и съ большими утайками. Кромѣ злонамѣренности, послѣднее обстоятельство находило себѣ нѣкоторое объясненіе еще въ томъ, что первый указъ о ревизіи 1718 года говорилъ лишь о переписи крестьянъ, умалчивая о другихъ помѣщичьихъ людяхъ и тѣмъ какъ-бы давая поводъ, подъ видомъ послѣднихъ, утаивать и крестьянъ. Указомъ 22-го января 1719 года[1]) велѣно было класть въ подушный сборъ и холопей (задворныхъ людей), „которые имѣютъ свою пашню“, причемъ холопи безъ пашни еще не входили въ число податныхъ душъ; наконецъ, лишь 5 янв. 1720 г.[2]) предписано было, для избѣжанія утайки душъ (что было возможно по прежнимъ указамъ — стоило лишь крестьянина записать холопомъ и т. п.) заносить въ „сказки“, представляемыя помѣщиками, всѣхъ ихъ „подданныхъ — какого они званія ни есть“. Колебанія практики заставили Петра В. 19 янв. 1723 г. категорически вновь предписать заносить въ сказки и облагать подушною податью рѣшительно всѣхъ лицъ мужскаго пола, будь то крестьяне, пашенные или непашенные холопи, дворовые, городскіе или сельскіе помѣщичьи люди[3]). Этотъ день 19 января былъ

---

1) „На крестьянахъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки . . . сколько гдѣ въ которой волости, въ селѣ или деревнѣ крестьянъ, бобылей, задворныхъ и дѣловыхъ людей, которые имѣютъ свою пашню, по именамъ, есть мужска пола всѣхъ“ . . .

2) Именной указъ, данный Сенату гласилъ слѣдующее: „Понеже я слышу, что въ нынѣшнихъ переписяхъ пишутъ только однихъ крестьянъ, а людей дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая утайка, какъ и въ дворахъ бывала (т. е. по отношенію къ дворовымъ). Того ради нынѣ подтвердите указомъ, чтобъ всѣхъ писали помѣщики своихъ подданныхъ, какого они званія ни есть, также и причетниковъ церковныхъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ“. . . Продолжавшаяся и послѣ Петра В. „утайка“ душъ побудила Сенатъ издать 4 окт. 1726 г. указъ объ увольненіи отъ прежнихъ помѣщиковъ крѣпостныхъ подавшихъ на нихъ „правый“ доносъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ они въ теченіи года „принимались“ къ другимъ помѣщикамъ, иначе — годные въ военную службу берутся въ солдаты, негодные — возвращаются къ прежнимъ помѣщикамъ.

3) Резолюція Петра В. на докладные пункты генералъ-майора Чернышева о переписи душъ. Здѣсь, на пунктъ 2-ой, гдѣ высказано мнѣніе, „что кромѣ шляхетства и отставныхъ съ паспортами и кои Его И. В. жалованье получаютъ, людей всякаго званія, дѣйствительно

очень важнымъ днемъ въ исторіи нашего холопства, такъ какъ по указу 19 янв. 1723 г. нѣсколько сотъ тысячъ душъ мужскаго населенія выходило изъ своего безправнаго юридическаго положенія и приравнивалось къ крѣпостному крестьянству. Такимъ образомъ холопство, какъ самостоятельное юридическое явленіе, въ началѣ XVIII в. исчезаетъ, переходя въ крѣпостное состояніе, совершенно подобное крестьянскому.

Повліявъ благотворно, хотя и совершенно непреднамѣренно, на улучшеніе юридическаго положенія холопей, подушная подать, какъ финансовая мѣра, была вообще встрѣчена очень несочувственно современниками уже при ея введеніи. Такъ еще Посошковъ говорилъ[1]), что „поборъ сей несостоятеленъ"; затѣмъ уже при Екатеринѣ I возникаетъ вопросъ объ ея отмѣнѣ, въ связи съ вопросомъ — „по чему (т. е. съ чего) впредь съ крестьянъ и какимъ образомъ удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною — съ душъ ли, какъ нынѣ . . . или съ земли положить?" Въ послѣдующія царствованія, постоянное накопленіе недоимокъ въ подушной подати, — несмотря на всю строгость ея взысканій (особенно, въ царствованіе императрицы Анны[2]), — лучше всего свидѣтель-

---

служащихъ и подъ чьимъ бы именемъ гдѣ кто ни былъ, положить на деньги" . . . послѣдовала резолюція: „писать всѣхъ и служащихъ, какъ крестьянъ, и положить въ поборъ" (ср. также п. 3, 4 и сл. I П. З., № 4145.

1) Посошковъ, ib., стр, 185: а и во счисленіи душевномъ (т. е. душевомъ) не чаю-жъ я проку быть; понеже душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя" . . . Въ другомъ мѣстѣ онъ доказываетъ, что должно „со владѣнія (земли) имать платежъ", чтобы всѣ были „платежниками по количеству владѣнія своего", „съ цѣлаго крестьянскаго двора (ib., стр. 209 сл.).

2) Въ изданныхъ нами нынѣ 12-ти томахъ „Бумагъ Кабинета министровъ" имѣется немало указаній, съ какой строгостью и постоянствомъ взыскивались при Аннѣ подушныя деньги и какъ часто за крестьянъ отвѣчали *сами* помѣщики, державшіеся подъ арестомъ, въ случаѣ запущенія недоимки, и рисковавшіе конфискаціей своего недвижимаго имѣнія, въ случаѣ неуплаты подушныхъ и иныхъ сборовъ. Затѣмъ, когда правительству приходилось, — вслѣдствіе худого состоянія" крестьянъ нѣкоторыхъ губерній (напр. Смоленской), — *откладывать* взысканіе подушныхъ денегъ (какъ это было, напр., въ 1734.), оно тотчасъ же принимало мѣры къ изысканію источника, который пополнилъ бы временный недостатокъ въ сборѣ подушной подати. Комиссіи, образованной для изысканія этихъ средствъ, было предписано *„помянутый недостатокъ* во всѣхъ мѣстахъ (отъ хлѣбнаго недороду находящійся) *отвратить*; буде же утвердитесь на томъ, *чтобъ всемѣрно подушныя деньги съ нихъ на нѣсколько лѣтъ снять. Мы указали, то сыскивать вамъ способъ, чрезъ который можно было тое на полку недостаточную сумму пополнить*, дабы наша армія не претерпѣвала въ томъ нужды, а особливо наивяще потомужъ сыскать

ствуетъ о ея тяжести. Причина этого лежала въ томъ во 1-хъ, что сама по себѣ семигривенная подать по тому времени была высока; во 2-хъ, что подать эта сопровождалась безпокойными и обременительными для народа объѣздами деревень, а затѣмъ и тяжелою переписью населенія; наконецъ, въ 3-хъ всего болѣе въ томъ, что подушная подать, по своей сущности, являлась очень неуравнительною. Въ основаніе подати были положены двѣ величины: число душъ мужскаго населенія и стоимость содержанія полковъ по штату, причемъ подушный окладъ получался каждый разъ черезъ дѣленіе второй суммы на первую. Но, чтобъ этотъ окладъ представлялъ собою для плательщика нѣчто реальное, требовалось, чтобы число платежныхъ душъ было выведено прежде всего нефиктивно, а дѣйствительно (иначе на душу пойдетъ больше налога, чѣмъ слѣдуетъ). Между тѣмъ во 1-хъ, счетъ населенія при всѣхъ почти переписяхъ былъ очень невѣренъ; во 2-хъ, онъ могъ весьма колебаться для отдѣльныхъ обществъ въ промежуткахъ между 2-мя ревизіями. Затѣмъ, конечно, чтобъ налогъ „на душу“

способъ, объ учиненіи запасныхъ магазейновъ, *такожъ и объ учрежденіи помѣщиковъ въ какомъ-бы состояніи они деревни свои содержать коли*“. Интересно что въ это время явилась у помѣщиковъ мысль связать *успѣшность* сбора подушныхъ съ *ограниченіемъ* срока дворянской службы. Такъ, напр., въ одномъ „мнѣніи“ (отъ 1733 г.) утверждалось, что вслѣдствіе невозможности для помѣщиковъ слѣдить за своимъ хозяйствомъ, они приходятъ въ бѣдность, при чемъ не только „крестьяне разоряются“, но и „государственный сборъ *отъ такого невсмотрѣнія* съ великимъ умаленіемъ, противъ надлежащаго собирается и доимки немалыя остаются“. Наоборотъ, „ежелибъ, хотя временно, помѣщики въ домѣхъ своихъ были, тобъ нетокмо подушный окладъ сполна собираемъ, но и крестьянство отъ прочаго разоренія охранены и отъ своевольства удержаны были“, при чемъ тогда „*можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить*“. Непорядки въ сборѣ подушной подати, отражаясь на крестьянствѣ, въ то же время ставили и содержаніе арміи въ большее затрудненіе. По тому же мнѣнію „отъ тѣхъ непорядковъ на армію сумма несполна и не въ свое время получается и нѣкоторые полки, за неполученіемъ своихъ квартиръ-денегъ, содержатъ себя, какъ надлежитъ, не могутъ, а иные, за неполученіемъ денегъ и жалованья, многое время терпятъ крайнюю нужду и отъ сего сугубый государству вредъ: 1) что отъ приметокъ крестьянство разоряется и многіе бѣгутъ, а остальные принуждены за бѣглыхъ съ пустого платить, а на послѣдокъ и тѣ оставшіе, или принуждены будутъ бѣжать или вовсе отъ того разоряться, что уже впредь взять будетъ нечего; 2) полки, неполучая въ свое время суммы, надлежащаго довольства не имѣютъ и нетокмо, чтобъ имъ въ мундирѣ и въ прочемъ исправнымъ быть, но и въ пропитаніи, ежели-бъ иногда изъ магазейновъ заимно пропитанія давано не было, могли неоказанную имѣть нужду“ (см. мою статью „Представленіе объ утѣсненіи народа отъ подушнаго сбора 1733 г.“ въ „Чтеніяхъ Общ. И. и Древн. Р.“ 1907 г., кн. II).

былъ уравнителенъ, требовалось, чтобъ сами платящія „души“ были равны между собою по возрасту, зажиточности, заработкамъ и т. п., чего, конечно, въ дѣйствительности, не могло никогда быть. Неудивительно, что въ жизни такой налогъ оказался совершенно неуравнительнымъ и народу, до самаго послѣдняго времени, когда подушная подать была отмѣнена, приходилось напрягать много усилій мысли, чтобъ самому, исправляя ошибку законодателя, сдѣлать эту тяжелую для каждаго работника подать болѣе или менѣе равномѣрною[1]).

Покончивъ съ холопствомъ, подушная подать косвенно содѣйствовала уничтоженію еще одного разряда населенія. именно такъ назыв. людей вольныхъ или гулящихъ. Эти люди на Москвѣ, подобно холопамъ, не несли никакихъ государственныхъ податей и повинностей и жили, обыкновенно, работая за чужимъ тягломъ, или за чужимъ „хребтомъ“, какъ говорили прежде, откуда и само ихъ названіе, „захребетники“ или „подсусѣдники“. Еще на Москвѣ правительство усиленно заботится объ уменьшеніи числа этихъ безпокойныхъ гулящихъ людей, бродившихъ повсюду въ государствѣ и легко возбуждавшихся всякими волненіями. Петръ В. поканчиваетъ съ этимъ разрядомъ, приказывая забирать вольныхъ людей въ солдаты, а при негодности — обязывая ихъ записываться въ подушный окладъ, либо за тѣми помѣщиками, на земляхъ коихъ ихъ застала перепись, либо за тѣми, кто соглашался ихъ записать за собою. Такимъ образомъ, вольные люди превращаются либо въ солдатъ, либо въ крѣпостныхъ поневолѣ, въ силу ихъ записи въ ревизскія сказски; уклоненіе отъ этой записи влечетъ ссылку на галеры . . . Такъ государствееное тягло притягиваетъ теперь къ себѣ всѣхъ; никто, подъ страхомъ жестокихъ каръ, не долженъ отъ него уклоняться и, наоборотъ, всѣ должны принимать то или иное, смотря по своимъ силамъ, участіе въ громадной работѣ, начатой преобразователемъ . . .

Крѣпостное право послѣ Петра В. Пожалованіе

Касаясь законодательства Петра В. о сельскомъ населеніи, мы частію отмѣчали также судьбу важнѣйшихъ мѣропріятій Петра В. въ послѣдующія царствованія. Обратимся теперь къ об-

1) Одною изъ попытокъ подобнаго рода было стремленіе самого населенія еще въ XVII вѣкѣ сдѣлать окладною единицею не душу, какъ хотѣлъ законодатель, а землю. Практику „поземельнаго разруба“ подушной подати находимъ въ одной, напр., „веревной книгѣ“ 1751 г., составленной въ Перемской волости Пинежскаго уѣзда и отлично комментированной П. И. Ивановымъ въ „Древностяхъ“ (Труды Археограф. Комиссіи Имп. Московскаго Археологическаго Общества“, т. III, М., 1913 г., стр. 79 и сл.).

населенныхъ имѣній въ XVIII в.

щему очерку крѣпостного права послѣ Петра В. по вопросамъ, незатронутымъ Петровскою реформою. Послѣ Петра В. крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ усиливается во многихъ отношеніяхъ. Уже въ XVI—XVII вѣкахъ, какъ нами указывалось выше, на ухудшеніе положенія крестьянъ вліяло право помѣщика на ихъ наказаніе. Крестьяне обязаны были слушать своихъ помѣщиковъ и всякое неповиновеніе ихъ воли влекло за собою ихъ наказаніе. Кромѣ того помѣщики вообще считались въ XVIII в. отвѣтственными за поступки своихъ крестьянъ, что, естественно, ставило крестьянъ еще въ большую отъ нихъ личную зависимость[1]). Въ XVIII вѣкѣ тѣлесное наказаніе является основою управленія крестьянами и переходитъ иногда всякія границы терпимаго. Нетолько розги и кнутъ, но и такъ наз. „кошки“, введенныя Петромъ В., а равно и пытки, начинаютъ входить здѣсь въ употребленіе. Отсутствіе закона о мѣрѣ и способахъ наказанія крестьянъ приводитъ къ тому печальному положенію, что суды въ XVIII вѣкѣ затрудняются постановлять приговоры даже въ случаяхъ убійства помѣщиками крестьянъ своихъ. Лишь въ XIX вѣкѣ, по Уголовному Уложенію 1845 г., опредѣлены были мѣра наказаній и способъ ихъ. Такъ, тѣлесныя наказанія были ограничены 40 ударами розгами и 20-тью — палками, лишеніе свободы въ сельской помѣщичьей тюрьмѣ — двумя мѣсяцами, при чемъ на большіе сроки дозволялось лишь отсылать виновнаго крестьянина въ смирительные дома, или въ арестантскія роты, гдѣ онъ содержался до 6-ти мѣсяцевъ. Въ XVIII вѣкѣ одно, впрочемъ, наказаніе крѣпостныхъ, а именно ихъ ссылка на поселеніе и въ каторгу, стало вызывать правительственныя распоряженія. Именно, указомъ 13 декабря 1760 г. землевладѣльцамъ было дозволено отдавать крѣпостныхъ крестьянъ въ руки мѣстной администраціи, для ссылки ихъ за „дерзостные проступки въ Сибирь“. Цѣлью этого закона было способствовать колонизаціи Сибири, почему въ ссылку отправлялись только люди молодые и здоровые. При Екатеринѣ II это право помѣщиковъ было расширено, а именно указомъ 17 января 1765 г. имъ было предоставлено право ссылать крѣпостныхъ своихъ даже въ каторжныя работы, при чемъ колонизаціонныя цѣли этимъ закономъ уже не преслѣдовались, а имѣлось лишь ввиду поддержать власть помѣщиковъ надъ крестьянами; по этому указу крестьяне отдаются „въ тяжкую ра-

1) Въ указѣ Сената отъ 2 мая 1758 г. публикованномъ во всеобщее свѣдѣніе „печатными указами“, требовалось, напр., отъ помѣщиковъ „за людьми своими надлежащее смотрѣніе имѣть и до . . самовольствъ ихъ не допускать“. . .

боту на толикое время, насколько помѣщики похотятъ". Впрочемъ, въ 1773 г. дѣйствіе этого закона было пріостановлено, такъ какъ помѣщики стали злоупотреблять своимъ правомъ ссылки, отправляя въ нее людей негодныхъ для военной службы и получая, въ замѣнъ ихъ, рекрутскія квитанціи, что избавляло ихъ отъ поставки соотвѣтствующаго числа рекруговъ. Въ 1773 г. дѣйствіе указа было временно пріостановлено, но въ 1775 г. онъ былъ возстановленъ и примѣнялся до царствованія Александра I, когда въ 1807 г. была запрещена ссылка крестьянъ на каторгу, а въ 1811 г. — и на поселеніе; впрочемъ, въ 1822 г. эта ссылка была вновь возстановлена, а именно повелѣно „людей, удаляемыхъ помѣщиками, посылать въ Сибирь на поселеніе безъ зачета за рекрутъ"; указомъ 1827 г. этому праву былъ положенъ рядъ ограниченій.

Если такимъ образомъ во 2-ой половинѣ XVIII вѣка было усилено право помѣщиковъ на наказаніе крестьянъ (путемъ ихъ ссылки въ Сибирь), при чемъ на практикѣ пресѣкались лишь злоупотребленія отдѣльныхъ лицъ, но не давалось общаго закона, который бы опредѣлялъ мѣру взысканій, падавшихъ на крѣпостныхъ, то также былъ весьма неблагопріятно поставленъ для крестьянъ вопросъ и о жалобахъ ихъ на помѣщиковъ. Мы уже указывали, что С. Уложеніе весьма сокращало случаи, когда такая жалоба считалась допустимой. Во второй половинѣ XVIII вѣка крестьянамъ было вообще запрещено жаловаться на помѣщиковъ и ни одинъ судъ не могъ принимать этихъ жалобъ; самый уже фактъ подачи жалобы вызывалъ наказаніе челобитчиковъ и это продолжалось до времени царствованія Павла I и Александра I, когда вновь стали допускаться жалобы крестьянъ на помѣщиковъ.

Мы уже знаемъ, что еще въ Московскій періодъ было 2 рода крестьянъ, а именно крестьяне оброчные и крестьяне барщинные. Въ XVIII в. весьма развиваются отхожіе промыслы крестьянъ, а, слѣдовательно, и развитіе оброчной системы[1]), дававшей помѣщику въ руки денежныя средства.

1) По выводу П. Б. Струве, съ которымъ можно согласиться, въ XVIII вѣкѣ „государство своей милитарной, административной и фискальной политикою дало сильный толчекъ развитію денежнаго хозяйства, главнымъ носителемъ котораго явилось оно само. Изыскивая всяческіе способы къ увеличенію своихъ доходовъ, оно пришло въ концѣ Петровскаго царствованія, къ установленію подушной подати, чувствительно повысившей податныя тягости населенія. Создавъ въ городахъ значительный спросъ на всякаго рода наемный трудъ, новые государственные порядки дали и помѣщичьему классу возможность взимать со своимъ поданныхъ болѣе крупные денежные сборы" („Крѣпостное хозяйство", стр. 28 и сл.).

Къ сожалѣнію законъ не останавливался на опредѣленіи размѣровъ какъ оброка, такъ и барщины. Почти до конца XVIII вѣка продолжалось это неопредѣленное положеніе крестьянъ, открывавшее возможность злоупотребленія со стороны тѣхъ помѣщиковъ, которые мало заботились объ экономическомъ благостояніи своихъ крестьянъ и думали лишь о собственномъ обогащеніи. Только по манифесту 5 апрѣля 1797 г. императоръ Павелъ I, подтверждая прежнее запрещеніе не принуждать крѣпостныхъ къ работѣ по воскреснымъ днямъ, установилъ, что крестьяне обязаны работать на помѣщика лишь 3 дня въ недѣлю и имѣютъ право остальные 3 дня недѣли употреблять на работы по своему собственному хозяйству; однако, требованіе это на практикѣ плохо соблюдалось[1]). Что касается размѣровъ оброка, то онъ устанавливался по обычаю до самаго конца крѣпостного права. Мало обращалъ вниманія законъ и на вопросъ о крестьянскомъ имуществѣ. „Крестьянинъ“, по выраженію историка XVIII вѣка Болтина, „имѣетъ свою собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ“. И, дѣйствительно, у крѣпостныхъ было имущество какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ они нетолько пользовались, но и распоряжались фактически; имущество это, однако, считалось юридически собственностью помѣщиковъ и крестьяне не были ничѣмъ ограждены отъ ихъ притязаній до 1848 г., когда имъ было разрѣшено, съ согласія помѣщика, пріобрѣтать на свое имя какое угодно имущество.

Если недостаточно, по закону, были ограждены имущественныя права крѣпостныхъ, то тоже надо сказать и относительно ихъ личныхъ правъ: помѣщики постоянно заключали браки крестьянъ своихъ, не справляясь при этомъ съ ихъ желаніями. Хотя и существовалъ указъ 1724 г., подтверждавшійся и позднѣе (въ 1742 г., въ 1767 г.), по которому помѣщикамъ запрещалось вмѣшиваться въ браки своихъ крестьянъ, но на практикѣ этотъ указъ совсѣмъ не соблюдался и такъ продолжалось до отмѣны крѣпостного права. Затѣмъ крестьяне еще по С. Уложенію пользовались правомъ иска на судѣ и правомъ быть свидѣтелями, но практика XVIII вѣка и въ этомъ отно-

1) Въ любопытной статьѣ М. В. Клочкова „Манифестъ 1797 г. о трехдневной барщинѣ“, авторъ, послѣ разбора многихъ случаевъ „судебной и житейской практики“, приходитъ къ тому общему выводу, что „манифестъ 5 апрѣля 1797 г. строго установилъ только одно требованіе о непринужденіи крестьянъ къ работамъ по воскреснымъ днямъ, трехдневная же барщина, невсегда защищавшаяся въ судѣ, не поддерживаемая мѣрами администраціи и нарушаемая повседневной практикою, оставалась благимъ пожеланіемъ правительства, исполненіе котораго предоставлено было доброй волѣ помѣщика“. (Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову, С.-П., 1911 г.),

шеніи вносила многія ограниченія, невыгодно отражавшіяся на крестьянахъ. По указу 1761 г. крестьяне могли обязываться, съ согласія помѣщика, заемными письмами, но не могли, однако, выдавать векселей. Занимаясь торговлею, они могли записываться въ гильдіи (по указу 1762 г.), лишь получивъ „отпускныя письма“ отъ своихъ помѣщиковъ. Въ общемъ, XVIII вѣкъ не принесъ облегченія крѣпостнымъ крестьянамъ и, наоборотъ, во многихъ отношеніяхъ ухудшилъ ихъ юридическое положеніе и, если смягченіе нравовъ, проявляющееся все болѣе и болѣе со второй половины XVIII вѣка, постепенно, хотя и медленно, дѣлало свое дѣло, внося фактически въ положеніе крестьянъ значительныя улучшенія, то законодательство вѣка во всякомъ случаѣ не шло здѣсь всегда впереди.

Въ исторіи крѣпостного права XVIII вѣкъ представляется важнымъ еще въ томъ отношеніи, что въ это время замѣчается сильное увеличеніе числа крѣпостныхъ крестьянъ, вслѣдствіе пожалованія населенныхъ имѣній частнымъ лицамъ, съ одной стороны, и вслѣдствіе обращенія прежнихъ холоповъ въ разрядъ крѣпостныхъ, о чемъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ подробно, съ другой. Если при Петрѣ В. было роздано въ однѣхъ дворцовыхъ вотчинахъ болѣе 170 тысячъ крестьянъ, то въ послѣдующія царствованія раздача государственныхъ и дворцовыхъ крестьянъ еще болѣе усиливается, достигая своего крайняго развитія въ царствованіе Екатерины II-ой, когда, кромѣ означенныхъ видовъ крестьянъ, стали раздаваться имѣнія, населенныя такъ наз. „экономическими крестьянами“. По знаменитому указу 26 февраля 1764 г., всѣ вотчины духовенства и монастырей, съ ихъ многочисленнымъ населеніемъ, перешли къ государству и поступили въ завѣдываніе такъ наз. „Коллегіи экономіи“ (откуда и названіе крестьянъ, находившихся въ управленіи этой Коллегіи, „экономическими“); въ 1786 г. эта Коллегія была упразднена и экономическіе крестьяне слились съ государственными, а затѣмъ, наряду съ ними, поступали въ раздачу въ частныя руки. При Екатеринѣ II крѣпостное право было распространено на Малороссію, при чемъ въ это царствованіе было роздано имѣній съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 800 тысячъ душъ (часть имѣній, впрочемъ, была роздана во вновь присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ, гдѣ населеніе не было и раньше свободнымъ и только мѣняло однихъ владѣльцевъ на другихъ). При Павлѣ I крѣпостное право было распространено на Донскую область, на Екатеринославскую, Таврическую и другія губерніи и при этомъ роздано, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, болѣе 600 тысячъ душъ крестьянъ, половину коихъ составляли крестьяне дворцоваго вѣдомства. Только при императорѣ Александрѣ I прекращается съ 1801 года раздача населенныхъ имѣній и тѣмъ

полагается предѣлъ количественному росту крѣпостныхъ крестьянъ. Императоръ Александръ I, по его собственнымъ словамъ, „далъ обѣтъ не увеличивать число этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ", что имъ и соблюдалось.

Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ первую половину XVIII в.

До сихъ поръ мы касались положенія крѣпостного крестьянства въ XVIII—XIX вв. по обычаю и закону, не затрагивая другого вопроса, поставленнаго еще въ XVIII вѣкѣ, а именно — вопроса объ освобожденіи крестьянъ. Переходя къ его изученію въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка, замѣтимъ, что возникновеніе и развитіе вопроса объ освобожденіи постоянно шло рука объ руку съ вопросомъ объ улучшеніе быта крѣпостныхъ, который иногда ставился въ обществѣ и литературѣ гораздо шире, чѣмъ въ законодательствѣ (мѣры послѣдняго къ улучшенію быта крѣпостныхъ нами уже разсмотрѣны выше и мы ихъ теперь не касаемся). Какъ это само собою понятно, оба вопроса принципіально совершенно отличны другъ отъ друга, такъ какъ первый исходитъ изъ необходимости уничтоженія крѣпостного права, второй — изъ понятія о его незыблемости. На практикѣ, въ жизни, однако, эти вопросы развивались постоянно вмѣстѣ, такъ какъ очень часто случалось, что ярый аболиціонистъ, при встрѣчѣ съ суровыми условіями нашей дѣйствительности, мирился хотя-бы съ какими-либо измѣненіями къ лучшему крестьянскаго положенія, а суровый крѣпостникъ, — убѣжденный въ необходимости существованія крѣпостного status quo и соглашающійся на нѣкоторыя улучшенія только въ видахъ его лучшаго поддержанія, — въ дѣйствительности часто работалъ въ цѣляхъ, хотя и медленнаго, но рѣшительнаго уничтоженія этого status quo. Теорія и практика, мысль и жизнь, постоянно сталкивались другъ съ другомъ въ разрѣшеніи этого тяжелаго наслѣдія исторіи, и относительная цѣнность этихъ силъ, въ отдѣльныя эпохи, подвигала то впередъ, то назадъ это разрѣшеніе. Такимъ образомъ оба вопроса постоянно идутъ въ жизни вмѣстѣ, почему мечтающій о разрѣшеніи одного, кончаетъ часто служеніемъ другому (и обратно) . . . Разсмотримъ и мы ихъ вмѣстѣ и притомъ, для ясности, въ порядкѣ хронологическимъ.

Есть извѣстіе, что мечта объ освобожденіи крестьянъ занимала еще въ XVII столѣтіи одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ людей этого вѣка — извѣстнаго князя Вас. Вас. Голицына. По свидѣтельству иностранца Невилля, кн. Голицынъ, желая поставить Московскую Русь на одинъ уровень

съ прочими европейскими государствами, хотѣлъ начать свои реформы „освобожденіемъ крестьянъ“ и предоставленіемъ имъ тѣхъ земель, которыя они обработываютъ, — „съ пользою для царя — за ежегодный оброкъ“ . . . Мысль эта такъ и осталась, впрочемъ, только мыслію, въ великую честь вѣка и государственнаго мужа ее высказавшаго . . .

Обращаясь къ XVIII вѣку, мы видимъ, что на зарѣ его та-же мысль высказывается вновь знаменитымъ крестьяниномъ И. Т. Посошковымъ, который, какъ-бы проникая въ далекую глубь грядущаго времени, пророчески утверждалъ, что „крестьянамъ помѣщики не вѣковые (т. е. не вѣчные) владѣльцы: того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель — всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ ими временно. И того ради не надлежитъ ихъ (крестьянъ) помѣщикамъ разорять, но надлежитъ ихъ царскимъ указомъ хранить, чтобы крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими; понеже крестьянское богатство — богатство царственное“. . . Высказавъ эту великую мысль о государственномъ значеніи крестьянства, какъ сословія, — мысль часто совершенно почти затериваемую XVIII-мъ вѣкомъ, — Посошковъ какъ человѣкъ хорошо знавшій условія тогдашней дѣйствительности, не настаивалъ на немедленномъ освобожденіи крѣпостныхъ. Но, онъ въ то-же время давалъ однако, цѣлый планъ такихъ улучшеній ихъ быта, которыя, если-бы были предприняты тогда-же, оказали-бы большую пользу крестьянству (въ общемъ, впрочемъ, подобный планъ довольно часто впослѣдствіи рекомендовался лучшими людьми XVIII вѣка). Именно, Посошковъ предлагалъ, чтобы законъ точно опредѣлилъ размѣръ крестьянскихъ оброковъ и повинностей помѣщику, причемъ за основаніе платежей надо было принять, по Посошкову, не душу — „предметъ цѣны неимущій“, „не ворота, не дымы избные“, но „владѣніе земли и засѣвъ хлѣба на томъ владѣніи“[1]). Затѣмъ онъ предлагаетъ навсегда отдѣлить крестьянскую землю отъ помѣщичьей и думаетъ, что первую „за помѣщиками

1) Посошковъ не ограничивался только реформою въ указанной области, но говорилъ о необходимости введенія одного общаго „государственнаго правдиваго сбора“, а именно „десятины“ при чемъ ратовалъ также за уничтоженіе многообразныхъ стѣснительныхъ таможенныхъ сборовъ и объ установленіи одного, „ибо и съ вола едина кожа собирается“.

О И. Т. Посошковѣ, какъ своеобразномъ русскомъ политико-экономѣ — меркантилистѣ, а равно и о литературѣ о немъ см. „Очерки по исторіи экономическихъ воззрѣній на Западѣ и въ Россіи“ В. В. Святловскаго, С.-П., 1913 г., стр. 170 и сл.

и числить не надлежитъ". . . Слѣдующія царствованія, до времени Екатерины II, представляются малозначительными въ исторіи вопроса о крестьянахъ по полному почти отсутствію въ обществѣ интереса нетолько къ освобожденію, но даже и къ улучшенію быта крѣпостныхъ, такъ что мысли Посошкова остаются почти единственными, на которыхъ вполнѣ стоитъ обратить вниманіе въ I-ую половину вѣка. Если, впрочемъ, мы вспомнимъ изъ предыдущихъ очерковъ, какъ политическую исторію этой половины вѣка, такъ и обстоятельства, характеризующія положеніе дворянъ въ царствованіе Петра Вел., а затѣмъ — при воцареніи импер. Анны и въ ея царствованіе, — то намъ станетъ понятно, почему это время не ознаменовано никакимъ движеніемъ по крестьянскому вопросу. Въ царствованіе Петра Вел. дворянство несло само столь тяжелую службу, что закрѣпощеніе крестьянъ помѣщиками, со всѣми его злоупотребленіями, начинавшими обозначаться въ это время, находило себѣ если не оправданіе, — то нѣкоторое объясненіе. Обстоятельства воцаренія императрицы Анны, а затѣмъ и ея царствованіе, ставили прежде всего предъ шляхетствомъ вопросъ о собственныхъ личныхъ интересахъ, подвергавшихся тогда немалой опасности. Неудивительно, что, какъ въ это царствованіе, такъ и въ слѣдующія, дворянство прежде всего хлопочетъ о собственномъ раскрѣпощеніи отъ обязательной службы, что и достигается имъ, наконецъ, въ царствованіе Петра III. Но, именно эта „свобода", — пріобрѣтенная при Петрѣ III и затѣмъ укрѣпленная и развитая многими привиллегіями при Екатеринѣ II — естественно и неотразимо ставила на очередь и вопросъ о крестьянской „свободѣ и вольности"[1]); къ очерку этого вопроса мы теперь и обратимся.

Значеніе царствованія Екатерины II въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Время Екатерины II обращаетъ на себя большое вниманіе нестолько законодательными мѣрами къ ограниченію крѣпостного права (эти мѣры не особенно серьезны), сколько необычайнымъ интересомъ къ крестьянскому вопросу въ обществѣ и литературѣ, причемъ надо, по справедливости, отмѣтить, что не-

1) Замѣчена какъ современниками, такъ и историками вопроса нѣкоторая связь между манифестомъ 18 февраля 1762 г. о вольности дворянства и крестьянскими волненіями противъ помѣщиковъ, усилившимися именно послѣ этого манифеста, когда въ народѣ ждали параллельныхъ мѣръ правительства и по отношенію къ крестьянству (за частными волненіями послѣдовалъ, какъ извѣстно, пугачевскій бунтъ). Послѣ усмиренія бунта, крестьяне затихли до конца царствованія Екатерины II. Но затѣмъ восшествія на престолъ имп. Павла, Александра I и Николая I, возбудивъ въ народѣ вновь надежды на освобожденіе, ведутъ также къ усиленнымъ волненіямъ крестьянъ.

малый толчекъ къ возбужденію этого интереса былъ данъ самою Екатериною II, которая, какъ извѣстно, въ началѣ своего царствованія, подъ неостывшими еще въ ней впечатлѣніями просвѣтительной философіи XVIII вѣка, относилась къ мысли о крестьянскомъ освобожденіи весьма сочувственно. Уже въ царствованіе Елисаветы, Екатерина II — тогда еще великая княгиня, — писала, что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать невольниками людей: они рождаются свободными“ и предлагала освобождать крестьянъ при переходѣ имѣнія отъ одного владѣльца къ другому. Въ началѣ царствованія она обратила вниманіе на печальное положеніе крѣпостныхъ въ Прибалтійскомъ краѣ; затѣмъ, принявшись за свой Б. Наказъ, она предлагала въ немъ рядъ мѣръ къ ограниченію злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ: такъ, въ напечатанной редакціи Наказа предлагается опредѣлить закономъ размѣръ крестьянскихъ повинностей, признать право крестьянъ на собственность, предоставить имъ свободу заключенія браковъ. Новыя изслѣдованія вопроса (В. И. Семевскаго и Н. Д. Чечулина) даютъ намъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, что Наказъ въ своей первоначальной ненапечатанной редакціи шелъ еще далѣе этихъ мѣръ и предлагалъ: учрежденіе особыхъ сельскихъ судовъ для крестьянъ, опредѣленіе, по закону, размѣра выкупа крѣпостного на свободу (что на практикѣ вело, обыкновенно, къ большимъ злоупотребленіямъ); наконецъ, дарованіе свободы, по закону, семьѣ изнасилованной женщины и др. Уже этотъ одинъ фактъ о двухъ редакціяхъ Наказа ясно показываетъ, какъ колебалась теоретическая мысль императрицы при ея перенесеніи на практическую почву и какъ склонна она была къ уступкамъ въ своихъ освободительныхъ теоріяхъ подъ вліяніемъ какъ критики тогдашнихъ крѣпостниковъ (напр. Сумарокова, Бестужева-Рюмина и др.), такъ въ особенности подъ вліяніемъ разныхъ соображеній о неудобствѣ рѣшительныхъ мѣръ противъ крѣпостного права, ввиду громаднаго большинства, дворянства, имъ несочувствующаго. У Екатерины II., столь либеральной въ своихъ мысляхъ, въ жизни не доставало мужества стать на защиту, если не освобожденія крѣпостныхъ, то, по крайней мѣрѣ, серьезнаго улучшенія ихъ быта, несмотря на то, что среди окружающихъ ее были люди, сочувствующіе этому улучшенію (напр. гр. П. И. Панинъ, гр. Гр. Гр. Орловъ, гр. Я. Сиверсъ, гр. Р. Воронцовъ, кн. Дм. Голицынъ и др.), не говоря уже о такихъ писателяхъ-публицистахъ, какъ Полѣновъ, Радищевъ и др., — или о такихъ депутатахъ Комиссіи 1767 года, какъ Коробьинъ, Козельскій и др. Это колебаніе и произвело то, что, возбудивъ въ обществѣ большое вниманіе къ положенію

крестьянъ (какъ своимъ Наказомъ, такъ и особенно знаменитою своею темою сочиненія по крестьянскому вопросу[1]), заданною ею Вольному Экономическому Обществу), Екатерина II, какъ законодательница, нетолько очень мало сдѣлала для крестьянства, но и ухудшила его положеніе, какъ строгимъ запрещеніемъ жалобъ на помѣщиковъ со стороны крестьянъ, такъ и дозволеніемъ въ 1765 году помѣщикамъ нетолько ссылать крѣпостныхъ на поселеніе за „продерзостное состояніе“ (какъ это было разрѣшено при имп. Елисаветѣ), но даже и на каторгу (не говоримъ уже о неумѣренной раздачѣ казенныхъ крестьянъ въ частную собственность). Такимъ образомъ заслуга Екатерины въ крестьянскомъ вопросѣ именно состоитъ въ этомъ возбужденіи вниманія общества къ крѣпостному крестьянству. Посмотримъ теперь, что-же именно было высказано обществомъ по этому основному вопросу нашей исторіи, какъ въ литературѣ, такъ и въ засѣданіяхъ знаменитой Екатерининской Комиссіи. Намъ невозможно передать здѣсь, конечно, всего того богатаго матеріала, какимъ владѣетъ уже теперь по этому вопросу исторія права и потому остается только кратко резюмировать основныя требованія, исходившія изъ разныхъ общественныхъ круговъ.

Еще до подачи отвѣтовъ на вышеуказанную тему, Екатерина II слышала голоса о необходимости извѣстныхъ улучшеній въ положеніи крестьянъ. Такъ, князь Дм. А. Голицынъ предлагалъ учредить особые передвижные суды для принятія жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, а также признать право собственности крестьянъ на движимость (впослѣдствіи онъ-же высказался за личную безземельную свободу крестьянъ); извѣстный гр. П. И. Панинъ предлагалъ опредѣлить размѣръ крестьянскихъ повинностей. Не было недостатка и въ другихъ мѣрахъ улучшенія, хотя въ то же время слышались голоса и противъ всякаго ограниченія крѣпостного права. Но, какъ мы сказали, особенное возбужденіе получилъ вопросъ, когда въ 1767 и 1768 гг. стали появляться отвѣты на предложенную тему. Изъ русскихъ отвѣтовъ обра-

1) Въ 1766 году неизвѣстный авторъ, сначала неузнанный и скрывшій свое имя подъ иниціалами „И. Е.“, предложилъ обществу обсудить такую тему: въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатывалъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или другое, для пользы международной, имѣть можетъ“. Въ отвѣтъ на эту тему было подано 162 сочиненія на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, давшихъ большой толчекъ теоретическому обсужденію вопроса о крѣпостномъ правѣ (Подробный разборъ ихъ см. у В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ“ и пр., т. I, гл. V—VI). Къ заявленію неизвѣстнаго автора о разработкѣ темы была приложена тысяча червонцевъ.

щаетъ на себя особенное вниманіе сочиненіе А. Я. Полѣнова, недопущенное, однако, комиссіею В. Эк. Общества къ напечатанію, главнымъ образомъ потому, что оно содержало въ себѣ „многія, надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“, касавшіяся преимущественно критики существовавшихъ тогда отношеній между помѣщиками и крестьянами. Полѣновъ въ своемъ сочиненіи также предлагалъ рядъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ (предоставленіе земли въ наслѣдственное пользованіе, а движимости въ собственность; опредѣленіе повинностей и размѣра выкупа; запрещеніе продажи крестьянъ безъ земли и т. д.), причемъ ставилъ, впрочемъ, эти мѣры болѣе въ зависимость отъ доброй воли помѣщиковъ, чѣмъ отъ требованій закона. Изъ сочиненій французскихъ авторовъ обращали на себя вниманіе — сочиненіе Беарде-де-Лабея, предлагавшаго даровать сначала крестьянамъ личную свободу и право на движимость, а затѣмъ дать имъ небольшое количество земли въ надѣлъ, и особенно — сочиненіе Граслена, который считалъ крѣпостное состояніе извращеніемъ естественнаго порядка вещей и находилъ, что земля должна быть въ пользованіи того, кто ее обрабатываетъ. Вообще-же французскіе и нѣмецкіе писатели больше стояли за личное освобожденіе крестьянъ, причемъ думали, что и этому освобожденію должно предшествовать извѣстное образованіе народа, какъ подготовительная ступень къ его освобожденію. Наряду съ этимъ теоретическимъ обсужденіемъ вопроса, въ засѣданіяхъ Комиссіи депутатовъ, созванной для составленія новаго Уложенія, тотъ-же вопросъ былъ поставленъ практически, во время преній, извѣстнымъ депутатомъ Козловскаго дворянства Коробьинымъ. Послѣдній требовалъ опредѣленія по закону крестьянскихъ повинностей и признанія за крестьянами права собственности на движимость. Какъ ни умѣрены были эти требованія, опредѣленія коихъ по закону составляло истинную потребность XVIII вѣка, однако, они возбудили цѣлую бурю противъ Коробьина со стороны дворянскихъ депутатовъ, а именно кн. Щербатова, Чаадаева, Лопухина и др. Послѣ цѣлаго мѣсяца преній, Б. Комиссія, не придя ни къ какому рѣшенію и даже не голосовавъ вопроса, сдала его въ частную комиссію „о разборѣ родовъ государственныхъ жителей“, гдѣ между прочимъ обсуждался вопросъ о предоставленіи помѣщикамъ права освобожденія крестьянъ лично безъ земли. Но ни этотъ вопросъ, ни указанное предложеніе Коробьина, вовсе не нашли себѣ сочувствія дворянъ и потому остались безъ послѣдствій. Вообще Большая Комиссія, какъ и ея отдѣлы, ревниво стали на защиту крѣпостного права и съ большой энергіею отражали всѣ

проекты, какъ къ ограниченію его, такъ и къ распространенію на другіе классы права владѣнія крѣпостными (о чемъ просили депутаты отъ купцовъ, казаковъ и др.[1]). Въ результатѣ возбужденіе вопроса о крѣпостномъ правѣ, какъ въ В. Эк. Обществѣ, такъ и въ означенной Комиссіи, не привело ни къ какимъ полезнымъ практически послѣдствіямъ. Но общественная мысль, однако, была возбуждена и отчасти подъ вліяніемъ этого возбужденія, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ пугачевщины — когда вновь вопросъ о крѣпостномъ правѣ заставилъ задуматься о себѣ многихъ — продолжали появляться какъ сочиненія, обличавшія злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, такъ и проекты, клонившіеся къ улучшенію крестьянскаго быта. Таковъ проектъ гр. Сиверса объ ограниченіи права помѣщиковъ на наказаніе крестьянъ, на вмѣшательство въ браки и т. п. Таковы статьи сатирическихъ журналовъ того времени, комедіи Фонвизина, Княжнина, самой Екатерины II. Изъ сочиненій по вопросу обращали на себя особенное вниманіе сочиненія Болтина (1778 г.) и Радищева (1790 г.). Первый, хотя и держался мнѣнія, что просвѣщеніе должно предшествовать освобожденію, но стоялъ за ограниченіе злоупотребленій помѣщиковъ и былъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Второй, въ своемъ знаменитомъ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ рѣзко и многообразно обличалъ всѣ отрицательныя стороны крѣпостного состоянія въ его время, требовалъ немедленныхъ улучшеній (запрещенія переводить крестьянъ въ дворовые, опредѣленія права крестьянской собственности, браковъ безъ согласія помѣщика и др.), которыя-бы должны были постепенно привести къ освобожденію крестьянъ и при томъ непремѣнно съ землею; въ сильныхъ выраженіяхъ указывалъ, наконецъ, на опасность сохраненія крѣпостнаго права[2]). Вообще Екатерининское царст-

1) Вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ Б. Комиссіи подробно изслѣдованъ нынѣ А. В. Флоровскимъ въ сочиненіи „Изъ исторіи Екатерининской Комиссіи 1767 г.“ (Одесса, 1910 г.). Въ XVIII в. неоднократно издавались указы, запрещавшіе покупку крестьянъ купцами и людьми, состоявшими въ подушномъ окладѣ.

2) „Не вѣдаете-ли, любезные наши сограждане, коликая намъ предстоитъ гибель, въ коликой мы вращаемся опасности . . . Потокъ, загражденный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ оплотъ единажды, ни что уже въ развитіи его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братья наши, въ узахъ нами содержанные. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ. И се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечъ и отраву. Смерть и пожиганіе намъ будетъ посулъ за нашу суровость и безчеловѣчіе“ . . . („Путешествіе“ и пр. Полное Собраніе сочиненій А. Н. Радищева СПБ., 1907 г. томъ I, стр. 154).

вованіе должно остаться памятнымъ въ исторіи вопроса именно указанною своею стороною.

Вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованія Александра I и Николая I.

Кратковременное царствованіе императора Павла I не ознаменовалось никакими проектами или изслѣдованіями крестьянскаго вопроса. Вступленіе на престолъ Александра I, взволновавъ общество надеждами на реформы, вызвало вновь оживленіе интереса къ крѣпостнымъ, какъ въ окружающихъ государя лицахъ, такъ и въ литературѣ. Уже въ началѣ царствованія своего, Александръ I постановилъ, какъ мы говорили, прекратить пожалованіе населенныхъ имѣній; затѣмъ былъ поставленъ на очередь вопросъ о непродажѣ крестьянъ безъ земли, хотя, впрочемъ, этотъ вопросъ и не получилъ тогда разрѣшенія; наконецъ, въ 1803 г. явился знаменитый указъ „о вольныхъ хлѣбопашцахъ“, отъ котораго ожидали тогда очень много благихъ послѣдствій и которымъ осуществлялась въ законѣ мысль гр. Румянцева о дозволеніи помѣщикамъ отпускать крестьянъ на волю непремѣнно съ землею. Указъ представлялъ помѣщикамъ право заключать съ крестьянами договоры объ отпущеніи ихъ на волю съ землею, или за извѣстный выкупъ, вносимый при отпущеніи, или — въ случаѣ разсрочки платы на извѣстные сроки — за исполненіе крестьянами опредѣленныхъ повинностей и взноса оброка деньгами. Послѣдній случай, когда крестьяне, навсегда оставаясь на землѣ помѣщика, обязаны были нести для него опредѣленныя повинности и оброки, интересенъ потому, что онъ особенно выдвигалъ идею крѣпости крестьянина землѣ, а не лицу помѣщика. Вообще, хотя этотъ законъ не имѣлъ никакого принудительнаго значенія для помѣщиковъ и на практикѣ привелъ лишь къ незначительнымъ результатамъ, — такъ какъ, благодаря ему, получило свободу всего лишь около 50-ти тысячъ душъ мужскаго пола — идея освобожденія крестьянъ съ землею, положенная въ его основаніе, очень благотворно подѣйствовала на постановку вопроса нетолько въ будущемъ, но и въ царствованіе самаго Александра I, заграждая помѣщикамъ путь къ массовому безземельному отпущенію крестьянъ на волю. Безземельное освобожденіе крестьянъ, совершенное въ 1816 и 1818 гг. въ Остзейскомъ краѣ, къ счастію, находило у насъ достаточно порицателей себѣ какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, почему и не было предпринято. Вообще литература и общество внесли много оживленія и интереса къ изученію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Въ 1812 г. вопросъ о крѣпостномъ правѣ, благодаря темѣ, заданной Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, былъ поставленъ на новую и при томъ очень

понятную для дворянъ-помѣщиковъ точку зрѣнія. А именно, тема указаннаго Общества предлагала обсудить вопросъ о томъ, какой трудъ выгоднѣе экономически — крѣпостной, или вольнонаемный, и такимъ образомъ рѣшить, не будетъ-ли удобнѣе для самихъ помѣщиковъ освободиться отъ крѣпостныхъ работниковъ. Отвѣты въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, получались, хотя, впрочемъ, были и противоположныя мнѣнія. Но мысль этою темою была заложена въ сознаніе многихъ и впослѣдствіи часто развивалась.

Говоря о крестьянскомъ вопросѣ въ царствованіе Александра I, нельзя не отмѣтить одной особенности въ его постановкѣ. Въ первую половину этого царствованія, окружавшіе государя люди (Новосильцевъ, гр. Строгановъ, позднѣе — Сперанскій и др.), равно какъ и представители общества, стали выдвигать на первый планъ вопросъ о коренномъ переустройствѣ государства на конституціонныхъ началахъ. Особенно широко это переустройство было предположено осуществить въ извѣстномъ „планѣ всеобщаго государственнаго образованія“, или въ „проектѣ уложенія государственныхъ законовъ“ Сперанскаго. Увлеченіе политическими реформами, естественно, затрудняло рѣшеніе вопроса о крѣпостныхъ крестьянахъ, такъ какъ, — по мнѣнію однихъ изъ этихъ реформаторовъ — освобожденію крестьянъ должно было предшествовать переустройство государства, по другимъ — крестьянская реформа должно была итти впереди политической реформы, и, наконецъ, по мнѣнію третьихъ — незыблемость государственнаго строя должна была стоять въ связи съ неприкосновенностью крѣпостного права. Странная связь этихъ, столь различныхъ другъ отъ друга, вопросовъ тормазила разрѣшеніе перваго, разбивая лучшія общественныя силы на партіи и внушая взаимное недовѣріе и враждебность къ мнѣніямъ другъ друга. Возьмемъ для характеристики сказанныхъ мнѣній наиболѣе, на нашъ взглядъ, важныя. Такъ, Сперанскій составилъ свой планъ преобразованія на началѣ представительства, осуществленнаго въ органахъ законодательства, администраціи и суда. Въ увлеченіи политическою стороною своихъ реформъ, Сперанскій, — хотя и признавалъ, что цивилизованное государство не можетъ терпѣть рабскаго состоянія народныхъ массъ — однако, стоялъ за необходимость постепеннаго уничтоженія крѣпостного права. Энергично возражая противъ проектовъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, противъ подушной подати, противъ произвола помѣщиковъ въ дѣлѣ суда надъ крестьянами, требуя опредѣленія правъ крестьянъ на землю и пр., Сперанскій главный базисъ своей реформы видѣлъ, однако, въ установленіи представительныхъ учрежденій, забывая, какое важное значеніе должна была имѣть

самодержавная сильная власть для уничтоженія крѣпостного права. Поэтому между теоріями реформъ, возникавшими въ это время, большаго общественнаго значенія заслуживаютъ, на нашъ взглядъ, тѣ, гдѣ первое мѣсто отводилось именно крестьянскому вопросу. Лучшимъ представителемъ этого рода теорій надо назвать въ царствованія Александра I и Николая I — Н. И. Тургенева, автора извѣстныхъ сочиненій: „Опытъ теоріи налоговъ“ (издано въ 1818 г.) и „Россія и русскіе“ („La Russie et les Russes“, издано въ 1847 г. за границею, черезъ два года послѣ смерти автора). Если въ первомъ сочиненіи содержатся только немногія указанія на необходимость отмѣны крѣпостного права, причемъ доказывается, что экономическому благосостоянію Россіи мѣшаетъ именно существованіе „рабства“, то второй томъ и часть 3-го тома второго его сочиненія содержатъ въ себѣ нетолько описаніе быта и общаго положенія крѣпостныхъ того времени, но и развиваютъ серьезный планъ реформы освобожденія крестьянъ. Написанное пофранцузски, это сочиненіе едва ли не впервые безпристрастно и глубоко ознакомило Зап. Европу съ нашимъ крестьянскимъ вопросомъ, причемъ авторъ съ справедливостью доказалъ всѣмъ, что положеніе нашимъ крѣпостныхъ всегда было лучше, чѣмъ положеніе таковыхъ-же въ Германіи или Польшѣ. Основная мысль его плана — немедленное, личное освобожденіе крестьянъ, съ отдачею имъ лишь усадебныхъ земель. Впрочемъ, онъ, въ принципѣ, не противъ отдачи крестьянамъ надѣла изъ пашни и сѣнокоса, и притомъ безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ, но онъ боится, что это слишкомъ осложнитъ и затянетъ разрѣшеніе вопроса совершенно уже назрѣвшаго, а потому совѣтуетъ предоставить вопросъ о земельныхъ надѣлахъ времени, памятуя, однако, что „личное освобожденіе предпочтительно только по гораздо большей легкости его выполненія“, но, что вообще „для Россіи освобожденіе съ землею имѣетъ даже особенную важность“. Если такимъ образомъ у Н. И. Тургенева горячее желаніе скорѣе заживить старую, наболѣвшую язву нашей тогдашней жизни и вызываетъ рѣшеніе начать съ освобожденія личнаго (чего, къ счастію, не случалось у насъ, да и въ то время вызывало уже возраженія), то, съ другой стороны, это рѣшеніе о необходимости освобожденія обставлено у него такими доводами, что книга его сослужила большую пользу идеѣ освобожденія. Особенно обращаетъ на себя вниманіе другая мысль автора, а именно мысль о томъ, что „непозволительно думать о политической свободѣ“ тамъ, гдѣ крестьяне „не знаютъ простой человѣческой свободы“. Съ исключитель-

ною цѣлью больше укрѣпить и распространить эту мысль, Н. И. Тургеневъ вступилъ въ извѣстное общество, называвшееся „Союзомъ благоденствія“, уставъ котораго, хотя и ставилъ своимъ членамъ въ обязанность борьбу съ злоупотребленіями крѣпостнаго права, однако, не говорилъ прямо объ освобожденіи, а выдвигалъ на первый планъ реформу политическую. Тургеневъ и вступилъ въ общество только потому, что хотѣлъ обратить вниманіе его членовъ на мѣры, во первыхъ, направленныя на то, чтобъ „ослабить крѣпостное право, а затѣмъ чтобъ содѣйствовать его уничтоженію“. Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ „La Russie et les Russes“, что, по его убѣжденію, у насъ „всѣ вопросы подчинены вопросу объ освобожденіи крестьянъ“ и что онъ считаетъ крѣпостное право „самымъ большимъ зломъ, требующимъ самаго быстраго леченія“. Въ указанномъ обществѣ онъ часто увлекался, по его словамъ, „до проповѣди о выгодахъ, представляемыхъ неограниченною властью въ странѣ, гдѣ существуетъ крѣпостное право“. Наконецъ, для всесторонняго понятія о мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Александра I, необходимо указать еще на одно изъ многихъ мнѣній, въ которомъ отвергалась, наряду съ политическою реформою, тякже и необходимость освобожденія крестьянъ, а признавалась лишь потребность въ искорененіи злоупотребленій этимъ правомъ. Таково, напр., мнѣніе извѣстнаго В. Н. Каразина, энергіи котораго обязанъ своимъ основаніемъ Харьковскій Университетъ. Изыскивая очень серьезно средства сдѣлать власть помѣщика „безвредною“ для крестьянъ, Каразинъ считалъ, однако, ее необходимою въ государственныхъ интересахъ: „помѣщика разумѣю я“, говоритъ Каразинъ, „наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому верховная власть, давъ землю для поселенія, черезъ то ввѣрила ему попеченіе о людяхъ (поселянахъ) . . . Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ . . . Онъ есть ихъ генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ“ (или „наслѣдственный полицеймейстеръ государства“, какъ онъ еще выражается въ другомъ мѣстѣ). Считая крѣпостное право необходимымъ у насъ, Каразинъ, однако, стоялъ за ограниченіе по закону произвола помѣщиковъ, а главное — энергично протестовалъ противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, проекты котораго тогда возникали.

Таковы были важнѣйшія теченія общественной мысли въ крестьянскомъ вопросѣ при Александрѣ I. Политика и государственныя реформы, войны и другія внѣшнія предпріятія, въ связи съ равнодушіемъ дворянства къ вопросу, произвели въ концѣ концовъ то, что общаго практическаго значенія, для ослабленія крѣпостного права, всѣ эти мысли почти не имѣли

(за указанными уже раньше смягченіями его) и служили лишь подготовленіемъ почвы для разрѣшенія вопроса въ будущемъ.

Перейдемъ теперь къ царствованію императора Николая I. Не подлежитъ сомнѣнію, что Николай I во все свое царствованіе весьма серьезно и внимательно относился къ крестьянскому вопросу, желая подготовить, на сколько возможно лучше, окончательное его рѣшеніе и тѣмъ передать дѣло своему сыну, „съ возможнымъ“, какъ говорилъ самъ государь, „облегченіемъ при исполненіи“. Въ его царствованіе послѣдовательно работало надъ крестьянскимъ дѣломъ девять особыхъ секретныхъ комитетовъ; самъ императоръ собиралъ постоянно матеріалъ для изученія крѣпостного права, задумывая самолично „вести“, какъ онъ выражался въ разговорѣ съ знаменитымъ гр. Киселевымъ, „процессъ противъ рабства, когда наступитъ время освобожденія крестьянъ во всей имперіи“. Однако, потому ли, что государь считалъ, что это время все еще не наступило, потому ли, — что — не говоря уже объ освобожденіи — даже вопросъ „о преобразованіи крѣпостного права“ находилъ себѣ мало сочувствія въ дворянствѣ и въ окружающихъ императора, но государь дѣйствовалъ въ этомъ вопросѣ довольно нерѣшительно. Не касаясь работъ всѣхъ указанныхъ выше комитетовъ, остановимся кратко лишь на дѣятельности комитета 1839 г., дѣятельности интересной потому, что здѣсь, по настоянію гр. Киселева, была вновь сдѣлана попытка поставить разрѣшеніе крестьянскаго вопроса на путь добровольнаго соглашенія помѣщиковъ съ ихъ крѣпостными. Въ результатѣ явился извѣстный указъ 1842 г. о такъ наз. „обязанныхъ крестьянахъ: въ немъ устанавливались условія, на которыхъ крѣпостные могли переходить въ разрядъ „обязанныхъ крестьянъ“, по договору съ помѣщикомъ, съ уплатою за землю разъ навсегда опредѣленнаго оброка. Въ царствованіе Николая I перешло въ разрядъ обязанныхъ крестьянъ едва 25 тысячъ человѣкъ, что служитъ наглядным доказательствомъ трудности рѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянъ путемъ полюбовнаго соглашенія. Изъ другихъ постановленій комитетовъ можно указать на запрещеніе въ 1843 г. покупать крестьянъ безъ земли, на запрещеніе въ 1847 г. отнимать у крѣпостныхъ движимое имущество и на дозволеніе въ 1848 г. крестьянамъ покупать на свое имя, съ согласія помѣщиковъ, недвижимости. Если вообще въ царствованіе Николая I дѣло улучшенія быта крѣпостныхъ подвигалось впередъ довольно медленно, то въ этомъ отношеніи отрадное исключеніе представляло введеніе въ 1844 г. такъ называемыхъ „обязательныхъ инвентарей“ для крестьянъ Западныхъ губерній, предпринятое отчасти по мысли

того-же графа Киселева и затѣмъ нашедшее себѣ въ высшей степени энергическую поддержку въ генералъ-губернаторѣ края Д. Г. Бибиковѣ. Сущность реформы, въ немногихъ словахъ, состояла въ слѣдующемъ. Вся земля, находившаяся въ пользованіи крестьянъ и подробно описанная, вносилась въ особый инвентарь или опись имѣнія; за землю и угодья крестьяне должны были обработывать барщину по 3 дня въ недѣлю — мужчины и по одному — женщины, да, кромѣ того, помѣщикъ могъ нанимать ихъ еще на 12 дней въ году. Помимо этого, крестьянинъ не обязанъ былъ ни къ какимъ натуральнымъ или инымъ повинностямъ, если только „инвентарь“ не обѣщалъ крестьянину за это какихъ-либо дополнительныхъ, выше общаго размѣра, выгодъ. По нѣкоторымъ даннымъ надо заключить, что эта мѣра должна была служить лишь первымъ опытомъ и быть затѣмъ распространенной на другія мѣстности Россіи, но дѣло, однако, такъ и ограничилось этимъ опытомъ. Замѣтимъ еще, что при императорѣ Николаѣ I являются вновь попытки связать крѣпостное состояніе съ землею: такъ, законъ 15 февраля 1827 г. предписываетъ, чтобъ каждый крестьянинъ имѣлъ не менѣе $4^1/_2$ десятинъ земли на душу. Въ 1841 году было высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, по которому покупать крестьянъ можетъ только лицо, владѣющее уже населеннымъ имѣніемъ, къ которому покупаемые и должны быть приписаны; не дозволяется дѣлить семьи и т. д. Самъ составитель Свода Законовъ, Сперанскій, разсматривалъ, къ счастію, крѣпостное состояніе съ связи съ пользованіемъ крестьяниномъ той землею, на которой онъ сидитъ. Такъ, онъ говоритъ, что, „законное крѣпостное состояніе, въ существѣ своемъ, есть состояніе крестьянина, водвореннаго на землѣ помѣщичьей, съ потомственной и взаимной обязанностью: со стороны крестьянина — обращать въ пользу помѣщика половину рабочихъ силъ, со стороны помѣщика — надѣлять крестьянина такимъ количествомъ земли, на коей могъ бы онъ, употребляя остальную $^1/_2$ рабочихъ его силъ, трудами своими снискивать себѣ и своему семейству пропитаніе“.

Изъ мѣръ по отношенію къ крѣпостнымъ, нельзя не отмѣтить мѣры, коею запрещался пріемъ ихъ въ университеты и въ другія высшія учебныя заведенія[1]).

1) Такая мѣра предписывалась въ рескриптѣ на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 19 августа 1827 г., въ которомъ, между прочимъ, говорится, что до свѣдѣнія государя дошло, что „часто крѣпостные люди, изъ дворовыхъ и поселянъ, обучаются въ гимназіяхъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отъ сего происходитъ вредъ двоякій: съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ перво-

Коснемся кратко вопроса о литературѣ по крѣпостному праву въ царствованіе императора Николая I. Литература эта весьма велика и обильна громкими именами; она, несомнѣнно, оказала большое вліяніе на разрѣшеніе вопроса въ слѣдующее царствованіе, что объясняется и тѣмъ, что большая часть авторовъ, писавшихъ о крѣпостномъ правѣ при Николаѣ I, явилась при Александрѣ II дѣятелями по освобожденію крестьянъ, участвуя въ занятіяхъ различныхъ комитетовъ и комиссій, которые работали надъ этимъ освобожденіемъ[1]). Приведемъ нѣкоторые примѣры этой литературы. Въ статьяхъ Хомякова, Ю. Самарина и другихъ славянофиловъ очень умѣло и сильно защищалась необходимость общиннаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія; въ сочиненіяхъ гр. Канкрина, извѣстнаго министра финансовъ, какъ и въ сочиненіяхъ другихъ авторовъ, неопровержимо доказывалось, какой неисчислимый вредъ можетъ произойти для Россіи отъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ; въ статьяхъ Заблоцкаго-Десятовскаго причина частаго колебанія цѣнъ на хлѣбъ ставилась въ зависимость отъ особенностей подневольнаго хозяйства и отмѣчалось, что крѣпостной трудъ ниже, по своей производительности, и дороже, по своей стоимости, труда вольнаго; наконецъ, другими выставлялось требованіе о необходимости организовать крестьянскія учрежденія на началѣ самоуправленія, мірского устройства. Интересно при этомъ отмѣтить, что во многихъ трудахъ по крестьянскому вопросу въ царствованіе Николая I реформа ставилась шире, чѣмъ она осуществилась позднѣе въ дѣйствительности. Напр., извѣстный Кошелевъ доказывалъ, что нельзя допускать положенія крестьянъ временно-обязанныхъ и что необходимо полное освобожденіе крестьянъ; К. Аксаковъ, Герценъ и другіе находили, что земля должна быть, въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ, отдана крестьянамъ безвозмездно и т. д. Кромѣ историко-юридическихъ трудовъ, появлявшихся въ печати, отъ того-же времени осталось много проектовъ, большею частію ненапечатанныхъ, кото-

---

начальное воспитаніе у помѣщиковъ, или у родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища уже съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ, или черезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой, отличнѣйшіе изъ нихъ, по прилежности и успѣхамъ, пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, несоотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны и отъ того они нерѣдко въ унынiи предаются пагубнымъ мечтаніямъ, или низкимъ страстямъ". Указъ былъ потвержденъ въ 1837 г.

1) Подробный обзоръ литературы этой см. у В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи" и пр., т. II, главы IX—XVII.

рые подавались правительству какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми дворянскими обществами и въ которыхъ устанавливались основанія реформы, приведенныя частію позднѣе въ исполненіе. Въ общемъ, эта литература имѣла большое значеніе для теоретической разработки вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Паденіе крѣпостного права.

Переходимъ теперь къ послѣдней стадіи вопроса о крестьянахъ — паденію крѣпостного права. Какъ извѣстно, конецъ царствованія императора Николая I былъ ознаменованъ тяжелою крымскою кампаніею; только заключивъ въ 1856 г. миръ, Россія могла взяться за рѣшеніе важныхъ и назрѣвшихъ вопросовъ, касавшихся внутренней ея жизни. Послѣдовавшее, за заключеніемъ мира, первое десятилѣтіе царствованія императора Александра II принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ реформаторскимъ эпохамъ нашей исторіи; за 19 февралемъ 1861 г., днемъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ, послѣдовало 1 января 1864 г. — день введенія новыхъ земскихъ учрежденій; 20 ноября 1864 г. даны были знаменитые Судебные Уставы, уголовный и гражданскій, коими совершенно преобразовывался нашъ судъ; 16 іюня 1870 г. создано новое Городовое Положеніе; за ними слѣдовали другія важныя узаконенія. Естественно, что въ этомъ преобразовательномъ движеніи первое мѣсто, и по времени, и по значенію, должно было принадлежать крестьянскому вопросу, давно требовавшему нетолько своего возбужденія, но и разрѣшенія. Первый годъ царствованія новаго государя не принесъ, оффиціально, однако, ничего для возбужденія вопроса. Правда кн. Вас. Вас. Долгоруковъ (вице-президентъ Вольнаго Экономич. Общества), еще въ маѣ 1855 г. представилъ, для поднесенія государю, докладъ объ „изысканіяхъ относительно устройства сельскаго управленія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ“, гдѣ предлагалъ собирать (черезъ предводителей дворянства, а также черезъ посредство членовъ и корреспондентовъ самого общества) статистическія свѣдѣнія, объ управленіи помѣщиками своими имѣніями, но докладъ этотъ, разсмотрѣнный 14 іюня того-же рода Комитетомъ министровъ, не былъ утвержденъ, при чемъ было высказано то соображеніе, что собираніе статистическихъ свѣдѣній, съ высочайшаго соизволенія, „придало-бы этому дѣлу оффиціальный характеръ и могло бы возбудить неосновательныя толки о намѣреніяхъ правительства“ [1]). Однако, уже на второй годъ послѣ своего вступленія на престолъ, а именно въ мартѣ 1856 г., самъ императоръ Александръ II, пріѣхавъ въ

1) Объ этомъ докладѣ, какъ первой попыткѣ возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіи Александра II, см. у П. Б. Струве „Крѣпостное хозяйство“, стр. 288 и сл.

Москву обратился съ особою рѣчью къ представителямъ дворянства, въ которой отмѣтилъ,что не имѣетъ намѣренія уничтожить крѣпостное право немедленно, но что, однако, „существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ". „Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху", сказалъ при этомъ государь, „нежели дожидаться того времени, когда оно начнетъ само собою отмѣняться снизу". Эти слова не оставляли никакого сомнѣнія въ твердомъ намѣреніи государя покончить съ тяжелымъ наслѣдіемъ прошлаго путемъ общихъ законодательныхъ мѣропріятій; прошло, впрочемъ, еще слишкомъ 4 года упорнаго труда всякаго рода комитетовъ и борьбы общества за освобожденіе крестьянъ прежде, чѣмъ крѣпостное право пало. Уже въ началѣ 1857 г. императоръ лично открылъ засѣданіе особаго комитета по крестьянскому дѣлу, гдѣ, въ принципѣ, было вновь подтверждено о необходимости освобожденія крестьянъ, но освобожденія постепеннаго, безъ крутыхъ перемѣнъ. Въ то время, какъ въ обществѣ продолжали появляться проекты, относящіеся къ освобожденію крестьянъ, само правительство вело по этому предмету переговоры съ предводителями дворянства разныхъ губерній. Рѣшительный шагъ къ о ф ф и ц і а л ь н о м у движенію вопроса подало дворянство Сѣверо-западныхъ губерній, возбудившее ходатайство о примѣненіи къ названнымъ губерніямъ „Положенія о крестьянахъ Курляндской губерніи". Правительство не могло, однако, согласиться на это ходатайство, ввиду того главнымъ образомъ обстоятельства, что въ основѣ его лежало освобожденіе крестьянъ б е з ъ з е м л и, между тѣмъ какъ правительство желало „обезпеченія крестьянамъ прочной осѣдлости"; но, ходатайство это было важно потому, что позволяло, какъ-бы во исполненіе желаній самого дворянства, начать обсужденіе крестьянскаго вопроса. И вотъ 20 ноября 1857 г. послѣдовалъ на имя Виленскаго генералъ-губернатора высочайшій рескриптъ объ открытіи въ ввѣренныхъ ему губерніяхъ особыхъ комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ при чемъ въ рескриптѣ указывался и путь къ реформѣ, а именно за помѣщиками оставляется право собственности на всю землю, но крестьянамъ остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; имъ предоставляется право пользованія надлежащимъ количествомъ земли за оброкъ; изъ нихъ составляются сельскія общества, при чемъ помѣщикамъ предоставляется надъ ними право вотчинной полиціи. Въ общемъ, это было довольно нерѣшительное начало дѣла, но во всякомъ случаѣ -- начало, такъ какъ затѣмъ правительство поспѣшило распространить его на другія губерніи, начальники которыхъ получили также предписанія открыть об-

сужденіе вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, если помѣщики этого пожелаютъ. И, дѣйствительно, такое желаніе было высказано въ 1858 г. дворянствомъ отдѣльныхъ губерній, какъ напр., губерній Петербургской, Нижегородской, Московской и др. Въ обществѣ это открытіе губернскихъ комитетовъ, — хотя они еще созывались оффиціально только для улучшенія быта крестьянъ, а не для ихъ освобожденія, — произвело громадное впечатлѣніе, такъ какъ всѣ поняли, что дѣло должно будетъ теперь итти впередъ и дойти до желаемаго аболиціонистами конца, несмотря на сильную партію среди дворянства, хотѣвшую сохраненія крѣпостного права. Цвѣтъ русской интеллигенціи того времени въ обширныхъ проектахъ, продолжавшихъ появляться, въ рѣчахъ, лекціяхъ и т. д. не останавливался на улучшеніи быта крестьянъ — въ какомъ-бы видѣ это улучшеніе ни предполагалось, — а шелъ дальше, предлагая немедленно освободить крестьянъ, и при томъ освободить съ землею, дать имъ самоуправленіе, сложить ихъ въ земельныя общины. Губернскіе комитеты довольно скоро отвѣтили правительству на вопросъ о мѣрахъ улучшенія быта крестьянъ; затѣмъ всѣ эти отвѣты поступили на обсужденіе главнаго комитета. Въ январѣ 1859 года Я. И. Ростовцевымъ было предложено учредить особыя редакціонныя комиссіи для составленія сводовъ проектированныхъ губернскими комитетами „Положеній“ о крестьянахъ. Первоначально такихъ комиссій было образовано 2, при чемъ одна должна была выработать проекты общихъ „Положеній“ для всей имперіи, а другая — проекты мѣстныхъ „Положеній“, которыя должны были примѣняться въ отдѣльныхъ частяхъ государства, сообразно съ ихъ особыми условіями: затѣмъ къ этимъ комиссіямъ была прибавлена третья, финансовая. Предсѣдательство въ комиссіяхъ было поручено государемъ Я. И. Ростовцеву, человѣку, искренно преданному дѣлу освобожденія крестьянъ и отлично понимавшему важность момента, когда „въ Россіи“ — какъ онъ самъ писалъ — „создавался государемъ народъ, котораго доселѣ въ отечествѣ нашемъ не существовало“. Первыя двѣ редакціонныя комиссіи распались на 3 отдѣленія: 1) юридическое, „которое должно было опредѣлить размѣръ правъ и обязанностей какъ крестьянъ, такъ и дворовыхъ людей, а равно и поземельныя права помѣщиковъ“; 2) административное, задачею коего было устройство какъ крестьянскихъ обществъ, такъ и отношеній ихъ къ помѣщикамъ и мѣстнымъ властямъ и 3) хозяйственное, которое должно было опредѣлить поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; наконецъ, на обязанности финансовой комиссіи лежало разсмотрѣніе предположеній о финан-

совыхъ мѣрахъ правительства къ облегченію крестьянамъ выкупа ихъ земельныхъ угодій. Громадною заслугою Я. И. Ростовцева было приглашеніе въ эти комиссіи наиболѣе выдающихся людей того времени, какъ, напр., Н. А. Милютина, Ю. Ѳ. Самарина, Н. В. Калачева, В. А. Черкасскаго и другихъ лицъ изъ числа членовъ губернскихъ комитетовъ, сочувствовавшихъ дѣлу освобожденія[1]). Разсмотрѣвъ проекты дворянства отдѣльныхъ губерній, нужно было составить Общее Положеніе о крестьянахъ, создавъ изъ крѣпостныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, составляющихъ особыя общества, съ мірскимъ управленіемъ и общиннымъ землевладѣніемъ. Едва комиссіи организовались и начали свою трудную и сложную работу, какъ потеряли своего предсѣдателя Я. И. Ростовцева, скончавшагося 7 февраля 1860 г. Мѣсто его занялъ министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ, человѣкъ менѣе Ростовцева расположенный къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ. Дѣло, впрочемъ, отъ этого назначенія не остановилось, какъ первоначально опасались, такъ какъ новый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій былъ назначенъ подъ условіемъ не дѣлать никакихъ измѣненій ни въ ходѣ дѣла, ни въ личномъ составѣ комиссій, что, между прочимъ, указываетъ, — въ связи съ другими данными, — на то, что воля государя покончить съ вопросомъ была непреклонна, несмотря на множество лицъ высшаго дворянства, этому окончанію несочувствовавшихъ. Уже въ сентябрѣ 1860 г. комиссіи кончили свои работы и приступили къ составленію Общаго Положенія о крестьянахъ; затѣмъ это общее Положеніе поступило на разсмотрѣніе Главнаго Комитета, гдѣ началось его чтеніе 10 октября 1860 г., подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, который съ большою энергіею принялся за дѣло и почти ежедневно назначалъ засѣданія для обсужденія отдѣльныхъ частей названнаго Положенія. Въ январѣ 1861 г. обсужденіе было кончено и затѣмъ журналъ Главнаго Комитета поступилъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ чтеніе и обсужденіе законопроекта началось 28 января подъ предсѣдательствомъ самого государя, открывшаго засѣданіе Совѣта особою рѣчью. „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ“, — сказалъ, между прочимъ, императоръ Александръ Николаевичъ, — „которое поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, по важности своей, Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, гг., столько-же убѣждены, какъ и Я, въ пользѣ и

1) Характеристика важнѣйшихъ дѣятелей реформы 19 февраля 1861 г. дается въ книгѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“ (М. 1911 г., изданіе „Научнаго Слова“).

необходимости этой мѣры. У Меня есть еще и другое убѣжденіе, а именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ Государственнаго Совѣта, чтобъ оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ". . . Воля государя была въ точности исполнена, 16 февраля уже было окончено разсмотрѣніе законопроекта о крестьянахъ, 19 февраля 1861 г. былъ подписанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, а 5 марта впервые прочитанъ во всѣхъ церквахъ имперіи. Правила „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости"[1]), были затѣмъ въ 1866 г. распространены на государственныхъ крестьянъ. Сложность новаго устройства крестьянскаго сословія потребовала цѣлый рядъ мѣръ для приведенія реформы въ исполненіе. Манифестъ 19 февраля 1861 г. „для правильнаго достиженія" всего предположеннаго повелѣвалъ: 1) открыть въ каждой губерніи „Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе", которому ввѣрялось „высшее завѣдываніе дѣлами крестьянскихъ общества, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ; 2) для разсмотрѣнія на мѣстахъ недоразумѣній, могущихъ возникнуть при исполненіи новыхъ положеній, назначить въ уѣздахъ Мировыхъ посредниковъ и образовать изъ нихъ Уѣздные мировые съѣзды. 3) образовать въ помѣщичьихъ имѣніяхъ мірскія управленія, для чего, оставляя сельскія обществъ въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, открыть въ значительныхъ селеніяхъ волостныя управленія, а мелкія сельскія общества соединить подъ одно волостное управленіе; 4) составить, провѣрить и утвердить по каждому сельскому обществу, или имѣнію, уставную грамоту, въ которой будетъ исчислено, на основаніи Мѣстнаго Положенія[2]) количество земли, предоставляемой крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и размѣръ повинностей, причитающихся съ нихъ въ пользу помѣщика, какъ за землю, такъ и за другія отъ него выгоды; 5) уставныя грамоты приводить въ исполненіе по мѣрѣ утвержденія ихъ для каждаго имѣнія, а окончательно по всѣмъ имѣніямъ ввести въ теченіи двухъ лѣтъ, со дня изданія манифеста; 6) до истеченія сего срока, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безприко-

1) О немъ см. сочиненіе В. Евреинова „Крестьянское дѣло по Положенію 19 февраля 1861 г. Историческій очеркъ". С.-П., 1913 г., т. I—III.

2) Помимо общаго „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости" манифестъ 19 февр. 1861 г. устанавливалъ рядъ особыхъ Мѣстныхъ Положеній. Такъ „Мѣстныя Положенія" создавались для 34 губерній Великорусскихъ, Новороссійскихъ и Бѣлорусскихъ, для губерній Малорусскихъ и нѣкоторыхъ другихъ.

словно исполнять прежнія ихъ обязанности и, наконецъ, 7) помѣщикамъ сохранить наблюденіе за порядкомъ въ ихъ имѣніяхъ, съ правомъ суда и расправы, впередь до образованія волостей и открытія волостныхъ судовъ".

Въ немногихъ словахъ, великая крестьянская реформа, по „Положенію" сводилась къ слѣдующему. Крестьяне освобождались съ землею, количество коей, поступавшее въ ихъ „постоянное пользованіе", опредѣлялось „Мѣстными Положеніями". Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, обязаны были, за отведенный имъ надѣлъ земли, отбывать, въ пользу помѣщиковъ, опредѣленныя въ „Мѣстныхъ Положеніяхъ" повинности работою или деньгами; пока они не пріобрѣли земли (съ помощью правительства) въ собственность, они именовались временно-обязанными крестьянами (по пріобрѣтеніи-же ея въ собственность—крестьянами собственниками). Крестьяне должны пользоваться землею на общинномъ правѣ, при чемъ право на участіе въ общемъ владѣніи каждый крестьянинъ можетъ уступать постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія міра. Въ наслѣдованіи имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями. Крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, объединяются въ сельскія общества и волости. Сельское общество есть общество крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика (если крестьянъ было болѣе 20-ти душъ; если менѣе — то на земляхъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, близъ лежащихъ имѣній). Волости образуются изъ состоящихъ въ одномъ уѣздѣ, по возможности, смежныхъ, сельскихъ обществъ; волость состоитъ неменѣе, какъ изъ 300 и неболѣе, чѣмъ изъ 2 тысячъ ревизскихъ душъ мужескаго пола. Сельское общественное управленіе составляетъ сельскій сходъ и сельскій староста, причемъ общества эти могутъ, въ случаѣ нужды, имѣть особыхъ сборщиковъ податей, смотрителей училищъ, больницъ и т. п. Сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ и выборныхъ должностныхъ лицъ; онъ завѣдуетъ всѣми мірскими дѣлами (выборами, увольненіями и и пріемами въ сельское общество, удаленіями изъ него вредныхъ и порочныхъ лицъ, дѣлами, относящимися до общиннаго пользованія мірскою землею, назначеніемъ сборовъ на мірскіе расходы, раскладкою всякихъ сборовъ и повинностей, учетомъ должностныхъ лицъ и т. п.). Дѣла рѣшаются, или съ общаго согласія, или большинствомъ голосовъ, при чемъ для важнѣйшихъ дѣлъ требуется согласіе не менѣе $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Сельскій староста созываетъ и распускаетъ сельскій сходъ, охраняетъ на немъ порядокъ, при-

водитъ въ исполненіе его приговоры, а равно и распоряженія волостнаго управленія и мировыхъ учрежденій и т. п.; онъ имѣетъ право назначать на общественныя работы, или подвергать аресту до 28 дней, либо штрафу до 1 рубля лицъ, принадлежащихъ къ обществу, за маловажные проступки. Волостное управленіе составляютъ: 1) волостной сходъ, въ который входятъ, кромѣ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, выборные отъ каждаго изъ 10-ти дворовъ, 2) волостной старшина, съ волостнымъ правленіемъ и 3) волостной крестьянскій судъ. Компетенція его относится ко всѣмъ хозяйственнымъ и общественнымъ дѣламъ цѣлой волости; жалобы на его рѣшенія приносятся, черезъ мирового посредника, Мировому съѣзду. Волостной старшина является по отношенію къ волости тѣмъ, чѣмъ сельскій староста по отношенію къ сельскому обществу и лицамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи сельскаго управленія; онъ подвергаетъ ихъ взысканіямъ въ тѣхъ-же размѣрахъ, какъ и староста. Волостное управленіе состоитъ изъ волостнаго старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ и изъ сборщиковъ податей. Его рѣшенію подлежитъ: производство расходовъ денежныхъ суммъ, утвержденныхъ волостнымъ сходомъ, продажа крестьянскаго частнаго имущества по разнаго рода взысканіямъ, опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму.

Волостной судъ избирается, въ составѣ отъ 4 до 12 очередныхъ судей, ежегодно волостнымъ сходомъ и вѣдаетъ всѣ споры и тяжбы между крестьянами, а равно и дѣла „по маловажнымъ ихъ проступкамъ“; онъ можетъ приговаривать къ общественнымъ работамъ до 6 дней, къ аресту до 7 дней, къ штрафу до 30 рублей и къ тѣлесному наказанію розгами до 12-ти ударовъ (для лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ). Волостной староста на судѣ не присутствуетъ, судъ производится по обычаямъ.

Таковъ самый краткій очеркъ одной изъ величайшихъ реформъ новой исторіи нашей. Теперь, когда прошло слишкомъ 50 лѣтъ послѣ реформы, многое въ ней не выдержало испытанія суровой нашей жизни, многое уже притерпѣло коренное измѣненіе, или-же нуждается въ измѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи; но для своего времени „Положеніе о крестьянахъ“ было образцовымъ законодательнымъ трудомъ, подъятымъ его творцами съ полной и благоговѣйной вѣрою въ непреложную силу и важность тѣхъ принциповъ, какіе ими клались въ его основаніе, а именно — въ здравый смыслъ великаго русскаго народа, въ его способность къ мірскому самоуправленію и гражданскому развитію, какъ въ быту общественномъ, такъ и въ частномъ. Отсюда вытекало широкое, по закону, право самодѣятельности народа

на сельскомъ и волостномъ его сходахъ, а равно и допущеніе примѣненія народнаго обычнаго права въ волостныхъ судахъ; отсюда создалось убѣжденіе въ необходимости оберегать личность крестьянъ, какъ особаго, отдѣльнаго отъ другихъ, сословія, причемъ также вѣра въ способность крестьянъ къ общественной самодѣятельности устроила первоначально опеку надъ ними самымъ благожелательнымъ для народа способомъ (въ лицѣ мировыхъ посредниковъ и Мирового съѣзда).

II.

Государственное управленіе.

Глава I.

Центральное правленіе.

Коллегіи; понятіе; преимущество коллегіальнаго управленія передъ единоличнымъ, по объясненію „Духовнаго Регламента“.

Извѣстно, что органами по преимуществу административными при Петрѣ В. являлись Коллегіи, смѣнившія собою Московскіе Приказы [1]). Спутанность вѣдомства послѣднихъ, отсутствіе юридической опредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ, нѣкоторая административная неповоротливость въ дѣйствіяхъ, заставили Петра Великаго создать новыя учрежденія, всецѣло построенныя на началѣ коллегіальности. Коллегіальное начало считалось Петромъ В. и его сотрудниками великою панацеей противъ произвола и продажности, этихъ давнихъ золъ нашихъ учрежденій, ибо въ Коллегіяхъ, по мнѣнію Петра В., „президенты или предсѣдатели не

---

1) Литература вопроса, кромѣ общихъ курсовъ: А. Д. Градовскій „Высшая администрація XVIII вѣка и ген.-прокуроры“ (С.-П., 1866 г.); П. Н. Милюковъ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра В. (СП., 1892 г.) Э. Г. Берендсъ: „Нѣсколько словъ о коллегіяхъ Петра В. (Ярославль, 1896 г.); его-же „Опытъ системы административнаго права“ (Яр., 1898 г.), глава VI, и „О прошломъ и настоящемъ русской администраціи“ (С.-П., 1913 г.). По вопросу о преобразованіи Коллегій въ Министерства см. мои статьи „Историческій очеркъ образованія Министерствъ въ Россіи“ (Журналъ Министерства Юстиціи, 1902 г., №№ 9 и 10), гдѣ указывается также и литература предмета. Вопросъ о Коллегіяхъ въ ихъ отношеніяхъ къ Сенату см. въ „Исторіи Пр. Сената за двѣсти лѣтъ“, т. I и II (С.-П., 1911 г.).

такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли; въ Коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить“. . . Неудивительно поэтому, что Петръ I хотѣлъ видѣть начало это осуществленнымъ во всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, независимо отъ тѣхъ функцій, какія исполнялись этими учрежденіями, т. е. несмотря на то, были-ли это учрежденія законосовѣщательнаго, административнаго или судебнаго характера. Поэтому, всѣ Петровскія учрежденія можно называть Коллегіями, принимая во вниманіе тотъ принципъ, на основаніи котораго они были устроены; съ этой точки зрѣнія Св. Синодъ, Пр. Сенатъ, такія-же Коллегіи, какъ и тогдашніе суды, или, напр. собраніе ландратовъ, которые должны были „съѣзжаться къ губернаторамъ“ „для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ“ и т. д. Коллегіи, какъ учрежденія, которымъ in corpore принадлежитъ право обсужденія и рѣшенія, по большинству голосовъ, всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ ихъ компетенцію, были такимъ образомъ уже при Петрѣ В., онѣ существуютъ и доселѣ. Но, наряду съ такимъ общимъ широкимъ пониманіемъ слова „Коллегія“, оно употреблялось также въ актахъ Петровскаго времени и въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ слова, для обозначенія тѣхъ административныхъ, по преимуществу, учрежденій, которыя смѣнили (какъ уже было сказано), прежніе Приказы, и были, въ свою очередь, въ началѣ XIX вѣка замѣнены Министерствами. Мы теперь и будемъ говорить о Коллегіяхъ, какъ центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ по преимуществу.

Какъ уже было отмѣчено нами, въ „Духовномъ Регламентѣ“, изданномъ 25 янв. 1721 г., были указаны подробно тѣ причины, какія вообще заставили Петра В. принять коллегіальный принципъ, какъ основаніе для организаціи государственныхъ учрежденій у насъ. Держась, по возможности, близко аргументаціи „Духовнаго Регламента“, надо сказать слѣдующее. По мнѣнію автора этого „Регламента“, „важныя вины“ (основанія) управленія коллегіальнаго сводятся къ слѣдующему: „во 1-хъ бо) извѣстнѣе взыскуется (отыскивается) истина собораннымъ (соборнымъ) сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“; во 2) „вящще (лучше) ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“; въ 3) „коллегіумъ не есть нѣкая факція (партія), тайнымъ, на интересъ свой, союзомъ сложившаяся, но, на добро общее, повелѣніемъ самодержца и его-жъ съ прочими разсмотрѣніемъ собранныя лица“; въ 4) „еще же сіе важно есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися

правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнію . . . Инако (бываетъ) въ правленіи соборномъ"; въ 5-хъ) „се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду". . .; въ 5-хъ) „коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію; не тако бо, яко же единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится". Указанные мотивы, по которымъ Петръ В. обратился отъ приказнаго начала управленія къ коллегіальному, яснѣе всего показываютъ намъ, какъ глубоко въ немъ было желаніе обезпечить за государственными учрежденіями и высокое достоинство и закономѣрное развитіе. Петръ В. хотѣлъ пріучить всѣхъ къ соблюденію строгой законности въ управленіи и лучшимъ средствомъ для укрѣпленія этой законности, — какъ это подсказывалось тогда изученіемъ западно-европейскихъ учрежденій, — считалъ начало коллегіальное, такъ какъ полагалъ, что оно отличается отъ приказнаго такими качествами, какія неизбѣжно приведутъ къ самымъ лучшимъ результатамъ. Русская дѣйствительность далеко не оправдала этихъ надеждъ: впослѣдствіи очень разочаровались въ значеніи „коллежскаго" управленія, и готовы были видѣть въ немъ только недостатки, какъ это мы укажемъ ниже, но въ этомъ вина уже не столько самого принципа, сколько условій его примѣненія.

Таковы были общія и, повидимому, очень важныя преимущества коллегіальнаго строя учрежденій, по сравненію съ единоличнымъ управленіемъ; по мнѣнію выдающихся западныхъ мыслителей, какъ напр., Лейбница, государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ Коллегій[1]). Самъ Петръ В. вполнѣ воспринялъ эту мысль, какъ это видно нетолько изъ „Духовнаго Регламента", но и изъ другихъ данныхъ. Еще до изданія этого „Регламента" онъ уже указалъ главное основаніе, заставившее его прибѣгнуть къ устройству Коллегій: „управя" войско, „его величество, милосердуя о народѣ и о земскомъ справедливомъ правленіи... трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учи-

1) Въ одномъ письмѣ своемъ къ Петру В. знаменитый философъ писалъ слѣдующее: „опытъ достаточно показалъ, что государство можно привести въ цвѣтущее состояніе только посредствомъ учрежденія хорошихъ Коллегій, ибо, какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ великой государственной машинѣ одна Коллегія должна приводить въ движеніе другую, и если все устроено съ точною соразмѣрностью и гармоніею, то стрѣлка жизни непремѣнно будетъ показывать странѣ счастливые часы".

нены Коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ...“ (вмѣсто Приказовъ), иначе говоря, земское управленіе тогда можно было упорядочить только введеніемъ коллегіальнаго начала въ организацію учрежденій.

Устройство Коллегій; компетенція и порядокъ дѣлопроизводства.

Прежде чѣмъ ввести Коллегіи, Петра В. долго изучалъ вопросъ, собиралъ справки и искалъ людей, знакомыхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ. Такъ, напр., онъ выписывалъ изъ Австріи, преимущественно изъ Чехіи и Моравіи, лицъ, служившихъ въ Коллегіяхъ, затѣмъ бралъ шведовъ; посылалъ также своихъ русскихъ въ Кенигсбергъ для ознакомленія съ дѣломъ. Шведы изъ всѣхъ иностранцевъ были, впрочемъ, послѣдними, къ которымъ обратился Петръ В. (хотя планъ Коллегій взятъ, повидимому, главнымъ образомъ со шведскаго образца[1]), что и понятно въ виду тѣхъ враждебныхъ отношеній ко Швеціи, въ какихъ находилась тогда Россія. Въ 1718 г., однако, онъ поручаетъ Брюсу пригласить на службу военноплѣнныхъ шведовъ, обнадеживая, что они не будетъ служить по военному вѣдомству, а будутъ назначены во вновь образовавшіяся Коллегіи. Въ 1718 г. было также повелѣно составить Регламенты отдѣльныхъ Коллегій, а именно надлежало, какъ гласитъ именной указъ этого года, „всѣмъ Коллегіямъ, на основаніи шведскаго устава, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ Регламенты: а которые пункты въ шведскомъ Регламентѣ неудобны, или съ ситуаціей сего государства несходны, и оные составить по своему разсужденію“. Въ слѣдующемъ 1719 г. нѣкоторые изъ Регламентовъ были уже готовы и Коллегіи начали дѣйствовать, но общимъ для нихъ всѣхъ Уставомъ явился, однако, „Генеральный Регламентъ“, изданный 28 февраля 1720 г. По этому Регламенту устанавливались слѣдующія Коллегіи: 1) Иностранныхъ дѣлъ, 2) Каморъ (Камеръ), 3) Юстицъ, 4) Ревизіонъ, 5) Воинская, 6) Адмиралтейская, 7) Коммерцъ, 8) Штатсъ-Конторъ-Коллегія, 9) Бергъ и 10) Мануфактуръ-Коллегія. Позднѣе къ нимъ прибавилась Вотчинная Коллегія, смѣнившая Московскій Помѣст-

1) Вопросъ о томъ, откуда заимствовано устройство, Петровскихъ Коллегій, нельзя считать вполнѣ рѣшеннымъ въ литературѣ. Шведскій образецъ ихъ устройства, несомнѣнно, былъ у Петра В., какъ это, напр., видно изъ одного его письма къ Сенату, отъ 21 января 1718 г., гдѣ говорится слѣдующее: „Господа Сенатъ! при отъѣздѣ своемъ я письменно далъ вамъ для Коллегій указъ, дабы брали вѣдѣнія у генерала Брюса, какъ оныя сочинять. А понеже онъ нынѣ отъѣхалъ въ Финляндію, то безъ него берите вѣдомости и спрашивайте у Фика, который оныя (вѣдомости) вывезъ изъ Швеціи“. Но этотъ образецъ не былъ, однако, заимствованъ буквально, а былъ измѣненъ, согласно мѣстнымъ условіямъ.

ный Приказъ. Каморъ (Камеръ)-Коллегія вѣдала доходы государства, заботилась о болѣе равномѣрномъ обложеніи населенія окладными сборами; Штатсъ-Конторъ-Коллегія составляла роспись отдѣльныхъ штатовъ учрежденій и собирала, чрезъ Камеръ-Коллегію, свѣдѣнія о расходахъ въ каждой губерніи, а Ревизіонъ-Коллегія, — провѣряла все это; Юстицъ-Коллегія замѣнила судебные приказы и вѣдала судъ гражданскій и уголовный. Вмѣсто военныхъ Приказовъ созданы Воинская (Военная) и Адмиралтейская Коллегіи; для завѣдыванія горнымъ дѣломъ, развитіе котораго началось весьма успѣшно при Петрѣ В., а также и промышленностью, были учреждены Бергъ- и Мануфактуръ-Коллегіи; Коммерцъ-Коллегія устраивалась для заботы о развитіи внутренней и внѣшней торговли.

Каждая коллегія была устроена такъ. Она раздѣлялась на присутствіе и канцелярію. Первое составляютъ: президентъ (непремѣнно русскій), вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре асессора. Президентъ назначался государемъ, вице-президентъ представлялся на утвержденіе государя Пр. Сенатомъ, остальные опредѣлялись на должность самимъ Сенатомъ, по представленію подлежащихъ Коллегій. Президентъ, по генеральному Регламенту, имѣлъ надъ Коллегіей „генеральную и верховную дирекцію (управленіе)“. Президентъ и вице-президентъ должны были „накрѣпко смотрѣть, чтобъ прочіе члены коллежскіе о повѣренныхъ дѣлахъ и въ приказанномъ имъ смотрѣніи съ надлежащимъ стараніемъ и прилежаніемъ попеченіе имѣли“. Если президентъ усматривалъ, что кто-либо изъ этихъ членовъ „мало разуменъ“ и „по должности чина его (т. е. обязанностей)“ исправлять не можетъ, онъ входитъ съ представленіемъ въ Сенатъ о назначеніи „искуснѣйшаго“. При нерадѣніи членовъ къ дѣламъ, президентъ „вѣжливыми словами“ напоминаетъ имъ объ ихъ долгѣ, а при непослушаніи доноситъ о нихъ Пр. Сенату. Канцелярія состояла изъ секретаря, какъ ея начальника, протоколиста или нотаріуса, регистратора, актуаріуса, писцовъ и переводчика. Протоколистъ или нотаріусъ составлялъ протоколы засѣданій, регистраторъ — списки входящихъ и исходящихъ бумагъ, актуаріусъ — ихъ хранилъ.

Что касается компетенціи Коллегій, то раздѣленіе дѣлъ по роду ихъ составляло большой шагъ впередъ, сравнительно съ предшествовавшей эпохою. Вѣдомство Приказовъ было очень запутано, такъ какъ слагалось постепенно и подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ. Теперь явилась возможность распредѣлить дѣла между отдѣльными Коллегіями, сообразно функціи каждой изъ нихъ. Интересно при этомъ отмѣтить, что вниманіе Петра В. больше всего было обращено на дѣла финансовыя, вѣдавшіяся нѣсколькими учрежде-

ніями, далѣе на дѣла военныя, для которыхъ утверждены 2 Коллегіи, имѣвшія первенствующее значеніе. Все это было совершенно понятно, въ виду того положенія, въ какомъ стояло тогда государство, требовавшее для своихъ задачъ большаго напряженія силъ. Затѣмъ, хотя судъ и управленіе, — иначе сказать судебная и административная власть — раздѣляются и создаются особыя судебныя учрежденія, но, подобно тому, какъ это было въ Приказахъ, дѣленіе не проводится всегда достаточно глубоко: многія Коллегіи судятъ тѣхъ людей, которые подлежатъ ихъ вѣдѣнію въ какомъ-либо отношеніи (такой судъ принадлежалъ, напр., Мануфактуръ-Коллегіи). Учрежденіе Коллегій повело къ нѣкоторымъ измѣненіямъ въ устройствѣ Сената. До нихъ, какъ мы уже говорили, Сенатъ былъ единственнымъ центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ администрацію, финансовое управленіе и судъ. Теперь громадная часть дѣлъ вышла изъ его непосредственнаго вѣдѣнія и отдана соотвѣтствующимъ Коллегіямъ. Губернаторы, какъ начальники мѣстныхъ центровъ, сносятся съ Коллегіями, которыя получаютъ право взысканія съ нихъ, не сносясь сами съ Сенатомъ; Коллегіи являются высшимъ административно-судебнымъ мѣстомъ, гдѣ должно заканчиваться каждое дѣло; только какъ исключеніе дозволяется приносить жалобы, сначала сенатскому секретарю, а затѣмъ рекетмейстеру, на Коллегіи. Сенатъ, устраняясь отъ мелкихъ дѣлъ администраціи, могъ теперь лучше приводить въ исполненіе свою контролирующую всѣ учрежденія задачу; по Генеральному Регламенту Коллегіямъ — послѣднія обязаны „неотложно исполнять сенатскіе указы“, а самъ Сенатъ своими указами требовалъ, чтобъ Коллегіи присылали ему въ копіяхъ всѣ свои постановленія и до этого онѣ не могли ихъ печатать. Всѣ финансовыя Коллегіи обязаны были доставлять Сенату въ началѣ каждаго года свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ, о недоимкахъ и остаткахъ и т. д. Изъ Коллегій двѣ — Камеръ- и Юстицъ-коллегіи имѣли особенное важное значеніе въ управленіи мѣстномъ. Первая вѣдала ландратовъ и комиссаровъ; вторая — ландрихтеровъ и суды. Для наблюденія за мѣстнымъ управленіемъ и судомъ создается, какъ извѣстно, двѣ системы надзора — черезъ прокуроровъ и фискаловъ; такъ при Коллегіяхъ создается цѣлый рядъ фискаловъ и изъ нихъ особенно выдѣляются фискалы Юстицъ-Коллегіи (государственный оберъ-фискалъ) съ помощниками и такъ назыв. земскіе фискалы (при Камеръ-Коллегіи). Всѣ судебныя и финансовыя мѣста и должности, за которыми должны были строго наблюдать фискалы, представляли собою важную попытку выдѣлить судъ и финансовое управленіе изъ-подъ непосредственнаго завѣдыванія

мѣстныхъ правительственныхъ властей и подчинить ихъ контролю центральныхъ мѣстъ, тогда какъ въ Московской Руси было смѣшеніе всѣхъ функцій власти въ рукахъ воеводы. Такъ при Петрѣ создаются земскіе комиссары, собирающіе подати и пр. и камериры, надзирающіе за всѣми сборами и подвѣдомственные только Камеръ-Коллегіи; судъ тоже отдается, — впрочемъ, не надолго, какъ это увидимъ потомъ — особымъ органамъ, такъ наз. ландрихтерамъ, а затѣмъ городовымъ и губернскимъ судамъ, подчиненнымъ Юстицъ-Коллегіи.

Какъ уже сказано, 28 февраля 1720 г. вышелъ въ свѣтъ Генеральный Регламентъ Коллегіямъ, въ которомъ былъ изложенъ порядокъ дѣлопроизводства въ нихъ. Этотъ Регламентъ важенъ, между прочимъ, потому, что его правила имѣли примѣненіе (да отчасти и теперь имѣютъ) во всѣхъ учрежденіяхъ съ коллегіальнымъ устройствомъ и имъ утвердился у насъ новый порядокъ канцелярскаго дѣлопроизводства. Такъ, Регламентъ опредѣляетъ дни и часы засѣданій, указываетъ на распредѣленіе занятій, на порядокъ голосованія и на права и обязанности каждаго члена Коллегіи. Дѣла въ Коллегіи докладываетъ секретарь, начальствующій надъ ея Канцеляріею. Дѣла рѣшаются, какъ мы уже это говорили при изученіи дѣлопроизводства Сената, „по множайшему числу голосовъ“ (т. е. по большинству), послѣ обстоятельнаго обсужденія ихъ въ общемъ присутствіи; при равенствѣ голосовъ, надо слѣдовать рѣшенію, за которое высказался президентъ. При этомъ каждый, „пока о которомъ дѣлѣ разсуждается, мнѣніе свое свободно и явственно объявлять (обязанъ), не взирая на персону“; „за непорядочное даяніе голосовъ“ назначалось, смотря, по винѣ, сторогое наказаніе. Преимуществомъ коллегій по Г. Регламенту является ихъ право, по полученіи указа Сената, не исполнять его, въ случаѣ противности его указамъ государя и его высокому интересу. Коллегія можетъ сдѣлать относительно подобнаго указа представленіе Сенату, и, если Сенатъ будетъ настаивать на исполненіи своего указа, то дѣло представляется Коллегіею государю.

Судьба Коллегій.

Коллегіи, то уменьшаясь, то увеличиваясь въ числѣ (отъ 10 до 12), просуществовали до царствованія имп. Александра Павловича, когда исчезли, будучи отчасти замѣнены Министерствами, въ видѣ департаментовъ тѣхъ или иныхъ Министерствъ, а отчасти переименованы. Нѣкоторыя-же изъ нихъ были закрыты еще при Екатеринѣ II, вслѣдствіе тѣхъ реформъ, какія были ею произведены въ мѣстномъ управленіи, извѣстнымъ „Учрежденіемъ о губерніяхъ“ и пр. Такъ, вмѣсто Камеръ-коллегіи, въ губерніяхъ явились Казенныя Палаты, вмѣсто Юстицъ-

коллегіи — Палаты уголовнаго и гражданскаго суда, т. е., иначе говоря, эти Коллегіи изъ центральныхъ сдѣлались мѣстными, разбившимися по губерніямъ. Центральнымъ учрежденіемъ, вѣдавшимъ дѣла этихъ Палатъ, остался Сенатъ.

Мы уже указывали, какъ смотрѣлъ Петръ В. на введеніе Коллегій. Жизненныя условія, въ которыхъ пришлось дѣйствовать Коллегіямъ, не оправдали почти совсѣмъ надеждъ, возлагавшихся на нихъ преобразователемъ. Коллегіи, — давъ болѣе простое, чѣмъ прежде, раздѣленіе дѣлъ по ихъ роду, внеся болѣе внѣшняго порядка и опредѣленности въ дѣлопроизводство, вообще создавъ лучшую форму для административной дѣятельности, — мало внесли новаго духа въ управленіе и особенно послѣ Петра Великаго совсѣмъ не создали того независимаго и чуждаго произвола административнаго корпуса, о которомъ, несомнѣнно, искренно мечталъ Петръ Великій. Кромѣ общихъ условій времени, составъ Коллегій, въ особенности-же важное значеніе формы, введенной Петромъ для обузданія самовластія, приводятъ въ концѣ вѣка de facto къ тому, что бюрократическій элементъ (въ прямомъ смыслѣ господства канцеляризма), совершенно поглощаетъ коллегіальный, почему и представляются вѣрными слова фельдмаршала Миниха, который, характеризуя дѣлопроизводство Коллегій, писалъ Екатерина II, что Россія управляется на дѣлѣ секретарями и подсекретарями, а совсѣмъ не губернаторами и президентами отдѣльныхъ частей, какъ это казалось. Въ началѣ XIX в. лучшимъ людямъ, и въ томъ числѣ Сперанскому, коллегіальное устройство административныхъ учрежденій представляется только съ точки зрѣнія его недостатковъ и ни одна изъ его выгодъ, столь плѣнявшихъ Петра Великаго, теперь не приходитъ имъ и въ голову (эти недостатки указаны уже въ докладной запискѣ гр. Кочубея 1803 г., написанной Сперанскимъ). Реформируя позднѣе первое „Учрежденіе министерствъ“ 1802 г., въ которомъ коллегіальное начало еще имѣло преобладающее значеніе, Сперанскій строитъ свою систему административнаго управленія уже на началѣ совершенно противуположномъ тому, какое въ это управленіе клалось Петромъ Великимъ, а именно на началѣ личномъ, ставя во главѣ самостоятельныхъ отраслей управленія отдѣльныхъ, лично отвѣтственныхъ передъ монархомъ, министровъ [1]). Поступая какъ,

1) Надо при этомъ замѣтить, что по манифесту 8 сентября 1802 г. была установлена политическая отвѣтственность министровъ передъ Сенатомъ, которая на практикѣ дала мало осязательныхъ результатовъ, почему, между прочимъ, о ней и не упоминается во второмъ „Учрежденіи Министровъ“, 1811 г. (объ этомъ подробно въ моей статьѣ „Историческій очеркъ образованія Министерствъ въ Россіи“, Жур.

Сперанскій, во первыхъ, вноситъ необходимую и принципіальную поправку въ ту систему административныхъ учрежденій, которая дѣйствовала въ XVIII вѣкѣ, и во вторыхъ, разрѣшаетъ въ строгой и закономѣрно-устроенной, по идеѣ, формѣ своего новаго „Учрежденія Министерствъ“ задачу надъ которой тщетно бился XVIII вѣкъ. Интересно, что въ упомянутой запискѣ гр. Кочубея дѣлопроизводство Коллегій представлялось Сперанскому въ такомъ видѣ: „медленность, въ дѣлахъ управленія нетерпимая, составляетъ, такъ сказать, существо коллежскаго (т. е. коллегіальнаго) обряда“; затѣмъ въ нихъ замѣчается „недостатокъ раздѣленія работы (труда) и постепеннаго ея усовершенія“; указывается „на множество формъ совершенно излишнихъ и образъ письмоводства весьма затруднительный“ и, наконецъ, на „недостатокъ отвѣтственности, которая „не должна состоять только на словахъ, но быть вмѣстѣ и существенна: министръ, дѣйствуя въ Коллегіи, какъ главный директоръ, не можетъ иначе управлять ею, какъ только внѣшнимъ образомъ, т.-е. онъ долженъ получать отъ нея меморіи о дѣлахъ текущихъ, разсматривать ея представленія, давать на нихъ предложеніе, составлять доклады, предписывать по нимъ исполненіе: сколько излишней и ничего въ себѣ существеннаго не заключающей переписки!“ Какъ уже указывалось, XVIII вѣкъ живо чувствовалъ всѣ эти недостатки „коллежскаго“ управленія, но выходилъ изъ затрудненія средствами случайными и временными, создавая подъ тѣмъ или инымъ именемъ дѣйствительныхъ министровъ, хотя и не давая имъ строгой организаціи въ видѣ Министерствъ, съ ясно раздѣленными предметами вѣдомства и со строго-опредѣленными, по закону, предѣлами власти. Роль такихъ министровъ играли нѣкоторые изъ членовъ В. Тайнаго совѣта при Екатеринѣ I, Кабинета и Конференціи — въ слѣдующія царствованія; такими министрами были въ особенности генералъ-прокуроръ временъ Екатерины II, отчасти генералъ-почтъ-директоръ и другія довѣренныя лица императрицы, завѣдывавшія особыми, имъ ввѣренными, отраслями управленія; таковы, наконецъ, были особые „директоры“ Коллегій при императорѣ Павлѣ I. Всѣ эти личные органы стояли, обыкновенно, внѣ контроля Сената, отличались полномочіями неопредѣленными и временными, возникая для удовлетворенія потребности въ дѣятельной и лично отвѣтственной admini-

---

Мин. Юстиціи, 1902 г., № 10, стр. 2 и сл.). „Всеподданнѣйшіе доклады Сената по отчетамъ Министерствъ“ за 1802 г. см. въ „Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его И. В-ва Канцеляріи“ Н. Ѳ. Дубровинымъ (С.-П., 1903 г.), вып. XII.

стративной власти. Неслаженность этихъ личныхъ органовъ власти съ коллегіальными, неопредѣленность ихъ вѣдомства и фактическая безотвѣтственность особенно сказались въ началѣ XIX вѣка, когда Александръ I и особенно — его знаменитый тріумвиратъ (изъ гр. П. А. Строганова, Н. Н. Новосильцева и кн. А. Чарторыжскаго) въ „неофиціальномъ комитетѣ“ много разсуждали о преобразованіи государственнаго нашего строя, при чемъ, впрочемъ, самому императору принадлежала болѣе пассивная роль въ мысляхъ о преобразованіи[1]).

Учрежденіе Министерствъ.

Укажемъ, въ заключеніе, на ближайшія обстоятельства, вызвавшія учрежденіе Министерствъ. Какъ было уже указано выше, въ XVIII вѣкѣ постоянно возникали, подъ тѣми или иными наименованіями, министры, что служитъ наглядымъ указаніемъ на настоятельную потребность, сказавшуюся уже задолго до реформы 1802 г., въ личныхъ органахъ власти. Эти министры, если и были болѣе подвижны и дѣятельны, чѣмъ президенты Коллегій, мало, однако поддавались какой-либо отвѣтственности за свои дѣйствія. Думаютъ, что ближайшимъ поводомъ къ учрежденію Министерствъ былъ большой голодъ въ Сибири въ 1801 году. У императора явилось естественное желаніе выяснить причину бѣдствія и отыскать виновныхъ, но послѣднее въ особенности оказалось труднымъ. Къ кому ни обращался государь, ни отъ кого не получалъ онъ удовлетворительнаго отвѣта на интересовавшій его вопросъ. Государь былъ этимъ очень огорченъ и, говоря объ этомъ съ Лагарпомъ, сказалъ: „я бы желалъ броситься въ Неву, — такъ тяжело и грустно мнѣ“. Въ отвѣтъ на это Лагарпъ, говоритъ В. И. Сергѣевичъ, предложилъ учредить отвѣтственныхъ министровъ. На нашъ, однако, взглядъ, представляется довольно труднымъ рѣшить вполнѣ положительно,

---

1) Еще въ своемъ сочиненіи „Гр. П. А. Строгановъ“, вышедшемъ въ 1903 г., Великій Князь Николай Михаиловичъ доказывалъ ту мысль, что „не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое хотѣлъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всѣ онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ его окружавшихъ совѣтниковъ“. Повторяя тѣже слова въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Императоръ Александръ I“ (С.-П., 1012 г.), авторъ многообразно доказываетъ, что „говорить и толковать о либерализмѣ Александръ тогда очень любилъ, но, когда дѣло доходило до конфликта, немедленно проявлялось желаніе настоять на своемъ, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть“ (томъ I, стр. 24 и сл.; стр. 35 и сл. и мн. др.).

принадлежала ли именно Лагарпу первая мысль объ отвѣтственныхъ министрахъ, или она исходила отъ одного изъ членовъ „неофиціальнаго комитета“, а также, можетъ быть, отъ одного изъ тѣхъ лицъ, съ которыми Государь и члены этого комитета совѣщались о многихъ вопросахъ предполагаемой реформы государственныхъ учрежденій (напр., съ А. Р. Воронцовымъ, С. Р. Воронцовымъ, Н. С. Мордвиновымъ и др.). Лагарпъ, несомнѣнно, участвовалъ въ сужденіяхъ о реформахъ вообще и въ вопросѣ объ образованіи Министерствъ въ частности, но онъ склоненъ былъ преувеличивать свою роль въ этихъ сужденіяхъ. Скорѣе можно предположить, что, такъ какъ идея объ отвѣтственныхъ агентахъ власти, или министрахъ, созрѣвала уже давно и какъ-бы носилась въ воздухѣ, ея авторами единовременно могли быть многіе, подобно тому, какъ было нѣсколько проектовъ преобразованія административныхъ учрежденій (какъ это видно изъ протоколовъ „неофиціальнаго комитета“); изъ нихъ проектъ Новосильцова легъ въ основаніе новаго раздѣленія административной власти между восемью вновь образованными Министерствами. Проектъ Новосильцова былъ еще очень несовершененъ и мало разработанъ въ подробностяхъ. Однако, въ учрежденіи Министерствъ, созданныхъ по этому проекту, была одна черта, которая мирила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, съ недостатками проекта, а именно казалось, что созданы, дѣйствительно, лично отвѣтственные органы верховной власти, съ которыхъ и можно было требовать выполненія важнѣйшихъ задачъ административнаго центральнаго управленія, а затѣмъ и взыскивать за неисполнительность. Эта черта отлично выставлена была самимъ императоромъ въ его письмѣ къ тому же Лагарпу отъ 26 октября 1802 г., — т. е. спустя около 2-хъ мѣсяцевъ по учрежденіи Министерствъ (состоявшемуся 8 сентября 1802 г.), — а именно императоръ писалъ, что „мѣра, о которой мы такъ часто говорили, въ полномъ ходу. Министерство образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли гораздо болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ“. Какъ видно, въ приведенномъ письмѣ Александръ I говоритъ объ установленіи отвѣтственности министровъ передъ нимъ лично. Основною идеею проекта Новосильцова было, впрочемъ, установленіе отвѣтственности ихъ передъ Сенатомъ. Организація этой послѣдней отввѣтственности совершенно не удалась на практикѣ, и ею скоро не стали вовсе пользоваться, но личная отвѣтственность министровъ передъ монархомъ, несомнѣнно, пріобрѣла, со времени учрежденія Министерствъ, большее, чѣмъ прежде, значеніе (особенно — со второго учре-

женія Министерствъ 1811 г.), такъ какъ сами права и обязанности министровъ, ихъ положеніе среди другихъ органовъ власти, пріобрѣли въ XIX вѣкѣ болѣе точности и опредѣленности, чѣмъ было въ XVIII вѣкѣ, когда министры безъ Министерствъ являлись довольно-случайными агентами власти и ихъ отношенія къ Коллегіямъ не были, да и не могли быть, юридически урегулированы по многимъ причинамъ и прежде всего потому, что коллегіальный и единоличный принципы управленія дѣлами смѣшивались въ первоначальныхъ Министерствахъ, а именно, около министровъ все еще стояли коллегіальныя учрежденія, ввидѣ первоначальныхъ департаментовъ; кромѣ того и сами полномочія отдѣльныхъ министровъ имѣли нерѣдко временный характеръ. По манифесту 8 сентября 1802 г. было учреждено 8 Министерствъ, а именно: Министерства 1) военныхъ, 2) морскихъ силъ, 3) иностранныхъ дѣлъ, 4) юстиціи, 5) внутреннихъ дѣлъ, 6) финансовъ, 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія". Затѣмъ, по манифесту, „на Правительствующій Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ Нашимъ, въ сей день даннымъ, утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣятельность министровъ по всѣмъ частямъ, ихъ управленію ввѣренныхъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями, прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, давать свои заключенія и представлять Намъ докладомъ". По этому-же манифесту, министры составляютъ еще изъ себя особый Комитетъ [1]). Таковъ, въ немногихъ словахъ, смыслъ реформы 1802 г.

Глава II.

Мѣстное управленіе [2]).

§ 1.

Административное дѣленіе имперіи.

Административное дѣленіе

Переустраивая мѣстныя правительственныя учрежденія, Петръ В. создаетъ и новое admini-

1) О немъ подробно см. „Историческій очеркъ обзоръ дѣятельности Комитета министровъ" С. М. Середонина (С.-П., 1902 г.) и статью „Происхожденіе Комитета министровъ" Г. Г. Тельберга (Журн. Мин. Н. Просв., 1907 г., № 3).

2) Литература вопроса о мѣстномъ управленіи, кромѣ общихъ

ніе имперіи при Петрѣ В.

стративное дѣленіе имперіи на губерніи. Это дѣленіе во 1-хъ, упраздняетъ собою прежнія московскія административныя единицы, создавшіяся путемъ долгаго историческаго процесса и отличавшіяся большою запутанностью въ ихъ отношеніяхъ къ центру государства, съ одной стороны, территоріальною неравномѣрностью, съ другой. Оно даетъ, во 2-хъ, законодателю возможность поставить — во главѣ новыхъ и однообразныхъ административныхъ дѣленій — новые органы власти, болѣе, чѣмъ прежніе, приспособленные къ сложнымъ задачамъ управленія эпохи реформъ. Оно строится, въ 3-хъ, сообразно тѣмъ военно-податнымъ задачамъ, которыя надо было теперь разрѣшить. Первую общую попытку введенія новаго административнаго дѣленія мы находимъ въ указѣ 18 декабря 1708 года, въ которомъ говорится, что „Великій Государь указалъ въ своемъ великомъ государствѣ, для всенародной пользы, учинити 8 губерній и къ нимъ расписати города“ [1]); въ 1719 г., по указу 29 мая, число губерній увеличивается до 11, при чемъ Смоленская уничтожается, но за то прибавляются губерніи Рижская, Ревельская, Астраханская и Нижегородская; между уѣздомъ-же и губерніею явилось новое

курсовъ: Ѳ. М. Дмитріевъ „Исторія судебныхъ инстанцій“ и пр. (М., 1859 г.); К. Д. Кавелинъ „Основныя начала русскаго судоустройства и гражд. судопроизводства“ (Сочиненія, т. I, М. 1859 г.); А. В. Лохвицкій „Губернія, ея земскія и правительственныя учрежденія (С.-П., 1864); И. И. Дитятинъ „Устройство и управленіе городовъ“ (С.-П., 1875 г.); А. Д. Градовскій „Начала русскаго госуд. права“, Т. III. „Органы мѣстнаго управленія (С.-П., 1883 г.); П. Н. Мр.-Дроздовскій Областное управленіе Россіи XVIII в.“, ч. I (М. 1876 г.); П. Н. Милюковъ „Государственное хозяйство Россіи“ и пр. (С.-П., 1892 г.); И. И. Дитятинъ „Статьи по исторіи русскаго права“ (С.-П., 1896 г.); М. М. Богословскій „Областная реформа Петра В. Провинція 1719—27 гг.“ (М., 1902 г.); моя рецензія на указанное сочиненіе М. М. Богословскаго (въ „Отчетѣ о XLVI присужденіи наградъ гр. Уварова“, С.-П., 1906); его-же ст. „Изслѣдованія по исторіи мѣстнаго управленія при Петрѣ В.“ (Жур. М. Нар. Просв., 1913 г., № 3). А. А. Кизеветтеръ „Посадская община въ Россіи XVIII в.“ (М., 1903 г.); И. А. Блиновъ „Губернаторы“, Истор.-юрид. очеркъ. (С.-П., 1905 г.); А. А. Кизеветтеръ „Городовое положеніе Екатерины II 1785 г. (М., 1909 г.); В. А. Григорьевъ „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II“ (С.-П., 1910 г.); Ю. В. Готье „Исторія областнаго управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II. Т. I. Реформа 1727 г. Областное дѣленіе и областныя учрежденія 1727—1775 гг.“ (М., 1913 г.); М. М. Страховскій „Губернское устройство“ (Ж. М. Ю., 1913 г., сентябрь).

1) По указу 18 декабря 1708 г. были образованы Московская губернія — съ 39 городами, Ингерманландская (переименованная въ 1810 г. въ Петербургскую губернію) — съ 29-тью, Смоленская — съ 17, Кіевская — съ 52, Архангелогородская — съ 19, Казанская — съ 71, Азовская — съ 77 и Сибирская — съ 30 городами.

посредствующее дѣленіе — провинція. (Еще раньше, именно съ 1710 г., государство дѣлилось на „доли“, но это дѣленіе имѣло уже чисто-спеціальный, а именно военно-финансовый, характеръ и установливалось для выполненія рекрутскаго набора и сбора податей; въ каждой долѣ было положено 5536 дворовъ). Чтобы дать понятіе о провинціи надо сказать что каждая губернія дѣлилась на провинціи, а послѣднія уже на уѣзды. Такъ, напр., Московская губ. дѣлилась на 9 провинцій, отчасти совпадающихъ, по названію, съ нынѣшними губерніями (такъ какъ въ составъ Московской губерніи входили провинціи: Московская, имѣвшая тогда 14 уѣздовъ, Костромская — 5 уѣздовъ, Владимірская — 3 уѣзда и т. д.), отчасти исчезнувшихъ теперь (какъ, напр., провинціи Суздальская, Юрьевская и др.). Такимъ образомъ, по своимъ размѣрамъ и значенію власти ихъ начальниковъ, Петровскія губерніи были подобны позднѣйшимъ генералъ-губернаторствамъ, а провинціи — нашимъ нынѣшнимъ губерніямъ. Обращаясь къ характеристикѣ этого дѣленія, мы видимъ, что губерніи первоначально были очень велики; такъ, напр., Сибирская заключала въ себѣ, кромѣ Сибири, нынѣшнія Пермскую и Вятскую губ.; Петербургская шла отъ границъ Лифляндіи до Ярославля, Каргополя, Твери и т. д. Включеніе въ составъ той или другой губерніи столь отдаленныхъ мѣстностей объясняется тѣмъ, что при дѣленіи бралось въ расчетъ не пространство, а только количество населенія, почему и соединялись вмѣстѣ области, часто этнографически, или экономически, несоединимыя, какъ, напр., Лифляндія (Рижская губ.) и теперешняя Смоленская, Кіевская, Тульская и Орловская губерніи и т. д. Здѣсь виденъ также и тотъ взглядъ, какой имѣли тогда на населеніе. Послѣднее разсматривалось прежде всего съ точки зрѣнія тягла его государству; остальное все имѣло тогда второстепенное значеніе. Дѣленіе на губерніи имѣло въ виду облегчить, уравновѣсить содержаніе отдѣльныхъ частей войска, сухопутнаго и морского. Такъ, для содержанія флота созданы Петербургская Азовская и Астраханская губ.; для удобства расквартированія его, напр., къ Малороссіи, занятой русскими гарнизонами, приписаны нѣкоторыя великорусскія губерніи, чтобы содержать эти гарнизоны и т. д.[1]). Но, если распредѣленіе тѣхъ или

1) Извѣстный историкъ XVIII в. В. Н. Татищевъ приводитъ еще слѣдующую, конечно, частную, но очень характерную причину распредѣленія нѣкоторыхъ городовъ по новымъ губерніямъ: „какъ большею частью“, говоритъ онъ, „изъ сенаторовъ и сильныхъ людей въ губернаторы были назначены — то, по властолюбію или любоиманію, несмотря ни на порядокъ, ни на пользу, города и

иныхъ областей по губерніямъ преслѣдовало фискальныя цѣли, то на приписку отдѣльныхъ городовъ къ данной губерніи вліяло географическое положеніе ихъ по отношенію къ главному, или губернскому, городу, какъ административному центру новой единицы дѣленія (губерніи) и дѣлалось въ интересахъ наибольшихъ удобствъ административныхъ сношеній. Въ общемъ, новое административное дѣленіе было очень несовершенно и подвергалось измѣненіямъ, но у него была одна черта, которая мирила съ его несовершенствомъ и представляла большое удобство на практикѣ. Подобно Московской приказной системѣ управленія, прежнее административное дѣленіе слагалось вѣками и отличалось сложностью и запутанностью. Какъ введеніемъ новыхъ учрежденій — Коллегій можно было покончить сразу съ сложностью и запутанностью центральнаго управленія, такъ и создавая новыя единицы административнаго дѣленія имперіи можно было упростить старомосковскія дѣленія, поставить ихъ въ иныя, желательныя законодателю, отношенія къ центру и, наконецъ, создать въ нихъ (что и было сдѣлано) новыя и лучшія учрежденія, болѣе при томъ приспособленныя, чѣмъ прежніе воеводы, къ выполненію мѣстныхъ задачъ управленія, выдвинутыхъ эпохою преобразованія. Объ этихъ учрежденіяхъ мы скажемъ ниже особо, теперь-же замѣтимъ, что новое административное дѣленіе имперіи, созданное при Петрѣ В., испытало нѣсколько перемѣнъ. Первоначально имперія была раздѣлена (въ 1708 г.) на 8 губерній. Губерніи эти были очень обширны и были снабжены весьма незначительнымъ административнымъ персоналомъ. Вслѣдствіе этого, непосредственное сношеніе уѣздныхъ центровъ и ихъ правителей съ губернскими было очень затруднительно, что и вызвало необходимость созданія въ 1719 г. посредствующей единицы — провинціи. Впрочемъ, подобно тому, какъ отдѣльныя губерніи (напр., Ингерманландская) упоминаются раньше общаго дѣленія Россіи на губерніи (а именно еще съ 1706 г.), терминъ „провинція“ также встрѣчается въ актахъ Петровскаго времени еще съ 1711 г. (напр., Ярославская провинція была уже образована въ 1711 г., Серпуховская — въ 1712 г. и др.), а это наглядно показываетъ, что той и другой общей мѣрѣ предшествовалъ рядъ отдѣльныхъ опытовъ. Затѣмъ

провинціи въ свою пользу захватывали, кто которые хотѣлъ, что мнѣ доказуетъ кн. Меншиковъ: Ярославль для богатаго купечества, Тверь для своихъ свойственниковъ, въ посадѣ бывшихъ, приписалъ къ Петербургу, Гагаринъ — Вятку и Пермь къ Сибири“ и т. д. Указанныя Татищевымъ причина едва-ли имѣла большое значеніе, но она интересна, какъ взглядъ современника на реформу.

число губерній постепенно увеличивалось и ко времени вступленія на престолъ Екатерины II дошло до 15 губерній.

Административное дѣленіе по законодательству Екатерины II.

Обращаясь ко времени Екатерины II, надо сказать, что ея знаменитое „Учрежденіе о губерніяхъ“, изданное въ 1775 г., уничтожаетъ дѣленіе на провинціи, какъ посредствующія между губерніею и уѣздами единицы, но зато увеличиваетъ число губерній до 40, при чемъ на губерніи дѣлятся и присоединенныя при Екатеринѣ II области, принадлежавшія раньше Польшѣ и Турціи. Въ цѣломъ, „Учрежденіе о губерніяхъ“ Екатерины II-ой вообще развиваетъ тѣ-же начала, которыя клались въ основаніе реформы мѣстнаго управленія Петромъ В. По ея „Учрежденію“, какъ и по Петровскому законодательству, губернія является наибольшею мѣстною единицею, подраздѣляемою на уѣзды, при чемъ, „дабы губернія, или намѣстничество, порядочно могла быть управляема“, въ ней полагается отъ 300 до 400 тысячъ душъ населенія, а въ уѣздѣ, или округѣ, должно ихъ быть отъ 20 до 30 тысячъ душъ. Уѣзды подраздѣляются на волости. Такимъ образомъ, въ основаніе дѣленія также было положено число жителей: оно должно было быть въ каждой губерніи, по возможности, одинаково. Впрочемъ, это дѣленіе по равенству населенія на практикѣ невполнѣ осуществилось, да и при дѣленіяхъ на губерніи болѣе всего заботились о равенствѣ разстоянія уѣздныхъ городовъ отъ губернскаго города. Губернскіе центры — губернскіе города — выбраны были большею частью Екатериною II изъ списка прежнихъ губернскихъ и провинціальныхъ городовъ, которые уже въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII ст. представляли собою пункты, къ которымъ тянуло по нѣсколько уѣздовъ, но нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ, назначенныхъ теперь быть губернскими, явились только въ XVIII в. (Екатеринославъ и др.). Губерніи получали свои названія, обыкновенно, по своимъ наиболѣе важнымъ городамъ, либо бывшимъ таковыми прежде (такъ напр., Олонецкая губ. названа по прежнему центру — Олонцу), либо оставшимися важными и при преобразованіи Екатерины II. Однако, были отъ этого правила уклоненія — Енисейская губ. и Забайкальская область, напр., названы: первая по имени ея рѣки, вторая — озера, а не по главнымъ ихъ городамъ; Таврическая губ. воспроизводила античное названіе Крыма — Таврида; нѣкоторыя губерніи сохранили тѣ древнія названія, какія соотвѣтствовали ихъ историческимъ воспоминаніямъ (Волынь, Подолія и пр.), а не новымъ ихъ центрамъ (Житоміръ, Каменецъ и т. д.). Но больше, чѣмъ съ выборомъ административныхъ центровъ и названій новымъ губерніямъ, оказалось хлопотъ съ выборомъ

гербовъ городамъ и губерніямъ. По образцу средневѣковыхъ западныхъ городовъ, Екатерина II хотѣла ввести и въ Россіи гербы городамъ и губерніямъ, но у насъ ихъ надо было изобрѣтать, какъ нѣчто новое, совсѣмъ намъ несвойственное. Извѣстный герольдмейстеръ временъ Екатерины II Волковъ долженъ былъ проявить необычайную фантазію, чтобы удовлетворить быстро желанію императрицы. Онъ искалъ матеріала для своей цѣли и въ названіяхъ города (почему г. Котельничу данъ былъ гербъ съ изображеніемъ котла, а г. Верхнему Ломову — съ изображеніемъ 5 ломовъ концомъ вверхъ, Нижнему — столькихъ же концомъ внизъ), и въ животныхъ, обитающихъ, или долженствующихъ, по его мнѣнію, обитать въ губерніи, и въ предметахъ мѣстнаго ея производства и т. д. Но, иногда онъ не находилъ ничего подобнаго для характеристики новаго города, какъ это случилось, напримѣръ, съ селеніемъ Нолинскомъ, переименованнымъ въ городъ: для его герба былъ выбранъ „летящій лебедь“ на томъ, якобы достовѣрномъ основаніи, что „оныя птицы, не останавливаясь въ окрестностяхъ сего города, мимо пролетаютъ“. . . . Эти, иногда довольно-курьезные, гербы служатъ лучшимъ и нагляднымъ примѣромъ часто вполнѣ искусственнаго возведенія многихъ ничтожныхъ поселеній въ города и снабженія ихъ сложнымъ правительственнымъ штатомъ, безъ особенно серьезнаго вниманія къ мѣстнымъ условіямъ, которыя часто вовсе и не требовали возведенія даннаго поселенія въ городъ. Неудивительно поэтому, что многіе изъ этихъ новыхъ городовъ остались столь же ничтожными, какими были и прежде, а волны народной экономической жизни разливались по своимъ прежнимъ широкимъ и незамѣченнымъ законодательницею русламъ (чему примѣромъ служатъ многія богатыя села по Волгѣ, Окѣ, Сурѣ, Камѣ, по озерамъ и т. д.).

§ 2.

Правительственное управленіе.

Реформа мѣстнаго правительственнаго управленія Петра В. и ея цѣли; организація управленія; указъ Ека-

Изъ предшествующихъ очерковъ Петровскаго законодательства, касавшагося переустройства государства, видно, каковы были основные принципы реформы центральныхъ учрежденій. Но Петръ Великій, реорганизуя центральные органы управленія, задумывалъ широкія реформы и по отношенію къ управленію мѣстному, областному. Не все здѣсь удалось великому императору, не все осталось неизмѣненнымъ послѣ

терины I 24 февраля 1727 г.

него — когда, при его ближайшихъ преемникахъ началась ломка почти всего имъ введеннаго, — но многое, однако, и здѣсь, въ своихъ принципахъ, было жизненно и потому получило впослѣдствіи (при Екатеринѣ II) развитіе, на основахъ именно тѣхъ началъ, которыя были заложены въ мѣстную реформу самимъ Петромъ В. Цѣлями-же реформы этой было: во 1-хъ стремленіе водворить болѣе правильности и законности въ областномъ управленіи, издавна отличавшемся безпорядочностью и произволомъ, для чего Петръ хотѣлъ и органы мѣстнаго управленія организовать по излюбленному имъ коллегіальному началу, поставя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ подъ строгій надзоръ высшихъ центральныхъ установленій; во 2-хъ — построить мѣстное управленіе на началѣ раздѣленія вѣдомствъ, для осуществленія чего судъ и финансовое управленіе должны были быть выдѣлены изъ вѣдомства администраціи и поставлены вполнѣ самостоятельно; въ 3-хъ — открыть доступъ къ областнымъ правительственнымъ установленіямъ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и, наконецъ, въ 4-хъ — дать особое управленіе городамъ, выдѣливъ ихъ управленіе изъ обще-уѣзднаго и построивъ его на началѣ выборнымъ. Не касаясь пока вопроса объ организаціи этого городского самоуправленія, остановимся сначала на организаціи правительственнаго управленія въ государствѣ.

Эпоха реформъ вызвала крайнее напряженіе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ силъ. При Петрѣ В. сдѣлались особенно часты всякаго рода сношенія центра имперіи съ мѣстными правительственными центрами — губернскими городами, которые должны были во 1-хъ постоянно отвѣчать на всякаго рода запросы изъ центра, а во 2-хъ должны были исполнять всякаго рода порученія и требованія, шедшія отъ центральныхъ учрежденій. Такое усиленное развитіе сношеній между новыми административными единицами и центромъ имперіи не могло прежде всего не отразиться на постановкѣ самой мѣстной правительственной власти. Во главѣ новыхъ административныхъ дѣленій становятся и новые агенты власти, получающіе наименованіе губернаторовъ. Наименованіе это, заимствованное изъ Швеціи, является, впрочемъ, задолго до реформы 1708 г., которою вводилось новое раздѣленіе Россіи на губерніи, а именно — еще въ 1694 г., когда Архангельскій воевода былъ названъ „губернаторомъ“; затѣмъ его наименованіе повторялось для отдѣльныхъ лицъ, стоявшихъ въ главѣ нѣкоторыхъ губерній, явившихся до реформы 1708 г., пока, наконецъ, не сдѣлалось общимъ. Въ лицѣ губернаторовъ создается сильная правительственная власть на мѣстахъ, при чемъ

губернаторъ является лично-отвѣтственнымъ предъ верховною властью и Сенатомъ; съ губернаторомъ постоянно и непосредственно сносится центръ; за всякое нерадѣніе указы грозятъ ему страшными наказаніями. Первые губернаторы (до 1713 г.) „соединяли въ своихъ рукахъ власть военную, административную и судебную“ и хотя около нихъ стояли „товарищи“, но степень власти губернаторовъ была несравненно болѣе власти воеводъ XVII вѣка“, какъ это доказывается авторомъ „Областнаго управленія XVIII вѣка“. Затѣмъ, для обузданія ихъ произвола, по указу 1713 г. создаются около нихъ коллегіи ландратовъ и ландрихтеровъ. По указу 1714 г. мѣстное дворянство должно было избирать отъ 8—12-ти (смотря по городу), такъ наз. ландратовъ[1]), коллегія которыхъ обязана была нетолько вѣдать всѣ дѣла вмѣстѣ съ губернаторами, — по формулѣ Петра, что „правленіе соборное въ государствѣ монаршескомъ“ есть наилучшее, — но и управлять „долями“, на которыя дѣлились уѣзды (впрочемъ, ландраты существовали недолго, а именно съ 1713 г. до 1719 г., когда объ нихъ болѣе не упоминается). По указу же 1713 г. — „дѣло ихъ (ландратовъ) то, что они всѣ дѣла (должны) съ губернаторомъ дѣлать и подписывать, и губернаторъ у нихъ, не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлати“ . . . (ук. 24 апр.), по указу 1715 г. 26 января — надлежало „изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по 2 человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу или по 2 мѣсяца. А при окончаніи года ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ . . . для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ“. Выборы дворянами ландратовъ не осуществились на практикѣ, ландраты обычно назначались Сенатомъ изъ тѣхъ кандидатовъ, которые были представлены губернаторами, а затѣмъ они скоро совсѣмъ исчезли; въ новомъ областномъ устройствѣ 26 мая 1719 г. о ландратахъ нѣтъ и помину[2]). Ихъ замѣнили съ 1722 г. при воеводахъ (въ провинціяхъ) и губернаторахъ (въ городахъ) асессоры изъ отставныхъ офицеровъ и дворянъ, судившіе иски до 20 рублей; иски выше этого судили воеводы съ асессорами. При губернаторахъ, кромѣ того, стояли ландрихтеры — судьи. Въ учрежденіи ландрихтеровъ ясно выступаетъ у насъ первая попытка отдѣленіи суда отъ управленія: губернаторы не судятъ сами, какъ воеводы, хотя судъ стоитъ подъ ихъ наблюденіемъ еще на столько, что

1) „Ландратовъ выбрать въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворяны за ихъ руками“.

2) О ландратахъ подробно см. у М. В. Ключкова „Населеніе Россіи при Петрѣ В.“, (С.-П., 1911 г.) стр. 318 и сл., гдѣ указана и литература о нихъ.

они могутъ пріостанавливать исполненіе судебнаго приговора, въ случаѣ его неправильности, докладывая дѣло высшей судебной инстанціи; впрочемъ, въ случаѣ неосновательной остановки, губернаторы платятъ штрафъ. Судебная власть, принадлежавшая въ губерніяхъ сначала ландрихтерамъ, съ 1719 г. переходитъ къ Надворнымъ судамъ [1]).

Должность губернаторовъ слагается несразу, а рядомъ указовъ, такъ что власть ихъ и значеніе постоянно колебались. Они были первоначально непосредственно подчинены Сенату, а затѣмъ Коллегіямъ, въ Сенатъ-же должны были приносить на нихъ жалобы мѣстные жители. Контроль Сената, въ эпохи его собственнаго важнаго значенія, былъ очень серьезенъ для губерній. Для цѣлей этого к о н т р о л я при Сенатѣ были учреждены, какъ извѣстно, провинціалъ-фискалы; для сношеній — губернскіе комиссары и такъ наз. „губернскій столъ“, куда поступали всѣ донесенія губернаторовъ. Губернаторы были вообще и с п о л н и т е л ь н ы м и органами центральныхъ учрежденій, а въ своихъ городахъ прежде всего военными властями, затѣмъ финансовыми, гдѣ имъ, впрочемъ, принадлежало только главнымъ образомъ наблюденіе за сборомъ доходовъ и составленіемъ общей приходо-расходной вѣдомости по губерніи [2]); дѣятельная-же роль въ сборѣ подушной подати, въ исправленіи населеніемъ рекрутской и прочихъ повинностей принадлежала з е м с к и м ъ к о м и с с а р а м ъ, которые контролировались въ своей дѣятельности такъ наз. к а м е р и р а м и (или „надзирателями сборовъ“), управлявшими, кромѣ того, разными казенными оброчными статьями. Комиссары были лицами в ы б о р н ы м и и з ъ д в о р я н ъ, отдававшими имъ ежегодно отчетъ; камериры-же назначались Камеръ-Коллегіею. Тѣхъ и другихъ губернаторы не могли удалить отъ должности, а доносили о незаконныхъ дѣйствіяхъ камериров Камеръ-Коллегіи; земскихъ-же комиссаровъ предавали суду. Въ утвержденіи этихъ должностей, поставленныхъ тогда довольно-самостоятельно, нельзя не видѣть попытки выдѣленія болѣе рѣзко, чѣмъ было прежде, ф и н а н с о в а г о у п р а в л е н і я отъ чисто-административнаго. — Обширныя обязанности

---

1) Объ этомъ подробно см. въ соч. М. М. Б о г о с л о в с к а г о „Областная реформа Петра В. Провинція 1719—27 гг.“ (М., 1902 г.), стр. 164 и сл.

2) Отъ царствованія Анны дошли до насъ жалобы губернаторовъ на невыносимое положеніе ихъ, какъ ввиду подчиненія ихъ (вмѣстѣ съ воеводами) многимъ мѣстамъ, начиная съ Сената и Коллегій и кончая различными канцеляріями, такъ и вслѣдствіе очень с л о ж н о й отчетности ихъ по всякаго рода сборамъ, производившимся въ губерніяхъ (см. м о ю статью „Положеніе губернатора въ тридцатыхъ годахъ XVIII в.“ — Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому (М., 1909 г.), ч. I, стр. 43 и сл.

возлагаются далѣе на губернаторовъ по вопросамъ полицейскаго характера, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Вопросы о народномъ продовольствіи, призрѣніи бѣдныхъ, медицинская полиція, заботы о торговлѣ, объ имуществѣ гражданъ и даже о ихъ духовномъ развитіи — все это возлагается на губернаторовъ, хотя и ведется ими, въ общемъ, довольно неуспѣшно. Большимъ прогрессомъ надо считать безсрочность назначенія ихъ на должности и особенно — опредѣленіе съ 1715 г. всѣмъ новымъ должностямъ штатнаго жалованья (ук. 28 янв.), причемъ всякое иное вознагражденіе считается лихоимствомъ и наказуется. Только съ этого времени система древняго „кормленія“ вполнѣ исчезаетъ, если не изъ нравовъ, то изъ законодательства. Народу, впрочемъ, едвали становится легче отъ этой новой системы, особенно въ виду того обстоятельства, что въ провинціальное управленіе вводится теперь чуть не цѣлая армія государственныхъ чиновниковъ, сильная громадными правами, данными ей отъ государства, но едва-ли первоначально, по существу, лучшая, чѣмъ прежніе воеводы и дьяки, которые всетаки были въ меньшемъ числѣ, чѣмъ эти представители новыхъ учрежденій, да при томъ и дѣйствовали въ болѣе привычныхъ для народа формахъ и обычаяхъ. По крайней мѣрѣ къ такому выводу, между прочимъ, заставляетъ притти знаменитый именной указъ Екатерины I отъ 24 февраля 1727 г., въ которомъ рѣзко критикуются эти новые „правители и канцеляріи“ и для народнаго облегченія уменьшается ихъ штатъ. Этотъ указъ заслуживаетъ вниманія, и какъ современная учрежденіямъ Петра В. критика реформы, и какъ мѣропріятіе, измѣнявшее во многомъ мѣстное правительственное управленіе Петра В. Пятый пунктъ этого указа гласитъ слѣдующее: „умноженіе правителей и канцелярій во всемъ государствѣ нетокмо служитъ къ великому отягощенію штата, но и къ великой тягости народной: понеже вмѣсто того, чтобъ прежде сего къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ (явный намекъ на воеводское управленіе), нынѣ къ десяти и можетъ быть больше“... Такимъ образомъ это обиліе „властей“ составляло неудобство, особенно бросавшееся въ глаза потому, что — „всѣ тѣ разные управители имѣютъ свои особливыя канцеляріи и канцелярскихъ служителей и особливый свой судъ и каждый по своимъ дѣламъ бѣдный народъ волочитъ, и всѣ тѣ управители и канцелярскіе служители пропитанія своего хотятъ, умалчивая о другихъ непорядкахъ, которые отъ безсовѣстныхъ людей къ вящшей народной тягости ежедневно происходятъ, или и происходить будутъ“. . . Поэтому указъ повелѣваетъ: „всѣ

Надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей и канцеляріи и конторы земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ, вовсе отставить и положить всю расправу и судъ по прежнему на губернаторовъ и воеводъ . . . что(бъ) нашимъ подданнымъ тѣмъ показано быть могло облегченіе, и, вмѣсто-бъ разныхъ и многихъ канцелярій, знали токмо одну канцелярію (воеводскую), а на лишнихъ бы судей и на ихъ подчиненныхъ въ дачѣ жалованья напраснаго убытку не было." Какъ этимъ указомъ, такъ и другими послѣдующими, были сдѣланы измѣненія, сводившіяся, въ общемъ, къ слѣдующему: административная и судебная власть вновь сосредоточиваются въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, „съ товарищами", какъ теперь называются прежніе асессоры; воеводы являются въ городахъ, провинціяхъ и пригородахъ. Надворные суды, Главный Магистратъ, а затѣмъ (въ 1728 г.) и вообще Магистраты уничтожаются; земскіе комиссары становятся подъ вѣдѣніе воеводъ и т. д. Во всемъ этомъ нельзя не видѣть стремленія вернуться къ областному управленію XVII в., но это дѣлается безъ правильной системы, нерѣшительно и только, въ общемъ, увеличиваетъ путаницу въ отношеніяхъ областей къ центру и приводитъ къ прежнимъ злоупотребленіямъ; вслѣдствіе этого, вѣроятно, въ 1730 г. и послѣдовалъ указъ перемѣнять воеводъ черезъ каждые 2 года, послѣ ревизіи ихъ дѣйствій Сенатомъ, но старое зло этимъ исправлено не было.

Учрежденіе о губерніяхъ Екатерины II 1775 г.; его цѣли и организація управленія при Екатеринѣ II.

Всѣ указанныя временныя колебанія въ мѣстномъ управленіи въ концѣ концовъ приводятъ къ новой знаменитой реформѣ — къ т. н. „Учрежденію о губерніяхъ" 7 ноября 1775 г.[1]), Не останавливаясь пока на разборѣ этого „Учрежденія", нельзя не отмѣтить, однако, теперь-же того важнаго факта, что основныя начала мѣстной реформы, обозначившіяся еще при Петрѣ Великомъ, нашли въ Екатерининскомъ „Учрежденіи" свое дальнѣйшее развитіе. Въ этомъ, несомнѣнно, лежитъ историческое оправданіе этихъ началъ. Какъ ни много было правды въ словахъ указа Екатерины I, что „умноженіе правителей и

1) Вопросъ объ источникахъ „Учрежденія о губерніяхъ" затронутъ въ недавнее время въ гл. III изслѣдованія В. А. Григорьева „Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II" (С.-П., 1910 г.), при чемъ авторъ приходитъ къ выводу, что, при составленіи „Учрежденія", у Екатерины была масса матеріала: Петровскіе указы эпохи 1719—1725 гг., депутатскіе наказы и проекты Комиссіи 1767 г., проекты отдѣльныхъ лицъ (напр., проектъ кн. Волконскаго) и иностранное законодательство" (стр. 305). Вопросъ объ источникахъ „Учрежденія" требуетъ, впрочемъ, еще дальнѣйшей разработки.

канцелярій“ дорого обходится казнѣ и служитъ „къ великой тягости народной“, это умноженіе, — поскольку въ немъ выражался принципъ коллегіальности управленія и раздѣленія функцій власти, — когда-нибудь, при правильной постановкѣ дѣла, должно было найти себѣ примѣненіе въ жизни: возвращеніе къ дешевой (для государства — по крайней мѣрѣ) „Съѣзжей избѣ“ Московскаго воеводы, гдѣ послѣдній и правилъ и судилъ, и полицію вѣдалъ и т. д., было, съ развитіемъ государственной и общественной жизни, уже немыслимо. Заслуживаетъ также вниманія и то обстоятельство, что обращеніе къ мѣстнымъ дворянскимъ силамъ, — чему попытки дѣляются уже въ Петровскомъ законодательствѣ о губерніяхъ, хотя, по обстоятельствамъ времени (ввиду постоянной службы дворянства въ центрѣ и т. д.) и не имѣютъ успѣха — въ Екатерининскомъ „Учрежденіи“ крѣпнетъ и развивается въ цѣлую систему должностей, построенныхъ на выборномъ началѣ. Такимъ образомъ Екатерининская мѣстная реформа, въ общемъ, повторяетъ (хотя и болѣе рельефно), тѣже принципы, какіе, въ зачаткахъ, были введены въ областное правленіе еще Петромъ.

По отношенію къ ближайшему своему прошлому — XVII вѣку, Петровская реформа мѣстнаго управленія, несомнѣнно, завершаетъ то, что пытался сдѣлать еще XVII в. Именно прежде всего начала государственныя, заявляющія о себѣ уже въ организаціи воеводскаго управленія, въ управленіи губернаторскомъ получаютъ болѣе широкое развитіе. Такъ во 1-хъ начало кормленія, сильно ограниченное у насъ съ учрежденіемъ воеводской должности, de jure совершенно исчезаетъ въ организаціи областныхъ должностей при Петрѣ В., хотя, конечно, долго живетъ еще въ нравахъ и взглядахъ общества на эти должности. Затѣмъ, какъ извѣстно, воеводамъ на Москвѣ, обычно, приказывалось „вѣдать всякія дѣла“. Но, говоря словами А. Д. Градовскаго, „были такія деликатныя дѣла, къ которымъ правительство не могло, въ виду собственныхъ интересовъ, пустить воеводъ“. Это были прежде всего „дѣла по финансовому управленію“, въ которыхъ воеводы лишь наблюдали „за исправнымъ поступленіемъ всякихъ податей и отбываніемъ всякихъ податей и отбываніемъ всякихъ повинностей“, не завѣдуя ими непосредственно. Послѣднее было предоставлено особымъ земскимъ должностямъ, за которыя отвѣчало общество. Несомнѣнно, что, отдѣляя финансовое управленіе отъ административнаго и ставя первое въ независимое положеніе по отношенію ко 2-му, Петръ Великій лишь заканчивалъ старый процессъ ихъ обособленій другъ отъ друга.

Какъ было указано выше, Петровскія мѣстныя учрежде-

нія испытываютъ послѣ своего творца ломку, которая, однако, производится безъ правильной системы и только увеличиваетъ путаницу отношеній провинціи къ центру. Такъ дѣло идетъ до царствованія императрицы Екатерины II, пока „Учрежденіемъ о губерніяхъ“, изданнымъ 7 ноября 1775 года[1]), не полагается, если и не новыхъ, то болѣе ясно разработанныхъ и послѣдовательно проведенныхъ основъ нашего мѣстнаго управленія. Это знаменитое „Учрежденіе“ просуществовало съ немногими перемѣнами до преобразованій царствованія Александра II, когда его основы явились значительно уже измѣненными (по отношенію къ выборному земскому управленію и мировому суду, совершенно теперь иначе постановленному, чѣмъ были поставлены управленіе и судъ по „Учрежденію“), но оно, однако, продолжаетъ частію жить въ современныхъ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Три основныхъ принципа лежали въ основѣ „Учрежденія о губерніяхъ“ (при чемъ эти принципы явились здѣсь болѣе развитыми, чѣмъ по Петровскимъ законамъ), а именно принципы раздѣленія властей, коллегіальности, выборнаго сословнаго начала въ судѣ и управленіи. Надо вообще признать доказаннымъ, что нѣкоторая часть мыслей, развитыхъ Учрежденіемъ и особенно Жалованной Грамотой дворянству, внушена была Екатеринѣ II (напр., мысль объ участіи дворянства въ мѣстномъ управленіи) тѣми многочисленными заявленіями депутатовъ Комиссіи 1767 г., о которой уже неразъ говорилось. Однако, въ цѣломъ, весь проектъ есть плодъ мысли самой Екатерины II и съ теоретической точки зрѣнія представляетъ собою нѣчто весьма цѣльное и либеральное. Такъ, въ судѣ и управленіи допущено господство выборнаго сословнаго начала; организовано на этомъ же началѣ дворянское и городское управленіе; осуществленъ весьма широко въ мѣстномъ управленіи принципъ децентрализаціи предоставленіемъ большей самостоятельности губернаторамъ, перенесеніемъ Коллегій, подъ видомъ Палатъ, изъ столицы въ губерніи, а равно и участіемъ въ управленіи мѣстныхъ элементовъ. На 1-омъ мѣстѣ вездѣ поставлены „Коллегіи, законъ, благо отечества, естественное право защиты слабаго и угнетеннаго. А между тѣмъ все это дало результаты, сравнительно, маловажные. Оно не образовало ни духа, ни вкуса къ земству, не дало даже ни порядка, ни суда“, какъ замѣтилъ справедливо одинъ изъ изслѣдователей Екатерининскаго „Учрежденія“ (Лохвицкій — „Губернія“ и пр., стр. 205).

1) Такъ, обыкновенно, называется „Учрежденіе для управленія губерній Всероссійскія Имперіи“, созданное Екатериною II.

Причина этого лежала, съ одной стороны, въ томъ, что мѣстныя учрежденія Екатерины II слишкомъ не гармонировали съ общимъ нашимъ тогдашнимъ строемъ — крѣпостнымъ правомъ, съ другой — объяснялась неразвитостью общественной жизни. Затѣмъ единоличная власть губернатора, пересѣкавшая всѣ коллегіальныя и выборныя учрежденія губерніи, слишкомъ подчиняла ихъ себѣ, въ ущербъ развитію въ нихъ духа самоуправленія. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на дѣло сами современники реформы. Одинъ изъ нихъ (Винскій), говоритъ, напр., „что дворянскія собранія по составу были мало образованы, грубы и, по духу рабствованія и невѣжества дворянъ, правители гнули и вертѣли его (дворянство), какъ податливый тальникъ, во всѣхъ смыслахъ"; не лучше были отзывы о реформѣ Болотова, Вигеля и др. Впрочемъ, по отношенію къ развитію корпоративныхъ правъ дворянства, какъ „Учрежденіе о губерніяхъ", такъ и еще болѣе Жалованная Грамота дворянству, имѣли, несомнѣнно, важное значеніе. Слабую сторону новаго губернскаго устройства составляла также и его большая сложность, особенно по отношенію къ цѣлому ряду судебныхъ мѣстъ (по 2 суда на каждое сословіе, кромѣ нѣсколькихъ спеціальныхъ) и т. д.

Сдѣлавъ общій очеркъ значенія Екатерининскаго Учрежденія о губерніяхъ, обращаемся къ тѣмъ мотивамъ, которые подробно изложены во введеніи къ Учрежденію о губерніяхъ и которые довольно вѣрно освѣщаютъ передъ нами вопросъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась реформа мѣстнаго управленія послѣ Петра В. Прежде всего Екатерина II доказываетъ, что, „по великой обширности нѣкоторыхъ губерній, оныя (были) недостаточно снабжены, какъ правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе губерніи, совокуплены и казенные доходы и счеты, обще съ благочиніемъ, или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются; а таковымъ-же неудобствамъ тѣхъ губерній въ провинціяхъ и уѣздахъ правленія неменьше подвержены, ибо въ одной воеводской канцеляріи совокуплены находятся дѣла всякаго рода и званія" (такъ и было, въ дѣйствительности, послѣ Петра В.). Обширность губерній, недостаточность ихъ учрежденій, по составу, и смѣшеніе всѣхъ дѣлъ въ воеводскихъ канцеляріяхъ вызываетъ естественно, медленность, волокиту въ рѣшеніи дѣлъ и всякаго рода недосмотры. Чтобы уничтожить эти основные недостатки, Учрежденіе о губерніяхъ во 1-хъ, увеличиваютъ число губерній, какъ мы знаемъ, до 40, затѣмъ во 2-хъ, снабжаетъ ихъ весьма многочисленнымъ административнымъ персоналомъ. Коснемся этого персонала и

новыхъ губернскихъ учрежденій. Новыя губерніи получили при Екатеринѣ II сначала двоякое названіе — губерніи и намѣстничества. По „Учрежденію“, въ каждой губерніи полагалось 2 начальника: главный — государевъ намѣстникъ, или генералъ-губернаторъ, и его помощникъ — губернаторъ. Но, вслѣдъ затѣмъ, когда Учрежденіе стало приводиться въ дѣйствіе, генералъ-губернаторы, или намѣстники, стали назначаться на нѣсколько губерній и роль ихъ здѣсь являлась чисто-контролирующей, а само слово „намѣстничество“ скоро почти исчезло изъ употребленія. Учрежденіе такъ опредѣляетъ роль генералъ-губернатора въ губерніи: онъ долженъ „строгое и точное взысканіе чинить со всѣхъ ему подчиненныхъ мѣстъ и людей о исполненіи законовъ и опредѣленнаго ихъ званія и должностей, но безъ суда да не накажетъ никого“; онъ „не вмѣшивается въ производство дѣлъ въ судахъ, такъ какъ онъ „есть, яко хозяинъ своей губерніи, а не судья“, почему, замѣчая несправедливое рѣшеніе дѣла, онъ только останавливаетъ его и доноситъ Сенату и императрицѣ; онъ — высшій начальникъ полиціи; онъ, затѣмъ, утверждаетъ въ должностяхъ по выборамъ, наблюдаетъ за точностью и вѣрнымъ поступленіемъ сборовъ; онъ (а впослѣдствіи — губернаторъ) — предсѣдатель въ Губернскомъ Правленіи, которое „есть мѣсто, которое управляетъ, въ силу законовъ, именемъ Императорскаго Величества всею губерніею, обнародываетъ и объявляетъ всюду законы“ и всѣ распоряженія правительственныхъ мѣстъ; ему подчинены всѣ низшія учрежденія губерніи. По отношенію къ генералъ-губернатору, Губернское Правленіе имѣетъ только совѣщательный голосъ, является подчиненнымъ учрежденіемъ, исполняющимъ его приказанія. Если Губернское Правленіе находило послѣднія незаконными, оно дѣлало генералъ- губернатору представленіе и доносило Сенату, а приказъ его должно было все-таки исполнить (на Губернское Правленіе жалобы приносятся также Сенату). Екатерина II затѣмъ очень заботилась о томъ, чтобы обставить должность генералъ-губернатора должнымъ почетомъ: во время пребыванія въ Петербургѣ ему дается мѣсто и голосъ въ Сенатѣ, при обсужденіи дѣлъ его губерніи; на мѣстѣ ему полагается особый конвой изъ 24 всадниковъ, адъютанты и свита изъ дворянъ, по одному отъ уѣзда и т. д. По реформѣ Екатерины II уѣздное управленіе выдѣлено изъ городского и именно начальникомъ уѣзднаго города короною назначается городничій, а дворянами выбираются для уѣздовъ — земскіе капитаны или исправники, причемъ вводится раздѣленіе городовъ на части и кварталы, съ

частными приставами и квартальными. Устройство городского управленія вводится и подробно развивается такъ называемымъ „Уставомъ Благочинія“. Совѣщательнымъ органомъ при городничемъ была Управа Благочинія, при исправникѣ — Земскій судъ, бывшій судебнымъ мѣстомъ только по дѣламъ объ укрывательствѣ бѣглыхъ, а главнымъ образомъ вѣдавшій такъ называемую „полицію безопасности“ и торговую, затѣмъ приводившій въ исполненіе распоряженіе администраціи.

Петровскіе земскіе камериры превращаются въ коллегіальное учрежденіе, — такъ наз. Казенныя Палаты, дѣйствующія и доселѣ. По „Учрежденію“ Екатерины Казенныя Палаты вѣдаютъ дѣла по казенной переписи, по поступленію и расходованію казенныхъ доходовъ и доходныхъ статей, откуповъ, подрядовъ и т. п., по постройкѣ казенныхъ зданій, по ревизіи счетовъ и т. д. Казеннымъ Палатамъ подчинены губернскіе и уѣздные казначеи.

Наконецъ, въ число административныхъ учрежденій губерній введено оригинальное изобрѣтеніе Екатерины II — такъ наз. „Приказы Общественнаго Призрѣнія“. Это были коллегіальныя учрежденія, составленныя, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ членовъ-засѣдателей учрежденныхъ ею высшихъ сословныхъ судовъ — дворянскаго (Верхняго Земскаго Суда), городского (Губернскаго Магистрата) и сельскаго (Верхней Расправы). На эти „Приказы“ возложены очень важныя заботы, а именно: попеченіе о школахъ, установленіе и надзоръ за сиротскими домами, затѣмъ за больницами, работными (или рабочими, „гдѣ каждый неимущій кормится своею работой“) и смирительными домами для непокорныхъ дѣтей, людей „непотребнаго и невоздержнаго житія“, непокорныхъ „рабовъ“. Въ наше время функціи Приказа Общественнаго Призрѣнія вѣдаются во всемъ, — кромѣ всего того, что касается „исправительныхъ“ цѣлей, — земскими выборными учрежденіями; тогда же эти задачи возлагались, за неимѣніемъ земскихъ учрежденій, на указанное бюрократическое учрежденіе. На всѣ эти обширныя задачи дано было каждому Приказу по 15 т. рублей, причемъ дозволено отдавать эти деньги подъ имѣнія за %, откуда и развились при Приказахъ кредитныя установленія, операціи которыхъ дали нѣкоторымъ изъ нихъ (напр., Московскому) возможность довольно широко развить свои благотворительныя задачи.

§ 3.

Городское самоуправленіе.

Законодательство Петра В. о городскомъ самоуправленіи.

Говоря выше о цѣляхъ Петровской реформы мѣстнаго управленія, мы уже отмѣтили, что одною изъ такихъ цѣлей было дать особое управленіе городамъ, построивъ его на выборномъ началѣ. Переходя-же теперь къ краткому очерку этого городского самоуправленія сначала при Петрѣ В., а затѣмъ при Екатеринѣ II, надо сказать, что стремленіе выдѣлить управленіе городами въ особое цѣлое принадлежало еще XVII вѣку, но въ XVII вѣкѣ оно, однако, не получило удоволетворительнаго разрѣшенія. Стремленіе это затѣмъ возродилось при Петрѣ В., когда 30 января 1699 г. былъ данъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ „Бурмистерской Палаты“, а въ городахъ такъ наз. „Земскихъ избъ“.

Обращаясь къ этимъ учрежденіямъ при Петрѣ Великомъ, замѣтимъ, что представляется въ высшей степени интереснымъ, съ точки зрѣнія преемственности идей XVIII в. отъ вѣка XVII, то обстоятельство, что мотивъ учрежденія Бурмистерской Палаты сходенъ съ тѣмъ, который уже былъ высказанъ въ XVII в. (при проектѣ учрежденія „Купецкой Палаты“) Ординъ-Нащокинымъ. Именно, указъ 30 янв. 1699 г. говоритъ, что „всѣ черныхъ сотенъ и слободъ посадскіе и купецкіе и промышленные люди купецкими и всякими расправными (т. е. судебными) дѣлами и Его В. Государя окладными доходами вѣдомы въ разныхъ Приказахъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разоренья, а Его Государя съ нихъ доходы учинились въ доимкѣ“. Такимъ образомъ разоренье горожанъ многими Приказами, съ одной стороны, царскіе недобры пошлинъ — съ другой, приводятъ къ учрежденію на Москвѣ одного общаго учрежденія для горожанъ — Бурмистерской Палаты[1]), а въ городахъ такъ называемыхъ

1) Указъ объ учрежденіи Бурмистерской Палаты такъ опредѣляетъ положеніе послѣдней, кругъ ея вѣдомства, а также и выборы въ члены Палаты: „указалъ Государь . . . гостей и гостинныя сотни и всѣхъ сотенъ и слободъ всего Московскаго Государства посадскихъ и купецкихъ промышленныхъ людей и чернослободцевъ во всякихъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ и купецкихъ дѣлахъ, въ сборахъ Его В. Г. доходовъ, вѣдать бурмистрамъ ихъ, а . . . въ бурмистры выбирать (всѣмъ вышепомянутымъ разрядамъ) людямъ межъ себя погодно, изъ гостей и изъ гостинныхъ сотни и изъ всѣхъ сотенъ и слободъ, добрыхъ и правдивыхъ людей, кого они межъ себя, и по скольку человѣкъ, захотятъ“.

„Земскихъ избъ“, замѣнившихъ собою „Приказныя (Съѣзжія) избы“, т. е. прежнія воеводскія канцеляріи. Московская Бурмистерская Палата — высшая инстанція для всей Россіи, вѣдающая торгово-промышленное сословіе во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ: всѣ сборы, всѣ дѣла этого сословія изъ городовъ поступали въ нее, изъ нея-же шли всѣ указы, касавшіеся этого сословія. Играя для всей Россіи роль центральной инстанціи, Бурмистерская Палата, кромѣ того, для города Москвы была сама въ роли Земской избы, т. е. вѣдала Московское торгово-промышленное населеніе. Составъ Бурмистрской Палаты (впослѣдствіи Ратуши) и Земскихъ избъ — выборный; по указу 1699 г. въ нихъ надлежитъ „мірскимъ выборнымъ людямъ вѣдать всякихъ чиновъ торговыхъ и промышленныхъ людей, во всякихъ мірскихъ расправныхъ и челобитныхъ дѣлѣхъ въ сборѣхъ“. Эти выборные получили названіе бурмистровъ, названіе, заимствованное изъ городового устройства Остзейскаго края. Главное назначеніе ихъ тоже, какое имѣли всѣ подобныя должности на Москвѣ: бездоимочное, подъ личной отвѣтственностью, взиманіе податей и повинностей. Какъ справедливо замѣтилъ изслѣдователь русскихъ городовъ XVIII в. проф. Дитятинъ — устраняя отъ завѣдыванія посадскими людьми воеводу съ его „Приказною избою“, преобразователь „не замѣнялъ устраняемое чѣмъ-либо новымъ по существу: Земскія избы — учрежденіе отличное отъ прежняго лишь по формѣ, по составу: онѣ — тѣже Приказныя избы, лишь выборныя“. Тѣ и другія „одинако чужды интересовъ мѣстныхъ общинъ, одинаково мало сознаютъ онѣ и интересы государства“. Цѣль, съ коею онѣ устраивались, нетолько не была достигнута этими новыми учрежденіями, но, явившись на свѣтъ „не ради охраненія интересовъ общинъ, развитія и удовлетворенія ихъ потребностей и нуждъ, они легли на эти общины лишь новымъ очень тяжелымъ бременемъ“. Какъ видно изъ указа 30 янв. 1699 г., главная цѣль, которую преслѣдовалъ Петръ при организаціи этихъ учрежденій, несомнѣнно, лежала въ желаніи устранить недоборы въ царской казнѣ, что плохо достигалось правительственными агентами. Никакихъ особыхъ правъ не было дано этимъ выборнымъ съ новыми именами, какъ не было ихъ дано и самимъ разрядамъ городского торгово-промышленнаго сословія, которое теперь вѣдалось въ одномъ учрежденіи. Бурмистерская Палата, а позднѣе Ратуша, и Земскія избы не принесли поэтому съ собою ничего, кромѣ лишней тяготы этому сословію, плохо дѣйствуя въ смыслѣ его внутренняго объединенія и развитія. Поэтому въ реформѣ скоро наступаетъ періодъ колебаній, и въ первые годы новаго столѣтія мы видимъ возвращеніе къ прежнему

началу, такъ какъ Приказамъ передаются многія дѣла изъ Ратуши и Зем. избъ, а сама Московская Ратуша теряетъ значеніе обще-русской торговой центральной инстанціи и наравнѣ съ Земскими избами является мѣстнымъ учрежденіемъ. Такъ дѣло идетъ до изданія Регламента Коммерцъ-Коллегіи 3 марта 1719 года и особенно Регламента Главному Магистрату 16 янв. 1721 г. Этими актами городское населеніе нетолько вновь рѣзко обособляется отъ сельскаго, но и получаетъ общую организацію для всей имперіи, цѣль которой не собирать лишь пошлины, но и споспѣшествовать развитію въ городахъ торговли и заботиться о нуждахъ купечества. Такъ, по Регламенту Коммерцъ-Коллегіи, „Коммерцъ-Коллегіи подлежитъ все, что купечество споспѣшествовать и въ доброе состояніе привести можетъ“. По Регламенту Гл. Магистрату надлежитъ послѣднему — „Россійское купечество, яко разсыпанную храмину, паки собрать“. Магистраты устраиваются у насъ по образцу нѣмецкихъ, а именно „на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламентовъ“, какъ гласитъ указъ 1718 г. 11 іюля, данный въ отвѣтъ на „меморіалъ“ Фика, предложившаго устроить у насъ Магистраты. Главный Магистратъ въ Петербургѣ былъ открытъ въ 1720 г.; нѣсколько лѣтъ спустя были открыты Магистраты въ другихъ городахъ и подчинены Главному. Составъ выборныхъ членовъ Магистрата опредѣлялся числомъ жителей города и въ этомъ отношеніи всѣ города были раздѣлены на 5 разрядовъ: въ перворазрядномъ городѣ должно было быть не менѣе 2000 дворовъ, а во 2-мъ — 1500, въ 3-мъ — 500, въ 4-мъ — 250, въ 5-мъ — всѣ остальные. Магистраты 1-го разряда состояли изъ 4-хъ бурмистровъ и одного президента; въ послѣднемъ разрядѣ всѣхъ ихъ замѣнялъ единоличный бурмистръ. Члены Магистратовъ выбирались изъ гостей, гостинной и суконной сотни, а затѣмъ утверждались правительствомъ (президентъ и оберъ-президентъ Главнаго Магистрата назначаются правительствомъ). Обязанности Магистратовъ по преимуществу финансоваго характера: наблюденіе за развитіемъ торговли и промысловъ, учрежденіемъ биржъ, а также — раскладка и сборъ государственныхъ пошлинъ и т. д. Затѣмъ Магистраты были судебно-полицейскими учрежденіями, вѣдавшими нетолько судъ надъ горожанами, но и т. н. полицію благоустройства и благочинія города. Таково было городское самоуправленіе, при Петрѣ В. Перейдемъ теперь къ организаціи его при Екатеринѣ II.

Время отъ Петра В. и до Екатерины II было переходнымъ въ исторіи городовъ. Екатерина I подчинила Магистратъ воеводамъ „для лучшаго охраненія посадскихъ“, какъ говорилъ ея указъ отъ 1727 г. При Елисаветѣ Петровнѣ магистратское

управленіе городовъ возстановляется de jure, но на практикѣ пріобрѣтаетъ еще яснѣе, чемъ прежде, характеръ тяготы для торгово-промышленнаго сословія, особенно въ виду того обстоятельства, что купечество продолжаетъ назначаться (что отмѣнилъ Петръ В. указомъ 11-го апрѣля 1722 г.) „къ кабацкимъ, соляным и таможеннымъ службамъ“. Городское населеніе постоянно жаловалось на эти службы, равно какъ и на несеніе выборными должностей бурмистровъ и др. Единственнымъ правомъ Магистратовъ, между множествомъ обязанностей, было лишь право раскладки окладныхъ податей и повинностей. Общее заключеніе, къ которому надо притти, обозрѣвая полувѣковой опытъ переустройства городовъ въ I-ой половинѣ XVIII в., будетъ то, что города наши, и въ экономическомъ, и въ административномъ отношеніи ко времени царствованія Екатерины II, когда они вновь подвергались реформѣ, представляли собой очень печальную картину. Реформы Петра В., либо не успѣли привиться, либо разбились о суровую русскую дѣйствительности того времени, а именно — бѣдность страны, ея земледѣльческій характеръ, недававшій возможности развиться городу, наконецъ, огромность матеріальныхъ затратъ на чисто-государственныя потребности, благодаря чему вопросъ о самоуправленіи часто сводился de facto, по преимуществу, на вопросъ о бездоимочномъ полученіи казною разныхъ сборовъ и пошлинъ.

Городское самоуправленіе по законодательству Екатерины II.

Въ царствованіе Екатерины II, съ 21-го апрѣля 1785 г., наступаетъ для нашего городского самоуправленія новая эра, такъ какъ „Жалованная Грамота на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“ или, какъ иногда ее называютъ — Городовое Положеніе 1785 г. — въ этотъ день создаетъ новое устройство городовъ. По Жалованной Грамотѣ всѣ разряды обывателей составляютъ изъ себя градское общество, юридическое лицо, обладающее собственностью общественными капиталами и доходами съ имуществъ и добровольныхъ взносовъ. По „Грамотѣ“ городское общество составляетъ изъ себя „городское собраніе“, которое образуютъ всѣ городское обыватели, достигшіе 25 лѣтняго возраста и обладающіе доходомъ съ капитала не менѣе 50 руб. асс. Здѣсь выбирается городской голова, члены сословно-судебныхъ учрежденій и др. Органами управленій „градского общества“ были — Общая[1]) и Шестигласная Городскія Думы.

1) Общая Дума состоитъ, по Жалованной Грамотѣ, изъ городского головы, гласныхъ „отъ настоящихъ городскихъ обывателей“, отъ гильдій, отъ цеховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей,

Первая собирается черезъ три года, послѣдняя, дѣйствующая постоянно, ведетъ текущія градскія дѣла. Общая Городская Дума выбираетъ „изъ своихъ гласныхъ“ членовъ Шестигласной Гор. Думы, затѣмъ вѣдаетъ „важныя и трудныя дѣла“, которыя передаются ей, по ст. 175 Грамоты, Шестигласной Думой; она состоитъ изъ городского головы и гласныхъ. Члены Общей Г. Думы — гласные — избираются отъ каждой изъ 6 группъ городскихъ обывателей, посылающихъ въ нее по нѣсколько человѣкъ. Лица каждой группы посылаютъ только отъ себя, причемъ нѣкоторыя изъ группъ избираютъ своихъ гласныхъ не въ полномъ своемъ составѣ, а распадаясь на части. Такъ, „настоящіе городскіе обыватели“ и „посадскіе“ распадаются при выборахъ на столько собраній, сколько полицейскихъ частей въ городѣ; купцы, наоборотъ, посылаютъ гласнаго отъ каждой гильдіи, посадскіе — отъ каждаго цеха. Число представителей не стоитъ въ связи ни съ числомъ населенія, ни съ количественнымъ отношеніемъ разныхъ разрядовъ другъ къ другу. Въ системѣ выборовъ поражаетъ современнаго изслѣдователя стремленіе Грамоты раздѣлить городское общество на мелкія сословныя группы, внести въ него какъ бы сословную рознь. Исключеніе составляютъ должности городского головы и членовъ городскихъ судовъ: въ эти должности избираютъ не по сословіямъ, а въ цѣломъ составѣ городского собранія. Сословный принципъ проявляетъ себя, однако, вновь въ томъ, что выбирать въ эти должности, по смыслу Грамоты, можно было только изъ торгово-промышленнаго класса. Шестигласная Дума состоитъ изъ представителей каждаго разряда городскихъ обывателей, выбранныхъ Общею Думою изъ своей среды, подъ предсѣдательствомъ городского головы: она собирается по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю для веденія всѣхъ текущихъ дѣлъ ея вѣдомства. Интересно, что Грамота указываетъ, гдѣ кто долженъ сидѣть въ Городской Шестигласной Думѣ [1]). Вѣдомство этой Думы гораздо уже вѣдомства Петровскихъ Ратушъ и З. Избъ: такъ, дѣла благочинія отходятъ въ полицію; судеб-

---

отъ именитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Каждое изъ сихъ раздѣленій имѣетъ одинъ голосъ въ обществѣ городскомъ“ (157 ст.). Этотъ „голосъ“ составляется черезъ выборы каждые 3 года одного гласнаго (158—162 ст.).

1) „Въ Городской Думѣ сидитъ городской голова на стулѣ въ серединѣ; противъ г. головы сидятъ на лавкѣ направо голосъ (т. е. гласный) цеховыхъ, налѣво — голосъ посадскихъ; возлѣ г. головы въ правомъ заворотѣ на лавкѣ — голосъ настоящихъ городскихъ обывателей и голосъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, возлѣ г. головы, въ лѣвомъ заворотѣ на лавкѣ-же, голосъ именитыхъ гражданъ и голосъ гильдейскій.

ныя учрежденія города — къ Магистратамъ, сборъ государственныхъ доходовъ также не ея дѣло, которое, по Грамотѣ, опредѣляется, какъ „вѣдѣніе городского хозяйства“ и всего того, что служитъ „къ пользѣ и нуждѣ города“. Поэтому Шестигласная Дума должна стараться о приращеніи городскихъ доходовъ, должна поощрять торговлю и промыслы и т. д. О всѣхъ доходахъ и расходахъ она представляетъ вѣдомость губернатору, а свои отчеты отсылаетъ въ Казенную Палату. Вообще контроль правительства, по Грамотѣ, былъ очень широкъ и городскія учрежденія 1785 г., въ сущности, имѣли очень малую самостоятельность, такъ что надо признать вѣрнымъ выводъ проф. Сергѣевича, что въ это время „за Думами оставалась собственно выдача денегъ на нужды города, самое же опредѣленіе этихъ нуждъ и удовлетвореніе имъ было предоставлено другимъ органамъ“. Но, какъ бы ни были малы практическіе результаты реформы для развитія нашего городского самоуправленія, заслугою законодательницы остается укрѣпленіе и развитіе понятія о городскомъ обществѣ, какъ объ особомъ цѣльномъ организмѣ[1]), снабженіе этого организма особыми городскими учрежденіями, изъ коихъ преемственно могло вырости и позднѣйшее Городовое Положеніе 1870 г. Замѣтимъ еще, для полноты, слѣдующее. Сравнивая городовое устройство по-Регламенту Коммерцъ-Коллегіи, съ Городовымъ Положеніемъ Екатерины II, А. Д. Градовскій справедливо находитъ, что по идеѣ своей первое выше второго: „оставимъ въ сторонѣ его сословный характеръ, заимствованный отъ Риги и Ревеля, съ ихъ гильдіями и пожизненными магистратами. Сословный характеръ учрежденія былъ въ духѣ времени. Но Регламентъ имѣлъ въ виду сдѣлать изъ Магистрата „главу и начальство всему гражданству“, со всѣми признаками истинной городской власти. Ему принадлежала власть судебная, хозяйственная, финансовая и полицейская. Притомъ Магистратъ являлся единственнымъ правительствомъ города. Губернаторамъ и воеводамъ запрещено вступаться въ городское управленіе, подчиненное только Главному Магистрату. Не

1) Въ „Грамотѣ“ Екатерины II цѣлый отдѣлъ, носящій наименованіе „о городскихъ обывателяхъ“, трактуетъ „объ установленіи общества градскаго и о выгодахъ“ его (т. е. о привиллегіяхъ). Городскіе обыватели, какъ уже указывалось, получаютъ право „составить общество градское“, „собираться въ томъ городѣ“ для выборовъ и пр., представлять „губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и интересахъ“, имѣть „домъ для собранія общества“, составлять свою „особливую казну добровольными складками“, имѣть своего „стряпчаго“ и т. д. (ст. 29 и сл.).

смотря на это, или можетъ быть, именно поэтому, городскія установленія пережили только на нѣсколько лѣтъ смерть своего основателя". По законодательству-же Екатерины II, компетенція городскихъ учрежденій была съужена. Вообще-же городское самоуправленіе въ тѣхъ широкихъ рамкахъ, какія были ему даны великимъ преобразователемъ, не выдержало испытанія времени. Неудивительно поэтому, что городскія учрежденія, какъ „единственное правительство" города, не привились у насъ и Екатерина II (не говоримъ уже о времени отъ смерти Петра В. до Екатерины II, какъ переходной эпохѣ въ исторіи нашихъ городовъ) въ своей Жалованной Грамотѣ городамъ 1785 г. нетолько не держится мысли Петра В. объ этомъ „единомъ правительствѣ", но при ней, какъ это доказывается И. И. Дитятинымъ, „городское управленіе раздвоено", причемъ дѣла, касающіяся полиціи, предоставлены были городничимъ и полицеймейстерамъ, назначаемымъ отъ правительства, при содѣйствіи Управъ Благочинія, образуемыхъ изъ лицъ особо выбранныхъ отъ городскихъ обществъ". Надо также отмѣтить, что Городской Думѣ запрещалось „мѣшаться въ дѣла судныя (т. е. судебныя) того города, ибо оныя, по учрежденіямъ, принадлежатъ Магистратамъ или Ратушамъ" [1]).

1) Вопросы о проектахъ „Жалованной Грамоты" городамъ (или „Городового Положенія"), объ источникахъ, изъ коихъ она заимствована, и о примѣненіи ея на практикѣ въ царствованіе Екатерины II, въ недавнее время подробно изслѣдованы А. А. Кизеветтеромъ на основаніи архивныхъ данныхъ („Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г. Опытъ историческаго комментарія". М., 1909 г.). Очертивши проекты Г. Положенія съ точки зрѣнія плана, стиля и выработки юридическихъ нормъ, авторъ изучаетъ вопросъ объ источникахъ Г. Положенія, причемъ приходитъ къ тому выводу, что весьма большую роль при составленіи Г. Положенія съиграли иноземные источники, а именно остзейскія постановленія, касающіяся управленія городовъ (особенно — т. н. „экстракты изъ законовъ лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ", составленныя для Б. Комиссіи 1767 г.), затѣмъ памятники магдебургскаго права, дѣйствовавшаго въ городахъ тогдашней Малороссіи, и нѣкоторые другіе; изъ русскихъ источниковъ наибольшее вліяніе оказала на Г. Положеніе Жалованная Грамота дворянству. Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ составъ и дѣятельность „градскаго общества", Общей и Шестигласной Думы, взаимныя ихъ отношенія, а равно и отношеніе къ мѣстнымъ правительственнымъ органамъ. — Исторія дѣятельности на практикѣ городскихъ самоуправляющихся учрежденій Петербурга дается въ очеркѣ И. И. Дитятина „Столѣтіе С.-Петербургскаго Городского Общества 1785—1885 гг." (С.-П., 1885 г.). Изображенію роли и значенія Московскаго торговаго класса и его самоуправленія будетъ посвящено начатое печатаніемъ въ 1913 г. обширное изданіе (въ шести томахъ) — „Исторія Московскаго Купеческаго Общества" (съ 1785 г.); вышелъ пока I выпускъ V тома.

БИБЛИОТЕК

Оглавленіе.

Исторія русскаго права.

Стр.

Общее введеніе 3

ЧАСТЬ I.

Источники права. Государственное право.

Отдѣлъ I.

Источники права.

Глава I. Обычное право 17
Глава II. Договоры.
I. Договоры русскихъ съ греками 39
II. Доловоры русскихъ съ нѣмцами 55
Глава III. Церковные уставы 67
Глава IV. Византійское право 78
Глава V. Русская Правда 86
Глава VI. Вѣчевыя грамоты.
I. Псковская судная грамота 114
II. Новгородская судная грамота 127

Отдѣлъ II.

Государственное право.

I.

Государственное устройство.

Введеніе 132
Глава I. Территорія 145
Глава II. Верховная власть.
§ 1. Понятіе о верховной власти 145
§ 2. Вѣче 157
§ 3. Князь 170
§ 4. Княжеская Дума 194
Глава III. Населеніе.
§ 1. Свободное населеніе 201
§ 2. Несвободное населеніе 220

II.

Государственное управленіе.

Стр.

Глава I. Административное дѣленіе княжествъ . . . 229
Глава II. Органы и предметы управленія 237

ПЕРІОДЪ II.

Отдѣлъ I.

Источники права.

Глава I. Грамоты Московскаго государства 247
Глава II. Судебникъ 1497 г. 271
Глава III. Судебникъ 1550 г. 278
Глава IV. Стоглавъ 287
Глава V. Указныя книги Приказовъ. Судебникъ 1589 г. 295
Глава VI. Соборное Уложеніе. Новоуказныя статьи . . 303

Отдѣлъ II.

Государственное право.

I.

Государственное устройство.

Введеніе 343
Глава I. Территорія 353
Глава II. Верховная власть.
§ 1. Характеристика власти Московскихъ государей 360
§ 2. Порядокъ престолонаслѣдія на Москвѣ . 371
§ 3. Боярская Дума 382
§ 4. Земскіе Соборы 398
Глава III. Населеніе.
§ 1. Служилые люди Московскаго государства 432
§ 2. Городское населеніе 453
§ 3. Сельское крестьянское населеніе.
1. Крестьяне черныхъ волостей . . . 461
2. Крестьяне владѣльческіе 470
§ 4. Несвободное населеніе 486

II.

Государственное управленіе.

Глава I. Центральное управленіе (Приказы) . . . 497
Глава II. Мѣстное или областное управленіе.
§ 1. Административное дѣленіе Московскаго государства 511
§ 2. Мѣстное приказное управленіе 515
§ 3. Органы выборнаго управленія 524

ПЕРІОДЪ III.

Отдѣлъ I.

Источники права.

Стр.

Введеніе 529

Глава I. Обзоръ важнѣйшихъ памятниковъ права періода имперіи (до Свода Законовъ) 536

Глава II. О кодификаціи русскаго права въ періодъ имперіи.

§ 1. Кодификаціонныя комиссіи въ XVIII в. . 561

§ 2. Кодификаціонныя работы при Александрѣ I 576

§ 3. Кодификація русскаго права при Николаѣ I 583

Отдѣлъ II.

Государственное право.

I.

Государственное устройство.

Глава I. Территорія 596

Глава II. Верховная власть.

§ 1. Верховная власть государей въ періодъ имперіи 602

§ 2. Попытки и планы ограниченія самодержавія въ періодъ имперіи (до воцаренія Николая I) 610

§ 3. Участіе выборныхъ въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII в. 626

§ 4. Порядокъ преемства престола въ періодъ имперіи 636

§ 5. Правительствующій Сенатъ 649

§ 6. Совѣты при особѣ государя 698

§ 7. Святѣйшій Правительствующій Синодъ . 711

Глава III. Населеніе.

§ 1. Шляхетство или дворянство 721

§ 2. Среднее городское сословіе 738

§ 3. Сельское населеніе 746

Отдѣлъ II.

Государственное управленіе.

Глава I. Центральное управленіе 787

Глава II. Мѣстное управленіе.

§ 1. Административное дѣленіе имперіи . . 798

§ 2. Правительственное управленіе 803

§ 3. Городское самоуправленіе 814

Важнѣйшія замѣченныя опечатки:

Страница:	Строка:	Напечатано:	Слѣдуетъ:
18	3 и 4, снизу, примѣчаніе 1.	или феодальной, отъ Руси удѣльной,	отъ Руси удѣльной, или феодальной,
20	1, снизу, прим. 1.	III. изданіа,	III изданіе
367	2, снизу, прим.	„съ 7 февраля (1713 г.)	„съ 7 февраля (1613 г.)
467	2, снизу, прим.	М. В. Богословскаго	М. М. Богословскаго
475	9 сверху	писатъ	писать
492	15 снизу	описать	писать
—	16 „	Законы	законы
543	13 снизу, прим.	практикѣ	практики
605	20 „ „	De jur	De jure
616	11 „ „	пержняго	прежняго
695	3 сверху, прим.	властно учрежденіе	властнаго учрежденія
725	3 „ „	дворянстсу	дворянству
—	14 сверху, прим.	на высочайшое	на высочайшее
742	1 снизу, прим.	безъ нятна	безъ пятна
271	16 сверху	особности	особенности